

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2023. 18(1)
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель и издатель –
Cherkas Global University, США

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Адрес для писем:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (США)
E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Сайт журнала: <https://bg.cherkasgu.press>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редакционный совет:

- С. И. ДЕГТЯРЕВ (г. Сумы, Украина)
гл. редактор – д-р ист. наук
- Д. ДАРОВЕЦ (г. Венеция, Италия)
- П. ДЖОЗЕФСОН (г. Вотервиль, США)
- Е. Ф. КРИНКО (г. Ростов-на-Дону, Россия)
- Р. МАРВИК (г. Ньюкасл, Австралия)
- Р. В. МЕТРЕВЕЛИ (г. Тбилиси, Грузия)
- Б. Н. МИРОНОВ (г. Санкт-Петербург, Россия)
- Дж. САНБОРН (Пенсильвания, США)
- В. САНДЕРЛЭНД (г. Цинциннати, США)
- С. Г. СУЛЯК (г. Тирасполь, Молдавия)
- Г. ЧЖАН (г. Чанчунь, Китай)
- Ф. Б. ШЕНК (г. Базель, Швейцария)
- М. ШМИГЕЛЬ (г. Банска Быстрица, Словакия)

Подписано в печать 01.03.2023 г.

Заказ № 73.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Виды Российской империи. Рига»

BYLYE GODY. 2023. 18(1)
HISTORICAL JOURNAL

Publisher –
Cherkas Global University, USA

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Postal Address:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (USA)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Website: <https://bg.cherkasgu.press>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Editor in Chief – Dr. (History)

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

Approved for printing 3/01/2023

Order № 73.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:
Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo “Views of the Russian Empire. Riga”

CONTENTS

ARTICLES

The Legal Regime of the Institution of Pledge in the Pskov Court Charter E.A. Sviridova, N.I. Besedkina, R.V. Mamedov	5
Defense of Putivl in the Spring of 1613 S.I. Degtyarev, E.M. Osadchij	14
From the Medieval Kingdom to the Empire of Modern Times: Models of the State Structure in Russia of the XVII – beginning of the XVIII centuries in Russian Historical Thought L.V. Mininkova	26
The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII-XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia O.A. Plotskaya, V.I. Elinsky, R.S. Dzhindzholiya, R.V. Fedorov	37
Women's Religious Activity in the North Caucasus in the Russian Empire S.V. Sirazhudinova, Yu.M. Huseynov	46
Transfer of French Publications as a Factor in the Development of Russian Book Culture in the second half of the XVIII century R.M. Zhitin, A.G. Topilsky	56
Ivan Polzunov and Grigory Choros-Gurkin as Significant Figures for the Image of the Region in the History of Altai Yu.G. Chernyshov, A.D. Derendyaeva, S.N. Isakova, P.V. Ulyanov	64
The Crisis of Khan Power in the Junior Horde of the Kazakhs (second half of the XVIIIth – first quarter of the XIXth centuries) G.B. Izbassarova, A.T. Maden, S.O. Smagulova	76
The Organization of Quarantines on the Border of the Russian Empire in the XVIII century as a Preventive Measure against Carrying “Pestilence” T.S. Sorokina, A.V. Morozov, N.V. Shishkina	88
District (Povitovi) Marshals of Volyn Governorate (1797–1831): Arrangement, Staffing and Activities A.E. Lebid, A. Shevchuk	100
The Attitude of the Russian Intelligentsia to Values and Lifestyles of the Western European Society in the 19 th century A.G. Gryaznukhin, T.V. Gryaznukhina, A.P. Dvoretzkaya, A.S. Zhulaeva	115
The Issues of the Origin of the Cossacks in the Don Historiography of the XIX – early XX centuries E.V. Krinko	125
I.E. Zabelin as an Archaeologist-Practitioner: Look a Century Later Yu.G. Kokorina, M.M. Vagabov, A.A. Akimova	137
Quartering of the Disabled Team in Krasnoyarsk in the 1820s: Microhistorical Analysis A.S. Kovalev, N.R. Novosel'tsev, D.V. Rakhinsky, N.N. Ravochkin	149
To the Issue of the Formation of the Hotel Industry of the Crimea in the XIX – early XX centuries E.A. Polishchuk, I.G. Pavlenko	159

Deviations in Reproductive Behaviour of Russian Peasant Women in the Middle Ural (19th – early 20th centuries) E.S. Lakhtionova, I.G. Polyakova	167
“Escapes of Russian Ideas”: the Main Stages in the Formation of a Pro-Russian Public in the North-Western Territory in the first half of the 19th century O.O. Zavyalova	176
The Service of the Distance Chief Asfendiyar Syugalin in the Context of the Policy of the Russian Empire Zh. Dyusembek, R.S. Myrzabekova, A.I. Kudaibergenova	188
Social and Lifestyle Aspects of the Construction of the Railway in Siberia in the late XIX – early XX centuries E.A. Akhtamov, D.N. Gergilev, A.A. Gruzdev, T.V. Izluchenko	199
Central Asian Slave-Ownning Society (the first half of the XIX century): to the Issue of Crime and Punishment of Slaves I.A. Ermachkov, E.K. Mineeva, O.A. Efimova, L.A. Koroleva	208
Book Maps of Russian Authors of the XIX – early XX centuries as a Source on the Visual History of Kazakhstan: Catalog G.N. Ksenzhhik, E.T. Karin	216
Personal and Political Biography of G. Valikhanov in the Imperial Context of the Russian Colonization of the XIXth – early XXth centuries Zh.B. Nurkina, M.K. Churkin, Ye.A. Abil, M.Z. Utegenov	230
Education of Kazakh Students at Kazan University in the late 19th – early 20th centuries G. Nurusheva, A. Aitmukhambetov, S. Simonov	239
To the Issue of the Periodical Press of the Kiev School District in 1857–1917 A.M. Mamadaliev, V.S. Nikitina, N.V. Svechnikova, I.Yu. Cherkasova	251
Professor of the Kiev Theological Academy A. I. Bulgakov as a Researcher of the Religious Life of Victorian England M.S. Stetkevich, T.V. Chumakova, E.S. Stetkevich	258
Conditions and Prerequisites for the Abolition of Serfdom in the Russian Empire A.V. Gurko, R.M. Zhironov, K.D. Savitskaya	268
Characteristics and Main Stages of the Formation of the Bar in the Russian Empire in the Period from 1864 to 1917 I.S. Denisov, R.M. Allalyev, K.K. Atabekov, I.N. Kuksin	276
The Relationship of the Sexes in Traditional Kazakh Society and their Reflection in Family Rituals at the end of the XIX century A.T. Abdulina, M.T. Moryakova, D.T. Nogaibayeva, P.N. Nuskabai	284
Military Researchers of the Don Host in Pre-Revolutionary Period: Stating the Problem A.Yu. Peretyatko	295
Russian-Turkish War (1877–1878) on the Pages of the Newspaper “Kurskie Eparkhial'nye Vedomosti” G. Rajović, S.N. Bratanovskii, A.E. Epifanov, S.A. Buryanov	311
In the Focus of the Epochs: To the History of Visual Representation of the Life of Kazakhs of the Steppe region and Russian Turkestan (the turn of the 19th and 20th centuries) G.K. Mukanova, D.B. Kassymova	320
The Impact of Handicraft Exhibitions on the Commercial Activity of Peasants at the End of the 19th – the beginning of the 20th century (based on the Materials of the Tambov Province) G.S. Makhachev, Y.V. Makhacheva, T.V. Makhacheva	330

Changes, Development and Features of Agriculture in the Syrdarya Region of Turkestan Krai (second half of the XIX – early XX centuries): After Joining the Russian Empire B.K. Isabek, L.S. Dinasheva, G.B. Kozgambayeva, A.D. Sandybayeva	344
Was the Bukhara Epidemic the Onset of the 1889–1890 “Russian Flu” Pandemic? (Socio-Demographic Study) S.V. Ryazantsev, A.V. Smirnov	353
The Trade Relations of Russia with the States of the Eastern Balkans in the late XIX – early XX centuries (1898–1912) and the Problem of Borrowing the Experience of Austria-Hungary in the Reports of Russian Diplomats I.V. Kryuchkov, A.A. Melkonyan	367
“Industry and Technology: Encyclopedia of Industrial Knowledge” (1901–1904) as a Source of the Russian History of Science and Technology N.P. Koptseva, A.A. Shpak, Yu.N. Menzhurenko, K.A. Degtyarenko	378
Scientific and Technological Progress of the early XX century in the Periodicals of the Russian Empire (Journal “Zodchij”, 1902) Ju.S. Zamaraeva, N.N. Serechkina, D.S. Pchelkina, N.N. Pimenova	390
To the Issue of the Effectiveness of Cruisers in the Russian-Japanese War in 1904–1905 O.E. Chuikov, N.A. Mashkin, V.V. Bogdan, N.V. Miku	402
Scientific and Technological Progress in Cinematography and Photography on the Basis of Russian Periodicals in 1907–1917 A.A. Sitnikova, N.M. Leshchinskaia, E.A. Sertakova, M.A. Kolesnik	420
Strengthening the States of Urban and County Police in the Provinces of Siberia (1908–1916) A.B. Khramtsov	431
Barges and Praams of the Baltic Fleet in World War I and the Civil War N.W. Mitiukov, I.Yu. Cherkasova	438
Images of the Heroes of the First World War in the Minds of Contemporaries and Descendants S.I. Belov	452
Caucasian Educational District in the last years of the Imperial Period (1914–1917): Some Results of the Pre-Revolutionary Education System A.A. Cherkasov	465
“Weekdays of the War” in the Sources on the Social History of the First World War (on the Example of the Primorsky Region) T.A. Magsumov, T.E. Zulfugarzade, M.B. Kolotkov, S.B. Zinkovskii	475
Demographic Structure of the Households of the Stolypin Reforms Settlers in the Altai Okrug: Gender and Age Composition (on the Materials of the 1917 All-Russian Agricultural Census) V.N. Razgon, D.N. Belyanin, A.V. Razgon	485
Images of the Future of Russia in the Narrative of the Largest Liberal Parties of the early 20th century P.S. Seleznev, N.A. Ponomarev, V.V. Titov, S.P. Mitrahovich	494
The Nature of the Development of the Cities of Semirechensk and Syrdarya Regions of Turkestan: Comparative Analysis (early XX century) Zh.A. Tashtanov, G.D. Sugirbaeva, A.M. Nurzhanova, U.D. Sandykbaeva	503

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(1): 5-13
DOI: 10.13187/bg.2023.1.5

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

The Legal Regime of the Institution of Pledge in the Pskov Court Charter

Ekaterina A. Sviridova ^{a, *}, Natalya I. Besedkina ^a, Ruslan V. Mamedov ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article discusses the features of the development of legal regulation of the institution of pledge in the Pskov Court Charter of 1467. Considerable attention is paid to the analysis of archival and historical-legal documents, as well as to the study of birch bark letters and parchments containing IOUS, lists of debtors, acts of mortgage transactions. An additional source of research was collections of legal monuments of medieval Russia, which allowed us to come to the conclusion about the significant development of collateral legal relations in the last century of independence of the Pskov Republic. The article analyzes the functions of the pledge, examines the institution of change of persons in the pledge obligation, the specifics of the implementation of the pledge object, the grounds for the emergence of collateral legal relations. The purpose of this study is to conduct a historical and legal analysis of the evolution of the institution of the pledge of Old Russian civil law contained in the Pskov Court Charter. It is concluded that it is possible to consider the Pskov Judicial Charter as a codified act of legislation that laid the foundations of individual institutions of pledge law. It is proved that the Pskov Judicial Charter fixes the security and evidentiary functions of the pledge. The authors formulate a conclusion that there are two grounds for the occurrence of a pledge in the Pskov Court Certificate: on the basis of a contract and by virtue of the law. Based on the analysis of the Pskov and Novgorod charters, it is concluded that the institute of pledge of property law existed during the period of validity of the Pskov Court Charter. The interpretation of the subject of pledge in the Pskov Court Charter is proposed to be extended, including not only objects of the material world, but also property rights of claim.

Keywords: Pskov Court certificate, pledge, property rights, subject of pledge, contract, obligation, certificates, creditor, debtor.

1. Введение

Залог издревле существует как способ обеспечения исполнения обязательства. Первые упоминания о залоге можно найти в Древнем Египте, где была распространена практика выдачи ссуды под залог недвижимого имущества. Само понятие залога относится к началу VI века до нашей эры и получило распространение на территории Древней Греции: традиция восходит корнями к практике установления столбов на землях должников (т.н. ипотеки) (Брокгауз, Ефрон, 1894; 1900). Рецепция древнегреческого института залога произошла в Древнем Риме, хотя единой терминологии в отношении него не сложилось.

Основными формами залога в Древнем Риме были фидуция и пигнус. Фидуцию можно расценивать как прокредиторскую форму залога, где интересы кредитора превалируют над

* Corresponding author

E-mail addresses: esviridova@fa.ru (E.A. Sviridova), nbesedkina@fa.ru (N.I. Besedkina), rvmamedov@fa.ru (R.V. Mamedov)

интересами должника в обязательственных правоотношениях. В случае неисполнения обязательств, принятых на себя, должник лишался права собственности на заложенную вещь (Бартошек, 1989: 133). Ручной заклад (пигнус) не подразумевал изначальный переход права собственности на вещь залогодержателю (кредитору), вещь передавалась лишь во владение до возврата долга. Именно пигнус И.С. Розенталь считал более соответствующим интересам Древнего Рима для развития коммерческого оборота (Римское частное право, 1948).

Именно римское залоговое право оказало существенное влияние на развитие данного института в Древней Руси. Однако произошло это значительно позднее, нежели в странах Западной Европы. Считается, что впервые залог как полноценный правовой институт упоминается в Псковской судной грамоте. Вместе с тем Е.Г. Никонова полагает, что закупничество, существовавшее в Древней Руси, можно рассматривать как разновидность залога (Никонова, 2005: 15). Хотя в истинном значении данного слова закупничество вряд ли можно рассматривать как вид залога, т.к. залог традиционно относился к вещному праву и предполагал в качестве своего предмета вещь, в то время как закупничество подразумевало залог личности («самопродажа в холопство»).

Развитие торговли привело к разделению труда и увеличению денежного обращения, которое сдерживалось наличием крепостного права. Нехватка денежных средств в совокупности с необходимостью проведения торговых операций создавали предпосылки для развития кредитных отношений. В связи с тем, что Новгородская судная грамота дошла до нас лишь частично, Псковскую судную грамоту следует рассматривать как главный источник правового регулирования залога на Руси XV века. Этот документ был составлен между 1462 и 1471 годами, однако некоторые его части относятся к более раннему периоду, к XIV, возможно, к XI веку (Vodoff, 1970).

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужили различные письменные источники, закрепленные в позитивном и обычном праве Древней Руси: законодательные тексты, дипломатические документы, эпистолярные документы, литературные и повествовательные тексты. Основными юридически значимыми документами, используемыми в статье, являются Русская Правда, которая по точному определению В.О. Ключевского, по преимуществу является памятником древнерусской кодификации, а не законодательства (Ключевский, 2019), и Псковская Судная грамота, которая по мнению М.Ф. Владимирского-Буданова изменяла и дополняла положения Русской Правды (Владимирский-Буданов, 2005). Псковская Судная грамота как основной источник права, регулирующий залоговые отношения, был выбран потому, что является первым значимым нормативным актом, в котором существенное правовое регламентирование получили гражданско-правовые нормы. Кроме того, статьи Псковской Судной грамоты представляют интерес с точки зрения анализа эволюции правовых институтов залога и обязательства и рецепции их правового регулирования в современном законодательстве. Псковская Судная грамота как источник древнерусского права оставляет открытым ряд дискуссионных вопросов, которые приобретают новое осмысление по мере обнаружения и исследования новых источников познания древнерусского права.

В качестве дополнительного источника права в статье использовалась Новгородская Судная грамота, дошедшая до наших дней не целиком. Практика применения норм о залоге раскрывается в вечевых постановлениях и договорных грамотах с князьями, содержащихся и хранящихся в фондах Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация). Значительные выводы в данном исследовании были получены в результате изучения берестяных грамот и пергаментов, содержащих долговые расписки, списки должников, акты закладных сделок. Среди дипломатических документов в основном были использованы несколько завещаний и договоров на пергаменте или бумаге.

Значимыми и исторически важными источниками в процессе исследования института залога в древнерусском праве являются сборники памятников права средневековой Руси (М. Szeftel, А.А. Зимин, Б.Д. Греков).

Методологическая основа исследования. При проведении исследования были использованы общенаучные методы: аналитический, системно-структурный, сравнительно-исторический, типологический, хронологический. Применение вышеперечисленных методов научного анализа позволило автору выявить основания, причины и тенденции формирования института залога в древнерусском праве, проанализировать и обобщить имеющиеся данные.

3. Обсуждение

Системный анализ норм Псковской Судной грамоты в дореволюционный период предприняли И. Энгельман (Энгельман, 1855) и Ф. Устрялов (Устрялов, 1855). Конкретным вопросам, связанным с анализом источников Псковской Судной грамоты и эволюции древнерусского законодательства, исследованием отдельных институтов ее правового регулирования посвящены, в частности, работы М.М. Боговслового, И.И. Василева, М.Ф. Владимирского-Буданова, Н. Дювернуа, В.О. Ключевского, Н.В. Кирпичникова, П.В. Михайлова, К.А. Неволлина, Б.Н. Чичерина, Н.С. Суворова (Владимирский-Буданов, 2005; Ключевский, 2019). Комментированием статей Псковской Судной грамоты

занимались такие ученые, как А.И. Андреев, П.А. Аргунов, Б.Б. Кафенгауз, Л.В. Черепнин, Б.Д. Греков, И.Д. Мартысевич, Н.Н. Масленникова, А.А. Зимин, Ю.Г. Алексеев, Н.Н. Покровский и др. (Мартысевич, 1951; Греков, 1946; Памятники..., 1953; Кафенгауз, 1939). Исследование института залога было предпринято Д. Мейером, Л.В. Черепниным, А.В. Арциховским (Арциховский, 1963; Арциховский, 1955; Черепнин, 1969).

Советская юридическая наука оставила за пределами исследования историко-правовые аспекты анализа средневековых договоров залога. А.А. Зимин рассмотрел отдельные виды актов с древнейших времен до начала XVIII века в «Памятниках русского права» (Памятники..., 1953). Л.В. Черепнин исследовал генезис правовой системы Древней Руси и эволюцию некоторых видов грамот (Черепнин, 1969). При этом оба исследователя уделяли минимальное внимание юридическому смыслу исследуемых актов, акцентируя внимание на социально-экономических аспектах истории.

4. Результаты

В настоящее время известны следующие функции залога: доказательственная, обеспечительная и стимулирующая. Доказательственная функция залога проявляется в том, что залог, обеспечивая основное обязательство, доказывает сам факт его существования. Обеспечительная функция заключается в обеспечении исполнения основного обязательства, когда для должника исполнить основной долг выгоднее, чем потерять предмет залога в случае невыплаты долга. Стимулирующая функция носит скорее психологический и экономический, нежели правовой характер и призвана оказывать влияние на поведение должника, способствуя своевременному исполнению обязательства. Необходимо определить, какие функции залог исполнял в средневековой Руси, когда существовала Псковская Судная грамота.

До Псковской Судной грамоты ни в одном юридическом документе не содержалось упоминания обеспечительной или доказательственной функции залога. Доказательствами возникновения заемных правоотношений служили свидетельские показания. Помимо свидетелей, доказывать выдачу займа третьему лицу дозволялось посредством института поручительства. В берестяных грамотах Великого Новгорода XIV века содержится упоминание должника, не выплатившего долг и бежавшего из Пскова в Ригу (Грамота Пскова Риге с требованием выдачи должника Нездильца поручившемуся за него псковичу Ивану Голову); долг его при этом был обеспечен поручительством местного жителя (Грамоты..., 1949: 317-318). Статья 32 Псковской Судной грамоты предусматривает, что в случае поручительства кого-либо за должника в обеспечение возврата долга, займодавцу предоставлено право подачи иска к такому поручителю, даже если должник предъявит на суде платежную расписку, доказывающую уплату долга кредиторю. Такая расписка имела силу доказательства уплаты долга и освобождала поручителя от повторной его оплаты за должника только в случае, если в городском архиве находилась ее копия. Практика применения данного положения отражена в берестяной грамоте № 389 (XIV век), согласно которой кредитор Лука Варфоломеевич, по-видимому, угрожает своему должнику, что обратится к поручителю, если долг не будет выплачен в надлежащий срок (Арциховский, 1963: 88-89; Черепнин, 1969: 355-356).

Однако практика поручительства (порука) в качестве единственного способа обеспечения исполнения обязательства была ограниченной. Согласно статье 33 Псковской Судной грамоты порука может быть способом обеспечения обязательства только в отношении займа размером, не превышающим одного рубля. В обязательствах с суммой долга сверх рубля использовать поручительство не допускалось. Статья 30 Псковской Судной грамоты разрешала предоставлять займы без обеспечения, если его сумма не превышала одного рубля. Денежные займы на сумму свыше рубля предоставлять без залога или без формальной записи запрещалось. Хотя такой запрет, по сути, не карался никаким наказанием в виде штрафных санкций. Однако последствием выдачи займа в сумме, превышающей рубль, без соответствующего обеспечения являлся отказ в иске. Если в суде по иску о взыскании долга свыше рубля, не обеспеченному залогом, ответчик искивые требования не признавал, судья решал дело в пользу ответчика.

В завещании Евстафия Ананьича Своеземцева (1393 г.) содержится упоминание о возможности предоставления кредитором в залог долговой расписки, если он, в свою очередь, брал займ у должника (Грамоты..., 1949: 167). Трудно найти аналог подобного института в современном российском праве. С одной стороны, предметом залога может быть всякое имущество, за исключением имущества, на которое не допускается обращение взыскания, требований, неразрывно связанных с личностью кредитора, и иных прав, уступка которых другому лицу запрещена законом. Имущество включает в себя любые вещи и имущественные права. Таким образом, можно предположить, что Псковской Судной грамоте уже известен такой институт, как залог имущественного права, т.к. упоминаемые в новгородских грамотах долговые расписки удостоверяют право требования кредитора к должнику. А значит, передавая в залог долговой документ, который сам по себе не имел никакой имущественной ценности, кредитор по сути предоставлял в залог должнику свое право требования к последнему. В современном праве в

подобной ситуации справедливо было бы использовать конструкцию зачета встречных взаимных и однородных обязательств, когда обязательство должника перед кредитором прекращается в результате принятия к зачету встречного требования должника к кредитору. Залог в этом случае прекратится как акцессорное обязательство вместе с прекращением обязательства основного. Однако в Псковской Судной грамоте не упоминается такой институт, как зачет, а значит речь идет о расширительном понимании предмета залога, включающего не только предметы материального мира, но и имущественные права требования. Долговой документ в этом случае играет роль свидетельства, удостоверяющего наличие этого имущественного права у кредитора.

Однако, помимо долговых расписок, Псковская Судная грамота в статье 30 упоминает еще один документ: доски. Простой доской можно было удостоверить выдачу займа в размере, не превышающем рубля. Подобного рода заемные доски, в силу статьи 28 Псковской Судной грамоты, сами могли стать предметом взыскания или быть обеспечены залогом. Вместе с тем закладная доска не являлась бесспорным доказательством предоставления долга под залог имущества. В случае, если должник не предоставил закладной доски, а впоследствии до исполнения своего обязательства потребовал от кредитора возврата предмета залога, заявив, что отдавал имущество не в залог, а на хранение, суд должен верить слову кредитора даже в отсутствие у него доказательства займа и залога в форме закладной доски.

Из текста Псковской Судной грамоты нельзя сделать однозначный вывод о форме закладных досок. В.А. Удинцев отмечал широкую известность формы закладных досок авторам Псковской Судной грамоты и гражданам, что исключало необходимость разъяснять их ценность на страницах юридического документа (Удинцев, 1908). А.В. Арциховский полагал, что некоторые берестяные документы, в том числе списки должников, могут быть такими досками (Арциховский, 1958: 15). А.А. Зимин относит к закладным доскам также документы на пергаменте или бумаге, расположенные между двумя дощечками (Памятники..., 1953: 339).

Если обратиться к доказательственной функции залога, то наличие залоговых правоотношений доказывает наличие основного обязательства между кредитором и должником, т.к. с прекращением основного обязательства прекращается и дополнительное обязательство. Не вызывает сомнений, что во времена, когда Псковская Судная грамота имела юридическую силу, залог также считался акцессорным обязательством. И если несколькими веками ранее закладные доски выступали как весомое и значимое доказательство существования заемного обязательства, то позднее доказательственная сила досок уступает самому залого. Так, новгородский документ, датированный 1209 годом, свидетельствует о конфискации во время восстания закладных досок у ростовщика, что говорит о значимости самой доски, даже в отсутствие предмета залога (Памятники..., 1953: 218).

О юридической силе досок в качестве доказательства существования заемного обязательства говорит и статья 61 Псковской Судной грамоты, согласно которой при обнаружении на суде подложных досок они признавались недействительными. Таким образом, доски самостоятельно могли играть роль расписки в получении займа или передаче предмета залога. Однако, начиная с XV века, самостоятельная роль закладных досок снижается, подобного рода «расписки» стали выдаваться при займе средств в размере, не превышающем один рубль, в то время как на суммы более рубля закладные доски стали играть роль дополнительного доказательства. Обязательства должника в это время могли обеспечиваться только залогом. Статья 29 Псковской Судной грамоты указывает на этот факт: в отсутствие закладной доски суду надлежало руководствоваться предоставленным кредитором предметом залога, а сумма займа определялась по устному заявлению кредитора, которому следовало верить бесприкословно.

О доказательственной функции залога свидетельствует и статья 31 Псковской Судной грамоты. Она описывает ситуацию, когда заем брался под залог движимого имущества, стоимость которого меньше суммы долга, без выдачи закладной доски. В этом случае, если на суде должник отрицал факт заемных правоотношений, равно как и факт передачи в залог какого-либо имущества, предмет залога переходил в собственность кредитора, а долг считался погашенным. Таким образом, можно сделать вывод, что залог считался в суде самостоятельным доказательством существования заемных правоотношений, даже в отсутствие подтверждающей выдачи займа доски.

Интересно, что рассматриваемая норма явно не учитывала принцип справедливости, известный римскому праву, т.к. стоимость предмета залога могла явно не покрывать всех убытков кредитора, связанных с неуплатой долга, не говоря уже о самой сумме долга. Современное российское гражданское законодательство принципа соразмерности и справедливости придерживается в полной мере. Как правило, предмет залога не остается за кредитором, а реализуется на публичных торгах, направленных на получение как можно большей продажной цены. В этом случае, если вырученная сумма окажется меньше суммы основного обязательства, последнее не прекращается. В ряде случаев кредитор вправе оставить предмет залога за собой, но и тогда, если стоимость оставляемого за залогодержателем имущества выше размера неисполненного обязательства, обеспеченного залогом, разница подлежит выплате залогодателю. Однако в обратной ситуации право залогодержателя требовать от должника доплаты разницы в законодательстве отсутствует, т.к. оставление предмета залога за кредитором осуществляется по

соглашению с должником. Таким образом, можно рассматривать используемую Псковской Судной грамотой правовую конструкцию в качестве предвестника современного института договора между кредитором (залогодержателем) и должником (залогодателем) об оставлении залогодержателем предмета залога за собой. Основанием для прекращения основного обязательства, обеспеченного залогом, по современному законодательству является соглашение между кредитором и должником, в то время как основанием прекращения займа по Псковской Судной грамоте выступает решение суда. Кроме того, прекращение заемного правоотношения между кредитором и должником с оставлением залога за кредитором при сумме долга выше стоимости залога нельзя рассматривать как прощение долга, т.к. последнее возможно только на основании добровольно выраженного волеизъявления самого кредитора, а не в силу принудительного решения властного органа, как это предусмотрено статьей 31 Псковской Судной грамоты.

Статья 31 Псковской Судной грамоты называет в числе движимого имущества платье, вооружение и коня. Перечень этот не закрыт и подлежит расширительному толкованию. При этом признаком движимого имущества юридический документ не содержит. Помимо движимого имущества, в качестве предмета залога могут выступать и недвижимые вещи. Насколько это было распространено на Руси XIV–XV веков, можно судить из берестяных грамот.

Изначально в Древней Руси залог был неразрывно связан с куплей-продажей. Сохранившиеся до нашего времени акты закладных сделок свидетельствуют о передаче прав владения и пользования на недвижимую вещь залогодержателю с сохранением права собственности за залогодателем. В случае неисполнения основного обязательства право собственности на заложенную недвижимость переходит к кредитору путем превращения закладной в купчую. Таким образом, залог недвижимости носил трансформационный характер, при котором обязательственное право залога кредитора трансформировалось в вещное право собственности с момента неисполнения основного обязательства, обеспеченного залогом (Владимирский-Буданов, 2005: 665-667).

Однако существовала и вторая форма залога, получившая распространение в Пскове, при которой право владения и право пользования землей не переходили к залогодержателю. Такой залог оформлялся передачей грамот, удостоверяющих право собственности на недвижимую вещь, кредитору, что лишает собственника возможности отчуждать вещь или заложить ее другому. Письменные свидетельства того времени подтверждают отсутствие права владения и пользования у кредитора, указывая, что кредитору предоставляется право возделывать землю не ранее наступления срока исполнения обеспеченного залогом обязательства и лишь в случае, если оно не будет исполнено.

Статья 109 Псковской Судной грамоты в случае залога недвижимых вещей придает больший вес и значимость совокупности доказательств существования заемного правоотношения, включающей сам заклад и формальные записи. Наличие только грамоты, удостоверяющей право собственности на недвижимый предмет залога, требует от участников процесса приведения к присяге.

Современное российское законодательство предусматривает два основания возникновения залоговых правоотношений: на основании соглашения сторон (в силу договора) и в случае наступления указанных в законе обстоятельств (залог в силу закона). Как показывает анализ приведенных выше статей Псковской Судной грамоты, русскому праву XV века был известен залог на основании договора. Возникает вопрос, существовала ли конструкция залога на основании закона.

Думается, следует утвердительно ответить на данный вопрос. Статья 76 Псковской Судной грамоты содержит правило об обращении взыскания на движимое имущество зависимого земледельца в случае его побега за границу Псковского государства. Если срок уплаты подмоги наступил, землевладелец вправе в присутствии посадского пристава, волостных старост и сторонних людей реализовать оставленное в имении движимое имущество земледельца, вырученные от продажи денежные средства погашают задолженность по оплате подмоги. Если денежных средств недостаточно для полного погашения долга по уплате подмоги, долг земледельца не прекращается и в случае его возвращения землевладелец сохраняет право требования долга в оставшейся части с земледельца.

На первый взгляд может показаться, что в данной статье речь идет о неких штрафных санкциях, возможно, некоей форме конфискации имущества земледельца за нарушение им своих обязательств по выплате подмоги. Однако конфискация является прежде всего публично-правовым институтом, в то время как правоотношения между землевладельцем и земледельцем явно носят частно-правовой характер. Несмотря на отсутствие единого мнения среди ученых о правовом характере подмоги (некоторые считают ее беспроцентной ссудой, другие рассматривают в качестве подмоги «с ростом» (Греков, 1946; Кафенгауз, 1939), речь идет явно о заемных средствах, формирующих долговое обязательство, а значит о частно-правовых отношениях двух субъектов. Полагаем, что статья 76 Псковской Судной грамоты содержит частный случай залога, возникающего в силу закона: движимое имущество зависимого земледельца поступает в залог землевладельца в случае просрочки уплаты подмоги. Современное действующее российское законодательство не называет никаких похожих случаев возникновения залога в силу закона. Среди последних российский законодатель указывает прежде всего ипотеку, когда при совершении сделки купли-продажи недвижимости право залога автоматически возникает у лица, выдавшего кредит для

приобретения данной недвижимости. В случае продажи движимого имущества в кредит или с условием о рассрочке платежа это имущество поступает в залог продавца. Схожие нормы существуют в отношении рентных обязательств. Однако отсутствие идентичного случая залога в силу закона в современном законодательстве не свидетельствует о его иной правовой природе. Правовая природа определяется сутью самого права, содержанием правоотношения. Таким образом, следует констатировать существование уже в XV веке на территории Псковского государства двух видов залога: в силу договора (соглашения) и на основании закона.

Важным правовым институтом, связанным с залоговыми правоотношениями, является институт наследования. По общему правилу залог следует за вещью, у кого бы вещь не оказалась, за исключением добросовестного приобретателя. В случае смерти должника (залогодателя) все его имущество, в том числе переданное в залог, включается в наследственную массу, а это означает, что наследники становятся на место своего правопреемника и будут нести обязанности по его обязательствам перед кредитором. Современное законодательство предусмотрело также случаи притяжения наследства несколькими наследниками: если предмет залога является делимым (например, товары), в случае неисполнения обеспеченного залогом обязательства залогодержатель получает право обратиться к каждому из наследников соразмерно перешедшей к нему доле; при неделимости предмета залога наследники рассматриваются в качестве солидарных должников.

Исходя из статьи 104 Псковской Судной грамоты, институт правопреемства в отношении обязательств, обеспеченных залогом, существовал уже тогда. Статья посвящена определению силы доказательств существования заемного обязательства, однако из ее системного толкования можно сделать вывод, что родственники умершего должника наследуют право выкупа заложенных умершим грамот в обеспечение займа. Выкуп в контексте анализируемой статьи следует рассматривать как погашение долга умершего, т.к. лишь с надлежащим исполнением обеспеченного залогом обязательства прекращается залог в отношении имущества. Надо полагать, что в случае невыплаты долга родственниками (наследниками) право на заложенное имущество к ним не переходит и право собственности на него возникает у кредитора.

Псковской судной грамоте также уже был известен институт очередности удовлетворения требований кредиторов при множественности лиц на стороне залогодержателя. При этом приоритет в Древней Руси отдавался кредиторам из другой страны или из другого города. В Договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 года сказано, что, если у должника есть несколько кредиторов и торговец из другого города или другой страны, не зная об этом факте, продает товар в кредит такому должнику, в случае невыплаты последним долга за товар, который находится в залоге у продавца (торговца), должник обязан сначала оплатить товар продавцу и лишь оставшиеся после оплаты денежные средства вправе поделить между собой местные кредиторы (*Памятники..., 1953: 60*).

Подтверждение этого правила можно найти в проекте Новгородского договора с Любеком и Готским берегом 1269 года о торговле и суде, согласно которому, если кто-нибудь будет торговать с немцем или готом и задолжает им, то прежде всего он должен заплатить «гостям» (*Грамоты..., 1949: 61*). Однако в архивных документах отсутствуют более поздние следы этого обычая.

Современное гражданское законодательство строит свои нормы на принципе справедливости, отдавая приоритет кредиторам в зависимости от момента возникновения залога: чем старше залог, тот кредитор и получит удовлетворение своего требования первым. Исключение сделано в отношении недобросовестного залогодержателя, который в день заключения договора залога знал или должен был знать о наличии предшествующих обременений: в такой ситуации требования предшествующего залогодержателя удовлетворяются преимущественно. Как видно из приведенных источников, Псковской Судной грамоте не был известен такой правовой подход.

Взыскание долгов вызывало множество споров, некоторые из которых были урегулированы в суде. Все статьи Псковской Судной грамоты о залоге находили свое применение в судебной деятельности. Судебные процессы могли закончиться и миром (прообраз современного мирового соглашения), о чем свидетельствует статья 62, норма которой позволяла во время судебной тяжбы на основании простых досок или заклада истцу освободить ответчика от долга (своеобразный аналог современной правовой конструкции прощения долга как способа прекращения обязательства).

Статьи Псковской Судной грамоты не разъясняют характер и виды наказаний, которым подвергались несостоятельные должники. Можно с уверенностью утверждать, что общей чертой законодательства того времени являлась тотальная забота о защите прав кредитора. Статьи 28, 29, 30, 32, 38, 93 и 107 Псковской Судной грамоты свидетельствуют о прокредиторском подходе. Права должника защищались значительно меньше. Безусловно, текст Русской Правды свидетельствует об учете степени вины должника, которая привела к невозможности исполнения обязательства. Должник мог быть и вовсе освобожден от исполнения обязательства в случае обстоятельств непреодолимой силы (*Szeftel, 1963: 220*). Псковская Судная грамота подобных положений не содержит, но можно предположить, что юридическое действие Русской Правды сохранялось в силе вплоть до XV века, похожее положение можно обнаружить и в Судебнике Ивана III 1497 года (*Судебники..., 1952: 27*).

5. Заключение

Анализ статей Псковской Судной грамоты в совокупности с текстами новгородских и псковских грамот показал, что многие существующие в современном законодательстве правовые институты имели свои прообразы или аналоги в праве Древней Руси. Именно в Псковской Судной грамоте впервые среди юридических документов того времени в полной мере раскрываются обеспечительная и доказательственная функции залога. Доказательственная функция проявлялась в том, что залог рассматривался в качестве акцессорного обязательства, доказывающего существование основного обязательства (в случае отсутствия подтверждающей выдачу займа закладной доски залог выступал на суде самостоятельным доказательством существования заемных правоотношений).

Статью 31 Псковской Судной грамоты, устанавливающую правило о переходе в собственность кредитора предмета залога в случае, если стоимость предмета залога меньше суммы долга и должник отрицает факт заемных правоотношений, следует рассматривать в качестве прообраза современного договора между залогодержателем и залогодателем об оставлении залогодержателем предмета залога за собой.

Анализ Псковской Судной грамоты показал, что в период ее действия на Руси существовало два вида залога: на основании договора и в силу закона. Кроме того, законодательству того времени известен частный случай залога, возникающего в силу закона, когда движимое имущество зависимого земледельца поступает в залог землевладельца в случае просрочки уплаты подмоги.

Псковской Судной грамоте также был известен институт наследования долговых обязательств наследодателя, обеспеченных залогом. В случае невыплаты долга наследниками право на заложенное имущество к ним не переходит и право собственности на него возникает у кредитора.

В результате можно констатировать, что в Новгороде и особенно в Пскове институт кредитования был крайне распространен в последнее столетие независимости этих республик. Псковскую Судную грамоту можно признать кодифицированным актом законодательства того времени, заложившим основы многих институтов залогового права.

Литература

- Арциховский, 1963** – Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961). М.: Издательство Академии наук СССР, 1963.
- Арциховский, 1958** – Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955). М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 15.
- Бартошек, 1989** – Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989.
- Брокгауз, Ефрон, 1894, 1900** – Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XIII (ст. «Ипотека»), XXX (ст. «Солон»). СПб., 1894; 1900.
- Владимирский-Буданов, 2005** – Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 800 с.
- Грамоты..., 1949** – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ин-т истории АН СССР, Ленингр. отд-ние; подгот. к печати В.Г. Вейман и др.; под ред. С.Н. Валка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Греков, 1946** – Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.-Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. мед. наук СССР, 1946. 959 с.
- Кафенгауз, 1939** – Кафенгауз Б.Б. Псковские «изорники» // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. К. Либкнехта. Серия историческая. М., 1939. Вып. II.
- Ключевский, 2019** – Ключевский В.О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. 1197 с.
- Мартысевич, 1951** – Мартысевич И.Д. Псковская судная грамота: Ист.-юрид. исследование. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1951. 208 с.
- Никонова, 2005** – Никонова Е.Г. История залоговых отношений. М., 2005.
- Памятники..., 1953** – Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. / Сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. 442 с.
- Римское частное право, 1948** – Римское частное право. Учебник / Краснокутский В.А., Новицкий И.Б., Перетерский И.С., Розенталь И.С. и др.; Науч. ред.: Новицкий И.Б., Перетерский И.С. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 583 с.
- Судебники..., 1952** – Судебники XV–XVI веков / Подготовка текстов Р.Б. Мюллер и Л.В. Черепнина; Коммент. А.И. Копанева [и др.]; Под общ. ред. [и с предисл.] акад. Б.Д. Грекова. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 619 с.
- Удинцев, 1908** – Удинцев В.А. История займа. Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1908. 268 с.
- Устрялов, 1855** – Устрялов Ф. Исследование Псковской Судной грамоты 1467 г. СПб., 1855.
- Черепнин, 1969** – Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник / АН СССР. Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1969. 438 с.
- Энгельман, 1855** – Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной грамоте. СПб., 1855.

[Szeftel, 1963](#) – *Szeftel M.* Documents de droit public relatifs à la Russie médiévale. Bruxelles. 1963.

[Vodoff, 1970](#) – *Vodoff Wladimir.* Les débuts du crédit en Russie. *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1970. 11(2): 193-220.

References

[Artsikhovskii, 1963](#) – *Artsikhovskii, A.V.* (1963). Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1958–1961). [Novgorod letters on birch bark (from excavations 1958–1961)]. M. [in Russian].

[Artsikhovskii, 1958](#) – *Artsikhovskii, A.V.* (1958). Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1955). [Novgorod letters on birch bark (from excavations 1955)]. M. [in Russian]

[Bartoshek, 1989](#) – *Bartoshek, M.* (1989). Rimskoe pravo: ponyatiya, terminy, opredeleniya. [Roman law: concepts, terms, definitions]. M. [in Russian]

[Brokgauz, Efron, 1894, 1900](#) – *Brokgauz, F.A., Efron, I.A.* (1894, 1900). Entsiklopedicheski slovar'. T. XIII (st. «Ipoteka»), XXX (st. «Solon»). [Encyclopedic dictionary. Vol. XIII (art. "Mortgage"), XXX (art. "Solon")] SPb. [in Russian]

[Vladimirskii-Budanov, 2005](#) – *Vladimirskii-Budanov, M.F.* (2005). Obzor istorii russkogo prava. [Review of the history of Russian law]. M. [in Russian]

[Gramoty..., 1949](#) – Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Diplomas of Veliky Novgorod and Pskov]. M., L., 1949. [in Russian]

[Grekov, 1946](#) – *Grekov, B.D.* (1946). Krest'yane na Rusi s drevneishikh vremen do XVII v. [Peasants in Russia from ancient times to the XVII century]. M.; L. [in Russian]

[Kafengauz, 1939](#) – *Kafengauz, B.B.* (1939). Pskovskie «izorniki» [Pskov "izorniki"]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. K. Libknekhta.* Seriya istoricheskaya. M. [in Russian]

[Klyuchevskii, 2019](#) – *Klyuchevskii, V.O.* (2019). Kurs russkoi istorii. Polnoe izdanie v odnom tome. [The course of Russian history. Complete edition in one volume.]. M. [in Russian]

[Martysevich, 1951](#) – *Martysevich, I.D.* (1951). Pskovskaya sudnaya gramota: Ist.-yurid. issledovanie. [Pskov judicial charter: Historical and legal research]. M. [in Russian]

[Nikonova, 2005](#) – *Nikonova, E.G.* (2005). Istoriya zalogovykh otnoshenii [History of collateral relations]. M. [in Russian]

[Pamyatniki..., 1953](#) – Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 2. Pamyatniki prava feodal'no-razdroblennoi Rusi. XII–XV vv. [Monuments of Russian law. Issue 2. Monuments of the law of feudal-fragmented Russia. XII–XV centuries]. M., 1953. [in Russian]

[Rimskoe chastnoe pravo, 1948](#) – Rimskoe chastnoe pravo. Uchebnik [Roman private law. Textbook]. M., 1948. [in Russian].

[Sudebniki..., 1952](#) – Sudebniki XV-XVI vekov [Sudebniki of the XV-XVI centuries]. M., 1952. [in Russian]

[Udintsev, 1908](#) – *Udintsev, V.A.* (1908). Istoriya zaima. [Loan history]. Kiev. [in Russian]

[Ustryalov, 1855](#) – *Ustryalov, F.* (1855). Issledovanie Pskovskoi Sudnoi gramoty 1467 g. [Investigation of the Pskov Court Charter of 1467]. SPb. [in Russian]

[Cherepnin, 1969](#) – *Cherepnin, L.V.* (1969). Novgorodskie berestyanye gramoty kak istoricheskii istochnik [Novgorod birch bark letters as a historical source]. M. [in Russian]

[Engel'man, 1855](#) – *Engel'man, I.* (1855). Sistematischeskoe izlozhenie grazhdanskikh zakonov, soderzhashchikhsya v Pskovskoi Sudnoi gramote [Systematic presentation of civil laws contained in the Pskov Court Charter]. SPb. [in Russian]

[Szeftel, 1963](#) – *Szeftel, M.* (1963). Documents de droit public relatifs à la Russie medieval [Public law documents relating to medieval Russia]. Bruxelles. P. 220. [in French]

[Vodoff, 1970](#) – *Vodoff, W.* (1970). Les débuts du crédit en Russie [The beginnings of credit in Russia]. *Cahiers du monde russe et soviétique.* 11(2): 193-220. [in French]

Правовой режим института залога в Псковской судной грамоте

Екатерина Александровна Свиридова ^{a, *}, Наталья Ивановна Беседкина ^a,
Руслан Владимирович Мамедов ^a

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: esviridova@fa.ru (Е.А. Свиридова), nbesedkina@fa.ru (Н.И. Беседкина), rvmamedov@fa.ru (Р.В. Мамедов)

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены особенности развития правового регулирования института залога в Псковской Судной грамоте 1467 года. Значительное внимание уделяется анализу архивных и историко-правовых документов, а также исследованию берестяных грамот и пергаментов, содержащих долговые расписки, списки должников, акты закладных сделок. Дополнительным источником исследования выступили сборники памятников права средневековой Руси, позволившие прийти к выводу о значительном развитии залоговых правоотношений в последнее столетие независимости Псковской республики. В статье анализируются функции залога, рассматривается институт перемены лиц в залоговом обязательстве, особенности реализации предмета залога, основания возникновения залоговых правоотношений. Цель данного исследования заключается в проведении историко-правового анализа эволюции института залога древнерусского гражданского права, содержащегося в Псковской Судной грамоте. Сделан вывод о возможности рассматривать Псковскую Судную грамоту в качестве кодифицированного акта законодательства, заложившего основы отдельных институтов залогового права. Доказывается, что Псковская Судная грамота закрепляет обеспечительную и доказательственную функции залога. Авторы формулируют вывод о наличии в Псковской Судной грамоте двух оснований возникновения залога: на основании договора и в силу закона. На основе анализа псковских и новгородских грамот делается вывод о существовании в период действия Псковской Судной грамоты института залога имущественного права. Толкование предмета залога в Псковской Судной грамоте предлагается осуществлять расширительно, включая в него не только предметы материального мира, но и имущественные права требования.

Ключевые слова: Псковская Судная грамота, залог, имущественные права, предмет залога, договор, обязательство, грамоты, кредитор, должник.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 14-25
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.14

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Defense of Putivl in the Spring of 1613

Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Evgenij M. Osadchij ^c

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University, Washington, USA

^c Institute of Applied Physics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Sumy, Ukraine

Abstract

The article deals with the events that took place on the territory of the Putivl district in the spring of 1613. The authors used and analyzed archival materials with details of the events that took place then. They are supplemented by the results of archaeological research, which supplement the data of written sources. In the winter of 1613, the King of the Commonwealth, Sigismund III, granted Putivl County to Prince Mikhail Vyshnevetsky. A Cossack detachment was located in Putivl, left there by Prince Semyon Lyko. At the same time, the newly elected Tsar of Moscow, Mikhail Romanov, attempted to fight the troops of Ataman Zarutsky. Against the backdrop of these actions, preparations begin in Rylysk for a campaign against Putivl. By royal decree, a detachment was assembled from the border cities, commanded by Prince D. Dolgoruky. His task is to capture Putivl. In April 1613, the Moscow detachment approached the city and stopped on the Kleven River, 10 miles from the city. After several skirmishes with the Cossack detachments, the Moscow troops forced them to retreat to the fortress, and they themselves began to ravage the surroundings of Putivl. To protect the city and divert the forces of the Moscow army, a detachment of Cossacks left Putivl. For a month, Putivl was attacked and shelled, and after another assault was taken. The Cossacks withdrew to Putivl, where reinforcements arrived the day before, led by Prince Semyon Lyko. Having won, but not having achieved its tasks, the Moscow army retreated to Rylysk, and then dispersed to the surrounding cities. After that, the Cossack troops began to ravage the Rylysky district and burned the Rylysk settlement. Thus, the victory in the field battle turned into a defeat, the goals set were not achieved, and the losses incurred made it impossible to defend our own city.

Keywords: Time of Troubles, Prince Semyon Lyko, Putivl, 1613, armed conflict, war, good governance.

1. Введение

Начало 1613 г. считается временем окончания Смутного времени в Московском царстве. В феврале этого года решением Земского собора на престол был избран Михаил Федорович Романов, ставший родоначальником новой династии. Большой проблемой для московской власти были многочисленные отряды шляхетско-казацких войск, которые не признавали выбранного монарха, а поддерживали права на престол королевича Владислава. Они действовали преимущественно в юго-восточных регионах Московии и Северной земле. Одним из таких регионов был Путивльский уезд. Сто лет назад Путивльское удельное княжество было захвачено во время Северной войны и вскоре превращено в уезд. На протяжении почти 70 лет в Путивльский уезд переселялось московское население, преимущественно дворяне и дети боярские, получавшие земли вокруг города за счет владений путивльской знати. Таким образом, в Путивле стало постепенно появляться московское

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev)

население, которое, однако, не составляло большинства и было представлено преимущественно служилым сословием. Местное население, севрюки, активно поддержали претендента на московский престол, а впоследствии царя Дмитрия Ивановича. После его смерти в 1606 г. в Путивле поочередно размещались отряды всевозможных атаманов и воевод, поддерживавших тех или иных предводителей и претендентов на московский престол.

Важность Путивля состояла в его расположении и возможности контролировать несколько важных дорог и переправ, ведущих во внутренние районы Московии. К тому же это была новая мощная крепость с артиллерией и возможностью хранить запасы пороха и амуниции. Обладание Путивлем было одним из важных шагов для возобновления контроля над Южной Северщиной как для Речи Посполитой, так и для Московского царства. События, произошедшие весной 1613 г., являются следствием принятых ранее обеими сторонами решений этой задачи.

2. Материалы и методы

Источниковой базой нашего исследования являются несколько документов, составленных в первой половине 1613 г. Это сеунч воеводы князя Данила Долгорукого о победе над «литовскими людьми» на реке Клевень и два донесения, составленных думным боярином князем Федором Мстиславским о событиях, произошедших в Рыльском и Путивльском уездах весной–летом 1613 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 2. Л. 2-2об.; Дворцовые разряды. Т. 1. 1850: 1004-1006, 1136-1138). В этих документах содержится информация о походе сводного отряда под командованием князя Данила Долгорукого и боевых действиях под Путивлем. В них есть упоминания нескольких населенных пунктов, позволяющие восстановить маршрут этого отряда, а также высказать предположение о вероятном месте сражения. Это прежде всего города Рыльск и Путивль как отправные точки действия противоборствующих сторон и деревня Ковенково, находящаяся на пути московского войска.

В донесениях Ф. Мстиславского хронология событий имеет ошибку. Первый документ о выходе отряда П. Воейкова из Рыльска датируется 18 марта, а отправка войск воевод Д. Долгорукого и Т. Мещерского – 11 апреля. Царское распоряжение об отправке воевод к Путивлю – в мае того же года. Но второе донесение Ф. Мстиславского содержит дату сражения – 16 марта. Здесь, вероятно, допущена ошибка – не март, а май 1613 г., что вполне соответствует предыдущему ходу событий (Дворцовые разряды. Т. 1. 1850: 93, 1006-1007, 1135-1136). Эти данные дополняют списки десятен, касающиеся численности гарнизонов северских городов, опубликованные Д. Беляевым и А. Танковым. В них также содержится информация о вооружении отряда московских войск (Беляев, 1846: 39-40; Танков, 1913: 95-104).

Изобразительные источники представлены картами Путивльского уезда конца XVIII – XIX веков, на которых нанесены дорожная сеть тех лет и отдельные археологические объекты (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1964. Л. 58-61). Авторами также использованы данные археологических исследований на территории, где происходили описываемые события. В контексте этой работы интересны данные разведок Д. Каравайко при участии Е. Осадчего на городищах около сс. Ротовка и Уцково (Конотопский район Сумской области). Изучение их оборонительных сооружений дает возможность предположить связь с событиями Смутного времени, когда Рыльск и Новгород-Северский находились в конфронтации с Путивлем (Каравайко, Плаксина, 2015: 216; Осадчий, 2014: 112-116, рис. 1, 2).

В данной работе использован ряд общенаучных и специальных методов исследования. Принципы историзма и объективности позволили учесть военные и политические реалии приграничного региона Речи Посполитой и Московского царства на заключающем этапе Смутного времени. Это привело к конфронтации сторон, пытающихся доказать свое право на территорию Путивльского уезда. Традиционно были применены также общенаучные методы исследования – исторический (ретроспективный), иллюстративный и аналитический. Для визуализации происшедших событий была использована гипсометрическая карта местности, позволяющая оценить действия противоборствующих сторон и понять логику их решений.

Из числа источниковедческих методов применены критический и археографический, которые позволили объективно оценить информационный потенциал использованных источников, благодаря чему удалось реконструировать маршрут движения московского отряда, а также восстановить хронологию событий, происшедших между сожжением Курска осенью 1612 г. и приходом в Путивль отряда князя Семена Лыко весной 1613 г.

3. Обсуждение

История Смутного времени на территории Путивльского уезда рассматривалась в контексте общей истории Московского царства. На начальном этапе Путивль сыграл важную роль в восшествии на престол царя Дмитрия Ивановича, а затем был оплотом нескольких претендентов на престол и центром крестьянского восстания под руководством Ивана Болотникова. Эпизод, рассматриваемый в данной работе, не привлекал пристального внимания ученых. Наиболее ранним исследованием, где излагались события весны 1613 г., можно считать работу А. Танкова, который приводит тексты двух докладных записок воеводы Федора Мстиславского о событиях под Путивлем весной 1613 г. Исходя из

текста донесений, он делает вывод о том, что именно тогда Путивль был захвачен московскими войсками (Танков, 1913: 167-169). Этот вывод содержится и в последующих трудах исследователей, опиравшихся на ту же источниковую базу. Дальнейшие работы, посвященные финальной стадии Смутного времени в южной части Северских земель, повторяли его выводы относительно взятия Путивля весной 1613 г. Наиболее близкими по тематике и детальному изложению фактов работами можно считать статьи А. Зорина, посвященные осаде и сожжению Курска осенью 1612 г., а также рейду отряда шляхтича А. Лисовского в 1613 г. В них изложены события, предшествовавшие исследуемым и затрагивающие взятие Путивля зимой 1612 г., а также последующие военные действия в рассматриваемом регионе (Зорин, 2010: 122-131; Зорин, 2013: 162-163). Это далеко не полный перечень исторических работ, посвященных финальным событиям Смутного времени, однако же они рассматривают военно-политические события более глобально, просто упоминая сам факт захвата города теми или иными сторонами (Папков, 2004; Кулаковський, 2006; Двуреченский, 2018). В данной статье исследованы события, связанные с этим регионом, но хронологически охватывающие период, последовавший после Смутного времени (Degtyarev et al., 2022; Degtyarev et al., 2022; Degtyarev, Osadchij, 2022).

Тематически близкие работы других ученых помогли выбрать оптимальные подходы к изучению освещаемого вопроса. Это, в частности, труды Игоря и Ирины Кривошеи (Кривошея, 2019), И. Кондратьева (Kondratiev, 2022), Л. Салагуб (Salahub, 2019), И. Сапожникова (Sapozhnikov, 2019) и др.

4. Результаты

События, рассматриваемые в данной работе, начинаются зимой 1612 г., когда отряд казаков под командованием князя Семена Лыко заканчивает осаду Курска и начинает движение на юг, в Лубны. Во время осады был razoren Курский уезд, а также сожжены большой город и посад. Гарнизон, запершийся в замке, смог отбить несколько штурмов, однако приближение зимы заставило казаков возвращаться домой. Его маршрут проходил водоразделом Псла и Сейма в обход Рыльска, где находился гарнизон, признавший нового царя. Переправиться через Сейм на правый берег можно было на сейминских перевозах – Пневицком и Карыжском, затем по прямой до Путивля. Взятие города произошло при минимальном сопротивлении. Украинские летописи об этом событии говорят сдержанно, без подробностей (Сборник летописей, 1888: 96; Київський літопис, 1989: 114). В грамоте московских священников к донским казакам отмечается, что занятие города произошло без применения силы (Документи з російських архівів, 1998: 62). Единственное упоминание о бое содержится в допросных речах путивлянина Ивана Коренского, сообщившего о взятии и сожжении города в зимний Николин день (АМГ, Т. 1: 165). Неизвестно, кто именно находился в Путивле в это время. Возможно, там располагались приверженцы одного из претендентов на московский престол. При этом путивльские и черниговские дети боярские, признавшие нового царя, находились в Рыльске.

Занятие Путивля стало важным событием в ходе войны на территории Чернигово-Северщины. Король Сигизмунд III выдал Михаилу Вишневецкому привилей на право владения городом и уездом (Грушевский, Т. 7, 1995: 337). Получение этого документа давало право на размещение в Путивле воинского гарнизона на вполне законных основаниях. Князь М. Вишневецкий имел большой опыт освоения новых земель, а в случае Путивля и его уезда это были практически не заселенные территории. Но, пока шли боевые действия с Московским царством, необходимо было в первую очередь позаботиться о безопасности новоприобретенных земель. Путивлю могли угрожать из двух ближайших крепостей – Новгорода-Северского и Рыльска. Курск после длительной осады не представлял угрозы.

Численность гарнизона Путивля пока что не установлена. Данные, содержащиеся в отписке воеводы Ф. Мстиславского, вызывают оправданные сомнения. В документе указывается численность украинского войска в 6 000 человек (Дворцовые разряды, Т. 1: 1850: 1137). Такое количество войска требовало значительных припасов, которых в городе не могло быть. Голодные годы в начале столетия, пребывание шляхетских отрядов и восставших крестьян опустошили и без того незначительные запасы продовольствия, а военные действия привели к оттоку пашенных крестьян, в связи с чем произошли значительное сокращение пашенных земель и запустение окрестных деревень (Русіна, 1999: 455).

Для предотвращения внезапного нападения на Путивль на направлениях вероятного прохождения неприятеля начались работы по строительству небольших укреплений. Первое – было расположено на Большой Рыльской дороге, на левом берегу р. Берюх, и контролировало как саму дорогу, так и переправу через речку. Об этом свидетельствует устройство подъема с поймы на коренной берег. Для этого склон был эскарпирован, а образовавшаяся площадка плавно поднималась вверх вдоль западной стены этого укрепления. Строительство оборонительных сооружений не было завершено. Были насыпаны только земляные валы с плоской вершиной. Ров закончен не был, он зафиксирован только в южной части, причем его глубина весьма незначительна.

Второе укрепление расположено к западу от переправы через реку Клевень по дороге на Новгород-Северский. За основу для строительства было выбрано старое земляное городище раннего железного века. Здесь была начата досыпка земляного вала. Его изначальная высота была около 1 м,

а в ходе строительства было досыпано еще полтора метра. Внешний склон вала имел почти вертикальные стенки, а внутренний – пологие. Ров также отсутствует. Третье укрепление, построенное в месте впадения р. Выр в Сейм, сейчас сильно разрушено частной застройкой, и сделать выводы о степени завершенности его строительства не представляется возможным (Осадчий, 2014: 112-113).

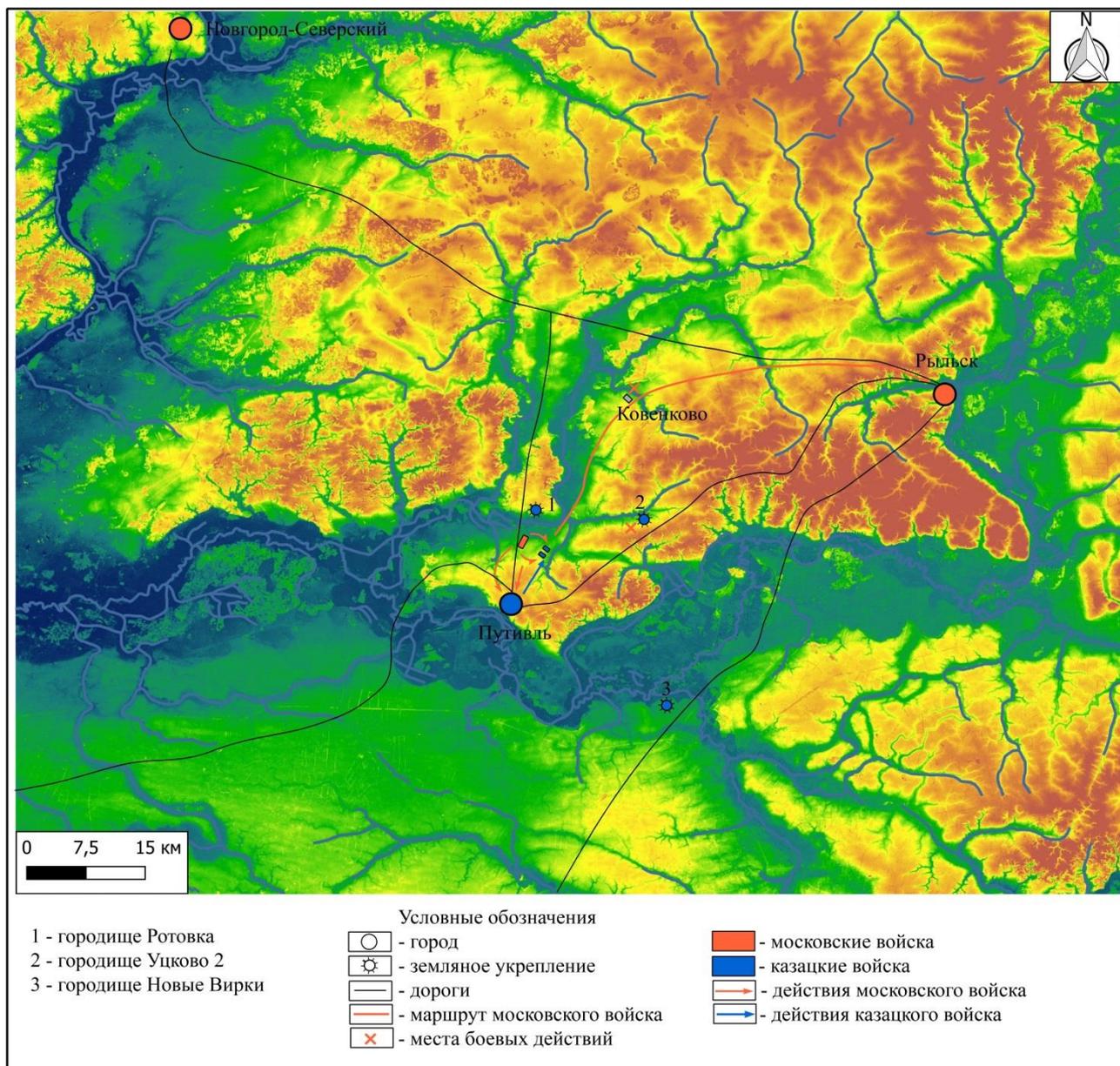
Время строительства этих укреплений в письменных источниках не указано. Косвенные данные говорят о первой половине XVII века. Укрепление на р. Берюх было построено между 1594 и 1785 гг. В «Отдельной книге» Путивля о нем еще нет упоминаний, хотя земельные участки раздавались непосредственно около этого укрепления, а на «Генеральном плане Путивльского уезда» оно изображено уже как часть населенного пункта Уцково (Анпилогов, 1967: 133-162; РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1964. Л. 58об.-59). О «городке» на р. Клевень есть упоминание в показаниях путивлян Ивана и Петра Яцыных 1634 г. о прохождении границы между Путивльским и Новгород-Северским уездом (Кулаковский, 2006: 201).

Незавершенность строительства этих укреплений говорит о внезапном прекращении этих работ, что было связано с нападением на Путивль сводного отряда дворян и детей боярских. Оно готовилось с начала весны, а его целью был захват не только города Путивля, но и всего уезда. Для того чтобы обезопасить себя от нападения, Рыльск был дополнительно укреплен, а из гарнизона выделены «осадные люди», оставшиеся в крепости. Руководил обороной Рыльска Богдан Износков. В Москву была направлена грамота с просьбой помочь с войсками. В это время новоизбранного царя очень сильно беспокоил атаман Заруцкий, бежавший вместе с Мариной Мнишек и ее сыном от Лжедмитрия II. Боясь их соединения с казацкими войсками в Путивле, в мае 1613 г. царь приказал воеводам Д. Долгорукому, Т. Мещерскому и И. Одоевскому «...идти к Путивлю и промышлять над Путивлем по-прежнему». Для этого воевода Д. Долгорукий должен был набрать войско и во главе его двигаться к Путивлю на помощь рыльскому отряду. Сбор войск планировался в Болхове или Мценске, и затем предполагалось движение к Путивлю на усиление отряда П. Воейкова (Дворцовые разряды, Т. 1. 1850: 93, 1004-1006).

Весной 1613 г. из Рыльска отправился отряд, состоявший из рылян, путивлян, черниговцев и добровольцев из состава местных жителей, во главе которого был Прокофий Воейков. В его задачу входило «... быти на Севере и над литовскими людьми промышлять, которые объявятца на Севере; а будет литовские люди на Севере не объявятца, и Прокофью велено ходить воевать Литовскую землю, где ему будет податно» (РК, 1849: 52). Численность отряда в документах не указана, но, исходя из общего числа рыльского гарнизона в 1614 г., он составлял «...детей боярских рылян 132 ч., пушкарей 20 ч., затинщиков 25 ч., да 3 головою 100 ч. стрельцов, да козаков 253 ч.», кроме этого в Рыльске находились и остатки гарнизонов Путивля и Чернигова около 200 человек – наиболее боеспособные части (РК, 1849: 74). Местное население, присоединившееся к отряду, было, скорее всего, вспомогательным отрядом. Преимуществом этого войска были мобильность и прекрасное знание местности, недостатком – легкое вооружение и отсутствие полевой артиллерии.

Время, выбранное для нападения, также свидетельствует о хорошем знании местности и продуманности похода. Его начало приходится на вторую половину марта. В это время реки еще скованы льдом и переправы через водные препятствия не представляли больших трудностей. Основные боевые действия разворачивались в апреле–мае, и в это время из-за половодья Путивль оказывался изолированным с юго-западной стороны (Кулаковский, 2006: 16-17). Широкие поймы Сейма и Клевени заполнялись водой, а сильное течение делало переправу обозов невозможной. Гипсометрическая модель театра боевых действий наглядно демонстрирует легкость сообщения между Рыльском и Путивлем и препятствия между Путивлем и Лубнами (Рисунок 1).

О силах противоборствующих сторон четких данных нет. В грамоте думного боярина Ф. Мстиславского есть перечень городов, из которых были направлены сотни. Их всего 13. Курск накануне понес значительные потери, а другие города были задействованы для противостояния войску атамана Заруцкого. От каждого города были отправлены «головы с сотнями». В начале XVII века численность сотни составляла около 70–80 человек. В поход часто не могли отправиться больные, выздоравливающие и не имеющие средств для участия в походе. Таким образом, численность московского отряда Д. Долгорукого могла составлять около 1 000 человек плюс отряд рылян, путивлян и черниговцев. Всего не более 1 200 – 1 300 человек. Московский отряд состоял из дворян и детей боярских, их слуг, станичников и охочих посадских людей. Дворянская легкая конница была вооружена луками и саблями (Танков, 1913: 7, 27). Станичники в поход шли на простом коне с самопалом, но в бою участвовали как пехота. Добровольцы имели собственное вооружение, как холодное, так и огнестрельное. О наличии полевой артиллерии в отчетах московских воевод не сказано (Рисунок 2, 3).

Рис. 1. Гипсометрическая модель местности с изображением основных боевых действий казацкой и московской сторон в 1613 г. Автор модели местности А. Коротя

Местом сбора был назначен Мценск, и 11 апреля этот отряд выступил к Путивлю. В отписке Ф. Мстиславского указано, что численность казацкого отряда, по показаниям пленных, составляла 6 000 человек. Выше мы уже рассматривали невозможность нахождения такого значительного отряда в Путивле из-за ограниченности кормовой базы для коней и питания для войск. Причина завышения численности противника и его потерь – давняя московская традиция, но могла иметь место и ошибка в написании чисел. С учетом соотношения сил и численности прибывших подкреплений можно предположить, что численность казаков в обоих лагерях не превышала 500 человек. Состав войск и вооружение также можно восстановить по дополнительным источникам. Казацкий гарнизон Путивля был частью войска под командованием князя Семена Лыко, осаждавшего осенью предыдущего года Курск. В описании осады и штурма Курского острога есть упоминания о пехоте и артиллерии в его составе (Зорин, 2013: 158-159). Для обороны города кавалерийские части не нужны, и, вероятно, в городе был оставлен пехотный отряд, усиленный полевой артиллерией (Рисунок 4).

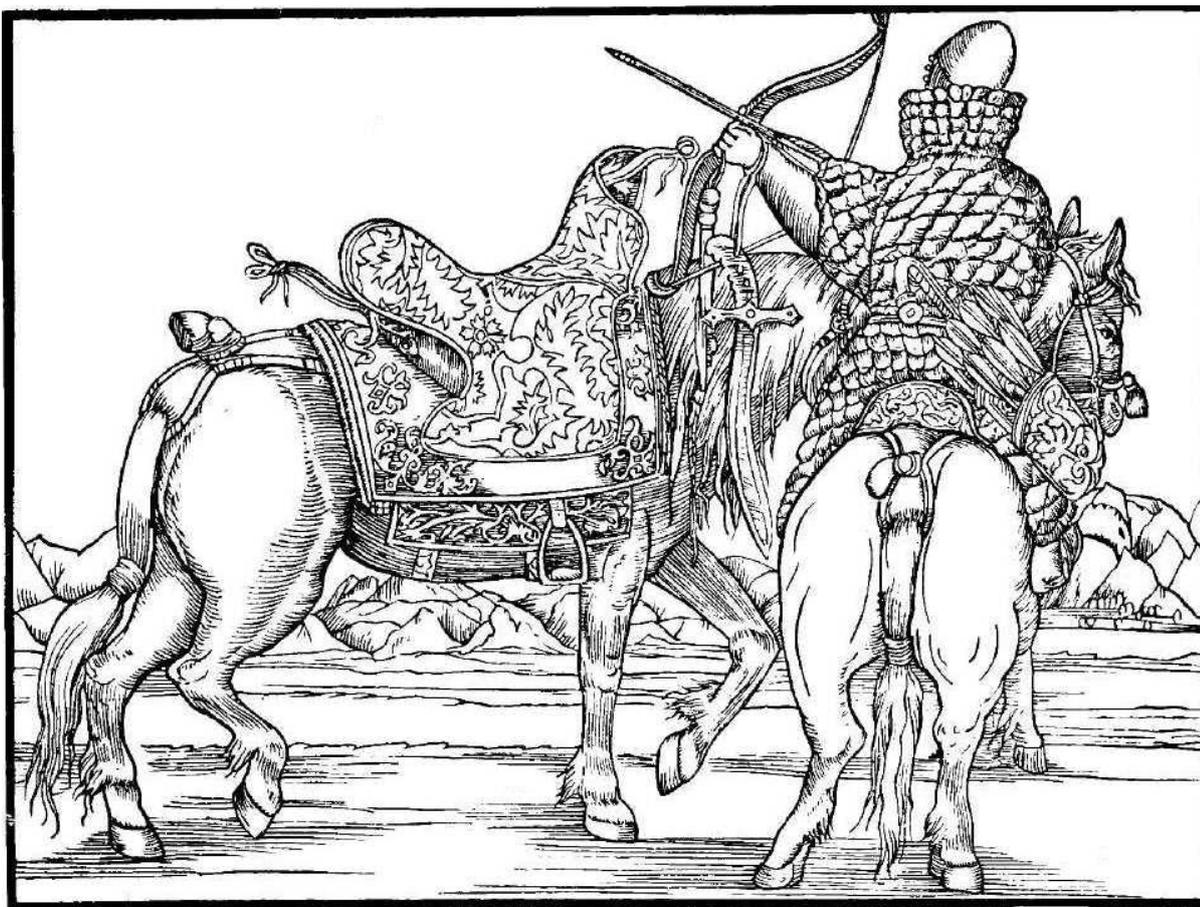
Рис. 2. Московский пехотинец с самопалом. Фрагмент карты Гесселя Герритса, составленной по чертежу царевича Федора Борисовича Годунова, 1613 г.

В начале XVII века в Путивль из Рыльска вели несколько дорог. Прямая – Большая Рыльская – проходила правым берегом Сейма и не имела значительных природных препятствий. Другая – вела к переправе через Сейм, и его левым берегом можно было добраться до Путивля, переправившись опять на правый берег на Дороголевской переправе или непосредственно напротив города, но этот путь занимал больше времени и использовался в основном для обхода таможенных постов. Третья – это ответвление дороги между Рыльском и Новгород-Северским, проходившее через Крупец и далее на юг междуречьем Клевени и Эсмани. Эти дороги были хорошо известны, о чем свидетельствует начало возведения оборонительных сооружений, перекрывавших эти пути (Рисунок 1).

Маршрут, выбранный московским отрядом, мало использовался, но также был известен. Из Рыльска он вышел к переправе через р. Крупец, но после нее резко повернул на юг. Тут проходила граница между Рыльским и Путивльским уездами, на которой были дополнительно выставлены заставы, следившие за перемещением московских войск. Одну из них, располагавшуюся в с. Ковенково (ныне южная часть с. Шальгино), отряд атаковал и в скоротечном бою рассеял. После этого он продолжили движение к Путивлю и стал лагерем в 10 верстах от него. Место расположения лагеря в документах не указано, но есть упоминание в сеунче князя Д. Долгорукого о победе на р. Клевень (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 2. Л. 2-20б.). Вероятно, отряд остановился в месте впадения р. Берюх в Клевень, на ее левом берегу, где обе реки образуют широкую пойму с достаточно пологими берегами и доступом к воде. Здесь он ждал на подмогу отряд князя Д. Долгорукого.

Из Путивля вышел небольшой отряд казаков, вероятно, с целью разведать ситуацию и определить численность противостоящих сил. После боя он отступил назад в крепость, а рыльский отряд стал разорять деревни около Путивля и перекрыл дороги в город. После первого боя на подступах к городу из Путивля навстречу московскому войску вышел отряд казаков с полевой артиллерией. Он после ожесточенного боя оттеснил московский отряд от Путивля назад к Клевени, и после этого было построено два укрепленных лагеря (Дворцовые разряды. Т. 1. 1850: 1136). Такая тактика часто встречалась в описании военных действий Тридцатилетней войны, когда сторона, уступающая в численности, создавала подобные полевые укрепления. Их задачей было растягивание фронта нападавшей стороны и возможность взаимного прикрытия огнем из мушкетов и полевой артиллерии. Расположение этих лагерей точно не известно. Можно предположить, что они также располагались около реки, иначе продержаться длительное время без прямого доступа к воде было бы невозможным. Казацкие лагеря три недели подвергались обстрелам и штурмам, применялись и ночные вылазки, но взять их не представлялось возможным из-за отсутствия артиллерии. К тому же

решающего численного преимущества московский отряд не имел, и противостояние свелось к взаимным обстрелам и отдельным вылазкам.

Рис. 3. Конный дворянин. Гравюра Сигизмунда Герберштейна середины XVI века

11 апреля 1613 г. завершился сбор отряда под командованием князей Д. Долгорукого и Т. Мещерского в Мценске (*Дворцовые разряды. Т. 1. 1850: 1006*). В этом отряде была кавалерия, состоявшая из дворян и детей боярских, и пехота стрельцов и казаков. Его задачей было взятие Путивля и его уезда. Расстояние от Мценска до Рыльска составляет около 300 км и от него еще около 90 км от Рыльска до Путивля. Этот маршрут был пройден за месяц с учетом переправ через реки в весеннее время. Подход войска князей Д. Долгорукого и Т. Мещерского изменил соотношение сил на поле боя.

Через месяц, 16 мая (марта – в документе) 1613 г., был предпринят генеральный штурм обоих лагерей (*Дворцовые разряды. Т. 1. 1850: 1136-1137*). Численное превосходство и натиск привели к отступлению казаков и оставлению обоих лагерей. После этого командующий сводным отрядом князь Д. Долгорукий отправил в Москву сеунч об одержанной победе, в котором указал, что «...литовские люди ис Путивля побежали, и воеводы спод литовских людей в Путивльском уезде на речке на Клевени побили» (*РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 2. Л. 20б.*). Заявление командующего не оставляет сомнения в том, что сам город был взят, а уезд перешел под контроль московской стороны. Именно так и воспринимают результат сражения (*Папков, 2004: 119*).

Но в столь оптимистичное описание думный боярин князь Ф. Мстиславский вносит некоторые дополнения, проливающие свет на последующие события. В заключительной части его донесения содержатся данные о результатах сражения. Исходя из этого текста, казаки отступили не из Путивля, а в Путивль. Картина панического бегства казаков из полевых лагерей в Путивль также, скорее всего, несколько приукрашена. В донесении нет ни слова о преследовании ушедшего противника, а в составе московского войска была дворянская конница. Вместо этого были заняты оба лагеря, и начался допрос пленных. Такое изложение событий говорит скорее об организованном отступлении, нежели о паническом бегстве.

От пленных становится известно, что в день сражения на помощь Путивлю пришли отряды Семена Лыко в 400 человек и Зборовского в 700 человек, которые, вероятно, не успели на саму битву, но значительно усилили его гарнизон. Появление новых войск во главе с Семеном Лыко свели на нет все достижения прежнего месяца боев на подступах к Путивлю. В отсутствии осадной артиллерии с

наличными силами о взятии Путивля или его осаде речи быть не могло. Теперь необходимо было отступить под прикрытие укреплений Рылска, избежав нового сражения на уже невыгодных условиях.

Рис. 4. Казацкая пехота начала XVII века. Рисунок и реконструкция С. Шаменкова

После боя Д. Долгорукий отправился со своим войском назад в Рылск. Заявленная цель похода – взятие города и контроль над его уездом – выполнена не была, более того, это нападение привело к усилению гарнизона на более чем 1 000 человек и прибытию в город двух опытных военачальников, что также ставит под сомнение сообщения пленных о 6 000 казаков в обоих лагерях. Разбив их и заставив отступить, князь Д. Долгорукий, узнав о прибытии всего тысячи казаков спешно отступает, даже не предприняв попытки занять город. Собранная по многим городам московская рать разошлась по домам, причем в отписке Ф. Мстиславского указано, что «...многие, с бедности, пошли по Украинным городом, а иные для кормления по лесом» (*Дворцовые приказы. Т. 1: 1136-1137*). Эта фраза говорит о потерях в боевых действиях и отсутствии каких-либо военных трофеев. Все это привело к значительному ослаблению Рылска и стало причиной ответных действий со стороны казаков.

Из Путивля были направлены отряды для разорения Рылского уезда, о чем также докладывал князь Ф. Мстиславский. Киевский летописец в похвальном стихотворении, посвященном князю Семену Лыко, говорит, что после взятия и сожжения Белгорода тот «...потом збурил Рылскъ и Путивел» (*Київський літопис, 1989: 114*). Нападение на сам город возглавил князь Вишневецкий, в описании осады Рылска названный почему-то Александром. Князь Александр Вишневецкий умер в 1594 г., а его земли и титул унаследовал младший брат, Михаил. Именно под его руководством был взят и сожжен большой острог в Рылске, а оставшиеся жители и гарнизон укрылись в детинце (*РК, 1974: 251*).

Путивль в 1613 г. остался во владениях князя М. Вишневецкого. Последующие боевые действия в районе Путивля пока что не нашли достаточного освещения в источниках и научной литературе. Археологические разведки на городище Уцково 2 содержат материалы, позволяющие

предположить штурм укреплений со стороны московских войск. На валах городища найдены ружейные кремни. Это говорит о применении мушкетов с кремневым замком, бывших на вооружении у казаков. Остатки подобного оружия известны из собрания Тушинского лагеря (Двуреченский, 2018: 102-103). Около валов найдены ядра от малокалиберных полевых пушек. Пока что нет данных о времени и подробностях этого штурма, но есть возможность предположить, что его предприняли уже после лета 1613 г.

Подробности перехода Путивля под контроль Московского царства пока что изложены весьма скупо. В 1613 г. князя Михаил Вишневецкий и Самуил Корецкий начинают подготовку к походу в Валахию с целью посадить на престол своего союзника князя Александра Могилу. Для этого они собирают собственное войско, куда, вероятно, и вошел отряд, располагавшийся в Путивле. Разрядные книги Смутного времени сообщают о посылке в Путивль отряда казаков под командованием Семена Колтовского и Гаврилы Чобышова. По их сообщению, «...они пришли в Путивльское городище, а Литва город и посады выжгли и пошли в свою землю» (Разрядные записи, 1907: 25). Из этого сообщения следует, что казаки отказались от удерживания Путивля и ушли без боя. Валахский поход для украинских князей окончился неудачно. Самуил Корецкий попал в плен, а Михаил был отравлен православным священником (Лунык, 2013: 37-39). Смерть князя М. Вишневецкого стала причиной отказа от владения Путивльским уездом.

К зиме 1614 г. казацких войск в Путивле уже не было. Об этом есть данные в сеунче князя Тимофея Мещерского, который в январе этого года организовал поход на город Сенча на Суле. Судя по тексту донесения, он начался в Путивле, а после сожжения и разграбления города на обратном пути в Путивль был сожжен посад Лохвицы (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 2. Л. 15-160б.).

5. Заключение

В заключении отметим следующее: зимой 1613 г. Путивльский уезд был пожалован королем Сигизмундом III князю Михаилу Вишневецкому. В ответ на это весной 1613 г. московской стороной был подготовлен поход с целью захвата Путивля и его уезда. Для этого были собраны войска из десятка пограничных городов во главе с несколькими воеводами. Начальная фаза этого противостояния была за московскими войсками. Они легко сбили заставы, находившиеся на границе Путивльского уезда, и расположились лагерем около Путивля, разоряя окрестности города и перекрыв дороги, ведущие на запад и юго-запад. Для защиты города из Путивля вышел отряд казаков, ставших лагерем в 10 верстах. Именно на него были направлены все силы московского войска, и через месяц в результате генерального штурма казацкие полевые укрепления были взяты. Однако время, потраченное на их захват, дало возможность князю М. Вишневецкому подвести в Путивль подкрепление, что свело на нет все предыдущие усилия. Потери, понесенные в этом походе, привели к невозможности защиты Рьльского уезда и впоследствии к сожжению города Рьльск казацкими войсками. Занятие Путивля московскими войсками было связано не с боевыми действиями, а с военной авантюрой князя М. Вишневецкого и неудачей польского посольства в Москве.

Литература

- АМГ, Т. 1 – Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук. Т. I. Разрядный приказ. 1571–1634. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1890. 767 с.
- Анпилогов, 1967 – Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – XVII вв. М.: Изд. МГУ, 1967. 542 с.
- Беляев, 1846 – Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М.: в Университетской типографии, 1846. 117 с.
- Грушевський. Т. 7. 1995 – Грушевський М.С. Історія України-Руси. Козацькі часи до року 1625. К.: Наукова думка, 1995. Том 7. 624 с.
- Дворцовые разряды. Т. 1. 1850 – Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1613 по 1628 г. Приложения. СПб., 1850. Т. 1. XXXVI, 1224, IX.
- Двуреченский, 2018 – Двуреченский О.В. Тушинский лагерь (Публикация коллекции В.А. Политковского из собрания ГИМ). М.: ИА РАН, 2018. 196 с.
- Документи російських архівів, 1998 – Документи російських архівів з історії України. Документи до історії запорозького козацтва 1613-1620 рр. Львів, 1998. Т.1. 443 с.
- Зорин, 2010 – Зорин А.В. На исходе Смуты: рейд «лисовчиков» и Северский поход (ноябрь 1616 – январь 1617) // Путивльський краєзнавчий збірник. Суми: Університетська книга, 2010. Вип. 6. С. 122-131.
- Зорин, 2013 – Зорин А.В. Осада Курска в 1612 г.: датировка, ход событий, последствия // Путивльський краєзнавчий збірник. Суми: Університетська книга, 2013. Вип. 7. С. 153-164.
- Каравайко, Плаксина, 2014 – Каравайко Д.В., Плаксина О.В. Городища раннього залізного віку Путивльщини // АДУ. 2014. К.: Інститут археології НАН України, 2015. С. 216.

- Київський літопис, 1989** – Київський літопис першої чверті XVII століття // *Український історичний журнал*. 1989. № 5. С. 103-115.
- Кривошея, 2019** – *Кривошея І.І., Кривошея Ір.І.* «Місто на кордоні»: Умань – урбанізований простір міжетнічного компромісу (взаємодії) чи конфлікту? (1616–2018 рр.) // *Русин*. 2019. №55. С.84-112. DOI: 10.17223/18572685/55/7
- Кулаковський, 2006** – *Кулаковський П.* Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648). К.: Темпора, 2006. 496 с.
- Луняк, 2013** – *Луняк Є.* Козацька Україна XVI-XVIII ст. очима французьких сучасників: хрестоматія. Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2013. 508 с.
- Осадчий, 2014** – *Осадчий Є.М.* Городища округи Путивля першої половини XVII ст. // *Праці Центру пам'яткознавства*. Збірник наукових праць. К.: вид. ЦП НАНУ і УТОПІК, 2014. Вип. 26. С. 111-118.
- Папков, 2004** – *Папков А.И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород: «КОНСТАНТА», 2004. 352 с.
- Разрядные записи, 1907** – Разрядные записи за Смутное время: (7113–7121 гг.). Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете. Сост. С.А. Белокуров. М.: Тип. штаба Московского военного округа, 1907. XXVIII, 311 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РК, 1974** – Разрядная Книга 1598–1638 гг. [Выписная книжка 1598–1638 гг.]. М.: Институт истории СССР, 1974. 397 с.
- РК, 1849** – Разрядная книга 7124 года // *Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских*. М.: в Университетской типографии, 1849. Книга 2. С. 1-87.
- Русіна, 1999** – *Русіна О.* До історії монастирського господарства на Сіверщині (Випис 1606 р. путивльського Молчинського монастиря) // *Український археографічний щорічник*. К., 1999. Вип. 3-4. С. 450-457.
- Сборник летописей, 1888** – Сборник летописей, относящийся к истории Южной и Западной Руси, изданный комиссией для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Межигорская летопись. К.: Тип. Корчак-Новицкого, 1888. II, LIX, 322 с.
- Танков, 1913** – *Танков А.А.* Историческая летопись курского дворянства. Издание Курского дворянства. М.: Тип. «Печатник», 1913. Т. 1. II, 476, 156 с. 21 л.
- Degtyarev et al., 2022** – *Degtyarev S.I., Osadchij E.M., Gut J.* Border Battle: Fighting on the Ukrainian-Moscow Border in 1660–1661 // *Bylye Gody*. 2022. 17(1). P. 25-36.
- Degtyarev et al., 2022** – *Degtyarev S.I., Osadchij E.M., Zabikh Sh.A.* (2022). Regional Land Road System of Putivl Uyezd in the 17th century // *Bylye Gody*. 2022. № 17(2). P. 557-570.
- Degtyarev, Osadchij, 2022** – *Degtyarev S.I., Osadchij E.M.* Delimitation of the Border between the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Muscovy in the Interfluvium of the Sula and the Sejms in the first half of the 17th century // *Bylye Gody*. 2022. №17(4). Pp. 1513-1522.
- Kondratiev, 2022** – *Kondratiev I.* Oster Gentry Becoming Cossacks: from Registered Cossacks to Participation in Ukrainian National Revolution of the Middle of the 17th Century // *Eminak: Scientific Quarterly Journal*. 2022. 4(40). Pp. 38-49.
- Salahub, 2019** – *Salahub L.* Political and Behind-the-Scenes Intrigues around the Hetmanate in 1709–1764: View of Ukrainian Historians // *Eminak: Scientific Quarterly Journal*. 2019. 4(28). Pp. 188-196.
- Sapozhnikov, 2019** – *Sapozhnikov I.* Khadjibey and Adjacent Coast of the Black Sea during the First Russo-Turkish War // *Eminak: Scientific Quarterly Journal*. 2019. 2(26). Pp. 28-34.

References

- AMG, T.1** – Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannyye Imperatorskoyu Akademiyeyu nauk [Acts of the Moscow State, issued by the Imperial Academy of Sciences]. T. I. Razryadnyy prikaz. 1571–1634. SPb., 1890. 767 p. [in Russian]
- Anpilogov, 1967** – *Anpilogov G.N.* (1967). Novyye dokumenty o Rossii kontsa XVI – XVII vv. [New documents about Russia at the end of the 16th – 17th centuries]. M., 542 p. [in Russian]
- Belyayev, 1846** – *Belyayev, I.D.* (1846). O storozhevoy, stanichnoy i polevoy sluzhbe na pol'skoy Ukraine Moskovskogo gosudarstva do tsarya Alekseya Mikhaylovicha [About guard, stanitsa and field service in the Polish Ukraine of the Muscovite state before Tsar Alexei Mikhailovich]. M., 117 p. [in Russian]
- Degtyarev et al., 2022** – *Degtyarev S.I., Osadchij E.M., Gut J.* (2022). Border Battle: Fighting on the Ukrainian-Moscow Border in 1660–1661. *Bylye Gody*. 17(1). Pp. 25-36.
- Degtyarev et al., 2022** – *Degtyarev S.I., Osadchij E.M., Zabikh Sh.A.* (2022). Regional Land Road System of Putivl Uyezd in the 17th century. *Bylye Gody*. 17(2). P. 557-570.
- Degtyarev, Osadchij, 2022** – *Degtyarev S.I., Osadchij E.M.* (2022). Delimitation of the Border between the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Muscovy in the Interfluvium of the Sula and the Sejms in the first half of the 17th century. *Bylye Gody*. 17(4): 1513-1522.
- Dokumenty rosiys'kikh arkhiviv, 1998** – Dokumenty rosiys'kikh arkhiviv z istorii Ukrainy. Dokumenty do istorii zaporoz'kogo kozatstva 1613-1620 pp. [Documents of the Russian archives from the history of

- Ukraine Documents before the history of the Zaporizhian Cossacks 1613-1620]. L'viv, 1998. T.1. 443 p. [in Ukrainian]
- Dvortsovyye razryady, T.1. 1850** – Dvortsovyye razryady, po vysochayshemu poveleniyu izdannyye II-m otdeleniyem sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. 1613 po 1628 g. [Palace ranks, by the highest order, published by the II department of His Imperial Majesty's own chancellery. 1613 to 1628 Applications]. Prilozheniya. SPb., 1850. T. 1. XXXVI, 1224, IX. [in Russian]
- Dvurechenskiy, 2018** – *Dvurechenskiy, O.V.* (2018). Tushinskiy lager' (Publikatsiya kollektzii V.A. Politkovskogo iz sobraniya GIM) [Tushino camp (Publication of the collection of V.A. Politkovsky from the collection of the State Historical Museum)]. M. 196 p. [in Russian]
- Grushevs'kiy, T.7, 1995** – *Grushevs'kiy, M.S.* (1995). Istoriya Ukrainy-Rusi. Kozats'ki chasi do roku 1625 [History of Ukraine-Rus. Cossack hours until 1625]. K. Tom 7. 624 p. [in Ukrainian]
- Karavayko, Plaksina, 2014** – *Karavayko, D.V., Plaksina, O.V.* (2015). Horodyshcha rann'oho zaliznoho viku Putyv'l'shchyny [Settlements of the Early Iron Age of Putivl'shchyna]. ADU. K. S. 216. [in Ukrainian]
- Kyyivs'kyi litopys, 1989** – Kyyivs'kyi litopys pershoi chverti XVII stolittya [Kyiv Chronicle of the First Quarter of the 17th Century]. *Ukrayins'kyi istorychnyy zhurnal*. 1989. № 5. Pp. 103-115. [in Ukrainian]
- Kondratiev, 2022** – *Kondratiev, I.* (2022). Oster Gentry Becoming Cossacks: from Registered Cossacks to Participation in Ukrainian National Revolution of the Middle of the 17th Century. *Eminak: Scientific Quarterly Journal*. 4(40): 38-49. [in Ukrainian]
- Kryvosheia, 2019** – *Kryvosheia, I.I., Kryvosheia, I.I.* (2019). “City on the border”: Uman as an urbanized space of inter-ethnic compromise (interaction) or conflict? (1616-2018). *Rusin*. 55: 84-112. DOI: 10.17223/18572685/55/7 [in Ukrainian]
- Kulakovs'kyi, 2006** – *Kulakovs'kyi, P.* (2006). Chernihovo-Sivershchyna u skladi Rechi Pospolytoyi (1618-1648) [Chernihiv-Sivershchyna as part of the Polish-Lithuanian Commonwealth (1618-1648)]. K. 496 p. [in Ukrainian]
- Lunyak, 2013** – *Lunyak, Ye.* (2013). Kozats'ka Ukrayina XVI-XVIII st. ochyma frantsuz'kykh suchasnykiv: khrestomatiya [Cossack Ukraine of the 16th-18th centuries. through the eyes of French contemporaries: a textbook]. Nizhyn. 508 p. [in Ukrainian]
- Osadchyy, 2014** – *Osadchyy, Ye.M.* (2014). Horodyshcha okruhy Putyvlya pershoi polovyny XVII st. [Osadchii Settlements of the Putivlia district of the first half of the 17th century]. *Pratsi Tsentru pam'yatkoznavstva*. Zbirnyk naukovykh prats'. K. Vyp. 26. Pp. 111-118. [in Ukrainian]
- Papkov, 2004** – *Papkov, A.I.* (2004). Porubezh'ye Rossiyskogo tsarstva i ukrainskikh zemel' Rechi Pospolytoy (konets XVI – pervaya polovina XVII veka) [Border of the Russian Empire and the Ukrainian lands of the Commonwealth (the end of the 16th – the first half of the 17th century)]. Belgorod. 352 p. [in Russian]
- Razryadnyye zapisi, 1907** – Razryadnyye zapisi za Smutnoye vremya: (7113-7121 gg.). Imperatorskoye obshchestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete [Bit records for the Time of Troubles: (7113-7121). Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. Sost. S.A. Belokurov. M., 1907. XXVIII, 311 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. [in Russian]
- RK, 1974** – Razryadnaya Kniga 1598–1638 gg. [Vypisnaya knizhka 1598–1638 gg.] [Digit Book 1598–1638. [Extract book 1598–1638]]. M., 1974. 397 p. [in Russian]
- RK, 1849** – Razryadnaya kniga 7124 goda [Digit book of 7124]. *Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey Rossiyskikh*. M., 1849. Kniga 2. Pp. 1-87. [in Russian]
- Rusina, 1999** – *Rusina, O.* (1999). Do istoriyi monastyr's'koho hospodarstva na Sivershchyni (Vypys 1606 r. putyv'l's'koho Molchyn's'koho monastyrya) [To the history of the monastic economy in the Severshchyna (Inventory of 1606 of the Putivl Molchyn monastery)]. *Ukrayins'kyi arkheohrafichnyy shchorichnyk*. K. Vyp. 3-4. Pp. 450-457. [in Ukrainian]
- Salahub, 2019** – *Salahub, L.* (2019). Political and Behind-the-Scenes Intrigues around the Hetmanate in 1709–1764: View of Ukrainian Historians. *Eminak: Scientific Quarterly Journal*. 4(28): 188-196. [in Ukrainian]
- Sapozhnikov, 2019** – *Sapozhnikov, I.* (2019). Khadjibey and Adjacent Coast of the Black Sea during the First Russo-Turkish War. *Eminak: Scientific Quarterly Journal*. 2(26): 28-34. [in Ukrainian]
- Sbornik letopisey, 1888** – Sbornik letopisey, odnosyashchiysya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rusi, izdannyy komissiyeyu dlya razbora drevnikh aktov pri Kiyevskom, podol'skom i Volynskom general-gubernatore. Mezhygorskaya letopis' [A collection of annals relating to the history of Southern and Western Rus', published by a commission for the analysis of ancient acts under the Kiev, Podolsk and Volyn Governor-General. Mezhygorskaya chronicle]. K., 1888. II, LIX, 322 p. [in Russian]
- Tankov, 1913** – *Tankov, A.A.* (1913). Istoricheskaya letopis' kurskogo dvoryanstva. Izdaniye Kurskogo dvoryanstva [Historical chronicle of the Kursk nobility. Edition of the Kursk nobility]. M. T.1. II, 476, 156 p. 21 l. [in Russian]

Zorin, 2010 – Zorin, A.V. (2010). Na iskhode Smuty: reydz «lisovchikov» i Severskiy pokhod (noyabr' 1616 – yanvar' 1617) [At the end of the Troubles: the raid of the "foxes" and the Seversky campaign (November 1616 – January 1617)]. *Putivl's'kiy krayeznavchiy zbirnik*. Sumy. Vip. 6. Pp. 122-131. [in Russian]

Zorin, 2013 – Zorin, A.V. (2013). Osada Kurska v 1612 g.: datirovka, khod sobytiy, posledstviya [Siege of Kursk in 1612: dating, course of events, consequences]. *Putivl's'kiy krayeznavchiy zbirnik*. Sumy. 7: 153-164. [in Russian]

Оборона Путивля весной 1613 года

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, b, *}, Евгений Николаевич Осадчий ^c

^a Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^c Институт прикладной физики Национальной академии наук Украины, Сумы, Украина

Аннотация. В статье рассматриваются события, происходившие на территории Путивльского уезда весной 1613 г. Авторами были использованы и проанализированы архивные материалы, содержавшие некоторые подробности происходивших тогда событий. Они дополнены результатами археологических исследований, которые дополняют данные письменных источников. Зимой 1613 г. король Речи Посполитой Сигизмунд III пожаловал Путивльский уезд князю Михаилу Вишневецкому. В Путивле был расположен казацкий отряд, оставленный там князем Семеном Лыко. В это же время новоизбранный царь московский Михаил Романов предпринимает ряд усилий для борьбы с войсками атамана Заруцкого. На фоне этих действий в Рьльске начинается подготовка к походу на Путивль. По царскому указу из пограничных городов собирается сборный отряд под командованием князя Д. Долгорукого. Его задача – захват Путивля. В апреле 1613 г. московский отряд подошел к городу и остановился на р. Клевень в 10 верстах от города. После нескольких стычек с казацкими отрядами московские войска вынудили их отойти в крепость, и в то же время начали разорять окрестности Путивля. Для защиты города и отвлечения сил московского войска из Путивля вышел отряд казаков и стал укрепленным лагерем. В течение месяца он подвергался нападениям и обстрелам, а после очередного штурма был взят. Казаки отошли в Путивль, куда накануне прибыли подкрепления во главе с князем Семеном Лыко. Одержавшее победу, но не добившееся поставленных задач московское войска отступило в Рьльск, а затем разбрелось по окрестным городам. После этого казацкие войска начали разорять Рьльский уезд и сожгли посад Рьльска. Таким образом, одержанная победа в полевом сражении обернулась поражением, поставленные цели не были достигнуты, а понесенные потери привели к невозможности защитить собственный город.

Ключевые слова: Смутное время, князь Семен Лыко, Путивль, 1613 год, вооруженный конфликт, война, эффективное управление.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: starsergo2014@gmail.com (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 26-36
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.26

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

From the Medieval Kingdom to the Empire of Modern Times: Models of the State Structure in Russia of the XVII – beginning of the XVIII centuries in Russian Historical Thought

Ludmila V. Mininkova ^{a, *}

^a South Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The question of the time of transition from the medieval Moscovite Kingdom to modern Russia, the political form of which was the Russian Empire, has been raised in Russian socio-historical thought since the XVIII century. The prevailing was that the beginning of a new period of Russian history falls during the reign of Peter the Great. Based on the principle of historicism, S.M.Soloviov pointed out that the beginning of a new period in the history of Russia was in the XVII century, when the prerequisites for Peter's reforms were formed. This point of view has been firmly established in Russian historiography, including in the Soviet period. The basis for such a revision were the theories of the patrimonial state and the regular, or police state to which attention is drawn in the works of modern historians. It is emphasized that the end of the patrimonial state and the transition to a new Russia, which happened under Peter I. In the historical consciousness of the general population, the new period of the country's history is also associated with Peter the Great.

Keywords: social-historical thought of Russia, Russian historiography, a new period of Russian history, patrimonial state, regular state, the police state.

1. Введение

Тема эволюции государственного строя в России и основ взаимоотношений между обществом и государством была на протяжении всего развития отечественной общественно-исторической мысли одной из центральных. Это было неслучайно. От решения связанных с этой темой вопросов зависело понимание сущности и характера не только государственного устройства в стране, но и особенностей общественного строя и положения разных слоев населения по отношению к власти, а также вопроса о времени перехода от средневекового Московского царства к новой России. Исследование этих вопросов представляет интерес как существенная часть более общей проблемы исторического места средневековой и новой России в системе государств, обществ и культур Запада и Востока.

Вопрос об историческом рубеже между старой и новой Россией, или началом нового периода русской истории, прослеживается, начиная с XVIII в. Он вызывал интерес в общественно-исторической мысли. Ответ на него предложила Екатерина II в «Размышлениях о Петербурге и Москве». Она писала, что «Петербург в течение сорока лет распространил в империи денег и промышленности более, нежели Москва в течение 500 лет с тех пор, как она построена; ... народ там мягче, образованнее, менее суеверен, более свыкся с иностранцами, от которых он постоянно наживается тем и другим способами, и т.д.» (Екатерина II, 2010: 812). Таким образом, для императрицы «Петербург» был новым периодом в истории государства, петербургская империя пришла на смену Московскому царству. Эти слова отражали точку зрения того времени,

* Corresponding author

E-mail addresses: lvmininkova@sfedu.ru (L.V. Mininkova)

распространенную в дворянском обществе. Но в условиях неразвитости научной исторической мысли в эпоху Просвещения общественные суждения оказывали на нее существенное влияние.

Свое решение этого вопроса предлагал князь М.М. Щербатов. Основываясь на положении о роли общественных нравов как определяющей черты в характеристике страны и народа, он полагал таким рубежом царствование Петра I, с которого, по его мнению, можно было говорить «о повреждении нравов в России» (Гриценко, 2021: 101-102, 110). Несколько иначе отвечал на этот вопрос Н.М. Карамзин. Он связывал начало нового периода также с царствованием Петра I, когда в результате его реформ и военных побед появилось «новое величие России», но «не только». Произошло вместе с тем «совершенное присвоение обычаев Европейских» (Карамзин, 2020: 290). Вместе с укреплением и изменением своего положения в мире страна, по его мнению, стала менять свой культурный облик. «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России» (Карамзин, 2020: 293), – констатировал Н.М. Карамзин факт подобной перемены. С Петра I начинал историю новой России М.П. Погодин, прямо заявлявший, что «нынешняя Россия, то есть Россия Европейская ... есть произведение Петра Великого» (Погодин, 2010: 229). Также с петровского царствования начинал новый период в российской истории Н.Г. Устрялов. Он отмечал, что Петр Великий при проведении своих реформ «хотел преобразовать полуазиатскую Россию в государство, цветущее промыслами, искусствами, науками, с необходимым политическим весом в Европе» (Устрялов, 1858: XXX).

По-новому вопрос о начале нового периода в истории России ставил С.М. Соловьев. Это был вопрос о времени перехода от русского Средневековья к новому периоду русской истории. Согласно С.М. Соловьеву, этот период начался с XVII в., когда «начинается приготовление к тому порядку вещей, который знаменует государственную жизнь России среди европейских держав». Он подчеркивал, что «тесно связан в нашей истории XVII век с первой половиною XVIII, разделять их нельзя» (Соловьев, 1988: 55). Со времени С.М. Соловьева этот вопрос казался решенным. Новый период истории России с 1613 г. начинал В.О. Ключевский (Ключевский, 1957: 5). Мысль о начале нового периода истории России с XVII в. принял В.И. Ленин. Но он связывал это начало с процессом становления всероссийского рынка и складывания в стране буржуазных связей (Ленин, 1979: 153-154). Эта концепция полностью господствовала в трудах советских историков. Однако делалась оговорка, что «XVII век представляет собой лишь самое начало нового периода, когда буржуазные связи и отношения только начинают создаваться» (Очерки..., 1955: 23).

При таком понимании хронологической грани между старой и новой русской историей, ее московским и петербургским периодами, последние десятилетия существования Московского царства и начало истории Российской империи объединялись в рамках концепции нового периода истории страны.

2. Материалы и методы

Материалами являются труды отечественных историков, относящиеся к вопросу о хронологической грани наступления нового периода отечественной истории и о критериях, по которым определяли эту грань.

Теоретической основой является положение интеллектуальной истории, согласно которому концепции, дающие объяснение историческому процессу, в том числе относящиеся к истории идей в исторической науке, представляют собой сочетание более частных идей, на базе которых они построены. По словам основоположника интеллектуальной истории А. Лавджоя, «большинство философских систем оригинальны и отличны от других не столько своими элементами, сколько их сочетаниями» (Лавджой, 2001: 9). Несомненно, что это можно отнести не только к философским системам, но и к теориям в исторической науке и в ее истории. В данном случае к таким концепциям относятся обоснования времени перехода от средневекового Московского царства к новой России, а частные идеи, на базе которых выстраиваются ее обоснования, также представляют собой теории, объясняющие характер и особенности Российского государства, его общественного и политического устройства за период от Смутного времени до царствования Петра I. К таким теориям относятся распространенные в отечественной историографии теории вотчинного государства и пришедшего ему на смену в петровской России регулярного, или полицейского, государства.

Вместе с тем следует учитывать, что обоснование вопроса «о древней и новой России» и хронологическом разграничении между этими двумя стадиями в ее истории имеет тесную связь не только с актуальными проблемами исторической науки, но и с вопросами отечественного прошлого, вызывающими массовый интерес. В самом деле, он относится к оценкам новой династии, занявшей московский престол после Смуты, к реформам Петра I, к характеристикам российского самодержавия в целом. Несомненно, что интерес к этому вопросу в массовом историческом сознании способствовал тому, что он поднимался в исторической науке даже тогда, когда, как казалось, уже был решен. Отсюда в качестве основания для методологического принципа исследования поставленной проблемы может быть выдвинута идея единства духовной культуры. Она предполагает необходимость «восстановить общий интеллектуальный контекст эпохи» (Репина, 2011: 398), влиявший на появление и решение данного вопроса. Такая задача реализуется при опоре на

методологический принцип холизма, в рамках которого учитывается взаимовлияние разных сторон культуры общества, в том числе массового сознания и исторической мысли. Использование историко-сравнительного метода дает возможность сопоставить между собой точки зрения на хронологию и критерии выделения старого и нового периодов в развитии государства в России. Системно-структурный метод (Лаптева, 2006: 208) позволяет представить дискуссии по вопросу о хронологии перехода от старой к новой России, от царства к империи, как споры о структурных составляющих в рамках такой более общей и сложной интеллектуальной системы, как общая периодизация отечественной истории. На его основе также ставится вопрос о критериях этого перехода. Решение этих вопросов выстраивалось на базе частных теорий вотчинного государства и регулярного государства.

3. Результаты

Значение периодизации российской истории XVII–XVIII вв. и критерии периодизации

Периодизация российской истории этого времени дает представление о понимании историками сложных процессов перехода от средневекового Московского царства к новому периоду истории страны, политическим выражением которого было государство при Петре Великом, а формой – Российская империя. Как свидетельствует история анализа этого вопроса в отечественной исторической мысли, такие критерии выстраивались на основе преобладания факторов, относившихся к внутреннему культурно-политическому положению в стране, к внутренним социально-экономическим отношениям, к ее международному положению, а также к комплексному сочетанию культурно-политических и международных факторов. На основе учета культурно-политических особенностей возникла периодизация, в основе которой была четкая грань между московским и петербургским периодом, а также состояние нравов. При такой периодизации рубеж приходился на петровское время. На основе сочетания культурно-политических факторов выделяли XVII в. в качестве начала нового периода российской истории С.М. Соловьев и В.О. Ключевский. Социально-экономический фактор был положен в основу периодизации, начиная с В.И. Ленина, и был принят советскими историками.

Комплексный учет факторов внутренней жизни и внешнеполитического положения страны содержат теоретические модели вотчинного государства и регулярного государства, сочетание которых за последнее время в исторической науке стали принимать во внимание при основании хронологии нового периода отечественной истории. В этих теориях преобладает учет характера власти в государстве, или политическая сторона. Но в то же время они имеют комплексный характер, поскольку вопрос о власти в таких государствах связан с особенностями их культуры, отношений собственности и с международным положением.

Модель вотчинного государства

Модель вотчинного государства уходила своими историческими корнями в средневековую Московскую Русь. Теория Московского государства как великокняжеской и царской вотчины опирается на источники. В московском летописном своде конца XV в. в качестве такой вотчины называется Великий Новгород. В своем ответе 1469 г. новгородцам, просившим допустить своего архиепископа Феофила к митрополиту Филиппу, великий князь Иван III, согласно летописи, отвечал, что «отчина моя Великий Новгород» (ПСРЛ, 1949: 284). Право на нее, как он объяснял новгородцам, основывалось на старине. Оно шло «изначала от дед и прадед наших, от великого князя Володимера, крестившего землю Русскую, от правнука Рюрика, первого великого князя в земли нашей» (ПСРЛ, 1949: 284). Та же мысль содержится в хронографе редакции 1512 г. В нем говорилось, что Иван III в 1478 г. совершил поход на Новгород. Он «привелъ Новъгородъ, отчину свою ... въ свою волю и наместники свои посади» (ПСРЛ, 2005: 534). В Степенной книге обоснование права Ивана III на Новгород как на свою вотчину дается уже со ссылкой прямо на Рюрика. Великий князь будто бы говорил, что «отчина моя есте изначала отъ первого въ земъли вашей великого князя Рюрика и до правнука его, святого и великого князя Владимирова, крестившаго всю землю Русскую» (ПСРЛ, 1913: 531).

Аналогичная мысль, согласно Степенной книге, содержалась в словах Василия III, сказанных в 1514 г. жителям Смоленска. Великий князь заявлял, что этот город «отчина наша есте от прародителей нашихъ, и ныне от Латыньския державы паки намъ богъ поручилъ васъ» (ПСРЛ, 1913: 589). То же самое, согласно Летописцу начала царства, говорил Ивану IV хан Шигалей. Ставший казанским ханом в 1546 г. по воле московских властей, он сказал: «Буди, государь, здрав, победи супостаты на своей вотчине на Казани в веки» (ПСРЛ, 1965: 109). Но Казань, в отличие от Новгорода и Смоленска, не была никогда вотчиной великих князей московских. Однако митрополит Макарий обосновывал возможность превращения Казани в новую вотчину московского царя. Он связывал такую возможность с тем, что на царя «превыде свыше божия благодать» и бог «царствующии град Казанский со всеми окрестными» ему «дарова» (ПСРЛ, 1965: 114). Таким образом, новую вотчину московский государь получил свыше, по воле божьей.

Следовательно, московский государь рассматривается в источниках в качестве государя-вотчинника, а разные города, входившие в состав государства, как его вотчины. Такое положение давало основание историкам считать великих князей и царей московских вотчинными государями,

а государство их наследственной вотчиной. На это прямо указывал Н.Г. Устрялов. «Власть государя московского ... в наследственной отчине ... была неограниченна: там великий князь был верховным судьей, правителем и законодателем», – писал он. Кроме того, Н.Г. Устрялов объяснял, что положение вотчинного государя предполагало положение его как законодателя, правителя и верховного судьи. Вместе с тем система прагматической истории, разработанная Н.Г. Устряловым, предполагала необходимость объяснения того, насколько соответствуют друг другу понятия вотчинника и государя. По его мнению, в Новгородской земле московский государь не считался вотчинником. Новгородцы к нему относились только как к «покровителю своему» и обязаны были ему лишь «определенною данью под названием даров, виры, пошлин и черного бора» (Устрялов, 1997: 195). Н.Г. Устрялов не делал при этом вывода о Московском государстве как о государстве вотчинном.

Более определенно о вотчинном государстве делал вывод К.Д. Кавелин. По его мнению, в историческом развитии государства имели место три стадии, которыми были родовой строй, вотчина и государство. По его словам, «небольшая княжеская вотчина» Ивана Калиты «через столетие выросла в Московское государство» (Кавелин, 1989: 45). Он показал при этом содержание процесса перерастания вотчины в государство. Связывал К.Д. Кавелин этот процесс с постепенной эволюцией сознания московских великих князей, с формированием у них понимания того, что интересы великокняжеской семьи следовало подчинить интересам нарождавшегося Московского государства. Заключалось это в том, что менялся на протяжении XIV–XVI вв. порядок раздела территории великого княжества между сыновьями-наследниками, и старший сын получал все большую долю в этом наследстве. Великими князьями московскими «этот шаг был сделан, но не вдруг». Лишь постепенно «держава, ее нераздельность были поставлены ими выше семьи» (Кавелин, 1989: 47), поскольку семейное начало предполагало учет интересов не только старшего, но и младших наследников. По его мнению, смена вотчины государством происходила постепенно и проявлялась уже в постепенной эволюции вотчинной системы. «Из-под великокняжеской вотчины проглядывает государство», – подчеркивал К.Д. Кавелин (Кавелин, 1989: 48).

Вопрос о завершении существования вотчинного государства как перехода к новой России

Вотчинная система уступила в конечном счете, указывал К.Д. Кавелин, свое место государству. Но она оставила после себя глубокий след. «Тип вотчинновладельца, полного господина над своими имениями, лежит в основании власти московского государя», – отмечал он (Кавелин, 1989: 49). Замечание совершенно справедливое. Оно в то же время затрудняло более точное установление времени, когда окончательно произошла смена вотчины государством. В этой связи К.Д. Кавелин указывал скорее на косвенный признак и выделял его на уровне гипотезы. В полной мере признавая идею исторического прогресса и видя в смене вотчины государством несомненный прогресс, он в то же время исходил из того, что всякий прогресс означал шаг вперед в развитии не только общества, но и человека. «Личность – единственная, плодотворная почва всякого нравственного развития», – указывал он (Кавелин, 1989: 51). При этом, подчеркивал он, движущей силой общественного и личностного прогресса выступало государство, причем «Московское государство ... подготовило почву для новой жизни». Конкретные стороны этой новой жизни К.Д. Кавелин указывал. «Улучшение внутреннего управления, судопроизводства, обуздание произвола кормленщиков, законодательство», – такие полезные для общества перемены он видел в развитии государства (Кавелин, 1989: 49). По его мнению, такое положительное изменение начиналось при Иване Грозном, а завершилось при Петре Великом. Отсюда проявлялась апологетика им не только Петра I, но и даже Ивана IV, что не только безосновательно, но и не характерно для либерального западного мыслителя, каким был К.Д. Кавелин. Следовательно, уход в прошлое вотчинного государства имел место, согласно К.Д. Кавелину, при Петре I, и этому соответствовало утверждение во внутренней жизни русского общества личностного начала и отмирание традиций родового строя и вотчинных отношений. Однако сколько-нибудь определенного указания на время конца такого государства К.Д. Кавелин не давал.

Более определенное указание на время завершения существования в России вотчинного государства предлагал В.О. Ключевский. Он при этом указывал, что во время Ивана III вотчинные интересы великого князя способствовали объединению русских земель в составе Московского государства. Они были причиной его политики в отношении Литвы, направленной на присоединение западных русских земель. Согласно В.О. Ключевскому, Иван III будто бы говорил во время переговоров с литовской стороной: «Мне ... разве не жаль своей вотчины, Русской земли, которая за Литвой, – Киева, Смоленска и других городов?». Он приводил слова московских посланников, что «Русская земля – от наших предков из старины наша вотчина» (Ключевский, 1957а: 117). Но в то же время, как указывал историк, представление о государстве как о великокняжеской и царской вотчине прочно утвердилось в русском обществе. Это государство, полагали «московские люди того времени», «есть государство московского государя, а не московского или русского народа» (Ключевский, 1957б: 52). Однако события Смутного времени, указывал В.О. Ключевский, способствовали изменениям в сознании русского общества. Однако это происходило постепенно. Оно не признавало вполне законными государями выборных царей Бориса Годунова и Василия Шуйского, но лишь «один призрак природного царя в лице пройдохи неведомого происхождения успокаивал династически-

легитимные совести и располагал к доверию» (Ключевский, 1957b: 54). Тем не менее постепенно представление общества о царской власти менялось. Общество видело, что без царя «государство не распалось, а собралось с силами и выбрало себе нового царя» (Ключевский, 1957b: 67). Тем самым в общественном сознании утверждалась мысль, что «общество, народ не политическая случайность». Но «политическая случайность есть скорее всего династия» (Ключевский, 1957b: 68).

Выборный царь, как указывал В.О. Ключевский, в отличие от царя, принявшего престол в соответствии с правом наследования, «не мог смотреть на государство взглядом наследственного, как на свою вотчину». В 1598 г., когда пресеклась династия Рюриковичей-Калитичей, В.О. Ключевский видел настойчивый поиск основания для новой легитимности царя, которого предстояло избрать на престол при отсутствии династийных наследников. Он при этом ссылаясь на слова современника событий, капитана Ж. Маржерета, отмечавшего, как Борис Годунов хотел, чтобы «весь народ решил единодушно, кого возвести на престол». В.О. Ключевский считал, что Борис Годунов делал это «притворно» (Ключевский, 1957a: 394). Но тем не менее даже при этом было заметно стремление ввести новую легитимацию верховной власти в государстве ввиду невозможности сохранения прежнего вотчинного начала. Поэтому на избирательном земском соборе 1598 г. вообще родилась «новая идея народа не как паствы, подлежащей воспитательному попечению правительства, а как носителя ... государственной воли, которая на соборе передавалась избранному царю» (Ключевский, 1957b: 395). Отсюда, считал В.О. Ключевский, исходило историческое значение данного избирательного собора. На нем идея царского избрания как основа легитимности для его власти в государстве была принята русским обществом и поставлена в один ряд с традиционной легитимацией государя в качестве наследника государства как вотчины, для которой он являлся наследником, отчичем и дедичем. Конечно же, таким наследником Борис Годунов быть не мог. То же самое и Василий Шуйский, Рюрикович, но, по справедливой оценке В.Н. Козлякова, Шуйские – это «"бедные родственники" Рюрикова дома». Основу своей легитимности по генеалогической линии сам Шуйский, как указывал В.Н. Козляков, возводил не только к Рюрику, но и к Александру Невскому (Козляков, 2007: 13). Однако Василий Шуйский не принадлежал к роду Калитичей, великих князей московских, поскольку был представителем суздальско-нижегородской ветви Рюрикова дома, восходившей к сыну Александра Невского Андрею Городецкому. Родоначальником этой ветви считается князь Василий Дмитриевич Кирдяпа (Козляков, 2007: 14), праправнук Андрея Городецкого. И хотя князь Андрей Александрович занимал владимирский великокняжеский стол, как и его внук, Дмитрий Константинович, все-таки генеалогические притязания на Московское государство как на вотчину были для Василия Шуйского сомнительны.

Таким образом, В.О. Ключевский высказался о том, что Смута способствовала появлению в сознании русского общества сомнения в правах государей, появлявшихся в бурных событиях Смуты и не относившихся к дому Калиты, на государство как на вотчину. По-видимому, на избирательном земском соборе 1613 г. хорошо понимали это обстоятельство. Поэтому по тексту Утвержденной грамоты об избрании на престол Михаила Романова заметно стремление ее составителей подчеркнуть прямую генеалогическую связь между ним и прежней династией. На Михаила Романова указывалось как на «благородново корени благоцветущую отрасль», а также подчеркивалось, что это «великий государь, богом избранный» (Утвержденная грамота, 1906: 45-47). Следовательно, по традиции, государство является его вотчиной.

Но если В.О. Ключевский лишь осторожно указывал на формирование предпосылок ухода вотчинного государства в Московской Руси в прошлое, то историк и юрист Г.Г. Тельберг отмечал, что об этом прямо говорила эволюция российской правовой системы. Проведенный им анализ системы государственных преступлений по Соборному Уложению царя Алексея Михайловича указывал на то, что в нем эти преступления имели общность с «традиционными обязательствами подкрестных записей» (Тельберг, 1912: 102). Тем не менее за юридической традицией Г.Г. Тельберг находил принципиально новую сущность государства. Об этом, считал он, свидетельствует содержание статьи 18 из второй главы Уложения «О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать». В ней упоминался «скоп и заговор» «на царьское величество». Судя по содержанию этой статьи, указывал Г.Г. Тельберг, объектом преступления, против которого оно направлялось, было только «царьское величество». Он при этом замечал, что, согласно статье 20 этой же главы, преступление могло быть направлено также «на его государевых бояр и околничих, и на думных и на ближних людей, и в городех и в полках на воевод, и на приказных людей» (Соборное Уложение, 1987: 21). Среди этих «думных» и «ближних людей» были царские родственники. Однако в данном случае они выступали в качестве объекта преступного деяния не как царские родственники, но как служилые люди государя. Следовательно, данный объект преступления означал преступление, также непосредственно направленное «на царьское величество».

Как обращал внимание Г.Г. Тельберг, в статье 1 той же главы говорилось об умысле «на государьское здоровье», а в статье 2, где речь шла про «измену» «державе царьского величества», объект преступления в ней был только один – особа «царьского величества» (Соборное уложение, 1987: 20). Но «"измена государевым детям" как особое политическое преступление» в этих статьях отсутствовала. По мнению Г.Г. Тельберга, такое отсутствие было неслучайно. Он подчеркивал, что ко

времени принятия Уложения время для существования подобного состава преступления закончилось. Такой состав преступления, считал Г.Г. Тельберг, мог иметь место «в эпоху, когда вся политическая жизнь была проникнута вотчинным взглядом на государство и государственную власть, когда правящая династия рассматривала эту власть, как свое достояние». В то время, указывал он, объектом «измены» как государственного преступления «становились все члены царствующего рода» (Тельберг, 1912: 103). Но в Уложении царя Алексея Михайловича об измене семье государя речи уже не было.

Вслед за В.О. Ключевским Г.Г. Тельберг объяснял это последствиями Смуты. По его словам, из потрясений Смутного времени Московское государство выходило «с просветленным государственным сознанием, в котором не оставалось места обветшавшей идеологии вотчинного государства». Выразилось это в том, что Михаил Романов был «не государь-вотчинник, а государь, избранный земским собором». Члены семьи царя, всего царского рода «не имели к этой власти никакого правового отношения и не могли заявлять на нее ни личных, ни родовых притязаний». По мнению Г.Г. Тельберга, упоминание в Уложении только о царе и отсутствие упоминания о родственниках царя было «симптомом прогресса политической мысли» в Московском государстве (Тельберг, 1912: 103). Это означало эволюцию от вотчинного государства к государству нового времени. Таким образом, как считал Г.Г. Тельберг, Смута способствовала завершению существования в России вотчинного государства, а Соборное уложение в 1649 г. обеспечило юридическое оформление этого завершения.

Критика представления об изживании вотчинного государства в XVII в.

Между тем в некоторых документах второй половины XVII в., то есть после принятия Уложения, среди лиц, которым приносится присяга, упоминается не только царь, но и царские родственники. Так, в присяге Войска Донского, принятой 29 августа 1671 г., после разгрома Разинского восстания, упоминались царица Наталья Кирилловна, а также царевичи Федор Алексеевич и Иван Алексеевич. Были также названы сестры царя, Ирина, Анна и Татьяна, и царские дочери, царевны Евдокия, Марфа, Софья, Екатерина и Феодосия. В соответствии с формулярной традицией присяга упоминала «наследников», «которых и впредь великому государю бог даст» (Крестьянская война, 3, 1962: 146). В практиках взаимоотношений с окраинными территориями присяга властителей с упоминанием родственников царя имела место. В частности, на упоминание в присяге, которую приносили калмыцкий тайша Дайчин и его сын Мончак, имени царевича Алексея Алексеевича указывал В.Т. Тепкеев (Тепкеев, 2012: 247, 249, 289). Вотчинные понятия выражались не только в документах. В историческом труде «Синописис», созданном под руководством И. Гизеля и вышедшем в свет первым своим изданием в 1674 г., вотчиной царя был назван Киев. Это был «первоначальный всея России Царственный град». При царе Алексее Михайловиче он «от древняго достояния Царскаго паки в достояние Царское прииде». Согласно «Синописису», присоединение Киева к Московскому государству было исключительной заслугой царя, который «искони вечную скиптроносных прародителей его отчину, Царственный той град Киев в его скиптроносный Царский руце, яко природное Царское его присвоение, возврати» (Киевский синописис, 2006: 214).

Таким образом, на протяжении всего XVII в. традиционные представления о вотчинном характере Московского государства сохранялись достаточно прочно. Наиболее четко мысль о сохранении порядков и традиций вотчинного государства в этом веке высказывал Г.В. Плеханов. Он выделял при этом самое главное, которое заключалось в том, что и после Смуты власть царя «в государственных делах... оставалось беспредельной» (Плеханов, 1925: 224), что соответствовало положению государя-вотчинника.

Другие теоретические модели и основания к выводу о переходе к новому периоду российской истории

Высказывалась вместе с тем точка зрения, согласно которой началом государства в России Нового времени было Московское царство при Иване Грозном. Исследователи истории податного обложения в России З.В. Дмитриева и С.А. Козлов к государствам Нового времени, в соответствии с теорией военно-фискального государства, относили уже Россию с середины XVI в. Определяющий признак этого они видели в военной и финансовой политике правительства. По их словам, войны требовали «изменение номенклатуры налогов в чрезвычайных условиях военного времени» и «устойчивый рост косвенных сборов». По их мнению, военно-фискальное государство стало формироваться в России с середины XVI в., а в XVIII в. оно «достигло своего апогея» (Дмитриева, Козлов, 2020: 321).

Но в несравненно большей степени за последнее время было обращено внимание на некоторые обстоятельства, которые давали основание перенести хронологическую грань между русским Средневековьем и новой Россией в более поздний период, который приходился на время петровского царствования и начала Российской империи. Так, общий анализ внутреннего состояния российского общества и государства в период пребывания на престоле царя Федора Алексеевича давал основание П.В. Седову сделать вывод о сохранении в стране традиций глубокой архаики в разных сферах жизни, даже несмотря на отмену местничества в 1682 г. По его мнению, события времени царствования царя Федора Алексеевича были противоречивы и сложны для понимания. В эти годы, кроме отмены

местничества, «не было никаких кардинальных реформ». Но вместе с тем «при Петре I не случилось ничего такого, что не имело бы своих истоков во время Федора Алексеевича». В этой связи, заключал П.В. Седов, «годы царствования Федора, равно как и последующие годы регентства, обречены быть предметом споров историков: одни будут искать здесь начало Нового времени, а другие – конец уходящей эпохи» (Седов, 2008: 555). Сам П.В. Седов склонялся к тому, чтобы рассматривать время царствования Федора, как и весь XVII в. в России, временем старого Московского царства.

На новый период, начинавшийся с петровского царствования, указывал Р. Уортман. Проявлялся он в презентации власти, когда после взятия Петром I Азова создавался новый образ царя как победителя, в виде Геркулеса и бога войны Марса. В этой связи, по словам Р. Уортмана, русские столкнулись с западными метафорами монарха-героя, монарха-бога, символизирующими отказ от кроткого и смиренного образа царя» (Уортман, 2002: 69). Тем самым Петр I, подобно в прошлом князю Владимиру и патриарху Никону, «произвел ... акт культурного насилия» над русским обществом. Он «перестроил образ царя и элиты в соответствии с западноевропейским мифом о завоевании власти» (Уортман, 2002: 67). Новая церемония должна была внедрять в сознание русского общества новый образ царя как героя-победителя и властителя. Имела место «демонстрация военной мощи в чистом виде, покорение столицы в честь покорения новых земель для империи» (Уортман, 2002: 70). Этот образ царя решительно расходился с русской культурной традицией, но соответствовал западной традиции Нового времени, освоившей античные образы в своей культуре.

Подход Р. Уортмана к выделению начала нового периода в развитии страны и ее культуры вполне соответствует подходу, предложенному С.А. Нефедовым. При этом С.А. Нефедов конкретизировал мысль, которую высказывал еще А.И. Герцен, согласно которой Петр I – революционер на троне. «Под императорской порфирой в Петре всегда чувствовался революционер» (Герцен, 2010: 227), – писал он. Мысль о Петре I как революционере вообще была воспринята и поддержана отечественной общественно-исторической мыслью. В поэме «Россия» М. Волошин подчеркивал, что «в России революция была Исконнейшим из прав самодержавья» и в соответствии с этим «правом» действовал Петр I. Согласно С.А. Нефедову, совершенная Петром I революция произошла тогда, когда «Петр I отстранил от власти Боярскую думу, взял все управление на себя и стал абсолютным, неограниченным монархом», произошел «государственный переворот», или «революция сверху». Без Боярской думы царь «стал управлять ... всем государством – с помощью именных указов» (Нефедов, 2014а: 46). С.А. Нефедов указал на ярко выраженную «культурную» составляющую этого переворота, которую царь наглядно выразил 6 января 1699 г., на праздник Водосвятия. На этот день к «иордани» на реке Москве он вывел Преображенский и Семеновский полки в немецкой военной форме. Тем самым он «устроил настоящую демонстрацию военной силы» (Нефедов, 2014а: 45). Однако суть этой «революции сверху» он видел в другом. Основываясь на теории «военной революции» шестидесятых годов М. Робертса, он связал ее с принципиальной перестройкой армии, с переходом к созданию новой, регулярной армии, в соответствии с потребностями современной войны. Все это, как отмечал С.А. Нефедов, шло очень трудно, и царь даже «чувствовал себя неуверенно», и только Полтавская победа спасла его положение, «заставила смириться аристократическую оппозицию и примирила с царем часть дворянства». Но в то же время он отметил нарастание внутреннего противоречия, поскольку «управленческий механизм оставался допотопным – это была старинная система приказов» (Нефедов, 2014b: 57). Все это предполагало проведение административных реформ, соответствовавших принципам регулярного государства. И, как самое главное, перестройку системы государственной службы по европейскому образцу. «Принцип повышения по заслугам» был в ее основе, который был выражен в Табели о рангах. Это отвечало идеям С. Пуфендорфа, которыми Петр I был настолько увлечен, что даже перевод его книги «О должности человека и гражданина» «с похоронной серьезностью читал вслух на светских вечерах» (Нефедов, 2014b: 59), – указывал С.А. Нефедов со ссылкой на немецкого историка Х. Баггера. Другим основанием он видел полицейское регулирование, выраженное в «Регламенте Главному магистрату». В нем имелись нормы полицейского регулирования, которые были «одним из основных принципов "регулярного государства"» (Нефедов, 2014b: 60). Произошла смена вотчинного государства государством регулярным, соответствовавшим принципам внутренней жизни общества раннего Нового времени. Это было, согласно С.А. Нефедову, при Петре I. С его царствования он видел, таким образом, начало нового периода российской истории.

На самую тесную связь между идеями общего блага, характерными для европейской общественной мысли XVII в., камерализма в управлении и полицейского государства как механизма обеспечения общего блага силами государства указывал А.Б. Каменский (Реформы..., 2016: 27-28).

Характерные для регулярного государства нормы полицейского регулирования давали основание Р.А. Лубскому говорить о смене вотчинного государства на рубеже XVII–XVIII вв. государством полицейским. В качестве определяющих черт полицейского государства он выделял такие, как «представление о светском характере государства», «регламентация не только общественной, но и частной жизни людей», «представление об "общем благе" как цели создания регулярного государства». Принципиальное отличие от вотчинного государства заключалось в «отделении государства от государя, общества от государства» (Лубский, 2014: 23). Оно также

основывается на идее «централизации и бюрократизации государственного управления и строгой регламентации служебных обязанностей» (Лубский, 2014: 25). Такое построение государства соответствовало «рационализму в управлении, абсолютизму и цезарепапизму» (Лубский, 2014: 26). Р.А. Лубский выделял при этом особенности такого государства в России. Связывал он их со «спецификой русского культурного архетипа». Поэтому, подчеркивал он, в России «полицейское государство, наделявшееся сверхъестественными свойствами, воспринималось как творец всей общественной жизни». Тем самым в сознании русского общества возникал «этатизм, причем не в западном, а в восточно-деспотическом смысле» (Лубский, 2014: 27).

Что же касается массового сознания, то взгляд на Петра Великого и на его реформы как на начало новой России, пришедшей на смену обветшалому Московскому государству, является очень распространенным. Отчасти этому способствует само представление о личности первого российского императора в исторической памяти людей. Но в немалой степени этому способствовала политика культурной памяти, проводившаяся в стране в последние советские годы и в современной России. На это указывают такие ее стороны, как появление новых монументов царю. Это, прежде всего, памятник в Петропавловской крепости, созданный М.М. Шемякиным, в котором нашли отражение противоречия личности и деятельности Петра I. «Петр ужасен», – так оценивал общее впечатление от памятника философ И.И. Докучаев. Но при этом, по его словам, «Петр I – бесспорно, ключевая фигура в истории России» (Докучаев, 1994: 32), положившая начало новому периоду в развитии страны. Согласно же Е. Евтушенко, в образе Петра от М. Шемякина заметна «злобная надутость палача». Сходство лика царя с ликом восковой персоны наводит на мысль не только о позитивных, но и о тяжелых, даже страшных последствиях его деятельности для страны и народа. Для начала 1990-х годов, когда критика самодержавной тирании была востребована обществом, появление подобного памятника было неслучайно. Другой характер имеет монумент в Азове, созданный О.К. Комовым и А.Н. Ковальчуком в связи с 300-летием взятия крепости Петром I в 1696 г. На этом монументе образ царя иной. Он молодой и энергичный и как бы ведет страну и народ к лучшему будущему. В Азове к установке памятника отнеслись по-разному. Но в конечном счете в провинциальном городе с прочными консервативными традициями обращение «к вечным непреходящим ценностям, к необходимости ценить свое великое историческое прошлое» взяло верх (Колесник, 2001).

Оба памятника при всех различиях между ними имели общее между собой. Они отражали то, что в общественном историческом сознании идея начала новой России со времени Петра I усваивалась легче, чем с Московского государства при первых царях из династии Романовых. Этому способствовало представление о деятельности царя-реформатора, решительно и нередко жестоко разрывавшего со старыми порядками и вводившего в жизнь российского общества новые основания, соответствовавшие Новому времени. В этой связи теории вотчинного государства и регулярного государства были ближе к историческим представлениям широких слоев общества, чем теории нового периода российской истории с XVII в.

4. Заключение

Таким образом, в отечественной исторической мысли последних лет было заметно усиление интереса к теориям вотчинного государства и регулярного, или полицейского, государства, а также к хронологии перехода от русского Средневековья к новой Российской империи. Положение о том, что такой переход имел место не ранее, чем на рубеже XVII–XVIII вв., при Петре I, был обоснован завершением существования в это время средневекового вотчинного государства и переходом от него к регулярному государству раннего Нового времени. Тем самым положения этих теорий вновь сделали дискуссионным вопрос о времени перехода от русского средневековья к новой России, который, как казалось, разрешен окончательно. Несомненно, что дискуссия по этому значимому вопросу отечественной исторической мысли будет иметь свое продолжение.

5. Благодарности

Статья выполнена в рамках реализации проекта СП 14-22-05 "Аналитический центр "Институт исследования солидарной среды будущего". (Программа стратегического академического лидерства Южного федерального университета "Приоритет 2030").

Литература

Герцен, 2010 – Герцен А.И. О развитии революционных идей в России / Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 196-303.

Гриценко, 2021 – Гриценко К.А. Князь М.М. Щербатов и консервативное направление российской общественно-политической мысли второй половины XVIII в. Ростов н/Д.-Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2021. 182 с.

Дмитриева, Козлов, 2020 – Дмитриева З.В., Козлов С.А. Налоги и войны в России XVI–XVIII веков. СПб.: Историческая иллюстрация, 2020. 568 с.

- Докучаев, 1994 – *Докучаев И.И.* Памятник Михаила Шемякина Петру Великому как социокультурный феномен // *Петербург как феномен культуры*. Сб. статей. СПб.: Образование, 1994. С. 23-40.
- Екатерина II, 2010 – *Екатерина II.* Размышления о Петербурге и Москве // *Екатерина II.* Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 811-812.
- Кавелин, 1989 – *Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт древней России / Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 11-67.
- Карамзин, 2010 – *Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 279-348.
- Киевский синопсис, 2006 – *Киевский синопсис* // Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674). М.: Европа, 2006. 239 [2] с.
- Ключевский, 1957a – *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 2 / Сочинения в 8 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2. 468 с.
- Ключевский, 1957b – *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 3 / Соч. в 8 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. 425 с.
- Козляков, 2007 – *Козляков В.Н.* Василий Шуйский. М.: Молодая гвардия, 2007. 301 [3] с.
- Колесник, 2001 – *Колесник В.* История творит нас, мы творим историю: Об истории создания памятника Петру I // *Азовская неделя*. 3 августа 2001 г.
- Крестьянская война, 3, 1962 – *Крестьянская война под предводительством Степана Разина*. Сб. док-тов в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 3. 491 с.
- Лавджой, 2001 – *Лавджой А.* Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
- Лаптева, 2006 – *Лаптева М.П.* Теория и методология истории. Пермь: Изд-во ПГУ, 2006. 254 с.
- Ленин, 1979 – *Ленин В.И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1979. Т. 1. С. 125-346.
- Лубский, 2014 – *Лубский Р.А.* Российская государственность как социальная реальность. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2014. 291 с.
- Нефедов, 2014 – *Нефедов С.А.* Происхождение регулярного государства Петра Великого // *Вопросы истории*. 2014. № 4. С. 43-50.
- Нефедов, 2014b – *Нефедов С.А.* Происхождение регулярного государства Петра Великого // *Вопросы истории*. 2014. № 5. С. 52-63.
- Очерки..., 1955 – *Очерки истории СССР. XVII в.* М.: Изд-во АН СССР, 1955. 1032 с.
- Плеханов, 1925 – *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли // *Плеханов Г.В.* Соч. М.-Л., 1925. Т. 20. XXVIII, 363 с.
- Погодин, 2010 – *Погодин М.П.* Петр Великий // *Погодин М.П.* Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 229-244.
- ПСРЛ, 1913 – *ПСРЛ.* СПб., 1913. Т. 21. Ч. 2. С. 344-708.
- ПСРЛ, 2005 – *ПСРЛ.* М.: ЯСК, 2005. Т. 22. 896 с.
- ПСРЛ, 1949 – *ПСРЛ.* М.-Л. Изд-во АН СССР, 1949. Т. 25. 464 с.
- ПСРЛ, 1965 – *ПСРЛ.* М.: Наука, 1965. Т. 29. 390 с.
- Репина, 2011 – *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Реформы..., 2016 – *Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.* В 4 т. М.: РОССПЭН, 2016. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. 430 с.
- Седов, 2008 – *Седов П.В.* Закат московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 603 [1] с., [4] л., ил., порт., табл.
- Соборное Уложение, 1987 – *Соборное Уложение 1649 года.* Комментарии. Л.: Наука, 1987. 448 с.
- Соловьев, 1988 – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 1 / Соч. в 18 кн. М.: Мысль, 1988. Кн. 1. 797 [1] с.
- Тельберг, 1912 – *Тельберг Г.Г.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1912. VIII, 342 с.
- Тепкеев, 2012 – *Тепкеев В.Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: ЗАОр «НПП "Джангар"», 2012. 376 с.
- Уортман, 2002 – *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. 606 [1] с.
- Устрялов, 1858 – *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. LXXXVIII; 400 с.
- Устрялов, 1997 – *Устрялов Н.Г.* Русская история до 1855 года, в двух частях. Петрозаводск: Корпорация «ФОЛИУМ», 1997. 957 с.
- Утвержденная грамота..., 1906 – *Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова с предисловием С.А. Белокурова.* М., 1906. 120 с.

References

- Gercen, 2010** – *Gercen, A.I.* (2010). O razvitií revoliutsionnykh idei v Rossii [On the development of revolutionary ideas in Russia]. *Izbrannye trudy*. M. Pp. 196-303. [in Russian]
- Gritsenko, 2021** – *Gritsenko, K.A.* (2021). Kniaz M.M. Shcherbatov i konservativnoe napravlenie rossiiskoi obshchestvenno-politicheskoi mysli vtoroi poloviny XVIII v. [Prince M.M. Shcherbatov and the conservative trend of Russian sociopolitical thought in the second half of the XVIII century]. Rostov-na-Donu: Taganrog. P. 182. [in Russian]
- Dmitrieva, Kozlov, 2020** – *Dmitrieva, Z.V., Kozlov, S.A.* (2020). Nalogi i voiny v Rossii XVI-XVII vekov [Taxes and wars in Russia of the XVI–XVIII centuries]. SPb. [in Russian]
- Dokuchaev, 1994** – *Dokuchaev, N.I.* (1994). Pamiatnik Mihaila Shemyakina Petru Velikomu kak socio-kulturny fenomen [Monument of Mikhail Shemyakin to Peter the Great as a socio-cultural phenomenon]. *Peterburg kak fenomen kultury: sbornik statei*. SPb. Pp. 23-40. [in Russian]
- Ekaterina II** – *Ekatherina II*. Razmyshlenia o Peterburge i Moskve [Reflections on St.-Petersburg and Moscow]. *Izbrannoe*. M. Pp. 811-812. [in Russian]
- Kavelin, 1989** – *Kavelin, K.D.* (1989). Vzgliad na uridicheskii byt drevnei Rossii [A book of the legal life of ancient Russia]. *Nash umstvennyi stroi. Statii po filosofii istorii i kultury*. M. Pp. 11-67. [in Russian]
- Karamzin, 2010** – *Karamzin, N.M.* (2010). O drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenii [About ancient and new Russia in its political and civil relations]. *Izbrannye trudy*, M. Pp. 279-348. [in Russian]
- Kievskii sinopsis, 2006** – *Kievskii sinopsis* [Kiev synopsis]. *Mechta o russkom edinstve. Kievskii sinopsis (1674)*. M., 2006. 239 [2] p. [in Russian]
- Kluchevsky, 1957a** – *Kluchevsky, V.O.* (1957). Kurs russkoi istorii [Russian History course]. Ch. 2. *Soch.* v 8 t. M. T. 2. 468 p. [in Russian]
- Kluchevsky, 1957b** – *Kluchevsky, V.O.* (1957). Kurs russkoi istorii [Russian History course]. Ch. 3. *Soch.* v 8 t. M. T. 3. 425 p. [in Russian]
- Kozliakov, 2007** – *Kozliakov, V.N.* (2007). *Vasilii Shuisky* [Vasilii Shuisky]. M., 301[3] p. [in Russian]
- Kolesnik, 2001** – *Kolesnik, V.* (2001). Istoria tvorit nas, vy tvorim istoriu: Ob istorii sozdania pamiatnika Petru I [History creates us, we create history: About the history of the monument of Peter I]. *Azovskaia nedelia. 3 avgusta 2001 g.* [in Russian]
- Krestianskaia voina, 1962** – *Krestianskaia voina pod predvoditelstvom Stepana Razina* [Peasant war led by Stepan Razin]. *Sb. doc.* v 4 t. M. T. 3. 491 p. [in Russian]
- Lavdzhoi, 2001** – *Lavdzhoi, A.* (2001). Velikaia cep bytia. Istoria idei [The great chain of being. A study of the history of an idea]. M., 376 p. [in Russian]
- Lapteva, 2006** – *Lapteva, M.P.* (2006). Teoria i metodologia istorii [Theory and methodology of history]. Perm, 254 p. [in Russian]
- Lenin, 1979** – *Lenin, V.I.* (1979). Chto takoe «druzia naroda» i kak oni voiuut protiv social-demokratov? [What are the «friends of the people» and how do they fight against the Social Democrats? // Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* M., 1979. T.1. P.125-346. [in Russian].
- Lubsky, 2014** – *Lubsky, R.A.* (2014). Rossiiskaia gosudarstvennost kak socialnaia realnost [Russian Statehood as a social reality]. Rostov-na-Donu, 291 p. [in Russian]
- Nefedov, 2014a** – *Nefedov, S.A.* (2014). Proishozhdenie regularnogo gisudarstva Petra Velikogo [The origin of the regular State of Peter the Great]. *Voprosy istorii*. 4: 43-50. [in Russian]
- Nefedov, 2014b** – *Nefedov, S.A.* (2014). Proishozhdenie regularnogo gisudarstva Petra Velikogo [The origin of the regular State of Peter the Great]. *Voprosy istorii*. 5: 52-63. [in Russian]
- Ocherki..., 1955** – *Ocherki istorii SSSR. XVII v.* [Essays on the history of the XVII century] M., 1955. 1032 p. [in Russian]
- Pogodin, 2010** – *Pogodin, M.P.* (2010). Petr Veliky [Peter the Great]. *Izbrannye trudy*, M. Pp. 229-244. [in Russian]
- Plehanov, 1925** – *Plehanov, G.V.* (1925). Istoria russkoi obshestvennoi mysli [History of Russian social Thought]. *Soch.* M.; L., 1925. T. 20. XXVIII, 363 p. [in Russian]
- PSRL, 1913** – *PSRL* [The CCRC]. SPb., 1913. T. 21. Ch. 2. Pp. 344-708. [in Russian]
- PSRL, 2005** – *PSRL* [The CCRC]. M., 2005. T. 22. 896 p. [in Russian]
- PSRL, 1949** – *PSRL* [The CCRC]. M., 1949. T. 25. 464 p. [in Russian]
- PSRL, 1965** – *PSRL* [The CCRC]. M., 1965. T. 29. 390 p. [in Russian]
- Repina, 2011** – *Repina, L.P.* (2011). Istoricheskaia nauka na rubezhe XX-XXI vv.: socialnye teorii i istoriograficheskaia practica [Historical science at the turn of the XX-XXI centuries: social theories and historiographical practice]. M.: 560 p. [in Russian]
- Reformy..., 2016** – *Reformy v Rossii s drevneishih vremen do kontsa XX v.* [Reform in Russia from ancient times to the end of the XX century]. V 4 t. V., 2016. T. 2. XVIII – pervaiia polovina XIX v., 430 p. [in Russian]
- Sedov, 2008** – *Sedov, P.V.* (2008). Zakat Moskovskogo carstva. Carsky dvor konca XVII veka. [The decline of the Moscow kingdom. The Royal court of the end of the XVII century]. SPb., 603 [1] p., [4] l., il., port., tabl. [in Russian]

- [Sobornoe Ulozhenie, 1987](#) – Sobornoe Ulozhenie 1649 goda [The Cathedral Code of 1649]. Rommentarii. M., Nauka, 1987. 448 p. [in Russian]
- [Soloviov, 1988](#) – *Soloviov, S.M.* (1988). Istorია Rossi s drevneishih vremen [The history of Russia since ancient times]. Kn. 1. Soch. v 18 kn. M. Kn. 1. 797 [1] p. [in Russian]
- [Telberg, 1912](#) – *Telberg, G.G.* (1912). Ocherki politicheskogo suda i politicheskikh prestuplenii v Moskovskom gosudarstve XVII veka [Essays on the political court and Political Crimes in the Moscow State on te XVII century]. M. VIII, 342 p. [in Russian]
- [Tepkeev, 2012](#) – *Tepkeev, V.T.* (2012). Kalmyki v Severnom Prikaspii vo vtoroi treti XVII veka [Kalmyks in the Northern Caspian region in the second third of the XVII century]. Elista, 376 p. [in Russian]
- [Uortman, 2002](#) – *Uortman, R.S.* (2002). Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoi monarhii [Scenarios of power Myths and ceremonies of the Russian Monarchy]. M. T.1. 606 [1] p. [in Russian]
- [Ustrialov, 1858](#) – *Ustrialov, N.G.* (1858). Istorია carstvovaniia Petra Velikogo [The history of the reign of Peter the Great]. SPb. T. 1. LXXXVIII. 400 p. [in Russian]
- [Ustrialov, 1997](#) – *Ustrialov, N.G.* (1997). Russkaia istorია do 1855 goda, v dvuh chastiah [Russian History before 1855, in two parts]. Petrozavodsk, 957 p. [in Russian]
- [Utverzdennaia gramota, 1906](#) – Utverzdennaia gramota ob izbranii na Moskovskoe gosudarstvo Mihaila Fedorovicha Romanova s predisloviem S.A.Belokurova [The approved certificate of election to the Moscow State of Mikhail Fedorovich Romanov with a preface by S.A. Belokurov]. M., 1906. 120 p. [in Russian]

От средневекового царства к империи Нового времени: модели государственного устройства в России XVII – начала XVIII вв. в отечественной исторической мысли

Людмила Владимировна Мининкова ^{a, *}

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Вопрос о времени перехода от средневекового Московского царства к России Нового времени, политической формой которой стала Российская империя, был поставлен в российской общественно-исторической мысли с XVIII в. Преобладала точка зрения, что начало нового периода российской истории приходится на время царствования Петра I. С опорой на принцип историзма С.М. Соловьев указывал, что начало нового периода истории России приходилось на XVII в., когда складывались предпосылки Петровских реформ. Эта точка зрения прочно утвердилась в отечественной историографии, в том числе в советский период. За последнее время была выдвинута новая аргументация в пользу перехода к новой России в царствование Петра I. Основанием для такого пересмотра стали теории вотчинного государства и регулярного, или полицейского, государства, на которые обращается внимание в трудах современных историков. Подчеркивается, что завершение существования вотчинного государства и переход к регулярному государству означал переход к новой России, что произошло при Петре I. В историческом сознании широких слоев населения новый период истории страны также связывается с Петром Великим.

Ключевые слова: общественно-историческая мысль России, отечественная историография, новый период российской истории, вотчинное государство, регулярное государство, полицейское государство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lvmininkova@sfedu.ru (Л.В. Мининкова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 37-45
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.37

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII-XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia

Olga A. Plotskaya ^{a,*}, Valery I. Elinsky ^b, Raul S. Dzhindzholiya ^b, Roman V. Fedorov ^b

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article examines the features of the legal regime of natural bioresources in the XVII-XVIII centuries in the positive and customary law of the Finno-Ugric and Samoyed peoples of the North of Russia. The authors concluded that during the period under review, two legal systems of positive and customary law functioned simultaneously on the territory of the northern Finno-Ugric and Samoyed peoples. The legal regime of natural bioresources was regulated by the norms of positive law. However, its detailing took place in ordinary (unwritten) law, which included not only legal norms, but also moral and moral obligations, religious and taboo norms. Customary law contributed to the competent regulation of the sphere of nature management, preserving natural objects and biological resources, as well as the traditional system of life of these peoples, based on a centuries-old and repeatedly used model of nature management. Despite the fact that the Russian legislator, since the XVII century, introduced a number of restrictions on the use of natural objects and biological resources, however, by the end of the XVIII century a trend is being determined emphasizing the convergence process that took place between the norms of written and customary law, which complemented the first. The authors have formulated the conclusion that if during the period under review the Russian legislator as a whole sanctioned broad opportunities for the use of natural bioresources, introducing them into civil circulation and taxing such activities, then the norms of customary law of the Arctic peoples regulated in detail various aspects of nature management that were not affected by the norms of positive law, including the consolidation of property rights by generic signs property; regulation of commercial legal relations, including norms-taboo; resolution of conflicts arising on issues of environmental management by mediation and the implementation of ethno-justice in cases of similar competence.

Keywords: komi, Mansi, Khanty, Nenets, positive law, customary law, legal regime, natural bioresources.

1. Введение

Вопросы природопользования и природоохраны всегда являлись важнейшими составляющими в жизненном цикле финно-угорских и самодийских народов севера России. Правовой режим природных биоресурсов в XVII–XVIII веках регулировался как нормами позитивного, так и не в меньшей степени нормами обычного права, «вышедшими» из этнической обычно-правовой практики, длительный период применявшимися в системе традиционного природопользования у российских северных народов: финно-угорских – коми (устаревшее название – зыряне), манси (устаревшее название – вогулы), ханты (устаревшее название – остяки) и самодийских – ненцы (устаревшее название – самоеды, юраки), энцы (енисейские самоеды).

* Corresponding author

E-mail addresses: olga.plockaya@mail.ru (O.A. Plotskaya), 20745@rambler.ru (V.I. Elinsky), drauli@yandex.ru (R.S. Dzhindzholiya), roman.fedorof@yandex.ru (R.V. Fedorov)

Сегодня в условиях нарастающих аккультурационных и глобализационных процессов исследование регулятивного потенциала писаного и обычного права приарктических народов России в сфере природопользования и природоохраны представляется наиболее актуальным, так как научный интерес, безусловно, вызывает проблема исследования обычно-правовых императивов у бесписьменных народов (либо утерявших свою письменность). Кроме этноисторического, обычно-правового аспекта, важнейшее значение обозначенная проблема приобретает для изучения современных тенденций и факторов, позволяющих сохранять культуру традиционного природопользования, характерную не только для перечисленных народов, но и для других, ведущих полукочевой (полуоседлый) образ жизни в арктических пространствах России.

Северные финно-угорские и самодийские народы России в процессе жизнедеятельности применяли обычно-правовые принципы, которые в том числе регулировали и процесс взаимодействия и взаимоотношения человека с природой, направленный на созидание и сохранение природных объектов, так как уничтожение последних приравнялось к уничтожению себя, как части природы.

Настоящее историко-правовое исследование позволяет выявить общие и особенные тенденции и закономерности в правовом режиме природных биоресурсов, санкционированном как нормами позитивного, так и нормами обычного права в обозначенный период у приарктических народов России.

Правовой режим природных биоресурсов необходимо рассматривать через призму совокупности правовых средств, способов и мер регулирования, закрепленных позитивным и обычным правом, которые соответствовали общественным отношениям, существовавшим в рассматриваемый хронологический период. В писаном и обычном праве существовали общие требования в отношении использования и охраны, мер правового воздействия по отношению к нарушителям. Однако необходимо выделить и особенности в правовом режиме природных биоресурсов, которые регулировались, с одной стороны, нормами, закрепленными официальным законодателем, а с другой – нормами, «вышедшими» из народа.

В связи с этим рассмотрение проблем правового режима природных биоресурсов в XVII–XVIII вв., закрепленного в нормах позитивного и обычного права финно-угорских и самодийских народов севера России как историко-правового явления, снабженного этнонациональным колоритом, имеет теоретическое и практическое значение.

Исследование традиционного, складывавшегося в процессе многовековой истории обычно-правового опыта приарктических народов, обитавших на территории отдаленных северных окраин российского государства в суровых северных климатических условиях, позволит выявить обычно-правовые императивы, способствующие бережному отношению к природным ресурсам, сохранению своеобразия и неповторимости северной этнолокальной правовой культуры.

2. Материалы и методы

Источниковой основой исследования явились архивные данные и материалы, содержащиеся в таких документах, как ведомости, крепостные книги, грамоты и др., находящиеся на постоянном хранении в Российском государственном архиве древних актов – РГАДА (Российская Федерация, Москва), Национальном архиве Республики Коми – НА РК (Российская Федерация, Сыктывкар). Архивные документы частично содержат упоминания об обычно-правовых отношениях у северных приарктических этносов в сфере природоохраны и природопользования. Являясь ценнейшими и немногочисленными источниками, прежде всего исторической, этноправовой информации, они чаще всего представляют документы чиновничьего официального делопроизводства.

Существенное значение имеют сборники научных трудов, частично касавшихся в том числе и обычно-правового быта. Во время совершения путешествий авторы таких работ описывали этнографические, географические, климатологические, биологические и иные аспекты проживания народов, посещаемых ими, параллельно упоминая об обычно-правовых нормах и обычаях, существовавших у автохтонного населения севера России, к примеру, «Описание обитающих в Российском государстве народов...» (Георги, 1795), «История Сибири» (Миллер, 1941), «Дневные записки путешествия...» (Лепехин, 1772) и др.

Важнейшие выводы в настоящем исследовании были сгенерированы благодаря постатейному анализу и комментированию источников дореволюционного российского права, систематизированных в сборнике «Полное собрание законов Российской империи» (далее по тексту – ПСЗ).

Значительные этнографические и историко-правовые данные, отражавшие обычно-правовые императивы в сфере природопользования, распространенные в обычном праве финно-угорских и самодийских народов севера России в рассматриваемый период систематизированы различными специалистами в соответствующих сборниках, включающих в свой состав, как правило, подлинные тексты архивных документов, выдержки и цитаты из трудов путешественников и исследователей периода XVII–XVIII веков, побывавших на территории расселения обозначенных народов и описавших не только их быт, черты характера, особенности национальной кухни, костюма, но и некоторые правовые обычаи, часто сравнивая их с традиционными ритуалами и обрядовыми действиями (к примеру, Коми край в XVIII веке, Обдорский край и Мангазея в XVII веке, Историко-филологический сборник и др.).

Методологической основой данной работы послужил комплекс научных подходов и принципов, а также методов исследования (Savka et al., 2022: 81), который в подобной последовательности ранее не применялся. Важнейшее место отводится системному подходу, благодаря которому правовой режим природных объектов рассматривается «как сложная система» (Кудж, Цветков, 2019: 153), в структуру которой входит множество взаимосвязанных и даже взаимообусловленных элементов. Применение «системного и категориального анализа» (Кудж, Голованова, 2020: 117) позволяет исследовать историко-этнографические, обычно-правовые источники, выявляя их закономерности в правовом режиме природных биоресурсов, существовавших как в писаном, так и в обычном праве финно-угорских и самодийских народов. Нельзя не учитывать исторические факты и события, имевшие место в рассматриваемый период в Российском государстве. Этому способствует использование историко-правового метода. Синтезировать, систематизировать и инкорпорировать все сгенерированные результаты позволяет часто применяемый в историко-правовых исследованиях системный метод, который способствует выделению общих тенденций в развитии природопользования. Герменевтический метод, предоставляя возможность толковать различные исторические источники, дает возможность разъяснить и уяснить специфику нормативных правовых актов, существовавших в прошлом, привлекаемых в качестве эмпирической основы в этой работе.

3. Обсуждение

Среди первых работ, вышедших в XVIII веке, носящих в большей мере общеознакомительный характер с народами, населяющими Российское государство, следует назвать заметки путешественников, которые описывали их быт, обряды, обычаи, элементы традиционной культуры, это труды И.Г. Георги, И.И. Лепехина, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа (Георги, 1795; Лепехин, 1772; Миллер, 1941; Паллас, 1788).

Среди советских и современных исследователей, работы которых в ряде случаев соприкасаются в некоторых аспектах с рассматриваемой темой, необходимо назвать следующих: Е.В. Вершинина, Г.П. Визгалова, А.К. Гагиеву, А.В. Головнева, В.А. Зибарева, Н.Д. Конакова и др. (Вершинин, Визгалов, 2004; Гагиева, 2012; Головнев, 1995; Зибарев, 1990; Конаков, 2004). Однако полученные и описанные данные в этих трудах не раскрывали особенностей взаимодействия норм писаного и обычного права в сфере традиционного природопользования у рассматриваемых народов в XVII–XVIII веках.

Современные исследователи уделяют значительное внимание вопросам обычно-правового мира. Данной проблемой все больше интересуются специалисты различных гуманитарных направлений. Среди них можно отметить Н.С. Авдоницу, Д.Г. Алексею, К.С. Зайкова, Е.Н. Калиакперову, В.В. Наумкину, О.А. Плоцкую, С.А. Правкина, Г.Ф. Ручкину, В.В. Смирнову, Л.В. Сокольскую, В.В. Титова, Р.В. Шагиеву, М.А. Хватову и др. (Зайков, Авдонина, 2019; Плоцкая и др., 2021; Плоцкая и др., 2022; Правкин и др., 2021; Титов, 2021).

В перечисленных научных трудах исследуются различные этнографические, исторические, культурологические и другие аспекты обычно-правового мира, но практически отсутствует анализ особенностей и тенденций в развитии правового режима природных биоресурсов на протяжении XVII–XVIII веков, которые существовали как в позитивном, так и в обычном праве российских северных народов.

Поэтому целью настоящей работы является разностороннее исследование особенностей правового режима природных биоресурсов, существовавшего в XVII–XVIII веках и санкционированного нормами писаного и обычного права у северных российских финно-угорских и самодийских народов.

4. Результаты

В XVII – начале XVIII вв. на территории традиционного проживания северных приарктических российских финно-угорских и самодийских народов правовые нормы, вышедшие из-под пера российского законодателя, не в полном объеме регулировали сферу природопользования. Безусловно, законодатель пытался закрепить в нормах позитивного права особенности правового режима использования природных биоресурсов. Об этом свидетельствуют ранее издававшиеся жалованные грамоты XV века, в которых законодательно защищались земли традиционного проживания аборигенных северных народов и накладывались ограничения для чиновников на их гражданско-правовой оборот (Жалованная..., 1958: 247; Жалованная грамота..., 1958: 255).

В XVI веке законодатель не только санкционировал свободу природопользования для автохтонных народов, но и установил государственную защиту «...от всяких людей...» (Жалованная грамота..., 2004: 10), к примеру, для самоедов после принятия ими подданства российского государства. Данная тенденция продолжилась и в рассматриваемый период.

Важно отметить, что российский законодатель заботился и в XVII веке о свободном использовании природных биоресурсов, исключая в Соборном Уложении 1649 г. из этого списка в

главе VII ст. 23 «...заповедные леса...» (*Соборное...*), в главе X ст. 239 «...чужей земли...» (*Соборное...*), в главе III ст. 8 «...государевы прудех и в озерах» (*Соборное...*) (Гл. III ст. 8).

В начале XVIII века Петр I уделял значительное внимание защите прав северных народов. Так, в «Грамоте в Пустозерский острог воеводе Кушелеву» он наказывал: «...Обидь имъ Самоядцамъ не чинить...».

Однако нормы позитивного права не могли урегулировать все значимые аспекты в сфере использования природных биоресурсов на значительных территориях, где расселялись северные народы. Поэтому особый регулятивный эффект имело обычное право, которое не только не противоречило нормам позитивного права, но и санкционировало использование земельных, водно-лесных ресурсов, детально раскрывая элементы и сущность правового режима, возникавшего при использовании ресурсов природы. Право собственности на различные виды природных ресурсов в современном его понимании (включающем три правомочия – «право пользования», «право распоряжения», «право владения») у северных автохтонных народов не признавалось. Каждому члену «мира» предоставлялась лишь возможность вкладывать свой труд в облагораживание и содержание любого объекта природы. Такой объект не должен быть занят другим членом этнолокального «мира» (*Флетчер, 2007: 123*). Этот обычай, описанный еще в XVI в. Д. Флетчером, сохранился до октябрьских революционных действий и событий XX века. Он нашел свое отражение в архивных материалах (*НА РК. Ф. 273. Оп. 1. Д. 572. Л. 3; Д. 471. Л. 1-2*).

Право, основанное на многократно применявшихся и устоявшихся в народной правоприменительной практике правовых обычаях, регулировало многие аспекты общественной жизни, в том числе и «процесс... совместного природопользования...» (*Конаков, 2004: 153*) в тундре. Так как земельными, водными, лесными объектами пользовались многие народы, проживавшие на приарктической территории, то, соответственно, возникала необходимость в урегулировании данного аспекта. Так, правовые обычаи, применявшиеся у автохтонных народов севера, не только распределяли территории выпаса оленей, но и способствовали взысканию части убытка с пастуха из-за потери оленей по его недосмотру (*Иванова, 2009: 31*).

Исторические источники содержат даже упоминания о происходивших драках между ненцами в XVII в. из-за нарушения обычно-правового принципа справедливого распределения промысловых оленеводческих территорий для выпаса оленей. По правовому обычаю все территории, на которых выпасалась «животина» (олени) (*Из грамоты..., 2004: 24*), распределялись между различными родовыми группами и семьями. Когда нарушался этот обычай, то возникали «...меж себя драки...» (*Челобитная..., 2004: 38*). Столкновения происходили между ненцами и хантами не только из-за распределения промысловых оленеводческих территорий для выпаса оленей, но и за самих оленей: «...самоядь и остяки... побрали... и с оленьми» (*Отписка..., 2004: 45*), а также из-за обладания промысловым снаряжением, в том числе из-за рыбацких сетей, неводов, лодок, «и якорей...» (*Из грамоты..., 2004: 23*).

Рыболовство являлось одним из важнейших способов, позволявших прокормить семью (*НА РК. Ф. 292. Оп. 1. Д. 3. Л. 3*). Обычное право регулировало правовой режим использования рыболовных угодий, который, по мнению В.А. Зибарева, позволял ловить рыбу «в водоемах... свободно... Однако у каждой семьи имелись свои постоянные... места» (*Зибарев, 1986: 177*). Важно отметить, что в этой сфере существовал и широко применялся следующий обычай, гарантировавший возможность каждому добыть себе пищу: «Где остановился, там и добывай» (*Зибарев 1986: 177*). Данный правовой обычай позволял человеку, вкладывавшему свой труд в поддержание экобаланса на своей промысловой территории, «...получать право на владение» (*Зибарев, 1986: 177*) ею. Такое право на владение передавалось по наследству.

Нормативно в начале XVIII века на государственном уровне санкционировалась передача рыболовных угодий на оброк (*ПСЗ. Т. IV. № 2007*). Причем законодательно закреплялась возможность предыдущим промысловикам и природопользователям первыми применить право пользования данными рыболовными угодьями: «...для того, чтобы старые... техъ рыбныхъ ловель... ведали» (*ПСЗ. Т. IV. № 2007*). Российский законодатель разрешал заключать договор найма в отношении водных природных объектов при условии ведения строгого учета таких территорий (*ПСЗ. Т. IV. № 2007*).

Государевы слуги должны были вести учет в ведомостях об используемых рыболовных угодьях и оплаченным сборам: «...о техъ рыбныхъ ловляхъ откупныя и оброчныя ведомости прислать...» (*ПСЗ. Т. IV. № 2079*). Промысел рыбы запрещался в случае неуплаты оброка (*ПСЗ. Т. IV. № 2079*).

У приарктических народов объективировался культ бережного отношения к природным биоресурсам, включая водные. Эти народы старались сохранить природные объекты, поэтому, к примеру, у коми стремились закрепить небольшие речные объекты, озера, пруды в крестьянском пользовании (*Балуева, 1960: 176-177*), так как каждый из них следил за «порядком» на этих водных объектах.

В соответствии с нормами обычного права крестьяне беспрепятственно распоряжались реками, озерами, прудами, которые закреплялись за определенными членами «крестьянского мира» (*Балуева, 1960: 177*). Помимо этих территорий, выделялись и общие промысловые угодья, находившиеся в режиме общинного использования (*Мальцева, 1983: 43*).

Не только оленеводство, рыболовство, но и охота была широко распространенным промысловым видом деятельности у приарктических народов Российского государства, о чем свидетельствуют часто упоминающиеся фразы в текстах первоисточников: «лешие (лесные) промыслы, мягкая рухлядь (пушнина), птичьи шутики и др.» (Вершинин, Визгалов, 2004: 21). Добытый на охоте продукт употребляли в пищу, продавали, применяя нормы обычного права, обменивали на другие товары (Вершинин, Визгалов, 2004: 12-13), его вносили в качестве уплаты податей, сборов, им же выкупали сородичей из заложников (Вершинин, Визгалов, 2004: 20). Правовой статус охотника и добытого охотничьего продукта регламентировался не только нормами обычного, но и позитивного права. В частности, уже с XVII века в главе X ст. 217 Соборного Уложения законодательно закреплялось право собственности охотника-промысловика на пойманную им добычу и принадлежащий ему охотничий инвентарь: «А... кто... чужую приваду испортит, ...за то, ...ему наказанье...» (Гл. X ст. 217) (Соборное...).

Необходимо отметить, что обычное право включало императивные обычно-правовые нормы-табу, широко распространенные в промысловой деятельности рыбаков и охотников, в отличие от позитивного права. Табуированные нормы включали элементы религиозных, морально-нравственных, магических и обрядовых действий и аспектов. Такой синкретизм был основан на вере в духов леса, воды, иных природных объектов. Исполнение норм-табу считалось обязательным для каждого, в противном случае наказание осуществлялось не только членами этнолокального общества, но и, по поверьям, накладывалось проклятие со стороны сверхъестественных природных сил.

Регулируя правовой режим природных биоресурсов и правовой статус пользователей природными объектами в XVII–XVIII веках обычное право у приарктических финно-угорских и самодийских народов России не вступало в противоречие с писанным правом. Наоборот, дополняя его, обычное право выступало действенным параллельно функционирующим регулятором в тех вопросах (как, например, табуированные нормы), которые позитивное право не детализировало. Этому способствовала государственная защита со стороны законодателя, установленная в 1707 году. К примеру, закреплялось у самоедов (ненцев) право на ведение промысла в их родовых промысловых угодьях: «... и Самоядцов... всех пожаловать, дати б им на те рыбныя ловли и на звериныя ухожьи...» (Грамота въ Пустозерскій...).

Северным приарктическим народам законодатель санкционировал осуществление этноправосудия, основанного на нормах обычного права, в том числе и по спорам, возникавшим в сфере природопользования. Такие спорные ситуации рассматривали старосты, т.е. старожилы-знатоки местного обычного права (ПСЗ. Т. 14. № 10237). И.Г. Георги, который описал жизнедеятельность различных народов России в XVIII веке, применительно к манси он отметил, что старостами «бывает тотъ, кто всехъ превозходитъ лътами» (Георги, 1795: 22). Как правило, они применяли «собственные рассуждения...» (Зибарев, 1986: 76-77), оставшиеся от старейшин-родоначальников.

Важнейший обычно-правовой императив, существовавший у рассматриваемых народов в сфере использования природных биоресурсов, регулировал свободное использование земельных ресурсов сельскохозяйственного назначения, называя их «дедины», «отчины», «вековечные дедовские») (Коми край..., 2012: 68). Законодатель с XV века также защищал неприкосновенность этих земель (Историко-филологический..., 1958: 247). Однако из-за проведения Генерального межевания (ПСЗ. Т. 14. № 10237; ПСЗ. Т. 17. № 12659) в конце XVIII в. законодательно крестьяне были ограничены в распоряжении земельными ресурсами. Но архивные документы говорят о том, что они продолжали использовать нормы обычного права, распоряжаясь землей как своим имуществом (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 492. Л. 9; Д. 156. Л. 1) и называя в документах земельные участки «...собственными их деревенскими участками...» (Коми край, 2012: 60). Кроме земельных участков сельскохозяйственного назначения, крестьяне, руководствуясь нормами обычного права, считали себя полными собственниками охотничьих, промысловых, оленеводческих, рыболовных территорий (РГАДА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 4. Л. 1).

Обычное право регламентировало процесс закрепления «права собственности» родовыми знаками собственности (пас, тамга, метка, клеймо и т.д.), которые наносились не только на промысловые предметы и снаряжение, но и на деревья в виде затесов.

Вопросы, возникавшие в отношении природных объектов в «миру», старались рассмотреть и урегулировать мирным способом, «собравшись... полюбовно...» (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ч. II. Д. 6172. Л. 5), пытаясь договориться.

Важно отметить, что в конце XVIII века законодатель, осознавая важность, которую играли природные биоресурсы и природные территории в жизнедеятельности и жизнеобеспечении северных приарктических народов, санкционировал для категории государственных крестьян возможность совершения ряда сделок с ними: «променивать и покупать...» (ПСЗ. Т. XXIII. № 16813).

5. Заключение

Таким образом, в рассматриваемый период на территории проживания северных финно-угорских (коми, манси, ханты) и самодийских (ненцы, энцы) народов одновременно

функционировало две правовых системы позитивного и обычного права. Правовой режим природных биоресурсов регулировался нормами позитивного права. Однако его детализация происходила в обычном (неписаном) праве, включавшем в свой состав не только правовые нормы, но и морально-нравственные долженствования, религиозно-табуированные нормы. Обычное право способствовало грамотному регулированию сферы природопользования, сохраняя природные объекты и биоресурсы, а также традиционную систему жизнедеятельности этих народов, основанную на многовековой и многократно применявшейся модели природопользования. Несмотря на то, что российский законодатель, начиная с XVII века, вводил ряд ограничений по использованию природных объектов и биоресурсов, однако к концу XVIII в. определяется тенденция, подчеркивающая конвергенционный процесс, происходивший между нормами писаного и обычного права, которое дополняло первое.

Если на протяжении рассматриваемого периода российский законодатель в целом санкционировал широкие возможности по использованию природных биоресурсов, вводя их в гражданский оборот и облагая подобную деятельность налогом, то нормы обычного права приарктических народов детально регулировали различные аспекты природопользования, которые не затрагивались нормами позитивного права, включая закрепление права собственности родовыми знаками собственности; регулирование промысловых правоотношений, в том числе и нормами-табу; разрешение возникших конфликтов по вопросам природопользования медиационным путем и осуществление по делам подобной компетенции этноправосудия.

Литература

- Балуева, 1960** – *Балуева Д.Д.* Земельные отношения и положение крестьян Коми края в XVIII веке. Сыктывкар: Акад. наук СССР. Ин-т истории, 1960. 298 с.
- Вершинин, Визгалов, 2004** – *Вершинин Е.В., Визгалов Г.П.* Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. Екатеринбург: Издательство «Тезис», 2004. 200 с.
- Головнев, 1995** – *Головнев А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 1995. 600 с.
- Георги, 1795** – *Георги И.Г.* Описание обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. I: О народах финского племени. СПб.: Императорская Академия Наук, 1795. 76 с.
- Зибарев, 1986** – *Зибарев В.А.* Из истории обычного права народов Севера // *Советская этнография*. 1986. № 2. С. 73-79.
- Зибарев, 1990** – *Зибарев В.А.* Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. 208 с.
- Иванова, 2009** – *Иванова Ж.Б.* Религиозные и обычно-правовые традиции народов Северной России в охране среды обитания // *Актуальные вопросы образования и науки*. 2009. № 1–2. С. 30-31.
- Историко-филологический..., 1958** – Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1958. 272 с.
- Коми край..., 2012** – Коми край в XVIII веке / Сб. документов. Под общ. ред. А.К. Гагиевой. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012. 115 с.
- Конаков, 2004** – *Конаков Н.Д.* Традиционная система природопользования и хозяйственные занятия коми // *Зырянский мир. Очерки о традиционной культуре коми народа*. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. С. 65-181.
- Кудж, Голованова, 2020** – *Кудж С.А., Голованова Н.Б.* О совершенствовании механизмов подготовки научно-педагогических кадров и перспективы целевого обучения в интересах вузов // *Российский технологический журнал*. 2020. № 4(36). С. 112-128.
- Кудж, Цветков, 2019** – *Кудж С.А., Цветков В.Я.* Тринитарные системы // *Российский технологический журнал*. 2019. № 7(6). С. 51-167.
- Лепехин, 1772** – *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1772. Т. IV. 464 с.
- Мальцева, 1983** – *Мальцева А.К.* Роль общины крестьян Коми края XVIII века в вопросах землевладения и землепользования / *Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма*. Сыктывкар: Труды ИЯЛИ КФАН СССР, 1983. Вып. 29. С. 39-54.
- Миллер, 1941** – *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Институт антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР, 1941. Т. 2. 637 с.
- НА РК** – Национальный архив Республики Коми.
- Паллас, 1788** – *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.: Императорская Академия Наук, 1788. Ч. 3. Половина 2. 481 с.
- ПСЗ РИ – IV** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. IV. СПб., 1830. № 2007. С. 276-278. № 2079. С. 326. № 2139. С. 363-371.
- ПСЗ РИ – XIV** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XIV. СПб., 1830. №10237. С. 104-161.

- ПСЗ РИ – XVII** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XVII. СПб., 1830. № 12659. С. 716-734.
- ПСЗ РИ – XXIII** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXIII. СПб., 1830. № 16813. С. 89-93.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Савка и др., 2022** – Савка О.Г., Гусарова М.Н., Сумина С.В., Князев Я.О., Безруков Д.А. Модель формирования цифровых компетенций при реализации программ высшего образования // *Российский технологический журнал*. 2022. № 10(6). С. 78-90.
- Соборное...** – Соборное Уложение 1649 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 23.11.2022).
- Флетчер, 2007** – Флетчер Д. О государстве Русском или образ правления русского царя с описанием нравов и обычаев жителей этой страны // Савельева Э.А., Королев К.С. Письменные известия о народе коми. Сыктывкар: Эском, 2007. С. 119-124.
- Plotskaya et al., 2021** – Plotskaya O.A., Sokolskaya L.V., Kaliakperova E.N., Alekseeva D.G. Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1594-1601.
- Plotskaya et al., 2022** – Plotskaya O.A., Ruchkina G.F., Alekseeva D.G., Naumkina V.V. The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 49-56.
- Pravkin et al., 2020** – Pravkin S.A., Smirnova V.V., Shagieva R.V., Khvatova M.A. Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 620-628.
- Titov, 2021** – Titov V.V. Formation of the All-Russian Imperial identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: historical contexts and Political constraints // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 138-145.
- Zaikov, Avdonina, 2019** – Zaikov K.S., Avdonina N.S. Ethnic and Cultural Space of the Eastern Sami (Skolts) of the Northern Frontier of Russia and Norway-Denmark in the XVIII century // *Bylye Gody*. 2019. 51(1): 29-40.

References

- Balueva, 1960** – Balueva, D.D. (1960). Zemel'nye otnosheniya i polozhenie krest'yan Komi kraja v XVIII veke [Land relations and the position of the peasants of the Komi region in the XVIII century]. Syktyvkar. [in Russian]
- Fletcher, 2007** – Fletcher, D. (2007). O gosudarstve Russkom ili obraz pravleniya russkogo carya s opisaniem нравов i obychaev zhitelej etoj strany [Russian state or the image of the rule of the Russian tsar with a description of the customs and customs of the inhabitants of this country]. Pis'mennye izvestiya o narode komi: 119-124. [in Russian]
- Georgi, 1795** – Georgi, I.G. (1795). Opisanie obitayushchih v Rossijskom gosudarstve narodov, takzhe ih zhitejskih obryadov, ver, obyknovenij, zhilishch, odezhd i prochih dostopamyatnostej. O narodah finnskago plemeni [Opisanie obitayushchih v Rossijskom gosudarstve narodov, takzhe ih zhitejskih obryadov, ver, obyknovenij, zhilishch, odezhd i prochih dostopamyatnostej. Ch. I: O narodah finnskago plemeni]. SPb. [in Russian]
- Golovnev, 1995** – Golovnev, A.V. (1995). Govoryashchie kul'tury: tradicii samodijcev i ugrov. [Speaking cultures: traditions of Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg. [in Russian]
- Istoriko..., 1958** – Istoriko-filologicheskij sbornik [Historical and philological collection]. Syktyvkar, 1958. [in Russian]
- Ivanova, 2009** – Ivanova, Zh.B. (2009). Religioznye i obychno-pravovye tradicii narodov Severnoj Rossii v ohrane sredy obitaniya [Religious and customary legal traditions of the peoples of Northern Russia in the protection of the habitat]. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki*. 1-2: 30-31. [in Russian]
- Komi Krai..., 2012** – Komi Krai in the XVIII century: collection of documents [Komi Krai in the XVIII century: collection of documents]. Syktyvkar, 2012. [in Russian]
- Konakov, 2004** – Konakov, N.D. (2004). Traditsionnaya sistema prirodo-pol'zovaniya i hozyajstvennye zanyatiya komi [The traditional system of nature management and economic occupations of Komi] Zyryanskij mir. Ocherki o tradicionnoj kul'ture komi naroda: 65-181. [in Russian]
- Kudzh, Golovanova, 2020** – Kudzh, S.A., Golovanova, N.B. (2020) O sovershenstvovanii mekhanizmov podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov i perspektivy celevogo obucheniya v interesah vuzov [On improving the mechanisms of training scientific and pedagogical personnel and prospects for targeted training in the interests of universities]. *Rossijskij tekhnologicheskij zhurnal*. 4(36): 112-128.
- Kudzh, Tsvetkov, 2019** – Kudzh, S.A., Tsvetkov, V.Y. (2019). Trinitarnye sistemy [Trinitarian Systems]. *Rossijskij tekhnologicheskij zhurnal*. 7(6): 51-167. [in Russian]
- Lepekhin, 1772** – Lepekhin, I.I. (1772). Dnevnye zapiski puteshestviya po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva [Daily notes of travel in different provinces of the Russian state]. SPb. [in Russian]
- Mal'ceva, 1983** – Mal'ceva, A.K. (1983). Rol' obshchiny krest'yan Komi kraja XVIII veka v voprosah zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya [The role of the community of peasants of the Komi region of the

- XVIII century in matters of land ownership and land use]. Komi krest'yanstvo v epohu feodalizma i kapitalizma. 29: 39-54. [in Russian]
- Miller, 1941 – Miller, G.F. (1941). Istoriya Sibiri [History of Siberia]. [in Russian]
- ON the RK – Nacional'nyj arhiv Respubliki Komi [The National Archive of the Komi Republic].
- Pallas, 1788 – Pallas, P.S. (1791). Puteshestvie po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva [Journey through different provinces of the Russian state]. SPb. [in Russian]
- Plotskaya et al., 2022 – Plotskaya, O.A., Ruchkina, G.F., Alekseeva, D.G., Naumkina, V.V. (2022). The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 17(1): 49-56.
- Plotskaya et al., 2021 – Plotskaya, O.A., Sokolskaya, L.V., Kaliakperova, E.N., Alekseeva, D.G. (2021). Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1594-1601.
- Pravkin et al., 2020 – Pravkin, S.A., Smirnova, V.V., Shaqieva, R.V., Khatova, M.A. (2020). Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography. *Bylye Gody*. 16(2): 620-628.
- PSZ RI – IV – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. IV. SPb., 1830. № 2007. Pp. 276-278. № 2079. P. 326. № 2139. Pp. 363-371. [in Russian]
- PSZ RI – XIV – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XIV. SPb., 1830. №10237. Pp. 104-161. [in Russian]
- PSZ RI – XVII – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XVII. SPb., 1830. № 12659. Pp. 716-734. [in Russian]
- PSZ RI – XXIII – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XXIII. SPb., 1830. № 16813. Pp. 89-93. [in Russian]
- RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Savka et al., 2022 – Savka, O.G., Gusarova, M.N., Sumina, S.V., Knyazev, Ya.O., Bezrukov, D.A. (2022) Model' formirovaniya tsifrovyyh kompetencij pri realizacii programm vysshogo obrazovaniya [Model of formation of digital competencies in the implementation of the higher education program]. *Rossijskij tekhnologicheskij zhurnal*. 10(6): 78-90. [in Russian]
- Sobornoe... – Sobornoe Ulozhenie 1649 goda [Cathedral Code of 1649]. [Electronic resource]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> date of access: 23.11.2022).
- Titov, 2021 – Titov, V.V. (2021). Formation of the All-Russian Imperial Identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: Historical Contexts and Political Constraints. *Bylye Gody*. 16(1): 138-145.
- Vershinin, Vizgalov, 2004 – Vershinin, E.V., Vizgalov, G.P. (2004). Obdorskij kraj i Mangazeya v XVII veke [Obdorsky Krai and Mangazeya in the XVII century. Collection of documents]. Yekaterinburg. [in Russian]
- Zaikov, Avdonina, 2019 – Zaikov, K.S., Avdonina, N.S. (2019). Ethnic and Cultural Space of the Eastern Sami (Skolts) of the Northern Frontier of Russia and Norway-Denmark in the XVIII century. *Bylye Gody*. 51(1): 29-40.
- Zibarev, 1986 – Zibarev, V.A. (1986). Iz istorii obychnogo prava narodov Severa [From the history of customary law of the peoples of the North]. *Sovetskaya etnografiya*. 2: 73-79. [in Russian]
- Zibarev, 1990 – Zibarev, V.A. (1990). Yusticiya u malyyh narodov Severa (XVII–XIX vv.). [Justice among the small peoples of the North (XVII-XIX centuries)]. Tomsk. [in Russian]

Правовой режим природных биоресурсов в XVII–XVIII веках в позитивном и обычном праве финно-угорских и самодийских народов севера России

Ольга Андреевна Плоцкая ^{a, *}, Валерий Иванович Елинский ^b, Рауль Сергеевич Джинджолия ^b, Роман Валерьевич Федоров ^b

^a Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены особенности правового режима природных биоресурсов в XVII–XVIII веках в позитивном и обычном праве финно-угорских и самодийских народов севера России. Авторы пришли к выводу, что в рассматриваемый период на территории проживания северных финно-угорских и самодийских народов одновременно функционировало две правовых системы позитивного и обычного права. Правовой режим природных биоресурсов

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olga.plockaya@mail.ru (О.А. Плоцкая), 20745@rambler.ru (В.И. Елинский), drauli@yandex.ru (Р.С. Джинджолия), roman.fedorof@yandex.ru (Р.В. Федоров)

регулирулся нормами позитивного права. Однако его детализация происходила в обычном (неписаном) праве, включавшем в свой состав не только правовые нормы, но и морально-нравственные должностования, религиозно-табуированные нормы. Обычное право способствовало грамотному регулированию сферы природопользования, сохраняя природные объекты и биоресурсы, а также традиционную систему жизнедеятельности этих народов, основанную на многовековой и многократно применявшейся модели природопользования. Несмотря на то, что российский законодатель, начиная с XVII века, вводил ряд ограничений по использованию природных объектов и биоресурсов, однако к концу XVIII в. определяется тенденция, подчеркивающая конвергенционный процесс, происходивший между нормами писаного и обычного права, которое дополняло первое. Авторы сформулировали вывод о том, что если на протяжении рассматриваемого периода российский законодатель в целом санкционировал широкие возможности по использованию природных биоресурсов, вводя их в гражданский оборот и облагая подобную деятельность налогом, то нормы обычного права приарктических народов детально регулировали различные аспекты природопользования, которые не затрагивались нормами позитивного права, включая закрепление права собственности родовыми знаками собственности; регулирование промысловых правоотношений, в том числе и нормами-табу; разрешение возникших конфликтов по вопросам природопользования медиационным путем и осуществление по делам подобной компетенции этноправосудия.

Ключевые слова: коми, манси, ханты, ненцы, позитивное право, обычное право, правовой режим, природные биоресурсы.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 46-55
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.46

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Women's Religious Activity in the North Caucasus in the Russian Empire

Saida V. Sirazhudinova ^{a, *}, Yusup M. Huseynov ^a

^aDagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russian Federation

Abstract

The focus of the Russian Empire on the conquest of the territory of the Caucasus, led to the emergence of interest in the spiritual and religious life of the peoples inhabiting the region. During the expansion of the Russian Empire, the first analytical works devoted to the religious life of North Caucasian societies began to appear. At the same time, there was very little material about women's religious practices. As in the rest of the world, gender history remains an issue that requires study and restoration of the preserved grains. There were no researchers and authors in the Russian Empire interested in a purposeful study of this aspect of religion, which is characterized by extreme relevance, adjacent to gaps. In recent years, some rare publications on this problem have begun to appear.

Based on the analysis of biographies of local Islamic theologians, archives, publications, newspapers, we will try to reconstruct the history bit by bit and determine the real role of women in religious practices.

The study allowed us to see new features in women's religious activity. The results of the study showed that, contrary to stereotypes about the Jadidist influence on the status of women, women received religious education even before the appearance of this direction, and many theologians assigned an important role to the education of daughters, but this issue was not studied and attention was not focused on this issue.

Keywords: religion, gender, women's activity, sufism, Islam, North Caucasus, religious practice, education.

1. Введение

Нацеленность Российской империи на завоевание территории Кавказа привела к появлению интереса к духовной и религиозной жизни населяющих регион народов. В период экспансии Российской империи стали появляться первые аналитические работы, посвященные религиозной жизни северокавказских обществ. В то же время о религиозных практиках женщин было очень мало материала. Как и во всем мире, гендерная история остается вопросом, требующим изучения и восстановления по сохранившимся крупицам. Практически никто из авторов не был заинтересован в целенаправленном изучении данного аспекта религии, который отличается крайней актуальностью, соседствующей с пробелами, их больше интересовали мужчины, обладающие властью и публичностью, чем латентное влияние женщин и эпизодические публичные проявления.

На основе анализа биографий местных исламских богословов, архивных материалов, изданий, периодической печати мы постараемся воссоздать историю по крупицам и определить реальную роль женщин в религиозных практиках.

Данное исследование позволило увидеть новые особенности в религиозной активности женщин. Его результаты показали, что вопреки сложившимся стереотипам о джадидистском влиянии на положение женщин религиозное образование они получали и до появления данного

* Corresponding author

E-mail addresses: saida_kant@mail.ru (S.V. Sirazhudinova), g.usup@mail.ru (Yu.M. Huseynov)

направления. В частности, многие богословы отводили важную роль образованию своих дочерей, но этот вопрос фактически не изучался и на нем не акцентировалось внимание.

В период с XIX в. Северный Кавказ столкнулся с более активным вмешательством наместников империи в духовную жизнь горцев. Идеологические разногласия внутри религиозных лидеров, разные позиции по вопросу отношений с представителями империи породили споры внутри религиозных деятелей.

В данной статье рассматриваются вопросы религиозной жизни и активности мусульманского населения в период существования Российской империи.

Объектом исследования является женская роль и активность в религиозных практиках горских народов, которая почти не была заметна, но играла важную роль в мировоззрении, появлении священных мест, трансляции знаний.

Стирание женских имен из истории привело к утрате значительного пласта информации, которую мы частично попробуем восстановить посредством ее сбора и анализа.

Женская активность оказала латентное, но в то же время значительное влияние на религиозную жизнь Северного Кавказа. Актуальность исследования связана с выявлением роли женщин в религиозных практиках Северного Кавказа, которая в современных условиях приобретает особую научную значимость. Актуальность темы обусловлена также и незначительным объемом трудов, касающихся положения женщины в обществе и религиозной сфере у народов Северного Кавказа.

Важно выявить документы, научную литературу и религиозные источники, позволяющие установить роль женщин в религии и трансформации религиозных практик, проанализировать их на основе базовых принципов методологии исследования, а также изучить гендерный аспект в религии в локальном пространстве мусульманского Северного Кавказа.

2. Материалы и методы

При работе над подготовкой статьи нами была изучена и проанализирована широкая и композитная источниковая база, в том числе архивные фонды ГКУ «Центральный государственный архив Республики Дагестан» (ЦГА РД), библиотечные фонды в Республике Дагестан, источники обычного права (адатные сборники народов Дагестана), проанализирована общественно-политическая, этнографическая, историографическая информация. Основной акцент был сделан на изучение религиозных источников и биографий исламских ученых, написанных ими трудах, письмах, документах.

В Центральном государственном архиве Республики Дагестан (Махачкала, Российская Федерация) были рассмотрены газеты и печатные источники, материалы по женскому образованию. Также были исследованы труды и биографии кавказских богословов, живших в период Российской империи, записки последователей и потомков религиозных деятелей.

Кроме того, были проанализированы работы современных авторов, изучающих гендерный вопрос в религии.

В статье применялся междисциплинарный подход, позволяющий широко изучить и обнаружить гендерный аспект в религиозных практиках женщин, проживающих на Северном Кавказе в XIII – начале XX вв., и таким образом обнаружить реальную роль женщин в религиозной жизни региона. Нами применялся поиск, анализ и синтез информации, а также системный, компаративный, описательный и функциональный методы.

Анализ женской активности в религии и попытки исследования ее зарождения под влиянием колониальной политики требуют обращения к теории фронта. Информация собиралась фактически по крупицам, из воспоминаний мужчин-богословов, путешественников, мужских биографий и т.д.

3. Обсуждение

Изучение источников показало, что на протяжении многих столетий, несмотря на то, что женщины не оставались в стороне от религиозных практик, интерес исследователей и авторов к этой проблеме отсутствовал.

Арабские мусульманские ученые стали первыми, кто обратил внимание на проблему женской роли в религии. Особенно ярко заявили о себе суфии, среди которых одним из самых известных является богослов Ибн Аль Араби ([Shaikh, 2012](#)), живший в 1165–1240 гг. и обосновавший возможность и успешность женщин в религиозных практиках вплоть до дозволения руководить коллективными молитвами и осуществлять наставничество.

Обращаются к роли женщины в религии и современные богословы (Мустафа Абдурразик-паша), исследователи женского участия в религиозных практиках суфизма писали о женщинах-святых, женских зияратах и местах паломничества ([Шамсиева, 2020](#)), о выдающихся женщинах-суфиях и их возможностях в сфере духовного развития в исламе ([Чепелева, 2013](#)). Встречаются и немногочисленные работы ученых, посвященные Дагестану ([Алибеков, 2020](#)), в которых отмечается, что, вопреки традиционным попыткам ограничений публичных практик для женщин в Дагестане, суфизм открывал возможности для духовного развития и активности.

Первый всплеск интереса к проблеме в империи возник в период появления джадидистов, оказавших влияние на дагестанских просветителей и тематику их публикаций.

Именно татарские джадидисты (Исмаил Гаспринский, Муса Бигиев, Ризаэтдин Фахретдин) стали теми, кто изменил отношение к женщине и вынес этот вопрос в публичное пространство. Они поднимали вопросы женского образования, прав женщин, дискриминации, критикуя ограничения для женщин в образовании и существующую систему неравенства.

Одним из первых в России обратился к теме женщины в исламе Муса Бигиев (Бигиев, 1916). Он рассмотрел основные проблемы, касающиеся женщин, их положения в семье, поднял наиболее острые вопросы, провел сравнительный анализ положения женщин в разных религиях, ее роль в обществе.

В то же время татары – основоположники джадидизма – продвинулись намного дальше в своих представлениях о роли женщин в религиозной жизни.

Несмотря на то, что дагестанские просветители, среди которых был известный публицист Али Каяев (Али ал-Гумуки, 1916: 4), являлись их учениками, в то же время сохранялся разрыв в широте взглядов на возможности женщин, т.к. дагестанские авторы, несмотря на призывы к образованию женщин, повышению их статуса, все равно оставались на жестких патриархальных позициях, сохраняющих базовые традиционные представления о роли женщин исключительно как матерей и воспитательниц.

В современности лишь немногие авторы, изучающие источники религиозной мысли в регионе, обращались к женскому вопросу.

Так, важный вклад в исследование женской роли в религии внесли такие дагестанские ученые, как Ш.Ш. Шихалиев, А.Р. Наврузов, Г. Оразаев. Они впервые заявили, что на Северном Кавказе также были женщины-мусульманки, имеющие широкие познания в религии и заявляющие о роли женщин в религии (Оразаев, Шихалиев, 2014). Изучению женской роли в дагестанском суфизме посвящены статьи Х.Г. Алибекова (Алибеков, 2020). Анализ фронтальности в гендерном (Сиражудинова, 2022) и религиозном аспекте на Северном Кавказе впервые провели С.В. Сиражудинова (Сиражудинова, 2021) и О.С. Мутиева (Мутиева, 2022), отметив высокую роль женской активности как в сохранении самобытной культуры народов, так и в ее трансформации.

Женская роль в отечественном исламском богословии показана на примере шариатской судьи и просветительницы Мухлисы Буби, чью жизнь и деятельность изучал Ю.В. Ергин (Ергин, 2019).

Роль женщин в религиозных практиках ингушей исследует М. Албогачиева (Албогачиева, 2016); описывая женские практики (основываясь на изучении женских зикров) и женскую религиозную активность, исследовательница отмечает важную роль в повышении возможностей для женской деятельности распространенного в середине XIX в. учения Кунта Хаджи.

Отдельные вопросы религиозной грамотности затрагивал Г.Ш. Каймаразов (Каймаразов, 1989) при изучении источников и анализе вопроса женского образования в дореволюционной России и Ш. Шихалиев (Шихалиев, 2017). Эти известные в Дагестане и за его пределами ученые отмечали, что далеко не всем женщинам было доступно религиозное образование, но в то же время среди некоторых народов в период империи существовали возможности религиозного обучения.

4. Результаты

В нашем исследовании мы обнаружили, что, несмотря на неравное положение женщины в обществе, ограничения, порой даже демонизацию женщин, она всегда играла роль в жизни общества.

Традиционно принято считать, что роль женщин в религии, и особенно в исламе, была крайне низкой.

Данная работа восполняет пробелы в современной российской науке, представляет новый взгляд на анализ проблемы посредством сбора и систематизации имеющейся информации.

Рассматриваемый нами период связан с повышением роли исламского фактора в жизни общества. Так получилось, что чем шире продвигалась колониальная власть, тем сильнее утверждался ислам в регионе и большее влияние оказывал на жизнь женщин.

Безусловно, продвижение религии шло параллельно с борьбой с адатами и традиционными верованиями (ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 14. Л. 10б.), в которых женщины играли важную обрядовую роль в ритуалах домонотеистических религий.

Прежняя роль женщин сохранилась до сих пор и состоит в привлечении их к участию в магических обрядах, пережитках языческих ритуалов (знахарство, обряды вызывания дождя, календарные праздники, семейно-бытовая обрядность и т.д.).

В нашей работе мы остановимся на двух доказательствах того, что женщины также были участницами религиозной жизни, получали религиозное образование, и были случаи, когда они, вопреки стереотипам, проявляли публичную активность.

Вопреки общим представлениям об ограниченности женщин исламом, анализ биографий ученых-богословов показывает, что они также уделяли внимание религиозному воспитанию дочерей. Религиозное обучение сопровождалось повышением грамотности, изучением языков, письменности и иных наук.

Главное отличие роли женщин в религиозных практиках – это отсутствие публичности и фиксации женских достижений. Поэтому почти не сохранилось женских имен, их трудов, описания их деятельности. Но, несмотря на непубличность женщин в их религиозном служении, несколько имен все-таки сохранились в истории.

Биографии известных исламских ученых показывают, что шейхи зачастую воспитывались грамотными и разбирающимися в религии матерями, они придавали важное значение образованию своих дочерей, которые помогали им в работе и в продвижении религиозного знания.

В первоначальный период распространения ислама в регионе мы можем обращаться лишь к результатам биографических исследований мусульманских ученых, т.к. они, затрагивая вопросы быта и семьи, раскрывали не обсуждаемое напрямую положение женщин.

До сих пор слабо изучены многие источники, и еще предстоит долгая и кропотливая работа в архивах.

Женская религиозная активность

Классический суфизм, а именно данное направление получило распространение в регионе, допускал участие женщин в религиозных практиках. Мюридами шейхов становились и мужчины, и женщины.

Ибн Аль Араби (Shaikh, 2012) себя считал последователем женщины-суфия (Lewisohn, 2015) и отмечал, что путь суфизма одинаково доступен для религиозного служения и, более того, достижения высокого уровня духовного развития и даже «святости». Он подчеркивал, что встречал женщин, силой и мудростью превосходящих мужчин (Чепелева, 2013).

Исследователь суфизма в регионе Х.Г. Алибеков отмечал двойственное отношение к женщине в дагестанском суфизме, который, с одной стороны, допускал достижение женщиной духовных высот (откровений, сокровенных знаний, сверхъестественных способностей, называемых караматом, встречи с Хидром). С другой – в локальных трактовках суфизма у мужчин больше возможностей для реализации своих религиозных амбиций, а к женщинам многие относились как к «неприятному объекту, низменному» (Алибеков, 2020), «демоническому», по мнению ученой и поэтессы Фатимы Гусейновой, дочери богослова (Шихалиев, 2017: 53). Она заявляла об израненности женщин, беспросветности, преступном сокрытии от них шариата мужчинами и лишение женщин тем самым пути к спасению (в том числе религиозному) (Шихалиев, 2017: 53).

Почти все известные случаи заявления о признании женской роли в религии связаны с доносами и попытками нанести вред выдающимся ученым. Так, недоброжелатель ставил в укор одному из самых известных и почитаемых в регионе шейхов Муххамеду Ярагинскому присутствие среди мюридов персон обоего пола и доносил на него, «что аль Яраги смешивает мужчин и женщин, которые приходили к нему за советом; и в отдельное уединение он отправлял, помимо мужчин, еще и женщин» (Шейх, 2009: 26).

Тем самым, благодаря доносу, мы смогли узнать отношение выдающегося ученого к религиозным практикам мусульманских женщин, которые шейх не только допускал, но и смог отстоять их право на служение и духовное совершенствование.

Магомед Ярагский защищал одинаково права женщин и мужчин и стремился развивать уровень сознательности мусульман, учить их использованию разума, сознания, способности не во вред, а с пользой для себя и общества (Джалалова, 2011: 50).

Другой пример также стал известен благодаря наговорам, но уже на другого шейха-суфия. Но доносчик добился лишь того, что об отношении шейха Д. Казикумухского к женщинам-мученицам стало известно в народе. Шейху не был причинен вред, но он показал пример того, что женщины могут обладать караматом (чудодейственными свойствами) (Гаджиев, 2018).

Эти примеры показывают, что мюридизм и религиозное служение, следование за шейхом и стремление к духовному самосовершенствованию не было прерогативой мужчин. Женщины, как и мужчины, фактически в равной степени имеют религиозные обязанности и осознают это.

Известны и другие случаи, которые показывают активные действия женщин, совершенные на пути следования религии (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 14. Л. 218). Здесь имеется в виду раздел наследства в пользу женщины (шариатский раздел). Так, суфийский шейх Шарапуддин Кикунинский (накшбандийского тариката) призывал дагестанцев переселяться в «страну единоверцев» – в Турцию. Благодаря исследователям стали известны воспоминания его мюрیدا Али Уста, а затем дочери этого мюрیدا, в которых отмечается, что он до того, как примкнуть к шейху, первоначально просто отправился в Турцию «за матерью, которая поехала туда за собственным устазом, и только позже сам тоже стал мюридом шейха» (Гаджиева, 2013: 392).

Также и учение выдающегося чеченского святого и шейха Кунта-хаджи направлено на самосовершенствование человека-мюрیدا независимо от пола. Он допускал исполнение зикра и женщинами, и мужчинами, причем даже совместное, и считал подобное допустимым. В работе А. Зенькиной, основанной на изучении источников и посвященной учению Кунта-хаджи, отмечается, что если мюриды и мюридки принадлежат к тарикату и имеют наставника – «совершенного устаза»,

то они сдерживаются и не допускают вмешательства шайтана и возбуждения в процессе зикра (Зелькина, 2006: 42).

Истории показывает, что число последователей Кунта-хаджи существенно расширило географию принятия ислама. Пополняли ряды мюридов и женщины. Им было позволено принимать участие в религиозной деятельности, в том числе и публичной (зикр, молитвы, коллективные духовные практики, чтение и изучение религиозных источников) (Албогачиева, 2017: 70).

Популярность шейха и его уникальное воздействие на людей привели к тому, что царская администрация увидела в нем угрозу. Шейх старался оградить своих мюридов от жесткой политики военных, пожертвовал ради этого свободой и даже жизнью. Три тысячи человек, в том числе и женщины, пытались его освободить, не жалея своих жизней (Албогачиева, 2017: 70).

Учениками Абдурахмана-хаджи Сугури были многие выдающиеся шейхи, а также его дети, в том числе и дочери Марьям и Фатма (Дугричилов, 2008: 3). Шейх Мухаммад-хаджи ас Сугури «никого из своих последователей женщин и мужчин не делал мюридами без испытаний. Его дочь Марьям была не только образованной (такой же, как и братья), но и обладала красноречием, пережила ссылку и вернулась в родные места после 1877 г., она купила участок и построила зиярат для отца в Казанище, где и сама сейчас находится рядом» (Абдуллаев, 2001).

Более того, исследователи описывают случай, когда один человек воспринял ее как наставницу (шейха) после того, как она его обучила зикру (Наврузов, 2022: 268), и не отказался от своей позиции, несмотря на насмешки окружающих мужчин.

1. Известные дагестанские ученые (Оразаев, Шихалиев, 2014) ссылаются на событие, описывающее яркую женскую личность в истории Дагестана. В их работах мы находим письмо женщины-ученого. И это была одна из немногих женщин, чье имя стало известно и чьи письменные работы были сохранены и использовались исследователями. Ее звали Фатима Гусейнова, она была дочерью устаза из Нижнего Казанище Арсланали сына Гусейна, которой построил медресе и в нем обучал не только мальчиков, но и девочек. Обучал он и свою дочь Фатиму, которая владела несколькими языками, знала религиозные источники и ряд наук, писала стихи, обращения, высказывая реакцию на социальные проблемы и дискриминирующее неравенство женщин и ограничения в религиозной активности и образовании. Ей был установлен зиярат. Она в своих письмах ссылалась на то, что в разных странах были выдающиеся мусульманские женщины-ученые, ее возмущал отказ обучать дочерей, развивать их, что, по ее мнению, было необходимым по шариату, подчеркивала равенство в религиозных обязанностях. Отказ от образования и развития она считала уподоблением животным и вещам, которые, являясь жертвой, тонут в невежестве. В своих работах она ссылалась на аяты, Сунну и иные религиозные источники (Оразаев, Шихалиев, 2014).

Деятельность шейха Али-хаджи Акушинского показывает, что, несмотря на консерватизм и безапелляционную непримиримость в продвижении шариатского управления и норм, он, когда со своими мюридами посещал районы и выступал перед сельским населением, пропагандируя шариат, привлекал свою дочь для работы среди женщин. У нее же в доме на религиозные праздники собиралось большое количество женщин (Али Хаджи, 1998: 65).

У детей и членов семьи Али-Хаджи Абдуллы Акушинского по четвергам собирались для коллективных молитв сотни женщин, с которыми работала его жена Буль-буль и дочери (Абдуллаев, 2013: 305-306, 312). Именно благодаря активности женщин из семьи шейха значительно возросло количество женщин-мюридов. Чем сильнее было давление на шейхов и ограничения в шариате, тем больше была женская активность.

Эти примеры женской активности связаны с демонстрацией позиции местных религиозных ученых, отстаивавших права женщин на религиозное служение, вопреки угрозам и обвинениям о недопустимости их в религиозную публичную жизнь. В ходе дебатов ученым удавалось обосновать свою позицию и победить недоброжелателей и оппонентов.

Участие в религиозных практиках самих женщин, их просветительская работа, участие в восстаниях ради защиты своего религиозного наставника показывают, что женщины не были в стороне от религиозной активности и играли определенную роль в сохранении, трансляции, организации религиозной жизни современных им обществ.

В женских группах, аналогично мужским, была тхамата – старшая наставница среди мюридов и туркх, играющая важную роль при исполнении обрядов и практик.

Отдельные примеры, демонстрирующие, что женщин выделяли и отмечали их право на религиозное публичное мнение, встречались, и многое зависело от их образованности, знаний, личных духовных практик.

В то же время женщины не оставляли письменных трудов (или они пока не изучены). Можно встретить лишь исключительные письменные работы женщин социально-религиозного характера.

Нападки на самых выдающихся, образованных и уникальных по своей духовной силе шейхов региона из-за того, что они привлекали женщин к духовным практикам, объясняют то, что сами женщины не стремились заявлять о себе и своей религиозной активности, хотя продолжали свое служение и духовное развитие. История показывает, что за исключением экстраординарных событий женщины держались в стороне от публичности.

Дальнейшая история нам покажет даже примеры, когда половое разделение временно исчезало под влиянием обстоятельств, и женщины становились шейхами (несмотря на то, что очень мало упоминаний, работ, посвященных их деятельности) для всех последователей, независимо от пола внутри своего тариката.

Другой важный вопрос, который является базисом для религиозной активности – это религиозное и общее образование. Поэтому данный вопрос также важен в контексте изучения женской религиозной активности. Тем более, что в условиях дефицита информации понимание того, насколько доступно было женщине образование, является важной ступенькой к раскрытию изучаемого вопроса.

Просветители, джадидизм и обсуждение проблем женщин

Публичная постановка вопроса о женской роли в религии связана с джадидизмом. Если до его появления ученые обучали женщин, и особенно дочерей, допускали их участие в религиозных практиках, принимали в мюриды, но при этом очень мало публично говорили и писали о женщинах и религии, то ученые джадиды уже отдельно выделили женский вопрос в своих публикациях.

Возникновение джадидизма (XIX–XX вв.) произошло в период, когда во всем мире и в литературе, и в общественно-политической мысли начали обсуждать женский вопрос.

Лидерами движения были такие известные татарские ученые, как основатель направления Гаспаринский (Гаспринский), Муса Бигиев и другие реформаторы.

Исмаил Гаспринский на страницах своей газеты и первого в империи журнала о женщинах выступил против бесправия женщин, насилия, нарушений прав, которые поддерживались духовенством в угоду мужчинам (Гаспринский, 1902). Вместе со своей женой, сестрой и дочерью он много усилий потратил ради просвещения и образования, открытия школ и т.д.

Важную роль сыграли и взгляды Мусы Бигиева (Бигиев, 1916). Этот великий и известный даже среди зарубежных мусульман ученый, поднимая вопрос равноправия, заметил, что проблема прав женщин в мусульманском обществе стоит остро и требует осмысления и богословского издания работ, посвященных путям достижения этих прав. Все его труды проникнуты уважением к женщине в целом как требованию религии, любовью к матери, которую он называет «великая», сестре, спутнице жизни и дочерям. В своих трудах он все положения обосновывал примерами из Сунны, истории религии, аятов.

Дагестанские просветители были учениками и последователями татарских богословов-реформаторов. В Дагестане также подняли вопрос о женском образовании на страницах мусульманской газеты такие просветители, как Али Кияев (Каяев), Гасан Алкадари, Абусуфьян Акаев и др. В их трудах женское образование выделялось как отдельная проблема, они призывали к расширению предметности в образовании и обучению на родных языках, использованию современных научных достижений в борьбе с отсталостью и невежеством внутри мусульманского общества (Наврузов, 2008: 43-50), искоренению отживших адатов и переходу к современности (Наврузов, 2010: 71-79).

Наиболее известна дагестанская газета «Джаридат Дагистан», где ученые просветители обращались к женскому вопросу. Али Кияев отмечал важность образованности женщин как матерей и воспитательниц потомства (Али ал-Гумуки, 1916), которых нужно избавить от порочных качеств: невежества, суеверий, пороков, безразличия и беспечности, ведущих к «разложению нравов общества», т.к. матери транслируют их своим детям и так далее (Наврузов, 2022: 379).

В то же время дагестанские улемы значительно отличались от своих татарских предшественников, превозносивших женщин и ратовавших за их эмансипацию и равенство. По вопросам равенства, многоженства, превосходства мужчины над женщиной они не готовы были полностью следовать путем татарских джадидистов. Более того, А.Р. Наврузов приводит пример, в котором Али Кияев ссылаясь на разницу в функционировании мозга и считал мужчин сильнее и сообразительнее, а женщин чувствительнее, поэтому важно сохранить границы и не соревноваться с мужчинами (Наврузов, 2022: 377).

Противниками дагестанских реформаторов были консерваторы Н. Гоцинский и А. Акушинский, которые, с одной стороны, выступали против социализации женщин (Доного, 2005), а с другой – женщины из их семей были образованными и вовлеченными в религиозные практики мюридизма и суфизма. Спор их носил скорее идеологический характер и не был спором об образовании, т.к. изучение биографий консерваторов показывает роль образования в жизни их дочерей и жен.

Однако и реформаторы порой демонстрировали патриархальные взгляды и выступали с критикой мавлидов, совместных ритуалов мюридов, критикуя в их практике песни, возбуждение, соблазны, смешивание полов и т.д.

Работы улемов-реформаторов впервые создали и публичные дискуссии о роли женщин в обществе, хотя и акцентировалось внимание на традиционной роли матери. Их взгляды на женскую активность и возможности оставались традиционными и консервативными, и даже влияние известных мыслителей и учителей не смогло полностью перебороть традиционные взгляды и ограничения.

5. Заключение

Вопрос женской активности в религии только в последние годы стал предметом исследований и интереса ученых. Много информации было утеряно, а сохранившиеся источники еще предстоит искать, собирать и анализировать. В то же время данное исследование помогло обнаружить и показать основные тенденции, особенности, то, что роль женщин даже в таком традиционном аспекте, как роль матери-воспитателя, всегда была высока, и женщинам стремились дать образование. Многие зависело от семьи. Возможности женщин определялись позицией семьи и образованием родителей и были не равными.

Анализ биографий выдающихся ученых региона показывает, что женщинам почти всегда давалось образование, наравне с мужчинами и сыновьями.

И те, кого считали консерваторами, отводили важную роль воспитанию и образованию женщин в семье, работе с женщинами-миридками. Ими же в экстраординарных случаях поощрялась женская активность в религиозной жизни и порой даже публичные действия.

Джадидисты стали носителями совмещения светского и религиозного. В своих изданиях они начали уделять внимание вопросу образования женщин и трансформации общества. При этом, если татарские джадидисты выступали за большую степень эмансипации женщин, то на Северном Кавказе стремление изменить их положение касалось лишь отдельных вопросов и оставалось в рамках патриархальных установок.

Работы просветителей, несмотря на спорные моменты, сыграли важную роль в трансформации статуса женщин, привлекли внимание к их уязвимости, необходимости образования и светского, и религиозного.

Еще предстоит восстановление реальной роли женщин в религиозной активности, их имен. Отдельно необходимо проанализировать их участие в обрядности, религиозных и обрядово-бытовых практиках в семье, многие из которых тесно связаны с пережитками матриархата, а также изучить священные места суфиев, связанные с женщинами, которые были активны в религии и почитаемы окружением.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00484 «Религиозные организации, стратегия и практика на Юге России в контексте преодоления радикализма: гендерный аспект», <https://rscf.ru/project/22-28-00484/>

Литература

- Абдуллаев, 2001** – Абдуллаев М.А. Деятельность и воззрения шейха Абдурахмана-хаджи и его родословная. 2-е изд. Махачкала, 2001.
- Абдуллаев, 2013** – Абдуллаев М.А. Триумф и трагедия шейх-уль-ислама Дагестана Али-Хаджи Акушинского: Монография. Махачкала: ИД «Эпоха», 2013. 368 с. 305-306, 312.
- Албогачиева, 2017** – Албогачиева М.С.Г. Ислам в Ингушетии: этнография и историко-культурные аспекты. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2017. 264 с.
- Али ал-Гумуки, 1916** – Али ал-Гумуки. Обучение женщин письму // *Джаридат Дагистан*. 1916. № 6. С. 4.
- Алибеков, 2020** – Алибеков Х.Г. Женский элемент в дагестанском суфизме // *Вопросы истории*. 2020. № 12-2. С. 264-272. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi46
- Али-Хаджи, 1998** – Али-Хаджи Акушинский – шейх-уль-ислам Дагестана, патриот и миротворец: Документы и материалы. Махачкала: Юпитер, 1998. 240 с. с. 65.
- Бигиев, 1916** – Бигиев М. Женщина в свете священных аятов благородного Корана, 1916. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.islam-portal.ru/e-store/books/95/877/>
- Гаджиева, 2013** – Гаджиева Л.А. Воспоминания мурида о шейхе Шарапуддине Кикунинском // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 3. С. 392.
- Гаджиев, 2018** – Гаджиев М. Шейх Джамалуддин Казикумухский // *Исламдаг*. 2018. 21.02. [Электронный ресурс]. URL: <https://islamdag.ru/lichnosti/48496>
- Гаспринский, 1902** – Гаспринский И. Где корень зла? // *Терджиман*. 1902. № 36-39.
- Джалалова, 2011** – Джалалова С.М. Политико-правовые воззрения Магомеда Ярагского (первая половина XIX в.) // *Актуальные проблемы российского права*. 2011. № 4. С. 50.
- Доного, 2005** – Доного Хаджи Мурад. Нажмуддин Гоцинский: Общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века / Доного Хаджи Мурад. Махачкала, 2005. 397 с.
- Дургичилов, 2008** – Дургичилов М. Великий поэт, сын великого дервиша. О шейхе Абдурахмане-хаджи и Хаджи-Мухаммаде ас-Сугури. 2008. С. 3. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sogratl.net/publ/md/Book/Skazania_01.pdf
- Ергин, 2019** – Ергин Ю.В. Первая женщина-казья в истории Ислама. *Ватандаш*. 2019. № 12(279). С. 54-71.

- Зелькина, 2006** – Зелькина А. Учение кунта-Хаджи в записи его мюрида // *Этнографическое обозрение*. 2006. № 1. С. 42.
- Каймаразов, 1989** – Каймаразов Г.Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Дагучпедгиз, 1989. 160 с.
- Мустафа, 2007** – Мустафа Абдурразик-паша. Пророчества женщин, их святость, а также роль женщины в исламском тасаввуфе // *Вестник института ИАЭ*. 2007. № 3. С. 47-57.
- Мутиева, 2022** – Мутиева О.С. Религиозные практики женщин в мусульманских общинах Северного Кавказа: история и современность // *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2022. № 3.
- Наврузов, 2008** – Наврузов А.Р. Вопросы мусульманского просветительства в газете «Джаридат Дагистан» (1913–1918) и журнале «Байан ал-хакаик» (1925–1928) // *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2008. № 1(13). С. 43-50.
- Наврузов, 2010** – Наврузов А.Р. «Джаридат Дагестан» (1913–1918): первая газета мусульман Кавказа на арабском языке // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2010. № 1. С. 71-79.
- Наврузов, 2022** – Наврузов А.Р. Мусульманские просветители Дагестана первой трети XX века и «женский вопрос» (по материалам газеты «Джаридат Дагистан» (1913–1918) // *История, археология и этнография Кавказа*. 2022. Т. 18. № 2. С. 371-387. DOI 10.32653/CH182371-387.
- Оразаев, Шихалиев, 2014** – Оразаев Г.М.Р., Шихалиев Ш.Ш. Письмо Фатимы, дочери Шейха Хаджи Арслан' Али из Нижнего Казанища // *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2014. № 1(37). С. 68-71.
- Сиражудинова, 2022** – Сиражудинова С.В. Гендер и фронтир на Северном Кавказе // *Вестник антропологии*. 2022. № 2. С. 128-140. DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/128-140
- Сиражудинова, 2021** – Сиражудинова С.В. Гендерная система мусульманского общества: на примере республик Северного Кавказа // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 1. С. 56-67. DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.5
- ЦГА РД** – Центральный государственный архив Республики Дагестан.
- Чепелева, 2013** – Чепелева А.В. Женский аспект этической концепции любви в суфизме // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2013. Т. 2. № 4. С. 118-126.
- Шамсиева, 2020** – Шамсиева И.М. Феномен святых женщин Средней Азии в системе исламского мировоззрения. I Международный форум «Богословское наследие мусульман России» / *Материалы научно-практических конференций форума, Болгар, 13–19 октября 2019 года*. Т. 1. Казань: ООО «Издательский дом МеДДоК», 2020. С. 307-312.
- Шейх, 2009** – Шейх Мухаммад Хишам Каббани. Накшбандийский суфийский путь, история и путеводитель Святых Золотой Цепи / Пер. с англ. П. Варисова. Махачкала: ИД «Эпоха», 2009. 88 с.
- Шихалиев, 2017** – Шихалиев Ш.Ш. Образованная мусульманка в досоветском Дагестане. Женщина и ислам // *Сб. ст.* / Под ред. А.К. Бустанова. М.: Дызарт Тим, 2017. 72 с.
- Lewisohn, 2015** – Lewisohn L. Sufism's Religion of Love, from Rabi 'a to Ibn 'Arabi / *The Cambridge Companion to Sufism*. 2015. Pp. 150-182.
- Shaikh, 2012** – Shaikh S. Sufi narratives of intimacy: Ibn Arabi, gender, and sexuality. Univ of North Carolina Press, 2012.

References

- Abdullaev, 2001** – Abdullaev, M.A. (2001). Deyatel'nost' i vozzreniya sheikha Abdurakhmana-khadzhi i ego rodoslovnaya [Activities and views of Sheikh Abdurahman-Hajji and his pedigree]. Makhachkala. 2-e izd. [in Russian]
- Abdullaev, 2013** – Abdullaev, M.A. (2013). Triumf i tragediya sheikh-ul'-islama Dagestana Ali-Khadzhi Akushinskogo: monografiya [The triumph and tragedy of Sheikh-ul-Islam Dagestan Ali-Haji Akushinsky]. Makhachkala: ID «Epokha». 368 p. [in Russian]
- Albogachieva, 2017** – Albogachieva, M.S.G. (2017). Islam v Ingushetii: etnografiya i istoriko-kul'turnye aspekty [Islam in Ingushetia: Ethnography and historical and cultural aspects]. Sankt-Peterburg: Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN. 264 p. [in Russian]
- Ali al-Gumuki, 1916** – Ali al-Gumuki (1916). Obuchenie zhenshchin pis'mu [Teaching women to write]. *Dzharidat Dagistan*. 6. [in Russian]
- Alibekov, 2020** – Alibekov, Kh.G. (2020). Zhenskii element v dagestanskom sufizme [The female element in Dagestan Sufism]. *Voprosy istorii*. 12-2. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi46 [in Russian]
- Ali-Khadzhi, 1998** – Ali-Khadzhi Akushinskii – sheikh-ul'-islam Dagestana, patriot i mirotvorets: Dokumenty i materialy [Ali-Haji Akushinsky – Sheikh-ul-Islam of Dagestan, patriot and peacemaker: Documents and materials]. Makhachkala: Yupiter, 1998. 240 p. [in Russian]
- Bigiev, 1916** – Bigiev, M. (1916). Zhenshchina v svete svyashchennykh ayatov blagorodnogo Korana [A woman in the light of the sacred verses of the noble Quran]. [Electronic resource]. URL: <http://www.islam-portal.ru/e-store/books/95/877/> [in Russian]

Chepeleva, 2013 – *Chepeleva, A.V.* (2013). Zhenskii aspekt eticheskoi kontseptsii lyubvi v sufizme [The feminine aspect of the Ethical concept of love in Sufism]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2(4). [in Russian]

Donogo, 2005 – *Donogo Khadzhi Murad* (2005). Nazhmuddin Gotsinskii: Obshchestvenno-politicheskaya bor'ba v Dagestane v pervoi chetverti XX veka [Nazhmudin Gotsinsky: Socio-political struggle in Dagestan in the first quarter of the XX century]. Makhachkala. 397 p. [in Russian]

Durgichilov, 2008 – *Dugrichilov, M.* (2008). Velikii poet, syn velikogo dervisha. O sheikhe Abdurakhmane-khadzhi i Khadzhi-Mukhammade as-Suguri [A great poet, the son of a great dervish. About Sheikh Abdurakhman-Haji and Haji-Muhammad as-Suguri]. [Electronic resource]. URL: https://www.sogratl.net/publ/md/Book/Skazania_01.pdf [in Russian]

Dzhalalova, 2011 – *Dzhalalova, S.M.* (2011). Politiko-pravovye vozzreniya Magomeda Yaragskogo (pervaya polovina XIX v.) [Political and legal views of Magomed Yaragsky (the first half of the XIX century)]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 4. [in Russian]

Ergin, 2019 – *Ergin, Yu.V.* (2019). Pervaya zhenshchina- kazyya v istorii Islama [The first Kaziya woman in the history of Islam]. *Vatandash*. 12(279). [in Russian]

Gadzhiev, 2018 – *Gadzhiev, M.* (2018). Sheikh Dzhamaluddin Kazikumukhskii [Sheikh Jamaluddin Kazikumukhsky]. Islamdag. [Electronic resource]. URL: <https://islamdag.ru/lichnosti/48496> [in Russian]

Gadzhieva, 2013 – *Gadzhieva, L.A.* (2013). Vospominaniya murida o sheikhe Sharapuddine Kikuninskom [Murid's Memories of Sheikh Sharapuddin Kikuninsky]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 3. [in Russian]

Gasprinskii, 1902 – *Gasprinskii, I.* (1902). Gde koren' zla? [Where is the root of evil?]. *Terdzhiman*. 36-39. [in Tatar]

Kaimarazov, 1989 – *Kaimarazov, G.Sh.* (1989). Prosveshchenie v dorevolyutsionnom Dagestane [Enlightenment in pre-revolutionary Dagestan]. Daguchpedgiz, 160 p. [in Russian]

Lewisohn, 2015 – *Lewisohn, L.* (2015). Sufism's Religion of Love, from Rabi 'a to Ibn 'Arabi. The Cambridge Companion to Sufism.

Mustafa, 2007 – *Mustafa Abdurrazik-pasha* (2007). Prorochestva zhenshchin, ikh svyatost', a takzhe rol' zhenshchin v islamskom tasavvufe [Prophecies of women, their holiness, as well as the role of women in Islamic tasawwuf]. *Vestnik Instituta IAE*. 3. [in Russian]

Mutieva, 2022 – *Mutieva, O.S.* (2022). Religioznye praktiki zhenshchin v musul'manskikh obshchinakh Severnogo Kavkaza: istoriya i sovremennost' [Religious practices of women in Muslim Communities of the North Caucasus: History and Modernity]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 3. [in Russian]

Navruzov, 2008 – *Navruzov, A.R.* (2008). Voprosy musul'manskogo prosvetitel'stva v gazete "Dzharidat Dagistan" (1913-1918) i zhurnale "Baian al-khakaik" (1925-1928) [Questions of Muslim enlightenment in the newspaper "Jaridat Dagistan" (1913-1918) and the journal "Bayan al-khakaik" (1925-1928)]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii*. 1(13): 43-50. [in Russian]

Navruzov, 2010 – *Navruzov, A.R.* (2010). "Dzharidat Dagestan" (1913-1918): pervaya gazeta musul'man Kavkaza na arabskom yazyke ["Jaridat Dagistan" (1913-1918): the first newspaper of Muslims of the Caucasus in Arabic]. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 1: 71-79. [in Russian]

Navruzov, 2022 – *Navruzov, A.R.* (2022). Musul'manskii prosvetiteli Dagestana pervoi treti XX veka i "zhenskii vopros" (po materialam gazety "Dzharidat Dagistan" (1913-1918) [Muslim enlighteners of Dagestan of the first third of the XX century and the "women's question" (based on the materials of the newspaper "Jaridat Dagestan" (1913-1918)]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza*. 18(2): 371-387. DOI: 10.32653/CH182371-387 [in Russian]

Orazaev, Shikhaliev 2014 – *Orazaev, G.M.R., Shikhaliev, Sh.Sh.* (2014). Pis'mo Fatimy, docheri Sheikha Khadzhi Arslan' Ali iz Nizhnego Kazanishcha [Letter from Fatima, daughter of Sheikh Haji Arslan' Ali from Nizhny Kazanishche]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii*. 1(37). [in Russian]

Shaikh, 2012 – *Shaikh, S.* (2012). Sufi narratives of intimacy: Ibn Arabi, gender, and sexuality. Univ of North Carolina Press.

Shamsieva, 2020 – *Shamsieva, I.M.* (2020). Fenomen svyatykh zhenshchin srednei Azii v sisteme islamskogo mirovozzreniya [The phenomenon of the Holy women of Central Asia in the system of Islamic worldview]. *I Mezhdunarodnyi forum "Bogoslovskoe nasledie musul'man Rossii": Materialy nauchno-prakticheskikh konferentsii foruma, Bolgar, 13-19 oktyabrya 2019 goda*. Tom I. Kazan': OOO "Izdatel'skii dom "MeDDoK". [in Russian]

Sheikh, 2009 – *Sheikh Mukhammad Khisham Kabbani* (2009). Nakshbandiiskii sufiiskii put', istoriya i putevoditel' Svyatykh Zolotoi Tsepi [Naqshbandi Sufi Way, history and guide of the Saints of the Golden Chain]. Per. s angl. P.Varisova. Makhachkala: ID «Epokha». [in Russian]

Shikhaliev, 2017 – *Shikhaliev, Sh.Sh.* (2017). Obrazovannaya musul'manka v dosovetskom Dagestane [An educated Muslim woman in pre-Soviet Dagestan]. Zhenshchina i islam. Sb. st. Pod red. A. K. Bustanova. M.: Dizart Tim. 72 p. [in Russian]

Sirazhudinova, 2021 – Sirazhudinova, S.V. (2021). Gendernaya sistema musul'manskogo obshchestva: na primere respublik Severnogo Kavkaza [Gender strategy in Muslim society: the case of the North Caucasian republics]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 1. DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.5 [in Russian]

Sirazhudinova, 2022 – Sirazhudinova, S.V. (2022). Gender i frontir na Severnom Kavkaze [Gender and the frontier in the North Caucasus region]. *Vestnik antropologii*. 2. DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/128-140 [in Russian]

Zel'kina, 2006 – Zel'kina, A. (2006). Uchenie kunta-Khadzhi v zapisi ego myurida [The teachings of Kunta-Hadji in the recording of his murid]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. [in Russian]

Женская религиозная активность на Северном Кавказе в Российской империи

Саида Валерьевна Сиражудинова ^{a, *}, Юсуп Магомедович Гусейнов ^a

^a Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Российская Федерация

Аннотация. Российская империя в ходе своего утверждения на Кавказе пристальное внимание уделяла духовной и религиозной жизни народов, населяющих регион. Именно наместники и военные изучали традиции и религию, писали свои записки и доклады. Их интерес в первую очередь привлекали ученые и влиятельные шейхи, а религиозные практики женщин на протяжении многих веков оставались в тени и предавались забвению. С течением времени пробелы усилились, много информации было утеряно. Большой вклад в сохранение памяти о женской религиозной активности внесли ученые, которые находили письма, источники, заметки местных исследователей и сохраняли историю. Авторами были осуществлены попытки систематизировать информацию и выявить реальную женскую активность в религии. С помощью анализа биографий богословов, изучения архивов, периодических изданий авторы предприняли попытку восстановить по крупицам и определить реальную роль женщин в религиозных практиках. Исследование позволило по-новому взглянуть на женскую активность, развеять стереотипы о консервативной религии, отстраняющей женщин от религиозных практик. Исследование показало, что менее образованная и радикальная часть общества всегда стремилась увеличить ограничения для женщин, но сами выдающиеся ученые-суфии отстаивали права женщин на религиозные практики, стремились дать дочерям высочайшее религиозное образование. Джадидисты реформаторы внесли важный вклад в продвижение активности и прав женщин. Дагестанские представители данного направления также публично озвучили вопрос женского образования, но их заявления были неоднозначны и носили двойственный характер.

Ключевые слова: религия, гендер, женская активность, суфизм, ислам, Северный Кавказ, религиозная практика, образование.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: saida_kant@mail.ru (С.В. Сиражудинова), g.usup@mail.ru (Ю.М. Гусейнов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 56-63
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.56

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Transfer of French Publications as a Factor in the Development of Russian Book Culture in the second half of the XVIII century

Ruslan M. Zhitin ^{a, *}, Alexey G. Topilsky ^a

^a Derzhavin Tambov state university, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the penetration of French printed publications into the Russian Empire in the second half of the XVIII century. Several interrelated processes that took place in Russian society contributed to this phenomenon at once. Thus, the penetration of Enlightenment ideas made it fashionable to become familiar with advanced European culture, and above all, French culture, thereby forming Gallomania. The spread of French as a common language in the nobility made it literally necessary to purchase books in French in a personal library. The desire to improve their farm and make the estate landscape beautiful required studying the experience of European farmers and designers. Critics of the emperors replenished their collections with the works of freethinkers. The development of scientific and educational institutions, in turn, led to the acquisition of foreign books in departmental libraries. The combination of these factors ensured the active transfer of foreign (primarily French) publications to Russia.

The main research methods used were comparative-historical, as well as the method of comparative analysis.

In conclusion, the authors come to the conclusion that, despite the existence of different streams of French literature with different content from each other, due to their reading by the educated layer of Russians, there was an active borrowing of French culture and the dissemination of these book publications. Attempts by state bodies at the end of the XVIII century to restrict the import and publication of books by French enlighteners as unreliable led rather to the opposite effect, when people massively read and studied Voltaire and other freethinkers.

Keywords: reading, manor libraries, enlightenment, cultural transfer, nobles.

1. Введение

Долгое время верификация провинциальной дворянской культуры шла через изучение домашнего воспитания высшего сословия, усадебного быта и повседневности. Это сверхважная, совершенно необходимая, но не единственная линия исследования культуры помещиков. Для успешной верификации динамики отдельных групп населения надо учитывать факторы, которые носили скрытый, глубинный характер. К важнейшим из них можно отнести практики сохранения и воспроизводства читательских традиций, обеспечивающих формирование определенной культурной среды. Как известно, широкое распространение в России модернизационных идей во многом обусловлено проникновением в страну новых практик из Западной Европы. Иностранная литература играла важную роль в проводимой модернизации, оказывалась своего рода источником социальных и культурных трансформаций. Одновременно книжная грамотность выступала катализатором замыслов западноевропейских просветителей. Локальные данные об этих процессах весьма

* Corresponding author

E-mail addresses: istorik08@mail.ru (R.M. Zhitin), a-topil@yandex.ru (A.G. Topilsky)

ограничены, однако их изучение важно для осмысления «идейного наполнения» русской действительности эпохи реформ и модернизаций, роли Запада в этом процессе.

2. Материалы и методы

Данное исследование опирается на значительный объем исторических источников, впервые вводимых в научный оборот. Важные сведения о трансферте книжной продукции в Россию содержат материалы российских книготорговых лавок, отвечавших за распространение зарубежной литературы в стране. Речь идет о «Реестрах иностранных книг, которые по нижеписанным ценам в Московской книжной палате продавать» и «Щетные выписки учиненные из приходной и расходной книг о продаже в Москве в академической книжной лавке иностранных книг» (Французская..., 1986: 100). Перечисленные издания содержат богатые сведения о жанровой, тематической, языковой принадлежности поступаемых в страну произведений, особенности их реализации на региональных рынках. Содержательные возможности выписок и реестров дополняют каталоги изданий, выявленные в библиотеке Академии наук в середине XIX в. Их подробное описание представил Г. Геннади в труде «Литература русской библиографии» (Геннади, 1858: 33).

Для изучения характера распространения книжной продукции в дореволюционной России использовались материалы из фондов РГАДА, показывающие состав французских изданий в личных библиотеках Меншиковых (РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 56), Голицыных (РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Д. 35) и других букинистов.

Основополагающим методологическим инструментарием в работе стали принципы объективности и историзма. Принцип историзма позволил проанализировать состав иностранных книжных коллекций в тесной связи со спецификой эпохи и потребностями дворянства. Принцип объективности предполагает использование надежных теорий, не искажающих процессы культурного развития. Принцип реализован на основе подробного анализа исторических источников, позволивших комплексно изучить процессе комплектования усадебных библиотек.

Поскольку часть французских книг утрачена и информация о них не систематизирована, в работе был применен метод компаративного анализа, позволяющего атрибутировать часть зарубежного книжного наследия. Метод предполагал выявление описей франкоязычных собраний и их сравнение с существующими каталогами.

3. Обсуждение

Вопросы трансферта французской печатной продукции на территорию России в середине XIX века относятся к малоисследованным историографическим проблемам.

В дореволюционной исторической науке проблема трансферта иностранной книжной продукции не ставилась. В известном труде Э. Омана «Французская культура в России» (Haumment, 1910: 50-64) франкоязычным изданиям уделена небольшая глава. Автор рассмотрел наиболее популярные труды у российского дворянства, охарактеризовал тематический состав личных библиотек высшего сословия. Особенности транспортировки, жанровый состав зарубежной литературы были оставлены без внимания.

Общие материалы о потребностях российских букинистов представил Н.А. Рубакин. В своем капитальном труде «Этюды о русской читающей публике» он обобщает большой фактический материал о распространении чтения среди всех слоев населения (Рубакин, 1895: 11-26). Автор приходит к выводу о значительном трансферте книг из-за рубежа, однако не подкрепляет его конкретными статическими данными.

В советской историографии преобладал политизированный подход к оценке роли иностранных собраний российских дворян. Только начиная с 1960-х годов, делается попытка обобщения значения зарубежной книги в информационной культуре дореволюционного общества. Ценный материал о французских фондах библиотеки Петербургской академии наук обобщил П. И. Хотеев (Хотеев, 1989). Изучая вопросы тематического и жанрового своеобразия приобретаемых для учреждения собраний, автор исследовал специфику книжных пристрастий читающей публики. По его подсчетам, благодаря работе Академии наук, в Россию поступило свыше полутора тысяч изданий, причем все они были доступны для продажи провинциальному обывателю. Покупатели могли ознакомиться с трудами передовых европейских историков, обществоведов, естествоиспытателей.

В исследовании Н.А. Копанева представлена история появления Московской книжной лавки (Копанев, 1983). Автор рассмотрел качественные характеристики репертуара франкоязычных изданий учреждения, проанализировал популярность иностранной литературы у москвичей. Одновременно им затронуты вопросы транспортировки в Россию закупаемой продукции. Изучение данных проблем позволило восстановить логику взаимоотношения чиновников академии и европейских комиссионеров. Ценным дополнением к проделанной работе является составленный Н.А. Копаневым каталог французской литературы, продававшейся в Москве в 50-х годах XVIII века (Копанев, 1986).

Проблемы появления жанра французской «Россики» XVIII в. исследуются в работах В.А. Сомова. Автор рассмотрел репертуар издаваемых книг, обобщил их значение для развития

русско-французских взаимоотношений. При этом источником для обобщений стали сохранившиеся каталоги московских и петербургских книгопродавцев, данные их личных библиотек, архивные документы (Сомов, 1983: 117-118).

Важное историографическое значение в изучении трансферта иностранных книг на российский рынок сыграл выход монументального сборника «Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории» (Французская..., 1986). На основе новых документов авторы показали активное проникновение франкоязычных изданий в страну еще во время Петра I, а не с 60-х гг. XVIII в., как это считалось ранее.

На современном этапе исследователей интересует роль иностранной книги в культуре повседневности дворянских родов. Значительный объем фактического материала о составе франкоязычной литературы в личных коллекциях Батюшковых и Верещагиных обобщила Г.З.Торохова. Она проанализировала состав усадебных собраний, значимость зарубежных произведений в контексте семейной памяти изучаемых родов (Торохова, 2017).

Частные коллекции французских книг в России XVIII–XIX вв. рассмотрела Л.А. Марихейн. На основе архивных источников она изучила реалии частного коллекционирования франкоязычных изданий в дореволюционной России, проанализировала работу государственных организаций, связанных с распространением и популяризацией французской литературы. Собранные материалы позволили сделать однозначный авторский вывод о галломании как факторе развития русско-французских культурных связей (Марихейн, 2008).

Таким образом, анализ историографии позволяет сделать вывод о недостаточности исследований трансферта французской книги в России. Тем не менее изучение франкоязычной литературы позволяет полнее проанализировать особенности информационной культуры российского дворянства второй половины XVIII века.

4. Результаты

Во второй половине XVIII века дворянские библиотеки в значительной степени комплектовались литературой на французском языке. Появление зарубежных изданий в личных коллекциях высшего сословия связано с явлением галломании – ярко выраженного преклонения перед всем французским, утвердившегося в период становления и развития Российской империи. Изучавший данное явление А.Н. Греч связывал «исключительную своеобразность» личных собраний дворянства с обилием редких французских книг, приобретаемых владельцами за рубежом (Греч, 2010: 61).

Мода на все французское связана с преобразованиями Петра I. Поездка царя во Францию в 1717 г. должна была продемонстрировать силу зарождающейся в России абсолютной монархии. Поэтому французская культура, достигшая наибольшего влияния в период укрепления европейского абсолютизма, представлялась самодержцу важной доктриной развития общественно-политической жизни в России. «Сменявшие друг друга монархи нуждались в идеологическом оформлении своих государственных и политических интересов, в культурном и литературно-художественном закреплении и обосновании их», – отмечала Л.И. Сазонова (Сазонова, 1982: 121). В результате уже при жизни Петра I галломания стала неотъемлемой частью внутренней политики страны.

В 1724 году по образцу французской академии возникает российская Академия наук, обеспечивающая продвижение западной образовательной модели в российских учебных заведениях. Одновременно началось строительство Русского Версаля – масштабной резиденции Петра Великого под Санкт-Петербургом. Даже в государственный аппарат страны начинают набираться люди, хорошо владевшие французским языком (Французская..., 1986: 31).

Склонность к галломании подкреплялось универсальностью французского языка. Дело в том, что на протяжении XVII – первой половины XVIII столетий французы перевели практически всю европейскую художественную классику и античную литературу. В результате знание языка Мольера давало возможность русскому читателю знакомиться не только с сочинениями Вольтера, но и с ведущими английскими, испанскими, итальянскими, немецкими авторами. Кроме того, важным фактором галломании на протяжении всего XVIII века являлась светскость выпускаемой литературы. В то время как основная масса книг, выпускаемая в Германии в первой половине XVIII в., относилась к различным религиозным трудам, французские типографии выпускали общественно-политические и научные произведения. Таким образом, французская печать обеспечивала светскую модель модернизации и знакомила русского обывателя с ведущими идеями европейского Просвещения.

Основными центрами распространения изданий на французском языке в середине XVIII века являлись Петербургская и Московская академические книжные лавки. Их появление определялось развитием университетского дела в России и подкреплялось устойчивым вниманием общества к французской культуре. Основным источником комплектования данных учреждений являлась централизованная закупка литературы за рубежом и ее последующая реализация в стране. Первая крупная партия заморских книг пришла в Россию в 1728 году (порт в Санкт-Петербурге). В корабельных трюмах находилась продукция, изданная в ведущих типографиях Амстердама, Гааги, Лейпцига, Парижа, Лондона (Копанев, 1983: 40). Практически все привезенные книги сразу нашли

своего читателя. Поэтому крушение корабля с новой партией в 1729 году было воспринято современниками как трагедия, но не повлияло на динамику начатого дела. Судя по рекламным предложениям Петербургской лавки, в 1831 году русскому читателю предлагалось 1 033 наименования изданий. В 1734 г. число иностранных произведений, доступных для продажи, возросло до 2 411, а в 1739 г. репертуар реализуемой литературы достиг 3 611 названий (Французская..., 1986: 59).

Ассортимент завозимых в страну изданий отражал специфику читательских интересов образованной публики. Согласно данным академических каталогов, французская книга достаточно быстро вытесняет из продажи произведения на других языках. Если в 1751 году в общем книготорговом репертуаре преобладала литература на немецком языке (49 %), то в 1752 году абсолютным лидером стали франкоязычные книги (51 %) (Материалы..., 1886: 528-529).

Французские издания не только широко ввозились в Россию, но и масштабно рекламировались. Начиная с 1731 года, Академия наук выпускала отдельные каталоги зарубежных изданий, доступных для приобретения в лавке. С 1731 по 1764 гг. вышло 10 тыс. объявлений о возможности покупки зарубежной литературы (Французская..., 1986: 60). По наблюдению видного историка Э. Омана, этот период символизировал начало «французского культурного завоевания» России, связанного с тотальным увлечением российской аристократии литературой чужой страны (Французская..., 1986: 50). Галломания во многом подчеркивала французскую культурную ориентацию русской дворянской аристократии имперского периода. При этом преклонение перед всем французским как массовое культурное влияние было настолько устойчивым, что ценность франкоязычной литературы признавалась даже во времена бироновщины – немецкого засилья в придворном окружении.

Значительный интерес представляет изучение мест издания франкоязычных произведений, продаваемых в России. Исследования Н.А. Копанева показали, что в 1750 г. французские книги, напечатанные на их языковой родине, были хуже представлены в России, чем аналогичная литература, выпущенная в Голландии (Копанев, 1988: 44). Несмотря на то, что с конца 1730-х годов доля парижских томов в общей структуре оборота постоянно росла, большая часть франкоязычных книг привозилась из Амстердама и Гааги. Это касалось как Петербургской, так и Московской академических лавок.

Распространение амстердамских и гаагских изданий подчеркивало специфические черты российской книжной торговли, однако вряд ли отражало логику книгоиздательства того времени (подавляющее большинство франкоязычных томов на протяжении всего XVIII века продолжало появляться во Франции). Тем не менее причины внимания к голландской продукции понять несложно. Преобразования Петра I были тесно связаны с Нидерландами. Из этой страны в Россию шел трансферт научно-технических сведений, товаров, услуг. Большое значение также играли профессиональные отношения с местными специалистами, приезжавшими в Россию для строительства мануфактур, мельниц, заводов. Все это рождало необходимые связи и взаимные интересы для культурного обмена. Так, уже с конца 1730-х гг. в Петербургской лавке можно было купить труды на голландском языке, а сама Академия наук имела своих агентов в Амстердаме (Французская..., 1986: 67).

Вербовка агентов – определяющий элемент трансферта литературной продукции из Нидерландов. Как правило, это были известные в своем деле голландские книготорговцы. Известно, что в 1730-х годах в Амстердаме российские интересы обслуживал крупный специалист Вейтбрехт. В его задачи входили подготовка реестров книг, их отправка в Россию (Луппов, 1973: 110). В последующем деловые связи были налажены с Мейнардом Утверфом и Ватштейном, державшими ряд крупных типографий в Амстердаме (Материалы..., 1886: 65). При этом нанятые агенты могли доставлять в Россию не только свою продукцию, но и любые другие произведения, интересующие русскую публику. Таким образом, дворяне могли познакомиться с продукцией ведущих гаагских книгоиздателей: Борегарда (Beauregard), Пьера де Хонда (Pierre de Hondt), Пони (Ponpie), Шерлера (Scheurleur), Ван Дюрена (Van Düren), Моэтжана (Moetjens) и лейденских производителей Вербека (Verbeck), Ван дер Аа (Van der Aa).

Если в Голландии достаточно быстро удалось наладить посредничество добровольных корреспондентов, то во Франции это стоило большего труда (сказывался гораздо больший уровень культурных связей с Нидерландами). Только с 1730-х годов было заключено соглашение с крупным парижским книгоиздателем Бриасоном. Именно с его деятельностью связан резкий взлет на рынке франкоязычных изданий в России. Он привозил на местный рынок продукцию Кавелье (Cavelier), Дюпюи (Dupuis), Дюрана (Durand), Жомбера (Jombert), Роллена (Rollin), Про (Prault) и других французских типографий. Одновременно Бриасон наладил продажи российских книг на французском языке во Франции и даже осуществил продажу в Париже библиотеки русского дипломата и поэта князя Антиоха Кантемира (Французская..., 1986: 70).

Отношения между российскими торговыми лавками и зарубежными корреспондентами формировались стихийно. На начальном этапе формирования компаративных связей был распространен бартерный обмен. Такой расчет был сопряжен с определенными сложностями, ведь каждая из сторон стремилась продавать свою продукцию по завышенной цене, а покупать по

стоимости ниже рыночной. Одновременно случались поставки дефектных экземпляров без существенных уступок по цене. Пытаясь регулировать бартерные процедуры, Академия наук выпустила четкие инструкции: «Здесь выхода книги отпускать за море по такой же цене, как оные здесь продаются, ибо от того прибыли нет, что на здешние книги цена накладывается, а напротив того, и тамошние корреспонденты на свои книги дороже цену поставя, сюда присылают» ([Материалы..., 1895b: 466](#)).

Наличие бартерного расчета в книготорговле определялось отсутствием достаточного финансирования со стороны Академии наук и, безусловно, ставило развитие рынка в зависимость от эффективности работы академических типографий. В страну ввозилось ровно столько продукции, сколько вывозилось русскими типографами в Европу. С одной стороны, это сдерживало процесс распространения книг в России, с другой – наблюдался обратный трансферт отечественной продукции за рубеж. Книжный экспорт формировал представления европейцев о русской истории, повышал имидж страны в международном книгообмене.

Лишь небольшая часть тиража франкоязычных изданий покупалась за наличный расчет. Данное правило действовало только в случаях невозможности или сложности книгообмена. При этом академия требовала от агентов разумных закупок «не на великую сумму» и под строгим контролем вплоть до «прямого наблюдения» ([Материалы..., 1895a: 225](#)).

Характерной особенностью трансферта книг из-за рубежа являлся тщательный отбор продукции иностранных издательств. Большая часть заявок на издания формировала академическая профессура по так называемым дезиратам. Они периодически составлялись и передавались в книжные лавки. Одновременно Академия наук выписывала специализированные периодические издания, содержащие отзывы на книги. Так, в Россию приходили «Журнал ученых», «Французская библиотека», «Английская библиотека», «Германская библиотека» и др.

Незначительная часть книготорговых списков формировалась по частным пожеланиям библиофилов. Постепенно данная услуга набирала все большую популярность. Этому в немалой степени способствовала реклама в «Ведомостях». Так, в 1752 году академический книготорговый каталог предлагал «всем желающим купить какие-либо книги», сделав своевременный заказ. При этом «книжная лавка брала на себя труд по их доставке будущим летом на первых же кораблях» ([Ведомости, 1729](#)). Аналогичные надписи можно встретить в книготорговых каталогах, публикуемых академией. Наличие подобных сообщений говорит об активных попытках российских книгоиздателей установить прямую связь с читающей публикой.

Важно проследить персональный состав покупателей российских изданий. В силу столичного характера проживания крупнейших черноземных помещиков-букинистов приобретение литературы предполагалось прежде всего для библиотек центральных усадеб в Санкт-Петербурге. Документы академической лавки показывают, что в конце XVIII века наиболее часто книгами интересовались князь А.Ю. Трубецкой, барон А.Г. Строганов, фрейлина Е.Р. Воронцова, князь Голицын, князь Гагарин. При этом каждый клиент выбирал продукцию на свой вкус. Если Строгановы были равнодушны к художественной литературе, то Трубецкие скупали произведения историко-философского содержания.

Расширение университетской инфраструктуры в стране повлекло за собой модернизацию книжной торговли. В 1756 г. вслед за основанием Московского университета была учреждена Московская лавка. На первом этапе здесь продавалась учебная литература, «состоящая из знатного числа книг на почти всех европейских языках» ([Московские ведомости, 1756a](#)). Весной 1856 года московские ведомости сообщали о возможности покупки здесь книг «Латинская грамматика на французском», «Рудименты латинские на французском» и «Новый лексикон, которого сочинитель Ру».

В последующем книжный ассортимент Московской лавки расширяется. 30 января 1761 г. «Ведомости» сообщали о получении «немалого числа латинских, французских и немецких книг», готовых к продаже ([Московские ведомости, 1756b](#)). О том, какие издания могли прочитать москвичи, наглядное представление дает каталог французских изданий, продававшихся в 1761 г. Издание состоит из 447 франкоязычных томов, большинство из которых были напечатаны во Франции (110 названий) и Голландии (116 названий). Продавались также издания, опубликованные в Австрии, Дании, Швейцарии и Италии ([Французская..., 1986: 94](#)).

Рост политического и экономического влияния России в мире обуславливал все больший интерес иностранцев к русской культуре. На французский и другие европейские языки стали переводиться заграничные путешествия, экономические трактаты, политические памфлеты, произведения российских писателей. География таких изданий была достаточно широка и включала типографии Парижа, Амстердама, Гааги, Лондона, Берлина.

Обилие выпущенной продукции даже позволило современникам выделить подобные издания в отдельный литературный жанр, названный «Россика», т.е. сочинения о России. Произведения этого направления были далеко не равноценны по своей значимости, однако они давали обширное представление о социальной и экономической жизни в российской провинции.

Основными темами для французской «Россики» второй половины XVIII века были проблематика европейского выбора России, политические преобразования Петра I, просвещенный

абсолютизм Екатерины II. Русские культурные процессы этого периода мало интересовали как западного писателя, так и читателя, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что первое объемное описание допетровской эпохи было представлено П.-Ш. Левеком и Н.-Г. Леклерком только в 1780-е гг. ([Французская..., 1986: 177](#)).

Русское самодержавие прекрасно понимало значимость трансферта отечественной культуры за рубеж и неоднократно обращалось к помощи французских авторов для повышения имиджа и престижа монархии. Наиболее активно этому способствовал просвещенный абсолютизм Екатерины II, создающий питательную среду для трансферта общественно-политической мысли в Россию. «Вы действительно сделались благодетельницею Европы и приобрели себе подданных величием вашей души более, чем другие могут покорить оружием», – лгиво писал о «Семирамиде Севера» Вольтер ([Павленко, 2003: 120](#)).

Обратной стороной монаршего покровительства стала цензура порочащих монархию сочинений. Одной из первой книг «Россики», попавших под опалу, стал труд А. Гудара «Записки для истории Петра III». Памфлет раскрывал неприглядные стороны государственного переворота 1862 года, в результате которого Екатерина II пришла к власти. «Прикажите всем нашим министрам прилежно изыскивать автора, требовать, дабы он наказан был, конфисковать все эдиции и заказать привоз оной книги в Россию», – писала Екатерина II канцлеру М.И. Воронцову ([Сборник..., 1885: 559](#)). Приказ был выполнен, однако часть тиража все же нашла своего читателя.

Однако, несмотря на принятые меры, запрет книг французских писателей только подогревал интерес русской читающей публики. Активное книгоиздание обусловило появление и бездефицитную продажу таких изданий на российском рынке. Так, если в 1780-е гг. у московского книгопродавца Ридигера (1781 г.) и в Петербургской лавке Ш.-Г. Миллера (1789 г.) можно было приобрести около 20 франкоязычных книг о России, то в конце 1790-х гг. в каталогах Ридигера (1798 г.) и Куртене (Москва, 1797 г.) значилось уже примерно 30 наименований «Россики» ([Геннади, 1858: 188](#)). Запретные произведения присутствовали в личном пользовании М.М. Щербатова, в огромных книжных собраниях Шереметевых, Воронцовых и других дворян России.

5. Заключение

Рассмотрение проблем трансферта франкоязычных изданий в Россию показывает высокое значение зарубежной литературы в формировании книжной культуры российского дворянства. Чтение иностранных произведений имело прогрессивный характер, так как формировало в обществе нормы классицизма и просветительства, знакомило высшее сословие с лучшими творениями мировой литературы. Галломания позволила дворянам стать частью общеевропейского культурного пространства, получать передовые знания в общественной, политической и социальной сферах. При этом характер присутствия французской книжной продукции в России определялся академическими типографиями, отвечавшими за книготорговые процессы. Активная работа академии по закупке и распространению иностранной литературы позволила в кратчайший срок насытить рынок необходимым количеством изданий.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Проект № 22-28-01964).

Литература

- [Ведомости, 1729](#) – *Ведомости*. 1729. № 17 (1 марта). С. 68.
- [Геннади, 1858](#) – *Геннади Г.Н.* Литература русской библиографии: Опись библиогр. кн. и ст., изд. в России. СПб., 1858. 196 с.
- [Греч, 2010](#) – *Греч А.Н.* Венок усадьбам. М., 2010. 333 с.
- [Копанев, 1983](#) – *Копанев Н.А.* Распространение иностранной книги в Петербурге в первой половине XVIII века: По материалам академических книготорговых каталогов / Русские книги и библиотеки в XVI – первой половине XIX века. Л., 1983. С. 40-60.
- [Копанев, 1988](#) – *Копанев Н.А.* Французская книга и русская культура в середине XVIII в. Л., 1988. 156 с.
- [Луппов, 1973](#) – *Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время (1725–1740). Л., 1973. 380 с.
- [Марихбейн, 2008](#) – *Марихбейн Л.А.* История частных коллекций французской книги в России XVIII–XIX веков и их роль в развитии русско-французских культурных связей: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2008. 25 с.
- [Материалы..., 1886](#) – *Материалы для истории Императорской академии наук*. СПб., 1886. Т. 2. 886 с.
- [Материалы..., 1895a](#) – *Материалы для истории Императорской академии наук*. СПб., 1895. Т. 7. 818 с.
- [Материалы..., 1895b](#) – *Материалы для истории Императорской академии наук*. СПб., 1895. Т. 8. 794 с.
- [Московские ведомости, 1756](#) – *Московские ведомости*. 1756. № 2 (30 апреля). С. 1.

- Московские ведомости, 1756b** – *Московские ведомости*. 1756. № 9 (30 января). С. 1.
- Павленко, 2003** – *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М., 2003. 495 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Рубакин, 1895** – *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике: факты, цифры и наблюдения. СПб., 1895. 246 с.
- Сазонова, 1982** – *Сазонова Л.И.* Переводная художественная проза в России 30–60-х годов XVIII в. / Русский и западноевропейский классицизм. М., 1982. 291 с.
- Сборник..., 1885** – Сборник Русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 48. 718 с.
- Сомов, 1983** – *Сомов В.А.* Французская «Россика» эпохи Просвещения и царское правительство (1760–1820-е гг.) / Русские книги и библиотеки в XVI – первой половине XIX века. Л., 1983. С. 117–118.
- Торохова, 2017** – *Торохова Г.З.* Французские книги в культуре русской дворянской семьи: на примере семейных архивов и библиотек Батюшковых и Верещагиных: Автореф. дисс. ... канд. культурологии: 24.00.01. М., 2017. 28 с.
- Французская..., 1986** – Французская книга в России в XVIII в.: очерки истории / АН СССР. Под ред. С.П. Лушова. Л., 1986. 252 с.
- Хотеев, 1989** – *Хотеев П.И.* Книга в России в середине XVIII века: част. кн. собр. Л., 1989. 140 с.
- Haumment, 1910** – *Haumment E.* La culture francais en Russie (1779–1900). Paris, 1910. 571 p.

References

- Frantsuzskaya..., 1986** – Frantsuzskaya kniga v Rossii v XVIII v.: ocherki istorii [French book in Russia in the XVIII century: Essays on History]. AN SSSR. Pod red. S.P. Luppova. L., 1986. 252 p. [in Russian]
- Gennadi, 1858** – *Gennadi, G.N.* (1858). Literatura russkoi bibliografii []: Opis' bibliogr. kn. i st., izd. v Rossii [Literature of Russian bibliography: Inventory of bibliogr. books and articles, ed. in Russia]. SPb., 196 p. [in Russian]
- Grech, 2010** – *Grech, A.N.* (2010). Venok usad'bam [Wreath to estates]. M., 333 p. [in Russian]
- Haumment, 1910** – *Haumment, E.* (1910). La culture francais en Russie (1779–1900) [French culture in Russia (1779–1900)]. Paris, 571 p. [in French]
- Khoteev, 1989** – *Khoteev, P.I.* (1989). Kniga v Rossii v seredine XVIII veka [The book in Russia in the middle of the XVIII century: part of the collection]: chast. kn. sobr. L., 140 p. [in Russian]
- Kopanev, 1983** – *Kopanev, N.A.* (1983). Rasprostranenie inostrannoi knigi v Peterburge v pervoi polovine XVIII veka: Po materialam akademicheskikh knigotorgovykh katalogov [Distribution of foreign books in St. Petersburg in the first half of the XVIII century: Based on the materials of academic bookselling catalogs]. Russkie knigi i biblioteki v XVI – pervoi polovine XIX veka. L. Pp. 40–60. [in Russian]
- Kopanev, 1988** – *Kopanev, N.A.* (1988). Frantsuzskaya kniga i russkaya kul'tura v seredine XVIII v. [French book and Russian culture in the middle of the XVIII century]. L., 156 p. [in Russian]
- Luppov, 1973** – *Luppov, S.P.* (1973). Kniga v Rossii v poslepetrovskoe vremya (1725–1740) [The book in Russia in the post-Petrine period (1725–1740)]. L., 380 p. [in Russian]
- Marikhbein, 2008** – *Marikhbein, L.A.* (2008). Istoriya chastnykh kollektzii frantsuzskoi knigi v Rossii XVIII–XIX vekov i ikh rol' v razvitii russko-frantsuzskikh kul'turnykh svyazei [History of private collections of French books in Russia of the XVIII – XIX centuries and their role in the development of Russian-French cultural ties: abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences]: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. M., 25 p. [in Russian]
- Materialy..., 1886** – Materialy dlya istorii Imperatorskoi akademii nauk [Materialy dlya istorii Imperatorskoj akademii nauk]. SPb., 1886. Т. 2. 886 p. [in Russian]
- Materialy..., 1895a** – Materialy dlya istorii Imperatorskoi akademii nauk [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences]. SPb., 1895. Т. 7. 818 p. [in Russian]
- Materialy..., 1895b** – Materialy dlya istorii Imperatorskoi akademii nauk [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences]. SPb., 1895. Т. 8. 794 p. [in Russian]
- Moskovskie vedomosti, 1756** – *Moskovskie vedomosti*. 1756. № 2 (30 aprelya). P. 1. [in Russian]
- Moskovskie vedomosti, 1756b** – *Moskovskie vedomosti*. 1756. № 9 (30 yanvarya). P. 1. [in Russian]
- Pavlenko, 2003** – *Pavlenko, N.I.* (2003). Ekaterina Velikaya [Catherine the Great]. M., 495 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient acts].
- Rubakin, 1895** – *Rubakin, N.A.* (1895). Etyudy o russkoi chitayushchei publike: fakty, tsifry i nablyudeniya [Sketches about the Russian reading public: facts, figures and observations]. SPb., 246 p. [in Russian]
- Sazonova, 1982** – *Sazonova, L.I.* (1982). Perevodnaya khudozhestvennaya proza v Rossii 30–60-kh godov XVIII v. [Translated fiction in Russia of the 30–60-ies of the XVIII century]. Russkii i zapadnoevropeiskii klassitsizm. M., 291 p. [in Russian]
- Sbornik..., 1885** – Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of Russian Historical Societies]. SPb., 1885. Т. 48. 718 p. [in Russian]

Somov, 1983 – Somov, V.A. (1983). Frantsuzskaya «Rossika» epokhi Prosveshcheniya i tsarskoe pravitel'stvo (1760–1820-e gg.) [French “Russika” of the Enlightenment era and the Tsarist government (1760–1820s)]. Russkie knigi i biblioteki v XVI – pervoi polovine XIX veka. L. Pp. 117-118. [in Russian]

Torokhova, 2017 – Torokhova, G.Z. (2017). Frantsuzskie knigi v kul'ture russkoi dvoryanskoj sem'i: na primere semeinykh arkhivov i bibliotek Batyushkovykh i Vereshchaginykh: Avtoref. diss. ... kand. kul'turologii [French books in the culture of the Russian noble family: on the example of the family archives and libraries of the Batyushkovs and Vereshchagins: abstract of the dissertation of the Candidate of Cultural Studies]. 24.00.01. M., 28 p. [in Russian]

Vedomosti, 1729 – Vedomosti. 1729. № 17 (1 marta). P. 68. [in Russian]

Трансферт французских изданий как фактор развития книжной культуры России второй половины XVIII века

Руслан Магомедович Житин^{a, *}, Алексей Геннадьевич Топильский^a

^a Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу проникновения в Российскую империю французских печатных изданий во второй половине XVIII века. Этому явлению способствовали сразу несколько взаимосвязанных процессов, протекавших в российском обществе. Так, проникновение идей Просвещения делало модным приобщение к передовой европейской культуре, и прежде всего французской, формируя тем самым галломанию. Распространение французского языка в качестве обиходного в дворянской верхушке делало буквально необходимым приобретение в личную библиотеку книг на французском языке. Желание улучшить свое хозяйство и сделать усадебный ландшафт красивым требовало изучения опыта европейских аграриев и дизайнеров. Критики императоров пополняли свои собрания произведениями вольнодумцев. Развитие научных и образовательных учреждений в свою очередь вело к приобретению иностранных книг в ведомственные библиотеки. Совокупность этих факторов и обеспечила активный трансферт иностранных (в первую очередь – французских) изданий в Россию.

В качестве основных методов исследования применялись сравнительно-исторический, а также метод компаративного анализа.

В заключении авторы приходят к выводу о том, что, несмотря на существование разных потоков французской литературы отличного друг от друга содержания, за счет их чтения образованным слоем россиян шло активное заимствование французской культуры и распространение данных книжных изданий. Попытки государственных органов в конце XVIII века ограничить завоз и издание книг французских просветителей как неблагонадежных вели скорее к обратному эффекту, когда люди массово читали и изучали Вольтера и других вольнодумцев.

Ключевые слова: чтение, усадебные библиотеки, Просвещение, культурный трансферт, дворяне.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: istoriko8@mail.ru (Р.М. Житин), a-topil@yandex.ru (А.Г. Топильский)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 64-75
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.64

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Ivan Polzunov and Grigory Choros-Gurkin as Significant Figures for the Image of the Region in the History of Altai

Yury G. Chernyshov ^{a,*}, Anna D. Derendyaeva ^a, Snezhanna N. Isakova ^a, Pavel V. Ulyanov ^a

^aAltai State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of those factors that contributed to the transformation of two historical figures of the pre-revolutionary era into iconic figures of the regions. According to a survey of 50 experts, among such figures of the period of the Russian Empire the following were most often noted: in the Altai Territory, the inventor Ivan Ivanovich Polzunov (life years: 1729–1766), in the Altai Republic, the artist Grigory Ivanovich Choros-Gurkin, who flourished in the pre-revolutionary period (years of life: 1870–1937). The use of historical methods of analysis allowed the authors to reconstruct not only the main stages of the life path, but also the subsequent "fate of the images" of these figures, to conduct a comparative analysis of the factors that contributed to their transformation into iconic figures of the regions. Important details of biographies are considered. It was revealed that, with all the differences of these figures, there were many similarities in the life path of each of them, in their vision of their "mission" and in the way the memory of them was formed. Their selfless contribution to science and culture is noted, as well as the fact that each of them eventually became a kind of "genius of the place" (genius loci). This concept is closely related to the formation of the identity of the inhabitants and the unique image of the region, so the policy of memory of such iconic figures is important.

Keywords: memory politics, image of the region, history of Altai, iconic figures, I.I. Polzunov, G.I. Choros-Gurkin.

1. Введение

Формирование регионального имиджа зависит от многих факторов – природно-географических, историко-культурных, геополитических, экономических и т.д. При этом особую роль в развитии имиджевой политики региона играют концепты символического пространства и политика идентичности. Среди разных символов именно «знаковые фигуры», связанные с историко-культурным наследием, в значительной степени определяют узнаваемые черты региона и «самоидентичность» его жителей. В условиях усиления межрегиональной конкуренции региональные власти и местные сообщества все чаще обращаются к конструированию регионального имиджа с использованием, в частности, образов различных знаменитых деятелей (политиков, ученых, изобретателей, артистов, писателей, художников, спортсменов и т.д.), которые ассоциируются с историей данной территории. Такие попытки персонификации имиджа, однако, не всегда бывают удачными, поскольку, помимо фактора «землячества», здесь требуется еще многое – и, в частности, совпадение с запросом общества на определенный духовный смысл. Поэтому изучение данной темы актуально и в научном, и в практическом плане.

* Corresponding author

E-mail addresses: ashpi@ya.ru (Yu.G. Chernyshov), a.derendyaewa@yandex.ru (A.D. Derendyaeva), sneg77@mail.ru (S.N. Isakova), imperialnext@mail.ru (P.V. Ulyanov)

Особенно важно проведение таких исследований в тех регионах, где имидж еще не вполне оформился, где еще предстоит провести системную работу по «инвентаризации» символов, в том числе относящихся к далекой истории. В этом отношении, на наш взгляд, применительно к российскому Алтаю заслуживают внимания некоторые исторические деятели, проявившие себя еще во времена Российской империи. Мы говорим о «российском Алтае» в географическом и историко-культурном смысле, однако сейчас (с 1991 г.) эта территория разделена на два субъекта Российской Федерации – Алтайский край и Республику Алтай. Именно в данных регионах в июле–августе 2021 г. группой преподавателей Алтайского государственного университета был проведен экспертный опрос, позволивший выявить, какие исторические фигуры считаются наиболее важными при формировании регионального имиджа. Для периода Российской империи наиболее часто экспертами были отмечены в Алтайском крае – изобретатель Иван Ползунов (1729–1766), а в Республике Алтай – художник Григорий Чорос-Гуркин (1870–1937), расцвет творчества которого пришелся на дореволюционный период ([Дерендяева, Чернышов, 2021: 28](#)). В связи с этим основная цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить факторы, которые способствовали превращению именно этих исторических деятелей в знаковые фигуры регионов и тому, что память о них и сейчас влияет на формирование имиджа Алтайского края и Республики Алтай.

2. Материалы и методы

С помощью анализа сохранившихся архивных документов, писем, мемуаров, публикаций в СМИ и т.д. авторами получен достаточно богатый материал. Так, например, по биографии И.И. Ползунова ценную информацию содержат документы из Центра хранения архивного фонда Алтайского края ([ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 346](#); [ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 308-314об.](#); [ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Л. 85-169](#)), а по некоторым эпизодам жизни Г.И. Чорос-Гуркина – переписка Г.Н. Потанина ([Потанин, Васильева, 2004](#)). Обобщение имеющихся материалов позволило обоснованно провести сравнительное изучение того, как использовались образы И.И. Ползунова и Г.И. Чорос-Гуркина в коммеморативных практиках.

Данное исследование авторы стремились основать на принципах объективности и историзма. Конкретно-исторический подход помог учесть особенности общей обстановки той эпохи, в которой происходили рассматриваемые события. Историко-генетический, историко-биографический и сравнительно-исторический методы позволили реконструировать не только основные этапы жизненного пути, но и последующую «судьбу образов» И.И. Ползунова и Г.И. Чорос-Гуркина, провести компаративный анализ тех факторов, которые способствовали их превращению в знаковые фигуры регионов. Наконец, авторы статьи постарались учесть историографические традиции, причем не только академические исследования, но и разного рода научно-популярные и публицистические произведения, что позволило проследить эволюцию образов названных исторических деятелей.

3. Обсуждение

Говоря об историографических традициях, можно отметить как общую тенденцию то, что в обоих случаях, при недостатке закреплённых источниками фактических данных, многие авторы пытались «домысливать» то, что происходило в далекие эпохи. При этом заметное влияние на интерпретацию фактов оказали и разного рода политические и идеологические веяния, иногда существенно менявшие оценки деятельности рассматриваемых фигур.

Интерес к изучению биографии Ивана Ползунова и его изобретения на основе архивных документов появился еще в дореволюционной России ([Тишкина, 2004: 128-132](#)). Среди ранних работ можно назвать труды дореволюционного историка и краеведа С.И. Гуляева ([Гуляев, 2012: 25-32](#)) и писателя А.Н. Воейкова ([Воейков, 1883: 407-416](#)), однако более структурированным исследованием является работа преподавателя Томского технологического института императора Николая II М.И. Южакова ([Южаков, 1906](#)). В ней имеются не только данные о биографии механика, но и подробное описание его варианта паровой машины. Советские историки В.В. Данилевский ([Данилевский, 1940](#)), А.В. Храмой ([Храмой, 1956](#)), П.А. Бородин ([Бородин, 1985](#)), Н.Я. Савельев ([Савельев, 1988](#)), А.Д. Сергеев ([Сергеев, 2018: 248-258](#)) и др. сформировали научное направление по изучению творческой деятельности Ивана Ползунова на основании данных из архивных документов. Работы современных российских историков ([Контев, 2008](#); [Трофимов, Никулина, 2009: 20-22](#); [Абрамова, 2012](#) и др.) позволяют сформировать еще более полное представление о жизни и деятельности И.И. Ползунова. В зарубежной историографии о нем и его изобретении также писали. Можно отметить, например, статью немецкого писателя Ника фон Клобукова ([Klobukow, 1892: 810-812, 827-829](#)) и научный труд немецкого инженер-механика и историка техники, директора Национального музея истории и технологий в Вашингтоне и Немецкого музея в Мюнхене Отто Майра ([Maier, 1970: 77-78, 126](#)). Об И.И. Ползунове упоминал также американский исследователь С. Странд ([Strandh, 1979: 118-120](#)); статья об изобретателе есть в английском варианте «Википедии» ([Ivan Polzunov, 2022](#)) и т.д.

Не менее обширный круг работ посвящен и Г.И. Чорос-Гуркину. Уже в дореволюционный период о его творчестве писали А.В. Адрианов ([Адрианов, 1911: 11-24](#)), Л.П. Базанова ([Базанова, 1907:](#)

4), М.М. Далькевич (Далькевич, 1908: 855-857), Г.Н. Потанин (Потанин, 1909: 16-17) и др. В их трудах подробно освещались первые выставки художника, были проанализированы многие его картины. В советский период творчество репрессированного художника некоторое время замалчивалось, а после его реабилитации освещалось в работах Я.Р. Кошелева (Кошелев, 1962: 185-186), Л.И. Снитко (Снитко, 1983: 121-126) и др. Особое внимание уделялось этнографическим аспектам живописи, искусствоведческому анализу. В современной отечественной историографии его творчество исследовано с точки зрения археологических, искусствоведческих, религиоведческих и этнографических аспектов (Бедарева, 2015: 32-35; Гончарик, 2015: 96-114; Тобоев, 2018: 54; Эдоков, 1994: 32-40). Наибольший интерес для нас представляют труды, в которых алтайский художник рассматривается как «знаковая фигура» региона (Алексеев, 2018: 291-304; Шастина, 2020: 276-297). Его творчество получает высокие оценки и в зарубежной историографии. В работах разных исследователей высказываются суждения, что он был «отцом алтайской живописи», «пионером алтайской живописи», что он «открыл духовный Алтай» всему миру (Balzer, 2015: 2-5; Rozwadowski, 2021: 405; Togaman, 2018: 121-128).

В целом можно констатировать, что в обоих случаях есть уже довольно большой круг исследований, посвященных биографиям и творчеству И.И. Ползунова и Г.И. Чорос-Гуркина, однако изучение «судеб образов» этих исторических деятелей и их влияния на имиджи регионов во многом остается еще открытой историографической задачей.

4. Результаты

И.И. Ползунов

Установлено, что Иван Ползунов родился в 1729 г. на Урале в семье солдата (Контев, 2008). Его отец Иван Алексеевич происходил из крестьян города Епанчина (ныне город Туринск) Сибирской губернии и был взят на службу еще в годы правления Петра I по рекрутскому набору «из крестьянских детей» (Южаков, 1906: 13). О матери Дарье Абрамовне точную информацию найти сложно. Семья проживала в собственном доме при екатеринбургском заводе. Возможно, именно эта «призаводская» атмосфера, в которой вырос Иван Ползунов, сыграла значимую роль в его становлении как изобретателя.

В результате обучения с 1736 по 1742 гг. Иван Ползунов был переведен в механические ученики (Сергеев, 2018: 249). С этого момента началась его официальная служба. Поворотным событием стал 1747 г., когда А.В. Беэр, будучи горным специалистом по металлургии, указом императрицы Елизаветы Петровны был назначен на должность командира Колывано-Воскресенских заводов. Генерал-майор А.В. Беэр произвел отбор специалистов для работы на заводах в Алтайский горный округ. Им были выбраны два человека: Степан Костромин и Иван Ползунов. После отбора Иван Ползунов принял присягу и отправился на новое место своей службы (ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 44. Л. 26).

В Барнаул он прибыл 3 февраля 1748 г., поступил в подчинение управлявшего барнаульским заводом Самуэля Христиани и был определен в «дела для плавки». Известно, что И.И. Ползунов жил в Барнауле вместе с матерью Дарьей Абрамовной (Южаков, 1906: 18). Во время службы в конце 1740 – начале 1760-х гг. он занимался финансами, распределением провианта и крестьян на горнозаводские работы, перевозкой змеиногорской руды на Барнаульский завод, лесным хозяйством. Кроме того, унтер-шихтмейстер Иван Ползунов был отправлен в Санкт-Петербург с целью доставки серебра (Данилевский, 1940: 111-123; Савельев, 1988: 54-57). Во время своей поездки он познакомился с Пелагеей Ивановной Поваляевой, ставшей впоследствии его супругой. Дети их умерли в младенчестве.

После поездки в Санкт-Петербург Иван Ползунов занялся подготовкой чертежей проекта паровой («огнедействующей») машины. Как отмечал еще историк С.И. Гуляев, в российской промышленности второй половины XVIII в. наблюдалась тенденция разработки и внедрения механизмов при плавильных заводах и рудниках с применением водяных паров (Гуляев, 2012: 25-26). Кроме того, уже был издан труд И.А. Шлаттера по горнорудному делу, в котором ставилась проблема внедрения парового двигателя (Шлаттер, 1760: 33-34, 116-126). На основании этих сведений, а также научных разработок М.В. Ломоносова Иван Ползунов стремился найти способ заменить движущую силу воды паром. Фактически это был пароатмосферный двигатель, который отличался от разработок британских конструкторов Т. Севери и Т. Ньюкомена и даже от изобретения шотландского механика Дж. Уатта. Двигатель состоял из двух цилиндров, которые должны были подавать воздух в печи и откачивать воду. Проект такого двигателя был оформлен в виде докладной записки с чертежом. Основу машины составлял пароатмосферный механизм, позволявший воде попадать в цилиндры, и в этом была оригинальность изобретения. Вместе с тем созданная в 1754 г. в Змеиногорске гидросиловая установка, приводившая в движение колеса, считалась самим И.И. Ползуновым недостаточно эффективной (Конфедератов, 2018: 243-244).

Подготовленный И.И. Ползуновым проект паровой машины был подан 25 апреля 1763 г. начальнику Колывано-Воскресенских заводов А.В. Порошину, а затем проект попал в кабинет Ее Императорского Величества Екатерины II, от которой президент Берг-коллегии И.А. Шлаттер получил указ рассмотреть чертежи (Южаков, 1906: 3). Последний был автором труда по

горнорудному делу, поэтому именно он и принимал решение (Шлаттер, 1760: 159-169). Стоит отметить, что Екатерина II в 1763 г. утвердила Ивана Ползунова в должности «механикуса» с чином инженерного капитан-поручика, назначила денежную награду и велела по возможности направить на учебу в Академию наук. После утверждения чертежей проекта было получено извещение о том, что патенты на изобретения будут присланы, но сами документы привезли в Барнаул только в 1765 г. (Конфедератов, 2018: 244-245), причем, как отмечал историк-краевед А.Д. Сергеев, фамилии Ползунова в списке не было (Сергеев, 2018: 253-254). Такая ситуация означала, что помощи из столицы для создания механизма не было. Однако И.И. Ползунов не стал забрасывать свой проект, он продолжал реализовывать его своими силами.

В 1764 г. канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства приняла решение о постройке машины Ивана Ползунова, хотя сам изобретатель подал уже второй проект, который и стал воплощать в жизнь. Для разработки машины пришлось создавать станки для обработки различных деталей, поскольку на Барнаульском заводе имелись только плавильные печи. В 1766 г. постройка машины была завершена.

Однако успех Ивана Ползунова не был закреплен. Автор изобретения 16 мая 1766 г. (за неделю до запуска машины), согласно заключению лекаря, скончался от чахотки. На этот момент ему было приблизительно 38 лет. После смерти механика паровая машина продолжала работать под руководством его учеников, однако основной котел «дал течь». Само изобретение пришлось в спешке дорабатывать, но машина так и не была починена, и в 1782 г. ее разобрали. Макет 1763 г. был воссоздан для Барнаульского музея лишь в 1825 г. В реконструкции участвовали начальник Колывано-Воскресенских заводов и томский губернатор П.К. Фролов, сын механика К.Д. Фролова, П.Г. Ярославцев и И.С. Климов. Экспонат стал памятником науки и техники. Феномен этого изобретения заключался в том, что Иван Ползунов, основываясь на идеях Шлаттера и научных трудах Ломоносова, самостоятельно в тяжелых условиях разработал и сконструировал непрерывный машинный механизм постоянного действия за счет воздуха с автоматическим питанием, чего британские механики добились лишь после серии доработок на завершающем этапе промышленного переворота (Южаков, 1906: 27).

Об Иване Ползунове в 1858 г. рассказывалось в очерке историка-краеведа С.И. Гуляева (Гуляев, 2012: 25-26), а в 1906 г. появилась первая биография механика и детальное описание его изобретения М.И. Южаковым (Южаков, 1906). Через десять лет в Барнауле было открыто первое среднее техническое училище, проработавшее до 1920-х гг., ему было присвоено имя Ивана Ивановича Ползунова (ЦХАФ АК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 34). В целом в дореволюционной России было мало примеров сохранения исторической памяти о механике, да и его вклад был известен больше на региональном уровне, чем в рамках огромной страны.

Более активно популяризация образа Ивана Ползунова проводилась в советский период, когда о жизни и творчестве механика-самоучки «из народа» писали не только в научных статьях, но и в школьных учебниках. Имя Ивана Ползунова широко пропагандировалось наряду с именами М.В. Ломоносова, П.Н. Яблочкова, Д.М. Менделеева, А.С. Попова и некоторых других ученых и изобретателей. Это шло в русле общей государственной политики по увековечиванию памяти отечественных ученых-первооткрывателей в противовес европейским и американским изобретателям. Об Иване Ползунове писали в советских учебниках по истории, обычно в разделах по истории техники. Так, в десяти томном труде для учеников старших классов и студентов по всемирной истории Иван Ползунов указан как первый изобретатель паровой машины и представлен в образе «гения своего времени» (Всемирная история, 1958: 682-683). В других изданиях он выступает как ученый-техник, чье изобретение по причине того, что «народные изобретения помещики не ценили», не было замечено (Алексеев, Карцов, 1961: 51); он характеризовался как значимый в истории России изобретатель-самоучка, подобный И.П. Кулибину (Лейбенгруб, 1962: 248). Для сохранения исторической памяти об изобретателе, согласно архивным документам, в городе Барнауле улица Набережная была переименована в улицу Ползунова 17 сентября 1947 г. (топонимические практики) (ЦХАФ АК. Ф. Р-312. Оп. 1а. Д. 140. Л. 226-228). В 1949 г. имя механика было присвоено Колыванской шлифовальной фабрике, известной в настоящее время в Алтайском крае как Колыванский камнерезный завод имени И.И. Ползунова. Алтайскому политехническому институту в 1961 г. было присвоено имя Ивана Ползунова, а спустя 18 лет перед главным зданием Алтайского государственного технического института был установлен памятник. В 1987 г. на площади Свободы, на месте предполагаемого захоронения Ивана Ползунова, был поставлен бюст (мемориальная политика).

На современном этапе продвижение образа Ивана Ползунова продолжается. Значительный вклад в сохранение исторической памяти внес алтайский исследователь А.Д. Сергеев. Благодаря его деятельности была сформулирована концепция продвижения в массы образа механика через издание полного собрания исторических документов о нем, через воссоздание «Ползуновского производства» как туристического историко-технического центра ЮНЕСКО, проведение «Ползуновских чтений» и издание научного журнала «Ползуновский альманах» (Сергеев, 1996: 16; Сергеев, 2001: 42-43). Примером признания изобретателя на международном уровне стало, например, то, что еще в 1970 г. его имя было присвоено Международным астрономическим союзом кратеру на обратной стороне

Луны (Schmadel, 2003: 227). На современном этапе важные шаги были сделаны учеными В.В. Исаевым и А.Н. Дунцом: ими разработан туристический маршрут «По следам И.И. Ползунова», после чего была проведена экскурсия по местам, связанным с деятельностью изобретателя (Преподаватели и студенты..., 2014). В качестве одного из туристических объектов современного Барнаула обозначено здание канцелярии Кольвано-Воскресенских заводов горнозаводской конторы, в которой работал Иван Ползунов. Само здание располагается рядом с местом, где еще сохранились остатки сереброплавильного завода. В настоящее время это место в историческом центре Барнаула является объектом частной собственности и никак не используется, в результате чего вопрос о его реконструкции остается открытым. Группа общественников регулярно проводит там субботники, пытаясь поддерживать элементарный порядок. В планах местных властей уже много лет стоит так и не решенная задача сделать здесь туристический кластер. В целом же Иван Ползунов и по сей день остается одним из значимых символов истории региона.

Г.И. Чорос-Гуркин

Период, в котором прошло детство и взрослые годы Г.И. Чорос-Гуркина, не был простым. Социально-экономические преобразования, связанные с именем императора Александра II (отмена крепостного права, реформа городского самоуправления, реформа высшего образования и т.д.), повлекли за собой изменение институтов гражданского общества. Так, даже в отдаленных сибирских городах произошла культурная трансформация, которая способствовала зарождению местной интеллигенции. Стоит отметить и то, что последующие контрреформы Александра III не смогли полностью подавить распространение либеральных и просветительских идей. Многие национальные окраины Российской империи продемонстрировали рост общественно-политической активности и даже попытались получить статус самоуправляемых территорий. Именно в такой «окраине» в 1870 г., в небольшом селе Улала (в н.в. – г. Горно-Алтайск) Бийского уезда Томской губернии и родился будущий художник – Г.И. Гуркин. Григорий Иванович считался «инородцем». Он происходил из древнего рода Чорос, а дед мальчика – Гурке – был бачатским телеутом (от имени деда и была установлена фамилия – Гуркин). Однако юного художника данная ситуация не пугала: напротив, впоследствии он стал использовать свое происхождение как некую важную особенность, позволяющую лучше понять «душу Алтая». Он стал обозначать свои работы псевдонимом – «Чорос-Гуркин». Многие исследователи видят здесь мифологическое «удревнение» фамилии, поскольку этноним «Чорос» в сознании современников был связан с монгольской аристократией (Почекаев, 2015: 14).

Детство его было напрямую связано с живописью. Уже с 8 лет мальчик был отдан на обучение в иконописный класс при главном стане Алтайской духовной миссии. В 13 лет молодой художник начинает заниматься иконописью, и писание ликов святых приносило ему определенный доход. Истинная же любовь юноши проявлялась в рисовании пейзажей, изображении природы Горного Алтая. В 1895 г. он создает одно из своих первых «серьезных» полотен – картину «Ночь жертвы» (Камлание)». Картина окажется «знаковой», поскольку художнику удалось не просто изобразить «общение шаманов с духами», а приоткрыть неизведанный в то время духовный мир Алтая. Стоит отметить, что данные аспекты найдут отражение и в других работах – «Духи» (1907 г.), «Духи гор» (1910 г.), «Алтайцы» (1926 г.) и т.д. Г.И. Чорос-Гуркин не просто акцентировал внимание на этническом и религиозном (отчасти и мифологическом) факторах развития Алтая, но и привлекал внимание общественности к данной территории. При этом Алтай предстает не как «глухая окраина Российской империи», а как некое сакральное пространство. По сути, художник формировал через полотно положительный уникальный имидж территории и своего этноса.

Стоит отметить, что картины не были единственными средствами, помогавшими ему формировать имидж Алтая и алтайского народа. Так, многочисленные путешествия Г.И. Чорос-Гуркина по Горному Алтаю, Монголии, Хакасии, Туве привели к созданию большого количества зарисовок археологического и этнографического содержания (более 2 тыс. листов). Эти зарисовки не только способствовали формированию представлений о территории, но и по сей день служат источниками для различных исследований (Еркинова, Маточкин, 2008: 113-114).

В 1896 г. Г.И. Чорос-Гуркин знакомится с А.В. Анохиным, учеником Петербургской певческой капеллы, который оказывается в г. Бийске на каникулах. А.В. Анохин уговорил его поехать в столицу для получения художественного образования. Он попал на обучение в пейзажную мастерскую к И.И. Шишкину. Именно Шишкин оказал огромное влияние на творчество молодого художника, раскрыл в нем талант пейзажиста. Алтай на его полотнах превращается в «особое место», становится «Ханом-Алтаем» (эта знаменитая картина была написана в 1907 г., повторялась в 1936 г., «хан» в данной коннотации выступает как «царь», т.е. «царь – Алтай», или «царственный» Алтай). Не менее известными стали его картины «Корона Катуня» (1910), «Озеро горных духов» (1910) и др.

Особый статус Алтая был подчеркнут художником и с момента начала издания «Алтайского альманаха» (1914 г.), художественным оформлением которого он непосредственно занимался. Обложка, обрамленная алтайским орнаментом, становится некой визуализацией, символом Алтая. Ключевыми элементами рисунка выступали река и горы, солнце, а также фигуры людей и их ветхое

жилище. Художник закладывал в альманах особый смысл: «Алтай – место слияния человека и природы» (Левашова, 2007: 19).

Таким образом, художник не просто показывал этническую, религиозную составляющие территории, он также акцентировал внимание на уникальной природе Горного Алтая. Не всегда легкие условия для жизни превращаются на полотнах Г.И. Чорос-Гуркина в достойные территории. В данной коннотации важное значение имеет и тот факт, что топонимы «Алтай», «Катунь», «Кара-Кол» в дальнейшем были им мифологизированы, возведены в особый статус. Так, «Алтай» вырастает до предела вселенной, а «Катунь» становится сакральной рекой (Бедарева, 2015: 32-33).

Заметную роль в судьбе художника сыграл идеолог сибирского областничества Г.Н. Потанин. Отчасти благодаря ему Григорий Иванович становится популярной личностью в Томской губернии. Именно в этот период произошла эволюция его имиджа: от малоизвестного «алтайца Гуркина» до «родного художника Гуркина» и даже «нашего Шишкина» (Шастина, 2018: 122-125). Кроме того, Г.Н. Потанин целенаправленно формировал положительный образ художника-алтайца через медийное пространство. Так, в газете «Сибирская жизнь» его имя начинает встречаться фактически в каждом номере.

Постепенно за Григорием Ивановичем закрепляются статусы «первого сибирского художника», «великана национального духа». Положительное восприятие его личности формировалось не только в Томске, но и в столице. Так, критик еженедельного журнала «Нива» М.М. Далькевич посвятил Григорию Ивановичу целую статью, в тезисах которой подчеркивалось, что «Гуркин... первый изобретатель своего, родного..., сын природы...» (Далькевич, 1908: 855). Другой современник художника, сибирский поэт и драматург Г.А. Вяткин посвятил художнику цикл из двух стихотворений – «Алтайские пейзажи». Поэт выразил восторг от созерцания его картин: «душа молодая... взлети, озаренная звездным огнем...» (Вяткин, 1909: 3). Священник П. Сысуев в записках «От Увалы до Чемала и Чопош (к истории Алтайской миссии)» также подчеркивал роль Г.И. Чорос-Гуркина как «особого мастера» (Сысуев, 1905: 5).

В дальнейшем выдающаяся роль художника закрепляется его передвижными выставками (1903 г., 1907 г., 1910 г., 1915 г. и др.). Так, в газете «Сибирская жизнь» было отмечено, что «трудно найти... сибиряка, который бы не слышал имени Гуркина...». Теперь картины Григория Ивановича не просто выставлялись, они перемещались в дома горожан, поскольку их раскупали. В данном контексте томская художница Л.П. Базанова подчеркивала, что «публика почувствовала вкус к покупке картин». В целом в обществе (преимущественно в Томске) складывался определенный «культ» художника, а интерес к жизни алтайского народа возрастал (Базанова, 1907: 4).

По сути, Григорий Иванович стал «живой легендой», то есть таким человеком, за которым закрепился статус известного (и даже великого) художника. Признание Г.И. Чорос-Гуркина было институционально закреплено уже в начале XX в.: персональные выставки, положительные заметки, статьи о его творчестве – все это способствовало его превращению в «знаковую фигуру». Кроме того, за ним прочно закрепилась ассоциация с селением Анос (в нескольких верстах от Чемала). Еще с 1903 г. Григорий Иванович обосновал в данном месте свой дом, мастерскую, сад. Эта усадьба привлекала внимание томской интеллигенции, сюда съезжались не только художники, но и писатели, ученые. Постепенно крошечная деревушка превращалась в «своеобразный очаг культуры», «культурное гнездо». Интеллигенция сравнивала Анос с Мюнхеном или Геттингеном, а Чемалу приписывался образ Парижа (Потанин, Васильева, 2004: 167-168). Таким образом, Анос становился первым светским центром культуры в Горном Алтае.

Важно подчеркнуть и то, что талант Григория Ивановича не ограничивался написанием полотен. С самого начала первые выставки художника сопровождались написанными им стихотворениями. Некоторые произведения были опубликованы в сборнике «Памятное завещание»: «Алтай (Плач алтайца на чужбине)» (1907 г.), «Алтай и Катунь» (1915 г.), «Озеро Кара-Кол» (1917 г.) и т.д. Литературное творчество художника также повлияло на формирование имиджа Алтая как особого, сакрального пространства.

Кроме того, к 1917 г. Г.И. Чорос-Гуркин стал ассоциироваться с алтайским национальным движением, стал символом пробуждения национального самосознания алтайцев (Михайлов, 2014: 2-3). Опираясь на идеи бурханизма (этническая религия алтайцев), а также восхваляя историю независимого и могущественного Ойратского ханства (здесь прослеживается намеренное удревнение истории, отсылка к некоему «золотому веку» в жизни алтайцев), движение поддерживало идею создания Ойротской автономной области. Вскоре Г.И. Чорос-Гуркин, как представитель национальной интеллигенции, возглавил учрежденную Алтайскую горную думу (в июле 1917 г.), а в марте 1918 г. стал председателем Каракорум-Алтайской управы. Однако в апреле 1919 г. он был арестован колчаковцами «за сепаратизм и измену Родине» и отправлен в тюрьму г. Бийска. И хотя художник был вскоре отпущен из-за «отсутствия практических действий», возвращаться на Алтай он не стал. В течение некоторого времени он вместе со своей семьей жил в Монголии, а затем в Туве. Лишь в 1925 г. Г.И. Чорос-Гуркин приехал обратно. Он продолжал занимать активную гражданскую позицию, посвящая себя просветительской и преподавательской деятельности. По инициативе художника в Горном Алтае открыли музей, Ойрот-Турунскую художественную школу. Однако и здесь

его жизненный путь не оказался простым и спокойным. В 1937 г. художник был арестован и расстрелян по обвинению в «шпионаже в пользу Японии».

Григорий Иванович Гуркин был реабилитирован посмертно в 1956 г. Определенное время о художнике старались не упоминать, поскольку это было опасно. Весьма характерно, например, что выдающийся писатель-фантаст Иван Ефремов, лично познакомившийся с Чорос-Гуркиным в 1925 г., в своем рассказе «Озеро горных духов» (1944 г.) иносказательно говорил о замечательном алтайском художнике «Чоросове», вынужденно воздержавшись от упоминания его настоящего имени (Переписка..., 2016: 415). Со временем, однако, слава художника стала возрождаться, особенно после того, как в 1991 г. Горно-Алтайская автономная область была выведена из состава Алтайского края и преобразована в Республику Алтай. Г.И. Чорос-Гуркин стал одним из важнейших идентификационных символов региона, своеобразным «национальным героем». Учитывая общественные настроения, органы власти Республики Алтай стали проводить политику возрождения памяти по отношению к художнику, способствовали пробуждению интереса к его творчеству. Так, в честь Григория Ивановича в 1995 г. была названа одна из центральных улиц Горно-Алтайска (топонимические практики политики памяти), в 2006 г. была реконструирована и преобразована в музей усадьба художника в селе Анос (она становится своеобразным «местом памяти»), а также был открыт памятник художнику (мемориальная политика). Кроме того, проводятся различные выставки, лекции, уроки, посвященные Г.И. Чорос-Гуркину, известность которого снова распространяется далеко за пределы Алтая.

5. Заключение

Период Российской империи стал тем временем, когда в стране набирало рост промышленное развитие, появилось много нового в социальной сфере, науке, образовании, культуре. Все это создавало предпосылки для того, чтобы «из низов» выдвигались талантливые люди, пытавшиеся сделать свои достижения общественным достоянием. К их числу, на наш взгляд, можно отнести рассмотренные в статье примеры: и Иван Ползунов, и Григорий Чорос-Гуркин внесли свой важный вклад в развитие не только дореволюционного Алтая, но и всей России.

При всей очевидной разнице этих фигур между ними было и немало общего:

1. Происхождение из «глубинного народа», из провинции, и стремление «облегчить труд по нас грядущим» (И.И. Ползунов), привлечь внимание к красоте природы и суровым условиям жизни своих земляков (Г.И. Чорос-Гуркин).

2. Вряд ли было бы справедливо говорить, что это были полные «самоучки»: в обоих случаях они сумели получить основы профессионального образования, что, несомненно, помогло им добиться успехов.

3. Вместе с тем еще большую роль в их успехах сыграли самобытный талант и любознательность, стремление учиться и открывать новое.

4. В обоих случаях можно говорить о проявлении гражданской инициативы: их проекты далеко не всегда получали официальную поддержку и их приходилось осуществлять во многом за счет собственного энтузиазма.

5. Этот энтузиазм и даже осознание собственной высокой миссии подпитывались тем, что в данных проектах им виделся ответ на назревший общественный запрос времени.

6. Во многом с этой инициативностью были связаны и трагичные повороты в их судьбах (недостаточная поддержка проекта Ивана Ползунова «сверху» и его безвременная смерть; сложные условия жизни Григория Чорос-Гуркина после революции, закончившиеся в итоге его гибелью).

7. Периоды забвения их достижений имели место в обоих случаях (в случае с И.И. Ползуновым – скорее из-за слабой востребованности его изобретения в России XVIII в., в случае с Г.И. Чорос-Гуркиным – из-за политических причин).

8. Тем не менее в обоих случаях после забвения наступило возрождение памяти об этих деятелях, причем их слава со временем становилась даже большей, чем при их жизни.

9. По-видимому, определенную роль в этом возрождении памяти сыграла политическая конъюнктура, стремление использовать их имена для продвижения определенных идеологических постулатов (связанных с попытками доказать превосходство отечественных изобретателей, с идеями возрождения национальных культур и т.д.).

10. И все же основой нынешней известности данных фигур являются их реальные заслуги. И Иван Ползунов, и Григорий Чорос-Гуркин стали «знаковыми фигурами» регионов во многом потому, что их подвижническая позиция и их достижения получили понимание и признание у жителей, для которых их образы уже стали неотрывными от образа Алтая.

Итак, в обоих случаях мы видим явление так называемого «genius loci» («гений места»), когда образ (или даже «дух-покровитель») великого человека как бы осеняет то место, с которым он был тесно связан при жизни. С этим понятием тесно связано формирование идентичности жителей, «местного патриотизма» и индивидуального имиджа региона. Вот почему так важно поддерживать историческую память о «знаковых фигурах», проводить соответствующую политику памяти и на уровне органов власти, и на уровне местных сообществ.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00822, <https://rscf.ru/project/23-28-00822/>

Литература

Абрамова, 2012 – Абрамова Ю.А. Пароатмосферный двигатель И.И. Ползунова / *Весь Алтай*. Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова. 2019–2022. [Электронный ресурс]. URL: <http://altlib.ru/personalii/ivan-ivanovich-polzunov-1729-1766/paroatmosfernyiy-dvigatel-i-i-polzunova/> (дата обращения: 10.01.2023).

Адрианов, 1911 – Адрианов А.В. Алтай и его художник. К выставке картин Г.И. Гуркина в Барнауле // *Жизнь Алтая*. 1911. № 72–75. С. 11–24.

Алексеев, 2018 – Алексеев П.В. Чорос Гуркин как *genius loci* в современных дискурсах национальной и региональной идентичности (случай с наименованием аэропорта в Республике Алтай) / *Диалог культур: поэтика локального текста*. Горно-Алтайск: Библиотечно-издательский центр ГАГУ. 2018. С. 291–304.

Алексеев, Карцов, 1961 – Алексеев С.П., Карцов В.Г. История СССР: учебник для 4-го класса. М.: Учпедгиз, 1961. 161 с.

Базанова, 1907 – Базанова Л. Выставка картин художника Гуркина // *Сибирская жизнь*. 1907. № 199. С. 4.

Бедарева, 2015 – Бедарева И.А. Алтай, Катунь, Кара-Кол в литературном наследии Г.И. Чорос-Гуркина: от топонима к мифу // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 12(54). С. 32–35.

Бородкин, 1985 – Бородкин П.А. Ползунов. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1985. 432 с.

Воейков, 1883 – Воейков А.Н. Иван Иванович Ползунов. Изобретатель первой паровой машины // *Русская старина*. 1883. № 40. С. 407–416.

Всемирная история, 1958 – Всемирная история: В 10 т. Т. 5.: сер. XVII – XVIII вв. М.: Госполитиздат, 1958. 783 с.

Вяткин, 1909 – Вяткин Г. Алтайские пейзажи // *Сибирская жизнь*. 1909. № 129. С. 3.

Гончарик, 2015 – Гончарик Н.П. Графика Григория Гуркина // *Искусство Евразии*. 2015. № 1(1). С. 96–114.

Гуляев, 2012 – Гуляев С.И. Механик Ползунов / *Образ Алтая в русской литературе: антология*: В 5 т. 1850–1900. Барнаул: ООО «Издательский дом «Барнаул», 2012. С. 25–32.

Далькевич, 1908 – Далькевич М.М. Г.И. Гуркин // *Нива*. 1908. № 49. С. 855–857.

Данилевский, 1940 – Данилевский В.В. И.И. Ползунов. Труды и жизнь первого русского теплотехника. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. 446 с.

Дерендяева, Чернышов, 2021 – Дерендяева А.Д., Чернышов Ю.Г. Региональная идентичность в контексте политики исторической памяти: опыт Алтайского края и Республики Алтай // *Известия Алтайского государственного университета*. 2021. № 6(122). С. 24–31. [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestiya.asu.ru/article/view/%282021%296-03> (дата обращения: 08.01.2023).

Еркинова, Маточкин, 2008 – Еркинова Р.М., Маточкин Е.П. Археологические и этнографические зарисовки Г.И. Чорос-Гуркина в фондах национального музея Республики Алтай // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2008. № 3(35). С. 113–118.

Контев, 2008 – Контев А.В. Иван Иванович Ползунов (1729–1766) // *Весь Алтай*. Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова. 2019–2022. [Электронный ресурс]. URL: <http://altlib.ru/personalii/ivan-ivanovich-polzunov-1729-1766/> (дата обращения: 10.01.2023).

Конфедератов, 2018 – Конфедератов И.Я. Он должен был «огонь слугою к машинам склонить» // *Мир транспорта*. 2018. № 1. Т. 16. С. 242–247.

Кошелев, 1962 – Кошелев Я.Р. Русская фольклористика Сибири (XIX – начало XX века). Томск: Изд.-во Том. ун-та, 1962. 349 с.

Левашова, 2007 – Левашова О.Ш. Образ Алтая в «Алтайском альманахе»: отрывки из статьи // *Алтайский альманах*. 2007. С. 17–23.

Лейбенгруб, 1962 – Лейбенгруб П.С. Изучение элементарного курса истории СССР в VII классе. М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1962. 472 с.

Михайлов, 2014 – Михайлов Д.А. Национальный дискурс в Сибири: Г.И. Гуркин и Алтайский национализм // *International Journal of Russian Studies*. 2014. № 3/1. С. 2–7.

Переписка..., 2016 – Переписка Ивана Антоновича Ефремова / Автор-составитель О.А. Ерёмина. М.: Вече, 2016. 1536 с.

Потанин, 1909 – Потанин Г.Н. Чемальский тупик. С. Анос // *Сибирская жизнь*. 1909. № 162. С. 16–17.

- Потанин, Васильева, 2004** – Потанин Г.Н., Васильева М.Г. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: Переписка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 418 с.
- Почекаев, 2015** – Почекаев Р.Ю. Чингизидское правовое наследие в ойратских ханствах / Монголика-ХIV: Сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2015. С. 12-18.
- Преподаватели и студенты..., 2014** – Преподаватели и студенты АлтГТУ прошли по маршруту «По следам И.И. Ползунова» [Электронный ресурс]. URL: https://visitaltai.info/news/prepodavateli-i-studenty-altgtu-proshli-po-marshrutu-po-sledam-i-i-polzunova/?sphrase_id=131601 (дата обращения 20.01.2023).
- Савельев, 1988** – Савельев Н.Я. Сыны Алтая и Отечества. Ч. 2: Механикус Иван Ползунов: жизнь и творчество выдающегося теплоэнергетика XVIII в. Барнаул: Алт. кн. изд-во. 1988. 334 с.
- Сергеев, 1996** – Сергеев А.Д. Феномен Ползунова. Усть-Калманка, 1996. 40 с.
- Сергеев, 2001** – Сергеев А.Д. Русский изобретатель И.И. Ползунов. Бийск: Бийск. отд-ние Демид. фонда, 2001. 38 с.
- Сергеев, 2018** – Сергеев А.Д. Последний чин И.И. Ползунова // *Мир транспорта*. 2018. № 1. Т. 16. С. 248-258.
- Снитко, 1983** – Снитко Л.И. Первые художники Алтая. Л.: Художник РСФСР, 1983. 155 с.
- Сысуев, 1905** – Сысуев П. От Улалы до Чемала и Чопош. К истории Алтайской миссии. Томск, 1905. 28 с.
- Тишкина, 2004** – Тишкина Т.В. Использование архивных сведений об И.И. Ползунове и его изобретении в трудах исследователей XIX – первой трети XX вв. // *Ползуновский альманах*. 2004. № 2. С. 128-132.
- Тобоев, 2018** – Тобоев А.И. Шаманизм в традиционной алтайской культуре. Горно-Алтайск, 2018. 111 с.
- Трофимов, Никулина, 2009** – Трофимов И.В., Никулина И.Н. Творческий путь механика И.И. Ползунова в ретроспективе развития естествознания и техники вплоть до создания пареоатмосферного двигателя // *Ползуновский альманах*. 2009. № 3–1. С. 20-22.
- Храмой, 1956** – Храмой А.В. Очерк истории развития автоматики в СССР. Дюоктябрьский период. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 221 с.
- ЦХАФ АК** – Центр хранения архивного фонда Алтайского края.
- Шастина, 2018** – Шастина Т.П. Медийная личность в культурном пространстве Томской губернии начала XX века: художник Г.И. Гуркин // *Вопросы журналистики*. 2018. № 4. С. 118-136.
- Шастина, 2020** – Шастина Т.П. «Гений местности» – Г.Н. Потанин об усадьбе художника Г.И. Гуркина на Алтае // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020. № 66. С. 276-297.
- Шлаттер, 1760** – Шлаттер И.А. Обстоятельное наставление рудному делу. СПб.: Печ. при имп. Акад. наук, 1760.
- Эдоков, 1994** – Эдоков В.И. Возвращение Мастера. Об алтайском художнике-пейзажисте Г.И. Гуркине. Горно-Алтайск: Чаптыган, 1994. 237 с.
- Южаков, 1906** – Южаков М.И. Шихтмейстеръ Ползуновъ и его паровая машина. Томск: Паровая типолитография И.И. Макушина, 1906. 97 с.
- Balzer, 2015** – Balzer M.M. Art, Identity and Ethnicity: Republics of Kalmykia, Buryatia, Altai, and Sakha (Yakutia) // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 2015. Vol. 54. No. 3. Pp. 1-5. [Electronic resource]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/10611959.2015.1207402> (date of access: 10.01.2023).
- Ivan Polzunov, 2022** – Ivan Polzunov. Wikipedia – Free Enciclopedia. [Electronic resource]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Ivan_Polzunov (date of access: 10.01.2023).
- Klobukow, 1892** – Klobukow N. von. Zur Geschichte der Dampfmaschine // *Prometeus*. 1892. № 3. Pp. 810-812, 827-829.
- Mayr, 1970** – Mayr O. The Origins of Feedback Control. Cambridge: MIT Press, 1970. 151 p.
- Rozwadowski, 2021** – Rozwadowski A. Being in Cosmos: Sergei Dykov's Visual Exploration of the Spirit of Altai // *Religions*. 2021. Т. 12. №. 6. P. 405. [Electronic resource]. URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/12/6/405> (date of access: 11.01.2023).
- Schmadel, 2003** – Schmadel L. Dictionary of Minor Planet Names. Berlin: Heidelberg Springer, 2003. 503 p.
- Strandh, 1979** – Strandh S. The History of the Machine. New York: Dorset Press, 1979. 240 p.
- Toraman, 2018** – Toraman A. Altay Türklerinin İlk Sanat Okulu Ve Çoros-Gurkin // *Uluslararası Türk Kültür Coğrafyasında Sosyal Bilimler Dergisi*. 2018. Vo. 3. Is. 1. Pp. 121-128. [Electronic resource]. URL: <https://dergipark.org.tr/en/pub/turksosbilder/issue/39145/417131> (date of access: 12.01.2023).

References

- Abramova, 2012** – Abramova, Yu.A. (2012). Paroatmosfernyi dvigatel' I.I. Polzunova [Steam-atmospheric engine I.I. Polzunova]. *Ves' Altai*. Altaiskaya kraevaya universal'naya nauchnaya biblioteka im.

- V.Ya. Shishkova. 2019–2022. [Electronic resource]. URL: <http://altlib.ru/personalii/ivan-ivanovich-polzunov-1729-1766/parootmosfernyy-dvigatel-i-i-polzunova/> (date of access: 06.01.2023). [in Russian]
- Adrianov, 1911** – *Adrianov, A.V.* (1911). Altaj i ego hudozhnik. K vystavke kartin G.I. Gurkina v Barnaule [Altai and his Artist. For the Exhibition of Paintings by G.I. Gurkin in Barnaul]. *Zhizn' Altaya*. 72-75: 11-24. [in Russian]
- Alekseev, 2018** – *Alekseev P.V.* (2018) Choros Gurkin kak genius loci v sovremennyh diskursah nacional'noj i regional'noj identichnosti (sluchaj s naimenovaniem aeroporta v Respublike Altaj) [Choros Gurkin as a Genius Loci in Modern Discourses of National and Regional Identity (the Case with the Name of an Airport in the Altai Republic)]. *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta*. Gorno-Altajsk: GASU Library and Publishing Center, pp. 291-304 [in Russian]
- Alekseev, Kartsov, 1961** – *Alekseev, S.P., Kartsov, V.G.* (1961) *Istoriya SSSR: uchebnik dlya 4-go klassa* [History of the USSR: a Textbook for the 4th Grade]. M.: Uchpedgiz, 161 p. [in Russian]
- Balzer, 2015** – Balzer M.M. (2015) Art, Identity and Ethnicity: Republics of Kalmykia, Buryatia, Altai, and Sakha (Yakutia). *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 2015. Vol. 54. Nr. 3. pp. 1-5. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/10611959.2015.1207402> (date of access: 10.01.2023)
- Bazanova, 1907** – *Bazanova, L.* (1907) Vystavka kartin hudozhnika Gurkina [Exhibition of Paintings by the Artist Gurkin]. *Sibirskaya zhizn'*. 199: 4. [in Russian]
- Bedareva, 2015** – *Bedareva, I.A.* (2015). Altai, Katun', Kara-Kol v literaturnom nasledii G.I. Choros-Gurkina: ot toponima k mifu mifu [Altai, Katun, Kara-Kol in the Literary Heritage of G.I. Choros-Gurkina: from Toponym to Myth]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 12(54): 32-35. [in Russian]
- Borodkin, 1985** – *Borodkin, P.A.* (1985). Polzunov [Polzunov]. Barnaul: Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 432 p. [in Russian]
- Dal'kevich, 1908** – *Dal'kevich, M.M.* (1908). G.I. Gurkin [G.I. Gurkin]. *Niva*. 49: 855-857. [in Russian]
- Danilevskiy, 1940** – *Danilevskiy, V.V.* (1940). I.I. Polzunov. Trudy i zhizn' pervogo ruskogo teplotekhnika [I.I. Polzunov. Works and Life of the First Russian Heat Engineer]. M.-L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 446 p. [in Russian]
- Derendyaeva, Chernyshov, 2021** – *Derendyaeva, A.D., Chernyshov, Yu.G.* (2021). Regional'naya identichnost' v kontekste politiki istoricheskoi pamyati: opyt Altaiskogo kraja i Respubliki Altai [Regional Identity in the Context of the Politics of Historical Memory: Experience of the Altai Territory and the Republic of Altai]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6(122): 24-31. [Electronic resource]. URL: <http://izvestiya.asu.ru/article/view/%282021%296-03> (date of access: 08.01.2023). [in Russian]
- Edokov, 1994** – *Edokov, V.I.* (1994). Vozvrashchenie Mastera. Ob alt. hudozhnike-pejzazhiste G.I. Gurkine [Return of the Master. About the Altai Landscape Painter G.I. Gurkin]. *Vozvrashchenie Mastera. Ob altaiskom khudozhnike-pejzazhiste G.I. Gurkine*. Gorno-Altajsk: Chaptyan, 237 p. [in Russian]
- Erkinova, Matochkin, 2008** – *Erkinova, R.M., Matochkin, E.P.* (2008). Arheologicheskie i etnograficheskie zarisovki G.I. Choros-Gurkina v fondah nacional'nogo muzeya Respubliki Altaj [Archaeological and Ethnographic Sketches by G.I. Choros-Gurkin in the Funds of the National Museum of the Republic of Altai]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 3(35): 113-118. [in Russian]
- Goncharik, 2015** – *Goncharik, N.P.* (2015). Grafika Grigoriya Gurkina [Grigory Gurkin's Graphics]. *Iskusstvo Evrazii*. 1(1): 96-114. [in Russian]
- Gulyayev, 2012** – *Gulyayev, S.I.* (2012) *Mekhanik Polzunov* [Mechanic Polzunov]. *Obraz Altaya v ruskoj literature: antologiya: V 5 t. 1850–1900*. Barnaul: OOO «Izdatel'skii dom «Barnaul»». Pp. 25-32. [in Russian]
- Ivan Polzunov, 2022** – Ivan Polzunov / *Wikipedia* – Free Enciclopedia. [Electronic resource]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Ivan_Polzunov (date of access: 10.01.2023)
- Khramoy, 1956** – *Khramoy, A.V.* (1956). Oчерк istorii razvitiya avtomatiki v SSSR. Dooktyabr'skiy period [Essay on the History of the Development of Automation in the USSR. Pre-October Period]. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 221 p. [in Russian]
- Klobukow, 1892** – *Klobukow N. von.* (1892). Zur Geschichte der Dampfmaschine [On the history of the steam engine]. *Prometeus*. 3: 810-812, 827-829. [in German]
- Konfederatov, 2018** – *Konfederatov, I.Ya.* (2018). On dolzhen byl «ogon' slugoyu k mashinam sklonit'» [He had to "Incline the Fire as a Servant to the Machines"]. *Mir transporta*. 1(16): 242-247. [in Russian]
- Kontev, 2008** – *Kontev, A.V.* (2008). Ivan Ivanovich Polzunov (1729–1766) [Ivan Ivanovich Polzunov (1729-1766)]. *Ves' Altai. Altaiskaya kraevaya universal'naya nauchnaya biblioteka im. V.Ya. Shishkova*. 2019–2022. [Electronic resource]. URL: <http://altlib.ru/personalii/ivan-ivanovich-polzunov-1729-1766/> (date of access: 10.01.2023). [in Russian]
- Koshelev, 1962** – *Koshelev, Ya.R.* (1962). Russkaya fol'kloristika Sibiri (XIX – nachalo XX veka) [Russian Folklore of Siberia (XIX – early XX centuries)]. Tomsk: Izd.-vo Tom. un-ta, 349 p. [in Russian]
- Levashova, 2007** – *Levashova, O.Sh.* (2007). Obraz Altaya v «Altajskom al'manahe»: otrvyki iz stat'i [Image of Altai in the "Altai Almanac": Excerpts from the Article]. *Altaiskii al'manakh*. Pp. 17-23. [in Russian]

- Leybengrub, 1962** – *Leybengrub, P.S.* (1962). *Izucheniye elementarnogo kursa istorii SSSR v VII klasse* [The Study of the Elementary Course of the History of the USSR in the 7th Grade]. M.: Izd-vo Akad. ped. nauk, 472 p. [in Russian]
- Mayr, 1970** – *Mayr O.* (1970) *The Origins of Feedback Control*. Cambridge: MIT Press, 151 p.
- Mihajlov, 2014** – *Mihajlov, D.A.* (2014). Nacional'nyj diskurs v Sibiri: G.I. Gurkin i Altajskij nacionalizm [National discourse in Siberia: G.I. Gurkin and Altai nationalism]. *International Journal of Russian Studies*. 3/1: 2-7. [in Russian]
- Perepiska..., 2016** – Perepiska Ivana Antonovicha Efremova [Correspondence of Ivan Antonovich Efremov]. Avtor-sostavitel' O.A. Eremina. M.: Veche, 2016. 1536 p. [in Russian]
- Pochekaev, 2015** – *Pochekaev, R.Yu.* (2015). Chingizidskoe pravovoe nasledie v ojratskih hanstvah [Genghisid Legal Legacy in the Oirat Khanates]. *Mongolika-XIV: Sb. st. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie*. Pp. 12-18. [in Russian]
- Potanin, 1909** – *Potanin, G.N.* (1909). Chemal'skij tupik. S. Anos [Chemalsky Dead End. S. Anos]. *Sibirskaya zhizn'*. 162: 16-17. [in Russian]
- Potanin, Vasil'eva, 2004** – *Potanin, G.N., Vasil'eva, M.G.* (2004). «Mne hochetsya sluzhit' Vam, odet' Vas svoej lyubov'yu»: Perepiska [“I Want to Serve You, Clothe You with my Love”: Correspondence]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 418 p. [in Russian]
- Prepodavateli i studenty..., 2014** – Prepodavateli i studenty AltGTU proshli po marshrutu «Po sledam I.I. Polzunova» [Teachers and students of AltSTU walked along the route “In the footsteps of I.I. Polzunov”]. [Electronic resource]. URL: [https://visitaltai.info/news/prepodavateli-i-studenty-altgtu\[in-Russian\]-proshli-po-marshrutu-po-sledam-i-i-polzunova/?sphrase_id=131601](https://visitaltai.info/news/prepodavateli-i-studenty-altgtu[in-Russian]-proshli-po-marshrutu-po-sledam-i-i-polzunova/?sphrase_id=131601) (date of access: 20.01.2023).
- Rozwadowski, 2021** – *Rozwadowski, A.* (2021). Being in Cosmos: Sergei Dykov's Visual Exploration of the Spirit of Altai. *Religions*. V. 12, Nr 6, p. 405. [Electronic resource]. URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/12/6/405> (date of access: 11.01.2023)
- Savel'yev, 1988** – *Savel'yev, N.Ya.* (1988). Syny Altaya i Otechestva [Sons of Altai and Fatherland]. Ch. 2: Mekhanikus Ivan Polzunov: zhizn' i tvorchestvo vydayushchegosya teploenergetika XVIII v. Barnaul: Alt. kn. izd-vo. 334 p. [in Russian]
- Schmadel, 2003** – *Schmadel L.* (2003) *Dictionary of Minor Planet Names*. Berlin: Heidelberg Springer, 503 p.
- Sergeyev, 1996** – *Sergeyev, A.D.* (1996). Fenomen Polzunova [The Polzunov Phenomenon]. Ust'-Kalmanka, 40 p. [in Russian]
- Sergeyev, 2001** – *Sergeyev, A.D.* (2001) *Russkiy izobretatel' I.I. Polzunov* [Russian Inventor I.I. Polzunov]. Biisk: Biisk. otd-nie Demid. fonda, 38 p. [in Russian]
- Sergeyev, 2018** – *Sergeyev, A.D.* (2018). Posledniy chin I.I. Polzunova [The Last Rank of I.I. Polzunov]. *Mir transporta*. 1(16): 248-258. [in Russian]
- Shastina, 2018** – *Shastina, T.P.* (2018). Medijnaya lichnost' v kul'turnom prostranstve Tomskoj gubernii nachala XX veka: hudozhnik G.I. Gurkin [Media personality in the cultural space of the Tomsk province at the beginning of the 20th century: artist G.I. Gurkin]. *Voprosy zhurnalistiki*. 4: 118-136. [in Russian]
- Shastina, 2020** – *Shastina, T.P.* (2020). «Genij mestnosti» – G.N. Potanin ob usad'be hudozhnika G.I. Gurkina na Altae [“Genius of the Area” – G.N. Potanin about the Estate of the Artist G.I. Gurkin in Altai]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 66: 276-297. [in Russian]
- Shlatter, 1760** – *Shlatter, I.A.* (1760) *Obstoyatel'noye nastavlениye rudnomu delu...* [A Detailed Instruction to the Mining Business]. SPb.: Pech. pri imp. Akad. nauk. [in Russian]
- Snitko, 1983** – *Snitko, L.I.* (1983). *Pervye hudozhniki Altaya* [The First Artists of Altai]. L.: Khudozhnik RSFSR, 155 p. [in Russian]
- Strandh, 1979** – *Strandh S.* (1979) *The History of the Machine*. New York: Dorset Press, 240 p.
- Sysuev, 1905** – *Sysuev, P.* (1905). Ot Ulaly do Chemala i Choposh. K istorii Altajskoj missii [From Ulala to Chemal and Choposh. To the History of the Altai Mission]. Tomsk, 28 p. [in Russian]
- Tishkina, 2004** – *Tishkina, T.V.* (2004). Ispol'zovanie arkhivnykh svedenii ob I.I. Polzunove i ego izobretenii v trudakh issledovatelei XIX – pervoi treti XX vv. [The use of archival information about I.I. Polzunov and his invention in the works of researchers of the 19th – the first third of the 20th centuries]. *Polzunovskii al'manakh*. 2: 128-132. [in Russian]
- Toboev, 2018** – *Toboev, A.I.* (2018). Shamanizm v tradicionnoj altajskoj kul'ture [Shamanism in Traditional Altai Culture]. Gorno-Altaysk, 111 p. [in Russian]
- Toraman, 2018** – *Toraman, A.* (2018). Altay Türklerinin İlk Sanat Okulu Ve Çoros-Gurkin. *Uluslararası Türk Kültür Coğrafyasında Sosyal Bilimler Dergisi*. Volume 3. Issue 1. pp. 121-128. [Electronic resource]. URL: <https://dergipark.org.tr/en/pub/turksosbilder/issue/39145/417131> (date of access: 12.01.2023). [in Turkish]
- Trofimov, Nikulina, 2009** – *Trofimov, I.V., Nikulina, I.N.* (2009). Tvorcheskii put' mekhanika I.I. Polzunova v retrospektive razvitiya estestvoznaniya i tekhniki vplot' do sozdaniya parogatmosfernogo dvigatelya [The Creative Path of the Mechanic I.I. Polzunov in the Retrospective of the Development of

Natural Science and Technology up to the Creation of a Steam-atmospheric Engine]. *Polzunovskii al'manakh*. 3–1: 20–22. [in Russian]

TSKHAF AK – Tsentr khraneniya arkhivnogo fonda Altayskogo kraya [Center of Preservation of Archival Stocks of Altai Region].

Voyeykov, 1883 – *Voyeykov, A.N.* (1883). Ivan Ivanovich Polzunov. Izobretatel' pervoy parovoy mashiny [Ivan Ivanovich Polzunov. Inventor of the First Steam Engine]. *Russkaya starina*. 40: 407–416. [in Russian]

Vsemirnaya istoriya..., 1958 – *Vsemirnaya istoriya: v 10 t., T.5., ser. XVII – XVIII vv.* [World History: in 10 volumes. V.5.: Mid. XVII – XVIII centuries]. M.: Gospolitizdat, 1958. 783 p. [in Russian]

Vyatkin, 1909 – *Vyatkin, G.* (1909). Altajskie pejzazhi [Altai Landscapes]. *Sibirskaya zhizn'*. 129: 3. [in Russian]

Yuzhakov, 1906 – *Yuzhakov, M.I.* (1906). Shikhtmeyster" Polzunov" i yego parovaya mashina [Shikhtmeister Polzunov and his Steam Engine]. Tomsk: Parovaya tipolitografiya I.I. Makushina, 97 p. [in Russian]

Иван Ползунов и Григорий Чорос-Гуркин как значимые для имиджа региона фигуры в истории Алтая

Юрий Георгиевич Чернышов ^{a, *}, Анна Дмитриевна Дерендяева ^a, Снежанна Николаевна Исакова ^a, Павел Владимирович Ульянов ^a

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу тех факторов, которые способствовали превращению двух исторических деятелей дореволюционной эпохи в знаковые фигуры регионов. Согласно опросу 50 экспертов, проведенному преподавателями АлтГУ в 2021 г., среди таких фигур периода Российской империи наиболее часто были отмечены: в Алтайском крае – изобретатель Иван Иванович Ползунов (1729–1766), в Республике Алтай – художник Григорий Иванович Чорос-Гуркин, расцвет творчества которого пришелся на дореволюционный период (годы его жизни: 1870–1937). В ходе исследования были использованы сохранившиеся исторические документы (в том числе архивные), публикации в СМИ, материалы интернет-сайтов, а также статьи и монографии, составившие историографическую традицию. Применение исторических методов анализа позволило авторам реконструировать не только основные этапы жизненного пути, но и последующую «судьбу образов» данных исторических деятелей, провести компаративный анализ тех факторов, которые способствовали их превращению в знаковые фигуры регионов. Рассмотрены важные детали биографий. Выявлено то, что при всех различиях этих фигур в жизненном пути каждого из них, в их видении своей «миссии» и в том, как формировалась память о них, было много сходных черт. Отмечается их подвижнический вклад в науку и культуру, а также то, что каждый из них в итоге стал своеобразным «гением места» (*genius loci*). С этим понятием тесно связано формирование идентичности жителей и уникального имиджа региона, поэтому политика памяти о таких знаковых фигурах имеет важное значение.

Ключевые слова: политика памяти, имидж региона, история Алтая, знаковые фигуры, И.И. Ползунов, Г.И. Чорос-Гуркин.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ashpi@ya.ru (Ю.Г. Чернышов), a.derenyaewa@yandex.ru (А.Д. Дерендяева), sneg77@mail.ru (С.Н. Исакова), imperialnext@mail.ru (П.В. Ульянов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 76-87
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.76

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Crisis of Khan Power in the Junior Horde of the Kazakhs (second half of the XVIIIth – first quarter of the XIXth centuries)

Gulbanu B. Izbassarova ^{a, *}, Assylbek T. Maden ^a, Svetlana O. Smagulova ^b

^a K. Zhubanov Aktobe Regional University, Aktobe, Republic of Kazakhstan

^b Center for Advanced Studies, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article is devoted to the study of the political situation that developed on the territory of the Junior Horde of the Kazakhs in the second half of the 18th – the 1st quarter of the 19th century. After the death of Khan Abulkhair in 1748, the struggle for supreme power intensified in the Steppe. The weakening of traditional power relations in the Junior Horde of the Kazakhs causes to a major uprising led by the batyr Syrym Datov. During the studied period, the murders of khans Yesim Nuraliev, Zhantore Aishuakov took place. The assignment of Shergazy Aishuakov as the ruler of the Junior Horde by the Russian Empire intensified the internecine struggle for power between the Chingizids from Abulkhair's clan. The rivalry between Khan Shergazy Aishuakov and Sultan Aryngazy Abulgaziev, intervention and “heating up” of the conflict by the Orenburg military governor P.K. Essen led to confusion in the capital. Created in 1820, the new “Asian Committee” was supposed to determine the fate of the legitimate Khan Shergazy, as well as decide on a change in the rule of the traditional potestar–political structure of the nomads. At the meetings of this Committee, the issue of the fate of the Kazakh Chingizid Aryngazy Abulgaziyev, who was elected as Khan by representatives of the Kazakh society's many tribes, was decided. The authors comes to the conclusion that it was not possible to solve this problem at that time, as evidenced by the fact that Sultan Aryngazy was sent into exile in Kaluga in 1823 and the liquidation of the Khan's power in the Junior Horde soon followed, in 1824.

Keywords: Russian empire, Junior Horde, Abulkhair, Nuraly, Aishuak, Batyr, Kaip, Zhadik Shergazi Aishuakov, Arungazi Abulgaziev, P. Essen, the Khan's authority, confrontation, Asian Commission.

1. Введение

Вошедший в 1731 году в состав России Младший казахский жуз в лице его правителя Абулхаира Мухаммед Кажы Бахадур (1693–1748) закрепил ханскую власть на территории Младшего жуза за своими потомками. После его смерти в Степи разгорелась борьба между его отпрысками и представителями дома Каипа из клана Жадика, потомки которого как старшие из чингизидов также претендовали на власть в Младшем жузе.

Правитель Младшего жуза казахов Абулхаир не раз поднимал вопрос о сохранении власти хана за своими прямыми потомками. По случаю основания г. Оренбурга хан получил сообщение, «что государыня, по прошению его, повелела строить сей город для охранения и утверждения вечно на ханстве его и наследников его» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 84). В 1742 году оренбургский губернатор И.И. Неплюев доносил в Сенат о желании хана Младшего жуза Абулхаира сделать верховную власть наследственной, нарушив принципы избрания хана в Казахской степи. Данный вопрос в 1743 году был положительно решен на заседании Коллегии иностранных дел. Это стало

* Corresponding author

E-mail addresses: iz_gulbanu@mail.ru (G.B. Izbassarova)

началом борьбы за власть между чингизидами из дома Абулхаира и потомками хана Каипа (умер в 1718 г.), которые как старшие по линии джучидов стали также претендовать на звание хана.

2. Материалы и методы

Источниковую базу работы составили документы, обнаруженные авторами в фондах ведущих российских архивов, где сосредоточены материалы по истории Казахстана Нового времени.

В статье использованы источники из Архива внешней политики Российской империи (Москва, Российская Федерация). В частности, мы обратились к документам фондов № 122 «Киргиз-кайсацкие дела», № 125 «Сношения России с Хивой», охватывающим период с 1722 по 1800 гг. Здесь сосредоточены документы по внешней политике империи, материалы о русско-казахских, русско-хивинских отношениях, мероприятиях оренбургских властей на юго-восточной окраине и т.д. Из фондов № 1251 «Фонд М. Сперанского» и № 1291 «Земский отдел МВД» Российского государственного исторического архива (РГИА), находящегося в Санкт-Петербурге, были использованы документы, в частности «Записки» председателя Оренбургской пограничной комиссии В. Тимковского, которые дали возможность более объективно исследовать деятельность хана Шергазы Айшуакова. Также были привлечены источники из Государственного архива Оренбургской области, такие как документы, отложившиеся в фонде № 6 «Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора».

По характеру происхождения использованные документы можно условно разделить на две группы: делопроизводственная документация и материалы личного происхождения. Относящиеся к первой – рапорты, донесения, докладные и служебные записки руководителей и чиновников Оренбургской пограничной комиссии – позволяют выявить причины и мотивы, которыми руководствовалась российская администрация в Степи, узнать личное мнение того или иного деятеля по определенному вопросу. В статье использованы «Журналы» заседаний Азиатского комитета, которые носят официальный характер, а также «Журналы» чиновников российской администрации. Первые демонстрируют дискуссии, возникшие среди членов Азиатского комитета по отношению к институту ханской власти в Степи. Для уточнения спорных вопросов на заседания Комитета из архивов МИД приносили различного рода справочные материалы, «Записки» и т.д., которые в целом проясняли ситуацию по рассматриваемому вопросу. Ко второй группе можно отнести «Журнал, веденный Свиты его императорского величества поручиком Гавердовским и колонновожатыми Ивановым и Богдановичем во время следования их по высочайшему повелению чрез Киргизскую степь в провинцию Бухарию, с различными наблюдениями, с описанием всех случившихся происшествий, равно как и о возвращении в Россию в 1803 году, с кратким уведомлением об отправлении посольства в азиатское владение». Подготовленный в 1804 г. после провала экспедиции «Журнал» содержит в себе важные сведения о казахских чингизидах, управлявших Младшим жузом. Данный материал был включен в 5-й том сборника документов «История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века» (ИКРИ, 2007).

«Журнал» знатока казахского общества, русского дипломата А.И. Тевкелева дает сведения о роли казахских ханов и султанов в обществе, о взаимоотношениях чингизидов. Личное знакомство с ханом Абулхаиром, с его семьей дало возможность казахским султанам обращаться к А. Тевкелеву для разрешения конфликтов, возникших между оренбургскими губернаторами и чингизидами из дома Абулхаира. Все «Журналы» А. Тевкелева вошли в 3-й том сборника документов «История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. III. Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759)» (ИКРИ, 2005).

К этой же группе документов можно отнести письма казахских ханов Абулхаира, Шергазы Айшуакова, султана Арынгазы Абулгазиева, которые отложились в фонде № 1291 Российского государственного исторического архива. Письма казахской элиты демонстрируют политическую ситуацию и проблемы, возникшие в кочевом обществе, личные мотивы и пути решения данных вопросов. Кроме того, приводится генеалогия казахских ханов и султанов.

Основными методами работы явились историко-генетический, историко-сравнительный, историко-описательный. Историко-генетический метод помог нам выявить факты и причины противостояния между чингизидами, затем, проанализировав их, определить глубину кризиса ханской власти. Историко-сравнительный метод позволил определить общее и особенное в политике правителей Оренбургского края О.А. Игельстрома, Г.С. Волконского, П.К. Эссена в Младшем жузе казахов, которые предлагали различные способы управления Степью, но главной, общей задачей представителей империи на окраине было обеспечение спокойствия в Степи и безопасности прохождения торговых караванов в страны Центральной Азии, а также подготовка и осуществление присвоения центром полномочий и прав по контролю за деятельностью казахских ханов, а также видных султанов. Данный метод также помог выявить уровни, этапы проникновения и утверждения российской власти в Степи. Применение историко-описательного метода нашло отражение при описании событий, происходивших как на окраине империи, так и в столице. Восстановление и описание исторических явлений изучаемой эпохи дает возможность системно изложить события, происходившие в исследуемый период.

3. Обсуждение

Исследуемая нами проблема косвенно рассматривалась в трудах как дореволюционных, так и современных исследователей. А.И. Левшин, служивший в Оренбургской пограничной комиссии, изучал политическую историю Казахской степи XVI – начала XIX вв. (Левшин, 1996). В период его нахождения в Оренбургском крае разворачивалась борьба между ханом Шергазы Айшуаковым и Арынгазы Абулгазиевым, признанным ханом частью казахами Присырдарьинского региона. А. Левшин глубоко изучил социальную стратификацию казахского общества, исследовал вопросы, связанные с традициями и преемственностью верховной власти, попытался выявить причины кризиса ханской власти в Степи.

Следующий автор, В.В. Вельяминов-Зернов, проанализировав причины смерти хана Младшего жуза Абулхаира, подробно остановился на изучении политической ситуации, сложившейся в казахском обществе в период правления хана Нуралы Абулхаирулы, обратив внимание на кризис в Младшем жузе, он связал его с внутренней борьбой чингизидов (Вельяминов-Зернов, 1853). Дореволюционные исследователи также уделяют внимание изучению становления имперских институтов в казахских жузах, исследованию изменений принципов выбора хана в казахском обществе. Этим вопросам посвящены работы Л. Мейера (Мейер, 1865), А.И. Добросмыслова (Добросмыслов, 2010), но углубленно наша тема в них не исследована.

Рассмотрение восстания 1783–1797 гг. под руководством батыра Сырыма Датова, изучение политического кризиса в Младшем жузе стали основным вопросом в работе советского историка М.П. Вяткина (Вяткин, 1998). В своем труде «Батыр Срым» автор более подробно описал установление нового порядка управления в Младшем жузе, проекты О. Игельстрема, где центральным вопросом была проблема разделения Младшего жуза и ликвидация ханской власти. По мнению автора, О. Игельстром, сделав опору на старшин, устранив султанов от управления, в целом усугубил ситуацию в Степи и привел к высылке чингизидов против новых порядков.

В работе В. Басина был рассмотрен вопрос о русско-казахских отношениях в XVI–XVIII вв., уделено внимание изучению института ханской власти в казахском обществе, выявлению причин слабости верховной власти в Младшем жузе (Басин, 1969). Монография С.З. Зиманова посвящена пониманию природы института ханской власти и его трансформации, изучению факторов, повлиявших на его ослабление, анализу политики царского правительства, направленной на ликвидацию данного верховного института власти (Зиманов, 1960). Д.В. Васильев в своем труде, раскрывая политику империи в казахских жузах, проанализировал российское законодательство о казаках в XVIII – первой половине XIX вв., здесь же обратил внимание на борьбу чингизидов за верховную власть (Васильев, 2014). Р.Ю. Почекаев, изучив политику Российской империи в Центральной Азии, уделил большое внимание личностному фактору в истории региона. На примере взаимоотношений оренбургских правителей с казахскими ханами Младшего жуза автор доказывает, что личные симпатии и антипатии влияли на региональную политику империи. Р.Ю. Почекаев изучил этапы становления имперских административных институтов в Степи, но в работе имеется ряд неточностей, касающихся биографии казахской элиты. Так, например, автор указывает, что «хан Ширгазы, хан Младшего жуза, лишенный титула в соответствии с Положением 1824 г., ...признавался ханом хивинцами в течение двух десятилетий, до самой смерти» (Почекаев, 2017: 130), а на самом деле хан Шергазы, бежавший в Хиву осенью 1825 г., вернулся на линию и попросил благосклонности Российской империи в 1830 г. (Избасарова, 2016: 105). Также автор пишет, что султан Батыр являлся мужем дочери Абулхаира, то есть его зятем (Почекаев, 2017: 71), тогда как его жена была племянницей хана.

Таким образом, изучаемая нами проблема поднималась в разных работах, но ряд исторических фактов вводится впервые в оборот.

4. Результаты

Смерть хана Абулхаира в августе 1748 года привела к обострению отношений в клане чингизидов, разгорелась борьба за власть между потомками казахских султанов Осеке (восьмой сын Жанибека (1470–1474), основателя Казахского ханства) и Жадика (девятый сын того же правителя). Абулхаир Кажыулы, потомок Осеке-султана, пришел к власти в период джунгаро-казахских войн. За храбрость, победоносную организацию казахского ополчения он был избран ханом на курултае народных представителей и знати. Но в конце 20-х годов XVIII в. другой чингизид, представитель линии Жадик – султан Батыр Каипулы – выходит на историческую арену с претензией на ханскую власть. Он становится главным соперником хана Абулхаира. По сведениям В.В. Вельяминова-Зернова, после смерти Абулхаира казахи 15 октября 1748 года избрали ханом Батыра. Он был сыном хана Каипа (умер в 1718 г.), зятем хана Абулхаира. Но российская администрация не признает власть данного чингизида, который в период присоединения Младшего жуза засомневался в правильности действий хана.

Батыр Каипулы был правителем родов шекты, шомекей, карасакал поколения Алимуды, кочевавших на северо-востоке Аральского моря и в низовьях Сырдарьи. Как указывает прибывший на землю каракалпаков 22 декабря 1741 года и встречавшийся с султаном Батыром английский купец Гок, «Батыр султан, сын Каипхана, жившего в Туркестане, был ханом в Хиве» (АВПРИ. Ф. 122. О. 122/1. 1747 год. Д. 3. Л. 66, 73). Хивинский бий Есмухаммед приглашает султана Батыра на престол.

Как указывает А. Тевкелев, они «обманом» сделали ханом султана Батыра и женили его на дочери Ширгазы-хана (ИКРИ, 2005: 104.). Батыр, который был привезен из Бухары, правил Хивой недолго (по одним данным, 6 недель, по другим – 6 месяцев), а после смещения удалился на Сырдарью. По сведениям прямого потомка Батыра Арынгазы Абулгазиева, их род «начало имеет от Чингиз хана. По нем владели: сын его Джангир, сын его Кусряв, сын его Тявка, сын его Ир-Ишим, сын его Ир-Гаиб, сын его Батыр, сын его Каип, сын его Габдулгазиз, который киргиз-кайсацкою Ордою и каракалпацким народом управлял, но Россиею не признавался ханом» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 22). Позже мы видим Батыра в числе казахских султанов, присягнувших на верность России 3 декабря 1731 года (КРО, 1961: 61).

Впервые Российская империя вмешалась в процесс избрания казахских ханов в 1749 году, когда сын Абулхаира Нуралы был возведен в ханы. Ранее, в 1748 году, он обратился в столицу с просьбой об утверждении его в ханском достоинстве. Согласно указу императрицы Елизаветы Петровны, с 13 апреля 1749 года «казахские ханы могли получить статус легитимности только после официального подтверждения их ханского титула российским императором или императрицей. Исторический прецедент с процедурой так называемой «конфирмации» нового хана был возведен в ранг законодательного принципа правосубъектности властных отношений в Казахстане» (Ерофеева, 2001: 173). Теперь казахские чингизиды искали покровительства российской администрации для утверждения своей власти в Степи, что четко продемонстрировала ситуация, сложившаяся в Младшем жузе казахов во второй половине XVIII – начале XIX вв. Так, например, Николай Рычков в своем дневнике пишет о попытке хивинского хана Каипа возвысить роль своего отца Батыр-султана в Казахской степи с помощью российской администрации (Рычков, 1772: 49-50).

В октябре 1749 года Батыр просил царское правительство об утверждении его ханом, «обещая в доказательство своей верности давать детей в аманаты» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 122). Взятие аманатов от правителей государств было одним из основных пунктов при включении региона в состав империи (Избасарова, 2017: 103, 106). Но в столице, не желая оскорбить хана Нуралы, отказали в просьбе и «требовали ото султана, чтобы он пребывал в мире и согласии с ханом». Получив отказ, Батыр обозлился на старшего сына Абулхаира – Нуралы. В последующие годы он оставался в своих кочевьях и не играл особо активной роли. Скончался в 1771 году.

Но старший сын Батыра – хивинский хан Каип (1747–1758) – продолжает борьбу за ханский престол с потомками Абулхаира. Он был избран ханом в июле 1747 года в Хиве и пытался наладить отношения с российским Двором. Весной 1750 года хан Каип отправляет через Оренбург первое посольство в Петербург и просит вернуть посла Артык-батыра, отправленного еще при Елбарыс-хане в Россию, поднимает вопросы о прохождении караванов через улусы своего отца, о введении запрета сбора налогов с купцов казахским ханом Нуралы Абулхаирулы и его братьями (АВПРИ. Ф. 125. Оп. 125/1. 1749–1752 гг. Д. 1. Л. 19-20). Но оренбургская администрация не пропустила посольство в столицу. Тогда он во второй раз пытается в 1751 году отправить посольство через Астрахань, но и данная попытка не увенчалась успехом. Посольство во главе Нурулла-баем в январе 1752 года вернулась через Гурьев в Хиву. В 1758 году в результате недовольства населения Хивы большими поборами, повышением налогов Каип Батырулы был вынужден оставить ханский престол и вернуться в кочевья отца.

Происходит сближение Каипа с российской администрацией в период правления уфимского и сибирского генерал-губернатора О.А. Игельстрема, который отправляет Екатерине II письмо с предложением утвердить в ханском достоинстве Каипа, но получает отказ (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 123-123об.). В период правления О. Игельстрема в Младшем жузе казахов вспыхнуло крупное восстание под руководством батыра Сырыма Датова (1783–1797). В июле 1785 года на собрании старшин Младшего жуза обсуждается политическая ситуация, сложившаяся в Степи. Сырым, раскритиковав деятельность хана Нуралы, предложил кандидатуру Каипа Батырулы, как старшего из ветви чингизидов, на утверждение ханом всего Младшего жуза. Его поддержали старшины, бии, батыры и в октябре отправили прошение на имя Екатерины II об утверждении нового правителя (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 122/3. 1775–1786. Д. 2. Л. 119). Несмотря на то, что императрица не утвердила Каипа верховным правителем Младшего жуза, в сентябре 1786 года на собрании старшин представители поколения Байулы избрали его ханом (РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 355. Л. 199). В 1789 году Каип вместе с батыром Сырымом тесно сотрудничает с астраханской российской администрацией (ГАОО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1570. Л. 6-12). Каип-хан издает законы для ликвидации барымты, определяет меры наказания за кражу, вводит сбор зякета и т.д. О. Игельстром выступает против сбора налогов и введения новых законов, не утвержденных российской администрацией (Архив государственного совета, 1869: 848). Но осенью 1789 года Каип Батырулы скончался (Архив государственного совета, 1869: 849), а по данным И.В. Ерофеевой, это произошло в 1791 году (ИКРИ, 2005: 425). После смерти Каипа его старший сын Абулгази был избран ханом кочевавшими на Сырдарье казахами. Но российская администрация отказалась признать его верховным правителем и стремилась добиться его отречения (Архив государственного совета, 1869: 849-850).

О.А. Игельстром не поддерживал действующего хана Нуралы. Перераспределяя функции хана, вмешиваясь в традиционные потестарно-политические структуры кочевников, оренбургский

начальник дискредитировал институт ханской власти в их общественном сознании. Как писали чиновники Российской империи, правитель края «забыл» деятельность хана Нуралы во время башкирского восстания 1755 года, его готовность отправить войско в 1758 г. во время русско-китайского конфликта, удары, нанесенные казаками во время побега калмыкам в 1771 году и т.д. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 105). О.А. Игельстром начал противопоставлять хану Нуралы Каиша Батырулы, кандидатуру которого представил императрице для утверждения ханом, но получил отказ. Недовольство казахских старшин действующим ханом, неэффективные методы управления Степью привели к тому, что осенью 1785 года на съезде старшин был поставлен вопрос о смещении хана Нуралы Абулхаирулы. Повстанцы нападают на аулы хана. К этому времени проект О. Игельстрому о «преобразовании» Младшего жуза был поддержан столицей. Правительство сознавало, что «осуществление проектов Игельстрому потребует удаления хана из жуза», поэтому было решено вызвать Нуралы в Оренбург (Вяткин, 1998: 205). 3 июня 1786 года был подписан рескрипт об отстранении Нуралы Абулхаирулы от власти. Он был отправлен в Уфу (Вяткин, 1998: 204) с сыновьями Артыкгали и Бегали. Хан находился в ожидании, был в подавленном состоянии. В письме О. Игельстрому он описывал свое положение как «мертвого человека», «подобно как без слуха и без зрения человека» (Эпистолярное наследие..., 2014: 276). Хан Нуралы, находясь в изгнании, отправлял своим детям наставления «быть спокойными и соблюдать возможное усердие и ревность к России, стараться восстановления общей тишины и ожидать лучшего жребия», «дал слово, умирая, завещать детям своим, дабы сохраняли верноподданническую клятву» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 1200б.). Находившийся с ним сын Бегали просил императрицу принять его на службу (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 1200б.). Как бы не противились султаны дома Абулхаира и чингизиды Среднего жуза, в том числе султан Кудайменды и хан Вали, содержанию Нуралы в Уфе, их попытка вернуть на родину действующего хана закончилось плачевно. Бухарский эмир предлагал брату хана Ералы-султану «услуги для избавления изгнанца или мести за нанесенные ему оскорбления» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 121). Хан Нуралы Абулхаирулы так и не вернулся на родину, скончался в ссылке в 1790 году. Даже попытка вернуть прах хана завершилась неудачно. Осенью 1814 года хан Внутренней Орды Букей отправляет депутацию в Санкт-Петербург. Брат его майор Артыкгали Нуралиханов, старшины Тулак Ирнazarов и Бармак Муратов в период пребывания в столице просили российскую администрацию «об исходатайствовании всемилостивейшего позволения на перевозение в кочевье их Рын-пески праха покойного предка их Нуралы хана для погребения его там с приличными закону их обрядами». Но Комитет министров отказал им, ссылаясь на то, что Нуралы-хан погребен еще 1791 году (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1143. Л. 1).

После смерти Нуралы повстанцы во главе Сырымом Датовым избрали ханом сына Нуралы – Есенгали (Исянгалия – в русских источниках). У батыра Сырыма не сложились отношения с новым руководителем края генерал-поручиком А.А. фон Пеутлингом (1790–1794), который взял курс на отправку карательных отрядов для восстановления спокойствия в Степи.

29 января 1791 года императрица Екатерина II своим указом уфимскому губернатору генерал-поручику Пеутлингу определила будущего хана, указав, что «старшинство Нуралиева брата султана Эрали давало ему преимущество пред другими право заступить верховное в Орде достоинство, изъявила желание, чтобы жребий избрания в ханы пало на него; почему и повелела губернатору прилагать о том пристойным образом старание, подкрепляя, где нужно, сторону, с ним благомыслящую, и обнадеживая, что такой выбор Государыне особенно приятен будет» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 104).

4 сентября 1791 года указом императрицы Ералы Абулхаирулы был назначен ханом, а данный указ был зачитан на курултае казахов. Исключительное внимание правительства к дому Абулхаира было связано с признательностью за «постоянное и непременное усердие и верность сей династии к российскому престолу и оправдывалось почтительным уважением киргизских Орд к памяти и достоинствам Абулхаира» (РГИА. Ф. 1291. Ф. 81. Д. 44а. Л. 84). В столице отмечали, что потомки Абулхаира верны своему слову, «ни один из владельцев Меньшой Орды, не смотря на сильные соблазны, не навлек на себя пятна изменою или предательством, ниже каким-либо преступлением» (РГИА. Ф. 1291. Ф. 81. Д. 44а. Л. 84об.), тогда как правящая элита Среднего жуза, Аблай и Абулфеиз, отправив в 1757 году свои посольства в Пекин, приняла подданство китайского богдыхана. До этого отправляли посольства к Джунгарскому хунтайджи и отдали своих детей в аманаты. Все эти действия казахских султанов в скором времени подтолкнули Российскую империю к ликвидации ханской власти.

Назначение Ералы Абулхаирулы усугубило политический кризис в Младшем жузе. Сторонники батыра Сырыма Датова не согласились с кандидатурой назначенного хана, а руководитель восстания начал распространять в Степи различные разговоры о готовности Бухары оказать помощь, резко высказываясь об А.А. Пеутлинге. С. Датов говорил, что «Россия, приведши под иго рабства многие народы насилеи, хитростью и подкупами, желает подвергнуть той же участи и киргизцев» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 1240б.). Повстанцы обратили взор на потомка из рода Жадика Абулгази Каипова, внука упомянутого выше Батыра, который также претендовал на ханскую власть в Младшем жузе. Обстановка в Степи накалялась. 10 июля 1794 года умер хан Ералы (ИКРИ, 2005: 417). Восстание под руководством батыра Сырыма Датова подрывало престиж ханской власти, показав ее

слабость. В столице были обеспокоены положением дел в Младшем жузе казахов, решался вопрос о судьбе ханской власти. Как отмечается в источниках, «с того времени (имеется в виду – с правления Абулхаир-хана – Авт.) по ныне в Меньшой киргиз-кайсацкой Орде постоянно и в непрерывной линии господствует династия Абулхайрова, без точного впрочем соблюдения старшинства, если первородство в преемничестве» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Л. 44а. Л. 84об.).

Российская администрация придерживалась линии назначения ханом Младшего жуза только потомков Абулхаира. 17 сентября 1795 года старший сын Нуралы от первой жены Есим (Ишим – в русских источниках) был возведен в ханы Младшего жуза российской администрацией вопреки желанию сторонников авторитетного в Степи султана Каратая Нуралиева (третий сын хана Нуралы – Авт.) и казахских старшин во главе С. Датовым. 20 октября 1796 года Есим был утвержден в этом звании императрицей Екатериной II, что привело к началу борьбы за власть не только между потомками Абулхаира и Батыра, но и между султанами из рода Абулхаира. Есим не пользовался влиянием среди казахов Младшего жуза. Конфликты, возникшие между ханом и сподвижниками батыра Сырыма, привели к убийству Есима Нуралиева 27 марта 1797 года. Это был неслыханный случай – убийство хана представителями черной кости. После убийства хана Есима султаны из дома Абулхаира объединяются вокруг Каратая, требуя назначения его ханом Младшего жуза. Вновь назначенный оренбургский военный губернатор О. Игельстром решил упразднить ханскую власть, а всю полноту власти отдать Ханскому совету. В августе 1797 года Ханский совет начал работу во главе с сыном Абулхаира – Айшуаком. Но казахская элита высказалась за сохранение ханского звания. Часть чингизидов избирает ханом Младшего жуза Каратая Нуралиева, а российская администрация назначает Айшуака Абулхайрулы. Каратай не стал сразу открыто выступать против дяди. Вначале он всячески его поддерживал, выдавал бежавших и т.д. Престарелый хан бездействовал. Участились переходы казахов на внутреннюю сторону, а башкир – на степную. Процветала барымта. Г.С. Волконский предложил отправить хана Айшуака в отставку с пенсией 1000 руб.

При увольнении в 1805 году хана Айшуака Абулхайрулы, согласно его просьбе, указом императрицы от 26 мая того же года ханом был назначен старший сын Айшуака Жанторе (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 104). 2 сентября того же года проходит церемония избрания хана. Но группа чингизидов под руководством султана Каратая Нуралиева выступила против данного решения. У оренбургского военного губернатора Г.С. Волконского появилась новая задача – примирить потомков Абулхаира. Каратай Нуралиев призывал казахов избрать нового хана. Г.С. Волконский в сентябре 1805 года отправляет секунд-майора Шергазы Каипова к Каратаю для изучения ситуации в Степи. 20 октября Ш. Каипов прибыл в аул Каратая близ Калмыковской крепости и по возвращении сообщил, что султан видит себя реальным кандидатом в ханы и действия его направлены против Шергазы Айшуакова (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 243а. Л. 14-17). Съезд старшин в 1806 году избрал ханом Каратая Нуралиева. По сведениям хорунжего П. Исакова, казахские роды от р. Урал до Сырдарьи признавали власть Каратая (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 297. Л. 120-123). Оренбургскому военному губернатору удалось примирить хана Жанторе и непризнанного российской администрацией ханом Каратая Нуралиева. Но это было кратковременное явление. Утром 2 ноября 1809 года Жанторе был убит людьми султана Каратая около Мергеневского форпоста Уральской линии. Организаторами убийства явились сын Нуралы-хана султан Орман и старший сын Есим-хана султан Кара, главным исполнителем – сын Ормана Нуралиева султан Шиман (ИКРИ, 2007: 549).

12 января 1810 года оренбургский военный губернатор Г.С. Волконский в рапорте императору Александру I сообщал об убийстве султаном Каратаем хана Жанторе и высказал мысль о предоставлении выбора нового хана самим казахам, так как звание хана стало формальным. В то же время военный губернатор обратил внимание на молодого чингизида Букея Нуралиева, который с подвластным ему населением перекочевал на внутреннюю сторону, в Астраханскую губернию (Материалы..., 1940: 245-246). К этому времени в клане Абулхаира произошел раскол, началась борьба между потомками Айшуака (четвертый сын хана Абулхаира) и потомками Нуралы (старший сын Абулхаира), потомки Айшуака обвиняли Букея Нуралиева в поддержке султана Каратая, уличенного в убийстве Жанторе. Г.С. Волконский пытался решить конфликт чингизидов, но был вынужден примириться с решением казахской элиты избрать двух ханов. Потомки Айшуака избрали ханом Шергазы, и его власть распространялась на Зауральскую часть Орды, а потомки Нуралы поддержали Букея и расположились во Внутренней части Орды, а в 1812 г. император подписал указ об утверждении двух ханов.

Ситуация осложнилась при новом военном губернаторе П.К. Эссене. К борьбе за ханскую власть в Младшем жузе подключились и центральноазиатские правители. 3 ноября 1818 года оренбургский военный губернатор П.К. Эссен сообщал в Петербург, что хивинский хан возвел приверженного ему майора русской армии, султана Шергазы Каипова в ханы Младшего жуза (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 85об.). Хива то угрозами, то внушениями пыталась заставить казахов признать власть внука хана Батыра, то есть своего ставленника. Если говорить о Шергазы Каипове, то он некоторое время «в качестве депутата от казахов находился в России. Под командованием О.А. Игельстрема участвовал в 1788–1790 гг. в русско-шведской войне и получил чин секунд-майора. В 1790–1791 гг. сопровождал русское посольство в Бухару. После возвращения в Петербург, служил в должности адъютанта у фаворита Екатерины II князя П.А. Зубова. В 1795 г. участвовал в выборе хана Младшего

жуза Ишима, затем с 1796 по 1798 г. вновь находился в Санкт-Петербурге. В 1798 г. вернулся в Казахстан и находился в Оренбурге при военном губернаторе О.А. Игельстроме» (ИКРИ – 5, 2007: 504). В 1803 г. сопровождал специальную торгово-дипломатическую миссию в Бухару под руководством Я. Гавердовского. «В 1806 г. Ширгазы был послан для встречи каравана, идущего из Бухары, но, не выполнив этого поручения, остался в степи среди казахов рода шекты. В 1816 г. старшины части казахских родов Младшего и Среднего жузов признали Ширгазы своим правителем, после чего он поддержал своего племянника султана Арынгазы в стремлении консолидировать казахское население и создать единое Казахское ханство. Но через год оба родственника поссорились и разошлись. Султан Ширгазы удалился в Хиву, где поступил на службу к хану Мухаммед-Рахиму (ИКРИ – 5, 2007: 504), позже его сын, султан Жангазы Шергазиев, занял место отца. Жангазы, или Мананбай, был родным сватом хана Шергазы Айшуакова (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 228). Хивинцы совершали набеги на аулы Арынгазы, часто происходили убийства, в плен попадали его братья. И когда 10 октября 1820 г. было отправлено посольство в Бухарское ханство во главе с А.Ф. Негри, а Арынгазы Абулгазиеву было поручено сопровождение миссии через казахские степи до границ Бухарии, он решил отомстить казахским родам, находившимся под покровительством Хивы. Воспользовавшись наличием российского войска при миссии, Арынгазы напал на аулы Жангазы, расположенные по р. Сырдарье. Как пишут источники, «произвел в оных великие опустошения и грабежи. Он захватил брата Мананбай султана Акаша с женой, жену Мананбая, двух вдов султана Шергазы Каипова и младшего его сына султана Джаккаша, которого вместе с другими приказал лишить жизни». Жангазы бежал в Хиву (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Л. 218-218об., 243). Хотелось бы отметить, что Хива была пристанищем недовольных политикой Российской империи чингизидов в течение XVIII–XIX вв. (Избасарова, 2020: 2390). Вскоре люди Арынгазы напали на хивинский караван, выехавший из Оренбурга, также разграблению был подвергнут караван, выехавший из Хивы близ колодца Учкана за р. Эмбой (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 243об.). Хивинский хан, не смирившись с данной ситуацией, отправляет отряд против бухарского каравана, охраняемого Арынгазы. Хивинцы напали на купцов, отставших от основной части каравана в Кызылкумах. Казахи были разбиты, а Арынгазы «бросился обратно на берега р. Илека» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 244). Любые промахи на пути Бухарской миссии П.К. Эссен связывал со слабой ханской властью в Степи. В. Тимковский рассматривал упадок власти хана Шергазы «как прямое следствие невнимания к нему пограничного начальства, не охотности способствовать его усердным намерениям и даже полагаемых к тому препон и всякого возможного рода унижения, оказываемого сему владельцу, в угодность его смелому сопернику Арунгазы султану, и для возвеличения сего последнего» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 245).

Арынгазы, которого поддержал оренбургский военный губернатор П.К. Эссен, начал борьбу за ханский престол в Младшем жузе. Борьба за власть между представителями двух кланов Абулхаира и Батыра сильно беспокоила не только оренбургского военного губернатора, но и столицу. В центре начали искать средства «к искреннему примирению сих родов» и считали, что «без сомнения тогда восстановится в Орде спокойствие и караваны будут обеспечены в полной мере» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 125).

Оренбургский военный губернатор П.К. Эссен для обеспечения торговли и прекращения замыслов хивинского хана предлагал хана Шергазы Айшуакова как «человека слабого и ненадежного сменить и возвести в ханы султана Арынгазы». Далее он поднимал вопрос об отправке войск с артиллерией до Сырдарьи, а при необходимости и далее (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 86). Но Комитет министров запретил отправку военного отряда в Степь. По вопросу хана Шергазы предлагали его отправить в Петербург с сыновьями для представления императору. Приезд в столицу хана Шергазы Айшуакова давал возможность узнать более подробно ситуацию в Младшем жузе, взять детей его в аманаты как залог постоянной его преданности, «и наконец от объяснений, которые он здесь подает по делам киргизским и сопредельных народов, и от средств, кои, может быть, при совещаниях с ним, изысканы будут к уменьшению грабежей, производимых кочующими народами, обезпечиться до возможности в тех краях торговля» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 30). Со своей стороны хан Шергазы не раз просил у российской администрации разрешения прибыть в столицу. Поездка в Санкт-Петербург рассматривалась как один из важных моментов для правителей Степи, здесь при встрече с российской администрацией, личной аудиенции с императором они могли высказать все свои проблемы. Это актуализируется в начале XIX века, в период усиления кризиса ханской власти. Еще в 1809 году хан Жанторе Айшуаков просил разрешения для поездки в столицу. Но он не успел получить ответ, так как был убит (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52б. Л. 14). Ханы в столице в первую очередь обращали внимание на разрешение конфликта с оренбургскими правителями.

В период правления П.К. Эссена в Оренбургском крае возник конфликт не только между ханом Шергазы Айшуаковым и военным губернатором, но и между правителем края и председателем Оренбургской пограничной комиссии В. Тимковским. В рапортах и донесениях в МИД В. Тимковский критически относился к действиям военного губернатора П.К. Эссена. Причину конфликта между ханом и военным губернатором он видел в предвзятом отношении П.К. Эссена к Шергазы, а также в покровительстве российского чиновника султану Арынгазы Абулгазиеву. Так, например, П.К. Эссен

поручил Арынгазы Абулгазиеву собрать необходимое количество верблюдов и проводников для сопровождения миссии Негри, тогда как хану Шергазы Айшуакову данная информация была отправлена поздно. Как пишет председатель Оренбургской пограничной комиссии В. Тимковский, «приличие и самый порядок дел требовали, кажется, чтобы сие поручение предложено было хану Шергазы, яко главе и высшему повелителю в Меньшой Орде», а также имеющему «обширные родственные связи в Орде, близкие отношения с Темиром Ералиевым, имеющим сильный вес между киргизцами, богатому стадами и располагающемуся кочевьем по караванному пути, ведущему в Бухарию» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 240), наглядно показывали, что данная задача должна была быть поставлена перед ханом, но преимущества были даны представителю дома Каипа, что вызвало недовольство хана Шергазы и усугубило кризис в Младшем жузе. Это стало началом длительной борьбы за власть между чингизами, а также нескончаемых жалоб друг на друга.

П.К. Эссен в своих письмах, описывая Арынгазы как человека, пользующегося всеобщим уважением в Степи, подчеркивал знатность его рода. Так как МИД разрешил Шергазы Айшуакулы поездку в столицу, то во время отсутствия хана в Орде управление предлагалось возложить на султана Арынгазы (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 860б.). По мнению В. Тимковского, оренбургский военный губернатор должен был учесть «пылкий, властолюбивый нрав его (Арынгазы – Авт.), открытое враждебное расположение к Хиве и к двоюродным братьям его, детям умершего султана Шергазы Каипова, султанам Джангазы или Мананбаю и Якашу, вступившими с несколькими киргизскими аулами под покровительство хивинского хана» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 2400б.). П.К. Эссен покровительствовал этому султану, он не раз писал в МИД о смещении Шергазы Айшуакова. Причину смещения хана оренбургский военный губернатор видел в слабости управления, «не основательностью и даже не благонамеренными поступками хана Шергазы Айчувакова, потерявшего уважение от единокровцев и унижающего важное достоинство, им занимаемое» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 35).

14 августа 1819 года, по сообщению оренбургского военного губернатора П.К. Эссена, султаны, бии, старшины Младшего жуза в числе 388 человек, прибыв в Оренбург вместе с султаном Арынгазы Абулгазиевым, подали прошение, где изъявили «желание, дабы на место хана Шергазы Айшуакова был возведен в сие достоинство помянутый султан Арунгазы Габдулгазизов. Они показывают, что к таковой просьбе побуждаются благоразумными распоряжениями сего султана, который возстановил в Орде порядок, распространяет при Оренбурге торговлю» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 87).

В донесении в столицу П.К. Эссен предложил «султану Арунгазы пожаловать на голубой ленте медаль с алмазными украшениями, дабы сим, обласкав его, утвердить его более в приверженности к России» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52б. Л. 38). В период отправки хана Шергазы в столицу оренбургский военный губернатор дал надежду султану Арынгазы на назначение его ханом. 22 октября 1819 года П.К. Эссен сообщал в МИД, что «хан Шергазы отозван и по прибытии в Оренбург будет отправлен в столицу, что султану Арунгазы дал он знать о предназначенном отправлении хана, поставя ему на вид, что в отсутствии сего, управление Ордою представлено будет тому султану, который наиболее отличается усердием к Высочайшему престолу, из чего султан Арунгазы мог догадаться, что поручение сие будет возложено на него» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 870б.). Как указывал председатель Оренбургской пограничной комиссии В. Тимковский, «в течении девяти лет, со времени вступления хана Абулхаира в подданство России, местные оренбургские начальства мало сделали успехов для устройства Орды. Можно сделать замечание более важное: многие из сих начальств, по неискуству или малому усердию к пользам службы, только замедляли образование киргизского народа, только содействовали укоренению в нем неустойчивости и смятений, столь часто и сильно отражавшихся на состоянии порубежного края империи, на торговлю нашу со Среднею и Верхнею Азиею, и нередко наводивших безпокойство и заботы высшему правительству» (РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Ч. 1. Д. 32. Л. 340б.).

Вопрос относительно замены хана Шергазы Айшуакова на другого чингиза рассматривался на заседаниях специально образованного Азиатского комитета. Директор Азиатского департамента тайный советник К.К. Родофиникин писал: «26 января 1820 года Высочайше повелено вместо прежнего Комитета, для всех вообще дел Азиатских, составить ныне же из начальника Генерального штаба, министров иностранных дел и Министерства внутренних дел, и сему Комитету рассмотреть все то, что будет представлено от хана Ширгазы», «создается Комитет для рассмотрения всех дел вообще, по Азиатской границе» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 82). Позже в состав данного Комитета вошли министр финансов, военный министр. 8 февраля 1820 года на первом заседании Азиатского комитета рассматривается вопрос о ханской власти в Младшем жузе: «Сменить хана Ширгазы и возвести в сие достоинство султана Арунгазы? Или оставить хана Ширгазы, яко внука Абулхаира, коего поколение до ныне управляют Меньшею киргизскою Ордою?» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 89). В этот период в столицу прибыли хан Шергазы Айшуаков и оренбургский военный губернатор П.К. Эссен, который поднимал вопрос «об удалении онго хана от управления Ордою». Но члены Комитета «не нашли ...какая-либо изменнические замыслы, враждебныя и недоброжелательныя намерения, деяния или покушения ко вреду России. Таковые только причины могли бы подать справедливый повод к предложенному удалению его от ханства» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 91). П.К. Эссен не

получил поддержки, и ему предложили подготовить основательные доводы, что отмечено в Журнале заседания Азиатского комитета: «Не соблюдение святости обещания, учиненного Высочайшим императором, не минуемо произведет вредное впечатление между сими народами» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 91об.). На следующем заседании Азиатского комитета, которое состоялось 15 февраля, рассматривались претензии хана Шергазы к председателю Оренбургской пограничной комиссии, к оренбургскому военному губернатору П.К. Эссену, но по многим вопросам решения оренбургского начальника были признаны правильными (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 92-94). Заседание от 19 февраля 1820 г. было посвящено изучению записки «О ханах Меньшой Киргизкайсацкой Орды» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 102-125), где была изложена политика Российской империи в Младшем жузе, взаимоотношения казахских ханов, начиная с Абулхаира, Нуралы, с оренбургскими начальниками И.И. Неплюевым, Г.С. Волконским и т.д. П.К. Эссен, понимая, что его предложение отстранения хана Шергазы Айшуакова от власти будет не поддержано, высказал мнение разделить территорию Младшего жуза на 2 части: «в одной, кочующей внутри степи от Аральского моря до верх по р. Сыру, определить ханом султана Арунгазы, а другую от одного же моря до берегов Каспийского и по Нижне-Уральской линии, оставить под управлением Ширгазы хана» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 99). Но члены Комитета выступили против данной идеи, было решено сохранить власть за ханом Шергазы. За возникший конфликт в Степи понес ответственность председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.П. Веселитский. Он был отстранен от управления комиссией. По вопросу определения статуса султана Арынгазы Абулгазиева предлагалось «выдать осыпанную алмазами золотую медаль и назначить годовое жалованье 500 руб.» (Васильев, 2014: 199).

Азиатский комитет запретил вмешиваться в дела Ханского совета российским чиновникам, а хану Шергазы они должны были оказывать всякое содействие. В марте 1820 г. султан Арынгазы Абулгазиев был вызван в Санкт-Петербург и задержан. Через некоторое время часть его свиты была возвращена в Степь (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а). В журнале Азиатского комитета от 31 октября 1821 года было записано, что задержка, насколько возможно, султана Арынгазы в столице было Высочайше утверждено (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 92б. Л. 202об.). Тогда же было «через главноуправляющего Грузии дано знать хивинскому хану, что султан Арунгазы вызван в Россию для суждений и наказания».

В апреле 1822 г. султаны и бии Младшего жуза просили императора Александра I об отпуске на родину султана Арынгазы. Но в столице в этот период собирали сведения об истинном положении дел в Младшем жузе. Рассматривался вопрос, насколько сильно влияние задержанного султана в Степи, изменит ли ситуацию назначение Арынгазы ханом, прекратятся ли волнения и барымта в Степи. 31 июля 1822 г. бии и старшины Младшего жуза, в июне 1822 года бухарские купцы и караванные начальники в своем прошении главе МИД К.В. Нессельроде, а также представитель рода жаппас Младшего жуза, поручик и депутат Байсакал Тлякин в марте 1823 года от имени 6 султанов, 28 старшин, биев Младшего и Среднего жузов и бухарских купцов возобновили вопрос о возврате султана на родину (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 92б. Л. 151-155; 177, 182а-182б).

Оренбургский военный губернатор П.К. Эссен также не раз поднимал вопрос о его возвращении в Степь. В 1826 году, будучи в Москве, он возобновил данный вопрос и просил назначения Арынгазы султаном-правителем Средней части Орды. В журнале Азиатского комитета от 8 сентября 1826 года было написано: «До решения отъезда данного султана, Высочайше повелено назначить султаном правителем Средней части Орды брата его, султана Арду, от поведения коего и от мер, кои он примет ко введению устройства и водворению спокойствия, зависеть будет и скорейшее отправление его, Арунгазы, в Орду, а потому и пригласить его, дабы он обо всем оном написал к брату своему» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 95б. Л. 103). Но султан Арынгазы так и не вернулся на родину. В мае 1823 г. султан Арынгазы Абулгазиев, султан Ильджан, бий Юсуф Сырымов, переводчик Рахметулла Муртазин, татарин Г. Рахметуллин с приставом П.Н. Фроловым были отправлены на жительство в Калугу (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 92а. Л. 10). Прибыв 31 мая 1823 года в указанный город, Арынгазы Абулгазиев так и остался здесь. Скончался он в Калуге в 1833 г.

Печально закончилась жизнь и второго чингизида – Шергазы Айшуакова. В 1824 г. была ликвидирована ханская власть в Младшем жузе. Шергазы Айшуаков был вызван в Оренбург и назначен первоприсутствующим в Оренбургской пограничной комиссии. Но неудовлетворенность новой жизнью, постоянное пребывание в городе подтолкнули Шергазы обратиться с просьбой вернуться на некоторое время в Степь. Воспользовавшись ситуацией, осенью 1825 г. он бежал со своим сыном в Хиву и получил там покровительство. В 1830 г. вернулся на линию совсем в бедственном положении, а в 1836 г. скончался.

Таким образом, борьба за верховную власть между Абулхаиром и Батыром, затем между их потомками Нуралы Абулхаирулы и Каипом Батырулы, а в начале XIX века между Айшуаком Абулхаирулы и Абулгази Кайыпулы, завершилась в период борьбы за власть между Шергазы Айшуаковым и Арынгазы Абулгазиевым ликвидацией ханской власти в Младшем жузе казахов.

5. Заключение

После утверждения Российской империей ханом Младшего жуза Нуралы Абулхаирулы в Степи разгорелась борьба за власть. Восстание под руководством батыра Сырыма Датова показала

несостоятельность верховной власти. За неполные 30 лет сменилось 6 ханов из дома Абулхаира, двое из которых были убиты. Но в то же время казахи избирали себе ханов, не утвержденных российской короной. Такими ханами в изучаемый нами период были Каип Батырулы, Абулгазы Каипов, Каратай Нуралиев, Арынгазы Абулгазиев, с которыми была вынуждена считаться российская администрация в лице военных губернаторов. Если оренбургские начальники И.И. Неплюев, О. Игельстром, Г.С. Волконский придерживались основной линии империи – назначения ханов из клана Абулхаира, то П.К. Эссен, поддержав султана Арынгазы из клана Каипа, привел в замешательство МИД. В итоге борьба за власть между казахскими чингизидами, вмешательство Российской империи в процесс избрания ханов привели к дестабилизации ситуации в Младшем жузе и децентрализации власти в Орде.

Борьба за власть между чингизидами Младшего жуза, начавшаяся в XVIII в., вмешательство Российской империи в процесс избрания, а с 1791 г. назначение ханов создали благоприятные условия для ликвидации верховной власти в Зауральской Орде.

В период междинастийной борьбы тот и другой кланы искали помощи и поддержки со стороны. В XVIII веке не признанные Российской империей, но имевшие реальную власть казахские чингизиды искали поддержку в Хиве. Борьба, начавшаяся в XVIII веке между домами Абулхаира Кажыулы (инициатор присоединения Младшего жуза казахов к Российской империи) и Батыра Каипова, привела в начале XIX века к большому противостоянию между их потомками, а в конечном счете – к ликвидации ханской власти в Младшем жузе казахов в 1824 году.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках грантового проекта ГФ №АР09259029 «Исторические личности Великой степи XVIII – 30-е гг. XX вв. (на материалах Западного Казахстана)» (руководитель проекта Избасарова Г.Б.), финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Литература

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- Архив государственного совета, 1869** – Архив Государственного Совета. Совет в царствование Екатерины II (1768–1796). СПб.: Типография Второго отделения собст. Е.И.В. канцелярии, 1869. Т. 1.
- Басин, 1969** – Басин В.Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII века / Казахстан в XV–XVIII веках. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1969. С. 51–145.
- Васильев, 2014** – Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая пол. XIX века. М.: РОССПЭН, 2014. 471 с.
- Вельяминов-Зернов, 1853** – Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азией со времени кончины Абул-Хаир хана (1748–1765). Уфа: Губер. тип., 1853. Т. 1. 131 с.
- Вяткин, 1998** – Вяткин М.П. Батыр Срым. Алматы: Санат, 1998. 344 с.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Добросмыслов, 2010** – Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Актобе: ТОО «ИПЦ Кокжиек», 2010. 597 с.
- Ерофеева, 2001** – Ерофеева И.В. Эволюция ханской власти и включение Казахстана в состав Российской империи (1731–1865) // История Казахстана: народы и культуры: Учеб. пособие. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 167–190.
- Зиманов, 1960** – Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата: Изд-во АН Каз ССР, 1960. 295 с.
- Избасарова, 2016** – Избасарова Г.Б. Шергазы Айшуаков – последний хан Младшего жуза казахов // Вопросы истории. 2016. № 11. С. 98–107.
- Избасарова, 2017** – Избасарова Г.Б. Аманат в традиционном казахском обществе и российской политике XVIII в. // Российская история. 2017. № 1. С. 103–112.
- Избасарова, 2018** – Избасарова Г.Б. Казахская степь Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках первой половины XIX века. М.: ИП Лысенко А.Д. Press-book, 2018. 484 с.
- Izbassarova, 2020** – Izbassarova G.B. Legitimization of Power in the Kazakh Steppe in the XIX century. Search for the Cartridge: Khiva Khanate or Russian Empire? (by the Example of the Fate of Sultan Kaipgali Ishimov) // Bylye Gody. 2020. 58(4): 2385–2395.
- ИКРИ, 2005** – История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. III. Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759) / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
- ИКРИ, 2007** – История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007.
- КРО, 1961** – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Сб. документов и материалов / Под ред. В.Ф. Шахматова, Ф.Н. Киреева, Т.Ж. Шоинбаева. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. Т. 1. 743 с.

- Левшин, 1996** – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / Под ред. акад. М.К. Козыбаева. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Материалы..., 1940** – Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.) / Под ред. М.П. Вяткина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 4. 543 с.
- Мейер, 1865** – *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 10. СПб.: Печ. в тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. С. 28.
- Почекаев, 2017** – *Почекаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Рычков, 1771** – *Рычков Н.* Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкую степь в 1771 г. СПб., 1772.
- Эпистолярное наследие..., 2014** – Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сборник исторических документов. Т. 1. Письма казахских правителей. 1675–1780. Алматы, 2014.

References

- Arhiv gosudarstvennogo soveta, 1869** – Arhiv Gosudarstvennogo Soveta. Sovet v carstvovanie Ekateriny II-j (1768–1796) [Archive of the State Council. Council during the reign of Catherine II (1768–1796)]. SPb.: tipografija Vtorogo otdelenija sobst. E.I.V. kanceljarii, 1869. T. 1. [in Russian]
- AVPRI** – Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii [Archive of foreign policy of the Russian Empire].
- Basin, 1969** – *Basin, V.Ja.* (1969). Kazakhstan v sisteme vneshnej politiki Rossii v pervoj polovine XVIII veka [Kazakhstan in the system of Russian foreign policy in the first half of the 18th century]. Kazakhstan v XV–XVIII vekah. Alma-Ata: «Nauka» KazSSR. Pp. 51-145. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 2010** – *Dobrosmyslov, A.I.* (2010). Turgajskaja oblast'. Istoricheskij ocherk [Turgai region. Historical essay]. Aktobe: TOO «IPC Kokzhiiek». 597 p. [in Russian]
- Epistoljarnoe nasledie..., 2014** – Epistoljarnoe nasledie kazahskoj pravjashhej jelity 1675 – 1821 godov (2014) [Epistolary legacy of the Kazakh ruling elite in 1675-1821]. Sbornik istoricheskikh dokumentov. T. 1. Pis'ma kazahskih pravitelej. 1675 – 1780. Алматы, 2014. [in Russian]
- Erofeeva, 2001** – *Erofeeva, I.V.* (2001). Evoljucija hanskoi vlasti i vključenje Kazahstana v sostav Rossijskoj imperii (1731–1865) [The evolution of the Khan's power and the inclusion of Kazakhstan in the Russian Empire (1731–1865)]. Istorija Kazahstana: narody i kul'tury: ucheb. posobie. Almaty: Dajk-Press. Pp. 167-190.
- GAOO** – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State Archive of the Orenburg Region].
- IKRI, 2005** – Istorija Kazahstana v russkikh istochnikah v XVI–XX vekov (2005). T. III. Zhurnaly i sluzhebnye zapiski diplomata A.I. Tevkeleva po istorii i jetnografii Kazahstana (1731–1759) [History of Kazakhstan in Russian sources in the XVI-XX centuries. Vol. III. Journals and memos of the diplomat A.I. Tevkelev on the history and ethnography of Kazakhstan (1731–1759)]. Sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev. Almaty: Dajk-Press. [in Russian]
- IKRI, 2007** – Istorija Kazahstana v russkikh istochnikah v XVI–XX vekov (2007). T. V. Pervye istoriko-jetnograficheskie opisanija kazahskih zemel'. Pervaja polovina XIX veka [History of Kazakhstan in Russian sources in the XVI-XX centuries. Vol. V. The first historical and ethnographic descriptions of the Kazakh lands. First half of the 19th century]. Sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev. Almaty: Dajk-Press. [in Russian]
- Izbassarova, 2016** – *Izbassarova, G.B.* (2016). Shergazy Aishuakov – poslednij khan Mladshogo zhuza kazahov. [Shergazy Aishuakov – the last khan of the Junior Horde of the Kazakhs]. *Voprosy istorii*. 11: 98-107. [in Russian]
- Izbassarova, 2017** – *Izbassarova, G.B.* (2017). Amanat v tradicionnom kazahskom obshhestve i rossijskoj politike XVIII v. [Amanat in traditional Kazakh society and Russian politics of the 18th century]. *Rossijskaja istorija*. 1: 103-112. [in Russian]
- Izbassarova, 2018** – *Izbassarova, G.B.* (2018). Kazahskaja step' Orenburgskogo vedomstva v imperskikh proektah i praktikah pervoj poloviny XIX veka [The Kazakh steppe of the Orenburg department in imperial projects and practices of the first half of the 19th century]. M.: IP Lysenko A.D. Press-book. 484 p.
- Izbassarova, 2020** – *Izbassarova, G.B.* (2020). Legitimization of Power in the Kazakh Steppe in the XIX century. Search for the Cartridge: Khiva Khanate or Russian Empire? (by the Example of the Fate of Sultan Kaipgali Ishimov). *Bylye Gody*. 58(4): 2385-2395.
- KRO, 1961** – Kazahsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. (1961). Sb. dokumentov i materialov [Kazakh-Russian Relations in the 16th–18th Centuries: Collection of documents and Materials]. Pod red. V.F. Shahmatova, F.N. Kireeva, T.Zh. Shoinbaeva. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR. T. 1. 743 p. [in Russian]
- Levshin, 1996** – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kajsackih, ord i stepej [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak, hordes and steppes]. Pod red. akad. M.K. Kozybaeva. Almaty: Sanat. 656 p. [in Russian]

Materialy..., 1940 – Materialy po istorii Kazahskoj SSR (1785–1828 gg.) (1940) [Materials on the history of the Kazakh SSR (1785–1828)]. Pod red. M.P. Vjatkina. M.-L.: Izd-vo AN SSSR. T. 4. 543 p. [in Russian]

Mejer, 1865 – *Mejer, L.* (1865). Kirgizskaja step' Orenburgskogo vedomstva. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba [The Kirghiz steppe of the Orenburg Department. Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff]. V. 10. SPb: Pech. v tip. Je.Vejmara i F. Persona. [in Russian]

Pochekaev, 2017 – *Pochekaev, R.Ju.* (2017). Gubernatory i hany. Lichnostnyj faktor pravovoj politiki Rossijskoj imperii v Central'noj Azii: XVIII – nachalo XX v. [Governors and khans. Personal factor of the legal policy of the Russian Empire in Central Asia: XVIII – early XX centuries]. M.: Izd. dom Vysšej shkoly jekonomiki. 384 p. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv [Russian State Historical Archive].

RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoričeskij arhiv [Russian State Military-Historical Archive].

Rychkov, 1772 – *Rychkov, N.* (1772). Dnevnyja zapiski puteshestvija kapitana Nikolaja Rychkova v kirgiz-kajsackuju step' v 1771 g. [Day notes of the journey of Captain Nikolai Rychkov to the Kirghiz-Kaisak steppe in 1771]. SPb., 1772. [in Russian]

Vasil'ev, 2014 – *Vasil'ev, D.V.* (2014). Rossiya i Kazahskaja step': administrativnaja politika i status okrainy. XVIII – pervaja polovina XIX veka [Russia and the Kazakh steppe: administrative policy and the status of the outskirts. 18th – first half of the 19th century]. M.: ROSSPJeN. 471 p. [in Russian]

Vel'jaminov-Zernov, 1853 – *Vel'jaminov-Zernov, V.V.* (1853). Istoricheskie izvestija o kirgiz-kajsakah i snoshenijah Rossii so Sredneju Aziej so vremeni končiny Abul-Hair hana (1748–1765) [Historical news about the Kirghiz-Kaisaks and Russia's relations with Central Asia since the death of Abul-Khair Khan (1748–1765)]. Ufa: Guber. tip. T. 1. 131 p. [in Russian]

Vjatkin, 1998 – *Vjatkin, M.P.* (1998). Batyr Srym [Batyr Srym]. Almaty: Sanat. 344 p. [in Russian]

Zimanov, 1960 – *Zimanov, S.Z.* (1960). Politicheskij stroj Kazahstana konca XVIII i pervoj poloviny XIX vekov [The political system of Kazakhstan in the late 18th and first half of the 19th centuries]. Alma-Ata: Izd-vo AN Kaz SSR. 295 p. [in Russian]

Кризис ханской власти в Младшем жузе казахов (II половина XVIII – I четверть XIX вв.)

Гульбану Болатовна Избасарова^{a, *}, Маден Асылбек Тореханович^a, Светлана Одеповна Смагулова^b

^a Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, Актюбе, Республика Казахстан

^b Центр перспективных исследований, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена изучению политической ситуации, сложившейся на территории Младшего жуза казахов во второй половине XVIII – I четверти XIX вв. После смерти хана Абулхаира в 1748 году борьба за верховную власть усилилась в Степи. Ослабление традиционных властных отношений в Младшем жузе казахов приводит к крупному восстанию под руководством батыра Сырыма Датова. В изучаемый период происходят убийства ханов Есима Нуралиева, Жанторе Айшуакова. Назначение Российской империей правителем Младшего жуза Шергазы Айшуакова усилило междоусобную борьбу за власть между чингизидами из дома Абулхаира. Соперничество между ханом Шергазы Айшуаковым и султаном Арынгазы Абулгазиевым, вмешательство и «подогрев» конфликта оренбургским военным губернатором П.К. Эссеном привело в замешательство столицу. Созданный в 1820 году новый Азиатский комитет должен был определить судьбу легитимного хана Шергазы, а также решить вопрос об изменении правления традиционной потестарно-политической структуры номадов. На заседаниях данного Комитета решался вопрос о судьбе казахского общества избрала ханом. Авторы приходят к выводу, что решить данную проблему в то время не удалось, что подтверждают отправка в 1823 году султана Арынгазы в ссылку в Калугу и последовавшая вскоре, в 1824 году, ликвидация ханской власти в Младшем жузе.

Ключевые слова: Российская империя, Младший жуз, Абулхаир, Нуралы, Батыр, Каип, Жадик, Шергазы Айшуаков, Арынгазы Абулгазиев, П.К. Эссен, ханская власть, противоборство, Азиатский комитет.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iz_gulbanu@mail.ru (Г.Б. Избасарова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 88-99
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.88

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Organization of Quarantines on the Border of the Russian Empire in the XVIII century as a Preventive Measure against Carrying “Pestilence”

Tatiana S. Sorokina ^{a, *}, Alexey V. Morozov ^a, Natalia V. Shishkina ^b

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

^b Central Base Customs, Russian Federation

Abstract

This paper is devoted to analysis of the main stages, preceding creation of the quarantine services for guarding the frontier of the Russian State (from the Peter's reforms and the first quarantines up to the end of the XVIII century and confirmation of the 'Regulations of Frontier and Sea Quarantines'). The main sources and legislative documents regulating preventive measures against carrying the infectious diseases from neighboring countries and determining the organization of state policy in the field of quarantine services in the Russian Empire in connection with the expansion of trade and economic relations with foreign countries (organization of outposts, customs posts, quarantine houses with hospitals at border customs; quarantine rules and peculiarities, etc.) have been studied. Organization of quarantines within the country during epidemics (carried from neighboring countries), have been also analyzed, in particular a successful victory over the pestilence in Moscow in 1770–1772. The role of the State (Senate, Medical Office, Empress Catherine the Great, other State officials, etc.) in organization of quarantines and quarantine measures in frontier areas and within the country has been studied in historical sequence. The personnel policy on the formation of the staff of customs posts and quarantines, the involvement of customs officials, doctors and healers, their functions and responsibility were analyzed. The successes (in spite of lack of knowledge in etiology and epidemiology of dangerous infectious diseases) and problems in the organization of the quarantines on the land and naval frontiers of the Russian Empire and within the country at various stages of its formation have been studied.

Keywords: history of Medicine, Russian Empire, customs, quarantine measures, quarantines.

1. Введение

Развитие торговых отношений всегда имело огромное значение для становления Российского государства. Однако была здесь и оборотная сторона. Страшной бедой для государства явились эпидемии, или «моровые поветрия», появлявшиеся в пограничных городах, которые вели оживленную торговлю и через которые проходили иноземные караваны. Первые упоминания «о бесовых язвах» появляются в древнерусских летописях X–XI веков. Не стал исключением и век XVIII, когда границы Российской империи значительно расширились и интенсивно развивалась торговля, что увеличило опасность завоза заразных болезней. Именно в этот период начинает формироваться новый взгляд на пограничную политику государства, послуживший основой для организации упорядоченной системы карантинной охраны границ.

* Corresponding author

E-mail addresses: sorokina-ts@rudn.ru (T.S. Sorokina), a0067138@yandex.ru (A.V. Morozov), shishkinanv@ca.customs.gov.ru (N.V. Shishkina)

2. Материалы и методы

В процессе выполнения данного исследования были использованы архивные материалы Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация), материалы из фондов Центрального музея таможенной службы (Москва, Российская Федерация), сборники опубликованных документов (Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ), Манифест Великой Императрицы Екатерины II о присоединении Крымского полуострова, острова Тамани с всея Кубанской стороны к России), размещенные в виде электронных материалов Российской национальной библиотеки.

Методология исследования выстраивалась на основе сочетания элементов сравнительно-исторического, системного и функционального анализов, исторического подхода и хронологического метода. Применение сравнительно-исторического анализа позволило оценить эффективность предпринимаемых государством мер по предотвращению завоза «заразительных» болезней, а также сравнить эффективность решения задач, ставившихся перед карантинными службами таможенных органов в разные периоды их деятельности.

3. Обсуждение

Историография данного вопроса весьма ограничена. В основном в научных работах рассматриваются или затрагиваются отдельные аспекты создания и деятельности карантинных служб при таможенных заставах Российской империи в XVIII веке. В этой связи необходимо отметить такие публикации, как «Мероприятия против холеры русского и иностранных правительств и их научные основы» (Галанин, 1892), «Холера. Эпидемиология и профилактика» (Эрисман, 1893), «Эпидемиологические аспекты международной миграции населения» (Черкасский и др., 1984), «Международный карантин» (Щепин, 1982), «Контрабанда: история и современность» (Кисловский, 1996). Из более поздних публикаций важно отметить работы В.Н. Шкунова «Реализация государственной карантинной и санитарной политики в Российской империи в XVIII веке» (Шкунов, 2018) и В.Г. Иванцова «Russian Customs System and Its Functioning in Western Transcaucasia (early 19th century – 1861)» (Ivantsov et al., 2021). Однако лишь в трудах Н.И. Пристансковой «Систематизация врачебно-санитарного законодательства в первой половине XIX в.» (Пристанскова, 2007) и В.Н. Шкунова (Шкунов, 2018) мы находим попытку анализа российского законодательства рассматриваемого периода в части особенностей организации карантинной службы, что свидетельствует о недостаточности научных исследований, проведенных по данному вопросу. Деятельности карантинных служб в период эпидемии «моровой язвы» в Москве в 1770–1772 годах посвящены работы Т.С. Сорокиной (Сорокина, 1994; Сорокина, 1999), в которых на основании оригинальных документов того времени восстанавливается истинная картина событий и роль врачей, дворянства и императрицы Екатерины II в организации карантинных и профилактических мер по успешному пресечению этой эпидемии.

Профессиональный интерес авторов к этой теме обусловлен прежде всего их многолетней деятельностью на поприще преподавания истории всемирной и отечественной медицины российским и иностранным студентам Российского университета дружбы народов, включая исследования по истории эпидемий, пандемий и карантинных служб (Т.С. Сорокина, А.В. Морозов), а также результатом их работы по изучению истории и современной организации медицинского обеспечения в системе Федеральной таможенной службы Российской Федерации (А.В. Морозов, Н.В. Шишкина).

4. Результаты

Одним из важных моментов в изучении истории науки в целом и истории медицины в частности является поиск отличительных черт и особенностей поступательного развития исследуемого предмета в разные периоды истории.

В истории становления карантинных служб в Российском государстве на протяжении XVIII столетия можно выделить следующие этапы: с 1696 по 1725 годы (период становления карантинных мер в Русском царстве и в первые годы Российской империи); 1726–1755 годы (период появления первых застав вдоль засечных линий и основных торговых путей); 1755–1775 годы (период создания первых карантинных служб в Российской империи); 1775–1800 годы (период совершенствования карантинных домов и законодательная регламентация их деятельности) (Шкунов, 2018: 672–674). Каждый из этих периодов характеризуется своими особенностями реализации государственной карантинной политики в Российском государстве.

Период становления карантинных мер в Русском царстве и в первые годы Российской империи (1696–1725)

Первая половина XVIII века характеризуется формированием новых взглядов на пограничную политику государства. Петр I, проявлявший искренний интерес к естественным наукам, во время своего первого Великого посольства в страны Западной Европы (1697–1698) ознакомился и с достижениями в области медицины: в Лейденском университете слушал лекции Германа Бургааве, в Оксфорде беседовал с Исааком Ньютоном, а в Голландии – с Антони ван Левенгуком, уделяя при

этом немалое внимание организации санитарного дела и опыту предупреждения распространения так называемых «морových поветрий» (чумы). Суть Петровской идеи сводилась к тому, что крепости, укрепленные линии и другие защитные сооружения, которые в военное время призваны отражать нападение армий неприятеля, в мирное время должны служить преградой на пути нарушителей границ, контрабандистов, тайного провоза белых, лазутчиков, а также завозу заразных болезней. Заставы и «караулы крепкие» обустроивались при первой же вести о появлении «морového поветрия», образуя своеобразный санитарный кордон (ПСЗ РИ. СП. Т. IV. 1830: 729, 746, 856-857).

Так, в 1710 году, когда стало известно о появлении в приграничных западных территориях «моровой язвы», такие заставы были выставлены на всех дорогах, ведущих к Петербургу и Новгороду. Затем заставы появились на дорогах, ведущих к Риге, Твери и Москве, со строгим предписанием «беречься от торговых людей», которые тайно проезжают в свои дома. Службу по охране несли «добрые царедворцы и офицеры с солдатами». За недогляд и тайно проезжающим, и служащим следовало суровое наказание: «...ежели кто проезжает, чрез указ, будут проезжать какими-нибудь способами, а после пойманы будут: то бы они, не опасаясь, таких вешали. А ежели они смотреть будут худо и кого пропустят: и за то плачено им будет тою же виселицею» (ПСЗ РИ. СП. Т. IV. 1830: 526).

Одна из таких застав была устроена на мысе Таганый Рог. Даже после оставления Таганрога по Прутскому миру торговля там продолжалась. Несмотря на неудачные военные походы против Турции, потребность в торговых связях на берегах Азовского моря была достаточно велика, но велика была и опасность заноса эпидемий. Для охраны торговых людей от заезжих турок на этой заставе находилась специальная военная команда во главе с офицером, а при карантинном пункте – лекарь со служителями. Здесь же были устроены амбары для хранения товаров и дома для купцов.

Были и специальные указы по организации кадрового дела в карантинах, например, о назначении на заставы дворян, которые по старости или увечью служить в действующей армии не могут, но карантинную службу нести способны (ПСЗ РИ. СП. Т. IV. 1830: 649).

В первой половине XVIII века внешняя торговля России осуществлялась по следующим направлениям. На севере сухопутный торговый путь шел в Норвегию, Данию, Англию, Голландию и такие дальние страны, как Испания, Португалия и Италия. Торговые порты Балтийского, Азовского, Черного и Каспийского морей связывали Россию с Европой и странами Востока (Некрасов, 1984: 37-40). Однако открытие новых морских торговых путей увеличивало и опасность распространения заразных болезней. В связи с этим для предупреждения заноса «морového поветрия» из сопредельных стран контроль за морскими товаропотоками ужесточался.

В 1720 году в России при непосредственном участии Петра I был разработан «Морской устав», согласно которому предписывалось: военно-медицинской службе на флоте наряду с лечением экипажей морских судов и кораблей проводить и санитарно-гигиенические и предупредительные мероприятия. Принятие этого Устава имело важное значение уже в 1721 и 1722 годах, когда во Франции широко распространилась «моровая язва». Для предупреждения заноса этой инфекции было принято решение: все морские суда, приходящие из Франции в российские порты (Архангельск, Ревель и Ригу) принимать только при наличии специального сопроводительного паспорта от российского посланника в Париже и при условии обязательного прохождения карантина. Не выполнявшим эти требования в швартовке к российским берегам отказывалось (Шкунов, 2018: 672-673).

Период появления первых застав вдоль засечных линий и основных торговых путей (1726–1755)

В 1726 году Комиссия по коммерции и пошлинам разработала «Примерный проект по сочинению инструкции таможенным инспекторам, которые имеют быть на границах Всероссийской империи», многие идеи которого впоследствии использовались в Российском законодательстве (РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 543. Л. 1-21). В частности, в §35 определялась задача застав по соблюдению правил карантина в период начала эпидемии. Служители застав пограничных таможен должны были останавливать проезжающих на некотором удалении от заставы, затем они приглашали одного начального человека от торговцев и под страхом смертной казни выясняли, не было ли «морového поветрия» в тех местах, откуда они приехали и через которые проезжали. Если купцы словесно подтверждали, что никакого мора не было, то их пропускали без задержки. В противном случае вести о «морovém поветрии» незамедлительно доводились до губернатора или главного коменданта, а приезжих людей содержали на расстоянии от заставы и жилья, поставив «пристойные караулы» (Васильев, Сегал, 1960: 115).

Когда в 1728–1729 годах эпидемия чумы нанесла огромный ущерб южным регионам России, Верховный тайный совет значительно расширил санитарные и предупредительные меры в отношении приезжающих из Астрахани через Царицынскую карантинную заставу (ПСЗ РИ. СП. Т. VIII. 1830: 17, 205-207). После осмотра лекарем приехавшие отправлялись на 40-дневный карантин. Товары разделялись на кипы, укладывались в ящики и хорошо проветривались. По окончании карантина лекарь вновь всех осматривал и вместе с комендантом ставил печать на полученных из Астрахани паспортах. Суда, доставлявшие рыбу и соль, подвергались такому же карантину и досматривались на предмет сокрытых товаров. Комендант и штаб-лекарь должны были вести журнал, в котором записывали дату прибытия, количество дней нахождения в карантине, дату,

когда был отпущен и куда выехал, а также фиксировать общее количество заболевших. Рапорты о карантине направлялись в Верховный тайный совет. Однако вскоре поступил запрет на пропуск товаров (шелк, хлопчатая бумага, шерсть и мех), привезенных из Астрахани к Царицынской заставе, и о выдерживании этих товаров в карантинных амбарах, так как они впитывают сырость и потому наиболее «приемлют заразу», способствуя распространению болезней.

В августе 1729 года из Верховного тайного совета пришло еще более суровое предписание – о полном запрете пропуска людей и товаров, прибывающих не только из Турции и Крыма, но и из некоторых областей Польши, которые находились вблизи опасных заразных мест. Всех приезжающих (с товарами, либо без них) на карантин не помещали, а сразу же отправляли обратно (ПСЗ РИ. СП. Т. VIII. 1830: 231-232, 235). Меры безопасности не были ослаблены и после того, как эпидемия отступила.

Со временем карантинный режим стал неотъемлемой частью процесса регулирования внешнеторговых связей и со странами Востока (Торопицын, 2009: 95). Купцов, отправлявшихся в восточные страны, обязывали давать подписку о том, что они не будут посещать зараженные местности и покупать там товары. В свою очередь приезжающим из-за границы Сенатским указом от 28 октября 1730 года предписывалось предъявлять свидетельства о том, что они не были в тех местах, где свирепствует заразная болезнь. Более того, «крепкое смотрение» требовалось и за товарами, которые прибывали из мест неопасных, чтобы «под именем их» не провозили товары из мест опасных (ПСЗ РИ. СП. Т. VIII. 1830: 332).

К этому времени уже закончилось строительство Камер-Коллежского вала, надолго определившего границы Москвы. В отличие от других колец города, вал был построен не в оборонительных, а в таможенных целях. В местах пересечения вала с дорогами были учреждены 16 застав с караульными будками, где проверялись товары и документы на них. Непосредственной морской торговли Москва тогда еще не вела, но она являлась своеобразным «складочным местом» для российских и зарубежных товаров, которые в дальнейшем направлялись по многочисленным торговым путям, в том числе и к портам внешней торговли (Некрасов, 1984: 74). Поэтому надежная организация карантинных застав в Москве в значительной степени была залогом эпидемического благополучия других регионов государства.

Важно отметить, что проводимые противоэпидемические мероприятия в первую очередь касались именно организации застав, осмотра приезжающих и провозимых ими товаров. Однако ни в одной инструкции еще не было указано, кто же должен был проводить осмотр и освидетельствование на предмет болезни. Возможно, это объяснялось тем, что заградительных застав было много, а докторов, лекарей и лекарьских учеников в тот период было мало. Их едва хватало на то, чтобы организовывать медицинскую помощь в армии и на флоте. В «Морском пошлинном регламенте, или Уставе», принятом 31 марта 1731 года, не были еще прописаны и меры предосторожности при приеме кораблей в портах (Таможенное дело России, 1998: 42-43).

Здесь необходимо отметить, что в то время, когда формировался карантинный регламент, не было еще научных представлений о заразном начале и путях его распространения, о микроорганизмах и о специфической профилактике, отсутствовали и научные знания в области санитарии и гигиены. Эмпирические знания того времени не были достаточны для правильной организации санитарно-профилактических мер и карантинных застав. Поэтому, как писал позднее (в 1775 году) о чуме в Москве Афанасий Филимонович Шафонский, «при расположении средств к пресечению сея болезни оставалось установителям оных все предпринимать, нимало не медля, по собственному изысканию и чрез опыты до совершенства доходить» (Шафонский, 1775, II).

В 1738 году чума вновь появилась в армии, сражавшейся с турками. Она распространилась по всей южной границе Российской империи. В целях защиты внутренних территорий и пресечения эпидемии под управлением киевского губернатора генерал-лейтенанта князя Трубецкого была создана новая форма организации карантинных застав: вокруг Харькова был проложен Главный карантинный тракт (Васильев, Сегал, 1960: 112-113), который оцепили заставами. Просуществовал он недолго и с прекращением эпидемии и окончанием войны был закрыт. Однако благодаря этому карантину возникла идея об организации постоянного надзора на Юго-восточной границе страны для защиты от «поветренно-заразных болезней», а в 1740 году уже на польской границе был организован карантинный дом, который Киевская губернская канцелярия отдавала на откуп (Гамалея, Рудая, 2021: 17).

Следующие шаги были предприняты уже в 1742 году после того, как из Российской резиденции в Константинополе пришло сообщение о начавшейся там эпидемии. Для наблюдения и своевременного принятия мер в Васильковский карантин в Киеве был назначен специальный доктор Иоганн Фабри, в помощь которому выделялись два полковых лекаря из ландмилиционных полков. В инструкции от 20 декабря 1743 года Фабри назван «пограничным доктором», а лекари – «пограничными лекарями» (Макидонов, 2011: 20). Впоследствии этот карантин, устроенный на Васильковском форпосте, разросся в целую систему карантинных учреждений.

В 1744 году, когда пришло известие о распространении чумы в Персии, Медицинская канцелярия направила в Астрахань специальную инструкцию с особым предписанием о заготовке и

передаче в местный госпиталь необходимых лекарственных средств. Российский консул в Персии также получил предписание о представлении астраханскому губернатору рапортов о наличии «моровой язвы» как в самой Персии, так и в приграничных с ней государствах. Специальные меры были предприняты и в местных портах. Без консульских документов, подтверждающих здоровье экипажа, пассажиров и безопасности товара, никто не имел права сходить на российский берег.

Понятно, что санитарно-карантинные мероприятия на наших границах вызывали недовольство как зарубежных, так и российских купцов, которые постоянно жаловались на задержку и падение товарооборота. Страдали и доходы от транзитной торговли. По данным Российского консульства в Персии из-за введения карантинных мер в 1744 году таможенные сборы снизились на несколько тысяч рублей. Правительство со своей стороны пыталось проявлять гибкость. Иллюстрацией этому может служить грамота, данная Войску Донскому в августе 1744 года, которая предписывала поступать в отношении приезжающих из Константинополя турецких и иных иностранных купцов с товарами без «озлоблений и нападков и никакого принуждения, кроме самых явных подозрений», к ним не применять. После прохождения карантина и подтверждения, что никакой опасности товары не представляют, купцов свободно пропускали для торговли в Черкасск и оказывали им «всякую ласку и вспоможение». При этом строго указывалось, что хлопчатобумажные и шерстяные изделия, представляющие опасность в карантинном отношении, необходимо «довольно выветривать», даже если они не из «заповетренных мест». Товары из зараженных местностей через заставу не пропускались и отсылались прочь (Торопицын, 2009: 97-98). Иными словами, существовало четкое понимание того, что торговлю необходимо поощрять и поддерживать, но и карантинные меры ослаблять не следует.

В мае 1745 года Астраханская губернская канцелярия установила еще более строгий режим прохождения карантина для товаров и людей, прибывающих из Персии: даже товары из мест, где эпидемия не была обнаружена, стали пропускать в Россию только после четырехнедельного карантина; в отношении остальных товаров был установлен полный карантин.

В 1747 году из-за опасных болезней, постоянно свирепствовавших в турецких провинциях и в самом Константинополе, заставы были учреждены на Дону, Кубанской и Крымской стороне, а для караула и разъездов при них были определены нарочные команды из казаков и калмыков. Тогда же было принято решение об устройстве карантина и таможенной заставы в крепости Таганрог. По представлению Коллегии иностранных дел Сенатским указом предписывалось назначить на заставу «доброе и надежного человека» от Войска Донского для наблюдения, чтобы купцы, приезжающие из Турции, не занесли заразные болезни, а с самими же купцами поступали «безобидно» (ПСЗ РИ. СП. Т. XII. 1830: 803-804).

Итак, к середине XVIII века на территории Российской империи создается сеть карантинных застав, особенно в приграничных районах Юга страны; вырабатывается система карантинных мер и регламент осмотра прибывающих людей и товаров.

Период создания первых карантинных в Российской империи (1755–1775)

22 февраля 1755 года Правительствующий сенат издал указ «Об учреждении при пограничных таможенных карантинных домов и о предъявлении к ним докторов». Этот указ был инициирован по доношению Медицинской канцелярии «для предосторожности и отвращения (чего Боже сохрани) опасной болезни» (ПСЗ РИ. СП. Т. XIV. 1830: 317-319). Медицинская канцелярия определила штат карантинных и подготовила инструкцию о карантинном очищении людей и товаров, а также об устройстве карантинных домов.

Кроме карантинных внешних, были организованы и внутренние карантинные при таможенных на границах отдельных губерний и областей: Дерптский, Бахмутский, Царицынский, Луганский, Изюмский и Кизлярский. На внутренних карантинных пунктах лекарей не полагалось. Однако при Бахмутской и Царицынской таможенных были дополнительно организованы карантинные дома, обслуживаемые лекарями (ПСЗ РИ. СП. Т. XIV. 1830: 350-351).

Выше отмечалось, что с середины 1740-х годов карантинные находились под наблюдением Коммерц-Коллегии, а их содержание осуществлялось из сумм, собираемых от продажи вина. Сенатские указы от 24 февраля и 10 июня 1755 года изменили это положение и предписали выдавать жалованье карантинным докторам и лекарям из местных таможенных сборов непосредственно в таможене.

Со временем карантинные стали отдавать на откуп и их содержание стало зависеть от откупных денег. Так, в 1758 году внутренние таможенные и портовые сборы в Астрахани и внутреннюю таможню в Риге получил на 6 лет на откуп директор Темерниковской компании Никита Шемякин (ПСЗ РИ. СП. Т. XV. 1830: 203-212). Казенные таможенные служители были заменены на членов компании. Имеющиеся при таможенных карантинные остались под наблюдением губернатора со строгим предписанием следить за соблюдением карантинных правил и сообщать в таможню о неблагоприятных случаях. По карантинному контракту содержатель карантина должен был брать с каждого человека, находившегося в карантине, по копейке в сутки, а с каждой лошади и вола – по деньге. Примерно в этот же период в помощь карантинным лекарям были даны лекарские ученики, получавшие жалованье или из таможенных сборов, или с откупных взносов.

Начавшаяся в 1768 году Русско-турецкая война (1768–1774) практически парализовала торговлю в Азовском море. Более того, блистательные успехи Русской армии были омрачены начавшейся в 1770 году эпидемией «моровой язвы» (чумы). Завезенная из Турции, она стремительно распространялась по Европейскому континенту, охватила южные и центральные районы России и неуклонно приближалась к Москве (Сорокина, 1994: 279). К моменту начала этой эпидемии при пограничных таможнях уже существовали карантинные в Василькове, Переяславле, Боевске, на Шелеговском форпосте Смоленской губернии, в Лещевой Ниве, Бахмуте, на Никитской заставе, в Архангельском шанце, Кизляре и на учрежденной в 1770 году Днепровской линии, а также при Александровской и Петровской крепостях. Для предупреждения заноса чумы из Польши в каждой пограничной губернии были определены по две таможни, в которых строились карантинные дома для осмотра и пропуска проезжающих людей и дозволенных к вывозу товаров. При этом некоторые другие таможни закрывались. О количестве закрытых таможен и местах их расположения предписывалось сообщать Правительствующему сенату. Действующим таможням запрещалось пропускать такие товары, как лен, полотно, нитки, хлопчатобумажные ткани, шелка, шелковые изделия, мех, пенька, невыделанные кожи, шерсть и всякого рода шерстяные товары. В случае, если какой-либо торговец отважился бы провозить эти товары проселочными дорогами, минуя карантинные и таможни, такой товар подлежал конфискации и сожжению на месте задержания (ПСЗ РИ. СП. Т. XIX. 1830: 203-204).

Особые меры предосторожности предпринимались на подступах к Москве и Санкт-Петербургу (ПСЗ РИ. СП. Т. XIX. 1830: 244-245). Сенатским указом предписывалось товары из Турции и приграничных с Польшей губерний пропускать только через карантинные учреждения. Полученные в карантине свидетельства о безопасности запечатывались казенной печатью и предъявлялись на въездах в города. Товары без свидетельств конфисковывались и уничтожались. Строгие ограничения вводились и на доставку в Санкт-Петербург товаров из Архангельска, Сибири, Оренбургской, Казанской и Новгородской губерний – в первую очередь шуб и мягкой рухляди. На пути из Северной Карелии – в Сальминском погосте и в местечке Сердоболе – были организованы карантинные заставы с лекарем.

На подступах к Москве Указом императрицы Екатерины II (от 19 сентября 1770 года) стали учреждать заставы, окружавшие Москву со всех сторон (в гг. Серпухове, Коломне, Кашире, Боровске, Алексине, Калуге, Малом Ярославце, Можайске, Лихвине, Дорогобуже и Гжатской пристани), «чтоб сие зло не вкралось в средину Империи нашей», – писала Екатерина II генерал-губернатору Москвы графу П.С. Салтыкову (Зикеев, 1977: 143-144). В Москву разрешалось пропускать лишь те товары, которые были закуплены до объявления карантина по особым «билетам», выданным губернатором или воеводой. Купцы, везущие товары в город, подвергались 6-недельному карантину. Между заставами учреждались конные разъезды. Здесь важно отметить, что в то время еще не было возможностей для повсеместного и четкого исполнения карантинных мероприятий по пресечению эпидемий на всех дорогах и заставах. К тому же постоянные и частые сообщения между армией и столицей были неизбежны. Не помогали и ранние морозы, и в ноябре 1770 года «моровая язва» появилась в Москве.

Изучение оригинальных документов того периода позволило исправить многочисленные неточности и ошибки, утвердившиеся в историко-медицинских публикациях, восстановить реальную историческую картину этой печальной, но героической страницы нашей истории; воскресить забытую роль русского дворянства в организации борьбы с эпидемией, деятельность Сената, императрицы Екатерины II и графа Григория Григорьевича Орлова, отдать дань глубокого уважения докторам и лекарям – участникам этой великой эпопеи (среди них доктор Афанасий Шафонский, первым поставивший диагноз «моровая язва», доктора Георгий Скиадан, Иоган Фридрих Эразмус, Карл Мертенс, Петр Погорецкий, Петр Вениаминов, Семен Зыбелин, Кассиан Ягелский, лекарь Данила Самойлович) (Сорокина, 1994; 1999; 2013; 2014). Уникальным и достоверным источником информации о пресечении в Москве этой эпидемии является фундаментальный труд Афанасия Филимоновича Шафонского «Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год» (Шафонский, 1775). Опубликованный в 1775 году по следам событий, он стал первым в мировой литературе обобщением уникального опыта успешного пресечения «моровой язвы». Особую ценность представляют включенные в него 212 государственных и врачебных документов той великой эпопеи. Этот ценный литературный памятник хранится в Музее книги Российской государственной библиотеки.

Первый случай «моровой язвы» в Москве был отмечен 17 ноября 1770 г., однако карантин на госпиталь был наложен только 22 декабря. Этому значительной степени способствовало представленное в тот день московскими докторами письменное «Мнение докторское о появившейся в Московском госпитале опасной болезни», в котором признавалось, что «оная болезнь должна почитаться за моровую язву, вследствие чего... должно пресечь сообщение города с госпиталью» (Шафонский, 1775: 181).

Все заставы города, кроме семи, были закрыты. Ежедневно велся учет заболеваемости и смертности. Заболевших направляли в больницы, а находившихся с ними в контакте – в карантинные

дома. Новые карантинные пункты были открыты в Симоновом, Покровском и Даниловом монастырях. 19 августа 1771 года все присутственные места в Москве были закрыты. Эти жесткие меры, включая направление в карантинные пункты, вызвали недовольство широких слоев горожан, и 15 сентября в Москве разразился «чумной бунт», в результате которого 16 сентября был зверски убит архиепископ Амвросий. Когда это донесение достигло Петербурга, Екатерина II направила в Москву генерал-адъютанта графа Г.Г. Орлова, наделив его неограниченными полномочиями и финансовыми средствами, с целью пресечь эпидемию и «привести все в надлежащий порядок» (Шафонский, 1775: 319-320, 180-187).

До приезда графа Орлова народ всячески избегал карантинных пунктов. Скрывали не только заболевших, но и умерших, которых нередко хоронили тайно в пределах своей усадьбы, а порой и выбрасывали на улицу. Для пресечения подобных действий в августе 1771 г. был обнародован указ Екатерины II «О неутайке больных и невыбрасывании из домов мертвых», согласно которому «...если кто в таком преступлении будет открыт и изобличен, ...таковой без всякого... милосердия отдается вечно в каторжную работу» (Шафонский, 1775: 304). Для привлечения в карантинные пункты граф Орлов применил весьма действенный способ материальной заинтересованности: каждому, выписывающемуся из карантинного пункта, выдавали новую одежду и большую по тем временам сумму – 5 рублей холостым и 10 рублей женатым (Шафонский, 1775: 110). Для сравнения отметим, что в те годы корова стоила 2–4 руб., лошадь – 7–10 руб., а пуд соли – 4 коп.) (Рознер, 1966: 84). «Таковое награждение, а к тому частые и скорые выпуски (из карантинных пунктов) столько действовали, что многие сами охотно приходили объявлять свою болезнь и просили, чтобы их отправить в карантин» (Шафонский, 1775: 110-111).

Захоронение умерших также было организовано за счет государственной казны с привлечением освобожденных из тюрем преступников, которые были осуждены на каторжные работы или смерть. Им выдавали специальные защитные военные одежды и рукавицы, которые надежно их защищали (никто из них не умер от чумы, и все получили свободу по окончании эпидемии) (Шафонский, 1775: 74).

Важно отметить, что во время этой эпидемии за счет государственной казны содержались все карантинные пункты и больницы Москвы (Шафонский, 1775: 622), все население города полностью обеспечивалось продовольствием (Шафонский, 1775: 121), а врачи, лекари и подлекари получали двойное жалованье и солидное вознаграждение (Шафонский, 1775: 622).

Всего «на прекращение моровой язвы в одной только Москве было употреблено коронной казны более 400 тысяч рублей» (Шафонский, 1775: II).

Моровая язва бушевала в Москве с ноября 1770 по ноябрь 1772 года, унеся жизни более 50 тысяч человек – до 800 (!) в день (Шафонский, 1775: 89-96). Ведущая роль в организации мероприятий по пресечению этой эпидемии принадлежала графу Г.Г. Орлову. Спустя полтора месяца после его приезда в Москву эпидемия начала постепенно стихать, и к началу 1772 года смертность вышла на доэпидемический уровень, а 15 ноября 1772 года императрица Екатерина II своим указом провозгласила Москву благополучным городом (Шафонский, 1775: 534-535).

Подводя итоги, можно с достаточным основанием утверждать, что в те месяцы в Москве (при полном отсутствии научных представлений о природе чумы) зародились и впервые были реализованы на практике новые методы государственной организации противоэпидемических мероприятий по успешному пресечению чумы. Среди них: ежедневный учет заболеваемости и смертности и государственное финансирование и контроль за деятельностью больниц и карантинных пунктов; снабжение города продовольствием «коронным иждивением» и государственное попечение за детьми, оставшимися без родителей, а также планомерная обработка города после эпидемии (Шафонский, 1775: 437-442; Сорокина, 1994: 282).

Для сравнения отметим, что жители Лондона для пресечения чумы 1665–1666 годов не нашли иного средства, как поджечь свой город, и чуму остановил огонь (The Great Plague and the Great Fire).

После того как эпидемия в Москве пошла на спад, специальные наставления о выдерживании на карантине прибывающих людей и торговцев с товарами продолжали действовать. По окончании эпидемии часть карантинных пунктов и застав была снята, часть перенесена ближе к Москве (ПСЗ РИ. СП. Т. XIX. 1830: 628-630). Между Москвой и Санкт-Петербургом было оставлено несколько застав, через которые двигался товаропоток. Беспрепятственно пропускали только те товары, которые были снабжены провозными билетами, остальные отправлялись на карантин.

Таким образом, создание карантинных пунктов при таможенных постах можно определить, как начальный этап в борьбе с «моровыми поветриями», который положил начало становлению системной государственной карантинной политики в Российской империи, препятствовавшей заносу заразных болезней из сопредельных стран с товарами и больными людьми.

Период совершенствования карантинных домов и законодательная регламентация их деятельности (1775–1800)

После заключения победного Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 году к России отошли земли в устье Дона, Днепра и Буга и области между Бугом и Днепром, а также крепости Керчь и Еникале в Крыму и Тамани. На Северном Кавказе в подданство России перешли Кабарда, Северная

Осетия (Ингушетия вошла в состав России еще в 1770 году). Российскому флагу предоставлялась свобода судоходства во всех «турецких морях» и проливах Босфор и Дарданеллы, а также определенные торговые льготы. Практически сразу же встал вопрос о таможенном и карантинном обустройстве новой границы. Первым шагом стал «Высочайше утвержденный» 4 августа 1775 года доклад графа Б.К. Миниха «О правилах привоза и отвоза товаров при портах Черного моря», в которых подтверждалось, что, несмотря на окончание эпидемии, все товары, поступающие из турецких провинций, в таможенных должностях должны были свидетельствоваться только после прохождения карантина. На таможенных и карантинных начальников возлагалась обязанность следить за тем, чтобы никто раньше времени из карантина либо, минуя карантин, в таможню не поступал, для чего при карантинных находились таможенные служители. Правила предписывали вне расположения таможни строить удобные дома и сараи для содержания в безопасности товаров и приезжающих людей и определять к ним караул из военных (ПСЗ РИ. СП. Т. XX. 1830: 193-196).

В 1783 году «Манифест Великой Императрицы Екатерины II...» возвестил о «принятии под Российскую Державу полуострова Крымского, Тамани и всей Кубанской стороны» (Манифест..., 1783: 897). По особому соглашению, подписанному в декабре 1783 года, Кубань объявлялась границей русских владений на Северо-Западном Кавказе. Соглашение положило начало обустройству Кавказской кордонной линии, протянувшейся от Каспийского моря до Черного вдоль Терека и Кубани.

На северо-западном направлении для обеспечения безопасности Балтийского моря в 1786 году началось строительство карантина на острове Сескаре; а также было принято «Положение о карантинном доме», которое по замыслу устроителей должно было служить руководством для обустройства и других карантинных домов. Во главе карантина стоял карантинный пристав, определявшийся на должность Адмиралтейств-коллегией из служивших на флоте офицеров. В его подчинении находились карантинный надзиратель, назначаемый главным командиром над портом; таможенный служитель, определяемый советником таможенных дел; карантинный сержант из унтер-офицеров; лекарь и подлекарь. Для разъездов карантину выделялось однопалубное судно или большой вооруженный катер, ялбот и 10-весельный катер с командой. При карантине организовывалась больница. Строительство и содержание карантина оплачивалось из таможенных доходов. Военные, торговые и мореходные корабли, идущие из сомнительных или заразных мест в Санкт-Петербург или Кронштадт, обязаны были останавливаться у этого острова, недалеко от карантинного дома. В Положении о карантинном доме давались четкие инструкции, как поступать с военными и торговыми судами, пришедшими к брандвахте, минуя карантин, как проводить их опрос, что делать в случае обнаружения на судах заболевших «прилипчивыми» болезнями, каким образом проводить досмотр и какие документы должны быть оформлены. Также предусматривалось удаление зараженного судна от всех российских берегов и портов либо полное его уничтожение вместе с грузом – мера, оставшаяся в наследство от Морского регламента (ПСЗ РИ. СП. Т. XXII. 1830: 584-595).

В 1793–1795 годах чума вновь вспыхнула в Турции, Сирии, Венгрии, Валахии, Трансильвании, Боснии и Герцеговине и охватила Галицию. Для предосторожности от занесения этой заразы в Империю из сопредельных государств Именным указом от 7 июня 1793 года (ПСЗ РИ. СП. Т. XXIII. 1830: 436-438) было положено начало обустройству карантинных домов в Екатеринославской и Таврической губерниях.

Со временем штат карантинных домов расширялся. Так, в штат Гаджибейского портового карантина, учрежденного в следующем году, входили карантинный пристав, карантинный начальник, писарь, переводчик, лекарь, подлекарь, таможенный служитель, гарнизонные солдаты для караула при амбарах и чумных кварталах и гребцы для 10-весельных шлюпок. При этом оговаривалось, что переводчик должен был владеть русским, французским, итальянским, греческим, армянским и турецким (или молдавским) языками; если же такового найти не удавалось, то жалованье должно было делиться на двух и более переводчиков. Таможенный служитель, находившийся при карантине, помимо жалованья от таможни, получал дополнительную прибавку к окладу. Для разъездов по берегам Тавриды Севастопольский флот выделял четыре легковооруженных судна, составив, таким образом, карантинную и таможенную цепь (ПСЗ РИ. СП. Т. XXIII. 1830: 539).

Новая линия границы, появившаяся в результате второго раздела Польши в 1793 году, также нуждалась в организации приграничных таможен и карантинных домов. Именным сенатским указом от 8 августа 1795 года все пограничные таможни, цепь и стража переносились на новую линию границы. На тех же основаниях проводилось учреждение таможен и таможенной стражи по границе Литовской губернии до Балтийского моря (ПСЗ РИ. СП. Т. XXIII. 1830: 757-758).

В декабре 1798 года Коммерц-Коллегия подготовила Инструкцию пограничным таможням и заставам, учрежденным в Новгородской, Выборгской, Литовской, Вольнской, Подольской и Новороссийской губерниях (Инструкция..., СПб. 1798), в которой подробно прописывался порядок приема, укладки, пропуска и досмотра товаров, правила взимания пошлин и ведения делопроизводства, общие для всех таможенных учреждений. Особо оговаривался порядок приема товаров для учреждений, в которых были устроены карантинные дома. В этих случаях таможни и заставы обязаны были контролировать время поступления и выпуска товаров и вещей из карантинных домов, а также

тщательно наблюдать, чтобы все выпущенное поступало прямо в таможенную для досмотра и взимания пошлин. Таможенными инспекторами было сделано специальное предписание о направлении на службу в карантин «исправных людей» из таможенных служителей и о круге обязанностей каждого служащего. Например, экеры при общем досмотре товаров должны были свидетельствовать качество поставляемого вина и не пропускать некачественное или запрещенное.

Таможни и карантинные заставы регулировали и ввоз аптекарских товаров. С петровских времен в России развитию аптекарского дела уделялось особое внимание. Снабжение аптек лекарственными средствами осуществлялось различными путями: целебные травы и ягоды приобретали в торговых рядах и лавках, выращивали в «государевых аптекарских огородах», свозили со всех концов страны по государственной «ягодной повинности», доставляли в Россию из «иных земель» – из стран Западной Европы (Англия, Голландия, Германия), Аравии и др. Иноземные лекарственные средства поставлялись на аптечные склады в пограничных городах: Архангельске, Могилеве, Полоцке и др. Оттуда они поступали в разные города Российской империи, а также в части Российской армии и на флот (Сало, 2007: 12-14, 43-47).

Таким образом, упорядочение системы карантинной охраны границы в XVIII веке явилось в дальнейшем прообразом создания карантинной службы при таможнях и в очагах эпидемий, что препятствовало заносу «морowego поветрия» из сопредельных земель и способствовало эффективному пресечению эпидемий внутри страны.

5. Заключение

Создание карантинных пунктов при таможенных заставах в Российской империи продолжалось на протяжении всего XVIII века. Отсутствие научно обоснованных представлений об эпидемическом процессе, сложная система регулирования работы карантинных пунктов и карантинных домов, сроков и условий карантинной очистки товара и научно обоснованных методов проведения дезинфекций существенно снижали действенность и эффективность противоэпидемических мероприятий, что требовало реализации новых подходов к организации карантинных мероприятий на законодательном уровне.

Человечество на протяжении всей своей истории постоянно подвергалось тяжелейшим испытаниям эпидемиями и пандемиями особо опасных болезней и всякий раз превозмогало их не только силой человеческого духа, но прежде всего самоотверженным трудом, талантом и усилиями выдающихся врачей, ученых и организаторов медицинского дела, направлявших свои силы, знания и опыт на борьбу с неведомыми им заразными болезнями. Одной из выдающихся страниц этой великой эпохи является формирование и становление карантинной службы в Российской империи в XVIII веке, когда, не имея опыта предшественников, приходилось «все предпринимать, нимало не медля, по собственному изысканию и чрез опыты до совершенства доходить» (Шафонский, 1775, II).

Литература

- Васильев, Сегал, 1960 – Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1960. 397 с.
- Галанин, 1892 – Галанин М.И. Мероприятия против холеры русского и иностранных правительств и их научные основы. СПб., 1892. 320 с.
- Гамалея, Рудая, 2021 – Гамалея В.Н., Рудая С.П. Чума в Киеве (1770–1772) // Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2021. № 3. С. 16-21.
- Зикеев, 1977 – Зикеев П.Д. Редкая книга (к 200-летию со дня выхода в свет книги А.Ф. Шафонского «Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве») // Клиническая медицина. 1977. № 1. С. 143-144.
- Инструкция..., 1798 – Инструкция из Государственной Коммерц-коллегии учрежденным в Новгородской, Выборгской, Литовской, Волынской, Подольской и Новороссийской губерниях пограничным таможням и заставам. СПб., 1798. 8 с.
- Кисловский, 1996 – Кисловский Ю.Г. Контрабанда: история и современность / Под ред. А.С. Круглова. М.: ИПО «Автор», 1996. С. 36-37.
- Макидонов, 2011 – Макидонов А.В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века // Запорожье: «Просвіта», 2011. 333 с.
- Манифест..., 1783 – Манифест Великой Императрицы Екатерины II о присоединении Крымского полуострова, острова Тамани с всея Кубанской стороны к России. 1783, 8 апреля / Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. XXI. СПб., 1830. № 15708. С. 897.
- Некрасов, 1984 – Некрасов Г.А. Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721–1756 гг. / Отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Наука, 1984. 272 с.
- Пристанскова, 2007 – Пристанскова Н.И. Систематизация врачебно-санитарного законодательства в первой половине XIX в. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. 2007. № 9(29). С. 95-99.
- ПСЗ РИ. СПб, 1830 – IV – Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. IV. СПб., 1830.

- ПСЗ РИ. СП, 1830 – VIII – Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. VIII. СПб., 1830.
- ПСЗ РИ. СП, 1830 – XII – Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XII. СПб., 1830.
- ПСЗ РИ. СП, 1830 – XIV – Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XIV. СПб., 1830.
- ПСЗ РИ. СП, 1830 – XV – Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XV. СПб., 1830.
- ПСЗ РИ. СП, 1830 – XIX – Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XIX. СПб., 1830.
- ПСЗ РИ. СП, 1830 – XX – Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XX. СПб., 1830.
- ПСЗ РИ., СП, 1830 – XXII – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXII. СПб., 1830.
- ПСЗ РИ. СП, 1830 – XXIII – Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XXIII. СПб., 1830.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- Рознер, 1966 – Рознер И.Г. Яик перед бурей. М.: Мысль, 1966. С. 84.
- Сало, 2007 – Сало В.М. История фармации в России. М.: Литература, 2007. 256 с.
- Сорокина, 1994 – Сорокина Т.С. История медицины: Учебник для студентов медицинских вузов. 2-е изд., переработ. и дополн. М.: ПАИМС, `1994. 384 с.
- Сорокина, 1999 – Сорокина Т.С. Государственные меры пресечения в Москве моровой язвы 1771 г. // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 1999. № 6. С. 55-58.
- Сорокина, 2014 – Сорокина Т.С. Кто победил чуму в Москве (1770–1772) // *Альманах истории медицины: неизвестные и спорные страницы*. М.: Изд-во «Династия», 2014. С. 128-142.
- Таможенное дело России, 1998 – Таможенное дело России. Сб. документов и материалов. Т. 2 (1722–1864). М.: АВТОР, ЮПАПАС, 1998. 502 с.
- Торопицын, 2009 – Торопицын И.В. Влияние карантинных мероприятий на состояние русской восточной торговли и торгового судоходства в Каспийском бассейне во второй четверти XVIII века // *Вестник СамГУ*. 2009. № 3. С. 95-100.
- Черкасский, 1984 – Черкасский Б.Л., Сергиев В.П., Ладный И.Д. Эпидемиологические аспекты международной миграции населения. М.: «Медицина», 1984. 207 с.
- Шафонский, 1775 – Шафонский А.Ф. Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год. М.: Императорский Университет, 1775. 652 с.
- Шкунов, 2018 – Шкунов В.Н. Реализация государственной карантинной и санитарной политики в Российской империи в XVIII веке // *Гигиена и санитария*. 2018. № 97(7). С. 671-674.
- Щепин, 1982 – Щепин О.П., Ермаков В.В. Международный карантин. М.: Медицина, 1982. 319 с.
- Эрисман, 1893 – Эрисман Ф.Ф. Холера. Эпидемиология и профилактика. М., 1893. 201 с.
- Ivantsov et al., 2021 – Ivantsov V.G., Molchanova V.S., Potapova I.I., Makarov Yu.N. Russian Customs System and Its Functioning in Western Transcaucasia (early 19th century – 1861) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1132-1140.
- Sorokina, 2013 – Sorokina, T.S. A Victory over the Plague in Moscow 1770–1772 // *Vesalius: Acta Internationalia Historiae Medicinae*. June, 2013. XIX(1): 11-18.

References

- Cherkassky, 1984 – Cherkassky, B.L., Sergiev, V.P., Ladny, I.D. (1984). Epidemiologicheskie aspekty mezhdunarodnoi migratsii naseleniya [Epidemiological aspects of international migration of population]. Moscow. 207 p. [in Russian]
- Erisman, 1893 – Erisman, F.F. (1893). Cholera. Epidemiologia i profilaktika [Cholera. Epidemiology and prophylaxis]. Moscow. 201 p. [in Russian]
- Galanin, 1892 – Galanin, M.I. (1892). Meropriyatiya protiv holery russkogo i inostrannykh pravitel'stv i ih nauchnye osnovy [Measures against cholera by the Russian and foreign governments and their scientific bases]. SPb. 320 p. [in Russian]
- Gamaleya, Rudaya, 2021 – Gamaleya, V.N., Rudaya, S.P. (2021). Chuma v Kieve (1770–1772) [Plague in Kiev (1770–1772)]. *Byulleten' natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N.A. Semashko*. 3: 16-21. [in Russian]
- Instruction..., 1798 – Instruktsiya iz Gosudarstvennoi Komerts-kollegii uchrezhdyonnym v Novgorodskoi, Vyborgskoi, Litovskoi, Volynskoi, Podol'skoi i Novorossijskoi guberniyah pogranichnym tamozhnyam i zastavam [Instruction from the State Commerce-board for the new frontier customers and posts founded in the Novgorod, Vyborg, Litovsk, Volynsk, Podol'sk and Novorossiya provinces]. SPb., 1798. 8 p. [in Russian]

- Ivantsov et al., 2021 – *Ivantsov, V.G., Molchanova, V.S., Potapova, I.I., Makarov, Yu.N.* (2021). Russian Customs System and Its Functioning in Western Transcaucasia (early 19th century – 1861). *Bylye Gody*. 16(3): 1132-1140.
- Kislovsky, 1996 – *Kislovsky, Yu.G.* (1996). Kontrabanda: istoriya i sovremennost' [Contraband: History and contemporaneity]. Moscow. Pp. 36-37. [in Russian]
- Makidonov, 2011 – *Makidonov, A.V.* (2011). Personal'nyj sostav administrativnogo apparata Novorossii XVIII veka [Personal staff of the administration bodies in Novorossia of XVIII century]. *Zaporozhye: "Prosvita"*. 333 p. [in Russian]
- Manifest..., 1783 – Manifest Velikoi Imperatritsy Yekateriny II o prisoedinenii Krymskogo poluostrova, ostrova Tamani s vseya Kubanskoj storony k Rossii [Manifest of Empress Catherine II the Great on annexation of the Crimean peninsula, island Taman' together with whole Cuban' region to Russia]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*. Sobr. 1. T. XXI. SPb., 1830. №15708. P. 897. [in Russian]
- Nekrasov, 1984 – *Nekrasov, G.A.* (1984). Vneshnyaya trgovlya Rossii cherez Revel'skij port v 1721–1756 gg. [Russian foreign trade via the Revel' port in 1721–1756]. Moscow. 272 p. [in Russian]
- Pristanskova, 2007 – *Pristanskova, N.I.* (2007). Sistematizatsiya vrachebno-sanitarnogo zakonodatel'stva v pervoi polovine XIX veka [Systematization of the medical-sanitary legislation in the first half of the 19th century]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena. Aspirantskie tetrady*. 9(29): 95-99. [in Russian]
- PSZ RI. SP, 1830 – IV – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. IV. SPb., 1830. [in Russian]
- PSZ RI. SP, 1830 – VIII – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. VIII. SPb., 1830. [in Russian]
- PSZ RI. SP, 1830 – XII – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XII. SPb., 1830. [in Russian]
- PSZ RI. SP, 1830 – XIV – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XIV. SPb., 1830. [in Russian]
- PSZ RI. SP, 1830 – XIX – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XIX. SPb., 1830. [in Russian]
- PSZ RI. SP, 1830 – XV – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XV. SPb., 1830. [in Russian]
- PSZ RI. SP, 1830 – XXII – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XXII. SPb., 1830. [in Russian]
- PSZ RI. SP, 1830 – XXIII – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XXIII. SPb., 1830. [in Russian]
- PSZ RI. SP, 1830 – XX – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XX. SPb., 1830. [in Russian]
- RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj ashiv drevnih aktov (Russian State Archive of Ancient Acts). [in Russian]
- Rozner, 1966 – *Rozner, I.G.* (1966). Yaik pered burej [Yaik in front of storm]. Moscow. P. 84. [in Russian]
- Salo, 2007 – *Salo, V.M.* (2007). Istoriya farmatsii v Rossii [History of Pharmacy in Russia]. Moscow. 256 p. [in Russian]
- Shaphonsky, 1775 – *Shaphonsky, A.F.* (1775). Opisanie morovoi yazvy, byvshei v stolichnom gorode Moskve s 1770 po 1772 god [A description of pestilence, occurred in the capital town of Moscow since 1770 till 1772]. Moscow. 652 p. [in Russian]
- Shchepin, 1982 – *Shchepin, O.P., Yermakov, V.V.* (1982). Mezhdunarodnyj karantin [International quarantine]. Moscow. 319 p. [in Russian]
- Shkunov, 2018 – *Shkunov, V.N.* (2018). Realizatsiya gosudarstvennoi karantinnoi i sanitarnoi politiki v Rossijskoj Imperii v XVIII veke [Realization of the state quarantine and sanitary policy in the Russian Empire at the XVIII century]. *Hygiene and sanitation*. 97(7): 671-674. [in Russian]
- Sorokina, 1994 – *Sorokina, T.S.* (1994). Istoriya meditsiny [History of Medicine]. 2nd ed. Moscow. 384 p. [in Russian]
- Sorokina, 1999 – *Sorokina, T.S.* (1999). Gosudarstvennye mery presecheniya v Moskve morovoy yazvy [State measures for suppression of pestilence in Moscow 1771]. *Problemy sotsial'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii meditsiny*. 6: 55-58. [in Russian]
- Sorokina, 2013 – *Sorokina, T.S.* (2013). A Victory over the Plague in Moscow 1770–1772. *Vesalius: Acta Internationalia Historiae Medicinae*. June. XIX(1): 11-18.
- Sorokina, 2014 – *Sorokina, T.S.* (2014). Kto pobedil chumu v Moskve (1770–1772) [Who won a victory over the Plague in Moscow (1770–1772)]. *Al'manah istorii meditsiny: neizvestnye i spornye stranitsy*. Moscow. Pp. 128-142. [in Russian]
- Tamozhennoe delo Rossii, 1998 – *Tamozhennoe delo Rossii*. Sbornik dokumentov i materialov [Russian customs services. Collected documents and materials]. T. 2. (1722–1864). Moscow. 1998. 502 p. [in Russian]

Toropitsyn, 2009 – *Toropitsyn, I.V.* (2009). Vliyanie karantinnykh meropriyatij na sostoyanie russkoi vostochnoi torgovli i torgovogo sudohodstva v Kaspijskom bassejne vo vtoroi chetverti XVIII veka [Influence of the quarantine measures on the Russian East trade and trade navigation at the Caspian Sea basin in the second quarter of the XVIII century]. *Vestnik SamGU*. 3: 95-100. [in Russian]

Vasil'ev, Segal, 1960 – *Vasil'ev, K.G., Segal, A.E.* (1960). Istoriya epidemij v Rossii [History of epidemics in Russia]. Moscow. 397 p. [in Russian]

Zikeyev, 1977 – *Zikeyev, P.D.* (1977). Redkaya kniga (k 200-letiyu so dnya vyhoda v svet knigi A.F. Shafonskogo “Opisanie morovoi yazvy, byvshej v stolichnom gorode Moskve”) [A rare book (by the bicentenary of publishing the book by A.F. Shaphonsky “Description of pestilence occurred in the capital town of Moscow”]. *Clinical Medicine*. 1: 143-144. [in Russian]

Организация карантинных мер на границах Российской империи в XVIII веке как предупредительная мера от завоза «морозных поветрий»

Татьяна Сергеевна Сорокина^{a, *}, Алексей Вячеславович Морозов^a,

Наталья Владимировна Шишкина^b

^a Российский университет дружбы народов (РУДН), Российская Федерация

^b Центральная базовая таможня, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализированы основные этапы, предшествовавшие созданию карантинной службы по охране границ в Российском государстве (от Петровских реформ и первых карантинных до конца XVIII столетия и утверждения Устава пограничных и портовых карантинных). Изучены основные источники и законодательные документы, регламентировавшие предупредительные меры по предотвращению заноса заразных болезней из сопредельных стран и определявшие формирование государственной политики в области карантинного дела в Российской империи в связи с расширением торгово-экономических связей с зарубежными странами (организация заградительных застав, таможенных пунктов, карантинных домов с госпиталями при приграничных таможнях; условия и особенности прохождения карантина и др.). Уделено внимание организации внутренних карантинных во время эпидемий, занесенных в Российскую империю из сопредельных стран, и, в частности, во время успешного пресечения эпидемии «морозной язвы» в Москве в 1770–1772 годах. В исторической последовательности изучена роль государства (Правительствующего сената, Медицинской канцелярии, императрицы Екатерины II и отдельных государственных деятелей) в организации карантинных и карантинных мероприятий в пограничных районах и внутри страны. Проанализированы вопросы кадровой политики по формированию штата таможенных пунктов и карантинных и привлечению таможенных чиновников, докторов и врачей, их функции и обязанности. Отмечены успехи и проблемы в организации карантинного дела на сухопутных и морских границах Российской империи и внутри страны на разных этапах его становления при полном отсутствии в то время научных знаний по этиологии и эпидемиологии особо опасных инфекций.

Ключевые слова: история медицины, Российская империя, таможня, карантинные меры, карантин.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sorokina-ts@rudn.ru (Т.С. Сорокина), aoo67138@yandex.ru (А.В. Морозов), shishkinanv@ca.customs.gov.ru (Н.В. Шишкина)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 100-114
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.100

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

District (Povitovi) Marshals of Volyn Governorate (1797–1831): Arrangement, Staffing and Activities

Andrii E. Lebid ^{a, b, *}, Andrii Shevchuk ^c

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University, Washington, USA

^c Zhytomyr Ivan Franko State University, Zhytomyr, Ukraine

Abstract

The article deals with the issues connected with the functioning within the framework of the imperial policy of cooperation with the local nobility of the institution of district (povitovyi) marshal in the border Volyn governorate. Based on the analysis of published and archival materials the authors highlighted the main issues related to the processes of organization, staffing and activities of officials. In the times of the Rzeczpospolita, the nobility corporation independently solved its internal life issues, the district (povitovyi) marshal were involved in the organization of the nobility's ruin.

After the incorporation in accordance with the «Institution for the government of the provinces of the Russian Empire» (1775), Catherine the Great introduced the institution of the district (povitovi) marshals of the nobility with constantly revised powers.

The policies of Paul I and Alexander I were more flexible and aimed at establishing themselves in a socio-ethnically complex region. Among other concessions to the nobility, but at the same time maintaining control over the processes in the region, the title of «district (povitovyi) marshal» was restored. The powers of the marshal were retained and elections were held every three years with the approval of the governor. The marshals had to execute the orders of the supreme authority and provincial administrators on the one hand, and to protect the interests of their corporation on the other. Therefore, under the conditions of unpaid work and bureaucratisation of their activities, there was a «chilling effect» for some representatives of the local elite towards elective office.

In an effort to preserve the influence of the nobility in the region, the district (povitovyi) marshal had to carry out instructions from the provincial authorities, persuade the landowners to pay money or maintain postal stations, conduct investigative actions in conflicts, or handle other unrelated matters. At the same time, the nobility, ensuring social stability in the society, understood that without its efforts, the imperial power would replace elected officials with appointed ones and take over.

Keywords: Russian Empire, Volyn governorate, district governor of the nobility, district (povitovyi) marshal, nobility, imperial policy of cooperation with local elite.

1. Введение

Инкорпорация Российской империей территорий Речи Посполитой стала очередным проявлением экспансионистской политики самодержавия. Однако в данном случае имперская власть не могла утверждать, что она выполняет «цивилизаторскую миссию», ведь это были территории шляхетской демократии, нормированной королевской властью, постоянными органами власти и независимым судопроизводством. Правобережное общество самостоятельно решало свои вопросы в

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A. Lebid)

сфере управления и судопроизводства, в то время как верховная власть желала подчинить приобретенные территории для своего усиления, получив новые людские и материальные ресурсы.

В рамках политики инкорпорации Екатерина II начала формирование новых административных и судебных органов, согласно «Учреждению для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г., отбросив многовековой опыт местной шляхты самостоятельно решать собственные проблемы. Политика Павла I и Александра I была более прагматичной: ради поддержки со стороны местной элиты были восстановлены отдельные элементы административной и судебной систем Речи Посполитой. Одним из средств поиска лояльности верховной властью стало введение выборных должностей с прежними названиями: подкомории, хорунжие и т.п.

Одной из таких должностей стал поветовый маршал. Однако возникает вопрос, что это было на самом деле: возвращение к временам Речи Посполитой, сохранение института уездных предводителей дворянства, но с предыдущим названием или абсолютно новая вертикаль власти (губернский маршал – поветовые маршалы), основанная в интересах местного дворянства.

2. Материалы и методы

При подготовке статьи были использованы архивные документы и материалы, хранящиеся, в частности, в фондах Центрального государственного исторического архива Украины (Киев, Украина), Государственного архива Житомирской области (Житомир, Украина), Государственного архива Ровенской области (Ровно, Украина) и др.

Так, в Центральном государственном историческом архиве Украины сконцентрированы документы, освещающие историю Украины периода ее вхождения в состав Литвы и Польши (с XIV до конца XVIII вв.), России (с первой половины XVII в. до Февральской революции 1917 г.). Важное место занимают фонды учреждений Гетманщины (вторая половина XVII – последняя четверть XVIII вв.).

Ценную часть документального собрания ЦГИАК Украины составляют акты книги судебно-административных и сословных учреждений Правобережной Украины – земских, подкоморских, конфедератских судов, магистратов и ратуш. Особенно ценными являются материалы со статистическими данными: многочисленные переписи, реестры, описи, списки.

Вместе с тем были изучены и проанализированы архивные документы Государственного архива Житомирской области, относящиеся к деятельности Волынского губернского правления – фонд № 67, состоящий из 4 350 единиц хранения за период 1796–1919 гг. В частности, в нем содержатся Указы Сената и губернского правления; Циркуляры Министерства внутренних дел, волынского губернатора и губернского правления; протоколы заседаний правления (1796, 1803, 1809, 1817–1818, 1820–1821, 1824–1826, 1846–1848, 1856, 1858, 1872–1873, 1878, 1885, 1910–1911); алфавиты дел губернского правления (1874–1876, 1882, 1887–1897, 1899), обзоры Волынской губернии (1883–1886, 1888–1889, 1891, 1895, 1906) и др. документы.

Фонд № 70, в котором представлены 946 единиц хранения за период 1799–1915 гг., содержит документы по деятельности Канцелярии волынского губернатора. В частности, циркуляры губернатора (1864–1865); объявление министра внутренних дел о порядке расселения иностранных колонистов в Волынской губернии (1817); сведения об иностранцах, проживающих на Волыни (1890, 1903); материалы о польском национально-освободительном движении, в том числе о восстаниях 1830–1831 и 1863–1864 гг.; рапорты уездных исправников; переписка с Министерством просвещения, генерал-губернатором, городничими и уездными предводителями дворянства и др.

Также при подготовке работы были изучены документы и материалы фондов Государственного архива Ровенской области. В частности, фонд № 550 – Острожский подкоморский суд, г. Острог Острожского уезда Волынской губернии, содержащий 12 единиц хранения за период 1810–1823 гг.: указы Волынского губернского правления, протоколы заседаний Острожского подкоморского суда (1815–1816); рапорты судов о получении и исполнении указов Волынского губернского правления; формулярные списки служащих и др.

Также были проанализированы отдельные документы и материалы из Полного собрания законов Российской империи – указы, грамоты, уставы, уложения, манифесты, высочайше утвержденные мнения, постановления, положения, распоряжения, указы и т.д.

Методология исследования базируется на сочетании общенаучных (анализ, синтез, обобщение) и специально-исторических (историко-генетический, историко-системный, историко-типологический, просопографический) методов наравне с принципами историзма, системности, научности, что позволило сосредоточиться на функционировании поветовых маршалов в условиях имперской политики поиска компромисса с местной знатью. Просопографический метод использован для анализа кадрового состава поветовых маршалов Волынской губернии в обозначенный в данном исследовании период.

3. Обсуждение

Процессы устройства, кадрового состава и деятельности института поветовых маршалов Волынской губернии периода имперской политики не нашли должной рефлексии в современной историографии. В то же время жаловаться на недостаток трудов в сфере функционирования уездных

предводителей дворянства довольно трудно, ведь внимание исследователей привлекали условия и особенности их службы. Правда, большинство из них посвящено законодательной базе урегулирования деятельности уездных предводителей дворянства и маршалов, при этом недостаточно использовались архивные материалы.

Причина этого довольно прозаична, ведь часть материалов Государственного архива Житомирской области была утрачена во время Второй мировой войны. С сожалением приходится констатировать, что в фонде 132 (Житомирский уездный предводитель дворянства) осталось два дела (1867 и 1890 гг.), в ф. 135 (Овручский уездный предводитель дворянства) – 12 (1888, 1895–1903 гг.), в ф. 545 (Новоград-Волынский уездный предводитель дворянства) – 1 (1845–1847 гг.).

Не лучшим оказалось положение и с фондами, переданными из Киева: ф. 521 (Радомышльский уездный предводитель дворянства) – 5 (с 1865 г.) и ф. 629 (Бердичевский уездный предводитель дворянства) – 1. Что касается Бердичева, то после второго раздела Речи Посполитой он был включен в состав Волынской губернии как городок Житомирского уезда, в 1844 г. переведен в Махновский уезд Киевской губернии, в следующем году приобретает статус города и в 1846 г. становится центром уезда (Верменич, 2003).

Даже в ф. 332 (Волынский губернский предводитель дворянства) сохранилось четыре единицы хранения 1802–1852 гг. (Рафальский, 2009: 64-65, 94, 109, 113-114, 130). Поэтому информацию о деятельности поветовых маршалов приходилось отыскивать в протоколах заседаний Волынского губернского правления (ф. 67), канцелярии волынского губернатора (ф. 70) и фондах судебных учреждений.

Исследователи досоветского периода прежде всего на основании «Полного собрания законов Российской империи» делали выводы о нецелесообразности имперской политики в западных губерниях. Так, Б. Нольде критиковал Павла I за введение «автономии» в западных губерниях, что проявлялось в восстановлении судов и должностей маршалов для организации выборов на «сеймиках». В то же время он положительно оценивал правление Александра I, который ввел срочность пребывания в должности маршалов, что можно расценивать как свидетельство победы «Учреждений...» 1775 г. над традицией бессрочности, и установил контроль губернаторов за работой маршалов во время работы сеймиков, за пользование кассой и обеспечением выполнения земских повинностей (Нольде, 1911).

А. Романович-Славатинский прослеживает генезис имперской политики в западных губерниях. Если Екатерина II своими «Учреждениями...» 1775 г. стремилась распространить власть и влияние на все части империи, то Павел I критиковался за восстановление речьпосполитских учреждений и судов, в том числе непонятных должностей маршалов, обязанностью которых в свое время было руководство посполитым движением. Введение пожизненной неоплачиваемой должности маршала с не до конца определенными обязанностями раздражали региональную элиту, ведь часто губернское правление стремилось использовать их для проведения различных следственных действий. Оценивая реформы Павла I, исследователь считал, что реставрация и нововведения привели к «большому разладу» и негативным последствиям для края (Романович-Славатинский, 1870: 476, 478-479).

С. Корф негативно оценивал реформы Павла I, объясняя это личными мотивами – сложными отношениями с матерью. Одним из недостатков он считал значительное сокращение роли сословных дворянских органов, которые контролировались губернским правлением. Восстановление же польского языка в судопроизводстве было на руку «польским сепаратистам», которые мечтали о восстановлении «Царства Польского». Оценивая дворянское сословие при Александре I, автор утверждает, что дворянство вернулось на службу, но государственную. Выборная служба перестала его интересовать и интерес к сословному управлению начал падать (Корф, 1906: 220-222, 236, 256, 269).

Советские историки, совершив переворот в исторической науке благодаря массовому привлечению архивных материалов, вынуждены были пользоваться «классовыми» оценками. Так, Н. Ерошкин считал, что «Учреждения...» 1775 г. и жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г. укрепили местный государственный аппарат и увеличили значение дворянства в местном управлении и суде. Привлечение местного дворянства к чиновничеству губерний и уездов, согласно реформе 1775 г., укрепляло «самодержавно-дворянскую монархию». Однако имперская политика в конце XVIII в. на правобережных территориях не получила должного рассмотрения (Ерошкин, 1983: 114, 124, 135).

Изменения постсоветского периода дали возможность по-научному изучать институт уездного предводителя дворянства/маршала. В частности, О. Маркевич в ряде своих исследований, посвященных институту предводителей дворянства, акцентирует внимание на полномочиях ученых, согласно законодательным актам Российской империи, отдельно характеризуя взаимоотношения в системе «губернский предводитель дворянства–губернатор» и «губернский предводитель дворянства–уездный чиновник» (Маркевич, 2017: 10-14), и утверждает, что эффективное губернское правление требовало налаженной взаимосвязи между губернатором и губернским предводителем дворянства, и в лице последнего верховной власти удалось совместить выразителя сословных интересов и губернского чиновника (Маркевич, 2018: 105-121).

В. Денисюк обращает внимание на то, что российская власть вынуждена была передать часть своих кадровых функций и обязательств шляхетским собраниям, от которых в определенной степени зависела уездная администрация (Денисюк, 2013: 367-371).

Среди западных авторов прежде всего стоит остановиться на классической работе польских юристов Ю. Бардаха, Б. Леснодорского и М. Петшака, которые утверждали, что в последний период Речи Посполитой на сеймиках имели право голоса землевладельческая шляхта и их сыновья с 18-летнего возраста, а также пожизненные арендаторы при условии уплаты налога установленного размера. Участники сеймика записывались в специальной «земской книге» (Бардах, 1980: 296).

На должность поветовых маршалков обратил внимание и Д. Бовуа. Считая должностных лиц аналогом российских предводителей дворянства, автор акцентирует внимание на их чинах и отмечает важность маршалков при составлении ведомостей землевладельцев, тем самым влияя на состав участников шляхетских выборов. Именно поветовые маршалки несли ответственность за списки, кассу собрания, а также за распределение земских повинностей (Бовуа, 2007: 152, 166).

Т. Эпштейн утверждает, что, по сравнению с другими регионами бывшей Речи Посполитой, положение поляков было наиболее благоприятным. Благодаря «Дворянской грамоте» 1785 г. шляхта имела самоуправление, образование, влияние на судебную и административную власти, а также возможность сделать карьеру на гражданской или военной службе. Шляхетские собрания, которые напоминали речьпосполитские сеймики, избирали чиновников каждые три года, в том числе и поветовых маршалков, функцией которых было ведение шляхетских книг. Автор отмечает бесплатность должностей, поэтому поветовыми маршалками могли быть только состоятельные владельцы (Epsztein, 2008: 79-106).

Отдельно стоит остановиться на исследованиях имперской политики в регионе. В работах М. Долбилова (Долбилов, 2010: 18), Л. Горизонтова (Горизонтов, 1999: 7-8), А. Каппелера (Каппелер, 2005: 67-68, 70), Т. Снайдера (Снайдер, 2012: 151) аргументированно подчеркивается, что политика верховной власти и местных администраторов в западных губерниях отличалась постоянными поисками компромиссов с местной элитой, мечтавшей о возрождении собственной государственности.

В. Шандра подчеркивает, что местные элиты, которые ценили политические и материальные выгоды своего сословия, войдя в состав Российской империи, не устранились от господства на собственных территориях, а получали его в виде пожалованных императором прав и привилегий (Шандра, 2005: 48).

Э. Таден и М. Таден считают, что Павел I и Александр I в рамках имперской политики сделали ставку на верность России магнатов и помещичьей шляхты. При этом одним из факторов лояльности выступал доступ к черноморской торговле зерном, что стало весомой причиной для польской элиты использовать свои политические, административные и другие социальные навыки для реформирования российского общества XIX в. Фактически Россия не имела достаточных человеческих или институциональных ресурсов, чтобы осуществить быструю административную, социальную и юридическую интеграцию западных губерний (Thaden, 1984: 32-56, 53-55).

Следует отметить, что в выборе методов и подходов данной работы в некотором роде помогли тематически близкие работы С. Дегтярева, И. Кривошеи и др. исследователей (Degtyarev, 2015; Degtyarev, Kryvosheia, 2016). Если подытожить результаты историографического обзора (Degtyarev, 2013; Degtyarev, 2014; Lebid et al., 2019; Lebid et al., 2020a; Lebid et al., 2020b и др.), можно констатировать отсутствие комплексных исследований по функционированию института маршалов в Волынской губернии в конце XVIII – в первой трети XIX вв. Авторы прежде всего сосредоточились на теоретических аспектах его устройства, согласно законодательной базе, не сумев исследовать кадровый состав и практическую деятельность из-за неудовлетворительного состояния соответствующих архивных фондов.

4. Результаты

Институт маршалков в Великом княжестве Литовском, Короне Польской и Речи Посполитой берет начало с XIV в. Маршалки были одной из самых высоких должностей (в Речи Посполитой употреблялся термин «маршалок», в российской делопроизводственной документации «маршал», поэтому мы пользуемся последним). Маршалок Двора был министром его, маршалок большой – первый министр в государстве, маршалок сеймовый руководил работой сейма, маршалок трибунала – возглавлял Главный Литовский трибунал, маршалки большой коронный и надворный с XVI в. были членами Сената. Маршалки возглавляли земские шляхетские сеймики, на которых они избирались (Горбачевский, 1874: 73; Шевченко, 2009: 541).

Заметим, что институт маршалков не нашел должного отражения в Третьем Литовском статуте, хотя детально регламентированы полномочия и требования, например к подкомориям. Хотя в разд. 3 арт. 6 определена работа уездных сеймиков, но отсутствует информация о маршалках. Упоминание об урядниках содержится в разд. 2 арт. 6 в части руководством собранного хорунжим уездного рушения, который доставлял его к воеводе, и в разд. 1 арт. 6, что должностные лица должны нести

ответственность перед судом за свои проступки, не прикрываясь служебными обязанностями (Статути..., 2004: 60, 73, 87).

Отметим постепенную эволюцию в Российской империи института уездных предводителей дворянства. Его появление связано с попытками Екатерины II «европеизировать» Российскую империю. Первое упоминание об этой должности датировано 1766 г., когда во время выборов дворянских депутатов от уездов в «Комиссию для составления проекта нового Уложения» в Москве предлагалось избрать на два года уездных предводителей дворянства. Требования к чиновникам включали сословную принадлежность, обязательное наличие имения в уезде и возрастной ценз (с 30 лет). При этом не играли значения факты пребывания на службе, звания и чины. Новоизбранный предводитель должен был самостоятельно, без губернатора, организовать выборы депутатов, но более важным было замечание, что в течение срока своих полномочий он должен выполнять другие распоряжения верховной власти (ПСЗРИ, 1765–1766. № 12801: 1096–1097). Это позволило И. де Мадариаге утверждать о зарождении дворянской корпоративной организации, хотя негативным она считает выборы чиновника под контролем губернатора и неопределенность функций (Мадариаге, 2002: 454).

О. Маркевич считает, что новосозданный институт оправдал надежды верховной власти, и по указу 1771 г. предводители в уездах переизбирались на постоянной основе (Маркевич, 2017: 10–11).

Окончательное оформление статуса уездных предводителей дворянства в Российской империи произошло в рамках трансформации системы власти. Согласно «Учреждениям...» 1775 г. и «Дворянской грамоты» 1785 г. было установлено избрание уездным дворянством на трехлетний срок и установлен высокий чин для главы дворянской корпорации – надворный советник (7 класс по Табели о рангах).

Происходило уточнение полномочий предводителей, ведь, согласно «Учреждениям...» 1775 г., они председательствовали в дворянской опеке для вдов и малолетних детей (куда также входили уездный судья и его заседатели, что позволяет утверждать о приоритетности в глазах верховной власти органа сословного управления над судебной властью) и при необходимости участвовали в работе приказа общественной опеки. В 1776 г. они были приобщены к процессу проведения рекрутских наборов (ПСЗРИ, 1775–1780. № 14509: 416). В 1785 г. предводителей обязали составлять дворянские родословные книги, оригинал которых передавался губернскому предводителю дворянства (ПСЗРИ, 1775–1780. № 14392; № 16187).

После захвата правобережных территорий в результате второго и третьего разделов Речи Посполитой верховная власть Российской империи отказалась от сохранения речьпосполитских органов управления и суда. В рамках политики унификации началось конституирование власти и судов согласно «Учреждениям...» 1775 г. В Волынском наместничестве, образованном 5 июля 1795 г., имперские учреждения были открыты 6 августа следующего года (ПСЗРИ, 1789–1796. №17512: 940).

С приходом к власти Павла I изменилось отношение к элите западных губерний. Ради ее лояльности верховная власть согласна была пожертвовать отдельными элементами судебной власти, сохранив при этом контроль за судами и восстановив отдельные должности с речьпосполитских времен. Своеобразной площадкой для апробации новой имперской политики стали Лифляндия и Эстляндия, где уже 28 ноября 1796 г. были отменены должности губернского и уездных предводителей дворянства и восстановлены судебные и административные органы, которые были до 1783 г.

В декабре 1796 г. Волынская губерния была отнесена к категории «на особых правах и привилегиях», что означало новую видовую организацию власти (Шандра, 2009: 191–204). Базовым документом, который зафиксировал изменения в системе власти и суда, стали штаты 31 декабря 1796 г., где было отмечено о сохранении должности уездного предводителя дворянства как главы дворянской опеки. При этом стоит подчеркнуть неоплачиваемость должности уездного предводителя, хотя жалованье городничего в губерниях «на особых правах» составляло 450 руб. в год (ПСЗРИ, 1715–1800: 394).

5 февраля 1797 г. политика косвенного управления была продолжена и в аннексированных в 1795 г. империей Курляндии и Пильтенском округе были восстановлены прежние органы управления и суда (ПСЗРИ, 1796–1797. № 17785: 314–316). На следующий день был урегулирован вопрос с губернскими и поветовыми маршалами и хорунжими в западных и левобережных губерниях, которых приказано было избирать согласно речьпосполитским традициям.

Указано, что эти должности вводились вместо уездных предводителей (ПСЗРИ, 1804–1805. № 21176: 153; № 21646: 884). Были предусмотрены число выборных должностных лиц (по одному в уезде), награждение чинами (поветовый маршал – 5-го класса и хорунжий – 7-го) и требование избирать достойных и «заслуженных» должностных лиц (ПСЗРИ, 1796–1797. № 17790: 319). Пытаясь не допустить образования «партий», верховная власть 14 октября 1799 г. запретила проводить выборы в губернских городах, приказав избирать уездных предводителей и депутатов в уездных центрах с последующим одобрением их кандидатур губернатором, что было продублировано указом в Волынском губернском правлении 24 октября 1800 г. (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 15. Арк. 31).

Продолжением стал доклад Сената, одобренный Павлом I 1 ноября 1800 г., подготовленный на основе рапорта управляющего Минской, Волынской и Подольской губерниями графа И. Гудовича, который приводил аргументы о том, что во времена Речи Посполитой не было поветовых маршалов, а значит, и избирать их нужно каждые три года с последующим одобрением императором (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 15. Арк. 88-90).

«Сохранение» речысполитских традиций в выборах и функционировании института поветовых маршалов означало для верховной власти не только компромисс с элитами, но и экономию средств на содержание должностных лиц и обеспечение их канцеляристов. Зато маршалы воспринимали отсылку к традициям как возможность компенсировать финансовые расходы, или скорее потери, с населения.

Ведущую роль в этом плане играла Литовская губерния. В 1804 г. разразился громкий скандал, спровоцированный обращениями в Сенат министров юстиции и внутренних дел о незаконных сборах с помещичьих и казенных крестьян для содержания чиновников и канцеляристов, в Пружанском уезде даже «на стол» маршалу, на наем помещений под присутствия и т.п. Сенат немедленно запретил эти сборы, оставив право на взыскание средств на содержание почт, мостов, дорог, полковых зданий. Действие этого указа было распространено и на остальные западные губернии (ПСЗРИ, 1804–1805. № 21382: 420, 422).

Отдельно следует оговорить вопросы кадрового обеспечения маршальской службы. В 1804 г. для Волынской губернии было официально санкционировано выстраивание еще одной вертикали, подконтрольной губернскому правлению. Как и в случае с судебной властью, где в уездных судах и магистратах была введена должность секретаря и канцеляристов, чьи кандидатуры одобрялись губернским правлением с последующим приобретением чинов, при маршалах, кроме канцеляриста, было разрешено принимать на службу еще двух шляхтичей, при этом все они числились на статской службе (ПСЗРИ, 1804–1805. № 21383: 422).

Характеристика устройства института поветовых маршалов была бы неполной без рассмотрения их взаимоотношений как с подчиненными – хорунжими, так и руководством. В канцелярии волынского гражданского губернатора сохранилась переписка и.о. губернатора вице-губернатора П. Грохольского за 1799 г. с жалобой ровенского хорунжего Яловицкого (избранного в 1805 г. маршалом) на своего руководителя. Причиной стали финансовые вопросы, ведь маршал вопреки указу Волынского губернского правления не собирал средства за проезд через реки и требовал от шляхты финансировать канцелярию губернского маршала (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 10-10 зв.). В своем объяснении поветовый маршал Нововойский указывал, что не знал о факте сбора от его имени денег на содержание канцелярии.

Такое развитие событий разозлило П. Грохольского, который, с одной стороны, указывал чиновнику, что не нужно было свой ответ подавать губернскому маршалу, откуда он поступил в канцелярию губернатора, а сразу подавать ему; с другой – получил и хорунжий, которому сначала нужно было выяснить спорные моменты непосредственно с руководством, а уже потом писать. В целом же вице-губернатор стал на сторону маршала, апеллируя к факту, что тот «имел большую поддержку в уезде» (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 23-23 зв.), что является свидетельством умения находить общий язык с местными элитами и находить выход из любых сложных ситуаций.

Но в то же время, когда этот же маршал начал забирать себе функции нижнего земского суда, требуя информацию и выполнения своих распоряжений, в ситуацию вмешался и.о. губернатора, приказав не выходить за пределы своих полномочий (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 15 зв.-16).

Сложно выстраивались отношения с руководством. Работа поветовых маршалов корректировалась губернаторами. Во время ревизии Волыни губернатором К. Глазенаппом были выявлены нарушения в работе староконстантиновского чиновника, который должен был организовать до 15 августа 1799 г. выборы депутатов для составления «дворянской родословной книги». Чиновник же созвал шляхту уезда на 6 сентября, хотя кандидаты к тому времени уже должны были быть одобрены губернатором. Поэтому и.о. губернатора приказывал маршалу исправить ситуацию (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 35).

В 1803 г. разразился конфликт части поветовых маршалов, возглавляемых житомирским чиновником Мартином Букаром, с губернским маршалом графом Станиславом-Гжегожем Ворцелем. В 1797 г. маршалы, которые отвечали за состояние почтовых станций, начали собирать по 20 гр. с крестьянской души на их содержание. Однако новый губернский маршал вместе с частью уездных чиновников, апеллируя к удачному опыту Киевской губернии, предложил передать все почтовые станции на откуп подрядчикам с публичных торгов. М. Букар с новоград-волынским, дубенским, острожским и ровенским маршалами подкрепляли свою позицию ссылками на законы. Губернское правление оказалось в сложной ситуации и, заняв нейтральную позицию, передало решение дела на усмотрение Сената (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 411-412). Однако, рассматривая в этот же день сообщение ковельского поветового маршала о сдаче в подряд почтовой станции, губернское правление запретило всем остальным это делать, ссылаясь на решение графа Ворцеля (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 412-412 зв.) и ожидая ответа из Сената.

Уже традиционной для выборных должностных лиц была проблема с исполнительской дисциплиной. В начале 1814 г. волынский гражданский губернатор М. Комбурлей обвинил поветовых маршалов в саботаже его распоряжения о предоставлении информации о стоимости поставок рекрутов, лошадей и казаков. Трижды сановник требовал сведений, однако маршалы Заславского, Дубенского (Франковский) и Кременецкого (его заменял хорунжий Пининский) уездов не предоставили их. Последние двое перекалывали свою вину на местных помещиков, которые игнорировали их требования. Губернатор строго приказывал в будущем не повторять таких действий, угрожая судом (ДАРО. Ф. 550. Оп. 1. Спр. 3. Арк. 4-5 зв.).

Волынское губернское правление вмешивалось в личные дела поветовых маршалов. В 1803 г. новоград-волынский поветовый маршал граф Л. Бнинский вынужден был рассказывать о ликвидации своей задолженности и о ходе переписки по этому поводу с «Прусской Познанской регенцией» (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 53 зв.).

Непростыми были отношения поветовых маршалов и городничих, которые отражали борьбу местной элиты с приезжими чиновниками. Противостояние прослеживается во время заседаний Волынского губернского правления. 4 августа 1803 г. вице-губернатор действительный статский советник П. Грохольский, советники 6-го класса Пономарев и 7-го класса Чигринец рассматривали рапорт острожского городничего с жалобами на поветового маршала. Первая заключалась в том, что маршал решил взыскать денег на строительство полковых зданий в городе исключительно с горожан, что вызвало протесты со стороны христианской общины.

Кроме этого, стряпчий обращался к правлению, чтобы оно приказало маршалу обеспечить строительство рабочими и лесом. Губернское правление выяснило, что к работам должны быть привлечены не только горожане, но и жители целого уезда. Городничий объяснял, что у мещан и купцов нет денег, а маршал в свою очередь утверждал, что чиновник ничего не делает для взыскания средств. Губернским чиновникам не оставалось ничего, как угрожать обеим сторонам и требовать в течение недели привести все дела в порядок. В свое оправдание маршал сообщал о невозможности найти подрядчика за такие средства и обвинял городничего в грубости во время общения.

Вторая жалоба городничего касалась неудовлетворительного состояния почтовой станции. Держатель станции объяснял, что маршал не доплатил ему 252 руб. и тем самым довел ее до неудовлетворительного состояния (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 14 зв.-15, 20, 184). В этом же ключе следует рассматривать рапорт ровенского поветового маршала Нововейского за 1798 г. с жалобами на городничего Кнутцена, который не только без разрешения отлучился из города, но и отказался проводить расследование об оскорблении шляхтича Котовского ровенскими евреями. С того момента прошло 5 лет, и по манифесту 1801 г. произошло помилование виновных, дело передали в архив (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 199 зв.).

Прогнозируемо сложными были отношения с нижним земским судом. В 1803 г. в Волынское губернское правление поступил рапорт дубенского поветового маршала Ледуховского с жалобой на полицейское учреждение, что оно не взимает с помещиков рекрутские «складочные» деньги за 1802 г., хотя чиновник регулярно об этом напоминал (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 101).

В целом же обратим внимание на отсутствие большой переписки между поветовыми маршалами и Волынским губернским правлением. За 1812 г. из 187 обращений только три были от поветовых маршалов, что свидетельствует об автономности их работы.

Что касается кадрового состава, то имперская политика поиска компромиссов с элитами была гибкой, направленной на взаимопонимание в первую очередь с локальной шляхтой. Учитывая, что полномочия поветовых маршалов прежде всего ограничивались организацией самоуправления шляхетской корпорации, не всегда лояльной к политике местных администраторов (стоит вспомнить сенаторскую ревизию Ф. Сиверса и отстранение от должности всесильного волынского губернатора М. Комбурлей), верховная власть не отступала от предложенных «Учреждениями...» 1775 г. и «Дворянской грамотой» 1785 г. правил занятия должности.

Если в случае с уездными исправниками вместо выборного принципа применялось назначение статских чиновников или военных (Shevchuk, Markevych, 2022: 15-16), то на протяжении всего периода политики косвенного руководства до Ноябрьского восстания обеспечивалась выборность. Это ставило поветового маршала в зависимость от избирателей, а учитывая не всегда популярные действия, которые он вынужден был выполнять по указаниям местных администраторов, удержаться на неоплачиваемой работе было сложно.

Кроме этого, поветовые маршалы и хорунжие были вмонтированы в имперскую систему власти. Как и от остальных назначаемых чиновников и выборных должностных лиц, от них требовали своевременного обязательного предоставления формуляров, хотя отыскать их в архивохранилище не удалось. В августе 1822 г. из канцелярии волынского гражданского губернатора поступило распоряжение всем поветовым маршалам подать до 1-го сентября формулярные списки о службе всех должностных лиц и чиновников (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 11. Арк. 352).

Анализ данных о кадровом составе корпуса поветовых маршалов Волынской губернии с 1800 по 1829 гг. позволяет прийти к ряду выводов. После прихода к власти Александра I были проведены досрочные выборы в 1802 г. (предыдущие состоялись в 1800 г.), что позволило изменить весь

кадровый корпус поветовых маршалов (удержался только в Ковельском уезде Аким Вильга, который находился на должности три срока). Хотя было предусмотрено присвоение классных чинов (статского советника), однако ни один из восьми должностных лиц (остальные четверо были не указаны) не имел российского звания, что свидетельствует об отсутствии пожалований. Вместо этого употреблялись речьпосполитские «староста», «ротмистр», некоторые были кавалерами речьпосполитских орденов св. Станислава и Белого Орла. Единственное исключение – М. Корженевский, избранный в 1805 и 1808 гг. овруцким поветовым маршалом.

Объяснение его чина (статский советник) заключается в пребывании на статской службе при екатерининском правлении, когда в соответствии с «Учреждениями...» 1775 г. происходило присвоение классных чинов. В последующий период был избран в 1797, 1800 и 1802 гг. председателем гражданского департамента Волынского главного суда (ДАЖО. Ф. 16. Оп. 3. Спр. 195. Арк. 237; Shevchuk, 2022: 561).

Должность поветового маршала была престижной, ее занимали представители уездной элиты, в том числе графы, князья. Для многих эта должность служила продолжением карьеры (стоит вспомнить автора известных мемуаров Яна Дуклана Охотского, который в 1797 г. был избран подсудком Житомирского уездного суда, в 1805 г. – житомирским хорунжим и после отставки поветового маршала М. Букара исполнял его обязанности).

Часть, как Ян Бейзим, сначала в Заславском уезде был дважды избран подкоморием (1802, 1805), впоследствии – трижды избран поветовым маршалом этого же уезда (1808, 1811 и 1814). Однако значительная часть маршалов впоследствии занимала высокие должности в судебной системе. Ю. Бачинский (1777 г. р.), начал карьерное восхождение с избрания в 1798 г. житомирским подкоморием, 1802 г. – овруцким маршалом, 1805 г. – председателем уголовного, 1811 г. – гражданского и 1814 г. – снова уголовного департаментов Волынского главного суда. Получил чин действительного камергера и имел в собственности 1035 крепостных (Шевчук, 2022: 202). Князь Д. Четвертинский в 1802 г. был избран заславским маршалом, а в 1808 г. – председателем гражданского департамента Волынского главного суда (Шевчук, 2022: 561).

Для выборных должностей традиционным было то, что не все до конца добывали каденцию. Причины этого были разнообразны: личные причины (вспомним Мартина Букара, который из-за болезни жены не смог быть до конца срока на должности житомирского маршала), разорение, состояние здоровья, потеря интереса к должности. В мемуарах Антония Пауши содержится информация о поветовых маршалах во время посещения Александром I Житомира в 1816 г. (Iwanowski, 1876: 272).

Сравнение этих данных с информацией из «Месяцесловов» позволяет понять, что только пять из 12 (42 %) должностных лиц добыли до конца каденции, которая завершалась выборами 1817 г. Четверо (33 %), которые не значатся во время выборов 1814 г., не были избраны в 1817 г., только трое (25 %) смогли подтвердить свой новый статус на выборах 1817 г. (луцкий, овруцкий и староконстантиновский маршалы).

Обратим внимание на еще одну проблему в деятельности поветовых маршалов – предоставление возможности решать свои личные дела, что требовало долгосрочных отлучек (в 1803 г. староконстантиновский маршал князь Януш Сапега рапортом в Волынское губернское правление ходатайствовал о 6-месячном отпуске для решения судебных дел (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 329).

Анализируя данные с 1802 по 1829 гг. отметим, что в течение этого периода было 108 каденций, которые занимали 72 должностных лица (в среднем один маршал находился на должности 1,5 каденции – 4,5 года). Из общего числа должностных лиц 45 (62,5 %) занимали должность одну каденцию, 19 – две каденции (26 %), 7 – три (10 %) и один (острожский поветовый маршал Ю. Малинский) – четыре срока. В ряде уездов стоит отметить кадровую стабильность: в Острожском – за 27 лет сменилось четыре маршала, в Заславском – пять; наиболее нестабильными были Дубенский – восемь маршалов, Ровенский и Староконстантиновский – по семь; в половине уездов – по шесть.

Маршалы и хорунжие представляли уездную элиту, которая в пределах своего региона отбывала корпоративную повинность шляхетской службы. Только для троих избрание маршалом было логичным продолжением карьеры хорунжего – Тадея Микулича (1820–1829), сын которого Карл Микулич в 1853–1856 гг. был губернским предводителем дворянства, и избранных в 1826 г. Вильгельма Головинского и Казимира Кноля. При этом лишь дубенский маршал Михал Чацкий, победитель выборов 1823 г., был избран губернским маршалом. Это единственный случай, подтверждающий тот факт, что должность губернского чиновника занимали представители верхушки элиты, которые рекрутировались не из корпуса поветовых маршалов.

Характеризуя процесс устройства института поветовых маршалов, упоминалось, что они и хорунжие выполняли функции уездного предводителя дворянства, должность которого в чистом виде сохранилась во внутренних губерниях. Это дает основание выделить две группы полномочий: основные, связанные с обеспечением полноценного функционирования шляхетской корпорации, и дополнительные, прежде всего, следственные действия и несвойственные для должностных лиц дополнительные функции по распоряжению гражданского губернатора / губернского правления.

Регламентируя выборы 1805 г. в западных губерниях, согласно «Учреждениям...» 1775 г. и «Дворянской грамоте» 1785 г., законодатель определял следующие функции маршалов: обеспечение проведения шляхетских выборов и принадлежность к шляхетскому собранию, хранение и использование собранных с шляхтичей сборов, организация земских повинностей и т.п. (ПСЗРИ, 1804–1805. № 21646: 884).

Важнейшим действием, которое происходило раз в три года, для маршалов стало осуществление шляхетских выборов. Волынский губернатор М. Комбурлей (1806–1815) своим указом от 2 июня 1814 г. регламентировал порядок их организации. Учитывая, что следующая трехлетняя каденция должностных лиц начиналась с августа, до 20 июля «рекомендовалось» шляхте собраться в г. Житомире. При этом поветовые маршалы должны были иметь информацию о тех, кто не будет принимать участия. С началом собрания маршалы передавали через губернского маршала гражданскому губернатору списки всех шляхтичей, прибывших для участия. Также они представляли на сверку губернскому маршалу дворянские книги. До начала выборов уездные чиновники обязаны были подать губернскому маршалу сведения о новых помещиках и тех шляхтичах, которые не имели крестьян, но готовы были платить все необходимые платежи следующие три года. М. Комбурлей увязывал начало выборов с представлением вышеупомянутых сведений (ДАРО. Ф. 550. Оп. 1. Спр. 3. Арк. 8).

Губернатор, отвечая за состояние дел в губернии, после завершения выборов 5 августа 1814 г. не одобрил на должностях отдельных лиц. Поветовые маршалы должны были провести довыборы непосредственно в уездах (ДАРО. Ф. 550. Оп. 1. Спр. 3. Арк. 26). После одобрения на должностях поветовые маршалы приводили к присяге новоизбранных должностных лиц.

На руководителей шляхетской корпорации была возложена обязанность решать непопулярные в своей сфере финансовые вопросы. 1799 г. оказался годом становления финансовой дисциплины. Губернское правление приказало поветовым маршалам собрать «с дворянства» на содержание заседателей Волынского главного суда по их просьбе по 2 коп. с ревизской души (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 414 зв.-415). Сбор в Овручском уезде был поручен уездному судье, который собрал 400 руб. (т.е. с 20 000 крепостных), но никому их не передал, что привело к активной переписке губернского правления с маршалом (по состоянию на 1803 г. этот сбор был прекращен) (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 248). В этом же 1803 г. житомирский маршал Бержинский жаловался волыному губернатору, что шляхта медленно сдает средства на содержание присутствий и удалось получить лишь ¼ необходимой суммы.

Переписка позволяет понять механизм ликвидации задолженности: губернатор приказывал нижнему земскому суду приступить к взысканию, а маршал подавал список должников в полицейское учреждение. Согласно соответствующему распоряжению от губернатора городничий выделял необходимое число штатной команды, и взымалась задолженность («экзекуция») (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 14-14 зв.). В 1829 г. во время такого взыскания задолженности помещик Нидецкий избил пятерых солдат Житомирского пехотного полка, оказал непослушание полиции и давал ложные показания в суде. Поэтому его, согласно сенатскому указу, приговорили к шестимесячному заключению в казематах Замостья, запретили участие в выборах и взыскали 264 руб. 74¼ коп. судебных расходов (ЦДИАК: Ф. 484. Оп. 2. Спр. 236. Арк. 610). Общая же сумма недоимок за первую половину 1799 г. по Житомирскому уезду составляла 6 572 руб. 72 коп. Поэтому и.о. губернатора П. Грохольский приказал заседателям Житомирского нижнего земского суда выполнять свою работу (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 14 зв.).

Верховная власть возлагала на дворянство содержание почтовых станций. Согласно указу 6 сентября 1795 г. для устройства и содержания почт в Минской, Волынской, Подольской и Брацлавской губерниях были выделены средства, которые в течение трех лет местная шляхта должна была вернуть в казну. Для Волыни эта сумма составляла 68 000 руб. Из протоколов заседаний губернского правления становятся очевидными все трудности, с которыми столкнулись поветовые маршалы. В 1799 г. вице-губернатор П. Грохольский, исполняя обязанности губернатора, даже вынужден был прямо указать житомирскому маршалу, что учреждение и содержание почтовых станций зависят от шляхты (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 44). При этом для их содержания маршал назначал из числа шляхтичей кассира, который собирал средства с помещиков и решал финансовые вопросы. В 1802 г. на функционирование почтовых станций в Кременецком и Овручском уездах собрали 1 565 руб., а непосредственно их содержал представитель местной элиты помещик Цевинский (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 457 зв.).

Учитывая важность рекрутской повинности для империи, к участию в этом процессе были привлечены уездные предводители. Главную роль в процессе набора играла казенная палата, однако за месяц до начала уездные чиновники собирались в губернский город для подготовки списков рекрутов из имений и присутствовали во время набора для внесения правок (ПСЗРИ, 1775–1780. № 14509: 416).

На поветовых маршалов была возложена обязанность контролировать сбор рекрутских «складочных» денег нижним земским судом, а уже оттуда они пересылались в уездное казначейство. 25 июля 1812 г. владимир-волынский маршал рапортовал Волыному губернскому правлению, что нижний земский суд затягивает передачу собранных средств (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 20.

Арк. 23 зв.). Через два дня губернское правление рассматривало рапорт новоград-волынського маршала, что основные имения помещиков Закулинского и Издебского находятся в Луцком уезде. Поэтому в резолюции губернского правления предписывалось луцкому нижнему земскому суду взыскать с них рекрутские «складочные» деньги и переслать их новоград-волынскому поветовому маршалу (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 20. Арк. 24 зв.-25).

Отдельной страницей в работе поветовых маршалов стала выдача различных документов для шляхты. К. Трояновский утверждал, что до 1831 г. признание дворянства осуществлялось депутатским собранием, которое состояло из уездных депутатов под руководством губернского маршалка (Трояновский, 2018: 14). Однако поветовым маршалам хватало и другой работы: не только выдача свидетельств о принадлежности к дворянству, например при поступлении на статскую службу, но и по запросу военных. В 1803 г. житомирский урядник должен был выдать свидетельство унтер-офицеру Глуховского кирасирского полка Голубовскому (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 82).

Отдельной заботой стало оформление свидетельств на выдачу шляхтичам паспортов для свободного выезда за пределы губернии (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16, 460. Арк. 87). Основанием для удовлетворения ходатайства была уплата всех необходимых сборов. Однако выдачей свидетельств в этом случае их полномочия не ограничивались, ведь в 1798 г. на них возлагалась функция контроля за шляхтой, получившей паспорта для выезда за границу. В этом году заславский поветовый маршал получил распоряжение Волинского губернского правления выяснить: вернулась ли помещица Зблевская, где она сейчас находится и есть ли в уезде ее имения (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 221 зв.).

Для защиты прав помещиков, чьи владения находились на границе уезда, маршалы привлекались к размежеванию. В июне 1799 г. главной задачей для поветового маршала оставалось участие в размежевании Староконстантиновского уезда от Проскуровского Подольской губернии (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 6). В 1803 г. уездные чиновники вместе с подкоморием и двумя депутатами от шляхты входили в состав комиссий по размежеванию Владимир-Волинского и Ковельского уездов от Литовской губернии (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 369-369 зв.).

Одной из функций поветовых маршалов была организация строительства и ремонта полковых зданий. В 1803 г. луцкий поветовый маршал сообщал рапортом о готовности материалов и рабочих для строительства зданий для эскадронов Харьковского драгунского полка, а новоград-волынский маршал – о готовности к строительству для Азовского и Подольского мушкетерских полков (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 22 зв., 25). И.о. ровенского поветового маршала Богдашевский заставлял помещиков сдавать средства на строительство полковых сооружений (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 82 зв.). Кроме этого, поветовые маршалы отвечали за обеспечение военных дровами (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 83, 135 зв.). Во время русско-французской войны 1812 г. поветовые маршалы контролировали состояние полковых конюшен (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 20. Арк. 30 зв.).

Согласно традиционной практике губернская власть привлекала поветовых маршалов к выполнению различных поручений. В 1804 г. во время разбора деятельности поветовых маршалов прокурор Литовской губернии описывал Сенату, что маршалов часто привлекают к непредвиденным «Дворянской грамотой» задачам: контролю за состоянием присутствий и публичных зданий, обеспечению дровами военных и т.п. Однако Сенат, понимая нюансы деятельности местных администраторов в условиях нехватки кадров, переложил ответственность за решение этого вопроса на министра внутренних дел, что означало сохранение status quo (ПСЗРИ, 1804–1805. № 21382: 422).

По привычной традиции поветовые маршалы привлекались Волинским губерньским правлением для проведения следственных действий. Когда в 1802 г. острожский городничий показал завышенную цену на хлеб в городе, то на это обратил внимание в своем рапорте губерньскому правлению уездный стряпчий. Провести следствие поручили поветовому маршалу.

В 1803 г. дубенский чиновник расследовал злоупотребления обвиненного местными евреями «частного» пристава Баторского (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 142). Громким было производство 1806 г., когда во Владимире-Волинском ограбили девять купцов-евреев. К суду были привлечены бывший поветовый маршал Холоневский и судья Радзилинский за принятие в процессе следствия показаний пострадавшей стороны (ДАЖО. Ф. 16. Оп. 3. Спр. 2. Арк. 343). К поветовому маршалу из канцелярии волинского губернатора пересылали для следственных действий обращения помещиков о неповиновении крестьян (ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 11. Арк. 352).

Дополнительной функцией, возложенной на поветовых маршалов, стало приведение к присяге иностранцев, желающих приобрести российское подданство. В 1803 г. новоград-волынский поветовый маршал обращался с рапортом в губерньское правление с просьбой разрешить иностранцу принести присягу на месте из-за невозможности прибыть в Житомир по причине болезни (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 16. Арк. 437). По распоряжению губерньских властей поветовые маршалы даже отвечали за выделение земли крестьянам под застройку, чьи здания были сожжены во время карантинных действий, как это было в Дубенском уезде в 1799 г.

Во время русско-французской войны 1812 г. на поветовых маршалов была возложена функция сбора муки и круп. 9 марта того же года Волинское губерньское правление рассматривало рапорт дубенского чиновника, который просил о зачислении на вторую половину года излишне собранные продукты или возвращении их помещикам (ДАЖО. Ф. 67. Оп. 1д. Спр. 20. Арк. 11 зв.).

Польское Ноябрьское восстание активизировало централизаторскую политику Николая I, что имело следствием ликвидацию восстановленных элементов речьпосполитской управленческой и судебной традиций. 23 февраля 1831 г. сенатским указом, согласно повелению императора, предписывалось во всех западных, левобережных и остзейских губерниях использовать вместо маршалов термин «уездные предводители дворянства». Отметим, что при этом в самом тексте указа ни разу не употреблялся термин «маршал» (ПСЗРИ, 1831. № 4382: 186-187). Политика переименований соответственно «Учреждениям...» 1775 г. в западных губерниях была осуществлена 30 октября 1831 г. (ПСЗРИ, 1831. № 4894: 159-160), а в левобережных – 16 января 1834 г. (ПСЗРИ, 1834. № 6718: 42). 11 января 1832 г. были ликвидированы последние «обломки речьпосполитских времен» – институты хорунжих, подкомориев, коморников и возных (ПСЗРИ, 1832. № 5068: 8).

5. Заключение

Инкорпорировав правобережные территории Речи Посполитой, верховная власть Российской империи проводила гибкую политику ее утверждения в регионе. Екатерина II, хотя и проводила эксперименты с речьпосполитскими административными и судебными органами на белорусских землях после первого раздела, решила ускорить процессы унификации и на Правобережье, введя «Учреждения...» 1775 г. Уездные предводители дворянства, которые избирались на три года, были вмонтированы в систему управления шляхетским обществом. Во внимание не принимался тот факт, что в отличие от внутренних губерний, локальная шляхетская корпорация была саморегулируемой и независимой, способной самостоятельно решать свои спорные вопросы.

Политика Павла I и Александра I была более гибкой, и в отдельных вопросах они готовы были пойти на уступки местным элитам. Однако, если в судебной сфере были восстановлены отдельные элементы речьпосполитской судебной процедуры, польский язык, 3-й Литовский статут и конституции, то в сфере управления, хотя и введены были выборные должности маршалов и хорунжих, однако даже не допускалось верховной властью и местными администраторами мысли о самостоятельности для шляхетства.

От верхушки требовалось участвовать в государственных делах: собирать средства на содержание присутствий и почтовых станций, строить полковые казармы, обеспечивать войска дровами и т.п. Однако местный нобилитет не мог отказаться от выполнения указаний губернского правления, губернатора, понимая, что отказ приведет к потере общественного положения и замене назначаемыми чиновниками и т.п. Отбывая неоплачиваемую и кропотливую повинность своей шляхетской корпорации, убеждая землевладельцев платить деньги или содержать почтовые станции, проводя следственные действия при конфликтах или решая другие несвойственные дела, поветовый маршал понимал, что он, как представитель элиты, обеспечивал социальную стабильность в обществе и без его усилий имперская власть возьмет верх.

Литература

- Бардах и др., 1980 – Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. (1980). История государства и права Польши. М., 1980.
- Бовуа, 2007 – Бовуа, Д. (2007). Російська влада і польська шляхта в Україні. 1793-1830 рр. Львів, 2007.
- Верменич, 2003 – Верменич Я. (2003). Бердичів. Енциклопедія історії України: Т. 1: А-В / редкол.: В. А. Смолій та ін. Київ, 2003. С. 222.
- ДАЖО – Державний архів Житомирської області.
- ДАРО – Державний архів Рівненської області.
- Горбачевский, 1874 – Горбачевский Н.И. (1874). Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского. Вильна, 1874.
- Горизонтов, 1999 – Горизонтов Л. (1999). Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999.
- Денисюк, 2013 – Денисюк, В. (2013). Волинська губернія: формування адміністративно-територіальної одиниці та системи управління (кінець XVIII – початок XIX ст.) *Минуле і сучасне Волині та Полісся: Ковель і Ковельщина в історії України та Волині*. 2013. 50: 367-371.
- Рафальський, 2009 – Рафальський, І.О. Державний архів Житомирської області: анований реєстр описів: Фонди дорадянського періоду / ред. кол.: І.О. Рафальський та ін. Житомир, 2009.
- Долбилов, 2010 – Долбилов М. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
- Ерошкин, 1983 – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
- Каппелер, 2005 – Каппелер, А. Росія як поліетнічна імперія: виникнення, історія, розпад. Львів, 2005.
- Корф, 1906 – Корф С.А. (1906). Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб., 1906.
- Мадариага, 2002 – Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.

- Маркевич, 2011a – Маркевич О.В. Віце-губернатор Волинської губернії першої половини XIX століття: соціологічний портрет // *Волинські історичні записки*. 2011. 6: 121-132.
- Маркевич, 2018 – Маркевич О.В. Волинський губернатор і губернський предводитель дворянства у співпраці та суперництві за владу (кінець XVIII – перша половина XIX ст.) // *Модернізаційні процеси на Волині в XIX – на початку XX ст.* 2018. С. 105-121.
- Маркевич, 2017 – Маркевич О.В. Правовий статус предводителя дворянства в Російській імперії // *Літописець*. 2017. 12: 10-14.
- Маркевич, 2011b – Маркевич О.В. Феномен М.І. Комбурля або хроніка правління волинського губернатора // *Проблеми історії України XIX – початку XX ст.* 2011. 19: 59-72.
- Маркевич, 2012 – Маркевич О.В. Формування мережі поштових установ Волинської губернії та річпосполитський досвід / *Україна і Польща: історичне сусідство*: Збірник матеріалів міжнародної наукової конференції. Вінниця, 2012. С. 206-212.
- Месяцеслов, 1802–1827 – Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова. СПб., 1802–1827.
- Нольде, 1911 – Нольде Б. Очерки русского государственного права. СПб., 1911.
- ПСЗРИ, 1649–1913 – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1649–1913.
- Романович-Славатинский, 1870 – Романович-Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. СПб., 1870.
- Снайдер, 2012 – Снайдер Т. Перетворення націй. Польща, Україна, Литва, Білорусь, 1569–1999. Київ, 2012.
- Статути..., 2004 – Статути Великого князівства Литовського: У 3 т. Том III: Статут Великого князівства Литовського 1588 року: У 2 кн. Кн. 2. / за ред. С. Ківалова та ін. Одеса, 2004.
- Трояновский, 2018 – Трояновский К. (2018). Политика Российской империи в отношении беспоместной шляхты западных губерний. 1795–1870 гг. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2018.
- ЦДІАК – Центральний державний історичний архів України. Київ.
- Шандра, 2009 – Шандра, В.С. (2009). «Губернии на особых правах и привилегиях состоящие...» як політичний проект. *Регіональна історія України*. 2009. 3: 191-204.
- Шандра, 2005 – Шандра, В.С. (2005). Генерал-губернаторства в Україні: XIX – початок XX століття. Київ, 2005.
- Шевченко, 2009 – Шевченко Н.В. Маршалок. *Енциклопедія історії України*: Т. 6: Ла-Мі / редкол.: В. А. Смолій та ін. Київ, 2009. С. 541.
- Шевчук, 2021 – Шевчук А. Повітові та головні суди Правобережної України (1797-1831 рр.): улаштування, кадровий склад, діяльність // *Український історичний журнал*. 2021. 4: 50-64.
- Шевчук, 2022 – Шевчук А. Судова влада в житті суспільства Правобережної України (кінець XVIII – перша третина XIX ст.): монографія. Житомир, 2022.
- Degtyarev, 2013 – Degtyarev S.I. The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century) // *Bylye Gody*. 2013. 30(4): 28-35.
- Degtyarev, 2014 – Degtyarev S. The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century // *Bylye Gody*. 2014. 34(4): 554-558.
- Degtyarev, 2015 – Degtyarev S.I. Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 865-875.
- Degtyarev, Kryvosheia, 2016 – Degtyarev S.I., Kryvosheia I.I. (2016). The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century // *Bylye Gody*. 42(4): 1118-1126.
- Epszstein, 2008 – Epszstein T. Ziemianie polscy na Wołyniu w XIX i XX w. // *Niepodległość i Pamięć*. 2008. 27: 79-106.
- Lebid et al., 2019 – Lebid A.E., Shevchenko N.A., Chuikov O.E., Svechnikov V.A. The officialdom of the Russian empire: A modern historiography of the issue. Part I // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1490-1505
- Lebid et al., 2020a – Lebid A.E., Shevchenko N.A., Chuikov O.E., Svechnikov V.A. The officialdom of the Russian empire: A modern historiography of the issue. Part II // *Bylye Gody*. 2020. 55(6): 115-129.
- Lebid et al., 2020b – Lebid A.E., Shevchenko N.A., Volkov A.N., Ponomareva M.A. The officialdom of the Russian empire: A modern ukrainian historiography // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 495-507.
- Iwanowski, 1876 – Iwanowski E.A. Wspomnienia lat minionych. T. 1. Kraków, 1876.
- Shevchuk, Markevych, 2022 – Shevchuk A., Markevych O. Sprawy in Volyn Province Administrative System (end of the 18th century – 1860s) // *Eminak*. 2022. 3(39): 9-25.
- Thaden, 1984 – Thaden E.C., Thaden M.Ф. Eastern Belorussia, Lithuania, and the Right-Bank Ukraine. *Russia's Western Borderlands, 1710-1870*. Princeton, 1984. Pp. 32-56.

References

- Bardakh i dr., 1980 – Bardakh, Yu., Lesnodorskyi, B., Pyetrchak, M. (1980). Istoriya hosudarstva y prava Polshy [History of the Polish State and Law]. Moskva. [in Russian]

- Bovua, 2007** – *Bovua, D.* (2007). Rosiiska vlada i polska shliakhta v Ukraini. 1793–1830 rr. [Russian authorities and Polish gentry in Ukraine. 1793–1830]. Lviv. [in Ukrainian]
- Vermenych, 2003** – *Vermenych, Ya.* (2003). Berdychiv. Entsyklopediia istorii Ukrainy [Berdychiv. Encyclopedia of the history of Ukraine]. T. 1: A-V. Redkol.: V.A. Smolii ta in. Kyiv. P. 222. [in Ukrainian]
- DAZhO** – Derzhavnyi Arkhiv Zhytomyrskoi oblasti [State Archiv of Zhytomyr Region].
- DARO** – Derzhavnyi Arkhiv Rivnenskoj oblasti [State Archives of Rivne Region].
- Horbachevskiy, 1874** – *Horbachevskiy, N.Y.* (1874). Slovar drevneho aktovoho yazyka Severo-Zapadnogo kraia y Tsarstva Polskoho [Dictionary of the Ancient Act Language of the Northwest Territory and Kingdom of Poland]. Vilna, 397 p. [in Russian]
- Horyzontov, 1999** – *Horyzontov, L.* (1999). Paradoksy imperskoj polytyky: Poliaki v Rossii y russkie v Polshe (XIX – nachalo XX v.) [Paradoxes of Imperial Politics: Poles in Russia and Russians in Poland]. Moskva. [in Russian]
- Denysiuk, 2013** – *Denysiuk, V.* (2013). Volynska huberniia: formuvannia administratyvno-terytorialnoi odnytsi ta systemy upravlinnia (kinets XVIII – pochatok XIX st.) [Volyn Governorate: Formation of an Administrative-Territorial Unit and Management System]. *Mynule i suchasne Volyni ta Polissia: Kovel i Kovelshchyna v istorii Ukrainy ta Volyni..* 50: 367-371. [in Ukrainian]
- Rafalskyi, 2009** – *Rafalskyi, I.O.* (2009). Derzhavnyi Arkhiv Zhytomyrskoi oblasti: anotovanyi reiestr opysiv: Fondy doradianskoho period [State Archives of Zhytomyr Regoin: Annotated Register of Descriptions: Fonds of pre-Soviet period]. Red. kol.: I.O. Rafalskyi ta in. Zhytomyr. [in Ukrainian]
- Dolbylov, 2010** – *Dolbylov, M.* (2010). Russkyi kraj, chuzhaia vera: Etnokonfesyionalnaia polytyka imperii v Litve i Belorussi pri Aleksandre II [Russian Land, Alien Faith: Ethno-religious Policy of the Empire in Lithuania and Belorussia under Alexander II]. Moskva. [in Russian]
- Eroshkyn, 1983** – *Eroshkyn, N.P.* (1983). Istoriya hosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevoliutsyonnoi Rossii [History of state institutions in pre-revolutionary Russia]. Moskva. [in Russian]
- Kappeler, 2005** – *Kappeler, A.* (2005). Rosiia yak polietnichna imperiia: vynyknennia, istoriia, rozpad [Russia as a multiethnic empire: emergence, history, collapse]. Lviv. [in Ukrainian]
- Korf, 1906** – *Korf, S.A.* (1906). Dvorianstvo y eho soslovnnoe upravlenye za stoletye 1762–1855 hodov [The Nobility and its Estates in the Century 1762–1855]. SPb. [in Russian]
- Madaryaha, 2002** – *Madaryaha, I. de.* (2002). Rossyia v epokhu Ekateriny Velikoi [Russia in the Age of Catherine the Great]. Moskva. [in Russian]
- Markevych, 2011a** – *Markevych, O.V.* (2011). Vitse-hubernator Volynskoi hubernii pershoi polovyny XIX stolittia: sotsiologichnyi portret [The Vice-Governor of the Volyn Province in the First Half of the Nineteenth Century: A Sociological Portrait]. *Volynski istorychni zapysky.* 6: 121-132. [in Ukrainian]
- Markevych, 2011b** – *Markevych, O.V.* (2011). Fenomen M.I. Komburleia abo khronika pravlinnia volynskoho hubernatora [The Phenomenon of M.I. Komburlei or the Chronicle of the Reign of the Volyn Governor]. *Problemy istorii Ukrainy XIX – pochatku XX st.* 19: 59-72. [in Ukrainian]
- Markevych, 2018** – *Markevych, O.V.* (2018). Volynskiy hubernator i hubernskiy predvodytel dvorianstva u spivpratsi ta supernytstvi za vladu (kinets XVIII – persha polovyna XIX st.) [The Volyn governor and the provincial leader of the nobility in cooperation and rivalry for power]. *Modernizatsiini protsesy na Volyni v XIX – na pochatku XX st.* Pp. 105-121. [in Russian]
- Markevych, 2017** – *Markevych, O.V.* (2017). Pravovyi status predvodyteli dvorianstva v Rosiiskii imperii [Legal Status of the Leader of the Nobility in the Russian Empire]. *Litopysets.* 12: 10-14. [in Ukrainian]
- Markevych, 2012** – *Markevych, O.V.* (2012). Formuvannia merezhi poshtovykh ustanov Volynskoi hubernii ta richpospolytskyi dosvid [Formation of a network of postal institutions in the Volyn Governorate and the Rzeczpospolita experience]. *Ukraina i Polshcha: istorychne susidstvo: Zbirnyk materialiv mizhnarodnoi naukovoï konferentsii.* Vinnytsia. Pp. 206-212. [in Ukrainian]
- Mesiatseslov, 1802–1827** – *Mesiatseslov s rospysiu chynovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestva Khrystova* [Monthly Calendar with a List of Officials in the State for the Summer of the Nativity of Christ]. SPb., 1802–1827. [in Russian]
- Nolde, 1911** – *Nolde, B.* (1911). Ocherky russkoho hosudarstvennogo prava [Essays on Russian State Law]. SPb. 1911. [in Russian]
- PSZRI** – Polnoe sobranie zakonov Rossyiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire].
- Romanovych-Slavatynskiy, 1870** – *Romanovych-Slavatynskiy, A.V.* (1870). Dvorianstvo v Rossyy ot nachala XVIII v. do otmeni krepostnogo prava [The nobility in Russia from the early 18th century to the abolition of serfdom]. SPb., 1870. [in Russian]
- Snaider, 2012** – *Snaider, T.* (2012). Peretvorennia natsii. Polshcha, Ukraina, Lytva, Bilorus, 1569–1999 [The Transformation of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999]. Kyiv. [in Ukrainian]
- Statuty..., 2004** – Statuty Velykoho kniazivstva Lytovskoho [Statutes of the Grand Duchy of Lithuania]: U 3 t. Tom III: Statut Velykoho kniazivstva Lytovskoho 1588 roku: U 2 kn. Kn. 2. Za red. S. Kivalova ta in. Odesa, 2004. [in Ukrainian]

Troianovskiy, 2018 – *Troianovskiy, K.* (2018). Polytyka Rossyiskoi imperii v otnoshenyy bespomestnoi shliakhty zapadnykh hubernyi. 1795–1870 hh. [The policy of the Russian Empire with respect to the landless nobility of the western provinces. 1795–1870]. Avtoreferat dySSERTatsii... kand. istor. nauk. SPb. [in Russian]

TsDIAK Ukrainy – Tsentralnyi derzhavnyi istorychnyi Arkhiv Ukrainy. Kyiv. [Central State Historical Archive of Ukraine. Kyiv].

Shandra, 2009 – *Shandra, V.S.* (2009). «Huberniy na osobyykh pravakh i privilehiakh sostoiashchye...» yak politychnyi proekt [«Provinces with special rights and privileges...» as a political project]. *Rehionalna istoriia Ukrainy*. 3: 191-204. [in Ukrainian]

Shandra, 2005 – *Shandra, V.S.* (2005). Heneral-hubernatorstva v Ukraini: XIX – pochatok XX stolittia [Governor Generals in Ukraine]. Kyiv. [in Ukrainian]

Shevchenko, 2009 – *Shevchenko, N.V.* (2009). Marshalok [Marshalok]. *Entsyklopediia istorii Ukrainy*: T. 6: La-Mi. Redkol.: V. A. Smolii ta in. Kyiv. [in Ukrainian]

Shevchuk, 2021 – *Shevchuk, A.* (2021). Povitovi ta holovni sudy Pravoberezhnoi Ukrainy (1797-1831 rr.): ulashtuvannia, kadrovyi sklad, diialnist [District and Main Courts of the Right-Bank Ukraine (1797-1831): Organization, Staffing, and Activities]. *Ukrainskyi istorychnyi zhurnal*. 4: 50-64. [in Ukrainian]

Shevchuk, 2022 – *Shevchuk, A.* (2022). Sudova vlada v zhytti suspilstva Pravoberezhnoi Ukrainy (kinets XVIII – persha tretyna XIX st.): monohrafiia [The Judiciary in the Life of the Society of Right-Bank Ukraine]. Zhytomyr. [in Ukrainian]

Degtyarev, 2013 – *Degtyarev, S.I.* (2013). The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century). *Bylye Gody*. 30(4): 28-35.

Degtyarev, 2014 – *Degtyarev, S.* (2014). The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century. *Bylye Gody*. 34(4): 554-558.

Degtyarev, 2015 – *Degtyarev, S.I.* (2015). Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4): 865-875.

Degtyarev, Kryvosheia, 2016 – *Degtyarev, S.I., Kryvosheia, I.I.* (2016). The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century. *Bylye Gody*. 42(4): 1118-1126.

Epsztein, 2008 – *Epsztein, T.* (2008). Ziemianie polscy na Wołyniu w XIX i XX w. *Niepodległość i Pamięć*. 2008. 27: 79-106.

Iwanowski, 1876 – *Iwanowski, E.A.* (1876). Wspomnienia lat minionych. T. 1. Kraków, 1876.

Lebid et al., 2019 – *Lebid, A.E., Shevchenko, N.A., Chuikov, O.E., Svechnikov, V.A.* (2019). The officialdom of the Russian empire: A modern historiography of the issue. Part I. *Bylye Gody*. 54(4): 1490-1505.

Lebid et al., 2020a – *Lebid, A.E., Shevchenko, N.A., Chuikov, O.E., Svechnikov, V.A.* (2020). The officialdom of the Russian empire: A modern historiography of the issue. Part II. *Bylye Gody*. 55(6): 115-129.

Lebid et al., 2020b – *Lebid, A.E., Shevchenko, N.A., Volkov, A.N., Ponomareva, M.A.* (2020). The officialdom of the Russian empire: A modern ukrainian historiography. *Bylye Gody*. 56(2): 495-507.

Shevchuk, Markevych, 2022 – *Shevchuk, A., Markevych, O.* (2022). Spravnyk in Volyn Province Administrative System (end of the 18th century – 1860s). *Eminak*. 3(39): 9-25.

Thaden, 1984 – *Thaden, E.C., Thaden, M.Ф.* (1984). Eastern Belorussia, Lithuania, and the Right-Bank Ukraine. *Russias Western Borderlands, 1710-1870*. Princeton. Pp. 32-56.

Поветовые маршалы Волынской губернии (1797–1831): организация, кадровый состав, деятельность

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, b, *}, Андрей Владимирович Шевчук ^c

^a Сумской государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^c Житомирский государственный университет имени Ивана Франка, Житомир, Украина

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с функционированием в рамках имперской политики сотрудничества с местной шляхтой института поветовых маршалов в пограничной Волынской губернии. На основании анализа опубликованных и архивных материалов авторами выделены основные вопросы, связанные с процессами устройства, кадрового состава и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А. Лебедь)

деятельности должностных лиц. Во времена Речи Посполитой шляхетская корпорация самостоятельно решала свои вопросы внутренней жизни, поветовые маршалы были задействованы в организации шляхетского рушения.

После инкорпорации, согласно «Учреждениям для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г., Екатерина II внедрила институт уездных предводителей дворянства с постоянно уточняющимися полномочиями.

Политика Павла I и Александра I была более гибкой и направленной на утверждение в сложном в социотническом плане регионе. Среди прочих уступок нобилитету, но при сохранении контроля за процессами в регионе было восстановлено название «поветовый маршал». При этом был сохранен набор полномочий предводителя, выборы проводились каждые три года с утверждением на должности губернатором. С одной стороны, маршалы должны были исполнять предписания верховной власти и губернских администраторов, с другой – защищать интересы своей корпорации. Поэтому в условиях неоплачиваемой работы и бюрократизации их деятельности для части представителей локальной элиты наблюдается «охлаждение» к выборным должностям.

Стремясь сохранить влияние шляхты в регионе, поветовый маршал вынужден был выполнять указания губернской власти, убеждать землевладельцев платить деньги или содержать почтовые станции, проводить следственные действия при конфликтах или решать другие несвойственные дела. При этом нобилитет, обеспечивая социальную стабильность в социуме, понимал, что без его усилий имперская власть заменит выборных должностных на назначаемых чиновников и возьмет верх.

Ключевые слова: Российская империя, Волынская губерния, уездный предводитель дворянства, поветовый маршал, шляхта, имперская политика сотрудничества с местной элитой.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 115-124
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.115

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Attitude of the Russian Intelligentsia to Values and Lifestyles of the Western European Society in the 19th century

Alexander G. Gryaznukhin ^{a,*}, Tatyana V. Gryaznukhina ^a, Anna P. Dvoretzkaya ^a, Anna S. Zhulaeva ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The problem of national identity in Russia of the 19th century manifested itself in the need to understand its place in the conglomerate of cultures, and to determine the nature of its relations with the European civilization. This study analyzes the attitudes of the Russian intelligentsia toward the values and lifestyles of the Western European society. The study is based on the analysis of memoirs and scientific works of representatives of the Russian intelligentsia, who greatly influenced the public opinion and had a significant impact on the formation of national identity. The lack of a unified position among the Russian intelligentsia about the nature of the relationship with European civilization led it to split into two camps, the Slavophiles and the Westerners, which greatly complicated the solution of the issue of national identity. This paper analyzes the Russian public's sources of information about life abroad. These include both personal contacts during European travels and published memoirs. The periodical press and scientific works, such as N. Danilevsky's book "Russia and Europe", played an important role in the formation of the image of Europe. The desire of Russians to visit Europe and learn as much as possible about it was opposed by the official authorities, who did not welcome active Russian-European contacts for ideological reasons. Our analysis of the sources and works of present-day authors has shown that, despite the difference of beliefs, the Russian intelligentsia perceived Europe as a single cultural and historical space, quite different from Russia. The Russian intelligentsia determined the nature of its relations with Europe depending on its perception of the country's past development, which differed greatly among its representatives.

Keywords: Russia of the 19th century, intelligentsia, Europe, lifestyle, identity, values, memoirs, westerners, slavophiles.

1. Введение

Формирование культурно-исторических, экономических и политических связей между цивилизациями России и Европы являлось предметом многих исследований, не потерявших своей актуальности и в наши дни. История вопроса помогает понять и объяснить характер отношений, сложившихся на современном этапе развития, а также проанализировать трансформацию образа Европы в глазах россиян с течением времени.

Общественное мнение о Европе начинает складываться в России с конца XVIII – начала XIX вв. Большое значение в формировании отношения русского общества к европейским реалиям сыграла Отечественная война 1812 г. Это грандиозное по своим масштабам событие затронуло практически все население России. Оккупация французами части российской территории, а затем заграничные походы русской армии способствовали установлению многочисленных контактов с европейцами. И вполне естественно, что это повлияло на формирование образа Европы у русского населения в

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), advoreckaya@mail.ru (A.P. Dvoretzkaya), annzhul@mail.ru (A.S. Zhulaeva)

целом. Царское правительство при этом не поощряло установления более тесных отношений с зарубежьем, опасаясь разлагающего влияния западного свободомыслия. С целью ограничения межкультурных контактов была установлена довольно высокая плата за заграничный паспорт. В 1840-х годах она составляла 500 рублей. Это существенно ограничивало возможности выезда за рубеж. Освобождало от платы только свидетельство доктора о необходимости лечения за границей (Панаева, 1986: 118). Поездки за границу были редкостью, и о них, как правило, сообщалось в газетах. Так «Московские ведомости» трижды напечатали объявление о поездке А. Герцена в Италию и Германию с целью лечения жены (Славин, 1986: 77). В свете этих ограничений за граница для русской общественности становилась еще более привлекательной. Иностранцев, в свою очередь, охотно принимали в обеих столицах. В Петербурге укоренилась мода давать вечера с итальянскими певцами, итальянская опера в России становилась все более популярной.

Информация о европейском образе жизни проникала и распространялась в общественной среде России несколькими путями. Весьма значимую роль в этом сыграли путешествия как с целью удовлетворения интеллектуальных и эстетических запросов, так и с целью поправки здоровья. А.Г. Достоевская писала: «Перед восхищенными глазами открывался целый, мне неведомый доселе мир», «моя любознательность была вполне удовлетворена посещением соборов, музеев, картинных галерей» (Достоевская, 1987: 221). Несомненно, что не одна Анна Григорьевна испытала чувства восторга и восхищения перед памятниками истории и искусства, перед природой, столь непохожей на русскую. Этим своеобразием и непохожестью на Россию Европа и привлекала русских путешественников. Целями поездок за границу могли являться предпринимательская деятельность или официальные поручения правительства. Так, вояж Н.И. Греча по Европе в 1837 г. был связан с изучением опыта ремесленных школ для применения его в России. Официальная часть поездки при этом соединялась с личными мотивами: путешествие давало ему возможность отвлечься от печальных мыслей по поводу смерти сына. Необходимо учитывать и роль политической эмиграции в формировании российского взгляда на европейские ценности. Деятельность Герцена, Огарева, Бакунина во многом способствовала формированию определенного образа Европы у россиян. Для прогрессивно настроенной общественности «далекая революционная Европа в ореоле 1830 г. должна была показаться обетованною страной», – писал А. Герцен (Герцен, 1964: 370). Образ Европы для русских либералов ассоциировался с образом свободы.

Степень объективности мемуарной литературы определить довольно сложно. Для этого необходимо рассматривать каждое конкретное воспоминание. Одни авторы писали, не задумываясь о впечатлении, которое их свидетельства производили на читателя. Другие, опасаясь обвинения в предвзятости, старались подчеркнуть свою объективность. Так, в предисловии к своим письмам Н. Греч указывал: «Ссылаюсь на всех, бывших во Франции в недавнее время, и на самих французов» (Греч, 1839: VI). Знакомство с наиболее значимыми и интересными свидетельствами современников той эпохи об их контактах с западноевропейцами, а также анализ работ современных исследователей позволяют составить объективное представление о восприятии европейского зарубежья российской интеллигенцией XIX века.

2. Материалы и методы

Источниковой основой исследования являются воспоминания, письма, записки, дневники представителей русской интеллигенции XIX в., документы Российского государственного архива литературы и искусства (Москва, Российская Федерация) и Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация).

Методологической базой исследования являются общенаучные принципы научной объективности и историзма и специальные исторические методы. Проблемно-хронологический метод позволил рассмотреть формирование цивилизационных связей между Россией и Европой в XIX в. в их последовательности с учетом исторических закономерностей. Историко-генетический метод дал возможность проследить генезис и трансформацию национальной идентичности авторов мемуаров через призму социально-культурных русско-европейских реалий XIX в. Идеографический метод позволил выделить культурно-исторические феномены из индивидуальных особенностей исторических фактов. Историко-биографический метод был направлен на анализ жизненных обстоятельств и общественно-культурной деятельности авторов воспоминаний.

3. Обсуждение

Решить проблему определения национальной идентичности, которая наиболее остро проявилась в России XIX века и не утратила по сей день своей актуальности, помогают воспоминания и мемуары современников той эпохи. Большую помощь в этом могут оказать воспоминания П. Анненкова (Анненков, 1989), который, будучи знаком со многими литераторами, достоверно передавал их искания в духовной жизни, касавшиеся межкультурных взаимоотношений. Воспоминания А. Панаевой (Панаева, 1986) содержат ценные сведения о литераторах, сотрудничавших с журналом «Современник», и их взаимоотношениях с западноевропейцами. Подробно о пребывании за границей со своим мужем Ф. Достоевским повествует в воспоминаниях

А. Достоевская (Достоевская, 1987). Глазами политического эмигранта представлена Европа в произведении А. Герцена «Былое и думы» (Герцен, 1964). Научное видение проблемы взаимоотношений с европейской цивилизацией представлено в трудах Н. Данилевского, Т. Грановского (Данилевский, 2008; Грановский, 1900). Официальная позиция власти относительно межкультурных контактов с Европой нашла свое отражение в записках Н. Греча (Греч, 1839; Греч, 2013). Свое мнение о жизни за границей, которую он прекрасно знал, неоднократно в своих письмах высказывал И. Тургенев (Тургенев, 1978). Его писательской деятельности, сыгравшей большое значение в формировании общественного сознания, посвящена книга Ю. Лебедева «Тургенев» (Лебедев, 1990). Идейные искания А. Герцена, анализ его личных контактов с представителями русской и зарубежной общественности нашли свое отражение в книге Л. Славина «Ударивший в колокол» (Славин, 1986).

О неослабевающем интересе к рассматриваемой в статье проблеме свидетельствуют публикации современных исследователей. История развития русского европеизма рассмотрена в работе В. Щукина (Щукин, 2002). Процессу европеизации русской культуры посвящен труд В. Семиной и Т. Баженовой (Семина, Баженова, 2007). К истокам формирования русского мира в своей статье обращается М. Мосейкина (Мосейкина, 2015). Идейным воззрениям Т. Грановского, оказавшим большое влияние на формирование общественного сознания, посвящены работы Кирсановой (Кирсанова, 2014) и Соколова (Соколов, 2014). «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н. Греча рассмотрены в контексте литературы путешествий XIX века в статье М. Аксеновой (Аксенова, 2020). Вопросы сотрудничества Греча с III Отделением нашли отражение в труде А. Рейтблата (Рейтблат, 2018). Эволюция взглядов И. Киреевского в отношении западноевропейских ценностей стала предметом исследования в работах А. Калугина и Г. Тереховой (Калугин, Терехова, 2011), О. Ионайтис (Ионайтис, 2017), А. Судакова (Судаков, 2011). Деятельности И. Тургенева, рассмотренной в контексте диалога русской и французской культур, посвящено исследование И. Карантеевой (Карантеева, 2008). Стереотипное восприятие Франции в дневниках русских путешественников описано в статье Е. Развозжаевой (Развозжаева, 2016). Специфика аристократического туризма и представление о Европе русских путешественников проанализированы в работах А. Калякиной (Калякина, 2017), С. Шатохиной (Шатохина, 2019). Роль российской и сибирской интеллигенции в формировании социокультурного пространства, вопросы идейных исканий, формулирования национальной идентичности в России XIX в., взаимоотношений с иностранными путешественниками отражены в ряде статей авторов данной работы (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015; Gryaznukhina et al., 2020; Gryaznukhin et al., 2021; Gryaznukhina et al., 2021).

Осознание своей национальной идентичности во многом помогает определить перспективные пути развития страны в целом. Формируется же оно преимущественно благодаря пониманию места, которое Россия занимает в системе мировых цивилизаций. Поэтому тема, освещающая вопросы отношения русской интеллигенции к ценностям западной культуры, не теряет своей актуальности и нуждается в дальнейших исследованиях.

4. Результаты

О том, какой представлялась Европа в глазах россиян XIX века, свидетельствуют многочисленные воспоминания и мемуары представителей российской интеллигенции. Посещая Европу с разными целями, возвратившись назад, они делились своими впечатлениями с близкими и знакомыми, формируя тем самым определенное понятие о европейской жизни. Сегодня эти воспоминания являются неоценимым источником, дополняющим исторические факты личностным восприятием людей, живших в ту эпоху. Совершенно особое место в этом плане занимают воспоминания П.В. Анненкова. Являясь литературным критиком, он имел возможность общаться с выдающимися представителями русской интеллигенции. Его воспоминания представляют особую ценность, поскольку повествуют не только о бытовой стороне заграничной жизни, но в большей степени рассматривают восприятие европейской культуры русской интеллектуальной элитой. Неоднократно бывая за границей, он встречался там с русскими литераторами, отражая в своих воспоминаниях их отношение к зарубежью. Личное знакомство Анненкова с Н.В. Гоголем позволило ему описать заграничные вояжи писателя, который, часто выезжая за границу, буквально колесил по Европе в поисках душевного успокоения и, видимо, нигде не находил его. Гоголь не любил французской литературы, да и к самому народу симпатии не питал. Эти его чувства вполне разделял и художник А. Иванов, хотя и не в столь категоричной форме. Он считал, что «писать без веры религиозные картины – это безнравственно, это грешно: я не надивлюсь на французов и итальянцев, – разбирая по камню католическую церковь, они наперехват пишут картины для ее стен. Этого я не могу, нет, никогда, никогда!» (Герцен, 1964: 380). Иванову предлагали выгодные заказы, но без веры, с сомнением в душе писать он не мог, хотя и испытывал большую материальную нужду. Не в этом ли бесконечном поиске смыслов, гармонии с собой и миром заключается суть миропонимания лучших представителей русской интеллигенции, до сих пор не понятая Западом, руководствующимся только принципом выгоды? Нелюбовь Гоголя к зарубежной литературе, включая немецкую и английскую за исключением В. Скотта, происходила, скорее всего, из ее незнания. Мольера он стал читать только

после того, как на недопустимость такого пренебрежения к писателю указал ему Пушкин. Согласно Анненкову, Гоголь в одном из писем писал: «Германия есть не что другое, как самая неблагоприятная отрыжка гадчайшего табаку и мерзейшего пива» (Анненков, 1989: 62). Годы, проведенные Гоголем в Италии, усилили его разочарование европейской цивилизацией. Не жаловал за границу и А. Писемский, который утверждал, что испытывает отвращение к иностранцам, которое не может победить в себе. Он заявлял: «Присутствие иностранца действует на меня уничтожающим образом: я лишаюсь спокойствия духа и желания мыслить и говорить» (Анненков, 1989: 467).

К 40-м годам у русской публики возрос интерес к европейским делам, она стала читать иностранные газеты. Если раньше даже события 1830 г. не вызывали особого интереса, то теперь конфликтные отношения между Францией и Англией за влияние на Египет стали темой для обсуждения самых широких кругов населения. Все больше подданных стало выезжать за рубеж с туристическими целями. Однако, как отмечал Анненков, «русская интеллигенция полюбила не современную, действительную Францию, а какую-то другую – Францию прошлого, с примесью будущего, то есть идеальную, воображаемую, фантастическую Францию» (Анненков, 1989: 179). Париж на русских действовал опьяняюще. Кружила голову свобода общественной жизни. Анненков сравнивал это ощущение города с чувствами путника, «вышедшего из голой степи к давно ожидаемому источнику» (Анненков, 1989: 274). Бурная общественная жизнь, литература, смелые идеи Прудона, Фурье, Бланка разделялись интеллигенцией, находили свое отражение в русской печати, объединяя сторонников европейских ценностей. Последовательным пропагандистом этих идей являлся В. Белинский. Много надежд он связывал с развитием Европы, но, подобно многим русским, оказавшись за границей, испытал разочарование, столкнувшись с европейскими обывателями и увидев, что эти люди не имеют ни малейшего представления об идеях, рожденных своей интеллектуальной элитой. Его единомышленники даже переживали, что, вернувшись из-за границы, Белинский начнет распространять свои скептические взгляды относительно европейской культуры (Анненков, 1989: 347). Знакомство с реальной европейской жизнью отрезвляюще действовало на образованную русскую интеллигенцию. Дурманящее чувство свободы у А. Герцена, когда он впервые оказался за границей, так же быстро сменилось разочарованием. Он открыл для себя новый Запад, который погряз в мещанстве. «Проживши год другой в Европе, мы с удивлением видим, что вообще западные люди не соответствуют нашему понятию о них, что они гораздо ниже его...» (Славин, 1986: 260). «Оконченная, замкнутая личность западного человека, удивляющая нас сначала своей специальностью, вслед за тем удивляет односторонностью. Он всегда доволен собой, его самонадеянность нас оскорбляет. Он никогда не забывает личных видов» (Герцен, 1964: 291).

С некоторыми бытовыми аспектами заграничной жизни нас знакомят воспоминания А. Панаевой. В 1857 г. она поехала на морские ванны для оздоровления. Осенний Берлин показался ей похожим на Петербург. На улицах было много военных и все как бы на одно лицо «с неподвижным гордым выражением лица» (Панаева, 1986: 125). Через М.Л. Огареву Панаева познакомилась с другом И.В. Гёте Беттиной фон Арним, которая организовала благотворительное общество. Однако светские дамы Берлина неохотно жертвовали на благо неимущих. И всех поразила щедрость и великодушие русской барыни Огаревой, сделавшей крупные пожертвования (Панаева, 1986: 127). Сдержанность, порой даже скупость не только материальная, но и духовная со стороны иностранцев, отмечалась многими русскими путешественниками. Примером черствости и бессердечия швейцарцев может служить событие, случившееся с Достоевскими. В Женеве у супругов умерла дочь. Семью постигло огромное горе, соседи знали об этом, однако «прислали просить, чтобы я громко не плакала, так как это действует им на нервы», – писала в своих воспоминаниях Анна Григорьевна (Достоевская, 1987: 200). Люди, безусловно, обладают разными моральными и нравственными качествами. Но все же в России с трудом можно представить подобную ситуацию даже со стороны явных мерзавцев, ведь общественное мнение было бы не на их стороне и это заставляло бы их скрывать свои чувства. В Европе подобное поведение не противоречило общепринятым нормам.

По дороге в Париж Панаевы познакомились с Джузеппе Гарибальди, восхищаясь его патриотизмом и самоотверженной борьбой за независимость Италии. Ф. Достоевский, мимолетно видевший Гарибальди в Женеве, нашел его чрезвычайно симпатичным, а улыбку доброй (Достоевская, 1987: 188). В Париже, куда приехали Панаевы, все русские обедали в дешевом ресторане, обсуждая дела европейские и новости из России. Нелицеприятную характеристику Панаева давала В. Боткину, который во всех видел шпионов, изо всех сил старался казаться парижанином, стыдился говорить по-русски, так как русских считали в Европе дикарями (Панаева, 1986: 131). К сожалению, В. Боткин был не одинок в своей негативной оценке всего русского и в преклонении перед всем иностранным, олицетворяя собой вполне определенную часть русских, желавших «европеизироваться», искусственно трансформируя свою идентичность. Иной представляется позиция самой А. Панаевой по отношению к иностранцам. Так, приехавший в Россию в 1858 г. А. Дюма непременно желал познакомиться с редакторами и сотрудниками журнала «Современник». Панаева, на плечи которой легли заботы о приеме писателя и его свиты, называла его многочисленные посещения не иначе как «нашествием французов». Она не повествует ни о своем отношении к творчеству Дюма, ни о содержании бесед между литераторами. Все в воспоминаниях

сводится к описанию бесцеремонных визитов писателя, которые приводили ее «в негодование». «Дюма был для меня кошмаром в продолжении своего пребывания в Петербурге, потому что часто навещал нас, уверяя, что отдыхает у нас на даче» (Панаева, 1986: 239). Как видим, у Панаевой не было раболепного преклонения перед Дюма только потому, что он француз, хотя подобное отношение писатель часто встречал среди русских и мог считать это за норму. Панаеву не прельщала и мысль о том, что вся Европа будет читать о ней, знакомясь с путевыми заметками Дюма.

Большое значение в формировании образа Европы у образованной части российского общества имели научные труды, посвященные вопросам взаимоотношения между двумя цивилизациями. Огромную роль в этом сыграл труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», вышедший в 1871 г. Отстаивая свою точку зрения о том, что существуют лишь локальные цивилизации, развивающиеся по своим собственным законам, особо выделяя романо-германский и славянский типы культур, ученый противопоставляет их друг другу. По его мнению, основы цивилизации, ее ментальность не могут передаваться другому типу культуры. Этот тезис помогает читателю осознать самобытность своей культуры, определиться со своей идентичностью. Данилевский считал, что славянская цивилизация не является агрессивной, так как благодаря влиянию православия в ней общественное начало всегда преобладало над личным. Европа же, «не признавая нас своими», в славянах видит только враждебное начало. И поэтому «вешатели, кинжалщики и поджигатели становятся героями, коль скоро их гнусные поступки обращены против России. Защитники национальностей умолкают, коль скоро дело идет о защите русской народности» (Данилевский, 2008: 64). О всех несправедливостях по отношению к России и русским «Европа не знает, потому что не хочет знать, или, лучше сказать, знает так, как знает хочет, то есть как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости, ненависти и презрению» (Данилевский, 2008: 65). Мнение Данилевского считалось в России авторитетным. Ознакомление читающей публики с его трудами способствовало формированию у нее по отношению к Европе чувства настороженности и недоверия. Тезисы Данилевского о том, что менталитет определяет характер культуры в целом, не противоречил выводам, сделанным в ходе обычной повседневной жизни. Мать Анны Григорьевны Достоевской была шведкой, «смотрела на жизнь западным, более культурным взглядом», она боялась, что «вложенные воспитанием добрые навыки» исчезнут под влиянием «русской беспорядочно-гостеприимной жизни». Сама Анна Григорьевна, считая себя русской, а Россию – своей родиной, противопоставляла русский национальный характер, с его открытостью и великодушием, «немецкой и английской хладнокровности и расчетливости» (Достоевская, 1987: 162). Эти черты, присущие европейцам, А. Достоевская противопоставляла увлекающейся, эмоциональной натуре своего мужа. Ее мнение относительно различия менталитетов европейцев и русских разделялось большинством населения России.

Научная деятельность Т.Н. Грановского, его блестящие лекции по истории европейского Средневековья возбуждали интерес и желание познакомиться с западной культурой. Идеи ученого способствовали формированию либеральной идеологии в России, ориентированной на привнесение на российскую почву западных ценностей. Среди его слушателей были будущие лидеры либерального движения К. Кавелин, Б. Чичерин, историк С. Соловьев. Идеалом для Грановского была свобода воли. Он считал, что без свободы невозможно развитие общества в целом. Государственное же устройство крепостной России явно не соответствовало этим идеалам. Вместе с тем публичные выступления ученого, его статьи формировали уважительное отношение к власти. Его убежденность в необходимости сильной власти была основана на анализе западноевропейской истории. К этому выводу он приходит, работая над докторской диссертацией о деятельности аббата Сугерия, которая в значительной мере способствовала формированию монархии во Франции и преодолению феодальной анархии. Основываясь на полученных знаниях, Грановский также утверждал, что «монархическое начало лежит в основе всех великих явлений русской истории» (Грановский, 1900: 30). Таким образом, научные концепции Грановского, основанные на анализе европейской культуры, способствовали формированию в среде русской интеллигенции либеральных идей, ориентированных на западные ценности. Однако жизнь внесла свои коррективы и во взгляды Грановского. Всю жизнь он пропагандировал гуманистические ценности Европы. Но после разгрома в ходе Крымской войны Севастополя англо-французскими войсками ученый стал задаваться вопросом, насколько эти ценности отвечают реальности.

Рассматривая печать как мощное средство воздействия на общественное сознание, нельзя не остановиться на деятельности талантливого литератора И.В. Киреевского. Лекции, прослушанные в 1830 г. в Берлинском университете, произвели на него большое впечатление и определили отношение к европейской культуре в целом. Недаром журнал, задуманный им, стал называться «Европеец». Название имело вполне определенное значение и выражало идеи его редактора. Журнал состоял из пяти разделов: «1. Наука. 2. Изящная словесность. 3. Биографии знаменитых современников. 4. Критика. 5. Смесь: Библиография, известия, замечания о литературе и науках, о русских и иностранных театрах, новости...» (ЦГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Д. 5. Л. 1). Киреевский считал Россию «необразованной, грубой, китайски-неподвижной». И поэтому со страниц журнала он призывал русскую интеллигенцию обратиться к просвещению своего отечества, опираясь на

европейский опыт. «Просвещение у нас распространяться не может иначе, как с распространением иностранного образа жизни, иностранного платья, иностранных обычаев, которые сближают нас с Европой физически и, следовательно, способствуют и нашему нравственному и просвещенному сближению» (Европеец, 1989: 108). Как видим, на ранних этапах своей деятельности Киреевский признавал преимущества западного образа жизни, отстаивая позитивный характер западного влияния. Смысл своей деятельности он видел в том, чтобы «поравняться с остальной Европой». Запрещение журнала «Европеец», приведшее к тяжелому душевному кризису, общение со старцами Оптиной Пустыни послужило поводом для переосмысления действительности и формированию новой мировоззренческой позиции, основанной на осознании особенностей православной веры, что в свою очередь привело к пересмотру западных ценностей. Новые идеи, связанные с приобщением к православию, легли в основу формирования концепции славянофильства, которая предлагала уже совершенно другой взгляд на западную культуру. Критикуя западный рационализм, славянофилы выступали не за подражание Западу, а за усвоение его достижений в соответствии с национальной культурой. Выступая за традиционализм, незыблемость православной веры, сохранение общины, самодержавие, патриархальные формы жизни, они не отвергали такие либеральные ценности, как отмена телесных наказаний, реформы, отмена цензуры, модернизация экономики.

Идейный раскол в среде интеллигенции на западников и славянофилов предопределил разное отношение к ценностям западной культуры. Решительным проводником западных ценностей являлся И.С. Тургенев, популярность которого способствовала его большому влиянию на различные общественные слои России. Мировоззрение будущего писателя во многом сформировалось под влиянием философии Шеллинга и Гегеля, которая внушала русской молодежи 30-х годов веру в возможность разумного преобразования мира. Общение с Грановским оказало влияние на его нравственное развитие. Не принимая крепостной действительности, он горячо поддерживал реформы Александра II. Называя себя убежденным западником и утверждая, что Россия является частью Европы, Тургенев, однако, не терял веры в русскую самобытность. Убежденность его в отсталости цивилизации России от Европы основывалась на сравнении положения писателя там и здесь, на возможности последнего влиять на общественное мнение. Однако сама вера Тургенева в разумное преобразование мира, как основной постулат европейской культуры, постепенно подвергался им сомнению как в результате споров с оппонентами, так и под влиянием процессов реальной жизни. На то, что рационалистическое начало ведет к нравственному и духовному оскудению Запада и что «начала западного просвещения чужды русской жизни», внимание Тургенева обращает Хомяков (Лебедев, 1990: 285). Постепенно и сам писатель замечает, что Европа погрязла в мещанстве. Так, он пишет из Парижа А.Н. Островскому: «Все здесь измельчалось и изломалось. Простоты и ясности и не ищи; все здесь хитро и столь же бедно, нищенски бедно сколь хитро» (Лебедев, 1990: 337). В декабре 1856 г. он пишет С. Аксакову, что «общий уровень нравственности понижается с каждым днем – жажда золота томит всех и каждого – вот вам Франция!» (Лебедев, 1990: 338). Высказывания Тургенева не противоречат мнению Анненкова, который, посетив Европу в очередной раз в 1858 г., писал, что стремление к роскоши там было всегда, «но с Наполеона III оно забыло все приличия», «на улицах европейских городов шел постоянный пир и праздник. Вид общего благосостояния обманывал туристов» (Анненков, 1989: 395). Герцен с горечью констатировал, что под влиянием мещанства все изменилось в Европе. Стоящий на консервативных позициях Греч в унисон либеральному лагерю утверждал, что во Франции «грубый материализм, неуважение к старшим, своекорыстие, исключительное поклонение деньгам – представляются на каждом шагу» (Греч, 1839: VI). Но не все были способны за внешней мишурой и блеском разглядеть симптомы надвигающегося кризиса. Франко-прусская война пошатнула веру Тургенева в европейскую цивилизацию. Он все больше убеждается в том, что русских не понимают, что налицо нравственная и психическая разница между русскими и европейцами. И если русский вечно копается в своей душе, решая нравственные вопросы, то европеец идет по проложенному руслу, действуя согласно установленным формулам, опираясь на национальное самодовольство и мещанскую расчетливость. Длительное пребывание писателя за границей формирует у него ощущение оторванности от родины и приводит к нравственному кризису. В письме к Е. Ламберт он признается: «Мне тяжело жить во Франции – где поэзия мелка и мизерна, природа положительно некрасива, музыка сбивается на водевиль или каламбур – а охота отвратительна» (Тургенев, 1982–1991: Т. 4: 241). Мнение Тургенева как знатока европейской культуры имело большое значение для формирования стереотипного образа европейца в сознании русской интеллигенции. Роман «Отцы и дети», в котором он рассматривал нигилизм как явление западной культуры в контексте российской действительности, произвел на русскую публику громадное впечатление. Не оставляя никого равнодушным, он во многом способствовал размежеванию общества на сторонников и противников обозначившихся в России общественно-политических тенденций. Представление о нравах и быте Франции у русского читателя складывалось во многом благодаря переводам Тургеневым романов Золя, Мопассана, Флобера. Можно отметить, что Флобер свою известность как писатель получил благодаря переводам Тургенева первоначально в России, а потом уже во Франции.

Выразителем официального взгляда правительства на социально-экономические процессы, происходившие за границей, можно считать Н.И. Греча. Будучи публицистом и издателем, он постоянно находился в центре литературной и общественной жизни страны. Греч оставил богатое литературное наследие. Его «Письма из Англии, Германии и Франции» вышедшие в 1839 г., содержат подробные сведения о европейской жизни. В них он касался вопросов образования, театральной жизни, особенностей архитектуры, положения писателей и издательского дела, особенностей политического устройства. По замыслу писателя записки должны были носить публичный характер, так как он считал, что «журналы и ведомости во всех просвещенных землях признаются лучшим средством к направлению общего мнения, к искоренению вредных вестей и слухов и к распространению полезных мыслей». Далее он пеняет на то, что у нас «существует какая-то неутолимая страсть находить дурным всё, что ни делает правительство, чернить и унижать его меры и из самого добра высасывать зло» (ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. 1881).

Как представитель консервативного лагеря, стоявший близко к правительственным структурам, он выступал против представительного правления, которое «не ведет к добру», «обращает во зло самые благие намерения правительств». Посетив Парижский парламент, Палату депутатов, он приходит к выводу, что «личная выгода и тщеславие суть главные движители всех здешних действий» (Греч, 1839: 229). Франции, которая после революции 1830 г. предала все свои нравственные идеалы и основной ценностью которой стало потребление и обогащение, он противопоставляет Англию, которая чтит свою историю и закон. Связывая падение нравов во Франции с событиями 1830 г., Греч подводит читателя к мысли о пагубном влиянии революции на общество в целом и, исходя из европейского опыта, предостерегает о недопустимости подобного в России.

5. Заключение

Проблема с определением своей идентичности, решение вопроса «свой-чужой» определяли культурную ситуацию в России XIX века. В контексте разрешения этой проблемы в обществе возник интерес к мемуарам, воспоминаниям, научным трудам, освещавшим различные аспекты зарубежной жизни. Именно они являлись теми средствами, при помощи которых личные впечатления становились достоянием общества и формировали его восприятие Европы. Большую роль в формировании массового сознания, основанного на определенных стереотипах, сыграла периодическая печать. На основе неверно сформированных стереотипов делались неправильные выводы и умозаключения как относительно отдельных представителей, так и европейской культуры в целом. Идеализация европейских ценностей и образа жизни при более близком с ними знакомстве приводила русскую интеллигенцию к разочарованию, разную степень которого испытали практически все побывавшие за рубежом, причем политические воззрения путешественников не играли здесь какой-то определяющей роли. Анненков, Тургенев, Герцен, Белинский, Данилевский, Хомяков, Достоевский, Киреевский, Греч имели разное представление о характере взаимоотношений с Европой, принадлежали к разным общественно-политическим течениям, однако все сходились во мнении, что материальные ценности и жажда обогащения стали преобладающими факторами в сознании европейцев. Умозаключения эти они сделали на основе как личных бытовых контактов, так и в результате анализа социальной жизни Европы в целом. Общим для всех русских, как выезжавших за рубеж, так и никогда не покидавших своей страны, являлось восприятие Европы как особого региона со своими специфическими культурно-экономическими связями, весьма отличными от российских. Европа, несмотря на ее многообразие, воспринималась в России как единое целое. Обособленность России от Европы не подвергалась сомнению никем. Для русской интеллигенции главным являлся вопрос о национальной идентичности, в основе которого лежало понимание своеобразия своей культуры. Исходя из этого, она стояла перед выбором характера отношений с Западом. Осознание русской интеллигенцией места, которое Россия занимала в системе европейских цивилизаций, во многом предопределяло политическую и социально-экономическую программу развития государства в целом.

Литература

- Аксенова, 2020 – Аксенова М.В. «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча в контексте русской литературы путешествий XIX века // *Палимпсест. Литературоведческий журнал*. 2020. № 3(7). С. 7-21.
- Анненков, 1989 – Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989.
- Баженова, Семина, 2008 – Баженова Т.П., Семина В.С. Сущность европеизации русской культуры // *Аналитика культурологии*. 2008. № 10. С. 174-185.
- Герцен, 1964 – Герцен А.И. Избранные произведения. М., 1964. 434 с.
- Грановский, 1900 – Грановский Т.Н. Сочинения. М., 1900. 659 с.
- Греч, 1839 – Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Ч. 1. СПб., 1839. 254 с.
- Греч, 2013 – Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Ч. 2. М., 2013. 290 с.
- Данилевский, 2008 – Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2008. 816 с.

- Достоевская, 1987 – Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1987. 544 с.
- Европеец, 1989 – Европеец, журнал И.В. Киреевского. М., 1989. 536 с.
- Ионайтис, 2017 – Ионайтис О.Б. И.В. Киреевский: жизнь после «Европейца» // *Известия Уральского федерального университета*. 2017. Сер. 3. Т. 12. № 4(170). С. 152-161.
- Калугин, Терехова, 2011 – Калугин А.С., Терехова Г.Л. Философские идеи И.В. Киреевского о западноевропейском рационализме и русской православной цельности // *Вестник ТГТУ*. 2011. Т. 17. № 3. С. 878-883.
- Калякина, 2017 – Калякина А.В. Русский аристократический туризм в Европе (вторая половина XIX в.) // *Вестник Моск. ун-та*. Сер. 19. 2017. № 4. С. 178-187.
- Карантеева, 2008 – Карантеева И.Л. И.С. Тургенев в диалоге русской и французской культур // *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. 2008. № 1. С. 243-247.
- Кирсанова, 2014 – Кирсанова Е.С. Личность историка на пересечении мнений о старых и новых подходах к изучению творчества Т.Н. Грановского // *Диалог со временем*. 2014. № 47. С. 36-47.
- Лебедев, 1990 – Лебедев Ю.В. Тургенев. М., 1990. 608 с.
- Мосейкина, 2015 – Мосейкина М.Н. У истоков формирования русского мира (XIX – начало XX века) // *Сова*. 2015. № 4(27). С. 179-193.
- Панаева, 1986 – Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. М., 1986. 512 с.
- Развозжаева, 2016 – Развозжаева Е.В. Франция в дневниках и заметках русских путешественников конца XIX – начала XX вв. // *Новейшая история России*. 2016. № 1. С. 164-182.
- Рейтблат, 2018 – Рейтблат А.И. Наблюдательный наблюдатель: Н.И. Греч и III отделение // *Литературный факт*. 2018. № 10. С. 108-164.
- Семина, Баженова, 2007 – Семина В.С., Баженова Т.П. Феномен «русского европейца» в контексте русской культуры XVIII – середины XIX веков // *Аналитика культурологии*. 2007. № 8. С. 221-232.
- Славин, 1986 – Славин Л.И. Ударивший в колокол: повесть об Александре Герцене. М., 1986. 463 с.
- Соколов, 2014 – Соколов А.Б. Идеиные и идеологические воззрения Тимофея Грановского // *Ярославский педагогический вестник*. 2014. № 1. Т. 1. С. 34-39.
- Судаков, 2011 – Судаков А.К. «Особенность России»: Иван Киреевский о русской идее и русской беде // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2011. Т. 12. Вып. 3. С. 159-173.
- Тургенев, 1978 – Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М., 1978.
- Шатохина, 2019 – Шатохина С.Б. Русские путешественницы в Европе в середине XIX – XIX вв. // *Вестник Брянского государственного университета*. 2019. № 2. С. 115-121.
- Щукин, 2002 – Щукин В.Г. Историческая драма русского европеизма // *Вестник Европы*. 2002. № 4. С. 15-37.
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G., Akhtamov E.A. Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1299-1307.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2020 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Malyutina L.F., Belgorodskaya L.V. (2020). Historical Stereotypes of Foreign Travelers about Russia of the XIXth century // *Bylye Gody*. 56(2): 595-603.
- Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Malyutina L.F., Akhtamov E.A. Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 652-660.

References

- Aksenova, 2020 – Aksenova M.V. (2020). «Putevye pis'ma iz Anglii, Germanii i Francii» N.I. Grecha v kontekste russkoj literatury puteshestvij XIX veka [“Travel Letters from England, Germany and France” by N.I. Grech in the context of Russian Travel Literature of the XIX century]. *Palimpsest. Literaturovedcheskij zhurnal*. 3(7): 7-21. [in Russian]
- Annenkov, 1989 – Annenkov, P.V. (1989). *Literaturnye vospominaniya* [Literary memoirs]. Moscow. 688 p. [in Russian]
- Bazhenova, Semina, 2008 – Bazhenova, T.P., Semina, V.S. (2008). Sushchnost' evropeizacii russkoj kul'tury [The essence of the Europeanization of Russian culture]. *Analitika kul'turologii*. 10: 174-185. [in Russian]
- Danilevskij, 2008 – Danilevskij, N.Ya. (2008). Rossiya i Evropa: vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu [Russia and Europe: a look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romance]. Moscow. 816 p. [in Russian]

- [Dostoevskaya, 1987](#) – *Dostoevskaya, A.G.* (1987). *Vospominaniya* [Memories]. Moscow. 544 p. [in Russian]
- [Evropeec, 1989](#) – *Evropeec*, zhurnal I. V. Kireevskogo [The European, the magazine of I. V. Kireevsky]. Moscow. 1989. 536 p. [in Russian]
- [GARF](#) – Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- [Gercen, 1964](#) – *Gercen, A.I.* (1964). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow. 434 p. [in Russian]
- [Granovskij, 1900](#) – *Granovskij, T.N.* (1900). *Sochineniya* [Essays]. Moscow. 659 p. [in Russian]
- [Grech, 1839](#) – *Grech, N.I.* (1839). *Putevye pis'ma iz Anglii, Germanii i Francii*. Ch. 1 [Travel letters from England, Germany and France. Part 1]. Saint-Petersburg. 254 p. [in Russian]
- [Grech, 2013](#) – *Grech, N.I.* (2013). *Putevye pis'ma iz Anglii, Germanii i Francii*. Ch. 2 [Travel letters from England, Germany and France. Part 2]. Moscow. 290 p. [in Russian]
- [Gryaznukhin et al., 2021](#) – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Karchaeva, T.G., Akhtamov, E.A.* (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms. *Bylye Gody*. 16(3): 1299-1307.
- [Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015](#) – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V.* (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4): 972-981.
- [Gryaznukhina et al., 2020](#) – *Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina, L.F., Belgorodskaya, L.V.* (2020). Historical Stereotypes of Foreign Travelers about Russia of the XIXth century. *Bylye Gody*. 56(2): 595-603.
- [Gryaznukhina et al., 2021](#) – *Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina L.F., Akhtamov, E.A.* (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16(2). Pp. 652-660.
- [Ionajtis, 2017](#) – *Ionajtis, O.B.* (2017). I.V. Kireevskij: zhizn' posle «Evropejca» [I.V. Kireevsky: life after the "European"]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Ser. 3. T. 12. 4(170): 152-161. [in Russian]
- [Kalugin, Terekhova, 2011](#) – *Kalugin, A.S., Terekhova, G.L.* (2011). Filosofskie idei I.V. Kireevskogo o zapadnoevropejskom racionalizme i russkoj pravoslavnoj cel'nosti [I.V. Kireevsky's Philosophical Ideas on Western European Rationalism and Russian Orthodox Wholeness]. *Vestnik TGTU*. T. 17. 3: 878-883. [in Russian]
- [Kalyakina, 2017](#) – *Kalyakina, A.V.* (2017). Russkij aristokraticeskij turizm v Evrope (vtoraya polovina XIX v.) [Russian aristocratic tourism in Europe (the second half of the XIX century)]. *Vestnik Mosk. un-ta*. Ser. 19. 4: 178-187. [in Russian]
- [Karanteeva, 2008](#) – *Karanteeva, I.L.* (2008). I.S. Turgenev v dialoge russkoj i francuzskoj kul'tur [Turgenev in the dialogue of Russian and French cultures]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 1: 243-247. [in Russian]
- [Kirsanova, 2014](#) – *Kirsanova, E.S.* (2014). Lichnost' istorika na peresechenii mnenij o staryh i novyh podhodah k izucheniyu tvorchestva T.N. Granovskogo [The personality of the historian at the intersection of opinions about old and new approaches to the study of T.N. Granovsky's work]. *Dialog so vremenem*. 47: 36-47. [in Russian]
- [Lebedev, 1990](#) – *Lebedev, Yu.V.* (1990). Turgenev [Turgenev]. Moscow. 608 p. [in Russian]
- [Mosejkina, 2015](#) – *Mosejkina, M.N.* (2015). U istokov formirovaniya russkogo mira (XIX – nachalo XX veka) [At the origins of the formation of the Russian world (XIX – early XX century)]. *Sova*. 4(27): 179-193. [in Russian]
- [Panaeva, 1986](#) – *Panaeva (Golovacheva), A.Ya.* (1986). *Vospominaniya* [Memories]. Moscow. 512 p. [in Russian]
- [Razvozzhaeva, 2016](#) – *Razvozzhaeva, E.V.* (2016). Franciya v dnevnikah i zametkah russkih puteshestvennikov konca XIX – nachala XX vv. [France in the diaries and notes of Russian travelers of the late XIX – early XX centuries]. *Novejshaya istoriya Rossiya*. 1: 164-182. [in Russian]
- [Rejtblat, 2018](#) – *Rejtblat, A.I.* (2018). Nablyudatel'nyj nablyudatel': N.I. Grech i III otdelenie [Observant observer: N.I. Grech and the III department]. *Literaturnyj fakt*. 10: 108-164. [in Russian]
- [RGALI](#) – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art].
- [Semina, Bazhenova, 2007](#) – *Semina, V.S., Bazhenova, T.P.* (2007). Fenomen «russkogo evropejca» v kontekste russkoj kul'tury XVIII – serediny XIX vekov [Russian European phenomenon in the context of Russian Culture of the XVIII – mid-XIX centuries]. *Analitika kul'turologii*. 8: 221-232. [in Russian]
- [Shatohina, 2019](#) – *Shatohina, S.B.* (2019). Russkie puteshestvennicy v Evrope v seredine XIX–XIX vv. [Russian travelers in Europe in the middle of the XIX–XIX centuries]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2: 115-121. [in Russian]
- [Shchukin, 2002](#) – *Shchukin, V.G.* (2002). Istoricheskaya drama russkogo evropeizma [Historical drama of Russian Europeanism]. *Vestnik Evropy*. 4: 15-37. [in Russian]
- [Slavin, 1986](#) – *Slavin, L.I.* (1986). *Udarivshij v kolokol: povest' ob Aleksandre Gercene* [The One who Struck the Bell: the Story of Alexander Herzen]. Moscow. 463 p. [in Russian]

Sokolov, 2014 – Sokolov, A.B. (2014). Idejnye i ideologicheskie vozzreniya Timofeya Granovskogo [Ideological and ideological views of Timofey Granovsky]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 1(1): 34-39. [in Russian]

Sudakov, 2011 – Sudakov, A.K. (2011). «Osobennost' Rossii»: Ivan Kireevskij o russkoj idee i russkoj bede [Russian feature: Ivan Kireevsky on the Russian idea and the Russian trouble]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*. T. 12. Iss. 3. Pp. 159 – 173. [in Russian]

Turgenev, 1978 – Turgenev, I.S. (1978). Polnoe sobranie sochinenij i pisem v tridczati tomach [Complete works and letters in thirty volumes]. Moscow. [in Russian]

Отношение русской интеллигенции XIX в. к ценностям и образу жизни западноевропейского общества

Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *}, Татьяна Владимировна Грязнухина ^a,
Анна Павловна Дворецкая ^a, Анна Сергеевна Жулаева ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Проблема определения национальной идентичности в России XIX столетия проявилась в необходимости понимания своего места в конгломерате культур, в определении характера отношений с европейской цивилизацией. Предметом исследования является анализ отношения русской интеллигенции к ценностям и образу жизни западноевропейского общества. Исследование основано на анализе мемуарной литературы, воспоминаний, научных трудов представителей русской интеллигенции, имевших большое влияние на общественное мнение и оказавших значительное воздействие на формирование национального самосознания. Отсутствие единой позиции среди русской интеллигенции по вопросам характера взаимоотношений с европейской цивилизацией привело ее к расколу на два лагеря, славянофилов и западников, что существенным образом осложняло решение вопроса национальной идентичности. Рассмотрены источники получения российской общественностью сведений о жизни за границей. К ним относятся как личные контакты в ходе европейских путешествий, так и опубликованные мемуарные впечатления. Большое значение в формировании образа Европы сыграли периодическая печать и научные труды, посвященные данной проблематике, например книга Н. Данилевского «Россия и Европа». Желание россиян посетить Европу и как можно больше узнать о ней встречало противодействие официальной власти, которая не приветствовала активных русско-европейских контактов по идеологическим соображениям. Анализ источников и трудов современных авторов показал, что, невзирая на различие убеждений, русская интеллигенция воспринимала Европу как единое культурно-историческое пространство, весьма отличное от России. Характер отношений с Европой русской интеллигенцией определялся в соответствии с ее представлением о прошлом развитии страны, которое у разных ее представителей было весьма различно.

Ключевые слова: Россия XIX в., интеллигенция, Европа, образ жизни, идентичность, ценности, мемуары, западники, славянофилы.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), advoreckaya@mail.ru (А.П. Дворецкая), annzhul@mail.ru (А.С. Жулаева)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 125-136
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.125

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Issues of the Origin of the Cossacks in the Don Historiography of the XIX – early XX centuries

Elena V. Krinko ^{a, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The Don historiography of the 19th – early 20th centuries paid considerable attention to the origin of the Cossacks. This is largely due to the interest of the Cossacks in their historical roots. The article deals with the studies of A.G. Popov (“History of the Don Army”), E.N. Katelnikov (“Historical information of the Don Cossacks about the Verkhne-Kurmoyarsk village”), V.D. Sukhorukov (“Historical description of the Land of the Don Cossacks”), N.I. Krasnov (“Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Land of the Don Cossacks”), V.M. Pudavov (“History of the Don Army and the old times of the beginnings of the Cossacks”), Kh.I. Popov (“A Brief Essay on the Past of the Don Cossacks”), P.P. Sakharov (“The Origin of the Free Don Cossacks and the First Services of the Cossacks of Russia”), E.P. Savelyev (“Ancient history of the Cossacks (historical research)”) and other authors of the 19th – early 20th centuries. Some historians considered the ancient peoples of Eurasia and even mythological creatures to be the ancestors of the Cossacks. Others associated its origin with the departure of the Russian population to the Don and other outskirts as a result of socio-economic and political processes. The author identifies and characterizes various theories of the origin of the Cossacks, explains the reasons for their appearance, related both to the development of historical science and the evolution of the Cossacks themselves, their self-consciousness.

Keywords: Russian historiography, regional historiography, origin of the Cossacks, E.N. Katelnikov, N.I. Krasnov, A.G. Popov, H.I. Popov, V.M. Pudavov, E.P. Saveliev, P.P. Sakharov, V.D. Sukhorukov.

1. Введение

Вопросы происхождения казачества давно и небезосновательно порождают дискуссии среди исследователей. При этом их обсуждение нередко выходит за рамки профессионального дискурса и приобретает общественно значимый характер. Особый интерес они вызывали и продолжают вызывать в среде самого казачества, связанных с ним или позиционирующих себя как казацки средства массовой информации, а в настоящее время – и в соответствующих социальных сетях. Высказываемые оценки нередко повторяют содержание наиболее популярных работ предшествующих исследователей, в то время как другие работы и их авторы незаслуженно преданы забвению. Все это обуславливает необходимость переосмысления и систематизации историографического опыта.

Истоки дискуссий о происхождении казачества уходят в XVIII в. К данной теме обращались многие известные историки императорской России – Г.З. Байер, В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин, Н.М. Карамзин, Д.И. Иловайский, С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, В.О. Ключевский, М.К. Любавский и другие авторы. Значительное внимание уделялось ей и в региональной историографии, работы представителей которой не столь широко известны. Особого внимания

* Corresponding author

E-mail addresses: sun_hellen@mail.ru (E.V. Krinko)

заслуживает донская историография, пережившая настоящий расцвет на рубеже XIX – начала XX вв. После революции 1917 г., Гражданской войны и утверждения советской власти он завершился с эмиграцией ее отдельных представителей и с прекращением или снижением исследовательской деятельности других авторов. Помимо собственно научного вклада, донская историография рассматриваемого периода представляет интерес также в политическом и социокультурном отношении, как форма саморефлексии той части интеллектуальной элиты, которая представляла интересы самого казачества или была с ним в той или иной мере связана.

В качестве первой специальной попытки обобщения вклада донских исследователей в изучение казачьей темы следует отметить изданную в 1909 г. работу преподавателя Донской духовной семинарии и члена Донского областного статистического комитета А.А. Кириллова «Краткое обозрение истории о донских казаках. Опыт библиографии Донской истории» (Кириллов, 1909). Историографические, библиографические и биографические сведения об отдельных донских историках приводились и в других публикациях.

В советской исторической науке сложилось критическое отношение к дореволюционной историографии, в том числе и к донской, как и к истории казачества в целом. Одним из редких исключений стал очерк А.М. Линина о взаимоотношениях А.С. Пушкина и В.Д. Сухорукова, которого оправдывала в глазах советских историков его близость к декабристам (Линин, 1941). обстоятельное исследование было подготовлено в 1957 г. П.П. Сахаровым, но оно так и осталось неопубликованным (Сахаров, 1957).

Для современной историографии характерен возросший интерес к работам донских исследователей XIX – начала XX вв. по истории казачества (Мининков, 2010; Татарченко, 2013; Юрченко, 2013; Peretyatko, 2022 и др.). Не раз становились предметом специального изучения и работы отдельных донских историков XIX – начала XX вв. (Мининков, 2002; Савчук, 2003; Камозин, 2006; Мининков, 2011; Юрченко, 2011; Стегленко, 2015; Стегленко, 2016; Перетятко, 2022 и др.). Однако комплексное отражение проблемы происхождения казачества в донской дореволюционной историографии рассматриваемого периода все еще не получило соответствующего осмысления.

2. Материалы и методы

Методологическую основу статьи составили принципы историзма и системности, обусловившие изучение донской историографии XIX – начала XX вв. в ее динамическом развитии в контексте определенной конкретно-исторической эпохи как единого, сложного и целостного процесса зарождения и формирования исторических знаний о происхождении казачества, с учетом воздействия на него различных факторов. При изучении историографических источников, в качестве которых выступают исторические труды представителей дореволюционной историографии, использовались сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы. Первый выражался в сопоставлении взглядов разных авторов по вопросам происхождения казачества, а второй – в их изучении в хронологической последовательности, обеспечивающей понимание преемственности в историографическом процессе.

3. Обсуждение и результаты

С донским казачеством связаны исследования многих авторов, в том числе и тех, кто кратковременно посещал или подолгу жил на территории (с 1786 г. – Земли, с 1870 г. – Области) Войска Донского. Но не все из них могут быть отнесены непосредственно к донской историографии. В частности, это касается автора первого самостоятельного обобщающего труда по истории донского казачества военного инженера А.И. Ригельмана (Ригельман, 1846). В современной историографии он заслужил положительную оценку «добросовестного исследователя, стремившегося привлечь максимально широкий круг источников» (Аваков, 2008). Но он не может считаться донским историком, а его труд до середины XIX в. практически не был известен на Дону.

Предметом исследования в данной статье выступают работы донских историков, вне зависимости от их социально-сословного происхождения, созданные в период XIX – начала XX вв. Принципиально важными являются сам факт создания исторического труда на Дону и его включение в региональное историографическое пространство, предполагающее взаимосвязь и взаимовлияние с работами других донских историков. При этом он мог быть опубликован как при жизни, так и после смерти автора, как это произошло, например, с работами В.Д. Сухорукова или В.М. Пудавова.

Первый исторический труд по истории Войска Донского непосредственно на Дону был создан выпускником Московского университета А.Г. Поповым (1763–1844), директором учебных заведений в Войске Донском, а затем первым директором гимназии в Новочеркасске. В 1814–1816 гг. написанная им «История о Донском войске» была издана в двух частях в Харькове (История о Донском, 1814–1816). Труд его представлял интерес уже «тем, что он был первым историческим сочинением донца о донцах» (Л.Б., 1906: 56). Однако и по содержанию, и по стилю изложения он вызвал и вызывает острую критику как компилятивная работа, не соответствующая «уровню историографии и культурным запросам своего времени» (Мининков, 2011: 3).

Это особенно проявлялось в оценках А.Г. Поповым происхождения казачества. Он начал историю Донского войска с описания «первоначальных обитателей страны, занимаемой ныне сим войском» (Попов, 1814: 1), и отнес к таковым амазонок, затем скифов и сарматов, от которых вывел аланов и готов, не видя между ними различий, а позже и славян (Попов, 1814: 59, 78-79).

О Войске Донском А.Г. Попов впервые упомянул в связи с оказанным тем содействием князю Дмитрию Ивановичу в победе над Мамаем на Куликовом поле, подчеркнув более давнее его происхождение: «Мы усматриваем, что сие войско издревле называлось Донскими козаками, а земля их Козакиею; ибо на персидском языке козак – значит Скифа» (Попов, 1814: 111). В период существования Золотой Орды, по его словам, «Донское войско называемо было Ордынским и Азовским», а также Черкасским по имени «Агуса или Акустия Черкаса, избравшего главным городом сего народа Черкасск» (Попов, 1814: 115-116). Но с ослаблением татар, «будучи единоплеменным, единоверным и одного наречия с Россиянами, ведя свой род от Сармато-Скифов, как Козары, посредством которых и вера к ним введена единообразная», перешло на службу к Ивану IV (Попов, 1814: 115-116).

Фантазмагорическое смешение народов в данном труде сочетается с описаниями их обычаев, нередко принимающими фантастический характер. Все это объясняется тем, что главными источниками для А.Г. Попова служили некритично воспринятые им работы предыдущих авторов – от греческих и римских историков Диодора Сицилийского, Юстина и многих других до современного ему С. Богуша-Сестренцевича. По словам А.А. Кириллова, в которых звучит сарказм, «для составления истории Попову были широко открыты двери местных архивов и заведовавшим ими приказано было со стороны войскового наказного атамана оказывать ему всевозможное содействие. Однако г. Попов углубился в такую даль веков и захватил такой исторический период, для которого не было и нет в местных архивах данных; недра же Донской земли не открыли ему своих сокровищ» (Кириллов, 1909: 6).

Прямо противоположную оценку (Мининков, 2011) заслужил написанный через несколько лет труд есаула Е.Н. Кательникова (Котельникова) (1774/1775–1852/1855) «Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожилков и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня» (Кательников, 1886). Хотя он в основном был посвящен истории его родной станицы, здесь также рассматривались и более общие вопросы происхождения донского казачества. Но, в отличие от А.Г. Попова, Е.Н. Кательников опирался не на древних авторов, а на непосредственно собранные им материалы. Он согласился с высказанным русским историком XVIII в. И.Н. Болтиным мнением о происхождении казаков от русских, соотествовавшим и «рассказам предков наших», приведя в доказательство историческую песню «о пожаловании реки Дона казакам» (Кательников, 1886: 1). Разделив казаков на основании особенностей речи на верховцев, серединцев и низовцев, Е.Н. Кательников подчеркивал: «Весь вообще казачий род есть российский природный; даже вошедшие в него некоторые калмыцкие, татарские, греческие и турецкие племена через смешение изменились совсем в русский род» (Кательников, 1886: 4-5). Однако труд отправленного в ссылку на Соловки за сектантство Е.Н. Кательникова на долгие годы оказался в забвении и был издан только в 1886 г. под редакцией и с предисловием секретаря Областного войска Донского статистического комитета И.П. Попова.

Похожая судьба ожидала и исследования В.Д. Сухорукова (1795–1841). В 1819 г. по ходатайству войскового атамана А.К. Денисова и под его председательством по Высочайшему соизволению был учрежден Комитет об устройстве Войска Донского. Еще ранее началась топографическая съемка войсковых земель, заведовать которой, а затем и сбором статистических сведений на Дону был назначен полковник (с 1820 г. генерал-майор) И.Ф. Богданович. После того как в 1821 г. Комитет возглавил генерал-адъютант А.И. Чернышев, молодому офицеру В.Д. Сухорукову, выпускнику Харьковского университета, под контролем И.Ф. Богдановича было предложено написать военную историю донского казачества. В помощь ему были выделены есаулы А.К. Кушнарев и М.Г. Кучеров, сотник В.П. Поснов. Вместе со своими сотрудниками В.Д. Сухорукову удалось собрать значительное количество документов не только на Дону, но и в Московском архиве (Кириллов, 1909: 9-15). Однако при его жизни была опубликована только одна статья «Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях» (Сухоруков, 1824). В 1827 г. за связь с декабристами В.Д. Сухорукова отправили на Кавказ, изъяв все собранные им материалы по истории донских казаков. Только через несколько лет его сотрудники, к которым присоединился В.М. Пудавов, по указанию генерала И.Ф. Богдановича приступили к разбору и исправлению этих материалов, завершив работу в 1834 г. (Кириллов, 1909: 16). Указанные материалы послужили основой для написания ряда других работ. Но основные труды В.Д. Сухорукова были изданы с внесенными в них исправлениями уже после его смерти также благодаря Областному войску Донского статистическому комитету.

Во вступлении к «Историческому описанию Земли Войска Донского» (Сухоруков, 1867–1872) В.Д. Сухоруков охарактеризовал смену народов в древности на данной территории. Однако он не связывал с ними происхождение казаков, первое появление которых, основываясь на летописях и других документах, датировал концом XV – началом XVI вв.: в Крымской орде – с 1474 г., в Волжской – с 1492 г., в Казанском царстве – с 1491 г., в Астраханском – с 1502 г., в Азове – с 1499 г., в Аккермане

и Белгороде – с 1515 г., впоследствии «были казаки в Очакове, у Чуваш, Черемис и Мордвы». В то же время само слово «казак», по его словам, «известно было в России гораздо прежде этого времени: оно, по мнению некоторых, на языке Монгольском означало пограничного стража и вообще военного человека», также назывались и люди, которые «разорjali Украину». Однако, хотя оно и применялось к «разбойнику, но в отношении ремесла оно не было столько поносным и преступным, как разбойник; ибо этот род жизни и поведения был в духе тогдашнего времени». Таким образом, слово «казак» означало «отважного наездника, живущего набегами и войною, не привязанного к земле и домовности» (Сухоруков, 1867: 4-5).

Ссылаясь на В.Н. Татищева и И.Н. Болтина, В.Д. Сухоруков писал, что в России слово «казак» стало известно от монгольских баскаков, которые «имели при себе казаков для охранения своего и для других надобностей». Первое же упоминание о «наших казаках» он, также вслед за В.Н. Татищевым, нашел в 1444 г. в Рязани (Сухоруков, 1867: 5). Наряду с вольными казаками «для сторожи, при всех пограничных и даже при внутренних Русских городах» учреждались и служилые, которых называли городовыми и поместными казаками. Рассматривая происхождение разных групп казаков – северских, украинских, севрюков, волжских, мещерских, древнейшими В.Д. Сухоруков полагал днепровских, отнеся их начало «к Берендеям – Черкасам, кои в сообществе с Торками и Печенегами называемы были с 1146 г. Черными Клобуками, или по-Татарски Кара-Калпаками» (Сухоруков, 1867: 7).

Первые упоминания о донских казаках В.Д. Сухоруков датировал 1549 г., отмечая, что стихийные процессы формирования войска оставались недостаточно изученными: «Но каким образом и в какое время эти, бродившие на Поле, люди соединились в одно общество и избрали постоянные места для пребывания своего, мы не знаем. Нет сомнения, что в начальном их соединении вовсе не было намерения составить отдельный народ или основать гражданское общество; но сходились они для того, чтобы сделать какой-нибудь набег совокупными силами, разорить улус или селение и получить добычу» (Сухоруков, 1867: 8). Однако у него не вызывало сомнений, что «первое общество донских казаков» образовалось «в начале XVI или, по крайней мере, не ранее последних годов XV столетия», состояло «первоначально из людей, вышедших из разных российских и наиболее из окраинных городов», к которым нередко приобщались «иноземцы, как-то: запорожские черкасы, азовцы и даже самые татары» (Сухоруков, 1867: 12-13).

«Историческое описание Земли Войска Донского» и приложенные к нему документы стали важными источниками при подготовке Н.И. Красновым (1833–1900) соответствующего тома (Материалы для географии..., 1863) в рамках многотомного издания материалов по географии и статистике России. В каждом томе, наряду с географическими, этнографическими, экономическими и другими сведениями, рассматривалась история описываемой губернии или области. Начиная свой исторический очерк с описания страны донских казаков, Н.И. Краснов кратко характеризует проживавшие здесь в древности народы, как и В.Д. Сухоруков, не считая их предками казаков. И выводы его близки выводам В.Д. Сухорукова: «Происхождение Донских казаков, как и всякого другого народа, не оставившего по себе первоначальных источников, составляет загадку, ведущую к различным умозаключениям; однако же, основываясь на большинстве писателей, объяснявших их происхождение, нужно согласиться, что Донские казаки суть выходцы из России, оставившие свою родину по разным причинам и в различное время: иные бежали [от] порабощения помещиками, боярами и чиновным миром, другие оставляли отечество из опасения за жизнь в грозное правление Иоанна IV; наконец, были и такие, которые презирали мирную жизнь хлебопашца, скромные занятия гражданина: эти бежали [из] родных городов и деревень, чтобы дышать свободною жизнью в степи, где удали и молодечеству представлялся безграничный простор. Впоследствии к ним присоединялись выходцы из других земель, в особенности Малороссияне и Запорожцы, бежавшие от притеснений Польши» (Материалы для географии..., 1863: 10). В то же время он подчеркивал: «Идея казачества не нова». И сопоставлял с ним скандинавов, совершавших смелые и отважные набеги на море, а также азиатских «казаков» и отряды монгольских баскаков (Материалы для географии..., 1863: 11).

Участвовавший в разборе материалов, собранных В.Д. Сухоруковым и его сотрудниками, В.М. Пудавов (1803/1804–1863) на протяжении двадцати лет составлял собственную «Историю войска Донского», сохранившиеся части которой уже после смерти автора опубликовал его сын (Пудавов, 1890–1898). Следует согласиться с Г.В. Савчук в том, что «соприкосновение с творчеством Сухорукова не отразилось на мировоззрении и трудах Пудавова, исповедовавшего религиозно-монархические и славянофильские взгляды» (Савчук, 2013). Действительно, в духе славянофильства он противопоставлял Западный и Восточный миры. Именно в контексте этого противостояния рассматривались и казаки – как «вышедшая из глубины его славянской природы сила исторического движения, какой нет в западных государствах» (Пудавов, 1890: 1). Русь, как носительницу подлинных христианских ценностей, В.М. Пудавов считал наследницей древних народов и государств Востока Европы, в первую очередь скифов: «На земле нет такого другого царства православия, как русское; а Русь – племенная наследница скифского, Понтийско-Бористенского (Черноморско-Днепровского) царства» (Пудавов, 1890: 6). Хазарский каганат В.М. Пудавов называл «Хозаро-Русской монархией», считая, что она «отстояла и спасла языческое славянство» от «ислаимизма, вторгавшегося в него с юго-

востока» (Пудавов, 1890: 38). Казачество он наделял особой функцией вооруженного авангарда и защитника православного мира, считая, что оно появилось «для великой, мировой цели: сдержания на востоке Европы равновесия», которое «совершалось вольною двухвековою борьбою казацкою за православие с латинством и исламизмом» (Пудавов, 1890: 90).

Обращаясь непосредственно к происхождению казачества, В.М. Пудавов в первую очередь упомянул черкасов или черных клобуков, главным местом проживания которых являлась правая сторона Днепра, считая их «отрывками западной или Меотийской части хозарской державы», состоявшими «из смеси азиатских и славянских отродий, живших в странах при-Кавказских» (Пудавов, 1890: 64-65). Наряду с ними, на востоке Руси, на Дону, проживали бродники или бронники, по его словам, являвшиеся «благородною вольницею, а не бродягами, какими считали их некоторые толкователи русской древности» (Пудавов, 1890: 69). Именно с исчезновением «имени бродников и бронников, является в первый раз (под 1444 годом) в Рязанской земле имя казаков» (Пудавов, 1890: 70-71). По мнению В.М. Пудавова, «эти два названия в сущности выражают одно и то же», т.е. «черкасы назывались казаками, а казаки черкасами, а те и другие хозарами» (Пудавов, 1890: 71).

Немало внимания В.М. Пудавов уделял и происхождению названия казаков, разбирая близкие по звучанию этнонимы и приходя к выводу, что «имя казак, по началу, принадлежит армяно-персидскому языку и происходит от имени хозарин», в буквальном смысле означало «славянин белый (вольный, братчик)», а в переносном «воин вольного союза (сборно-кругового совета)» (Пудавов, 1890: 78). Этимологические рассуждения заключал неожиданный, но отвечавший славянофильской позиции автора вывод: «Имя казак русскому миру не чужое, а глубоко родное, это имя южных сынов его – славян: явилось оно не из Татарии, а из Кавказской Славянии» (Пудавов, 1890: 78).

Столь же противоречивым является и вывод В.М. Пудавова о зарождении первых казачьих общин. Он считал, что «казацкая станица (беседа, коло, круг), как древняя славяно-туранская основа общежительной защиты, превратилась в народно-охранительное братство, согретое любовью к царю и отечеству, но охлажденное нелюбовью до ненависти к вельможеству». Она сделалась «убежищем людей всех сословий», «представительницею вольнаго праотеческаго самоотвержения в степной борьбе с врагами татарами за своих братьев русаков» (Пудавов, 1890: 83). Выстроив основательный ряд древних предков донского казачества, В.М. Пудавов всех их считал славянами: «Сколь в течении веков не сменяли на Донской черте проходных племена одни других, но славяне-туранцы (царские скифы и савроматы Геродотовы, впоследствии хозары) почти непрерывно держались на этой черте до последнего проявления своего в образе казачества» (Пудавов, 1890: 92-93). Он даже называл «Русью» донских казаков XV–XVI вв. – периода их первого появления в низовьях Дона, указывая, что в первой половине XVI в. «Русь-казаки оселись в низовьях Дона уже устойчиво и крепко», но еще и раньше «могли ходить по Донским степям из областей Литвы и Москвы» (Пудавов, 1890: 94).

Для историографии конца XIX в., когда была опубликована данная работа, начатая на полвека раньше, в 1840-х гг., содержащиеся в ней положения считались во многом анахронизмом, как и тяжеловесный стиль изложения, вызывая критические замечания (Кириллов, 1909: 21 и др.).

Важнейшим шагом в организации исследований по истории Дона и донского казачества, публикации их результатов стало создание в 1865 г. Областного войска Донского статистического комитета. Он объединил в своих рядах на тот момент ведущих краеведов, историков, этнографов и других исследователей, став фактически первым научным и издательским центром в регионе. Выше уже отмечалась его роль в издании ряда трудов предшествующих авторов. Наряду с ними публиковались и собственные издания комитета: памятные книжки, труды, сборники и отдельные работы. Рост числа публикаций, последовательное расширение, углубление и детализация их тематики в то же время сопровождалась снижением интереса на некоторое время к вопросам происхождения казачества. По крайней мере в донской историографии второй половины XIX в. отсутствовали посвященные данным вопросам исследования, а авторы и составители обобщающих трудов отталкивались от более поздних событий, связывавших казаков с Российским государством и находивших отражение в источниках.

Всплеск интереса к рассматриваемым вопросам пришелся на первые два десятилетия XX в., когда они получили отражение сразу в нескольких работах. В 1907 г. был опубликован «Краткий очерк прошлого донского казачества» одного из организаторов и первого директора Донского музея Х.И. Попова (1834–1925). Автор подверг критике существующую традицию «смешивать действительное казачество с другим, так называемым “воровским” казачеством», породившую «мнение, что по началу на “Поле” появились шайки бродячих “лихих” людей, искавших дикой вольности, живших грабежами и разбоем, а потом постепенно осевших и положивших начало Войску Донскому». По его словам, не «бродячим шайкам» «принадлежит честь организации казачьей общины», с происхождением которой он и ставил задачей разобраться (Попов, 1907: 36). Не уходя в глубокую древность, Х.И. Попов пришел к выводу о том, что «в состав ее вошли: казаки рязанские, мецкерские и московские, казаки-севрюки, черкасы (казаки днепровские), казаки волжские, выходцы из Новгорода великаго и друг. русских городов» (Попов, 1907: 41), разобрав затем появление этих

групп казачества (Попов, 1907: 41-43). Согласно его выводу, «в формировании Донского казачества преобладающая роль принадлежала великорусскому племени» (Попов, 1907: 44).

Близкие суждения высказал в популярной работе «Былое Дона» ее составитель В.К. Быкадоров (1880–1931): «Сложившееся же мнение, что казачество составилось из *воровских* и *беглых* людей — не выдерживает критики: такие люди не способны были бы создать такого доблестного сословия», великого Войска Донского (Былое Дона, 1907: 10). В то же время собственная позиция В.К. Быкадорова по данному вопросу оказалась сколь оригинальной, столь и бездоказательной: он предположил, что на южной окраине Поля, в низовьях Дона, «некогда остановилось какое-то особое славянское племя», которое и стало в последующем ядром донской общины (Былое Дона, 1907: 10).

Напротив, автор другой популярной работы «Картины былого Тихого Дона» П.Н. Краснов (1869–1947) придерживался в целом традиционной точки зрения: «Во время владычества на Дону татар, па Дон идут одиночные смелые русские люди, которые селятся там, силою удерживаются в донских степях и получают название казаков». В то же время он указал новую дату рассматриваемых событий: «Это случилось приблизительно в 1500 г.» (Картины былого..., 1909: 8). П.Н. Краснов указывал различные причины и мотивы ухода на Дон: были те, кто стремился сохранить личную свободу и свободу совести (старобрядцы), а также и любители воинского дела, стремившиеся «искать счастья в борьбе с татарами» (Картины былого..., 1909: 9-11).

Специально к вопросам происхождения казачества обратился выпускник Харьковского университета П.П. Сахаров (1884–?) – сначала в статье в «Донских областных ведомостях» (Сахаров, 1910), затем в очерке, опубликованном в «Сборнике Областного войска Донского статистического комитета» (Сахаров, 1914а) и изданном в виде отдельной брошюры (Сахаров, 1914б). П.П. Сахаров считал «возникновение вольного казачества событием 16-го века и следствием двух основных, общих причин». Первой он называл «тяжкий для народных низов склад общественных и хозяйственных отношений в Московском Государстве», второй – «трудные для Руси международные отношения Восточной Европы вообще и деликатно-щекотливые русско-татарские отношения той эпохи в особенности» (Сахаров, 1914б: 1). По его словам, именно выходцев «из тяглых общин с их оседлостью, податями и повинностями», стремившихся «в поисках лучшей доли» и высокого заработка на новые места, «и прознали полутатарским именем нетяглых казаков или гулящих людей» (Сахаров, 1914б: 3). Концепция П.П. Сахарова получила название вольно-промысловой, так как вольные люди в составе артелей-станций «выходили и в Донское Поле на честный мирный промысел да на опасный бой с врагами креста Христова, Царя православнаго и народа русскаго» (Сахаров, 1914б: 9).

В целом в донской историографии рубежа XIX–XX вв. преобладало стремление к отказу от удревления казачьей истории и поиску причин возникновения казачества в конкретных социально-экономических и политических обстоятельствах развития России и ее отношениях с соседями в XV–XVI вв., опираясь на имевшиеся крайне немногочисленные источники по данному периоду. На этом фоне резко отличалась концепция писателя и краеведа Е.П. Савельева (1860–1930?), изложенная в его обобщающей работе «История казачества», фрагменты которой были опубликованы в 1911–1912 гг. в журнале «Голос казачества». В 1915–1916 гг. две первых части были изданы отдельными брошюрами под названиями «Древняя история казачества» и «Средняя история казачества» (Савельев, 1915–1916). После революции 1917 г. вся работа вышла отдельным изданием, а в 1990–2000-х гг. несколько раз переиздавалась.

В отличие от большинства современных ему историков, Е.П. Савельев вновь обратился к поиску древних корней казачества, став, таким образом, продолжателем подходов, предложенных А.Г. Поповым и В.М. Пудавовым. В содержательном отношении он пошел даже значительно дальше своих предшественников. Е.П. Савельев утверждал, что «скифы-сарматы, они же *саки*, *чиги-геты*, *геты-Руссы*, *массагеты*, *варяги-Руссы*, *черкассы-казахи*, *азы* или *ясы*, *аланы-роксоланы* и другие народы, населявшие берега Азовского, Черного, Мраморного и Каспийского морей, Переднюю Азию и нижнюю Италию, были славяне, разделявшиеся на многие независимые племена и имевшие свою высокую культуру и письменность. Военное сословие этих племен называлось гетами или готами, а в Приазовье *азами*, *казами*, *касогами*, *касагами*, *казахами* или *казаками* от *аз* и *сак*». Далее он доказывал, что и «гунны и хазары-беловежцы были также славяне, называвшие себя на своем языке *аз*» (Савельев, 2010: 130).

Возникновение казачества Е.П. Савельев отнес к эпохе глубокой древности, к временам этрусков, крито-микенской культуры и войн греков с Троей. Отсюда и особый характер взаимоотношений казаков с русскими царями, которые он уже вывел за рамки внутренних: «Казаки прежних веков не считали себя русскими, в свою очередь и жители московских областей, да и само правительство смотрели на них, как на особую народность, хотя и родственную с ними по вере и языку» (Савельев, 2010: 17).

Концепция Е.П. Савельева вызвала резкую критику, особенно острую со стороны П.П. Сахарова, небезосновательно обвинявшего автора в «домыслах весьма фантастического содержания», в многочисленных натяжках, передержках и искажениях (Сахаров, 1957: 23). После победы советской власти интерес к ней упал. Однако в условиях начавшегося казачьего возрождения в 1990–2000-х гг. она неожиданно приобрела небывалую прежде популярность.

4. Заключение

В донской историографии XIX – начала XX вв. немало внимания уделялось вопросам происхождения казачества, а спектр высказанных оценок оказался даже более широк, чем у ведущих российских историков рассматриваемого периода, в большинстве своем обосновывавших происхождение казачества бегством части населения Российского государства на окраины страны в условиях социально-экономических и политических трансформаций XV–XVI вв. Близких взглядов придерживались, в частности, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, В.О. Ключевский и другие авторы.

На Дону обращение к рассматриваемым вопросам имело не только познавательный характер, но и отражало поиск самим казачеством своих исторических корней, на основе которых конструировалась его собственная идентичность. Неслучайно, что первая обобщающая работа по истории Донского войска вышла сразу после Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. Активное участие казаков в победе русских войск над Наполеоном способствовало настоящему подъему их самосознания.

Посвятивший свой труд М.И. Платову А.Г. Попов вывел происхождение казаков от амазонок, скифов и сарматов, аланов и готов. Фантастичность его представлений, слишком очевидная для современного читателя, между тем была исторически обусловлена. По мнению Н.А. Мининкова, это свидетельство присущего историческому сознанию казачества данного периода «ярко выраженного стремления связать своих предков с известными в истории и прославленными многими писателями и историками прошлого народами и сообществами, существовавшими или якобы существовавшими в крае еще в древности», включая не только «реальные сообщества далекого прошлого, но и мифические сообщества, которыми являлись амазонки, известные в греческой мифологии». Увлечение греческой мифологией было в целом характерно для эпохи Просвещения, подчеркивая связь образованных представителей казачества не только с русской, но и с европейской культурой (Мининков, 2011: 39).

Однако XIX в. формировал новые стандарты научного знания, и компилятивная в своей основе работа А.Г. Попова вызывала обоснованные замечания. Свой ответ на рассматриваемые вопросы предложил непосредственный участник боевых действий против наполеоновской Франции Е.Н. Кательников. В отличие от А.Г. Попова, он, опираясь на казачий фольклор, писал о безусловно русском происхождении казачества, в состав которого включались со временем калмыки, татары, греки и турки, подвергавшиеся соответствующей ассимиляции.

Высшим достижением донской историографии XIX в. считается «Историческое описание Земли Войска Донского», создававшееся В.Д. Сухоруковым, которого неслучайно сравнивают с Н.М. Карамзиным. Он не только выступал сторонником происхождения казачества из среды русского народа, но и, пожалуй, в наибольшей степени был «вписан» в общероссийскую историографию. Н.И. Болтин, В.Н. Татищев или Н.М. Карамзин для него – авторитетные предшественники, мнения и оценки которых заслуживали уважительного отношения и изучения.

В свою очередь В.С. Пудавов продолжил поиски исторических корней казачества в древности. Несмотря на значительный объем собранного и переработанного материала, детальный разбор вопросов о происхождении и названии казачества, его труд, актуальный для общественных дискуссий 1840–1850-х гг., не стал серьезным продвижением вперед в его изучении. Однако для части казачества идеи В.М. Пудавова о месте казачества в мировой истории впоследствии вновь оказались востребованными.

В первые десятилетия XX в. вышел целый ряд публикаций, предлагающих разные подходы по вопросам происхождения донского казачества. Различия между ними стали следствием не только особенностей предлагавшихся исследовательских подходов и методов, но и идеологических разногласий в казачьей среде в рассматриваемый период. По мнению Б.С. Корниенко, для нее в это время было характерно противостояние между двумя версиями национализмами – донским и казачьим, каждый из которых опирался на свою версию прошлого (Корниенко, 2013). Первые, представленные Х.И. Поповым и П.П. Сахаровым, подчеркивали самую тесную связь между Россией и Доном на протяжении всей казачьей истории. Вторые, во главе с донским журналистом С.А. Холмским, к которому примыкал Е.П. Савельев, напротив, подчеркивали историческую обусловленность и необходимость самостоятельности казачьего Дона. Написанный с давно устаревших к началу XX в. позиций труд Е.П. Савельева в то же время был наполнен «идеологемами, востребованными его единомышленниками» (Корниенко, 2013: 165).

А.Ю. Перетяшко подчеркивает, что «донская историография существовала в значительной степени автономно от историографии российской, используя ее идеи и методы, но регулярно полемизируя с ней» (Peretyatko, 2022: 1164). Проведенное исследование показало, что донская историография в значительной степени развивалась в общем контексте динамики исторических представлений и подходов в России, составляя часть российской историографии, имевшую определенное своеобразие. В первую очередь это своеобразие выражалось в спорах о происхождении казачества. Среди донских историков не было единства по данным вопросам. Отвергавший подходы

российских историков в вопросах трактовки истории казачества и его происхождения, Е.П. Савельев подвергался резкой критике со стороны других представителей донской историографии. Отдельные донские исследователи высказывали порой достаточно близкие ведущим российским историкам взгляды. Все это обуславливает необходимость более полного учета социального и политического контекста появления отдельных работ и теорий, особенностей их взаимовлияния и взаимодействия авторов между собой.

Литература

- Аваков, 2008** – Аваков П.А. Призвание Александра Ригельмана // *Донской временник. Год 2009-й*. Ростов н/Д., 2008. Вып. 17. С. 55-60.
- Былое Дона, 1907** – Былое Дона / Сост. В. Быкадоров. СПб.: Тип. «Бережливость», 1907. 125 с.
- Камозин, 2006** – Камозин Э.Э. Неопубликованные исторические заметки Х.И. Попова и развитие донской региональной исторической науки второй половины XIX – начала XX века // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2006. № 2. С. 33-36.
- Кириллов, 1909** – Кириллов А.А. Краткое обозрение истории о донских казаках: Опыт библиографии Донской истории. Новочеркасск: Частная Донская типография, 1909. 41 с.
- Корниенко, 2013** – Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 232 с.
- Картины былого..., 1909** – Картины былого тихого Дона: Краткий очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях. 1-е изд. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. 522, XX с.
- Кательников, 1886** – Кательников Е.Н. Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожилков и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня / Под ред. И.П. Попова. Новочеркасск: Областной Войска Донского статистический комитет, 1886. 63 с.
- Л.Б., 1906** – Л.Б. Алексей Григорьевич Попов, первый директор войсковой гимназии // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск: Частная Донская типография, 1906. Вып. 6. С. 49-59.
- Линин, 1941** – Линин А.М. Историк Войска Донского В.Д. Сухоруков и А.С. Пушкин / А.С. Пушкин на Дону. Историко-литературные очерки. Ростов н/Д.: Ростиздат, 1941. С. 94-152.
- Материалы для географии..., 1863** – Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля Войска Донского / Сост. Н. Краснов. СПб.: Тип. департамента Генерального штаба, 1863. 596 с.
- Мининков, 2002** – Мининков Н.А. П.П. Сахаров – историк донского казачества // *Казачий сборник*. Вып. 3. Ростов н/Д.: ДЮИ, 2002. С. 216-320.
- Мининков, 2010** – Мининков Н.А. Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века / Терминология исторической науки. Историописание. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 266-285.
- Мининков, 2011** – Мининков Н.А. Донской историк есаул Евлампий Никифорович Кательников. Ростов н/Д.: Логос, 2011. 170 с.
- Перетяцько, 2022** – Перетяцько А.Ю. «Славянство» как мировоззренческая категория в творчестве казачьего историка-любителя В.М. Пудавова / *Славянский мир: общность и многообразие: тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры*. М.: Институт славяноведения РАН, 2022. С. 47-52.
- Попов, 1814–1816** – Попов А.Г. История о Донском войске, сочиненная директором училищ в войске Донском, коллежским советником и кавалером Алексеем Поповым. В 2 ч. Харьков: Университетская типография, 1814–1816. XXV, 295 с.
- Попов, 1907** – Попов Х. Краткий очерк прошлого донского казачества // *Сборник Областного войска Донского статистического комитета*. Вып. 7. Новочеркасск: Частная Донская типография, 1907. С. 36-50.
- Пудавов, 1890-1898** – Пудавов В.М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Ч. 1. Новочеркасск: Типолитография К.М. Минаева, 1890. 326 с. Ч. 2. Новочеркасск: Тип. А.Н. Поповой, 1898. 124 с.
- Ригельман, 1846** – Ригельман А.И. История или повествование о донских казаках, отколь и когда они начало свое имеют, и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какия были их дела и чем прославились и проч., собранная и составленная из многих вернейших российских и иностранных историев, летописей, древних дворцовых записок и из журнала Петра Великого, чрез труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана, 1778 года. М.: Университетская типография, 1846. 154 с.
- Савельев, 1915-1916** – Савельев Е.П. Древняя история казачества (историческое исследование). Ч. 1. Средняя история казачества. Ч. 2. Новочеркасск: Тип. «Донской печатник», 1915–1916. Вып. 1. С. 1-56. Вып. 2. С. 57-120. Вып. 3. С. 121-184. Вып. 4. С. 185-216. Вып. 5-6. С. 217-300.
- Савельев, 2010** – Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2010. 480 с.

- Савчук, 2003** – Савчук Г.В. Василий Михайлович Пудавов – забытый историк донского казачества // *Донской вестник*. Год 2004-й. Ростов н/Д., 2003. Вып. 12. С. 159-161.
- Сахаров, 1910** – Сахаров П. К вопросу о происхождении вольного донского казачества и о первых подвигах донцов в защиту родины и веры на службе у первого русского царя Ивана Васильевича Грозного // *Донские областные ведомости*. 1910. № 167. С. 21-36.
- Сахаров, 1914а** – Сахаров П. Происхождение вольного донского казачества и первые службы казаков России // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Новочеркасск: Частная Донская типография, 1914. Вып. 12. С. 44-85.
- Сахаров, 1914б** – Сахаров П. Происхождение вольного донского казачества и первые службы казаков России. Новочеркасск: Частная Донская типография, 1914. 41 с.
- Сахаров, 1957** – Сахаров П.П. Развитие историографии вольного русского казачества (Критико-библиографический очерк) [Рукопись, 1957] / Ростовский областной музей краеведения. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1/15. 36 л.
- Стегленко, 2015** – Стегленко Е.В. Культура северокавказских сообществ в характеристиках донского историка Е.П. Савельева // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 11. С. 148-151.
- Стегленко, 2016** – Стегленко Е.В. Е.П. Савельев о взаимоотношениях русских властей и войска донского и инкорпорации казачества в состав России // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2016. № 1(189). С. 66-69.
- Сухоруков, 1824** – Сухоруков В.Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях // Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год. СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1824. С. 173-350.
- Сухоруков, 1867–1872** – Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. В 2 т. Т. I. Новочеркасск: Особое прибавление к газете «Донской вестник», 1867. IX, 623 с. Т. II. Новочеркасск: Издание Войскового статистического комитета, 1872. 312 с.
- Татарченко, 2013** – Татарченко М.В. Государственно-правовые институты и правовая природа донского казачества XVI – начала XX вв. в отечественной историографии. Ростов н/Д.: Дониздат, 2013. 234 с.
- Юрченко, 2011** – Юрченко И.Ю. Казачий панславизм донского историка Е.П. Савельева в годы войн и революций как историографическое явление / *История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, 25–26 ноября 2011 года*. Пенза-Белосток-Прага: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. С. 52-61.
- Юрченко, 2013** – Юрченко И.Ю. Историография казачества: В 2 кн. Кн. 1: История изучения казачества в Отечественной и эмигрантской историографии XV–XX столетий. М.: Московский государственный университет природообустройства, 2013. 455 с.
- Peretyatko, 2022** – Peretyatko A.Yu. Between Local and National History: Analysis of the Specifics of the Don Pre-Revolutionary Historiography // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1163-1176.

References

- Avakov, 2008** – Avakov, P.A. (2008). Prizvanie Aleksandra Rigel'mana [Vocation of Alexander Rigelman]. *Donskoy vremennik. God 2009-y*. Rostov-on-Don. 17: 55-60. [in Russian]
- Byloe Dona, 1907** – Byloe Dona (1907) [The past of the Don] / comp. V. Bykadorov. SPb.: Tipografiya "Berezhlivost", 125 p. [in Russian]
- Kamozin, 2006** – Kamozin, E.E. (2006). Neopublikovannye istoricheskie zametki Kh.I. Popova i razvitie donskoy regional'noy istoricheskoy nauki vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [Unpublished historical notes of H.I. Popov and the development of the Don regional historical science in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*. 2, pp. 33-36. [in Russian]
- Kirillov, 1909** – Kirillov, A.A. (1909). Kratkoe obozrenie istorii o donskikh kazakakh: Opyt bibliografii Donskoy istorii [A Brief Review of the History of the Don Cossacks: An Experience of the Bibliography of the Don History]. Novocherkassk: Chastnaya Donskaya tipografiya, 41 p. [in Russian]
- Kornienko, 2013** – Kornienko, B.S. (2013). Pravyy Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914) [Right Don: Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909–1914)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v St.Peterburge, 232 p. [in Russian]
- Kartiny bylogo..., 1909** – Kartiny bylogo tikhogo Dona: Kratkiy ocherk istorii Voyska Donskogo dlya chteniya v sem'e, shkole i voyskovykh chastyakh [Pictures of the former quiet Don: A brief outline of the history of the Don Army for reading in the family, school and military units]. 1-e izd. St. Petersburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg. 522, XX p. [in Russian]
- Katel'nikov, 1886** – Katel'nikov, E.N. (1886). Istoricheskoe svedenie Voyska Donskogo o Verkhne-Kurmoyarskoy stanitse, sostavlennoe iz skazaniy starozhilov i sobstvennykh primechaniy 1818 goda dekabrya 31 dnya [Historical information of the Don Cossacks about the Verkhne-Kurmoyarskaya village, compiled from the legends of old-timers and their own notes of 1818 December 31 days]. Pod red. I.P. Popov. Novocherkassk: Oblastnoy Voyska Donskogo statisticheskiiy komitet, 63 p. [in Russian]

L.B., 1906 – *L.B.* (1906). Aleksey Grigor'evich Popov, pervyy direktor voyskovoy gimnazii [Alexei Grigoryevich Popov, the first director of the military gymnasium]. *Sbornik Oblastnogo Voyska Donskogo statisticheskogo komiteta*. Novochoerkassk: Chastnaya Donskaya tipografiya, Vyp. 6, pp. 49-59. [in Russian]

Linin, 1941 – *Linin, A.M.* (1941). Istorik Voyska Donskogo V.D. Sukhorukov i A.S. Pushkin [Historian of the Don Army V.D. Sukhorukov and A.S. Pushkin]. *A.S. Pushkin na Donu. Istoriko-literaturnye ocherki*. Rostov-on-Don: Rostizdat, pp. 94-152. [in Russian]

Materialy dlya geografii..., 1863 – *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya Voyska Donskogo (1863)* [Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Land of the Don Cossacks]. *Sobr. N. Krasnov*. SPb: Tipografiya departamenta General'nogo shtaba, 596 p. [in Russian]

Mininkov, 2002 – *Mininkov, N.A.* (2002). P.P. Sakharov – istorik donskogo kazachestva [P.P. Sakharov – a historian of the Don Cossacks]. *Kazachiy sbornik*. Vyp. 3. Rostov-on-Don: DUI, pp. 216-320. [in Russian]

Mininkov, 2010 – *Mininkov, N.A.* (2010). Praktiki istoriopisaniya i zarozhdenie istoricheskoy nauki v kul'ture Dona pervoy poloviny XIX veka [Historical writing practices and the origin of historical science in the culture of the Don in the first half of the 19th century]. *Terminologiya istoricheskoy nauki. Istoriopisaniye*. M.: IGH RAS, pp. 266-285. [in Russian]

Mininkov, 2011 – *Mininkov N.A.* (2011) Donskoy istorik esaul Evlampiy Nikiforovich Katel'nikov [Don Historian Yesaul Yevlampy Nikiforovich Katelnikov]. Rostov-on-Don: Logos, 170 p. [in Russian]

Peretyat'ko, 2022 – *Peretyat'ko, A.Yu.* (2022). "Slavyanstvo" kak mirovozzrencheskaya kategoriya v tvorchestve kazach'ego istorika-lyubitelya V.M. Pudavova ["Slavism" as an ideological category in the work of the Cossack amateur historian V.M. Pudavov]. *Slavyanskiy mir: obshchnost' i mnogoobrazie: tezisy konferentsii molodykh uchenykh v ramkakh Dney slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury*. [Slavic world: commonality and diversity: theses of the conference of young scientists in the framework of the Days of Slavic Literature and Culture]. M.: Institute of Slavic Studies RAS, pp. 47-52. [in Russian]

Popov, 1814–1816 – *Popov, A.G.* (1814–1816). Istoriya o Donskom voyske, sochinennaya direktorom uchilishch v voyske Donskom, kollezhskim sovetnikom i kavalerom Alekseem Popovym. V 2 ch. [A story about the Don army, written by the director of schools in the Don army, collegiate adviser and cavalier Alexei Popov. In 2 part]. Kharkov: Universitetskaya tipografiya, XXV, 295 p. [in Russian]

Popov, 1907 – *Popov, Kh.* (1907). Kratkiy ocherk proshlogo kazachestva [Brief essay on the past of the Don Cossacks]. *Sbornik Oblastnogo voyska Donskogo statisticheskogo komiteta*. [Collection of the Regional Army of the Don Statistical Committee]. Vyp. 7. Novochoerkassk: Chastnaya Donskaya tipografiya, pp. 36-50. [in Russian]

Pudavov, 1890–1898 – *Pudavov, V.M.* (1890–1898). Istoriya voyska Donskogo i starobytnost' nachal kazachestva. Ch. 1. [The history of the Don army and the antiquity of the beginnings of the Cossacks. Part 1]. Novochoerkassk: Typolitography K.M. Minaeva, 1890. 326 p. Ch. 2. Novochoerkassk: Tipografiya A.N. Popovoy, 1898. 124 p. [in Russian]

Rigel'man, 1846 – *Rigel'man, A.I.* (1846). Istoriya ili povestvovanie o donskikh kazakakh, otgol' i kogda oni nachalo svoe imeyut, i v kakoe vremya i iz kakikh lyudey na Donu poselilis', kakiya byli ikh dela i chem proslavilis' i proch., sobrannaya i sostavlenaya iz mnogikh verneyshikh rossiyskikh i inostrannykh istoriev, letopisey, drevnikh dvortsovykh zapisok i iz zhurnala Petra Velikago, chrez trudy inzhener-general-mayora i kavallera Aleksandra Rigel'mana, 1778 goda [History or narrative about the Don Cossacks, where and when they have their beginning, and at what time and from what people they settled on the Don, what were their deeds and what they became famous for, etc., collected and compiled from many of the most reliable Russian and foreign histories, chronicles, ancient palace notes and from the journal of Peter the Great, through the works of major engineer-general and cavalier Alexander Rigelman, 1778]. M.: Universitetskaya tipografiya, 154 p. [in Russian]

Savel'ev, 1915–1916 – *Savel'ev, E.P.* (1915–1916) Drevnyaya istoriya kazachestva (istoricheskoe issledovanie). Ch. 1. Srednyaya istoriya kazachestva. Ch. 2. [Ancient history of the Cossacks (historical research). Part 1. The average history of the Cossacks. Part 2]. Novochoerkassk: Tipografiya "Donskoy pechatnik", 1915–1916. Vyp. 1: 1-56. Vyp. 2: 57-120. Vyp. 3: 121-184 p. Vyp. 4: 185-216. Vyp. 5-6: 217-300. [in Russian]

Savel'ev, 2010 – *Savel'ev, E.P.* (2010) Drevnyaya istoriya kazachestva [Ancient history of the Cossacks]. M.: Veche, 480 p. [in Russian]

Savchuk, 2003 – *Savchuk, G.V.* (2003). Vasiliy Mikhaylovich Pudavov – zabytyy istorik donskogo kazachestva [Vasily Mikhailovich Pudavov – a forgotten historian of the Don Cossacks]. *Donskoy vremennik. God 2004-y*. Rostov-on-Don. 12: 159-161. [in Russian]

Sakharov, 1910 – *Sakharov, P.* (1910). K voprosu o proiskhozhdenii vol'nogo donskogo kazachestva i o pervykh podvigakh dontsov v zashchitu rodiny i very na sluzhbe u pervogo russkogo tsarya Ivana Vasil'evicha Groznogo [To the issue of the origin of the free Don Cossacks and the first exploits of the Don Cossacks in defense of their homeland and faith in the service of the first Russian Tsar Ivan Vasilyevich the Terrible]. *Donskie oblastnye vedomosti*. 167: 21-36. [in Russian]

Sakharov, 1914a – *Sakharov, P.* (1914). Proiskhozhdenie vol'nogo donskogo kazachestva i pervye sluzhby kazakov Rossii [The origin of the free Don Cossacks and the first services of the Cossacks of Russia]. Sbornik Oblastnogo voyska Donskogo statisticheskogo komiteta. Novocherkassk: Chastnaya Donskaya tipografiya, Vyp. 12, pp. 44-85. [in Russian]

Sakharov, 1914b – *Sakharov, P.* (1914). Proiskhozhdenie vol'nogo donskogo kazachestva i pervye sluzhby kazakov Rossii [The origin of the free Don Cossacks and the first services of the Cossacks of Russia]. Novocherkassk: Chastnaya Donskaya tipografiya, 41 p. [in Russian]

Sakharov, 1957 – *Sakharov, P.P.* (1957). Razvitie istoriografii vol'nogo russkogo kazachestva (Kritiko-bibliograficheskiy ocherk) [The Development of the Historiography of the Free Russian Cossacks (Critical and Bibliographic Essay)] [Rukopis', 1957]. Rostovskiy oblastnoy muzey kraevedeniya. F. 2. Op. 1. D. 1/15. 36 l. [in Russian]

Steglenko, 2015 – *Steglenko, E.V.* (2015). Kul'tura severokavkazskikh soobshchestv v kharakteristikakh donskogo istorika E.P. Savel'eva [The culture of the North Caucasian communities in the characteristics of the Don historian E.P. Savelyeva]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 11: 148-151. [in Russian]

Steglenko, 2016 – *Steglenko, E.V.* (2016). E.P. Savel'ev o vzaimootnosheniyakh russkikh vlastey i voyska donskogo i inkorporatsii kazachestva v sostav Rossii [E.P. Saveliev on the relationship between the Russian authorities and the Don army and the incorporation of the Cossacks into Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*. 1(189): 66-69. [in Russian]

Sukhorukov, 1824 – *Sukhorukov, V.D.* (1824). Obshchezhitie donskikh kazakov v XVII i XVIII stoletiyakh [Dormitory of the Don Cossacks in the 17th and 18th centuries]. Russkaya starina. Karmannaya knizhka dlya lyubiteley otechestvennogo na 1825 god. SPb.: Tipografiya Departamenta narodnogo prosveshcheniya, pp. 173-350. [in Russian]

Sukhorukov, 1867–1872 – *Sukhorukov V.D.* (1867–1872). Istoricheskoe opisanie Zemli Voyska Donskogo [Historical description of the Land of the Don Army]. V 2 t. T. I. Novocherkassk: Osoboe pribavlenie k gazete "Donskoy vestnik. 1867, IX, 623 p. T. II. Novocherkassk: Izdanie Voyskovogo statisticheskogo komiteta, 1872. 312 p. [in Russian]

Tatarchenko, 2013 – *Tatarchenko, M.V.* (2013). Gosudarstvenno-pravovye instituty i pravovaya priroda donskogo kazachestva XVI – nachala XX vv. v otechestvennoy istoriografii [State-legal institutions and the legal nature of the Don Cossacks in the 16th – early 20th centuries. in national historiography]. Rostov-on-Don: Donizdat, 234 p. [in Russian]

Peretyatko, 2022 – *Peretyatko, A.Yu.* (2022). Between Local and National History: Analysis of the Specifics of the Don Pre-Revolutionary Historiography. *Bylye Gody*. 17(3): 1163-1176.

Yurchenko, 2011 – *Yurchenko, I.Yu.* (2011). Kazachiy panslavizm donskogo istorika E.P. Savel'eva v gody voyn i revolyutsiy kak istoriograficheskoe yavlenie [Cossack pan-Slavism of the Don historian E.P. Saveliev during the years of wars and revolutions as a historiographic phenomenon]. *Istoriya i kul'tura slavyanskikh narodov: dostizheniya, uroki, perspektivy: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 25–26 noyabrya 2011 goda*. Penza – Belostok – Praga: Nauchno-izdatel'skiy tsentr "Sotsiosfera", pp. 52-61. [in Russian]

Yurchenko, 2013 – *Yurchenko, I.Yu.* (2013). Istoriografiya kazachestva: v 2 kn. [Historiography of the Cossacks: in 2 books]. Kn. 1: Istoriya izucheniya kazachestva v Otechestvennoy i emigrantskoy istoriografii XV-XX stoletiy. M.: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet prirodoobustroystva, 455 p. [in Russian]

Вопросы происхождения казачества в донской историографии XIX – начала XX вв.

Елена Владимировна Кринко ^{а, *}

^а Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Донская историография XIX – начала XX вв. уделяла значительное внимание вопросам происхождения казачества. Во многом это объясняется интересом самого казачества к своим историческим корням. В статье рассматриваются исследования А.Г. Попова («История о Донском войске»), Е.Н. Кательникова («Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице»), В.Д. Сухорукова («Историческое описание Земли Войска Донского»), Н.И. Краснова («Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля Войска Донского»), В.М. Пудавова («История войска Донского и старобытность начал казачества»), Х.И. Попова («Краткий очерк прошлого донского казачества»), П.П. Сахарова («Происхождение вольного донского казачества и первые службы казаков России»), Е.П. Савельева («Древняя история казачества (историческое исследование)» и других авторов XIX –

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sun_hellen@mail.ru (Е.В. Кринко)

начала XX вв. Одни историки считали предками казаков древние народы Евразии и даже мифологические существа. Другие связывали его происхождение с уходом русского населения на Дон и другие окраины вследствие социально-экономических и политических процессов. Автор выделяет и характеризует различные теории происхождения казачества, объясняет причины их появления, связанные как с развитием исторической науки, так и с эволюцией самого казачества, его самосознания.

Ключевые слова: российская историография, региональная историография, происхождение казачества, Е.Н. Кательников, Н.И. Краснов, А.Г. Попов, Х.И. Попов, В.М. Пудавов, Е.П. Савельев, П.П. Сахаров, В.Д. Сухоруков.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 137-148
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.137

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

I.E. Zabelin as an Archaeologist-Practitioner: Look a Century Later

Yulia G. Kokorina ^{a, *}, Machach M. Vagabov ^a, Aida A. Akimova ^b

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

^b Dagestan State Technical University, Russian Federation

Abstract

The personality and activity of the outstanding Russian historian Ivan Egorovich Zabelin (1820-1908) is so deep and multifaceted that it attracted the attention of historians of science during his lifetime. I.E. Zabelin is known not only for his purely historical works, but also works in the field of archeology. Under his leadership, the richest Scythian burial mounds in southern Russia were excavated. The most famous of them is the Chertomlyk mound, which brought real masterpieces of Scythian and Greek art to the treasury of the Imperial Hermitage. Scientists who analyzed the activities of I.E. Zabelin as an archaeologist, were based, as a rule, on publications belonging to the pen of the scientist. This gave rise to a series of misunderstandings and false accusations against the great Russian historian. The authors of this article used archival materials, manuscripts and field diaries of I.E. Zabelin, which allowed to debunk a number of biases that have become a kind of scientific myths. I.E. Zabelin appears as an attentive, thorough and observant archaeologist who developed his own, innovative methods of excavation and fixation of layers, as evidenced by the plans and sections of the mounds made by him. The historian independently analyzed the materials of the expeditions, studied the works of ancient authors, carried out thorough measurements and compiled detailed descriptions of monuments and artifacts. Since extracts from ancient authors are dotted with remarks of a purely linguistic nature, and the inventories of finds contain multi-page copies of ancient Greek amphoric stamps, tombstones, inscriptions on vessels, the authors of this article question the thesis of I.E. Zabelin's ignorance of the Greek language. Assessment at the modern scientific level of the contribution of I.E. Zabelin. The introduction to the theory of archaeology and the teaching of this discipline is the task of a separate study.

Keywords: history of archeology, I.E. Zabelin, excavation methodology, field archaeology, Scythians, Bronze Age.

1. Введение

В 2023 году исполняется 115 лет со дня смерти Ивана Егоровича Забелина (1820–1908), который известен своим трудами по истории быта русских царей и цариц (Забелин, 1862), разработками по истории Москвы (Забелин, 1852; Забелин, 1865; Забелин, 1873; Материалы..., 1892), неоценимым вкладом в организацию и многолетним руководством «Музея августейшего имени государя наследника цесаревича великого князя Александра Александровича» (ныне – Государственный исторический музей (ГИМ)), а также многочисленными публикациями в научной и открытой печати (Иван Егорович Забелин). Кроме этого, выдающийся российский ученый внес значительный вклад в археологию – как полевою, так и теоретическую.

Археология раскрывает историю бесписьменных народов и народов, письменные источники о прошлом которых недостаточно информативны. Она позволяет понять истоки представлений

* Corresponding author

E-mail addresses: kokorina@inbox.ru (Yu.G. Kokorina), 9162803@mail.ru (M.M. Vagabov), aida_akimova_60@mail.ru (A.A. Akimova)

современных людей о природе и обществе, реконструировать картину мира наших далеких предков. Изучение мира древности по материальным памятникам предъявляет особые требования к исследователю. От его внимательности, точности, наблюдательности зависит качество формируемого археологического источника. Археологи XXI века учатся на примерах своих предшественников, оценивают и творчески перерабатывают их опыт. Поэтому разностороннее рассмотрение деятельности одного из ярчайших представителей российской исторической науки XIX–XX веков на археологическом поприще представляется актуальным.

Оценка деятельности И.Е. Забелина как археолога неоднозначна, но все, кто писал об этом, использовали преимущественно опубликованные труды ученого, тогда как мы обратились к архивным материалам, хранящимся в Отделе письменных источников ГИМ (ОПИ ГИМ, Ф. 440). Это позволило по-новому взглянуть на личность И.Е. Забелина-археолога, снять многие противоречия и, надеемся, ликвидировать недоразумения, сложившиеся в российской науке, в чем видится новизна данного исследования. Целью нашей работы является характеристика И.Е. Забелина как археолога-практика. Оценка вклада ученого в теорию археологии и преподавание ее в высшей школе – тема отдельного исследования.

2. Материалы и методы

Материалом работы стали полевые дневники ученого, сделанные им чертежи и расчеты, выписки из произведений античных авторов, отчеты о раскопках, черновики публикаций, в частности подготовительные материалы к изданию «Древности Геродотовой Скифии» (ОПИ ГИМ, Ф. 440. Оп. 1. Д. 258-262). Кроме того, нами использованы его дневники (Забелин, 2001).

Принцип объективности является ключевым в данном исследовании, как в любой работе по историографии археологии (Формозов, 2004: 65). Он важен для определения места работ И.Е. Забелина в контексте развития археологического знания XIX века. Деятельность И.Е. Забелина как археолога противоречиво оценивается в науке, поэтому в нашей статье много цитат – как из научных трудов, так и из архивных документов.

Мы применили такие исторические методы, как сравнительно-исторический и дескриптивный. Сравнительно-исторический (сопоставление событий и явлений) – позволил нам выявить специфику в оценке деятельности И.Е. Забелина как археолога разными авторами. Дескриптивный метод использован для описания «археологической биографии» ученого.

3. Обсуждение

В 1909 году член Московского археологического общества (МАО) Д.Н. Анучин выступил на заседании Общества с речью, в которой анализировал жизненный путь и оценивал вклад И.Е. Забелина в российскую археологию (Анучин, 1909). О деятельности И.Е. Забелина в только что созданной Императорской археологической комиссии, куда исследователь был приглашен ее председателем графом С.Г. Строгановым в 1859 году, Д.А. Анучин судит по публикациям в Известиях этой комиссии (ИАК) и ее Отчетах (ОАК) (Анучин, 1909: 13-14). Далее Д.А. Анучин приводит в хронологическом порядке описание работ И.Е. Забелина в Новороссии, описывая находки, произведенные им ежегодно. Д.Н. Анучин, указывая на необходимость раскопок курганов «под снос», объясняет, почему археолог копал их траншеями: «средства отпускались Комиссией не очень щедро, и то для нее имели, главным образом, значение ценные вещи, способные обогатить Эрмитаж, а не доведение раскопок непременно до конца» (Анучин, 1909: 32), хотя в оставшихся не докопанными Острой Могиле и Большой Близнице были сделаны ценные находки (Анучин, 1909: 32). Исследователь замечает, что «в прежнее время дневников раскопок не велось, по крайней мере, они не требовались, и в делах Комиссии их не имеется» (Анучин, 1909: 33). В целом он высоко оценивает усилия И.Е. Забелина и объясняет недостатки в полевой работе ученого тогдашним состоянием археологической науки (Анучин, 1909: 34).

Обширное исследование вклада И.Е. Забелина в археологическую теорию посвятил Н.Н. Ардашев (Ардашев, 1909). По разносторонности, подробности и охвату материала оно может быть признано исчерпывающим. Н.Н. Ардашев анализирует концепции И.Е. Забелина, его отношение к новым, в том числе и количественным, методам в археологии, участие в написании словарных статей в публиковавшихся Московским археологическим обществом «Материалах для словаря российских древностей» (Кокорина, 2011: 262). Поскольку характеристика взглядов И.Е. Забелина на археологическую теорию требует специального исследования, в его рамках будет необходим и подробный анализ работы Н.Н. Ардашева.

Высокую оценку деятельности И.Е. Забелина как археолога дал академик А.В. Арциховский (Арциховский, 1948), называя его «русским богатырем» (Арциховский, 1948: 5), отмечая, что «Иван Егорович не только умел передвигать в порядке огромные массы земли, что само по себе связано с серьезными чисто техническими трудностями, он помимо этого добился исключительного для той эпохи умения читать земные слои. Его чертежи курганных профилей поныне поражают точностью и выразительностью» (Арциховский, 1948: 7-8), и резюмирует: «для того времени раскопчные приемы Забелина были более чем передовыми» (Арциховский, 1948: 8).

Специальную главу «Археологические раскопки» в своей книге об ученом выделил А.И. Формозов (Формозов, 1984). Его работа стала источником многих суждений, укоренившихся в отечественной науке. Одни представляются правомерными, другие не подтверждаются архивными материалами, о чем подробно речь далее. С одной стороны, исследователь отмечает: «И.Е. Забелин был наблюдательным человеком, что очень важно в условиях полевой работы. Он легко находил древние грабительские ходы в насыпи курганов, правильно намечал последовательность захоронений» (Формозов, 1984: 112), с другой – «на раскопках И.Е. Забелин составлял очень мало чертежей, планов и разрезов, делал чересчур скупые записи об увиденном. Из-за этого наши сведения о том, что ему удалось наблюдать, отрывочны и неполны» (Формозов, 1984: 113). Результатом рассмотрения археологической деятельности И.Е. Забелина стали слова, неоднократно цитировавшиеся потом другими исследователями: «Означает ли все вышесказанное, что мы вправе зачислить Забелина в разряд плохих археологов? Нет, он был просто археологом своего времени, не ниже, но и не выше среднего уровня» (Формозов, 1984: 114; Клейн, 2014: 444; Алексеев, 2004: 41).

И.В. Яценко разделяет высокую оценку, данную А.В. Арциховским полевой работе И.Е. Забелина (Яценко, 2002: 131), проводя исследование составленного ученым плана строения насыпи кургана Чертомлык (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263. Л. 256). При этом И.В. Яценко отмечает, что «исследователь показал расположение или нахождение основания каждого из этих слоев на плане кургана, что практически сделать было значительно труднее (чем начертить разрез – Авт.)» (Яценко, 2002: 134). И.В. Яценко подчеркивает, что чертеж явился результатом большой целенаправленной работы, в результате которой исследователем была создана концепция о существовании не менее пяти слоев в курганной насыпи. Впоследствии наблюдение И.Е. Забелина найдет свое подтверждение при раскопках курганов Козел и через сто лет – кургана Желтокаменка. По мнению И.В. Яценко, чертеж «представляет новое явление для археологии России второй половины XIX в., потребовавшее поиска новых приемов в ведении раскопок и их фиксации. Вероятно, слишком большая новизна такого подхода не позволила современникам оценить сделанные исследователем наблюдения и чертеж, их фиксирующий» (Яценко, 2002: 142).

А.Ю. Алексеев анализирует неопубликованную статью известного советского скифолога М.И. Артамонова (РА ИИМК. Ф. 74. Д. 241. Л. 1-68; Алексеев, 2004). А.Ю. Алексеев приводит объемные цитаты из статьи М.И. Артамонова, который отмечал прозорливость русского историка: «Целый ряд замечаний показывает, что задачи, которые он ставил для исследования на этом материале, далеко выходили за рамки простого описания и гораздо ближе к современному пониманию, чем к значительно суженным интересам археологов недавнего, но совсем еще изжитого, прошлого» (цит. по: Алексеев, 2004: 40). М.И. Артамонов, критикуя методику раскопок И.Е. Забелина, тем не менее отмечает, что, «как ни плохи раскопки Забелина, все же они во многих отношениях лучше произведенных в ту же эпоху другими археологами» (цит. по: Алексеев, 2004: 42). А.Ю. Алексеев отмечает, что «в некоторых случаях дальновидность и внимательность Забелина к деталям удивляет, оставляя лишь чувство сожаления, что его ближайшие наследники по исследованию скифских курганов так и не сумели или не смогли воспользоваться его наблюдениями» (Алексеев, 2004: 43).

Л.С. Клейн в своей монографии по истории российской археологии посвятил главу И.Е. Забелину (Клейн, 2014). Л.С. Клейн декларирует объективность своего рассмотрения: «В жизни Забелина и в его трудах есть основания как для неизмеримого восхищения, так и для серьезной критики и неприятия» (Клейн, 2014: 432). Однако у самого Л.С. Клейна в подобранной им информации звучит больше неприятия, чем одобрения. Он приводит в пример работы А.А. Бобринского в своем имении Смела. Но А.А. Бобринский копал на собственные средства, в которых не был стеснен, не был он стеснен и во времени, на свои деньги издал результаты своих раскопок (Бобринский, 1887–1901). Таким образом, в российской науке сложились противоречивые представления о И.Е. Забелине как археологе, что требует специального анализа.

4. Результаты

«Археологическая» биография И.Е. Забелина

Обычно начало археологической деятельности И.Е. Забелина связывают с приглашением ученого в Императорскую археологическую комиссию ее председателем графом С.Г. Строгановым в 1859 году. Исследователи биографии И.Е. Забелина по-разному оценивают причины выбора, сделанного С.Г. Строгановым, и решения И.Е. Забелина круто изменить свою жизнь (Анучин, 1909: 13; Формозов, 1984: 89; Клейн, 2014: 438). Некоторые из раскопанных И.Е. Забелиным курганов были позже доисследованы или специально изданы, к этим публикациям мы и отсылаем читателя.

Престиж Российского государства был связан с богатством главного музея страны – Императорского Эрмитажа, и пополнение его коллекций эффектным вещами было одной из задач Археологической комиссии. По сообщениям Геродота было известно о расположении скифских курганов в местности Геррос выше днепровских порогов, туда и направила Ивана Егоровича Археологическая комиссия.

Первый курган, раскопанный И.Е. Забелиным в 1859 году у Гермесова хутора Екатеринославской губернии, уже раскапывался владельцем земли, помещиком А.М. Миклашевским, но середина осталась нераскопанной. Доисследовавший курган И.Е. Забелин обнаружил разбросанные кости и скопление мелких золотых вещей (Анучин, 1909: 14). Раскопки соседних курганов эпохи бронзы не дали эффектных вещей, и в 1860 году И.Е. Забелин расследует группу Толстых Могил в той же губернии (Мелюкова, 1981). Курган у с. Беленькое содержал рядовое скифское погребение, впущенное в насыпь эпохи бронзы, и был оставлен не докопанным. В 1861 году в Острой Могиле, раскопанной траншеей, были обнаружены погребения эпохи бронзы и курган опять не докопан, впоследствии крестьянами там были обнаружены золотые вещи из богатого скифского погребения. Раскопки Слоновской Близницы, оказавшейся ограбленной, и Томаковской Близницы в 1862 году предоставили в распоряжение исследователей античную керамику, остатки скифского вооружения и защитного доспеха, конские погребения. Тщательная фиксация строения курганов, проведенная И.Е. Забелиным, стала источником для позднейших реконструкций и дискуссий (Анучин, 1909; Ольховский, 1991; Алексеев и др., 1991; Болтрик, 2000). Наиболее значительные открытия ждали Ивана Егоровича при раскопках Чертомлыкского кургана, продолжавшихся два года – 1862 и 1863. «После раскопок Куль-Обы более тридцати лет такого количества сокровищ русским археологам не встречалось, а Чертомлык далеко превзошел Куль-Обу» (Клейн, 2014: 441). По мнению современных ученых, И.Е. Забелин раскопал курган, принадлежавший скифскому царю, во время правления которого Скифия достигла наивысшего могущества, – легендарному Атею (Мурзин, Ролле, 2000).

В 1864 году И.Е. Забелин раскапывает курган Большая Близница на Тамани, содержащий погребение «жрицы Деметры» в золотом головном уборе-калафе и со множеством драгоценных украшений (Артамонов, 1966: 68-74). Докапывал курган после отъезда И.Е. Забелина директор Керченского музея А.Е. Люценко (1806–1884), который обнаружил могилу еще одной «жрицы» (Анучин, 1909: 26). На следующий год был раскопан курган Козел в Таврической губернии с устройством могил, аналогичным Чертомлыку, но центральная гробница была ограблена, нетронутыми остались одиннадцать конских остовов в драгоценных уборах и погребения «конюхов» (Переводчикова, Фирсов, 2004). В 1866 году Иван Егорович на раскопки не ездил, 1867 и 1868 годы связаны с исследованием кургана Цимбалка в Екатеринославской губернии, погребение в которой было ограблено еще в древности, и изучением захоронений эпохи бронзы. Раскопки кургана по соседству с Цимбалкой предоставили в распоряжение исследователей погребение богатого скифа-воина (Ильинская, Тереножкин, 1983). В 1869 и 1870 годах И.Е. Забелин раскапывает некрополь Фанагории, содержащий в основном ограбленные погребения, и ведет работы на самом городище. В 1871–1872 годах ученый исследует город Ольвию (у Днепро-Бугского лимана), ведя раскопки траншеями. В 1876 году И.Е. Забелин уходит в отставку из членов Археологической комиссии в чине действительного статского советника (Анучин, 1909: 31), его полевая деятельность заканчивается, но памятники материальной культуры не раз становятся объектом исследования историка (Арциховский, 1948: 7).

И.Е. Забелин как археолог-практик

В современной археологической практике ведение дневника полевых наблюдений, снятие планов, фото- и изофиксация найденных объектов, указание их размеров являются обязательными (Винокуров, 2013). В XIX веке методика археологических раскопок только складывалась, поэтому во многих случаях принципы формирования археологического источника создавались каждым индивидуально.

И.Е. Забелин проводит тщательные замеры памятников, его описания раскопок полны точных указаний на размеры как курганов, так и отдельных артефактов. Так, раскапывая Толстую Могилу (в современной науке это название присвоено другому кургану), исследователь сообщает: «Ее вершина представляла ровную площадь около 7 саженей в квадрате. <...> В окружности Могила имела 90 саженей в диаметре 30 саженей отвесной вышины 4 саженей. Раскопка сделана прорезанием ея середины во всю длину насыпи до верхоземки шириною в 6 саженей и была начата с вершины. Эта каменная кладка, имевшая на вершине до 6 саженей в диаметре, проходила в глубину могилы, постепенно уменьшая свой объем и простираясь на 5 аршин в глубину самой гробницы, вырытой в материке, где диаметр кладки уменьшался до 1 сажени, так что весь каменный завал имел вид воронки» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263. Л. 1).

Начал Иван Егорович работу по раскопкам Чертомлыка с шестьюдесятью грабарями, а продолжил уже со ста одиннадцатью (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263. Л. 18). При таком объеме работ исследователь внимательно относится к проведению раскопок. Он фиксирует: «В 4 саженях от центра к северо-востоку найдено донце красноглиняной амфоры. В западном углу найдено несколько черепков от разбитой (вставлено – красноглиняной – Авт.) амфоры и от пустого горшка весьма плохого производства. В камнях фундамента на западной стороне найден разбитый небольшой (вставлено – черноглиняный – Авт.) горшочек вроде кувшина (дно в диаметре 1 вершок, пузо 2 вершка)» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263. Л. 19). И.Е. Забелин проявляет себя как тонкий и внимательный наблюдатель. Он указывает смену окраски слоев кургана, замечает даже «остатки

дерева, а на самой середине обнаружены следы голубой и карминной или пурпуровой (красок – Авт.). Краски сохранились преимущественно на исподнем слое чернозема, который поэтому очень отличался от верхнего слоя материковой глины» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263. Л. 33). Не каждый археолог XXI века фиксирует остатки красок на грунте в скифских курганах. Ученый обращает внимание даже на отпечатки тканей на изделиях (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263. Л. 76). И.Е. Забелин проводит верную реконструкцию, указывая, что «курган вначале имел меньшую величину и потом, время от времени, в разные сроки, он увеличивался новыми насыпями» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп.1. Д. 263. Л. 20).

Исследователь приводит полную опись находок по номерам: «Убор первого коня золотой: № 66 – наносник (вычеркнуто – формы с изображением голов какого-то животного – Авт.), подобный описанным; № 67-68 – две золотые бляхи с серебряными ушками; №№ 69-70 – две медных пуговицы с серебряными ушками (у одной ушко отломлено); №№ 71-76 – шесть бронзовых пуговиц с серебряными ушками; №№ 77-80 – четыре пластины с седел (помяты); №№ 81-84 четыре плоских пуговиц с седла» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263. Л. 62). Наблюдательность и точность свойственны и составленным историком описям: указано число находок, сохранность, и проведена первичная классификация на «бляхи», «пуговицы» и «пластины».

Главное погребение оказалось ограбленным еще в древности. Картину точно реконструирует И.Е. Забелин, делая карандашную запись: «Предположение, что названная нами главная гробница не была таковою главною камерою ко всем остальным гробничковым подземельям, из которых главнее, где покоился сам царь, было именно это обширное помещение с боковыми помещениями, в которых грабители прямо и попали посредством своей лазейки и были в нем раздавлены обвалом, не успев вынести наверх найденных вещей» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 273-274).

А.И. Формозов считает, что «сотрудников – лаборантов, художников, фотографов либо каких-либо иных помощников – у Забелина долгое время не было вовсе» (Формозов, 1984: 102). Однако в фонде И.Е. Забелина хранится тщательно выполненный в красках план Чертомлыка с цветовым выделением каждого из слоев колец-подсыпок кургана и расположения погребений, выполненный с соблюдением масштаба и указанием объема каждой из подсыпок (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263. Л. 156), дано изображение кургана до раскопок и вертикальный разрез (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263. Л. 158). И.В. Яценко (Яценко, 2002) и А.Ю. Алексеев (Алексеев, 2004) сравнили чертеж с результатами доисследования Чертомлыка в 1980–1990-е годы и пришли к выводу о совпадении чертежа И.Е. Забелина с результатами современной фиксации (Алексеев, 2004: Рис. 1), отметив, что «сам чертеж И.Е. Забелина демонстрирует удивительную тщательность его работы» (Алексеев, 2004: 45). Позже, при раскопках гробниц античного Боспорского царства, И.Е. Забелин использует профессионально выполненные художниками разрезы курганов и эти рисунки использовались ученым при анализе найденного материала (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 262. Л. 158-162; Артамонов, 1966).

В обязанности археолога входит организация работ, и Иван Егорович проявляет себя умелым организатором: его записные книжки испещрены подробными указаниями на имена, объем и место проведенных работ, а также оплату каждого из рабочих: «Яков откос 10 куб – 36 = 46 куб + 25; Клим 171/2 – 26 = 43 1/2 = 25; Емельян 13 – 26 = 39 + 25» и т.п. (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263. Л. 178).

Тщательные обмеры проводятся не только для насыпей курганов и их составляющих, но и для отдельных артефактов. Так, приведен рисунок и описание скифского котла, который исследователь называет «ваза медная (вставлено: красной меди – Авт.) с шестью ручками, расположенными по краю, в виде козлов, из которых три идут вправо и три влево» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263. Л. 150), и приведены обмеры по двенадцати позициям (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263. Л. 133). В наши дни редко кто из археологов, публикующих находки, проводит такие тщательные обмеры. Обычно указывают высоту и максимальный диаметр сосуда.

По указанию И.Е. Забелина просеивают землю пола даже ограбленного в древности кургана (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 262. Л. 2), а утверждение о том, что «курганы, содержащие скорченные и окрашенные костяки, Забелин бросал недокопанными» (Клейн, 2014: 439), вообще представляется безосновательным. И.Е. Забелин описывает каждое вскрытое погребение бронзового века, костяки в которых засыпались охрой, указывает положение и ориентацию скелета погребенных. При этом отмечает: «в головах у затылка найдено кремневое копьё и острый кремешек наподобие стрелы. Других никаких вещей не было, кроме небольших комков темной краски. под костями была подстилка темно-красноватого цвета» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 262. Л. 11). В исследованных под руководством ученого погребениях с окрашенными костяками после снятия скелета пол погребения перекапывается (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 262. Л. 11).

О тонкой наблюдательности Ивана Егоровича говорит анализ насыпи раскопанного им кургана Томаковская Близница: «слои эти кроме того показывали, что насыпка земли производилась с утрамбовкою каждого слоя, ибо поверхность каждого слоя была несравненно плотнее исподней его части» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 262. Л. 7-8).

И.Е. Забелина современные нам археологи критикуют за то, что он оставлял курганы не докопанными, в результате чего терялась научная информация, а местные крестьяне иногда находили, как в оставленной исследователем Острой Могили, «схороненный там клад, заключающий

в себе золотой шейный витой обруч (гривну), золотую серпообразную бляшку с мелкой зернью и голубою эмалью, золотые узорчатые ножны, тоже украшенные эмалью, с остатками железного кинжала и с частью золотой эмалированной рукоятью, две золотые узорчатые пластины <...> с изображением скорченных зверей, 1 золотую воронку и 200 бронзовых стрел» (Анучин, 1909: 16). Действительно, сам И.Е. Забелин пишет, что «подробное рассмотрение раскопанной Близницы и сделанные опыты исследования ее середины показали, что первоначальное устройство кургана во всех его частях разрушено прежде бывшими поисками и что, следовательно, новые раскопки будут бесполезны в том именно отношении, что не приведут ни к каким ясным и последовательным результатам. Поэтому дальнейшее исследование кургана было прекращено» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 262. Л. 6). Но подобный подход был не виной, а бедой археологии того времени, перед которой ставилась задача поставки эффектных вещей для Эрмитажа в кратчайший срок и с минимальными затратами из казны. Да, правительство отпускало значительные суммы, но для качественных в научном отношении работ в то время они были явно недостаточны.

В современной литературе ставятся в упрек И.Е. Забелину раскопки античных городов Северного Причерноморья – Фанагории и Ольвии – траншеями (Клейн, 2014: 443). Но раскопки широкими площадями, применяемые в XX веке, требовали больших средств и значительного числа рабочих, на нехватку которых указывает сам Иван Егорович (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 262. Л. 89). Он составляет тщательные описи найденных вещей, указывая число частей, материал, сохранность и размеры (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263. Л. 261-272).

И.Е. Забелин был вынужден копать большие курганы траншеями, тогда как производителю земляных работ на Чертомлыке М.М. Сухареву он указывает: «насыпь необходимо срыть всю» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 258. Л. 5), и до половины кургана она была снята полностью (Алексеев, 2004: 45).

Осмысление И.Е. Забелиным материалов раскопок

Итогом исследований памятников Северного Причерноморья, выполненных разными археологами, стал сводный труд «Древности Геродотовой Скифии», вышедший в двух выпусках в 1866 и в 1872 годах (Древности..., 1866–1872). Л.С. Клейн утверждает, что научную обработку коллекций И.Е. Забелина полностью проводил Л.Э. Стефани (Клейн, 2014: 442). Однако здесь необходимы уточнения. Иван Егорович добросовестно осваивал новую для него область – скифскую археологию, штудировав античных авторов, делая страницами выписки из их трудов, касающихся истории Скифии и Сарматии. «Требуется прежде всего критически разобрать известия древних, а потом уже обратиться к рассмотрению памятников. Критический разбор писателей предшествует изучению и составляет его основание», – отмечает И.Е. Забелин (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 237). Написанию текстов «Древностей Геродотовой Скифии» и самим археологическим работам ученого предшествовал титанический труд: в фонде хранятся выписки, озаглавленные «Страбоновы Землеописания книга одиннадцатая», объемом в пятнадцать листов (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 58-73), а также «Выписки по Сарматии из меньших географов: Маркиан из Гераклеи (на полях: «Маркиан по догадкам жил около 400 г. до Р.Х.» – Авт). (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 79-81). То есть у исследователя определялся круг чтения, указывающий на датировку раскапываемых памятников: все они относятся к IV в. до н. э. (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991; Гуляев, 2005) – «Скилак Кариандский: IV в. до Р.Х. (по догадкам)» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 82-83). Историк конспектирует анонимное (Скимна Хиосского) «Описание мира», указывая дату: I в. до Р.Х., стих 804-820 (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 84-86), труд Дионисия Перигета, дата которого тоже важна для исследователя: «III–IV вв. до Р.Х.» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 88-89), основательно изучает произведения Аммиана Марцеллина и делает пометки на полях, показывающие знание И.Е. Забелиным местности, где ему придется вести раскопки (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 148-213).

В этой связи необходимо подвергнуть сомнению укоренившееся в российской литературе мнение о том, что И.Е. Забелин не знал древнегреческого языка и не проводил полноценного научного анализа материалов собственных раскопок: «Забелин не владел древнегреческим языком, не мог вникнуть во все тонкости произведений античного искусства» (Формозов, 1984: 114). В выписках из труда Арриана (II в. до н. э.) «Окружное плавание по Эвксинскому понту» на полях греческое наименование «Синидика» написано по-гречески и указано: «Анапа» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 86-87). В выписках, посвященных «области Языгов – Азиатская Сарматия» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 90-101), названия городов написаны по-русски, в скобках – по-гречески с точными координатами в градусах долготы и широты. О хорошей не только лингвистической, но и географической подготовке ученого говорят выписки, озаглавленные «Европейская Сарматия: Сарматии, что в Европе расположены», с указанием карт, причем названия городов и рек приведены на русском языке, а в скобках – по-гречески с указанием географических координат (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 102-106). В частности, И.Е. Забелин отмечает, что «Скифия по сю сторону Имайского хребта» (в скобках – по-гречески: «ίμαον – среднего рода») (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 107-111). И уже тонкое лингвистическое замечание: katexon (написано по-гречески) – «не тот глагол, который можно переводить «пасут»» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 111). Наконец, сама рукопись И.Е. Забелина, подготовленная им для «Древностей Геродотовой Скифии»,

содержит тридцать пять листов с правками и примечаниями, вставками из античных авторов и комментариями (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 112-146).

О том, что И.Е. Забелин знал древнегреческий язык, говорят копии амфорных клейм. Ученый переписывает клейма амфор, обнаруженных в Чертомлыке, найденных при раскопках на Тамани и в Ольвии, копирует надписи на надгробных стелах, замечает и копирует греческую надпись на дне сосуда из фанагорийских раскопок. Его фонд содержит многие листы подобных записей (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 282, Л. 92-100, Д. 263. Л. 11-18). Внимание к античным клеймам привело И.Е. Забелина к провидческой догадке о хронологической близости чертомлыкских амфор к находкам в греческих городах Северного Причерноморья, что позволило ученому верно отнести гробницу к IV в. до н. э. (Забелин, 1865–1867: 74). Только спустя сто лет после исследований И.Е. Забелина данные керамической эпиграфики станут критерием датирования скифских древностей (Брашинский, 1965; Алексеев, 2004: 46). Иван Егорович обращается к Т.Н. Грановскому с просьбой прислать ему выписки из труда Диодора Сицилийского, получает и использует их, как и историческую справку о труде Диодора (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 167).

И.Е. Забелин изучает труды историков, в частности делает выписки из работы К. Валишевского «Русско-византийские отрывки», приводя ссылку на Журнал Министерства народного просвещения 1848 года, выпуск 105 (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 162), упоминает «тетрадь Герца» с выписками из его работ (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 180). Иван Егорович вел переписку, стремясь собрать материал для интерпретации будущих находок: его архив содержит письмо М.С. Куторга (1809–1886) от 12 декабря 1870 года, в котором известный русский ученый-антиковед обещает познакомить И.Е. Забелина с историей Северного Причерноморья «независимо от трудов К.К. Герца» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 240). И.Е. Забелин собирал информацию из различных источников, стремясь представить картину скифо-античного мира, который он исследовал. Иван Егорович творчески работал со своими выписками: многие из них содержат подчеркивания синим карандашом, вопросы и замечания, открывающие перед нами «кухню» работы историка. Так, «извлечения из Зосимы» содержат запись чернилами: «на берегах Танаиса» и синим карандашом: «Дунай?» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 179). Как установили современные историки, Танаисом древние авторы называли Дон. Выписки из труда Отца истории завершаются карандашным замечанием И.Е. Забелина: «Сначала надо выяснить точку зрения Геродота. Видно из всего его описания, что он берет только общие, наиболее заметные или замечательные черты» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 249). Иван Егорович критически оценивает античных авторов, стремится уточнить их сведения с использованием археологических источников и трактовать последние.

Выше мы отмечали, что XIX век – время становления методики археологических раскопок. И.Е. Забелин подробно фиксирует в своих описаниях не только форму, но и число частей (современные нам археологи называют их «конструктивными элементами»), размеры, сохранность и материал находок. Ведя раскопки погребений Фанагории (современный Таманский полуостров), Иван Егорович указывает: «1. Золотой оливковый веночек, сильно поврежденный огнем и заключающийся в обломках, из которых 2 обрывка один в 2 1/2 вершка длины, другой в 1 1/2 вершка. Остальные мелкие суть листья плоды оливы и частично сучки плоды, числом 36, и с теми, что на двух крупных обломках и четыре половины. Собраны мелкими частями в разных местах пространстве 9 квадратных аршин (3х3 = 9). Два больших обломка найдены под черепками разбитого сосуда у восточной стены в середине точка» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 263. Л. 261). Здесь опять видны свойственные И.Е. Забелину скрупулезность и наблюдательность, точная фиксация всего виденного, добросовестность и трудолюбие.

Работа археолога и в XIX веке, и в XXI веке включает в себя не только полевые исследования, но и интерпретацию найденного материала, построение исторических выводов. И здесь И.Е. Забелин проводит самостоятельные исследования, а не просто, «приезжая с берегов Днепра или Черного моря в Петербург, он сдавал свои коллекции и отправлялся в Москву работать над более близкими для себя темами», как это утверждает А.И. Формозов (Формозов, 1984: 114). Иван Егорович отмечал во второй части первого тома своего труда «История русской жизни с древнейших времен», что «великое множество вещей, открытых в скифских могилах, представляет предметы по большей части пока еще необъяснимые, но рисующие скифский быт со всех сторон. Можно догадываться, что многие изображения касаются и скифских верований, хотя вся эта изобразительная сторона скифского быта находилась под сильным влиянием греческих художников, переносивших и в Скифию свои же мифологические образы. Однако видно, что греческие художники в своих греческих изображениях старались выразить собственно скифские верования, требующие теперь только внимательного изучения» (Забелин, 2015: 38-39). Эти слова были написаны в 1892 году, а в XX веке в советской археологии после доминирования в ней концепций Н.Я. Марра и ожесточенной «борьбы с марризмом» (Клейн, 2011) на долгие десятилетия установится научная традиция видеть в изображениях на находках из Северного Причерноморья «сцены из жизни скифов», и только к 1980-м годам появятся работы, ставящие под сомнение эту концепцию (Мозолевский, 1979; Раевский, 1977; Раевский, 1985; Раевский, 2006; Кузьмина, 2002; Раевский и др., 2013). Положение о том, что изображения персонажей греческих

мифов на скифских вещах являются отражением процесса приспособления «иконографии, сформировавшейся в инокультурной среде и обслуживавшей иную мифологическую традицию, для воплощения собственно скифских мифов» было опубликовано Д.С. Раевским в 1985 году (цит. по переизданию Раевский, 2006: 407) и стало лейтмотивом книги 2013 года (Раевский и др., 2013). Таким образом, Иван Егорович опережал свое время, и необходимо было пройти почти столетие, чтобы археологи пришли к аналогичным выводам.

Л.С. Клейн вслед за А.И. Формозовым утверждает, что «к работам по раскопкам курганов на юге у него (И.Е. Забелина – Авт.) не лежала душа» (Клейн, 2014: 443). Личное отношение ученого к раскопкам – сложный объект для исследования не столько исторического, сколько психологического и философского. Приведем отрывок из дневников Ивана Егоровича, который иллюстрирует его отношение к степным курганам и археологическим памятникам в целом: «Курган, хотя и дело рук, но все-таки он природа, ибо обстановка его – природа. Среди степи высится Исакий. Он внушает какое-то благоговение, как всякая масса, ибо пред массой человек преклоняется. Она вызывает слезы умиления. <...> Это дело рук и потому в нем, в кургане, есть уже что-то думающее, мыслящее. <...> Памятники интересны только потому, что в них есть человек. Каждый камень – допотопная древность, но здесь нет человека, и он теряет для нас всякий смысл. Тот же камень, обтесанный грубо, найденный среди пустыни, – есть памятник. Памятник человека, человеческой мысли, чувства. Он пробуждает любовь в другой форме. Где не было человека, там нет наших симпатий, нет любви, согревающей каждый камень» (Забелин, 2001: 55).

5. Заключение

Обращение к архивным материалам позволяет по-новому раскрыть особенности личности И.Е. Забелина как археолога, расставить новые акценты и подвергнуть сомнению устоявшиеся оценки. Документы представляют нам И.Е. Забелина как добросовестного, наблюдательного, ответственного исследователя, прекрасного организатора полевых работ. Ученому пришлось работать в непростых условиях, будучи стесненным как в средствах и времени на раскопки, так и в возможностях для публикаций своих трудов. Ответственность историка перед наукой определялась кропотливой подготовкой к интерпретации найденного материала и к ведению раскопок. Причем к освоению нового для него материала Иван Ефимович подходил с тщательностью и профессионализмом: он штудировал исторические источники, при этом выбирая античных авторов, труды которых относятся ко времени раскапываемых им курганов. Внимательность исследователя позволила ему, опережая свое время практически на столетие, определить точную дату Чертомлыкского кургана, дать верную интерпретацию изобразительных памятников Скифии как отражения мифологических представлений скифов. Отчеты И.Е. Забелина показывают, что он докапывал до конца «курганы с окрашенными костяками» эпохи бронзы, внимательно отслеживал смену слоев и делал новаторские по сути чертежи. Сомнительным выглядит утверждение о незнании Иваном Егоровичем древнегреческого языка, учитывая его комментарии к конспектам античных авторов, многие страницы копий клейм античных амфор, погребальных плит, надписей на сосудах. Перед нами встает образ внимательного и вдумчивого археолога, который тонко и глубоко эмоционально чувствовал природу древних памятников, о чем свидетельствуют, кроме проанализированных записей научного характера, дневники ученого. Свойственный личности И.Е. Забелина ответственный и глубоко профессиональный подход к археологическому материалу нашел свое преломление в теоретическом осмыслении археологии как науки и создании авторского курса преподавания истории, включающего и археологическую часть, что требует специального современного исследования.

Литература

- Алексеев и др., 1991 – Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык: (Скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев: Наукова думка, 1991. 410 с.
- Алексеев, 2004 – Алексеев А.Ю. К портрету И.Е. Забелина на фоне скифологии // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию А.А. Формозова / Ответственный редактор А.Д. Столяр. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 37-48.
- Анучин, 1909 – Анучин Д.Н. И.Е. Забелин как археолог в первую половину его научной деятельности (1842–1876). Речь, прочитанная на заседании Московского археологического общества 10 апреля 1909 года. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1909. 42 с.
- Ардашев, 1909 – Ардашев Н.Н. И.Е. Забелин как теоретик археологии // Древности. Труды Московского археологического общества. 1909. Т. 22. Выпуск 2. С. 71-218.
- Артамонов, 1966 – Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага-Ленинград: «Артия», «Советский художник». 1966. 120 с.
- Арциховский, 1948 – Арциховский А.В. Забелин-археолог // Историко-археологический сборник. М.: «Красный печатник», 1948. С. 5-11.
- Бобринский, 1887–1901 – Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887–1901. 3 т.

- Болтрик, 2000** – Болтрик Ю.В. Скифский курган как единый ансамбль // *Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.* Палеоэкология, антропология и археология. М.: Институт археологии РАН, 2000. С. 129–138.
- Брашинский, 1965** – Брашинский В.И. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // *Eirene*. 1965. № 4. С. 89–110.
- Винокуров, 2013** – Винокуров Н.И. Полевые археологические исследования и археологические практики. М.: Прометей, 2013. 174 с.
- Гуляев, 2005** – Гуляев В.И. Скифы – расцвет и падение великого царства. М.: Алтейя, 2005. [Электронный ресурс]. URL: https://www.koob.ru/gulyaev_v/ (дата обращения: 05.01.2023)
- Древности..., 1866–1872** – Древности Геродотовой Скифии: сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях с атласом / издание Императорской Археологической комиссии. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1866–1872.
- Забелин, 1865–1867** – Забелин И.Е. Скифские могилы. Чертомлыкский курган // *Древности*. Труды Московского Археологического общества. 1865–1867. Т. 1. С. 56–93.
- Забелин, 2001** – Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки: (1837–1908) / Предисловие Н.А. Каргаполова. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. 383 с.
- Забелин, 1862** – Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии. В 2 т. Т. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. М.: Типография В. Грачева и Компании, 1862. 530 с.
- Забелин, 1869** – Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии. В 2 т. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии. М.: Типография В. Грачева и Компании, 1869. 670 с.
- Забелин, 1865** – Забелин И.Е. Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря. М.: Типография В. Грачева и Компании, 1865. 160 с.
- Забелин, 1873** – Забелин И.Е. Кунцево и древний Сетунский стан: исторические воспоминания. М.: К.Т. Солдатенков, 1873. 258 с.
- Забелин, 2015** – Забелин И.Е. Скифия и сарматия. М.: Вече, 2015. 352 с.
- Забелин, 1852** – Забелин И.Е. Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия. СПб., 1852. 41 с.
- Иван Егорович Забелин** – Иван Егорович Забелин – историк Москвы. К 200-летию со дня рождения. Каталог книжно-иллюстративной выставки. [Электронный ресурс]. URL: https://www.shpl.ru/images/cms/data/zabelin_2020_katalog.pdf (дата обращения: 09.01.2023)
- Ильинская, Тереножкин, 1983** – Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1983. 379 с.
- Клейн, 2011** – Клейн Л.С. История археологической мысли. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2011. Т. 1. 628 с.
- Клейн, 2014** – Клейн Л.С. История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. 704 с.
- Кокорина, 2011** – Кокорина Ю.Г. Терминосистема концептуальной области «Археология». М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 352 с.
- Кузьмина, 2002** – Кузьмина Е.Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев. М.: Б.и., 2002. 288 с.
- Материалы..., 1891** – Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, по определению Московской городской Думы собранные и изданные руководством и трудами И. Забелина. В 2 ч. М.: Московская городская типография, 1891.
- Мелюкова, 1981** – Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М.: Наука, 1981. 111 с.
- Мозолевский, 1979** – Мозолевский Б.М. Товста Могила. Київ: «Наукова думка», 1979. 252 с.
- Мурзин, Ролле, 2000** – Мурзин В.Ю., Ролле Р. Гибель Великой Скифии и царь Атей / Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология. М.: Институт археологии РАН, 2000. С. 216–220.
- Ольховский, 1991** – Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 253 с.
- Переводчикова, Фирсов, 2004** – Переводчикова Е.В., Фирсов К.Б. Орнаментированный предмет из кургана Козёл: пережиточный гальштатский стиль в скифских царских курганах? // *Археологические вести*. 2004. № 11. С. 128–137.
- ОПИ ГИМ** – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
- Раевский и др., 2013** – Раевский Д.С., Кулланда С.В., Погребова М.Н. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 274 с.
- Раевский, 2006** – Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 598 с.
- Раевский, 1985** – Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985. 256 с.
- Раевский, 1977** – Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977. 216 с.
- РА ИИМК** – Рукописный архив Института истории материальной культуры.

- Формозов, 1984** – *Формозов А.И.* Историк Москвы И.Е. Забелин. М.: Московский рабочий, 1984. 239 с.
- Формозов, 2004** – *Формозов А.И.* Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков: (обзор кн., вышедших в 1997–2003 гг.). Курск: Издательство Курского государственного университета, 2004. 67 с.
- Яценко, 2002** – *Яценко И.В.* Представления И.Е. Забелина о строении насыпи кургана Чертомлык // *Российская археология*. 2002. № 4. С. 131–142.

References

- Alekseev i dr., 1991** – *Alekseev, A.Yu., Murzin, V.Yu., Rolle, R.* (1991). Chertomlyk: (Skifskii tsarskii kurgan IV v. do n. e.) [Chertomlyk: (Scythian royal burial mound IV century BC)]. Kiev: Naukova dumka, 410 p. [in Russian]
- Alekseev, 2004** – *Alekseev, A.Yu.* (2004). K portretu I.E. Zabelina na fone skifologii [To the portrait of I.E. Zabelin against the background of Scythology]. Nevskii arkhologo-istoriograficheskii sbornik. K 75-letiyu A.A. Formozova. Otvetstvennyi redaktor A.D. Stolyar. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Pp. 37–48. [in Russian]
- Anuchin, 1909** – *Anuchin, D.N.* (1909). I.E. Zabelin kak arkholog v pervuyu polovinu ego nauchnoi deyatel'nosti (1842–1876). Rech', prochitannaya na zasedanii Moskovskogo arkhologicheskogo obshchestva 10 aprelya 1909 goda [I.E. Zabelin as an archaeologist in the first half of his scientific activity (1842–1876). Speech delivered at a meeting of the Moscow Archaeological Society on April 10, 1909]. M.: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig, 42 p. [in Russian]
- Ardashev, 1909** – *Ardashev, N.N.* (1909). I.E. Zabelin kak teoretik arkhologii [Zabelin as a theorist of archeology]. *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkhologicheskogo obshchestva*. 22(2): 71–218. [in Russian]
- Artamonov, 1966** – *Artamonov, M.I.* (1966). Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha [Treasures of the Scythian mounds in the collection of the State Hermitage Museum]. Praga-Leningrad: «Artiya», «Sovetskii khudozhnik». 120 p. [in Russian]
- Artsikhovskii, 1948** – *Artsikhovskii, A.V.* (1948). Zabelin-arkheolog [Zabelin-archaeologist]. Istoriko-arkheologicheskii sbornik. M.: «Krasnyi pechatnik». Pp. 5–11. [in Russian]
- Bobrinskij, 1887–1901** – *Bobrinskij, A.A.* (1887–1901). Kurgany i sluchajnye arxeologicheskie naxodki bliz mestechka Smely [Mounds and accidental archaeological finds near the town of Smela]. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1887–1901. 3 t. [in Russian]
- Boltrik, 2000** – *Boltrik, Yu.V.* (2000). Skifskii kurgan kak edinyi ansambl' [Scythian mound as a single ensemble]. Skify i sarmaty v VII–III vv. do n. e. Paleoekologiya, antropologiya i arkhologiya. M.: Institut arkhologii RAN. Pp. 129–138. [in Russian]
- Brashinskii, 1965** – *Brashinskii, V.I.* (1965). Novye materialy k datirovke kurganov skifskoi plemennoi znati Severnogo Prichernomor'ya [New materials for dating mounds of the Scythian tribal nobility of the Northern Black Sea region]. *Eirene*. 4: 89–110. [in Russian]
- Drevnosti..., 1866–1872** – *Drevnosti Gerodotovoii Skifii: sbornik opisaniia arkhologicheskikh raskopok i nakhodok v chernomorskikh stepyakh s atlasom* [Antiquities of Herodotus Scythia: collection of descriptions of archaeological excavations and finds in the Black Sea steppes with atlas]. Izdanie Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii. SPb.: V tipografii Imperatorskoi akademii nauk, 1866–1872. [in Russian]
- Formozov, 1984** – *Formozov, A.I.* (1984). Istorik Moskvy I.E. Zabelin [Moscow historian I.E. Zabelin]. M.: Moskovskii rabochii, 239 p. [in Russian]
- Formozov, 2004** – *Formozov, A.I.* (2004). Istoriofografiya russkoi arkhologii na rubezhe XX–XXI vekov: (obzor kn., vyshedshikh v 1997–2003 gg.) [Historiography of Russian archeology at the turn of the XX–XXI centuries: (review of books published in 1997–2003)]. Kursk: Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, 67 p. [in Russian]
- Gulyaev, 2005** – *Gulyaev, V.I.* (2005). Skify – rastsvet i padenie velikogo tsarstva [Scythians – the rise and fall of the great kingdom]. M.: Alteiya. [Electronic resource]. URL: https://www.koob.ru/gulyaev_v/ (date of access: 05.01.2023). [in Russian]
- Il'inskaya, Terenozhkin, 1983** – *Il'inskaya, V.A., Terenozhkin, A.I.* (1983). Skifiya VII–IV vv. do n. e. [Scythia of the VII–IV centuries BC]. Kiev: Naukova dumka, 379 p. [in Russian]
- Ivan Egorovich Zabelin** – Ivan Egorovich Zabelin – istorik Moskvy. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya. Katalog knizhno-illyustrativnoi vystavki [Ivan Egorovich Zabelin is a historian of Moscow. To the 200th anniversary of his birth. Catalogue of the book and illustrative exhibition]. [Electronic resource]. URL: https://www.shpl.ru/images/cms/data/zabelin_2020_katalog.pdf (date of access: 09.01.2023). [in Russian]
- Klein, 2011** – *Klein, L.S.* (2011). Istoriya arkhologicheskoi mysli [History of archaeological thought]. SPb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. T. 1. 628 p. [in Russian]
- Klein, 2014** – *Klein, L.S.* (2014). Istoriya Rossiiskoi arkhologii: ucheniya, shkoly i lichnosti [The History of Russian Archaeology: Teachings, Schools and personalities. Vol.1. General overview and pre-revolutionary time]. T. 1. Obshchii obzor i dorevolutsionnoe vremya. SPb.: EVRAZIYA, 704 p. [in Russian]

- Kokorina, 2011** – *Kokorina, Yu.G.* (2011). Terminosistema kontseptual'noi oblasti «Arkheologiya» [Term system of the conceptual field “Archeology”]. M.: LIBROKOM, 352 p. [in Russian]
- Kuz'mina, 2002** – *Kuz'mina, E.E.* (2002). Mifologiya i iskusstvo skifov i baktriiitsev [Mythology and art of the Scythians and Bactrians]. M.: B.i., 288 p. [in Russian]
- Materialy..., 1891** – *Materialy dlya istorii, arkheologii i statistiki goroda Moskvy, po opredeleniyu Moskovskoi gorodskoi Dumy sobrannye i izdannye rukovodstvom i trudami I. Zabelina* [Materials for the history, archeology and statistics of the city of Moscow, according to the definition of the Moscow City Duma, collected and published by the leadership and works of I. Zabelin]. V 2 ch. M.: Moskovskaya gorodskaya tipografiya, 1891. [in Russian]
- Melyukova, 1981** – *Melyukova, A.I.* (1981). Krasnokutskii kurgan [Krasnokutsky kurgan]. M.: Nauka, 111 p. [in Russian]
- Mozolevs'kii, 1979** – *Mozolevs'kii, B.M.* (1979). Tovsta Mogila [Tovsta Grave]. Kiïv: «Naukova dumka», 252 p. [in Russian]
- Murzin, Rolle, 2000** – *Murzin, V.Yu., Rolle, R.* (2000). Gibel' Velikoi Skifii i tsar' Atei [The death of the Great Scythia and Tsar Atey]. Skify i sarmaty v VII–III vv. do n. e. Paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya. M.: Institut arkheologii RAN. Pp. 216-220. [in Russian]
- Ol'khovskii, 1991** – *Ol'khovskii, V.S.* (1991). Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoi Skifii (VII–III vv. do n. e.) [Funeral and memorial rites of the population of steppe Scythia (VII–III centuries BC)]. M.: Nauka, 253 p. [in Russian]
- OPI GIM** – Otdel pismennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Department of Written Sources of the State Historical Museum].
- Perevodchikova, Firsov, 2004** – *Perevodchikova, E.V., Firsov, K.B.* (2004). Ornamentirovannyi predmet iz kurgana Kozel: perezhitochnyi gal'shtatskii stil' v skifskikh tsarskikh kurganakh? [An ornamental object from the Goat mound: a relic of the Hallstatt style in the Scythian royal mounds?]. *Arkheologicheskie vesti*. 11: 128-137. [in Russian]
- RA IIMK** – Rukopisnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury [Handwritten archive of the institute of the history of material culture].
- Raevskii i dr., 2013** – *Raevskii, D.S., Kullanda, S.V., Pogrebova, M.N.* (2013). Vizual'nyi fol'klor. Poetika skifskogo zverinogo stilya [Visual folklore. The poetics of the Scythian animal style]. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 274 p. [in Russian]
- Raevskii, 1977** – *Raevskii, D.S.* (1977). Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen plemen [Essays on the ideology of the Scythian-Saka tribes]. M.: Nauka, 216 p. [in Russian]
- Raevskii, 1985** – *Raevskii, D.S.* (1985). Model' mira skifskoi kul'tury [A model of the world of Scythian culture]. M.: Nauka, 256 p. [in Russian]
- Raevskii, 2006** – *Raevskii, D.S.* (2006). Mir skifskoi kul'tury [The world of Scythian culture]. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 598 p. [in Russian]
- Vinokurov, 2013** – *Vinokurov, N.I.* (2013). Polevye arkheologicheskie issledovaniya i arkheologicheskie praktiki [Field archaeological research and archaeological practices]. M.: Prometei, 174 p. [in Russian]
- Yatsenko, 2002** – *Yatsenko, I.V.* (2002). Predstavleniya I.E. Zabelina o stroenii nasypi kurgana Chertomlyk [I.E. Zabelin's ideas about the structure of the embankment of the Chertomlyk mound]. *Rossiiskaya arkheologiya*. 4: 131-142. [in Russian]
- Zabelin, 1852** – *Zabelin, I.E.* (1852). Khronika obshchestvennoi zhizni v Moskve s poloviny XVIII stoletiya [Chronicle of public life in Moscow since the half of the XVIII century]. SPb., 41 p. [in Russian]
- Zabelin, 1862** – *Zabelin, I.E.* (1862). Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletii [The home life of the Russian people in the XVI and XVII centuries]. V 2 t. T. 1. M.: Tipografiya V. Gracheva i Kompanii, 530 p. [in Russian]
- Zabelin, 1865** – *Zabelin, I.E.* (1865). Istoricheskoe opisanie moskovskogo stavropigial'nogo Donskogo monastyrya [Historical description of the Moscow Stavropol Donskoy monastery]. M.: Tipografiya V. Gracheva i Kompanii, 160 p. [in Russian]
- Zabelin, 1865–1867** – *Zabelin, I.E.* (1865–1867). Skifskie mogily. Chertomlykskii kurgan [Scythian graves. Chertomlyk kurgan]. *Drevnosti. Trudy Moskovskogo Arkheologicheskogo obshchestva*. 1865–1867. T. 1. Pp. 56-93. [in Russian]
- Zabelin, 1869** – *Zabelin, I.E.* (1869). Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletii [The home life of the Russian people in the XVI and XVII centuries]. V 2 t. T. 2. Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletii. M.: Tipografiya V. Gracheva i Kompanii, 670 p. [in Russian]
- Zabelin, 1873** – *Zabelin, I.E.* (1873). Kuntsevo i drevnii Setunskii stan: istoricheskie vospominaniya [Kuntsevo and the ancient Setun camp: historical memoirs]. M.: K.T. Soldatenkov, 258 p. [in Russian]
- Zabelin, 2001** – *Zabelin, I.E.* (2001). Dnevnik. Zapisnye knizhki: (1837–1908) [Diaries. Notebooks: (1837–1908)]. Predislovie N.A. Kargapolova. M.: Izdatel'stvo im. Sabashnikov, 383 p. [in Russian]
- Zabelin, 2015** – *Zabelin, I.E.* (2015). Skifiya i sarmatiya. M.: Veche, 2015. 352 s. [in Russian]

И.Е. Забелин как археолог-практик: взгляд столетие спустя

Юлия Георгиевна Кокорина ^{a, *}, Махач Мустафаевич Вагабов ^a, Аида Акимовна Акимова ^b

^a Московский политехнический университет, Российская Федерация

^b Дагестанский государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. Личность и деятельность выдающегося российского историка Ивана Егоровича Забелина (1820–1908) настолько глубока и многогранна, что привлекала к себе внимание историков науки еще при его жизни. И.Е. Забелин известен не только своими чисто историческими трудами, но и работами в области археологии. Под его руководством были раскопаны богатейшие скифские курганы на юге России. Самым известным из них является курган Чертомлык, принесший настоящие шедевры скифского и греческого искусства в сокровищницу Императорского Эрмитажа. Ученые, которые анализировали деятельность И.Е. Забелина как археолога, основывались, как правило, на публикациях, принадлежавших перу ученого. Это породило череду недоразумений и ложных обвинений в адрес великого русского историка. Авторы данной статьи использовали архивные материалы, рукописи и полевые дневники И.Е. Забелина, что позволило развенчать ряд предубеждений, ставших своеобразными научными мифами. И.Е. Забелин предстает как внимательный, ответственный и наблюдательный археолог, который разрабатывал собственные новаторские методы ведения раскопок и фиксации слоев, о чем говорят сделанные им планы и разрезы курганов. Историк самостоятельно анализировал материалы экспедиций, изучал труды античных авторов, проводил тщательные обмеры и составлял подробные описания памятников и артефактов. Поскольку выписки из античных авторов испещрены замечаниями чисто лингвистического свойства, а описи находок содержат многостраничные копии древнегреческих амфорных клейм, надгробий, надписей на сосудах, авторы данной статьи ставят под сомнение тезис о незнании И.Е. Забелиным греческого языка. Оценка на современном научном уровне вклада И.Е. Забелина в теорию археологии и преподавание этой дисциплины представляет собой задачу отдельного исследования.

Ключевые слова: история археологии, И.Е. Забелин, методика раскопок, полевая археология, скифы, бронзовый век.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kokorina@inbox.ru (Ю.Г. Кокорина), 9162803@mail.ru (М.М. Вагабов), aida_akimova_60@mail.ru (А.А. Акимова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 149-158
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.149

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Quartering of the Disabled Team in Krasnoyarsk in the 1820s: Microhistorical Analysis

Alexander S. Kovalev ^{a,*}, Nikolai R. Novosel'tsev ^a, Dmitry V. Rakhinsky ^{a,b,c}, Nikita N. Ravochkin ^{d,e}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation

^c Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

^d Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Russian Federation

^e Kuzbass State Agricultural Academy, Russian Federation

Abstract

In the Russian Empire from 1764 to 1864 existed disabled teams, which included military personnel who had lost the ability to serve in the military, but were able to perform the functions of maintaining public order in provincial cities. The support of disabled teams was entrusted to the local population. In the article the issues of accommodation and housing for employees of the disabled team in Krasnoyarsk in the first third of the 19th century are considered, using the methods of microhistorical analysis of documents from the State Archives of the Krasnoyarsk Territory, first introduced into the scientific use. The basic rules for the quartering of single and family military invalids from the lower ranks and non-commissioned officers are presented. Also, the features of the fulfillment, as well as the procedure of refusing of housing obligation by the city commoners of Krasnoyarsk are analyzed. The characteristic of the social status of the citizens involved in obligation and released from its performance is provided. The problems of the relationship between the local population and the representatives of the disabled team, located in the apartments of citizens, were studied. Specific examples of both Krasnoyarsk residents repeatedly providing apartments for members of the disabled team and conflict situations that were resolved with different results for their participants are considered. With that in mind, a conclusion was reached about the effectiveness of organizing public charity for war invalids with the involvement of ordinary citizens in providing them with housing in a provincial city.

Keywords: military invalids, disabled team, apartment (residential) obligation, commoners, public charity.

1. Введение

Любые военные действия государства приводят к тому, что одним из возможных печальных последствий участия в них военнослужащих является утрата частью солдат и офицеров здоровья вплоть до получения инвалидности. В этом случае на государство и общество возлагается особая ответственность за полноценное возвращение бывших солдат к мирной жизни и обеспечение возможности восстановления их трудоспособности и приемлемого уровня качества послеармейской жизни. Эта проблема может считаться актуальной для любого этапа исторического развития человечества, любой цивилизации, независимо от причин военного конфликта, порождающего инвалидность.

В современном мире существует много различных социальных программ, направленных на реабилитацию инвалидов боевых действий или инвалидов вследствие военной травмы, которые не

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), sirdar@mail.ru (D.V. Rakhinsky), nickravochkin@mail.ru (N.N. Ravochkin)

могут продолжать нести дальнейшую воинскую службу. Среди реабилитационных мер можно назвать пенсионное обеспечение, денежную компенсацию, восстановительное лечение, оказание помощи семьям инвалидов в получении продовольственных наборов, медикаментов и т.п. Получение всех этих видов помощи возможно по той причине, что после демобилизации из армии инвалид войны приобретает особый статус, в соответствии с которым имеет право на помощь государства.

Однако ничего этого, конечно же, не могло существовать на имперском этапе развития нашей страны, когда военная служба фактически была пожизненной и по рекрутской повинности составляла до 25 лет, в связи с чем даже после получения ранения, которое превращало солдата в инвалида, он не возвращался домой, а продолжал служить.

В связи с отсутствием пенсионной системы, нежеланием нести дополнительные расходы, а также представлением о том, что даже после фактической отставки от воинской службы увечный солдат может продолжать приносить пользу, государство перекладывало обязанность призрения военных инвалидов на общество, обязывая размещать военных инвалидов в городах.

С 1760-х по 1860-е гг. в Российской империи существовала категория «военных инвалидов», ставших негодными или ограниченно годными к службе. В 1764 году Екатерина II предписала водворять их на жительство в отдельные города, в которых создавались «инвалидные команды», где они выполняли задачи по несению караульной службы в городе и поддержанию общественного порядка. При этом забота о военнослужащих, получивших увечья во время службы, ложилась на мещан, обязанных, в частности, обеспечить прибывающих в город членов инвалидной команды жильем.

2. Материалы и методы

Основным источником исследования стали не публиковавшиеся ранее материалы Красноярской городской квартирной комиссии Красноярской городской управы, обнаруженные в фондах Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация), а именно: журналы входящей и исходящей корреспонденции Красноярской квартирной комиссии; регистры и именные списки Красноярской инвалидной команды; отчеты об обывательских квартирах, назначенных под содержание постояя Красноярской инвалидной команды.

Исследование опирается на микроисторический подход, предполагающий анализ взаимоотношений Красноярской инвалидной команды и жителей Красноярска, выполнявших «постоянную» позицию. Преимущество этого подхода заключается в том, что, подвергая «максимально интенсивному анализу под микроскопом» ту или иную сторону прошлого, он дает «частные ответы» на вопросы, имеющие общее значение (Репина, Селунская, 2022: 327, 335, 340). Именно этим обусловлены интерес современных исследователей к истории «маленького человека» и концентрация внимания на биографии ранее не изученных социальных групп. Помещая «в фокус внимания» отдельный исторический сюжет, микроистория помогает обнаружить значимые характеристики «больших процессов» и устанавливать не замечаемые на макроуровне тенденции. Так, в настоящем исследовании это понимание эффективности социальной помощи в отношении военных инвалидов со стороны общества, которое фактически принуждало к содержанию увечных солдат.

3. Обсуждение

В современной историографии существует ряд публикаций, рассматривающих проблемы становления и развития инвалидных команд. Во-первых, это исследования, в которых вопросы, связанные с деятельностью инвалидных команд в Российской империи и ее отдельных регионах, представлены в публикациях, посвященных истории внутренней стражи. Так, в статье П.А. Колпакова (Колпаков, 2021) отражены организационные основы деятельности инвалидных подразделений в составе внутренней стражи Российской империи. Роль Военного министерства в создании внутренней стражи, место инвалидных подразделений в ее функционировании как органа охраны правопорядка в России в начале XIX века, участие М.Б. Барклая-де-Толли в подготовке нормативных документов, которые регулировали их деятельность, изучены О.В. Харченко (Харченко, 2015). В трудах А.Т. Ташпековой (Ташпекова, 2019, Ташпекова, 2020, Ташпекова, 2022) рассматривается история Саратовской инвалидной команды с 1811 по 1864 гг., в том числе повседневная жизнь инвалидных рот в составе внутренней стражи. С.В. Белоусов (Белоусов, 2022) анализирует функционирование Пензенского внутреннего губернского батальона, в том числе отмечает особенности размещения военнослужащих по обывательским квартирам и примеры взаимоотношений между военнослужащими губернского батальона и гражданским населением. Упоминают о роли инвалидных команд в заботе об увечных военнослужащих в своем историческом обзоре обеспечения ветеранов в Российской армии в имперский период С.В. Постников и О.А. Постникова. Особенно важным стоит считать их замечание, что государство в этот период практически самоустранилось от решения социальных проблем нуждающихся (Постников, Постникова, 2022).

Во-вторых, это работы, в целом характеризующие процесс возникновения и дальнейшего функционирования инвалидных команд. Здесь прежде всего стоит выделить работу Д.Г. Хаярова, который рассматривает организацию инвалидных команд при Петре I и Екатерине II. В частности, он

пишет о том, что именно в правление императрицы «начинается отправка отставников “в выгодные места” на поселение с надением их жильем и деньгами», что каждому инвалиду военное руководство назначало населенный пункт, где тот должен был проживать – «так в русских городах образовались инвалидные команды» (Хаяров, 2020). Г.В. Барина в своей публикации говорит о том, что «Павел I поставил на поток организацию инвалидных команд», подробно рассматривает указ от 27 марта 1811 г. «Об устройстве инвалидных рот и команд и составлении из них подвижных инвалидных рот и служащих инвалидных команд», согласно которому солдаты из инвалидных рот должны жить «на квартирах, но с обязательством в течение трех лет переселиться на отведенные им земли (под постройку дома из казны одновременно выделяли 50 рублей)» (Барина, 2015).

Третья группа публикаций охватывает непосредственно деятельность конкретных инвалидных команд в XIX веке. Так, Е.А. Орехова изучила состав Кольской инвалидной команды в середине XIX в. Она отметила, что в первой половине XIX в. к военному ведомству относились не только действующие, но и отставные военнослужащие, которые «по старости лет, слабости здоровья и по другим причинам не могут сносить труды пропитания» (Орехова, 2021). Именно их зачисляли в инвалидные команды, которые являлись регулярными воинскими подразделениями и формировались в основном за счет увечных нижних чинов, которые несли «инвалидную службу». С.А. Игонькин, рассматривая функционирование Арзамасской инвалидной команды в первой трети XIX в., отмечает, что «инвалидные команды являлись структурами призрения отставных и увечных солдат, позволяя заслуженным воинам и их семьям получать кров и пропитание пожизненно, находясь при воинских частях» (Игонькин, 2020). Он утверждает, что подобная традиция призрения военных инвалидов в России была малоэффективной, но все же во многом способствовала социальной адаптации увечных солдат после военной службы.

Наконец, к четвертой группе публикаций следует отнести немногочисленные работы, освещающие повседневность инвалидных команд в Сибири. Например, М.Ю. Кузнецов (Кузнецов, 2018) подробно рассказывает о том, что в Сибири в первой трети XIX века существовали три инвалидные команды (две в Тобольске и одна в Иркутске), а еще семь подвижных инвалидных рот – Нижнеудинскую, Киренскую, Енисейскую, Красноярскую, Якутскую, Верхнеудинскую Нерчинскую – приписали к сибирским крепостям. Инвалидные команды и подвижные инвалидные роты в Сибири были организованы за счет расформированной Иркутской губернской роты. Однако в 1823 г. в Енисейской губернии из расформированной в Нарыме инвалидной команды и инвалидных команд Тобольской и Томской губерний был создан Красноярский гарнизонный батальон с подчинением ему Ачинской, Канской и Минусинской уездных инвалидных команд. Также автор указывает, что только в Красноярске была создана единственная команда «неспособных» инвалидов. По болезни или из-за ранения они не могли нести службу и просто доживали в городах. Интерес представляет описание членов инвалидной команды, занимавшейся конвоированием арестантов. Со ссылкой на Н.М. Ядринцева автор пишет: «Это была обыкновенная инвалидная команда, имеющая самый жалкий вид. Обдерганные шинели, оборванные лацканы, худенькие, бракованные, скользящие с бедра португепи, старые, дребезжащие ружья» (М.Ю. Кузнецов, 2018).

Н.А. Кузнецов повествует о Кузнецкой крепости, где располагалась инвалидная команда Бийского гарнизонного батальона, состоявшая из 780 человек. Он подробно описывает условия проживания военнослужащих инвалидной команды: «Штаб-офицерский дом занимает плац-майор, а вторая половина дома отведена под канцелярию. Встроенный в казарму на валу штаб- и обер-офицерский дом занимают одну половину комендант (подполковник от артиллерии), а другую инвалидной команды майор. Обер-офицерский дом занимают Бийского гарнизонного батальона обер-офицеры» (Н.А. Кузнецов, 2003).

Как видно из представленного выше обзора, степень изученности самих инвалидных подразделений является довольно высокой, однако практически вне поля зрения исследователей остались вопросы расквартирования инвалидных команд. Данная статья представляет собой попытку подробного анализа этого процесса на примере расквартирования инвалидной команды в Красноярске в 1820-х гг.

4. Результаты

С.А. Игонькин справедливо отмечает, что очень скоро после появления инвалидных команд «стало понятно, что выделить казенные деньги на постройку домов – большая проблема. Финансов все время не хватало» (Игонькин, 2020: 66), поэтому вопросы о размещении инвалидной команды возлагались на городские квартирные комиссии, которые распределяли служащих в инвалидных командах на постой к городским жителям, обязанным нести «постоянную» (квартирную) повинность.

Е.А. Орехова также указывает, что инвалидная команда обычно не располагала собственными казармами и «личный состав размещался на обывательских квартирах», где, например, «семейные военнослужащие имели право размещать своих жен и детей (сыновей до 14 лет, дочерей – до замужества)» (Орехова, 2021: 182).

Военнослужащих Красноярской инвалидной команды устраивали на содержание и постой на срок до 6 месяцев. Нижние чины селились в квартирах мещан, начальник инвалидной команды – на

квартире у представителей купеческого сословия, причем начальника размещали на постой вместе с имеющейся при нем канцелярией, то есть он занимал 2–3 комнаты. Инвалидную команду и отдельных инвалидов определяли на квартиры «до особого распоряжения», то есть, по всей видимости, горожане сами должны были написать в квартирную комиссию, чтобы их постояльцев перевели на другую квартиру, после чего это самое особое распоряжение и следовало (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 310б., 33).

Красноярский городничий сазу же предложил Красноярской квартирной комиссии решить вопрос об отводе квартиры для инвалидной команды. В качестве таковой он предлагал рассмотреть большой дом, принадлежавший Красноярской городской думе. Однако командир Красноярского гарнизонного батальона майор Афанасьев потребовал этот дом передать для батальонной гауптвахты, а вместо него назначить для постояя дом, отобранный у некоего крестьянина Григория Кручинкина.

Квартирная комиссия против этого не возражала, однако спустя некоторое время унтер-офицер Красноярской инвалидной команды Данила Обжорин обратился в квартирную комиссию, заявив, что «в назначенной комиссией квартире... в доме крестьянина Кручинкина никак невозможно... помещаться, потому что печь ветхая, поврежденные оконные рамы все изломались», и просил «печь в означенном доме поправить и сделать окна стеклянные. А до тех пор отвести для команды обывательскую квартиру на время» (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 4-5).

Квартирная комиссия распорядилась просьбу удовлетворить и поместила инвалидную команду в обывательскую квартиру в доме красноярского мещанина, еврея Ильи Серебрякова, о чем ему было выдано соответствующее предписание. Впрочем, уже через год, в конце декабря 1829 г., начальник инвалидной команды снова писал в Красноярскую квартирную комиссию, что «отведенный Красноярской инвалидной команде для нижних чинов дом по нынешнему холодному времени уже [не годен для проживания]: окна и двери худые, также очень мало места, негде поместиться» (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 223), и просил отвести рядовым несемейным инвалидам новое помещение.

Прошения об отводе жилья офицерам или семейным инвалидам подавал лично командир Красноярской инвалидной команды прапорщик Леонтьев. Он выяснял, чья очередь из городских обывателей принимать у себя инвалида из его команды и обращался в квартирную комиссию. Например, после прибытия в Красноярск штабс-капитана Васильева и прапорщика Быбина с семейством командир определил, что «оказалось на очереди содержать постой дом... мещанина Худоногова... и мещанина Ивана Васильева Горбунова» (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 80б.-10), о чем горожанам квартирной комиссией был выдан соответствующий билет.

А вот при отведении жилья для нижних чинов возникало немало трудностей. Так, 10 апреля 1828 г. прапорщик Леонтьев обращается с просьбой отпустить квартиры для новичков, потому что прошло полгода, а квартиры они так и не получили. Оказалось, что на очереди никого нет, кто мог бы взять их к себе на постой, поэтому квартирная комиссия распорядилась: «мещан по очереди расположить с настоящей уравнильностью» и решить вопрос до 1 мая (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 11).

Впрочем, проблемы с размещением были не только у нижних чинов, но даже у самого начальника инвалидной команды. В мае 1829 г. он обратился с жалобой к Красноярскому городничему, в которой рассказал о том, что ему была отведена квартира у купца Берковича, но когда он попытался в нее вселиться, то оказалось, что «стены кругом были зачернены и печки поломаны». Беркович пообещал отремонтировать квартиру, но в ходе ремонта одна большая комната была поделена на две маленьких, где начальнику инвалидной команды оказалось невозможно разместиться вместе с канцелярией. Когда он высказал свое неудовольствие хозяину дома, тот и вовсе решил отказаться от предоставления постоя. «Затем остаюсь не отведенною квартирой», – писал прапорщик Леонтьев. И призывал «приказать, чтобы тот Беркович дал место под канцелярию, комнату или другую мне квартиру» (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 126; Д. 3. Л. 142-143).

Городничий переслал жалобу начальника инвалидной команды в квартирную комиссию, откуда ответили, что вызвали Берковича и тот поведал, что ему было дано право самому определять, какие комнаты выделять для постоя: «Он отделил переднюю. Дом его – большой покой с прихожей и небольшим кабинетом и внизу под оным также жилые покои. Он считает, что этого вполне довольно и с канцелярией». Также от самой квартирной комиссии начальнику инвалидной команды было сделано дополнение, что, согласно текущему законодательству, «неженатому обер-офицеру должно отводить один покой, а прислуга должна помещаться с хозяйскою» (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 144-144об.). Так вопрос разрешился в пользу купца Берковича, и прапорщик Леонтьев был обязан занять те комнаты, которые были ему отведены городским обывателем.

Согласно именному списку в Красноярскую инвалидную команду весной 1829 г. входили 2 старших унтер-офицера (один был женат и имел ребенка), 11 младших унтер-офицеров – из них 6 человек состояли в браке, у двоих были дети, и у каждого из этих офицеров был собственный дом. Отдельно числился барабанщик (женатый, без детей), остальной состав включал 56 рядовых. 13 из них были женаты, у трех было по трое детей, еще два человека воспитывали двух сыновей, еще два человека имели по одному ребенку. Только у пятерых семейных был свой собственный дом. Также в команде числились прикомандированные из других команд 3 унтер-офицера (один женатый) и 5 холостых рядовых (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 121-1210б., 128-1280б.).

Сами городские обыватели далеко не всегда относились с пониманием к проблемам инвалидов и их размещению. Они и сами писали прошения в Красноярскую квартирную комиссию сразу же, как только подходил к концу очередной 6-месячный срок, а то и позже, когда инвалиды задерживались у них на квартирах, чтобы их перевели на другую квартиру. Тот же Илья Серебряков просил, чтобы от него перевели инвалида «к другому по очереди», некоему Моисею Лейбовичу. Однако и Лейбович пожаловался в квартирную комиссию, что «по старости своих лет и по неимению зрения и бедственному положению не имеет возможности содержать оную сборную команду», просил «избавить его от содержания» и перевести инвалида на другую квартиру. Его просьба была удовлетворена, и в результате инвалид оказался в квартире в доме малолетнего купецкого сына Павла Попова, о чем был выдан билет состоящему при нем опекуном купцу Степану Яковлеву (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 170б.-200б.).

Бывало и так, что, формально соглашаясь принять к себе на постой инвалида, горожанин «тихо бунтовал» против постоянной повинности и «мстил» тем, что отказывал жильцу в каких-либо мелочах. Красноярская квартирная комиссия регулярно рассматривала подобные дела, например, о «не даче освещения помещанином Иваном Воренковым прапорщику Быбину и его семье». Все увещевания горожанин пропускал мимо ушей, и только после вызова в присутствие согласился «поделиться освещением» (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 260б.).

Согласно регистру Красноярской квартирной комиссии, составленному в мае 1829 г. (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 123-1230б., 127, 130, 135), 67 горожан были привлечены к содержанию постоев Красноярской инвалидной команды. Из них 62 человека предоставляли «обывательские квартиры» нижним чинам, 5 квартир были выделены для постоянного содержания офицеров, 5 квартир были предназначены для «единичных» временных постоев, еще 4 квартиры были «прибавочными», где размещали командированных.

Из 62 горожан, подверженных постоянной повинности, 52 чел. были мужчинами, 10 – женщинами, по социальному составу: 32 чел. – мещане, 9 – мещанские, крестьянские, купеческие вдовы, 4 – находившиеся на государственном обеспечении, 3 – крестьяне, 2 – поселенцы, 2 – отставные солдаты, 1 – ясашный.

Только один мещанин Прокопий Ширяев 3 раза в течение 1,5 лет обеспечивал квартирой одного и того же постояльца с его семейством и, похоже, был не против подобного соседства. 14 человек дважды предоставляли квартиру для постоя: в 3 случаях – младшим унтер-офицерам, 2 раза – рядовым с семьей, все остальные постой – одиноким рядовым. 36 размещений были по 1 разу, в том числе 4 постоя для младших унтер-офицеров с семьей, 3 – для холостых унтер-офицеров, 3 – для рядовых с семейством. Интересно, что еще две квартиры, предназначенные для размещения инвалидной команды, так и остались пустующими.

16 июня 1828 г. вышел императорский указ, в котором рассматривался вопрос о том, «можно ли гражданским чиновникам быть уволенными от постоя». На него был дан следующий ответ: постоянная повинность, как и прочие городские повинности, «без всякого изъятия распространена вообще на всех городских обывателей». Далее уточнялось, что, несмотря на указанное в законе о городском самоуправлении положение о том, что «в военной или гражданской службе находящиеся люди, кои по должности или по собственным нуждам в городе находятся и мещанским промыслом не промышленяют, должны быть свободны от мещанских тугостей, податей и службы», там не говорится о том, что они освобождаются от постоя. При подтверждении «дворянского достоинства благородные освобождаются от личных податей и службы», но в то же время «повелено, что дворяне, кои имеет свои дома, или сады, или землю, или места, должны нести гражданские тягости». Поэтому все, у кого была городская собственность, должны быть подвергнуты общим городским повинностям, в том числе «квартирной повинности... в уважение службы, инвалидами несомой» (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2. Л. 194-1940б., 274).

Кроме того, для инвалидов предполагалось отвести в городах места для построения домов и «выдача на то из казны каждому по 50 руб.», для чего предполагалось, помимо постоянной повинности, ввести нечто вроде «сбора на инвалидов», однако сведения о том, был ли он реализован, пока обнаружить не удалось.

В указе было отдельно оговорено, что «увольняются от постоя дома бедных обывателей, в которых не более одного жилого покоя», а потому любые лица, в том числе чиновники и канцелярские служители, чьи жилищные условия соответствовали этому требованию, могли быть освобождены от постоя.

Кстати, оговаривалась даже такая перспектива, что инвалиды, получившие возможность построить дом, «если улучшат впоследствии свои дома и будут через отдачу внаймы получать от них значительный доход, в таком случае те покои, в коих они сами не живут, должны быть подвергнуты повинностям наравне с прочими обывателями». Например, когда унтер-офицер из инвалидной команды Данила Обжорин обзавелся собственным домом, спустя какое-то время к нему на постой определили четырех постояльцев из числа инвалидов. К тому же отныне Губернское правление должно было предоставлять в Министерство внутренних дел всякий раз «объяснение, по которому должно быть понятно, почему освобождены от постоя те или иные лица».

Похоже, что до июня 1828 г. чиновники и служащие, равно как и представители дворянского сословия, участия в расквартировании инвалидной команды не принимали, однако регистр Красноярской квартирной комиссии в октябре 1828 г. уже обнаруживает и у представителей этих групп населения обывательские квартиры, назначенные под содержание постоев Красноярской инвалидной команды нижних чинов.

Всего постоянной повинности были подвержены 46 городских обывателей, имевших военные и гражданские чины согласно «Табели о рангах», среди которых постой предоставляли 29 (28) мужчин и 17 (18) женщин. Подробные сведения о них представлены в [Таблице 1](#).

Таблица 1. Распределение городских обывателей, подверженных квартирной повинности, в Красноярске в 1928 г. (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2. Л. 216-217)

Чин	Количество лиц, подлежащих постоянной повинности	Число постоев
Коллежский советник	1	3
Надворный советник	2	8
Надворная советница	4	10
Жена/вдова капитана	1	4
Коллежский асессор	2	5
Жена/вдова штабс-капитана	1	3
Титулярный советник	5	9
Титулярная советница	5	10
Жена/вдова поручика	1	2
Коллежский секретарь	8	20
Коллежская секретарша	1	3
Наследники коллежского секретаря	1	3
Губернский секретарь	5	8
Губернская секретарша	1	3
Кабинетский регистратор	1	1
Коллежский регистратор	3	6
Коллежская регистраторша	1	3
Лица, не имевшие чинов, или чин неизвестен	3	6
Всего	46	107

Как видно из [Таблицы 1](#), 11 человек, подверженных постоянной повинности в отношении нижних чинов инвалидной команды, принадлежали к VI–VIII классам, 32 чел. – к IX–XIV классам, еще 3 чел. чина не имели (чин неизвестен).

В среднем на одного человека приходилось 2 постоа в год (каждый – по полгода), в отдельных случаях на 1 человека приходилось 3 или больше – один из надворных советников предоставлял квартиру для постоа 5 раз.

Чаще всего в Красноярске постоянной повинности были подвержены лица и их родственники, имевшие чин коллежского секретаря (24,3 % постоев), титулярного советника (17,7 %), надворного советника (16,8 %).

Всего в регистре было указано 125 постоев, однако, как видно из таблицы, на самом деле их насчитывалось всего 107. Либо это ошибка письмоводителя при подсчетах, либо оставшиеся 18 постоев приходились на тех, кто был освобожден от квартирной повинности. Всего таких было выявлено 4 человека: статский советник, надворная советница и две титулярные советницы ([ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2. Л. 223-224](#)).

В октябре 1828 г. Указом Правительствующего сената от постоа были избавлены дома учителей гимназии и уездных училищ. Министр духовных дел и народного просвещения Голицын долгое время ходатайствовал о распространении этой льготы и на учителей приходских школ. В конечном счете постановление предоставило такую возможность всем учителям, но только если они проживали в своем доме, «составляя один двор». Если же они «сдавали помещения в найм или не живут в помещениях» (есть комнаты, в которых они постоянно не проживают), то на них также распространялась постоянная повинность, независимо от учительского статуса ([ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2. Л. 228](#)).

Надо сказать, что проживание семейства, обязанного выполнять постоянную повинность, под одной крышей со служащим инвалидной команды порой приводило к довольно пикантным последствиям. Так, широкую огласку в Красноярске получило дело о взыскании денег со священника Меркурьева в пользу прапорщика инвалидной команды Я.П. Скварского ([ГАКК. Ф. 812. Оп. 1. Д. 716. Л. 1-16](#)). Проживая в доме у священника Афанасия Меркурьева, 42-летний Скварский посватался к его 18-летней дочери Глафире.

Сам он служил в инвалидной команде Томского гарнизонного батальона, а в Красноярск был командирован, чтобы «вести присмотр и обучение рекрутов». Посватавшись к дочери священника, прапорщик при «просватании» сделал Глафире подарок 125 руб. ассигнациями и «сверх того в разные посещения невесты» давал ей то 40, то 50 руб., подарил золотые серьги и «сделал разных издержек как на фруктовые закуски и напитки на 45 руб. и потом отправил еще 10 руб., итого потратил «издержками» 270 руб.». В ходе сватовства прапорщик и священник условились, что Скварский возьмет его дочь замуж. Однако после прапорщика отправили обратно в Томск с рекрутами, где с ним случился припадок, и он не мог выехать обратно в Красноярск, а вернулся в город только через год и узнал, что Глафира Меркурьева вышла замуж за другого. Скварский потребовал возместить ему ущерб.

При разбирательстве дела в Тобольской духовной консистории священник Меркурьев дал объяснение и сообщил, что прапорщик при «просватании» обманул их с дочерью, сообщив, что ему 33 года. Скварский действительно делал подарки, однако после каждого такого дарения, заявил священник, его дочь делала ответный подарок – то бархатную жилетку стоимостью 20 руб., то бархатную материю на сумму 15 руб., то полотняный платок на сумму 4 руб., «что же касается угощения гостей фруктами и напитками, то Скварский в этом участия не принимал» и сам Меркурьев потратил на угощение 80 руб.

Священник пояснил, что, когда все сроки прошли, а Скварский не появился, он «испытал обиду», и они с дочерью решили, что их обманули. Тогда он попросил оценить серьги, подаренные прапорщиком, и выяснил, что они не золотые, а с примесью меди. А в довершении всего от руководства инвалидной команды он узнал, что несостоявшемуся жениху на самом деле 43 года, и выступил против неравного брака.

Тобольская духовная консистория рассмотрела дело и приняла решение в пользу Меркурьева, поскольку прапорщик инвалидной команды вовремя не явился, а значит, не выполнил условия соглашения, а Меркурьев потратил средств больше, чем Скварский. В результате разбирательства священник, естественно, отказал инвалиду и в предоставлении жилья, а тот, надо сказать, все равно остался на постоянном проживании в Красноярске.

Вся эта история дает ключи к пониманию нескольких важных вопросов, связанных с расквартированием служащих инвалидной команды. Во-первых, останавливаясь на выделенной ему квартире, инвалид вполне мог стать «частью» семьи, рядом с которой он проживал. Сведений о том, были ли в Красноярске еще подобные случаи, нет, но можно предположить, что любой инвалид, проживая рядом с незамужней девицей, в силу физической и социальной потребностей попытался бы создать семью.

Во-вторых, отца семейства статус инвалида не смущал, его больше беспокоила перспектива неравного брака, отсутствия самого жениха и его материальных возможностей. В то же время Тобольская духовная консистория фактически отказала инвалиду в праве считаться больным, решив дело не в его пользу именно по причине того, что он не явился в назначенный срок. Припадок, который можно было бы считать уважительной причиной отсутствия Скварского в Красноярске, таковым не являлся.

Наконец, изменение личного отношения того, кто выполнял квартирную повинность, могло стать причиной отказа в предоставлении жилья конкретному постояльцу. вполне вероятно, что священник Меркурьев, желая пристроить свою дочь, быстро выдал ее замуж еще и потому, чтобы больше членов инвалидной команды к нему не селили.

5. Заключение

Итак, подводя итоги, следует в первую очередь отметить, что государство в первой трети XIX в., не имея ни желаний, ни ресурсов для полноценного обеспечения военных инвалидов, переложило ответственность за их содержание и устройство в мирной жизни на население городов, куда были определены представители инвалидных команд. Однако, несмотря на то, что такие инвалиды выполняли многочисленные важные общественные функции, большая часть горожан к возложенной на них обязанности содержать членов инвалидной команды относилась недостаточно ответственно.

Подобная практика размещения и содержания нетрудоспособных солдат, по идее, должна сформировать представление о том, что общественное призвание было эффективной моделью социальной помощи в XIX веке. Однако реальное положение дел было далеко от идеалистических представлений сторонников этой модели и невмешательства государства в решение социальных проблем, что довольно четко прослеживается именно при рассмотрении вопроса о расквартировании инвалидной команды.

Ситуация была такова, что военный инвалид – член команды, оказавшись в чужом городе, не имея семьи, фактически весь оставшийся срок службы должен был каждые полгода перемещаться с одного места на другое. Можно лишь попытаться представить, насколько это было для него тяжело, когда всякий раз после того, как он привыкал к новому месту жительства, к людям, которые проживали рядом, спустя шесть месяцев ему приходилось заново обустраиваться и устанавливать новые социальные контакты.

Можно легко представить себе и тех, кто исполнял квартирную (постоянную) повинность: каждые полгода адаптироваться к новому жильцу. Эту проблему для обеих сторон можно было бы решить

предоставлением постоянного места жительства для конкретного инвалида на жилой площади человека, несущего повинность, однако такое решение почему-то принято не было. Вероятно, это было связано с тем, что сами горожане не испытывали сколь-нибудь положительных чувств к инвалидам – они не были заинтересованы в длительном выполнении квартирной повинности, а потому старались предоставлять помещение для проживания инвалидам как можно реже.

Нельзя не отметить тех из городских обывателей, кто нес эту повинность с достоинством, многократно предоставляя жилые комнаты для искалеченных вчерашних солдат. И все же отношение горожан к выполнению постоянной повинности демонстрирует отсутствие реальных механизмов социальной солидарности в обществе XIX века, из-за чего оценить в полной мере степень участия городского населения Красноярска в обеспечении представителей инвалидной команды жильем затруднительно. Микроисторический анализ показал, что, как это обычно бывает, решение проблем расквартирования служащих инвалидной команды отличалось в каждом конкретном случае как со стороны самих инвалидов, так и тех, кто это жилье предоставлял.

Литература

Барина, 2015 – Барина Г.В. Должны служить пожизненным и тихим для раненых воинов пристанищем // *Военно-исторический журнал*. 2015. № 9. С. 55-60.

Белюсов, 2022 – Белюсов С.В. Формирование Пензенского внутреннего губернского батальона // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2022. № 3(63). С. 83-98.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Игонькин, 2020 – Игонькин С.А. Арзамасская инвалидная команда в первой трети XIX века / Вопросы исторического и экологического регионоведения. Арзамас, 2020. С. 65-68.

Колпаков, 2021 – Колпаков П.А. Внутренняя стража Российской империи: причины создания и развитие полицейских войск в структуре военного ведомства 1811–1864 гг. / Государственный аппарат управления в империи Романовых: эффективность деятельности властных структур и бюрократии. Уфа, 2021. С. 156-159.

Кузнецов, 2003 – Кузнецов Н.А. Войсковые части, квартировавшие в Кузнецке в XVII–XIX вв. // *Кузнецкая старина*. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 108-139.

Кузнецов, 2018 – Кузнецов М.Ю. Внутренняя стража в Восточной Сибири в 1816–1864 годах // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2018. № 4(34). С. 156-162.

Орехова, 2021 – Орехова Е.А. Состав Кольской инвалидной команды накануне и в период Крымской войны (по материалам духовных росписей Кольского Воскресенского собора 1850–1854 годов) / Россия в войнах: слава российского оружия в памяти поколений. Стерлитамак, 2021. С. 178-185.

Постников, Постникова, 2022 – Постников С.В., Постникова О.А. «Никто больше призрения не заслуживает, как болящей солдат». Социальное обеспечение ветеранов в Российской армии до 1917 года // *Военно-исторический журнал*. 2022. № 8. С. 100-119.

Репина, Селунская, 2020 – Репина Л.П., Селунская Н.А. «Общие вопросы» и «частные ответы»: непрочитанные страницы Джованни Леви // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 323-342.

Ташпекова, 2019 – Ташпекова А.Т. Из истории Саратовской инвалидной команды // Первый командир Отдельного корпуса внутренней стражи России – генерал от инфантерии Е.Ф. Комаровский (к 250-летию со дня рождения Е.Ф. Комаровского): Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2019. С. 67-71.

Ташпекова, 2020 – Ташпекова А.Т. Деятельность Саратовского батальона внутренней стражи в 1811–1816 годах / *Актуальные проблемы военных и социальных наук: Межвузовская научно-практическая конференция*. Саратов, 2020. С. 83-86.

Ташпекова, 2022 – Ташпекова А.Т. Проблемы укрепления воинской дисциплины в батальоне внутренней стражи в Саратовской губернии // *Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации*. 2022. № 1. С. 52-58.

Харченко, 2015 – Харченко О.В. О роли военного министерства в создании внутренней стражи как органа охраны правопорядка в России в начале XIX века // *Мир юридической науки*. 2015. № 1–2. С. 9-14.

Хаяров, 2020 – Хаяров Д.Г. Инвалиды в Российской империи в XVIII веке – военно-исторический аспект // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2020. № 5. С. 104-111.

References

Barinova, 2015 – Barinova, G.V. (2015). Dolzhny sluzhit' pozhiznennym i tihim dlja ranenyyh voinov pristanishhem [Should serve as a lifelong and quiet haven for wounded soldiers]. *Voenno-istoricheskij zhurnal*. 9: 55-60. [in Russian]

Belousov, 2022 – Belousov, S.V. (2022). Formirovanie Penzenskogo vnutrennego gubernskogo batal'ona [Formation of the Penza Inner provincial battalion]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. Humanities*. 3(63): 83-98 [in Russian]

ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of Krasnoyarsk Region].

Igonkin, 2020 – Igonkin, S.A. (2020). Arzamasskaja invalidnaja komanda v pervoj treti XIX veka [Arzamas disabled team in the first third of the XIX century]. *Voprosy istoricheskogo i jekologicheskogo regionovedenija*. Arzamas, pp. 65-68 [in Russian]

Kolpakov, 2021 – Kolpakov, P.A. (2021). Vnutrennjaja strazha Rossijskoj imperii: prichiny sozdaniya i razvitie policejskih vojsk v strukture voennogo vedomstva 1811–1864 gg. [The Internal Guard of the Russian Empire: the reasons for the creation and development of police troops in the structure of the military leadership of 1811-1864]. *Gosudarstvennyj apparat upravlenija v imperii Romano-vykh: jeffektivnost' dejatel'nosti vlastnyh struktur i bjurokratii*. Ufa, pp. 156-159. [in Russian]

Kuznetsov, 2003 – Kuznetsov, N.A. (2003). Vojskovye chasti, kvartirovavshie v Kuz-necke v XVII-XIX vv. [Military units quartered in Kuznetsk in the XVII-XIX centuries]. *Kuzneckaja starina*. Novokuznetsk. Is. 5. Pp. 108-139. [in Russian]

Kuznetsov, 2018 – Kuznetsov, M.Yu. (2018). Vnutrennjaja strazha v Vostochnoj Sibiri v 1816-1864 godah [Internal guards in Eastern Siberia in 1816-1864]. *Problemy social'no-jekonomicheskogo razvitija Sibiri*. 4(34): 156-162. [in Russian]

Orekhova, 2021 – Orekhova, E.A. (2021). Sostav Kol'skoj invalidnoj komandy nakanune i v period Krymskoj vojny (po materialam duhovnyh rospisej Kol'skogo Voskresenskogo sobora 1850-1854 godov) [The composition of the Kola disabled team on the eve and during the Crimean War (based on the materials of the spiritual murals of the Kola Resurrection Cathedral of 1850-1854)]. *Rossija v vojnah: slava rossijskogo oruzhija v pamjati pokolenij*. Sterlitamak, pp. 178-185. [in Russian]

Postnikov, Postnikova, 2022 – Postnikov, S.V., Postnikova, O.A. (2022). «Nikto bol'she prizrenija ne zasluživaet, kak boljashhej soldat». Social'noe obespechenie veteranov v Rossijskoj armii do 1917 goda ["No one deserves more charity than a sick soldier." Social security of veterans in the Russian Army before 1917]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 8: 100-119. [in Russian]

Repina, Selunskaya, 2020 – Repina, L.P., Selunskaya, N.A. (2020). «Obschie voprosy» i «chastnye otvety»: neprochitannye stranicy Dzhovanni Levi ["General questions" and "private answers": unread pages by Giovanni Levi]. *Dialog so vremenem*. 7: 323-342. [in Russian]

Tashpekova, 2019 – Tashpekova, A.T. (2019). Iz istorii Saratovskoj invalidnoj komandy [From the history of the Saratov disabled team]. *Pervyj komandir Otdel'nogo korpusa vnutrennej strazhi Rossii – general ot infanterii E.F. Komarovskij (k 250-letiju so dnja rozhdenija E.F. Komarovskogo): sbornik materialov mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj kon-ferencii*. St. Petersburg, pp. 67-71 [in Russian]

Tashpekova, 2020 – Tashpekova, A.T. (2020). Dejatel'nost' Saratovskogo batal'ona vnutrennej strazhi v 1811–1816 godah [Activity of the Saratov battalion of the internal Guard in 1811-1816]. *Aktual'nye problemy voennyh i soci-al'nyh nauk: Mezhvuzovskaja nauchno-prakticheskaja konferencija*. Saratov, pp. 83-86. [in Russian]

Tashpekova, 2022 – Tashpekova, A.T. (2022). Problemy ukreplenija voinskoj dis-cipliny v batal'one vnutrennej strazhi v Saratovskoj gubernii [Problems of strengthening military discipline in the internal guard battalion in the Saratov province]. *Akademicheskij vestnik vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii*. 1: 52-58. [in Russian]

Kharchenko, 2015 – Kharchenko, O.V. (2015). O roli voennogo ministerstva v sozda-nii vnutrennej strazhi kak organa ohrany pravoporjadka v Rossii v nachale XIX veka [On the role of the Ministry of War in the creation of the Internal Guard as a law enforcement body in Russia at the beginning of the nineteenth century]. *Mir juridicheskoi nauki*. 1-2: 9-14. [in Russian]

Khayarov, 2020 – Khayarov, D.G. (2020). Invalidy v Rossijskoj imperii v XVIII veke – voенно-istoricheskij aspekt [Invalids in the Russian Empire in the XVIII century – military-historical aspect]. *Interjeksno Geo-Sibir'*. 5: 104-111. [in Russian]

Расквартирование инвалидной команды в Красноярске в 1820-х гг.: опыт микроисторического анализа

Александр Сергеевич Ковалев ^{a, *}, Николай Рзавич Новосельцев ^a,
Дмитрий Владимирович Рахинский ^{a, b, c}, Никита Николаевич Равочкин ^{d, e}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, Российская Федерация

^c Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев),
NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.П. Новосельцев), siridar@mail.ru (Д.В. Рахинский),
nickravochkin@mail.ru (Н.Н. Равочкин)

^d Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева,
Российская Федерация

^e Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, Российская Федерация

Аннотация. В Российской империи с 1764 по 1864 гг. существовали инвалидные команды, куда входили военнослужащие, утратившие способность к воинской службе, но способные выполнять функции поддержания общественного порядка в провинциальных городах. Обеспечение инвалидных команд возлагалось на местное население. В статье при помощи методов микроисторического анализа документов Государственного архива Красноярского края, впервые вводимых в научный оборот, рассматриваются вопросы размещения и обеспечения жильем служащих инвалидной команды в г. Красноярске в первой трети XIX века. Представлены основные правила расквартирования холостых и семейных военных инвалидов из числа нижних чинов и унтер-офицеров. Также анализируются особенности выполнения квартирной повинности городскими обывателями Красноярска, а также порядок отказа от нее. Дана характеристика социального положения горожан, привлеченных к повинности и освобожденных от ее выполнения. Изучены проблемы взаимоотношения местного населения и представителей инвалидной команды, размещенных в квартирах горожан. Рассматриваются конкретные примеры как многократного предоставления красноярцами квартир для членов инвалидной команды, так и конфликтных ситуаций, которые разрешались с разным результатом для их участников. На основании этого сделан вывод об эффективности организации общественного призрения инвалидов войны с привлечением рядовых граждан к обеспечению их жильем в провинциальном городе.

Ключевые слова: военные инвалиды, инвалидная команда, квартирная (постоянная) повинность, мещане, общественное призрение.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 159-166
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.159

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Formation of the Hotel Industry of the Crimea in the XIX – early XX centuries

Elena A. Polishchuk ^{a,*}, Irina G. Pavlenko ^b

^aV.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation

^bStavropol State Agrarian University, Russian Federation

Abstract

The article represents a retrospective analysis of the origin of the hotel industry in the Crimea, assesses the level of service, presents the first hotels of the peninsula, describes their services as well as the advantages and disadvantages in the formation and development of the hotel industry in the region. It was found that the resort development of the peninsula originated by the end of XVIII century, when the Crimea entered a phase of active development of land plots with estates, palace ensembles and garden and park complexes. At that time there was also a revival of the agrarian sector throughout the peninsula. The main trigger for the development of the hotel industry and infrastructure of the peninsula as a whole was the joining of Crimea to the Russian Empire in 1783. This event took place under the patronage of Catherine II, who visited the peninsula in 1787. Seeing with her own eyes the countless possibilities of this land, the empress launched a serious domestic policy aimed at integrating the peninsula as quickly as possible. These fragments stimulate the interest in the study of various areas of the economic history of the Crimea, including the formation of the hotel industry.

Keywords: hotel, hotel industry, tourism, resort, Russian Empire, South Coast of Crimea, socio-cultural content, socio-economic development.

1. Введение

По мнению многих исследователей, началом рекреационного освоения Крымского полуострова можно считать конец XVIII в., когда Южный берег Крыма (далее – ЮБК) вступил в фазу активной застройки земельных участков многочисленными усадьбами, богатыми дворцами, садово-парковыми комплексами. Тогда же по-новому, «по-русски» возрождалась аграрная сфера. На сегодняшний день уже не ново говорить о том, что главным толчком к развитию гостиничной индустрии и инфраструктуры полуострова в целом стало присоединение Крыма к России в 1783 году. Данное событие организовано под патронатом Екатерины II, первой среди российских монарших особ, посетивших полуостров (1787 г. – Авт.) Придя в восторг от увиденного, императрица нарекла Крым «Жемчужиной своей короны» (Горчакова, 1883: 23). Стоит отметить, что данное высказывание не потеряло актуальности и на современном этапе. Это стимулирует интерес к исследованию различных областей экономической истории Крыма, в том числе касающейся становления гостиничной индустрии (Шендрикова и др., 2022: 258-266).

Ретроспективный анализ зарождения гостиничной индустрии в Крыму, оценка уровня обслуживания населения позволили дать сравнительную характеристику рассматриваемой сферы на примере городов полуострова. В настоящем исследовании на основе изучения исторических документов, воспоминаний и мемуаров ученых и путешественников, посещавших Крым на протяжении XIX – начала

* Corresponding author

E-mail addresses: pea.znu@mail.ru (E.A. Polishchuk)

XX вв., представлены первые гостиницы полуострова, выделены оказываемые ими услуги, их средняя стоимость, достоинства и недостатки в развитии гостиничной индустрии региона.

Целью данного исследования является ретроспективный анализ становления гостиничной индустрии в Крыму в XIX – начале XX вв.

2. Материалы и методы

Материалами для данного исследования послужил целый комплекс источников, базовыми из которых можно назвать документы из фондов Государственного архива Республики Крым (далее – ГАРК): кассовые книги; планы земельных участков; материалы повседневного характера, раскрывающие информацию о развитии гостиничной индустрии, внутренних делах гостиниц; бухгалтерская документация и отчетность; документы о деятельности гостиниц Крыма из фондов княжеских родов (Ф. 196) (ГАРК Ф. 196. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-4; Ф. 196. Оп. 1. Д. 57. Л. 7-10; Ф. 196. Оп. 1. Д. 6. Л. 2-3); «Кассовые данные о приходе и расходе денежных сумм гостиницы «Ореанда» и переписка по данному вопросу (Ф. 248) (ГАРК Ф. 248. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-44; Ф. 248. Оп. 1. Д. 131. Л. 1-70; Ф. 248. Оп. 1. Д. 259. Л. 1-149; Ф. 248. Оп. 1. Д. 27. 1-27; Ф. 248. Оп. 1. Д. 311. Л. 1-24; Ф. 248. Оп. 1. Д. 369. Л. 1-28; Ф. 248. Оп. 1. Д. 447. Л. 1-15; Ф. 248. Оп. 1. Д. 568. Л. 1-34; Ф. 248. Оп. 1. Д. 652. Л. 1-99; Ф. 248. Оп. 1. Д. 71. Л. 1-35); данные «Реестра имения, состоящего в ведении Ялтинской Дворянской опеки» (Ф. 249) (ГАРК Ф. 249. Оп. 1. Д. 295. Л. 1-36); отчетная документация о «Приходе и расходе денежных сумм» имений в Алуште (Ф. 326) (ГАРК Ф. 326. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-8; Ф. 326. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-3; Ф. 326. Оп. 1. Д. 6. Л. 7-8), Партените (Ф. 330) (ГАРК Ф. 330. Оп. 1. Д. 10. Л. 8-17), имения «Фантазия» (Ф. 338) (ГАРК Ф. 338. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-14); воспоминания А.Н. Нилидина «Силуэты Крыма: из путевой книжки» (Нилидин, 1881), мемуары княжны Е.С. Горчаковой «Воспоминания о Крыме: в память столетнего юбилея присоединения Крыма» (Горчакова, 1883), заметки и впечатления В.М. Сидорова «Окольной дорогой: Путевые заметки и впечатления» (Сидоров, 1891), в которых описаны путешествия авторов, детально раскрывающие жизнь населения, основные достопримечательности и инфраструктуру городов Севастополь, Симферополь, Саки, Евпатория, Ялта и их окрестностей, становление гостиничной индустрии не только на ЮБК, но и в отдельных районах Крыма.

Научный поиск, представленный в исследовании, опирается в первую очередь на основные общенаучные и исторические методы, благодаря которым становится возможным проследить ретроспективу становления гостиничной индустрии в XIX – начале XX вв. в условиях освоения Крыма после его присоединения к Российской империи:

- системный анализ и синтез (исследованы процессы становления гостиничной индустрии Крыма в тесной связи с исторической, экономической и социальной обстановкой);
- историко-генетический (выявлены причинно-следственные связи между экономической и социальной обстановкой, а также особенностями становления гостиничной индустрии Крыма);
- сравнительный анализ (изучены тенденции и закономерности становления гостиничной индустрии Крыма);
- структурный (обозначены ключевые особенности становления гостиничной индустрии).

3. Обсуждение

Историографию по данному вопросу, как и всю отечественную литературу, условно можно разделить на три группы по хронологическому принципу: досоветскую, советскую и постсоветскую, или современную. Такая периодизация приемлема при изучении становления гостиничной индустрии, т.к. отражает основные этапы ее формирования и развития.

Ввиду того, что в дореволюционный период необходимая литература касательно темы заявленного исследования не выделяется в отдельный пласт историографии, история формирования и развития гостиничной индустрии представлена в универсальных описаниях, воспоминаниях и путевых заметках путешественников. Отмена частной собственности в советский период и передача средств размещения (гостиниц) в муниципальное владение государства негативно отразились на историографии данного периода. Однако активный подъем в развитии туристской сферы постсоветского периода расширяет возможности исследования гостиничной индустрии в контексте историографии по данному вопросу в современной литературе.

Научная литература дореволюционного периода фактически не освещала становление гостиничной индустрии в России, что объясняется близостью временных рамок. В небольшом количестве представлены источники, характеризующие туристскую сферу в свете социологической, культурной и политической жизни Российского общества XIX – начала XX вв. Для дореволюционного периода в Крыму освещение вопроса формирования и развития гостиничной индустрии характеризуется трудами путешественников и ученых, посетивших полуостров на протяжении XIX века. Данная литература представляет исходные сведения о гостиницах, их количестве и расположении, стоимости номеров, спектре предоставляемых услуг, качестве обслуживания и т.п.

Среди дореволюционных работ выделяется серия произведений В.Х. Кондараки – «Универсальное описание Крыма» (Кондараки, 1873: 35; Кондараки, 1883). В своих научно-популярных трудах крымский краевед, писатель и этнограф дает обширные сведения не только по этнографии Крыма второй половины

XIX в., но и детально изображает обстановку, в которой пребывало население полуострова. В этом материале интерес для исследования представляют статистические данные о гостиницах, анализ их количества в разные годы и расположение согласно имеющимся картам городов, открытие новых и причины закрытия старых зданий. Однако, несмотря на материалы путеводителей, в основном приводятся сведения о гостиницах ЮБК, отсутствует информация о средствах размещения на всей территории полуострова, из чего следует вывод об узкой географической направленности и недостаточном комплексном изучении процесса формирования и развития гостиничной индустрии дореволюционного периода. Большой интерес представляют работы Е. Еленина «Ялта и окрестности» и М.В. Неручева «Земельный вопрос», в которых авторы рассматривают историю становления гостиничной индустрии в комплексе с развитием экономики, дорожной и транспортной системы, лечебно-профилактических процедур, а также приводят сведения о городах и их окрестностях (Еленин, 1901; Неручев, 1906). Указанные труды включают в себя подробные карты и планы городов Крыма, фотографии и рисунки зданий и исторических памятников, календарные сведения, сообщения о расписании транспорта, информацию об экскурсионной деятельности. В целом литература дореволюционного периода освещает условия зарождения и развития гостиничной индустрии как по всей стране, так и в ее отдельных регионах. Такие публикации представляют не только историографический интерес, но и воспринимаются в качестве базовых источников, т.к. включают в себя исходные данные о гостиницах и условиях проживания в них.

Историографическая база советского периода, к сожалению, не содержит конкретных упоминаний о формировании и развитии гостиничной индустрии, т.к. в данный период гостиницы не являлись настолько востребованными у населения. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что, во-первых, гостиницы воспринимались в качестве одного из «красноречивых» признаков буржуазного прошлого и проживание в них являлось дурным тоном; во-вторых, из советского общества, где все граждане в материальном плане были равны, лишь незначительный процент мог позволить себе проживание в апартаментах такого рода; в-третьих, в советский период основная доля граждан отдыхала в санаториях, профилакториях, пансионатах и т.д. за счет льготных путевок от профсоюзной организации своих учреждений. Гостиницы в свою очередь обслуживали иностранных туристов, активно посещавших Крым. В работах М.Е. Бененсона «Экономические очерки Крыма» (Бененсон, 1919) и И. Педдакаса «Что представляет собой восточный район Южного берега Крыма от Алушты до Кутлака» (Педдакас, 1935) характеризуется социально-экономическая и демографическая обстановка развития региона начала XX века. В данном ключе очевидно, что гостиничная индустрия советского периода была менее развита в сравнении с дореволюционным.

Изменения, произошедшие в гостиничной индустрии постсоветского общества, оказали непосредственное влияние на ее развитие, что нашло отражение в специализированной литературе современных авторов. Появление частной собственности привело к подъему новой волны застройки ЮБК, открытию множества средств размещения (гостиниц, пансионатов, санаториев). В книге А.С. Слепокурова «Геоэкологические и инновационные аспекты развития туризма в Крыму» рассматриваются аспекты ведущих направлений социально-экономического развития региона (Слепокуров, 2000). Обзор развития сферы туризма в Крыму постсоветского периода представлено в издании В.К. Федорченко «История туризма в Украине» (Федорченко, 2002). Уникальным, на наш взгляд, трудом, содержащим исследование о начальном этапе становления гостиничной индустрии Крыма, является «Русская Ривьера» А.В. Малыгина (Малыгин, 2004). Автор работы анализирует и обобщает процесс возникновения туристских услуг в регионе в контексте развития транспортной сферы и предоставляемых попутных услуг.

При исследовании развития гостиничной индустрии на территории ЮБК обнаружено издание, посвященное всестороннему изучению истории одной из ялтинских гостиниц, первой в Крыму получившей статус четырехзвездочной. В книге «Гостиница «Ореанда» (Иванова, 2007) коллектив авторов в лице Л.М. Ивановой, Л.Ю. Меньшиковой, Л.В. Муращенко и Л.И. Цыганник представил ранее не опубликованный архивный материал, многочисленные интересные факты и уникальные фотографии. Отличительной чертой данного труда является первичная публикация большого массива информации, которая необходима при комплексном изучении гостиничного дела ЮБК.

Следует отметить роль сопутствующей, или так называемой «фоновой», литературы, отражающей события, которые косвенно или прямо оказывали влияние на развитие гостиничной индустрии. К такой группе источников можно отнести работы Н.В. Фоменко «Рекреационные ресурсы и курортология» (Фоменко, 2007), О.Ю. Дмитрук «Спортивно-оздоровительный туризм» (Дмитрук, 2008) и Е.Е. Сухарева «Курортное дело: учебное пособие» (Сухарев, 2009). Изучение такого рода литературы важно для разностороннего подхода к исследованию рассматриваемого вопроса.

Труды ученых, предметом изучения которых является исследование социокультурного аспекта гостиничного дела, также актуальны для комплексного анализа состояния общественной жизни XIX – начала XX вв., при этом работы такого толка не составляют большинство. В свою очередь, без привлечения данных источников не представляется возможным комплексное изучение социальной обстановки рассматриваемого временного периода. Призма социокультурного контента позволяет подойти к рассмотрению проблемы взаимоотношения тех, кто пользовался услугами гостиниц, и тех,

кто оказывал гостиничные услуги. Социокультурный аспект исследования культуры российского общества XIX–XX вв. на примере истории становления театральной жизни Крыма широко освещен в работах С.П. Шендриковой. В своих фундаментальных трудах «Мастера сцены в истории театрального искусства Крыма XIX–XX вв.» и «История театра в Крыму (1820–1920 гг.)» автор освещает общественную и духовную жизнь крымского социума в ретроспективе исторических событий изучаемого периода; приходит к ряду выводов, концептуальной идеей которых является главенствующая роль театрального искусства в развитии социальной сферы полуострова, одной из составляющих которой является гостиничная индустрия (Шендрикова, 2011; Шендрикова, 2013). Этот факт указывает на активную популяризацию Крыма в качестве курорта в конце XIX – начале XX вв.

4. Результаты

Формирование и развитие гостиничной индустрии напрямую связаны с развитием курортной сферы. В этой связи уместно рассматривать ее становление одновременно с развитием курорта, сравнивая их влияние друг на друга. Возникновение крымских курортов относится к середине XIX в.; с началом освоения ЮБК, Сакских озер, активного использования грязелечения в отечественной системе здравоохранения можно рассматривать историю становления и развития курортной, а значит и гостиничной сферы на полуострове. Характерной чертой данного периода является неорганизованный отдых и самостоятельное размещение в курортных городах и населенных пунктах Крыма (Слепокуров, 2000: 53).

Крым на равных правах как с российскими курортами – Петрозаводском, Кавказом (Кисловодск, Пятигорск, Ессентуки, Кабардино-Балкария), Финляндией, так и с зарубежными – Карловыми Варами и Мариенбадом (Чешская Республика), Баден-Баденом и Бад-Эмсом (Германия), Лазурным Берегом (Франция) и Швейцарской Ривьерой представлял конкурентоспособную сферу отдыха российского общества в исследуемый период. Организацию собственных отечественных курортов уже в первой половине XIX в. можно считать убедительным достижением Российской империи в социально-экономической сфере. Тем не менее необходимо отметить, что большинство курортов, хотя и возникали как возможность получения прибыли, до 1917 г. в первую очередь, использовались для продуманного вложения капиталов, полученных посредством других сфер экономики, например железнодорожного строительства, металлургии, машиностроения, легкой промышленности и т.д. (Малыгин, 2004: 32-47). Крымский полуостров играл роль «последнего пристанища» русской аристократии, поэтому изучение развития гостиничной индустрии данной местности представляет интерес и в наше время.

С точки зрения социально-экономического влияния на развитие индустрии туризма, в частности гостиничной индустрии, в качестве комплексной ее составляющей допускается выделение следующих периодов ее становления и развития в Крыму в период, начиная со второй половины XVII в. до конца XX в.:

- первый период: до 1783 г. (присоединение Крыма к Российской империи) – в этот период не существовало определения «туризм» и практически не реализовывалась данная сфера деятельности;
- второй период: с 1783 г. по 80–90-е гг. XIX в. – становление индустрии туризма на полуострове;
- третий период: конец XIX – начало XX вв. – индустрия туризма, в особенности гостиничная индустрия, преобразовывается в один из элементов отечественного общества. При этом отдых в Крыму могли себе позволить представители высших слоев населения, т.к. уровень экономического благосостояния распространялся только на определенные круги граждан, представлявших высшие сословия, знать, аристократию;
- четвертый период: конец 40-х – 50-е гг. XX в. – возникновение понятия «массовый туризм» для советских граждан;
- пятый период: 60–80-е гг. XX в. – пик развития индустрии гостеприимства для широких слоев населения, а также развитие элитарного вида туризма;
- шестой период: 90-е гг. XX в. – спад числа отдыхающих, обусловленный снижением жизненного уровня населения. Немаловажную роль в этом ключе сыграло «падение железного занавеса» и появление в этой связи возможности более свободного выезда за границу (Слепокуров, 2000: 15-27).

В настоящее время развитие гостиничной индустрии в качестве комплексной составляющей индустрии туризма и гостеприимства в Крыму – это серьезные наработки прошлого, некий вековой фундамент знаний, умений и навыков, которые нам, современникам, следует активно использовать в практической жизни. Возвращаясь к истокам формирования и развития гостиничного дела, следует отметить, что на смену старым гостиницам и отелям в конце XIX в. стали активно открывать новые или же усовершенствовать, переоснащать устаревшие здания. Так, большинство путешественников, посетивших наш край, оставили не только красочные воспоминания о красивых местах и городах полуострова, но и подробное описание обстановки в гостиницах: «Первая» (гостиница в Гурзуфе – авт.) – снабжена всеми новейшими усовершенствованиями. К ней, чтобы не затруднять публику подъемом по лестницам, устроена подъездная дорога, непосредственно к первым трем этажам. В этой

гостинице имеются морские и пресные ванны, электрическое освещение, хорошая вентиляция и печи» (Москвич, 1902: 255). Благодаря таким сведениям можно предположить состояние и уровень обслуживания в крымских гостиницах исследуемого периода.

Зарождение гостиничной индустрии на полуострове в середине XIX в. имело место в первую очередь в Симферополе, на правах столицы полуострова, и Севастополе – главным на тот момент торгово-пассажирском и военном порту. Еще одной причиной активного развития Симферополя и Севастополя на фоне других городов полуострова в XIX в. стало строительство, а также сдача в эксплуатацию железной дороги в 1874–1875 гг.: 14 октября 1874 г. – Харьков (Лозовая) – Симферополь; 15 сентября 1875 г. Симферополь – Севастополь. Благодаря этому города служили отправной точкой путешественников в различные места Крыма (Новокрещенов, 2011: 12). Этому есть немало примеров: «Из Севастополя путешественники направлялись либо морем в Евпаторию, Ялту и дальше, либо на лошадях по шоссе, в Ялту и Балаклаву» (Головкинский, 1894: 132); «Движение по этой дороге, в особенности в летнее время, довольно оживлено; так, в 1890 г. было перевезено 812347 пассажиров» (Головкинский, 1894: 127).

Долгое время лучшими апартаментами для гостей города в Симферополе располагала гостиница «Петербургская». Номера достойного уровня предоставлялись по довольно доступным ценам (от 50 коп. до 3 руб.). Гостиницами более низкого класса считались «Ливадия», «Золотой Якорь» и «Швейцарская» (Сосногорова, 1880: 15). К началу XX в. в Симферополе наблюдался заметный рост гостиниц в количественном плане. Этому подтверждением является открытие гостиниц «Европейская», «Гранд-Отель», «Россия» (Головкинский, 1894: 133), которые располагались в центральной части крымской столицы. Они были снабжены всеми проявлениями прогресса, например, электрическим освещением, банями и ванными (по типу современных СПА-услуг) (Головкинский, 1894: 134). В связи со своим расположением Симферополь в первую очередь выполнял функцию «перевалочной» базы на пути к главным достопримечательностям Крыма, что впоследствии послужило одной из главных причин того, что широкого развития гостиничная индустрия в столице Крыма не получила.

На фоне Симферополя совсем иначе становление гостиничной индустрии выглядело в Севастополе – городе, после Крымской войны не без основания ставшем особенно популярным среди отечественных и зарубежных туристов. На наш взгляд, активному развитию индустрии гостеприимства в Севастополе на рубеже XIX–XX вв. послужили следующие причины:

- по одному из положений Парижского мирного трактата (18 (30 марта) 1856 г.), заключенного на Парижском мирном конгрессе, Россия ограничивалась возможностями отстраивать лишь мирные объекты в поверженном Севастополе;

- открытие и функционирование, начиная с 1875 г., железной дороги, связывающей город с материковой частью Российской империи, комфорт и доступность проездных билетов на ж/д транспорт для многих слоев населения;

- наличие в городе морского порта и в этой связи функционирование морского сообщения;

- интерес к городу со стороны путешественников после Крымской войны как к одному из главных исторических объектов на полуострове (Полянская, 2012: 218-219).

Так, путеводители отмечают гостиницы, считавшиеся лучшими в Севастополе на тот момент времени: «Кист» – самая благоустроенная и большая, «Ветцель» – одна из старейших, «Гранд-Отель» – рядом с паровой пристанью и «Марро» (Полянская, 2012: 218-219). К началу XX в. в городе были открыты новые – «Северная», «Бельвю», «Бристоль», «Франция» – со средней стоимостью проживания от 1 руб. 50 коп. до 10 руб. в сутки. В лучших гостиницах Севастополя функционировали рестораны, кафе, что соответствовало мировым стандартам XX века. Следует также отметить, что, наряду с классическими гостиницами, в городе функционировали еще и «меблированные комнаты», лучшими из которых считались «Номера Серова» (Москвич, 1913: 46).

Портом, который составлял серьезную конкуренцию Севастопольскому по пассажиро- и грузоперевозкам в конце XIX в. был Феодосийский. Он одновременно мог принимать, отправлять и обслуживать до 130 судов (Фейгин, 1888: 73). Исследователь М.А. Сосногорова сравнивает Феодосию с итальянскими средиземноморскими городами и сообщает о наличии двух гостиниц в городе – «Крымская» и «Феодосия». Автор, опираясь на статистические данные, осведомляет о внушительном на тот момент количестве жилых апартаментов, предназначенных для сдачи приезжим (Сосногорова, 1880: 291).

К началу XX в. в Феодосии были открыты новые гостиницы, оснащенные телефонной связью, водопроводом, горячей водой, ресторанами и прочими элементами комфорта. В этом ключе путешественники в Феодосии отмечали следующие гостиницы: «Россия» (считалась лучшей и насчитывала 50 номеров от 1 руб. в сутки), «Метрополь», «Эрмитаж», «Европейская», «Коммерческая» и «Центральная». Средняя стоимость проживания в сутки колебалась от 75 коп. до 5 руб. в зависимости от статуса самой гостиницы и уровня комфорта (Москвич, 1913: 115). В 1914 г. в приморском городе открылась гостиница «Астория», ставшая образцом для других средств размещения. Это была первая на тот момент гостиница в Феодосии европейского типа. Здание

считалось самым высоким в городе и располагало 75 номерами с роскошной мебелью и удобствами по последним требованиям времени (Шевченко, 2016).

Керчь – портовый город восточного побережья Крымского полуострова, как и Феодосия, в определенной мере выполнял функцию морской транспортной развязки. Он связывал, как, собственно, и в настоящее время, полуостров с материковой частью России, и в первую очередь с Кавказом, Ростовом-на-Дону и портами на Азовском море (Ермачков, 2016: 19). В ходе исследования становления и развития гостиничной индустрии в Керчи выявлено довольно много схожих черт с Феодосией. В первую очередь они касаются количества гостиниц и их ценовой политики. В Керчи в 1913 г. функционировало три гостиницы – «Центральная», «Пассаж» и «Бристоль». Средняя стоимость проживания в сутки составляла от 1 до 5 руб., при гостиницах имелись рестораны (Москвич, 1913: 105-106). Вместе с тем необходимо отметить, что на фоне других крымских городов Керчь в вопросах развития гостиничной индустрии занимала практически последние позиции. Объясняется это узкой направленностью хозяйственной деятельности города, ограничивающейся рыболовецким промыслом, а также добычей и переработкой железной руды. Промышленный город, несмотря на наличие удобного морского транспорта, мало «вдохновлял» путешественников, а значит, не было потребности в активном развитии гостиничной индустрии.

Проведенное исследование позволило заключить, что основное развитие гостиничной индустрии Крыма в XIX – начале XX вв. приходится на ЮБК, что естественным образом обусловлено внушительным потоком путешественников и туристов. Тем не менее, помимо известных курортов ЮБК, на западном побережье полуострова наиболее развитым городом считалась Евпатория. А.Я. Безчинский называл морские купания в Евпатории лучшими на Крымском побережье. При этом исследователь выделял три лучшие гостиницы города: «Россия» на 60 номеров, «Петербургская» также на 60 номеров и «Европейская» на 30 номеров. Средняя стоимость проживания в данных средствах размещения составляла от 1 до 5 руб. в сутки и от 40 до 90 руб. ежемесячно (Безчинский, 1901: 430-431).

Первоклассными гостиницами Евпатории считались «Бейлер» и «Дюльбер». Гостиница «Дюльбер», владельцем которой являлся антрепренер киевских театров И.Э. Дуван-Торцов, была введена в эксплуатацию в 1911 г. О ней в источниках говорится следующее: «Находится в Новом городе, у моря, и своим оборудованием, обстановкой и образцовой чистотой, кухней и пр. сделала бы честь Ялте и лучшим курортам Европы» (Москвич, 1913: 91). Удачное расположение, постройка зданий в соответствии с современными стандартами привлекали внимание не только большинства отдыхающих, но и знаменитых людей того времени. Например, в «Дюльбере» останавливались артисты театральных трупп, выступавшие на евпаторийской сцене, а также столичная знать (Шевченко, 2016).

5. Заключение

Резюмируя вышесказанное, следует заключить, что активное развитие гостиничной индустрии в Крыму наблюдалось в первой половине XIX в. в первую очередь в таких городах, как Симферополь и Севастополь, по причине наличия центральных транспортных развязок: железная дорога, соединяющая Крым с Москвой, являлась связующим звеном Российской империи с главным портом Черного моря; оживленные грузо- и пассажироперевозки оказывали прямое влияние на развитие индустрии туризма Крыма в целом.

Массовое открытие гостиниц в различных районах Крыма явилось следствием увеличения потока отдыхающих. Так, например, города восточного побережья Крыма – Керчь и Феодосия, несмотря на их главную функцию морской транспортной развязки, принимали большой поток отдыхающих, вследствие чего наблюдалось не только количественное увеличение гостиниц, но и модернизация их внутреннего убранства. Так, например, гостиница Феодосии «Астория», открывшаяся в 1914 г., стала первой в городе, обустроенной по последним требованиям европейских стандартов того времени. Первоклассные гостиницы Евпатории «Бейлер» и «Дюльбер» служили пристанищем большинству театральных трупп, гастролирующих по Крыму.

Таким образом, приморские города Крыма привнесли свою лепту в развитие гостиничной индустрии на полуострове в целом. Тем не менее ни один город Крыма не смог конкурировать с ЮБК, в результате ставшим курортом не только всероссийского, но и европейского масштаба.

6. Благодарности

Исследование проводилось при содействии Программы развития ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Литература

- Безчинский, 1901 – Безчинский А.Я. Путеводитель по Крыму. М., 1901. 491 с.
 Бененсон, 1919 – Бененсон М.Е. Экономические очерки Крыма. Симферополь, 1919. 77 с.
 Головкинский, 1894 – Головкинский Н.А. Путеводитель по Крыму. Симферополь, 1894. 647 с.
 Горчакова, 1883 – Горчакова Е.С. Воспоминания о Крыме: в память столетнего юбилея присоединения Крыма. М., 1883. 215 с.

- ГАРК – Государственный архив Республики Крым.
 Еленин, 1901 – Еленин Е. Ялта и окрестности. Ялта, 1901. 160 с.
 Иванова, Меньшикова, 2007 – Иванова Л.М., Меньшикова Л.Ю., Муращенко Л.В. и др. Гостиница «Ореанда». Симферополь, 2007. 180 с.
 Кондараки, 1873 – Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. В 3 т. Т. 1. Николаев, 1873. 249 с.
 Кондараки, 1883 – Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. В 3 т. Ч. 13. М., 1883. 106 с.
 Мальгин, 2004 – Мальгин А.В. Русская Ривьера. Симферополь, 2004. 352 с.
 Москвич, 1902 – Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. Одесса, 1902. 326 с.
 Москвич, 1913 – Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. СПб., 1913. 312 с.
 Неручев, 1906 – Неручев М.В. Земельный вопрос. Симферополь, 1906. 40 с.
 Нилидин, 1881 – Нилидин А.Н. Силуэты Крыма. Из путевой книжки. СПб., 1881. 242 с.
 Новокрещенов, 2011 – Новокрещенов Е.В. История Ялты. Выдержки из книг. Виды города. Карты. Симферополь, 2011. 320 с.
 Педдакас, 1935 – Педдакас И. Что представляет собой восточный район Южного берега от Алушты до Кутлака // Экономика и культура Крыма. 1935. 27 мая.
 Полянская, 2012 – Полянская Е.С. Предпосылки создания путей сообщения на Южном берегу Крыма во II пол. XIX в. // Историко-философські читання молодих учених. Суми, 2012. С. 108-111.
 Сидоров, 1891 – Сидоров В.М. Окольной дорогой: путевые заметки и впечатления. СПб., 1891. 338 с.
 Слепокуров, 2000 – Слепокуров А.С. Геоэкологические и инновационные аспекты развития туризма в Крыму. Симферополь, 2000. 100 с.
 Сосногорова, 1880 – Сосногорова М.А. Путеводитель по Крыму. Одесса, 1880. 370 с.
 Федорченко, Дьорова, 2002 – Федорченко В.К., Дьорова Т.А. История туризма в Украине. Киев, 2002. 195 с.
 Фейгин, 1888 – Фейгин Л.А. Путеводитель по Крыму и справочная книжка. М., 1888. 148 с.
 Фоменко, 2007 – Фоменко Н.В. Рекреационные ресурсы и курортология. Киев, 2007. 312 с.
 Шевченко, 2016 – Шевченко Т. Первые гостиницы европейского уровня в Крыму // Крымская газета. 2016. 26 мая.
 Шендрикова, 2011 – Шендрикова С.П. Мастера сцены в истории театрального искусства Крыма XIX–XX веков. Симферополь, 2011. 299 с.
 Шендрикова, 2011 – Шендрикова С.П. История театра в Крыму (1820–1920 гг.). Симферополь, 2013. 464 с.
 Shendrikova, Polishchuk, 2022 – Shendrikova S.P., Polishchuk E.A., Pavlenko I.G., Yudina A.A. (2022). The Social and Historical Role of the Palatial Estates and hotels of the Southern Coast of Crimea in Formation of Experience Economy in the South of Russia (XIX – early XX c.). *Bylye Gody*. 7(1): 258-266.

References

- Bezchinskij, 1901 – Bezchinskij, A.Ya. (1901). Putevoditel' po Krymu [Guide to the Crimea]. M., 491 p. [in Russian]
 Benenson, 1919 – Benenson, M.E. (1919). Ekonomicheskie ocherki Kryma. Simferopol, 77 p. [in Russian]
 Golovkinskij, 1894 – Golovkinskij, N.A. (1894). Putevoditel' po Krymu [Guide to the Crimea]. Simferopol, 647 p. [in Russian]
 Gorchakova, 1883 – Gorchakova, E.S. (1883). Vospominaniya o Kryme: v pamyat' stoletnego yubileya prisoedineniya Kryma [Memories of the Crimea: in memory of the centenary of the accession of the Crimea]. M., 215 p. [in Russian]
 GARK – Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym [State Archive of the Republic of Crimea].
 Elenin, 1901 – Elenin, E. (1901). Yalta i okrestnosti [Yalta and its surroundings]. Yalta, 160 p. [in Russian]
 Ivanova, Menshikova, 2007 – Ivanova, L.M., Menshikova, L.Yu., Murashchenko, L.V. at al. (2007). Gostinica «Oreanda» [Oreanda Hotel]. Simferopol. 180 p. [in Russian]
 Kondaraki, 1873 – Kondaraki, V.H. (1873). Universal'noe opisaniye Kryma [Universal description of the Crimea]. Vol. 1. Nikolaev, 249 p. [in Russian]
 Kondaraki, 1883 – Kondaraki, V.H. (1883). Universal'noe opisaniye Kryma [Universal description of the Crimea]. Vol. 13. M., 106 p. [In Russian]
 Malygin, 2004 – Malygin, A.V. (1902). Russkaya Riv'era [Russian Riviera]. Simferopol. 352 p. [in Russian]
 Moskvich, 1902 – Moskvich, G.G. (1902). Illyustrirovannyj prakticheskij putevoditel' po Krymu [Illustrated practical guidebook to the Crimea]. Odessa, 326 p. [in Russian]
 Moskvich, 1913 – Moskvich, G.G. (1913). Illyustrirovannyj prakticheskij putevoditel' po Krymu [Illustrated practical guide to the Crimea]. SPb. 312 p. [in Russian]
 Neruchev, 1906 – Neruchev, M.V. (1906). Zemelnyy vopros [Land issue]. Simferopol. 40 p. [in Russian]

- Nilidin, 1881** – *Nilidin, A.N.* (1881). Siluëty Kryma. Iz putevoy knizhki [Silhouettes of the Crimea. From the travel book]. SPb, 242 p. [in Russian]
- Novokreshchenov, 2011** – *Novokreshchenov, E.V.* (2011). Istoriya Ialty. Vyderzhki iz knig. Vidy goroda. Karty [History of Yalta. Extracts from books. Views of the city. Maps]. Simferopol. 320 p. [in Russian]
- Peddakas, 1935** – *Peddakas, I.* (1935). Chto predstavliaet soboi vostochnyi raion Iuzhnogo berega ot Alushty do Kutlaka [What is the eastern region of the South Coast from Alushta to Kutlak]. *Ekonomika i kultura Kryma*. 27 maya. [in Russian]
- Polianskaia, 2012** – *Polianskaia, E.S.* (2012). Predposylki sozdaniya putei soobshcheniya na Iuzhnom beregu Kryma vo II pol. XIX v. [The prerequisites for the creation of communication lines on the South Coast of the Crimea in the II half of the 19th century]. *Istoriko-filosofski chitannia molodikh uchenikh*. Sumi. Pp. 108-111. [in Russian]
- Sidorov, 1891** – *Sidorov, V.M.* (1891). Okol'noj dorogoj: putevye zametki i vpechatleniya [The roundabout way: travel notes and impressions]. SPb., 338 p. [in Russian]
- Slepokurov, 2000** – *Slepokurov, A.S.* (2000). Geoëkologicheskie i innovatsionnye aspekty razvitiia turizma v Krymu [Geo-ecological and innovative aspects of tourism development in the Crimea]. Simferopol, 100 p. [in Russian]
- Sosnogorova, 1880** – *Sosnogorova, M.A.* (1880). Putevoditel' po Krymu [Guide to the Crimea for travelers]. Odessa, 370 p. [in Russian]
- Fedorchenko, D'orova, 2002** – *Fedorchenko, V.K., D'orova, T.A.* (2002). Istoriia turizma v Ukraine [History of tourism in Ukraine]. Kiev. 195 p. [in Russian]
- Feigin, 1888** – *Feigin, L.A.* (1888). Putevoditel po Krymu i spravochnaia knizhka [Crimean travel guide and reference book]. M., 148 p. [in Russian]
- Fomenko, 2007** – *Fomenko, N.V.* (2007). Rekreatsionnye resursy i kurortologiya [Recreational Resources and Resorts]. Kiev, 312 p. [in Russian]
- Shevchenko, 2016** – *Shevchenko, T.* (2016). Pervye gostinitsy evropeiskogo urovnia v Krymu [The first hotels of the European level in the Crimea]. *Krymskaia gazeta*. 26 maya. [in Russian]
- Shendrikova, 2011** – *Shendrikova, S.P.* (2011). Mastera stseny v istorii teatralnogo iskusstva Kryma XIX–XX vekov [Masters of Stage in the History of Crimean Theater Art in the 19th and 20th centuries]. Simferopol. 299 p. [in Russian]
- Shendrikova, 2011** – *Shendrikova, S.P.* (2011). Istoriia teatra v Krymu (1820–1920 gg.) [History of Theatre in Crimea (1820–1920)]. Simferopol, 464 p. [in Russian]
- Shendrikova, Polishchuk, 2022** – *Shendrikova, S.P., Polishchuk, E.A., Pavlenko, I.G. Yudina, A.A.* (2022). [The Social and Historical Role of the Palatial Estates and hotels of the Southern Coast of Crimea in Formation of Experience Economy in the South of Russia (XIX – early XX c.). *Bylye Gody*. 7(1): 258-266.

К вопросу становления гостиничной индустрии Крыма в XIX – начале XX вв.

Елена Анатольевна Полищук^a, Ирина Геннадьевна Павленко^b

^aКрымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Российская Федерация

^bСтавропольский государственный аграрный университет, Российская Федерация

Аннотация. В настоящей статье проведен ретроспективный анализ основных процессов зарождения гостиничной индустрии в Крыму, осуществлена оценка уровня обслуживания населения, что позволило дать его сравнительную характеристику на примере городов полуострова. При этом на основе изучения исторических документов, воспоминаний и мемуаров ученых и путешественников, посетивших Крым в XIX – начале XX вв., представлены и описаны первые гостиницы полуострова, приведены оказываемые ими основные услуги, средняя стоимость номеров, а также описаны их достоинства и недостатки в процессе формирования и развития гостиничной индустрии изучаемого региона. Посредством проведенного исследования установлено, что началом курортного освоения полуострова можно считать конец XVIII в., когда Крым вступил в фазу активной застройки земельных участков усадьбами, дворцовыми ансамблями и садово-парковыми комплексами. На тот момент имело место и возрождение аграрной сферы по всей территории полуострова. Таким образом, основным толчком в части развития гостиничной индустрии и инфраструктуры полуострова в целом стало присоединение Крыма к Российской империи в 1783 году. Данное событие было организовано под патронатом Екатерины II, посетившей полуостров в 1787 году первой из российских монарших особ. Воочию убедившись в несметных возможностях края, императрица начала формировать и реализовывать внутреннюю политику, направленную на максимально быструю интеграцию полуострова. Данные фрагменты стимулируют интерес к исследованию различных сфер экономической истории Крыма, в том числе касающейся становления и развития гостиничной индустрии.

Ключевые слова: гостиница, гостиничная индустрия, туризм, курорт, Российская империя, Южный берег Крыма, социокультурный контент, социально-экономическое развитие.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 167-175
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.167

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Deviations in Reproductive Behaviour of Russian Peasant Women in the Middle Ural (19th – early 20th centuries)

Elizaveta S. Lakhtionova ^{a, *}, Irina G. Polyakova ^a

^a Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Russian Federation

Abstract

The article explores the variants of Russian women's reproductive behaviour, which were regarded in the peasant environment as deviations. The aim of the article is to examine the specific types of deviant behaviour and to reveal the factors that contributed to their emergence and persistent presence in the everyday life of Russian peasant women of the Middle Ural.

The main sources represent certain unpublished materials (judicial investigation cases) and number of published sources (recordings of folklore). The study allowed the “tender points” in the reproductive culture that existed in the Russian peasant environment in the 19th – early 20th century: premarital intimate relations, subsequent out-of-wedlock pregnancy, the desire to conceal it using different methods (abortion, murder of the already-born child), deviant parenthood in the form of child abandonment. These phenomena were deemed to be deviations from the norm since the main accepted aim of women's life was marital childbearing, when the wedlock was considered as the only birth controller in the traditional society. Women were expected to be punished in various ways for departure from the accepted norms, ranging from moral condemnation to real penal servitude. Despite of the above, the abovementioned deviations regularly took place in peasants' everyday life.

The authors conclude that the factors contributing to deviant reproductive behaviour of peasant women included psychological (dependence on public opinion, the concept of sin and crime), sociocultural (reproductive “purpose” of women, low level of women's literacy), material (young woman's inability to provide for her illegitimate child).

Keywords: reproductive behavior, deviations, peasantry, woman, Middle Ural, infanticide, sin, crime.

1. Введение

Репродуктивное поведение – система реальных действий, которые предпринимаются мужчиной и женщиной для реализации своей собственной репродуктивной стратегии. Эти действия могут в себя включать зачатие/отказ от зачатия (контрацепция), практику планирования рождения детей, беременность, аборт, рождение ребенка (Галиева, 2021: 12).

Хорошо известно, что рождение детей являлось важнейшей частью жизненного цикла женщины, от репродуктивной функции которой зависела крестьянская экономика. В норме дети должны были рождаться в супружеском союзе и в том количестве, которое позволяло здоровье женщины (Мухина, 2012b: 7-8). Поэтому разные негативные отклонения от данного сценария считались ненормальными и жестко пресекались, осуждались и наказывались в крестьянском сообществе, вплоть до уголовного преследования.

* Corresponding author

E-mail addresses: elza1982@yandex.ru (E.S. Lakhtionova), irinapolykova@yandex.ru (I.G. Polyakova)

В данной статье будут рассмотрены действия русских крестьянок, которые с точки зрения репродуктивной культуры того времени считались отклонениями от нормы (девиациями) и несли угрозу благополучию общества.

Актуальность представленной темы состоит в том, что в последние десятилетия в России фиксируется отказ от традиционной интерпретации материнства и отцовства, существовавшей в нашей стране очень долгое время. Это приводит к таким последствиям, как кризис семьи, нарастание антинаatalистических и депопуляционных настроений в российском обществе (Клименко, 2020: 41-42). Поэтому сейчас становятся все более востребованными исследования гендерных интерпретаций репродуктивных стратегий в российском обществе в разные исторические периоды, в том числе с точки зрения отклонения от нормы. Хронологические рамки данного исследования обусловлены тем, что в указанное время в России происходят эпохальные перемены, отразившиеся, несомненно, и на репродуктивном поведении женщин, особенно после установления советской власти в 1920-е гг. (Мирошниченко, 2012: 42-45).

Теоретическая ценность статьи связана с отсутствием узконаправленных научных работ, освещающих поставленную проблему на материале Среднего Урала. Практическая значимость исследования диктуется необходимостью в настоящее время скорректировать те механизмы в репродуктивной культуре, которые несут угрозу благополучию современного российского общества. Вероятно, изучение исторического материала позволит помочь нивелировать эту угрозу.

2. Материалы и методы

Для проведения данного исследования использовались, главным образом, материалы из неопубликованных источников, хранящихся в Государственном архиве Свердловской области (Екатеринбург, Российская Федерация). Это большой пласт судебно-следственных дел, сосредоточенных в фондах Екатеринбургской духовной консистории (Ф. 6), Екатеринбургского окружного суда (Ф. 11), Екатеринбургского уездного суда (Ф. 12), Пермской палаты уголовного и гражданского суда (Ф. 476). Документы этой группы содержат информацию о таких негативных действиях крестьянок, как криминальные аборт, детоубийство, отказничество, незаконное сожительство, позволяя детально изучить конкретные примеры девиантного поведения. Анализ судебно-следственных дел дает возможность понять, как относились в целом крестьяне к перечисленным видам девиаций.

Также были изучены опубликованные источники, представленные записями фольклора (частушки, пословицы, поговорки, песни, сказки, притчи). Большая их часть содержится в материалах периодического издания «Записки Уральского общества любителей естествознания»¹ и относится ко второй половине XIX – началу XX вв. Материалы охватывают всю Пермскую губернию, включавшую в себя Чердынский, Соликамский, Верхотурский, Пермский, Оханский, Осинский, Кунгурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Шадринский и Красноуфимский уезды. Данный вид источников позволяет проанализировать отношение крестьян к различным видам девиантного репродуктивного поведения, например добрачным отношениям, ведущим к нежелательной беременности.

Применение и анализ вышеописанных источников позволили комплексно исследовать обозначенную научную проблему, достичь поставленной цели и прийти к выводам, описанным в соответствующем разделе статьи.

Проблематика статьи находится на стыке двух актуальных сейчас исследовательских направлений: гендерном и репродуктивном. Это определяет методологию, имеющую междисциплинарную основу: используются традиционные исторические методы в купе с гендерным подходом, позволяющие выявить причины закрепления в репродуктивном поведении крестьянок вариантов, которые считались негативными отклонениями от нормы.

Среди традиционных методов исторического исследования, использованных в данном исследовании, нужно назвать следующие: историко-сравнительный (позволяет выявить региональные особенности в поведении и мировоззрении русских крестьян); историко-генеалогический (помогает понять, какие именно элементы «правильного» репродуктивного поведения наследовались в крестьянской среде в указанный исторический период); историко-географический (позволяет проследить, как физико-географическая среда повлияла на репродуктивную культуру российского крестьянства); социально-исторический (анализ особенностей репродуктивного поведения крестьянства в конкретной социокультурной среде).

Одним из ведущих методов в настоящем исследовании является историко-антропологический, цель которого – реконструировать систему мировоззренческих и поведенческих установок, принятых в русском крестьянском сообществе в указанный период. Данный подход помогает изучить репродуктивное поведение женщин через их повседневную жизнь, состоящую не только из следования установкам, принятым в конкретной социокультурной среде, но и девиантных действий.

¹ Уральское общество любителей естествознания – научное сообщество, возникшее в Екатеринбурге в 1870 г.

Применение гендерного подхода в рамках исторического исследования обусловлено тем, что в сфере воспроизводства просто необходимо выделение роли и положения женщины и мужчины, которые в традиционалистском виде репродуктивной стратегии образовывали прочный супружеский союз, сопровождавшийся обязательным рождением одного и более детей. Поменявшиеся в последние десятилетия социальные роли женщины и мужчины значительно повлияли на изменение соотношения репродуктивных планов женщин и мужчин и возможность их реализации на практике. Многие из того, что считалось девиацией в XIX и начале XX в., в наше время находится в пределах нормы.

3. Обсуждение

Репродуктивное поведение крестьян в Российской империи неоднократно становилось предметом рассмотрения ряда историков-демографов, социологов и психологов. Здесь нужно отметить комплексное исследование Б.Н. Миронова (Миронов, 2000), который через рассмотрение широкого круга проблем социальной истории Российской империи частично раскрывает особенности репродуктивной культуры крестьянства в XVIII – начале XX вв. Также на общероссийском материале построены исследования Н.Л. Пушкаревой, посвященные истории российских женщин, в том числе крестьянок. Автор касается самых разных аспектов повседневной жизни, уделяя внимание женскому репродуктивному поведению и здоровью (Пушкарева, 2017).

Тема девиаций в репродуктивном поведении крестьян не осталась незамеченной в научном сообществе. К ней обращались такие ученые, как В.Б. Безгин (Безгин, 2010), Д.В. Михель (Михель, 2007), З.З. Мухина (Мухина, 2012а), Н.А. Мицюк и Н.Л. Пушкарева (Мицюк, Пушкарева, 2019). По их мнению, наличие девиаций было обусловлено как рациональными причинами (например, отсутствием законных медицинских методов регулирования рождаемости в традиционном обществе), так и морально-психологическими (боязнь общественного мнения).

На уральском материале специальных научных исследований, которые посвящены теме девиантного поведения крестьянок, до сих пор не имеется. Элементы репродуктивного поведения так или иначе затрагиваются С.В. Голиковой (Голикова, 2001), Н.Б. Кончаковской (Кончаковская, 2016), М.И. Мирошниченко (Мирошниченко, 2012).

Таким образом, проблема, обозначенная в статье, является недостаточно изученной в научной литературе и требует дальнейшего исследования на региональном материале.

4. Результаты

Одним из аспектов, характеризующих семью, являлся супружеский союз. По российским законам мужчины могли вступать в брак с 18 лет, женщины – с 16 лет. «Брак – исторически меняющаяся форма отношений между мужчиной и женщиной (как правило, в условиях совместного проживания), устанавливающая их общие и специальные права и обязанности, связанные с гендерной принадлежностью в процессе воспроизводства популяции» (Акопян, 2011: 146).

По нормам и правилам того времени только в браке могли рождаться дети, так как регуляция рождаемости в традиционном обществе осуществлялась через брачность. Поэтому «ребенок вне брака был ребенком вне закона, т. е. «незаконнорожденным»» (Голикова, 2001: 63). Кроме того, добрачные сексуальные отношения порицались Церковью и крестьянским сообществом, считались греховными. Причем более жестко крестьяне осуждали именно девушку/женщину, допустившую сексуальную связь, а не мужчину (Мухина, Пушкарева, 2012: 46).

Потеря девственности до брака девушкой, вступившей в интимные отношения с последующим зачатием ребенка, считалась крестьянами грехом. Несмотря на это, примеров такого поведения в архивных материалах имеется достаточно (Лахтионова, 2019). Зафиксированные случаи детально описываются в судебно-следственных делах, из которых можно понять, что допустившие интимную связь до брака девушки/женщины шли на это добровольно, поддавшись любовным чувствам. В силу незнания женщинами особенностей своей физиологии и в условиях открытого отрицания любых средств контрацепции (кроме воздержания по религиозным правилам) результатом сексуальных отношений оказывалась беременность, которая считалась нежелательной, так как ярко свидетельствовала о неправильном поведении женщины, тем самым демонстрируя его греховность. Даже если крестьянка потом выходила замуж, «слава» о ней не забывалась. Так произошло с Марией Порохиной (Камышловский уезд, 1821–1823 гг.), которая еще до своего замужества потеряла девственность и забеременела, но произошел выкидыш. Свои действия она сама считала греховными, за которые в замужестве регулярно подвергалась побоям законного супруга, так и не простившего ее и не забывшего распутного поведения жены до брака (ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 644. Л. 13-13об.).

Допуская сознательно и добровольно добрачные отношения, повлекшие за собой последующую беременность, русская крестьянка знала, что ответственность за данный греховный поступок лежит лично на ней. Это подтверждают многочисленные свидетельства, сохранившиеся в архивных материалах. Были даже случаи, когда дело заводилось с целью привлечь к ответственности мужчину, который не желал признавать ребенка, рожденного в сожителстве, и заставить его жениться. Однако против выступала мать ребенка, открыто признававшая, что вся ответственность за «любовную

связь» и рождение незаконнорожденного ребенка лежит только на ней, Сусанне Кондаковой (Верхотурский уезд, 1896 г.) (ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 103. Л. 20).

Осуждение добрачных интимных связей как греховных нашло также отражение в целом пласте фольклора, собранного учеными и краеведами в рамках деятельности Уральского общества любителей естествознания. Из фольклорного и архивного материала видно, что нецеломудренное поведение девушек до брака имело определенные последствия: пятно на репутации самой крестьянки, а также всей ее семьи. Будущие женихи и их родители при выборе невесты обращали на это большое внимание.

Нежелательная беременность, возникшая в результате добрачных сексуальных отношений, могла иметь четыре варианта разрешения. Во-первых, она могла завершиться выкидышем. Во-вторых, она могла закончиться сознательным ее прерыванием («плодоизгнанием»). В-третьих, рождением ребенка и его последующим убийством («детоубийством»). В-четвертых, рождением внебрачного ребенка, постоянно напоминающего его матери о запретных отношениях и влекущего за собой девиантное родительство (Беляева, 2012: 208). Ниже будут более подробно рассмотрены только три последних варианта, так как они напрямую связаны с сознательным поступком женщины по избавлению от ребенка.

Аборты, совершенные не по медицинским показаниям («плодоизгнание»), были официально запрещены в Российской империи и приравнивались к детоубийству, что церковью рассматривалось еще и как тяжкий грех (Мухина, 2012а: 147-148). Резко негативное отношение русских крестьян к насильственному прерыванию беременности этнограф Т.А. Листова объясняет тем, что в соответствии с православным учением ребенок с самого своего зарождения в утробе матери считался самостоятельным существом, поэтому предпринимать какие-либо действия к его убийству было запрещено моралью общества (Листова, 1999: 686).

Два года длилось разбирательство об аборте, совершенном крестьянской девушкой Маремьяной Чудиновой (Чердынский уезд, 1825 г.). Тревогу о возможном детоубийстве забила соседка, которая заметила изменение во внешнем виде Маремьяны: она сначала казалась беременной, а потом вдруг стала «простая». В результате проведенного расследования выявился мотив к плодоизгнанию: изнасилование в лесу, в результате которого крестьянка лишилась девственности и забеременела. Зная негативное отношение окружающих к внебрачным детям, она решила на совершение преступления и греха одновременно (Подробный указатель дел, 1893: 160). Тот факт, что сельские жители внимательно следили и доносили местным властям о возможном криминальном прекращении беременности, еще раз подтверждает наличие жесткого контроля со стороны общества за репродуктивным поведением женщины.

По мнению известного ученого в области женской истории Н.Л. Пушкаревой, до революции «вытравление плода» было основным способом контроля над числом и временем рождений, способом рационализации сексуальности, сложившимся в различных местностях России» (Пушкарева, Мицюк, 2021: 423). На рубеже XIX–XX вв. в России, в том числе и на Среднем Урале, стали проводиться аборты, которые назначались женщине по медицинским показаниям (Кончаковская, 2016: 77). В 1920 г. было легализовано искусственное прерывание беременности, не связанное с болезнью женщины (Мухина, 2012а: 153). Таким образом, в изучаемый период постепенно шло изменение практики по совершению абортов от их официального запрета до разрешения по строго медицинским показаниям.

Крестьянки, совершившие детоубийство (инфантицид), подвергались светскому суду. Об этом свидетельствует большое количество судебных дел, из которых видно, что девушки, зачавшие ребенка до законного брака, стремились избавиться от него, тем самым совершая уголовное преступление. По законодательству дореволюционной России («Уложение о наказаниях» 1885 г.), данный вид преступления сурово наказывался каторгой (10–12 лет) или тюремным заключением (4–6 лет) (Безгин, 2010: 974). Согласно церковным правилам на женщину, совершившую детоубийство, накладывалась многолетняя эпитимья (Пушкарева, 1989: 93).

Рассмотрим одно из дел Екатеринбургского уездного суда. Оно касается детоубийства, совершенного крестьянской девушкой Евфросиньей Вдовиной (Чердынский уезд, 1852–1854 гг.), которая не отрицала своей вины. Однако внятно объяснить, какой у нее был мотив, она не смогла. Из материалов дела становится понятно, что данное преступление последовало, чтобы скрыть свою распущенность (т. е. добрачную половую жизнь) и беременность, как ее результат. Наказание было определено судом как самой обвиняемой девушке (ссылка в Сибирь, лишение всех прав и привилегий), так и ее матери за помощь дочери в сокрытии преступления (ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1483. Л. 50б.-57).

Желание скрыть сожителство и последующую добрачную беременность вынудило крестьянку Екатерину Осинцову (Екатеринбургский уезд, 1857–1858 гг.) совершить детоубийство. Она объясняла свои действия следующим образом: «Действительно, с 6 на 7 число мая месяца родила я мертвого младенца; прижила я его с крестьянским сыном Гаврилом Федоровым Стениным... Родила я мертвого младенца от того, что почувствовала его в своей утробе и чтобы скрыть это преступление от родителей

и стыда ради от людей... Участниками в сем преступлении ни мои родители и никто из посторонних не был» (ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1570. Л. 5-6об.).

Анализируя материалы судебно-следственных дел, можно проследить в деятельности женщин по совершению детоубийства преступную и греховную части. Преступление заключалось в убийстве ребенка и должно было рассматриваться в светском суде. Лишение жизни любого человека, даже только-только зародившегося в утробе матери, считалось по православному учению грехом, за который убийца должен был держать ответ перед Богом.

Рождение ребенка до вступления в замужество влекло за собой, как правило, девиантное родительство, что чаще всего выражалось в форме отказничества матери от ребенка, которого ожидала роль подкидыша (Миненко и др., 2006: 309). Отказ от уже рожденного внебрачного ребенка, как и детоубийство, был частично обусловлен тем, что такой ребенок являлся постоянным напоминанием о распутстве женщины, ее позором. Как отмечает исследователь Д.В. Михель, «резко отрицательное отношение общества к внебрачным детям, как и к внебрачной сексуальной жизни женщины, привело к тому, что от таких детей всячески стремились избавиться» (Михель, 2007: 442). Кроме того, порой женщине было материально тяжело обеспечить ребенка одной, без помощи мужчины-отца, который часто не признавал его «своим». Подобная ситуация возникла с крестьянкой Марией Серебренниковой (Екатеринбургский уезд, 1896 г.), состоявшей в длительных интимных отношениях с крестьянином Михаилом Калташевым, обещавшим на ней жениться. После рождения их общего ребенка мужчина бросил Марию, готовую «подкинуть» малыша. Однако она решила действовать все-таки через суд (ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 104. Л. 13об.). В итоге женщина оставила ребенка вместе с собой, хоть и воспитывать пришлось самостоятельно, так как Михаил Калташев не признал свое отцовство.

Другой случай незаконного сожительства закончился не столь благополучно. Крестьянка 23 лет (Осинский уезд, 1859 г.), имея незаконнорожденного сына, подкинула его в соседский двор. Находясь длительное время без помощи взрослых людей, ребенок умер. Подсудимая свидетельствовала: «Подкинула младенца этого единственно только от своего стыда. Прежде сего блудно детей ни с кем не приживала. Распутства своего в ремесло никогда не употребляла и ныне не употребляю» (ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1570. Л. 22-22об.). Таким образом, девушка, признавая свою вину, старалась оправдаться, понимая, что совершила одновременно преступление и грех. По решению Екатеринбургского уездного суда крестьянка за свое преступление была наказана 60 ударами розг и посажена в тюрьму на 2 года. А за греховную интимную связь вне брака на нее была наложена епитимья (ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1570. Л. 109).

В отдельных районах Среднего Урала «девица», имеющая ребенка, не могла надеяться на замужество. Об этом писал краевед А.Н. Зырянов в середине XIX в., когда изучал обычаи и традиции русских крестьян Шадринского уезда (Зырянов, 1859: 110). Об этом же свидетельствуют и записи фольклора, собранные исследователями на Среднем Урале (Слова, пословицы, 1890–1891: 60-65; Народные песни..., 1901: 189-194). Такая ситуация также способствовала тому, что молодые незамужние женщины шли на совершение аборта или детоубийства.

Нужно отметить, что из тех же судебно-следственных дел, отложившихся в Государственном архиве Свердловской области, видно, что если ребенок рождался в результате интимных отношений уже взрослой, пожившей женщины (например, вдовы), то этот факт она не пыталась скрыть. Наоборот, стремилась сохранить беременность и ребенка, даже и ставших результатом любовной связи на стороне. Например, крестьянка Мавра Антропова (Шадринский уезд, 1874 г.), которую обвиняли в инфантициде, отрицала намеренность своих действий: «... я сама, вот как Богу, так и вам говорю, что никаких мер к умертвлению ребенка не принимала и никогда не согласилась бы умышленно лишить его жизни...» (ГАСО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 180. Л. 20-21об.). Это в очередной раз свидетельствует о понимании крестьянами ценности зародившейся человеческой жизни, что укладывалось в православную концепцию. Все случаи, в которых крестьянки сознательно шли на аборт или детоубийство, являлись отклонениями от норм и представлений того времени.

5. Заключение

Таким образом, в системе традиционного репродуктивного поведения русских крестьянок, направленного на производство потомства, имелись девиации, которые противоречили социальным, экономическим и моральным установкам крестьянского сообщества, а значит, несли явную угрозу его благополучию и безопасности. Среди форм девиантного репродуктивного поведения у крестьянок, зафиксированных в XIX – начале XX вв., нужно выделить: зачатие и рождение детей до брака (часто ведущее к отказничеству как форме девиантного родительства), криминальные аборты, детоубийство. Причины, почему эти виды действий воспринимались в качестве отклонений от нормы, следующие.

Во-первых, самой важной функцией женщины была социальная: от ее правильного репродуктивного поведения зависела экономика крестьянского хозяйства и благополучие всего общества. Поэтому существовала жесткая регламентация жизни и поведения крестьянки, обусловленная рациональным подходом к сохранению и постоянному увеличению численности семьи.

Во-вторых, по канонам православной религии, дети должны были рождаться только в браке, главной целью которого являлось производство потомства. Поэтому внебрачные сексуальные отношения, влекущие за собой, как правило, появление незаконнорожденных детей, не приветствовались. Для того чтобы скрыть сожителство и последующую беременность, крестьянки нередко прибегали к абортам или детоубийству.

В-третьих, аборт и детоубийства с точки зрения религии являлись тяжким грехом. По мнению крупного историка, демографа Б.Н. Миронова, даже в первые десятилетия советской власти крестьяне в большинстве своем оставались глубоко религиозными (Миронов, 2000: 331). Это подтверждается на региональном материале, который показывает, что начавшееся в XIX в. обмирщение крестьянского сознания не оказало существенного влияния на понимание, что такое грех и преступление (Бальжанова, 2006: 102).

Наличие девиаций в репродуктивном поведении уральских крестьянок было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, жесткие предписания и мелочный контроль за жизнью женщин, однобокое понимание их положения и роли в обществе способствовали формированию протеста, выразившегося в принятии женщиной решения о допуске добрачных сексуальных отношений, как правило, ведущих к нежелательной беременности. Во-вторых, малограмотность женщин и незнание особенностей функционирования своего организма, связанных с месячным циклом и беременностью, отсутствие знаний и способов надежной контрацепции приводило к нежелательным беременностям, выкидышам, рождению мертвых детей, что отрицательно отражалось на женском репродуктивном здоровье. В-третьих, сильный страх перед осуждением со стороны сообщества за меньшие греховные деяния способствовал совершению более греховных действий, за которые можно было понести даже уголовное наказание. Например, желание скрыть добрачную беременность, считавшуюся в крестьянской среде нежелательной, приводило к аборту или убийству уже рожденного ребенка. В-четвертых, аборт и детоубийства частично провоцировались сложившимися неблагоприятными моральными или материальными условиями, в которых, как правило, оказывались именно молодые незамужние женщины. Взрослые пожившие женщины, имеющие, как правило, устойчивое материальное положение, наоборот, старались сохранить жизнь ребенку, понимая ее ценность.

Таким образом, изучение девиаций в репродуктивном поведении русских женщин в XIX – начале XX вв. позволяет сделать вывод, что эти отклонения присутствовали в повседневной жизни уральского крестьянства и были обусловлены целым рядом факторов. Соотнося с настоящей временем, нужно отметить, что некоторые из этих девиаций если и не стали повсеместно распространенной нормой, то хотя бы не осуждаются обществом жестко и открыто, так как считаются личным делом и выбором женщины (аборт, зачатие и рождение детей вне брака). Однако детоубийство все также остается уголовным преступлением и преследуется по закону.

Литература

- Акопян, 2011 – Акопян А.С. Роль семейных ценностей в перерождении институтов государства: биосоциальный аспект // *Историческая психология и социология истории*. 2011. № 1. С. 142-167.
- Бальжанова, 2006 – Бальжанова Е.С. Понятия о грехе и преступлении у крестьян Среднего Урала (XIX – начало XX в.) / Горнозаводской Урал в XVIII – начале XX в.: проблемы социокультурной истории: Сб. ст. Под ред. Н.А. Миненко. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. С. 85-104.
- Безгин, 2010 – Безгин В.Б. Детоубийство и плодоизгнание в русской деревне // *Право и политика*. 2010. № 5. С. 972-977.
- Беляева, 2012 – Беляева М.А. Девиантное родительство в контексте репродуктивной культуры современной семьи // *Социология и жизнь*. 2012. № 3. С. 207-212.
- Галиева, 2021 – Галиева Э.Р. Традиционные и современные модели репродуктивного поведения // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2021. № 1. С. 12-15.
- ГАСО – Государственный архив Свердловской области.
- Голикова, 2001 – Голикова С.В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков: демографические процессы и традиции. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. 195 с.
- Зырянов, 1859 – Зырянов А.Н. Песни, записанные в Шадринском уезде // Пермский сборник: поврем. изд. М.: Тип. Лазарев. ин-та вост. яз., 1859. Кн. 1. С. 101-115.
- Клименко, 2020 – Клименко Н.С. Гендерные интерпретации репродуктивных стратегий в культуре современного российского общества // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2020. № 3(44). С. 41-45. DOI 10.30725/2619-0303-2020-3-41-45
- Кончаковская, 2016 – Кончаковская Н.Б. Материнство и детство в городском пространстве Среднего Урала во второй половине XIX – начале XX в. // *Российская повседневность XIX – XX вв.: Материалы Всероссийской научной конференции*. Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2016. С. 73-77.

Лахтионова, 2019 – *Лахтионова Е.С.* Мир женских грехов и преступлений в крестьянской среде на Среднем Урале XIX – начала XX в. // *Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья*. 2019. № 2(7). С. 15-25.

Листова, 1999 – *Листова Т.А.* Народная религиозная концепция зарождения и начала жизни // Русские: Сб. ст. / Под ред. В.А. Александрова, И.В. Власовой, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1999. С. 684-692.

Миненко и др., 2006 – *Миненко Н.А., Анкаримова Е.Ю., Голикова С.В.* Повседневная жизнь уральского города. XVIII – начало XX в. М.: Наука, 2006. 384 с.

Миронов, 2000 – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 566 с.

Мирошниченко, 2012 – *Мирошниченко М.И.* Репродуктивное поведение женщин Урала в 1920-е – первой половине 1930-х гг. // *Историческая демография*. 2012. № 1. С. 42-45.

Михель, 2007 – *Михель Д.В.* Общество перед проблемой инфантицида: история, теория, политика // *Журнал исследований социальной политики*. 2007. Т. 5. № 4. С. 439-458.

Мицюк, Пушкарева, 2019 – *Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л.* «Плодоизгнание» как основной способ контроля рождаемости у крестьянок XIX в. // *Вестник Смоленской государственной медицинской академии*. 2019. Т. 18. № 3. С. 159-170

Мухина, 2012a – *Мухина З.З.* Плодоизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре Европейской России (вторая половина XIX – 30-е гг. XX в.) // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 3. С. 147-160.

Мухина, 2012b – *Мухина З.З.* Послеродовой период в жизни крестьянки пореформенной России (преимущественно центральных губерний) // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2012. Т. 4. № 3. С. 7-17.

Мухина, Пушкарева, 2012 – *Мухина З.З., Пушкарева Н.Л.* Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре (до и после великих реформ XIX века) // *Вестник Пермского университета. История*. 2012. № 3(20). С. 43-55.

Народные песни..., 1901 – Народные песни, наговоры, загадки, скороговорки и пословицы, записанные в Александровской волости Соликамского уезда Пермской губернии в 1890 и 1891 гг. П.А. Некрасовым // *Записки Уральского общества любителей естествознания*. 1901. Т. XXII. С. 189-194.

Подробный указатель дел..., 1893 – Подробный указатель дел Пермского исторического архива. Дела уголовные Чердынского уездного суда // *Труды Пермской ученой архивной комиссии*. Вып. II. Пермь, 1893. С. 150-178.

Пушкарева, 1989 – *Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.

Пушкарева, 2017 – *Пушкарева Н.Л.* Репродуктивное поведение русских женщин (X–XXI вв.): влияние православного и этнократического гендерных порядков / Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы. Сборник материалов. Ижевск: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2017. С. 281.

Пушкарева, Мицюк, 2021 – *Пушкарева Н.Л., Мицюк Н.А.* Зарождение биополитической модели контроля рождаемости в XIX – начале XX в. // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. № 19(3). С. 421-435. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-3-421-436

Слова, пословицы..., 1890–1891 – Слова, пословицы, поговорки, приметы и песни, записанные в Пермском уезде Ф.Н. Панаевым / *Записки Уральского общества любителей естествознания*. 1890–1891. Т. XII. Вып. 2. С. 60-65.

References

Akopyan, 2011 – *Akopyan, A.S.* (2011). Rol' semeinykh tsennostei v pererozhdenii institutov gosudarstva: biosotsial'nyi aspekt [The role of family values in the rebirth of state institutions: a biosocial aspect]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 1: 142-167. [in Russian]

Bal'zhanova, 2006 – *Bal'zhanova, E.S.* (2006). Ponyatiya o grekhe i prestuplenii u krest'yann Srednego Urala (XIX – nachalo XX v.) [The concepts of sin and crime among the peasants of the Middle Urals (XIX – early XX centuries)]. *Gornozavodskoi Ural v XVIII – nachale XX veka: problemy sotsiokul'turnoi istorii*. Sbornic statei. Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 85-104. [in Russian]

Belyaeva, 2012 – *Belyaeva, M.A.* (2012). Deviantnoe roditel'stvo v kontekste reproduktivnoi kul'tury sovremennoi sem'i [Deviant parenthood in the context of the reproductive culture of the modern family]. *Sotsiologiya i zhizn'*. 3: 207-212. [in Russian]

Bezgin, 2010 – *Bezgin, V.B.* (2010). Detoubiistvo i plodoizgnanie v russkoi derevne [Infanticide and fructification in the russian village]. *Pravo i politika*. 5: 972-977. [in Russian]

Galieva, 2021 – *Galieva, E.R.* (2021). Traditsionnye i sovremennye modeli reproduktivnogo povedeniya [Traditional and modern models of reproductive behavior]. *Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik*. 1: 12-15. [in Russian]

GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [State archive of the Sverdlovsk region].

Golikova, 2001 – *Golikova, S.V.* (2001). Sem'ya gornozavodskogo naseleniya Urala XVIII-XIX vv: demograficheskie protsessy i traditsii [The Family of the mining population of the Urals in the 18th-19th centuries: demographic processes and traditions]. Ekaterinburg, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 195 p. [in Russian]

Klimenko, 2020 – *Klimenko, N.S.* (2020). Gendernye interpretatsii reproduktivnykh strategii v kul'ture sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Gender interpretations of reproductive strategies in the culture of modern russian society]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 3(44): 41-45. [in Russian]

Konchakovskaya, 2016 – *Konchakovskaya, N.B.* (2016). Materinstvo i detstvo v gorodskom prostranstve Srednego Urala vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov [Motherhood and childhood in the urban space of the Middle Urals in the second half of the 19th - early 20th centuries]. *Rossiiskaya povsednevnost' XIX – XX vekov: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University, pp. 73-77. [in Russian]

Lakhtionova, 2019 – *Lakhtionova, E.S.* (2019). Mir zhenskikh grekhov i prestuplenii v krest'yanskoj srede na Srednem Urale XIX – nachala XX v. [The world of women's sins and crimes in the peasant environment in the Middle Urals in the 19th – early 20th centuries]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya*. 2(7): 15-25. [in Russian]

Listova, 1999 – *Listova, T.A.* (1999). Narodnaya religioznaya kontseptsiya zarozhdeniya i nachala zhizni [Folk religious concept of the origin and beginning of life]. *Russkie. Sbornik statei*. Moscow, Nauka, pp. 684-692. [in Russian]

Mikhel', 2007 – *Mikhel', D.V.* (2007). Obshchestvo pered problemoi infantitsida: istoriya, teoriya, politika [Society facing the problem of infanticide: history, theory, politics]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 5(4): 439-458. [in Russian]

Minenko et al., 2006 – *Minenko, N.A., Apkarimova, E.Yu., Golikova, S.V.* (2006). Povsednevnyaya zhizn' ural'skogo goroda. XVIII – nachalo XX v. [Everyday life of the Ural city. XVIII – early XX centuries]. Moscow, Nauka, 384 p. [in Russian]

Mironov, 2000 – *Mironov, B.N.* (2000). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticeskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of Russia in the period of the empire (XVIII – early XX centuries): genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 2, 566 p. [in Russian]

Miroshnichenko, 2012 – *Miroshnichenko, M.I.* (2012). Reproduktivnoe povedenie zhenshchin Urala v 1920-e – pervoi polovine 1930-kh gg. [Reproductive behavior of women in the Urals in the 1920s – the first half of the 1930s]. *Istoricheskaya demografiya*. 1: 42-45. [in Russian]

Mitsyuk, Pushkareva, 2019 – *Mitsyuk, N.A., Pushkareva, N.L.* (2019). «Plodoizgnanie» kak osnovnoi sposob kontrolya rozhdamosti u krest'yanok XIX v. ["Fructification" as the main method of birth control among peasant women of the 19th century]. *Vestnik Smolenskoj gosudarstvennoj meditsinskoj akademii*. 18(3): 159-170. [in Russian]

Mukhina, 2012a – *Mukhina, Z.Z.* (2012). Plodoizgnanie i kontratseptsiya v traditsionnoj krest'yanskoj kul'ture Evropejskoj Rossii (vtoraya polovina XIX – 30-e gg. XX v.) [Fructification and contraception in the traditional peasant culture of european Russia (second half of the 19th – 30s of the 20th century)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3: 147-160. [in Russian]

Mukhina, 2012b – *Mukhina, Z.Z.* (2012). Poslerodovoi period v zhizni krest'yanki poreformennoi Rossii (preimushchestvenno tsentral'nykh gubernii) [The postpartum period in the life of a peasant woman in post-reform Russia (mainly in the central provinces)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 4. 3: 7-17. [in Russian]

Mukhina, Pushkareva, 2012 – *Mukhina, Z.Z., Pushkareva, N.L.* (2012). Zhenshchina i zhenskoe v traditsionnoj russkoj seksual'noi kul'ture (do i posle velikikh reform XIX veka) [Woman and feminine in traditional Russian sexual culture (before and after the great reforms of the 19th century)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 3(20): 43-55. [in Russian]

Narodnye pesni..., 1901 – *Narodnye pesni, nagovory, zagadki, skorogovorki i poslovitsy, zapisannye v Aleksandrovskoi volosti Solikamskogo uezda Permskoi gubernii v 1890 i 1891 gg.* P. A. Nekrasovym [Folk songs, slander, riddles, tongue twisters and proverbs recorded in the Aleksandrovskaya volost of the Solikamsk district of the Perm province in 1890 and 1891. P.A. Nekrasov]. *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya*. 1901. T. XXII, pp. 189-194. [in Russian]

Podrobnyi ukazatel' del, 1893 – *Podrobnyi ukazatel' del Permskogo istoricheskogo arkhiva. Dela ugovolnye Cherdynskogo uezdnogo suda* [Detailed index of cases of the Perm historical archive. Criminal cases of the Cherdynsky uyezd court]. *Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Vol. II, pp. 150-178. [in Russian]

Pushkareva, 1989 – *Pushkareva, N.L.* (1989). Zhenshchiny Drevnei Rusi [Women of ancient Rus']. Moscow, Mysl', 286 p. [in Russian]

Pushkareva, 2017 – *Pushkareva, N.L.* (2017). Reproduktivnoe povedenie russkikh zhenshchin (X-XXI vv.): vliyaniye pravoslavnoy i etakraticeskogo gendernykh poryadkov [Reproductive Behavior of (X-XXI vv.): vliyaniye pravoslavnoy i etakraticeskogo gendernykh poryadkov]

Russian Women (X-XXI Centuries): Influence of Orthodox and Etacritic Gender Orders]. *Missiya antropologii i etnologii: nauchnye traditsii i sovremennyye vyzovy. Sbornik materialov. Izhevsk, Institute of Ethnology and Anthropology. N.N. Miklukho-Maclay RAS, p. 281. [in Russian]*

Pushkareva, Mitsyuk, 2021 – *Pushkareva, N.L., Mitsyuk, N.A. (2021). Zarozhdenie biopoliticheskoi modeli kontrolya rozhdaiemosti v XIX – nachale XX v. [The origin of the biopolitical model of birth control in the 19th – early 20th centuries]. Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki. 19 (3): 421-435. [in Russian]*

Slova, poslovitsy, 1890–1891 – *Slova, poslovitsy, pogovorki, primety i pesni, zapisannyye v Permskom uезде F.N. Panaevym [Words, proverbs, sayings, signs and songs recorded in the Perm district by F.N. Panaev]. Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya. 1890–1891. T. XII. Vyp. 2, pp. 60-65. [in Russian]*

Zyryanov, 1859 – *Zyryanov, A.N. (1859). Pesni, zapisannyye v Shadrinskoy uезде [Songs recorded in the Shadrinsk district]. Permskii sbornik. Moscow, Tipografiya Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov. Vol. 1, pp. 101-115. [in Russian]*

Девииации в репродуктивном поведении русских крестьянок Среднего Урала (XIX – начало XX в.)

Елизавета Сергеевна Лахтионова ^{a, *}, Ирина Геннадьевна Полякова ^a

^aУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются варианты репродуктивного поведения русских женщин, которые рассматривались в крестьянской среде как девиации. Цель статьи – изучить конкретные виды девиантного поведения, а также выявить факторы, обуславливавшие их появление и устойчивое присутствие в повседневной жизни русских крестьян Среднего Урала.

Основными источниками являются неопубликованные материалы (судебно-следственные дела), дающие возможность детально изучить конкретные случаи девиантного поведения с дальнейшей оценкой причин и последствий их присутствия в жизни крестьянок. Также были использованы опубликованные источники (записи фольклора), позволяющие проанализировать отношение крестьян к той или иной форме девиантного репродуктивного поведения. Проведенное исследование помогло выявить «болевые точки» в репродуктивной культуре русских крестьян в XIX – начале XX вв.: добрачные интимные отношения, последующая внебрачная беременность, стремление скрыть ее разными методами (аборт, убийство уже рожденного ребенка), девиантное родительство в виде отказничества. Эти явления считались отклонениями от нормы, так как основным предназначением женщины в то время было рождение детей в браке, который являлся единственным регулятором рождаемости в традиционном обществе. За отступление от принятых норм женщину ожидали разного рода наказания: от морального осуждения до реального срока на каторге. Несмотря на это, в повседневной жизни крестьян регулярно встречались обозначенные выше девиации.

Делается вывод о том, что среди факторов, способствовавших девиантному репродуктивному поведению крестьянок, можно выделить психологические (зависимость от общественного мнения, понятия о грехе и преступлении), социокультурные (репродуктивное «предназначение» женщины, низкий уровень грамотности женщин), материальные (неспособность молодой женщины обеспечить своего внебрачного ребенка).

Ключевые слова: репродуктивное поведение, девиации, крестьянство, женщина, Средний Урал, детоубийство, грех, преступление.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: elza1982@yandex.ru (Е.С. Лахтионова), irinapolykova@yandex.ru (И.Г. Полякова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 176-187
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.176

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Escapes of Russian Ideas”: the Main Stages in the Formation of a Pro-Russian Public in the North-Western Territory in the first half of the 19th century

Oksana O. Zavyalova ^{a, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

Based on a broad empirical base, the article highlights the stages in the formation of a pro-Russian public in the Northwestern Territory as a special intellectual and sociocultural phenomenon in the first half of the 19th century. An analysis of the socio-cultural and socio-political factors that contributed to the emergence and development of this ideological direction, which sought to establish cooperation between the imperial authorities and the educated society of the outlying region, was carried out.

The formation of a pro-Russian public was a reaction to the dominance of the Polonized social elite in the northwestern provinces of the Russian Empire, which defended the Polish national project, which competed with the idea of imperial unification of the western outskirts. The history of the region, rich in events of foreign development, influenced the public consciousness of its inhabitants, contributing to the strengthening of both regional separatism and loyalism, the essence of which was the realization of the possibility of successful and conflict-free development of the region as part of Russia.

It is concluded that in the specific historical and cultural conditions of the northwestern provinces by the beginning of the 1860s in the environment of the pro-Russian oriented public, two main ideological currents took shape, one of which was based on the estate principle and was represented by local gentry loyalists, and the other by a nationally oriented and conservative-patriotic group of local figures. At the same time, representatives of the pro-Russian oriented public were distinguished by a clear worldview that the full development of the “Western Russian people” and the preservation of the original ethnic, cultural and religious image of the North-Western Territory is possible only if the region has organic ties with Russia and upholds the sovereign idea of an imperial heterogeneous state with an East Slavic ethnic core.

Keywords: Russian Empire, Northwestern Territory, Alexander II, A.P. Zablotsky-Desyatovsky, pro-Russian public, national policy, public sphere.

1. Введение

В XIX столетии в Российской империи в контексте формирования представлений о самобытности русской цивилизации за историками, краеведами, архивистами, литераторами постепенно закрепились значимая социальная роль творцов государственной идеологии. В эпоху «нациестроительства» российские и европейские интеллектуалы способствовали развитию процесса самосознания национальных сообществ, формированию их представлений о себе, о своих исторических истоках. В Российской империи представители образованного общества как в центре, так и на окраинах могли участвовать в формировании государственной политики, направленной на интеграцию окраинного населения в общеимперское символическое пространство, опираясь на определенные версии интерпретации прошлого, разрабатывая альтернативные модели системы управления окраинными регионами и проекты их реформирования. Благодаря своим научным и творческим изысканиям они

* Corresponding author

E-mail addresses: zavyalova@sfedu.ru (O.O. Zavyalova)

становились проводниками политики общерусской идентичности, в общем смысле понимаемой как «любая мобилизация, имеющая отношение к политике и культуре» (Bernstein, 2005: 48).

В северо-западных губерниях Российской империи, где частью колонизированной социальной элиты транслировался конкурирующий национальный проект, в среде местных интеллектуалов происходило формирование пророссийской ориентации, ставшей ответом на польские политические и социальные притязания, которые после двух Польских восстаний (1830–1831 гг., 1863–1864 гг.) ассоциировались у данной части местного образованного общества с агрессией, подавлением, порабощением, экономическим и культурным гнетом, довлеющим над простым населением региона. Цель данного исследования заключается в выявлении основных внутривнутриполитических факторов, способствовавших формированию пророссийски ориентированной региональной общественности северо-западных губерний как особого интеллектуального и социокультурного явления с характерной установкой на развитие сотрудничества между властью и образованным обществом в контексте решения стоящих перед окраинным регионом проблем. Ее представители стремились всемерно содействовать благим намерениям имперской власти «насадить в сердцах подданных своих единодушные к общим пользам, любовь к общему отечеству» (Коялович, 1869: 9), поддерживать реализуемый правительством политический курс в отношении Северо-Западного края. Данная установка, составлявшая основу мировоззрения части местной общественности, лояльной российскому правительству, объединяла ее с представителями русской умеренно-либеральной общественной мысли первой половины XIX века.

2. Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составило творческое наследие представителей пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края, их публицистические работы и записки, содержащие оценку общественно-политической ситуации в регионе в первой половине XIX века. Их анализ позволяет выявить критерии пророссийской ориентации определенного сегмента региональной общественности, ее представления о себе как о сообществе, чьи интересы совпадают с целями имперской администрации в окраинном регионе. Также источниками исследования послужили неопубликованные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация) и в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Особую значимость в рамках данного исследования представляет записка либерального бюрократа А.П. Заблоцкого-Десятовского, содержащая предложения по налаживанию взаимодействия между представителями власти и местной интеллектуальной элиты в деле развития «русских начал» в Северо-Западном крае и демонстрирующая усилия российских чиновников по привлечению интеллектуального потенциала общественности для обеспечения социального согласия в регионе в сложных условиях модернизационных изменений второй половины XIX века. Один ее вариант, обсуждаемый в салоне великой княгини Елены Павловны в начале 1860-х гг., хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 58). Другой, переданный на рассмотрение министру внутренних дел Д.Н. Блудову и представленный Александру II в феврале 1862 года, а также материалы, связанные с учреждением «Западнорусского общества» – в Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 3, Д. 4).

Для комплексного анализа научной проблемы применяется современная интерпретация концепта «общественность», которая отождествляется с понятием «образованное общество» в значении активного образованного меньшинства, выражавшего мнение «безмолвного большинства», в той или иной степени вовлеченного в процесс обсуждения общих проблем, т.е. коммуникативный процесс, в результате которого и формируется общественная мысль (Гросул, 2003: 265; *Общественная мысль России, 2020: 12-13, 17*). Историко-генетический метод, используемый в работе, позволил выделить и рассмотреть основные этапы развития пророссийски ориентированной общественности в Северо-Западном крае как отдельной социокультурной группы.

В рамках настоящего исследования представлено в современном политическом и социологическом дискурсе понятие «лоялист» наполняется конкретным историческим содержанием и применяется по отношению к представителям пророссийски ориентированной общественности северо-западных губерний рассматриваемого периода. В социологическом дискурсе в самом общем смысле под определением «лоялист» понимается актер общественно-политической жизни, выступающий приверженцем действующего политического режима и противостоящий его оппонентам, тяготеющий к умеренным общественно-политическим группам (Бобрович и др., 2018: 20). Использование данного определения в контексте научной проблемы исследования позволяет сформировать целостное представление о пророссийски ориентированной окраинной интеллектуальной элите рассматриваемого региона.

3. Обсуждение

Проблемы формирования региональной общественности в Российской империи и ее взаимодействия с властью выступали объектом большого количества исследований зарубежных и

отечественных авторов. Особое внимание уделялось вопросам воспроизводства элит на национальных окраинах империи, рассматривались факторы и конкретные управленческие практики, обеспечивающие лояльность со стороны образованного общества по отношению к Российской империи и ее институтам (Западные окраины..., 2007; Комзолова, 2005).

Анализ отдельных аспектов деятельности интеллектуальной элиты Северо-Западного края предпринимался рядом современных белорусских, литовских и польских исследователей. Внимание белорусских и литовских авторов привлекали проблемы социального состава и мировоззренческих установок общественных деятелей, участвовавших в формировании и продвижении белорусского национального проекта, анализировалось творчество отдельных интеллектуалов в контексте русско-польского цивилизационного противостояния в белорусско-литовских землях (Киселев, 2006; Романчук, 2020; Смоленчук, 2007; Теплова, 1999; Spatial concepts of Lithuania, 2016). Дальнейшее развитие в современной историографии получил подход, в соответствии с которым западные окраинные регионы Российской империи рассматриваются как пространство сосуществования нескольких идентичностей – польской, литвинской, белорусской и западнорусской, в конструирование которых были втянуты как общеимперская, так и локальная интеллектуальная элиты (Шимукович, 2017: 4). Также объектом исследований выступал процесс взаимодействия власти с различными слоями и группами населения в контексте формирования в бюрократической и общественной среде критериев русскости, а также совместная деятельность русских либеральных бюрократов и славянофильских общественных деятелей по упрочению общерусского единства в Северо-Западном крае (Западные окраины..., 2007: 137, 173; Сталюнас, 2004).

Подавляющее большинство исследований сосредоточено на рассмотрении вопросов реализации имперской национальной политики в Северо-Западном крае. Проблема формирования пророссийски ориентированной региональной общественности северо-западных губерний как особого интеллектуального и социокультурного явления не становилась объектом отдельного комплексного исследования. Данная проблематика рассматривалась в рамках анализа идейного наследия того или иного общественного деятеля – выходца из северо-западных губерний, что не позволяло выявить общие идейно-теоретические установки лояльной имперскому центру местной интеллектуальной элиты, ориентирующие ее на взаимодействие с имперскими властями в контексте формирования национальной политики Российской империи.

4. Результаты

Формирование общественности на окраинах Российской империи было обусловлено рядом этнических, политических, конфессиональных, экономических и социокультурных факторов и особенностей, характерных для того или иного региона. Специфика социальной и общественно-политической ситуации в северо-западных губерниях России, ставших «зоной» столкновения конкурирующих русского и польского ассимиляторских проектов, местом этнического, религиозного и культурного противостояния и взаимодействия обуславливала особенности развития интеллектуальной сферы и общественно-политической деятельности в Северо-Западном крае, оказала определяющее влияние на формирование идейных установок, разделяемых региональной общественностью, а также определила характер окраинной публичной сферы, понимаемой как пространство взаимодействия представителей местной администрации и образованного общества.

Значимым историко-культурным фактором формирования общественности в Северо-Западном крае выступала ностальгия по политическому наследию Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, ментальная установка части местной элиты на поддержку идеи возрождения государственности. Богатая событиями иногосударственного развития история края влияла на общественное сознание его жителей, способствуя укреплению как регионального сепаратизма, так и лоялизма, суть которого состояла в осознании возможности успешного и бесконфликтного развития региона в составе Российской империи. Лояльность выступает одним из значимых факторов стабилизации политической системы и понимается прежде всего как поддержка власти обществом (Лукин, 2005). Она также связана с понятием политического доверия, приверженности и симпатии к проводимому политическому курсу.

Лоялисты Северо-Западного края в рассматриваемый период были настроены конструктивно по отношению к верховной власти, поддерживали доминирующие в социуме институты, идеологические и религиозные установки, имели конвенциональную гражданскую и политическую позицию. При этом представители пророссийски ориентированной общественности северо-западных губерний в рамках конструктивной критики правительственной политики могли предлагать отдельные меры, направленные на корректировку политического курса или на расширение проводимых преобразований в контексте официального управленческого дискурса.

Для лоялистов было характерно одобрение консолидирующих действий российского правительства и генерирование конструктивных интегративных идей и предложений, противостоящих альтернативным ассимиляторским проектам и направленным на формирование проправительственных настроений среди простого населения окраины. Данная задача была отчетливо выражена в записке одного из видных представителей пророссийски ориентированной

общественности края униатского священника Иосифа (Семашко) «О положении в России Униатской Церкви и средствах возвратить оную на лоно Церкви Православной» от 5 ноября 1827 года. В ней он, окончательно разочаровавшись в католицизме, отмечал, что желал бы видеть полуторамиллионное униатское население края, «ежели не совершенно дружными, то и не враждебным к старшим своим братьям, – видеть сей народ усердным к вере своих предков, к пользам своего отечества, к службе общего отца – государя!» (Коялович, 1869: 10).

Одной из мировоззренческих и социокультурных основ пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края стало особое идейное и общественно-политическое течение – западнорусизм, формировавшееся в Российской империи в середине – второй половине XIX столетия. С момента своего возникновения оно включало ряд консервативных ценностных установок, базировалось на славянофильской триаде «православие – народность – самодержавие» и выступало, с одной стороны, как разновидность местной русской идентичности, и с другой – как основа для развития «донациональной идентичности» белорусов и малороссов (Долбилов, 2010: 493). Формирование западнорусской идеологии происходило в контексте изменения национальной политики Николая I в 1830-е гг. и конструирования национально-государственной доктрины. После Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. российское правительство обратило пристальное внимание на интерпретацию истории северо-западных губерний, поставив перед исторической наукой новую политическую задачу создания официального исторического нарратива о прошлом региона как неотъемлемой части русских земель. У истоков концепции исконной «русскости» Северо-Западного края стояли русские историки Н.Г. Устрялов и М.П. Погодин. В одном из своих писем к М.П. Погодину инспектор Ковенской дирекции народных училищ Д.Р. Каширин называл Погодина одним из первых деятелей, принявших «участие к водворению русских начал в Западном крае» (РГИА. Ф. 1108. Оп. 1. Д. 126. Л. 3). Н.Г. Устрялову принадлежало характерное для западнорусизма обоснование антипольских настроений через призму событий прошлого Западной Руси, пронизанных борьбой с польским «игмом» (Устрялов, 1839: 39).

Лоялизм в среде образованного меньшинства, развивавшийся в Северо-Западном крае Российской империи как определенная политическая позиция, основывался не на принуждении или материальной заинтересованности, а скорее был выражением сознательного идейного выбора в пользу официальной имперской идеологии и общерусского патриотизма. Тем не менее зачастую стимулирующим фактором формирования лояльного отношения к власти выступало желание достичь успехов в построении личной карьерной траектории (РГИА. Ф. 802. Оп. 8. Д. 25885. Л. 9). Для представителей пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края было характерно конструирование «воображаемого сообщества» – Западной России, где при условии сохранения польской экономической и культурной гегемонии невозможно «свободное существование и свободное развитие литовского, белорусского, малороссийского элемента» (Коялович, 2011: 514). В контексте подобных представлений православие занимало особое место – оно, по мнению части лоялистов, выступало мощным стимулом для развития среди местного населения симпатий по отношению к России. Приверженность православной религии и отношение к ней как к русскому культурно-историческому базису являлись значимыми нормативно-ценностными константами части региональных лоялистов, признававших за православием мощный культурный и ассимиляторский потенциал.

Однако среди лояльной правительству общественности края наблюдается попытка выработать критерии русскости и вне контекста православия. Пророссийски ориентированная общественность в регионе, осознававшая свою зависимость от российской власти, пыталась найти способы коммуникации с ее представителями и артикулировала идею гибких способов сочетания региональной самобытности, местных культурных особенностей и отличий с общерусским единством и имперскими ценностными установками. Представители местной общественности, лояльные российской власти, осознавали, что поддержка формирующейся западнорусской идентичности, сохранение в крае специфических обычаев и нравов возможно исключительно под эгидой Русской государственности. Во второй половине 1860-х гг., когда образованная элита края выступала против крайних действий русификаторов, данную мысль последовательно выражал местный публицист Е.А. Лопушинский, не признававший за православием особого значения в формировании идентичности местных русских уроженцев. Он писал: «Несмотря на все беды, причиняемые нам Москвою, она может положиться на нас как на каменную гору. От Москвы мы не отстанем, если бы даже она сама этого пожелала: мы крещены во имя ее огнем и кровью, исхода нет, деваться нам некуда, без Москвы самое бытие наше немислимо, и нравственно и физически невозможно» (Долбилов, 2010: 494).

В силу целого ряда исторических, политических, этнических и конфессиональных факторов развития Северо-Западного края в составе Российской империи в первой половине XIX столетия можно выделить несколько этапов в формировании региональной пророссийски ориентированной общественности как особого интеллектуального и социокультурного явления.

Первый этап в становлении пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края был связан с интеграционными усилиями николаевского правительства в 1830-е гг., выраженными в антиуниатской деятельности, направляемой товарищем министра народного просвещения и заведующего духовными делами иностранных вероисповеданий Д.Н. Блудовым.

Крупный государственный сановник граф Д.Н. Блудов был сторонником интеграционного курса в отношении Западной России, обозначенного в период правления Николая I и выразившегося в попытках остановить полонизацию и латинизацию унии.

Николай I, определив в качестве одной из задач своей национальной политики интеграцию северо-западных губерний в состав империи, искал действенные способы превращения местного населения в лояльных подданных России. Его меры по делатинизации униатского обряда, предпринятые в конце 1820-х гг., привели к возникновению и активизации среди униатов движения за возвращение в православное вероисповедание, а новое поколение образованного униатского духовенства, симпатизирующее православию, приняло участие в разработке реализованного проекта ликвидации унии (Романчук, 2017: 261). Возникновение пророссийских настроений и симпатий к православию в среде греко-католического духовенства стало ответом на процесс латинизации и полонизации унии в северо-западных губерниях, запущенный при Павле I. В своих воспоминаниях о 1820-х гг. архиепископ Антоний (Зубко) выразил настроения, распространенные в этот период в среде униатской интеллектуальной элиты: «Я видел ясно несправедливость гнета польского ультрамонтанства над унитами. Я возмущался при мысли о низком состоянии, в котором находились униты, и во мне возбуждалось рвение содействовать, по мере моих сил, к возвышению их путем просвещения» (Антоний (Зубко), 1889: 49). В размышлениях об этом же периоде митрополита Литовского Иосифа (Семашко) отразился характерный для первого поколения лоялистов Северо-Западного края выбор в пользу «меньшего зла» – православия, которое в начале 1820-х гг. воспринималось ими как «враг», но более «извиняемый», чем дружественная римско-католическая церковь (Иосиф (Семашко), 1883: 20). Начиная с конца 1820-х гг., когда в среде части униатского духовенства распространяется осознание невозможности остановить процесс слияния униатской церкви с польским католичеством, происходит оформление основополагающей задачи, стоявшей перед региональными лоялистами и четко обозначенной М.О. Кояловичем как «великая мысль о защите западно-русского народа от латинской Польши и о сближении его с православной Россией», «спасение в Западной России русской веры и русской народности» (Коялович, 1869: 6, 8). Иосиф (Семашко) одним из первых повел решительную борьбу с последствиями полонизации северо-западных губерний в сфере духовного образования, в первую очередь обратив внимание на языковую проблему в крае (Иосиф (Семашко), 1883: 572).

Среди культурно-исторических и конфессиональных факторов, способствовавших складыванию идейно-теоретических оснований пророссийской ориентации в среде образованного общества края, следует выделить отмеченное М.О. Кояловичем возникшее среди униатского духовенства стремление противодействовать «школе полонизма и латинства», «польской образованности» и «внутренней лжи великолепного по внешности просвещения», укоренившихся в Виленском университете и Главной католической семинарии при нем (Коялович, 1869: 2-3). О сформировавшейся в Виленском учебном округе «общей системе польского образования» негативно отзывался и один из учеников М.О. Кояловича историк П.Н. Жукович (Жукович, 1887: 280). В первом поколении региональных лоялистов укоренилось представление о необходимости во избежание денационализации восточнославянского населения дать отпор и монашескому базилианскому ордену, выражавшему в своей деятельности «польский аристократизм и латинский фанатизм».

М.О. Коялович отмечал, что в 1820-е гг. в Западной России еще не сложилась сильная «партия», способная поддержать дело борьбы западнорусского народа с католическим прозелитизмом (Коялович, 1869: 12). Схожее мнение в 1861 году выскажет один из корреспондентов газеты «День», который отметит, что в 1830-е гг. в литовских землях отсутствовало «самобытное русское направление» (Елагин, 1861: 7). Однако, по мнению Кояловича, уже в 1830-е гг. из общей массы униатов только начал выделяться круг единомышленников священника Иосифа (Семашко), симпатизировавших православию и стремившихся возродить исторические традиции православной культуры среди местного населения. Это новое поколение образованной молодежи обучалось в Жировицкой и Полоцкой духовных семинариях (Коялович, 1869: 31). Сам Коялович получил первоначальное образование в Супрасльском духовном училище, находившемся в той местности, где не прекращалась «народная борьба белорусского элемента с пришлым элементом польским» (Коялович, 2011: 527). В 1830–1840-е гг. духовные учебные заведения стали «кузницей» кадров лояльной российскому правительству общественности.

Окончательное воссоединение с Русской церковью белорусских и малороссийских униатов на Полоцком соборе 1839 года привело к «возбуждению и подъему русского духа» и консолидации тех представителей образованного общества из униатского клира, которые не желали полонизации и латинизации униатских церковных обрядов. В этот период подготовки и проведения религиозной реформы лояльность к российской власти оформлялась преимущественно в клире униатской церкви. На первом из выделяемых этапов формирования пророссийски ориентированной общественности в Северо-Западном крае священник Иосиф (Семашко) своей активной общественной и профессиональной деятельностью во многом способствовал социальной консолидации вокруг официального политического курса, проводимого имперскими властями в Северо-Западном крае.

В качестве отдельного этапа в формировании лояльной российскому правительству общественности окраинного региона следует выделить насыщенный событиями период второй половины 1850 – начала 1860-х гг., ознаменовавшийся либерализацией политического режима, запуском нового «модернизационного витка» и мощным общественно-политическим подъемом в России, который получил свое выражение и на имперских окраинах. Стремление к преобразованиям, охватившее русское общество, привело к активизации польского национального движения на западных окраинах империи. В таких условиях, когда, по словам современников, наступило время «великих начинаний, умственной и нравственной капитализации», «постепенного обновления России» (ОР РГБ. Ф. 334. Кар. 2. Д. 22. Л. 14; ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 43. Д. 22. Л. 3), осмысление польского вопроса являлось составной частью общей умственной и практической деятельности, направленной на преодоление негативных тенденций предшествующего царствования, связанных с невозможностью для общественности выражать свою точку зрения по злободневным проблемам действительности.

Активизация общественной деятельности в Северо-Западном крае ярко проявилась в попытках создания сельскохозяйственного, кредитного и научного обществ, которые могли стать публичными площадками для обсуждения перспектив развития края. Так, например, в 1859 году по итогам дворянского съезда в Минске был подготовлен адрес на имя Александра II, который, наряду с просьбой разрешить создание местных обществ, ходатайствовал о восстановлении Виленского университета и призывал к объединению исторической Литвы с Царством Польским (Gieisztort, 1913: 80). В этот же период общественные деятели Я. Гейштор и Ф. Далевский для руководства общественным мнением в северо-западных губерниях предлагали создать «организацию граждан», состоящую из двух представителей общественности от каждой губернии – «гражданских активистов», которые в рамках своей общественной деятельности оказывали бы влияние на молодое поколение и «образованный народ», способствовали бы скорейшему решению крестьянского вопроса, а также вели бы антизаговорщическую пропаганду (Sobolewsky, 1977: 15). В начале 1860-х гг. программа деятельности данного объединения, включавшего наиболее активных дворян края, базировалась на идеях расширения возможностей для выражения общественного мнения и консолидации общественных усилий по проведению реформаторской и просветительской работы в регионе. С деятельными членами «организации граждан» – минским и гродненским предводителями дворянства А.Д. Лаппой и графом В.М. Старжинским – осенью 1861 года в Петербурге встречался министр внутренних дел П.А. Валуев, обсуждавший с ними возможные меры по привлечению польского дворянства на сторону российского правительства. Следует отметить, что среди местной общественности не было единства в вопросе о формах взаимодействия с имперскими властями. Так, в частности, виленский предводитель дворянства А.Ф. Домейко, также встречавшийся в это время с Валуевым, не разделял позицию «гражданских активистов», считая, что они подменяли собой деятельность органов российской администрации в крае (Gieisztort, 1913: 206). На примере деятельности А.Д. Лаппы и В.М. Старжинского можно выявить одну из траекторий поведения части пророссийски ориентированной общественности накануне эскалации русско-польского конфликта, которая стремилась использовать покровительство высших сановников империи в своих интересах, рассчитывая с их помощью на укрепление «польских начал» в крае в обмен на сохранение политической лояльности.

Выразителем лояльного российскому правительству общественного мнения Северо-Западного края в начале 1860-х гг. выступал граф В.М. Старжинский. П.А. Валуев отмечал стремление Старжинского сделаться «литовским Велипольским», готовым выступить проводником политики «примирения» в крае (Валуев, 1961: 168). В 1861 году Старжинский дважды обращался к П.А. Валуеву, отстаивая идею инкорпорации Литвы в состав России и решения польского вопроса путем расширения самостоятельности общественной деятельности и проведения преобразований в сфере просвещения. Он также выступал с предложением даровать административную автономию Литве, восстановить университет в Вильне и создать представительное учреждение с участием местного дворянства. По его мнению, реализация указанных предложений могла бы способствовать установлению «братского согласия» между русскими и поляками (Комзолова, 2005: 123-124). В ноябре 1862 года при посредничестве Валуева Старжинский дважды смог получить высочайшую аудиенцию у Александра II и представить императору особую записку о положении Западного края, в которой он предлагал наладить постоянные совещания с представителями местного дворянства. Свою записку Старжинский представил и наместнику Царства Польского великому князю Константину Николаевичу (Милютин, 1999: 406).

Своеобразной точкой отсчета в идейном размежевании в среде местной общественности, ориентированной на сотрудничество с имперскими властями, стали события 1861 года, когда в Западном крае после первых жертв демонстраций в Варшаве февраля–марта этого года прокатилась волна польских манифестаций. На фоне радикализации общественных настроений большая часть местной интеллектуальной элиты пошла по пути конфронтации с российской властью, пополняя ряды радикальных организаций. Весной 1863 года во взглядах на политику в Западном крае с имперской администрацией окончательно разошелся и В.М. Старжинский, не принявший правительственный подход к решению крестьянского вопроса, считая, что указ от 1 марта 1863 года об обязательном выкупе

крестьянских наделов вел к «социальному перевороту», оскорблению «польского элемента» в Литве и обнищанию местных помещиков (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 38. Д. 23. Ч. 81. Л. 25, 28; Комзолова, 2005: 131).

На формирование пророссийски ориентированной общественности существенное влияние оказало развитие социокультурных практик дворянских литературных салонов и кружков 1840–1850-х гг., выступавших центрами притяжения прогрессивных общественных деятелей. Данная тенденция была характерна для Северо-Западного края, наиболее известным интеллектуальным центром которого в конце 1850 – начале 1860-х гг. являлся литературный салон виленского издателя и публициста А.К. Киркора, отстаивавшего идею русско-польского примирения. Польские интеллектуалы, входившие в данный кружок, разделяли идею его главы о необходимости культурного сближения поляков с русскими и публичной поддержки политического курса российского правительства, направленного на установление русско-польского согласия. В 1858 году к приезду Александра II в Вильну члены кружка подготовили сборник статей и стихов, известный под названием «Виленский альбом», который был проникнут любовью и уважением к России и новому императору, распространенной в интеллектуальной элите белорусско-литовских губерний верой в «добрые намерения» монарха (Банашкевич, 2022: 395). В своем стихотворении в честь Александра II «Да придет царствие Твое» виленский писатель и публицист А.Ф. Одынец с восторгом отзывался о подготовке крестьянской реформы. Верноподданнический характер «Виленского альбома» вызвал возмущение у польских националистов и навлек на его составителей несправедливые упреки в заискивании перед правительством.

Одной из значимых площадок развития культурной и литературной жизни Северо-Западного края стал журнал «Атенеум», выходивший под редакторством крупного польского писателя, публициста и издателя Ю. Крашевского с 1841 по 1851 гг. За период своего существования журнал превратился в цельную «картину духовной жизни литовско-русской провинции» (Ciechowski, 1911: 103), став рупором литвинской идеологии посредством публикации материалов об истории и культуре земель, входивших в состав Великого княжества Литовского. Именно на его страницах в статье польского историка А. Пршездецкого была впервые высказана идея об организации общедоступного национального музея в Вильне, способного сыграть важнейшую роль в просвещении края (Przedziecki, 1842: 195). Личность и творчество Ю. Крашевского оказали значительное влияние на деятельность умеренных прогрессистов и лоялистов А. Киркора, Е. Тышкевича, Т. Нарбута, М. Балинского в рамках образовавшегося в 1855 году нового научно-просветительского общества – Виленской временной археологической комиссии (далее – ВВАК), призванной компенсировать отсутствие университета в крае и своим созданием ознаменовавшей практическое воплощение нового правительственного курса в отношении северо-западных губерний. В ее рамках была создана комиссия из представителей местной общественности для разработки устава нового научного общества (Stolzman, 1983: 53). Торжественное открытие Виленского музея древностей (далее – ВМД), состоявшееся в апреле 1856 года, стало значимой вехой в выстраивании нового сценария властно-общественного взаимодействия в крае (Лавринец, 2015: 254). На чрезвычайном заседании ВВАК при участии В.И. Назимова, сыгравшего большую роль в развитии ее деятельности, председатель комиссии и попечитель ВМД Е.П. Тышкевич, оценивая значение рескрипта наследника цесаревича Николая Александровича, принявшего под свое покровительство ВВАК и ВМД, отмечал, что августейшее покровительство является «надежным оплотом» долголетнего существования основанных им учреждений и «залогом будущего преуспевания» (Лавринец, 2015: 260). После подавления Январского восстания 1863–1864 гг. и формирования нового правительственного курса в отношении Северо-Западного края ВВАК и ВМД сторонниками политики М.Н. Муравьева стали рассматриваться как орудия «польско-католической пропаганды». В противовес этой точке зрения А.К. Киркор стремился продемонстрировать вполне лояльный характер деятельности данного научно-просветительского общества, отмечая, что на заседаниях ВВАК «всегда присутствовал попечитель округа, часто и генерал-губернатор», а протоколы заседаний составлялись на русском языке (Киркор, 1882: 124). Во второй половине 1850-х гг. ВВАК и ВМД стали институциональными площадками для реализации политики примирения, одними из активных участников которой выступали представители пророссийски ориентированной общественности края.

Отмена крепостного права ориентировала русское правительство на поиск новых подходов к интеграции Северо-Западного края в состав Российской империи. Подавляющее большинство населения региона, представленное белорусами и малороссами, рассматривалось имперскими властями как составная часть триединого русского народа, для которого было необходимо создавать новые условия для социально-экономического и культурного развития, свободного от угнетения со стороны «польских пришельцев» и ополяченных русских ренегатов. Для этого необходимо было ориентироваться прежде всего на местные интеллектуальные силы, на «русское общество» Западного края, которое, по словам Д.Р. Каширина, ждет поддержки и «возносит постоянно мольбы свои... ко внутренней России» (РГИА. Ф. 1108. Оп. 1. Д. 126. Л. 3).

Цельную программу нового политического курса в отношении Северо-Западного края с опорой на местный интеллектуальный слой в начале 1862 года разработал представитель либеральной бюрократии, выходец из Черниговской губернии А.П. Заблоцкий-Десятовский. В его записке были изложены основные административные и просветительские меры «плодотворной и прочной системы

противодействия полонизации» северо-западных губерний России. Наряду с административными мероприятиями Заблоцкий-Десятовский особое внимание уделял правительственной политике, способной привести к «возбуждению русского населения к деятельности, к развитию в материальном и умственном отношении», что позволило бы имперским властям успешно противостоять польским устремлениям и противодействовать дальнейшей полонизации региона, а также упрочить нравственное единение местного населения с Российским государством и властью (ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 58. Л. 30б.). Заблоцкий был убежден, что противодействовать польским политическим стремлениям следует с помощью развития в православном русском элементе края «нравственного сознания» (РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 3. Л. 38), а также путем всесторонней поддержки и развития местных народностей – белорусов, малороссов и литовцев, которые могли бы стать опорой правительства при проведении политики деполонизации края (РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 4. Л. 96об.).

Вскоре после начала Январского восстания 1863–1864 гг. Заблоцкий-Десятовский выступил с проектом создания Западнорусского общества, которое должно было стать дискуссионно-консультативной площадкой для консолидации представителей правительственных и общественных кругов, в том числе и представителей региональной общественности, способных выступить в качестве экспертов и оказать реальную помощь в деле «нравственного и экономического развития туземного населения западных губерний России» для генерации конструктивных смыслов и практик, способных противостоять дезинтеграционному воздействию польского оппозиционного национального движения. Он был убежден в невозможности защиты западнорусской народной стихии от давления польского элемента исключительно правительственными мерами без моральной и интеллектуальной поддержки русской общественной среды (РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 4. Л. 87–87об.). В связи с этим в Западнорусское общество должны были входить «лица, тесно связанные сочувствием к делу православия и русского народа в Западном крае», к которым относились бы как представители российской общественности, так и «местные деятели» (РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 4. Л. 93). Одной из важнейших задач Общества должно было стать «пробуждение» национального сознания местных народностей посредством культурно-просветительской деятельности и духовного развития, способствовавшего «упрочению их нравственного единения с общим Отечеством» и ограждавшего их от польско-католического влияния, из-за которого эти народы в течение долгого времени находились в состоянии настоящего умственного «летаргического сна» (РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 4. Л. 99). Центральным органом Общества должен был стать Совет, в который вошли бы такие видные общественные деятели, ученые и литераторы, придерживавшиеся консервативно-патриотических взглядов, как П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Ф.И. Тютчев, А.Ф. Гильфердинг, К.Н. Бестужев-Рюмин, К.К. Грот, М.О. Коялович и др.

Данная записка была передана на рассмотрение председателю Государственного совета Д.Н. Блудову, нашедшему ее «чрезвычайно полезной и заслуживающей внимания правительства» (РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 4. Л. 115). Проект создания Западнорусского общества был поддержан многими высокопоставленными лицами, однако вследствие сохранявшейся сословной ориентации правительственной политики он так и не был утвержден императором. На данном этапе российское правительство было не готово к открытому сотрудничеству с местной нарождающейся общественностью, опасаясь, что данный тандем помешает примирению с польской элитой региона.

5. Заключение

В первой половине XIX века пророссийски ориентированная общественность Северо-Западного края как особое социокультурное явление в своем становлении прошла несколько этапов, каждый из которых включал интеллектуальную рефлексию по вопросам выработки примирительной политики в регионе, консолидации интересов в среде местных интеллектуалов, поиск возможного консенсуса с российской властью в условиях трансляции конкурирующего проекта польской государственности.

Реформы царствования Александра II, расширившие имперскую публичную сферу и давшие мощный импульс развитию общественной самоорганизации, а также новый русификаторский вектор национальной политики имперских властей, явственно обозначившийся после Январского восстания 1863–1864 гг., ориентировали общественность северо-западных губерний на оценку правительственной политики по интеграции края в состав империи, вели к ее дальнейшему размежеванию на отдельные идейные направления. К началу 1860-х гг. в среде пророссийски ориентированной общественности выделяются два основных идейных течения. Одно из них основывалось на сословном принципе и было представлено местными шляхетскими лоялистами, демонстрировавшими готовность к политике примирения и уступок и отстаивавшими свое право на активную общественную и культурно-просветительскую деятельность в Северо-Западном крае. Представители этой части лояльной российскому правительству местной общественности выступали носителями польской идентичности, разделяли польские политические и культурные ценности и были готовы, поддерживая угодную позицию, договариваться с имперскими властями, стремясь к удовлетворению своих сословных требований, связанных с поддержанием доминирующего положения в регионе польской культуры и цивилизации. Деятельность представителей данного направления с началом эскалации русско-польского конфликта в 1860–1861 гг. приобретает все более ярко выраженный антиправительственный характер, утрачивая черты лоялизма.

Второе направление пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края было представлено национально-ориентированной и консервативно-патриотической группой местных деятелей, зародившейся в рядах тяготевших к православию униатских священников в 1830–1840-е гг. Данное направление, возобладавшее в период и после подавления Январского восстания, ориентировалось на решительную борьбу с «польским элементом» в крае, выступая за русификацию региона и поддерживая усиление в нем русского влияния и православных традиций. Его представители с начала 1860-х гг. активно поддерживали правительственную деятельность, направленную на деполонизацию региона, и участвовали в выработке идейных критериев его обрусения.

Следует отметить, что обозначенные идейные направления в среде лояльной российскому правительству общественности развивались в контексте формирования и поддержания западнорусской идентичности, апеллируя, с одной стороны, к общерусской истории края и связывая дальнейшее его развитие с универсальными общеимперскими ценностями. С другой стороны, они рассматривали западную ветвь русского народа в качестве самостоятельного субъекта истории, обладающего специфическими историко-культурными особенностями, тем самым закладывая основы для складывания белорусской и малороссийской идентичностей. При этом представителей пророссийски ориентированной общественности отличала четкая мировоззренческая установка на то, что полноценное развитие «западнорусского народа» и сохранение оригинального этнического, культурного и религиозного облика Северо-Западного края возможно только при поддержании органических связей с Россией и трансляции единой имперской идеи имперского гетерогенного государства с восточнославянским этническим ядром. Если часть пророссийски ориентированной общественности в качестве основы государственного единства рассматривала православное вероисповедание местного населения, которое следовало защитить от католического воздействия, то другие лоялисты считали возможным приобщение региона к общерусскому центру и без стирания религиозных различий, выдвигая на первое место политическую лояльность и приверженность русским государственным интересам.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00080 «Актуальные проблемы развития Российской империи в воззрениях пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края в 1850–1870-е гг.».

Литература

- Антоний (Зубко), 1889** – Антоний (Зубко), архиепископ. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России / *Сборник статей, изданных Св. Синодом по поводу 50-летия воссоединения с Православной Церковью западнорусских униатов*. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1889. С. 38-76.
- Банашкевич, 2022** – Банашкевич М.А. Адам Киркор и «польская газета, издаваемая в Петербурге»: из истории (само)восприятия ранней публицистики «Нового времени» (1868–1871 годы) / *Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве*. СПб.: Владимир Даль, 2022. С. 368-415.
- Бобрович, 2018** – Бобрович В.И., Марчинская Н.И. и др. Словарь терминов по политологии: сетевое электронное учебное издание. Мн.: МГЛУ, 2018. 40 с.
- Валуев, 1961** – Валуев П.А. *Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. I. 1861–1864 гг. 425 с.*
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Гросул, 2003** – Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX вв. Традиции и инновации. М.: Наука, 2003. 517 с.
- Долбилов, 2010** – Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.
- Елагин, 1861** – Елагин В.А. Несколько слов о Польше и Литве // *День*. 1861. № 8. 2 декабря. С. 7-9.
- Жукович, 1887** – Жукович П.Н. Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете (1803–1832) // *Христианское чтение*. 1887. № 3–4. С. 237-286.
- Западные окраины..., 2007** – Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 608 с.
- Иосиф (Семашко), 1883** – Иосиф (Семашко), митрополит. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора: в 3 т. СПб.: Тип. императорской Академии Наук, 1883. Т. 1. 745 с.
- Киркор, 1882** – Киркор А.К. Просвещение и народное творчество в Литве / *Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении*. СПб.: Тип. М.О. Вольф, 1882. Т. 3. Ч. 1: Литовское полесье. Ч. 2: Белорусское полесье. С. 97-136.
- Киселев, 2006** – Киселев А.А. Проблема белорусского языка в публицистике М.О. Кояловича (первая половина 1860-х гг. XIX в.) / *Личность-слово-социум: материалы 6-ой Междунар. науч.-практ. конф., 19–20 апреля 2006 г., г. Минск: в 2 ч. Мн., 2006. Ч. 2. С. 36-39.*

- Комзолова, 2005** – Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: «Наука», 2005. 383 с.
- Коялович, 1869** – Коялович М.О. О почившем митрополите Литовском Иосифе. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1869. 54 с.
- Коялович, 2011** – Коялович М.О. Шаги к обретению России. Мн.: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. 752 с.
- Лавринец, 2015** – Лавринец П. Владимир Назимов и Виленская временная археологическая комиссия // *Kova dël istorijos: Vilniaus senienų muziejus (1855–1915): mokslo straipsnių rinkinys, tarptautinė mokslinė konferencija, Vilnius, 2015 m. gegužės 7 – 8 d.* Vilnius, 2015. С. 251-262.
- Лукин, 2005** – Лукин В.Н. Культурологическая и институциональная традиции в исследовании гражданского общества // *Credo-New*. 2005. № 4(44). С. 112-121.
- Милютин, 1999** – Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М.: Российский архив, 1999. 559 с.
- Общественная мысль России..., 2020** – Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX в.: в 4 т. М: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 3. 486 с.
- ОР РГБ** – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Романчук, 2017** – Романчук А.А. Предпосылки упразднения унии в Российской империи в 1839 г. // *Труды Минской духовной академии*. 2017. № 14. С. 243-271.
- Романчук, 2020** – Романчук А.А. Причины возникновения движения к православию униатского духовенства в Российской империи в первой трети XIX века // *Тетради по консерватизму*. 2020. № 2. С. 293-317.
- Смоленчук, 2007** – Смоленчук А. Литвинство, западнорусизм и белорусская идея. XIX – начало XX в. // *Перекрестки*. 2007. № 1. Вып. 2. С. 5-17.
- Сталюнас, 2004** – Сталюнас Д. Проблема административно-территориальных границ в «национальной политике» имперской власти: Ковенская губерния в середине XIX века // *Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления*. Воронеж, 2004. С. 147-166.
- Теплова, 1999** – Теплова В.А. Михаил Осипович Коялович и русская православная историография. Послесловие / Коялович М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен. Мн.: Лучи Софии, 1999. С. 385-395.
- Шимукович, 2017** – Шимукович С.Ф. Белорусские региональные элиты периода «долгого XIX века» как предмет исторического исследования: обоснование понятия // *«Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории*. Мн.: РИВШ, 2017. Вып. 1. С. 3-12.
- Устрялов, 1839** – Устрялов Н.Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? СПб., 1839. 42 с.
- Bernstein, 2005** – Bernstein M. Identity politics // *Annual review of sociology*. 2005. Vol. 31. Pp. 47-74.
- Ciechowski, 1911** – Ciechowski W. Czasopisma polskie na Litwie // *Kwartalnik Litewski*. 1911. Т. 5. Pp. 101-124.
- Gieisztort, 1913** – Gieisztort J. Pamiętniki z lat 1857–1865. Wilno: Nakł. Now. Udz. Kurjer Litewski, 1913. 420 p.
- Przedziecki, 1842** – Przedziecki A. Galeria obrazow Postawska // *Athenaeum*. 1842. Т. 2. Pp. 194-202.
- Sobolewsky, 1977** – Sobolewsky M. Partie i systematy partyjne swiata kapitalistycznego. Warszawa: Państw. Wyd-wo nauk, 1977. 525 s.
- Spatial concepts of Lithuania, 2016** – Spatial concepts of Lithuania in the long Nineteenth century / Ed. by D. Staliūnas. Boston, 2016. 478 p.
- Stolzman, 1983** – Stolzman M. O wileńskiej inteligencji. 1830–1863 // *Inteligencja polska XIX i XX w.: W 4 t.* Warszawa: Państw. Wyd-wo nauk, 1983. Т. 3. Pp. 10-65.

References

- Antonii (Zubko), 1889** – Antonii (Zubko), *arkhiepiskop* (1889). O Greko-Uniatskoi Tserkvi v Zapadnom krae Rossii [About the Greek Uniate Church in the Western Territory of Russia]. *Sbornik statei, izdannykh Sv. Sinodom po povodu 50-letiya vossoedineniya s Pravoslavnoi Tserkov'yu zapadnorusskikh uniatov*. SPb.: Tip. V.S. Balasheva, pp. 38-76. [in Russian]
- Banashkevich, 2022** – Banashkevich, M.A. (2022). Adam Kirkor i «pol'skaya gazeta, izdavaemaya v Peterburge»: iz istorii (samo)vospriyatiya rannei publitsistiki «Novogo vremeni» (1868–1871 gody) [Adam Kirkor and the "Polish newspaper published in St. Petersburg": from the history of (self-)perception of the early journalism of the "New Time" (1868–1871)]. *Nasledie Rechi Pospolitoi v imperskom intelektual'nom prostranstve*. SPb.: Vladimir Dal', pp. 368-415. [in Russian]
- Bernstein, 2005** – Bernstein, M. (2005). Identity politics. *Annual review of sociology*. 31: 47-74.
- Bobrovich, 2018** – Bobrovich, V.I., Marchinskaya, N.I. i dr. (2018). Slovar' terminov po politologii: setevoe elektronnoe uchebnoe izdanie [Glossary of Political Science Terms: Online Electronic Educational Edition]. Minsk: MSLU, 40 p. [in Russian]

- Ciechowski, 1911** – *Ciechowski, W.* (1911). Czasopisma polskie na Litwie [Polish magazines in Lithuania]. *Kwartalnik Litewski*. 5: 101-124. [in Lithuanian]
- Dolbilov, 2010** – *Dolbilov, M.D.* (2010). Russkii kraj, chuzhaya vera: Etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II [Russian land, foreign faith: Ethno-confessional policy of the empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1000 p. [in Russian]
- Elagin, 1861** – *Elagin, V.A.* (1861). Neskol'ko slov o Pol'she i Litve [A few words about Poland and Lithuania]. *Day*. 8. December 2nd. Pp. 7-9. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Gieisztort, 1913** – *Gieisztort, J.* (1913). Pamiętniki z lat 1857–1865 [Diaries from 1857–1865]. Wilno: Nakł. Now. Udz. Kurjer Litewski, 420 p. [in Polish]
- Grosul, 2003** – *Grosul, V.Ya.* (2003). Russkoe obshchestvo XVIII – XIX vv. Traditsii i innovatsii [Russian society of the 18th – 19th centuries. Tradition and innovation]. Moscow: Nauka, 517 p. [in Russian]
- Iosif (Semashko), 1883** – *Iosif (Semashko), mitropolit* (1883). Zapiski Iosifa mitropolita Litovskogo, izdannye Imperatorskoyu Akademiyu Nauk po zaveshchaniyu avtora: v 3 t. [Notes of Joseph Metropolitan of Lithuania, published by the Imperial Academy of Sciences according to the will of the author: in 3 volumes]. SPb.: Tip. imperatorskoi Akademii Nauk. T. 1. 745 p. [in Russian]
- Kirkor, 1882** – *Kirkor, A.K.* (1882). Prosveshchenie i narodnoe tvorchestvo v Litve [Enlightenment and folk art in Lithuania]. *Zhivopisnaya Rossiya: Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii*. SPb.: Tip. M.O. Vol'f, 1882. T. 3. Ch. 1: Litovskoe poles'e. Ch. 2: Belorusskoe poles'e, pp. 97-136. [in Russian]
- Kiselev, 2006** – *Kiselev, A.A.* (2006). Problema belorusskogo yazyka v publitsistike M.O. Koyalovicha (pervaya polovina 1860-kh gg. XIX v.) [The problem of the Belarusian language in M.O. Koyalovich (first half of the 1860s of the 19th century)]. *Lichnost'-slovo-sotsium: materialy 6-oi Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 19–20 aprelya 2006 g., g. Minsk: v 2 ch. Mn., 2006. Ch. 2*, pp. 36-39. [in Russian]
- Komzolova, 2005** – *Komzolova, A.A.* (2005). Politika samodержaviya v Severo-Zapadnom krae v epokhu Velikikh reform [The policy of autocracy in the North-Western Territory in the era of the Great Reforms]. M.: «Nauka», 383 p. [in Russian]
- Koyalovich, 1869** – *Koyalovich, M.O.* (1869). O pochivshem mitropolite Litovskom Iosife [About the late Metropolitan Joseph of Lithuania]. SPb.: Tip. Dep. udelov, 54 p. [in Russian]
- Koyalovich, 2011** – *Koyalovich, M.O.* (2011). Shagi k obretniyu Rossii [Steps to gaining Russia]. Mn.: Izd-vo Belorusskogo Ekzarkhata, 752 p. [in Russian]
- Lavrinets, 2015** – *Lavrinets, P.* (2015). Vladimir Nazimov i Vilenskaya vremennaya arheologicheskaya komissiya [Vladimir Nazimov and Vilna Temporary Archaeological Commission]. *Kova dėl istorijos: Vilniaus senienų muziejus (1855–1915): mokslo straipsnių rinkinys, tarptautinė mokslinė konferencija, Vilnius, 2015 m. gegužės 7 – 8 d.* [Struggle for history: Vilnius Museum of Antiquities (1855–1915): collection of scientific articles, international scientific conference, Vilnius, 2015. May 7-8]. Vilnius, pp. 251-262. [in Russian]
- Lukin, 2005** – *Lukin, V.N.* (2005). Kul'turologicheskaya i institutsional'naya traditsii v issledovanii grazhdanskogo obshchestva [Cultural and institutional traditions in the study of civil society]. *Credo-New*. 4(44): 112-121. [in Russian]
- Milyutin, 1999** – *Milyutin, D.A.* (1999). Vospominaniya. 1860–1862 [Memories. 1860–1862]. M.: «Rossiiskii Arkhiv», 559 p. [in Russian]
- Obshchestvennaya mysl' Rossii, 2020** – *Obshchestvennaya mysl' Rossii: s drevneishikh vremen do serediny XX v.: v 4 t.* [Social thought in Russia: from ancient times to the middle of the 20th century: in 4 volumes]. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2020. Vol. 3, 486 p. [in Russian]
- OR RGB** – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian State Library].
- Przedzięcki, 1842** – *Przedzięcki, A.* (1842). Galerya obrazow Postawska [Postawska Picture Gallery]. *Athenaeum*. T. 2. Pp. 194-202. [in Polish]
- RGIA** – Rossiiskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Romanchuk, 2017** – *Romanchuk, A.A.* (2017). Predposylki uprazhneniya unii v Rossiiskoi imperii v 1839 g. [Prerequisites for the abolition of the union in the Russian Empire in 1839]. *Trudy Minskoj dukhovnoi akademii*. 14: 243-271. [in Russian]
- Romanchuk, 2020** – *Romanchuk, A.A.* (2020). Prichiny vznikonoveniya dvizheniya k pravoslaviyu uniatskogo dukhovenstva v Rossiiskoi imperii v pervoi treti XIX veka [Causes of the Movement to Orthodoxy of the Uniate Clergy in the Russian Empire in the First Third of the 19th Century]. *Tetradj po konservatizmu*. 2: 293-317. [in Russian]
- Shimukovich, 2017** – *Shimukovich, S.F.* (2017). Belorusskie regional'nye elity perioda «dolgogo XIX veka» kak predmet istoricheskogo issledovaniya: obosnovanie ponyatiya [Belarusian regional elites of the “long 19th century” period as a subject of historical research: substantiation of the concept]. «Dolgiy XIX vek» v istorii Belarusi i Vostochnoi Evropy: issledovaniya po Novoi i Noveishei istorii. Mn.: RIVSh. P. 1, pp. 3-12. [in Russian]

Smolenchuk, 2007 – *Smolenchuk, A.* (2007). Litvinstvo, zapadnorusizm i belorusskaya ideya. XIX – nachalo XX v. [Litvinism, Western Russianism and the Belarusian idea. XIX – beginning of the XX centuries]. *Perekrestki*. 1(2): 5-17. [in Russian]

Sobolewsky, 1977 – *Sobolewsky, M.* (1977). Partie i systematy partyjne swiata kapitalistycznego [Parties and party systems of the capitalist world]. Warszawa: Państw. Wyd-wo nauk, 525 p. [in Polish]

Spatial concepts of Lithuania, 2016 – *Spatial concepts of Lithuania in the long Nineteenth century.* Boston, 2016. 478 p.

Stolzman, 1983 – *Stolzman, M.* (1983). O wileńskiej inteligencji. 1830–1863 [About the intelligentsia of Vilnius. 1830–1863]. *Inteligencja polska XIX i XX w.: W 4 t.* Warszawa: Państw. Wyd-wo nauk, T. 3. Pp. 10-65. [in Polish]

Teplowa, 1999 – *Teplowa, V.A.* (1999). Mikhail Osipovich Koyalovich i russkaya pravoslavnaya istoriografiya. Posleslovie [Mikhail Osipovich Koyalovich and Russian Orthodox historiography. Afterword]. *Koyalovich M.O. Istoriya vossoedineniya zapadnorusskikh uniatov starykh vremen. Mn.: Luchi Sofii.* Minsk: Luchi Sofii, pp. 385-395. [in Russian]

Ustryalov, 1839 – *Ustryalov, N.G.* (1839). Issledovanie voprosa, kakoe mesto v russkoi istorii dolzhno zanimat' Velikoe knyazhestvo Litovskoe? [Study of the question, what place in Russian history should the Grand Duchy of Lithuania occupy?]. SPb, 42 p. [in Russian]

Valuev, 1961 – *Valuev, P.A.* (1961). Dnevnik P.A. Valueva ministra vnutrennikh del: v 2 t. [Diary of P.A. Valuev Minister of Internal Affairs: in 2 volumes]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, Vol. I. 1861–1864, 425 p. [in Russian]

Zapadnye okrainy..., 2007 – *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii* [Western outskirts of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 608 p.

Zhukovich, 1887 – *Zhukovich, P.N.* (1887). Ob osnovanii i ustroistve glavnoi dukhovnoi seminarii pri Vilenskom universitete (1803–1832) [On the foundation and organization of the main theological seminary at the Vilna University (1803–1832)]. *Khristianskoe chtenie*. 3-4: 237-286. [in Russian]

«Побеги русских идей»: основные этапы формирования пророссийски ориентированной общественности в Северо-Западном крае в первой половине XIX века

Оксана Олеговна Завьялова ^{a, *}

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе широкой эмпирической базы выделяются этапы формирования пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края как особого интеллектуального и социокультурного явления первой половины XIX века. Проведен анализ социокультурных и общественно-политических факторов, способствовавших возникновению и развитию данного идейного направления, стремившегося к налаживанию сотрудничества между имперскими властями и образованным обществом окраинного региона.

Формирование пророссийски ориентированной общественности являлось реакцией на доминирование в северо-западных губерниях Российской империи полонизированной социальной элиты, отстаивавшей польский национальный проект, который конкурировал с идеей имперской унификации западных окраин. Богатая событиями иногосударственного развития история края влияла на общественное сознание его жителей, способствуя укреплению как регионального сепаратизма, так и лоялизма, суть которого состояла в осознании возможности успешного и бесконфликтного развития региона в составе России.

Делается вывод о том, что в специфических историко-культурных условиях северо-западных губерний к началу 1860-х гг. в среде пророссийски ориентированной общественности оформилось два основных идейных течения, одно из которых основывалось на сословном принципе и было представлено местными шляхетскими лоялистами, а другое – национально-ориентированной и консервативно-патриотической группой местных деятелей. Вместе с тем представителей пророссийски ориентированной общественности отличала четкая мировоззренческая установка на то, что полноценное развитие «западнорусского народа» и сохранение оригинального этнического, культурного и религиозного облика Северо-Западного края возможно только при наличии органических связей региона с Россией и отстаивании единой державной идеи имперского гетерогенного государства с восточнославянским этническим ядром.

Ключевые слова: Российская империя, Северо-Западный край, Александр II, А.П. Заблоцкий-Десятовский, пророссийски ориентированная общественность, национальная политика, публичная сфера.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: zavyalova@sfedu.ru (О.О. Завьялова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 188-198
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.188

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Service of the Distance Chief Asfendiyar Syugalin in the Context of the Policy of the Russian Empire

Zhanna Dyusembek ^{a, *}, Ryskeldy S. Myrzabekova ^a, Aizhamal I. Kudaibergenova ^b

^a Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

^b Institute of History and Ethnology n.a. Sh. Sh. Ualikhanov, Republic of Kazakhstan

Abstract

This paper is aimed at an objective representation of the value of the distance [distanochnaya] system, introduced in 1831 on the territory of the Kazakhs of the Orenburg department, as well as at identifying the role of representatives of the Kazakh nomadic nobility in the person of distance chiefs, who were local administrators and intermediaries. One of such personalities is sultan Asfendiyar Syugalin, who is of interest to historical science. This paper reveals the personality, service and activities of sultan Asfendiyar Syugalin based on the analysis of form lists, service records and other archival documents. Sultan Asfendiyar Syugalin is one of the interesting and ambiguous figures in the history of Kazakhstan, because during his service as head of distances No. 31, No. 38 and No. 54 in the different parts of the Orenburg Department, sultan Asfendiyar Syugalin received both positive and negative feedback from Kazakh nomadic population and Russian officials.

Some discrepancies in the data in archival documents, different characteristics regarding the personality and service of sultan Asfendiyar Syugalin arouse interest and actualize this research. In addition, this paper reflects the essence of the distance administrative system on the territory of the Kazakhs of the Orenburg department, reveals the mechanism of appointment and awarding of Kazakh officials in the person of distance chiefs. The article is presented on the basis of archival documents (form lists and service records, reports, notes) extracted from the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan and analysis of historical literature.

Keywords: distances, distance chiefs, sultans-rulers, form lists, service records, intermediaries, administrators.

1. Введение

Административные реформы 20–30-х гг. XIX века на территории казахов Оренбургского ведомства повлияли на казахское общество во многих отношениях. В этот период шел процесс трансформации социально-экономической сферы кочевого социума от ликвидации института ханской власти до появления новых социальных сословий, в частности казахских чиновников, ставших посредниками в проведении российской политики на территории Степи.

Все принципы и методы внедрения имперской политики на национальных окраинах разрабатывались по мере приобретения опыта в строительстве полиэтничного государства. Инкорпорирование в состав империи других народов поставило вопрос унификации административной системы управления и политико-правовых норм. Решение поставленных задач на практике сопровождалось сложностями, к примеру, слабая изученность территории, незнание

* Corresponding author

E-mail addresses: zhan.dsmk@gmail.com (Zh. Dyusembek)

обычного права и судопроизводства казахов, нехватка русских чиновников, знающих проблемы жизнедеятельности, культуру и язык кочевого общества.

Показателями заинтересованности российских властей в вовлечение казахского населения в единый механизм государственной машины стал процесс инкорпорации казахской знати в состав российского чиновничества. В этом контексте среди представителей казахского чиновничества вызывает интерес судьба и служба казахского султана Асфендияра Сюгалина, занимавшего должность дистанчного начальника в 31-й дистанции (1835–1847) и 38-й дистанции в 50-е годы XIX века.

Дистанции и местности учреждались в рамках созданной в 1831 году дистанционной системы управления – проекта административного устройства, который функционировал с 1831 по 1869 гг. на территории казахов Оренбургского ведомства. Введение института дистанчного управления было обусловлено необходимостью постоянного учета и мониторинга числа хозяйств, численности казахского населения в местностях и дистанциях, количества скота. Основными функциями представителей дистанционной системы в лице дистанчных и местных начальников были надзор и контроль над поведением казахов, наведение порядка во вверенной им территории и сбор кибиточной подати с кочевого населения (1 руб. 50 коп. серебром с кибитки), что обеспечивало постоянный приток денежных средств в казну российского государства.

За период службы Асфендияр Сюгалин получил положительные отзывы от российских чиновников региональной администрации и Центра, которые подчеркивали усердие службы султана региональным властям. Однако его фигура не столь однозначна.

2. Материалы и методы

Материалами для данного исследования послужили формулярные списки казахских чиновников, списки лиц, представленных к награде, донесения, прошения, рапорты, найденные в материалах фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан, а также опубликованные сборники документов.

Методологическую основу составляют новые подходы к изучению имперской политики, различных методов управления с целью инкорпорирования национальных окраин в одно имперское государство. В данном исследовании были использованы биографический (изучение жизни и деятельности султана Асфендияра Сюгалина) и хронологический (изучение процессов и событий в хронологическом порядке) методы. Кроме того, был применен компаративистский подход к изучению оценивания русских чиновников службы и деятельности султана Асфендияра Сюгалина.

Также в статье использовался метод персонификации личностей, в данном случае представителей казахской кочевой знати, выявление новых личностей, новых имен в истории Казахстана XIX века. В статье применяются принцип историзма, позволяющий проследить исторические события в эволюции, и принцип объективности, который дает возможность объективно раскрыть личность султана на основе различных источников.

3. Обсуждение

В последние десятилетия прослеживается тенденция изучения роли и вклада представителей казахской знати в реализацию имперской политики на территории Казахстана. Все те изменения и преобразования в казахском кочевом социуме прошли на фоне внедрения административных реформ в первой половине XIX века. Стоит отметить, что в исторической литературе есть работы, посвященные отдельным деятелям – таким чиновникам, как Баймухаммед Айшуаков ([Касымбаев, 2000](#)), династии Баймухамедовых ([Султангалиева, Тулешова, 2017](#)), династии Беркимбаевых ([Султангалиева, 2021](#)), но отдельных фундаментальных работ, посвященных деятельности Асфендияра Сюгалина, нет. Имеются лишь сведения описательного характера в виде формулярных списков о султани Асфендияре Сюгалине. Послужные списки о службе и деятельности султанов содержатся в сборниках «Казахские чиновники на службе Российской империи» ([Султангалиева, 2014](#)) и «История Казахстана в русских источниках», в части «О почетных и влиятельнейших ордынцах» ([Жанаев, 2006](#)).

Сведения о султани Асфендияре Сюгалине представил его современник, чиновник региональной администрации В.М. Лазаревский в своем донесении председателю Оренбургской пограничной комиссии в 1850 г. Чиновник особых поручений подчеркнул происхождение Асфендияра из ханской династии Абулхаира. Сведения о родословной хана Абулхаира и происхождении султанов также имеются в работе А.И. Левшина ([Левшин, 1832](#)). Они дают возможность определить происхождение султани Асфендияра Сюгалина от хана Младшего жуза Абулхаира. Казахстанский историк И.В. Ерофеева на основе анализа различных источников и архивных материалов утверждала, что Асфендияр Сюгалин – потомок Абулхаир-хана и предок известного деятеля и автора первого учебника «История Казахстана» (1935) Санжара Асфендиярова ([Ерофеева, 2007: 332; Шимырбаева, 2002](#)).

Советский историк Е.Б. Бекмаханов, описывая деятельность старших султанов, волостных правителей, дистанчных и местных начальников, считал, что они не только продолжили угнетать

кочевое население, но и взимали налоги от имени властей (кибиточная подать, ремонтный сбор, билетный сбор, сборы за кочевание и др.). В ходе взимания налогов они позволяли себе злоупотребление своим положением и превышение полномочий. В этом контексте автор упоминает и султана Асфендияра Сюгалина, который в ходе сбора кибиточной подати собрал с казахов по барану и быку вместо установленного сбора в размере 1 р. 50 к. (Бекмаханов, 1947). Исследователь на основе классового подхода преподносит начальников дистанций как агентов и надсмотрщиков имперской системы. По его мнению, начальники дистанций обязывались докладывать обо всех происшествиях, недовольствах со стороны кочевого населения султанам-правителям и региональной администрации. Помимо этого, они должны были развивать «верноподданничество государю» среди казахов, кочевавших во вверенной дистанции.

В современной историографии сведения о султанине Асфендияре Сюгалине имеются в работе исследователя Г.С. Султангалиевой, которая при раскрытии вопроса о роли наградной системы Российской империи в процессе инкорпорирования казахов на службу выделила султана Асфендияра Сюгалина как обладателя воинского чина регулярных войск – есаула (Султангалиева, 2015: 10-14). Кроме того, ею показан процесс обсуждения его кандидатуры советниками Пограничной комиссии П.П. Ваневым, К.О. Каминским и И.М. Бикмаевым при назначении на должность дистанционного начальника (Султангалиева, 2009; Султангалиева, 2018).

Г.С. Султангалиева, изучая системно вопрос формирования казахского чиновничества в XIX в., подчеркивает процесс адаптации казахской знати к новым условиям управления Степью и взаимодействия с региональной администрацией. По ее мнению, местные управленцы в лице султанов-правителей, дистанционных и местных начальников стали партнерами российского правительства и формировали социальную опору в проведении имперской политики на территории Казахской степи на протяжении XIX века (Султангалиева, 2015а).

Исследователь У.Т. Ахметова (Ахметова, 2019) в своей статье отметила деятельность Асфендияра Сюгалина по сопровождению разбирательства земельных вопросов казахов рода Адай и рода Шекты.

В российской современной историографии следует выделить Перфильева (Перфильев, 2011), который подчеркнул вклад султана Сюгалина в разрешение конфликтных ситуаций и особенно выделил его личное влияние на соплеменников в кочевом обществе.

А.Л. Перфильев не только выявил особенности межродовых конфликтов кочевого населения, но и охарактеризовал кочевую знать в лице султанов, старшин, управляющих родами как исполнителей функций российских администраторов, на которых, как подчеркивает автор, было возложено урегулирование межродовых усадеб среди казахов.

На основе анализа историографии мы видим разные подходы советских и современных историков к изучению процесса адаптации кочевой знати к новым условиям в ходе административного реформирования Степи.

На наш взгляд, начальники дистанций, назначавшиеся русским правительством, не только выполняли возложенные на них обязанности и функции, изложенные в Инструкции Г.Ф. Генса (Лысенко, 2014: 16-20), но и передавали Пограничной комиссии сведения о происшествиях в степи, настроениях казахского населения, поэтому справедливы обе точки зрения, которые отражают те или иные аспекты службы и деятельности местных управленцев. И соответственно местные управленцы в лице дистанционных и местных начальников занимали промежуточную позицию между русским правительством и кочевым населением и в свою очередь являлись посредниками и проводниками в реализации имперской политики в Казахской степи в первой половине XIX века.

4. Результаты

Асфендияр Сюгалин – одна из интересных исторических фигур XIX века в истории Казахстана. В описаниях, составленных российскими чиновниками П.П. Ваневым, И.М. Бикмаевым, султан характеризовался как умный деятель, по характеру скромный, с хорошими способностями, знавший обычаи казахов и имевший влияние в кочевом обществе (Жанаев, 2006: 83-84).

Чиновник особых поручений В.М. Лазаревский в своем донесении в 1850 г. отметил, что султан был богат, у него были хорошие способности, знал татарскую грамоту (среднеазиатский тюркский, литературный чагатайский), хорошо говорил по-русски. Отличался красноречием, благодаря чему был известен среди народа, в характере его подчеркивались вспыльчивость, гордость, щедрость, решительность, тщеславие. Также В.М. Лазаревский указывал, что А. Сюгалин хорошо знал казахские обычаи, отлично говорил по-казахски, с легкостью убеждал людей выполнять его поручения. Благодаря своему происхождению он имел влияние и пользовался уважением народа (Жанаев, 2006: 124-127).

Асфендияр Сюгалин происходил из династии Абулхаир-хана. Султан Сюгали [Сыгали] был четвертым сыном из 16 сыновей Айшуак-султана (четвертый сын Абулхаир-хана, хан Младшего жуза в 1797–1805 гг.).

Относительно семейного положения султана в архивных документах имеются расхождения. Примечательно, что в формулярном списке о службе султана Асфендияра Сюгалина, составленном в

1838 году, указывается, что он был женат и у него были сын и дочь (Жанаев, 2006: 17). В другом донесении от 1850 г. указано, что у него было две жены и двое сыновей (Жанаев, 2006: 127).

Сведения о первых шагах в деятельности султана Асфендияра Сюгалина начали появляться с 1826 года, когда он помог войсковому старшине С. Аржанухину взыскать с казахов деньги в размере 1 010 рублей за угнанный скот у жителей Озерского форпоста. За это содействие 18 декабря 1826 года султана наградили именной серебряной печатью по заключению Пограничной комиссии.

Затем 26 июня 1830 года он получил бархат, золотой галун для тюбетейки и кирпич чая на сумму 11 рублей 50 копеек за доставление есаулу Аржанухину денег в размере 6 000 рублей и 108 лошадей для удовлетворения претензий линейных жителей (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4443. Л. 346).

Султан-правитель Западной части казахов Оренбургского ведомства Баймухаммед Айшуаков в ноябре 1835 г. назначил султана Асфендияра Сюгалина управляющим над казахами, кочевавшими близ Прорвинского пикета (Жанаев, 2006: 15).

Более подробно рекрутирование султана описано Ф.М. Лазаревским. В начале XIX века обсуждался вопрос о необходимости рекрутирования влиятельных казахов, являвшихся управляющими родами и отделениями в систему местного управления. Ф.М. Лазаревский свидетельствовал о разделении Западной части казахов Оренбургского ведомства на степных и линейных. Количество кибиток у линейных казахов доходило до 17 тыс., а у степных – более 70 тыс. кибиток.

Так, в 1835 году султан-правитель Западной части казахов Оренбургского ведомства Баймухаммед Айшуаков назначил султана Асфендияра Сюгалина управляющим над степными казахскими родами Ужрай, Кете, Таз, Ысык, Есентемир, Шеркеш и Адай, кочевавшими в Западной части, и все они состояли в дистанции № 31, которая протянулась от Илека до Хивы, и в ней было более 60 тысяч кибиток (вместе с казахами рода Адай). По оценке Ф.М. Лазаревского, родопривилегии и начальники не имели никакого влияния, а их власть не имела значения. Он отметил, что казахи рода Адай, впоследствии включенные в особую дистанцию № 52, не признавали власть дистанционного начальника, бия Исенжана Абызова, потому зачастую поручения Пограничной комиссии исполнял Асфендияр Сюгалин. Сам султан кочевал против Затонного форпоста, местным биям поручал сбор кибиточного налога в конце зимы, в летнее время выезжал за приемом подати в Степь, также выезжал для разбирательств по взысканиям (Жанаев, 2013: 175).

Из анализа формулярного списка Сюгалина, содержащегося в фонде ЦГА РК, видно, что султан за свою службу в должности дистанционного начальника получал не только награды, но и чины. Так, в мае 1836 года он получил похвальный лист от оренбургского военного губернатора за содействие в спасении астраханского мещанина Федора Леонтьева от плена казахов в 1835 г. Буквально на следующий месяц за усердную и отличную службу султану Сюгалину был присвоен чин хорунжего (июнь 1836 г.). Тогда он был в возрасте 38 лет. В июне 1836 года Сюгалин сопровождал военный отряд под руководством войскового старшины Осипова в Степь для усмирения казахов рода Адай (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1631. Л. 1-3).

В должности начальника 31-й дистанции в Западной части казахов Оренбургского ведомства султан Сюгалин был утвержден Оренбургской пограничной комиссией 11 мая 1837 года. 31-я дистанция включала местности против Прорвинского пикета, Ново-Александровского укрепления, Уральского укрепления, вдоль рек Кызылжара и Шет-Иргиза, урочища Карасай, побережье реки Карабутак и до реки Иргиз (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4181. Л. 25-35).

Далее в 1838 г. в возрасте 40 лет султан Сюгалин принимал участие в двух военных операциях под командованием полковника К.К. Геке для рассеяния мятежников восстания под предводительством Исатая Тайманова. В мае количество повстанцев увеличилось до 1 тыс. человек вдоль р. Эмбы (Абдиров, 2000).

В.А. Перовский 28 июня 1838 года издал приказ о формировании военного отряда против Исатая Тайманова из 250 человек Оренбургского полка, 100 человек 4-го Уральского казачьего полка, 50 человек пехоты при двух орудиях и 50 илецких казаков. Войско под руководством полковника К.К. Геке, объединившись с отрядами султанов Баймухаммеда Айшуакова и Асфендияра Сюгалина, 6 июля вышло в степь (Абдиров, 2000).

И за участие в преследовании Исатая Тайманова в отряде под руководством полковника К.К. Геке в 1838 году султану Асфендияру Сюгалину был присвоен чин сотника (Жанаев, 2006: 34).

В 1840 г. султан Асфендияр Сюгалин получил золотой перстень за участие в сборе верблюдов для экспедиции в Хиву в 1839 году. Однако сам он в экспедициях не участвовал (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2270. Л. 55).

За дальнейшую службу и за сбор денег с казахов за кочевание в 1841 г. султан Асфендияр Сюгалин 21 марта 1842 года был удостоен чина есаула по рекомендации Пограничной комиссии и утверждению оренбургского военного губернатора (Жанаев, 2006: 35).

А в 1844 году султан Сюгалин был награжден орденом св. Станислава 3-й степени за своевременный сбор кибиточной подати и за отличное исполнение обязанностей (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2303. Л. 34-53).

Согласно архивным документам, представленным в фонде № 4 и в сборнике «О почетных и влиятельнейших ордынцах», содержащим послужные списки, султан Асфендияр Сюгалин за свою службу не получал никаких выговоров и замечаний.

Формулярные списки, или личные дела, казахских чиновников выполняли своеобразную роль формирования портрета чиновника, показывающие способность исполнять обязанности и полномочия, и в них указывался уровень готовности кандидата к службе. В таком формулярном списке есть пункт «достоин или нет к повышению чином и к награждению знаком отличия беспорочной службы», или по каким причинам не представляется к награде, где отмечается, что султан Сюгалин был достоин наград и поощрений российской власти. Также в документах указывается, что Сюгалин отчеты по должности в течение службы всегда предоставлял в срок и никаких жалоб со стороны начальства на него не было, поскольку он не был замечен в слабом исправлении обязанностей по службе или в допущении между подчиненными каких-либо беспорядков (Жанаев, 2006: 18).

Из этого следует, что султан Асфендияр Сюгалин отличился хорошим выполнением своих функций и обязанностей по службе – это отмечалось региональной властью и заносилось в специальные анкеты в виде формулярных списков. Формулярный или послужной список был составлен при председателе генерал-майоре Г.Ф. Генсе, советнике Ваневе, ассессорах Плотникове и Прибыловском и титулярном советнике Радионове (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1631. Л. 1-3).

15 декабря 1844 года султан-правитель Западной части оренбургских казахов, полковник, султан Баймухаммед Айшуаков представил список кандидатов, достойных к награде, председателю Оренбургской пограничной комиссии. В нем Асфендияр Сюгалин был представлен первым. Согласно приведенным данным, Сюгалин – сын султана Сюгали Айшуакова – в 1844 году в возрасте 48 лет уже имел чин есаула и был начальником 31-й дистанции. Приводятся сведения о маршруте кочевков султана: летом кочевал при реке Чингирлау и Булдуурты, зимой кочевал возле Затонного форпоста. Состояние его было посредственное, по характеру смирный. И здесь мы узнаем, что султан умел читать по-татарски (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2303. Л. 33).

В 1844 году правитель Западной части Б. Айшуаков сформировал список из 11 обер-офицеров, азиатцев, которые состояли при отдельном оренбургском корпусе, числились по армии кавалерии, не принадлежали ни к какому войску, но имели военные чины. Данный список содержит сведения о чинах и времени их получения султаном Асфендияром Сюгалиным. Также есть сведения о его наградах за услуги и усердие во время службы, за что он не получал казенного содержания (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2270. Л. 76).

28 октября 1846 г. был сформирован список казахов – кандидатов в свиту полковника Баймухаммеда Айшуакова при отправлении его к высочайшему двору в г. Санкт-Петербург. Из Западной части казахов Оренбургского ведомства в данном списке был указан Асфендияр Сюгалин, начальник 31-й дистанции, охарактеризован умным, бойким и уважаемым «ордынцами». Кроме него, также были представлены и другие султаны из этой части Оренбургского ведомства: есаул Мухамедгали Тяукин – помощник правителя, который характеризовался как умный молодой человек, в возрасте 30 лет, преданный правительству; сотник Даулетгали Баймухаммедов – сын правителя, в возрасте 25 лет, охарактеризован неглупым и преданным правительству; Муртазагали Узбекгалиев – начальник 1-й дистанции, представленный как умный и уважаемый народом казах, в возрасте 40 лет (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3454. Л. 9-10).

Кроме того, 30 сентября 1846 г. султан Асфендияр Сюгалин за отличную службу был награжден оренбургским военным губернатором по представлению Пограничной комиссии 75 руб. серебром (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4443. Л. 347).

В 1847 году происходил отбор кандидатур на должность начальника 31-й дистанции. 10 сентября 1847 г. временно управляющий Западной частью казахов Оренбургского ведомства, войсковой старшина султан Мухаммедгали Тяукин, донес в Оренбургскую пограничную комиссию, что «по неимению в 31-й дистанции достойного ордынца» в занятии должности начальника этой дистанции на место есаула султана Асфендияра Сюгалина он избрал султана Кулмухаммеда Баймухаммедова. В данном донесении имеется предложение Мухаммедгали Тяукина о реорганизации 31-й дистанции. Так как дистанция эта была многочисленной, а кандидат Кулмухаммед Баймухаммедов был не совсем опытен, султан-правитель предложил для упрощения и облегчения управления этой дистанцией назначить к нему трех помощников – Салия Кулшанова, старшину из рода Кыпшак, зауряд-хорунжего; бия Башикара Танина; местного начальника против Кирсановского форпоста сотника Ихласа Тулеева из рода Тама, но на его место временно допустить в должность местного начальника бия из рода Тама Казылбаша Кадырова (Жанаев, 2006: 78-79).

По сведениям Ф.М. Лазаревского, когда Асфендияр Сюгалин в 1847 г. стал начальником близ Уральского укрепления, располагавшегося в 54-й дистанции Средней части казахов Оренбургского ведомства (Избасарова, 2018; Жанаев, 2006: 243), то султан-правитель Западной части казахов Оренбургского ведомства Мухаммедгали Тяукин разделил 31-ю дистанцию на несколько управлений и определил управляющего для каждого рода. Но об этом Мухаммедгали Тяукин не проинформировал Пограничную комиссию, до выезда в степь чиновника Ф.М. Лазаревского

комиссия не знала об этом. Здесь же стоит отметить расхождения о разделении 31-й дистанции в материалах, представленных чиновником Ф.М. Лазаревским, и документах фондов ЦГА РК. Так, султан-правитель Западной части казахов Оренбургского ведомства М. Тяукин предложил председателю Пограничной комиссии «разделить 31-ю дистанцию на три» по причине ее многочисленности и назначить дистаночных начальников для крупных родов Ужрай, Кете и Таз. Было внесено предложение о назначении дистаночным начальником над казахами рода Ужрай султана Сугурали Сюгалина (брата султана Асфендияра), над казахами рода Кете определить султана Кулмухаммеда Баймухаммедова, а над казахами рода Таз и части рода Алаша определить Исеналы Абдулмукминова (Жанаев, 2006: 79-82).

По документам 1850 года вышеназванные султаны числились управляющими этих родов в 31-й дистанции (Жанаев, 2006: 129-131).

Интересными представляются сведения чиновников Пограничной комиссии, дающие сравнительную оценку деятельности дистаночных начальников Асфендияра Сюгалина и Муртазагали Узбекгалиева, но в большей степени имеются сведения о первом. Так, советник Оренбургской пограничной комиссии И.М. Бикмаев в своей записке от 1848 г. положительно отзывался о султанине Асфендияре Сюгалине. Он отметил его твердый характер, красноречие, а также знание казахских обычаев и народного судопроизводства. В период службы султана на должности дистаночного начальника дистанции № 31 в Западной части пользовался влиянием на казахов, состоявших в его дистанции. Советник также подчеркнул преданность султана правительству на основании его действий и усердий на службе, и самое важное, что султан никогда не был вовлечен в те или иные следственные дела, которые имелись в Пограничной комиссии (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2500. Л. 2).

И коллежский советник Оренбургской пограничной комиссии П.П. Ванев на запрос оренбургского военного губернатора о султанах Асфендияре Сюгалине и Муртазагали Узбекгалиеве ответил, что о характере султанов ему неизвестно, но способности и качества их должны быть на уровне, поскольку до сих пор они занимают назначенные им должности. При этом он подчеркнул, что султаны входят в «особое сословие в Орде», кочуют среди казахов разных родов, но не принадлежат ни к одному из них (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2500. Л. 3-3об.).

1 июня 1848 года свое мнение относительно султана Асфендияра Сюгалина донес исправляющий должность советника Оренбургской пограничной комиссии титулярный советник К.О. Каминский. В своем донесении советник представил сведения о начальнике 1-й дистанции Муртазагали Узбекгалиеве, которому дал положительный отзыв относительно его службы. Однако о султанине Асфендияре Сюгалине он не мог сказать ничего определенного, поскольку не знал его ни по делам, ни лично. Но при этом добавил, что султан Сюгалин имел большее влияние на своих соплеменников, чем султан Узбекгалиев. Он объяснял это тем, что султан Асфендияр имел родственные связи с султаном-правителем Баймухаммедом Айшуаковым, затем с его сыном Мухамеджаном Баймухаммедовым. По мнению советника, если султана Узбекгалиева оградить от влияния султана Мухамеджана Баймухаммедова, то он был бы лучшим исполнителем воли имперской власти. К тому же отметил, что султан Узбекгалиев и султан Даулетгали Баймухаммедов пеклись о благе казахов не путем отторжения их от русского правительства, в чем убедился из разговоров и действий их во время командировки его на Уральскую линию (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2500. Л. 4-5об.).

Таким образом, обсуждение чиновников региональной администрации кандидатов на должности дистаночных начальников указывают на то, какими критериями должен обладать претендент и какие подходы использовала региональная власть. В первую очередь они должны быть благонадежными, преданными русскому правительству (Султангалиева, 2009).

Естественно, что Асфендияр Сюгалин всегда находился в поле зрения региональной администрации. В 1849 г. султану-правителю Западной части казахов Оренбургского ведомства было поручено разрешить конфликт между казахами родов Адай и Кете. Асфендияр Сюгалин как влиятельная фигура в казахском социуме сыграл значительную роль в деле разрешения споров между близко кочующими родами. Пользуясь своим влиянием среди общества, он удержал казахов рода Адай от новых нападений на род Кете. Более того, 12 почетных биев, казахи родов Каракесек и Шурен, более двухсот влиятельных казахов рода Адай собрались на чрезвычайный съезд благодаря убеждениям султана Асфендияра Сюгалина. Поскольку на данном съезде не принимали участие региональные чиновники как гарант осуществления принятых на съезде решений, он завершился безрезультатно. Приблизительно пятьсот казахов родов Кете и Шурен в 1850 г. продолжили нападение на род Адай, захватив женщин в плен и ограбив около 30 хозяйств, в результате чего более 100 казахов рода Адай погибло. В том же году султаны-правители Западной и Средней частей казахов Оренбургского ведомства должны были установить мир между казахскими родами Кете, Каракесек, Шурен, Адай, Назар, Табын, Шомишты-Табын. Впоследствии в целях искоренения последующих преступлений и нарушений со стороны казахов было сделано «Всемилоостивейшее соизволение» на избавление от наказания виновных (Перфильев, 2011).

В 1855 году султан Асфендияр Сюгалин вновь участвовал в чрезвычайном съезде биев по разрешению земельного спора между казахами родов Адай и Шекты, на котором присутствовали

12 почетных биев, более 200 адайцев, уважаемых аксакалов (старейшин) Западной части казахов Оренбургского ведомства. К положительному завершению решения съезда привела взаимная договоренность биев, которая урегулировала споры и определила пастбища. Казахи рода Адай двинулись к своим пастбищам вдоль рек Жем и Сагыз. Султан Сюгалин сопровождал мигрирующих казахов рода Адай по берегам этих рек (Ахметова, 2019: 93-99).

Однако, как уже указывалось выше, фигура султана Асфендияра Сюгалина неоднозначна: помимо положительных отзывов и характеристик со стороны региональных чиновников в его адрес, есть и отрицательные характеристики и жалобы на него со стороны казахов.

Известно, что в числе трансформационных процессов в Степи в экономическом плане следует отметить введенную систему налогообложения. К примеру, с 1837 года действовал сбор денег с казахов в виде кибиточной подати в размере 1 р. 50 к. с одной кибитки. Взимание кибиточного налога осуществлялось через дистанчных и местных начальников, а за доставку в региональную администрацию собранной кибиточной подати с кочевого населения ответственны были уже администраторы-правители. В этой связи следует отметить, что были замечены злоупотребления и превышения полномочий казахскими чиновниками на фоне сбора кибиточного налога. Помимо сбора денежных средств, существовала также практика взимания налога натурой, что негативно сказалось на положении кочевого населения. Так, председатель Оренбургской пограничной комиссии относительно этого отметил, что жители Западной и Восточной частей Оренбургского ведомства отдавали с кибитки по одному барану вместо уплаты кибиточного налога в размере 1 р. 50 к. серебром. Примером могут послужить действия дистанчного начальника султана Асфендияра Сюгалина, который взимал рогатый скот вместо кибиточной подати с казахских родов Торткара и Шомакей. Все это привело к недовольству 5 казахских родов, которых возглавил батыр Жанходжа Нурмухаммедов, потребовавших от оренбургского начальства удаления султана Сюгалина от должности и привлечения его к ответственности. В результате эти обращения привели к отстранению султана Сюгалина от взимания кибиточного налога (Бекмаханов, 1947: 130).

О жалобах на дистанчного начальника Асфендияра Сюгалина известно также из сведений о положении дел толмача Долгоаршинова, который 17 ноября 1851 года ходатайствовал об увольнении его по причине болезни. Однако стало известно, что он причастен к уголовному делу, связанному с делом Асфендияра Сюгалина, по ошибке. Тангил Атамбеков, казах рода Шомакей отделения Байкунак, в поданном прошении в апреле 1840 года в Комиссию заявил, что отбирали лошадей, скот у разных казахов, совершали насилие женщин и девок во время развозов по аулам в нетрезвом виде. Первоначально к этому делу был причислен толмач Долгоаршинов, но впоследствии сам казах Атамбеков пояснил, что его жалоба, поданная им в Пограничную комиссию, заключалась лишь на есаула, начальника дистанции султана Асфендияра Сюгалина, а не на толмача Долгоаршинова (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2641. Л. 4).

26 января 1850 г. чиновник особых поручений В.М. Лазаревский в своем донесении председателю Оренбургской пограничной комиссии М.В. Ладыженскому представил список султанов Западной части казахов Оренбургского ведомства, должностных, влиятельных и известных казахов рода Табын и рода Алаша. В донесении имеются и социально-экономические составляющие. Чиновник особых поручений разделил казахов на категории по состоянию: бедные – имели до 25 лошадей; у кого было посредственное состояние, у тех было до 100 лошадей; достаточным состоянием считалось иметь более 100 лошадей; богатыми считались казахи, у которых было больше 200 лошадей, весьма богатые обладали лошадьми в количестве более 500; известные богачи имели более 1000 лошадей. В.М. Лазаревский подчеркнул, что очень сложно производить сбор информации о казахах-чиновниках, об их заслугах, усердиях, услугах или следственных делах, так как исходя «из личных отношений к запрашиваемому лицу либо преувеличивают, либо отрицают сведения и об одном и том же лице можно получить разные отзывы». В представленном приложении со списком должностных, влиятельных и известных казахов чиновник В.М. Лазаревский отметил султана Асфендияра Сюгалина как есаула, без должности, в возрасте 55 лет, но состояние его отметил как богатое. Среди его качеств отмечены ум, хорошие способности, знание татарской грамоты, умение хорошо говорить по-русски. Среди казахов известен своим красноречием, решительным характером, хитростью, вспыльчивостью, тщеславием и щедростью. Как старший из дома Айшуака он имел влияние на всех султанов Айшуаковых. Чиновник отметил и любовь, и страх со стороны кочевого населения и его преданность русскому правительству (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2512. Л. 82-106).

Спустя два года (21 апреля 1852) попечитель прилинейных казахов штабс-капитан Мухаммед-Шариф Аитов уже подчеркивал, что султан Асфендияр Сюгалин находился в должности дистанчного начальника 38-й дистанции, расположенной в Восточной части казахов Оренбургского ведомства. В 38-й дистанции кочевали казахи родов Аргын, Жогары-Шекты отделения Жоламан, Тума. Был уважаем казахами за справедливость, проявленную при разбирательстве взаимных претензий казахов. За усердие по службе и преданность правительству султан был награжден серебряной медалью на Аннинской ленте (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2512. Л. 224-239).

В донесении от 28 ноября 1856 г. в Оренбургскую пограничную комиссию султан-правитель Западной части оренбургских казахов Мухаммедгали Тяукин представил список по форме

«об ордынцах», в котором выделил султанов для награждения. Среди них он отметил Асфендияра Сюгалина, который вместе с султанами Кусяп-Галием Урмановым, зауряд-хорунжием Бикарсланом Байкубековым, Утебаем Санкибаевым и бием Джиентаем Айтеновым участвовал в летнем походе, они помогали при взыскании кибиточной подати с казахов за 1856 год, оказали содействие при разбирательстве претензий между казахскими родами Адай и Шумишли-Табын и в установлении порядка между ними. На тот момент Асфендияр Сюгалин был в возрасте 66 лет. В данном рапорте за свою службу султан представлялся уже к награде золотой медалью на Анненской ленте (Жанаев, 2006: 254).

В этом примере видны различные методы награждения за усердную и отличную службу, которая поощрялась региональными властями. Таким образом (от награждения похвальными листами до денежных поощрений и присвоения чинов казахам) региональные чиновники влияли на казахов и привлекали их на службу для большего внедрения российской политики на территории Степи.

В августе 1859 года из «Зауральской степи и Внутренней орды» были посланы почетные казахи в Санкт-Петербург. Среди них из Западной части Оренбургского ведомства был послан Асфендияр Сюгалин вместе с зауряд-хорунжием Шулаком Айбасовым, исправлявшим должность помощника правителя Западной части казахов Оренбургского ведомства. В кратких сведениях о посланных в Санкт-Петербург почетных казахам Асфендияр Сюгалин позиционировался как чиновник, занимавший должность дистанчного начальника в разных дистанциях, и за время службы отличился храбростью в военных операциях против мятежников (Жанаев, 2006: 264).

Немаловажным является и то, что Асфендияр Сюгалин был назначен исправляющим должность начальника 1-й дистанции 24 марта 1862 г. Прослужив четыре месяца, он был заменен Косумбаем Тавасаровым (1 августа 1862 г.) (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4181. Л. 4).

После 60-х годов XIX века его деятельность практически сошла на нет, так как в документах он уже не значился.

Зато его сын Сейтжапар, благодаря своему отцу, султану Асфендияру Сюгалину, был определен в 1856 году в школу при Пограничной комиссии, созданную для казахских детей в 40-х годах XIX века для подготовки местных управленцев, которые могли бы занимать должности в местном аппарате власти. По мнению исследователя И.В. Ерофеевой, Асфендияр Сюгалин знал о происходивших трансформационных процессах в Степи и понимал важность и значение хорошего образования, которое давал детям и внукам. Сейтжапар во время обучения показал отличные знания и способности, после завершения четырехгодичного обучения устроился работать репетитором, а затем получил должность переводчика (с турки, фарси) при туркестанском генерал-губернаторе. За свою службу он получил чин генерал-майора русской армии (Шимырбаева, 2002).

5. Заключение

Низовое звено управления дистанчных и местных начальников, сформированное вследствие введения административно-территориальных реформ в 30-е годы XIX века, стало «инструментом» в руках имперской власти на приграничной территории. Основные функции дистанчных и местных начальников – это «наблюдение и контроль над соблюдением порядка, донесение сведений о происшествиях в степи».

Казахские султаны, бии и старшины, составившие костяк нового сословия – казахского чиновничества – представляли особый интерес для российской власти, поскольку привлечение на службу правящей элиты напрямую влияло на кочевое население и обеспечивало полный контроль над ним и его территориальными владениями. Российские власти в результате внедрения административных реформ в первой половине XIX века обрели социальную опору в лице султанов-правителей, дистанчных и местных начальников. Это был процесс двустороннего и взаимовыгодного сотрудничества. Кочевая элита, боясь утратить былые привилегии и влияние в обществе и желая сохранить власть и преимущественное положение, оказалась в числе чиновников империи, которые получали чины, награды, жалованье, денежные поощрения, медали, ордена, дворянство и вошли в привилегированное сословие имперского государства.

Дистанчные и местные начальники в системе местного управления, как посредники между кочевым населением и российской властью, служили опорой в проведении имперской политики для региональной администрации. Однако привлечение казахских султанов к службе в империи не всегда играло положительную роль для имперской администрации. Это видно на примере изучения и анализа деятельности и вклада в административное управление султана Асфендияра Сюгалина. Несмотря на то, что султан в разные периоды занимал должности дистанчного начальника в разных дистанциях (31-я, 38-я, 1-я), помимо положительных отзывов со стороны российских чиновников, характеризовался отрицательно и был известен злоупотреблением полномочиями и притеснениями кочевых казахов. При управлении дистанциями он установил свой порядок управления, характеризовавшийся преимущественно личными выгодами, претензиями и жалобами кочевого населения.

Таким образом, султан Асфендияр Сюгалин, безусловно, ключевая фигура и неоднозначная личность в истории формирования местного управления, который за период своей службы получил не только положительные, но и отрицательные отзывы. Сохранившиеся формулярные списки явились свидетельством вхождения казахов в состав российского чиновничества и формировали

своего рода «базу данных» о казахских представителях местного управления. На их основе составлялся портрет казахского чиновника, исполнявшего определенные функции и обязанности в системе местного управления, реализовавшего имперскую политику по новому формату административного управления в Степи.

Литература

Абдиров, 2000 – *Абдиров М.* Завоевание Казахстана Царской Россией и борьба казахского народа за независимость (из истории военно-казахской колонизации края в конце XVI – начале XX вв.). Астана, 2000. 301 с.

Ахметова, 2019 – *Ахметова У.Т.* Билер билігі сабақтастығы және Калыбек би ұрпақтары // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Евразийское историческое наследие: грани истории – от истоков до современности». Нур-Султан, 2019. 348 с.

Бекмаханов, 1947 – *Бекмаханов Е.Б.* Казахстан в 20–40 годы XIX века. Алма-Ата, 1947. 389 с.

Ерофеева, 2007 – *Ерофеева И.В.* Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Изд. 3-е. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 496 с.

Жанаев, 2006 – *Жанаев Б.Т.* «История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков». Т. VIII. Ч. 2. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. Алматы: «Дайк-Пресс», 2006. 971 с.

Жанаев, 2013 – *Жанаев Б.Т. Лазаревский Ф.М. О состоянии Западной части Киргизской орды и Уральской линии. 1852 г.* История Казахстана в документах и материалах. Вып. 3. Караганда: ПК «Экожан», 2013. 496 с.

Избасарова, 2018 – *Избасарова Г.Б.* Казахская степь Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках первой половины XIX века. Монография. М.: ИП Лысенко А.Д., 2018. 484 с.

Касымбаев, 2000 – *Касымбаев Ж.К.* Генерал, султан-правитель Баймухамед Айшуаков (1790–1847). Алматы: Өлке, 2000. 192 с.

Левшин, 1832 – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 2. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. 348 с.

Лысенко, 2014 – *Лысенко Ю.А.* Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Документы и извлечения. Барнаул: Азбука, 2014. 582 с.

Перфильев, 2011 – *Перфильев А.Л.* Межродовые конфликты казахов и их урегулирование: 80-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / [Том. гос. ун-т]. Томск, 2011. 226 с.

Султангалиева, 2017 – *Султангалиева Г.С., Тулешова У.Ж.* Султаны Баймухамедовы: процесс вхождения в дворянство Российской империи // *Вестник КазНУ: Серия историческая.* 2017. № 1(84) С. 120-127.

Султангалиева, 2009 – *Султангалиева Г.С.* Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX) // *Acta Slavica Iaponica.* 2009. Т. 27. С. 77-101.

Султангалиева, 2014 – *Султангалиева Г.С.* Казахские чиновники на службе Российской империи / Сборник документов и материалов. Алматы: Қазақ университеті, 2014. 418 с.

Султангалиева, 2015 – *Султангалиева Г.С.* Казахские султаны Оренбургского ведомства в XIX в.: должности, чины и обеспечение // *Вестник КазНПУ имени Абая, серия «Исторические и социально-политические науки».* 2015. № 4(47). С. 10-14.

Султангалиева, 2015а – *Султангалиева Г.С.* Казахские чиновники Российской империи XIX в.: особенности восприятия власти // *Cahiers du monde russe.* 2015. № 4(56). С. 651-679.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Шимырбаева, 2022 – *Шимырбаева Г.* Санжар Асфендияров – потомок хана Абулхайра? // *Казахстанская правда.* 2002. 5 июня.

Sultangalieva, 2021 – *Sultangalieva G.S.* Transformation of social life in Kazakh steppe: case of dynasty Bekimbaevs (XIX c.). *Bulletin of Karaganda University. The series "History. Philosophy".* 2021. № 1(101). Pp. 76-81.

Sultangalieva, Dyussembekova, 2018 – *Sultangalieva G.S., Dyussembekova Zh.* Distance and Distance Chiefs of the Kazakhs of the Orenburg Province // *Bylye Gody.* 2018. №4 (50). Pp. 1575-1583.

References

Abdirou, 2000 – *Abdirou, M.* (2000). Zavoyevaniye Kazakhstana Tsarskoy Rossiiyey i bor'ba kazakhskogo naroda za nezavisimost' (iz istorii voyenno-kazach'yey kolonizatsii kraya v kontse XVI – nachale XX vv.) [The conquest of Kazakhstan by Tsarist Russia and the struggle of the Kazakh people for independence (from the history of the military-cossack colonization of the region in the late 16th – early 20th centuries)]. Astana, 301 p. [in Russian]

Akhmetova, 2019 – *Akhmetova, U.T.* (2019). Biler biligi sabaktastygy zhane Kalybek bi urpaktary. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Yevraziyskoye istoricheskoye naslediye: grani istorii – ot istokov do sovremennosti» [Continuity of the power of biys and generations of

- Kalybek biy. Collection of materials of the International scientific and practical conference "Eurasian historical heritage: the facets of history – from the origins to the present". Nur-Sultan, 348 p. [in Kazakh]
- [Bekmakhanov, 1947](#) – Bekmakhanov, E.B. (19147). Kazakhstan v 20-40-e gody XIX veka [Kazakhstan in the 20-40s of the XIX century]. Alma-Ata, 389 p. [in Russian]
- [Erofeeva, 2007](#) – *Erofeeva, I.V.* (2007). Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik. Izd. 3-ye [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician. Ed. 3rd.]. Almaty: Dike-Press. 496 p. [in Russian]
- [Izbasarova, 2018](#) – *Izbasarova, G.B.* (2018). Kazakhskaya step' Orenburgskogo vedomstva v imperskikh proyektakh i praktikakh pervoy poloviny XIX veka [The Kazakh Steppe of the Orenburg Department in imperial projects and practices of the first half of the XIX century]. Monograph. Moscow: IP Lysenko A.D, 484 p. [in Russian]
- [Kasymbaev, 2000](#) – *Kasymbaev, Zh.K.* (2000). General, Sultan-pravitel' Baimukhamed Aishuakov (1790-1847) [General, Sultan-ruler Baimukhamed Aishuakov]. Almaty: Olk, 192 p. [in Russian]
- [Levshin, 1832](#) – *Levshin, A.I.* (1832). Opisaniye kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaysatskikh ord i stepey. Ch.2 [Description of the Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes. Part 2]. SPb., 348 p. [in Russian]
- [Lysenko, 2014](#) – *Lysenko, Yu.A.* (2014). Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo v natsional'noy politike Rossiyskoy imperii: kontseptual'nyye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX - nachalo XX v.). Dokumenty i izvlecheniya [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual foundations and implementation mechanisms (XIX – early XX centuries). Documents and extracts]. Barnaul: Azbuka, 582 p. [in Russian]
- [Perfiliev, 2011](#) – *Perfiliev, A.L.* (2011). Mezhdovyye konflikty kazakhov i ih uregulirovaniye: 80-ye gg. XVIII v. – 60-ye gg. XIX v. [Inter-clan conflicts of the Kazakhs and their settlement: 80s of the XVIII – 60s of the XIX centuries]: Diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.03. [Tom. gos. un-t]. Tomsk, 226 p. [in Russian]
- [Shimyrbayeva, 2002](#) – *Shimyrbayeva, G.* (2002). Sanzhar Asfendiyarov – potomok khana Abulkhaira? [Is Sanjar Asfendiyarov a descendant of Khan Abulkhair?]. *Kazakhstanskaya Pravda*. 5 iunya. [in Russian]
- [Sultangaliyeva, 2009](#) – *Sultangaliyeva, G.S.* (2009). Kazakhskoe chinovnichestvo Orenburgskogo vedomstva: formirovaniye i napravleniye deyatelnosti (XIX) [Kazakh officialdom of the Orenburg Department: formation and direction of activities (XIX)]. *Acta Slavica Iaponica*. 27: 77-101. [in Russian]
- [Sultangaliyeva, 2015a](#) – *Sultangaliyeva, G.S.* (2015). Kazakhskiy chinovnik Rossiyskoy Imperii XIX v.: osobennosti vospriyatiya vlasti [Kazakh officials of the Russian Empire of the XIX century: features of the perception of power]. *Cahiers du monde russe*. 4(56): 651-679. [in Russian]
- [Sultangaliyeva, 2017](#) – *Sultangaliyeva, G.S., Tuleshova, U.Zh.* (2017). Sultany Baymukhamedovy: protsess vkhozhdeniya v dvoryanstvo Rossiyskoy imperii. [Sultans Baimukhamedovs: the process of entering the nobility of the Russian Empire]. *Vestnik KazNU: Seriya istoricheskaya*. 1(84): 120-127. [in Russian]
- [Sultangaliyeva, 2021](#) – *Sultangaliyeva, G.S.* (2021). Transformation of social life in Kazakh steppe: case of dynasty Bekimbaevs (XIX c.). *Bulletin of Karaganda University. The series "History. Philosophy"*. № 1(101), pp.76-81. [In English]
- [Sultangaliyeva, Dyussebekova, 2018](#) – *Sultangaliyeva, G.S., Dyussebekova, Zh.* (2018). Distance and Distance Chiefs of the Kazakhs of the Orenburg Province. *Bylye Gody*. 4(50): 1575-1583.
- [Sultangaliyeva, 2014](#) – *Sultangaliyeva, G.S.* (2014). Kazakhskiy chinovnik na sluzhbe Rossiyskoy imperii: sbornik dokumentov i materialov [Kazakh officials in the service of the Russian Empire: a collection of documents and materials]. Almaty: Kazakh University, 418 p. [in Russian]
- [Sultangaliyeva, 2015](#) – *Sultangaliyeva, G.S.* (2015). Kazakhskiy sultany Orenburgskogo vedomstva v XIX v.: dolzhnosti, chiny i obespecheniye [Kazakh sultans of the Orenburg department in the XIX century: positions, ranks and provision]. *Bulletin of KazNPU named after Abay, series "Historical and socio-political sciences"*. 4(47): 10-14. [in Russian]
- [TsGA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of Republic of Kazakhstan].
- [Zhanaev, 2006](#) – *Zhanaev, B.T.* (2006). «Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI-XIX vekov». T.VIII. Ch.2. O pochetneyshikh i vliyatel'neyshikh ordyntsakh: alfavitnyye, imennyye, formulyarnyye i posluzhnyye spiski. 12 noyabrya 1827 g. – 9 avgusta 1917 [“History of Kazakhstan in Russian sources of the XVI-XIX centuries”. V.VIII. Part 2. On the most honorable and influential members of the Horde: alphabetical, nominal, formulary and service lists. November 12, 1827 – August 9, 1917]. Almaty: "Daik-Press". 971 p. [in Russian]
- [Zhanaev, 2013](#) – *Zhanaev, B.T.* (2013). Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh [History of Kazakhstan in documents and materials]. Is. 3. Karaganda: PK “Ekozhan”, 496 p. [in Russian]

Служба дистанчного начальника Асфендияра Сюгалина в контексте политики Российской империи

Жанна Дюсембек^{a, *}, Рыскелды Саламатовна Мырзабекова^a,
Айжамал Ибрагимовна Кудайбергенова^b

^a Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Республика Казахстан

^b Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Республика Казахстан

Аннотация. Данная статья нацелена на объективное представление значения дистанчной системы административного управления, введенной в 1831 году вследствие административно-территориальных преобразований на территории казахов Оренбургского ведомства, а также на выявление роли представителей казахской кочевой знати в лице дистанчных начальников, представлявших собой местных управленцев. Одним из таких личностей являлся султан Асфендияр Сюгалин, который представляет интерес для исторической науки. Статья раскрывает его личность, службу и деятельность на основе анализа формулярных, послужных списков и других архивных документов. Есаул, султан Асфендияр Сюгалин – одна из интересных и неоднозначных фигур в истории Казахстана, поскольку за период своей службы в должности начальника дистанций № 31, № 38 и № 54 в разных частях Оренбургского ведомства султан Асфендияр Сюгалин получил как положительные отзывы, так и отрицательные характеристики со стороны казахского кочевого населения и русских чиновников. Некоторые расхождения, приведенные в сведениях из архивных документов и материалов, разные характеристики со стороны русских чиновников относительно личности, службы и деятельности Асфендияра Сюгалина вызывают интерес и актуализируют данное исследование. Кроме того, оно отражает сущность дистанчной системы управления на территории казахов Оренбургского ведомства, выявляет механизм назначения и награждения казахских чиновников в лице дистанчных начальников. Статья написана на основании архивных документов (формулярные и послужные списки, донесения, записки), извлеченных из Центрального государственного архива РК, и анализа исторической литературы.

Ключевые слова: дистанции, дистанчные начальники, султаны-правители, формулярные и послужные списки, посредники, администраторы.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: zhan.dsmk@gmail.com (Ж. Дюсембек)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 199-207
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.199

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Social and Lifestyle Aspects of the Construction of the Railway in Siberia in the late XIX – early XX centuries

Evgeny A. Akhtamov ^{a, *}, Denis N. Gergilev ^a, Andrei A. Gruzdev ^a, Tatyana V. Izluchenko ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The issue of the Trans-Siberian Railway construction attracts the researchers' attention constantly. It is due to the role that the railway's impact on the life in Siberia and in the country. The problem of the workers status who worked on the construction of the Trans-Siberian Railway was also repeatedly raised in the papers of many researchers. The issue attracted scientists as a good example of the class struggle in the Soviet period. At the turn of the XX–XXI centuries the desire to give a new assessment of already known information prevailed, as well as to replenish the existing historiography with new facts. The object of study of this article is the situation on workers of the Trans-Siberian Railway: their quantitative composition in different years, the amount of local residents among the workers, government recruitment measures. The authors have noted that during the construction of the railway, the struggle for labour intensified to some extent. For example, the workers in gold mines, being bound by contractual obligations with gold producers, sought to get a job at the construction of the railway. At the same time, the living conditions of the railway workers left much to be desired. First of all, the remoteness of construction sites from settlements in Siberia had negative consequences. This created certain difficulties in providing workers with food, medical care, and organizing leisure activities. In an effort to replenish the ranks of workers, the government attracted exiled convicts and prisoners to the construction. At later stages of construction, subject to a number of conditions, it was allowed to involve prisoners of war in the work.

Keywords: railway, Siberia, construction, living conditions, personnel, Central Siberian railway, Trans-Baikal railway.

1. Введение

Идея соединения Сибири с Европейской Россией железной дорогой, впервые высказанная инженером путей сообщения Н.И. Богдановым в 1837 году в пояснительной записке по итогам изысканий для строительства Кругобайкальской грунтовой дороги от Иркутска до Кяхты, во второй половине XIX века стала все чаще обсуждаться в политических кругах России. В 1857 году генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский высказал мысль о возможности постройки Сибирской железной дороги. В последующие годы вопрос о строительстве железнодорожного пути поднимался все чаще: в установлении надежного транспортного сообщения Сибири с Европейской Россией видели возможность ускорения социально-экономического развития региона, а также усиления международного влияния России на востоке. После принятия решения о строительстве железной дороги в 1887 году одной из задач, которые следовало решить правительству, стало обеспечение масштабной стройки необходимыми кадрами. Сложность представляла отдаленность районов проведения работ от местонахождения основных рынков рабочей силы в России, в целом

* Corresponding author

E-mail addresses: akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), andygruzdev@yandex.ru (A.A. Gruzdev), izluchenko@mail.ru (T.V. Izluchenko)

малая заселенность Сибири, а также тяжелые условия труда и быта строителей железнодорожной магистрали. Правительством предпринимались меры по решению этого вопроса: нанимались рабочие из местных жителей, жителей Европейской России, Китая; предпринимались шаги для налаживания быта рабочих, устраивались больницы. Как представляется авторам, данная статья, учитывая многоаспектность проблемы, позволяет дополнить уже известные сведения о положении строителей железной дороги.

2. Материалы и методы

Данное исследование основано на комплексном анализе разнообразных по характеру источников: отчетов, делопроизводственных материалов, материалов периодической печати. Так, авторы обращались к сведениям, содержащимся в отчетах по постройке участков Средне-Сибирской железной дороги от Красноярска до Иркутска, участков Забайкальской железной дороги. Разнообразные сведения содержатся в материалах периодической печати, а именно в «Вестнике путей сообщения», отдельные статьи которого сохранились в фондах Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация). Помимо этого, в фондах архива сохранилась делопроизводственная документация, отражающая ход строительства Сибирской железной дороги. Разнообразные по характеру сведения отражены в материалах фонда Ачинск-Минусинской железной дороги.

В ходе проведения исследования авторы использовали как общенаучные, так и специальные методы исторической науки. Так, принципы историзма и объективности позволили полнее воссоздать положение рабочих, занятых на строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали, а при анализе исторической литературы советского периода – учесть влияние общественно-политической ситуации на работы историков. Сравнительно-исторический метод использовался при анализе положения разных категорий рабочих, что позволило рассмотреть отличия в трудовых и бытовых условиях трудящихся. В ходе работы с дореволюционными рукописными источниками применялись методы палеографии, позволившие точнее установить отдельные аспекты принятия решений на строительстве железной дороги, труда и быта рабочих.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии, посвященной Сибирской железной дороге, исследователями в основном рассматривались вопросы, связанные со строительством железной дороги (Арефьев, 1895; Головачев, 1892; Куломзин, 1903): истории проектирования, хода исследовательских и строительных работ.

Проблемы, связанные с положением рабочих, занятых на строительстве и эксплуатации Транссибирской железной дороги, в исторической литературе получили освещение в советский период. При этом численность рабочих, роль политических ссыльных в развитии культуры в регионе, условия труда и уровень зарплат во многом интересовали исследователей в контексте классовой борьбы (Паталеев, 1951; Каземиров, 1970; Зензинов, 1986). Большой вклад в изучение процесса формирования рабочего класса в Сибири внес В.Ф. Борзунов (Борзунов, 1965). Он подробно рассмотрел положение рабочих, условия их труда, быта и питания, проанализировал использование труда заключенных и иностранцев. Вопросы о численности, профессиональной структуре, социальном обеспечении рабочих, трудившихся на Транссибирской железной дороге в конце XIX – начале XX веков, были исследованы в работах И.Т. Белимова (Белимов, 1964), Б.И. Земерова (Земеров, 1973), К.Т. Новаковой (Новакова, 1965, 1967).

На современном этапе интерес исследователей к этой теме остается неизменно высоким. Различные аспекты организации труда и быта строителей Сибирской железной дороги отражены в коллективном труде под редакцией В.Г. Третьякова (*Железнодорожный транспорт...*, 2001). В ней проанализирован состав рабочих, особенности быта, организация медицинской помощи для рабочих. Проблемы формирования кадров рассмотрены в работе В.Г. Третьякова (Третьяков, 2015). Вопросы использования иностранной рабочей силы на железнодорожном строительстве проанализированы в работе А.В. Хобты (Хобта, 2012). В коллективном труде «Стальное звено Транссиба», наряду с другими значимыми событиями и процессами развития Красноярского участка Транссибирской железной дороги, рассмотрены некоторые аспекты положения строителей железной дороги в Енисейской губернии (*Стальное звено Транссиба*, 1998). В ряде работ М.А. Гилько исследованы социально-бытовые условия работников железной дороги (Гилько, 2011; Гилько, 2012).

В коллективной статье С.Т. Гайдина, Г.А. Бурмакиной, Р.В. Павлюкевича, Т.Г. Шереметовой (Гайдин и др., 2020), наряду с вопросами деятельности государственных органов по хозяйственному развитию Сибири, затронуты проблемы обеспечения строительства Сибирской железной дороги рабочей силой. Проблемы положения рабочих железной дороги на окраинах Российской империи рассмотрены в статье Л.С. Динашевой, М.М. Тастанбекова, Г.Е. Сабденовой, Т.С. Каленовой (Динашева, 2021). Роль отдельных сословий в развитии железной дороги в Сибири выявлена в работе А.Ж. Габдулиной, А.Ж. Турхановой, Л.Т. Курманбаевой, Ж.Р. Абишевой (Габдулина и др., 2022).

Зарубежные исследователи, как правило, при изучении истории Сибирской железной дороги отмечают ее важность для хозяйственного освоения Сибири, ускорения ее социально-экономического развития (Маркс, 1991). Дж.Н. Вествуд при исследовании истории российских железнодорожных путей указывал на определяющую роль государства в их строительстве (Вествуд, 1964). В работе К. Волмара рассмотрен широкий спектр вопросов: условия строительства железной дороги в Сибири, состояние медицинского обслуживания, роль железной дороги в дальнейшем развитии региона (Волмар, 2016). Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблемы строительства и развития железной дороги в Сибири неизменно привлекают внимание исследователей.

4. Результаты

Многие современники отмечали заманчивые перспективы, которые открывались благодаря развернувшемуся строительству Транссибирской железнодорожной магистрали: оживление культурной и экономической жизни в Сибири, ее более тесная связь с Европейской Россией, усиление позиций Российской империи на востоке. Однако эти достижения не стали бы возможны без интеллектуального и физического труда людей, приложивших свои знания и усилия к строительству самой большой железной дороги в мире.

На ее строительстве трудились сибиряки, приезжие мастеровые из Европейской России, ссыльнопоселенцы, арестанты, солдаты, выходцы из азиатских государств. Вопрос об общем количестве рабочих, строивших магистраль в Восточной Сибири, является достаточно сложным. Свет на этот вопрос проливают подсчеты В.Ф. Борзунова, однако они относятся к Забайкальской и Средне-Сибирской дорогам. Итоги подсчетов В.Ф. Борзунова таковы: в 1893 г. на строительстве Средне-Сибирской железной дороги работало 1,8 тыс. рабочих, в 1894 г. – 14 тыс., в 1895 г. – 36 тыс., 1896 г. – 27 тыс., 1897 г. – 23,7 тыс. и в 1898 г. – 19,4 тыс. На Забайкальской дороге строителей было: в 1895 г. – 5 тыс., в 1896 г. – 14,5 тыс., в 1897 г. – 18,8 тыс. и в 1898 г. – 28,6 тыс. (Борзунов, 1965: 197).

Учитывая, что участок западнее Мариинска начали строить раньше и раньше закончили и что по длине он примерно равен половине пути от реки Обь до Красноярска, можно получить следующие ориентировочные цифры для Восточной Сибири: 1894 г. – 4 тыс., 1895 г. – 17 тыс., 1896 г. – 31,5 тыс., 1897 г. – 38,8 тыс., 1898 г. – 48 тыс. человек (Железнодорожный транспорт..., 2001: 125).

По оценкам руководителей строительства Средне-Сибирской дороги, рабочих из числа местных жителей было в среднем от 2 до 7 тысяч человек (Борзунов, 1965: 26). Важным подспорьем в строительстве была конная сила. Крестьяне, проживавшие в волостях, расположенных рядом с трассой магистрали, рубили и вывозили лес, подвозили дрова и шпалы. В Иркутском уезде крестьяне Смоленской волости сплавливали вниз по Иркуту лес для сооружения дороги (Железнодорожный транспорт..., 2001: 122).

По данным Управления строительства Забайкальской железной дороги, местных железнодорожных рабочих трудилось летом не более 6 тысяч человек, а в холодное время, продолжавшееся 8 месяцев, – менее половины. Некоторые из местных строительных рабочих стали профессиональными железнодорожниками.

Общее число местных рабочих, участвовавших в сооружении магистрали, можно оценить за разные годы в 10–15 тысяч человек. Среди них весьма существенна роль переселенцев, особенно в Енисейской губернии. Строительство дороги давало им возможность получить важный в первые годы становления хозяйства дополнительный заработок. Некоторые из них обладали такими навыками, которые были полезны в железнодорожном строительстве. Участвовали в сооружении дороги также и солдаты – в основном в Забайкальской области (Железнодорожный транспорт..., 2001: 123).

Стоит отметить, что местные жители так и не стали основной рабочей силой. Это было связано с тем, что среди сибиряков не было специалистов, обладавших знаниями, необходимыми для работ, связанных с сооружением железной дороги. В частности, при проведении земельных работ рабочие из числа местных жителей отставали от рабочих, приехавших из Европейской России. Поэтому на работы, связанные с обустройством земляного полотна, мастеровые и землекопы выписывались из Европейской России. На строительство они чаще всего приезжали семьями. Некоторые из них остались в Сибири, однако большая их часть вернулась на прежние места (ГАКК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 3. Л. 8).

Среди рабочих из числа местных жителей можно выделить семейских – потомков старообрядцев, сосланных в Сибирь в XVIII веке. Их отличительными чертами были крепкое телосложение, честность, трудолюбие. Также их отличало то, что они сторонились алкоголя. На работу они приезжали семьями. «Каждый из рабочих <...> имеет несколько лошадей, часть их работает с утра до обеда, а часть с обеда до вечера, свободные же от работ лошади пасутся на подножном корму; взрослые работники производят копку, грузку и отвалку земли, дети же находятся при лошадях в качестве погонщиков и пастухов, а жены занимаются приготовлением пищи и хозяйством. И не соглашаются жить в общих казенных бараках; они устраивают отдельные для каждой семьи шалаши из ветвей; покрывают их легким слоем дерна и предпочитают такие жилища баракам, даже во время морозов, достигающих осенью по ночам 10–15 градусов. Случаи заболевания этих рабочих крайне редки» (Отчет о постройке..., 1904: 17). Численность семейских работников год

от года колебалась, но, по дошедшим до нас сведениям, в отдельные годы она могла достигать 3 тысяч человек.

Другим источником рабочих рук для строительства Транссибирской железной дороги стали золотые прииски. Поскольку на строительстве магистрали заработки были выше, а условия работы – несколько лучше, чем на золотых приисках, часть трудившихся там рабочих стала наниматься для постройки дороги. Так, в Забайкальской области в мае 1896 года на золотые прииски не явилось 20 % приисковых рабочих, в январе 1897 года – 25 %. В ответ на жалобы золотопромышленников о побегах рабочих губернатор области требовал возвращения тех, кто был прежде законтрактован владельцами приисков. Под давлением губернатора начальник производства работ Забайкальской магистрали даже издал циркуляр, запрещающий устраивать на работу беглецов с приисков. Однако этот циркуляр соблюдался далеко не всегда (*Железнодорожный транспорт..., 2001: 122*).

В связи с дефицитом рабочей силы было принято решение привлечь на строительство железной дороги ссыльнокаторжных и заключенных. В марте 1894 года было принято решение о применении труда каторжников на Средне-Сибирской железной дороге, а в ноябре 1897 года – Забайкальской дороге.

На Средне-Сибирской железной дороге в 1895 году трудилось 1 377 работников из числа каторжан, при этом на железную дорогу отбирали зарекомендовавших себя с положительной стороны. Благодаря такому отбору и организованной охране за весь период строительства было зафиксировано только 15 случаев побега (*ГАКК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 17. Л. 6*). Ссылные работали на наиболее тяжелых участках: рубке леса, земляных работах. Стоит отметить, что, согласно сохранившимся свидетельствам, ссыльнокаторжные трудились добросовестно, поскольку им обещали смягчение наказания, сокращение срока ссылки.

Также на работы привлекали ссыльнопоселенцев, осужденных за уголовные преступления. Стоит отметить, что «...ссылный элемент доставлял много хлопот. По преимуществу образ жизни был следующий: проработав неделю в определенном месте и прокормившись одним хлебом, они затем пьянствовали несколько дней подряд, соблазняя к спиртным напиткам других рабочих. Только по израсходовании денег они снова принимались за работу. Выгнанные из одного участка, они находили приют на другом, где их еще не знали или же успели забыть» (Цит. по: *Железнодорожный транспорт..., 2001: 124*).

Следует отметить, что среди служащих железной дороги было много политических ссыльных, которые занимали должности от десятников до начальников дистанций. Среди них – Л.Б. Красин, социал-демократ, впоследствии – советский государственный деятель. Поскольку его родители жили в Иркутске, по их просьбе Л.Б. Красин был сослан именно в Иркутск. Там он работал техником на строительстве Средне-Сибирской дороги, принимал участие как инженер в изысканиях на строительстве Забайкальской железной дороги. Л.Г. Дейч – социал-демократ, отбыв каторгу, работал в конторе начальника дистанции на станции Сретенская. Народолец Г.В. Андронников, закончивший институт путей сообщения, служил инженером на строительстве дороги в Забайкалье. Там же трудились политические ссыльные А.И. Зунделевич и Л.Ф. Бердников. А.С. Гуревич, проводя как каторжанин и ссыльный в Восточной Сибири около 10 лет, стал начальником дистанции, руководил строительством моста в Забайкалье. За Байкалом служили революционные деятели Н.А. Люри, А.И. Преображенский, Ф.Ю. Рехневский, И.Ю. Старынкевич, А.А. Фомин, Г.М. Фриденсон, В.И. Чуйков. Они занимали должности помощника юрисконсульта, землемера. А.А. Криль, народник, сосланный в Иркутск, оказывал различную помощь другим политическим ссыльным. Все эти лица, по-видимому, не вели активной политической пропаганды, но проявили себя как люди авторитетные, трудолюбивые и честные (*Железнодорожный транспорт ..., 2001: 130*). Благодаря этому политических ссыльных охотно принимали на работу на железную дорогу.

Также к строительству привлекали и иностранных работников. Каждый год перед началом строительных работ представители дороги совершали поездки на Амур для заключения контрактов с рабочими из Китая. Если в первые годы на строительные работы удавалось привлечь около 2–3 тысяч работников из Китая, в 1898–1900 годах их число возросло до 8 тысяч человек. Китайцы в целом соглашались на различного рода работы, не перечили начальству, однако по скорости и продуктивности труда значительно уступали русским рабочим (*Отчет о постройке..., 1904: 17*).

В более поздние периоды на строительстве железной дороги было разрешено использовать, в том числе, и труд военнопленных. Управлению железных дорог было разрешено их привлекать на поденные работы, но только в том случае, если пленные не понадобятся для командирования в какой-либо другой пункт, поэтому они не могли считаться окончательно закрепленными к этой работе (*ГАКК. Ф. 850. Оп. 1. Д. 1. Л. 3*).

Строительство Средне-Сибирского участка железной дороги оказалось более сложным, чем строительство Западно-Сибирского участка. Сказывалось слабое развитие промышленности в этих и прилегающих к дороге местах. Самые простые материалы завозились издалека. Отсутствие дорог, путей сообщения осложняло доставку даже местных составляющих земельного полотна: камня, гравия и песка. Здесь, на извозе, участие сибирского населения можно считать наиболее действенным (*ГАКК. Ф. 850. Оп. 1. Д. 3. Л. 6*).

Представляет интерес описание быта артели укладчиков железнодорожного пути. На отметках 500–680 километров Средне-Сибирской железной дороги работы по укладке пути велись артелью в 150 человек под руководством инженера Э. Бобиенского и его помощника С. Рогальского. Артель укладчиков пути размещалась в крытых товарных вагонах, где устраивались нары, двери, а также печки-буржуйки и двойной пол. В среднем в вагонах жило до 20 человек, всего же вагонов при укладке Средне-Сибирского пути было 14. Многие рабочие жили с женами и детьми, в таком доме на колесах отмечались даже случаи рождения. В одном поезде находились также вагон-контора, вагон распорядителя работ, три вагона дорожных мастеров, санитарный, торговая лавка, кузница и кладовая. Весь состав медленно, по мере производимых работ, продвигался к Иркутску и прошел тысячу верст в течение трех лет, продвигаясь в день на шесть и порой более километров (*Стальное звено Транссиба, 1998: 19*).

Кормили людей пищей за счет казны, заработок колебался от двух до четырех рублей в день. Тем не менее тяжелые условия оценивались самими рабочими примерно так: «Здесь можно робить железнному и каменному человеку», – нередко становились причиной волнений в пролетарской среде. Так, в 1895 году на возведении Средне-Сибирского участка вспыхнуло пять забастовок, где приняло участие до тысячи человек. Только на участке Ачинск–Красноярск на протяжении нескольких дней продолжалась забастовка трехсот «киргиз», как в то время именовали хакасов.

На фоне нещадной эксплуатации трудового люда резким контрастом выделяются факты самого настоящего жульничества со стороны купечества, пытавшегося максимально заработать на поставках материалов для строительства. Торговец мясом Аким Жоголев, живший в Красноярске, скупил у крестьян-переселенцев Покровской волости Ачинского уезда триста десятин строевого леса, выплатив по 17 рублей за десятину, что было значительно ниже его рыночной стоимости. У переселенцев села Большая Тесь Аким Жоголев скупил 25 тысяч шпал по четыре копейки за штуку, позднее продав их казне за 80 копеек (*Стальное звено Транссиба, 1998: 20*).

При заключении договоров подрядчиков с рабочими Средне-Сибирской железной дороги оговаривалось время рабочего дня. Как правило, рабочий день составлял около 14 часов без учета времени на полдник и обед. На Забайкальской железной дороге он зависел от времени года: летом 12–13 часов, зимой 10–11 часов. В договорах с работниками также прописывались условия ночного труда, а также в воскресные и праздничные дни. В этих случаях зарплата увеличивалась на 50 %. Отпуск подрядчики не признавали и во многих случаях не оплачивали рабочим вынужденные простои в дождливые дни (*Железнодорожный транспорт..., 2001: 126*).

Представляет интерес описание жизни рабочих, сделанное врачом Строительного управления Забайкальской дороги. Распорядок дня рабочих был однообразен: работа начиналась с восходом солнца, завтракали в восьмом часу утра, обедали в полдень. После обеда следовал часовой сон, причем рабочие спали там же, где и работали. Если стройка проходила недалеко от населенных пунктов, то в праздничные дни рабочие могли сходить в церковь, принять участие в местных развлечениях. Если же стройка была в местах, отдаленных от деревень, то рабочие оставались в бараках (*Железнодорожный транспорт..., 2001: 126*).

Если поблизости от места расположения строителей был населенный пункт, то небольшая часть рабочих жила у крестьян, которые их кормили и отводили помещение для ночлега. Это требовало от рабочих значительных затрат, поэтому жить у домохозяев могли только наиболее квалифицированные и хорошо оплачиваемые строители.

Но чаще всего строительные работы велись в стороне от деревень. При этом в Сибири деревни могли находиться на значительном расстоянии друг от друга. Поэтому «железнодорожное население вынуждено было жить и работать там, где прокладывался путь, пользуясь преимущественно временными жилыми помещениями, на первых же порах пришлось некоторым жить под открытым небом. При таких обстоятельствах ничего нет удивительного, что между служащими было много заболеваний и что условия жизни на постройке были неблагоприятны для здоровья» (*Отчет о постройке, 1904: 127*).

Качество питания рабочих зависело от таких факторов, как возможность доставки и хранения продуктов, умение повара, добросовестность предпринимателей и подрядчиков. В.Ф. Борзунов отмечает, что рацион работников оговаривался в договорах, которые заключались между работниками и подрядчиками. Во многих договорах прописывалось, что работник ежедневно должен получать от трех четвертей до одного фунта мяса (свежего или соленого) или рыбы, приварок из свежей или квашенной капусты, крупы, гороха «по мере надобности», кашу с постным маслом, квас, хлеб и другие продукты (*Борзунов, 1965: 124*).

В случае соблюдения этих условий питание рабочих можно было бы назвать хорошим. Однако зачастую условия договоров не соблюдались. Например, за выполнение плана полагалась премия – чай или водка. Однако водочная премия вела к снижению дисциплины, приводила к штрафам. Сохранились свидетельства того, что мало кто из рабочих полностью выполнял план. В результате рабочий мог лишиться завтрака, полдника или ужина. «Также рядчики, подрядчики и их служащие постоянно «экономили» на питании рабочих. Многие забастовки и волнения рабочих были связаны или вызваны их плохим питанием» (*Борзунов, 1965: 124*).

В одном из отчетов мы находим сведения об организации питания рабочих: «продукты, полученные из складов, рабочие уносили на работы и там готовили пищу артельно; семейным готовили их жены, поэтому получались более разнообразные и лучше приготовленные блюда. Если же обед готовил сам рабочий для артели или для себя, то обыкновенно ежедневное блюдо состояло из вареного мяса и супа, заправленного той или иной крупой. Утром и вечером рабочие ограничивались чаем с белым хлебом... Мясо в постные дни заменялось хлебом, а коровье масло – растительным. Огородные овощи, благодаря дороговизне, почти не употреблялись. Из приправ можно перечислить лук, перец и зеленая черемша, последнюю рабочие собирали на лугах и ели с хлебом в большом количестве» (*Отчет о постройке..., 1904: 112*).

Организация медицинского обслуживания строителей была недостаточной. На участке дороги между Красноярском и Иркутском находилась только одна больница, которая располагалась в Красноярске. На участке Забайкальской железной дороги, очевидно, медицинское обслуживание было налажено лучше – там было обустроено 11 больниц (*Отчет о постройке..., 1904: 114*). Также о значительном количестве больниц свидетельствуют данные о лицах, проходивших лечение. Так, в 1896 году лечение прошел 1 741 человек, а в 1898 году – 2 856 человек. Однако стоит отметить, что рост численности людей, проходивших лечение, мог быть связан не только с ростом доступности врачебной помощи, но и с волной заболеваемости, вызванной наводнениями в 1897 и 1898 годах. Важно отметить, что все работники железной дороги имели право на врачебную помощь. Если подрядчик не вносил средства на медицинскую помощь, то его работники также могли лечиться амбулаторно или в стационаре за свой счет или за счет подрядчика. Со временем оснащенность больниц росла: число мест увеличилось с 20 до 60 коек, приобретались лошади и экипажи для врачей. В целом уровень медицинского обслуживания на строительстве Забайкальской железной дороги следует признать удовлетворительным (*Железнодорожный транспорт..., 2001: 129*).

5. Заключение

Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали заняло четверть века: с 1891 по 1916 годы. Возведение такого масштабного объекта потребовало от правительства пристального внимания к проблеме обеспечения стройки трудовыми ресурсами. Отсутствие инфраструктуры, удаленность мест строительства от обжитых районов создавали сложности не только в доставке техники и строительных материалов, но и в обеспечении работников необходимыми условиями проживания. Вследствие этого положение рабочих, строивших железную дорогу, было трудным: долгий рабочий день, выполнение тяжелого физического труда, размещение в тесных, грязных бараках, проблемы с обеспечением продуктами питания. Стоит отметить, что правительство предпринимало меры к тому, чтобы улучшить быт строителей: в договорах с работниками прописывались нормы питания и содержания, строились больницы. Сложностью при возведении дороги стала удаленность мест строительства от рынков вольнонаемной рабочей силы, что побуждало Управление строительства железной дороги привлекать на стройку категории работников, чья результативность труда была заведомо ниже: иностранных рабочих, а также ссыльнопоселенцев, осужденных за уголовные дела. Сложные условия для строительства не остановили вольнонаемных рабочих, переселенцев, которым железная дорога дала возможность поправить свое материальное положение, обжиться на новом месте. Благодаря труду строителей была построена самая протяженная в мире железнодорожная магистраль, а Сибирь получила мощный импульс к хозяйственному и культурному развитию.

Литература

Арефьев, 1895 – *Арефьев Н.* Работа на Сибирской дороге: постройка дороги // Северный вестник. 1895. № 10. С. 1-20.

Белимов, 1964 – *Белимов И.Т.* К вопросу о численности и составе железнодорожного пролетариата Сибири накануне Октябрьской революции / Из истории рабочего класса Сибири. Новосибирск, 1964. С. 204-224.

Борзунов, 1961 – *Борзунов В.Ф.* К вопросу об экономическом значении Сибирской железной дороги в конце XIX – начале XX вв. // *Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск, 1961. С. 97-107.

Борзунов, 1965 – *Борзунов В.Ф.* Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции: (По материалам строительства Транссибирской магистрали, 1891–1904 гг.). М.: Наука, 1965. 198 с.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Гилько, 2011 – *Гилько М.А.* Транссибирская магистраль и проблемы городского хозяйства дореволюционного Красноярска // Красноярский государственный университет // *Вестник КрасГАУ*. 2011. № 12(63). С. 257-264.

Гилько, 2012 – *Гилько М.А.* Транссибирская магистраль и лесная отрасль в дореволюционной Енисейской губернии // Красноярский государственный университет // *Вестник КрасГАУ*. 2012. № 6(69). С. 257-264.

- Головачев, 1892 – Головачев Д.М. Организация местных исследований // *Восточное обозрение*. 1892. 20 сентября (№ 38). С. 6-12.
- Железнодорожный транспорт..., 2001 – Железнодорожный транспорт Восточной Сибири: из XIX в XX век. В 2 т. / Под общей ред. В.Г. Третьякова. Иркутск, 2001. Т. 1. 416 с.
- Земеров, 1973 – Земеров Б.И. Источники формирования и социальный состав железнодорожников Сибири (1894–1917) // *Из истории Сибири*. Томск, 1973. Вып. 8. С. 55-81.
- Зензинов, 1986 – Зензинов Н.А. От Петербург-Московской до Байкало-Амурской магистрали: М.: Транспорт, 1986. 215 с.
- Каземиров, 1970 – Каземиров В.В. Великий Сибирский путь. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1970. 60 с.
- Куломзин, 1903 – Куломзин С.В. Сибирская железная дорога – исторический очерк: к десятилетию комитета железной дороги (1893–1903) / Под ред. С.В. Куломзина. СПб.: Государственная типография, 1903. 451 с.
- Новакова, 1965 – Новакова К.Т. Сибирский железнодорожный пролетариат (1891–1904 гг.). Краснояр. ин-т цвет. металлов им. М.И. Калинина. Красноярск: Кн. изд-во, 1965. 72 с.
- Новакова, 1973 – Новакова К.Т. К вопросу об экономическом положении сибирского железнодорожного пролетариата накануне первой русской революции (1896–1904 гг.) // *Вопросы истории партийных организаций Сибири*. Вып. I. Красноярск, 1973. С. 38-44.
- Отчет о постройке..., 1904 – Отчет о постройке Забайкальской железной дороги от ст. Мысовая до ст. Сретенск, 1895–1900. СПб., 1904. 269 с.
- Паталеев, 1951 – Паталеев А.В. История строительства Великого Сибирского железнодорожного пути: к 60-летию начала строительства и 35-летию его завершения. Хабаровск, 1951. 24 с.
- Стальное звено Транссиба, 1998 – Стальное звено Транссиба. 100 лет Красноярской железной дороге 1899–1999 / Сост. В.В. Чагин, В.Г. Саклаков. Красноярск, 1998. 464 с.
- Третьяков, 2015 – Третьяков В.Г. Формирование кадров строителей при сооружении железной дороги Улан-Батор – Дзамын-Удэ / *Россия и Монголия в первой половине XX века: Сборник научных трудов*. Том 5. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2015. С. 161-168.
- Хобта, 2012 – Хобта А.В. Применение труда иностранных рабочих на строительстве Транссиба // *Культура. Наука. Образование. Иркутский государственный университет путей сообщения*. 2012. № 4(25). С. 29-88.
- Dinasheva et al., 2021 – Dinasheva L.S., Tastanbekov M.M., Sabdenova G.E., Kalenova T.S. Socio-economic significance of the Orenburg-Tashkent railway in the Syrdarya region of the Turkestan governor-general // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1857-1866.
- Gabdulina et al., 2022 – Gabdulina A.Zh., Turkhanova A.Zh., Kurmanbaeva L.T., Abisheva Zh.R. On the question of the construction of railways in Siberia and the Steppe (Kazakh) region: the contribution of the merchants to the development of the railway in the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 834-843.
- Gaidin et al., 2020 – Gaidin S.T., Burmakina G.A., Pavlyukevich R.V., Sheremetova T.G. The activities of state bodies for the development of Siberia during the period of modernization of the Russian Empire (1892–1914) // *Bylye Gody*. 2020. 58 (4): 2777-2789.
- Marks, 1991 – Marks S.G. Road to power: the Trans-Siberian railroad and the colonization of Asian Russia, 1850-1917. London: Tauris, 1991. 240 p.
- Westwood, 1964 – Westwood J.N. A history of Russian Railways. George Allen and Unwin Ltd. 1964. 326 p.
- Wolmar, 2016 – Wolmar C. To the Edge of the World. The Story of the Trans-Siberian Express, the World's Greatest Railroad. Public Affairs, 2016. 320 p.

References

- Arefev, 1895 – Arefev, N. (1895). Rabota na Sibirskoi doroge: postroika dorogi [Work on the Siberian road: road construction]. *Severnyi vestnik*. 10: 1-20. [in Russian]
- Belimov, 1964 – Belimov, I.T. (1964). K voprosu o chislennosti i sostave zheleznodorozhnogo proletariata Sibiri nakanune Oktyabr'skoi revolyutsii [To the question of the number and composition of the railway proletariat of Siberia on the eve of the October Revolution]. *Iz istorii rabochego klassa Sibiri*. Novosibirsk. Pp. 204-224. [in Russian]
- Borzunov, 1961 – Borzunov, V.F. (1961). K voprosu ob ekonomicheskom znachenii Sibirskoi zheleznoi dorogi v kontse XIX – nachale XX vv. [To the question of economic significance of the Siberian railway in the late XIX – early XX centuries]. *Voprosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk. Pp. 97-107. [in Russian]
- Borzunov, 1965 – Borzunov, V.F. (1965). Proletariat Sibiri i Dal'nego Vostoka nakanune pervoi russkoi revolyutsii: (Po materialam stroitel'stva Transsibirskoi magistrali, 1891–1904 gg.). [Proletariat of Siberia and the Far East on the eve of the first Russian revolution: (Based on the materials of the construction of the Trans-Siberian Railway, 1891–1904)]. М.: Nauka, 198 p. [in Russian]

- [Dinasheva et al., 2021](#) – *Dinasheva, L.S., Tastanbekov, M.M., Sabdenova, G.E., Kalenova, T.S.* (2021). Socio-economic significance of the Orenburg-Tashkent railway in the Syrdarya region of the Turkestan governor-general. *Bylye Gody*. 16(4): 1857-1866.
- [Gabdulina et al., 2022](#) – *Gabdulina, A.Zh., Turkhanova, A.Zh., Kurmanbaeva, L.T., Abisheva, Zh.R.* (2022). On the question of the construction of railways in Siberia and the Steppe (Kazakh) region: the contribution of the merchants to the development of the railway in the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 17(2): 834-843.
- [Gaidin et al., 2020](#) – *Gaidin, S.T., Burmakina, G.A., Pavlyukevich, R.V., Sheremetova, T.G.* (2020). The activities of state bodies for the development of Siberia during the period of modernization of the Russian Empire (1892-1914). *Bylye Gody*. 58(4): 2777-2789.
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].
- [Gil'ko, 2011](#) – *Gil'ko, M.A.* (2011). Transsibirskaya magistral i problemy gorodskogo khozyaistva dorevolutsionnogo Krasnoyarska [The Trans-Siberian Railway and the problems of the urban economy of pre-revolutionary Krasnoyarsk]. *Krasnoyarskii gosudarstvennyi universitet. Vestnik KrasGAU*. № 12 (63). pp. 257-264. [in Russian]
- [Gil'ko, 2012](#) – *Gil'ko, M.A.* (2012). Transsibirskaya magistral i lesnaya otrasl v dorevolutsionnoi Eniseiskoi gubernii [Trans-Siberian Railway and the forest industry in the pre-revolutionary Yenisei province]. *Krasnoyarskii gosudarstvennyi universitet. Vestnik KrasGAU*. 6(69): 257-264. [in Russian]
- [Golovachev, 1892](#) – *Golovachev, D.M.* (1892) Organizatsiya mestnykh issledovaniy [Organization of local research]. *Vostochnoe obozrenie*. September 20 (№ 38). Pp. 6-12. [in Russian]
- [Kazemirov, 1970](#) – *Kazemirov, V.V.* (1970). Velikii Sibirskii put' [Great Siberian way]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 60 p. [in Russian]
- [Khobta, 2012](#) – *Khobta, A.V.* (2012). Primenenie truda inostrannykh rabochikh na stroitel'stve Transsiba [The use of labor of foreign workers in the construction of the Trans-Siberian Railway]. *Kul'tura. Nauka. Obrazovanie. Irkutskii Gosudarstvennyi universitet putei soobsheniya*. 4(25): 29-88. [in Russian]
- [Kulomzin, 1903](#) – *Kulomzin, S.V.* (1903). Sibirskaya zheleznaya doroga – istoricheskii ocherk: k desyatiletiiu komiteta zheleznoi dorogi (1893-1903) [The Siberian Railway - a Historical essay: on the tenth anniversary of the railway committee (1893-1903)]. Pod red. S.V. Kulomzina. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 451 p. [in Russian]
- [Marks, 1991](#) – *Marks, S.G.* (1991). Road to power: the Trans-Siberian railroad and the colonization of Asian Russia, 1850-1917. London: Tauris, 1991. 240 p.
- [Novakova, 1965](#) – *Novakova, K.T.* (1965). Sibirskii zheleznodorozhnyi proletariat (1891-1904 gg.) [Siberian railway proletariat (1891-1904)]. Krasnoyarsk. in-t tsvet. metallov im. M.I. Kalinina. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo, 72 p. [in Russian]
- [Novakova, 1973](#) – *Novakova, K.T.* (1973) K voprosu ob ekonomicheskom polozhenii sibirskogo zheleznodorozhnogo proletariata nakanune pervoi russkoi revolyutsii (1896-1904 gg.) [On the question of the economic situation of the Siberian railway proletariat on the eve of the first Russian revolution (1896-1904)]. *Voprosy istorii partiinykh organizatsii Sibiri*. Vyp. I. Krasnoyarsk, 1973. Pp. 38-44. [in Russian]
- [Otchet o postroike..., 1904](#) – Otchet o postroike Zabaikal'skoi zheleznoi dorogi ot st. Mysovaya do st. Sretensk, 1895-1900 [Report on the construction of the Transbaikal railway from st. Mysovaya to st. Sretensk, 1895-1900]. Saint Petersburg, 1904. 269 p. [in Russian]
- [Pataleev, 1951](#) – *Pataleev, A.V.* (1951). Istoriya stroitel'stva Velikogo Sibirskogo zheleznodorozhnogo puti: k 60-letiyu nachala stroitel'stva i 35-letiyu ego zaversheniya [The history of the construction of the Great Siberian Railway: to the 60th anniversary of the start of construction and the 35th anniversary of its completion]. Khabarovsk, 24 p. [in Russian]
- [Stal'noe zveno Transsiba, 1998](#) – Stal'noe zveno Transsiba. 100 let Krasnoyarskoi zheleznoi doroge 1899-1999 [Steel link of the Trans-Siberian. 100 years of the Krasnoyarsk Railway 1899-1999]. sost. V.V. Chagin, V.G. Saklakov. Krasnoyarsk, 1998. 464 p. [in Russian]
- [Tret'yakov, 2015](#) – *Tret'yakov, V.G.* (2015). Formirovanie kadrov stroitelei pri sooruzhenii zheleznoi dorogi Ulan-Bator – Dzamyn-Ude [Formation of personnel of builders during the construction of the railway Ulaanbaatar – Dzamyn-Ude]. *Rossiya i Mongoliya v pervoi polovine XX veka: Proceedings*. Vol. 5. Irkutsk: Baikalskii gosudarstvennyi universitet. Pp. 161-168. [in Russian]
- [Westwood, 1964](#) – *Westwood, J.N.* (1964). A history of Russian Railways. George Allen and Unwin Ltd. 326 p.
- [Wolmar, 2016](#) – *Wolmar, C.* (2016). To the Edge of the World. The Story of the Trans-Siberian Express, the World's Greatest Railroad. PublicAffairs, 320 p.
- [Zemerov, 1973](#) – *Zemerov, B.I.* (1973) Istochniki formirovaniya i sotsial'nyi sostav zheleznodorozhnikov Sibiri (1894-1917) [Sources of formation and social composition of railway workers in Siberia (1894-1917)]. *Iz istorii Sibiri*. Tomsk. Issue. 8. Pp. 55-81. [in Russian]
- [Zenzinov, 1986](#) – *Zenzinov, N.A.* (1986). Ot Peterburg-Moskovskoi do Baikalo-Amurskoi magistrali [From Petersburg-Moscow to the Baikal-Amur Mainline.]. M.: Transport, 215 p. [in Russian]

[Zheleznodorozhnyi transport, 2001](#) – Zheleznodorozhnyi transport Vostochnoi Sibiri: iz XIX v XX vek. V 2-kh t. [Railway transport of Eastern Siberia: from the 19th to the 20th century. In 2 volumes]. Pod obshchei red. V.G. Tret'yakova. Irkutsk. Vol. 1. 416 p. [in Russian]

Социально-бытовые аспекты строительства железной дороги в Сибири в конце XIX – начале XX вв.

Евгений Александрович Ахтамов ^{a, *}, Денис Николаевич Гергилев ^a, Андрей Александрович Груздев ^a, Татьяна Владимировна Излученко ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Проблема строительства Транссибирской железнодорожной магистрали постоянно привлекает внимание исследователей ввиду той роли, которую железная дорога играла в жизни как Сибири, так и страны в целом. Вопрос о положении рабочих, трудившихся на постройке Транссибирской железной дороги, также неоднократно поднимался в работах многих исследователей. Если в советский период эта проблематика привлекала ученых в качестве наглядного примера классовой борьбы, то на рубеже XX–XXI веков возобладало стремление дать новую оценку уже известным сведениям, а также пополнить существующую историографию новыми фактами. Объектом изучения данной статьи является положение рабочих-строителей Транссибирской железной дороги: их количественный состав в разные годы, доля местных жителей среди рабочих, меры правительства по набору кадров. Авторы отмечают, что в период постройки железной дороги в некоторой степени обострилась борьба за рабочие руки: так, известны случаи, когда работники золотых приисков, будучи связанными договорными обязательствами с золотопромышленниками, стремились устроиться на строительство железной дороги. Вместе с тем бытовые условия рабочих железной дороги оставляли желать лучшего. В первую очередь негативные последствия имела отдаленность мест проведения строительства от населенных пунктов в Сибири. Это создавало определенные сложности с обеспечением работников продовольствием, медицинским обслуживанием, а также организацией досуга. Стремясь пополнить ряды рабочих, правительство привлекало к строительству ссыльнокаторжных и заключенных. На более поздних этапах стройки с соблюдением ряда условий было разрешено привлекать к работам военнопленных.

Ключевые слова: железная дорога, Сибирь, строительство, бытовые условия, кадры, Средне-Сибирская железная дорога, Забайкальская железная дорога.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), andygruzdev@yandex.ru (А.А. Груздев), izluchenko@mail.ru (Т.В. Излученко)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 208-215
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.208

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Central Asian Slave-Owning Society (the first half of the XIX century): to the Issue of Crime and Punishment of Slaves

Ivan A. Ermachkov ^{a, b, *}, Elena K. Mineeva ^c, Olga A. Efimova ^d, Larisa A. Koroleva ^e

^a Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c I.N. Ulianov Chuvash State University, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^e Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

Abstract

The paper deals with the problem of crime and punishment of slaves in the Central Asian slave-owning society in the first half of the XIX century. There has been made an attempt to classify crimes.

Russian captives who were enslaved in Central Asia and released in 1839 were used as sources by the authors. These documents were deposited in the case of the release of 80 Russian captives from the Khanate of Khiva, stored in the State Archive of the Orenburg region (Orenburg, Russian Federation).

In conclusion, the authors state that in the Khanate of Khiva, as such, there were no rules on the crime and punishment of slaves: each slave owner disposed of a slave at his discretion and treated him as property. The slaveholder had the legal right to dispose of the slave's life, but he was in no hurry to deprive him of his life, since the slave could almost always be resold. The most common were preventive punishments – beating a slave in order to demonstrate his social status. For theft or not going to work, the slave owner could apply the following types of punishment – cut off ears or nose, torture or even kill his slave. One of the most serious crimes in the slave-owning society was the attempt of a slave to escape from his master. And here the slaveholders acted taking into account their interests, in most cases the punishments were expressed in severe beatings, flogging, torture; however, if the Khan of Khiva intervened in this matter, the victim of escape was doomed to a painful death. One way or another, the life of the captives in the Khanate of Khiva did not differ in its duration, it was influenced by exhausting labor, hunger, beatings and mutilation. Only a few could live ten years in slavery, and only a few could live 20 or more.

Keywords: Central Asia, slavery, Khiva Khanate, first half of the 19th century, punishment system, slave owners, slaves.

1. Введение

Вопросы наказания рабов за различные преступления являются малоизученной темой в истории рабства. Тяжесть наказания за одни и те же преступления для рабов у разных народов могла существенно отличаться. В данной работе на примере свидетельских показаний освобожденных в 1839 г. 80 русских пленников из Хивинского ханства предпринята попытка рассмотреть аспект преступления и наказания лиц самого низкого статуса в рабовладельческом обществе – рабов.

* Corresponding author

E-mail addresses: eiao7sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov)

2. Материалы и методы

В качестве источников мы использовали материалы опросов находившихся в рабстве в Центральной Азии русских пленников, освобожденных в 1839 г. Данные документы отложились в деле об освобождении из Хивинского ханства 80 русских пленников, хранящемся в Государственном архиве Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация).

Одним из главных методов в данном исследовании был историко-антропологический, целью которого являлась попытка реконструировать систему нравственного поведения центральноазиатского рабовладельческого общества в отношении лиц самого низкого статуса – рабов. Помимо этого, применялись такие традиционные методы, как историко-сравнительный и историко-географический, что позволило выявить региональные особенности в поведении рабовладельцев по отношению к рабам и определить влияние географической среды (восточная деспотия) на рабовладельческое общество.

3. Обсуждение

Вопросы рабства в Центральной Азии и, в частности, на территории Хивинского ханства начали изучаться еще во второй половине XIX века. Так, одним из первых упоминал о рабстве в Хиве А.П. Хорошихин (Хорошихин, 1876), позднее эта тема затрагивалась в «Историко-статистическом очерке Оренбургского казачьего войска», составленном Ф. Стариковым (Историко-статистический очерк, 1891). В советский период эта тема находила свое отражение в работе Н.А. Халфина «Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.)» (Халфин, 1974).

В современный период различные вопросы рабства в Хивинском ханстве рассматривались в целом ряде наших, в том числе индивидуальных работ (Ermachkov et al., 2021; Ermachkov et al., 2021a; Ermachkov et al., 2021b; Ermachkov, 2021).

Хивинская тематика в это время изучалась в контексте торговых отношений с Центральной Азией (Bulgarova et al., 2020), обращались авторы к этническому составу и территориальному устройству ханства (Вдовин, Сыздыкова, 2021), рассматривалась роль казачества в хивинском походе (Tarasov, 2021), а также события самого хивинского похода 1839–1840 гг. в контексте англо-русского противостояния (Родин, 2022). Изучались и контакты участников хивинских походов с местным населением (Дубовиков, 2017).

Были и более близкие к нашей теме исследования. Например, предпринимались попытки сравнительного анализа черкесского и центральноазиатского рабства (Zinkovskii et al., 2021), изучались взаимоотношения Хивинского ханства с соседями в период первой половины XIX века (Вдовин, 2022), рассматривалась проблема подъема по «карьерной лестнице» бывших русских пленников в среднеазиатских ханствах (Почекаев, 2017). Среди новых коллекций документов по вопросам рабства нужно отметить работу «Черкесские невольничьи повествования» (Cherkasov, 2020).

4. Результаты

Сами рабовладельцы редко становились авторами свидетельств о том, как наказывались рабы за провинности, так как рабы являлись их собственностью, и рабовладельцы были «вольны» распоряжаться рабами по собственному усмотрению. В связи с этим мы хотели бы привлечь в качестве источника материалы опросов самих бывших рабов, которые были освобождены из неволи в Центральной Азии.

Как такового свода о преступлениях и наказаниях в Хиве не существовало. Хозяин сам определял меру наказания для своего раба. Проступки, по мнению рабовладельцев, подлежащие наказанию, были самыми разнообразными: это и так называемые профилактические мероприятия, то есть наказания без причин; кража и подозрение на него; не выход раба на работу; попытка побега; подозрение в шпионаже и т.д. Рассмотрим эти примеры по отдельности.

Профилактические наказания

Об этом виде наказания есть несколько показаний бывших хивинских пленников. Так, захваченный в плен в 1835 г. в 16-летнем возрасте Иван Салопин, житель Астраханской области, показал, что он в Хиве «занимался поливанием садов и претерпевал от хозяина побои и притеснения» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 74об.).

Побои рабов являлись обычными практиками. Об этом имеются показания и Ивана Мартынова (крестьянин Пензенской губернии), который был захвачен в плен на рыбном промысле в Каспийском море в 1826 г. Несмотря на то, что Мартынов побеги не совершал, «нередко хозяином был бит» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 89). Избиениям во время земляных работ подвергался и захваченный в 1824 г. черноморский казак Иван Лукьянов (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 107об.), а также Павел Михайлов, захваченный в плен в 1823 г. на Каспийском море: «Во время проживания моего у Мадрасы, я наказан был несколько раз, без всякой причины» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 113). В показаниях другого бывшего пленника Ивана Михайлова, астраханского мещанина, захваченного в плен на Каспийском море в 16-летнем возрасте в 1831 г., который побегов не

предпринимал, есть интересное свидетельство: «Бит иногда был по строгости хозяина» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 1200б.).

Интересны показания также Ивана Лаврова, крестьянина Пензенской губернии, захваченного на Каспийском море в 1823 г.: «Во время проживания моего у Мамет Ниязбая (в рабстве. – Авт.) я был несколько раз наказан без причины» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 1090б.).

Профилактические наказания применялись в отношении рабов часто беспричинно, только потому, чтобы раб помнил о своем социальном статусе. Случалось, что и рабы, не понимая за что они пострадали, оправдывали это «строгостью хозяина». В рамках этих профилактических мероприятий широко применялись побои рабов, однако могли быть и другие наказания.

Подозрение в краже

О наказании за подозрение в краже есть свидетельство Афанасия Стрижева, оренбургского казака, захваченного в плен в 1819 г.: «Во время проживания моего у Сеитметьараба пропал у жены его головной убор и прочее имущество, то он в краже этих вещей подозревал меня, и за что наказывал трое суток плетьюми, жег мне раскаленными железными щипцами у левой ноги икру; но после этого вещи те нашел он у племянника своего Алланазара Араובה» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 146).

В случае, если виновность в краже была доказана, то за такое преступление, согласно показаниям Ивана Лаврова, «резали носы» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 1090б.).

Согласно имеющимся показаниям за кражу рабу могли отрезать нос, а в рамках мероприятий дознания могли применяться многодневные пытки плетью в сочетании с раскаленным железом.

Не выход на работу по состоянию здоровья

Бывший русский пленник Афанасий Стрижев сообщал, что «у Хивинца Алланазара Араובה в Хиве находился Русский пленник Астраханский мещанин Николай, по прозванию неизвестный, и он его убил за то, что он не хотел идти на работу и отзывался больным» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 1460б.). Это единственное в своем роде наказание за не выход на работу по причине болезни. Тем не менее этот эпизод свидетельствует о деспотичности и психологической неадекватности как минимум некоторых рабовладельцев, которые готовы были пожертвовать рабом в угоду своим коммерческим интересам.

Наказания за попытку побега

Одним из самых тяжелых преступлений считался побег. Как правило, рабовладельцы, а иногда и хивинский хан, предпринимали усилия за возвращение своей собственности. Так, об этом есть показания бывшего пленника Алексея Самойлова, казака Оренбургского казачьего войска. В сентябре 1838 г. казак Самойлов раненым был захвачен в плен киргизами, после излечения он был продан в рабство и находился на работах. Самойлов в своих показаниях отмечал: «Нынешнею весною (имеется в виду 1839 г. – Авт.), когда из Хивы бежали 4 Русских пленника, то Хан тотчас послал одного Хивинца к кочующим близ Хивы Киргизам, чтобы они непременно отыскили их и привели к нему, за что обещался выдать по три золотых монеты за каждого; но после четырехдневного поиска посланный возвратился с донесением, что бежавшие не отысканы» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 800б.).

В большинстве случаев бывшие рабы не упоминали деталей о том, как были наказаны за побег. Так, например, Александр Иванов, бывший житель Илецкой крепости, захваченный в плен в 1825 г., спустя 10 лет совершил побег, но «был пойман и жестоко наказан; после чего уже намерения к побегу не предпринимал» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 160б.).

В 1812 г. из Тамбовской губернии был отправлен на Кавказ рекрут Харитон Щеглов, который вскоре был захвачен лезгинами и продан ими в Хиву. Бывший рекрут Щеглов трижды предпринимал попытки бегства из рабства, но «был ловлен и наказываем жестоко, так что и теперь правою рукою от побоев владеть не могу» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 76).

Представляет интерес история побега еще одного пленного – Степана Яицова, крестьянина Нижегородской губернии. В 1833 г. он был захвачен на рыбных промыслах киргизами и отправлен в деревню Саяте, где находился на земляных работах. Из показаний С. Яицова: «Во время проживания в Саяте я в бегах находился один только раз с жившим вместе со мною пленником Иваном Ефремовым Лутковым, который ныне привезен сюда; но чрез пять дней после побега были пойманы за Сыр-Дарьей Туркменцами 6 человеками и представлены обратно в Саят, где за это наказаны палками и плетьюми» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 86).

Побег предпринимал и захваченный в плен в 1836 г. Михаил Катков, крестьянин Саратовской губернии: «Я достался Туркменцу Тюрелау (при разделе добычи. – Авт.), у которого, пробыв дней шесть, бежал, имея намерение выйти на Ново-Александровское укрепление; но, пройдя ночей десять, – днем я скрывался в горах – без пищи, я принужден был зайти в кибитку к Туркменцу-же; он обошелся со мною ласково, и обещался сам проводить в укрепление, но вскоре приехал к нему хозяин мой Тюрелау, и увез меня в свой аул, наказав жестоко за побег» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 100-1000б.).

О побегах из рабства давал показания и крестьянин Астраханской губернии Егор Петров, который был захвачен на Каспийском море в 1826 г. Он пять раз делал побеги и каждый раз был «ловлен и жестоко наказан» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 1060б.). Аналогичные показания есть и у Александра Скворцева, рабочего Илецкого соляного правления, захваченного киргизами в 1821 г.: «В продолжении сего времени (рабства. – Авт.) я сделал было один раз побег, но был пойман и жестоко наказан» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 107).

О неудачном побеге имеются показания Якова Нефедьева, крестьянина Тульской губернии, захваченного в плен в 1833 г.: «Я и везенный вместе с нами, взятый в плен после нас крестьянин Г. Всеволожского Иван по прозванию неизвестный также сделали было побег, но чрез 8 дней были пойманы Киргизами 6 человеками и отданы обратно пленителям, которые наказали нас жестоко плетью и саблями» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 1120б.).

О мере наказания за побег Иван Лавров дал следующие показания: «Пленников за побеги сажают на кол и, как я знаю, назад тому три года находившееся у Хана и у Хивинцев: Раим-берди-бия Матджам Маряма, и Клыч Ниязбая 4 человека Русских пленников: Астраханский мещанин Николай Васильев Камышев, Владимирской Губернии Государственный крестьянин Василий, Нижегородской Губернии Государственный же крестьянин Иван и Оренбургского Казачьего войска казак Леонтий по прозваниям которых не знаю, бежали было от них, но чрез месяц пойманы были близ Ново-Александровского укрепления Киргизами и доставлены в Хиву, которых Хан посадил на кол, за воровство же режут носы» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 1090б.). Об этом же случае посадке беглецов на кол есть показания и у Петра Бушуева: «Назад тому 4 года, бежали из Хивы 4 человека Русских; из коих я знаю только одного по прозванию Камышева, Астраханской губернии, Красноярского уезда – но не доходя на один день пути до Ново-Александровского укрепления, были пойманы Киргизами, привезены обратно в Хиву и доставлены к Хану, по приказанию коего тотчас были посажены на кол. Хозяева их, от коих они бежали, хотели было просить Хана об освобождении их, но не были допущены к нему Бекниязом Диванбегием, который сказал им, что если хозяева будут потакать Русским, то они все разбегутся. Потом, на другой год были посажены на кол еще двое Русских, Тихон Резаков – тот самый, который выбежал в Россию с пленником *Греу именным* (Груженным? – Авт.), но снова бежал в Хиву – и Иван Аршинов, пойманные при побеге в Бухарию; с ними бегал еще брат Аршинова Михайло, который так же подвергнулся бы этому наказанию, но угодив в каком-то случае к Ханскому брату Инаку, остался у него, и проживает до сих пор. У Ивана Кучина, бывшего моего работника (До плена. – Авт.), находящегося у Бекнияза отрезали нос за побег» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 127-1270б.).

Таким образом, за побег наказание могло быть разнообразным: от побоев, в том числе с последующим увечьем, отрезания носов до посадки на кол. При этом нужно понимать, что рабовладельцы, как правило, не стремились к казням своих рабов, так как для них любой раб являлся «инвестициями», то есть его всегда можно было перепродать. Однако этого нельзя было сказать о хивинском хане (яркий пример «восточной деспотии»), который в назидание другим рабам обрекал жертв побега на мучительную смерть.

Подозрение в шпионаже

Благодаря показаниям Петра Бушуева были установлены и детали убийства в Хиве русского пленника Егора Шукина: «В Хиве были получены в начале 1838 года от содержащихся здесь Хивинцев письма, – но от кого именно, не знаю – в которых они писали, что пленник Егор Шукин посылал из Хивы на имя Государя Императора прошение о вырубке его и других пленников из Хивы, и что задержание их, Хивинцев, последовало в следствие этого прошения Шукина. Его приводили к Хану, который, показывая ему письма здешних Хивинцев, спрашивал, действительно-ли он посылал прошения к Государю Императору; но Шукин говорил, что он ничего не писал сюда, кроме писем жене и родственникам. Хан его отпустил; но потом вскоре Бекнияз Диванбегий, хозяин наш, отослал его в город Урганч – это было в третьи Воскресенье после праздника Св. Пасхи – с Хивинцем Мирсеитом. По возвращении Мирсеита, он мне рассказывал, что по привозе Шукина в Урганч, он отдал его, по приказанию Бекнияза, Хивинцу Ишниязу Маметьянзову; тому самому, который в 1838 году приехал сюда с 5 человеками пленников и задержан здесь – что Ишнияз, продержав его у себя три дня, Понедельник, Вторник и Среду, в Четверг с другими четырьмя человеками Хивинцами, имена коих я запомнил, вывел за город, где Шукин, по приказанию его, вырыл яму, а потом Ишнияз дозволил ему помолиться Богу, и велел ложиться в вырытую им самим яму, для того, что бы они зарыли его, говоря, что на это есть воля Хана. Шукин, помолясь Богу, сказал, что он не ляжет сам в яму, потому что не сделал никого преступления; и что если на это есть воля Хана, то исполнять ее должны пашаты /палачи/; Ишнияз сказал ему, что Хан, присудив его на смерть, отдал на волю Хивинцев, а потом видя неповиновение Шукина, ударил его саблею по шее; из бывших-же притом Хивинцев двое накинули на него веревку, и потащили в яму. Шукин долго сопротивлялся было противу этого, но ослабев от нанесенного Ишниязом саблею удара, от которого много истекло крови, был стащен в яму, и закидан землею.

Щукин был человек честный, умный и добродетельный. Бекнияз Диванбегий, видя в нем эти достоинства, в особенности-же знание им грамоте, приставил его с позволения Хана к тамошнему сараю. Место это весьма доходное, и Щукин снабжал многих Русских пленников деньгами и вещами» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 128об.-129об.).

Очевидно, что разбор дела о подозрении в шпионаже относился к компетенции самого хивинского хана. Как правило, такие преступления наказывались смертью.

О положении русских рабов в Хиве

Согласно показаниям Алексея Самойлова, в рабстве с ним был русский крестьянин Пензенской губернии Иван Матвеев, захваченный в плен 9 лет назад. Примерно в 1838 г. Матвеев в рабстве и умер (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 80). Аналогичные показания о русских пленниках, умерших в рабстве, есть и у бывшего крестьянина Нижегородской губернии Якова Редькина, захваченного на Каспийском море в 1828 г. вместе с тремя товарищами (Яков, Иван и Афанасий). Все четверо были доставлены в Хиву, из них все, кроме Якова Редькина, в рабстве и умерли (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 71об.).

Весьма информативны показания бывшего пленника Петра Бушуева, крестьянина Астраханской губернии, захваченного в плен на Каспийском море в 1832 г.: «У Бекнияза Диванбегия, когда я был куплен им, было Русских пленников 22 человека, потом, после меня еще куплены двое, а всего было нас 25 человек. В продолжении бытности моей у него семь человек из тех пленников померли, большею частью от побоев, именно: Иван, Андрей, Василий, Сидор, Александр, по прозваниям неизвестные, Матвей Греков, – последнего-же не знаю – из коих Греков Московской губернии, но какой человек, а также и прочие что за люди, не знаю, только Василий сказывал мне, что он Оренбургский козак» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 126об.).

О последнем периоде жизни в рабстве бывших хивинских пленников есть несколько свидетельских показаний:

Так, Харитон Щеглов показал: «В Хиве с пленниками обходятся дурно: изнуряют работами, наказывают, не дают довольно пищи и водят почти нагих» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 76об.).

После того как в России были задержаны хивинские купцы, Иван Лавров показал, что с пленниками в Хиве «обходится хуже изнуряют больше работою, наказывают безпричинно, не дают довольно пищи и водят почти нагих» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 110-110об.).

Ранее упомянутый Петр Бушуев дал показания и об особенностях жизни русских рабов в Хиве в период после задержания хивинских торговцев в Оренбурге: «С того времени, как задержаны здесь Хивинцы, русским пленникам хозяева не дают ни жалованья, ни одежды, говоря, что они теперь у них не работники, а гости, даже выдачу пищи противу прежнего уменьшили. Но с тех пор никто из русских пленников не был жестоко наказан; за побегу уже не сажают на кол и не режут ни ушей, ни носа» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 128об.).

Резюмируя, нужно отметить, что положение русских рабов в Хиве отличалось своей бесчеловечностью, степень сохранности рабов в рабстве была прямо пропорциональна срокам их пребывания в Хиве. Чем больше раб жил в Хиве, тем выше была вероятность его смерти. В этом отношении случай с Яковым Редькиным и его тремя товарищами показателен: за 11 лет рабства в живых остался только сам Редькин, то есть из четырех рабов, захваченных в 1828 г., в живых осталось только 25 %.

Угрозы наказания

Отдельно можно отметить и такой метод воздействия, как угроза наказания. В этом отношении интересны показания 18-летнего Матвея Еремина, который в 14-летнем возрасте был взят в плен и находился в Хиве в рабстве. Из показаний М. Еремина: «Назад тому около 3 месяцев пронесся слух, что Хан Русских пленников хочет отпустить в отечество. Хозяин мой Аллакул, услышав об этом, начал меня уговаривать, чтоб я не ездил в Россию, страшая что если я каким-либо случаем угожу опять к нему, то он отрежет мне нос или уши; но я объявил, что хотя-бы он и убил меня, если я угожу снова к нему, а все-таки пойду в Россию» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4993. ОЦ. Л. 84об.-85). Таким образом, отрезать нос или уши рабу в Хиве было делом не исключительным, так как с физической точки зрения раб, по мнению рабовладельцев, ничего не терял, что могло сказаться на его рабочей производительности.

5. Заключение

Завершая, мы должны констатировать, что в Хивинском ханстве как таковых правил о преступлении и наказании рабов не существовало: каждый рабовладелец распоряжался рабом по своему усмотрению и относился к нему как к собственности. Рабовладелец имел законное право распоряжаться жизнью раба, но лишать его жизни не торопился, так как раба практически всегда можно было перепродать. Наиболее распространенными были профилактические наказания – нанесение побоев рабу с целью демонстрации его социального статуса. За кражу или не выход на работу рабовладелец мог применить следующие виды наказания – отрезать уши или нос, подвергнуть

пыткам или даже убить своего раба. К наиболее тяжким преступлениям в рабовладельческом обществе относилась попытка бегства раба от хозяина. И здесь рабовладельцы действовали с учетом своих интересов, в большинстве случаев наказания выражались в жестких избиениях, порке, пытках; однако если в это дело вмешивался хивинский хан, то жертва побега обрекалась на мучительную смерть. Так или иначе, жизнь пленников в Хивинском ханстве не отличалась своей продолжительностью, на это влияли изнурительный труд, голод, побои и увечья. Десять лет в рабстве могли прожить лишь немногие, а 20 и более – единицы.

Литература

Вдовин, 2022 – Вдовин С.С. Взаимоотношения Хивинского ханства с соседями в первой половине XIX в. // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2022. Т. 12. № 8(89). С. 3079-3086.

Вдовин, Сыздыкова, 2021 – Вдовин С.С., Сыздыкова Ж.С. Этнический состав и территориальное устройство Хивинского ханства XVIII–XIX вв. // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2021. Т. 11. № 7 (76). С. 1996-2004.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

Дубовиков, 2017 – Дубовиков А.М. Участники хивинских походов о контактах с хивинцами и казаками // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2017. № 1(21). С. 74-94.

Историко-статистический очерк, 1891 – Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска / Сост. Ф. Стариков. Оренбург, 1891.

Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Из рабов в господа: «карьера» русских пленников в среднеазиатских ханствах XVIII–XIX вв. // *История государства и права*. 2017. № 18. С. 58-63.

Родин, 2022 – Родин Д.В. Хивинский поход В.А. Перовского 1839–1840 гг. в контексте англо-русского соперничества в Средней Азии // *Журнал фронтирных исследований*. 2022. Т. 7. № 1(25). С. 34-57.

Халфин, 1974 – Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. 406 с.

Хорошихин, 1876 – Хорошихин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.

Bulgarova et al., 2020 – Bulgarova, B.A., Barabash, V.V., Muzykant, V.L., Kasymalieva, K.E. The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3: 1093-1100.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. 57-1(3-1): 1415-2266.

Ermachkov et al., 2021 – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 110-117.

Ermachkov et al., 2021a – Ermachkov I.A., Vidishcheva E.V., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1171-1180.

Ermachkov et al., 2021b – Ermachkov, I.A., Baibarın, A.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1779-1788.

Ermachkov, 2021 – Ermachkov, I.A. Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839 // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1): 26-34.

Tarasov, 2021 – Tarasov M.G. Cossacks in the Khiva Crusade of 1839–1840 // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1181-1190.

Zinkovskii et al., 2021 – Zinkovskii S.B., Malakhova V.Yu., Denisov I.S., Makarov Yu.N. Circassian and Central Asian Slavery: The General and Special (on the Example of Cases of the Return of Russian Prisoners) // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 689-698.

References

Bulgarova et al., 2020 – Bulgarova, B.A., Barabash, V.V., Muzykant, V.L., Kasymalieva, K.E. (2020). The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features. *Bylye Gody*. 57(3): 1093-1100.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.

Dubovikov, 2017 – Dubovikov, A.M. (2017). Uchastniki khivinskikh pokhodov o kontaktakh s khivintsami i kazakhami [The participants of Khiva campaigns about contacts with Khiva and Kazakhs]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 1(21): 74-94. [in Russian]

[Ermachkov et al., 2021](#) – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021). The Slavery in Central Asia (the first half of the XIX century): the Nature and Manifestations. *Bylye Gody*. 16(1): 110-117.

[Ermachkov et al., 2021a](#) – Ermachkov, I.A., Vidishcheva, E.V., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021). The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(3): 1171-1180.

[Ermachkov et al., 2021b](#) – Ermachkov, I.A., Baibarina, A.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021). To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1779-1788.

[Ermachkov, 2021](#) – Ermachkov, I.A. (2021). Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839. *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 26-34.

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archive of the Orenburg Region].

[Istoriko-statisticheskii ocherk, 1891](#) – Istoriko-statisticheskii ocherk Orenburgskogo kazach'ego voiska [Historical and statistical sketch of the Orenburg Cossack army]. Sost. F. Starikov. Orenburg, 1891. [in Russian]

[Khalfin, 1974](#) – Khalfin, N.A. (1974). Rossiya i khanstva Srednei Azii (pervaya polovina XIX v.) [Russia and the Khanates of Central Asia (first half of the 19th century)]. M., 406 p. [in Russian]

[Khoroshkhin, 1876](#) – Khoroshkhin, A.P. (1876). Sbornik statei kasayushchikhsya do Turkestanskogo kraia [Collection of articles related to the Turkestan region]. SPb. [in Russian]

[Pochekaev, 2017](#) – Pochekaev, R.Yu. (2017). Iz rabov v gospoda: «kar'era» russkikh plennikov v sredneaziatskikh khanstvakh XVIII–XIX vv. [From Slaves to Masters: The “Career” of Russian Captives in the Central Asian Khanates of the 18th–19th centuries]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 18: 58-63. [in Russian]

[Rodin, 2022](#) – Rodin, D.V. (2022). Khivinskii pokhod V.A. Perovskogo 1839–1840 gg. v kontekste anglo-russkogo sopernichestva v Srednei Azii [Khiva campaign V.A. Perovsky 1839–1840 in the context of Anglo-Russian rivalry in Central Asia]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. T. 7. 1(25): 34-57. [in Russian]

[Vdovin, 2022](#) – Vdovin, S.S. (2022). Vzaimootnosheniya Khivinskogo khanstva s sosedyami v pervoi polovine XIX v. [Relations between the Khiva Khanate and its neighbors in the first half of the 19th century]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*. 12. 8(89): 3079-3086. [in Russian]

[Vdovin, Syzdykova, 2021](#) – Vdovin, S.S., Syzdykova, Zh.S. (2021). Etnicheskii sostav i territorial'noe ustroystvo Khivinskogo khanstva XVIII–XIX vv. [Ethnic Composition and Territorial Structure of the Khiva Khanate in the 18th–19th Centuries]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*. T. 11. 7 (76): 1996-2004. [in Russian]

[Zinkovskii et al., 2021](#) – Zinkovskii, S.B., Malakhova, V.Yu., Denisov, I.S., Makarov, Yu.N. (2021). Circassian and Central Asian Slavery: The General and Special (on the Example of Cases of the Return of Russian Prisoners). *Bylye Gody*. 16(2): 689-698.

[Tarasov, 2021](#) – Tarasov, M.G. (2021). Cossacks in the Khiva Crusade of 1839–1840. *Bylye Gody*. 16(3): 1181-1190.

Центральноазиатское рабовладельческое общество (первая половина XIX в.): к вопросу о преступлении и наказании рабов

Иван Анатольевич Ермачков ^{a, b, *}, Елена Константиновна Минеева ^c, Ольга Александровна Ефимова ^d, Лариса Александровна Королева ^e

^a Сочинский государственный университет, Российская Федерация

^b Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

^c Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^e Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается проблема преступления и наказания рабов в центральноазиатском рабовладельческом обществе в первой половине XIX века. Сделана попытка классификации преступлений.

В качестве источников авторами были использованы материалы опросов находившихся в рабстве в Центральной Азии русских пленников, освобожденных в 1839 г. Данные документы отложились в деле об освобождении из Хивинского ханства 80 русских пленников, хранящемся в Государственном архиве Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация).

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: eia07sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков)

В заключении авторы отмечают, что в Хивинском ханстве как таковых правил о преступлении и наказании рабов не существовало: каждый рабовладелец распоряжался рабом по своему усмотрению и относился к нему как к собственности. Рабовладелец имел законное право распоряжаться жизнью раба, но лишать его жизни не торопился, так как раба практически всегда можно было перепродать. Наиболее распространенными были профилактические наказания – нанесение побоев рабу с целью демонстрации его социального статуса. За кражу или не выход на работу рабовладелец мог применить следующие виды наказания – отрезать уши или нос, подвергнуть пыткам или даже убить своего раба. К наиболее тяжким преступлениям в рабовладельческом обществе относилась попытка бегства раба от хозяина. И здесь рабовладельцы действовали с учетом своих интересов, в большинстве случаев наказания выражались в жестких избиениях, порке, пытках; однако если в это дело вмешивался хивинский хан, то жертва побега обрекалась на мучительную смерть. Так или иначе жизнь пленников в Хивинском ханстве не отличалась своей продолжительностью, на это влияли изнурительный труд, голод, побои и увечья. Десять лет в рабстве могли прожить лишь немногие, а 20 и более – единицы.

Ключевые слова: Центральная Азия, рабство, Хивинское ханство, первая половина XIX в., система наказания, рабовладельцы, рабы.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 216-229
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.216

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Book Maps of Russian Authors of the XIX – early XX centuries as a Source on the Visual History of Kazakhstan: Catalog

Galina N. Ksenzikh ^{a, *}, Erlan T. Karin ^b

^a Kazakh national agrarian research university, Republic of Kazakhstan

^b The Presidential Administration of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article is carried out within the framework of a scientific project, is devoted to the analysis of book maps of Russian authors of the XIX – early XX centuries, cataloging and introduction into scientific circulation of cartographic unique, little-known data in order to study the visual history of Kazakhstan.

The source base was the book collections of rare editions with book maps of the National Library named after Alisher Navoi, Tashkent (NBUz) and of the Orenburg Universal Scientific Library named after N.K. Krupskaya (OUSL). During the preparation of the catalog, a single catalog description of the book maps was developed.

The methodology of the research is a comprehensive interdisciplinary approach of broad interaction between the humanities and natural sciences, which made it possible to identify, analyze and prepare a bibliography of book maps. A cartographic method is used as a special method, which allows cataloging and description of book maps.

The operational and functional advantages of the catalog of cartographic materials are substantiated, where each researcher can get an answer where and under what number the necessary book with a book maps is located.

In the description of the book maps using the materials of the book, additional opportunities appear to characterize historical facts more fully and visually show the dynamics of the events taking place. Comparison of the book maps and the text showed that the cartographic material contains information that is not in the text of the book.

The historical details of the formation of the border, possible ways of melioration of the Central Asian region unknown pages of military history, the participation of the Kazakhs in the military campaign to Khiva in 1839-1840, the peculiarities of the distribution and nomadic ways of the Kazakhs district were revealed.

The authors conclude that Russian scientists, travelers, bureaucrats and the military left a significant book heritage with phenomenal cartographic material for studying the visual history of Kazakhstan.

Keywords: Russian book maps, catalog, history of Kazakhstan of the XIX – early XX centuries.

1. Введение

Введение в научный оборот каталога прикнижных карт российских авторов XIX – начала XX вв. в контексте изучения истории Казахстана является важным элементом визуального комплексного представления прошлого, в связи с чем данное исследование представляется как назревшее и весьма актуальное. Оно направлено на выявление, анализ и составление библиографии прикнижных карт XIX – начала XX вв. За основу систематизации прикнижных карт при их каталогизации нами

* Corresponding author

E-mail addresses: migkz@ya.ru (G.H. Ksenzikh)

приняты территориальный и хронологический подходы. Прикнижные карты различны по времени выполнению, классификации и тематике.

Разработана единая структура и образец оформления библиографии прикнижной карты в каталог: название карты; составитель; место и год издания; масштаб; описание карты; дополнительная информация из книги, относящаяся к картографическому материалу; место хранения прикнижной карты.

Основные проблемы по выявлению прикнижных карт заключались в трудоемкости поиска в крупных библиотечных фондах по причине отсутствия в библиотечных каталогах информации, где и в каких книгах имеются карты. Непреодолимой проблемой был еще факт, что не весь книжный редкий фонд отсканирован, при этом некоторые экземпляры находились в ветхом состоянии – все это приводило к невозможности просмотра, сканирования и оцифровки редких книжных изданий.

Несмотря на имеющиеся объективные сложности поиска, выявление прикнижных карт российских исследователей XIX – начала XX вв. было успешно проведено. Каталог прикнижных карт способствует популяризации малоизвестных карт и содействует конкретизации представлений о многих важных сторонах исторического процесса. Данные прикнижные карты ранее не подвергались научному анализу и каталогизации.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами для исследования послужили печатные издания российских авторов. К данной группе источников относятся «Туркестанский сборник», «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования...», «Материалы по киргизскому землепользованию...», «Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска», «Очерки естественно-исторических условий...», «Путевые заметки...» и т.д. из фондов Национальной библиотеки им. Алишера Навои, Отдела редких изданий и рукописей «Нодир» г. Ташкента (НБУз) и Оренбургской универсальной научной библиотеки им. Н.К. Крупской (ОУНБ). Проведенный сравнительный анализ картографического материала, обнаруженных прикнижных карт свидетельствует о малоизвестности и оригинальности данных визуальных источников.

2.2. Авторами в качестве методологической основы исследования применялся междисциплинарный подход, который дает возможность использовать достижения различных научных знаний и создает условия для результативной подготовки каталога прикнижных карт российских исследователей XIX – начала XX вв. по истории Казахстана.

Исследование основывается на базовых принципах исторической науки – историзме и научной объективности, благодаря которым авторами осуществлены критическое осмысление и комплексный анализ прикнижных карт, отражающих различные аспекты визуальной истории Казахстана.

Основу методологии исследования составляют системный и хронологический методы, позволяющие установить причинно-следственные связи исторического развития и комплексно провести анализ картографического материала. В качестве специального метода исследования используется картографический, дающий возможность каталогизации и библиографии прикнижных карт, для анализа содержания которых применяются различные приемы картографического метода (сравнение, описание). Сравнительный анализ позволяет эффективно провести оценку исторических событий и выявить новые сведения. Метод описания прикнижных карт предоставляет возможность упорядоченного интегративного поиска исторических фактов. Используемый в исследовании общегеографический метод облегчает анализ и оценку физико-географических данных прикнижных карт, обеспечивает успешную локализацию различных исторических объектов. Все перечисленные методы применялись в совокупности.

3. Обсуждение

Каталогизация прикнижных карт российских авторов XIX – начала XX вв. как визуальный источник по истории Казахстана не являлась специальной источниковедческой темой исследований, и ее никто не проводил. Тем не менее понимание различных моментов исследования «старых» карт проводилось в рамках изучения истории картографии и использования карт в ряде трудов зарубежных, российских и казахстанских ученых.

Зарубежной историографии присуща тенденция изучения истории картографии, стратегий, стандартизации терминологий и расшифровки средневековых карт.

Профессор В. Кивельсон из Мичиганского университета исследует карты XVII века. Автор отмечает, что картографические материалы данного периода имеют стандартизацию, применяются одинаковая цветовая палитра и схожие знаки для обозначения деревень, лесов, дорог, рек и полей (Kivelson et al., 2006).

Немецкий исследователь Д. Дальман фрагментарно проводит анализ «старых» карт, отмечая, что на картах XVIII в. еще встречаются меняющиеся масштабы (Dalman et al., 2009).

Профессор истории Э. Эдсон занимается проблемами расшифровки средневековых карт, подчеркивая, что человек, глядя на средневековую карту, «сбивается с толку» (Edson et al., 2010: 503-

517). Отметим, что в настоящее время, используя средневековую картографию, ученые делают попытки пролить новый свет на эти сложные символические конструкции, проникнуть в суть средневековых представлений о времени и пространстве.

В российских исследованиях заметен рациональный, научный подход к каталогизации, методологии, анализу и использованию «старых» карт. Историк-картограф В.С. Кусов исследует старинные русские чертежи, охватывающие период только до XVIII в. Для сводного каталога он разработал образец библиографии карт, состоящий из 15 позиций. Автор широко использует прикижные карты в своих работах (Кусов, 2007).

Новосибирский исследователь В.Э. Эрлих обращает внимание читателей на прием использования в дореволюционных изданиях картографического материала для описания новых земель, классификации растений, животных и минералов (Эрлих, 2008: 37-41).

Научный сотрудник отдела картографии Государственного исторического музея И.К. Фоменко исследует лингвистические проблемы, иконографию, архитектуру, визуальную средневековую историю. В монографии «Скифия – Тартария – Московия – Россия. Взгляд из Европы. Россия на старинных картах» приведены более 300 старинных карт и комментарии к ним (Фоменко, 2008).

Доктор исторических наук РАН И.Г. Коновалова поднимает важную проблему прикижных карт: какую информацию следует считать первичной – текстовую или картографическую (Коновалова, 2015).

Новосибирские исследователи Т.В. Мжельская и А.А. Лобанова рассматривают «старые» карты как источник по изучению исторических и социально-экономических вопросов. Они применяют в исследовании картографический материал совместно с описаниями объектов, при этом отмечают, что появляется возможность достигнуть полного представления о Сибирских укрепленных линиях XVIII в. (Мжельская, Лобанова, 2016: 58-61).

Историк картографии А.В. Постников занимается вопросами изучения и использования «старых» карт. В монографии «История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы» он анализирует русские и китайские карты в контексте прохождения на местности согласованной линии границы, в качестве пояснения широко использует картографический материал (Постников, 2015).

Опыт исследователей А.Г. Селезнева и И.А. Селезневой весьма полезен при описании русских чертежей, относящихся к истории Казахстана. Авторы рассматривают объекты под названием «Астана» в картографических материалах С.У. Ремезова, отмечают, что «в Сибири этим словом называются важнейшие памятники религиозной культуры – исламские религиозные святилища, являющиеся ключевым звеном мусульманского культа святых. В сознании верующих «Астана» – места захоронений мусульманских святых» (Селезнев, Селезнева, 2015: 168-169).

Казахстанский исследователь И.В. Ерофеева осуществила описание картографических материалов и озвучила проблему недостаточной проработки картографических источников по истории Казахстана (Ерофеева, 2011).

Доцент Казахского национального университета им. аль-Фараби С.К. Удербаетова отмечает большую ценность «Трудов» Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК) и обращает внимание научной общественности на введение в широкий научный оборот картографического материала, иллюстраций с целью изучения сведений по археологии и этнографии казахского народа (Удербаетова, 2019: 1-8).

Сотрудники Института истории государства Республики Казахстан Н.У. Шаяхметов и Б.Б. Байшов на примере картографического материала (Древнего мира, Средневековья и Нового времени) рассматривают причины изменения названия Каспийского моря (Шаяхметов, Байшов, 2019: 290-298).

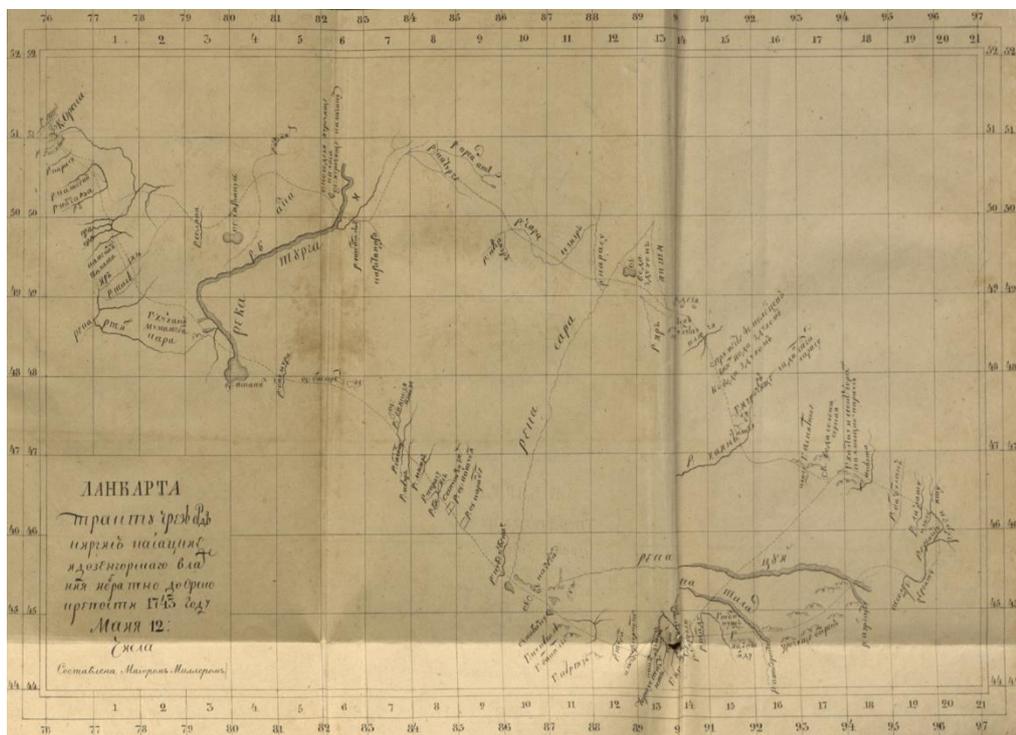
В фундаментальном научном труде казахского историка, профессора Н. Кенжеахмета «Eurasian Historical Geography as Reflected in Geographical Literature and in Maps from the 13th to the Mid-17th Centuries» приведены и описаны иллюстрации европейских, мусульманских и китайских карт, дан список 657 топонимов, определено современное их месторасположение и выполнена реконструкция истории Евразии XIII–XVII веков (Kenzheakhmet et al., 2021). Данное исследование является первым опытом проведения каталогизации прикижных карт российских авторов XIX – начала XX вв. в контексте изучения истории Казахстана.

4. Результаты

В ходе проведения сплошного поиска в фондах Отдела редких изданий и рукописей «Нодир» г. Ташкента (НБУЗ) было выявлено более 90 книг российских исследователей XIX – начала XX вв. с прикижными картами по истории Туркестанского края. Выявленные прикижные карты были проанализированы, описаны, подготовлена библиография, где широко использовался текст книг.

Прикижная карта «Ландкарта тракта чрез орды киргиз-кайсаков и до зенгорскаго владения и обратно до Орской крепости 1743 г. мая 12 числа» (Рисунок 1), составленная К. Миллером, представляет интерес для историков, так как впервые достоверно отображена территория Казахской степи. «Путь Миллера являлся самым восточным из трех, и что крайнее северо-восточное окончание

достигает вершин реки Дусарташным-Карасу, впадающей в юго-западный угол озера Балхаш, ранее пройденных Пospelовым и Назаровыми» (Поездка..., 1851: 45-47). По мнению Я.В. Ханькова, карта К. Миллера в течение длительного времени являлась единственным и достоверным источником о восточных районах Средней Азии. Имеются неточности изображения р. Торга (Тургай), путаница с притоками и основным устьем, название рек и озер не совпадает с современными названиями. Тем не менее карта дает отчетливое представление о географии и гидрографии Казахской степи.

Рис. 1. Ландкарта тракта чрез орды киргиз-кайсаков и до зенгорскаго владения и обратно до Орской крепости 1743 г. мая 12 числа. НБУз Пу 1202

«Ландкарта тракта чрез орды киргиз-кайсаков и до зенгорскаго владения и обратно до Орской крепости 1743 г. мая 12 числа» / Составлена майором Миллером. СПб., [1743]. 1 л.: ч/б. Ландкарта рукописная. Копия. Печать, бумага. Градусная сетка.

Масштаб: 50 верст в дюйме.

Описание: показаны подробно горы, реки, озера, колодцы и т.д. На карте отмечены озера: Сарпакуль, Чарпакуль, Аспана и т.д. Реки: Парасу, Орь, Соляна, Торга (Тургай), Сара (Сары-су), Чара (Нура), Хань, Цая (Чу), Ергату, Ерга. Урочище – Барень. Изображены колодцы и урочища, горы. Крепость Орская. Направление движения Миллера обозначено пунктиром, от Орска путь идет на юго-восток, пересекает р. Турга (Тургай) и р. Сары (Сары-су), ведет к Туркестану, широта которого показана довольно верно.

Дополнительная информация: Сведения, сообщенные Миллером, вошли в примечание к «Оренбургской истории» Рычкова, изданной в 1759 г. (Поездка..., 1851: 44).

Место хранения: НБУз Пу 1202. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 гг. Гладышевым и Муравиным. Издана с приобщением современной карты Миллера. Пути от Орска до Зюнгарских владений и обратно Я.В. Ханьковым. Спб.: Типография МВД, 1851. 86 с. (Поездка..., 1851: 86).

Научный интерес для ученых, занимающихся исследованием истории Казахстана XIX – начала XX вв., представляет полное собрание (594 тома) «Туркестанского сборника», которое хранится в Отделе редких изданий и рукописей «Нодир» Национальной библиотеки им. Алишера Навои. «Туркестанский сборник» печатался в Санкт-Петербурге и Ташкенте с 1867 по 1916 гг. и последние три тома его (с 592 по 594) были составлены под руководством библиографа Е.К. Бетгера в 1939 г. В ходе поиска и фронтального просмотра «Туркестанского сборника» выявлена 41 прикнижная карта по истории Казахстана XIX – начала XX вв. К сожалению, уникальное собрание «Туркестанский сборник» не отсканировано библиотекой, фотографирование данных сборника и прикнижных карт запрещено администрацией библиотеки. Разрешено сканирование только титульного листа. Тем не менее библиография и описание в каталоге прикнижных карт российских авторов XIX – начала XX вв. из «Туркестанского сборника» были подготовлены и дают информацию о месте хранения редких и малоизвестных карт.

К примеру, прикнижная «Карта низовьев Сырдарьи и местности, орошаемой рекой Джаны-Дарья, исследованной экспедицией в 1859 г.» показывает места расположения укреплений и бывшую хивинскую караванную дорогу, ее удобопроходимость. Незвестный автор статьи, к которой прилагается эта карта, дает интересные пояснения для этнографов по поводу измерения расстояния казахским населением: «Киргизы не измеряли расстояние верстами. Если спросить вожжака – киргиза, далеко до такого пункта или урочища? Он, в верстах, всегда укажет на солнце, добавит, что будем на месте, когда солнце дойдет до такой-то высоты. Другими словами, киргизы измеряли расстояние временем» ([Путевые заметки, 1859: 8](#)).

«Карта низовьев Сырдарьи и местности, орошаемой рекой Джаны-Дарья, исследованной экспедицией в 1859 г.» СПб., [1859]. 1 л.: ч.б./ Гравировал на камне А. Решетников // К статье (без автора) «Путевые заметки в Киргизской степи». СПб.: Типография Тиблена, 1859.

Масштаб: 80 верст в дюйме.

Описание: показана восточная часть Аральского моря и низовья р. Сырдарьи. Отмечены на карте: форт 1, форт 2, форт Перовский.

Текст: «Дороги, путь следования экспедиции в 1859 г.».

Дополнительная информация: «Целью экспедиции было выбор мест для возведения укреплений» ([Путевые заметки, 1859: 1](#)).

Место хранения: НБУз инв. номер 160705. Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, составленный по поручению г. Туркестанского военного губернатора В.И. Межовым. Т. 386. СПб. С. 47. ([Путевые заметки, 1859: 47](#)).

Исторические подробности о начале использования телеграфа в Туркестанском крае демонстрирует прикнижная карта «Карта военно-телеграфная и телефонных сообщений, устроенных временным Туркестанским военно-телеграфным парком в 1880–1882 гг.» Автор статьи отмечает: «До 1880 г. военного телеграфа в Туркестанском крае не было. В 1880 г. на случай ожидающего разрыва с китайцами командированы были в Кульджу 6 обер-офицеров, 18 телеграфистов и 66 верст телеграфного материала» ([Шуляченко, 1883: 37](#)).

«Карта военно-телеграфная и телефонных сообщений, устроенных временным Туркестанским военно-телеграфным парком в 1880–1882 гг.» / Лит. П.Я. Иванова, [1883]. 1 л.: ч.б. // Шуляченко П. Опыты с телефонами в Кульдже.

Масштаб: 40 верст в дюйме.

Описание: показано направление телеграфа в г. Джаркен, Даур, Суйдунь, Кульджу. Показаны две переправы через реку Или.

Текст: Условные знаки военно-телеграфных станций, линий (правительственная, центрально-телеграфная станция) и т.д.

Дополнительная информация: «Во время происходившего в июле 1882 г. свидания нашего генерал-губернатора Колпаковского с китайским Дзянь-Дзюнь Дзином. Свидание это происходило на р. Хоргос, которая составляет границу двух империй и на которой находится почтовая станция, расположенная в степи. Мимо этой же станции проходила и линия правительственного телеграфа из Кульджи в Борохудзирь» ([Шуляченко, 1883: 46](#)).

Место хранения: НБУз инв. номер 160705. Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, составленный по поручению г. Туркестанского военного губернатора В.И. Межовым. Т. 366. СПб. С. 52 ([Шуляченко, 1883: 52](#)).

Для ученых, занимающихся исследованием истории мелиорации Центрально-Азиатского региона, представляет научный интерес «Ипотетическая карта Памира и вершин Сыр и Аму-Дарья», которая сопровождает статью без автора «О исследовании вершин Сыр и Аму-Дарья и нагорной площади Памир» из «Туркестанского сборника», т. 374. В статье поставлена цель изыскать старое русло Амударьи для возвращения с водами прежнего течения к Каспийскому морю, тем самым найти удобное звено связи между Аральским бассейном и устьем Волги. Изучить судоходство Сырдарьи до ее вершин, с продолжением дороги до Яркента и Западного Китая ([О исследовании, 1885: 443](#)).

«Ипотетическая карта Памира и вершин Сыр и Аму-Дарья». СПб., [1883]. 1 л.: ч.б. / К статье (без автора) О исследовании вершин Сыр и Аму-Дарья и нагорной площади Памир.

Масштаб: отсутствует, имеется градусная сетка.

Описание: показано Каспийское море, оз. Аральское, оз. Балхаш, р. Сыр-Дарья, Или, Аму-Дарья, старое русло Аму-Дарья. Голодная степь. Кочевья киргиз-кайсаков, ханство Хивинское, Кокандское, Бухарское. Караванный путь в Петропавловск, Семипалатинск, развалины Отрара, г. Туркестан, укр. Раймское.

Место хранения: НБУз инв. номер 160705. Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, составленный по поручению г. Туркестанского военного губернатора В.И. Межовым. Т. 374. СПб.: Тип. Балашова. С. 477 ([О исследовании..., 1885: 477](#)).

Продолжает тематику мелиорации прикнижная карта к статье А.И. Свинцова «Река Аму-Дарья и древнее соединение ее с Каспийским морем (Узбой)», на которой продемонстрированы возможные пути обводнения Амударьинского бассейна. Выступление автора состоялось в собрании инженеров путей сообщения 18 марта 1884 г.: «Сообщение Геродота о состоянии при нем Аму-Дарьинского бассейна следует признать теперь наиболее вероятным и соответствующим настоящему характеру местности: именно он писал, что Аму-Дарья вливается 40 устьями в болота и озера, и только одно озеро соединяется притоком с Каспийским морем. Под этим последним надо понимать теперешнее Сары-Камышенское озеро и Узбой – исток его в Каспийское море» (Свинцов, 1884: 63).

«Карта низовьев р. Аму-Дарья, старых русел ее, Сары-Камышской котловины и Узбоя». СПб., [1884]. 1 л.: ч.б. / Хромофотография П.Я. Иванова // Свинцов А.И. Река Аму-Дарья и древнее соединение ее с Каспийским морем (Узбой).

Масштаб: 50 верст в дюйме.

Описание: показана подробно гидрография (часть Каспийского моря, часть оз. Аральского, р. Узбой, р. Аму-Дарья, колодцы), горы, пески Кузыл-кум, могилы, Устюрт. Города Хива, Кунград, кр. Нукус. Нефтяная гора.

Дополнительная информация: «Изучение изменений, которые произошли в бассейне этой реки и которые вызвали затем запустения некогда заселенных и богатых стран, но, помимо чисто научного интереса, для нас Аму-Дарьинский бассейн имеет более практическое значение, как торговый путь в глубь Азии, который составлял бы одно непрерывное продолжение водного сообщения от Петрограда до границ Афганистана к верховьям Инда» (Свинцов, 1884: 61).

Место хранения: НБУз инв. номер 160705. Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, составленный по поручению г. Туркестанского военного генерал-губернатора В.И. Межовым. Т. 412. СПб. Тип. Балашова. С. 84 (Свинцов, 1884: 84).

Заслуживает внимания историков, которые интересуются историей территориального разграничения горной части в Центральной Азии, прикнижная «Карта Центрального Тянь-Шаня». На ней изображены горный массив Хан-Тенгри и прохождение границы с Китаем: «Центральная часть Тянь-Шаня образует массив Хан-Тенгри, занимает площадь приблизительно в 225 километров в широтном направлении и 180 километров в направлении долготы. Русско-китайская граница, идя с севера, проходит через центр массива и загибается к западу» (Мекк, 1907: 156).

«Карта Центрального Тянь-Шаня». Ашхабад: Типолит. Н.В. Полторанова, [1907]. 1 л.: цв. / Мекк А. Массив Хан-Тенгри.

Масштаб: 100 верст в дюйме.

Описание: Обозначен Хан-Тенгри с высотой 7200 и в скобках 6950. Показана р. Или, оз. Иссык-Куль, хребет Алтау, г. Верный.

Место хранения: НБУз инв. номер 160705. Туркестанский сборник. Статьи и заметки из русских и иностранных газет. Сборник составляется по поручению г. Туркестанского военного генерал-губернатора от инфантерии Н.И. Гродекова. Т. 443. Ташкент (Мекк, 1907: 163).

Исчерпывающую информацию об особенностях торной дороги с озера Алакуль на реку Хоргос и прохождения китайских пикетов узнаем из путевых заметок инженер-капитана Малев и сопровождающей его карты.

«Без названия». Ташкент. [1907]. 1 л.: ч./б. / Чертил Н. Конаков. Для путевых заметок 1887 г. // Малев (инженер-капитан). С озера Алакуля на реку Хоргос.

Масштаб: отсутствует.

Описание: показана гидросистема (оз. Алакуль, Сайрам-норь, Эби-норь, р. Или, р. Чарыш, р. Боротала, р. Токты). Горы: Барлык, Канджига, Усендынь, Кетмень и т.д. Города: Капал, Джаркент, Лепоинск Хоргос, Суйдунь, Кульджа; Поселки: Авакумовский, Герасимовка, Константиновка, Осиновка, Колчаковское. Отмечены перевалы и переходы (пер. Карадаб, пер. Чебаты). Пикеты и крепости русские и китайские (крепость китайская Импань, кр. Джин хо, пикет кит. Сытай, Утай, п. Талки, п. Татамбей, п. Искеджель, п. Сер-Канч. Граница с Китаем и дороги.

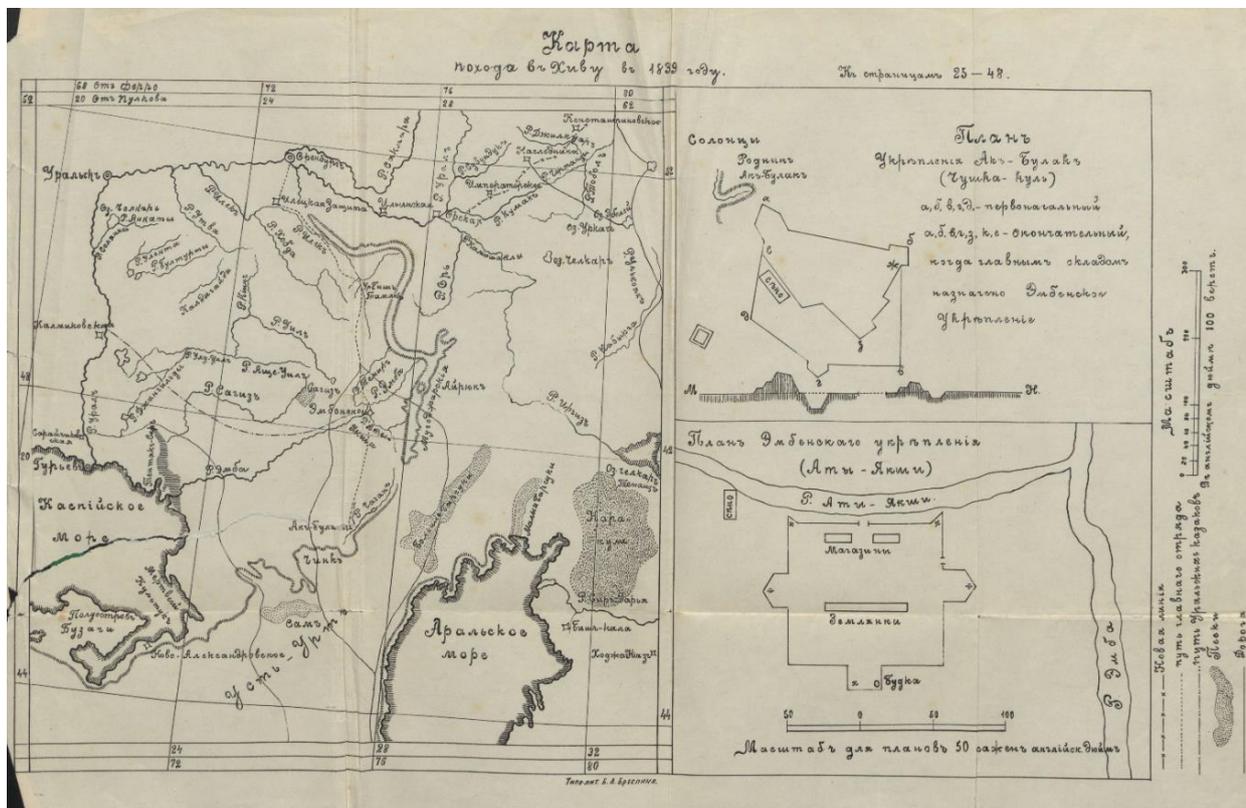
Дополнительная информация: «На долину вышли южнее китайского пикета в пяти-шести верстах. Направляясь к западу, скоро достигли весьма торной, но не колесной дороги, идущей от пикета на юго-восток» (Малев, 1907: 7).

Место хранения: НБУз инв. номер 160705. Туркестанский сборник. Статьи и заметки из русских и иностранных газет. Сборник составляется по поручению г. Туркестанского военного генерал-губернатора от инфантерии Н.И. Гродекова. Т. 480. Ташкент. С. 8. (Малев, 1907: 8).

В ходе проведения сплошного поиска в фондах Оренбургской универсальной научной библиотеки им. Н.К. Крупской (ОУНБ) было выявлено 47 книг российских исследователей XIX – начала XX вв. с прикнижными картами, описывающими исторические события, происходящие в основном на территории Западного Казахстана. В некоторых редких изданиях имелось по несколько малоизвестных прикнижных карт.

Прикнижная «Карта похода в Хиву в 1839 г.» (Рисунок 2) представляет интерес для ученых, которые занимаются исследованием военной истории казахского народа. В ходе зимнего похода

1839–1840 гг. отдельного Оренбургского корпуса в Хивинское ханство казахи снабжали русскую армию верблюдами, выступали погонщиками и испытывали все тяготы зимнего перехода (мороз, буран) в степи. Поход не удался из-за незнания географических и природных особенностей зимней Казахской степи, по которой двигался отряд, а также не умения обращаться с верблюдами. Они выступали главным транспортным средством в отряде. В походе наблюдался значительный падеж верблюдов вследствие плохого снабжения сеном в зимнее время, организованного армией. Для сбора верблюдов, необходимых для похода, генерал-майор Г.Ф. Генс, 13 мая 1839 г. выехал в ставку султана-правителя подполковника Баймухамеда Айчувака. Все собранные казахи согласились поставлять верблюдов, кроме казахов Байулинского рода. Доставлено нанятых верблюдов 10 165. 21 октября 1839 г. выступил из Оренбурга передовой отряд, названный караваном для ученой экспедиции к берегам Аральского моря, под начальством Данилевского, с шестью транспортом запасом в 1 128 верблюдов. 12 ноября 1839 г. остальные войска были распределены в 4 колонны и вышли из Оренбурга. В отчетах отмечено, что при каждом десятке верблюдов было по два казаха, один вел их, а другой шел сбоку для присмотра за ходом верблюдов и за выюками. По дороге от Эмбы до укрепления Ак-Булак верблюды от истощения падали, из 8 900 верблюдов пало 1 200 и брошено в пути 2 512 верблюдов, совершенно ослабленных. В итогах похода показано, что не менее 500 казахов принимало участие в данном походе. Это погонщики верблюдов и рассыльные – почтари. При движении отряда в ходе стычек с хивинцами убивали не только солдат, но и казахов: так, около Ак-Булакского укрепления был обнаружен «киргиз – почтарь, разрубленный пополам и врытый в снег» (Материалы..., 1910: 40).

Рис. 2. Карта похода в Хиву в 1839 г. Врезки: «План Эмбенского укрепления. План укрепления Ак-Булак». Ор 910. 9/М34- РФБ 79 210

«Карта похода в Хиву в 1839 г.» / Составитель не указан. Оренбург, [1839]. 1 л.: ч./б. Копия. Печать, бумага. Типография Б.А. Бреслина.

Масштаб: 100 верст в дюйме.

Описание: показана гидрография: Каспийское море, Аральское море, река Урал, р. Хобда, р. Эмба, р. Иргиз, р. Карасу-Тургай, р. Тургай, р. Уй, оз. Челкар, оз. Уркач, оз. Эбелей. Лес Наурзум, Аман-Карагай. Города: Оренбург, Гурьев, Уральск. Укрепления: Илецкая защита, Орская, Константиновка, Императорское, Наследники, Бишь-кала, Ходжа-Нияз. Пески Барсуки, Самь, горы Мугоджарские. Оренбургская укрепительная линия. Пути движения колонн отряда показаны пунктиром. Пути движения колонн сходятся у западной оконечности Аральского моря.

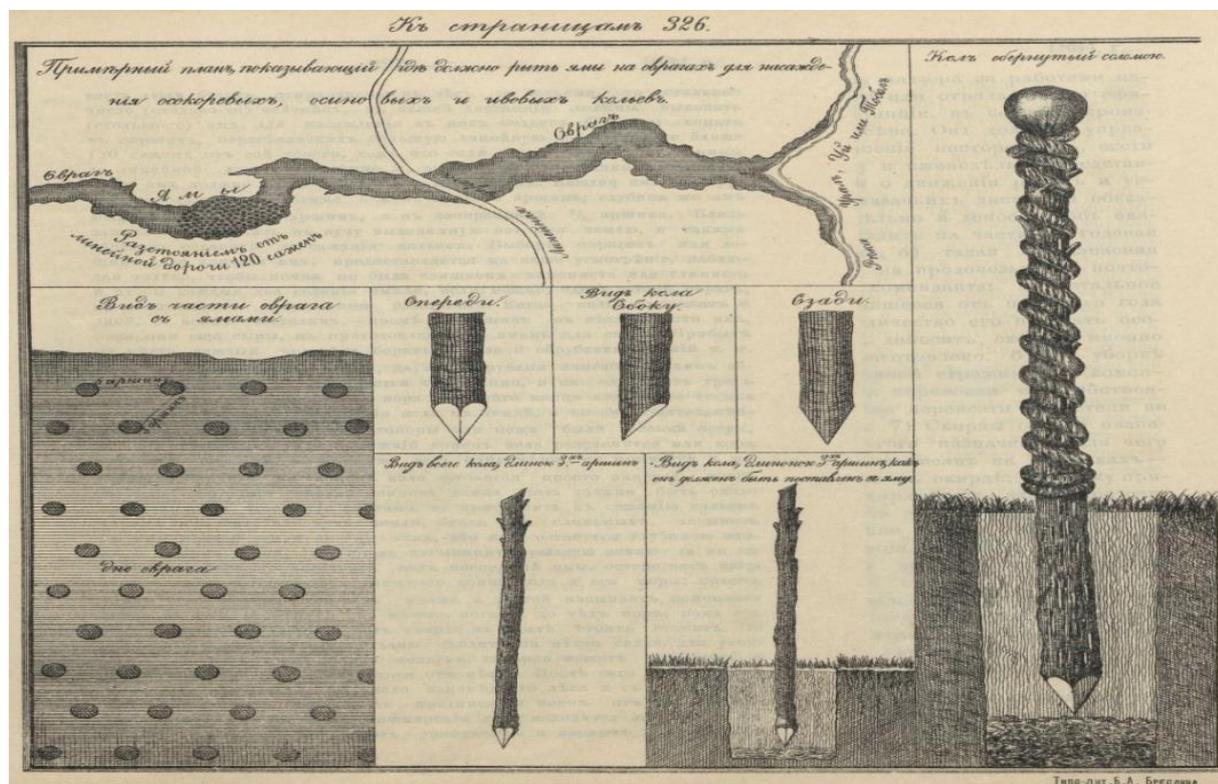
Дополнительная информация: «18 ноября 1839 г. пришли в Эмбенское укрепление, ...при отряде было 1 800 верблюдов, в том числе одна тысяча была прислана ханом Джангиром... При всех

их было киргизов – 300 человек. Сюда прибыл султан Айчувак и до 200 вооруженных киргизов, которые надеялись воспользоваться для развозок и посылок» (Материалы..., 1910: 36).

Место хранения: ОУНБ Ор 910. 9/М34 -РФБ 79210. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Хронологический перечень событий, относящихся к истории Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1910. 1202 с. (Материалы..., 1910: 25).

«Примерный план, показывающий, где должны рыть ямы на оврагах для насаждения осокоревых, осиновых и ивовых кольев» (Рисунок 3) разработан в соответствии с циркулярным письмом В.А. Перовского от 12 сентября за № 3 от 1834 г. (Материалы..., 1910: 326). В письме предписывалось начальнику Оренбургской дистанции засадить кольями осиновых и ивовых деревьев (скорорастающих) овраги близ линейной дороги в качестве дополнительных заграждений на подступах к границе. План был разработан для рек Тобол и Уй. В дальнейшем предусматривалось его распространение на все протяжении Оренбургской линии.

Несмотря на то, что посадка деревьев методом кольев проводилась в военных целях заграждения и усиления границы, тем не менее данный исторический опыт разведения лесов, полученный из этого плана и текста представляет профессиональный интерес для лесоводов, в том числе и для восстановления лесов. Планировалось посадить около 1 млн кольев, из которых, считалось, примутся только 500 000 деревьев и станут в дальнейшем заповедными лесами на Оренбургской пограничной линии, тянувшейся на протяжении 1860 верст. На Оренбургской линии с 1834 по 1837 гг. кольев посажено 117 564..., и занимались посадкой – 9 722 человека (Материалы..., 1910: 460, 606).

Рис. 3. Примерный план, показывающий где должны рыть ямы на оврагах для насаждения осокоревых, осиновых и ивовых. 1839. ОУНБ Ор 910. 9/М34- РФБ 79210

«Примерный план, показывающий, где должны рыть ямы на оврагах для насаждения осокоревых, осиновых и ивовых кольев» / Составитель не указан. Оренбург, [1839]. 1 л.: ч./б.

Копия. Печать, бумага. Типография Б.А. Бреслина. Без масштаба.

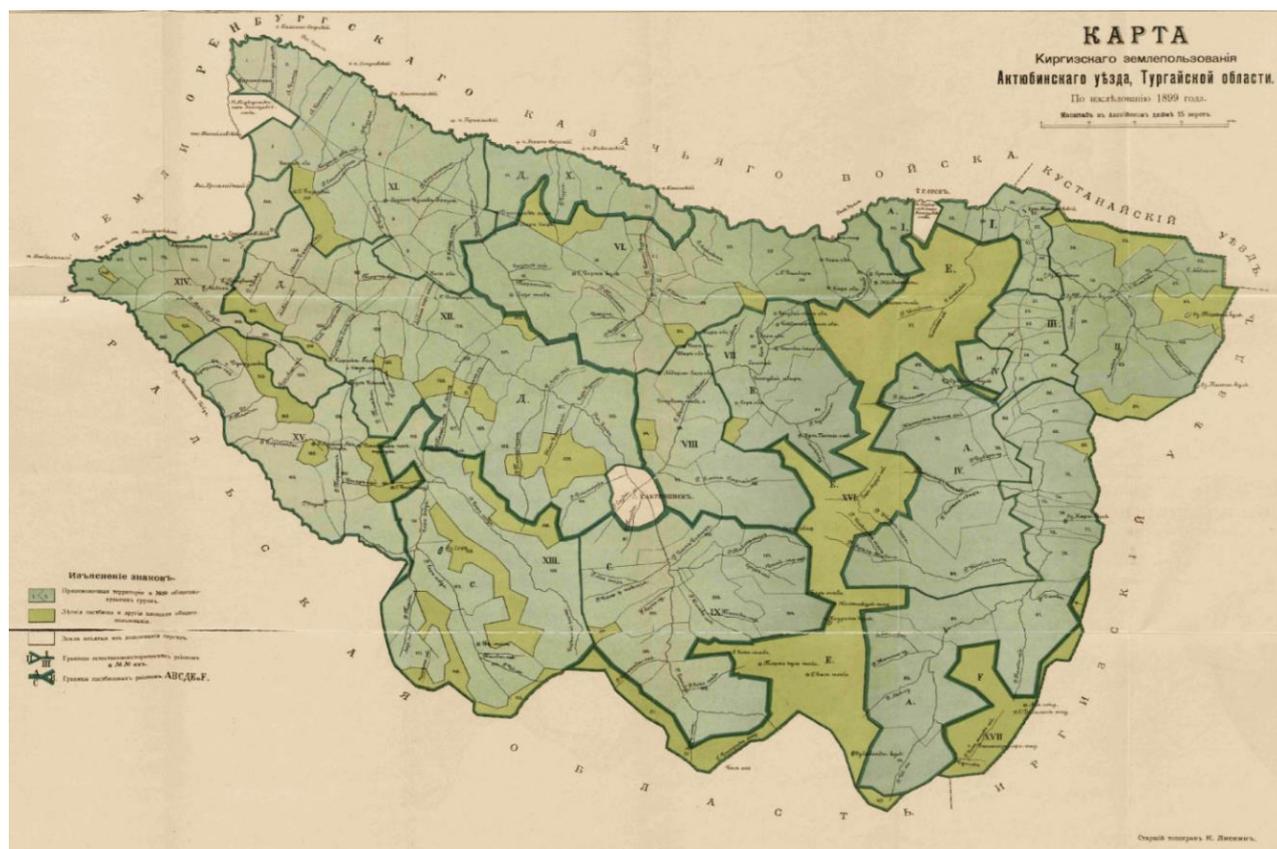
Описание: Обозначены река Уй или Тобол, линейная дорога, овраг. Показано, что на расстоянии 120 сажень от линейной дороги необходимо начать посадку кольев в овраге. На плане отмечены их посадка по краям равностороннего треугольника и схема расположение ям в овраге. Показано, что кол в 3 аршина необходимо заострить и обернуть соломой.

Дополнительная информация: «12 сентября циркуляром за № 3 от 1838 г., г.-ад. Перовский предписал по окончании всех сельских общественных работ произвести посадку кольев на удобных местах, преимущественно по берегам озер, на пойменных местах» (Материалы..., 1910: 609).

Место хранения: ОУНБ Ор 910. 9/М34- РФБ 79210. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Хронологический перечень событий, относящихся к истории Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1910. 1202 с. (Материалы..., 1910: 326).

В данной книге имеется несколько интересных иллюстраций, посвященных военной истории: «Легкое орудие Оренбургской казачьей конно-артиллерийской роты № 11 в повозке с запряженными верблюдами» между страницей 33 и 34; «Башкирец 1830 г. и изображение колчана и стрел» между страницей 104 и 105; «Вехи для обозначения станичного начальника» между страницей 314 и 315» и т.д.

«Прикижная карта (Рисунок 4) представляет интерес для историков, изучающих кочевые пути казахов. В книге на последней странице прилагается подробная карта, помогающая ориентироваться читателю в географии местности и мест расположения административных аулов, а также изучить места вкочевывания казахских хозяйств из южных регионов в Актюбинский уезд на летний период. В книге обнаружены исторические сведения в форме таблиц о родах Младшего жуза Актюбинского уезда следующих волостей: Уйсыл-Каринской, Бестамакской, Бурлинской, Буртинской, Каратургайской, Илекской, Кара-Хобдинской, Тузтюбинской, Хобдинской.

Рис. 4. Карта киргизского землепользования Актюбинского уезда Тургайской области. 1899. ОУНБ Ор96/с24-119645

«Карта киргизского землепользования Актюбинского уезда Тургайской области» / Составлена топографом К. Лискиным. Литография Э. Аригольда, Лит. 59. Россия, [1899]. 1 л.: цв. Копия. Печать, бумага.

Масштаб: 15 верст в дюйме.

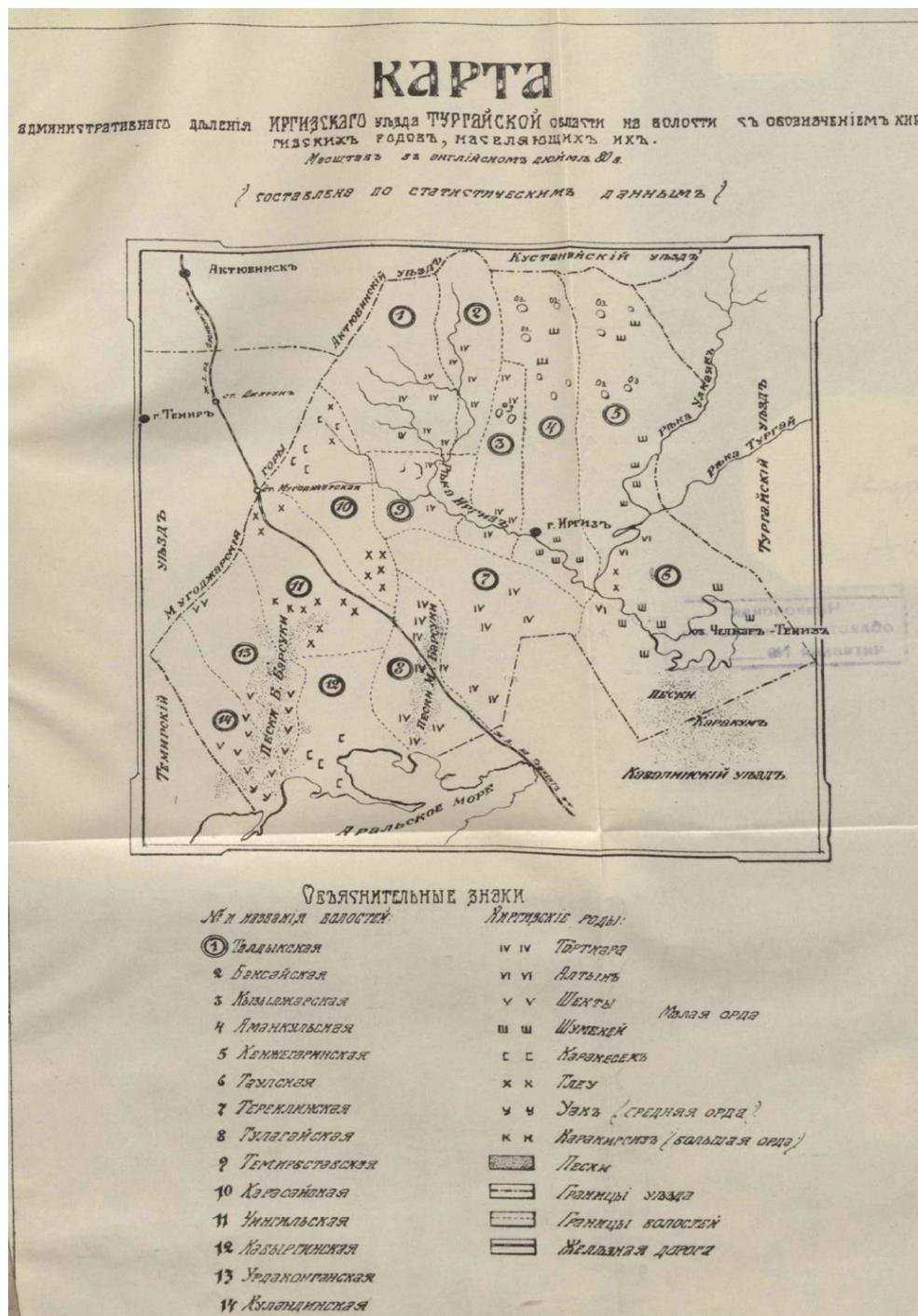
Описание: показана гидрография, горы, урочища, дороги, г. Актюбинск, г. Орск, укрепления, п. Ильинский, п. Михайловский, п. Григорьевский, ст. Богословская, п. Изобильный, хутор Можаровский, хутор Тасты-сай, земли государственного конезавода. Отмечены призимовочные пастбища по номерам общинно-аульных групп; летние пастбища и другие площади общего пользования; земли, изъятые из пользования казахов; границы естественно-исторических районов; границы пастбищных районов. Представлены административные границы Уральской области, Иргизского уезда, Кустанайского уезда, земли Оренбургского казачьего войска.

Дополнительная информация: «В Карачагировскую волость на вершину реки Танырбергенъ, выше могилы «Жиде» (4 административный аул) приходят 105 хозяйств киргизских в начале июля и уходят 20 сентября» (Сведения..., 1900: 2).

«В Бестюбинскую волость в № 3 аула Хобдинской волости на урочище Кызынь-чань, находящуюся на расстоянии 120 верст от Актюбинска, вкочевывают посторонние киргизы – 1 хозяйство. Приходят в начале июня, уходят 1 сентября» (Сведения..., 1900: 6).

Место хранения: ОУНБ Ор96/с24-119645. Сведения о киргизских ордах и родах по волостям Актюбинского уезда. Б.м., 1900. 55 с. (Сведения..., 1900: 55).

«Карта административного деления Иргизского уезда Тургайской области на волости с обозначением киргизских родов, населяющих их» (Рисунок 5) представляет интерес для этнографов Казахстана. В «Материалах...», где находится данная прикижная карта, приведены таблицы статистических сведений о промысловых занятиях казахского населения по волостям и группам разного обеспечения скотом и другие данных по Иргизскому уезду за 1909 г.

Рис. 5. Карта административного деления Иргизского уезда Тургайской области на волости с обозначением киргизских родов, населяющих их. 1913. ОУНБ ОР 461/М34-9511719

«Карта административного деления Иргизского уезда Тургайской области на волости с обозначением киргизских родов, населяющих их» / Составитель статистическая партия Тургайско-Уральского Переселенческого района. Оренбург, [1913]. 1 л.: ч./б. Копия. Печать, бумага.

Масштаб: 80 верст в дюйме.

Описание: показана гидрография: северная часть Аральского моря, озеро Челкар-Тенгиз. Реки: Тургай, Иргиз, Улкайя; пески: Б. Барсук, М. Барсук, Каракум. Отмечена железная дорога на г. Ташкент с указанием станций (ст. Джурук, Мугоджарская). Города: Актюбинск, Темир, Иргиз. Представлено прохождение границ с уездами: Темирский, Актюбинский, Кустанайский, Тургайский, Казалинский. Указаны границы 14 казахских волостей с названиями; места расселения казахских родов, относящихся к Малой орде (Торткара, Алтын, Шекты, Шумекей, Каракесек, Тлеу); Уак (Средняя орда), Каракиргиз (Большая орда) по территории Иргизского уезда.

Место хранения: ОУНБ ОР 461/М34-9511719. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Статистической Партией Тургайско-Уральского переселенческого района. ГУЗиЗ. Переселенческое управление. Издание переселенческой организации Тургайско-Уральского района, 1909. Иргизский уезд. Оренбург: Тип. Ф.Я. Яковлева, 1913. 320 с. ([Материалы по киргизскому..., 1913: 23](#)).

5. Заключение

Прикнижные карты российских исследователей XIX – начала XX вв. в знаковой емкой форме визуально демонстрируют историю Казахстана. В результате анализа прикнижных карт, подготовки библиографии в каталог были выявлены визуальные подробности истории Казахстана: возможные пути мелиорации Центрально-Азиатского региона, землепользования казахских общин, формирования границ; новые неизвестные странички военной истории – участие казахов в военном походе в Хиву в 1839–1840 гг.; родорасселение и кочевые пути казахов.

Прикнижные карты, изъятые из книг, теряют свою описательскую значимость, в контексте которой они были предусмотрены. Информативность этих карт усиливается при использовании их совместно с текстом книги. Сравнение карты и текста показало, что на карте имеется информация, отсутствующая в тексте книги.

Подготовленный каталог прикнижных карт дает представление о комплексе прикнижных карт, хранящихся в библиотеках, что позволит исследователям исторического прошлого Казахстана ориентироваться в их многообразии и знать места хранения. Исследование по подготовке каталога прикнижных карт из Национальной библиотеки им. Алишера Навои, Отдела редких изданий и рукописей «Нодир» г. Ташкента (НБУЗ) и Оренбургской универсальной научной библиотеки им. Н.К. Крупской (ОУНБ) является базой для дальнейшего исследования.

Ценность каталога прикнижных карт заключается прежде всего в сохранении, популяризации визуального наследия российских исследователей XIX – начала XX вв. Введение в научный оборот каталога прикнижных российских картографических источников XIX – начала XX вв. позволит пользователю визуально, в комплексе с письменным источником, узнать много интересного, ответить на интересующие его вопросы и поставить новые.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта по грантовому финансированию Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан ИРН № АР09259247.

Литература

[Ерофеева, 2011](#) – *Ерофеева И.В.* Географические карты XVIII века: как источник по истории, этнологии и исторической топонимике Казахстана // *История Казахстана в документах и материалах*: Альманах. Вып. 1. Алматы, 2011. С. 330-358.

[Коновалова, 2015](#) – *Коновалова И.Г.* О преемственности в средневековой географии: арабские географы XII–XIV веков о Восточной Европе // *Диалог со временем*. Вып. 52. 2015. С. 93-101.

[Кусов, 2007](#) – *Кусов В.С.* Московское государство XVI – начала XVIII века: сводный каталог русских географических чертежей. М., 2007.

[Малев, 1907](#) – *Малев.* С озера Алакуля на реку Хоргос // *Туркестанский сборник. Статьи и заметки из русских и иностранных газет. Сборник составляется по поручению г. Туркестанского военного генерал-губернатора от инфантерии Н.И. Гродекова*. Ташкент, 1908. Т. 480. С. 1-15.

[Материалы..., 1910](#) – Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Хронологический перечень событий, относящихся к истории Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1910.

[Материалы по киргизскому..., 1913](#) – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Статистической Партией Тургайско-Уральского переселенческого района. ГУЗиЗ. Переселенческое управление. Иргизский уезд. Оренбург, 1913.

Мекк, 1907 – Мекк А. Массив Хан-Тенгри // *Туркестанский сборник. Статьи и заметки из русских и иностранных газет. Сборник составляется по поручению г. Туркестанского военного генерал-губернатора от инфантерии Н.И. Гродекова.* Ташкент, 1907. Т. 443. С. 150-163.

Мжелская, Лобанова, 2016 – Мжелская Т.В., Лобанова А.А. Карты Сибири как источник по изучению социально-экономических вопросов XIX – начала XX вв. // *Интерэкспо Гео-Сибирь.* 2016. Т. 1. С. 58-61.

О исследовании..., 1883 – О исследовании вершин Сыр и Аму-Дарья и нагорной площади Памир // *Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, составленный по поручению г. Туркестанского военного генерал-губернатора В.И. Межовым.* СПб., 1883. Т. 374. С. 443-485.

Поездка, 1851 – Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 гг. Гладышевым и Муравиным. Издана с приобщением современной карты Миллера. Пути от Орска до Зюнгарских владений и обратно – Я.В. Ханьковым. СПб., 1851.

Постников, 2015 – Постников А.В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы. М., 2015.

Путевые заметки..., 1859 – Путевые заметки в Киргизской степи // *Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, составленный по поручению г. Туркестанского военного генерал-губернатора В.И. Межовым.* СПб., 1885. Т. 386. С. 1-55.

Сведения..., 1900 – Сведения. Сведения о киргизских ордах и родах по волостям Актюбинского уезда. Б.м., 1900.

Свинцов, 1884 – Свинцов А.И. Река Аму-Дарья и древнее соединение ее с Каспийским морем (Узбой) // *Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, составленный по поручению г. Туркестанского военного генерал-губернатора В.И. Межовым.* СПб., 1884. Т. 412. С. 58-84.

Селезнев, Селезнева, 2015 – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Мусульманские культовые комплексы Сибири в картографических материалах Семена Ульяновича Ремезова // *Вестник Омского университета.* 2015. № 45(4). С. 165-173.

Удербаета, 2019 – Удербаета С.К. Археологическая деятельность Оренбургской ученой архивной комиссии // *Научный вестник Крыма.* 2019. № 22(4). С. 1-8.

Фоменко, 2008 – Фоменко И.К. Скифия – Тартария – Московия – Россия. Взгляд из Европы. Россия на старинных картах. М., 2008.

Шаяхметов, Байшов, 2019 – Шаяхметов Н.У., Байшов Б.Б. Тарихи-географиялық деректердегі Каспий теңізі тарихының кебір мәселелері // *Вестник серия «Исторические и социально-политические науки».* Казахский национальный педагогический университет имени Абая. 2019. № 60(1). С. 290-298.

Шуляченко, 1883 – Шуляченко П. Опыты с телефонами в Кульдже // *Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, составленный по поручению г. Туркестанского военного генерал-губернатора В.И. Межовым.* СПб., 1883. Т. 366. С. 1-55.

Эрлих, 2008 – Эрлих В.А. Западносибирские научные издания дореволюционного периода в области гуманитарных наук // *Гуманитарные науки в Сибири. Серия «Культура народов Сибири».* 2008. № 84(3). С. 37-41.

Dalman et al., 2009 – *Dahlmann D.* Sibirien. vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. München, 2009.

Kenzheakhmet et al., 2021 – *Kenzheakhmet N. et al.* Eurasian Historical Geography as Reflected in Geographical Literature and in Maps from the 13th to the Mid-17th Centuries. Gossenberg, 2021.

Kivelson et al., 2006 – *Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: the land and its meanings in Seventeenth Century Russia. XIV. Ithaca, 2006.

Edson et al., 2010 – *Edson E.* The Medieval World View: Contemplating the Mappamundi // *History Compass.* 2010. №. 8(6). pp. 503-517.

References

Dalman et al., 2009 – *Dahlmann, D.* (2009). Sibirien. vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart [Siberia. from the 16th century to the present]. München. [in German]

Edson et al., 2010 – *Edson, E.* (2010). The Medieval World View: Contemplating the Mappamundi. *History Compass.* 8(6): 503-517.

Erlikh, 2008 – *Erlikh, V.A.* (2018). Zapadno-sibirskie nauchnye izdaniya dorevolyutsionnogo perioda v oblasti gumanitarnykh nauk [West Siberian scientific publications of the pre - revolutionary period in the field of humanities]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Ser «Kul'tura narodov Sibiri».* 84(3): 37-41. [in Russian]

Erofeeva, 2011 – *Erofeeva, I.V.* (2011). Geograficheskie karty XVIII veka: kak istochnik po istorii, etnologii i istoricheskoi toponimike Kazakhstana [Geographical maps of the XVIII century: as a source on the

history, ethnology and historical toponymy of Kazakhstan]. *Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Al'manakh*. Vyp. 1. Almaty. Pp. 330-358. [in Russian]

Fomenko, 2008 – *Fomenko, I.K.* (2008). Skifiya – Tartariya – Moskoviya – Rossiya – vzglyad iz Evropy. Rossiya na starinnykh kartakh [Scythia – Tartary – Muscovy–Russia – a view from Europe. Russia on old maps]. M. [in Russian]

Kenzheakhmet et al., 2021 – *Kenzheakhmet, N.* (2021). Eurasian Historical Geography as Reflected in Geographical Literature and in Maps from the 13th to the Mid-17th Centuries. Gossenberg.

Kivelson et al, 2006 – *Kivelson, V.* (2006). Cartographies of Tsardom: the land and its meanings in Seventeenth Century Russia. XIV. Ithaca.

Konovalova, 2015 – *Konovalova, I.G.* (2015). O preemstvennosti v srednevekovoi geografii: arabskie geografii XII–XIV vekov o Vostochnoi Evrope [On continuity in Medieval Geography: Arab Geographers of the XII–XIV centuries about Eastern Europe]. *Dialog so vremenem*. 52: 93-101. [in Russian]

Kusov, 2007 – *Kusov, V.S.* (2007). Moskovskoe gosudarstvo XVI – nachala XVIII veka: svodnyi katalog russkikh geograficheskikh chertezhei. [The Moscow State of the XVI – early XVIII century: a consolidated catalog of Russian geographical drawings]. M. [in Russian]

Malev, 1907 – *Malev* (1907). S ozera Alakulya na reku Khorgos [From Lake Alakulya to the Khorgos River]. *Turkestanskii sbornik. Stat'i i zametki iz russkikh i inostrannykh gazet. Sbornik sostavlyaetsya po porucheniyu g. Turkestanskogo voennogo general-gubernatora ot infanterii N.I. Grodekova*. Tashkent. T. 480. Pp. 1-15. [in Russian]

Materialy po kirgizskomu, 1913 – *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye Statisticheskoi Partiei Turgaisko-Ural'skogo pereselencheskogo raiona. GUZiZ. Pereselencheskoe upravlenie. Irgizskii uezd* [Materials on Kyrgyz land use collected and developed by the Statistical Party of the Turgai-Ural Resettlement District. Guviz. Resettlement management. Irgiz county]. Orenburg, 1913. [in Russian]

Materialy..., 1910 – *Materialy po istoriko-statisticheskomu opisaniyu Orenburgskogo kazach'ego voiska. Khronologicheskii perechen' sobytii, otnosyashchikhsya k istorii Orenburgskogo kazach'ego voiska. [Materials on the historical and statistical description of the Orenburg Cossack army. Chronological list of events related to the history of the Orenburg Cossack Army]. Orenburg, 1910. [in Russian].*

Mekk, 1907 – *Mekk, A.* (1907). Massiv Khan-Tengri [Khan-Tengri Array]. *Turkestanskii sbornik. Stat'i i zametki iz russkikh i inostrannykh gazet. Sbornik sostavlyaetsya po porucheniyu g. Turkestanskogo voennogo general-gubernatora ot infanterii N.I. Grodekova*. Tashkent. T. 443. Pp. 150-163. [in Russian]

Mzhel'skaya, Lobanova, 2016 – *Mzhel'skaya, T.V., Lobanova, A.A.* (2016). Karty Sibiri kak istochnik po izucheniyu sotsial'no-ekonomicheskikh voprosov XIX – nachala XX vv. [Maps of Siberia as a source for the study of socio-economic issues of the XIX – early XX centuries]. *Interekspo Geo-Sibir'*. T. 1. Pp. 58-61. [in Russian]

O issledovanii..., 1883 – O issledovanii verшин Syr i Amu-Dar'i i nagornoj ploshchadi Pamir [About the exploration of the peaks of Syr and Amu-Darya and the mountainous Pamir square]. *Turkestanskii sbornik sochinenii i statei, otnosyashchikhsya do srednei Azii voobshche i Turkestanskogo kraya v osobennosti, sostavlennyyi po porucheniyu g. Turkestanskogo voennogo general-gubernatora V.I. Mezhovym*. SPb. 1883. T. 374. Pp. 443-485. [in Russian]

Poezdka, 1851 – *Poezdka iz Orska v Khivu i obratno sovershennaya v 1740–1741 gg. Gladyshevym i Muravinym. Izdana s priobshcheniem sovremennoi karty Millera. Puti ot Orska do Zyungarskikh vladanii i obratno Ya.V. Khanykovym. [Trip from Orsk to Khiva and back completed in 1740–1741. Gladyshev and Muravin. Published with the inclusion of Miller's modern map. Ways from Orsk to Zyungar possessions and back Ya.V. Khanykov]. SPb, 1851. [in Russian]*

Postnikov, 2015 – *Postnikov, A.V.* (2015). Istoriya geograficheskogo izucheniya i kartografirovaniya Sibiri i Dal'nego Vostoka v XVII – nachale XX veka v svyazi s formirovaniem russko-kitaiskoi granitsy [The history of geographical study and mapping of Siberia and the Far East in the XVII – early XX century in connection with the formation of the Russian-Chinese border]. M. [in Russian]

Putevye zametki, 1859 – *Putevye zametki v Kirgizskoi stepi [Travel notes in the Kyrgyz steppe]. Turkestanskii sbornik sochinenii i statei, otnosyashchikhsya do srednei Azii voobshche i Turkestanskogo kraya v osobennosti, sostavlennyyi po porucheniyu g. Turkestanskogo voennogo general-gubernatora V.I. Mezhovym*. SPb.. 1885. T. 386. Pp. 1-55. [in Russian]

Seleznev, Selezneva, 2015 – *Seleznev, A.G., Selezneva, I.A.* (2015). Musul'manskie kul'tovye kompleksy Sibiri v kartograficheskikh materialakh Semena Ul'yanovicha Remezova [Muslim religious complexes of Siberia in the cartographic materials of Semyon Ulianovich Remezov]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 45(4): 165-173. [in Russian]

Shayakhmetov, Baishov, 2019 – *Shayakhmetov, N.U., Baishov, B.B.* (2019). Tarikhi-geografiyalik derekterdegi Kaspïi tēnizi tarikhnyñ kebir meseleleri [Reasons for changing the name of the Caspian Sea according to cartographic materials]. *Vestnik seriya «Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki» Kazakhskii natsional'nyi pedagogicheskii universitet imeni Abaya*. 60(1): 290-298.

Shulyachenko, 1883 – *Shulyachenko, P.* (1883). Opyty s telefonami v Kul'dzhe [Experiments with phones in Kuldzha]. *Turkestanskii sbornik sochinenii i statei, otnosyashchikhsya do srednei Azii voobshche*

i Turkestarskogo kraja v osobennosti, sostavlennyi po porucheniju g. Turkestarskogo voennogo general-gubernatora V.I. Mezhovym. SPb., T. 366. Pp. 1-55. [in Russian]

Svedeniya..., 1900 – Svedeniya o kirgizskikh ordakh i rodakh po volostyam Aktyubinskogo uezda [Information about the Kyrgyz hordes and clans in the volosts of Aktobe county]. B.m. [in Russian]

Svintsov, 1884 – *Svintsov, A.I.* (1884). Reka Amu-Dar'ya i drevnee soedinenie eya s Kaspiiskim morem (Uzboi) [The Amu-Darya River and its ancient connection with the Caspian Sea (Uzboy)]. *Turkestarskii sbornik sochinenii i statei, otnosyashchikhsya do srednei Azii voobshche i Turkestarskogo kraja v osobennosti, sostavlennyi po porucheniju g. Turkestarskogo voennogo general-gubernatora V.I. Mezhovym. SPb., T. 412. Pp. 58-84. [in Russian]*

Uderbaeva, 2019 – *Uderbaeva, S.K.* (2019). Arkheologicheskaya deyatelnost' Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii [Archaeological activity of the Orenburg Scientific Archival Commission]. *Nauchnyi vestnik Kryma. 22(4): 1-8. [in Russian]*

Прикнижные карты российских авторов XIX – начала XX вв. как источник по визуальной истории Казахстана: каталог

Галина Николаевна Ксенжик ^{a, *}, Ерлан Тынымбайулы Карин ^b

^a Казахский Национальный аграрный исследовательский университет, Республика Казахстан

^b Администрация Президента Республики Казахстан, Республика Казахстан

Аннотация. Статья выполнена в рамках научного проекта, посвящена анализу прикнижных карт российских авторов XIX – начала XX вв., каталогизации и введению в научный оборот картографических уникальных, малоизвестных данных в целях изучения визуальной истории Казахстана.

Источниковой базой послужили книжные фонды редких изданий с прикнижными картами Национальной библиотеки им. Алишера Навои г. Ташкента (НБУз) и Оренбургской универсальной научной библиотеки им. Н.К. Крупской (ОУНБ). В ходе подготовки каталога было разработано единое каталожное описание прикнижных карт.

Методологией исследования выступает комплексный междисциплинарный подход широкого взаимодействия гуманитарных наук и естествознания, который позволил выявить, проанализировать и подготовить библиографию прикнижных карт. В качестве специального метода используется картографический, позволяющий выполнить каталогизацию и описание прикнижных карт.

Обоснованы оперативные и функциональные преимущества каталога картографических материалов, где каждый исследователь может получить ответ, где и под каким номером находится необходимая книга с прикнижной картой.

Описание прикнижных карт с использованием материалов книги предоставляет дополнительные возможности охарактеризовать более полно исторические факты и визуально показать динамику происходящих событий. Сравнение прикнижной карты и текста показало, что на картографическом материале имеется информация, отсутствующая в тексте книги.

Были выявлены возможные пути мелиорации Центрально-Азиатского региона, исторические подробности формирования границ, неизвестные странички военной истории, участие казахов в военном походе в Хиву в 1839–1840 гг., особенности родорасселения и кочевые пути казахов.

Авторы делают вывод о том, что российские ученые, путешественники, чиновники и военные оставили значительное книжное наследие с феноменальным картографическим материалом для изучения визуальной истории Казахстана.

Ключевые слова: российские прикнижные карты, каталог, история Казахстана XIX – начала XX вв.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: migkz@ya.ru (Г.Н. Ксенжик)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 230-238
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.230

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Personal and Political Biography of G. Valikhanov in the Imperial Context of the Russian Colonization of the XIXth – early XXth centuries

Zhanar B. Nurkina ^a, Michael K. Churkin ^{b, c, *}, Yerkin A. Abil ^d, Marat Z. Utegenov ^e

^a Kokshetau University named after Sh. Ualikhanov, Kokshetau, Republic of Kazakhstan

^b Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

^c Tobolsk Complex Research Station of the Ural, Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russian Federation

^d Institute of State History, Astana, Republic of Kazakhstan

^e Kokshetau University named after Sh. Ualikhanov, Kokshetau, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article is devoted to identifying the iconic plots of the personal and political biography of the outstanding Kazakh-Russian military, state and political figure G. Valikhanov. Appeal to the biographical method and the contextual approach in constructing the life path of a “second plan” person in history opened up a broad research perspective for understanding the sociocultural situation, within which in the nineteenth and early twentieth centuries. The Russian Empire implemented a colonization policy in the Central Asian region, relying, among other things, on representatives of the national elites who were ready to demonstrate loyalty to the imperial administration.

Based on published materials and unpublished information extracted from the archives of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, the stages of the military and socio-political biography of Sultan-Gaza Valikhanov were identified, the formation of whose personality took place against the background of the influence of both the traditionalist environment of the steppe aristocracy, and Russian educational and state-administrative structures.

In the course of the study, it was proved that the political biography of G. Valikhanov was typical for representatives of the tribal steppe aristocracy of the second half of the 19th century, however, as a result of the active colonial expansion of Russia, the status of local political elites underwent some changes, which was due to the need to incorporate indigenous peoples into the Russian society, and elite groups were considered as a kind of “locomotives” organizing this movement. It has been established that the military, state and socio-political career of G. Valikhanov was generally successful. At the same time, he himself, like many steppe aristocrats, found himself in the role of a hostage of the imperial policy on the eastern outskirts, in the logic of which the national political elites were perceived as a tool for introducing Russian administrative orders and cultural conventions.

Keywords: Russian Empire, Steppe region, Sultan-Gazy Valikhanov, personal and political biography, steppe aristocracy, colonization.

1. Введение

В условиях антропологического поворота и институционализации «новой исторической науки» актуальным представляется обращение к сюжетам политической и личной биографии человека

* Corresponding author

E-mail addresses: proffchurkin@yandex.ru (M.K. Churkin), shanar_77@mail.ru (Zh.B. Nurkina), yerkinabil@gmail.com (Y.A. Abil), utegenov@inbox.ru (M.Z. Utegenov)

«второго плана» в истории, что открывает перспективы изменения исследовательской «оптики» в оценке многих знаковых событий отечественной и мировой истории Нового и Новейшего времени. Так, исторический опыт российской колонизации, в том числе Азиатской России, продолжительный период рефлексировался научным сообществом обезличенно, в рамках национально-государственного метанарратива, и маркировался стандартными формулами: «переселенческое движение», «колонизационная политика», «антиколониальное движение», «инородческий вопрос». Подобная риторика, являясь политически ангажированной, стала своеобразной «визитной карточкой» историографической традиции позитивистской эпохи, демонстрировала сугубо ориенталистский подход к осмыслению окраинной политики России: форм и содержания коммуникаций представителей различных этносов и конфессиональных групп на востоке империи, практик управления в периферийных регионах, взаимоотношений власти с национальными элитами в системе координат колонизационного процесса. Между тем вне поля зрения специалистов располагались проблемы социокультурной адаптации индигенных народов азиатской периферии к социуму, формирующемуся в колонизационной ситуации Зауралья, стратегий социального, политического поведения локальных сообществ коренного населения, в том числе региональной аристократии, в рамках коммуникации с акторами империи.

В этой связи справедливым представляется замечание М.К. Чуркина: «...Во второй половине XIX века присоединение к России крупных этнорегионов, в том числе Степного края, превратило империю в государство полиэтничного типа. В этот период сложилась острая необходимость в создании единой модели управления национальными окраинами, что должно было стать гарантией сохранения целостности империи. Во многом поэтому имперские власти изначально демонстрировали лояльное отношение к этническим элитам, были ориентированы на регулярное сотрудничество с ее представителями» (Чуркин, 2022: 34).

В данном отношении отметим, что алгоритм сотрудничества имперской власти и коренной аристократии выработывался в конце XVIII и XIX столетиях, что материализовалось в практике принятия на службу родовитых казахов и присвоении им высоких воинских званий.

Султан-Гази Валиханов принадлежал к когорте первых профессиональных военных, мобилизованных империей из степной аристократической среды. И в этом смысле обращение к сюжетам личной биографии Валиханова предоставит возможность проследить логику имперской мобилизации степной аристократии в качестве одного из колонизационных сценариев на ранних этапах инкорпорации восточных краев в состав России.

2. Материалы и методы

Решение исследовательских задач, связанных с выявлением практик и механизмов коллаборации имперской власти России с представителями национальных элит, осуществляется на материалах биографии Г. Валиханова, что в рамках направления «новая биографическая история» предполагает реконструкцию личной жизни, судьбы, внутреннего мира индивида, а также выявление контекстуальных факторов становления личности исторического персонажа.

Основным инструментарием «творческой лаборатории» авторов статьи является биографический метод, ориентированный на вскрытие внутреннего мира персонажа на основе широкого круга неопубликованных (материалы архивов ГИАОО, ГАТ, ЦГА РК) и опубликованных (периодическая печать, энциклопедические издания, биобиблиографические публикации, художественная литература) (Брокгауз, Ефрон, 1907: 808-809; Быков, 1891: 258-259; Стрелкова, 1983: 264) источников. В процессе работы учитывалась направленность метода на конструирование исторической перспективы события и воссоздание тематической «истории жизни», отразившей важную с точки зрения понимания исторической реальности второй половины XIX в. фазу жизненного цикла субъекта исследования – Г. Валиханова.

3. Обсуждение

Личная и политическая биография Г. Валиханова не являлась предметом специального исследования ученых, выступая лишь одним из сюжетов обширной историографической традиции изучения казахско-русских отношений в XIX – начале XX вв. В этот период российское государство вело активную колонизационную работу в пограничных зонах восточной периферии, определяемой имперскими экспертами в соответствии с ориенталистской рецепцией востоковедения как «собственный Восток России» (Тольц, 2013; Сулейменов, Басин, 1981). В российском и казахстанском историографическом дискурсе обсуждение круга вопросов политических, хозяйственно-экономических и культурных коммуникаций титульного этноса и российских переселенцев в Степной край, во многом определивших содержание и формы административного управления регионом, дискутировались с учетом субъективного фактора: интеллектуальной деятельности персоналий, и в частности представителей степной аристократии. Так, интерес к личности Г. Валиханова фрагментарно был представлен в работах историков России и Республики Казахстан, отразивших в своих научных публикациях ситуацию включенности персонажа в систему социокультурных

отношений и связей империи в середине – второй половине XIX века (Абуев, 2005; Дмитриев, 2013; Хафизова, 2019; Сатенова, 2013).

В целом можно говорить о достаточном исследовательском потенциале разработки личной биографии Г. Валиханова, позволяющем осуществить исторический «монтаж» его жизни и деятельности со сложными процессами инкорпорации степной периферии Востока в общеимперское пространство.

4. Результаты

Детальное знакомство с материалами биографии Гази Валиханова – чингизида, потомка казахского хана Абылая и первого старшего султана Уали-хана Губайдуллы Валиханова (1770–1852) – позволяет не только проследить «линию судьбы» яркого представителя степной аристократии XIX столетия, но и выявить основные периоды его жизненного пути, в силу исторических обстоятельств совпавших со знаковыми изменениями, происходившими в организации управления и администрирования в Степном крае, входившем в круг геополитических интересов Российской империи исследуемого периода.

Следует подчеркнуть, что формирование личности Г. Валиханова (1842–1909) происходило в условиях степной аристократической среды, поддерживавшей историческую память казахских элит о ханском периоде – эпохе государственной независимости и широких властных полномочий, что фиксировалось в источниках и тиражировалось в научной литературе. Сохранились сведения о детях главы клана Валихановых – Аббасе и Губайдолле, которые «ездили... в Кульджу для отправления в Пекин, но цзянь-цзюнь (наместник китайского императора) объявил, что по смутным обстоятельствам это сделать нельзя, и они возвратились обратно на сих днях» (Валиханов, 1985: 346). По констатации исследователя И.В. Ерофеевой, дед Валиханова Губайдулла имел свою собственную печать, клеймо (тамгу), без которого стал бы «анонимным, безликим, то есть недействительным. Все они имели единое клеймо (тамгу), называемое «хан тамгой» («хан-тамга»): персональные перстневые печати строго определенной каплевидной формы с красивым орнаментальным декором, являвшиеся исключительной монополией сословия чингизидов» (Ерофеева, 2001). Амбициозность намерений степной аристократии подтверждал и В.А. Моисеев: «Недовольный лишением ханского звания и, видимо хорошо зная печальную участь султана Младшего жуза Арынгазы, поехавшего в 1821 году в Петербург добиваться ханского звания и закончившего в 1833 г. свои дни в ссылке в Калуге, Губайдулла Валиханов в 1822 году отправляет посольство к цинскому императору Даогуану (личное имя Мянньин) с просьбой – провести поминки по его покойному отцу хану Вали и утвердить его в ханском звании» (Моисеев, 2001: 13). Подобная практика защиты традиционных национальных интересов являлась обычной и рассматривалась как инструмент сохранения ханской власти и ее влияния в казахском обществе (Цинская империя..., 1989: 25).

Таким образом, Губайдулла позиционировал себя борцом за сохранность и целостность казахских земель, что побуждало власти империи прилагать максимум усилий по дискредитации его авторитета среди казахских родов (Абуев, Жапекова, 2017: 82; Потанин, 1896: 78).

Несмотря на сложность ситуации, Губайдулла сумел найти силы для нового сопротивления, что, несомненно, оказалось зафиксировано в памяти его потомков.

Важным переломным моментом в сознании степных аристократических элит первой четверти XIX в. становилось формальное признание имперских административных порядков и разработка адекватных ситуации сценариев социального поведения, в рамках которых лишение наследственного ханского звания восполнялось назначением на должность старшего султана того или иного окружного приказа. Губайдулла, возглавив султанат в Кокчетаве, по сути, стал государственным чиновником Российской империи, с одной стороны, сохранив влияние на подданных, заручившись поддержкой имперской администрации, с другой – это влияние обеспечивалось и со стороны аристократических групп.

Выскажем предположение, что этот апробированный представителями старшего поколения степных элит поведенческий алгоритм принимался на вооружение детьми и внуками, реализуясь как в практиках демонстрации лояльности империи, так и в постоянном поиске политических союзов, могущих способствовать реставрации ханской власти. На последнее обстоятельство неоднократно указывали представители высшей региональной администрации.

Так, в 1823 г. генерал-губернатор Западной Сибири П.М. Капцевич в письме министру иностранных дел графу К.В. Нессельроде сообщал: «Ведут китайцы деятельную переписку с султанами влиятельными, особенно с внуком (сыном) хана Уалия старшим в роде султаном Губайдуллой Уалихановым, которого китайцы, дабы показать зависимость от них киргизцев, домогаются возвести со стороны своей на ханское достоинство» (Абуев, Жапекова, 2017: 94).

Полковник С.Б. Броневский в своих предписаниях заседателям Кокшетау и Каркаралинска приказывал, в частности, «учредить в округе специальные разъезды..., готовые выступить с половиною команды и орудием конной артиллерии в военном порядке навстречу, уведомив китайцев о безопасности их от Российского войска» (ГАТ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-20б., 50б.); организовать правительственную экспедицию с целью напомнить Губайдулле о его подданстве Российской

империи, что исключает какие-либо самостоятельные решения и договоры с Китаем (ГАТ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-2об., 5об.).

В архивных фондах ГИАОО отложились сведения об активных контактах представителей родовой степной аристократии с китайскими делегациями в районе Баян-Аула, в числе участников которых со стороны киргизов (казахов) Н.Г. Путинцев и В.С. Лукин называли родственников Губайдуллы (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 423. Л. 15-18). Путинцеву, с его слов, было дано даже специальное разрешение чинить препятствия этим отношениям, применяя силу, что, однако, не было сделано из-за опасений протеста среди степняков.

Для того чтобы следить за Губайдуллой, Путинцев под предлогом необходимых работ в Каркаралинском округе направляется туда с намерением действовать совместно с каркаралинским военным отрядом, о чем косвенно свидетельствовал С.Б. Броневский: «Дав знать о г. Путинцеве Каркаралинскому заседателю сотнику Карбышеву, я с тем вместе предписал послать нарочных на встречу первого, дабы направить его прямо к Каркаралы, а между тем иметь неослабный надзор разъездами и, не допуская Губайдуллу на свидание с китайцами, отозвать его в одной округ из глаз окружающих его киргизов, схватив, представить в Омск за крепким присмотром. Донеся о сем вашему высокопревосходительству, я, хотя и не могу сделать заключение о последствиях, которая, смотря по возможности, представлю к вам и с нарочным, но полагаю, что китайцы, увидев наши войска, немедленно примут обратный путь и, хотя сверх всякого ожидания, Губайдулла и прикрылся бы к ним от разъездов наших, то, насытив свое корыстолюбие теми подарками, которые при подобных случаях выдаются от китайцев и за которыми он увлечен, должен будет возвратиться, тогда можно иметь возможность поступить с ним, как обстоятельства потребуют и как определит правительство» (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 703. Л. 1).

Броневский, отмечая в целом спокойную ситуацию в приграничном районе, тем не менее подчеркивал важность усиления его охраны и увеличения численности там русских отрядов: «Случаем сим ни мало не нарушалось спокойствие и тишина, но, чтоб иметь из оных чаще донесения, я усилил сообщение до того, что можно будет в неделю отправлять двух нарочных» (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 703. Л. 1). Данное решение стало своеобразной реакцией на объяснения Губайдуллы по поводу его связей с китайским правительством, установление которых он объяснял незнанием российских законов (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 423. Л. 50-51).

Из сыновей Губайдуллы Болатхан Валиханов был формальным ханом Старшего жуза, а Чингис Валиханов значился ханом Кушмурунским и султаном Аман-Карагайского округа. По утверждению Н.С. Путинцева, сын Губайдуллы Болат вел активную дипломатическую работу, возглавляя депутацию степных аристократов, направленную в Санкт-Петербург с ходатайством о присуждении его отцу султану Губайдулле ханского титула. Кроме того, депутатам вменялось в обязанность требовать от российских властей прекращения введения в степи нового устройства и ликвидации окружных приказов (Путинцев, 1991: 139). Данные поездки, несмотря на неудовлетворительный их результат, четко демонстрировали политическую позицию и национальные устремления степных элит, готовность их не только декларировать требования, но и действовать военными методами.

Биография внука Губайдуллы и сына Болат-султана Гази-Болат Валиханова до некоторой степени позволяет говорить о разрыве традиции, наметившемся во второй половине XIX в. в сообществе степной аристократии, что проявилось в расширявшейся практике влияния на национальные элиты российских структур образования и военного воспитания. Г. Валиханов, закончив Сибирский кадетский корпус в Омске, служил в российской армии. В полном послужном списке поручика Султана Гази Валиханова за 1866 г. имеются такие сведения: «Родился 3 апреля 1842 г. Учился в Сибирском кадетском корпусе. В службу вступил из кадет Сибирского кадетского корпуса корнетом, с зачислением по армейской кавалерии, в распоряжение командира Отдельного Сибирского корпуса – 16 июня 1859 г. Отправлен в штаб этого корпуса – 1859 г., августа 7. Состоял при командире Отдельного Сибирского корпуса с 12 сентября 1861 г. В дальнейшем был командирован для несения службы в Тобольский конный (11-й) полк Сибирского казачьего войска – 12 сентября 1861 г. По распоряжению начальства прикомандирован к Белорусскому (гусарскому) его императорского высочества князя Михаила Николаевича полку – 1862 г., февраля 27. Прикомандирован Лейб-гвардии к Казачьему полку – 1862 г., августа 2. Прибыл – 1862 г., августа 13. Поручиком – 1863 г., января 23. По распоряжению начальства откомандирован от полка с зачислением в 10-й полк Сибирского казачьего войска, с оставлением по армейской кавалерии и в распоряжении начальника Алатауского округа – 1863 г., марта 13. Отправлен из одного – 1863 г., марта 25. Прибыл в распоряжение начальника Алатауского округа и казахов Старшего жуза – 1863 г., ноября 17. Откомандирован от начальника Алатауского округа к штабу 8-го полкового округа Сибирского войска – 1866 г., марта 31. По высочайшему повелению выступил по железной дороге из С.-Петербурга в г. Вильно, где находился по день отчисления от дивизиона с 1863 г., января 22 по 1863 г., марта 28. В делах с польскими мятежниками не был. Штрафам не подвергался» (История Казахстана..., 2007: 317).

Очевидно, что во второй половине XIX века отчетливо проявляла себя тенденция расширения круга коммуникации элитарных групп казахского общества, что выражалось, например,

во включении образованных по европейским «лекалам» степных аристократов в различного рода экспертную работу. Так, среди действительных членов ИРГО в конце 1895 г. числился «Вали-хан, султан Гази Булатович» (*Состав ИРГО, 1896: 16*). Напротив его фамилии была указана буква «Э», что означало принадлежность к отделению этнографии. Дата вступления в члены ИРГО – 4 ноября 1892 года. Из сведений о Султан-Гази Валиханове узнаем его должность и адрес: «Полковник Лейб-Гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. – 8-я Рождественская, 50, кв. 9» (*Состав ИРГО, 1896: 16*).

Одним из инструментов подтверждения лояльности степной аристократии акторам имперской власти являлось приближение ее видных представителей к высшей губернской администрации. Г. Валиханов, выполняя личные поручения генерал-губернатора Западной Сибири, был откомандирован к Черному Иртышу с целью убедить племена Семыз-Наймановского и других родов вступить в подданство России (Удербаяева, 2020: 18). Благодаря высокому происхождению, прекрасным дипломатическим способностям Гази успешно справился со своей миссией.

Вместе с тем необходимо понимать, что границы лояльности степных аристократов имперской администрации являлись неустойчивыми, подвижными, что принималось во внимание российскими властями. Демонстрируя готовность защищать интересы российского государства, представители элит не могли не думать о своих соплеменниках и необходимости защищать их интересы. Данная позиция наглядно проявилась в поведении Г. Валиханова, принявшего участие в походе русских полков, возглавляемых полковником М.Г. Черняевым на юг Степного края (Казахстана), когда жестокое обращение с жителями г. Аулие-Ата (Тараз) с применением артиллерии вынудило его вслед за Ч. Валихановым порвать отношения с Черняевым и покинуть воинское подразделение.

В своих воспоминаниях Г.Н. Потанин писал: «При взятии Аулие-Ата зверства русских войск над единоверцами Чокана или, может быть, и над соплеменниками его, т.е. над киргизами, огорчили его. Он увидел, что он не может более участвовать в военном походе, разошелся с Черняевым и уехал в Верный...» (*Потанин. Биографические сведения о Чокане Валиханове: 264*).

Когда Ч. Валиханов подал в отставку из отряда Черняева, Султан-Газы в знак солидарности тоже отправляется в аул Тезека торе (*ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 43608. Л. 1040б.*).

С 23 декабря 1865 г. поручик Г. Валиханов выходит в отпуск на четыре месяца (*ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 223. Л. 530б.*), после чего был прикомандирован к 8-му полку. Причина перевода в документах не оговаривалась, но очевидно, что Валиханову вменялись в вину его сепаратистские настроения, продемонстрированные в ходе похода М.Г. Черняева (*ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 297. Л. 1*). Только в 1867 г., во многом благодаря благосклонности военного губернатора Семиреченской области Г.А. Колпаковского, обвинения Г. Валиханова в противозаконных поступках были признаны необоснованными (*ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 297. Л. 11*).

Тем не менее в силу изменившейся в 1860-х гг. геополитической ситуации в Степном крае, сопровождаемой эскалацией влияния мусульманства, российское правительство проявляло крайнюю осторожность в практиках взаимоотношений с элитарными сообществами региона и их отдельными представителями, стремясь ограничить влияние аристократии на коренное население. Подобные опасения являлись не беспочвенными, поскольку с образованием в Восточном Туркестане мусульманских государств рельефно обозначилась перспектива влияния ислама на степняков-кочевников. Опасность, связанная с перемещением казахов-мусульман в Илийский край, заставляла русские власти предпринимать военные меры, направленные на предотвращение конфликтов в приграничных зонах. При этом особое внимание уделялось выяснению настроений родовой аристократии. Показательным в данной связи является следующее сообщение, датированное маем 1868 г., согласно которому «...будто бы из Кашгарии получены письма на имя почетных родовых киргиз, в числе которых и на имя султана Тезека, с приглашением взволновать наших киргиз; что ввиду этого султан Тезек отнесся с приглашением, для этой цели, к волостным старшинам; что план их действий будет связан с одновременным движением к нашей границе таранчей и начнется нападением собранных киргизов на выселок Коксуйский и Карабулакский; и все эти действия будто бы начнутся в 5-м месяце их летоисчисления, или в июле месяце нашего года» (*ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 43608. Л. 3*). В сообщении, помимо прочего, упоминался и Г. Валиханов, который в частных разговорах неоднократно утверждал, «...что прежде здешние степи являлись родиной «великих людей, как то: Тамерлан, Чингисхан, Батый, и что эти завоеватели наводили ужас на Россию и даже поработили ее...» (*ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 43608. Л. 40б.*). Подобные высказывания вызывали обеспокоенность у российской администрации, поскольку ставили под сомнение авторитет и влияние России в регионе.

В результате вышеперечисленных инсинуаций в отношении некоторых султанов было заведено дело «О неблагоприятных действиях султанов: полковника Тезека Аблайханова и штабс-ротмистра Валиханова», которое было прекращено за недостатком улик, но оказало негативное влияние на репутацию и дальнейшую карьеру видных степных аристократов. Г. Валиханов был выслан в Акмолинскую область с разрешением урегулировать ряд финансовых вопросов полковника Тезека в Семиречье (*ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 43608. Л. 157-1570б.*) и переведен впоследствии «в один из кавалерийских полков по выбору самого штабс-ротмистра Валиханова» (*ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1.*

Д. 43608. Л. 161). В 1879–1881 гг. Султан-Газы Валиханов находился в учебном кавалерийском эскадроне, выполняя достаточно широкий круг поручений: переводчика с восточных языков при хивинском хане и бухарском наследнике престола, участника посольств и деputationей в Китай и другие восточные государства (Удербаета, 2020: 25).

Показательно, что имперские власти, выстраивая модель коммуникации со степной аристократией, придерживались тактики тотального контроля над своими азиатскими «субалтернами» даже в тех ситуациях, когда прямая опасность от их деятельности уже не исходила. Сбор сведений, доносы, сообщения о настроениях являлись важными практиками имперского контроля над представителями национальных элит, что вполне соответствовало имперским задачам противодействия региональному сепаратизму и антиколониальным инсинуациям.

Так, исследователь К.К. Абуев со ссылкой на архивные документы привел достаточно яркий пример практики внутренних донесений о политически неблагонадежных лицах, к числу которых относился и Г. Валиханов (Абуев, 2005: 143): «...ныне он в отставке и проживает в Петербурге», при этом уточнялось, что «еще с юных лет он (Г. Валиханов) заявил себя как вредный деятель в степи и был переведен в Петербург, ...где его держали безвыездно, хотя два-три года тому назад он приезжал в Кокчетавский уезд – Куртугульскую волость, место своей родины, где имеется его дом. Приезд его ознаменовался целым рядом бесчинств и приглашением всех представителей народа» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 871. Л. 91). По словам начальника Кокчетавского уезда, Г. Валиханов осознавал свое высокое происхождение и отдавал себе полный отчет в том, что он обездолен и обижен властью (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 871. Л. 92).

Вместе с тем изменение места пребывания и жизненных обстоятельств ориентировало степных аристократов на разработку новых стратегий существования, что рельефно выражалось в переформатировании их коммуникативного пространства, складывании новых конвенций поведения, способствовавших реализации амбициозных планов.

Контактируя в столице со своими соплеменниками, участниками движения «Алаш» (М. Сейдалин, А. Турлыбаев, Ш. Косшыгулов, А. Букейханов), Г. Валиханов стремился включиться в общественно-политическую деятельность с целью защиты интересов своих соотечественников. Однако эти планы, равно как и попытка баллотироваться в Государственную Думу, успехом не увенчались. Сохранилось интересное свидетельство, иллюстрирующее мнение избирателей: «...Букейхан не образован по-магометански, а главное, не образован религиозно магометански, а порусски, поэтому многие не желают даже выбирать его представителем в Государственную Думу, как и хана Гази Валиханова, а желают человека степного» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 891. Л. 29).

Сюжеты личной биографии Г. Валиханова в петербургский период, репрезентируемые как в материалах периодической печати конца XIX в., так и в делопроизводственных источниках, довольно отчетливо свидетельствуют о глубоком личностном кризисе, переживаемом весьма амбициозным человеком, оказавшимся на периферии политической жизни империи.

В этот год получили широкое распространение слух об участии Г. Валиханова в подавлении польского восстания 1863–1864 гг. и опровергнутое позже свидетельство о награждении его «светло-бронзовой медалью за усмирение польского мятежа 1863–1864 гг.» (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 43608. Л. 103об.). Очевидно, что слухи во многом были инспирированы самим Гази и озвучены в качестве ответа на вопросы следователей по делу «о неблаговидной деятельности султанов» и были впоследствии опровергнуты: «состоя прикомандированным к 1 дивизиону этого же полка, двадцать второго января 1863-го года, по высочайшему повелению, по случаю польского восстания выступил по железной дороге из Санкт-Петербурга в г. Вильно, где находился по день отчисления от дивизиона, по двадцать пятое марта того же тысяча восемьсот шестьдесят третьего года. Поручик Валиханов в делах с польскими мятежниками не бывал и особых командировок не имел» (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 223. Л. 24). При этом о получении каких-либо наград упоминаний нет.

Все это позволяет говорить о непосредственном участии Г. Валиханова в конструировании собственного персонального мифа с целью подчеркнуть свои «боевые заслуги». Вероятно, для знатного аристократа, чингизида, мифологический флер блестящей военно-политической карьеры был крайне важен, равно как и факт присвоения чина генерал-майора, не подтверждаемый источниками.

В этом смысле показательна и история с исполнением Г. Валихановым роли «двойника» Ч. Валиханова, описанная в трудах востоковеда К.Ш. Хафизовой (Хафизова, 2015: 25).

По сведениям С.В. Дмитриева, «генерал Султан-Гази Валиханов погиб 22 июня 1909 г. (был убит прислугой) на своей даче в Саблена под Петербургом во время ограбления (Дмитриев, 1891: 58). 1 июля его тело было на поезде доставлено в Петербург, где его встречали представители Мусульманского общества: его председатель полковник Давлечин, товарищ председателя Загид Шамиль, полковник Чернышев, купец Максудов, петербургские ахуны и муллы и др. Лейб-гвардии Атаманский полк, где служил султан Гази, выслал почетный караул». Так трагически оборвалась жизнь замечательного человека, патриота своей родины.

5. Заключение

Подводя общие итоги, отметим тот факт, что политическая биография Г. Валиханова может рассматриваться как достаточно типичная для представителей родовой степной аристократии второй половины XIX столетия (Ч. Валиханов, А. Букейханов и др.). В процессе российской колониальной экспансии и продвижения в Центрально-Азиатский регион статус местных политических элит претерпевал некоторые изменения, что было обусловлено стремлением имперской власти, в обстоятельствах формирования государства полиэтнического типа, опираться в своей деятельности на видных представителей региональной аристократии, пользовавшихся непререкаемым авторитетом среди соплеменников. Военная и дипломатическая служба, общественная работа стали основными «площадками» воспитания и демонстрации лояльности власти со стороны национальных элит. В данном отношении Султан-Газы Валиханов, как и многие другие деятели казахского национального боннда, через российские образовательные институты был инкорпорирован в систему имперской военной и государственной службы, проявив на этом поприще свои выдающиеся способности.

В то же время вынужденный разрыв с традицией, утрата властных перспектив становились для степных аристократов глубокой моральной травмой, следствием которой было социальное «отчуждение» группы и ее отдельных персон, соответствующим образом воспринимаемых в поле российской политической коммуникации.

6. Благодарности

Работа поддержана средствами программы развития ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» «Приоритет-2030»; The work was supported in the framework of «Priority-2030» by the Altay State University.

Литература

- Абуев, 2005 – Абуев К.К. Султан-Газы Валиханов // Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность / Тезисы докладов и сообщений IV международной научной конференции, посвященной 170-летию Г.Н. Потанина и Ч.Ч. Валиханова / Под ред. А.П. Толочко. Омск: Издательство ОмГУ, 2005. С. 139-144.
- Абуев, Жапекова, 2017 – Абуев К.К., Жапекова Г.К. Губайдулла Валиханов: жизнь и общественно-политическая деятельность. Павлодар, 2015. 169 с.
- Брокгауз, Ефрон, 1907 – Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Гази Булатович Валихан / Энциклопедический словарь (Брокгауз и Ефрон). Т. VII А. СПб., 1907. С. 808-809.
- Быков, 1891 – Быков П.В. Г. Валиханов. Биографический очерк // Нива. 1891. № 11. С. 258-259.
- ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске.
- ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области.
- Дмитриев, 2013 – Дмитриев С.В. Член Русского географического общества генерал султан Гази Валиханов // Страны и народы Востока. № 34. 2013. С. 311-323.
- Ерофеева, 2001 – Ерофеева И.В. Символы казахской государственности (позднее средневековье и Новое время). Алматы, 2001. 152 с.
- История Казахстана..., 2007 – История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Народные предания об исторических событиях и выдающихся людях Казахской степи (XIX–XX вв.) / Сост. С.Ф. Мажитов. Алматы, 2007. 500 с.
- Моисеев, 2001 – Моисеев В.А. Россия – Казахстан: современные мифы и историческая реальность. Сборник научных и публицистических статей. Барнаул, 2002. 171 с.
- Потанин, 1896 – Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича // Русское богатство. 1896. № 8. С. 78-86.
- Потанин, 1985 – Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове / Валиханов Ч.Ч., Собрание соч. в 5 т. Т. 5. Алма-Ата, 1985. С. 346-368.
- Путинцев, 1991 – Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории сибирского казачьего войска. Со времени водворения западносибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. Указатель. Омск, 1991. 137 с.
- Состав ИРГО, 1896 – Состав ИРГО. 31 декабря 1895 г. СПб., 1896. 66 с.
- Стрелкова, 1983 – Стрелкова И.И. Чокан Валиханов. М., 1983. 284 с.
- Сулейменов, Басин, 1981 – Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе Российской империи в XVIII – начале XX века. Алма-Ата, 1981. 243 с.
- Тольц, 2013 – Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М., 2013. 336 с.
- Удербаета, 2020 – Удербаета С.К. Казахские чиновники Туркестанского края. Алматы, 2020. 200 с.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Цинская империя и казахские ханства, 1989 – Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX вв. (1989). Ч. 2. Алма-Ата, 1989. 227 с.

[Хафизова, 2019](#) – Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан, 2019. 476 с.

[Хафизова, 2015](#) – Хафизова К.Ш. Последние годы жизни Чокана // *Мысль*. 2015. № 12. С. 19-28.

[Чуркин, 2022](#) – Чуркин М.К. Аграрная колонизация Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. в репрезентации историографических источников / *Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы историографии и источниковедения Отечественной истории»*. Кокшетау, 2022. С. 44-50.

References

[Abuev, 2005](#) – Abuev, K.K. (2005). Sultan-Gazy Valihanov [Sultan-Gazi Valikhanov]. Stepnoj kraj Evrazii: Istoriko-kul'turnye vzaimodejstviya i sovremennost'. Tezisy dokladov i soobshchenij IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 170-letiyu G.N. Potanina i Ch.Ch. Valihanova. Pod red. A.P. Tolochko. Omsk: Izdatel'stvo OmGU, 2005. pp. 139-144. [in Russian]

[Abuev, Zhapekova, 2017](#) – Abuev, K.K., Zhapekova, G.K. (2017). Gubajdulla Valihanov: zhizn' i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' [Gubaidulla Valikhanov: life and social and political activities]. Pavlodar, 169 p. [in Russian]

[Brokgauz, Efron, 1907](#) – Brokgauz, F.A., Efron, I.A. (1907). Gazi Bulatovich Vali-han [Gazi Bulatovich Vali-khan]. Enciklopedicheskij slovar' (Brokgauz i Efron). T. VII A. SPb., pp. 808-809. [in Russian]

[Bykov, 1891](#) – Bykov, P.V. (1891). G. Valihanov. Biograficheskij ocherk [G. Valikhanov. Biographical sketch]. *Niva*. 11: 258-259. [in Russian]

[GAT](#) – Gosudarstvennyj arhiv v g. Tobol'ske [State Archive in Tobolsk].

[GIAOO](#) – Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Omskoj oblasti [State Historical Archive of the Omsk Region].

[Dmitriev, 2013](#) – Dmitriev, S.V. (2013). Chlen Russkogo geograficheskogo obshchestva general sultan Gazi Valihanov [Member of the Russian Geographical Society General Sultan Gazi Valikhanov]. *Strany i narody Vostoka*. 34: 311-323. [in Russian]

[Erofeeva, 2001](#) – Erofeeva, I.V. (2001). Simvoly kazahskoj gosudarstvennosti (pozdnee srednevekov'e i Novoe vremya) [Symbols of Kazakh statehood (late Middle Ages and Modern times)]. Almaty, 152 p. [in Russian]

[Istoriya Kazahstana..., 2007](#) – Istoriya Kazahstana v russkikh istochnikah XVI–XX vekov. Narodnye predaniya ob istoricheskikh sobytijah i vydavushchihsya lyudyah Kazahskoj stepi (XIX–XX vv.) [History of Kazakhstan in Russian sources of the XVI–XX centuries. Folk legends about historical events and prominent people of the Kazakh steppe (XIX–XX centuries)]. Sost. S. F. Mazhitov. Almaty, 2007. 500 p. [in Russian]

[Moiseev, 2001](#) – Moiseev, V.A. (2001). Rossiya – Kazahstan: sovremennye mify i istoricheskaya real'nost'. Sbornik nauchnyh i publicisticheskikh statej [Russia – Kazakhstan: modern myths and historical reality. Collection of scientific and journalistic articles]. Barnaul, 171 p. [in Russian]

[Potanin, 1896](#) – Potanin, G.N. (1896). V yurte poslednego kirgizskogo carevicha [In the yurt of the last Kyrgyz prince]. *Russkoe bogatstvo*. 8: 78-86. [in Russian]

[Potanin, 1985](#) – Potanin, G.N. (1985). Biograficheskie svedeniya o Chokane Valihanove [Biographical information about Chokan Valikhanov]. Valihanov Ch.Ch., *Sobr soch. v 5 t. T. 5*. Alma-Ata, pp.346-368. [in Russian]

[Putincev, 1991](#) – Putincev, N.G. (1991). Hronologicheskij perechen' sobytij iz istorii sibirskogo kazach'ego vojska. So vremeni vodvoreniya zapadnosibirskih kazakov na zanimaemoj imi nyne territorii. Ukazatel' [Chronological list of events from the history of the Siberian Cossack army. Since the time of the settlement of the West Siberian Cossacks in the territory they now occupy. Pointer]. Omsk, 1991. 137 p. [in Russian]

[Sostav IRGO, 1896](#) – Sostav IRGO. 31 dekabrya 1895 g. [The composition of the IRGO. December 31, 1895]. St. Petersburg, 1896. 66 p. [in Russian]

[Strelkova, 1983](#) – Strelkova, I.I. (1983). Chokan Valikhanov [Chokan Valikhanov]. M., 284 p. [in Russian]

[Sulejmenov, Basin, 1981](#) – Sulejmenov, B.S., Basin, V.Y. (1981). Kazahstan v sostave Rossijskoj imperii v XVIII – nachale XX veka [Kazakhstan as part of the Russian Empire in the XVIII – early XX centuries]. Alma-Ata, 243 p. [in Russian]

[Tol'ts, 2013](#) – Tol'ts, V. (2013). «Sobstvennyj vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskij period ["Russia's Own East": Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial Period]. M., 336 p. [in Russian]

[Uderbaeva, 2020](#) – Uderbaeva, S.K. (2020). Kazahskie chinovniki Turkestanskogo kraja [Kazakh officials of the Turkestan region]. Almaty, 200 p. [in Russian]

[CGA RK](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

[Tsinskaya imperiya i kazahskie khanstva, 1989](#) – Tsinskaya imperiya i kazahskie khanstva. Vtoraya polovina XVIII - pervaya tret' XIX vv. Ch.2 [Qing Empire and Kazakh Khanates. Second half of the XVIII – first third of the XIX centuries. Part 2]. Alma-Ata, 1989. 227 p. [in Russian]

Hafizova, 2019 – Hafizova, K.Sh. (2019). Stepnye vlastiteli i ih diplomatiya v XVIII – XIX vekah [Steppe Rulers and Their Diplomacy in the XVIII – XIX centuries]. Nur-Sultan, 476 p. [in Russian]

Hafizova, 2015 – Hafizova, K.Sh. (2015). Poslednie gody zhizni Chokana [The last years of Chokan's life]. *Mysl'*. 12: 19-28. [in Russian]

Churkin, 2022 – Churkin, M.K. (2022). Agrarnaya kolonizatsii Stepnogo kraya vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. v reprezentatsii istoriograficheskikh istochnikov [Agrarian colonization of the Steppe region in the second half of the XIX – early XX centuries in the representation of historiographic sources]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy istoriografii i istochnikovedeniya Otechestvennoi istorii»*. Kokshetau, pp. 44-50. [in Russian]

Личная и политическая биография Г. Валиханова в имперском контексте российской колонизации XIX – начала XX вв.

Жанара Базарбаевна Нуркина ^a, Михаил Константинович Чуркин ^{b, c, *},
Абиль Еркин Аманжолулы ^d, Марат Зеннатович Утегенов ^e

^a Университет им. Ш. Уалиханова, Кокшетау, Республика Казахстан

^b Омский государственный педагогический университет, Российская Федерация

^c Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Российская Федерация

^d Институт истории государства, Астана, Республика Казахстан

^e НАО «Кокшетауский университет имени Ш. Уалиханова», Кокшетау, Республика Казахстан

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению знаковых сюжетов личной и политической биографии выдающегося казахстанско-российского военного, государственного и политического деятеля Г. Валиханова. Обращение к биографическому методу и контекстному подходу в построении жизненного пути человека «второго плана» в истории открыло широкую исследовательскую перспективу для осмысления социокультурной ситуации, в рамках которой в XIX и начале XX вв. Российская империя проводила колонизационную политику в Центрально-Азиатском регионе, опираясь в том числе на представителей национальных элит, готовых демонстрировать лояльность имперской администрации.

На основе опубликованных материалов и неопубликованных сведений, извлеченных из архивов Российской Федерации и Республики Казахстан, были выявлены этапы военной и общественно-политической биографии Султан-Газы Валиханова в условиях как традиционалистской среды степной аристократии, так и российских образовательных и государственно-управленческих структур.

В ходе исследования доказано, что политическая биография Г. Валиханова была типичной для представителей родоплеменной степной аристократии второй половины XIX века, однако в результате активной колониальной экспансии России статус местных политических элит претерпел некоторые изменения, что было обусловлено необходимостью инкорпорировать индигенные народы в российский социум, а элитные группы рассматривались как своеобразные «локомотивы», организующие это движение. Установлено, что военная, государственная и общественно-политическая карьера Г. Валиханова в целом была успешной. При этом сам он, как и многие степные аристократы, оказался в роли заложника имперской политики на восточных окраинах, в логике которой национальные политические элиты воспринимались как инструмент внедрения российских административных порядков и культурных конвенций.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, Султан-Газы Валиханов, личная и политическая биография, степная аристократия, колонизация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: proffchurkin@yandex.ru (М.К. Чуркин), shanar_77@mail.ru (Ж.Б. Нуркина), yerkinabil@gmail.com (А.Е. Аманжолулы), utegenov@inbox.ru (М.З. Утегенов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 239-250
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.239

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Education of Kazakh Students at Kazan University in the late 19th – early 20th centuries

Gulmira Nurusheva ^{a, *}, Aidar Aitmukhambetov ^a, Sergey Simonov ^b

^a A. Baitursynov Kostanai Regional University, Kostanai, Republic of Kazakhstan

^b Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs named after Sh. Kabalbaev, Kostanay, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the nineteenth century Kazakh young men received the right to study at universities. More than 30 Kazakh young men studied at Kazan University during the study period. Kazakh students were natives of the Steppe regions. Most of them lived in areas territorially close to Kazan. The social environment of the Kazakh student population was heterogeneous. Along with representatives from sultan's families in Kazan students came from diverse social environment. Most students were educated in gymnasiums before enrolling in university. During the analysis of grammar school diplomas it turned out that their owners were distinguished by their diligence and demonstrated good knowledge of the disciplines of study. The Kazakh students at the university studied at the medical and law faculties. Obviously, the motivation for their choice was the need for further socialization in the legal and medical fields. During their gymnasium years, they acquired a good knowledge of foreign languages, in particular classical and European languages, which proved to be in demand during their studies. Later, the holders of university diplomas realized their own potential in their profession; in particular, Karabayev, Beremzhanov, Tanachev and a number of other graduates of the university proved themselves as professionals in their field of study.

Keywords: student body, gymnasium, university, employee, sultan, characteristic, graduate, personalities, region, elite.

1. Введение

В начале XIX века на территории Казахстана начинается процесс распространения государственного образования. Российские школы различной специализации функционировали в административных центрах. В некоторых городских школах уровень вовлеченности казахских детей ограничивался представительством выходцев из социальных групп аристократических и близких к ним сословий. Соответствующие учебные учреждения предназначались для подготовки казахских служащих. Впоследствии представители казахской знати предпочитали обучаться в военных кадетских корпусах. Казахские выпускники военных учебных заведений имели более разнообразный спектр сферы деятельности. Во второй половине XIX века представители казахской молодежи получили право обучения в высших учебных заведениях. Выпускники вузов имели возможность получить статус служащих и работать в различных учреждениях с фиксированным финансовым окладом. На данный период формируется вертикаль системы обучения, согласно которой казахские юноши получали образование в школах. В дальнейшем они получали знания в реальных училищах, гимназиях, учительских семинариях. По окончании этих учебных заведений адаптированные к городским реалиям, подготовленные по учебной программе казахские юноши зачислялись в вузы. Анализ архивных документов свидетельствует, что казахи обучались в вузах Санкт-Петербурга, Москвы,

* Corresponding author

E-mail addresses: ng-8080@mail.ru (G. Nurusheva)

Казани, Саратова, Томска и других городов. Задача представленного исследования в рамках статьи состоит в изучении истории формирования казахского студенчества Казанского университета по таким критериям как численность, социальная структура, возрастной состав в исследуемый период.

2. Материалы и методы

В ходе выполнения работы использовались материалы Национального архива Республики Татарстан, Центрального государственного архива Республики Казахстан и ряд других. Таким образом, наличие полноценных материалов по казахским студентам позволило составить социальный портрет по каждому из них. При написании статьи использовался системный подход, в ходе осуществления которого оказалось возможным определить численность, структурный состав, возрастную характеристику, региональное происхождение, метрические данные каждого студента. Основу работы составили архивные материалы, подавляющее большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Архивные материалы в основном носят персонифицированный характер, по сути своего содержания они ориентированы на описание подробных характеристик конкретного персонала. В результате тщательной работы появилась возможность переработать исследованные данные и на их основе произвести статистический анализ. При исследовании использованы такие общенаучные методы, как синтез и обобщение. В частности, полученные выводы и умозаключения базируются на зафиксированных данных, которые обусловили их достоверность. При подготовке статьи применялся историко-системный исторический метод, что определило логичность и последовательность в процессе понимания фактов.

В работе активно использован критический анализ, который позволил авторскому коллективу с определенным контекстом воспринимать выявленные данные в каждом архивном документе. В работе мы опирались на исторический принцип, востребованный при учете исторических реалий и событий исследуемого времени. Основная часть материалов представлена «Личными делами» студентов. Характерно отметить, что каждое дело, согласно нормам делопроизводства исследуемого периода, структурировано по хронологии и метрическим данным, поэтому в результате анализа и сопоставления имеющихся материалов были достигнуты результаты по ним, появилась возможность выявить мотивацию и суть поведения исследуемых персоналий. На основе изучения документов четко прослеживается генетическое родство между казахскими студентами и их предшественниками в лице близких родственников, отцов, дедов, братьев. Очевидно, как это явствует из исторической литературы и архивных документов, что соответствующая категория родственников в лице представителей казахской знати обладала популярностью в регионах концентрации казахского населения. Именно старшие родственники в значительной мере являли характерный пример для своих последователей. Благодаря их роли и воздействию казахские юноши выбирали длительный путь совершенства от учительской парты до студенческого диплома. Таким образом, казахские студенты Казанского университета являлись обладателями университетского образования в первом и даже во втором поколении. Примененный метод системного анализа позволил сделать вывод об установлении товарищеских и дружеских отношений между казахами, которые обладали различными региональными и социальными характеристиками в студенческий период. Впоследствии, как показывают материалы исторической литературы, казахские студенты тесно общались как коллеги, товарищи и друзья. Именно казахские студенты составили основу казахской интеллигенции в XX веке. Дипломированные выпускники успешно состоялись на государственной службе в качестве специалистов в дореволюционный период. После окончания Гражданской войны ряд из них продолжил свою деятельность по специальности в советских административных органах или в различных учреждениях.

3. Обсуждение

Казахстанские исследователи на протяжении длительного времени исследовали проблему формирования национальной интеллигенции в XIX–XX вв. В частности, ученые С. Зиманов, С. Созакбаев, М. Кулмухамед рассматривали малоисследованную тему деятельности казахских юристов. В процессе изучения основ складывания категории казахских служащих С. Зиманов в своей работе «Россия и Букеевское ханство», изданной в 1982 году издательством «Гылым», акцентировал внимание на прогрессивной роли одного из правителей Внутренней Орды хана Жангира, который персонально занимался вопросом обустройства и обучения казахской молодежи в Казанском университете (Зиманов, 1982). В результате его личного участия четверо казахских юношей прошли полный курс обучения в нем.

Галым Ахмедов последовательно изучает данную проблему по персоналиям. Например, в своем исследовании он рассматривает такую личность, как Куатов Альмухамед (Ахмедов, 1969), который с 1844 по 1847 гг. состоял студентом Казанского университета и по окончании его получил звание магистра права. Таким образом, он, по мнению автора, являлся первым казахом, который удостоился ученого звания магистра права. Куатов относился к той плеяде молодых людей, которых патронировал и пестовал упомянутый выше хан Жангир.

В 1990–2000-е гг. последовательно вышли несколько публикаций, в содержательной части которых проанализирована представленная тема. С.М. Михайлова (Михайлова, 1991) на основе проделанной работы выявила численный состав студентов-казахов Казанского университета. В ее работе представлены материалы о студентах Н.К. Алдиярове и А.А. Куатове, которые в середине XIX в. обучались в Казанском университете.

Другой казахстанский исследователь Г.С. Султангалиева обнародовала сведения о 23 уроженцах Оренбургской губернии (Султангалиева, 2002: 120). Автор указывает на выпускника восточного факультета А. Куатова, который окончил университет в 1847 г.

Фундаментальные исследования по вопросам обучения казахских юношей в вузах Казани осуществлял талантливый ученый Б. Кенжетаяв (Кенжетаяв, 1988). На основе архивных документов он резюмировал выводы о количественном соотношении поступивших на обучение и в реальности закончивших вузы казахских юношей на период последней четверти XIX – начале XX вв. Согласно его анализу, который он провел на основе источниковых данных, в университет поступило 37 юношей, а закончило 20. В Казанский ветеринарный институт прошли зачисление 18 молодых людей, а получили диплом – 15.

Особая роль в раскрытии темы казахской молодежи, которая обучалась в Казанском университете, принадлежит профессору Казанского государственного университета Р.И. Нафигову. Академик Нафигов в процессе изучения жизнедеятельности известного татарского деятеля проанализировал творчество нескольких казахских студентов, которые сотрудничали с представителями татарской интеллигенции (Нафигов, 1986). В период совместного культурного времяпровождения проходил обмен мнениями между представителями тюркской молодежи, которая, осознавая единую духовную общность, искала пути дальнейшего сближения. Казахские студенты совместно с татарскими интеллектуалами принимали участие в изучении культурного наследия двух народов, готовили материалы для выпуска книг. Таким образом, в результате совместной деятельности ими было создано более 700 трудов в период с конца XIX в. до 1917 г. Казахские юноши активно участвовали в культурной жизни университета. Они инициировали создание собственного хора. Данный факт подтверждает Г. Макаров, изучавший музыкальное наследие Султана Габаша – татарского композитора (Макаров, 2000: 140-157).

До настоящего времени указываются различные цифровые данные относительно количества казахских студентов, обучавшихся в казанских вузах. Часть из них по различным причинам не смогла закончить обучение вследствие отсутствия должного финансирования или из-за проблем со здоровьем. Итак, многие представители казахской интеллигенции обучались в стенах казанских учебных заведений. Впоследствии казахские интеллигенты реализовывали свой творческий потенциал.

4. Результаты

Казанский университет являлся одним из центров подготовки казахских служащих в XIX–XX веках, процесс формирования которых по имперским стандартам начался в XIX веке. Первоначально казахские служащие были представлены в качестве султанов-правителей и представителей низовой администрации на уровне толмачей-переводчиков и письмоводителей. Социальную основу казахского чиновничества составляли выходцы из султанских династий (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 34056. Л. 180б.) и близких им по социальному статусу фамилий (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 43039. Л. 3).

В первой половине XIX века султаны обучались в военных кадетских корпусах. Впоследствии казахские офицеры продолжили свою службу в вооруженных силах или вливались в состав административных структур. Усложнение системы делопроизводства настойчиво требовало необходимости повышения качества администраторов всех уровней. Большинство российских служащих, которые контактировали с казахским населением, не владели казахским языком и не знали менталитета местной среды. Назрела потребность подготовки квалифицированных национальных кадров, которые владели бы несколькими языками, знали систему судопроизводства и были адаптированы к модели делопроизводства. В уездных и областных городах функционировали учебные заведения, которые были представлены школами различных ступеней, прогимназиями, гимназиями и учительскими семинариями (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32141. Л. 15). Формировалась вертикальная система обучения, в процессе обучения в которой взрослевшие ученики осваивали несколько языков, адаптировались к городским реалиям европейской действительности и познавали основы законодательства. Впоследствии казахские выпускники начинают поступать в российские вузы.

Изучение архивных документов наглядно демонстрирует обучение казахских юношей в вузах, расположенных в Томске, Казани, Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Киеве и т.д. Таким образом, в казахском обществе четко сложилось представление о сути и значимости университетского образования, основы которого оставались востребованными в процессе адаптации в изменяющихся реалиях и способности к осуществлению профессиональной карьеры. Казахские юноши обучались в университетах либо за свой счет в качестве «своекоштных», либо за счет региональных общин, обладая статусом «казеннокоштных». Подобная модель обучения распространялась на городские школы, гимназии и вузы. Казахские общинники охотно принимали участие в сборе финансовых

средств на подобные мероприятия. Ежегодно на территории областей формировалось несколько стипендий, на которые претендовали юноши. Очевидно, наибольшим потенциалом для обучения в гимназиях, впоследствии в вузах обладали выходцы из престижных социальных групп по факту их более качественного обучения на начальном этапе.

Важным условием для поступления в вуз оставалось наличие гимназического диплома. Фактически все исследованные 32 казахских студента Казанского университета являлись обладателями гимназических дипломов. Региональная характеристика казахов-казанцев представлена следующими административными единицами: Астраханская губерния, Тургайская, Уральская, Семипалатинская, Актыюбинская, Семиреченская области и Самарканд. В частности, в университете обучались 10 уроженцев Астраханской губернии (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32799. Л. 20), 2 уральца, 14 – тургайцев (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32966. Л. 12), 2 уроженца Семипалатинской области, 1 уроженец Самарканда, 1 студент из Актыюбинской области, 2 уроженца Семиреченской области (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 39903. Л. 16).

Таким образом, анализ «Личных дел» демонстрирует количественную доминанту в вузе уроженцев западных и северных регионов в отличие от южных административных территориальных центров (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 33390. Л. 14). Очевидно, сложился ряд объективных обстоятельств, который предопределил подобную специфику. Северо-Западные регионы были гораздо раньше включены в состав империи. В этой зоне на исследуемый период функционировала сформированная административная управленческая модель, к которой в значительной мере оказалось адаптированной казахская элита. В местных кругах знати четко сложилось представление об особенностях функционирующей системы. Именно выходцы из престижных социальных групп и фамильных династий на протяжении нескольких десятилетий на поколенческом уровне последовательно осваивали все доступные звенья административно-управленческого корпуса.

Территориальная близость ряда областей к Казани с течением времени предопределила формирование постоянно действующей логистической инфраструктуры. Во все сезоны года функционировало дорожное сообщение при наличии различных транспортных служб с устойчивой схемой передвижения транспорта и финансирования. Казань традиционно представляла собой интернациональный город со значительной концентрацией этнически и религиозно близкого к казахам татарского населения. Татарское купечество характеризовалось корпоративной сплоченностью и наличием коммерческих связей с казахской знатью и торговыми элементами. С учетом факторов взаимной комплиментарности элитных представителей двух тюркских этносов определенных казахские абитуриенты и их родители во многом именно Казань, (равно как Оренбург и Омск) ассоциировали в качестве объекта обучения (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 41264. Л. 11). Ранее и в этот период казахские юноши охотно обучались в вышеназванных городах.

Но наличие университета в Казани предопределяло приток казахских дипломированных гимназистов в этот город. Казахское общество толерантно оценивало ступенчатую модель обучения от школы до университета. Во второй половине XIX века в регионе действовала категория казахских служащих, которые постепенно осваивали новые виды профессий и делали карьеру в различных учреждениях на службе. Действия состоявшихся казахских служащих являлись показательным примером для их родственников и земляков. Факторы семейно-родственных отношений предопределяли тесные взаимодействия казахских общин с национальными служащими, которые в определенной мере направляли и координировали поступки своих родственников. Казахские врачи, ветеринары, педагоги, юристы, как явствуют многочисленные документы, предпринимали максимальные усилия с целью оказания помощи народу. Поэтому казахи принимали активное участие в сборе финансов для обеспечения обучающихся стипендиями в учебных заведениях. На период объявления набора казахских юношей в университеты в указанных регионах имелись необходимые финансы на стипендиальный фонд. Согласно архивным данным, первые казахские студенты Мухамеджан Карабаев, Нурмухамед Алдияров, Эмир-Джан Бекмухамедов в Казанском университете зафиксированы в 1881 году (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 29958. Л. 6; НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 29954. Л. 1; НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 29900. Л. 8об.).

Для поступления в гимназию казахские абитуриенты обязывались обладать курсом начальной школы. В этот период они демонстрировали знание русского языка, нескольких правил арифметики. В гимназиях студенты обучались по следующим дисциплинам: «Закон Божий», «Магометанское вероучение», «Русский язык и словесность», «Логика», «Философская пропедевтика», «Латинский язык», «Законоведение», «Греческий язык», «Математика», «Физика», «Математическая география», «История», «География», «Немецкий язык», «Французский язык», «Рисование», «Черчение» и «Гимнастика» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 42579. Л. 2). Нужно отметить то, что большая часть дисциплин являлась сугубо гуманитарной. Сравнительный анализ качества обучения исследованных персоналий показывает, что большинство из них демонстрировали положительные результаты по представленным дисциплинам (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 43289. Л. 7). Очевидно, юноши обучались в гимназиях весьма осознанно с явной направленностью на достижение результатов. В целом курс обучения составлял 7 лет. Значительная часть казахских гимназистов уже в юношеском возрасте по факту наличия вузовской модели обучения ориентировалась на поступление в вузы по

определенной специализации. Следует выделить существенную подготовку гимназистов по иностранным языкам, в частности по латинскому, греческому, французскому или немецкому языкам. Именно знание этих языков являлось важным фактором для обучения в университетах.

Таким образом, изучение казахскими юношами языка носило весьма осознанный характер. Многие из них на старте своего обучения по примеру своих старших родственников и уважаемых состоявшихся на службе земляков отчетливо представляли свое будущее в качестве успешных специалистов или чиновников (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 39686. Л. 38). Они понимали прогрессивную необходимость знания языка для выстраивания коммуникационных отношений и карьеры в инонациональном окружении административных городов. Казахские юноши из семей чиновников, будучи служащими во втором или в третьем поколении, четко представляли свои перспективы на уровне урбанизированных центров, для успешной адаптации в которых сохранялось настойчивое требование знания ведущих европейских языков, в частности немецкого и французского. Ярким показателем интеллектуальных установок учащейся молодежи оставался пример литературных интересов казахских прогрессистов, например мыслителя-философа А. Кунанбаева и ученого и офицера Ч.Ч. Валиханова, имевших фундаментальные знания в иностранной литературе. Многие представители образованной казахской молодежи ориентировались на изучение юриспруденции и судопроизводства. Традиционное казахское обычное право в казахском обществе утрачивало доминирующие позиции в сравнении с официальным законодательством. Дипломированные специалисты по юридическим направлениям были востребованы в административно-управленческих структурах. В условиях расширения фактора частной собственности оформляется институт адвокатуры, той категории правоведов, которые претендовали на право защиты чести и достоинства при грамотном использовании потенциальных знаний. В сущности, право работы в судебно-правовой сфере предоставляло официальные возможности определенной карьеры, финансового обеспечения и гарантированной пенсии думающим о своем будущем молодым людям. Одним из условий для обучения на юридических факультетах являлось изучение на системной основе классических дисциплин, к которым относились греческий и латинский языки. Многочисленные наблюдатели в лице учителей, путешественников, чиновников, купцов в период длительного общения с казахами отмечали их природную память, сметливость, склонность к ораторскому искусству и высокую скорость в усвоении иностранных языков. Например, В.В. Радлов в своем труде «Из Сибири. Страницы дневника» писал следующее: «Казахи выделяются среди всех своих соседей даром речи. Речь каждого казаха течет плавно и свободно, он так владеет словом, что не только может произносить длинные импровизации в стихах, но и обычная его речь отличается определенным ритмом фраз и периодов, так что и она нередко подобна стихам. Она образна, выражения ясны и точны, так что казахов можно с полным основанием назвать французами Западной Азии» (Радлов, 1989: 252).

В XIX веке продолжается процесс формирования группы казахских врачей. Первые школы по подготовке фельдшеров по образовательным официальным стандартам начали функционировать еще в начале XIX века. В частности, по инициативе хана Букеевской Орды Жангира стали действовать подобные школы для казахских юношей. Впоследствии фельдшерские училища, курсы оспопрививателей и аналогичные им медицинские учреждения постепенно создавались в областях. Специфика обучения на медицинских факультетах основывалась на знании латыни и греческого, которые казахские ученики усваивали в гимназиях. Итак, мотивированные на успех подростки познавали предметы по иностранным языкам. Уроженец Тургайской области М. Карабаев первоначальное образование получил в Троицкой казахской школе. В дальнейшем он учился в Троицкой гимназии, по окончании которой подал прошение на медицинский факультет университета (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 29958. Л. 6). В 1888 году он имел статус дипломированного выпускника. В январе 1888 г. члены заседания Совета императорского Казанского университета персонально рассматривали вопрос трудоустройства Карабаева. Члены Правления апеллировали к приговору выборных Кен-Аральской волости Тургайской области, которые ходатайствовали со следующей формулировкой: «Для определения на государственную службу и звание уездного врача» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 29958. Л. 17-170б.). По итогам заседания члены Правления приняли решение, согласно которому Карабаев получал утверждение в степени лекаря и звание уездного врача.

Более того, гимназисты прекрасно осознавали, что при наличии гимназического диплома на уровне волостей и уездов они будут составлять конкуренцию местному стареющему чиновничеству и не обладающим гимназической степенью молодым служащим. Курс обучения многих казахских юношей затягивался на гораздо больший период. Изучение биографий этой категории персоналий демонстрирует их высокую степень заболеваемости опасными или инфекционными болезнями. В «Личных делах» зафиксированы следующие диагнозы: туберкулез, гастрит, язва, полиартрит и ряд других. При наличии соответствующих заболеваний многие гимназисты досрочно прерывали свое обучение. Этот фактор существенно сказывался на сроках их обучения.

Следующим немаловажным обстоятельством, которое характеризовало мотивацию и стремление гимназистов, являются характеристики, представленные руководством гимназий. В частности, директор Оренбургской гимназии А. Сатурнов так охарактеризовал казахского

выпускника Атантаева Нургалия: «Атантаев Нургалий, сын киргиза, 20 лет, магометанского вероисповедания, в Оренбургской гимназии обучался 10 лет, состоя все время пансионером киргиз Тургайской области. При посредственных способностях Атантаев всегда отличался известной долей прилежания, но плохое знание русского языка мешало его успехам, так что он с трудом окончил курс. Поведения Атантаев был отличного. По характеру он всегда ровен, спокоен, тих, всегда легко поддавался нравственным воздействиям, в обращении с товарищами был вежлив, но малообщителен, его присутствие как-то не замечалось. В политическом отношении за ним не было замечено ничего предосудительного. Материально не обеспечен» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 34540. Л. 12).

Так, учащийся этой же гимназии Тукберлинов И. показал отличные и хорошие результаты по дисциплинам программы. Педагогический совет принял решение о вручении ему золотой медали. Данное решение сопровождалось следующей характеристикой: «За все время обучения его в Оренбургской гимназии поведение его было вообще отличное, исправность и посещений, и приготовлений к урокам, а также в исполнении письменных работ, отличное прилежание и любознательность ко всему вообще, и во-вторых, что он обнаружил нижеисследующие познания...» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32859. Л. 2). Впоследствии он успешно состоялся на юридическом факультете.

Пикантные особенности поведения гимназистов отражались в Кондуитных журналах гимназий. Наставники гимназиста М.И. Чултурова в графе «Проступки» описали некоторые эпизоды гимназического периода: «1902–1903 учебный год. 7 января. Крайне небрежно исполнял работу по математике: подписал вместо фамилии имя. Взыскания. Оставлен на 1 час после занятия; 6 сентября 1903–1904 учебного года. Дрался во время урока французского языка с соседом и вел себя все время очень шаловливо, не обращая внимания на несколько замечаний. Взыскания. Строгий выговор господина Инспектора» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 35628. Л. 15). В дальнейшем негативные замечания в адрес Чултурова не фиксировались: «В 1904–1905 учебном году в кондуите записей не было. За подписью наставника инспектора. Подпись» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 35628. Л. 15об.). Проступки Чултурова, несомненно, вызывали критику и ответные действия педагогов. В выпускном классе Чултуров демонстрировал прекрасные успехи: «...исправность в помещениях и приготовлениях уроков, а также в исполнении письменных работ хорошая, прилежность достижения и любознательности одинаковые по всем предметам» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 35628. Л. 13). В 1905 году Чултуров поступил на медицинский факультет университета (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 35628. Л. 12-12об.).

Внимательное изучение выявленных документов характеризует качество работы педагогических коллективов исследованных гимназий. Руководители гимназий в представленных характеристиках проявляют высокую осведомленность и педагогический такт относительно выпускников. В частности, директор Омской гимназии со знанием дела и обстоятельств описал гимназический период Заира-Мухамеда Кудайбергенова: «Заир-Мухамед Кудайбергенов – сын обычного киргиза, поступил в 1 класс Омской гимназии, где и пробыл до окончания полного курса. Обладая высоко выдающимися способностями, юноша мог бы и окончить курс блестяще, если бы в VII классе не постигла его тяжкая болезнь. Тифозная горячка с осложнениями заставила юношу на долгое время прекратить занятия в гимназии, а в VIII классе у него обнаружили зачатки чахотки. Болезненное состояние значительно повлияло на успехи ученика в последней четверти учебного года и на испытаниях зрелости, на которых он являлся с лихорадочными припадками, получились у него далеко не те результаты, какие с уверенностью ожидал каждый из членов педагогического персонала гимназии. В нравственном отношении юноша может быть назван вполне безукоризненным, даже в младших классах за ним не замечено было ни одного проступка, свойственного школьному возрасту. Всегда сосредоточенный мальчик и потом юноша Кудайбергенов, кроме книг, ничего не хотел знать, его иначе и нельзя было встретить, как с книгой в руках не только в стенах гимназии или в ученической квартире, но даже во время гуляний по двору и площади. Если бы позволило здоровье и Кудайбергенов поступил бы в университет, то из него вышел бы весьма достойный студент, а впоследствии полезный общественный деятель» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32565. Л. 7-7об.). К сожалению, прогнозы автора документа не оправдались: Кудайбергенов поступил в университет в 1893 году. Через три года он скончался от чахотки.

Студент медицинского факультета Кашкинбаев И.Т. до зачисления в университет обучался в Уральском реальном войсковом училище, где проходил курс обучения в течение 7 лет, с 1903 по 1910 годы. При поведении, которое директор оценил на «отлично», он получил знания по предметам, которые в большинстве своем преподавались в гимназиях. На «окончательных испытаниях» училища Кашкинбаев показал по разным предметам результаты «удовлетворительно», «хорошо», «отлично». Он целенаправленно изучал латинский язык и в дальнейшем сдал экзамен по данной дисциплине. Об этом не преминул упомянуть в своем «Прошении» о зачислении в число студентов на имя ректора университета: «...Киргиза, окончившего Уральское реальное училище и сдавшего экзамен за 8 классов гимназии по латинскому языку Исы Таумысовича Кашкинбаева» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40506. Л. 1). Очевидно, Кашкинбаев проявил завидное упорство и терпение. Он подавал «Прошение» на обучение в Московский Императорский университет, но по определенным причинам получил отказ. Молодой человек не отчаивался. В очередной раз он ходатайствовал в ректорат Казанского университета: «Получив извещение о своем непринятии в Московский Императорский

университет, прошу Ваше Превосходительство, по получении моих документов из Московского университета зачислить меня в число студентов медицинского факультета вверенного Вам университета. Мною подано прошение в Московский Императорский университет, чтобы мои документы послали в Казанский Императорский университет. 25 рублей в пользу университета мною будет внесено по принятии меня в число студентов, ибо я пользуюсь киргизской областной стипендией, которую мне выдадут только по зачислении меня в число действительных студентов. 6 августа 1912 года» (НА РТ. Ф. 977. Оп.1. Д. 40506. Л. 1). Итак, только через 2 года по окончании училища Кашкинбаев в 1912 году получил возможность зачисления в Казанский университет. Важным обстоятельством для направления в университет для него, равно как и других юношей, являлись стипендии. Вакансии на стипендии высвобождались по факту получения диплома или непредвиденного отчисления обладателей казахских стипендий, которые изначально распределялись по областному принципу. Претенденты на стипендию сохраняли заинтересованность в их получении.

Казахские студенты в университете демонстрировали прилежание в учебе. Уроженец Тургайской области Ирмухамедов А.К. получил благожелательную характеристику от ректора Г. Дормидонтова: «Означенный всем аттестат Ирмухамедов Абдулгасы в августе 1909 года принят был в число студентов Императорского Казанского университета на юридический факультет, где в течение 1909–1910 учебного года прослушал в полном объеме следующие предметы: энциклопедию права, политическую экономию, государственное право, историю римского права и историю русского права, но испытаниям по этим предметам не подвергался. За время пребывания в числе студентов Казанского университета, в здании его Ирмухамедов был поведения отличного» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 38957. Л. 5).

Некоторые гимназисты отличились высокой успеваемостью и характеризовались как подающие надежды. Например, Хаджимурат Сарыкулаков окончил Верненскую гимназию с серебряной медалью: «Во внимание к постоянно отличному поведению и прилежанию и к отличным успехам в науках, в особенности же в физико-математических, Педагогический совет постановил наградить его серебряной медалью и выдать ему аттестат. Директор гимназии В. Дейнеко» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40976. Л. 2506.).

В Оренбургском крае состоялся прогрессивный юрист А. Беремжанов. В начале XX века он был депутатом Государственной Думы. Он окончил Оренбургскую гимназию, педагоги которой предвидели талант и академизм своего ученика: «Беремжанов Ахмед 19-ти лет, сын киргиза, весьма даровитый от природы и развитой юноша, во все время своего учения выказывал особенное трудолюбие, почему при окончании курса и был удостоен серебряной медали. Это особенно скромный и деликатный юноша, служивший в пансионе постоянно образцом для других в нравственном отношении. В политическом отношении вполне благонадежен, материально вполне обеспечен. Педагогический совет не имеет препятствий для поступления его в высшее учебное заведение. Директор гимназии А. Сатурнов» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32110. Л. 12-1206.).

Авторы характеристик акцентировали внимание на факторе политической благонадежности молодых людей. Руководители Оренбургской гимназии благожелательно отзывались о поведении их выпускника Г.М. Ибрагимова: «Ибрагимов все время своего обучения находился в пансионе при Оренбургской гимназии и состоял киргизским стипендиатом. Как здесь, так и в стенах учебного заведения он вел себя всегда безукоризненно: был тих, скромн; к воспитателям пансиона, к начальству гимназии и к своим преподавателям всегда относился с должным почтением и уважением. В нарушении каких-либо правил против установленного для учебных заведений порядка никогда замечен не был и никаким поэтому штрафам, ни взысканиям не подвергался. Всеми предметами занимался с одинаковым усердием, и все предметы давались ему одинаково нелегко, так ему пришлось пробыть лишних 2 года в учебном заведении, чтобы освоить преподаваемые науки и вразумить их надлежащим образом. С товарищами жил в добром согласии. В политическом отношении никогда и ни в чем предосудительном замечен не был и поэтому есть полное основание рассчитывать на благонадежность и в будущем» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 34112. Л. 14-1406.).

Пакет документов для зачисления в университет традиционно сопровождался документом под названием «Удостоверение». Как правило, оно отражало краткую информацию относительно абитуриентов по таким критериям: место и дата рождения, сведения о родителях, степень благонадежности и личное ручательство нескольких авторитетных персоналий указанного населенного пункта. Так, например, выглядело содержание «Удостоверения» студента Б.Ю. Юсупгалиева: «Предъявитель сего сын киргиза №4 старшинства Камыш-Самарской части Внутренней Киргизской Орды Астраханской губернии Юсупгалия Аралдыкова Батыргалий Юсупгалиев родился в 1883 году 15 сентября, что хорошо нам известно, как киргизам, живущим с его родителями на одном урочище и в одном старшинстве. В удостоверении чего мы, киргизы №4 старшинства Камыш-Самарской части Внутренней Киргизской Орды Астраханской губернии Ниегалий Дильманов, своеручно подписываюсь. Рахметулла Манатов по неграмотности своей ставлю свою родовую тамгу. Собственноручность подписей киргизов Дильманова и тамги Рахметуллы Манатова удостоверяю подписями приложением должностной печати. Помощник правителя Камыш-

Самарской части И. Мендылханов». Документ подкреплялся печатью (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40542. Л. 15-150б.).

С целью зачисления в университет выпускник Троицкой гимназии Имамбаев А.М. заручился письменным «Удостоверением» о своей благонадежности: «Удостоверение дано киргизскому сыну Тургайской области, Кустанайского уезда, Чубарской волости, №2 аула Аубакиру Ишмухамедовичу Имамбаеву, в том, что он от роду 20 лет, родился 1 мая 1890 года, законнорождённый. Отец Ишмухамед Имамбаев, мать Бибигайша Минбаева-Иманбаева, поведения хорошего, под судом и следствием не состоял». «Удостоверение» заверили старшины местной администрации и почетные жители (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 39437. Л. 14-140б.).

В казахском обществе сохранялись принципы тесного семейного родства и взаимопомощи. Фактически все жители близлежащих населенных пунктов, включая подписантов, сохраняли семейно-родовую взаимосвязь. Таким образом, каждый подписант, выражавший волю родовой общины, тем самым выступал гарантом политической благонадежности конкретного студента. Действительно, анализ архивных материалов свидетельствует об отсутствии фактов действий казахских студентов, которые в силу функционирующего в исследуемый период законодательства с позиции права возможно было трактовать как уголовное или политическое. Прошедшие длительный путь гимназичества, казахские юноши четко осознавали свои ценностные приоритеты, акцентируя внимание на дальнейшем обучении для интегрирования в городскую среду. В условиях хронического безденежья юноши могли рассчитывать прежде всего на стипендии, суммы которых оказывались недостаточными, и помощь родственников. Родственники в лице студентов рассматривали таких персоналий, финансовые вложения в которых в перспективе сулили подготовку квалифицированных специалистов, востребованных для выражения интересов семьи и в целом всей общины в социальном секторе, в экономических отношениях или в административном корпусе. В каждом студенческом «Личном деле» содержались аналогичные документы, которые по своей сути для их обладателей отнюдь не являлись формальностью. Доверие собственной общины следовало заслужить многолетним периодом обучения в городах административного значения. Юридическим подтверждением таковых «Удостоверений» являлись документы – «Свидетельства». В них излагалась информация относительно гимназического периода молодых людей. «Свидетельства» визировали руководители гимназий. Директора на основе фактологических данных охарактеризовывали выпускников гимназии. Примечательно отметить факт обучения Юсупгалиева в профильном училище до его поступления в Астраханскую гимназию: «Дано сие Батыргали Юсупгалиеву, магометанского вероисповедания, сыну киргиза, родившемуся в сентябре месяце 1883 года в Киргизской степи Астраханской губернии, обучавшемуся первоначально в Ханском-Ставочном городском 4-х классном училище и имеющему свидетельство на звание фельдшера, в том, что он в мае и в июне 1911 года подвергался испытанию зрелости в Астраханской гимназии» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40542. Л. 16). В действиях Юсупгалиева сохранялась определенная преемственность логической последовательности в реализации цели. По окончании гимназии он поступил в 1912 г. на медицинский факультет университета.

Выбор учебных заведений и специальностей казахские юноши производили осознанно. В частности, выпускник Оренбургской гимназии Нуралиханов Сеид-Гирей при подаче документов в университет изъявлял желание быть принятым на медицинский факультет. Он представлял аристократическую семью: «Аттестат зрелости №664. Дан сей Нуралиханову Сеид-Гирею, магометанского исповедания, сыну хорунжего султана» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 34747. Л. 5). Султаны в обществе ассоциировались с потомственной знатью. В начале XX века приоритеты выходцев из знатных сословий начинают меняться. Потомственный султан Юсупгалиев в 1903 году ориентировался на медицинский факультет, выпускники которых, в отличие от дипломированных юристов, обладали меньшими возможностями для включения в административные структуры и продвижения в них. Анализ профессиональной деятельности медиков-казахов, которые закончили медицинский факультет университетского уровня, наглядно демонстрирует их равнодушные к административно-управленческим структурам. Все они начинали свое мастерство в качестве волостных и уездных врачей. Таким образом, Юсупгалиев относился к новой генерации молодых султанов, которые выбирали специальности социальной значимости.

Таким образом, социальная структура казахского студенчества оказалась различной, из 32 исследованных персоналий 1 оказался выходцем из султанской среды, 1 обозначен как сын хорунжего, 1 являлся выходцем из семьи есаула, 2 – сына сотника, 25 студентов охарактеризованы как «сын простого киргиза», 1 студент представлен как сын чиновника и 1 – из семьи потомственных дворян. Итак, 8 студентов представляли семьи служащих. Главы семейств ранее состояли на официальной службе. Все они сделали определенную карьеру и вошли в состав служивого чиновничества, обладая различными званиями и должностями в действующей ранговой титулатуре. В частности, Г.С. Арунгазиев являлся выходцем из султанской семьи. Его статусность, как и происхождение других студентов, подтверждали официальные документы – «Удостоверения»: «Галиахмед Арунгазиев есть действительно законный сын султана киргиза №2 аула Сафы

Арунгазыева, родился в августе месяце тысяча восемьсот семьдесят девятого года» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 34056. Л. 18).

Подобный документ заверялся сведениями в лице почетных лиц или официальных служащих: «Удостоверение выдано Арунгазыеву для предоставления в Совет Оренбургской мужской гимназии марта 1-го дня 1900 года. В чем аксакалы: Сафа Кадырбеков, Юсуп Буранбаев, Жакуп Буранбаев, Зулкарнай Тупаев, а за них по неграмотности и личной просьбе и за себя расписался зауряд-хорунжий Султан Мухамед Хусаин Арунгазыев». Подлинности подписей заверял уездный начальник подполковник Сужин (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 34056. Л. 18об.). Таким образом, султанское звание с соответствующими метрическими данными заверяли, в том числе и близкие родственники в лице султанов. Выделение султанской принадлежности во всех исследованных документах считалось обязательной нормой. Соответствующий пункт являлся прямым свидетельством сохранения в казахском обществе султанской титулатуры. Наряду с султанами в административном корпусе на уровне устоявшихся административно-территориальных единиц, как-то аулов и волостей, состояли представители несултанских фамилий.

Например, на юридическом факультете учился уроженец Семипалатинской области М.З. Бочтаев. В удостоверяющем его документе он охарактеризован следующим образом: «Метрическое свидетельство 1909 года мая 25 дня, выдано настоящее свидетельство киргизскому сыну Мукучу Зафаровичу Бочтаеву в том, что он вероисповедания магометанского, родился в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году второго января, в чем и удостоверяю своей подписью и приложением должностной печати» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 41150. Л. 11). Метрика завизирована местным управителем А. Бочтаевым. Несомненно, управитель Бочтаев и исследуемый студент состояли в близком родстве. Студент Бочтаев в документе обозначен под определением «сын» без указания титулатуры. По праву к родовитой аристократической семье принадлежал студент юридического факультета С-Г. Нуралиханов. Его отец султан З. Нуралиханов имел звание хорунжего Внутренней Орды. Мать Б.-Ф. Нуралихановой относилась к семье потомственных дворян (ГАТО. Ф. 102. Оп. 4. Д. 1763. Л. 4).

К султанскому сословию имел непосредственное отношение студент М. Каратаев (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32559. Л. 15). Обращает на себя внимание тот факт, что на период зачисления в университет некоторые казахские студенты не имели отцов. Бракоразводные процессы в казахском обществе отсутствовали. Многие казахские семьи характеризовались как многодетные. Возраст отцов 20-летних студентов варьировался в пределах 45–50 лет и выше. В исследуемый период мужчины старше 50-летнего рубежа воспринимались в качестве возрастных представителей. Уровень эмоционально-психологической нагрузки и степени моральной ответственности высокопоставленных казахских чиновников характеризовался высокой напряженностью и максимальной степенью выгорания.

Султаны Каратаев, Нуралиханов и казахские студенты аристократического происхождения других вузов в студенческие и зачастую гимназические годы лишались родительской опеки по причине смерти их отцов, которые, согласно документам, пребывали в должностях административно-управленческой системы. Финансовое благосостояние в семьях чиновников зависело от суммы их должностного обеспечения. Заботливые отцы рационально распределяли финансы на семейные потребности и на обеспечение будущего своих детей. В случае их смерти большие семьи лишались финансовых ресурсов. С учетом дороговизны обучения потерявшие отцов студенты испытывали значительные сложности. Директор Оренбургской мужской гимназии Сатурнов представил подробную характеристику М. Каратаеву с указанием его низкого материального обеспечения: «Каратаев Махзум – 22 лет, сын умершего киргизского султана; имеет хорошее здоровье и посредственные умственные способности, науками занимался довольно примерно; характера веселого, добродушного и смиренного; образ мыслей его вполне благонамеренный; средствами не обеспечен; намерен продолжать образование в высшем учебном заведении, причем будет получать стипендию Тургайской области» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32559. Л.15). На момент зачисления в университет Каратаев получил уведомление о предоставлении ему областной стипендии, сумма которой устанавливалась в зависимости от наличествующих в фонде финансов. По факту отсутствия конкурентов на областную стипендию в конкретный вуз именно Каратаев обладал полным правом получать ее. Казахские администраторы в значительной мере могли рассчитывать на некоторые льготы по отношению к членам своих семей от казахских общин и вышестоящих структур. Дети из семей служащих не ограничивались потенциальными позициями состоявшихся на службе отцов. Определенно, длительный путь гимназически-университетского образования они зачастую, под влиянием родителей и старших родственников, осознавали в качестве фундаментальной основы для личностной эволюции. Следовательно, казахские юноши проявляли упорство и труд, во многом во вред собственному здоровью, с целью достижения максимального успеха. Анализ их биографий демонстрирует степень стремления к осуществлению планов. Отец А. Беремжанова, Курганбек Беремжанов, занимал должность младшего помощника начальника Тургайского уезда. Беремжановы представляли известную династию в регионе. Отец К. Беремжанова, Беремжан Чегенев, также состоялся на чиновничьей службе областного уровня. Таким образом, представители этой семьи на

уровне нескольких поколений сохраняли влиятельный статус в регионе. Официальные структуры следующим образом оценивали деловые качества К. Беремжанова: «Младший помощник начальника Тургайского уезда бий Кургамбек Беремжанов имеет две серебряные медали: одну на Анненской ленте для ношения на груди, а другую на Станиславской ленте для ношения на плечах. Жалование получает 400 рублей в год. Вероисповедания магометанского, по-русски и киргизски читает и писать умеет. Мастерства никакого не знает» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32110. Л. 180б.).

В многодетной семье Беремжановых, помимо Ахмета, воспитывалось несколько дочерей. Фактически только Ахмет оставался единственным наследником и продолжателем наследия своих родственников по традиционным ценностям, которые сохраняли свою значимость в казахском обществе. В этот период Беремжанов-младший прекрасно осознавал потребность в получении комплексного образования с целью обеспечения собственной карьеры и использования университетских знаний в сфере расширяющих влияние творческих профессий конца XIX века. Казахские юноши целенаправленно выбирали сектор своего развития с четким осознанием собственных ресурсов и возможных перспектив в будущем. На медицинском факультете обучался уроженец Тургайской области – Ибрагимов Г.М. Его отец Ибрагимов М. специализировался на знании казахского судебного права. Он имел статус судебного бия одной из волостей. Полномочия судебных биев ограничивались уровнем судебных разбирательств бытовых и незначительных преступлений. Очевидно, сын пожелал выбрать профессию медика с целью реализации своего потенциала в творческой сфере. В начале XX века Ибрагимов демонстрирует тот тип казахских юношей, которые не желали ограничиваться уровнем благополучия своих родителей (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 34112. Л. 14). Ряд студентов до зачисления в Казанский университет имел опыт поступления и обучения в других вузах. В 1906 Г.-А. Арунгазыев обращался с «Прошением» к ректору университета, в котором ходатайствовал о зачислении на медицинский факультет. Незадолго до прибытия в Казань Арунгазыев предпринял попытку поступления в другой вуз. При составлении «Прошения» он продемонстрировал знание организационных и юридических особенностей, востребованных при подготовке документов для зачисления в вуз. В обращении на имя ректора он аргументировал причины, которые побудили его обратиться: «Желая продолжить дальнейшее образование, покорнейше прошу Ваше Превосходительство принять меня в число студентов вверенного Вам Казанского Императорского Университета на первый курс медицинского факультета. Причем считаю необходимым добавить то, что, во-первых, я держался конкурсных экзаменов в Московском сельскохозяйственном институте, во-вторых, был болен с 16-го сентября по 21-е октября, каковые причины принудили меня опоздать с прошением. Документы кроме прилагаемого медицинского свидетельства поступили в канцелярию Правления из Московского сельскохозяйственного института. Октября 31 дня 1900 года. Гали-Ахмед Арунгазыев» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 34056. Л.13). Скрупулезное изучение источников характеризует степень материальной обеспеченности исследуемых персоналий. Определенная часть из них вне зависимости от социального происхождения традиционно указывает на наличие финансовых сложностей. Очевидно, оплата за обучение с расходами на длительное проживание в городах требовала значительных финансовых ресурсов. Казахские учащиеся в период обучения в гимназиях и вузах часто признавались в своей денежной неплатежеспособности. Например, Х. Сарыкулаков так описывал свое финансовое состояние на период 1913 года: «...В сентябре 1911 года я поступил в число студентов Киевского университета, на медицинский факультет, коего лекции слушал по 15-е марта 1913 года, а упомянутого числа уволен за невзнос платы за обучение. Поступая в Киевский университет, я надеялся на обещание некоторых частных лиц поддержать меня материально, так как родители мои – люди очень бедные. Однако поддержка эта не осуществилась, что невольно послужило тормозом на систематическом ходе моих занятий в университете» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40976. Л. 3). Впоследствии Х. Сарыкулаков, по его признанию, оплачивал свои занятия частными уроками, которые он преподавал. Затем он обратился с ходатайством к руководству Казанского университета о зачислении на медицинский факультет. Выбор Х. Сарыкуловым этого вуза в значительной мере обуславливался географической близостью к территории его проживания и концентрацией в университете казахских студентов, которые характеризовались корпоративной сплоченностью.

В период с начала 80-х годов XVIII века до второй декады XX века в университете прошли обучение несколько десятков казахских юношей. Тщательное изучение студенческих дел наглядно демонстрирует формирование студенческих династий, которые состояли по линии отец-сын, родные братья, близкие родственники. Соответствующий фактор убедительно доказывает умозаключение о широком распространении значимости светского высшего образования в казахском обществе. В числе категорий студенческих династий зафиксированы фамилии Алдияровых, Танашевых, Бекмухамедовых.

В частности, уроженцы Астраханской губернии Бекмухамедовы Эмир-Джан и Шафкат были выходцами из одной фамилии. В метрике они обозначены под терминологией «простые», не имели отношения к социальной группе султанов. Старший, Эмир-Джан Бекмухамедов, по окончании университета состоялся в качестве юриста. Шафкат Бекмухамедов также стал юристом (в личном деле обозначено, что он по окончании 1 семестра медицинского факультета перевелся на юридический

факультет. Препятствий со стороны администрации в этом не отмечалось). Таким образом, оба обучались на юридическом факультете.

Семья Алдияровых представлена Абубакиром Бермухамедовичем и Нурмухамедом Кауменевичем. Абубакир обучался на медицинском факультете, а Нурмухамед первоначально – на физико-математическом факультете, затем перевелся на юридический факультет и состоялся в качестве юриста.

Танашевы были представлены Османом Арслангалиевичем и Ували Шарафутдиновичем. Ували Танашев администрацией Астраханской гимназии характеризовался следующим образом: «Во время пребывания в учебном заведении с сентября 1897 года добросовестно исполнял свои ученические обязанности, подчиняясь всем требованиям гимназического начальства, был вежлив в отношении своих руководителей и воспитателей и вообще по поведению и нравственным качествам не получил никакого упрека» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 38293. Л. 14). В университете он обучался на медицинском факультете. Первоначально Ували Шарафутдинович желал обучаться в военно-медицинской академии, но не смог получить право обучения в этом учреждении по факту отсутствия вакантных мест: «Причина такой поздней подачи прошения – задержка документов в военно-медицинской академии, откуда прислано мне отказать по неимению вакансий» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 38293. Л. 10). Впоследствии, в 1908 году, он подал прошение о переводе с 1-го курса медицинского факультета на юридический. Его родственник Осман Арслангалиевич Танашев также обучался в Астраханской гимназии, затем в университете – на физико-математическом факультете.

Судьба выпускников университета сложилась по-разному. Ахмет Беремжанов зарекомендовал себя в качестве талантливого юриста, работал в составе Самарского окружного суда. Занимался активной общественной деятельностью, впоследствии состоял депутатом от Тургайской области в Государственной Думе. В годы Гражданской войны он предпринимал все усилия для спасения гражданского населения. В период установления Советской власти он работал в Народном комиссариате юстиции. Беремжанов принимал участие в разработке законопроектов, направленных на улучшение жизни общества. Карабаев состоялся на государственной службе в качестве врача в Тургайской области. Во время вспышки инфекций в Якутии он в составе добровольцев-медиков отправился в этот регион. Карабаев занимался социальной работой. В годы Гражданской войны он продолжал медицинскую деятельность. В 1920 годы заведовал местной районной больницей. Таким образом, он всю свою жизнь посвятил служению обществу. У. Танашев в 1919 году состоял в аппарате Киргизского (Казахского) военно-революционного комитета, принимал участие в реализации масштабных мероприятий. В первой половине 1920-х гг. он занимал должность полномочного представителя Киргизской (Казахской) АССР во Всесоюзном центральном исполнительном комитете (заместитель председателя представительной коллегии Киргизской (Казахской) АССР в Москве). В дальнейшем Танашев работал в Наркомате по делам национальностей и в других всесоюзных учреждениях.

5. Заключение

Итак, во второй половине XIX в. наблюдается приток казахских юношей в Казанский университет. По нашим подсчетам, общая численность казахских студентов, которые обучались в университете в исследуемый период, составила 3 десятка человек. Социальная структура оказалась разнообразной. В университете обучались выходцы из обычных семей и представители султанской аристократии. Региональная структура казахского студенчества представлена уроженцами всех областей, в которых концентрировалось казахское население.

Казахские юноши обучались на медицинском и юридическом факультетах, причем подавляющее большинство выбирало юридическую стезю. До поступления в университет казахские юноши предпочитали обучение в гимназиях, то есть в тех учебных заведениях, в которых они имели право получить знание для дальнейшего обучения.

Дипломированные специалисты Казанского университета в дальнейшем адаптировались к сложившимся реалиям и состоялись в качестве работников административных структур и социальных учреждений.

Литература

- Ахмедов, 1969 – Ахмедов Г. Алаш «Алаш» болганда. Естеліктер мен тарихи деректер. Алматы: Жалын, 1969. 32 с.
- Зиманов, 1982 – Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: Наука, 1982. 149 с.
- Кенжеттаев, 1988 – Кенжеттаев Б.А. Казанские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в середине XIX – начале XX вв. Казань: ПИФ, 1988. 88 с.
- Макаров, 2000 – Макаров Г.М. Султан Габяши и народная музыка / Султан Габяши. Материалы и исследования. Казань: Издательство «Фикер», 2000. С. 140-157.
- Михайлова, 1991 – Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов Востока России (XIX век). Казань, 1991. 359 с.
- НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан.

- Нафигов, 1986 – *Нафигов Р.И.* (1986). Тукай и его окружение. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 208 с.
- Радлов, 1989 – *Радлов В.В.* (1989). Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. С. 749.
- Султангалиева, 2002 – *Султангалиева Г.С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002. С. 120.

References

- Akhmedov, 1969 – *Akhmedov, G.* (1969). Alash «Alash» bolğanda. Estelikler men tarikhi derekter [When Alash is "Alash". Memoirs and historical data]. Almaty: Zhalyln, 32 p. [in Kazakh]
- Kenzhetaev, 1988 – *Kenzhetaev, B.A.* (1988). Kazanskіe uchebnye zavedeniya i protsess formirovaniya kazakhskoi intelligentsii v seredine XIX – nachale XX vv. [Kazan educational institutions and the process of formation of the Kazakh intelligentsia in the middle of the XIX – beginning of the XX centuries]. Kazan': PIF, 88 p. [in Russian]
- Makarov, 2000 – *Makarov, G.M.* (2000). Sultan Gabyashi i narodnaya muzyka [Sultan Gabyashi and folk music]. *Sultan Gabyashi. Materialy i issledovaniya.* Kazan': Izdatel'stvo «Fiker». Pp. 140-157. [in Russian]
- Mikhailova, 1991 – *Mikhailova, S.M.* (1991). Kazanskii universitet v dukhovnoi kul'ture narodov Vostoka Rossii (XIX vek) [Kazan University in the spiritual culture of the peoples of the East of Russia (XIX century)]. Kazan', 359 p. [in Russian]
- NA RT – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [National Archive of the Republic of Tatarstan].
- Nafigov, 1986 – *Nafigov, R.I.* (1986). Tukai i ego okruzhenie [Tukai and its environment]. Kazan': Tatar.kn.izd-vo, 208 p. [in Russian]
- Radlov, 1989 – *Radlov, V.V.* (1989). Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika [From Siberia. Diary pages]. Moskva. P. 749. [in Russian]
- Sultangaliev, 2002 – *Sultangaliev, G.S.* (2002). Zapadnyi Kazakhstan v sisteme etnokul'turnykh kontaktov (XVIII – nachale XX vv.) [Western Kazakhstan in the system of ethno-cultural contacts (XVIII – early XX centuries)]. Ufa: RIO RUNMTs Goskomnauki RB. P. 120. [in Russian]
- Zimanov, 1982 – *Zimanov, S. Z.* (1982). Rossiya i Bukeevskoe khanstvo [Russia and the Bukeev Khanate]. Alma-Ata: Nauka, 149 p. [in Russian]

Обучение казахских студентов в Казанском университете в конце XIX – начале XX вв.

Гульмира Нурушева ^{a, *}, Айдар Айтмухамбетов ^a, Сергей Симонов ^b

^a Костанайский региональный университет имени А. Байтурсынова, г. Костанай, Республика Казахстан

^b Костанайская академия МВД имени Ш. Кабалбаева, г. Костанай, Республика Казахстан

Аннотация. В XIX веке казахские юноши получили право обучения в университетах. В Казанском университете в исследуемый период обучалось более 30 казахских юношей. Казахские студенты являлись уроженцами степных областей. Большинство из них проживало в областях, территориально близких к Казани. Социальная среда казахского студенчества оказалась пестрой. Наряду с представителями из султанских семей в Казани обучались выходцы из разночинной социальной среды. Большинство студентов до момента зачисления в университет получали образования в гимназиях. В ходе анализа гимназических аттестатов выяснилось, что их обладатели отличались прилежанием и демонстрировали хорошие знания дисциплин обучения. Казахские студенты в университете обучались на медицинском и юридическом факультетах. Очевидно, мотивация их выбора состояла в необходимости дальнейшей социализации в юридических и медицинских сферах. В гимназические годы они получили хорошие знания по иностранным языкам, в частности классическим и европейским, которые оказались востребованными на период обучения. В дальнейшем обладатели университетских дипломов реализовывали собственный потенциал по профессии, в частности выпускники университета Карабаев, Беремжанов, Таначев и ряд других зарекомендовали себя в качестве профессионалов по специализации обучения.

Ключевые слова: студенчество, гимназия, университет, служащий, султан, характеристика, выпускник, персоналии, регион, элита.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ng-8080@mail.ru (Г. Нурушева)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 251-257
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.251

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Periodical Press of the Kiev School District in 1857–1917

Anvar M. Mamadaliev ^{a, *}, Valentina S. Nikitina ^b, Natalia V. Svechnikova ^c,
 Irina Yu. Cherkasova ^d

^a Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^b Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Cherkas Global University, Washington, USA

Abstract

The paper considers the pedagogical periodical press of the Kiev educational district in the period from 1857 to 1917.

As materials the authors used reference works and publications of the pre-revolutionary periodical press. The first can include encyclopedic works, as well as reference information about the Russian periodical press, the second includes materials of the pre-revolutionary periodical press, for example, the “Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo institute”.

In the methodology of the work, the authors applied the historical-chronological method, which made it possible to consider the research topic in historical sequence. The content analysis method was also used, which made it possible to make a selection of interesting materials from the total number of Russian periodicals of the imperial period.

In conclusion, the authors state that 17 pedagogical periodicals were published on the territory of the Kiev Educational District in the period from 1857 to 1917, geographically 16 of them were published in Kiev and only one in Poltava. As in the territory of the Caucasian Educational District, only state periodicals that were published either at the universities of the Ministry of Public Education (“Fizicheskoe obozrenie”, “Tsirkulyar po upravleniyu Kievskim uchebnym okrugom”) or at the spiritual department (“Tserkovno-prikhodskaya shkola”) differed in constancy. The fate of other publications was sad, since a significant part of them closed in the first year or two from the beginning of their work (“Pedagogicheskaya nedelya”, “Professional'naya shkola”).

Keywords: periodical press, pedagogy, Kiev academic District, 1857–1917.

1. Введение

Изучение региональных особенностей развития профессиональной периодической печати в дореволюционный период представляет значительный интерес для исследователей. И если периодическая печать столичных регионов России рассматривалась достаточно много и часто, то к теме профессиональной периодической печати Киевского учебного округа исследователи обращались лишь эпизодически. Ранее нами уже предпринимались попытки рассмотреть периодическую печать на территории Кавказского учебного округа, а также аналогичную печать духовного ведомства Российской империи (Mamadaliev et al., 2022; Mamadaliev et al., 2022a).

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

2. Материалы и методы

В качестве материалов нами были использованы справочные работы и публикации дореволюционной периодической печати. К первым можно отнести энциклопедические труды Брокгауза и Ефрона (*Коллегия, 1895*) и литературную энциклопедию (*Гливенко, 1929*), а также справочный труд о русской периодической печати (*Русская периодическая печать, 1959*), ко вторым – материалы дореволюционной периодической печати, например «Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института» (*Киев, 1913*).

В методологии работы авторами были применены историко-хронологический метод, который дал возможность рассмотреть тему исследования в исторической последовательности. Также был использован метод-контент анализа, позволивший сделать выборку интересующих материалов из общего количества российских периодических изданий имперского периода.

3. Обсуждение

Историография темы нашего исследования может быть разделена по проблемному принципу на две группы, а именно на работы, посвященные непосредственно педагогическим журналам, издававшимся на территории Киевского учебного округа, и на труды, посвященные общероссийской периодической печати, в том числе ведомственной.

К первой группе мы можем отнести работу Г.В. Шелюк, в которой журнал «Церковно-приходская школа» рассматривался как источник методического обеспечения начальных школ духовного ведомства (*Шелюк, 2016*). Близкой к этому теме уделил внимание М. Янчук в своем труде «Церковно-школьный журнал Киевской епархии конца XIX – начала XX ст.: информационный потенциал источника» (*Янчук, 2016*). Другой киевский журнал – «Вестник опытной физики и элементарной математики» – рассмотрела В.В. Самодурова (*Самодурова, 2011*). Упоминания о журнале «Физическое обозрение» имеется в работе Ю.В. Ергина «Физическое образование в дореволюционной России» (*Ергин, 2015*). О журнале «Дошкольное образование» повествует в своей работе о проблемах дошкольного образования и воспитания Е.Н. Мишакова (*Мишакова, 2012*).

Ко второй группе работ мы можем отнести следующие труды: статью Г.В. Кондратьевой о педагогических журналах XIX века и судьбах их создателей (*Кондратьева, 2008*), в труде В.В. Карповой рассматриваются столичные педагогические журналы и влияние на них Первой мировой войны (*Карпова, 2014*), Н.Н. Аблов уделил внимание педагогической периодике Российской империи в период с 1803 по 1916 гг. (*Аблов, 1937*), в свою очередь К.Е. Нетужилов обратился к анализу церковно-приходской журналистики в имперский период (*Нетужилов, 2009*). Наконец, мы можем отметить две наши последние работы, изданные в 2022 г. о педагогической периодической печати на территории Кавказского учебного округа (*Mamadaliyev et al., 2022*) и о педагогической печати духовного ведомства (*Mamadaliyev et al., 2022a*).

4. Результаты

Всего в дореволюционный период на территории Киевского учебного округа издавалось 17 педагогических периодических изданий, 16 из них были в Киеве и один журнал – в Полтаве. Рассмотрим эти издания в хронологическом порядке.

Первым периодическим изданием на территории Киевского учебного округа стал «Циркуляр по управлению Киевским учебным округом». Этот журнал издавался ежемесячно в период с 1857 – 1917 гг. Местом издания был город Киев. Журнал являлся официальным изданием данного учебного округа. Курировал издание на начальном этапе Н.И. Пирогов. Помимо официальной информации, в журнале печатались и неофициальные материалы по народному образованию. В 1895 г. название журнала было сокращено – «Циркуляр по Киевскому учебному округу». В том же году при нем стало выпускаться особое издание «Циркуляр по управлению народными училищами Киевского учебного округа» (*Русская периодическая печать, 1959*).

Вторым журналом, созданным на территории округа, был «Журнал элементарной математики». Его издателем-редактором стал профессор В.П. Ермаков. Местом издания был Киев. Журнал издавался в 1884–1886 гг. и выходил два раза в месяц. Он был первым российским периодическим изданием по элементарной математике в дореволюционный период. Издатель привлек к работе в журнале значительное количество видных специалистов Киевского и Санкт-Петербургского университетов (*Самодурова, 2011: 127-128*).

В 1886 г. «Журнал элементарной математики» был переименован в «Вестник опытной физики и элементарной математики», с таким названием он просуществовал до 1915 г. В 1886–1897 гг. издателем-редактором журнала был Э.К. Шпачинский, с 1898 по 1904 гг. редактором был В.А. Циммерман, а с 1904 г. – В.Ф. Коган. С 1886 по 1891 гг. журнал издавался в Киеве, но потом местом издания стала Одесса. Причиной его создания было развитие капитализма в России и в связи с этим повышенный спрос на технических специалистов, что потребовало больше уделять внимание подготовке соответствующих кадров и повышению качества физико-математического образования (*Аблов, 1937: 47-48*).

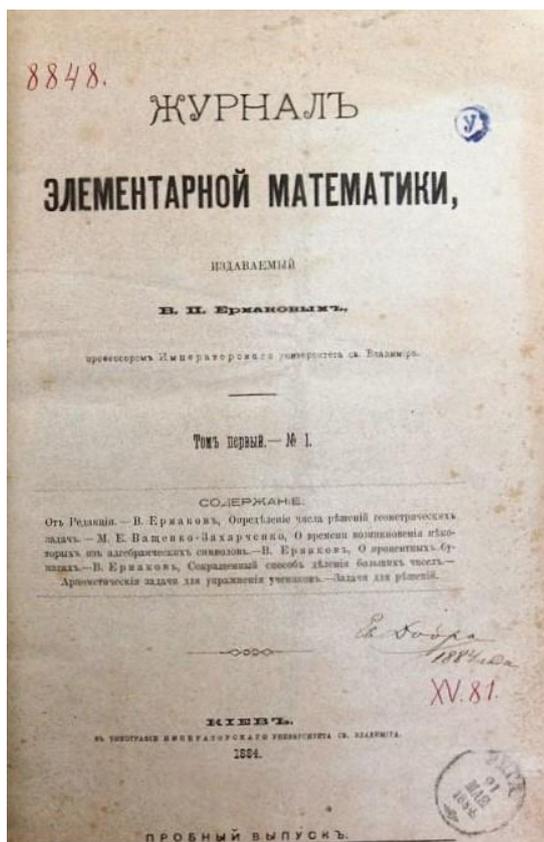

Рис. 1. Обложка «Журнал элементарной математики»

Следующим проектом был журнал «Церковно-приходская школа», который издавался ежемесячно в период с 1887 по 1906 гг. при Киевском епархиальном училище, редактором его был П. Игнатович. Ввиду специфики своего названия журнал был ориентирован на рассмотрение вопросов православия. Каждый его номер состоял из следующих разделов: официальные материалы, научно-педагогические и публицистические статьи, практические советы начинающим учителям, педагогическое обозрение, библиография, корреспонденции и заметки (Шелюк, 2016: 141-142). В 1906 г. журнал сменил название на «Западнорусская начальная школа».

Еще одно периодическое издание появилось в 1891 г. – им стала газета «Профессиональная школа». Она издавалась один раз в неделю, а ее редактором-издателем стала О.В. Кулицкая. Газета просуществовала недолго и в конце того же 1891 г. практически закрылась (в 1890 г. вышел один пробный номер газеты, в 1892 г. – один дополнительный). Всего вышло 52 номера газеты. Ее рубрикация: общий отдел по профессиональному образованию, специальный отдел (ремесла), сведения по учебному и профессиональному делу, корреспонденции, домашнее хозяйство (Аблов, 1937: 52).

В общем отделе печатались педагогические статьи и заметки о ходе профессионального образования в России. В газете был опубликован большой обзор работ Брюссельского международного конгресса ручного труда в школе.

Шестым периодическим изданием был «Ежегодник коллегии Павла Галагана», который издавался в Киеве в 1894–1904 гг. при среднем учебном заведении закрытого типа, основанного П. Галаганом. Коллегия дала десятки выдающихся ученых из числа своих выпускников (Коллегия, 1895: 695). Кроме официального отдела, печатались литературные, научные и педагогические статьи. С 1904 г. ежегодник стал выходить в форме журнала «Педагогическая мысль».

В 1899 г. в Киеве начал издаваться «Справочный листок» при Киевском педагогическом обществе взаимной помощи. Председателем общества был М. Гневушев, а секретарем – М. Мукалов. «Справочный листок» выходил недолго – вышла только 1-я его книга (декабрь 1899 г.). В издании публиковались материалы по деятельности общества (Аблов, 1937: 59).

В 1900 г. в Варшаве был создан журнал «Физическое обозрение», который в 1906 г. начал издаваться в Киеве. Всего выходило 6 номеров в год. В киевский период работы журнала его редактировал профессор Киевского университета Де-Метцу (Ергин, 2015: 106). В начале 1916 г. Киевский университет в связи с приближающимся фронтом был эвакуирован в г. Саратов.

В 1904 г. Киевская коллегия Павла Галагана приступила к изданию еще одного своего проекта – журнала «Педагогическая мысль». Редактировали его в г. Киеве профессор И.А. Сикорский и приват-

доцент И.И. Гливенко (Гливенко, 1929: 556-557). Всего вышло три номера журнала (2 – в 1904 г. и 1 – в 1905 г.). В издании публиковались материалы об учебном процессе, литературные статьи, были отражены педагогическая хроника, критика и библиография. В журнале было помещено много педагогических статей, например «О задачах педагогической деятельности», «О педагогическом авторитете» и др. В нем публиковались известные педагоги и бывшие ученики школы.

Очередное издание начало выпускаться в 1906 г., называлось оно «Педагогическая неделя» и издавалось еженедельно под редакцией приват-доцента И.И. Гливенко. Всего вышло 7 номеров издания (первый номер – в феврале), причем последний был сдвоенным (№ 7–8 за март 1906 г.). Журнал основал И.И. Гливенко после прекращения редактирования журнала «Педагогическая мысль» в период Первой русской революции. В первом номере «Педагогической недели» Гливенко от имени редакции выступил с критикой правительства и имперской модели образования (Гливенко, 1929: 556-557). Однако издание в таком виде долго просуществовать не могло.

Следующее издание возникло также в 1906 г. – журнал «Западнорусская начальная школа». Он выходил ежемесячно в 1906–1917 гг. и было органом Киевского епархиального учительского совета, ввиду этого местом издания был город Киев. Журнал являлся продолжением «Церковно-приходской школы». Как и ранее, журнал редактировал председатель учительского совета (Mamadaliyev et al., 2022a: 1881).

В 1908 г. в Киеве возникло новое педагогическое издание – журнал «Народный учитель», который позиционировался как Журнал Юга. Он являлся своеобразной профессиональной и общественной площадкой и издавался в 1908–1909 гг. Издателями и редакторами были Л.П. Смирнова и О.Н. Смирнов. В 1908 г. вышло 14 номеров издания, а в 1909 г. – 15 номеров. Журнал специализировался на узкопрактических педагогических вопросах. С 1910 г. его издание было перенесено в Москву, где к журналу была привлечена московская педагогическая общественность. В годы Первой мировой войны редакция журнала вела активную патриотическую работу (Карпова, 2014: 276).

С 1909 г. в Киеве начал издаваться журнал «Спутник средней школы и экстерна». Это было еженедельное литературно-научное издание. Издателем с 1 по 5 номер журнала за 1909 г. был Т.Э. Пиотровский, а редактором в этих номерах – О.А. Португалов, который с 6-го номера за 1909 г. стал редактором-издателем. Редакция журнала ставила своей целью оказание помощи тем лицам, которые по различным причинам не могли попасть в среднюю школу и поступили в число экстернов, в связи с чем в журнале публиковались общедоступные изложения наиболее трудных курсов по предметам средней школы, обзоры письменных работ, предлагаемых на экзаменах, разработка типов задач и т.п. Наряду с этой миссией журнал уделял внимание и общим вопросам средней школы (Аблов, 1937: 78-79). В нем публиковались А.К. Анохин, Н.О. Делоне, Л. Войтоловский, Н.В. Валентинов, Т.В. Локоть, К. Слоним, К.Ф. Лебединцев и др.

Очередным проектом стал журнал «Дошкольное воспитание». Он позиционировался как издание для матерей и воспитательниц, издавался в Киеве в период с 1911 по 1917 гг. киевским Обществом народных детских садов. Выходило 9 номеров в год (Мишакова, 2012: 129). В рубрику журнала входили пропаганда идей дошкольного воспитания, особенно детских садов и сближение их со школой; психология детства и экспериментальная педагогика; теория и практика детского сада: образцовые уроки, беседы и прочее; гигиена детского возраста и физическое воспитание; критика и библиография; педагогическая хроника. В журнале публиковались такие видные специалисты, как Ц. Балталон, В. Мурзаев, М. Петерсон, И.А. Сикорский, М. Синецкая, Н. Румянцев и др.

В 1913 г. в Киеве начал издаваться очередной журнал – «Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института». Это было еженедельное издание Общества взаимопомощи студентов Коммерческого института. Редактировали издание В.Д. Васильев (№ 1–6), А.Н. Лепарский (№ 7–19), В.Г. Ганчель (№ 20). Всего в 1913–1914 гг. вышло 20 номеров этого издания. В первом номере редакция писала, что «Коммерческие институты – недавно возникшие научные центры. Многочисленность и новизна целого ряда научных дисциплин, областей специализации, приемов изучения, методов работ и практических занятий вызывает необходимость ориентироваться во всем этом» (Киев, 1913: 1-2). Этой ориентировке и уделял внимание «Бюллетень», поместив ряд статей по педагогическим вопросам, например «О коррективах к лекционной системе преподавания» профессора Воблого, «О преподавании в высшей школе» профессора Л. Ямпольского и др. В 19-м номере издания был опубликован систематический указатель статей.

Еще одним жанром педагогической печати была «Летопись вечерних высших женских курсов», учрежденных в Киеве А.В. Жекулиной. Это издание выходило в 1914 г. под редакцией академического профессора В.Н. Перетца. Оно просуществовало недолго: вышел только один номер, который был посвящен сведениям о курсах, читаемых в 1914 г., программах, планах преподавания и пр. В номере также были опубликованы и научные работы слушательниц курсов (Аблов, 1937: 99).

Рис. 2. Титульная страница издания «Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института»

Последнее 17-е издание было единственным, которое выходило не в Киеве, а в административном центре Полтавской губернии – городе Полтаве. Оно называлось «Педагогический журнал для учащихся народных школ Полтавской губернии». Журнал издавался Полтавским губернским земством ежемесячно с августа 1914 г. до 1917 г. Редактором-издателем был член земской управы И.М. Данельский. Журнал был создан в связи с организованными земством учительскими курсами и ставил целью создание диалоговой площадки для народных учителей, где возможно было бы обсуждать насущные проблемы местной начальной школы. В вопросы журнала входило ознакомление не только с новыми педагогическими течениями, но и с содержанием лекций, читаемых на курсах, с новыми учебниками и наглядными пособиями. Издание особое внимание уделяло отражению жизни полтавской школы (Зеленко, 1915: 50-54).

5. Заключение

Итак, резюмируя, можно отметить, что на территории Киевского учебного округа в период с 1857 по 1917 гг. выходило 17 педагогических периодических изданий, географически 16 из них издавались в Киеве и лишь одно – в Полтаве. Как и на территории Кавказского учебного округа, постоянством отличались лишь государственные периодические издания, которые выходили либо при университетах Министерства народного просвещения («Физическое обозрение», «Циркуляр по управлению Киевским учебным округом»), либо при духовном ведомстве («Церковно-приходская школа»). Судьба других изданий была печальна, так как значительная их часть закрывалась в первые год или два с начала своей работы («Педагогическая неделя», «Профессиональная школа»).

Литература

- Аблов, 1937 – Аблов Н.Н. Педагогическая периодическая печать (1803–1916 гг.). М., 1937.
 Зеленко, 1915 – Зеленко В. Из обзора педагогических журналов // *Русская школа*. 1915. № 10. С. 50-54.
 Шелюк, 2016 – Шелюк Г.В. Журнал «Церковно-приходская школа» - источник методического обеспечения начальных школ духовного ведомства (конец XIX – начало XX вв.) // *Наука, техника и образование*. 2016. № 1(19). С. 141-144.
 Шелюк, 2016 – Шелюк Г.В. Журнал «Церковно-приходская школа» - источник методического обеспечения начальных школ духовного ведомства (конец XIX – начало XX вв.) // *Наука, техника и образование*. 2016. № 1(19). С. 141-144.
 Кондратьева, 2008 – Кондратьева Г.В. Педагогические журналы XIX века и судьбы их создателей (из истории отечественного образования) // *Образование в современной школе*. 2008. № 9. С. 52-64.
 Нетужилов, 2009 – Нетужилов К.Е. Церковно-приходская журналистика в России в конце XIX – начале XX века // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2009. № 93. С. 166-173.

[Самодурова, 2011](#) – Самодурова В.В. Журнал «Вестник опытной физики и элементарной математики» в фондах научной библиотеки Одесского национального университета имени И.И. Мечникова // *Вестник Одесского национального университета. Серия: Библиотекосведение, библиографосведение, книговедение*. 2011. Т. 16. № 1-2 (5-6). С. 127-132.

[Коллегия, 1895](#) – Коллегия Павла Галагана / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVa. Санкт-Петербург, 1895.

[Ергин, 2015](#) – Ергин Ю.В. Физическое образование в дореволюционной России // *Педагогический журнал Башкортостана*. 2015. № 2 (57). С. 95-116.

[Гливенко, 1929](#) – Гливенко И.И. Литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1929.

[Янчук, 2016](#) – Янчук М. Церковно-школьный журнал Киевской епархии конца XIX – начала XX ст.: информационный потенциал источника // *Емінак*. 2016. № 2-3 (14). С. 90-95.

[Карпова, 2014](#) – Карпова В.В. Столичные педагогические журналы в годы Первой мировой войны // *Новейшая история России*. 2014. № 3 (11). С. 271-282.

[Мишакова, 2012](#) – Мишакова Е.Н. Проблемы дошкольного образования и воспитания на страницах периодической печати России конца XIX – начала XX в. // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2012. № 7 (71). С. 127-130.

[Киев, 1913](#) – Киев, 2 ноября 1913 г. // *Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института*. 1913. № 1. С. 1-4.

[Русская периодическая печать, 1959](#) – Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник. М., 1959.

[Mamadaliyev et al., 2022](#) – Mamadaliyev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916 // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1207-1213.

[Mamadaliyev et al., 2022a](#) – Mamadaliyev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Church Department of the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1877-1884.

References

[Ablov, 1937](#) – Ablov, N.N. (1937). Pedagogicheskaya periodicheskaya pechat' (1803–1916 gg.) [Pedagogical periodical press (1803–1916)]. М. [in Russian]

[Ergin, 2015](#) – Ergin, Yu.V. (2015). Fizicheskoe obrazovanie v dorevolyutsionnoi Rossii [Physical education in pre-revolutionary Russia]. *Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana*. 2(57): 95-116. [in Russian]

[Glivenko, 1929](#) – Glivenko, I.I. (1929). Literaturnaya entsiklopediya [Literary encyclopedia]. Т. 2. М. [in Russian]

[Karpova, 2014](#) – Karpova, V.V. (2014). Stolichnye pedagogicheskie zhurnaly v gody Pervoi mirovoi voyny [Metropolitan pedagogical journals during the First World War]. *Noveishaya istoriya Rossii*. 3(11): 271-282. [in Russian]

[Kiev, 1913](#) – Kiev, 2 noyabrya 1913 g. [Kyiv, November 2, 1913]. *Studencheskii byulleten' Kievskogo kommercheskogo instituta*. 1913. 1. Pp. 1-4. [in Russian]

[Kollegiya, 1895](#) – Kollegiya Pavla Galagana [Pavel Galagan 's Collegium]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. Т. XVa. Sankt-Peterburg, 1895. [in Russian]

[Kondrat'eva, 2008](#) – Kondrat'eva, G.V. (2008). Pedagogicheskie zhurnaly XIX veka i sud'by ikh sozdatelei (iz istorii otechestvennogo obrazovaniya) [Pedagogical journals of the 19th century and the fate of their creators (from the history of Russian education)]. *Obrazovanie v sovremennoi shkole*. 9: 52-64. [in Russian]

[Mamadaliyev et al., 2022](#) – Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916. *Bylye Gody*. 17(3): 1207-1213.

[Mamadaliyev et al., 2022a](#) – Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Church Department of the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1877-1884.

[Mishakova, 2012](#) – Mishakova, E.N. (2012). Problemy doshkol'nogo obrazovaniya i vospitaniya na stranitsakh periodicheskoi pechati Rossii kontsa XIX – nachala XX v. [Problems of preschool education and upbringing on the pages of Russian periodicals in the late 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 7(71): 127-130. [in Russian]

[Netuzhilov, 2009](#) – Netuzhilov, K.E. (2009). Tserkovno-prikhodskaya zhurnalistika v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Church and parish journalism in Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 93: 166-173. [in Russian]

[Russkaya periodicheskaya pechat', 1959](#) – Russkaya periodicheskaya pechat' (1702–1894): Spravochnik [Russian periodicals (1702–1894): Reference book.]. М., 1959. [in Russian]

[Samodurova, 2011](#) – Samodurova, V.V. (2011). Zhurnal «Vestnik opytnoi fiziki i elementarnoi matematiki» v fondakh nauchnoi biblioteki Odesskogo natsional'nogo universiteta imeni I.I. Mechnikova

[Journal “Vestnik opytnoi fiziki i elementarnoi matematiki” in the collections of the scientific library of the Odessa National University named after I.I. Mechnikov]. *Vestnik Odesskogo natsional'nogo universiteta. Seriya: Bibliotekovedenie, bibliografovedenie, knigovedenie*. 16. 1-2 (5-6): 127-132. [in Russian]

Shelyuk, 2016 – *Shelyuk, G.V.* (2016). Zhurnal «Tserkovno-prikhodskaya shkola» – istochnik metodicheskogo obespecheniya nachal'nykh shkol dukhovnogo vedomstva (konets XIX – nachalo XX vv.) [Journal “Tserkovno-prikhodskaya shkola” – a source of methodological support for elementary schools of the spiritual department (late XIX – early XX centuries)]. *Nauka, tekhnika i obrazovanie*. 1(19): 141-144. [in Russian]

Shelyuk, 2016 – *Shelyuk, G.V.* (2016). Zhurnal «Tserkovno-prikhodskaya shkola» – istochnik metodicheskogo obespecheniya nachal'nykh shkol dukhovnogo vedomstva (konets XIX – nachalo XX vv.) [Journal “Tserkovno-prikhodskaya shkola” – a source of methodological support for elementary schools of the spiritual department (late XIX – early XX centuries)]. *Nauka, tekhnika i obrazovanie*. 1(19): 141-144. [in Russian]

Yanchuk, 2016 – *Yanchuk, M.* (2016). Tserkovno-shkol'nyi zhurnal Kievskoi eparkhii kontsa XIX – nachala XX st.: informatsionnyi potentsial istochnika [Church and School Journal of the Kyiv Diocese of the late XIX – early XX centuries: the information potential of the source]. *Eminak*. 2-3 (14): 90-95. [in Russian]

Zelenko, 1915 – *Zelenko, V.* (1915). Iz obzora pedagogicheskikh zhurnalov [From a review of pedagogical journals]. *Russkaya shkola*. 10: 50-54. [in Russian]

К вопросу о периодической печати Киевского учебного округа в 1857–1917 гг.

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, *}, Валентина Сергеевна Никитина ^b,
Наталья Викторовна Свечникова ^c, Ирина Юрьевна Черкасова ^d

^a Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^b Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В работе рассматривается педагогическая периодическая печать Киевского учебного округа в период с 1857 по 1917 гг.

В качестве материалов авторами были использованы справочные работы и публикации дореволюционной периодической печати. К первым можно отнести энциклопедические труды, а также справочные сведения о русской периодической печати, ко вторым – относятся материалы дореволюционной периодической печати, например «Студенческий бюллетень Киевского коммерческого института».

В методологии работы авторами были применены историко-хронологический метод, который дал возможность рассмотреть тему исследования в исторической последовательности. Также был использован метод-контент анализа, позволивший сделать выборку интересующих материалов из общего количества российских периодических изданий имперского периода.

В заключении авторы отмечают, что на территории Киевского учебного округа в период с 1857 по 1917 гг. выходило 17 педагогических периодических изданий, географически 16 из них издавалось в Киеве и лишь одно – в Полтаве. Как и на территории Кавказского учебного округа, постоянством отличались лишь государственные периодические издания, которые публиковались либо при университетах Министерства народного просвещения («Физическое обозрение», «Циркуляр по управлению Киевским учебным округом»), либо при духовном ведомстве («Церковно-приходская школа»). Судьба других изданий была печальна, так как значительная их часть закрывалась в первые год или два с начала своей работы («Педагогическая неделя», «Профессиональная школа»).

Ключевые слова: периодическая печать, педагогика, Киевский учебный округ, 1857–1917 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 258-267
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.258

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Professor of the Kiev Theological Academy A. I. Bulgakov as a Researcher of the Religious Life of Victorian England

Mikhail S. Stetckevich ^a, Tatiana V. Chumakova ^{a, *}, Elena S. Stetckevich ^b

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

^b North-West Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation

Abstract

For a long time, the name of the Russian theologian and historian, Professor of the Kiev Theological Academy Afanasy Ivanovich Bulgakov (1859–1907), was mentioned mainly in connection with the analysis of the work of his son, the famous writer M.A. Bulgakov. The works, devoted to the analysis of the scientific production of Bulgakov the Elder, begun to appear only recently (O.T. Ermishin, Yu.A. Labyntsev, L.L. Shchavinskaya). This article examines Bulgakov's works dedicated to the study of the Church of England during Victorian period. Bulgakov's interest in this issue was initially caused by the intensification of the Orthodox-Anglican dialogue, which gave rise to hopes for the reunification of the Churches. Gradually Bulgakov moved on to considering the phenomena of English religious life as significant in themselves. Especially noteworthy is his work «New religious transformations in England in the present century» (1897). Here Bulgakov presented not only a meaningful sketch of the development of the most significant phenomenon in the 19th century Anglicanism – the Oxford Movement (Tractarianism), but also anticipated some of the judgments of modern historiography. Bulgakov's writings were an important channel of informing the educated Russian public about the events of religious life in England. They testify to the desire of some representatives of the Russian church-historical science to move away from rigid confessionalism and take the path of a more objective study of the events of the contemporary religious life of the West.

Keywords: A.I. Bulgakov, religious studies, religious life, The Church of England, The Oxford movement, theological schools of the Russian Empire.

1. Введение

Хорошо известно, что в XIX в. происходит значительный рост интереса российской образованной публики к самым разным аспектам политической, экономической, культурной и научной жизни Англии в XIX в. Как отмечает И. Р. Чикалова, в значительной мере он был связан с процессом поиска ответа на вопросы о возможных путях развития и модернизации Российской империи (Чикалова, 2013: 6). Однако данный интерес имел и еще одно, часто остающееся в тени измерение – религиозное. Начавшееся в 1833 г. Оксфордское (Трактарианское) движение видело в Церкви Англии продолжение древней неразделенной Церкви, отрицая протестантский характер англиканства, что способствовало интересу к наследию восточного христианства. Стремление некоторых трактарианцев расширить масштабы англикано-православного диалога, способного привести в перспективе к объединению церквей, получило горячий отклик в России. В результате об Оксфордском движении и его логическом продолжении – ритуализме – в российской церковной печати писали как о явлении, известном всей образованной публике (Соловьева, 2000: 351).

* Corresponding author

E-mail addresses: t.chumakova@spbu.ru (T.V. Chumakova)

Активизация диалога между Русской православной церковью и Церковью Англии имела и другое важное следствие: появление работ, посвященных рассмотрению различных аспектов религиозной жизни викторианской эпохи. Некоторые из них имели публицистический характер, но встречались и качественные научные работы. Серьезным, многосторонним и весьма плодовитым автором, без сомнения, был профессор Киевской духовной академии Афанасий Иванович Булгаков (1859–1907), отец знаменитого писателя М.А. Булгакова.

2. Материалы и методы

В качестве источников статьи были использованы опубликованные сочинения А.И. Булгакова, посвященные исследованию религиозной ситуации и религиозных течений в Англии викторианского периода. Эти исследования были проанализированы с учетом сложившегося в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. уровня развития религиозно-исторических штудий, а также в сравнении с другими научными публикациями данного периода. Статья подготовлена на основе использования комплексного подхода к изучению интеллектуальной истории. Поскольку в работе затрагивается вопрос о научных исследованиях, авторы учитывали и современные труды, посвященные изучению статуса научной публикации (Шиповалова, 2018). Также в данной работе, являющейся частью проекта по изучению инфосферы православных учебных заведений, использовались подходы, характерные для этого нового направления исследований (Чумакова, 2022).

3. Обсуждение

До сравнительно недавнего времени упоминания о жизни и научной деятельности А.И. Булгакова делались почти исключительно в связи с изучением творчества его сына. Характерно, что одна из первых публикаций о Булгакове-старшем носила название «Отец Мастера» (Лазебник, 1993). Как правило, об отце автора «Мастера и Маргариты» упоминалось в контексте повествования о семейной жизни Булгаковых. Иногда давалась небольшая справка с упоминанием основных этапов научной карьеры Булгакова-старшего, перечислением важнейших трудов, но их анализ совершенно отсутствовал (Чудакова, 1988: 14-15, 29-34; Варламов, 2012: 11-13, 29-33). Ситуация стала меняться лишь в начале нынешнего столетия. Весьма значимой оказалась содержательная статья О.Т. Ермишина в «Православной энциклопедии», содержащая также обширный, хотя и не полный список работ Булгакова (Ермишин, 2003). После этого публикации о жизни А.И. Булгакова стали появляться достаточно регулярно, причем исследователи стали обращать внимание и на научную деятельность Булгакова-старшего (Лабынцев, Щавинская, 2011). В этом плане наибольший интерес представляют статьи И. С. Урюпина и особенно – Ю.Л. Лабынцева и Л.Л. Щавинской (Урюпин, 2013; Лабынцев, Щавинская, 2020). В последней работе достаточно подробно рассмотрены сочинения А.И. Булгакова об истории и современном состоянии Римско-католической церкви. Почти во всех работах о Булгакове-старшем упоминается его интерес к английскому христианству в целом и англиканству в частности, однако этим дело фактически и ограничивается. Цель настоящей статьи – проанализировать весь спектр работ Булгакова, посвященных викторианской религиозности, показать его вклад в становление российской историографии Церкви Англии. Актуальность темы определяется недостаточной изученностью процесса становления отечественной историографии английской религиозности.

4. Результаты

Важнейшие факты биографии Булгакова-старшего достаточно хорошо известны. Сын священника, в автобиографии он указывал, что «заветною мечтою» родителей было избрание им духовной карьеры (Лабынцев, Щавинская, 2020: 109). После обучения в духовном училище, а затем и в семинарии в Орле (1869–1881) Булгаков продолжил получение образования в Киевской духовной академии (КДА, 1881–1885). Его кандидатская диссертация носила название «Очерки истории методизма». В 1887 г. ее переработанный и расширенный текст был защищен в качестве магистерской диссертации. Это объемное сочинение было опубликовано в нескольких номерах «Трудов Киевской духовной академии» (ТКДА), выйдя также и отдельным изданием (Булгаков, 1887). Сосредоточившись в основном на вопросах генезиса методизма, Булгаков тем не менее доводит изложение до второй половины XIX в. Интересно, что «Очерки» до сего дня остаются наиболее подробным изложением основных событий истории методизма на русском языке. Можно отметить и еще одно немаловажное обстоятельство. Оценивая кандидатскую диссертацию Булгакова, профессор М.Г. Ковальницкий писал, что автор «не обнаруживает духа нетерпимости» и не раз высказывает симпатию ко многим добрым явлениям в религиозной жизни методизма» (Протоколы заседаний...: 344-346). Именно такой подход будет характерен для всех работ Булгакова, посвященных религиозной жизни викторианской эпохи, и прежде всего – развитию англиканства.

Первой работой в этом направлении явилась статья 1889 г. «Общее собрание англиканских епископов в 1888 году» (Булгаков, 1889). К этому моменту Булгаков уже около двух лет преподавал в Киевской академии, а в январе 1889 г. возглавил кафедру истории и разбора западных исповеданий. В статье дан анализ заседаний и принятых решений Третьей Ламбетской конференции епископов

Англиканского содружества. На ней, в частности, были утверждены Ламбетские четыре пункта, призванные, с одной стороны, обозначить основы англиканской идентичности, вопрос о которой приобрел значительную актуальность в связи с расширением Британской империи, а с другой – заложить фундамент для диалога с другими вероисповеданиями, в том числе православием. Интерес Булгакова был обусловлен именно последним обстоятельством, хотя он добросовестно изложил, прибегая к обширному цитированию, практически все принятые на Ламбетской конференции резолюции, в том числе касавшиеся вопросов о праздновании воскресного дня, о разводе и др. Видимо, это свидетельствует о том, что англиканство, как ранее – методизм, представляли для Булгакова вполне самостоятельный интерес, выходящий за пределы вопросов ведения межконфессионального диалога. Источниковая база статьи представляется достаточно скудной. По собственному признанию автора, «материалом» для ее «составления» явился официальный отчет о деятельности конференции (Булгаков, 1889: 132). В отличие как от диссертации, так и от последующих сочинений Булгакова, данный текст почти не содержит ссылок на источники и литературу и не представляет серьезного научного интереса. Тем не менее некоторые авторские мысли и положения заслуживают внимания.

Завершая первую часть статьи, Булгаков повторяет данную ранее в диссертации негативную оценку английской Реформации и в дальнейшем отмечает «разлагающий протестантский характер» англиканства, грозящий его единству (Булгаков, 1889: 346). В то же время, констатируя «догматическую неопределенность» англиканства (Булгаков, 1889: 143), ученый пока еще очень осторожно выражает надежду на то, что при решении вопроса «об авторитетных образцах веры и о богопочтении» (Булгаков, 1889: 144), от которого зависят «жизнь или смерть» данного вероисповедания (Булгаков, 1889: 144), оно постепенно вернется к древнецерковным порядкам (Булгаков, 1889: 352). Именно вопрос о древневселенской церковности займет центральное место в последующих работах Булгакова о современной ему английской религиозности.

Первыми в их ряду оказались две небольшие публикации, по форме напоминающие некрологи. Они свидетельствуют как о возрастании интереса Булгакова к английской проблематике, так и сохраняющейся пока недостаточной информированности о происходящем, обусловленной в первую очередь скудостью источниковой и историографической базы. Первая из них посвящена кончине Р.Ф. Литтлдейла (1833–1890) (его Булгаков называет Л-ль или Литтдэль) – достаточно заметного деятеля ритуалистского движения второй половины XIX столетия. Булгаков представляет его как человека, «стоявшего на стороне учреждений и обрядности древней церкви» (Булгаков, 1890а: 332), стремившегося к воссоединению с православием и резко критиковавшего римский католицизм. О деятельности Литтлдейла как ритуалиста говорится мельком, а сам ритуализм пока представлялся Булгакову чем-то неотличимым от Оксфордского движения. Во всяком случае Ньюмен и Пьюзи именовались Булгаковым «ритуалистами», «возбуждавшими» трактарианство (Булгаков, 1890а: 332).

В таком же духе выдержан и текст о кончине Дж. Палмера (1828–1892, у Булгакова – Георг Иосия Пальмер), являвшегося в течение длительного периода издателем газеты «Церковные времена». Булгаков с очевидным сочувствием и симпатией пишет о нем как о фигуре, стремившейся, подобно Литтлдейлу, к возрождению «древней Английской церкви» (Булгаков, 1892: 507). Подчеркнуты антиримско-католические взгляды Палмера, а понятия «ритуализм» и «трактарианство» по-прежнему используются как синонимы (Булгаков, 1892: 508–510). Масштабы личности и влияния как Литтлдейла, так и в особенности Палмера весьма значительно преувеличены. Во всяком случае вряд ли есть основания вслед за Булгаковым полагать, что с их уходом из жизни ритуалистское движение «лишилось двух своих наиболее деятельных представителей» (Булгаков, 1892: 507). Возможно, здесь Булгаков, еще не слишком глубоко проникнув в суть явно заинтересовавших его явлений, оказался под влиянием прочитанных им некрологов Литтлдейла и Палмера в иностранной печати, где, естественно, воздавалась дань определенным заслугам этих личностей в деле развития англокатолицизма.

Следующая публикация, посвященная английской проблематике, появилась год спустя после очерка о Палмере. Здесь объект рассуждения был несравнимо более широким, поскольку в статье затрагивался вопрос о современном состоянии римского католицизма в Англии. Статья, в отличие от предшествующих, снабжена ссылками, свидетельствующими о том, что автор знаком с современной ему английской прессой, в том числе и церковной. Булгаковым представлена общая картина развития английского католицизма, начиная с 1829 г., когда парламент принял акт о наделении избирательными правами приверженцев данного вероисповедания, охарактеризованы основные фигуры (кардиналы Н. Уайзмен, Г. Мэннинг), отмечены важнейшие события (восстановление иерархии в Англии, 1850), приведены статистические данные. Стремясь к объективности, Булгаков все же не смог скрыть своего общего нерасположения к римскому католицизму, иногда прорывающегося в тексте статьи (Булгаков, 1893а: 279). Он полемизирует с российским «Церковным вестником», писавшим о продолжающемся поступательном развитии католицизма в Англии, утверждая: «Римская церковь перестала увлекать людей» (Булгаков, 1893а: 279).

Местами Булгаков допускает фактические ошибки, например ошибочно полагая, что термин «англокатолицизм» явился изобретением «ревностных англикан», опасавшихся тяготения «ритуалистов» (Булгаков, 1893а: 261) (под ними Булгаков по-прежнему понимал как трактарианцев, так и продолжателей их линии в богослужбной сфере) к римскому католицизму, тогда как на самом деле данное понятие родилось как раз в трактарианских кругах (Morris, 2016: 37-40).

Значительное место Булгаков уделит взаимоотношениям римского католицизма и трактарианства, а лидер Оксфордского движения Дж. Г. Ньюмен был охарактеризован им как «друг забытой в Англии церковности» (Булгаков, 1893а: 264). Трактарианство продолжало привлекать к себе пристальное внимание Булгакова. Ответ на вопрос о причинах этого интереса отчасти можно найти в его статье, опубликованной в том же номере ТКДА. Темой этой статьи является современное состояние старокатоличества – течения, возникшего в результате неприятия небольшой частью римских католиков догмата о папской непогрешимости, утвержденного на I Ватиканском соборе (1870). Анализируя старокатоличество, Булгаков отмечал, что оно, как и «ритуализм», представляет собой движение «к центру древневселенской истины». Оба течения проявляют желание «восстановить общение с восточными христианами», и поэтому «из всех религиозных явлений западного христианства ритуализм и старокатоличество были и будут самыми отрадными явлениями для православного религиозного чувства» (Булгаков, 1893b: 282).

Интерес к старокатоличеству появился у Булгакова практически одновременно с интересом к трактарианству, сохранится он и в дальнейшем. Характерно, что степень доктора богословия в 1906 г. была присуждена КДА Булгакову за труды о старокатолическом богослужении и англиканской иерархии. В 1893 г., получив возможность выступить с речью во время традиционного торжественного акта, посвященного открытию КДА в 1819 г., Булгаков посвятил ее анализу попыток англиканских богословов актуализировать наследие Древней Церкви, рассматривая ее в качестве образца. В самом начале речи (она впоследствии была опубликована в виде статьи) Булгаков пояснил слушателям, что выбор темы был обусловлен не просто академическими соображениями: в этом движении «непрерывно, хотя и медленно, исполняется ежедневное прошение Церкви Христовой о соединении всех христиан во едино стадо под управлением единого истинного Пастыря» (Булгаков, 1893с: 366).

Хотя пристальное внимание к трактарианству было вызвано прежде всего оценкой данного течения как потенциально способного к достижению союза с православием, Булгаков, как добросовестный исследователь, глубоко погрузился в предмет своего изучения. Впрочем, в настоящей речи это еще не столь очевидно, поскольку здесь Булгаков ставил цель продемонстрировать наличие в англиканстве стремления прикоснуться к той истине, которой православие *уже*, по его мнению, обладает в полной мере. Отсюда такие фразы, как «несостоятельность англиканства перед судом св. Писания и св. Предания» (Булгаков, 1893с: 382); «любовь к истине еще недостаточно глубоко овладела ими (англиканами – Авт.), чтобы одержать верх над чувством национального самомнения» (Булгаков, 1893с: 394).

Тем не менее характер речи никак нельзя назвать острополюемическим. Булгаков отмечал: большая часть англикан «идет путем правильным и прямо к цели», то есть к соединению с православием, «хотя и очень медленно» (Булгаков, 1893с: 404). Здесь автор, как и многие его английские и российские современники, оказался в плену у надежд на переход англиканско-православного диалога, достигшего пика именно в 1890-е гг., из теоретической плоскости в практическую (Очканов, 2020: 457). Но нельзя не отметить и другое: пользуясь весьма ограниченным кругом источников и литературы, Булгаков дал содержательный очерк развития трактарианства, обращая внимание не только на деятельность Дж. Г. Ньюмена, Дж. Кибла и Э. Б. Пьюзи, традиционно рассматриваемых в качестве зачинателей Оксфордского движения, но и подчеркивая значение таких фигур, как Р. Фруд и А. Персеваль. Эта работа является первым сочинением Булгакова, в котором он отказывается от отождествления понятий «трактарианство» и «ритуализм» (Булгаков, 1893с: 391-392). Впрочем, теперь оба они кажутся неудовлетворительными, и Булгаков предлагает термин «англокатолицизм» для характеристики всего начавшегося в 1833 г. высокоцерковного движения, смысл которого он видит в стремлении «воссоединить англиканство с Православною церковью» (Булгаков, 1893с: 392).

В 1897 г. увидело свет, на наш взгляд, самое интересное и значимое сочинение Булгакова из числа посвященных викторианскому англиканству. Оно было опубликовано сначала на страницах ТКДА, а затем и в виде отдельной брошюры под названием «Новые религиозные преобразования в Англии в настоящем веке». Название не вполне соответствует содержанию: вне поля зрения Булгакова остались важные структурные реформы Церкви Англии 1830–1840-х гг., направленные на выравнивание доходов духовенства и сокращение абсентеизма. О диссентерах автор вообще не упоминает, о римо-католиках пишет вскользь. Либеральная, широкоцерковная «партия» в Церкви Англии, как и евангелическая, низкоцерковная, кратко характеризуются Булгаковым, но заслуживают авторского внимания почти исключительно как оппоненты высокоцерковной «партии». Именно процессы ее развития интересуют Булгакова в наибольшей степени. В очерке присутствуют фразы и даже целые абзацы из речи о стремлении англикан к восстановлению

древневселенской церковности, но есть и заметные отличия. Для «Новых религиозных преобразований» характерна тенденция к рассмотрению явлений английской (точнее – англиканской) религиозной жизни как значимых самих по себе, вне жесткой привязки к православию. Интересно, что в этом сочинении Булгаков избегает негативных оценок англиканства и не повторяет ранее делавшихся утверждений о про-православной направленности Оксфордского движения, пользуясь более осторожной формулировкой о стремлении его участников к «восстановлению церковности» (Булгаков, 1897: 19). Какая-либо полемическая направленность, столь характерная для многих сочинений русских православных авторов о трактарианстве, практически полностью отсутствует.

В целом же очерк Булгакова видится последовательным, достаточно детальным и объективным изложением событий, имевших место в жизни высокоцерковной «партии» с момента начала Оксфордского движения в 1833 г. и до конца 1890-х гг. Примечательно, что исследователю удалось это сделать фактически вопреки источниковой базе, оставшейся по-прежнему, как это было при подготовке более ранних статей по английской проблематике, весьма скудной. Ссылки на сочинения участников Оксфордского движения встречаются редко, но с некоторыми «Трактатами для нынешнего времени», он, несомненно, был знаком. В то же время Булгаков признавался, что самого известного текста серии – Трактата № 90 – у него «не было под руками» (Булгаков, 1897: 42). Для характеристики общественно-политической обстановки в Англии Булгаков чаще всего обращается к «Всеобщей истории» известного немецкого исследователя Георга Вебера (1808–1888), выдержанной в достаточно либеральном и одновременно позитивистском ключе. Еще одним изданием, постоянно цитируемым на страницах очерка, была «Газета объединенной евангелическо-лютеранской церкви», а также 22-томная «Библиотека протестантской теологии и церкви» под редакцией Дж. Герцога (1858–1864).

Начав с характеристики английской Реформации, важнейшим результатом которой было формирование полностью зависимой от государства Церкви, Булгаков переходит к определению основных черт высокоцерковной и низкоцерковной «партий». Только последняя, по его мнению, является чисто протестантской, первая же в своем учении о Церкви «примыкает» к православной точке зрения (Булгаков, 1897: 11). Касаясь вопроса о причинах возникновения Оксфордского движения, Булгаков видит их главным образом в забвении древней церковности и событиях 1828–1832 гг., ныне именуемых в научной литературе «конституционной революцией», приведших к подрыву монопольного положения англиканства в религиозной жизни страны (Булгаков, 1897: 13-14).

Далее Булгаков переходит к достаточно подробной характеристике Оксфордского движения, упоминая практически все важнейшие события и трактаты. Мысль о том, что весьма значительную роль в становлении трактарианства сыграли Фруд и Персеваль, сформулированная Булгаковым еще в речи 1893 г., здесь получила дальнейшее развитие. Характерно, что две последние фигуры (особенно Фруд), действительно, были далеко не второстепенными, но их реальное место в развитии движения будет выявлено историками уже второй половины XX столетия. До этого времени Персеваль и Фруд находились в своеобразной историографической тени, и их имена не всегда упоминались не только в русскоязычных очерках и заметках об Оксфордском движении, но и в англоязычной литературе.

Не ограничиваясь повествованием о событиях, Булгаков делает попытку периодизации Оксфордского движения. По мнению православного богослова, с уходом в 1845 г. Ньюмена и некоторых его друзей в Римско-католическую церковь закончился лишь его первый период. В англоязычной историографии, по крайней мере до середины XX в., господствовал тезис, сформулированный автором считающейся классической монографии об Оксфордском движении Р. Черчем, согласно которому события 1845 г. представляли собой «катастрофу» и его конец (Church, 1891: 385, 406-408). Булгаков же пишет о том, что обращение Ньюмена в католицизм, безусловно, было серьезным потрясением для трактарианства, «но этот вред не так велик, как обыкновенно представляют» (Булгаков, 1897: 442).

Здесь исследователь в определенной степени предвосхитил доминирующую в современной историографии точку зрения, получившую наиболее последовательное выражение в работах Дж. Херринга, согласно которой уход Ньюмена был не «катастрофой», а лишь завершением начального этапа Оксфордского движения (Herring, 2002: 65-69; Herring, 2016: 23-28). Правда, если Херринг считает, что в дальнейшем ритуалисты исказили смысл Оксфордского движения (Herring, 2016: 245-250), то Булгаков, как и большинство исследователей, считает их продолжателями дела трактарианцев.

Содержанием второго периода движения, охватывающего вторую половину XIX в., полагал Булгаков, является борьба «с неестественным отношением между церковью и государством» (Булгаков, 1897: 46). В стремлении к возрождению элементов дореформационной богослужебной практики Булгаков справедливо увидел не просто прихоть отдельных англиканских священников, но часть этой борьбы. Подробно рассмотрены процессы Дж. Горэма, Дж. Денисона, А. Маконочи (1850–1860-е гг.), которые хоть и не закончились победой высокоцерковников, но доказали их моральную правоту. Завершается же очерк оптимистичным утверждением: «мало-помалу высокоцерковная партия возьмет перевес, и в Англии будет восстановлено многое такое, что было отличительной принадлежностью

древней неразделенной церкви Христовой» (Булгаков, 1897: 89). Правда, преградой этому является союз между Церковью Англии и государством, поэтому «великих перемен» следует ожидать только после его неизбежного, по мнению исследователя, расторжения (Булгаков, 1897: 89). Трудно не увидеть в словах Булгакова о «несовременности» (Булгаков, 1897: 90) церковно-государственного союза в Англии завуалированной аналогии с современной ему российской ситуацией.

«Новым религиозным преобразованиям» суждено было стать фактически последней работой Булгакова, посвященной анализу проблем викторианской религиозности. Возможно, он счел тему «закрытой», да и сама эпоха вследствие кончины британской королевы Виктории в 1901 г. подошла к концу.

В оставшиеся десять лет жизни Булгаков, получивший в 1902 г. место экстраординарного, а в 1907 г. – ординарного профессора, продолжил с прежней интенсивностью публиковать тексты, обратившись, в частности, к рассмотрению современной религиозной ситуации во Франции и США. При этом английская проблематика отнюдь не исчезла из поля зрения ученого. Им было опубликовано две работы, в которых детально разбирается вопрос о законности англиканской церковной иерархии (Булгаков, 1898; Булгаков, 1906). Хотя эти сочинения следует считать скорее теологическими трактатами, нежели историческими исследованиями, их связь с предшествующими работами Булгакова по проблемам Оксфордского движения и ритуализма очевидна. Если ранее он преимущественно описывал, как развивается в Англии движение в направлении восстановления древневселенской церковности, то теперь вопрос рассматривался уже в более практическом ключе. Сохраняя, подобно многим российским и английским современникам, надежду на воссоединение Англиканской и Православной церквей, Булгаков одним из важнейших условий этого единения полагал «единство священноначалия, или иерархии» (Булгаков, 1906: IV).

Детальный анализ взглядов Булгакова по вопросу о действительности англиканской иерархии увел бы нас в сторону от темы настоящей статьи. Тем не менее необходимо отметить, что в работе 1898 г. он сделал ряд достаточно позитивных заключений относительно действительности англиканской иерархии, в частности, признал несомненной ее «непрерывно-преемственную связь» с римско-католической иерархией (Булгаков, 1898: 39). Вскоре сочинение Булгакова было переведено на английский язык и издано в Лондоне (Bulgakoff, 1899) горячим сторонником сближения православия и англиканства У. Биркбеком.

Перевод был снабжен предисловием, написанным профессором церковной истории в Кингс-колледже У. Коллинзом, подчеркивавшим: выводы Булгакова «основаны на исторических и канонических основаниях и исключительно благоприятны для нас» (Bulgakoff, 1899: 4). После этого, как отмечает сам Булгаков, он получил письмо от С. Хатерли, бывшего англикана, ставшего православным священником. Хатерли раскритиковал Булгакова за чрезмерно оптимистичный взгляд на каноничность англиканской иерархии. Булгаков не без сожаления констатирует, что автор письма «смотрит на англикан как на евреев или магометан» (Булгаков, 1906: 2). Хотя в дальнейшем киевский профессор всячески подчеркивает, что и Коллинз, и Хатерли его поняли не вполне правильно (Булгаков, 1906: 2-4), в работе 1906 г. представлены уже более сдержанные оценки степени каноничности англиканской иерархии и сделано такое заключение: появляющиеся новые факты и новые данные заставляют автора «не торопиться с произнесением окончательного вывода» (Булгаков, 1906: VII). Тем не менее опыт изучения трактарианства позволил Булгакову утверждать, что именно высокоцерковная «партия» следует учению об иерархии «в духе древней Церкви» (Булгаков, 1906: 94). Булгаков планировал продолжить изучение вопроса об англиканской иерархии, и не случайно его работа 1906 г. имела подзаголовок «Выпуск 1». Но тяжелая болезнь и последовавшая на следующий год смерть помешали осуществлению задуманного.

5. Заключение

В 1893 г., комментируя на страницах ТКДА одну из статей Булгакова, посвященную старокатолицизму, знаток этого религиозного направления, богослов и славянофил А.А. Киреев отметил, что она «написана очень объективно», добавив: «великая у нас редкость!» (Киреев, 1893: 147). Думается, что такая оценка вполне применима и к большинству трудов Булгакова об английской религиозности. В траурных речах на похоронах Булгакова его друзья и коллеги отмечали стремление ученого «к каждому явлению подойти в каком-то примирительном духе», обнаружить «положительное, а не отрицательное» (Речи..., 1907: 152), видеть в западных исповеданиях «элементы общей дорогой всем христианской истины» (Речи..., 1907: 155-56). Анализируя факторы, сдерживавшие развитие церковно-исторической науки синодального периода, И.В. Лобанова на первое место ставит «конфессиональные рамки, которых обязаны были держаться исследователи» (Лобанова, 2021: 152). Нельзя сказать, что Булгаков решительно выходил за их пределы. Его оценки римского католицизма, как уже отмечалось, были достаточно нелицеприятными, весьма жестко характеризовал он и возникшее в Англии в 1830-е гг. новое христианское течение – Католическую апостольскую Церковь (Булгаков, 1890b). Тем не менее конфессионализм Булгакова имел достаточно умеренный характер. Во всяком случае в отличие от многих православных авторов, писавших об

Оксфордском движении в назидательно-снисходительном духе, Булгаков совершенно избегал подобной тональности.

Характеризуя развитие церковной истории в России конца XIX в., профессор Б.М. Мелиоранский в статье для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона констатировал, что она «остается православной», но в то же время «деятели ее... стремятся усвоить общеисторический метод». В итоге, по его мнению, это привело к появлению «самостоятельных русских работ» не только по истории отечественной Церкви, но и «по истории церкви вселенской, византийской и даже западной» (Мелиоранский, 1899: 807). Среди последних, как мы полагаем, сочинения Булгакова занимают достойное место. Конечно, при написании трудов о викторианской религиозности он использовал очень небольшое количество английских первоисточников, которые часто замещала современная литература на немецком языке. Тем не менее значение работ Булгакова не следует недооценивать.

Во-первых, они были важным источником информирования образованной российской публики о событиях религиозной жизни в Англии. Во-вторых, они внесли вклад в формирование традиции изучения викторианской религиозности в России, впоследствии почти утраченной в советский период, но активно возобновившейся на рубеже XX–XXI столетий. В-третьих, тексты, вышедшие из-под пера Булгакова, свидетельствуют об огромном интересе, существовавшем в российском обществе к Церкви Англии и особенно – к Оксфордскому движению, питавшему надеждами на активизацию межконфессионального диалога. В-четвертых, сочинения Булгакова демонстрируют высокий уровень развития церковно-исторической науки в России и постепенное стремление некоторых ее представителей отойти от жесткой конфессиональности и встать на путь более объективного рассмотрения и изучения событий религиозной жизни Запада.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX – нач. XX вв.».

Литература

- Булгаков, 1887 – Булгаков А.И. Очерки истории методизма. Период 1–2. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1887. Т. 1. 437 с.; Т. 2. 265 с.
- Булгаков, 1889 – Булгаков А.И. Общее собрание англиканских епископов в 1888 году в июле месяце // *ТКДА*. 1889. № 1. С. 132-145; № 2. С. 333-357.
- Булгаков, 1890а – Булгаков А.И. Страничка из истории ритуализма в Англии // *ТКДА*. 1890. № 6. С. 331-334.
- Булгаков, 1890б – Булгаков А.И. Кафолико-апостольские общины в России // *ТКДА*. 1890. № 6. С. 306-330.
- Булгаков, 1892 – Булгаков А.И. Георг Иосия Пальмер // *ТКДА*. 1892. № 7. С. 507-510.
- Булгаков, 1893а – Булгаков А.И. Католичество в Англии // *ТКДА*. 1893. № 2. С. 261-279.
- Булгаков, 1893б – Булгаков А.И. Старокатоличество // *ТКДА*. 1893. № 2. С. 280-289.
- Булгаков, 1893с – Булгаков А.И. Стремление англикан к восстановлению древневселенской церковности в Англии в последние шестьдесят лет // *ТКДА*. 1893. № 11. С. 366-404.
- Булгаков, 1897 – Булгаков А.И. Новые религиозные преобразования в Англии в настоящем веке. Киев, 1897. 90 с.
- Булгаков, 1898 – Булгаков А.И. К вопросу об англиканской иерархии. Киев: Типография императорского университета, 1898. 41 с.
- Булгаков, 1906 – Булгаков А.И. О законности и действительности англиканской иерархии с точки зрения Православной Церкви. Выпуск 1. Киев: Типография И.И. Горбунова, 1906. IX +185 с.
- Варламов, 2012 – Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: «Молодая гвардия», 2012. 840 с.
- Ермишин, 2003 – Ермишин О.Т. Булгаков Афанасий Иванович // *Православная энциклопедия*. М.: «Православная энциклопедия», 2003. Т. 6. С. 337-338.
- Киреев, 1893 – Киреев А.А. Письмо в редакцию // *ТКДА*. 1893. №5. С. 146-150.
- Лабынцев, Щавинская, 2011 – Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Литературные труды Афанасия Булгакова. М.: Департамент культуры г. Москвы, 2011. 64 с.
- Лабынцев, Щавинская, 2020 – Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Профессор Киевской духовной академии А.И. Булгаков (1859–1907) // *Традиции и современность*. 2020. № 25. С. 98-113.
- Лазебник, 1993 – Лазебник И.С. Отец Мастера // *Альманах библиофила*. 1993. Вып. 28. С. 108-113.
- Лобанова, 2021 – Лобанова И.В. Церковно-историческая наука России в синодальную эпоху // *Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии*. 2021. № 1(6). С. 147-154.
- Мелиоранский, 1899 – Мелиоранский Б.М. Россия. Церковная история / *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. СПб.: Типография акционерного общества «Издательское дело, бывший Брокгауз – Ефрон»*, 1899. Т. 28. С. 807-808.

Очканов, 2020 – Очканов С.А. Интенсификация взаимосвязей между Русской православной и Англиканской церквями во второй половине 1890-х годов // *Вопросы теологии*. 2020. Т. 2. № 3. С. 457-470.

Протоколы заседаний..., 1884 – Протоколы заседаний Совета Киевской академии 12 июня 1884 г. (Рецензии на кандидатские сочинения студентов) // *ТКДА*. 1884. № 11. С. 273-336. № 12. С. 337-384.

Речи..., 1907 – Речи у гроба почившего профессора Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова // *ТКДА*. 1907. № 5. С. 150-164.

Соловьева, 2000 – Соловьева Т.С. Оксфордское движение: борьба за церковное возрождение в Англии // *Альфа и омега*. 2000. № 3(25). С. 334-353.

Урюпин, 2013 – Урюпин И.С. Религиозно-философские взгляды и духовно-просветительская миссия А.И. Булгакова: материалы к биографии М. А. Булгакова // *Филологическая регионалистика*. 2013. № 2(10). С. 32-38.

Чикалова, 2013 – Чикалова И.Р. Англоведение в императорской России в именах и публикациях (1801–1917). СПб.: Алетейя, 2013. 392 с.

Чудакова, 1988 – Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. 672 с.

Чумакова, 2022 – Чумакова Т.В. Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX – начала XX в. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2022. Т. 38. Вып. 2. С. 264-274.

Шиповалова, 2018 – Шиповалова Л.В., Душина С.А. Эпистемологическое осмысление статуса научной публикации // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 165-176.

Bulgakoff, 1899 – Bulgakoff A. The Question of Anglican Orders. London: Society for promoting Christian knowledge, 1899. 46 p.

Church, 1891 – Church R.W. The Oxford Movement: Twelve years 1833–1845. London: Macmillan, 1891. 414 p.

Herring, 2002 – Herring G. What was the Oxford Movement? London: Continuum, 2002. 160 p.

Herring, 2016 – Herring G. The Oxford Movement in Practice: The Tractarian Parochial Worlds from the 1830s to the 1870s. Oxford: University Press, 2016. 368 p.

Morris, 2016 – Morris J. The High Church Revival in the Church of England: Arguments and Identities. Leiden: Brill, 2016. 288 p.

References

Bulgakoff, 1899 – Bulgakoff, A. (1899). The Question of Anglican Orders. London: Society for promoting Christian knowledge, 46 p.

Bulgakov, 1887 – Bulgakov, A.I. (1897). Ocherki istorii metodizma [Essays on the history of methodism. Period 1-2]. Kiev: tip. G.T. Korchak-Novitskogo, vol. 1, 437 p.; vol. 2, 265 p. [in Russian]

Bulgakov, 1889 – Bulgakov, A.I. (1889). Obshchee sobranie anglikanskikh episkopov v 1888 godu v iyule mesyatse [The General Assembly of Anglican Bishops in 1888 in the month of July]. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii (TKDA)*. 1: 132-145; № 2. Pp. 333-357. [in Russian]

Bulgakov, 1890a – Bulgakov, A.I. (1890). Stranichka iz istorii ritualizma v Anglii [A page from the history of ritualism in England]. *TKDA*. 6: 331 – 334. [in Russian]

Bulgakov, 1890b – Bulgakov, A.I. (1890). Kafoliko- apostol'skie obshchiny v Rossii [Catholic-Apostolic Communities in Russia]. *TKDA*. 6: 306-330. [in Russian]

Bulgakov, 1892 – Bulgakov, A.I. (1892). Georg Iosiya Pal'mer [George Joseph Palmer]. *TKDA*. 7: 507-510. [in Russian]

Bulgakov, 1893a – Bulgakov, A.I. (1893). Katolichestvo v Anglii [Roman Catholicism in England]. *TKDA*. 2: 261-279. [in Russian]

Bulgakov, 1893b – Bulgakov, A.I. (1893). Starokatolichestvo [Old Catholicism]. *TKDA*. 2: 280-289. [in Russian]

Bulgakov, 1893c – Bulgakov, A.I. (1893). Stremlenie anglikan k vosstanovleniyu drevnevselenskoj tserkovnosti v Anglii v poslednie shest'desyat let [The desire of the Anglicans to restore the ancient Universal Church in England during the last sixty years]. *TKDA*. 11: 366-404. [in Russian]

Bulgakov, 1897 – Bulgakov, A.I. (1897). Novye religioznye preobrazovaniya v Anglii v nastoyashchem veke [New religious transformations in England in the present century]. Kiev, 90 p. [in Russian]

Bulgakov, 1898 – Bulgakov, A.I. (1898). K voprosu ob anglikanskoj ierarkhii [On the question of the Anglican hierarchy]. Kiev: Tipografiya imperatorskogo universiteta, 41 p. [in Russian]

Bulgakov, 1906 – Bulgakov, A.I. (1906). O zakonnosti i deistvitel'nosti anglikanskoj ierarkhii s tochki zreniya Pravoslavnoi Tserkvi [On the legality and validity of the Anglican hierarchy from the point of view of the Orthodox Church]. Vyp. 1. Kiev: Tipografiya I.I. Gorbunova, IX +185 p. [in Russian]

Chikalova, 2013 – Chikalova, I.R. (2013). Anglovedenie v imperatorskoj Rossii v imenakh i publikatsiyakh (1801–1917). [English Studies in Imperial Russia in Names and Publications (1801–1917)]. SPb.: Aleteiya, 2013, 392 p. [in Russian]

- Chudakova, 1988 – Chudakova, M.O. (1988). Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova [Mikhail Bulgakov: a biography]. M.: Kniga, 672 p. [in Russian]
- Chumakova, 2022 – Chumakova, T.V. (2022). Infosfera dukhovnykh uchebnykh zavedeniya Rossijskoj imperii XIX – nachala XX v. [The infosphere of theological schools of the Russian Empire in the 19th – early 20th century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. 38(2): 264-274. [in Russian]
- Church, 1891 – Church, R.W. (1891). The Oxford Movement: Twelve years 1833–1845. London: Macmillan, 414 p.
- Ermishin, 2003 – Ermishin, O.T. (2003). Bulgakov Afanasii Ivanovich. [Bulgakov Afanasy Ivanovich]. Pravoslavnaya entsiklopediya. M.: «Pravoslavnaya entsiklopediya». Vol. 6. Pp. 337-338. [in Russian]
- Herring, 2002 – Herring, G. (2002). What was the Oxford Movement? London: Continuum, 160 p.
- Herring, 2016 – Herring, G. (2016). The Oxford Movement in Practice: The Tractarian Parochial Worlds from the 1830s to the 1870s. Oxford: University Press, 368 p.
- Kireev, 1893 – Kireev, A.A. (1893). [Pis'mo v redaktsiyu. [Letter to the editor]]. *TKDA*. 5: 146-150. [in Russian]
- Labyntsev, Shchavinskaya, 2011 – Labyntsev, Yu.A., Shchavinskaya, L.L. (2011). Literaturnye trudy Afanasiya Bulgakova [Literary works of Afanasy Bulgakov]. Moskva: Departament kul'tury g. Moskvy, 64 p. [in Russian]
- Labyntsev, Shchavinskaya, 2020 – Labyntsev, Yu.L., Shchavinskaya, L.L. (2020). Professor Kievskoi dukhovnoi akademii A.I. Bulgakov (1859–1907). [Professor of the Kiev Theological Academy A.I. Bulgakov (1859–1907)]. *Traditsii i sovremennost'*. 25: 98-113. [in Russian]
- Lazebnik, 1993 – Lazebnik, I.S. (1993). Otets Mastera. [The Master's Father]. *Al'manakh bibliofila*. 28: 108-113. [in Russian]
- Lobanova, 2021 – Lobanova, I.V. (2021). Tserkovno-istoricheskaya nauka Rossii v sinodal'nyu epokhu [Church-historical Science of Russia in the Synodal Era]. *Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademi*. 1(6): 147-154. [in Russian]
- Melioranskii, 1899 – Melioranskii, B.M. (1899). Rossiya. Tserkovnaya istoriya. [Russia. Church history]. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t.* SPb: Tipografiya ak-tсионernogo obshchestva «Izdatel'skoe delo, byvshii Brokgauz – Efron». Vol. 28. Pp. 807-808. [in Russian]
- Ochkanov, 2020 – Ochkanov, S.A. (2020). Intensifikatsiya vzaimosvyazei mezhdu Russkoi pravoslavnoi i Anglikanskoi tserkvami vo vtoroi polovine 1890-kh godov [Intensification of the interrelationships between the Russian Orthodox and Anglican Churches in the second half of the 1890s]. *Voprosy teologii*. 2(3): 457-470. [in Russian]
- Protokoly zasedanii..., 1884 – Protokoly zasedanii Soveta Kievskoi akademii 12 iyunya 1884 g. (Retsenzii na kandidatskie sochineniya studentov). [Minutes of the meetings of the Council of the Kiev Academy on June 12, 1884 (Reviews of students' candidate essays)]. *TKDA*. 11: 273-336; № 12. pp. 337-384. [in Russian]
- Rechi..., 1907 – Rechi u groba pochivshogo professora Kievskoi dukhovnoi akademii Afanasiya Ivanovicha Bulgakova. [Speeches at the coffin of the deceased professor of the Kiev Theological Academy Afanasy Ivanovich Bulgakov]. *TKDA*. 5: 150-164. [in Russian]
- Shipovalova, 2018 – Shipovalova L.V., Dushina S.A. Epistemologicheskoe osmyslenie statusa nauchnoj publikatsii [Epistemological consideration of the status of scientific publication]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. Vol. 34. Is. 2, pp. 165–176. [in Russian]
- Solov'eva, 2000 – Solov'eva, T.S. (2000). Oksfordskoe dvizhenie: bor'ba za tserkovnoe vozrozhdenie v Anglii [The Oxford Movement: The Struggle for Church Revival in England]. *Al'fa i omega*. 3(25): 334-353. [in Russian]
- Uryupin, 2013 – Uryupin, I.S. (2013). Religiozno-filosofskie vzglyady i dukhovno-prosvetitel'skaya missiya A. I. Bulgakova: materialy k biografii M. A. Bulgakova [Religious and philosophical views and spiritual and educational mission of A. I. Bulgakov: materials for the biography of M.A. Bulgakov]. *Filologicheskaya regionalistika*. 2 (10). pp. 32-38. [in Russian]
- Varlamov, 2012 – Varlamov, A.N. (2012). Mikhail Bulgakov. [Mikhail Bulgakov]. M.: Molodaya gvardiya, 840 p. [in Russian]

Профессор Киевской духовной академии А.И. Булгаков как исследователь религиозной жизни викторианской Англии

Михаил Станиславович Стецкевич^a, Татьяна Витаутасовна Чумакова^{a, *}, Елена Сергеевна Стецкевич^b

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: t.chumakova@spbu.ru (Т.В. Чумакова)

^b Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В течение долгого времени имя российского богослова и историка, профессора Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова (1859–1907), упоминалось преимущественно в связи с анализом творчества его сына – писателя М.А. Булгакова. Между тем научное наследие Булгакова-старшего весьма обширно. Только в самое последнее время стали появляться работы, посвященные анализу его трудов (О.Т. Ермишин, Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская). Однако сочинения Булгакова о современной ему английской религиозности пока не подвергались специальному осмыслению. В настоящей статье рассматриваются работы Булгакова, посвященные Церкви Англии викторианского периода. Интерес Булгакова к этой проблематике первоначально был вызван активизацией православно-англиканского диалога, породившей надежды на воссоединение церквей. Постепенно Булгаков отказался от жесткой привязки к православию и перешел к рассмотрению явлений английской религиозной жизни как значимых самих по себе. Особенно примечательной представляется его работа 1897 г. – «Новые религиозные преобразования в Англии в настоящем веке». В ней Булгаков, пользуясь ограниченным кругом источников и литературы, представил не только содержательный очерк развития наиболее значимого явления в англиканстве XIX века – Оксфордского движения (Трактарианства), но и предвосхитил некоторые суждения современной историографии. Сочинения Булгакова были важным источником информирования образованной российской публики о событиях религиозной жизни в Англии. Они свидетельствуют о стремлении некоторых представителей российской церковно-исторической науки отойти от жесткой конфессиональности и встать на путь более объективного изучения событий религиозной жизни Запада.

Ключевые слова: А.И. Булгаков, религиоведение, религиозная жизнь, Церковь Англии, Оксфордское движение, духовные учебные заведения Российской империи.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 268-275
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.268

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Conditions and Prerequisites for the Abolition of Serfdom in the Russian Empire

Anton V. Gurko ^{a, *}, Ruslan M. Zhironov ^b, Krystsina D. Savitskaya ^c

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Kabardino-Balkarian University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

^c Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Novopolotsk, Republic of Belarus

Abstract

This article is devoted to the study of the causes of the abolition of serfdom in the Russian Empire by Emperor Alexander II in 1861. The authors of the article consider the historical and geographical features and conditions of the development of the fatherland, which served as the basis for the formation of serfdom in the Russian Empire. The article also identifies the main positive and negative sides of serfdom. The authors of this study drew parallels between the vectors of the development directions of European countries in the first half of the XIX century and the Russian Empire during the reign of Emperor Nicholas I. Special attention is paid to the state of the states after the Patriotic War of 1812 and its impact on the domestic and foreign policy of both European countries and the Russian Empire. The study also examines the key features that characterize the image of ruler Nicholas I as a statesman and autocrat, as well as the central ideologies that were formulated and were relevant during his reign. In this article, an important role is also played by the Crimean War of 1853–1856, which, in the opinion of the authors, is of paramount importance for the awareness of the state authorities, in the person of Emperor Alexander II, of the need to change the vector of development of the Russian Empire in the middle of the XIX century. In addition, the authors investigated another set of indirect reasons for the abolition of serfdom, namely the change in cultural and moral values among the representatives of the nobility of the XIX century, as well as the Manifesto of Peter III “On the granting of liberty and freedom to all Russian nobility” as a normative source, which later became a key tool of a kind of cultural revolution in the circles of the upper class of the Russian empires.

Keywords: The Russian Empire, Nicholas I, serfdom, reforms of Alexander II, the Crimean War of 1853-1856, censorship in the Russian Empire, the Patriotic War of 1812.

1. Введение

Крепостное право в Российской империи развивалась на протяжении довольно длительного времени. Его появление является, в том числе, следствием менее благоприятных, по сравнению с западноевропейскими государствами условий, таких как географическое расположение, климат, геополитика, а также низкая плотность населения. Огромнейшая территория Российской империи, земли которой собирались на протяжении нескольких веков, напротив, требовала усиленной концентрации власти и укрепления государственного начала. Комплекс всех вышеперечисленных условий оказывал негативное влияние на развитие государства.

Рассматривая вопросы причин Крестьянской реформы, следует сказать несколько слов об устройстве крепостного права в Российской империи. В целом существовало две формы крепостничества: первая – частные помещичьи владения, где крестьяне были прикреплены к земле помещика и зависимы от его власти, и вторая – государственные крестьяне. Крестьян частных

* Corresponding author

E-mail addresses: gurkoantonwork@gmail.com (A.V. Gurko)

помещичьих владений можно, в свою очередь, также разделить на два типа: крестьяне, занимавшиеся сельским хозяйством, и крестьяне, в полномочия которых входило прислуживание помещику, выполнение его приказов и поручений (Зайончковский, 1968: 15). Государственные крестьяне «...были прикреплены к государственной земле, платили оброки государству, но личной крепостной зависимости не знали» (Карпачев, 2012: 119).

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы данного исследования составляют архивные материалы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), а также Российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация); периодической печати – журнал «Современник» (Современник..., 1856), сборники нормативных документов – Полное собрание законов Российской империи (Полное собрание..., 1830а; Полное собрание..., 1830б), сборники сочинений дореволюционных авторов (Михайловский, 1869), а также источники личного происхождения, в числе которых, в частности, можно назвать «Записку, представленную государю императору Николаю Павловичу министром народного просвещения графом Уваровым в 1843 г.» (Россия. Министерство..., 1864).

В качестве методов исследования авторы данной статьи избрали хронологический, а также методы синтеза и сравнительного анализа, путем которых были изложены в хронологическом порядке ключевые события XIX века, сыгравшие значительную роль в дальнейшем развитии как Российской империи, так и европейских государств. Был также проведен сравнительный анализ направлений развития и идеологий европейских государств и Российской империи до периода Великих реформ и, в частности, отмены крепостного права в 1861 году. На основании метода синтеза было исследовано и проанализировано влияние ряда ключевых факторов на принятие решения об отмене крепостного права в Российской империи в 1861 году.

3. Обсуждение

Как отмечают некоторые дореволюционные исследователи – современники Крестьянской реформы, вопрос о необходимости отмены крепостного права стоял остро задолго до его фактической отмены в 1861 году, однако данная идея не могла быть воплощена в жизнь на более раннем этапе по причине действовавших внутренних угроз для российского государства: «Эта назрелость явилась не скороспелю: она шла издавна; лучшие умы русской земли еще с конца прошлого века высказывались против крепостного права; сама императрица Екатерина II, уступая необходимости государственной охраны, защищая Россию, для будущности ея, от пугачевщины и т. п. явлений, хотя закрепляла вольных людей, но уже тогда отдавала на общественное обсуждение вопрос о преимуществе свободного труда пред крепостными...» (Цертелев, 1898: 3).

Советские исследователи в качестве основных предпосылок для отмены крепостного права называют накопившиеся революционные настроения, а также сокрушительное поражение в Крымской войне: «История второй половины XIX века открывается разгромом крепостнической России в Крымской войне. Вторая половина XIX века характеризуется ростом революционного движения и проведением буржуазных реформ, направленных к превращению крепостнической России в буржуазную монархию» (Фрайман, 1939: 13).

Современные авторы подчеркивают огромное значение отмены крепостного права: «Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г. на протяжении многих лет остается одной из ключевых тем отечественной историографии» (Кащенко, 2012: 4). В то же время исследователи XXI века часто характеризуют период подготовки к проведению реформы об отмене крепостного права как один из самых непростых для Российской империи: «Это было время тяжелых испытаний для России, когда обнаружилась полная несостоятельность внутренней и внешней политики правящих кругов империи» (Муравьева, 2012: 42).

4. Результаты

Отмена крепостного права справедливо считается одной из ключевых проблем русской истории. Манифест императора Александра II от 19 февраля 1861 г. «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта» (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 730 б. Л. 27-410б.) и высочайше утвержденное 19 февраля 1861 г. «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 730б. Л. 53) по праву считаются одними из самых значительных нормативных документов в истории страны. Как отмечают многие исследователи, Крестьянская реформа послужила началом великих преобразований Российской империи: «Позднее императором Александром II был предпринят целый комплекс реформ, направленных на социально-экономическое развитие государства» (Denisov et al., 2022: 1190).

Как у любого явления, у крепостного права можно найти свои положительные и отрицательные стороны. Благодаря крепостному праву государству удавалось собирать необходимые ресурсы, концентрировать государственную власть в целях удержания империи в целом. Одной из крупнейших

побед Российской империи во времена крепостничества можно назвать победу в Отечественной войне 1812 года над императором Французской империи Наполеоном I Бонапартом.

Однако политика государства, которая складывалась на протяжении длительного времени, основанная на экспроприации, превалировании государственных интересов над интересами общества, а также жестком государственном контроле, безусловно, оказала существенное влияние на ментальные характеристики населения Российской империи. Среди общих характеристик населения России середины XIX века можно назвать такие черты, как пассивность, отсутствие воли и предприимчивости, неспособность к самоуправлению и самоконтролю. В целом общество не стремилось к какой-либо независимости и к ведению предпринимательской деятельности, что оказывало негативное влияние на экономическое развитие государства.

Взаимоотношения государства и общества к середине XIX века можно охарактеризовать как патернализм, т.е. население готово было продолжать принимать подобную жесткую политику государства в обмен лишь на удовлетворение (пусть и частичное) своих базовых потребностей. То же самое можно сказать и об отношениях, которые складывались между помещиками и их крепостными крестьянами, воспринимавшими своего барина скорее как опекуна и лидера, а не как узурпатора. Под воздействием психологии раба и рабовладельца происходила деформация личности всего крестьянского населения.

Подобное пассивное состояние русского общества стало серьезной причиной для тревоги высшей императорской власти. Сложившаяся картина вызывала беспокойство по причине того, что крепостничество может стать огромной преградой для развития государства. Кроме этого, существовала угроза того, что затягивание принятия решения об отмене крепостного права в конечном счете может привести к самовластию, деспотизму или произволу.

Сравнивая процессы развития западноевропейских государств XIX века и Российской империи, можно обнаружить их ключевые отличия. Западноевропейские государства после распада Каролингской империи, которое произошло в IX веке, выбрали вектор развития, который характеризовался так называемой суверенизацией, а также политической, экономической и культурной интенсификацией, что способствовало в большей мере развитию правовых институтов и демократических принципов.

В дальнейшем европейские страны, в первой половине XIX века, после череды потрясений, например таких как Великая французская революция и война с Наполеоном, окончательно определили курс своего буржуазного развития, избрав вектор капитализма и либеральных свобод в экономических отношениях. Государства западной Европы стали активно наращивать свою мощь в экономической, политической, производственной и военной сферах. Это привело к довольно быстрому накоплению капиталов, ускоренному и эффективному развитию промышленности, урбанизации, индустриализации, масштабному расширению транспортной сети. Городская экономика европейских стран стала превалировать над сельской, что стало причиной снижения доли крестьянского населения. Само по себе европейское общество середины XIX века характеризовалось чертами предприимчивости, живости и энергичности. Как справедливо отмечают исследователи, «результатом промышленной революции стало создание адекватной основы капиталистического способа производства и превращение общества из аграрного в промышленное» (Степанова, 2010: 91).

Российская империя после победы в Отечественной войне 1812 года и подавления восстания декабристов 1825 года, напротив, находилась в состоянии стагнации. При императоре Николае I действовала идеология самодостаточности государства. Хотя, как отмечают исследователи, «после восстания декабристов Николаю I необходимо было оградить страну от повторения подобных событий. Для этого, по мнению автора, императору требовалось создать себе надежную опору в государстве и начать прогрессивные реформы» (Бабенко, 2020: 64).

Но в действительности вместо прогрессивных реформ возникла получившая в дальнейшем широкое распространение так называемая «теория официальной народности», разработанная С.С. Уваровым, которая была представлена им в докладе императору 19 ноября 1833 года при вступлении на должность министра народного просвещения. Согласно данной теории формула успешного развития Российской империи состояла из трех базовых начал, а именно: православие, самодержавие и народность (Россия. Министерство..., 1864: 3). Интересным является то, что данная идеология формировалась в том числе в качестве антитезиса к лозунгу Великой французской революции: «Свобода, равенство, братство» (Robespierre, 1791: 56).

Императору Николаю I были близки консервативные взгляды. Он не стремился перенять успешные европейские инициативы, полагая, что государство, одержавшее победу в войне с Наполеоном, занимает верхнюю ступень среди всех европейских стран и не нуждается в изменении вектора своего развития. Внутренняя политика Николая I основывалась скорее на усугублении закрепощения подданных Российской империи. В 1826 году императором был утвержден «Устав о цензуре» (Полное собрание..., 1830b). Основоположителем указа является министр народного просвещения адмирал А.С. Шишков. На основании данного документа в 1828 году было учреждено Главное управление цензуры (Верховный цензурный комитет), в полномочия которого входили вопросы о рассмотрении дел, о разрешении либо запрете рукописей и книг, а также о цензуре в

средствах массовой информации (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1). В свою очередь необходимости в урбанизации, расширении транспортной сети, а также в строительстве университетов в целях повышения уровня образованности населения император не видел, выбирая политику статичного и самодержавного порядка.

Однако отсутствие успехов в Крымской войне 1853 года, которая в итоге закономерно закончилась поражением для Российской империи, стало серьезным ударом для Николая I. Российская армия понесла колоссальные численные потери (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22257. Л. 2-29).

В качестве первопричин сокрушительного поражения следует назвать то, что на помощь Османской империи, земли которой считались ключевым регионом Средиземноморья, пришли такие страны, как Франция и Англия. Тем не менее, несмотря на то, что Российская империя в этой войне сражалась против коалиции из нескольких стран, успехи противника стали довольно неожиданными для Николая I, который не смог дожить до окончания этой войны, так как из-за сокрушительных боевых неудач его здоровье серьезно пошатнулось. «27 января Государь Император заболел гриппом, но продолжал по обыкновению неугомымо заниматься Государственными делами» (Блудов, 1856: 13).

В ходе боевых действий против Османской империи русские войска и флот терпели одно поражение за другим, они оказались неспособны к эффективному ведению боевых действий, хотя всего лишь несколько десятилетий назад русская армия наглядно доказала свою силу и мощь в войне 1812 года. Но за этот сравнительно небольшой отрезок времени Европа сделала огромный шаг вперед, в том числе и в военной сфере, модернизируя армию и флот современным на тот момент оружием и металлическими бронированными кораблями.

Периодическая печать середины XIX века уделяла немало внимания производственно-технологической отсталости Российской империи, в том числе недостаточному развитию железнодорожных путей сообщения. В частности, в журнале «Современник» была опубликована статья «Соображения касательно устройства железных дорог в России», которая содержит размышления относительно того, что именно производственно-техническая отсталость государства является первостепенной проблемой, которая послужила основой для поражения в Крымской войне (Современник, 1856: фев.).

Необходимо сказать, что поражение в данной войне было с значительной долей политического и военного унижения, так как на основании Парижского мирного договора 1856 года сторона противника, не экспроприируя территории Российской империи, лишила ее Черноморского флота (Сборник договоров..., 1952).

После смерти Николая I Российскую империю возглавил его сын – Александр II – император, которого будут именовать как «Великий реформатор» и «Царь-освободитель». Первостепенной причиной принятия решения о необходимости начала эпохи реформ являлось осознание того, что Российская империя не выдерживала социально-экономической конкуренции с западноевропейскими странами, которые всего лишь за несколько десятилетий ушли далеко вперед в своем экономическом, технологическом и социальном значении. Промышленный переворот и культурная революция в странах западной Европы также стали вызовом для Российской империи. Появилась необходимость в том, чтобы наверстать упущенные годы, а для этого нужна была полномасштабная модернизация страны.

В качестве еще одной немаловажной причины отмены крепостного права можно назвать появление новых культурно-нравственных ценностей. В целом первая половина XIX века характеризуется усилением влияния культуры в обществе, а также поднятием уровня просвещения и более широким распространением знаний. В качестве одной из исторических предпосылок данного явления можно назвать один из самых знаковых нормативных документов, принятых во времена императора Петра III, – Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» 1762 года (Полное собрание..., 1830а). Он интересен тем, что является первым документом, раскрепощавшим первое сословие. Благодаря данному Манифесту дворянство получило право стать собственниками своих имений и при этом получило свободу от обязанности несения военной службы перед государством.

В качестве целей данной инициативы можно назвать начало формирования первого слоя гражданского общества России. Дворян постепенно приучали к самоорганизации, а также мотивировали участвовать в общественной жизни: проводить дворянские собрания, выбирать губернских и уездных предводителей дворянства. В результате этой деятельности в дворянских кругах, кроме прочего, появились библиотеки с книгами иностранных философов, мыслителей, энциклопедистов, а также специалистов в области политической экономики. Дворяне стали уделять много времени своему досугу и образованию, изучая данные книги, а их речь обогатилась французским языком. Тем самым в дворянском обществе стали гораздо более значимы зарубежные культурно-нравственные ценности, которые в свою очередь противоречили устоям крепостничества в Российской империи. В связи с этим зародился такой термин, как «кающееся дворянство». Автором термина «кающийся дворянин» является отечественный публицист Н.К. Михайловский (Михайловский, 1869: 210). Данный термин символизирует чувство стыда дворянского сословия в отношении того, что на территории их отечества все еще функционировало крепостное право, в то

время как жители западноевропейских стран осуждали рабовладельческий строй, который, кроме всего прочего, противоречил ценностям христианского вероисповедания.

В данном контексте стоит заметить, что современниками крепостничества высказывались мнения относительно того, что крепостное право оказывает негативное влияние на общественный строй государства: «При существовании крепостного права наш общественный строй стоял, можно сказать, на пороховой бочке: достаточно было малейшей истории, чтобы произвести в нем взрыв: то помещики истязали наказаниями и обирали поборами своих крепостных крестьян, то крепостные крестьяне убегали в одиночку и массами от своих помещиков, бунтовали и избивали их. Как было не возникнуть при таком ходе дел вопросу: правомерно ли владение крестьянами, не противно ли оно благу государства?» (Романович-Славатинский, 1870: 369).

Исходя из вышеназванной цитаты, можно сформулировать и третью причину отмены крепостного права – небеспочвенные подозрения властей об угрозе возможного увеличения и предположительно достижения критической отметки числа недовольного крестьянского населения в случае сохранения крепостного права.

По мере развития истории крепостничества и экономики в целом к середине XIX века появилась доля крестьян, которая к этому времени освоила навыки распоряжения собственным денежным бюджетом и ведения хозяйственной деятельности. Эти крестьяне научились экономить и в тайне от помещиков сберегать собственные денежные средства в целях того, чтобы накопленные деньги не были ими экспроприированы. Для данной категории крестьянского населения крепостное право представляло огромный тормоз для их развития. Это были предприимчивые и инициативные люди, доля которых еще не была столь велика, но они были готовы агитировать и повести за собой менее активных и свободолюбивых крестьян. Император четко осознавал данную угрозу крестьянского бунта, которая стала пусть не главным, но все же весомым аргументом в пользу отмены крепостного права.

Справедливости ради стоит отметить, что впоследствии, когда проект реформы был уже подготовлен, то вопрос его публикации вызывал также немалое опасение у властей: «Царское правительство (и в первую очередь Александр II) имело полное основание опасаться, что обнаружение манифеста и «Положений» 19 февраля 1861 г. вызовет крестьянские волнения: было слишком очевидно, что содержание так долго ожидавшихся крестьянами законодательных актов ни в коей мере не соответствовало крестьянским представлениям о воле» (Мороховец, Дружинин, 1949: 3).

5. Заключение

В заключение данной статьи авторы хотели бы сделать вывод относительно того, что крепостное право в Российской империи стало следствием особых условий формирования империи, строительства российской государственности в заданных природно-климатических факторах с нехваткой должного количества необходимых ресурсов для обеспечения нужд населения. Все социальные слои Российской империи воспитывались в условиях режима самодержавия, неограниченной власти монарха и крепостного права.

Среди основных причин для принятия императором Александром II решения об отмене крепостного права можно назвать:

1. Необходимость модернизации государства по причине отсталости Российской империи от западноевропейских государств в экономическом, технологическом и социальном развитии.
2. Угрозу очередной усиленной волны крестьянских бунтов и восстаний.
3. Кроме этого, в качестве косвенной причины следует указать новые морально-этические и культурно-нравственные ценности, рожденные в умах представителей дворянства на основе веяний культуры стран западной Европы.

Однако, суммируя все вышесказанное, можно прийти к выводу относительно того, что именно поражение в Крымской войне стало ключевой предпосылкой для начала эпохи Великих реформ Александра II, и отмены крепостного права в частности. Исход данной войны стал сокрушительным ударом как для государственной власти, так и для всего населения Российской империи, которое по своим ментальным характеристикам готово было терпеть некую нехватку ресурсов и благосостояния, но при этом жить с уверенностью относительно силы и военной мощи государства, которое в решительный момент в состоянии защитить свой народ и отстоять свои политические интересы.

Таким образом, можно говорить о том, что вопрос об отмене крепостного права стал актуален задолго до правления императора Александра II, но именно к середине XIX века волевое решение данного вопроса стало в максимальной степени необходимым.

Литература

Бабенко, 2020 – Бабенко О.В. Кисин С.В. Император Николай I и его эпоха. Донкихот самодержавия. М.: Центрполиграф, 2020. 318 с.

Блудов, 1856 – Блудов Д.Н. Завещание и последние дни жизни императора Николая Первого. М.: Тип. А. Евреинова, 1856. 48 с.

- Зайончковский, 1968** – *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Просвещение, 1968. 368 с.
- Карпачев, 2012** – *Карпачев М.Д.* Дворянство Воронежской губернии об отмене крепостного права // *История и историческая память.* 2012. № 5. С. 118-142.
- Кащенко, 2012** – *Кащенко С.Г.* 150-летие отмены крепостного права в России: Сборник материалов круглого стола. Под ред.: д-ра ист. наук, проф. С.Г. Кащенко. СПб.: Президентская библиотека, 2012. 225, 1 с.
- Мороховец, Дружинин, 1949** – *Мороховец Е.А. Дружинин Н.М.* Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. Ч. 1–2, Донесения свитских генералов и флигель-адъютантов, губернских прокуроров и уездных стряпчих: [сборник] / Академия наук СССР, Ин-т истории. Сост. Е.А. Мороховец, отв. ред. Н.М. Дружинин. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 367, 1 с.
- Михайловский, 1869** – *Михайловский Н.К.* Сочинения Н.К. Михайловского. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1879–1885. Т. 4. Что такое прогресс?; Вперемежку. 1869. 400 с.
- Муравьева, 2012** – *Муравьева Л.А.* Отмена крепостного права в России: причины, механизм реализации, значение // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2012. № 2(6). С. 42-53.
- Полное собрание..., 1830a** – Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии. Т. 15: С 1758 по 28 июня 1762: [№№ 10788–11581]. 1830. 1052 с.
- Полное собрание..., 1830b** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830–1885. Т. 1: С 12 декабря 1825 по 1827. 1830. 1525 с.
- Романович-Славатинский, 1870** – *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права: свод материала и приуготовительные этюды для исторического исследования. [Сочинение]. А. Романович-Славатинского, профессора государственного права в Университете св. Владимира. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1870. [4], XXVI, 564 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Россия. Министерство..., 1864** – Россия. Министерство народного просвещения. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843: (Записка, представленная государю императору Николаю Павловичу министром народного просвещения графом Уваровым в 1843 г.) / Россия. М-во народ. просв. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1864. 161 с.
- Сборник договоров..., 1952** – Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. Под ред. Е.А. Адамова; сост. И.В. Козьменко. М.: Госполитиздат, 1952. 462, 1 с.
- Современник, 1856** – Современник. Литературно-политический журнал, издаваемый с 1847 г. И. Панаевым и Н. Некрасовым. СПб.: Тип. Главн. Штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям, 1856. Т. 55. № 2.
- Степанова, 2010** – *Степанова В.В.* Новые подходы к оценке социально-экономических изменений в Европе и Америке в первой половине XIX в. // *Вестник Нижневарттовского государственного университета.* 2010. № 4. С. 89-95.
- Фрайман, 1939** – *Фрайман А.Л.* Отмена крепостного права в России / А. Фрайман. Л.: Газетно-журнальное и книжное издательство Ленинградского Совета РК и КД, 1939. 100 с.
- Цертелев, 1898** – *Цертелев П.Н.* Конец сомнениям: [Об отмене крепостного права]. М.: Унив. тип., 1898. 13 с.
- Denisov et al., 2022** – *Denisov I.S., Allalyev R.M., Katsarskiy M.I., Smirnov M.G.* Comparative Characteristics of the State of the Judicial System of the Russian Empire before and after the Judicial Reform of 1864. Part 1 // *Bylye Gody.* 2022. 17(3): 1189-1196.
- Robespierre, 1791** – *Robespierre M.* Discours sur l'organisation des Gardes nationales. // A Besançon: Chez Simard, imprimeur de la Société des amis de la constitution 1791. 61 p.

References

- Babenko, 2020** – *Babenko, O.V.* (2020). Kisin S.V. Imperator Nikolaj I i ego epoha. donkihot samoderzhaviya [Kisin S.V. Emperor Nicholas I and his epoch. don quixote of autocracy]. М.: Centrpoligraf. 318 p. [in Russian]
- Bludov, 1856** – *Bludov, D.N.* (1856). Zaveshchanie i poslednie dni zhizni imperatora Nikolaya Pervogo. [The Testament and the last days of the life of Emperor Nicholas the First]. Moskva: Tip. A. Evreinova, 48 p. [in Russian]
- Denisov et al., 2022** – *Denisov, I.S., Allalyev, R.M., Katsarskiy, M.I., Smirnov, M.G.* (2022) Comparative Characteristics of the State of the Judicial System of the Russian Empire before and after the Judicial Reform of 1864. Part 1. *Bylye Gody.* 17(3): 1189-1196.

Frajman, 1939 – *Frajman, A.L.* (1939). Otmena krepostnogo prava v Rossii [Abolition of serfdom in Russia]. Leningrad: Gazetno-zhurnal'noe i knizhnoe izdatel'stvo Leningradskogo Soveta RK i KD. 100 p. [in Russian]

Karpachev, 2012 – *Karpachev, M.D.* (2012). Dvoryanstvo Voronezhskoj gubernii ob otmene krepostnogo prava [The nobility of the Voronezh province on the abolition of serfdom]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*. 5: 118-142. [in Russian]

Kashchenko, 2012 – *Kashchenko, S.G.* (2012). 150-letie otmeny krepostnogo prava v Rossii: sbornik materialov kruglogo stola [150th anniversary of the abolition of serfdom in Russia: collection of materials of the round table]. Pod red.: d. ist. n., prof. S. G. Kashchenko]. Sankt-Peterburg: Prezidentskaya biblioteka, 225, 1 p. [in Russian]

Mihajlovskij, 1869 – *Mihajlovskij, N.K.* (1869). Sochineniya N.K. Mihajlovskogo [Works by N.K. Mikhailovsky]. Sankt-Peterburg: tip. F.S. Sushchinskogo, 1879-1885. V.4. Chto takoe progress? Vperemezhku. 1869. 400 p. [in Russian]

Morohovec, Druzhinin, 1949 – *Morohovec, E.A. Druzhinin, N.M.* (1949). Krest'yanskoe dvizhenie v 1861 godu posle otmeny krepostnogo prava. Ch. 1-2, Doneseniya svitskih generalov i fligel' ad'yutantov, gubernskih prokurorov i uezdnyh stryapchih [Peasant movement in 1861 after the abolition of serfdom. Part 1-2, Reports of retinue generals and wing adjutants, provincial prosecutors and county solicitors]: [sbornik]. Akademiya nauk SSSR, In-t istorii; [sost. E. A. Morohovec, otv. red. N. M. Druzhinin]. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 367, 1 p. [in Russian]

Murav'eva, 2012 – *Murav'eva, L.A.* (2012). Otmena krepostnogo prava v Rossii: prichiny, mekhanizm realizacii, znachenie [Abolition of serfdom in Russia: reasons, mechanism of implementation, meaning]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2(6): 42-53. [in Russian]

Polnoe sobranie..., 1830a – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda: [Sobranie 1-e: po 12 dekabrya 1825 g.]. [The Complete Collection of laws of the Russian Empire, from 1649: [Collection 1st: to December 12, 1825]]. Sankt-Peterburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, V. 15: S 1758 po 28 iyunya 1762 [From 1758 to June 28, 1762] [№№ 10788 – 11581]. 1830. 1052 p. [in Russian]

Polnoe sobranie..., 1830b – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 2-e. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. ee imperat. velichestva kancelyarii, 1830–1885. V. 1: S 12 dekabrya 1825 po 1827. 1830. 1525 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [The Russian State Military Historical Archive].

Robespierre, 1791 – *Robespierre, M.* (1791). Discours sur l'organisation des Gardes nationales. [Speech on the organization of the National Guards]. A Besançon: Chez Simard, imprimeur de la Société des amis de la constitution. 61 p. [in French]

Romanovich-Slavatinskij, 1870 – *Romanovich-Slavatinskij, A.V.* (1870). Dvoryanstvo v Rossii ot nachala XVIII veka do otmeny krepostnogo prava: svod materiala i priugotovitel'nye etyudy dlya istoricheskogo issledovaniya [The nobility in Russia from the beginning of the XVIII century to the abolition of serfdom: a set of materials and preparatory studies for historical research]. [Sochinenie]. A. Romanovich-Slavatinskogo, professora gosudarstvennogo prava v Universitete sv. Vladimira. Sankt-Peterburg: tipografiya Ministerstva vnutrennih del. [4], XXVI, 564 p. [in Russian]

Rossiya. Ministerstvo..., 1864 – Rossiya. Ministerstvo narodnogo prosveshcheniya. Desyatiletie Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1833-1843: (Zapiska, predstavennaya gosudaryu imperatoru Nikolaju Pavlovichu ministrom narodnogo prosveshcheniya grafom Uvarovym v 1843 g...) [Russia. Ministry of Public Education. The Decade of the Ministry of Public Education. 1833-1843: (A note presented to the Sovereign Emperor Nikolai Pavlovich by the Minister of Public Education Count Uvarov in 1843 ...)]. Rossiya. M-vo narod. prosv. SPb. Tip. Imp. akad. nauk, 1864. 161 p. [in Russian]

Sbornik dogovorov..., 1952 – Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917 [Collection of treaties of Russia with other states. 1856-1917]. Pod red. E. A. Adamova; sost. I.V. Koz'menko]. [Moskva]: Gospolitizdat, 1952. 462, 1 p. [in Russian]

Sovremennik, 1856 – *Sovremennik*. Literaturno-politicheskij zhurnal, izdavaemyj s 1847 g. I. Panaevym i N. Nekrasovym. [A literary and political journal published since 1847 by I. Panaev and N. Nekrasov]. SPb.: Tip. Glavn. SHtaba Ego Imperatorskogo Velichestva po voenno-uchebnym zavedeniyam. 1856. T. 55. № 2.

Stepanova, 2010 – *Stepanova, V.V.* (2010). Novye podhody k ocenke social'no - ekonomicheskikh izmenenij v Evrope i Amerike v pervoj polovine XIX v. [New approaches to the assessment of socio - economic changes in Europe and America in the first half of the XIX century]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4: 89-95. [in Russian]

Tsertelev, 1898 – *Tsertelev, P.N.* (1898). Konets somneniyam: [Ob otmene krepostnogo prava] [The end of doubts: [On the abolition of serfdom]]. Moskva: Univ. tip., 13 p. [in Russian]

Zajonchkovskij, 1968 – *Zajonchkovskij, P.A.* (1968). Otmena krepostnogo prava v Rossii [Abolition of serfdom in Russia]. 3-e izd., dop. i pererab. Moskva: Prosveshchenie, 368 p. [in Russian]

Условия и предпосылки отмены крепостного права в Российской империи

Антон Владимирович Гурко ^{a, *}, Руслан Михайлович Жиров ^b, Кристина Дмитриевна Савицкая ^c

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Кабардино-Балкарский университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик, Российская Федерация

^c Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Республика Беларусь

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию темы причин отмены крепостного права в Российской империи императором Александром II в 1861 году. Авторы статьи рассматривают исторические и географические особенности и условия развития отечества, которые послужили основой для становления крепостничества в Российской империи. В работе также выявлены основные положительные и отрицательные стороны крепостного права. Авторы данного исследования провели параллели между векторами направлений развития европейских стран первой половины XIX века и Российской империи времен царствования императора Николая I. Особое внимание уделено состоянию государств после Отечественной войны 1812 г. и ее влиянию на внутреннюю и внешнюю политику как европейских стран, так и Российской империи. Также в исследовании рассмотрены ключевые черты, характеризующие образ правителя Николая I как государственника и самодержца, а также центральные идеологии, которые были сформулированы и были актуальны в период его правления. В данной статье важную роль занимает в том числе и Крымская война 1853–1856 годов, которая, на взгляд авторов, представляет первостепенное значение для осознания государственной властью в лице императора Александра II необходимости смены вектора развития Российской империи середины XIX века. Кроме этого, авторы исследовали еще один комплекс косвенных причин отмены крепостного права, а именно изменение культурно-нравственных ценностей среди представителей дворянства XIX века, а также Манифест Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» в качестве нормативного источника, ставшего впоследствии ключевым инструментом своего рода культурной революции в кругах высшего сословия Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, Николай I, крепостное право, реформы Александра II, Крымская война 1853–1856 годов, цензура в Российской империи, Отечественная война 1812 года.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gurkoantonwork@gmail.com (А.В. Гурко)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 276-283
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.276

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Characteristics and Main Stages of the Formation of the Bar in the Russian Empire in the Period from 1864 to 1917

Ivan S. Denisov ^{a, b, *}, Ruslan M. Allalyev ^{c, d}, Kairat K. Atabekov ^e, Ivan N. Kuksin ^f

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^d Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

^e Chui University named after Sultan Mambetkaliev, Bishkek, Kyrgyz Republic

^f Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the study of a number of issues related to the general characteristics of the functioning of the Institute of advocacy in the Russian Empire in the period from 1864 to 1917. In the course of this study, the authors studied the main regulations governing the activities of sworn attorneys. The main five stages of the formation of the bar were identified, with the identification of their periodization, starting from the stage of the formation of the institute of the bar and ending with its actual liquidation in connection with the fall of the empire. The authors of the article examined the general organization and forms of activity of the bar under the Judicial Statutes of 1864, namely judicial and activities under the Council of Sworn Attorneys. The key competencies of the Council of Sworn Attorneys were investigated, primarily as a disciplinary body for monitoring the activities of sworn attorneys. The evaluation of the activity of the Councils of Sworn Attorneys in the periodical press was also analyzed. The article examines the main requirements that were imposed on candidates for the position of sworn attorneys and the main characteristic features of the appearance of lawyers in pre-revolutionary Russia. In addition, the article also pays attention to the development of the institute of assistants to sworn attorneys, the authors also investigated the main projects of the Minister of Justice of the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries, Prosecutor General N.V. Muravyov, aimed at reorganizing the activities of sworn attorneys.

Keywords: the bar, the Russian Empire, sworn attorneys, the judicial system of the Russian Empire, the Judicial reform of 1864, the Judicial Statutes of 1864, the Council of Sworn Attorneys.

1. Введение

Эпоха Великих реформ Александра II внесла немалый вклад в развитие Российской империи в совершенно различных сферах жизни общества и государства в целом. Однако именно 1864 год является знаменательным годом для всего современного юридического сообщества России. Речь идет об одной из самых успешных реформ Александра II – Судебной реформе, когда был принят ряд документов под общим названием – Судебные уставы, который включал в себя такие нормативные акты, как «Устав гражданского судопроизводства», «Устав уголовного судопроизводства», «Учреждение судебных мест», а также «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» ([РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 770, 1864](#)). Возникновение института адвокатуры стало одним из ключевых

* Corresponding author

E-mail addresses: is.denisov@mail.ru (I.S. Denisov)

элементов в решении задачи по установлению принципа состязательности судебного разбирательства путем предоставления профессиональной судебной защиты в гражданском и уголовном судопроизводстве.

Стоит отметить, что и в дореформенный период существовала возможность найма судебного защитника (стряпчего), однако деятельность стряпчих нельзя назвать организованной деятельностью профессиональных юристов, которые могли осуществлять успешную судебную защиту своих доверителей. «До судебной реформы адвокаты – или, лучше сказать, ходатаи по делам – были вполне безответственны, действуя в большей части случаев не гласно, даже не под своим собственным именем; жаловаться на них обманутый доверитель или обиженный противник не имел почти никакой возможности, если бы и существовало в лице или место для принятия подобных жалоб» (Арсеньев, 1875: 5).

Таким образом, можно говорить о том, что сформировавшийся институт адвокатуры берет свое начало именно с 1864 года, так как до этого момента в Российской империи в целом не существовало не только профессии адвоката, но и даже профессионального юриста.

2. Материалы и методы

В целях проведения данного исследования авторами были использованы такие категории источников, как материалы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и Государственного архива Иркутской области (Иркутск, Российская Федерация); источники личного происхождения – собрание сочинений из дневников и мемуаров А.Ф. Кони (Кони, 1967); также материалы периодической печати – журналы «Вестник права» (Вестник права, 1913) и «Московские ведомости» (Московские ведомости, 1865)

В качестве методов научного исследования были применены хронологический метод, методы контент-анализа и диахронического анализа. Хронологический метод позволил последовательно рассмотреть все ключевые события и изменения, которые заложили собой основу развития дореволюционной адвокатской деятельности. Метод контент-анализа дал возможность изучить различные источники информации в целях проведения анализа их влияния на развитие адвокатской профессии в дореволюционной России. Благодаря методу диахронического анализа были выделены пять ключевых этапов развития института адвокатуры в Российской империи.

3. Обсуждение

Среди дореволюционных исследований можно найти немало работ, посвященных рассмотрению вопросов, связанных с деятельностью адвокатуры Российской империи. В частности, один из видных юристов XIX столетия Е.В. Васьковский отмечает весомую роль Судебной реформы, которая включает в себя в том числе и формирование института адвокатуры, в становлении справедливого суда, основанного на принципах равенства и независимости. По его мнению, Судебные уставы создали стройную и прочную систему судебных инстанций, обеспечивающих быстроту и единство в отправлении правосудия: «Судебные уставы ... преобразовали судопроизводство, обратив его из тайного, следственного и письменного в гласное состязательное и устное, и создали официальный институт судебной защиты в лице присяжных поверенных» (Васьковский, 1893: 322).

Во времена Советского Союза ученые историки и правоведы не уделяли большого внимания вопросам развития института адвокатуры в дореволюционной России. Однако среди них, несомненно, стоит выделить профессора Б.В. Виленского, который отмечает, что правительство Российской империи вплоть до отмены крепостного права отрицательно относилось к идее учреждения в России адвокатуры по западноевропейскому образцу: «Учреждение адвокатуры было серьезной уступкой царизма общественному движению, приведшему к первой революционной ситуации» (Виленский, 1991: 112).

Что касается современных авторов, рассматривающих вопросы организации деятельности частных поверенных в Российской империи, интересным выглядит исследование Т.Л. Курас, по мнению которой, «в целом создание института присяжных поверенных стало большим шагом вперед, учитывало новые правила судопроизводства, соответствовало демократическим принципам судебных уставов» (Курас, 2018: 13).

4. Результаты

Одним из важнейших преобразований Судебной реформы 1864 г. по праву считается возникновение института адвокатуры. Среди четырех нормативных актов, принятых в контексте реформы, основным документом, регулировавшим деятельность адвокатуры, следует назвать «Учреждение судебных мест» (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 770, 1864). Как отмечают исследователи, «согласно указанному документу, вводимый институт присяжных поверенных представлял собой независимую от государства профессиональную корпорацию, включенную в систему судопроизводства на основании права и обязанности ведения уголовных и гражданских дел во всех судебных инстанциях империи» (Панько, 2014: 245).

В целом формирование института адвокатуры Российской империи прошло сразу несколько циклов, начиная от его зарождения и заканчивая его фактической ликвидацией вместе с падением империи. В ходе данного исследования авторами было выделено пять ключевых этапов становления института адвокатуры в Российской империи.

К первому этапу стоит отнести 1864 год, когда в целях проведения Судебной реформы Александра II были утверждены Судебные уставы от 20-го ноября 1864 года (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 770, 1864). Данные документы стали основополагающими в процессе формирования института адвокатуры в Российской империи. Именно на основании Судебных уставов в государстве возникла профессия присяжных поверенных (адвокатов).

Тем не менее после Судебной реформы 1864 года и произошедшего процесса создания современного официального института адвокатуры, русскому обществу, привыкшему к старому порядку вещей, потребовалось довольно много времени, чтобы понять данную перемену, выраженную в учреждении адвокатуры и советов присяжных поверенных. В периодической печати также выражались мнения относительно того, что новой системе судоустройства будет сложно функционировать в среде, где общество привыкло действовать по старым порядкам, созданным еще во времена императрицы Екатерины II, которые характеризуются совершенно иными идеями и взглядами, в результате чего неизбежны трения и столкновения (Московские ведомости, 1865: 20 мар.).

Несмотря на то, что закон был принят в 1864 году, потребовалось время для появления первых присяжных поверенных. В данном контексте можно говорить о втором этапе становления адвокатуры. В качестве периодизации данного этапа можно назвать 1866 год. После принятия Судебных уставов от 20-го ноября 1864 года (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 770, 1864) профессия адвоката, которая на тот момент именовалась как «присяжный поверенный», набирала свою популярность и престиж. В качестве нормативно-правовой поддержки присяжных поверенных издавались специальные руководства для адвокатов, которые содержали статьи законов, непосредственно регулировавших адвокатскую деятельность (Присяжный поверенный..., 1871).

Безусловно, кандидатам, желающим получить такую должность, были предъявлены определенные, довольно высокие требования, а именно: возраст от 25 лет; отсутствие иностранного гражданства; отсутствие судимости или статуса подозреваемого; оконченное юридическое образование; стаж работы от 5 лет: либо в судебных ведомствах, либо в должности помощника присяжного поверенного. Кроме этого, кандидат на должность присяжного поверенного не мог быть банкротом, а также деклассированным, то есть изгнанным из своего сословия.

Среди всех вышеперечисленных требований особое внимание вызывает критерий юридического образования, так как именно он максимально сужал число потенциальных кандидатов на должность присяжного поверенного по причине отсутствия развития системы высших учебных заведений и юридических школ, а также реальной, фактической возможности получить юридическое образование у большинства населения Российской империи в середине XIX века.

Таким образом, можно, несомненно, говорить о том, что представители адвокатской профессии в Российской империи относились исключительно к числу интеллигенции и высшего света государства. Кроме этого, присяжные поверенные XIX века подчеркивали свой высокий статус, в том числе и представительным внешним видом. Присяжный поверенный во время исполнения своих служебных обязанностей всегда был одет во фрак, на левом лацкане которого был прикреплен серебряный знак присяжного поверенного, тем самым подчеркивая свою принадлежность к данной сфере профессиональной деятельности. Однако стоит отметить, что высокие требования к форме одежды присяжных поверенных предъявлялись в том числе и самой судебной системой. Судья мог перенести рассмотрение дела в случае, если присяжный поверенный явился на судебное заседание в ненадлежащем виде. Причем в данном контексте речь идет не только о строгих нарушениях, но и о незначительных, таких как, например, цвет фрака или жилета под ним, который мог быть только черным или белым. Никакие другие оттенки, как, например, серый или кремовый, не допускались.

В качестве еще одной характерной черты, которая существенно выделяла присяжных поверенных дореволюционной России, можно назвать высокий уровень их ораторского искусства. Речи таких известных адвокатов того времени, как, например, Ф.Н. Плевако, А.Ф. Кони и П.А. Александров, вплоть до наших дней остаются хрестоматийными, являясь учебными пособиями для современных будущих адвокатов России. Основываясь на дневниках и мемуарах известного адвоката дореволюционной эпохи Анатолия Федоровича Кони, можно прийти к выводу о том, что в адвокатской профессии он придавал огромное значение риторике и ораторскому искусству: «Лучшие из наших судебных ораторов поняли, что в стремлении к истине всегда самые глубокие мысли сливаются с простейшим словом. Слово – одно из величайших орудий человека. Оно способно увлечь за собою самого говорящего и ослеплять его и окружающих своим блеском. Поэтому нравственный долг судебного оратора – обращаться осторожно и умеренно с этим оружием и делать свое слово лишь слугою глубокого убеждения, не поддаваясь соблазну красивой формы или видимой логичности своих построений и не заботясь о способах увлечь кого-либо своею речью» (Кони, 1967: 11).

Организация адвокатуры по Судебным уставам 1864 года включала в себя две формы, а именно судебную форму и Совет присяжных поверенных. К первой форме относилась деятельность

присяжных поверенных непосредственно при судах, то есть непосредственно сама адвокатская деятельность в качестве стороны защиты.

Советы присяжных поверенных создавались для округов судебных палат в целях организации и надзора за деятельностью адвокатов. В полномочия советов входили различные вопросы в сфере зачисления/увольнения адвокатов и их помощников, решение спорных вопросов касемо размера вознаграждений адвокатов, а также выбор и назначение конкретного адвоката для ведения безвозмездных дел.

Совет присяжных поверенных выступал в том числе в качестве органа дисциплинарной ответственности. «Совет присяжных поверенных мог привлекать подведомственных ему присяжных поверенных к ответственности за нарушение ими обязанностей не только по заявлению доверителей, но и по жалобам других лиц и по собственному усмотрению» (Новикова, 2009: 97). Кроме этого, советы присяжных поверенных в качестве дисциплинарных судов рассматривали вопросы относительно соблюдения адвокатской этики. Стоит отметить, что деятельность советов присяжных поверенных нередко подвергалась критике в периодической печати. В частности, журнал «Вестник права» высказывал ряд замечаний в адрес тайного характера совещаний советов присяжных поверенных, требуя реорганизовать установленный порядок, внедряя принципы открытости и гласности: «... нужно сделать заседания Совета по общим вопросам гласными, доступными для всех членов сословия» (Вестник права, 1913: 22 дек.).

Тем не менее данный (второй) этап развития института адвокатуры Российской империи можно назвать наиболее прогрессивным. Этот период характеризуется не только появлением первых присяжных поверенных, но и объединением их в корпорации с целью организации юридических консультаций по гражданским и уголовным делам (Советы по делам..., 1870: 1).

Многих исследователей вопроса адвокатской деятельности в Российской империи волновал вопрос недостаточного объема нормативного регулирования деятельности помощников присяжных поверенных. С.Ю. Ломницкий отмечал: «Я говорю о сословии «помощников присяжных поверенных», о том сословии, которому изо всей системы нашего законодательства посвящено только единственное упоминание в 354 ст. учр. суд. установлений. Статье эта, заканчивая определение лиц, которые могут вступить в число присяжных поверенных, между прочим говорит, что присяжными поверенными могут быть и «занимавшиеся в течение пяти лет судебной практикой под руководством присяжных поверенных в качестве их помощников» (Ломницкий, 1890: 4).

В связи с тем, что должность помощника присяжного поверенного часто рассматривалась как первая ступень адвокатской карьеры, в Российской империи в первое десятилетие после Судебной реформы наблюдался стремительный рост количества лиц, поступивших на данную службу. К концу первого года существования сословия присяжных поверенных в Санкт-Петербурге (к 1 мая 1867 года) число помощников присяжных поверенных составляло 28 человек. Через год, то есть к 1 мая 1868 года, – 46. Еще через год – 73. В середине 1873 г. число помощников присяжных поверенных достигло 178. А 25 апреля 1876 г. их численность достигла 256 человек. Однако позднее наблюдалось незначительное, но все же снижение данных показателей по причине того, что помощники адвокатов, накопившие к тому времени необходимый опыт практической деятельности, были приняты на должности присяжных поверенных (Сборник сведений..., 1877: 6).

Следующей (третьей) ступенью в становлении института адвокатуры можно по праву назвать 1874 год, который характеризуется появлением альтернативы адвокатуре в лице частных поверенных, благодаря принятию Высочайше утвержденных Правил о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам от 25 мая 1874 года (РГИА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 133, 1874).

Предпосылкой к появлению новой формы организации адвокатуры в лице частных поверенных являлась существенная нехватка присяжных поверенных. Особенно острой данная проблема стояла в отдаленных от столицы регионах Российской империи (Ильина, 2016: 121). Аналогом частных поверенных являются современные частные адвокаты. Частные поверенные получали приглашения от подсудимых, для того чтобы выступить в суде в качестве их представителей-защитников.

В 1874 году было внесено немало и других изменений в порядок осуществления адвокатской деятельности. В частности, была временно прекращена работа по созданию советов присяжных поверенных в новых судебных округах, в результате чего деятельность, направленная в том числе и на зачисление кандидатов в число присяжных адвокатов, в тех округах, где советы присяжных поверенных еще не были сформированы, была передана окружным судам. В обязанности окружных судов также входило информирование судебных палат о зачислении новых присяжных поверенных на адвокатскую службу. В Государственном архиве Иркутской области сохранились сведения об одном из подобных частных случаев, когда Томский окружной суд передал информацию в Иркутскую судебную палату о принятии К.Ф. Гегеля на адвокатскую службу определением от 14 января 1898 года (ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 30. Л. 1, 1898).

Спустя двенадцать лет функционирования института адвокатуры вопрос о необходимости его реформирования стал выглядеть наиболее остро. Так, в 1876 году Министерством юстиции был внесен проект уничтожения независимости адвокатуры (Гессен, 1914: 334). Однако изначально данный проект был отклонен. Тем не менее в 1894 г. была учреждена Высочайшая комиссия для

пересмотра законоположений по судебной части ([Подготовительные материалы...](#), 1894). Была проделана колоссальная работа Комиссии под руководством Н.В. Муравьева, но и в этот раз изменения, предложенные Высочайшей комиссией не были воплощены в жизнь.

Четвертый этап формирования адвокатуры настал уже в XX веке, а именно в 1904 году, когда возродилась деятельность по созданию советов присяжных поверенных. Тем самым произошло существенное расширение карты городов, где появились советы, так как ранее они функционировали только в трех городах Российской империи – Москве, Санкт-Петербурге и Харькове. До этого периода вопрос о необходимости открытия советов присяжных поверенных в других субъектах государства выглядел достаточно остро. По данному вопросу неоднократно высказывался бывший министр юстиции генерал-прокурор Н.А. Манасеин, который, проанализировав статистику дисциплинарных дел в отношении присяжных поверенных в трех судебных округах, где были учреждены советы присяжных поверенных, по отношению к количеству дисциплинарных дел в тех округах, где советы отсутствовали, пришел к следующему выводу: «Это различие в процентном соотношении числа возбуждаемых дисциплинарных дел к числу присяжных поверенных едва ли может быть объяснено чем-либо иным, кроме высшего уровня требований, предъявляемых Советами к поведению присяжных поверенных, сравнительно с требованиями окружных судов» ([Приложение № 7...](#), 1897: 122).

Кроме расширения карты функционирования советов присяжных поверенных, данный период развития адвокатуры характеризуется также и тем, что в XX веке институт адвокатуры стал представлять серьезную угрозу для государственной власти по причине частых выступлений присяжных поверенных в качестве стороны защиты в политических судебных процессах. Один из самых ярких – дело Веры Засулич ([Процесс Веры Засулич, 1906](#)).

Заключительный же этап становления присяжной адвокатуры Российской империи характеризуется ее ликвидацией в 1917 году с приходом советской власти. Стоит отметить, что к закату Российской империи численный состав лиц, относящихся к сословию присяжных поверенных, существенно увеличился. В частности, число присяжных поверенных (без учета помощников присяжных поверенных) Московской судебной палаты, согласно сведениям от 1916 года, практически достигало полутора тысяч адвокатов ([Список присяжных...](#), 1917: 5-29).

5. Заключение

В целом можно выделить пять основных этапов становления института адвокатуры в Российской империи.

Первый этап – период нормативно-правового создания института адвокатуры, который характеризуется принятием Судебных уставов 1864 года, провозгласивших принцип состязательности как один из ключевых принципов справедливого уголовного и гражданского правосудия, а также необходимость участия в судопроизводстве адвокатов (присяжных поверенных) в качестве профессиональных юристов и защитников своих доверителей.

Тем не менее русскому обществу потребовалось некоторое время для принятия совершенно новой, реформированной судебной системы, а также появлению первых профессиональных адвокатов. В связи с этим можно говорить о втором этапе формирования адвокатуры, который датируется 1866 годом.

Третий этап, датируемый 1874 годом, характеризуется рядом изменений, внесенных в деятельность адвокатуры, ключевым из которых можно назвать появление частных поверенных.

Четвертый этап развития института присяжных поверенных берет свое начало в 1904 году, когда произошло масштабное расширение карты городов, где создавались советы присяжных поверенных, функционировавших в качестве контрольно-надзорных органов, в компетенцию которых входило рассмотрение дел о дисциплинарной ответственности присяжных поверенных.

Пятый этап ознаменован фактической ликвидацией дореволюционной адвокатуры по причине падения Российской империи.

Литература

[Арсеньев, 1875](#) – *Арсеньев К.К.* Заметки о русской адвокатуре: Обзор деятельности С.-Петерб. совета присяжных поверенных за 1866–74 г.: В 2-х ч. [Соч.]. К.К. Арсеньева. СПб.: Тип. В. Демакова, 1875. VI, [2], 206 с.; [2], 294 с.

[Васьковский, 1893](#) – *Васьковский Е.В.* Организация адвокатуры: Ч. 1: Очерк всеобщей истории адвокатуры. СПб., 1893. 396 с.

[Вестник права](#) – Вестник права: орган адвокатуры, нотариата, суда: еженедельный журнал, издаваемый в Москве. М., 1913–1917.

[Виленский, 1991](#) – *Виленский Б.В.* Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. М., 1991. 496 с.

[ГАИО](#) – Государственный архив Иркутской области.

[Гессен, 1914](#) – *Гессен И.В.* История русской адвокатуры. Адвокатура, общество и государство, 1864–1914 гг. Т. 1. М.: Изд. Советов Присяж. Повер., 1914. 627 с.

Ильина, 2016 – *Ильина Т.Н.* Частные поверенные как форма организации Российской адвокатуры второй половины XIX – начала XX века // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс.* 2016. № 15. С. 115-128.

Кони, 1967 – *Кони А.Ф.* Собрание сочинений в 8 томах. Том 4. Правовые воззрения А.Ф. Кони // Под общ. ред. В.Г. Базанова, Л.Н. Смирнова, К.И. Чуковского / Издательство «Юридическая литература». 1967. 544 с.

Курас, 2018 – *Курас Т.Л.* Адвокатура пореформенной России второй половины XIX – начала XX в.: вопросы организации и взаимодействия с судебными палатами // *Сибирский юридический вестник.* 2018. № 1(80). С. 13-22.

Ломницкий, 1890 – Ломницкий С.Ю. Забытое сословие: заметки о положении сословия помощников присяжных поверенных / [соч.] присяж. повер. С.Ю. Ломницкого. Одесса: Тип. Е.И. Фесенко, 1890. 71 с.

Московские ведомости, 1865 – *Московские ведомости.* 1865. № 80. 20 марта.

Новикова, 2009 – *Новикова Е.Н.* Дисциплинарная деятельность Советов присяжных поверенных в Российской империи // *Теория и практика общественного развития.* 2009. № 2. С. 96-100.

Панько, 2014 – *Панько Н.К.* Присяжные поверенные и адвокаты: история развития, сравнительный анализ их правового статуса и полномочий по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года и законодательству Российской Федерации // *Судебная власть и уголовный процесс.* 2014. № 3. С. 243-251.

Подготовительные материалы..., 1894 – Подготовительные материалы: Т. 1–12 / Выс. учрежд. Комис. для пересмотра законоположений по судеб. части о преобразовании адвокатуры. СПб.: Тип. Правительствующего сената. Т. 3. 1894. 308 с.

Приложение № 7..., 1897 – Приложение № 7 к Журналу Министерства юстиции (сентябрь 1897 г.). Обсуждение вопроса об изменении в устройстве адвокатуры. Высочайшее Учреждение при Министерстве юстиции. Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1897.

Присяжный поверенный..., 1871 – Присяжный поверенный: юридическое руководство для дворян, духовенства, почетных граждан, купцов, мещан, крестьян. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К, 1871. [2]. 610 с.

Процесс Веры Засулич, 1906 – Процесс Веры Засулич: (Суд и после суда): [Сборник]. СПб.: Современник, [1906]. 125, [2] с.; 18.

Сборник сведений..., 1877 – Сборник сведений, касающихся учреждений помощников присяжных поверенных С.-Петербургского судебного округа, составленный Советом присяжных поверенных сего Округа. СПб.: Тип. Адмиралтейского журнала, 1877. 36 с.

Советы по делам..., 1870 – Советы по делам судебным в здании С.-Петербургского окружного суда: (Юридическая консультация присяжных поверенных). [СПб.: Тип. А.И. Траншеля, ценз. 1870]. 16 с.

Список присяжных..., 1917 – Список присяжных поверенных Московского судебного округа и их помощников: к 15 ноября 1916 г. М., 1917. 353 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

References

Arsen'ev, 1875 – *Arsen'ev, K.K.* (1875). Zametki o russkoj advokature : Obzor deyatel'nosti S.-Peterb. soveta prisyazhnyh poverennyh za 1866–74 g. [Notes on the Russian Bar: An overview of the activities of St. Petersburg. the Council of Sworn Attorneys for 1866–74]. V 2-h ch. [Soch.] K.K. Arsen'eva. SPb.: Tip. V. Demakova. VI, [2], 206 p. ; [2], 294 p. [in Russian]

ГАИО – Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti [The State Archive of the Irkutsk region].

Gessen, 1914 – *Gessen, I.V.* (1914). Istoriya russkoj advokatury. Advokatura, obshchestvo i gosudarstvo, 1864–1914 gg. [The history of the Russian bar. Advocacy, society and the state, 1864–1914]. T. 1. M.: Izd. Sovetov Prisyazh. Pover. 627 p. [in Russian]

Il'ina, 2016 – *Il'ina, T.N.* (2016) CHastnye poverennye kak forma organizacii Rossijskoj advokatury vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [Private attorneys as a form of organization of the Russian Bar in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs.* 15: 115-128. [in Russian]

Koni, 1967 – *Koni, A.F.* (1967). Sobranie sochinenij v 8 tomah. Tom 4. Pravovye vozzreniya A.F. Koni [Collected works in 8 volumes. Volume 4. Legal views of A.F. Koni]. Pod obshch. Red. V.G. Bazanova, L.N. Smirnova, K.I. CHukovskogo. Izdatel'stvo «Yuridicheskaya literatura», 544 p. [in Russian]

Kuras, 2018 – *Kuras, T.L.* (2018). Advokatura poreformennoj Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: voprosy organizacii i vzaimodejstviya s sudebnymi palatami [The Advocacy of post-reform Russia of the second half of the XIX – early XX centuries: issues of organization and interaction with judicial chambers]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik.* 1(80): 13-22. [in Russian]

Lomnickij, 1890 – *Lomnickij, S.Yu.* (1890). Zabytoe soslovie: zametki o polozhenii sosloviya pomoshchnikov prisyazhnyh poverennyh [The Forgotten estate: notes on the position of the estate of assistant attorneys]. [Soch.] prisyazh. pover. S.Yu. Lomnickogo. Odessa : Tip. E. I. Fesenko, 71 p. [in Russian]

Moskovskie vedomosti, 1865 – *Moskovskie vedomosti*. 1865. № 80. March, 20. [in Russian]

Novikova, 2009 – *Novikova, E.N.* (2009). Disciplinarnaya deyatel'nost' Sovetov prisyazhnyh poverennyh v Rossijskoj imperii [Disciplinary activity of the Councils of Sworn Attorneys in the Russian Empire]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2: 96-100. [in Russian]

Pan'ko, 2014 – *Pan'ko, N.K.* (2014). Prisyazhnye poverennye i advokaty: istoriya razvitiya, sravnitel'nyj analiz ih pravovogo statusa i polnomochij po Ustavu ugolovnogo sudoproizvodstva 1864 goda i zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii [Sworn attorneys and lawyers: the history of development, comparative analysis of their legal status and powers under the Statute of Criminal Proceedings of 1864 and the legislation of the Russian Federation]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process*. 3: 243-251. [in Russian]

Podgotovitel'nye materialy..., 1894 – Podgotovitel'nye materialy: T. 1-12. Vys. uchrezhd. Komis. dlya peresmotra zakonopolozhenij po sudeb. chasti O preobrazovanii advokatury (1894) [Preparatory materials: Vol. 1-12. The Highest established Commission for the revision of judicial regulations. parts about the transformation of the bar]. S-Peterburg, Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata. T. 3., 1894. 308 p. [in Russian]

Prilozhenie № 7..., 1897 – Prilozhenie № 7 k Zhurnalu Ministerstva yusticii (sentyabr' 1897). Obsuzhdenie voprosa ob izmenenii v ustrojstve advokatury. Vysochajshee Uchrezhdenie pri Ministerstve yusticii. Komissiya dlya peresmotra zakonopolozhenij po sudebnoj chasti [Appendix No. 7 to the Journal of the Ministry of Justice (September 1897). Discussion of the issue of changes in the structure of the bar. The highest Institution under the Ministry of Justice. The Commission for the revision of legal provisions on the judicial part]. SPb.: Tip. Pravitel'stvuyushchego senata, 1897. [in Russian]

Prisyazhnyj poverennyj..., 1871 – Prisyazhnyj poverennyj: yuridicheskoe rukovodstvo dlya dvoryan, duhovenstva, pochetnyh grazhdan, kupcov, meshchan, krest'yan. (1871) [Sworn attorney: a legal guide for nobles, clergy, honorary citizens, merchants, burghers, peasants]. Moskva: tipografiya A.I. Mamontova i K. [2], 610 p. [in Russian]

Protsess Very Zasulich, 1906 – Protsess Very Zasulich: (Sud i posle suda) [Vera Zasulich Trial: (Trial and after trial)].: [Sbornik]. Sankt-Peterburg : Sovremennik. 1906. 125, [2] p; 18.

Sbornik svedenij..., 1877 – Sbornik svedenij, kasayushchihsya uchrezhdenij pomoshchnikov prisyazhnyh poverennyh S.-Peterburgskogo sudebnogo okruga, sostavlennyj Sovetom prisyazhnyh poverennyh sego Okruga [Collection of information concerning the institutions of assistant attorneys of the St. Petersburg Judicial District, compiled by the Council of Sworn Attorneys of this District]. S.-Peterburg: tipografiya Admiraltejskogo zhurnala, 1877. 36 p. [in Russian]

Sovety po delam..., 1870 – Sovety po delam sudebnym v zdanii S.-Peterburgskogo okruzhnogo suda: (Yuridicheskaya konsul'taciya prisyazhnyh poverennyh) [Advice on judicial matters in the building of the St. Petersburg District Court: (Legal advice of sworn attorneys)]. S.-Peterburg: Tip. A.I. Transhelya, cenz. 1870. 16 p. [in Russian]

Spisok prisyazhnyh, 1917 – Spisok prisyazhnyh poverennyh Moskovskogo sudebnogo okruga i ih pomoshchnikov: k 15 noyabrya 1916 g. [List of sworn attorneys of the Moscow Judicial District and their assistants: by November 15, 1916]. Moskva, 1917. 353 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Vas'kovskij, 1893 – *Vas'kovskij, E.V.* (1893). Organizatsiya advokatury: CH. 1: Ocherk vseobshchej istorii advokatury. Sankt-Peterburg, 396 p. [in Russian]

Vestnik prava – *Vestnik prava*: organ advokatury, notariata, suda: ezhenedel'nyj zhurnal, izdavaemyj v Moskve. Moskva, 1913–1917. [in Russian]

Vilenskij, 1991 – *Vilenskij, B.V.* (1991). Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. Tom 8. Sudebnaya reforma. [Russian legislation of the X–XX centuries. Volume 8. Judicial reform]. M., 496 p. [in Russian]

Характеристика и основные этапы становления адвокатуры в Российской империи в период с 1864 по 1917 гг.

Иван Сергеевич Денисов ^{a, b, *}, Руслан Мурадович Аллалыев ^{c, d}, Кайрат Кулбакович Атабеков ^e, Иван Николаевич Куксин ^f

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: is.denisov@mail.ru (И.С. Денисов)

^d Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

^e Чуйский университет им. С.А. Мамбеткалиева, Бишкек, Кыргызская Республика

^f Московский городской педагогический университет (МГПУ), Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию ряда вопросов, связанных с общей характеристикой функционирования института адвокатуры в Российской империи в период с 1864 по 1917 гг. В ходе данного исследования авторы изучили основные нормативные акты, регламентировавшие деятельность присяжных поверенных. Были выделены основные пять этапов становления адвокатуры с выявлением их периодизации, начиная от этапа становления института адвокатуры и заканчивая его фактической ликвидацией в связи с падением империи. Авторы статьи рассмотрели общую организацию и формы деятельности адвокатуры по Судебным уставам 1864 года, а именно судебную и деятельность при Совете присяжных поверенных. Были исследованы ключевые компетенции данного Совета в первую очередь как дисциплинарного органа по контролю за деятельностью присяжных поверенных. Также была проанализирована оценка деятельности советов присяжных поверенных в периодической печати. В работе были исследованы основные требования, которые предъявлялись к кандидатам на должность присяжных поверенных и основные характерные черты внешнего облика адвокатов дореволюционной России. Кроме этого, в статье также уделяется внимание и вопросам развития института помощников присяжных поверенных. Авторами были также исследованы основные проекты министра юстиции Российской империи конца XIX – начала XX веков генерал-прокурора Н.В. Муравьева, направленные на реорганизацию деятельности присяжных поверенных.

Ключевые слова: адвокатура, Российская империя, присяжные поверенные, судебная система Российской империи, Судебная реформа 1864 года, Судебные уставы 1864 года, Совет присяжных поверенных.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 284-294
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.284

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Relationship of the Sexes in Traditional Kazakh Society and their Reflection in Family Rituals at the end of the XIX century

Aksunkar T. Abdulina ^{a, *}, Malika T. Moryakova ^a, Dana T. Nogaibayeva ^b,
 Perizat N. Nuskabai ^c

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^c Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article raises the problem of gender relations in the traditional Kazakh society in the second half of the XIX century. The issues of family and marriage forms among Kazakhs, intra-family relations and etiquette, family rituals and traditions have always been in the focus of attention of Kazakh ethnographers, and also received comprehensive coverage in the narrative of pre-revolutionary authors – scientists, travelers, representatives of the tsarist administration and others. Meanwhile, due to the limited sources, the problem of the relationship between men and women in premarital and marital relations, the reflection of the erotic principle in the rituals of the family cycle, sex education, sexual and gender identification, the phenomenon of transvestism, the influence of the social status of a married woman on her personal relationship with her husband and his family circle, the canons of morality for men has become a poorly developed field of research and women, adultery and punishment. As we can see, the sphere of family and marriage relations of the traditional Kazakh society has many little-explored aspects, to shed light on which through the prism of a new approach of social inclusion, which provides for the integration of society through the formation of a culture of tolerance to all members of society, their social and gender equality. Having revealed the reasons for the social exclusion of women, their vulnerability in traditional society, the deprivation of their right to freedom of expression of intimate feelings, in this article we will show that these institutions are of a historical social nature, they should not be preserved and transferred to modern reality, hiding behind the need to revive traditional culture.

Keywords: gender relations, marriage, premarital and marital relations, nomadic society, custom, sex, family and marriage relations, traditional rituals, erotica.

1. Введение

В современном мире развиваются одновременно две противоположные тенденции: с одной стороны, нарастает процесс глобализации, нивелирующей этнокультурные различия людей, и, с другой – все более проявляет себя процесс возрождения этничности как в области идентичности, так и в ритуальной обрядности. В государствах постсоветского пространства с начала 1990-х годов повсеместно стали возрождаться национальные языки, вырос уровень религиозности населения, и в быт стали входить этнические и религиозные традиции и обряды. Фокус исследовательских интересов этнологов Казахстана был сосредоточен преимущественно на изучении народной культуры и обрядности репрезентативного плана (возрожденный праздник Наурыз, родильные и свадебные обряды и пр.). Однако в связи с влиянием советской установки на воспитание морально чистого

* Corresponding author

E-mail addresses: abd_aksunkar@mail.ru (A. Abdulina)

советского человека и все более нарастающих религиозных запретов ислама и православия в отношении сексуальной свободы людей, зачастую за скобками многих исследователей оставались вопросы эротических отношений полов и их проявлений в обрядности семейного цикла. Речь идет о любовных играх молодежи, возрастных границах сексуальной жизни, добрачных свиданиях, первой брачной ночи, половых отношениях супругов, супружеских изменах и наказаниях за них, семейном этикете между супругами, невесткой и родителями, другими родственниками мужа – то есть обо всем том, чего касались многочисленные запреты и пр.

Между тем сексуальная революция 1960-х годов, снявшая последние скрепы запретов с западного человека, не привела к моральному падению общества и отмиранию института семьи, а сейчас молодые поколения, наоборот, демонстрируют приверженность традиционной форме нуклеарной семьи, главная функция которой заключается в социализации детей. Большую роль играют факторы роста уровня образования людей, половое воспитание в школах и семьях, доступ к информации, что во многом способствует снижению уровня ранних беременностей и половых инфекционных заболеваний, включая СПИД. Для продвижения полового воспитания, снятия табу с разговоров о взаимоотношениях полов в современном казахстанском обществе этнологам необходимо проводить новые исследования на основании письменных, устных источников, данных социологических исследований по теме брака и семьи, интимных отношений как в прошлом, так и в настоящем.

2. Материалы и методы

Основными материалами для написания статьи послужили труды казахстанских и зарубежных ученых-этнологов об институте брака и семьи в номадических обществах и у казахов, которые останавливались на отдельных аспектах этой темы, не получившей широкого освещения в этнологической науке Казахстана. В исследовании привлекались в качестве источников опубликованные труды дореволюционных авторов о жизни и быте казахов – Н.А. Аристова, Э.С. Вулфсона, Н.И. Гродекова, К. Ельницкого, А.И. Левшина, В. Наливкина и др., а также документы Центрального государственного архива РК (Алматы, Казахстан) в виде донесений чиновников колониальной администрации о религии и быте казахов различных уездов. Однако отметим, что многие русские путешественники, которые обзорно освещали в своих записях особенности занятий казахов традиционного общества, элементы их материальной (жилище, одежда, пища) и духовной культуры, ментальность и пр., внешний облик и психоэмоциональные характеристики, не могли дать объемного представления о тонкостях во взаимоотношениях полов. В силу закрытости традиционного общества конкретных описаний сексуальных отношений жителей тех времен дореволюционные авторы не оставили. Они довольствовались лишь внешними наблюдениями, интерпретируя то, что было доступно их взгляду, а в интимную сферу их никто не допускал. Исходя из этого, авторам пришлось извлекать по крупицам данные из исторических хроник того времени, дополняя их информацией из трудов отечественных и зарубежных этнологов.

При проведении исследования авторы традиционно опирались на общенаучные методы – анализ, синтез, индукцию и дедукцию, абстрагирование и конкретизацию, метод аналогии и пр. Специальные методы исторической науки – проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, системно-исторический и др. – также активно использовались в ходе исследования. При анализе архивных источников нашли применение методы источниковедческого анализа путем сравнения данных различных донесений, что является подтверждением бытования указанных чиновниками явлений.

3. Обсуждение

В западной культурологии теоретические основы рассмотрения обрядности были заложены трудами классиков Дж. Фрэзера, Бр. Малиновского, изучавших первобытные формы религии и магию. Большой вклад в разработку теории обрядности семейного цикла внес французский ученый А. ван Геннеп, который выделил наличие двух миров – мирского и сакрального, введя понятие «обряды перехода» (Геннеп, 1999).

В советской этнографии с марксистской точки зрения вопросы возникновения института брака и моногамной семьи были поданы в книге А.Б. Рановича «Из истории таинства брака». Он показал, что появление частной собственности потребовало формирование института брака в виде патриархальной моногамной семьи, где женщина находилась под полным контролем мужа-патриарха, дабы он не сомневался в передаче наследства своим кровным потомкам. Ранович подробно остановился на пережитках половой магии в культе и быте у христианских народов.

Маститый советский этнограф С.А. Токарев продолжал традицию исследования календарных обычаев и обрядов, формирование многих из которых было связано с древним культом плодородия. Он ввел понятие «эротические обычаи», т.е. обычаи, относящиеся к взаимоотношениям полов. С.А. Токарев при этом уточняет, что это условный термин, имеющий отношение к таким явлениям, как магия, игры с элементами флирта, фаллические игры, игровое соперничество, обрядовый трансвестизм, ритуальная имитация сватовства и свадьбы и пр. (Токарев, 1983: 98). Целый ряд современных российских этнологов занимался развитием исследований народной обрядности

календарного и семейного циклов – А.А. Потебня (Потебня, 2000), Н.Ф. Сумцов (Сумцов, 1998), Т. Еркова (Еркова, 1998) и др.

Видные представители казахской этнографической школы Х.А. Аргынбаев (Аргынбаев, 1996), Р.М. Мустафина (Мустафина, 1992), С.Е. Ажигали (Ажигали, 2001), А.Б. Кальш (Кальш, 2013) и др. в своих трудах дали всесторонний анализ исторических и этнологических аспектов института брака и семьи у казахов, обрядности семейного цикла. А.Т. Толеубаев (Толеубаев, 1991) и Ж.Т. Ерназаров (Ерназаров, 2003) осветили реликты доисламских верований и исламские вливания в семейные традиции и обряды. Значительно пролили свет на проблему взаимоотношений полов и поколений родственников исследования этнологов Г.А. Мейрмановой (Мейрманова, 2008), Ш.Ж. Тохтабаевой (Тохтабаева, 2013), культуролога А.С. Сейдембека (Сейдембек, 2001).

В целом в настоящее время в этнологической науке Казахстана нет отдельных исследований, посвященных проблеме взаимоотношений полов и эротических аспектов обрядности. Как мы видели, отдельные вопросы проблематики нашего исследования вкраплены в труды по традициям и обрядам казахов календарного, производственного и семейного циклов. В данном исследовании на основе изучения новых источников ставится цель выяснить добрачные и брачные взаимоотношения мужчин и женщин, элементы эротики в играх казахской молодежи, гендерные аспекты традиционного этикета казахов, а также социальный статус женщин в конце XIX в.

4. Результаты

Семья играет большую роль в жизни общества, она является его главной социальной микрочайкой. Через семью реализуется процесс воспроизводства населения в его этническом своеобразии, передача новым поколением национального самосознания, ценностных ориентиров. Одной из важнейших характеристик этноса являются семейно-бытовые (родильные, свадебные, похоронно-поминальные) обычаи и обряды, условно-символически знаменующие значительные события в жизни людей. Многие обряды ранее имели монополию в передаче от поколения к поколению традиций, жизненного опыта, а также имели немаловажное воспитательное значение. Однако в данной статье объектом исследования являются не семейные обычаи и обряды как таковые, а проявления в них эротических отношений. Исходя из поставленной цели, мы проследим взаимоотношения полов на основных этапах жизненного цикла: от детства до юношества с добрачными отношениями до взросления с брачными отношениями. Выделение этих этапов носит условный и схематический характер, поскольку у казахов существовала дробная периодизация жизни человека, но нам необходимо абстрагироваться от конкретностей, выделив существенные признаки в добрачных отношениях юношей и девушек и отношениях супругов. Следует также отметить, что для традиционного общества секс имел преимущественно функциональное значение, обеспечивая расширенное воспроизводство кочевой общины. Представление о сексе как в первую очередь об удовольствии сформировалось у большинства женщин только в XX в. с распространением средств контрацепции.

Согласно биологическим законам физиологического развития полового созревания в среднем девочки достигают примерно к 13 годам (теперь их именовали вместо кыз бала – кыз или бойжеткен (девушка на выданье), а мальчики к 14–15 (их называли вместо ұл/ер бала – жігіт). К 13 годам, а не к 12, когда завершался принятый у казахов первый 12-летний жизненный цикл – мушель (мүшел жас), в традиционном обществе дети переходили из детства (балалык) уже в другую возрастную категорию. Добавление еще одного года к 12 годам цикла, который в последующим всегда включал только 12 лет, т.е. мушели совпадали с 25, 37, 49, 61 и пр. годами, символизируя переходы от молодости (жастык) к зрелости (азамат), а далее к мудрости и старости, этнологи объясняют критичностью первого года жизни ребенка, когда он не мог быть причислен к «живым» в полном смысле этого слова (Толеубаев, 1991: 130).

В 13 лет мальчикам устраивали праздник – белдік той (пир пояса), когда подпоясывали его матерчатым красным кушаком, что было знаком инициации, т.е. перехода из детства в совершеннолетие, и оберега при выходе из первого в его жизни мушеля, критического для жизни года. То есть этот возраст рассматривался как возраст первой инициации: теперь юноша становился полноценным мужчиной и мог участвовать в военных походах и барымте, военизированных играх (кокпар, байга и др.), трудиться табунщиком, обучаться ремеслам и пр. (Тохтабаева, 2013: 300), а также голосовать на народных собраниях (курултаях), а девочки считались готовыми к замужеству. В прошлом в 13 лет для юношей устраивался торжественный обряд высаживания в полном военном снаряжении на лошадь, но впоследствии, когда в составе Российской империи военная опасность снизилась, этот обряд сократился и совместился с обрядом обрезания – сундетом. Девушкам на выданье (бойжеткен) меняли прическу – расплетали многочисленные косички и заплетали волосы в одну или две косы («шаш әру»), что символизировало скорое создание супружеской пары.

Теперь остановимся на аспекте полового воспитания в казахских семьях. С 5–6-летнего возраста проводилась пространственная сегрегация полов, когда родным братьям и сестрам стелили постель отдельно (Тохтабаева, 2013: 300). Если в младенчестве и раннем детстве различий в воспитании мальчиков и девочек было мало, то в 5–6 лет начиналось трудовое воспитание, которое имело

дифференциацию по полам. Девочек матери, старшие сестры, невестки и тети обучали приготовлению еды, уборке юрт, шитью и пр. женским промыслам, привлекали к присмотру за младшими братьями и сестрами, а мальчиков приучали к верховой езде, охоте и пр. мужским занятиям (Казахи..., 1995: 291). Если у родителей все дети были девочками, то старшая дочь (или другие) часто воспитывалась как мальчик и занималась мужской работой, при этом даже костюм у нее был мужской (Тохтабаева, 2013: 300). Как видим, в казахском обществе имели место проявления трансвестизма, о котором писал этнолог Токарев. Конечно, в отношении этих девочек нельзя трактовать явление переодевания в мужскую одежду неким психическим отклонением – это было связано с проявлениями родительского воспитания с установкой на выполнение мужского гендера, т.е. мужской социальной роли. Возможно, в отношении некоторых девочек это могло привести к формированию двойной гендерной идентичности. После замужества мужской гендер мог заместиться женским, но находить проявления в некоторых аспектах коммуникации и деятельности, а также в кризисных жизненных ситуациях. История казахско-джунгарских войн изобилует примерами казахских женщин-воительниц, которые наравне с мужчинами сражались на поле боя. «Необходимо отметить, – пишет М.Т. Таникеев, – что казахские женщины принимали активное участие в оборонительных действиях во время налетов на аул с целью грабежа. Они вооружались баканами (подпора юрты или обыкновенный шест). Этим оружием казахские женщины умело управлялись, так как им часто приходилось пользоваться баканами при сооружении юрт» (Таникеев, 1977: 31).

Нам видится, что казахские дети достаточно рано имели представление об интимных взаимоотношениях мужчин и женщин. По данным биологов, дети к 4–6-летнему возрасту уже имеют четкую половую идентификацию, а дети скотоводов могли наблюдать за сексуальным поведением домашних животных и появлением у них потомства. Кроме того, ночевка в едином пространстве с родителями – в одной юрте с ними – могла привести к случаям, когда дети могли слышать звуки интимной жизни супружеской пары или стать тайными свидетелями. Мы сейчас не можем дать точный ответ, какие эмоции дети при этом испытывали, поскольку реакция зависит от возраста ребенка, слышимых звуков и визуальной картинки, но однозначно можем утверждать, что дети традиционного казахского общества были ближе к природе и все естественное им не казалось чем-то недостойным.

В Казахской степи ислам не имел глубокого влияния на быт людей, женщины и девочки пользовались большей свободой, чем у соседних среднеазиатских народов. Девочки и мальчики могли проводить досуг в совместных играх, которые позволяли молодым знакомиться и дружить. В условиях жестких патриархальных норм нравственности, производственной и территориальной разобщенности населения, при большой занятости молодежи в хозяйстве (особенно молодых девушек) различные игры, в которых совместно принимали участие юноши и девушки, представляли одну из легальных возможностей установления дружеских и любовных контактов между представителями противоположных полов. Советский этнолог Г.Н. Симаков выдвинул предположение, что часть таких развлечений некогда входила в серию ритуальных свадебных игр. Позже они утратили свою ритуальную роль и в них стали играть вне свадьбы (Симаков, 1984: 125).

Известный этнограф А.А. Диваев описывает игру с девушками «Қыз ойны», которая бытовала у казахской молодежи в начале XX в. Игра устраивалась два раза в год во время мусульманских праздников. Во время игры празднично одетые девушки, вооруженные палками, в сопровождении женщин разбредались небольшими группками по степи. Затем в игру вступали джигиты из другого рода, которые также были одеты нарядно, при приближении к месту игры они спешивались с лошадей, стремительно подбегая к девушкам. Их целью было обнять пойманную девушку, дотронувшись до ее груди. Однако атакуемые решительно сопротивлялись, уворачивались и били «налетчиков» палками. Присутствующие старшие женщины при этом не вмешивались в процесс игры, оставаясь наблюдателями. Во время накала страстей могло дойти до нанесения смертельного увечья парню, но наказанию за это убийство девушка не подвергалась, так как вступал в силу закон «Қыздан өлгеннің құны жоқ» («За убитой девушкой выкупа не платят»). Возможно, эта игра была отголоском сакской эпохи, когда амазонки, такие как Томирис, становились во главе своих племен и становились царицами-воительницами.

Явный эротизм прослеживается в распространенной молодежной игре «Братъ кольцо» («Сакина алмақ»): джигит получал кольцо из уст девушки, предварительно исполнив на домбре мелодию или спев песню, а затем передавал кольцо следующей сидящей рядом девушке, а та вновь другому юноше и т.д. (Мелкова, 1921: 57). Распорядители игр строго следили за исполнением участниками правил игры, наказывая ослушавшихся камчой (плетью). Корни этой игры, по всей вероятности, восходят к древности и являются отражением группового брака. Большой любовью в степи пользовалась в молодежной среде игра «Ақ сүйек» («Белая кость»), при которой в лунную ночь молодые люди обоих полов устремлялись в поиски заброшенной далеко в степь кости барана, возвратившие ее первыми на кон считались победителями. Во время ночных поисков под звездным степным небом парень мог проявить интерес к девушке из другого рода, а она ответить благосклонностью на его ухаживания, что могло стать завязкой для последующего общения. Такого рода социальными брачными лифтами пользовались молодые люди из низких социальных низов,

тогда как дети чингизидов, а также состоятельных баев могли быть просватаны путем колыбельного сговора родителей, стремившихся обеспечить своим чадам партнера из одной социальной страты. Казахский народный фольклор и любовная песенная лирика сохранили примеры несчастной любви молодых людей (Козы Корпеш и Баян слу, Енлик и Кебек и др.), которые вынуждены были или подчиниться вековым родовым законам, отказавшись от возлюбленных, или становились жертвами смертельного наказания или суицида.

В бытовом общении половой этикет предписывал юношам и девушкам избегать близких контактов и разговоров, ограничиваясь формулами вежливости и обыкновенной учтивости. В XIX в. с усилением миссионерской деятельности татарских мулл и укреплением исламских канонов в отношении женщин, чтобы не вызвать осуждение старших девушки, разглядывали парней сквозь отверстие в войлоке, покрывавшем кереге (остов) юрты (Тохтабаева, 2013: 322-323). Только в условиях игры или молодежных посиделок, когда старшие родственники покидали аул для нанесения визитов, молодежь могла выйти за жесткие рамки традиционных предписаний и более свободно общаться.

Возможность близких контактов в трудовой и игровой деятельности между молодыми людьми противоположных полов в редких случаях могла закончиться интимной близостью, несмотря на запрет добрачного секса и высокую ценность девичьей девственности по законам шариата и адата. При нежелательной беременности вне брака девушки и женщины применяли методы выдавливания плода, стягивания живота, употребляли отвары из трав для выкидыша. Эти сведения достаточно часто встречаются в источниках. Так, в 1891 г. начальник Каркаралинского уезда Д.А. Варакин свидетельствовал: «В древнее время незаконнорожденными считались дети, прижитые женихом со своей невестой до совершения брака, дети, прижитые богатым человеком от наемной служанки (от невольницы)». В том и другом случае дети оставались на попечении своих отцов. Незаконнорожденными считаются также дети, прижитые служанкой с неизвестным человеком. Они оставались на прокормлении у хозяина того аула, в котором родилось незаконное дитя, и впоследствии становились пастухами и работниками у него. Наконец, незаконными считались все дети, прижитые просватанными и непросватанными девушками с неизвестными людьми, но таких детей почти никогда не оставалось в живых, потому что близкими родственниками виновной с женской стороны истреблялись в утробе матери или умертвлялись при самом рождении... Умерщвление детей в утробе большей частью производится посредством выдавливания, которое киргизские женщины производили с особенным искусством» (Мусульманские..., 2021: 341). Дети вдов также относились к незаконнорожденным (Мусульманские..., 2021: 300) и не имели наследственных и других гражданских прав. Все эти данные свидетельствуют о том, что в традиционном казахском обществе «рождение девицей ребенка считается посрамлением не только самой матери, но и всей семьи» (Мусульманские..., 2021: 303), поэтому умерщвление плода и убийство новорожденного как незаконнорожденного не считалось преступлением. Как мы видим, матерей-одиночек в традиционном обществе не существовало, девушка ни в коем случае не могла одна воспитывать незаконнорожденного ребенка.

Дальнейшая судьба беременной девушки зависела от воли родителей, ее старались побыстрее выдать замуж. Но в этом случае ее отдавали фактически без калыма за вдовца или очередной женой за пожилого человека (Тохтабаева, 2013: 318), который соглашался взять ее, чтобы она не ходила опозоренная. Калым за нее не могли потребовать, потому что она считалась испорченной. В современном казахском обществе по-прежнему уделяется повышенное внимание девственности девушек, тем самым пробуждая в них стыд и страх перед осуждением родителей и окружающих. В СМИ мы слышим о шокирующих случаях убийств новорожденных молодыми девушками преимущественно из сельской местности, над которыми довлеют отжившие стереотипы традиционного социума.

Перейдем к взаимоотношениям полов в период свадебной обрядности. В брак у казахов могли вступать молодые люди, достигшие 13–14 лет, юношей этого возраста называли бозбала, а девушек – бойжеткен, они пользовались особым вниманием со стороны близких и аульчан, которые понимали, что после замужества девушка покинет отчий дом навсегда. Бойдак называли холостяков или девушек, достигших брачного возраста, но незамужних. Отметим, что возраст вступления в брак у казахов зависел от социального положения брачующихся: бедные кочевники могли выдавать своих дочек, даже не достигших 10-летнего возраста, чтобы избавиться от лишнего рта и в случае хорошей партии, а зажиточные казахи могли отдавать замуж попозже, иногда откладывали до 20 лет. Иногда по меркам того времени достаточно поздно заводили семьи парни из бедных семей, которые не могли дать калым и устроить свадебный пир.

По традициям кочевого общества, согласно предписаниям обычного права (адата) и мусульманского права (шариата), спутников для своих детей выбирали родители, исходя из соблюдения принципа экзогамии¹, уровня материального достатка и сословной принадлежности.

¹ Т.е. в качестве спутников жизни выбирали представителей других родов, которые не являлись родственниками до 7 колена по мужской линии.

Дети в традиционном обществе полностью принадлежали своим родителям, и именно они определяли будущих супругов для своих детей.

После сватовства (құда түсер) было положено выплатить часть калыма, и только после этого жених совершал первый визит в аул своей нареченной. Эта встреча называлась ұрын бару (ұрын в переводе с древнетюркского «прижиматься»), и он имел право провести ночь со своей невестой. Но при этом молодые люди не должны были вступать в сексуальные отношения. В течение какого-то времени жених мог приезжать якобы тайно, хотя все об этом знали. Но, согласно традициям, все обставлялось так, как будто это тайные встречи. Он заходил не через дверь юрты, а сбоку – через откинутый полог. Если все-таки происходила интимная близость, то жениха наказывали. Женщины из аула могли поколотить незадачливого жениха, а он должен был отдать своего коня и заплатить штраф овцами (Мусульманские..., 2021: 340). Свадьба в таком случае ускорялась.

Первая брачная ночь происходила после ұзатар тоя, когда невесту привозили в аул жениха для свадебного тоя (үйлену той). Молодым из социально обеспеченных слоев ставили свадебную юрту, которая могла быть и в составе приданого невесты, а если положение не позволяло и об отдельной юрте не могло быть и речи, родители жениха освобождали для молодых свою юрту и уходили на несколько дней к родственникам.

Перед первой брачной ночью молодую невесту инструктировали мать и молодые снохи, от которых она могла получить некоторое представление об интимной стороне жизни мужчин и женщин. Старшие женщины давали посыл молодухе, чтобы она была нежна и податлива, поскольку главное предназначение женщины – дать здоровое потомство роду мужа. В детстве девочки воспитывались матерью в строгости, самыми лучшими чертами считались покорность, мягкость, умение сдерживать свои эмоции. В художественных произведениях казахских писателей типичным является следующее описание казахской женщины: «Зауреш была ласковой, доброй, но молчаливой... Я не помню, чтобы она на что-то жаловалась. Я всегда видел ее возле очага готовящей еду, стирающей белье или работающей в поле» (Алимжанов. Дорога людей: 353). Такой стиль воспитания, вероятно, отражался и на сексуальных отношениях: женщины стремились не проявлять своих чувств слишком эмоционально. В традиционном обществе приветствовалась сдержанность в интимных проявлениях, хотя в казахском народе имеется выражение «Жар кызығын көру», которое означает «познать наслаждение». Интимный этикет казахов предписывал ласкать жену только до пояса (Сейдембек, 2001: 308), что, вероятно, было связано с охранительной функцией, чтобы избежать инфицирования и не нанести ущерб репродукции женщины. Любая жена стремилась побыстрее забеременеть, так как самое большое уважение и почет ей доставались только в случае, если она была многодетной. Практически, выкормив одного ребенка, женщина сразу беременела следующим. В связи с отсутствием медицинского родовспоможения наблюдалась высокая младенческая и материнская смертность.

Согласно источникам, состоятельные казахи, платившие за невесту огромный калым, придавали большое значение девственности, поэтому после первой брачной ночи требовали предъявить доказательства непорочности невесты в виде следов на белой шелковой простыне, которую утром вывешивали женгелер (снохи). Мать вручала им подарок за добрую весть (сүйінші). При отсутствии доказательств девственности невесту могли с позором возвратить в отчий аул, посадив на коня задом наперед (Токтабай, 2004: 17). Дело могло разбираться в суде биев, присуждавших отдать взамен «непорочную другую дочь, если же нет таковой, то возвратить половину калыма» (Мусульманские..., 2021: 300). В калым (калын мал) в основном входил скот: бараны, лошади, коровы.

Замужнюю молодую девушку называли келіншек. Один из чиновников весьма метко описал в 1891 г. статус женщины Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области после замужества: «Жена для киргиза (здесь и далее казах – авт.) составляет подругу жизни. Положение ее зависит от того, как она поставит себя относительно мужа; если он умна, то является первым советчиком его и имеет авторитет среди всей родни. У иного киргиза жена правит всем, но обычаем предоставленной женщиной самостоятельности никакой нет. Замужняя женщина правит преимущественно домашним хозяйством, и это ее главное назначение. Чем больше жена имеет влияние над мужем, тем более ей свободы, т.е. самостоятельнее распоряжаться, а в оборотном смысле она никакого голоса не имеет и свободы действий не предоставлено, а является уже в роли рабы и работницы» (Мусульманские..., 2021: 304).

Невестка (келін) в традиционном обществе была окутана запретами. Так, существовал запрет на общение со свекровью (ене), свекром, она не имела права смотреть в глаза родителям мужа и родственникам по мужской линии, что ограждало ее от лишних, нежелательных конфликтов, которые могли бы возникнуть при близком общении. Когда девушка попадала в дом семьи мужа, она должна была вести себя очень скромно, к чему ее готовили до вступления в брак – матери всегда объясняли, как надо разговаривать и как себя вести в доме супруга. Невестка должна была заходить и выходить с поклоном, не поворачиваясь к родне спиной. Молодая женщина не имела права называть мужа и его родственников, включая детей, по именам, употребляя вместо них только нарицательные имена.

В имущественном плане замужняя женщина в традиционном обществе была абсолютно бесправной, являясь не субъектом, а объектом имущественных отношений, отсюда доминирование брака посредством выкупа скотом в виде уплаты калыма. Жена была лишена прав собственности на имущество, даже приданое переходило полностью в собственность родителей жениха, за исключением свадебного головного убора – саукеле. Однако жена имела право на владение и распоряжение частью имущества кочевой семьи. По адату в случае многоженства мужа обязаны были выделять каждой своей жене скот, чтобы она могла самостоятельно кочевать и вести отдельное хозяйство, из которого по распоряжению супруга выделялись доли женатым сыновьям, живущим при ней (Морякова, 2019: 90). Такие возможности по материальному обеспечению жен имели лишь состоятельные кочевники, поэтому многоженство не имело широкого распространения. Вдова также могла по согласию родственников покойного мужа возглавить отдельное хозяйство, когда не желала или не могла выйти вторично замуж за братьев покойного мужа по законам аменгерства. Однако в основном вдов стремились выдать замуж за родственников покойного мужа, чтобы не лишать род имущества, а также ресурсов женщины как трудовой и репродуктивной единицы. Именно поэтому по адату бежавших вдов непременно возвращали в аул мужа. Но в конце XIX в. появились случаи выхода вдов замуж за представителя другого рода, эти женщины считались «падшими и развратными. Калым за такую женщину взывается не в пользу родителей или родных вдовы, а в пользу родственников умершего» (Мусульманские..., 2021: 346).

Полная материальная зависимость замужней женщины от супруга и его родителей, редкость контактов со своими родственниками, принадлежавшими к другой родовой группе и кочующими на дальних расстояниях, проецировалась на внутрисемейные отношения. В источнике конца XIX в. имеются такие сведения: «Жена состоит в полном распоряжении мужа, может наказываться им, как ему заблагорассудится, но на слишком жестокое обращение она и ее родственники имеют право приносить жалобы... Если муж убьет жену или лишит одного из членов – руки, ноги, отрежет нос или уши, выколет глаза и т.д., то он подвергается за убийство платежу полного куна, а за увечье – половинного в пользу его родственников, в последнем случае само собой брак расторгается» (Мусульманские..., 2021: 301).

Однако случаи разводов не были редкостью в степи, в основном инициаторами расторжения брака были мужья, которые могли обвинить жену в неряшливости, неопрятности, неумении вести хозяйство. Причем «бесплодие основанием для развода не признается. В этом случае киргиз (казах) может жениться на другой, не разводясь с первой женой. Кроме этого, муж может развестись с женой без всякой причины, исключительно только потому, что она ему не нравится» (Мусульманские..., 2021: 344). Дела о расторжении брака относились к семейным, при отсутствии веских причин не передавались в суд биев, а решались на семейном совете с приглашением муллы для оформления развода. После введения в 1868 г. «Временного положения об управлении Тургайской, Уральской, Акмолинской и Семипалатинской областями» дела о разводах могли разбираться уездными начальниками с апелляцией губернатору (Мусульманские..., 2021: 305). В редких случаях разводились по взаимному согласию сторон, тогда детей могли поделить, отдавая матери хотя бы дочерей, но сыновья обязательно оставались с отцом. Однако преимущественно женщина лишалась детей, уходила к своей родне только с минимумом личного имущества (лошадь, верблюд, постель, один из костюмов, некоторые украшения), которое могла увезти. Процедура развода была весьма простой: муж при свидетелях и мулле три раза произносил фразу «Талак кылдым», в случае необходимости развод оформлялся русской администрацией письменным актом с записью в метрической книге. По прошествии трех месяцев женщина могла вторично вступить в брак, но если она получила детей и имущественную долю от мужа (в основном скот), то по традициям не выходила замуж, а возвращалась в аул к своим родителям и воспитывала детей.

Как мы писали выше, замужние женщины могли подать на развод в суд биев самостоятельно только вследствие сексуальной недееспособности супруга или слишком жестоких истязаний, приведших к увечью. Суды биев назначали третейское разбирательство, по которому утверждались свидетели для подтверждения ее слов. Предварительно в течение двух лет супруг должен был лечить свой недуг. Свидетели обязывались к присутствию во время интимной близости для наблюдения. Если доказательства в мужской физической недееспособности были получены, тогда супругов разводили, но жена обязана была выйти замуж за одного из братьев «неспособного или его родственников... При неимении такого лица жена неспособного возвращается к родственникам. В том и другом случае калым не возвращается» (Мусульманские..., 2021: 345).

Некоторые замужние казашки, не выдерживавшие тягот замужества, тайно бежали и искали кров в ауле своих родителей, но тогда суд биев приговаривал непременно вернуть жену мужу, чтобы не было повода другим повторять пример такого самовольства. Прелюбодеяние мужа не могло стать причиной развода, но все же такие иски со стороны жен как причина развода во второй половине XIX в. подавались в суд биев и русские суды согласно «Временному положению об управлении Тургайской, Уральской, Акмолинской и Семипалатинской областями» 1868 г. Наблюдая за правами казахов Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области, русский чиновник записал: «Киргизски обычно верны своим мужьям из страха неограниченности мужской власти.

При обнаружении неверности супруг подвергает виновную всевозможным истязаниям... Если неверную муж желает прогнать, то на обнаженные голову и плечи ее навешивает курум кииз – лохмотья старой закопченной кошмы от юрты, и спереди подделав бельдемче – род небольшого передника, заставляет каких-нибудь батраков обводить ее три раза около всего аула и в таком наряде отпускает» (*Мусульманские...*, 2021: 304). Пойманный любовник мог подвергнуться такому же осмеянию и позору, который считался в древние времена самым ужасным.

Доступность женщин для мужчин и строгая канонизированность жизни женщины в традиционном казахском обществе повлияли на отсутствие института проституции в степи. В источниках упоминаний о свободных женщинах, главным занятием которых является предоставление сексуальных услуг, не встречается, хотя изредка имелись случаи, когда обедневшие казашки вынужденно и за вознаграждение шли на интим (*Невольник, 1897*). В некоторых городах Южного Казахстана могли появиться дома терпимости в конце XIX в. под влиянием среднеазиатских оседлых народов, у которых институт женской проституции легальной и тайной (когда официально женщина была замужем, но фактически муж был ее сутенером) существовал (*Наливкин, Наливкина, 1886, 1886: 238*). В источниках имеются сведения о традиции гостеприимного гетеризма у оренбургских казахов в начале XX в. (*Невольник, 1900*). Отметим, что у степняков существовал обычай «конак асы» (пища гостя), согласно которому каждый из них обязывался предоставлять бесплатное угощение и ночлег любому гостю, т.е. отдать ему его «долю», на которую он имел право. По преданиям, в дальних кочевьях в старину казахи иногда предлагали гостю и свою жену, чтобы улучшить кровь своих потомков. О распространении подобного обычая гостеприимного гетеризма у сибирских народов Севера (бурят, монголов и др.) писали некоторые дореволюционные этнографы. Однако полагаем, что у казахов такие случаи гостеприимного гетеризма нельзя назвать обычаем, так как все устои традиционного общества и духовные ценности народа противоречили такой практике, поэтому речь могла идти только о единичных явлениях. В связи с влиянием ислама был утрачен в XIX в. такой повсеместный обычай, как обряд «түйе шешу» (развязать верблюда), при котором на годовых поминках (ас) обнаженные женщины, слегка укрытые распущенными длинными волосами, со связанными за спиной руками развязывали привязанных верблюдов, навьюченных разным добром, получая в случае успеха этого верблюда и имущество в качестве приза. Обряд, изображенный на картине художника Н.Г. Хлудова «Праздник с призами», имеет доисламское происхождение и связан с культом плодородия, символом которого были женщины. Этнограф Р. Шамбал-Кукашев относит обряд «түйе шешу», изредка проводившийся на крупных поминках в XIX в. в основном в Семиречье, к шаманскому камланию, направленному на проводы души умершего в иной мир (*Шамбал-Кукашев, 2001: 371*). В связи с утратой его первоначальной ритуальной функции, возможно, что некоторые женщины соглашались на участие в этом обряде из-за материальных затруднений или желания демонстрации своей физической красоты и смелости, идущей вразрез с моральными установками на стеснительность и стыд.

5. Заключение

Таким образом, мораль и запреты в этической сфере касались в традиционном обществе только женщин, а мужчины как полноправные субъекты всех общественных отношений могли вести себя в интимной сфере более свободно. Отсутствие запретов на внебрачные сексуальные отношения для мужчин, легальное многоженство, простота процедуры разводов, минимум отрицательных последствий для мужей (и имущество, и дети оставались при них) – эти каноны стояли на страже интересов мужчин как главной производительной силы кочевого общества, собственника скота – главного богатства кочевников. Бесправие жен (и в целом женщин) носило глубокий системный характер, основанный на имущественном неравенстве, ограниченности юридической субъектности, патриархальных соционормативных установках. Однако в общей массе казахские женщины были активными членами общества, пользовались относительной свободой и уважением, особенно в престарелом возрасте, в рамках заданной системы координат обычного и мусульманского права, отклонение от жестких требований которых влекло неизбежность наказания.

С одной стороны, высокий статус некоторых женщин был проекцией статуса стоящих за ними мужчин – мужа, сыновей, в целом рода (*Стасевич, 2022: 177*). С другой стороны, здесь очень важно понимать, что большая часть домашней работы в кочевом хозяйстве выполнялась именно женщиной. Она вела весь быт: изготовливала кошмы, шила одежду, участвовала в обработке продуктов животноводства и не только – женщина, конечно же, занималась воспитанием детей. В этой связи в кочевом обществе не прижились запреты на свободу передвижения женщин, как у оседлых среднеазиатских народов, где по шариату женщины не могли выходить на улицу без сопровождения мужчин. Только лишь во второй половине XIX в. в связи с укреплением мусульманства в степи стали наблюдаться некоторые ограничения.

Высокая трудовая значимость женщины в хозяйстве, постоянная потребность в дополнительных женских руках, репродуктивная функция, т.е. субъектность замужней женщины в воспроизводственных процессах жизнеобеспечения (хозяйственных, демографических и социальных), а также участие женщин в военных действиях и в обороне при нападении на род и

барымте были одними из основных слагаемых социального статуса казахской женщины. Именно поэтому в казахском фольклоре предстают светлые образы женщин – сподвижниц своих мужей (Ак-Жунус в «Ер-Таргыне», Куртка в «Кобланды» и др.). В степи очень много памятников было возведено женщинам – башня Бикем на берегу Сырдарьи, на Сарысу в честь Жубан-ана, на побережье Арала – башенный мавзолей Бегим-ана и др. (Сейдимбек, 2001: 513).

Юридически же женщины также были уязвимы: они не могли выступать в суде свидетелями, их интересы в основном представляли родственники-мужчины. Нам видится, что социальный статус женщин в патриархальном казахском социуме, имея в своей основе преимущественно полную имущественную и частично юридическую несостоятельность, одновременно фактически имел различные вариации в зависимости от возраста женщины и количества у нее детей, ее производственных функций, социального статуса родственников мужчин этой женщины, родовитости ее предков, а также ее личных качеств, в силу которых она могла снискать уважение и почет.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта ИРН OR11465469 «Разработка академического издания «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» в 7 томах».

Литература

Ажигали, 2001 – Ажигали С.Е. Религиозность и обрядность сельчан Казахстана в ближайшей ретроспективе: Жетысу, середина 80-х // Қазақтың әдет-ғұрыптары мен салт-дәстүрлері. Мақалалар жинағы / Обычай и обряды казахов в прошлом и настоящем. Сб. статей. (Отв. ред.-сост. С.Е. Ажигали). Алматы: НИЦ «Ғылым», 2001. 428 с.

Алимжанов, 1984 – Алимжанов А. Дорога людей: роман / А. Алимжанов. М.: Сов. писатель, 1984. 256 с.

Аргынбаев, 1996 – Аргынбаев Х. А. Қазақ отбасы. Алматы: Қайнар, 1996. 196 б.

Геннеп, 1999 – Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.

Диваев, 1907 – Диваев А.А. Древние игры киргизской молодежи // Туркестанские ведомости. 1907. № 54.

Еркова, 1998 – Еркова Т. Русская свадьба. М.: Яуза, 1998. 212 с.

Ерназаров, 2003 – Ерназаров Ж.Т. Семейная обрядность казахов: Символ и ритуал. Алматы: Курсив, 2003. 199 с.

Казахи..., 1995 – Казахи: историко-этнографическое исследование. Алматы: Казахстан, 1995. 352 с.

Кальш, 2013 – Кальш А.Б. Семья и брак в современном Казахстане: Монография. Алматы: Арыс, 2013. 472 с

Мейрманова, 2008 – Мейрманова Г.А. Культура общения у казахов: трансформация традиционного этикета: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008. 29 с.

Мелкова, 1921 – Мелкова Н.А. Игры киргиз // Труды Оренбургского общества изучения киргизского края. 1921. Вып. 1. С. 41-77.

Морякова, 2019 – Морякова М.Т. Об особенностях семейно-брачных отношений в традиционном казахском обществе / II Международная научно-практическая конференция «Казахи в Евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы», посвященная 30-летию казахского национально-культурного движения в России. Сборник материалов. Омск, 2019. С. 89-92.

Мустафина, 1992 – Мустафина Р.М. Представления, культы и обряды у казахов. Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992. 176 с.

Мусульманские..., 2021 – Мусульманские и православные миссионеры в Казахстане: Деятельность и результаты (XIX – начало XX веков). Документы и материалы. Алматы: Литера-М, 2021. 528 с.

Наливкин, Наливкина, 1886 – Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань: Типолит. Имп. Казан. ун-та, 1886. 245 с.

Невольник, 1900 – Невольник. Гостеприимство киргиз в связи с гетеризмом // Тургайская газета. Оренбург. 1900. № 2 (8 января). С. 1-2; № 3 (15 января). С. 1-2.

Невольник, 1897 – Невольник. Проституция в степи // Тургайская газета. 1897. № 114.

Ранович, 1930 – Ранович А.Б. Из истории таинства брака. М.: Атеист, 1930. 48 с.

Токарев, 1983 – Токарев С.А. Эротические обычаи // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы: исторические корни и развитие обычаев. Т. 4. М.: Наука, 1983. С. 98-105.

Потебня, 2000 – Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. 480 с.

Сейдембек, 2001 – Сейдембек А. Мир казахов. Этнокультурное переосмысление. Алматы: Рауан, 2001. 576 с.

Симаков, 1984 – Симаков Г.Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX – начале XX вв. Л.: Наука, 1984. 232 с.

- Стасевич, 2011** – Стасевич И.В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011. 202 с.
- Сумцов, 1998** – Сумцов Н.Ф. Символика славянских обрядов: Избранные труды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 296 с.
- Таникеев, 1977** – Таникеев М.Т. История физической культуры в Казахстане. Алма-Ата: Каз. госиздат, 1977. 62 с.
- Толеубаев, 1991** – Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX вв.). Алматы: Ғылым, 1991. 214 с.
- Токтабай, 2004** – Токтабай А.У. Культ коня у казахов / Ахмет Токтабай; М-во образования и науки Респ. Казахстан, Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана. Алматы: КазИздат-КТ, 2004. 121 с.
- Тохтабаева, 2013** – Тохтабаева Ш.Ж. Этикет казахов. Алматы: Дайк-Пресс, 2013. 500 с.
- Шамбал-Кукашев, 2001** – Шамбал-Кукашев Р. К символике старинного казахского ритуала «түйе шещу» // Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. Алматы: НИЦ «Ғылым», 2001. С. 351-373.

References

- Azhigali, 2001** – Azhigali, S.E. (2001). Religioznost' i obryadnost' sel'chan Kazahstana v blizhajshej retrospektive: Zhetysu, seredina 80-h [Religiosity and ritualism of the villagers of Kazakhstan in the nearest retrospective: Zhetysu, mid-80s]. *Kazaktyn adet-guryptary men salt-dasturleri. Makalalar zhinagy. Obychai i obryady kazahov v proshlom i nastoyashchem*. Sb. statej. (Otv. red.-sost. S.E. Azhigali). Almaty: NIC «Gylym». 428 p. [in Russian]
- Alimzhanov, 1984** – Alimzhanov, A. (1984). Doroga lyudej: roman [The road of people: a novel]. Sov. pisatel'. 256 p. [in Russian]
- Argynbaev, 1996** – Argynbaev, H.A. (1996). Kazak otbasy [Kazak otbasy]. Almaty: Kainar. 196 p. [in Kazakh]
- Genep, 1999** – Genep, A. van (1999). Obryady perekhoda. Sistematischeskoe izuchenie obryadov [Rites of passage. Systematic study of rites]. Per. s franc. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 198 p. [in Russian]
- Divaev, 1907** – Divaev, A.A. (1907). Drevnie igry kirgizskoj molodezhi [Ancient games of the Kyrgyz youth]. *Turkestanskije vedomosti*. № 54. [in Russian]
- Erkova, 1998** – Erkova, T. (1998). Russkaya svad'ba [Russian wedding]. M.: Yauza. 212 p. [in Russian]
- Ernazarov, 2003** – Ernazarov, Zh.T. (2003). Semejnaya obryadnost' kazahov: Simvol i ritual [Family rituals of the Kazakhs: Symbol and ritual]. Almaty: Kursiv, 199 p. [in Russian]
- Kazahi..., 1995** – Kazahi: istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Kazakhs: historical and ethnographic research]. Almaty: Kazakhstan, 352 p. [in Russian]
- Kalysh, 2013** – Kalysh, A.B. (2013). Sem'ya i brak v sovremennom Kazahstane [Family and marriage in modern Kazakhstan]: Monografiya. Almaty: Arys, 472 p. [in Russian]
- Mejrmanova, 2008** – Mejrmanova, G.A. (2008). Kul'tura obshcheniya u kazahov: transformaciya tradicionnogo etiketa [The culture of communication among the Kazakhs: the transformation of traditional etiquette]: Avtoref. dis. ... k.i.n. M. 29 p. [in Russian]
- Melkova, 1921** – Melkova, N.A. (1921). Igry kirgiz [Kyrgyz games]. *Trudy Orenburgskogo obshchestva izucheniya kirgizskogo kraya*. Vyp. 1. Pp. 41-77. [in Russian]
- Moryakova, 2019** – Moryakova, M.T. (2019). Ob osobennostyah semejno-brachnyh otnoshenij v tradicionnom kazahskom obshchestve [On the features of family and marriage relations in the traditional Kazakh society]. *II Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Kazahi v Evrazijskom prostranstve: istoriya, kul'tura i sociokul'turnye processy», posvyashchennaya 30-letiyu kazahskogo nacional'no-kul'turnogo dvizheniya v Rossii*. Sbornik materialov. Omsk. Pp. 89-92. [in Russian]
- Mustafina, 1992** – Mustafina, R.M. (1992). Predstavleniya, kul'ty i obryady u kazahov [Representations, cults and rituals of the Kazakhs]. Alma-Ata: Kazak universiteti, 176 p. [in Russian]
- Musul'manskie..., 2021** – Musul'manskie i pravoslavnye missionery v Kazahstane: Deyatel'nost' i rezul'taty (XIX – nachalo XX vekov). Dokumenty i materialy [Muslim and Orthodox missionaries in Kazakhstan: Activities and results (XIX – early XX centuries). Documents and materials]. Almaty: Litera-M. 528 p. [in Russian]
- Nalivkin, Nalivkin, 1886** – Nalivkin, V., Nalivkina, M. (1886). Ocherk byta zhenshchiny osedlogo tuzemnogo naseleniya Fergany [Essay on the life of a woman of the settled native population of Fergana]. Kazan': Tipo-litogr. Imp. Kazan. un-ta, 245 p. [in Russian]
- Nevol'nik, 1900** – Nevol'nik. (1900). Gostepriimstvo kirgiz v svyazi s geterizmom [Slave. Hospitality of the Kirghiz in connection with heterism]. *Turgajskaya gazeta*. Orenburg. № 2 (8 yanvarya). Pp. 1–2; № 3 (15 yanvarya). Pp. 1-2. [in Russian]
- Nevol'nik, 1897** – Nevol'nik. (1897). Prostituciya v stepi [Prostitution in the steppe]. *Turgajskaya gazeta*. № 114. [in Russian]
- Ranovich, 1930** – Ranovich, A.B. (1930). Iz istorii tainstva braka [From the history of the sacrament of marriage]. M.: Ateist, 48 p. [in Russian]

- Tokarev, 1983** – Tokarev, S.A. (1983). Eroticheskie obychai [Erotic customs]. Kalendarnye obychai i obryady v stranah Zarubezhnoj Evropy: istoricheskie korni i razvitiye obychaev. T. 4. M.: Nauka. Pp. 98-105. [in Russian]
- Potebnya, 2000** – Potebnya, A.A. (2000). Simvol i mif v narodnoj kul'ture [Symbol and myth in folk culture]. M.: Labirint. 480 p. [in Russian]
- Sejdembek, 2001** – Sejdembek, A. (2001). Mir kazahov. Etnokul'turnoe pereosmyslenie [World of Kazakhs. Ethnocultural rethinking]. Almaty: Rauan, 576 p. [in Russian]
- Simakov, 1984** – Simakov, G.N. (1984). Obshchestvennye funktsii kirgizskikh narodnykh razvlechenij v konce XIX – nachale XX vv. [Public functions of Kyrgyz folk entertainment in the late XIX – early XX centuries]. L.: Nauka, 232 p. [in Russian]
- Stasevich, 2011** – Stasevich, I.V. (2011). Social'nyj status zhenshchiny u kazahov: traditsii i sovremennost' [The social status of a woman among the Kazakhs: traditions and modernity]. SPb.: Nauka, 202 p. [in Russian]
- Sumcov, 1998** – Sumcov, N.F. (1998). Simvolika slavyanskikh obryadov: Izbrannye Trudy [Symbolism of Slavic Rites: Selected Works]. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 296 p. [in Russian]
- Tanikeev, 1977** – Tanikeev, M.T. (1977). Istoriya fizicheskoy kul'tury v Kazakhstane [History of physical culture in Kazakhstan]. Alma-Ata: Kaz. Gosizdat, 62 p. [in Russian]
- Toleubaev, 1991** – Toleubaev, A.T. (1991). Relikty doislamskikh verovanij v semejnoy obryadnosti kazahov (XIX – nachalo XX vv.) [Relics of pre-Islamic beliefs in Kazakh family rituals (XIX – early XX centuries)]. Almaty: Gylym, 214 p. [in Russian]
- Toktabaj, 2004** – Toktabaj, A.U. (2004). Kul't konya u kazahov [The cult of the horse among the Kazakhs]. Ahmet Toktabaj; M-vo obrazovaniya i nauki Resp. Kazakhstan, In-t arheologii im. A.H. Margulana. Almaty: Kazlzdat-KT, 121 p. [in Russian]
- Tokhtabayeva, 2013** – Tokhtabayeva Sh.Zh. (2013). Etiket kazakhov [Kazakh etiquette]. Almaty: Dajk-Press, 500 p. [in Russian]
- Shambal-Kukashev, 2001** – Shambal-Kukashev, R. (2001). K simvolike strainnogo kazahskogo rituala «tyje sheshu» [To the symbolism of the ancient Kazakh ritual “tuye sheshu”]. Obychai i obryady kazahov v proshlom i nastoyashchem. Almaty: NIC «Gilm». Pp. 351-373. [in Russian]

Взаимоотношения полов в традиционном казахском обществе и их отражение в семейной обрядности в конце XIX в.

Аксункар Турсуновна Абдулина ^{a, *}, Малика Темирхановна Морякова ^a, Дана Тохтаровна Ногайбаева ^b, Перизат Нурлыбековна Нускабай ^c

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

^c Казахский Национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье поставлена проблема взаимоотношений полов в традиционном казахском социуме во второй половине XIX в. Вопросы форм семьи и брака у казахов, внутрисемейных отношений и этикета, семейной обрядности и традиций всегда были в фокусе внимания казахстанских этнографов, а также получили всестороннее освещение в нарративе дореволюционных авторов – ученых, путешественников, представителей царской администрации и пр. Между тем, из-за ограниченности источников, проблема взаимоотношений между мужчинами и женщинами в добрачных и супружеских отношениях, отражение эротического принципа в ритуалах семейного цикла, половое воспитание, сексуальная и гендерная идентификация, феномен трансвестизма, влияние социального статуса замужней женщины на ее личные отношения с мужем и его семейным кругом, каноны морали для мужчин стали слабо разработанный областью исследований, а женщины – прелюбодеяние и наказание. Как мы видим, сфера семейно-брачных отношений традиционного казахского общества имеет множество малоисследованных аспектов, пролить свет на которые можно через призму нового подхода социальной инклюзии, предусматривающей интеграцию общества путем формирования культуры толерантности ко всем членам общества, их социального и гендерного равноправия. Раскрыв причины социальной изоляции женщин, их уязвимости в традиционном обществе, лишения их права на свободу выражения интимных чувств, в этой статье мы покажем, что эти институты имеют историческую социальную природу, их не следует сохранять и переносить в современную реальность, прикрываясь необходимостью возрождения традиционной культуры.

Ключевые слова: взаимоотношения полов, брак, добрачные и брачные отношения, кочевое общество, обычай, секс, семейно-брачные отношения, традиционная обрядность, эротика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: abd_aksunkar@mail.ru (А. Абдулина)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 295-310
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.295

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Military Researchers of the Don Host in Pre-Revolutionary Period: Stating the Problem

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The paper is dedicated to the problematics of the Russian Empire's military researchers of the Don Host. Within it, it is shown that, due to Don Host's subordination to the Ministry of War, there were quite a few of such researchers, although in later historiography the attention was drawn predominantly to those of them who were of Cossack descent. Meanwhile, even the most general analysis allows to distinguish 4 groups of Russian Empire's Don Host military researchers: these are, besides Don Cossacks, the officers who had visited Don before any serious publications on the matter of studying the Don Cossacks, the officers of the General Staff and the officers of the Main Directorate of Cossack Hosts. At the same time, exactly in the case of Cossacks, assigning researchers who had military rank to the category of military researches should be made with outmost caution: a number of Don historians and statisticians (for example, M.Kh. Senyutkin and V.M. Pudavov) did not have military education, did not serve in any combat units and therefore principally had a bad familiarity with military-specific literature, including that about the Don Cossacks. The officers who had visited Don before the publications of any serious researches on the Don Cossacks did try to describe, by their own impressions too, the Cossacks and the Don Host, which were perceived as somewhat of an exotic at the time, filling a lacuna in Russian scientific and publicist prose. The officers of the General Staff had frequently composed their works in preparation of upcoming reformations, or just to inform higher authorities about local statistics, and it is characteristic for their works to be based of statistical science which was taught in Nicholas General Staff Academy. Finally, a number of texts was made by the officers of the Main Directorate of Cossack Hosts, based on presenting materials from the archives, which were also found while performing government assignments. Therefore, somewhat different research methods and themes were characteristic for various categories of Russian Empire's Don Host military researchers, which were determined by their education and official duties.

Keywords: historiography, military researchers, Don Host Oblast, officers of the General Staff, Main Directorate of Cossack Hosts.

1. Введение

Функции Военного министерства Российской империи XIX – начала XX вв. по ряду аспектов отличались от стандартных функций военного ведомства других империй того времени. «Нигде на военного министра не возложены еще и функции министра внутренних дел в отношении громадных областей (земли казачьих войск и Туркестан)», – писал на этот счет министр А.Ф. Редигер (Ганин, 2008: 44). Единственно близкой аналогией к подобной системе нам представляется австрийская система Военной границы, существовавшая до 1870-х гг. Как пишет А.М. Дронов, управление австрийской Военной границей было полностью подчинено Вене с 1743 г. (до этого промежуточной инстанцией выступал Придворный военный совет в Граце), а с 1748 г. финансирование Границы было

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

передано в ведение непосредственно венского Придворного военного совета, высшего военного органа Империи, позднее преобразованного в Военное министерство (Дронов, 2020: 66). Однако, в первых, Военная граница была упразднена в 1881 г., задолго до гибели Австро-Венгерской империи (Дронов, 2020: 185), а специфические регионы, управлявшиеся Военным министерством Российской империи, просуществовали до 1917 г. Во-вторых, по сравнению с одной Военной границей российские регионы, подчиненные имперскому военному ведомству, были куда разнообразнее: даже если учитывать только казачьи войска, они существовали от Дуная до Дальнего Востока, охватывая совершенно различные географически и экономически территории.

Гражданское управление обширными территориями неизбежно ставило перед военным ведомством специфические задачи, в том числе и исследовательские. По крайней мере часть военных понимала, что для управления краем нужно этот край знать, причем знать не только его настоящее, но и прошлое. В этом отношении очень показательна резолюция А.Н. Куропаткина, в 1899 г. организовавшего работы по написанию цикла историй всех казачьих войск Российской империи: «Надо поспешить с составлением подобных исторических трудов по каждому из казачьих войск, по определенной программе, о его прошлом; затем составить по общей программе описания о настоящем казачьих войск; тогда легче будет без ошибок и сомнений решать все вопросы, определяющие будущее каждого из казачьих войск в отдельности, и всех вместе» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 4. Л. 1-10б.). Любопытно, что ранее, в 1870-х гг., достаточно фундаментальная четырехтомная «Специальная история Военной границы» Ф. Ваничека была написана по заказу австро-венгерского Военного министерства (Дронов, 2020: 28). Впрочем, чаще военные ограничивались написанием историко-статистических очерков. В Российской империи в середине XIX в. вышло целых две серии подобных очерков, подготовленных военными: «Военно-статистическое обозрение Российской империи» (куда вошел том о Земле Войска Донского 1852 г., подготовленный Л.Л. Штюмером (Военно-статистическое обозрение..., 1852) и «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» (том о Земле Войска Донского для этого издания к 1863 г. подготовил Н.И. Краснов (Краснов, 1863). Аналогичная практика подготовки военно-статистических описаний Военной границы была характерна и для Австрийской империи и Австро-Венгрии: чиновник Военного министерства К.Б. фон Хитцингер издал «Исследования статистики Военной границы Австрийской империи» в двух частях еще в 1817–1823 гг., преподаватель военного Института управления Границей в Граце М. Штопфер выпустил «Учебник по статистике Военной границы Австрийской империи» в 1840 г., «Императорско-королевская Военная граница и ее Основная закон» Л. Крайнца была составлена в 1866 г. для главнокомандующего Хорватско-Славонской военной границей Й. Шокчевича (Дронов, 2020: 49-51).

Подобная ситуация позволяет говорить о том, что в XIX в. в Австрийской империи/Австро-Венгрии и особенно в России не просто существовала особая категория военных, выступавших в качестве исследователей (подобные военные, разумеется, были и в других странах), но сама структура военного управления империей предполагала, что военное ведомство берет на себя функции по изучению подчиненных ему областей. Однако в российском случае история подобных военных исследований регионов изучена неравномерно и далеко не достаточно. Лучшим примером этого может служить исследование Кавказа, в котором значительнейшую роль сыграли офицеры Кавказской армии. Хотя данный факт в принципе не отрицался ни в дореволюционное, ни в советское время, как правило, специального внимания историков удостоивались только отдельные персоналии, например Ф.Ф. Торнау, о котором в 1976 г. даже издал монографию Г.А. Дзидзария (Дзидзария, 1976). Однако как раз эта монография может служить примером того, как деятельность военного кавказоведа рассматривалась не как часть деятельности его коллег, но противопоставлялась другим исследованиям того времени. Вот как характеризует работы Ф.Ф. Торнау Г.А. Дзидзария: «В них в противовес тогдашним модным дилетантским, но с претензией на сенсацию писаниям о «романтическом» и «экзотическом» Кавказе <...> обобщен и сделан достоянием широкого круга читателей материал важного познавательного аспекта» (Дзидзария, 1976: 4). Только в XXI в. исследования военных кавказоведов XIX – начала XX вв. стали центральной темой научных трудов Т.А. Колосовской и Д.С. Ткаченко. В их недавно изданный библиографический словарь «Военные Кавказоведы Российской империи» вошло более 100 биографий, причем авторы воздержались от включения в его состав биографий местных уроженцев на русской военной службе, как горцев, так и казаков, за исключением наиболее значимых (Колосовская, Ткаченко, 2021: 10). При этом авторы признают, что могли упустить каких-то лиц в силу масштабности военного кавказоведения и разбросанности итогов исследований по различным изданиям и архивам (Колосовская, Ткаченко, 2021: 11). Таким образом, можно говорить о том, что в Российской империи были сотни военных кавказоведов, судьбы и наследие которых до сих пор не всегда изучены.

Однако в случае с другими территориями, управлявшимися Военным министерством Российской империи, вопрос о специфике их изучения военными зачастую даже не ставился. В полной мере это относится и к Донскому Войску. И в своей работе мы хотим хотя бы в общих чертах рассмотреть специфику изучения донского казачества российскими военными.

2. Материалы и методы

В данной статье мы попытаемся классифицировать дореволюционных военных исследователей Войска Донского, используя историко-биографический и историко-сравнительный методы. Мы разделим этих исследователей на несколько групп, исходя из их происхождения, образования или места службы. Подобное деление может показаться несколько хаотичным, поскольку для разных категорий мы берем сущностно различные объединяющие признаки, однако фактически оно будет связано с побудительными мотивами, по которым именно данная группа занималась исследованиями казачества. Понятно, что эти мотивы могли быть разнородными: одни офицеры изучали казачество по внутреннему побуждению, сами являясь казаками, а другие получали приказ провести исследование, причем как потому, что служили в системе управления казачьими войсками, так и потому, что имели подготовку, позволяющую провести исследование. Также мы попытаемся выделить некоторые общие элементы в творчестве различных групп военных исследователей, как тематические, так и методологические.

Для этого обратимся к текстам, созданным военными исследователями донского казачества, а также к их биографиям. Особое же значение для нас имеют собственноручные описания ими причин, побудивших провести исследования, подобные описания часто встречаются в предисловиях к исследовательским работам. Эпизодически мы будем обращаться также и к работам позднейших историков, в которых содержатся оценки творчества интересующих нас авторов, чтобы понять, насколько их исследовательские практики оказались эффективны.

3. Обсуждение

До настоящего времени не существует систематической и обобщающей работы о дореволюционных исследователях Дона. Как правило, они привлекали внимание историков поодиночке, в связи с какими-то частными сюжетами. Впервые биографии целого ряда историков и статистиков донского казачества были опубликованы в начале XX в. в сборнике «Донцы XIX века», в котором местные историки-любители попытались объединить краткие жизнеописания самых выдающихся донских казаков прошлого столетия (Донцы, 2003). По сей день данная работа является наиболее полным справочником по донским ученым и писателям XIX в. Многие описанные в ней колоритные фигуры позже оказались совершенно забыты и никем специально не исследовались (например, войсковой дворянский депутат М.В. Себряков, автор стихов, в том числе с описанием видений человека, большого белой горячкой, и неких гипотез по астрономии, связанных со спутниками Сатурна (Донцы, 2003: 436)). Однако в рамках самой концепции сборника в него могли войти биографии только тех исследователей Дона, которые были казаками по происхождению. Кроме того, хотя биографии содержат много уникальных сведений, основанных, очевидно, на устных рассказах современников, их общий уровень не слишком высок. Как правило, ценные сведения касаются именно жизненного пути и особенностей характера описываемых исторических персонажей, а их творчество характеризуется в самых общих чертах и почти всегда комплементарно.

В советское время специально исследовалось только творчество автора первого историко-статистического описания Дона В.Д. Сухорукова. При этом, хотя его труд был выполнен по правительственному заказу, связанному с Военным министерством, акцент делался не на данном заказе, а на близости В.Д. Сухорукова к декабристам и А.С. Пушкину. Наиболее ярко эти тенденции были выражены в исследовании А.М. Линаина «Историк Войска Донского В.Д. Сухоруков и А.С. Пушкин», выпущенном в сталинскую эпоху (Линин, 1941: 94-152). По идеологическим причинам даже упоминание авторов имперской эпохи нередко предполагало их обязательную негативную характеристику, носящую, впрочем, часто скорее формальный характер. В этом плане весьма характерна работа И.П. Хлыстова «Дон в эпоху капитализма. 60-е – середина 90-х годов XIX в.» (Хлыстов, 1962). В ней автор сначала дает крайне резкую негативную характеристику всей дореволюционной историографии: «Что касается дореволюционных изданий, то, за редкими исключениями, прямо не относятся к рассматриваемому здесь периоду, авторы их нередко сознательно искажают действительность и фальсифицируют историю Дона» (Хлыстов, 1962: 9-10). Однако затем советский историк весьма хвалебно отзывается об историко-статистическом описании Дона высокопоставленным чиновником Военного министерства Н.И. Красновым, не акцентируя внимания на авторстве и заказчике его книги: «К числу наиболее полезных дореволюционных изданий по истории Дона второй половины XIX в. можно отнести «Материалы для географии и статистики России», изданные в 1863 г.» (Хлыстов, 1962: 9-10).

Итак, уже в дореволюционный и советский периоды внимание различных авторов привлекали преимущественно исследователи Дона казачьего происхождения. С распадом СССР данная тенденция только усилилась: начали появляться специальные работы об отдельных дореволюционных донских историках-любителях, однако преимущественно о заметных фигурах именно региональной науки и донской общественной мысли. Здесь прежде всего нужно выделить целый ряд исследований Н.А. Мининкова: о Е.Н. Кательникове (самоучка, в начале XIX в. написавший историю родной станицы) (Мининков, 2011), Ф.К. Траилине и И.В. Тимощенко (члены Донского статистического комитета конца XIX – начала XX вв.) (Мининков, 2016). Некоторым аспектам научно-

публицистической деятельности И.И. Краснова, а также его взглядам на донской национализм посвятил статью А.А. Волвенко (Volvenko, 2016: 33-40). Неопубликованные рукописи основателя Донского музея Х.И. Попова описаны в статье Э.Э. Камозина (Камозин, 2006: 33-36). Несколько иная тенденция характерна для работ археолога А.Л. Бойко, публикующихся преимущественно в малоизвестных за пределами региона изданиях: этот исследователь, напротив, пытается дать системную картину изучения Донского края людьми разного происхождения, но в крайне узкой области – археологии. Здесь наиболее репрезентативно подготовленное им издание археологического каталога Донского музея, в предисловии к которому подробно описан начальный этап развития археологии на Дону (Археологические находки..., 2021). В результате даже не на обобщающем уровне, а на уровне отдельных персоналий можно назвать только одного офицера русской регулярной армии, чьи работы о Донском крае удостоились специального внимания историков. Речь идет о помощнике донского атамана по гражданской части (позднее оренбургский атаман) Н.А. Маслаковце, чьи исследования кочевий донских калмыков были даже частично републикованы современными учеными из Калмыкии (Ряжев, Сангаджиева, 2018: 63-76).

Таким образом, историография донского казачества с дореволюционных времен фактически игнорирует военных исследователей Дона, не являвшихся казаками. Тем важнее наконец обратить на них внимание и вовлечь их работы в научный оборот.

4. Результаты

Таблица 1. Важнейшие «попытки создать надлежащую Донскую историю», по А.А. Кириллову

Автор	Происхождение и статус автора	Название работы	Время написания	Оценка
А.И. Ригельман	Генерал российской регулярной армии	«История или повествование о Донских казаках»	1778 г.	«Имеет только справочную цену»
А.Г. Попов	Казак, местный офицер, директор училищ в Войске Донском	«История о Донском Войске»	1812 г.	«Не выдерживает и скромной критики»
В.Б. Броневский	Генерал российской регулярной армии	«История Донского войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод»	1834 г.	«Нестройная масса фактов, известий и сообщений»
В.Д. Сухоруков	Казак, местный офицер, состоявший при правительственной комиссии	«Историческое описание Земли Войска Донского»	1821–1834 гг.	«Основа Донской истории»
М.Х. Сенюткин	Казак, местный офицер, редактор «Донских ведомостей»	«Донцы»	1854–1858 гг.	«Заслуживает особого внимания»
Н.И. Краснов	Казак, офицер (позднее генерал) Генерального штаба	«Земля Войска Донского»	?–1863 гг.	«География и статистика Земли Войска Донского»
В.М. Пудавов	Казак, местный офицер	«История Войска Донского и старобытность начал казачества»	?–1863 гг.	«Замечается желание «пооригинальничать»
А.М. Савельев	Казак, местный чиновник, секретарь Статистического комитета	«Трехсотлетие Войска Донского. 1570–1870 гг.»	?–1870 гг.	«Изложение событий здесь слишком кратко»

Источник: Кириллов А.А. Краткое обозрение истории о донских казаках. Новочеркасск, 1909. С. 4-21.

Говоря об игнорировании историографией военных исследователей Дона неказачьего происхождения, мы ничуть не преувеличиваем. В этом отношении показателен случай тома «Военно-статистического обозрения Российской империи» о Земле Войска Донского, подготовленного

Л.Л. Штюмером. Независимо от оценки качества данной книги (которая до сих пор никем предметно не анализировалась), именно она представляла собой первое крупное статистическое описание Войска Донского, вышедшее печатно. Однако в большинстве позднейших историографических обзоров трудов о Донском Войске она даже не упоминается. Данную тенденцию заложил в 1863 г. Н.И. Краснов в томе о Земле Войска Донского «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба». Он начал свое исследование с обзора источников и литературы, в котором был специальный раздел именно о статистических работах, где упоминался, например, некий труд «Statistische Reise ins Land der Donischen Kosaken, Koppen» (вероятно, «Statistische Reise in's Land der Donischen Kosaken durch die Gouvernements Tula, Orel und Woronesh im Jahre 1850» Петра фон Коппена (Кoppen, 1852), однако о работе Л.Л. Штюмера не было сказано ни слова. Нет никаких сведений о ней и в обзоре работ по донской статистике, открывающем «Статистическое описание Области Войска Донского» С.Ф. Номикосова (Номикосов, 1884: 2-4). А уже в конце XX вв. авторитетный историк донского казачества В.Н. Королев совершенно однозначно позиционировал как первое опубликованное статистическое описание Донского Войска вышедшую в 1863 г. книгу Н.И. Краснова (Королев, 1991: 238). Таким образом, два выполненных в середине XIX в. статистических описаний Земли Войска Донского ждала диаметрально противоположная судьба. Том для «Военно-статистического обозрения Российской империи», подготовленный Л.Л. Штюмером, был глубоко и прочно забыт, а том «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба», подготовленный Н.И. Красновым, в дореволюционное время рассматривался как классика региональной историографии («краеугольный камень для всех последующих описаний Земли Войска Донского» – «Донцы XIX века» (Донцы, 2003: 249), и даже в советское время высоко оценивался И.П. Хлыстовым без указания автора (так как Н.И. Краснов был отцом военного преступника и врага советской власти П.Н. Краснова).

Обратимся теперь к принципиальной для понимания донской дореволюционной историографии книге местного историка-любителя, знатока донской церковной старины А.А. Кириллова «Краткое обозрение истории о донских казаках» (1909 г. издания), в которой автор попытался дать характеристику важнейших, по его мнению, работ по истории донского казачества (Кириллов, 1909). Фактически он делит подобные труды на две большие группы: в одну вошли «попытки создать надлежащую Донскую историю», то есть масштабные обобщающие работы по истории донского казачества в целом, которые автор считал наиболее важными (Кириллов, 1909: 4-21), а во вторую – частные работы, которые автор нашел полезными в качестве материалов для будущей «надлежащей Донской истории» (все «попытки» написать ее он считал только попытками, закончившимися неудачей) (Кириллов, 1909: 21-40). Структурируем упомянутые А.А. Кирилловым работы в таблицы, отметив для «попыток создать надлежащую Донскую историю» время их написания, происхождение и статус авторов, а также оценку данных работ А.А. Кирилловым, выделив курсивом книги русских (не казачьих) офицеров.

Таким образом, из 8 важнейших, согласно А.А. Кириллову, обобщающих работ по истории донского казачества, выпущенных до 1909 г., 7 формально написали военные. В то же время нельзя не отметить, что в крайне специфических условиях милитаризованной структуры управления Донским Войском данная цифра в определенном смысле вводит в заблуждение: именно из-за подчинения региона Военному министерству военные чины здесь имели и люди, в армии реально никогда не служившие. В этом плане показательны сравнение формально военного М.Х. Сенюткина и гражданского А.М. Савельева. М.Х. Сенюткин был выпускником Харьковского университета эпохи Николая I, по возвращении на Дон в 1848 г. до самой своей отставки в 1871 г. занимавшим исключительно гражданские должности (сотрудник войскового правления, редактор местной официальной газеты, судья), однако он получил в милитаризованной николаевской системе управления Донским Войском именно военный чин (самый ранний известный – сотник с 1849 г.) (Донцы, 2003: 439-440). А.М. Савельев также был выпускником Харьковского университета, однако он был младше, начал службу в войсковых учреждениях в 1859 г., когда степень милитаризованности гражданского управления Донским Войском ослабевала, и, поскольку он тоже служил исключительно по гражданской части (учитель, секретарь статистического комитета, редактор местной официальной газеты, сотрудник войскового правления), военный чин, по видимому, не был им получен (сведений об этом нет даже в самой подробной на настоящий момент его биографии) (Донцы, 2003: 431).

Соответственно, относить казачьих офицеров из приведенного выше списка к военным исследователям следует с большой осторожностью, тщательно рассматривая биографию каждого персонально. Как мы видели, М.Х. Сенюткин получил абсолютно гражданское образование и в военных частях фактически не служил. В.М. Пудавов также имел только гражданское образование (Новочеркасская гимназия) и всю жизнь служил по гражданскому управлению Войском Донским, преимущественно в войсковой чертежной и межевой комиссии (Пудавов, 1890: VII-X). Несколько сложнее случаи А.Г. Попова и В.Д. Сухорукова: у них был опыт строевой службы, но и блестящее гражданское образование (Московский и Харьковский университеты соответственно), а на момент

написания своих исследований эти авторы были заняты скорее гражданской, чем военной службой (А.Г. Попов много лет успешно руководил единственной в войске гимназией, а В.Д. Сухоруков вообще составлял свое историко-статистическое описание по специальному правительственному заказу) (Коршиков, Королев, 2001: 7-18; Л.Б., 1906: 49-59). Таким образом, мы можем сделать вывод, что значительная часть формально военных казаков, в XIX – начале XX вв. занимавшихся исследованиями Донского края, в действительности могут считаться профессиональными военными только с большими оговорками: фактически это были занятые управлением Донским краем гражданские чиновники, не имевшие специального военного образования, но служившие по военному ведомству. Это, кстати, хорошо объясняет, почему специфически-военная литература о Донском крае, в частности том «Военно-статистического обозрения Российской империи» о Земле Войска Донского Л.Л. Штюмерера, редко упоминается такими авторами: они могли о ней вовсе не знать.

Что же касается в полном смысле профессиональных военных из данного списка, то их число ограничено тремя фигурами: генералами А.И. Ригельманом, В.Б. Броневским и Н.И. Красновым. Н.И. Краснов вообще занимается в донской историографии особое положение, не вполне осознанное позднейшими авторами, в том отношении, что он одновременно принадлежит и к донской региональной исследовательской традиции, в которой, как мы показали выше, одна из его работ стала классикой, и к имперской военной традиции изучения регионов. В отличие от всех остальных рассмотренных нами донских авторов, Н.И. Краснов имел полноценное чисто военное образование (он окончил 1 кадетский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба), и служил большую часть жизни хотя и по гражданскому управлению казачьими войсками, но не на Дону, а в центральном управлении Военного министерства (он занимал различные должности в Главном управлении иррегулярных/казачьих войск с 1864 по 1891 гг.) (Королев, 1991: 234-243). В донской историографии его историко-статистическое описание Дона обычно ставили в один ряд с произведениями других донских казаков в том же жанре: с более ранней работой офицера В.Д. Сухорукова и с более поздней работой гражданского чиновника С.Ф. Номикосова (Богачев, 1919: 4; Номикосов, 1884: 2-4). Однако данная его работа входит и в другой ряд статистических описаний, который был неизвестен или не востребован донскими авторами. Речь идет о статистических описаниях регионов Российской империи, составлявшихся офицерами Генерального штаба. Так, офицером Генерального штаба был Л.Л. Штюмерер, как мы помним, автор первого статистического описания Земли Войска Донского, опубликованного Военным министерством (Военно-статистическое описание..., 1852: Форзац). В 1908 г. в Новочеркаске была издана еще одна, затем забытая книга, «Военно-статистическое описание Области Войска Донского» подполковника Генерального штаба В.В. Лобачевского (отметим, что ее малая известность может быть связана с тем, что издание выходило под грифом «Не подлежит оглашению») (Лобачевский, 1908: Форзац).

Территория Войска Донского во второй половине XIX в. исследовалась и другими офицерами Генерального штаба. Однако, как и в случае с военными исследователями из казаков, большинство известных работ принадлежало лицам, служившим в местной гражданской администрации. Особого внимания в этом отношении заслуживает далеко не достаточно вовлеченное в научный оборот творчество Н.А. Маслаковца. Любопытно, что один из признанных классиков донской дореволюционной историографии С.Ф. Номикосов включил целых три его работы в число наиболее точных исследований донской статистики: конкретно он выделял «Статистическое описание кочевья донских калмыков», «Взгляд на положение северо-восточной полосы области войска Донского в сельскохозяйственном отношении» и «Объяснительную записку о применении к области войска Донского земской реформы» (Номикосов, 1884: 6-7).

Н.А. Маслаковец происходил из дворян Черниговской губернии, однако после окончания Николаевской академии Генерального штаба большую часть карьеры прослужил по гражданскому управлению трех казачьих войск – Уральского, Донского и Оренбургского (Григорович, 1911: 262-265). В 1870–1880 гг. он пользовался большим авторитетом в донской войсковой администрации и, по слухам, даже какое-то время фактически руководил войском при не имевшем никакого административного опыта атамане, строевом генерале Н.А. Краснокутском (Петровский, 1916: 20). Это объясняет в значительной степени прикладной характер работ генерала. Так, востребованное у современных историков калмыцкого народа «Статистическое описание кочевья донских калмыков» было написано по итогам служебных командировок в калмыцкие кочевья в 1871 и 1872 гг. (Маслаковец, 1872: I). Интересно, что донской атаман М.И. Чертков послал офицера Генерального штаба к калмыкам сугубо с исследовательской целью: как писал Н.А. Маслаковец, шла подготовка к реформе калмыцких кочевий, основой для которой должно было стать «по возможности подробное исследование страны с ее населением, как в физическом, так и в этнографическом отношениях» (Маслаковец, 1872: I).

Прикладной характер имело и другое относительно известное произведение офицера Генерального штаба о Донском Войске «Исторические и статистические описания станиц и городов, посещаемых г. Военным Министром при объезде Его Превосходительством Области Войска Донского в 1900 году» П.С. Балудева (Балудев, 1900). Данная книга предназначалась персонально для А.Н. Куропаткина, в 1900 г. со служебной инспекцией посетившего Дон, и военный министр в

итоговом отчете сообщал, что собранные в книге данные «в значительной степени послужили мне на пользу» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 40б.). Уже в XXI в. на книгу П.С. Балуева ссылается известный исследователь донского казачества А.А. Волвенко (Волвенко, 2017: 23). Отметим, что, подобно Н.А. Маслаковцу, П.С. Балуев служил в войсковой администрации (он был управляющим атаманской канцелярией (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 40б.).

Таким образом, с 1852 г., когда вышел том «Военно-статистического обозрения Российской империи» о Земле Войска Донского, подготовленный Л.Л. Штюмером, офицеры Генерального штаба неоднократно обращались к исследованию Донского края. Как нам представляется, это логично связать еще и с тем, что в Российской империи так и не было создано специального учебного заведения, готовившего чиновников для казачьих войск. Поэтому поручения по составлению разного рода статистических исследований о Донском крае получали служившие по местному гражданскому управлению выпускники академии Генерального штаба, в подготовку которых входила также военная статистика («Каждый офицер в течение года по указанным источникам обязан был составить статистическую карту или же большую таблицу с объяснениями и выводами. Занятия эти приносили заметную пользу, научая обращению со статистическими данными») (Глиноецкий, 1882: 165). При этом, за исключением Н.И. Краснова, выпускники академии Генерального штаба из числа донских казаков сколько-либо заметно себя в рамках подобных исследований не проявили, зато успешны оказались некоторые офицеры Генерального штаба неказачьего происхождения.

Но вернемся к списку А.А. Кириллова. В нем остались две не рассмотренные нами персоналии – генералы А.И. Ригельман и В.Б. Броневский. Их объединяет то, что они писали в то время, когда еще не сформировалось ни донской региональной исследовательской традиции, ни практики изучения Войска Донского в служебных целях офицерами Генерального штаба. В подобных условиях любознательные и образованные русские военные, контактируя с донскими казаками, занимались написанием их истории для себя или для публики. А.И. Ригельман, военный инженер, писал свою «Историю или повествование о Донских казаках», когда служил командиром Азовского департамента крепостей (Аваков, 2008: 55-60). В предисловии к книге он так описал свою мотивацию к ее созданию: «Причина желания понудила меня к тому, что я должен был, для любопытства моего, выбирать из разных летописей, записок и повествований, для того единственно, что не мог найти об их (о донских казаках – Авт.) особого и настоящего описания, как только по малому напоминанию введенных в книгах от нескольких авторов» (Ригельман, 1846: I). Действительно, книга А.И. Ригельмана оказалась первым и единственным написанным в XVIII в. исследованием о донских казаках. Она не была издана при жизни автора и впервые опубликована только в 1846 г. в Москве русским ученым О.М. Бодянским, так определявшим ценность этого труда: «В истории его находим множество таких данных, которых напрасно стали бы искать у кого-либо» (Ригельман, 1846: I). Донские дореволюционные авторы относились к работе А.И. Ригельмана значительно критичнее, однако многие из них, в частности А.А. Кириллов, тоже признавали ее ценность именно в том отношении, что, наряду с компиляцией откровенно ненаучных или, наоборот, хорошо известных сведений об истории Дона, А.И. Ригельман приводил уникальные сведения о казаках своего времени и недавнего прошлого, более никем так подробно не описанные. А.А. Кириллов, характеризуя «Историю или повествование о Донских казаках», не только приводил процитированные нами выше слова О.М. Бодянского, но и добавлял к ним конкретное перечисление уникальной ценной информации, сообщаемой только в данной книге: «важные сведения о домашней жизни донцев в первой половине XVIII столетия и упомянутые «изображения одеяния», план и карту (Черкаска – Авт.), составленные самим автором» (Кириллов, 1909: 5).

Схожую историю имела и книга В.Б. Броневского. Как писал сам автор в предисловии, он лечился на Кавказе, а в перерыве между курсами лечения минеральными водами решил не возвращаться в Санкт-Петербург, а поехать к брату в Новочеркасск (Броневский, 1834: I). Там он оказался весьма впечатлен рассказами казаков «о бывалом, о рыцарских их подвигах» и «любовью ко всему отечественному» этих казаков (Броневский, 1834: I-II). Все это вызвало у генерала желание ближе познакомиться с историей донского казачества, а затем, убедившись, что «в Словесности нашей не достаёт Истории Донского Войска», В.Б. Броневский рискнул опубликовать плоды своих трудов (Броневский, 1834: II-III). Правда, к этому времени уже была опубликована «История о Донском Войске» А.Г. Попова, но ее В.Б. Броневский оценивал крайне низко, отмечая встречающиеся в ней «противоречия и несообразности» (Броневский, 1834: V). Однако и сам В.Б. Броневский не имел фундаментального образования, которое позволило бы написать качественный исторический труд: он начинал свою службу во флоте и окончил Морской кадетский корпус (Захарова, 2008: 60-61). При этом, в отличие от А.И. Ригельмана, у которого просто не было конкурентов в описании донских казаков XVIII в. с позиции современника, В.Б. Броневскому пришлось столкнуться с конкуренцией со стороны зарождавшейся донской региональной историографии. Его труд возник почти одновременно с «Историческим описанием Земли Войска Донского» В.Д. Сухорукова, которое долго оставалось не изданным по цензурным соображениям.

В результате среди как минимум части донской образованной элиты В.Б. Броневский стал постоянной мишенью для откровенных нападок, характеризовавших его как плодовитого, но бездарного, а возможно, и не вполне морально чистоплотного автора. Уже в 1837 г. донской общественный деятель и писатель И.С. Ульянов писал в частном письме: «Всего прискорбнее было видеть, что самая отечественная история передается потомкам со всеми прапрадедовскими недостатками, освященными славным именем Карамзина и повторяемыми близорукими подражателями его до кривотолка Броневского. Жаль, если полезные труды г. Сухорукова, бросившего на эту важную часть познания новый свет, ограничены будут известными двумя тетрадками, не удостоившись печатной почести» (Морозова, 2007). «Броневский, писатель, более других знакомый с историей и обычаями донцов, имевший случай лично проверить многое в бытность свою на Дону, впадает в не менее грубые заблуждения и часто, или не умея согласить разноречащих летописных свидетельств с временными официальными актами и с тем, что он видел собственными глазами, или не желая выставить себя слишком смелым антагонистом общепринятых мнений, явно противоречит самому себе, как бы боясь сказать настоящую истину», – заявил в 1854 г. донской поэт А.А. Леонов в публичной речи (Артинский, 1907: 387). Еще меньше повезло В.Б. Броневскому в историографии российской. Здесь отношение к его работам во многом задано следующей характеристикой, данной им А.С. Пушкиным: «Политические и нравоучительные размышления, коими г. Броневский украсил свое повествование, слабы и пошлы и не вознаграждают читателей за недостаток фактов, точных известий и ясного изложения происшествий» (Пушкин, 1969: 149).

Тем не менее, с нашей точки зрения, чисто методологически работы А.И. Ригельмана и В.Б. Броневского о донском казачестве достаточно близки. Это компиляции информации о казачестве, выполненные на донском уровне и содержащие наряду с ценными сведениями откровенные фантазии, причем к «Истории или повествованию о Донских казаках» последнее утверждение применимо едва ли не в большей степени. Так, А.И. Ригельман утверждал, будто бы «греческий царь Константин Порфирогенет» писал, что «начало Козаков происходит со времени 948 году, от славного победителя Татар Косака, и по его имени проименовалось воинство его Козаками» (Ригельман, 1846: 5). В действительности, конечно, ничего подобного в текстах византийского императора Константина Багрянородного нет, а место в трактате «Об управлении империей», которое в XVIII в. даже серьезные ученые иногда считали упоминанием о казаках, выглядит так: «Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии – страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор – страна Алакия» (Константин Багрянородный: 145). «Касахию» в рамках науки времен А.И. Ригельмана действительно можно было связать с позднейшими казаками, однако все фантазии о том, будто бы император прямо писал о казаках и их первом предводителе, представляют собой грубую ошибку генерала, очевидно, приводившего этот сюжет по какому-то сильно искаженному источнику, а не по собственно трактату «Об управлении империей».

Мы акцентируем внимание на этом сюжете не для того, чтобы подвергнуть сомнению важность нарратива А.И. Ригельмана для изучения донского казачества (еще раз подчеркнем, что книга генерала представляет собой источник уникальной информации по многим темам). Однако нам представляется не вполне справедливым, что В.Б. Броневский критикуется за ошибки, прощающиеся его предшественнику. Более обоснованной нам представляется позиция Н.И. Краснова, который в 1863 г., характеризуя работы по истории Войска Донского, объединил работы А.И. Ригельмана, А.Г. Попова и В.Б. Броневского в одну группу как тексты, «основанные или на преданиях, или на весьма небольшом числе рукописных сочинений» (Краснов, 1863: 1). Работу А.И. Ригельмана из этого ряда выделяют не столько методы исследования, предложенные ее автором, сколько время написания, благодаря которому она обычно не сравнивается с более поздними и более научно обоснованными работами о донском казачестве.

Таким образом, А.И. Ригельман и В.Б. Броневский относятся к еще одной группе военных исследователей Дона, причем эта группа хронологически была первой. Образованные русские генералы и офицеры, сталкиваясь с казаками и зная, что исследования достаточно экзотического тогда для русского общества Войска Донского отсутствуют, создавали собственные тексты, описывающие настоящее и прошлое Дона. К сожалению, поиск подобных работ по русским журналам XIX в. не велся, хотя известны как минимум путевые заметки «Дон и донцы в прежнее и настоящее время (из дорожных записок кавказского офицера)», опубликованные в 1879 г. в «Русской старине» (А.П. Че-въ, 1879: 709-730; Дон и донцы..., 1879: 173-188). С этим материалом связан любопытный казус: изначально редакция неверно атрибутировала его, приписав приславшему в редакцию известному донскому деятелю генералу А.П. Чеботареву (Дон и донцы..., 1879: 173). Между тем последний только выступил публикатором материалов своего друга, некоего «кавказского офицера», пожелавшего остаться неизвестным (Дон и донцы..., 1879: 173). При этом первая часть материалов, о Донском Войске в 1851 г., публиковалась ранее, в 1852 г., в «Сыне отечества», т. е. этот текст был написан и опубликован до того, как исследования донских авторов и офицеров Генерального штаба начали печататься (А.П. Че-въ, 1879: 709). И в современной историографии данные путевые заметки

известны как раз с ложной атрибуцией автора: на их первую часть ссылается А.А. Волвенко, считая, в соответствии с первоначальным неверным указанием редакции «Русской старины», будто бы их написал А.П. Чеботарев (Volvenko, 2015: 20, 34). Отметим, кстати, что написание данных путевых заметок казаком было возможно только в качестве очевидной литературной мистификации: казаки в данном тексте очевидно описываются с позиции внешнего наблюдателя, причем воспринимающего их как экзотику.

Таким образом, 8 важнейших, согласно А.А. Кириллову, обобщающих работ по истории донского казачества, выпущенных до 1909 г., были написаны авторами, которых можно разделить на три группы. Большую часть (5 работ) написали казаки, хотя формально и являвшиеся военными (за исключением одного А.М. Савельева), однако имевшие гражданское образование и служившие на момент создания текста по гражданскому управлению Донским Войском (речь идет о А.Г. Попове, В.Д. Сухорукове, М.Х. Сенюткине и В.М. Пудавове). Соответственно, их принадлежность к военным исследователям Дона нужно рассматривать в каждом случае персонально. Одна работа, хотя и была написана казаком (Н.И. Красновым), однако казаком, имевшим имперское военное образование (Николаевская академия Генерального штаба), а издана она была в общеимперской серии историко-статистических описаний регионов Российской империи. Аналогичные историко-статистические описания Донского Войска писались и офицерами Генерального штаба неказачьего происхождения (Л.Л. Штюрмер, В.В. Лобачевский), однако они в специфической региональной донской историографии востребованы не были. С другой стороны, дореволюционными и современными донскими историками используются статистические работы некоторых офицеров Генерального штаба, занимавших гражданские должности в донской администрации (Н.А. Маслаковец, П.С. Балувев), причем эти работы часто создавались в связи со служебной деятельностью авторов, в рамках подготовки реформ или информирования о местных реалиях вышестоящего начальства. Наконец, две рассмотренные А.А. Кирилловым работы – А.И. Ригельмана и В.Б. Броневского – относятся к числу первых исследований Дона, и создавались контактировавшими с казаками русскими офицерами, которые заинтересовались ими и обнаружили, что о них нет качественной литературы. Вероятно, число таких работ было больше (как минимум известны путевые записки 1851 г. анонимного кавказского офицера, в донской историографии порой приписываемые А.П. Чеботареву), однако их поиск до сих пор целенаправленно не велся.

Обратимся теперь к частным работам, упоминаемым А.А. Кирилловым, приведя хотя бы важнейшие их направления и остановившись более детально на тех, к которым были причастны имперские военные. Их фамилии мы выделили курсивом.

Таблица 2. Важнейшие направления частных исследований донской истории, по А.А. Кириллову

Направление	Занятые им авторы	Некоторые важнейшие работы
Публикация первоисточников	И.П. Прянишников, А.А. Карасев, Х.И. Попов, А.А. <i>Лишин</i>	«Материалы для истории войска Донского. Грамоты»; «Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным»
Церковная история Дона	Н.П. Снесарев, А.А. Кириллов	Снесарев Н.П. «Донская епархия и десятилетнее управление ею архиепископа Платона», Кириллов А.А. «Справочная книжка и календарь для Донского духовенства на 1896 год»
Масштабные исторические проекты	А.А. Карасев, Х.И. Попов	Попытка привлечь Н.И. Костомарова к написанию донской истории, создание Донского музея
Исследования Военного министерства ¹	А.И. <i>Никольский</i> , Н.А. Чернощев, Б.Л. Исполатов, Ф.Н. Абрамов	«Столетие Военного Министерства. (1802–1902 гг.). Главное Управление казачьих войск»

Источник: Кириллов А.А. Краткое обозрение истории о донских казаках. Новочеркасск, 1909. С. 21-33.

Наиболее фундаментальным дореволюционным изданием документов по истории донского казачества, не утратившим значения и по сей день, являются «Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным» (Акты..., 1891; Акты..., 1894а; Акты..., 1894б; Акты... Т. III., 1894с). В предисловии к первому тому издания сообщается, что «состоящий при Главном Управлении казачьих войск генерал-майор Александр Андреевич Лишин при исполнении возложенного на него поручения – составить расписания о пожаловании в разное время казачьим

¹ После раздела об исследовательской деятельности Военного министерства есть еще перечисление отдельных работ и сборников преимущественно местных авторов, к сожалению, достаточно бессистемное.

войскам и частям этих войск знамен, штандартов и других отличий – собрал в архивах разных правительственных учреждений значительное количество материалов, относящихся к Истории Войска Донского» (Акты..., 1891: I). Таким образом, собрание документов по донской истории стало, как и многие другие рассмотренные нами исследования российских военных, следствием правительственного задания. Правда, в данном случае выполнявший его А.А. Лишин, похоже, по собственной инициативе значительно вышел за рамки поставленной ему цели. При этом издание найденных им работ было осуществлено, хотя и с разрешения Военного министерства, но в Новочеркасске, на войсковые средства, и под редакцией известнейших донских историков-любителей А.А. Карасева и Х.И. Попова (Акты..., 1891: I).

Показательно, что проведший без преувеличения огромную работу по поиску архивных документов о Донском Войске А.А. Лишин не удостоился серьезного внимания в историографии. А.А. Кириллов приводит о нем только те сведения из предисловия к его книге, которые мы упомянули выше (Кириллов, 1909: 21). За исключением некрологов, единственная известная нам небольшая биографическая статья о А.А. Лишине вышла в 2010 г. в краеведческом издании «Донской временник», причем ее автором был москвич В.Ф. Вебер (Вебер, 2010: 154-155). Из этой статьи следует, что А.А. Лишин окончил только Николаевское кавалерийское училище, был строевым офицером, участником Кавказской войны, однако в 1870–1880 гг. достаточно долго служил в Главном управлении казачьих войск (Вебер, 2010: 154-155). Таким образом, вопрос о том, что сподвигло его на столь фундаментальный дополнительный архивный поиск, остается открытым. Однако можно констатировать, что работа А.А. Лишина сводилась исключительно к архивному поиску документов, а подготовку их к печати производили другие люди, обладавшие большим опытом в научной деятельности.

Фундаментален и 11 том «Столетия Военного Министерства» о Главном управлении казачьих войск. А о его авторах мы знаем еще меньше, чем о А.А. Лишине. Специально исследовавший данное издание А.А. Волвенко пишет: «Об авторах 11 тома известно крайне мало, и говорить о наличии у них исторического образования или писательского опыта, вероятно, не приходится» (Волвенко, 2018: 117). Из четырех чиновников Главного управления казачьих войск (А.И. Никольский, Н.А. Чернощев, Б.Л. Исполатов, Ф.Н. Абрамов), участвовавших в составлении данного тома, военный чин (подполковник) имел только А.И. Никольский (Волвенко, 2018: 117). К сожалению, больше никакими сведениями о нем мы не располагаем. А.А. Кириллов характеризовал 11 том «Столетия Военного Министерства» так: «Это единственная капитальная книга о казачестве за XIX век, основанная на несомненно исторических данных, поскольку она представляет извлечение и свод официальных документов и архивных материалов» (Кириллов, 1909: 32-33). Схожую оценку дает и А.А. Волвенко, отмечая, что авторы данного тома систематизировали и опубликовали множество сведений о системе управления, военной службы и землепользования казачьих войск, основанных на доступных им документах Военного министерства, однако до полноценной исторической аналитики подняться не смогли: «Даже прямой доступ к архивным делам Главного управления, имевшийся в силу служебного положения у авторского коллектива тома, не позволил им выйти на какой-то новый уровень осмысления материала, хотя охват вопросов по истории казачества и получившийся объем, безусловно, впечатляют» (Волвенко, 2018: 117). Таким образом, подобно А.А. Лишину, А.И. Никольский и его коллеги рассмотрели огромный объем архивных работ, выявив и систематизировав материал по истории российского казачества XIX в., однако не справились с обобщением этого материала.

Итак, можно выделить еще одну категорию военных исследователей Дона. Речь идет об офицерах Главного управления казачьих войск, которые при этом не были офицерами Генерального штаба. Именно они создали два фундаментальнейших дореволюционных труда по истории Донского Войска – «Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным» и 11 том «Столетия Военного Министерства». В отличие от большинства произведений дореволюционных военных исследователей Дона неказачьего происхождения, эти два труда оказались востребованы донской региональной историографией, однако их авторы все равно оказались фактически забыты. Для данной категории исследователей была характерна специфическая методика, во многом как раз и повлекшая малое внимание к их личностям. И А.А. Лишин, и входивший в состав авторов 11 тома «Столетия Военного Министерства» А.И. Никольский делали акцент на собирании архивных материалов столичных ведомств, доступных для них в рамках данного начальством служебного задания. А вот с авторским анализом и интерпретацией данных документов исследователи по существу не справились: А.А. Лишин вообще ограничился изданием сборника актов по истории казачества, причем найденные им документы готовили к печати другие люди, а А.И. Никольский и другие авторы 11 тома «Столетия Военного Министерства» найденные ими документы пересказали, не сумев провести их полноценные научный анализ и научную критику. Это не уменьшает их заслуг (в рамках своих возможностей данные исследователи едва ли могли сделать больше, напротив, попытки научного анализа при отсутствии должного образования могли ухудшить качество их работ). Однако вполне понятно, почему исследователи, не предложившие собственных авторских концепций и идей, но выступавшие ретрансляторами найденной в архивах информации, не вызвали особенного интереса у позднейших

историков. Тем не менее с учетом важности работ, созданных А.А. Лишиным и А.И. Никольским, такое невнимание незаслуженно.

5. Заключение

Нам остается констатировать, что можно выделить как минимум четыре группы военных, в дореволюционный период занимавшихся исследованиями Войска Донского. Эти группы и некоторые особенности мы систематизируем ниже:

1. **Офицеры-донские казаки.** Эта группа наиболее многочисленна, разнородна и изучена историками, поэтому мы ее специально не рассматривали. В то же время нельзя не отметить, что отнесение многих имевших офицерские чины исследователей Дона из донских казаков к военным достаточно условно. Оно связано исключительно с тем, что большинство гражданских должностей в местной администрации замещалось людьми с номинальными военными чинами ввиду подчинения региона Военному министерству. В результате военные чины имел целый ряд крупных исследователей Дона, получивших гражданское (чаще всего университетское), а не военное образование, и реально не бывших на военной службе. Тут наиболее показателен пример М.Х. Сенюткина, выпускника Харьковского университета, редактора войсковой официальной газеты и судьи, тем не менее в 1849 г. получившего военный чин сотника. Для нас наиболее важно то, что как раз с отсутствием военного образования и контакта с военно-научной средой Российской империи может быть связано невнимание исследователей Дона из донских казаков ко многим произведениям российской военной науки о Войске Донском, включая первое опубликованное историко-статистическое описание, выполненное Л.Л. Штюмером и игнорировавшееся донскими авторами даже в историографических работах.

2. **Офицеры, посещавшие Дон до публикации серьезных исследований донского казачества и по результатам своих контактов с казаками попытавшиеся описать их.** Наиболее известными представителями этой группы являются генералы А.И. Ригельман и В.Б. Броневский, попытавшиеся создать полноценные истории донского казачества ввиду отсутствия подобных и очевидной важности данной темы. Однако были и другие случаи, когда побывавшие на Дону офицеры регулярной армии описывали свои впечатления как минимум в форме путевых заметок. Понятно, что тексты о малоизученном крае, создаваемые военными, не имевшими специальной научной подготовки, были фрагментарны и далеко не всегда достоверны. Донской дореволюционной историографией А.И. Ригельман и В.Б. Броневский были востребованы, и их работы включались в число важнейших попыток написать историю Войска Донского, однако результаты этих попыток воспринимались достаточно критически, с той оговоркой, что А.И. Ригельман писал намного раньше появления других работ по истории Дона и дал уникальную информацию о казаках XVIII в., полученную от них самих.

3. **Офицеры Генерального штаба.** С 1850 г. началось регулярное исследование Донского края этой категорией военных. Только полноценных статистических описаний территории Донского Войска офицерами Генерального штаба вышло три: работы Л.Л. Штюмера, Н.И. Краснова и В.В. Лобановского. Однако в региональной историографии известность получила только книга Н.И. Краснова, одновременно бывшего офицером Генерального штаба и казаком. Дореволюционными и современными авторами куда активнее используются более частные работы, написанные офицерами Генерального штаба, служившими в местной войсковой администрации. Особенно востребованы работы Н.А. Маслаковца, которые в 1880 г. выделял за точность известный донской автор С.Ф. Номикосов, а ныне используют при исследовании, например, донских калмыков. Часто подобные работы выполнялись при подготовке реформ или для информирования о местной статистике вышестоящего начальства. Поручение исследований местной статистики именно офицерам Генерального штаба было оправдано тем, что они проходили серьезную подготовку в этом отношении во время обучения в Николаевской академии Генерального штаба.

4. **Офицеры Главного управления казачьих войск.** Ими с 1880 г. было выполнено два фундаментальнейших дореволюционных труда о Донском Войске – «Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным» и 11 том «Столетия Военного Министерства» (о Главном управлении казачьих войск). Эти труды были в числе немногих исследований военных неказачьего происхождения, однозначно высоко оценивавшихся еще дореволюционной донской историографией. Однако об их авторах почти ничего не известно. Во многом это связано с тем, что готовившие данные книги офицеры (А.А. Лишин и А.И. Никольский) ограничились архивным поиском и трансляцией обнаруженной информации, воздержавшись от серьезных самостоятельных обобщений и создания авторских концепций.

Литература

А.П. Че-въ, 1879 – А.П. Че-въ. Дон и донцы в прежнее и настоящее время. 1851 и 1877 гг. // *Русская старина*. 1879. Т. 24. С. 709-730.

Аваков, 2008 – Аваков П.А. Призвание Александра Ригельмана // *Донской временник*. Вып. 17. Ростов на/Д., 2008. С. 55-60.

- Акты..., 1891** – Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. I. Новочеркасск, 1891. 368 с.
- Акты..., 1894a** – Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. II. Ч. 1. Новочеркасск, 1894. 373 с.
- Акты..., 1894b** – Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. II. Ч. 2. Новочеркасск, 1894. 452 с.
- Акты..., 1894c** – Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. III. Новочеркасск, 1894. 480 с.
- Аргинский, 1907** – *Аргинский И.П.* Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск, 1907. 469 с.
- Археологические находки..., 2021** – Археологические находки Донского музея: каталог коллекции Х.И. Попова. Ростов на/Д., 2021. 272 с.
- Балуев, 1900** – *Балуев П.С.* Исторические и статистические описания станиц и городов, посещаемых г. Военным Министром при объезде Его Превосходительством Области Войска Донского в 1900 году. Новочеркасск, 1900. 242 с.
- Богачев, 1919** – *Богачев В.В.* Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919. 523 с.
- Броневский, 1834** – *Броневский В.Б.* История Донского войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод. Ч. 1. СПб., 1834. 311 с.
- Вебер, 2010** – *Вебер В.Ф.* Петербуржец – Войску Донскому // *Донской временник*. Вып. 19. Ростов на/Д., 2010. С. 154-155.
- Военно-статистическое обозрение..., 1852** – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 11, ч. 5: Земля Войска Донского. СПб., 1852. 234 с.
- Волвенко, 2017** – *Волвенко А.А.* Очерки по истории донского казачества в позднейимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов на/Д., 2017. 226 с.
- Волвенко, 2018** – *Волвенко А.А.* Власть и казачество в эпоху «Великих реформ» Александра II (1860–1870-е гг.). Историографические заметки // *Россия XXI*. 2018. № 6. С. 104-129.
- Ганин, 2008** – *Ганин А.В.* Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. (1891–1917). М., 2008. 685 с.
- Глиноецкий, 1882** – *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба. СПб., 1882. 793 с.
- Григорович, 1911** – *Григорович Н.С.* Памяти Н.А. Маслаковца // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 23. Оренбург, 1911. С. 262-266.
- Дзидзария, 1976** – *Дзидзария Г.А.* Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1976. 130 с.
- Дон и донцы..., 1879** – Дон и донцы в прежнее и настоящее время (из дорожных записок кавказского офицера). 1877 г. // *Русская старина*. 1879. Т. 25. С. 173-188.
- Донцы, 2003** – Донцы XIX века. Ростов на/Д., 2003. 599 с.
- Дронов, 2020** – *Дронов А.М.* Место Военной Границы в концепции административно-политического устройства королевства Хорватии и Славонии в 40–70-е годы XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2020. 223 с.
- Захарова, 2008** – *Захарова М.М.* К вопросу о биографии В.Б. Броневского // *Вестник РГГУ*. 2008. № 11. С. 58-74.
- Камозин, 2006** – *Камозин Э.Э.* Неопубликованные исторические заметки Х.И. Попова и развитие донской региональной исторической науки второй половины XIX – начала XX века // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2006. № 2. С. 33-36.
- Кириллов, 1909** – *Кириллов А.А.* Краткое обозрение истории о донских казаках. Новочеркасск, 1909. 41 с.
- Колосовская, Ткаченко, 2021** – *Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С.* Военные кавказоведы Российской империи. Ставрополь, 2021. 331 с.
- Константин Багрянородный, б. г.** – *Константин Багрянородный*. Об управлении Империей: Текст, перевод и вступительная статья Г. Г. Литаврина. [Электронный ресурс]. URL: <https://inslav.ru/sites/default/files/litavrin-constantinus-porphrogenitus-text.pdf> (дата обращения: 15.01. 2023)
- Королев, 1991** – *Королев В.Н.* Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов на/Д., 1991. 461 с.
- Коршиков, Королев, 2001** – *Коршиков Н.С., Королев В.Н.* Историк Дона В.Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» / *Сухоруков В.Д.* Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов на/Д., 2001. С. 7-18.
- Краснов, 1863** – *Краснов Н.И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
- Л.Б., 1906** – *Л.Б.* Алексей Григорьевич Попов, первый директор войсковой гимназии // *Сборник областного Войска Донского статистического комитета*. Вып. 6. Новочеркасск, 1906. С. 49-59.
- Линин, 1941** – *Линин А.М.* Историк Войска Донского В.Д. Сухоруков и А.С. Пушкин / *Линин А.М.* А.С. Пушкин на Дону. Ростов на/Д., 1941. С. 94-152.

- Лобачевский, 1908** – Лобачевский В.В. Военно-статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1908. 558 с.
- Маслаковец, 1872** – Маслаковец Н.А. Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков. Ч. 1. Новочеркасск, 1872. 114 с.
- Мининков, 2011** – Мининков Н.А. Донской историк есаул Евлампий Никифорович Кательников. Ростов на/Д., 2011. 170 с.
- Мининков, 2016** – Мининков Н.А. Исследователи Дона Иван Васильевич Тимощенко и Федор Калинич Траилин. Ростов на/Д., 2016. 164 с.
- Морозова, 2007** – Морозова О.М. «Выдающийся донец» – генерал Иван Ульянов // *Relga. Научно-культурологический журнал*. 2007. № 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1959&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 03.06.2021).
- Номикосов, 1884** – Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 762 с.
- ОР РНБ** – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- Петровский, 1916** – Петровский А.И. Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным. (1738–1916 гг.). Новочеркасск, 1916. 40 с.
- Пудапов, 1890** – Пудапов М.В. Предисловие // Пудапов В.М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890. С. III-X.
- Пушкин, 1969** – Пушкин А.С. Об «Истории Пугачевского бунта» / Собрание сочинений в шести томах. Т. VI. М., 1969. С. 134-150.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Ригельман, 1846** – Ригельман А.И. История или повествование о Донских казаках. М., 1846. 165 с.
- Ряжев, Сангаджиева, 2018** – Ряжев А.С., Сангаджиева Е.В. Н.А. Маслаковец о хозяйстве донских калмыков // *Монголоведение (Монгол судлал)*. 2018. № 14. С. 63-76.
- Хлыстов, 1962** – Хлыстов И.П. Дон в эпоху капитализма. 60-е – середина 90-х годов XIX в. Ростов на/Д., 1962. 331 с.
- Koppen, 1852** – Koppen, P. von. Statistische Reise in's Land der Donischen Kosaken durch die Gouvernements Tula, Orel und Woronesh im Jahre 1850. St. Petersburg, 1852. 400 b. [in Deutsch]
- Volvenko, 2015** – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // *Russkaya Starina*. 2015. Vol. 13. Is. 1. Pp. 19-37.
- Volvenko, 2016** – Volvenko A.A. Ivan Krasnov about "the Cossack nationality" and "the Don patriotism" (Based on Periodicals of the 1860s) // *Russkaya starina*. 2016. Vol. (17). Is. 1. Pp. 33-40.

References

- A.P. Che-v", 1879** – A.P. Che-v" (1879). Don i dontsy v prezhee i nastoyashchee vremya. 1851 i 1877 gg. [Don and Don Cossacks in the past and present. 1851 and 1877]. *Russkaya starina*. 24: 709-730. [in Russian]
- Akty..., 1891** – Akty, odnosyashchiesya k istorii Voiska Donskogo, sobrannye general-maiorom A.A. Lishinym [Acts related to the history of the Don Cossacks, collected by Major General A.A. Lishin]. Vol. I. Novoherkassk. P. 368. [in Russian]
- Akty..., 1894b** – Akty, odnosyashchiesya k istorii Voiska Donskogo, sobrannye general-maiorom A.A. Lishinym [Acts related to the history of the Don Cossacks, collected by Major General A.A. Lishin]. Vol. II. P. 2. Novoherkassk. P. 452. [in Russian]
- Akty..., 1894c** – Akty, odnosyashchiesya k istorii Voiska Donskogo, sobrannye general-maiorom A.A. Lishinym [Acts related to the history of the Don Cossacks, collected by Major General A.A. Lishin]. Vol. III. Novoherkassk. P. 480. [in Russian]
- Akty..., 1894a** – Akty, odnosyashchiesya k istorii Voiska Donskogo, sobrannye general-maiorom A.A. Lishinym [Acts related to the history of the Don Cossacks, collected by Major General A.A. Lishin]. Vol. II. P. 1. Novoherkassk. P. 373. [in Russian]
- Arkheologicheskie nakhodki..., 2021** – Arkheologicheskie nakhodki Donskogo muzeya: katalog kollektzii Kh.I. Popova [Archaeological finds of the Don Museum: catalog of Kh.I. Popov]. Rostov-na-Donu. P. 272. [in Russian]
- Artinskii, 1907** – Artinskii, I.P. (1907). Ocherk istorii Novoherkasskoi voiskovoi gimnazii [Essay about the history of the Novoherkassk Host gymnasium]. Novoherkassk, 1907. P. 469. [in Russian]
- Avakov, 2008** – Avakov, P.A. (2008). Prizvanie Aleksandra Rigel'mana [Vocation of Alexander Rigelman]. *Donskoi vremennik*. 17: 55-60. [in Russian]
- Baluev, 1900** – Baluev, P.S. (1900). Istoricheskie i statisticheskie opisaniya stanits i gorodov, poseshchaemykh g. Voennym Ministrom pri ob"ezde Ego Prevoskhoditel'stvom Oblasti Voiska Donskogo v 1900 godu [Historical and statistical descriptions of the villages and cities visited by the Minister of War during the tour of His Excellency the Don Host Oblast in 1900]. Novoherkassk. P. 242. [in Russian]

- Bogachev, 1919** – *Bogachev, V.V.* (1919). Ocherki geografii Vsevelikogo Voiska Donskogo [Essays about the geography of the Great Don Host]. Novocherkassk. P. 523. [in Russian]
- Bronevskii, 1834** – *Bronevskii, V.B.* (1834). Istoriya Donskogo voiska, opisanie Donskoi zemli i Kavkazskikh mineral'nykh vod [History of the Don Host, description of the Don land and Caucasian mineral waters.]. Ch. 1. SPb. P. 311. [in Russian]
- Don i dontsy..., 1879** – Don i dontsy v prezhnee i nastoyashchee vremya (iz dorozhnykh zapisok kavkazskogo ofitsera) [Don and Don Cossacks in the past and present (from the travel notes of a Caucasian officer). 1877]. 1877 g. *Russkaya starina*. 1879. 25: 173-188. [in Russian]
- Dontsy, 2003** – Dontsy XIX veka [Don Cossacks of the 19th century]. Rostov-on-Don. P. 599. [in Russian]
- Dronov, 2020** – *Dronov, A.M.* (2020). Mesto Voennoi Granitsy v kontseptsii administrativno-politicheskogo ustroystva korolevstva Khorvatii i Slavonii v 40-70-e gody XIX v. [The place of the Military Frontier in the concept of the administrative and political structure of the Kingdom of Croatia and Slavonia in the 40-70s of the XIX century]. Dis. ... kand. ist. nauk. M. P. 223. [in Russian]
- Dzidzariya, 1976** – *Dzidzariya, G.A.* (1976). F.F. Tornau i ego kavkazskie materialy XIX veka [F.F. Tornau and his Caucasian materials of the 19th century]. M. P. 130. [in Russian]
- Ganin, 2008** – *Ganin, A.V.* (2008). Nakanune katastrofy. Orenburgskoe kazach'e voisko v kontse XIX – nachale XX v. (1891–1917) [Before the disaster. Orenburg Cossack Host in the late XIX – early XX centuries] (1891–1917). M. P. 685. [in Russian]
- Gliinoetskii, 1882** – *Gliinoetskii, N.P.* (1882). Istoricheskii ocherk Nikolaevskoi akademii general'nogo shtaba [Historical sketch about the Nicholas General Staff Academy]. SPb. P. 793. [in Russian]
- Grigorovich, 1911** – *Grigorovich, N.S.* (1911). Pamyati N.A. Maslakovtsa [In memory of N.A. Maslakovets]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Vol. 23. Orenburg. Pp. 262-266. [in Russian]
- Kamozin, 2006** – *Kamozin, E.E.* (2006). Neopublikovannye istoricheskie zametki Kh.I. Popova i razvitie donskoi regional'noi istoricheskoi nauki vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Unpublished historical notes of Kh.I. Popov and the development of the Don regional historical science in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiia vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 2: 33-36. [in Russian]
- Khlystov, 1962** – *Khlystov, I.P.* (1962). Don v epokhu kapitalizma. 60-e - seredina 90-kh godov XIX v. [Don in the era of capitalism. 60s – mid 90s of the XIX century]. Rostov-on-Don. P. 331. [in Russian]
- Kirillov, 1909** – *Kirillov, A.A.* (1909). Kratkoe obozrenie istorii o donskikh kazakakh [Brief review of the history of the Don Cossacks]. Novocherkassk. P. 41. [in Russian]
- Kolosovskaya, Tkachenko, 2021** – *Kolosovskaya, T.A., Tkachenko, D.S.* (2021). Voennye kavkazovedy Rossiiskoi imperii [Military researchers of the Caucasus from the Russian Empire]. Stavropol. P. 331. [in Russian]
- Konstantin Bagryanorodnyi, b. g.** - *Constantine VII Porphyrogenitus* (no date). Ob upravlenii Imperiei [About the Administration of the Empire]. [Electronic source]. URL: <https://inslav.ru/sites/default/files/litavrin-constantinus-porphirogenitus-text.pdf> (date of access: 15.01. 2023). [in Russian]
- Koppen, 1852** – *Koppen, P. von.* (1852). Statistische Reise in's Land der Donischen Kosaken durch die Gouvernements Tula, Orel und Woronesh im Jahre 1850 [Statistical journey to the country of the Don Cossacks through the governorates of Tula, Orel and Voronezh in 1850]. St. Petersburg. 400 b. [in Deutsch]
- Korolev, 1991** – *Korolev, V.N.* (1991). Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh [Old Veshki. The story about the Cossacks.]. Rostov-on-Don. P. 461. [in Russian]
- Korshikov, Korolev, 2001** – *Korshikov, N.S., Korolev, V.N.* (2001). Istorik Dona V.D. Sukhorukov i ego «Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo» [Don Historian V.D. Sukhorukov and his «Historical Description of the Land of the Don Cossacks Host»]. *Sukhorukov V.D. Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo* [Historical Description of the Land of the Don Cossacks Host]. Rostov-or-Don. Pp. 7-18. [in Russian]
- Krasnov, 1863** – *Krasnov, N.I.* (1863). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo [Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Land of the Don Host]. SPb. P. 596. [in Russian]
- L.B., 1906** – *L.B.* (1906). Aleksei Grigor'evich Popov, pervyi direktor voiskovoi gimnazii [Aleksey Grigoryevich Popov, the first director of the Host gymnasium]. *Sbornik oblastnogo Voiska Donskogo statisticheskogo komiteta*. Vol. 6. Novocherkassk. Pp. 49-59. [in Russian]
- Linin, 1941** – *Linin, A.M.* (1941). Istorik Voiska Donskogo V.D. Sukhorukov i A.S. Pushkin [Historian of the Don Host V.D. Sukhorukov and A.S. Pushkin]. A.S. Pushkin na Donu [Pushkin on the Don]. Rostov-on-Don. Pp. 94-152. [in Russian]
- Lobachevskii, 1908** – *Lobachevskii, V.V.* (1908). Voенно-statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Military-statistical description of the Don Host Oblast]. Novocherkassk. P. 558. [in Russian]
- Maslakovets, 1872** – *Maslakovets, N.A.* (1872). Fizicheskoe i statisticheskoe opisanie kochev'ya donskikh kalmykov [Physical and statistical description of the nomad camp of the Don Kalmyks]. P. 1. Novocherkassk. P. 114. [in Russian]

- [Mininkov, 2011](#) – *Mininkov, N.A.* (2011). Donskoi istorik esaul Evlampii Nikiforovich Katel'nikov [Don Historian Yesaul Yevlampy Nikiforovich Katelnikov]. Rostov-on-Don. P. 170. [in Russian]
- [Mininkov, 2016](#) – *Mininkov, N.A.* (2016). Issledovateli Dona Ivan Vasil'evich Timoshchenkov i Fedor Kalinich Trailin [Don researchers Ivan Vasilievich Timoshchenkov and Fedor Kalinich Trailin]. Rostov-on-Don. P. 164. [in Russian]
- [Morozova, 2007](#) – *Morozova, O.M.* (2007). «Vydayushchiysya donets» – general Ivan Ul'yanov [«Outstanding Don Cossaks» – General Ivan Ulyanov]. *Relga. Nauchno-kul'turologicheskii zhurnal*. 8. [Electronic source]. URL: <http://www.relga.ru/Envion/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1959&level1=main&level2=articles> (date of access: 15.01. 2023). [in Russian]
- [Nomikosov, 1884](#) – *Nomikosov, S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novochoerkassk. P. 762. [in Russian]
- [OR RNB](#) – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of manuscripts of Russian national library].
- [Petrovskii, 1916](#) – *Petrovskii, A.I.* (1916). Opis' voiskovym, nakaznym i voiskovym nakaznym atamanam, v raznoe vremya v goroda Cherkassk, a zatem Novochoerkassk dlya upravleniya Oblast'yu voiska Donskogo ot vysshego nachal'stva postavlennym. (1738-1916 gg.) [Inventory of the vojskovye, nakaznye i vojskovye nakaznye atamans at different times in the city of Cherkassk and then Novochoerkassk to management of the Don Host from higher authorities delivered. (1738-1916 gg.)]. Novochoerkassk. P. 40. [in Russian]
- [Pudavov, 1890](#) – *Pudavov, M.V.* (1890). Predislovie [Preface]. Istoriya voiska Donskogo i starobytnost' nachal kazachestva. Novochoerkassk. Pp. III-X. [in Russian]
- [Pushkin, 1969](#) – *Pushkin, A.S.* (1969). Ob «Istorii Pugachevskogo bunta» [About the «History of the Pugachev rebellion»]. *Sobranie sochinenii v shesti tomakh*. Vol. VI. M. Pp. 134-150. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- [Rigel'man, 1846](#) – *Rigel'man, A.I.* (1846). Istoriya ili povestvovanie o Donskikh kazakakh [History or narrative about the Don Cossacks]. M. P. 165. [in Russian]
- [Ryazhev, Sangadzhieva, 2018](#) – *Ryazhev, A.S., Sangadzhieva, E.V.* (2018). N.A. Maslakovets o khozyaistve donskikh kalmykov [N. A. Maslakovets about the Economy of Don Kalmyks]. *Mongolovedenie (Mongol sudlal)*. 14: 63-76. [in Russian]
- [Veber, 2010](#) – *Veber, V.F.* (2010). Peterburzhets – Voisku Donskomu [Petersburger – to the Don Host]. *Donskoi vremennik*. Vol. 19. Pp. 154-155. [in Russian]
- [Voenno-statisticheskoe obozrenie..., 1852](#) – *Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii* [Military Statistical Review of the Russian Empire]. Vol. 11, P. 5: Zemlya Voiska Donskogo. SPb. P. 234. [in Russian]
- [Volvenko, 2015](#) – *Volvenko, A.A.* (2015) Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. *Russkaya Starina*. 13(1): 19-37.
- [Volvenko, 2016](#) – *Volvenko, A.A.* (2016). Ivan Krasnov about "the Cossack nationality" and "the Don patriotism" (Based on Periodicals of the 1860s). *Russkaya starina*. 17(1): 33-40.
- [Volvenko, 2017](#) – *Volvenko, A.A.* (2017). Ocherki po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskii period (II pol. XIX – nach. XX vv.) [Essays about the history of the Don Cossacks in the late imperial period (II half of the 19th - early 20th centuries)]. Rostov-on-Don. P. 226. [in Russian]
- [Volvenko, 2018](#) – *Volvenko, A.A.* (2018). Vlast' i kazachestvo v epokhu «Velikikh reform» Aleksandra II (1860-1870-e gg.). *Istoriograficheskie zametki* [Power and Cossacking in the Epoch «Great Reform» Alexandra II (1860–1870s). *Historiographic Notes*]. *Rossiia XXI*. 6: 104-129. [in Russian]
- [Zakharova, 2008](#) – *Zakharova, M.M.* (2008). K voprosu o biografii V.B. Bronevskogo [About the biography of V.B. Bronevsky]. *Vestnik RGGU*. 11: 58-74. [in Russian]

Военные исследователи Войска Донского в дореволюционный период: к постановке проблемы

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблематике военных исследователей Войска Донского в Российской империи. В ней показано, что в связи с подчинением Войска Донского Военному министерству подобных исследователей было достаточно много, однако в позднейшей историографии внимание привлекали преимущественно те из них, кто были казаками по

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

происхождению. Между тем даже самый общий анализ позволяет выделить 4 группы военных исследователей Войска Донского в Российской империи: это, помимо донских казаков, офицеры, посещавшие Дон до публикации серьезных исследований донского казачества, офицеры Генерального штаба и офицеры Главного управления казачьих войск. При этом как раз в случае с казаками отнесение исследователей, имевших военный чин, к военным исследователям должно производиться с серьезными оговорками: ряд донских офицеров, являвшихся историками и статистиками (например, М.Х. Сенюткин и В.М. Пудавов), не имели военного образования, в строевых частях не служили и были плохо знакомы со специальной военной литературой, в том числе и о донском казачестве.

Что касается других выделяемых в статье категорий, то офицеры, посещавшие Дон до публикации серьезных исследований донского казачества, старались описать, в том числе по собственным впечатлениям, казаков и Войско Донское, воспринимавшихся в качестве определенной экзотики, и тем самым заполнить лагуну в российской научной и публицистической литературе. Офицеры Генерального штаба нередко составляли свои работы при подготовке реформ или для информирования о местной статистике вышестоящего начальства, причем для их работ часто характерна опора на статистику, которую в качестве одного из предметов изучали в Николаевской академии Генерального штаба. Наконец, офицерами Главного управления казачьих войск был создан ряд текстов, основанных на трансляции найденных в архивах материалов, также обнаруженных в ходе исполнения правительственных заданий. Таким образом, для разных категорий военных исследователей Войска Донского в Российской империи были характерны несколько отличающиеся темы исследований и методы для изучения, что обуславливалось их образованием и должностными обязанностями.

Ключевые слова: историография, исследователи-военные, Область Войска Донского, офицеры генерального штаба, Главное управление казачьих войск.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 311-319
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.311

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russian-Turkish War (1877–1878) on the Pages of the Newspaper “Kurskie Eparkhial'nye Vedomosti”

Goran Rajović ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c, Aleksandr E. Epifanov ^{d, e}, Sergey A. Buryanov ^e

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Russian Federation

^e Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of the materials of the newspaper “Kurskie Eparkhial'nye Vedomosti” as a source of events of the Russian-Turkish War of 1877–1878 from the position of the Orthodox Church. The issues of the newspaper from the 8th to the 24th for 1877 and from the 1st to the 4th for 1878 are considered, that is, the numbers corresponding to the chronological framework of the war. The church newspaper “Kurskie Eparkhial'nye Vedomosti” was published from 1871 and until 1888 was published twice a month.

The historiographical (content analysis method) was used as the main research method, and methods of historical-systemic, historical-comparative, historical-genetic and synthesis methods, system analysis and hypothetical were also used.

It was concluded that the first “military” issues paid rather modest attention to combat operations, but with the development of the war, the corresponding articles became more and the peak of its patriotic content of the newspaper reaches by July 1877. Then there was a decline in military-patriotic articles up to the last issue.

The authors widely use such methods of military propaganda as “praising the leader”, “demonizing the enemy”, “justice of our struggle”, “support of our struggle by the world community”, etc. The articles attempt to mobilize the nation and motivate Russian subjects to labor and military exploits for the sake of victory. The materials about combat losses, as well as information about collections and donations are widely published, which allows us to conclude that mutual aid and patriotic charity are widespread.

By the end of 1877, when the war becomes commonplace, the number of publications of military content is minimized, up to the last military issue, which devotes only one article to the end of the war.

In comparison with another church publication, the newspaper “Irkutskie Eparkhial'nye Vedomosti”, the rates of patriotic and propaganda work in the newspaper “Kurskie Eparkhial'nye Vedomosti” has sharply decreased over the course of the war; there is reason to assume that military-patriotic work in the outback was established more qualitatively.

Keywords: “Kurskie eparkhial'nye vedomosti”, Russian-Turkish War of 1877–1878, Holy Synod, church publications, periodicals, Kursk province, Kursk diocese.

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

1. Введение

Победа в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. стала знаменательным шагом в истории России, так как Берлинский конгресс 1878 года упразднял условия кабального для Российской империи Парижского конгресса и одноименного мирного договора. Весьма живой отклик эта война встретила в русском обществе, так как проводилась под эгидой освобождения славянских народов Балканского полуострова от турецкого владычества. Русские издания не остались равнодушными к данной теме.

Церковная газета «Курские епархиальные ведомости» издавалась с 1871 года и первоначально выходила два раза в месяц (15-го и 30-го числа каждого месяца), а с 1888 г. стала выходить еженедельно, с этого же года редактором был протоиерей И. Новицкий. В издании публиковались церковные новости и религиозные нормативные акты, государственные новости и события, а также разного рода объявления, статистический материал, религиозные статьи и рассказы, биографии и речи церковных деятелей и многое другое. Газета издавалась при Курской духовной семинарии в г. Белгороде; годовая подписка, включавшая пересылку и доставку, стоила 5 рублей серебром.

Как освещалась Русско-турецкая война 1877–1878 годов на страницах данной церковной газеты и какие методы военной пропаганды использовались в ней? Данная работа призвана ответить на эти вопросы. Хронологические рамки исследования: апрель 1877 – февраль 1878 гг.

2. Материалы и методы

Основным источником стала церковная газета «Курские епархиальные ведомости», а именно – номера с апреля 1877 по февраль 1878 гг., то есть военные номера газеты за период Русско-турецкой войны.

В статье использовался комплекс исторических и общенаучных методов исследования. Из традиционных исторических методов были применены:

- историко-типологический (классификация методов и принципов военной пропаганды в газете «Курские епархиальные ведомости»);
- историко-системный (анализ материалов газеты и их интерпретация выполнялись в неотрывной связи с фронтовыми событиями Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, а также в соответствии с социальной, политической и экономической ситуацией);
- историко-генетический (исследование содержания материалов газеты проводилось как логичное продолжение предыдущих исторических событий).

Из общенаучных применялись методы синтеза, системного анализа, а также гипотетический.

3. Обсуждение

Вопросы, связанные с анализом Русско-турецкой войны 1877–1878 годов в периодической печати, в последние годы в научной исторической литературе поднимаются с каждым годом все чаще. Вместе с тем в дореволюционной исторической науке и публицистике эти темы не поднимались вовсе.

Из советских работ выделим труд З.П. Левашевой и К.В. Сеницыной «Русская военная периодическая печать (1702–1916)» (Левашева, Сеницына, 1959), а также статью Е.И. Лагутиной о русском журнале «Морской сборник» как источнике по истории флота (Лагутина, 1981). Некоторые сведения можно почерпнуть из библиографического указателя Н.Н. Аблова «Педагогическая периодическая печать» (Аблов, 1937), так как церковная литература в дореволюционную эпоху зачастую была и педагогической одновременно. Религиозную периодическую печать советские авторы, разумеется, не анализировали по известным причинам.

Тему русско-турецкой войны из современных исследователей достаточно подробно раскрывает С.А. Кочуков, в частности в монографии «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в освещении периодической печати России» (Кочуков, 2011); также отметим статьи этого автора, освещающие русско-турецкую войну 1877–1878 гг. в поэтической публицистике (Кочуков, 2014); им же рассматривается национально-освободительное движение на Балканах и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на страницах газеты «Саратовский справочный листок» (Кочуков, 2016b), анализируется военная пресса (Кочуков, 2016a) и др. Также выделим статью Р.П. Гришиной, посвященную российскому общественному мнению о войне (Гришина, 2011).

Так как материалы статей «Епархиальных ведомостей» неизбежно содержат элементы военной пропаганды, то в сферу библиографического анализа попали и труды по указанной тематике, в частности работы Дж. Дьюи (Дьюи, 2000; Дьюи, 2002), Ж. Демарсьяля (Demartial, 1930), Г. Лассвелла (Lasswell, 1927, Lasswell, 1938), В. Липпмана (Lippmann, 1922), Э. Морелли (Morelli, 2001) и других авторов, чьи интересы включали исследование военной пропаганды (Mamadaliyev, 2020b; Mamadaliyev, 2021a; Mamadaliyev, 2021b; Rajović et al., 2022 и др.).

Сравнительный анализ проводился с «Иркутскими епархиальными ведомостями» в аналогичный период, исследование содержания которых были проведены В.В. Барабаш, А.А. Грабелниковым, Р.А. Савастенко, М.Ю. Лавренътевой (Barabash et al., 2022).

Непосредственным анализом русско-турецкой войны и элементов военной пропаганды в «Епархиальных ведомостях» исследователи не занимались, что обуславливает научную новизну данной темы и является одной из причин ее написания.

4. Результаты

Русско-турецкая война началась 12 апреля 1878 года¹ и продолжалась до 19 февраля 1878 года, закончившись блестящей победой русских войск. Первый «военный» номер газеты «Курские епархиальные ведомости» от 15–30 апреля 1877 года № 8 вышел через три дня после начала войны и информации о таковой не содержит, что, вероятно, объясняется сверстанием номера и запуском его в тираж до начала боевых действий.

Следующий номер, 9-й от 1–14 мая 1877 г., уделяет начавшейся войне весьма скромное внимание. В нем содержится определение Святейшего синода от 3 марта – 4 апреля 1877 года № 20 «Руководство по уходу за больными и ранеными», которое было издано еще до войны ([Определение от 3 марта, 1877](#)). Лишь во второй, «Неофициальной части» содержится речь («Поучение»), сказанная «в Старооскольском богоявленском соборе (Курская епархия) 28 апреля 1877 года по случаю объявления Высочайшего манифеста о начале войны России с Турцией» священником Тимофеем Лисицыным. Автор указывает на гнет славян, на единоверие балканских народов с русским народом ([Определение от 3 марта, 1877: 33](#)), на «злодейства, совершаемые турками над нашими братьями славянами» ([Определение от 3 марта, 1877: 33](#)) и пр. Широко используется метод «восхваления вождя» и «демонизации противника» (более подробно о принципах военной пропаганды см. в работах Э. Морелли ([Morelli, 2001](#)), Г. Райовича ([Rajović et al., 2022](#)), А. Мамадалиева ([Mamadaliyev, 2020b](#)) и др.): «Врагам нашим, для достижения законопреступных целей, как слышно, намереваются содействовать своими силами некоторые иноземные державы; но наш Государь, наш заботливый Отец, будет ограждать наше отечество один-один только с милосердным Господом и с нами, преданными ему сынами отечества» ([Определение от 3 марта, 1877: 33](#)).

Речь И. Аксакова, председателя московского славянского благотворительного комитета, произнесенная 17 апреля 1877 года, проникнута патриотизмом и призывом к добровольческому движению ([Аксаков, 1877](#)): «Вот он наконец – миг так давно желанный и призываемый, выстрадавший миллионами сердец! Не напрасна была наша вера в «Кремлевское слово». Царское слово стало делом, дело превзойдет слово... Уже и теперь, по одному простому Царскому призыву к брани, чуждому горделивых надежд и искусственных возбуждений, великаном поднимается отзывное народное чувство, в самом деле будто Илья Муромец, отсидев сиднем, выпрямляется во весь рост» ([Аксаков, 1877: 40](#)). Как видим, текст весьма патриотичен и использует такие методы пропаганды, как «справедливость нашей борьбы», а также (далее по тексту) «демонизация врага»: «Обуяла ли его (государя – *Авт.*) жажда военной славы или мщение губительно-врагу?» ([Аксаков, 1877: 40](#)).

В заключение автор говорит: «Возблагодарим Бога, что Он даровал нам шанс пережить настоящие великие мгновения, ...испытывать высокую, очистительную и освященную отраду в том, что все мы теперь (имеются в виду россияне и балканские народы – *Авт.*) едины, в тесном союзе мысли и духа с миллионами братьев, – одним сердцем делим радость и горе, что от каждого из нас нужна, напрашивается и пригодится России работа. Настает день, бодрый, великий, трудовой, исторический день...» ([Аксаков, 1877: 55](#)). Как видим, весьма широко используются такие методы военной пропаганды, как «справедливость наших действий», а также мобилизация нации и мотивация русских подданных к трудовым и военным достижениям ради победы.

Также в номере содержится и речь Михаила Попова «Поучение к поселянам о воскресении мертвых», которая, однако, не делает акцента на войне в целом и жертвах войны в частности ([Попов, 1877](#)).

В целом отметим, что внимания военным событиям в данном – по факту первом «военном» – номере газеты посвящено достаточно немного: лишь две статьи из всего объема выпуска. Можно сказать, что газета выдерживает канву религиозного издания и политическим событиям, какими бы масштабными они ни были, в целом уделяет незначительное внимание.

В 10-м номере «Курских епархиальных ведомостей» войне уделяется больше внимания, о чем есть упоминания и в соответствующих синодальных документах, то есть в первой, «официальной» части газеты. В частности, публикуется определение Синода о церковных пожертвованиях «Обществу Красного Креста», согласно которому духовное ведомство перечислило весьма значительную сумму в 100 тысяч рублей четырехпроцентными облигациями ([Определение от 6–9 мая 1877, 1877: 3](#)). Также опубликован и «Циркуляр главного управления управлением и комитетом Общества попечения о раненых и больных бойцах» от 14 мая 1877 года № 2668 ([Циркуляр от 14 мая 1877, 1877: 7](#)).

Неофициальная часть снова начинается с патриотических текстов, в частности с письма Ф.Л. Ригера к И.С. Аксакову «Сочувствие чехов русскому народу» ([Сочувствие чехов, 1877](#)), в котором используется широкий спектр пропагандистских приемов, в том числе «поддержка мировым сообществом нашей борьбы». Также письмо несвободно от ноток идей национализма: «Ныне наступает минута, в которую, когда будет угодно Богу, первенство перейдет к славянам» ([Сочувствие чехов, 1877: 17](#)).

¹ Здесь и далее все даты – по старому стилю.

Ответное письмо И.С. Аксакова доктору Ригеру также выдержано в высокопатриотическом духе и содержит призыв к чешской нации всемерно поддержать борьбу русского народа за освобождение балканских славян ([Письмо Аксакова Ригеру, 1877](#)).

Первые «военные» номера «Курских епархиальных ведомостей», в частности №№ 11–14, достаточно много внимания уделяют боевым действиям русских войск и военной пропаганде. Это и содержание «официального отдела» газеты, в частности «Именной Высочайший указ министру финансов» о действиях, необходимых для «покрытия чрезвычайных расходов по случаю настоящей войны» ([Именной Высочайший указ, 1877](#)), «Летопись пожертвований по случаю войны с Турцией» ([Летопись пожертвований, 1877](#)), «Определение Святейшего синода от 8 июня 1877 года, за № 861, относительно прав надзирателей духовных семинарий и училищ по отбыванию воинской повинности» ([Определение № 861, 1877](#)), «Воззвание Государя Императора к болгарам» ([Воззвание Государя, 1877](#)), «Пожертвования Курского женского монастыря на раненых и больных воинов» ([Пожертвования..., 1877](#)), «Пожертвование в пользу раненых и больных воинов Путивльского благочиннического съезда» ([Пожертвование Путивльского съезда, 1877](#)), «Определение Святейшего Синода от 6-го июля 1877 года, за № 1009, о печатании в «Епархиальных Ведомостях» списков убитых в сражениях и умерших от ран или контузий нижних чинов действующей армии» ([Определение № 1009, 1877](#)) и др.; и «неофициального отдела», в частности «Документы, изданные константинопольской патриархией» ([Документы..., 1877](#)), речь священника И. Солнцева «Слово в неделю 4-ю по пятидесятниц» ([Солнцев, 1877](#)), речь священника И. Платонова «Поучение о Христианском участии в попечении о раненых и больных воинах», сказанная по поводу данной войны с турками 26 июня в Суджанской Покровской церкви ([Платонов, 1877](#)) и др.

Отметим, что публикация списков убитых и умерших от ранений бойцов становится хорошей и весьма полезной традицией в религиозных изданиях военного времени. На аналогичную ситуацию указывают и другие авторы применительно к «Иркутским епархиальным ведомостям» (см., в частности, [Varabash et al., 2022](#)).

Весьма широко публикуются и сборы о пожертвованиях, что позволяет сделать вывод о массовости взаимопомощи и патриотической благотворительности.

Каждый номер «Курских епархиальных ведомостей» вплоть до октября 1877 года публикует по несколько статей на военно-патриотическую тематику. Однако потом война становится обыденностью и количество подобных публикаций становится все меньше и меньше, хотя вплоть до завершения войны нет ни одного номера, в котором военная тематика не затрагивалась бы так или иначе.

«Неофициальный отдел» последнего «военного» номера (№ 5 от 1–15 марта 1878 года) открывается «Речью ... благодарственным молебствием о подписании мира с турками» (автор под псевдонимом М.Н.) ([М.Н., 1878](#)). Речь исполнена патриотизмом: «Итак, братья соотечественники, не напрасно нанесено столько жертв, недаром пролито столько Русской крови, нетщечно поднято и перенесено столько лишений и трудов Самим Венценосным Государем нашим и Его Царственной Семьею и это запечатлено Царственной Кровью. То, к чему стремилась Русь целые века, за что и прежде проливалось много Русской крови, – великое, святое дело, – освобождение единоплемных и единоверных нам славян Турции из-под ига мусульманского, является желанным и достойным плодом этих жертв, лишений, трудов и крови» ([М.Н., 1878: 19–20](#)). Достаточно часто используется слово «братья», что подчеркивает единение народов; заканчивается речь словами: «...А за героев-воинов, братьев наших, души положивших за святое дело, будем молиться, да дарует им Господь венцы нетления, ...и память их будет в роды ...!» ([М.Н., 1878: 23](#)). Однако других статей военного содержания в номере нет, что, по нашему предположению, говорит о том, что победу эту в России ожидали и она не стала чем-то сверхъестественным. Между тем «Иркутские епархиальные ведомости» отреагировали на подписание мира куда более эмоционально и более масштабно, что может говорить о том, что в глубоком тылу (Иркутске) победу встретили куда более радостно.

5. Заключение

В ходе проделанной работы мы можем сделать следующие выводы:

1. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. нашла широкий отклик в русском обществе в целом и на страницах церковных изданий в частности.
2. Церковная газета «Курские епархиальные ведомости» издавалась с 1871 года и в военный период выходила два раза в месяц; она также не осталась в стороне от пропагандистской работы, публикуя статьи патриотического содержания на военную тематику.
3. Первые «военные» номера уделяют боевым действиям достаточно скромное внимание, однако с их развитием статей, посвященных войне, становится все больше и больше. Своего пика патриотическое содержание газеты достигает в июне–июле 1877 года, постепенно идя на спад, вплоть до последнего номера.
4. В статьях газеты широко используются такие методы военной пропаганды, как «восхваление вождя», «демонизация противника», «справедливость нашей борьбы», «поддержка мировым сообществом нашей борьбы» и др. Статьи делают попытку мобилизовать нацию и мотивировать русских подданных к трудовым и военным подвигам ради победы. Несвободно содержание

некоторых материалов и от идей национализма, включая не только этнический, но и конфессиональный аспект. Весьма широко публикуется информация о сборах и пожертвованиях, что позволяет сделать вывод о массовости взаимопомощи и патриотической благотворительности.

5. К концу 1877 года, когда война становится обыденностью, количество публикаций военного содержания минимизируется, вплоть до последнего военного номера, который лишь одну статью посвящает окончанию войны.

6. В сравнении с другим церковным изданием («Иркутские епархиальные ведомости»), публиковавшимся в глубоком, в сравнении с Курском, тылу – в Иркутске, темпы патриотической и пропагандистской работы резко уменьшились с течением войны; есть основания предполагать, что военно-патриотическая работа в глубинке была налажена более качественно.

Литература

Аблов, 1937 – Аблов Н.Н. Педагогическая периодическая печать. М., 1937.

Андреев, 1997 – Андреев Г.Л. Христианская периодическая печать на русском языке, 1801–1917 гг.: библиографический указатель. В 3 т. N.Y.: Norman Ross Publ. Inc., 1997.

Гришина, 2011 – Гришина Р.П. Российское общественное мнение и Балканы // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011.

Дьюи, 2000 – Дьюи Дж. Демократия и образование / Пер. с англ. М.: Педагогика-пресс, 2000.

Дьюи, 2002 – Дьюи Дж. Общество и его проблемы / Пер. с англ. И.И. Мюрберг, А.Б. Толстова, Е.Н. Косиловой. М.: Идея-Пресс, 2002.

Кочуков, 2011 – Кочуков С.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в освещении периодической печати России. Саратов: Наука, 2011.

Кочуков, 2014 – Кочуков С.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в поэтической публицистике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2014. Т. 14. Вып. 1.

Кочуков, 2016b – Кочуков С.А. Национально-освободительное движение на Балканах и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на страницах газеты «Саратовский справочный листок» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2016. Т. 16. Вып. 3.

Нетужилов, 2008 – Нетужилов К.Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.

Нетужилов, 2010 – Нетужилов К.Е. Формирование системы церковной периодической печати в России XIX – начала XX веков: историко-типологический анализ. Автореф. дисс. ... д-ра фил. наук. СПб., 2010.

Определение от 3 марта, 1877 – Определение Святейшего Синода от 3 марта – 4 апреля 1877 года № 20 «Руководство по уходу за больными и ранеными» (выдержки) // Курские епархиальные ведомости. 1–14 мая 1877 года. № 9. С. 4–5.

Лисицын, 1877 – Лисицын Т. Поучение, сказанное в Старооскольском богоявленском соборе 28 апреля 1877 года по случаю объявления Высочайшего манифеста о начатии войны России с Турцией // Курские епархиальные ведомости. 1–14 мая 1877 года. № 9. С. 32–35.

Попов, 1877 – Попов М. Поучение к поселянам о воскресении мертвых // Курские епархиальные ведомости. 1–14 мая 1877 года. № 9. С. 36–39.

Аксаков, 1877 – Аксаков И. Речь, произнесенная председателем московского славянского благотворительного комитета на заседании 17-го апреля // Курские епархиальные ведомости. 1–14 мая 1877 года. № 9. С. 40–55.

Определение от 6–9 мая 1877, 1877 – Определение Святейшего Синода о пожертвованиях по духовному ведомству в «Общество Красного Креста» // Курские епархиальные ведомости. 15–31 мая 1877 года. № 10. С. 3–5.

Циркуляр от 14 мая 1877, 1877 – Циркуляр главного управления управлением и комитетом Общества попечения о раненых и больных бойцах» от 14 мая 1877 года № 2668 // Курские епархиальные ведомости. 15–31 мая 1877 года. № 10. С. 7–8.

Сочувствие чехов, 1877 – Сочувствие чехов русскому народу. Письмо Ф.Л. Ригера к И.С. Аксакову от 3 мая 1877 года // Курские епархиальные ведомости. 15–31 мая 1877 года. № 10. С. 17–21.

Письмо Аксакова Ригеру, 1877 – Письмо Аксакова доктору Ригеру от 3 мая 1877 года // Курские епархиальные ведомости. 15–31 мая 1877 года. № 10. С. 22–31.

Именной Высочайший указ, 1877 – Именной Высочайший указ министру финансов // Курские епархиальные ведомости. 1–15 июня 1877 года. № 11. С. 17–19.

Летопись пожертвований, 1877 – Летопись пожертвований по случаю войны с Турцией // Курские епархиальные ведомости. 1–15 июня 1877 года. № 11. С. 22–24.

Документы..., 1877 – Документы, изданные константинопольской патриархией // Курские епархиальные ведомости. 1–15 июня 1877 года. № 11. С. 35–44.

Определение № 861, 1877 – Определение Святейшего синода от 8 июня 1877 года, за № 861, относительно прав надзирателей духовных семинарий и училищ по отбыванию воинской повинности // *Курские епархиальные ведомости*. 16–30 июня 1877 года. № 12. С. 5-6.

Воззвание Государя, 1877 – Воззвание Государя Императора к болгарам // *Курские епархиальные ведомости*. 16–30 июня 1877 года. № 12. С. 7-9.

Пожертвования..., 1877 – Пожертвования Курского женского монастыря на раненых и больных воинов // *Курские епархиальные ведомости*. 16–30 июня 1877 года. № 12. С. 13-17.

Солнцев, 1877 – *Солнцев И.* Слово в неделю 4-ю по пятидесятниц // *Курские епархиальные ведомости*. 16–30 июня 1877 года. № 12. С. 26-31.

Пожертвование Путивльского съезда, 1877 – Пожертвование в пользу раненых и больных воинов Путивльского благочиннического съезда // *Курские епархиальные ведомости*. 1–15 июля 1877 года. № 13. С. 26-27.

Определение № 1009, 1877 – Определение Святейшего Синода от 6-го июля 1877 года, за № 1009, о печатании в «Епархиальных Ведомостях» списков убитых в сражениях и умерших от ран или контузий нижних чинов действующей армии // *Курские епархиальные ведомости*. 16–30 июля 1877 года. № 14. С. 26-27.

Платонов, 1877 – *Платонов И.* Поучение о «Христианском участии в попечении о раненых и больных воинах», сказанное по поводу настоящей войны с турками 26 июня в Суджанской Покровской церкви // *Курские епархиальные ведомости*. 16–30 июля 1877 года. № 14. С. 19-21.

М.Н., 1878 – *М.Н.* Речь ... благодарственным молебствием о подписании мира с турками // *Курские епархиальные ведомости*. 1–15 марта 1878 года. № 15. С. 19-23.

Demartial, 1930 – *Demartial G.* Le mythe de la guerre de légitime défense. P., 1930.

Lasswell, 1927 – *Lasswell H.D.* Propaganda Technique in the World War. New York, 1927.

Lasswell, 1938 – *Lasswell H.D.* Propaganda Technique in the World War. New York, 1938. Ch. 4: Satanism. Pp. 71-100.

Lippmann, 1922 – *Lippmann W.* Public Opinion. New York, 1922.

Mamadaliev, 2020b – *Mamadaliev A.M.* Military Propaganda around the 2020 Nagorno-Karabakh War: Official Materials of Armenia and Azerbaijan Defense Ministries (as illustrated by the first day of the conflict – September 27, 2020) // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2020. 7(2): 29-40.

Mamadaliev, 2021a – *Mamadaliev A.M.* Military Propaganda at the First Stage of the 2020 Nagorno-Karabakh War (September 27 – October 11): Official Materials of Armenia and Azerbaijan Defense Ministries // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2021. 8(1): 42-51.

Mamadaliev, 2021b – *Mamadaliev A.M.* Military Propaganda at the Second Stage of the 2020 Nagorno-Karabakh War (October 12 – November 10): Official Materials of Armenia and Azerbaijan Defense Ministries // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2021. 8(2): 99-114.

Morelli, 2001 – *Morelli A.* Principes élémentaires de provande de guerre. Br., 2001.

Rajović et al., 2022 – *Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.E., Bratanovskya M.S.* The Journal “Zadushevnoe Slovo” as a Source on the History of the First World War // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1267-1272.

Barabash et al., 2022 – *Barabash V.V., Grabelnikov A.A., Savastenko R.A., Lavrentyeva M.Y.* The Reflection of the Russian-Turkish War of 1877–1878 on the Pages of “Irkutskie Eparhial'nye Vedomosti” Newspaper // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1843-1849.

References

Ablov, 1937 – *Ablov, N.N.* (1937). Pedagogicheskaya periodicheskaya pechat' [Pedagogical periodical press]. M. [in Russian]

Aksakov, 1877 – *Aksakov, I.* (1877). Rech', proiznesennaya predsedatelem moskovskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo komiteta na zasedanii 17-go aprelya [Speech delivered by the chairman of the Moscow Slavic Charitable Committee at a meeting on April 17]. *Kurskie eparhial'nye vedomosti*. 1–14 maya 1877 goda. № 9. Pp. 40-55. [in Russian]

Andreev, 1997 – *Andreev, G.L.* (1997). Khristianskaya periodicheskaya pechat' na russkom yazyke, 1801–1917 gg.: bibliograficheskii ukazatel' [Christian periodical press in Russian, 1801–1917: a bibliographic index]. V 3 t. N.Y.: Norman Ross Publ. Inc. [in Russian]

Barabash et al., 2022 – *Barabash, V.V., Grabelnikov, A.A., Savastenko, R.A., Lavrentyeva, M.Y.* (2022). The Reflection of the Russian-Turkish War of 1877–1878 on the Pages of “Irkutskie Eparhial'nye Vedomosti” Newspaper. *Bylye Gody*. 17(4): 1843-1849.

Demartial, 1930 – *Demartial, G.* (1930). Le mythe de la guerre de légitime défense [The myth of the war of self-defense]. P. [in French]

Dokumenty..., 1877 – *Dokumenty, izdannye konstantinopol'skoi patriarkhiei* [Documents published by the Patriarchate of Constantinople]. *Kurskie eparhial'nye vedomosti*. 1–15 iyunya 1877 goda. № 11. Pp. 35-44. [in Russian]

D'yui, 2000 – *D'yui, Dzh.* (2000). Demokratiya i obrazovanie [Democracy and education]. Per. s angl. M.: Pedagogika-press. [in Russian]

- D'yui, 2002** – *D'yui, Dzh.* (2002). Obshchestvo i ego problemy [Society and its problems]. Per. s angl. I.I. Myurberg, A.B. Tolstova, E.N. Kosilovoi. M.: Ideya-Press. [in Russian]
- Grishina, 2011** – *Grishina, R.P.* (2011). Rossiiskoe obshchestvennoe mnenie i Balkany [Russian public opinion and the Balkans]. Chelovek na Balkanakh glazami russkikh. SPb. [in Russian]
- Imennoi Vysochaishii ukaz, 1877** – Imennoi Vysochaishii ukaz ministru finansov [Nominal Supreme Decree to the Minister of Finance]. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti*. 1–15 iyunya 1877 goda. № 11. Pp. 17–19. [in Russian]
- Kochukov, 2011** – *Kochukov, S.A.* (2011). Russko-turetskaya voina 1877–1878 gg. v osveshchenii periodicheskoi pechati Rossii [Russo-Turkish War 1877–1878 in the coverage of the periodical press of Russia]. Saratov: Nauka. [in Russian]
- Kochukov, 2014** – *Kochukov, S.A.* (2014). Russko-turetskaya voina 1877–1878 gg. v poeticheskoi publitsistike [Russo-Turkish War 1877–1878 in poetic journalism]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»*. 14(1). [in Russian]
- Kochukov, 2016b** – *Kochukov, S.A.* (2016). Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie na Balkanakh i Russko-turetskaya voina 1877–1878 gg. na stranitsakh gazety «Saratovskii spravochnyi listok» [The National Liberation Movement in the Balkans and the Russo-Turkish War of 1877–1878 on the pages of the newspaper “Saratovskii spravochnyi listok”]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»*. 16(3). [in Russian]
- Lasswell, 1927** – *Lasswell, H.D.* (1927). Propaganda Technique in the World War. New York.
- Lasswell, 1938** – *Lasswell, H.D.* (1938). Propaganda Technique in the World War. New York. Ch. 4: Satanism. Pp. 71–100.
- Letopis' pozhertvovanii, 1877** – Letopis' pozhertvovanii po sluchayu voiny s Turtsiei [Chronicle of donations on the occasion of the war with Turkey]. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti*. 1–15 iyunya 1877 goda. № 11. Pp. 22–24. [in Russian]
- Lippmann, 1922** – *Lippmann, W.* (1922). Public Opinion. New York.
- Lisitsyn, 1877** – *Lisitsyn, T.* (1877). Pouchenie, skazannoe v Starooskol'skom bogoyavlenskome sobore 28 aprelya 1877 goda po sluchayu ob'yavleniya Vysochaishego manifesta o nachatii voiny Rossii s Turtsiei [The edification spoken at the Starooskol Epiphany Cathedral on April 28, 1877 on the occasion of the announcement of the Supreme Manifesto on the outbreak of war between Russia and Turkey]. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti*. 1–14 maya 1877 goda. № 9. Pp. 32–35. [in Russian]
- M.N., 1878** – *M.N.* Rech' ... blagodarstvennym molebstviem o podpisanii mira s turkami [Speech ... with a prayer of thanksgiving for the signing of peace with the Turks]. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti*. 1–15 marta 1878 goda. № 15. Pp. 19–23. [in Russian]
- Mamadaliev, 2020b** – *Mamadaliev, A.M.* (2020). Military Propaganda around the 2020 Nagorno-Karabakh War: Official Materials of Armenia and Azerbaijan Defense Ministries (as illustrated by the first day of the conflict – September 27, 2020). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 7(2): 29–40.
- Mamadaliev, 2021a** – *Mamadaliev, A.M.* (2021). Military Propaganda at the First Stage of the 2020 Nagorno-Karabakh War (September 27 – October 11): Official Materials of Armenia and Azerbaijan Defense Ministries. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 8(1): 42–51.
- Mamadaliev, 2021b** – *Mamadaliev, A.M.* (2021). Military Propaganda at the Second Stage of the 2020 Nagorno-Karabakh War (October 12 – November 10): Official Materials of Armenia and Azerbaijan Defense Ministries. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2021. 8(2): 99–114.
- Morelli, 2001** – *Morelli, A.* (2001). Principes élémentaires de provande de guerre [Elementary Principles of Provenance of War]. Br.
- Netuzhilov, 2008** – *Netuzhilov, K.E.* (2008). Tserkovnaya periodicheskaya pechat' v Rossii XIX stoletiya [Church periodicals in Russia in the 19th century]. SPb.: Izd-vo SPbGU. [in Russian]
- Netuzhilov, 2010** – *Netuzhilov, K.E.* (2010). Formirovanie sistemy tserkovnoi periodicheskoi pechati v Rossii XIX – nachala XX vekov: istoriko-tipologicheskii analiz [Formation of the system of church periodicals in Russia in the 19th – early 20th centuries: a historical and typological analysis]. Avtoref. diss. ... d-ra fil. nauk. SPb. [in Russian]
- Opreделение № 1009, 1877** – Opreделение Svyateishogo Sinoda ot 6-go iyulya 1877 goda, za № 1009, o pechatanii v «Eparkhial'nykh Vedomostyakh» spiskov ubitykh v srazheniyakh i umershikh ot ran ili kontuzii nizhnikh chinov deistvuyushchei armii [Determination of the Holy Synod of July 6, 1877, No. 1009, on the printing in the Diocesan Gazette of lists of those killed in battles and those who died from wounds or contusions of the lower ranks of the army]. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti*. 16–30 iyulya 1877 goda. № 14. Pp. 26–27. [in Russian]
- Opreделение № 861, 1877** – Opreделение Svyateishogo sinoda ot 8 iyunya 1877 goda, za № 861, otnositel'no prav nadziratelyi dukhovnykh seminarii i uchilishch po otbyvaniyu voinskoi povinnosti [Determination of the Holy Synod of June 8, 1877, No. 861, regarding the rights of overseers of theological seminaries and military service schools]. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti*. 16–30 iyunya 1877 goda. № 12. Pp. 5–6. [in Russian]
- Opreделение ot 3 marta, 1877** – Opreделение Svyateishogo Sinoda ot 3 marta – 4 aprelya 1877 goda № 20 «Rukovodstvo po ukhodu za bol'nymi i ranenymi» (vyderzhki) [Determination of the Holy Synod of

March 3 – April 4, 1877 No. 20 "Guidelines for the care of the sick and wounded" (excerpts)]. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti*. 1–14 maya 1877 goda. № 9. Pp. 4-5. [in Russian]

Opređenje ot 6–9 maya 1877, 1877 – Opređenje Svyateishogo Sinoda o pozhertvovaniyakh po dukhovnomu vedomstvu v «Obshchestvo Krasnogo Kresta» [Determination of the Holy Synod on donations by spiritual department to the Red Cross Society]. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti*. 15–31 maya 1877 goda. № 10. Pp. 3-5. [in Russian]

Pis'mo Aksakova Rigeru, 1877 – Pis'mo Aksakova doktoru Rigeru ot 3 maya 1877 goda [Aksakov's letter to Dr. Rieger dated May 3, 1877]. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti*. 15–31 maya 1877 goda. № 10. Pp. 22-31. [in Russian]

Platonov, 1877 – *Platonov, I.* (1877). Pouchenie o «Khristianskom uchastii v popechenii o ranenyykh i bol'nykh voynakh», skazannoe po povodu nastoyashchei voyny s turkami 26 iyunya v Sudzhanskoj Pokrovskoi tserkvi [Teaching on "Christian participation in the care of the wounded and sick soldiers", said about the real war with the Turks on June 26 in the Sudzhan Intercession Church]. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti*. 16–30 iyulya 1877 goda. № 14. Pp. 19-21. [in Russian]

Popov, 1877 – *Popov, M.* (1877). Pouchenie k poselyanam o voskresenii mertvykh [The edification to the villagers about the resurrection of the dead]. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti*. 1–14 maya 1877 goda. № 9. Pp. 36-39. [in Russian]

Pozhertvovanie Putivl'skogo s"ezda, 1877 – Pozhertvovanie v pol'zu ranenyykh i bol'nykh voynov Putivl'skogo blagochinnicheskogo s"ezda [Donation in favor of the wounded and sick soldiers of the Putivl Deanery Congress]. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti*. 1–15 iyulya 1877 goda. № 13. Pp. 26-27. [in Russian]

Pozhertvovaniya..., 1877 – Pozhertvovaniya Kurskogo zhenskogo monastyrya na ranenyykh i bol'nykh voynov [Donations from the Kursk Convent for the wounded and sick soldiers]. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti*. 16–30 iyunya 1877 goda. № 12. Pp. 13-17. [in Russian]

Rajović et al., 2022 – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.E., Bratanovskya, M.S.* (2022). The Journal "Zadushevnoe Slovo" as a Source on the History of the First World War. *Bylye Gody*. 17(3): 1267-1272.

Sochuvstvie chekhov, 1877 – Sochuvstvie chekhov russkomu narodu. Pis'mo F.L. Rigera k I.S. Aksakovu ot 3 maya 1877 goda [Sympathy of the Czechs to the Russian people]. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti*. 15–31 maya 1877 goda. № 10. S. 17-21.

Solntsev, 1877 – *Solntsev, I.* (1877). Slovo v nedelyu 4-yu po pyatidesyatnits [Word in the 4th week after Pentecost]. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti*. 16–30 iyunya 1877 goda. № 12. Pp. 26-31. [in Russian]

Tsirkulyar ot 14 maya 1877, 1877 – Tsirkulyar glavnogo upravleniya upravleniem i komitetom Obshchestva popecheniya o ranenyykh i bol'nykh boitsakh» ot 14 maya 1877 goda № 2668 [Circular of the Main Directorate of the Administration and Committee of the Society for the Care of the Wounded and Sick Fighters "of May 14, 1877 No. 2668]. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti*. 15–31 maya 1877 goda. № 10. Pp. 7-8. [in Russian]

Vozzvanie Gosudarya, 1877 – Vozzvanie Gosudarya Imperatora k bolgaram [Appeal of the Sovereign Emperor to the Bulgarians]. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti*. 16–30 iyunya 1877 goda. № 12. Pp. 7-9. [in Russian]

Русско-турецкая война (1877–1878 гг.) на страницах газеты «Курские епархиальные ведомости»

Горан Райович ^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский ^c, Александр Егорович Епифанов ^{d, e}, Сергей Анатольевич Бурьянов ^e

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Академия управления МВД России, Российская Федерация

^e Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию материалов газеты «Курские епархиальные ведомости» как источника событий Русско-турецкой войны 1877–1878 годов с позиции православной церкви. Рассмотрены номера газеты с 8-го по 24-й за 1877 год и с 1-го по 4-й за 1878 год, то есть номера, соответствующие хронологическим рамкам войны. Церковная газета «Курские епархиальные ведомости» издавалась с 1871 года и до 1888 года выходила два раза в месяц.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

В качестве основного метода исследования был применен историографический (метод контент-анализа), а также использовались методы историко-системный, историко-сравнительный, историко-генетический и методы синтеза, системного анализа и гипотетический.

Были сделаны выводы о том, что первые «военные» номера уделяют боевым действиям достаточно скромное внимание, но с развитием войны соответствующих статей становится больше и пика своего патриотическое содержание газеты достигает к июлю 1877 года. Далее идет спад военно-патриотических статей вплоть до последнего номера.

Авторы широко используют такие методы военной пропаганды, как «восхваление вождя», «демонизация противника», «справедливость нашей борьбы», «поддержка мировым сообществом нашей борьбы» и др. Статьи делают попытку мобилизовать нацию и мотивировать русских подданных к трудовым и военным подвигам ради победы. Широко публикуются материалы о боевых потерях, а также информация о сборах и пожертвованиях, что позволяет сделать вывод о массовости взаимопомощи и патриотической благотворительности.

К концу 1877 года, когда война становится обыденностью, количество публикаций военного содержания минимизируется, вплоть до последнего военного номера, который лишь одну статью посвящает окончанию войны.

В сравнении с другим церковным изданием – «Иркутскими епархиальными ведомостями» – темпы патриотической и пропагандистской работы в «Курских епархиальных ведомостях» резко уменьшились с течением войны; есть основания предполагать, что военно-патриотическая работа в глубинке была налажена более качественно.

Ключевые слова: «Курские епархиальные ведомости», Русско-турецкая война 1877–1878 годов, Святейший синод, церковные издания, периодические издания, Курская губерния, Курская епархия.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 320-329
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.320

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

In the Focus of the Epochs: To the History of Visual Representation of the Life of Kazakhs of the Steppe region and Russian Turkestan (the turn of the 19th and 20th centuries)

Gyulnar K. Mukanova ^{a, *}, Didar B. Kassymova ^a

^aValikhanov Institute of History and Ethnology, the Republic of Kazakhstan

Abstract

The location of the Steppe Region, the area of residence of Kazakhs in the late Imperial period, in the second half of the 19th – early 20th centuries, was the object of attention of photographers. This chronological stage has absorbed the historical layers of socio-economic reforms carried out by administration in the environment of the nomadic economy area and accompanied by cultural vectors. Photography in the triad: craft, business and art gradually entered the measured life of the steppe people in order to reflect material and spiritual values, ideological foundations and behavioral patterns. Visualization in retrospect is valuable both as a source and as a fact of the co-creation of the master and his nature in the flow of time and space. Russian Turkestan, adjacent to the Steppe, experienced a similar influence of intercultural adaptation, although clerical pressure was quite strong here. The history of the “implantation” of photography into the Kazakh society is certainly informative in terms of reconstruction, based on archives, personalities, as well as the formation of interest among the Genghisids, students. Overcoming stagnation as a social phenomenon in the Kazakh environment is obvious at the beginning of the 20th century, through the lens of a camera.

Keywords: history, Russian, late Imperial, Turkestan, Kazakhs, cultural adaptation, visualization, photo, passepartout.

1. Введение

Позднеимперский период истории России достаточно представлен в историографии, однако более в политической, нежели в социальной ретроспективе. Как жили провинции, к примеру, что было модно обсуждать и какие фотосалоны предпочитали, на эти и иные вопросы ответы если и находятся, то опосредованно, через сопоставительный анализ и методом дедукции/индукции. Любопытный разряд исторических источников – фотографии, которыми сравнительно слабо были охвачены окраины империи, они при внимательном изучении способны предоставить искомую информацию, что актуализирует исследовательский интерес.

Российский (или Западный) Туркестан к началу XX века представлял собой конгломерат, если выразиться образно, народов и культур, языков и традиций в пределах границ российских владений. Сопредельные государственные образования в лице восточных деспотий и имперских династий составляли конкуренцию в малой степени на рынках Азии, но и здесь, в Синьцзяне ли, в Персии ли технологические новшества пробивали себе путь опосредованно, через бойких коммивояжеров, исследователей и технически грамотных лиц. Городское население центральноазиатского пространства вкусило блага цивилизации также благодаря железнодорожному сообщению, к примеру ветка Оренбург–Ташкент транзитом прорезала казахские земли с северо-запада на юг; путешественники фиксировали попутно специфику климата, этнографические нюансы, нередко

* Corresponding author

E-mail addresses: Gulnar_mukanova@mail.ru (G.K. Mukanova)

сохранив на фотоснимках виды пестрого колорита местных базаров, характерных нарядов и обрядов. Рисунки с натуры постепенно вытеснялись фотографиями, менее энергозатратными и, возможно, более реалистично передававшими сюжет. История фотографии в Казахстане пока изучена фрагментарно, чтобы однозначно ответить на вопрос, кто и когда впервые установил штатив в местах проживания насельников степи. Но даже по сохранившимся артефактам можно восстановить канву любительского, профессионального и научного интереса фотографов к краю. Представляет интерес вопрос культурной адаптации: как мусульманский социум отреагировал на возможность изображений одушевленной природы, к примеру. В статье авторы делают попытку ответить на этот методологический вопрос. В 1879 году в Семипалатинской области заснял групповой портрет учащихся И.С. Поляков – зоолог, антрополог и этнограф, который провел экспедицию в те годы в Казахский край. Одним из фотографов, творивших в Семипалатинской области в конце XIX века и запечатлевших казахское население, был Самуил Мартынович Дудин. Эти снимки, в том числе свадебных церемоний у казахов, головных уборов женщин, быта, памятников культуры и зодчества, хранятся в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) в России. Другой его коллега, К.Н. Де-Лазари, сделал снимки казахов Акмолинской и Семиреченской областей в 1898 году (промыслы, рыболовство у казахов, торговый люд, элементы одежды, толмачи-переводчики, женщины и т.п.). (Казахи..., 2019). Из сохранившихся фотоколлекций Кунсткамеры можно узнать имена фотографов: М.А. Круковский (1914 год), В.Н. Васильев (1913), которые вместе с Дудиным осуществили экспедицию в восточные области Казахского края. На фото запечатлены прически девушек, головные уборы женщин, сцены из быта: базары, торговля. Посадка, позы невольно передают настроение и целеполагание клиентов. На снимках сохранились элементы архаики в костюмах, бытовых деталях, что немаловажно при реконструкции социального фона эпохи. Ценностная составляющая фотофактов заложена в их «присутствии» в конкретной эпохе, хотя, безусловно, важны и подписи на паспорту и одежда позирующих, по которым нетрудно определить социальный ценз.

2. Материалы и методы

Новизна исследования заключается в обращении к теме так называемой «колониальной» фотографии на примере Казахского края и Западного Туркестана. Исследование носит междисциплинарный характер, когда собственно исторические фотофакты подкреплены этнографическими линиями, равно как присутствуют искусствоведческие горизонты и антропологические смыслы. Были изучены архивные и музейные коллекции России: Архива Института истории материальной культуры РАН (АИИМК), Архива Российской академии наук (АРАН) – и Казахстана – Центральный государственный архив РК (ЦГА РК), Центральный государственный архив научно-технической документации Республики Казахстан (ЦГА НТД РК), Кызылординский областной историко-краеведческий музей (КОИКМ); Западно-Казахстанский историко-краеведческий музей (ЗКИКМ. Ед. хр. № 129796, 129806, 129786), Северо-Казахстанской областной историко-краеведческий музей (СКО ИКМ В.Н., Петропавловск), Государственный музей истории Узбекистана (ГМИУ, Ташкент) – на предмет идентификации отложившихся в них фотографий, коллекций антропо- и этнографических экспедиций конца XIX – начала XX вв. Ныне фотографии более чем столетнего «ранга» могут изучать специалисты и любители истории вследствие смены методологии и рассекречивания архивов, ведь долгие десятилетия образы жертв репрессий хранились в семейных либо архивах экс-НКВД. Изучен был также контент изданных в Казахстане фото-альбомов (Фотоальбом..., 2017) и тематических Интернет-сайтов (Этапы, Зарождение).

Типология источников, по которым можно пытаться воссоздать культурные пласты и тенденции в развитии технологий передачи человеческой природы методами художественного отображения, разнообразна и имеет специфические черты, обусловленные географией и этнокультурными индикаторами конкретной местности. В статье на основе применения методов диалектического анализа и синтеза, компаративистики и идентификации источников авторы делают попытку восстановить логику фотоискусства и отражения деятельности лиц творческого начала в условиях эволюции социально-политических устоев, что имело место в начале XX столетия. Материальные источники о прошлом региона Центральная Азия, помимо письменных, представлены визуальными фотокадрами эпохи «смены вех», запечатленными «слепками с натуры» волею мастеров профессионального фотодела и любительскими снимками. Сближение культур и адаптация в смысле принятия в исламской среде изображений, как представляется, в указанный период означали наличие интегрирующих векторов европейского и азиатского мировоззрений. Авторами критически переработан блок зарубежных публикаций по смежным темам.

3. Обсуждение

Относительно специфики изучаемого региона можно привести мнение эксперта ЮНЕСКО Малика Бадри, профессора психологии в ISTAC в Куала-Лумпуре. Профессор Malik Badri своими исследованиями мотивирует коллег отказаться от не критического восприятия западных психологических теорий и пересмотреть их в соответствии с исламским мировоззрением (Badri, 2016: 11).

Мусульманская суннитская умма категорически отрицала изображение одухотворенного, тем более людей, и Туркестанский край, где концентрация мечетей была выше, чем в Степном крае, не был исключением. Технологии и любопытство брали верх над косностью, в салоны все чаще заходили учащиеся, молодежь – фотографироваться становилось престижным, и к этому процессу тщательно готовились, особенно в зажиточных семьях. Благодаря симбиозу фотодела и роста потребительского спроса историки ныне имеют возможность отследить эволюцию социальных потребностей, вкусов, историю городской моды, наконец. Дизайн паспарту отражает особенности визуализации репрезентации исторической эпохи, гарнитуру шрифта надписей, оттисков. Редкие фотоснимки запечатлели учащихся-казахов, снимавшихся исключительно для оформления необходимых документов (среди них Шокай, Асфендияров, Садвокасов, Дулатов). Со временем семейные фото стали обыденностью: городские татары и казахи Петропавловска, Семипалатинска, Акмолинска, соседних гг. Троицка и Омска охотно позировали. Нельзя не согласиться с мнением австралийского исследователя Simone Murray из *Monash University*, которая считает, что «...адаптация является движущей силой культуры, однако она практически не изучена. Индустрия адаптации переосмысливает адаптацию не как абстрактный процесс, а как материальную индустрию» (Murray, 2013: 33). Отметим, что о технологиях съемок того времени найти сведения представляет определенную сложность (Зарождение..., 2015).

Библиография темы на данный момент пополняется не совсем системными публикациями краеведов постсоветского пространства и юбилейными изданиями. Пионеру узбекской фотографии Х. Диванову уделено внимание в первом томе издания 2007 г. (Кузиев, 2007).

В дальнем зарубежье, что интересно, обрели популярность исследования подобно книге Хайта и Сэмпсон (Hight, Sampson, 2012), представляющей собой коллекцию эссе и фотографий, которые отражают взаимосвязь между фотографией и европейским и американским колониализмом. Книга содержит более сотни изображений, начиная от первых экспериментов с фотографией как средством документалистики до середины XX века. Авторы издания: Eleanor M. Hight – доцент кафедры истории искусств (University of New Hampshire, Durham) и Gary D. Sampson – доцент кафедры истории искусств (Cleveland Institute of Art, Ohio), исследовавший виды Индии через объектив. Интересна в целом попытка проследить ретроспективную роль фотографии в узнавании новых культур и традиций, хотя и не без известного налета политизации. К данному разряду публикаций можно отнести статью S. Gorshenina (Gorshenina, 2021), претендующей на культурологические изыскания, преимущественно с подтекстом «колониальная администрация». Акцент у С. Горшениной, как нам представляется, изначально смещен к политизации темы (колониальная администрация vs туземцы), что неоспорно.

Фотография на службе наукам как гуманитарным, так и естественным действительно играла заметную роль, в руках исследователей превращаясь в научный факт, порой – открытие новых смыслов. Экспедиции раскрывали талантливых мастеров фотографии. Так, известны заслуги фотографа С.М. Дудина-Марцынкевича: о нем как энтузиасте-этнографе и участнике экспедиций по изучению памятников Казахстана и Средней Азии начала XX века сообщают источники (АИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 187). Фонд С. Дудина есть в Архиве РАН (РАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 102), где также отложились материалы о поездках.

Одной из интересных проблем в ретроспекции культурного развития Казахского степного края является зарождение фотодела на местной основе. Как выше отмечалось, традиции ислама воспрещали изображения человека на ткани, холсте, бумаге; исключением можно было бы считать каменных баб (балбалы), которые обнаруживаются по всему Казахскому краю довольно давно и относятся к реликтовым верованиям. Стилизованные фигуры мужчин и женщин описаны археологическими и этнографическими экспедициями в Западной Сибири, прилегающих областях Казахстана.

Жители центральноазиатского региона являются мусульманами разных направлений. Так, в среде шиитов миниатюры с изображением придворных философов, танцовщиц, ремесленников не считались запретными, или «харам». Восточные миниатюры Ирана и сопредельных владений, где проживали оседлые таджики и узбеки, составили рукотворную традицию орнаментирования текстов. (Древний Восток в этом смысле продвинулся глубже, если помнить о знаменитых египетских пирамидах с посмертными масками фараонов). Однако аутентичное копирование черт конкретных личностей удалось только с изобретением фотографии. Чтобы узнать сведения о проникновении фотодела в азиатскую часть Евразии, к примеру Индостан и Китай, а также Персию (Иран) и Среднюю Азию, рекомендуется обратиться к трудам Носова (Носов, 2013), Hight, Sampson (Hight, Sampson, 2012), Klautau (Klautau, 2021), Cody (Cody, 2011).

Достаточно проследить процесс зарождения фотодела в Восточной и Юго-Восточной Азии: британские офицеры и коммивояжеры познакомили с фотоделом Индию, и примерно с середины XIX века открываются фотографические общества в Бомбее, Калькутте и Мадрасе. Примерно так же происходило в соседнем Китае, с некоторыми особенностями. По мнению Jeffrey Cody (Cody, 2011), китайская фотография является результатом нескольких факторов: изучения оптики и изобретения камеры-обскуры, развития экспериментальной химии, распространения анатомии, присутствия

жителей Запада и миссионеров (Cody, 2011: 23). Местные подмастерья со временем научились самостоятельно вести съемку. Собственно, ситуация повторилась во многих восточных государствах. Япония, по мнению специалистов, была первой азиатской страной, столкнувшейся в полной мере с воздействием технологических новшеств (Klautau, Krämer, 2021: 33). Как и все остальное японское общество, буддийские институты оказались вовлечены в динамику противостояния нововведениям, считают профессор Orion Klautau из университета Тохоку (Япония) и его коллега из Гейдельбергского университета Hans Martin Krämer (Klautau, Krämer, 2021: 103).

Распространение фотографии в Иране отличается тем, что шиизм разрешал изображения людей, и здесь фотодело реализовалось при поощрении особ, приближенных к шаху. История фотодела весьма занимательна: к примеру, некий Антон Севрюгин (1830–1933) был «официальным фотографом Императорского Двора Ирана, его фотостудия была одной из самых успешных в Тегеране с конца 1870-х годов до 1933 года» (Носов, 2013). Снимки Севрюгина охватывают большой пласт этнографических и исторических сюжетов.

Фотография зародилась в европейских странах, в лабораториях Старого света, и в восточном направлении с середины XIX века она продвигалась относительно быстро посредством любознательных одиночек (адаптация) и диффузного расширения информационного поля. Отдаленные области Российской империи воспринимали технические новшества по-разному в силу религиозных и социальных ограничений. Казахские области и Туркестан, представлявшие на тот момент мультикультурную языковую и где-то поликонфессиональную среду, особенно в городах, представляли в этом смысле широкое поле деятельности. Первые фотографы в некотором смысле рисковали карьерой, не будучи защищены знанием языков, традиций. И как только они находили общий язык с носителями языка передовых взглядов либо имели протекцию, процесс налаживался. Однако никто не гарантировал прибыльности фотодела, которое к тому же требовало немалых вложений (химические реактивы, дефицитная бумага, содержание салона, студии, помощников и прочие расходы).

4. Результаты

Изучив зарубежную (Badri, 2016; Cody, 2011; Klautau, Kraner, 2021; Murray, 2013 и др.) и отечественную (Носов, 2013; Куттымуратулы, 2022; Прищепова, 2011; Толыз, 2013 и др.) историографию, можно прийти к выводу, что большинство имеющихся в доступе тематических публикаций освещает историю зарождения фотографии на планете, биографии отдельных лиц, внесших вклад в эволюцию технологий от примитивных первых опытов до цифровизации. Между тем в разрезе регионов история отдельных локаций (в нашем случае Туркестанский и Киргизский (Казахский степной) край) в плане внедрения фотодела освещена поверхностно. Ряд авторов склонен выносить вердикт о «колониальном» характере продвижения фотографии в указанные регионы. На наш взгляд, это затеняет иные позитивные стороны социального процесса, какими следует расценивать диффузию фотодела в кочевой иноязычной среде (культурная адаптация, продвижение технологий, визуализация, репрезентация и в более узком смысле – особенности дизайна фотоснимков). В историографии темы крайне редко приводятся факты встречного движения – со стороны местного (инородческого) населения к дарам цивилизации, к фотоделу, тогда как такие примеры имели место быть и в Казахском крае и Туркестане, и в Персии (Иране), а также на полуострове Индостан и Китае.

Увлечение фотографией даже в начале XX века было дорогим удовольствием: необходимы были запасы йодистого серебра, желатин либо их заменители. Соответственно, основными центрами фотографии в Казахском крае и Туркестане могли быть городские поселения, имевшие отделения почты, чтобы выписывать аксессуары. Требовались специальные познания в химии, потому в фотографию пришли люди образованные либо прошедшие специальную подготовку. Длительное экспонирование (выдержка), плохое освещение часто могли сорвать съемку, и кочевой образ жизни казахов не совсем удовлетворял работе. Материальные возможности казахского населения на рубеже XX века были относительно слабыми, рынок не был развит. Эквивалентом в меновой торговле обычно считался двухгодовалый баран (2 руб. серебром), за которого можно было выменять 6 пудов проса (98,3 кг) либо 4 пуда пшеницы (65,5 кг) (Аден, 2020).

Разумеется, стоимость дагерротипа была для большинства степных жителей недостижимой. В городах Казахстана фотография появилась ближе к концу XIX столетия; так, известны фото казахского поэта-просветителя Абая Кунанбаева в окружении сыновей и других членов семьи. Снимки сделаны в Семипалатинске в фотоателье Кузнецова, соответственно в 1896 и 1903 гг., как сообщила заместитель директора Дома-музея Абая (Кайрамбаева, 2020). История зарождения фото в казахском сообществе и собственно увлечение фотографией, безусловно, связаны с именами общественных деятелей, просветителей, публицистов. Известны фотоснимки первого казахского ученого-географа, путешественника Шокана Валиханова с Ф.М. Достоевским; сам Шокан приложил усилия к тому, чтобы его талантливый младший брат Макуы учился в Санкт-Петербурге на художника. Приобщившись к русской культуре, обучаясь в российских учебных заведениях во второй половине XIX – начале XX вв., просветители и общественные деятели И. Алтынсарин, А. Букейханов,

А. Байтурсынов, М. Шокай, М. Жумабаев, М. Ауэзов, С. Садвокасов, М. Дулатов, Б. Майлин, А. Досшанова и многие другие не преминули фотографироваться (см. [Фотоальбом..., 2017](#)). Историческими фактами культурной адаптации можно назвать фотографии казахских делегаций при императорском дворе в 1913 году, на которых степняки смотрят вполне вальяжно и аутентично. Постановочные фото казахов, участников церемониальных торжеств по случаю 300-летия правления дома Романовых, ныне демонстрируются со страниц монографий, в музейных экспозициях. 1913 год в плане официальной фотосъемки относительно высокого качества был плодovit; казахские ага-султаны вполне респектабельно выглядят на снимках в специально пошитых халатах и головных уборах ([ЦГА НТД РК. Ф. 1913 год](#)). Среди тех, чьи фото дошли до настоящего времени со второй половины XIX века, были отец Шокана, Шынгыс Валиханов и его дядя Муса Шорманов – из числа тех, кто по службе составлял часть административного аппарата. Известны фото чингизида М.С. Бабаджанова, выпускника Оренбургского кадетского корпуса, то есть среди образованных европейски чингизидов фотосъемка не вызвала отторжения, поскольку была частью светской жизни, и догмы мусульманской церкви при этом ими элегантно обходились.

На страницах первых казахских печатных изданий «Айкап» и «Казах» размещались фотографии известных лиц – татарского поэта Габдуллы Тукая, издателей, духовных лиц – основателя медресе в Троицке Зайнуллы Расулева и др., перепечатанные из татарских изданий «Вакт» и проч.

В начале XX века Магжан Жумабаев, Смагул Садуакасов, Кошмухаммед Кеменгеров и другие молодые люди, обучаясь и работая в Омске – центре Степного генерал-губернаторства, охотно позировали на фото в салонах и для любительских фото ([Фотоальбом..., 2017](#)). Фотографии казах-депутатов Государственных Дум начала XX века (среди них Шаймерден Косшыгулов, к примеру) стали частью достояния российского фонда фотографий народных избранников. Любопытно, что учащиеся и педагоги духовных учебных заведений городов Троицка, Уфы, Оренбурга, среди которых было немало казахов, снимались на фото, что косвенно говорит о светском характере обучения.

Географический ареал распространения фотодела в Казахстане в изучаемый период отчетливо виден на фотографиях, сделанных как российскими, так и европейскими (французские, немецкие) исследователями в дореволюционный период. Так, француз де Бай, автор фотографий казахов, был человеком любознательным, не раз посетил Сибирь и был представлен Г.Н. Потанину ([Mukanova, 2019: 766](#)).

При том, что засняты в целом казахи разных регионов (Мангышлак, Семиречье, Акмолинская область и др.), бытовые сюжеты, этнографические и хозяйственные детали (соколиная охота, ловля осетра, проводы невесты) на снимках фиксировали антропологический тип местных жителей, орудия труда и украшения, виды вооружения либо обряды. Искусство черно-белой, как правило, фотографии служило в данном случае не удовлетворению любопытства, а по большому счету – науке. Фотосъемка того времени запечатлела также виды ландшафта, природные парки: бассейны Каспия и Арала, окрестности озера Боровое, реликтовые леса, ущелье Чарын, хребты Заилийского Алатау, Алтая, сакральные места поклонений, памятники зодчества.

Фото мусульманских девушек-учащихся светских учебных заведений (медресе) Петропавловска, Уфы, Троицка, Уральска, Ташкента – отдельная страница истории фотоискусства, ввиду того что в России в указанный период женское образование среди «инородцев» преодолевало барьеры косности: с одной стороны, родных девушек, с другой – скепсис чиновников от образования. По национальному цензу то были татарки, казашки, башкирки. Относительно гендерной градации восточных фото заметим, что светские увлечения не были чужды и слабой половине казахского городского населения. Одна из редких фотографий казахской девушки, дочери чингизида судьи Сейдалина, Мариам выполнена в фотосалоне г. Троицка ([Фотоальбом..., 2017: 102](#)). Снимок выполнен приблизительно в 1912 году, эмансипация не обошла всех детей Сейдалиных; Мариам писала лирические стихи, выполняла обязанности корректора в редакции казахского журнала «Айкап», много читала и была знакома с произведениями казахских и русских поэтов и публицистов. Важно отметить, что мало сохранилось «одиночных» фотографий девушек-казашек и татарок изучаемого периода; преобладают групповые снимки в классе, с учительницей (абыстай) или в семейном кругу (Полевые материалы. Коллекция семьи Абдрахимовых из Алматы). То есть к началу XX века избранное число девушек-мусульманок имело желание и возможности фотовоспроизведения личности. В Туркестанском крае это могли позволить опять же аристократические семьи чингизидов, например Асфендияровых ([Фотоальбом..., 2017: 116](#)).

Социальный ценз, безусловно, накладывал отпечаток на светский образ жизни: зажиточные семьи мусульман из названных выше городов заказывали семейные фото, специально наряжаясь по случаю съемки. Нами изучены экспозиции Петропавловского музея (СКО ИКМ), аналогичные снимки обнаружены в музейных коллекциях Алматы, Ташкента и др.

Можно было бы согласиться с мнением S. Gorshenina ([Gorshenina, 2021: 45](#)) о том, что фотодело проникало на окраины Российской империи с колониальной администрацией; этому способствовали технологии (ж/д коммуникации, электричество и т.п.). Вместе с тем мы бы не оценивали однозначно как негативный общий «фон» распространения культурных достижений, ведь искусство фотографии,

на Индостане в частности, ряд исследователей характеризует как позитивный фактор, ведь к нему приобщились сами индусы (Hight, Sampson, 2012: 303). Процесс имел взаимный характер: местные умельцы осваивали новый доходный бизнес, основав частные ателье, и знание местных диалектов позволяло им расширить клиентскую базу.

Отличительной особенностью казахской кочевой культуры был дефицит стационарных поселений, за исключением периферийных крепостей. Урбанистическая среда, безусловно, создавала благоприятные условия для развития фотоискусства; напротив, в аульной местности сложно было бы найти химические реактивы, помещение, даже уговорить позировать: сказывались запреты мулл, непривычность собственно позы длительного сидения перед камерой со вспышкой, другие моменты. Вероятно, этим и объясняется фрагментарность снимков, большинство которых выполнены не на пленэре.

Исключением из общих правил оказывается фотогалерея, выполненная казахом Ш. Бокеевым в своем поместье (ныне Западно-Казахстанская область). Шангерей Бокеев (1847–1920) – потомок чингизидов, внук казахского хана Жангира, поэт, издатель, основатель кумысолечебницы; сохранились сделанные им самим фотографии отцовской усадьбы, датируемые 1912 годом, а также снимки местной детворы и т.д. Хранятся уникальные дагерротипы в фондах Западно-Казахстанского историко-краеведческого музея (г. Уральск) (ЗКИКМ. Ед. хр. № 129796, 129806, 129786). Согласно легенде, в 1901 году, когда отмечалось 100-летие Букеевской Орды, Шангерей Бокееву, приглашенному в составе делегации в Петербург, в качестве подарка от царствующей семьи был вручен фотоаппарат со всем оборудованием (Куттымуратулы, 2022). Собственно, приобрести аппаратуру он мог себе позволить, заинтересовавшись возможностями новомодного увлечения. Так или иначе оборудование отлично послужило вплоть до начала Первой мировой войны.

Цивилизация и новшества технологии проникали и в «ортодоксальный» Туркестан, таким образом, и молодая поросль чингизидов вполне аутентично восприняла новые веяния; возможно, чтобы избежать пересудов и нареканий со стороны мулл, фотографы приглашались в дома, чтобы не получило огласки столь «кощунственное» действо.

Таким образом, в истории фотодела в Туркестане и Казахском крае на начало XX века можно отметить ряд тенденций: а) социальное «раскрепощение» клиентов ателье заметно в среде учащихся: казахская молодежь была открыта к новинкам технологий и проявляла любознательность к самому процессу репрезентации себя и друзей; б) в среде казахской аристократии (чингизиды) не менее заметно желание приобщиться к модной процедуре; в) локационные характеристики в нашем случае принципиальны: фотоателье располагались преимущественно в городах, обслуживая городское население и иногородних студентов-казахов, перебравшихся к месту учебы из родных аулов; г) информация о снимках быстро распространялась в степи изустно и визуально, что способствовало тому, что фотографирование воспринималось как естественное желание; д) меркантильная составляющая процесса определила относительно узкий разброс клиентуры среди казахов: стоимость фотоснимка в исследуемый период была доступна не всем, в аульной местности найти денежный эквивалент представлялось проблематичным (оплата могла производиться и натуральными продуктами, возможно, подарками от зажиточных семей); е) преобладание мужских фотопортретов объясняется меньшим представительством казахских представительниц слабого пола в светских учебных заведениях и известным давлением со стороны мусульманских духовных проповедников, осуждавших и сам факт учебы, и фотографирование; ж) языковой барьер между держателями фотосалонов и местными жителями поначалу имел место, однако при освоении разговорной казахской речи процесс со временем обрел более доверительный характер.

Фотографирование в изучаемый период, безусловно, было действием, к которому тщательно готовились, внешне и внутренне, осознавая значение результата. В зависимости от целеполаганий, изготавливались фото самых разных предназначений (семейные, на документы, визитки, ученические, «парадные» и постановочные, реже – на природе либо в привычной обстановке).

Особенность туркестанских (ташкентских) фотосалонов Капустянского заключалась в изготовлении паспарту: функционально такой снимок сохранялся дольше, его можно было закрепить на стене, подарить, т.к. края фотографии с паспарту предохранялись от сгибов и нежелательной деформации. Заметны такие особенности региональных фото, как преобладание «интерьерные» фото над «пленэрными», поскольку трудоемкость установки штатива и климатические колебания погоды (суховей, пыльные бури и др.) могли сказаться на времени исполнения и негативно повлиять на качество снимков. Фото с животными (верхом на верблюде, муле, реже – лошади) в исследуемой локации имели место быть, однако чаще в ходе этнографических экспедиций либо как постановочные. Фотографии семейные и групповые позволяют наблюдать специфику национальной одежды (женские головные уборы, дизайн платьев и мужского костюма, обуви и разного рода атрибутов: властных (эполеты, пуговицы, лацканы) и модных аксессуаров (трубки, очки, шляпы, амулеты и др.).

Вызывает сожаление, что многие казахские народные исполнители песен и кюев на домбре, певцы-импровизаторы, сочинители оказались не запечатлены на негативы; подвижный образ жизни и дистанцирование от городского образа жизни не позволили сохранить их индивидуальность, они все же остаются в своих произведениях, в которых воспевали самородков: батыров, атлетов-балуанов, степных

красавиц, мастериц-рукодельниц, природу края. Оставались «за кадром» жители отдаленных локаций, кочевые казахи, ортодоксальные представители мусульманства, по известным причинам.

Учитывая такие немаловажные составляющие, как засилье мусульманских проповедей, данный фактор в повседневной жизни Туркестанского и Степного краев империи играл определенную роль в запрете на фотосъемку мусульман. Первопроходцами фотоискусства в Российском Туркестане в указанный период становились лица, располагавшие первоначальным капиталом и обосновавшиеся в многолюдной столице края – Ташкенте. В плане идентификации личностей фотографов большую роль играет то, что под снимками нередко встречаются имена мастеров фотофиксации. Владельцы частных фотосалонов обязательно указывали на паспорту логотип или родовое имя. Так, в экспозициях краеведческого музея в Кызылорде мы обнаружили редкое фото, на паспорту которого значилось «Фотография Капустянского» (КИКМ). Сведения о фотографах Б.Х. Капустянском и Г.Б. Капустянском встречаются на специализированных форумах любителей ретрофото. В Ташкенте у Капустянского-старшего до революции 1917 года был фотосалон и его владелец слыл местной знаменитостью, затем переехал в Москву.

Социально-культурной адаптации иноязычных, как правило, фотографов в тюркской среде объективно способствовали мастерство, платежеспособность жителей Русского Туркестана и Степного края, интерес со стороны аристократии (чингизидов). Дизайн фотографий менялся в зависимости от предпочтений клиентов-мусульман (на снимках практически нет лиц женского пола). Дизайн паспорту диктовался урбанистической средой и амбициями фотографов. Фотодело оказало влияние на этнографические изыскания края и развитие естественных наук. Благодаря фотографиям воссоздается социальная стратификация казахского общества в ретроспективе, история в лицах.

История фотодела в Степном и Туркестанском краях была обусловлена технологиями, которые «пришли» в регион с администрацией, рыночными взаимоотношениями, равно как потребностями жителей. Городское население имело средства, чтобы тратить их на развлечения и создание атмосферы достатка и обывательского комфорта. В исследуемый период фотографии были востребованы слоем сановников и генералитета, равно как учащейся молодежью Ташкента. Новшество воспринималось местным духовенством отрицательно, однако как-то повлиять либо запретить номинально оно не имело полномочий.

Надо отдать дань уважения мастерам фотоискусства, благодаря им были запечатлены культурные традиции, статусные группы, как отмечалось выше, памятники средневекового зодчества, типы одежды местных жителей. Пейзажи Степного края и Русского Туркестана отражены на снимках, как и этнографические сюжеты, обустройство арыков, искусство певцов, музыкантов, канатоходцев, борцов, сказителей, ткачей, виды холодного оружия и проч. Со строительством ж/д ветки Оренбург–Ташкент к началу XX века можно было познакомиться с особенностями Ташкента, Самарканда и Бухары посредством фотоиллюстраций.

Настоящий бум фотографии в регионе произошел с началом Первой мировой войны. Призавшиеся на фронт и тыловые работы (как вариант – демобилизованные и проходившие лечение) из числа местных жителей испытывали желание оставить родным свое изображение. С наступлением мирного времени модными стали фотографии в жанре «мать с ребенком» – типичные бытовые фото идиллического свойства. Жанр стал популярным в Ташкенте, будучи внедрен Капустянским-старшим.

Социальная составляющая фотодела в крае характеризуется тем, что собственно фотография не только механически запечатлевала лица и позы, но и воспитывала, порождала чувство гармонии (родительская любовь), ожидания (фронтовиков), радости (за новобранцев), гордости (за успехи учащихся отпрысков) и т.д. Памятники зодчества и архитектуры Туркестана, не дошедшие до наших дней, всплывают из забвения благодаря также труду фотографов: башни, минареты, храмы, мавзолеи (например, вид мавзолея Ходжа Ахмета Яссауи до реставрации). То есть фотографии запечатлели культурный облик региона и приобрели функцию научного инструментария.

Драматическая страница прошлого края оказалась отражена на фото – участники восстания 1916 года. Виновники массовых протестов (казахи, кыргызы, уйгуры, дунгане), в том числе женщины, были засняты на фото в период следственных мероприятий (Экспозиция ГМИУ).

5. Заключение

Казахский край в исторической ретроспективе рубежа XIX и XX веков для продвижения фотодела представлял мало освоенный полигон, на котором тем не менее присутствовали островки частного предпринимательства и среди местного населения пробивались ростки здорового интереса. Процесс происходил на фоне преодоления ряда религиозных ограничений, но, что интересно, в ментальном плане к началу XX столетия состоялась культурная адаптация: когда фотографирование казахами воспринималось как естественное приложение городской среды. Даже выезжавшие в хадж в Мекку казахи фотографировались: известны снимки, на которых они засняты в фотоателье, к примеру в Османской империи.

Большинство местных жителей если не имели фотографий в указанный период, то уже скорее из-за отдаленности салона или отсутствия в ближайшем поле фотографов, а не потому, что это

занятие было запрещено. В Туркестанском крае, где, казалось бы, влияние ислама более концентрированно, в зоне оседлости, фотография, что удивительно, пробивала себе признание с не меньшим, если не большим, энтузиазмом.

Визуальная репрезентация в Казахстане на рубеже веков в целом представляется процессом неоднозначным: зачатки рисования обнаруживаются издревле; наскальные изображения, стилизованные каменные статуи, первые профессиональные художники и первые фотосалоны как отражение культурных потребностей социума. Передвижные фотоустановки в составе экспедиций научного плана, по большей части антропологических и этнографических, для исследования природных ресурсов, фиксировали местное население в привычном окружении наиболее интенсивно, начиная с 1880-х гг., а также в 1890-е гг. К началу XX столетия в городах функционировали частные стационарные фотосалоны (ателье). Развитие коммуникаций и образования способствовало продвижению технологий фотодела.

Практически все области Степного края (Акмолинская, Семипалатинская, Уральская, Тургайская) были охвачены с разной степенью плотности фиксации на фото казахского быта и традиционной обрядности. Что до Туркестанского края, то здесь наблюдалась иная картина: центр Ташкент и крупные населенные пункты стали местом локализации стационарных фотосалонов. Подавляющая же территория края оставалась вне зоны доступа для фотосъемки (в силу религиозного фанатизма, труднодоступности и традиций, не позволявших впускать иноверца в пределы проживания).

Забегая несколько вперед, отметим, опираясь на суждение Виктора Франкла о том, что в ходе атеистической пропаганды «марксизм в СССР сам превратился в религию» (Франкл, 2020: 313). Вытеснены были религиозные догмы, и фотодело на Востоке стало приветствоваться. Правда, процесс сопровождался буллингом в отношении «нэпманов», что вызвало стихийный процесс избавления от заработанного честным трудом имущества и, как правило, эмиграции в поисках менее турбулентных регионов.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК по проекту ИРН АР 09261139 «Государственная, общественная и научно-педагогическая деятельность Смагула Садвокасова (на основе новых архивных и письменных источников)».

Литература

- Аден, 2020 – Аден Аян. Ярмарочная торговля в Казахстане. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/31845>
- АИИМК – Архив Института истории материальной культуры РАН.
- АРАН – Архив Российской академии наук, Москва.
- ГМИУ – Государственный музей истории Узбекистана, Ташкент.
- ЗКИКМ – Западно-Казахстанский историко-краеведческий музей.
- Зарождение... – Зарождение фотографии. [Электронный ресурс]. URL: <https://world-photo.ru/zarozhdenie-fotografii/>
- Казахи..., 2019 – Казахи 100 лет назад. История в фотографиях. [Электронный ресурс]. URL: <https://tengrinews.kz/fotoarchive/kazahi-100-let-nazad-istoriya-v-fotografyah-1127/> 9 января 2019.
- Кайрамбаева, 2020 – Кайрамбаева М. Бесценное достояние человечества // «Огни Алатау» от 17 февраля 2020 г. № 15. С. 5.
- Кузиев, 2007 – 125 лет узбекской фотографии. Т. I–III. Под ред. Т. Кузиева. Ташкент, 2005–2007.
- Куттымуратулы, 2022 – Куттымуратулы К. Шангерей тусирген фотолар // *Егемен Казахстан*. 24 мая 2022. С. 7.
- Носов, 2013 – Носов Е. Винтажный Иран вековой давности в объективе Антона Севрюгина. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://greenword.ru/2013/10/antoine-sevruquin.html>
- Прищепова, 2011 – Прищепова В.А. К 150-летию С.М. Дудина – художника, этнографа // *Антропологический форум*. 2011. № 15. С. 608–649.
- СКО ИКМ – Северо-Казахстанской областной историко-краеведческий музей, г. Петропавловск.
- Тольц, 2013 – Тольц В. Собственный Восток России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
- Фотоальбом..., 2017 – Фотоальбом «Алашорда». Составитель Б. Мурсалим. Алматы: «Ел-Шежіре», 2017. 300 с.
- Франкл, 2020 – Франкл В. Логотерапия и экзистенциальный анализ. Статьи и лекции. Пер. с нем. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 344 с.
- ЦГА НТД РК – Центральный государственный архив научно-технической документации Республики Казахстан, Алматы.
- Этапы... – Этапы развития отечественного фотоаппаратостроения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.photohistory.ru/1207248170259168.html>

- Badri, 2016** – *Badri M.* Cultural and Islamic Adaptation of Psychology. Human Behaviour Academy, 2016. 367 p.
- Cody, 2011** – *Cody J.W.* Brush and Shutter: Early Photography in China. Getty Research Institute, 2011. 220 p.
- Gorshenina, 2021** – *Gorshenina S.* Photography and the Tsarist Russian Colonial Administration of Turkestan: designing the History and the Place between Past and Future // *Bulletin of IICAS – International Institute for Central Asian Studies (IICAS)*. 2021. Samarkand. 31: 42-83.
- Hight, Sampson, 2012** – *Hight E.M., Sampson G.D.* Colonialist Photography: Imag(in)ing Race and Place. Routledge, 2012. 346 p.
- Klautau, Kraner, 2021** – *Klautau O., Kramer H.M.* Buddhism and Modernity: Sources from Nineteenth-Century Japan. University of Hawaii Press, 2021. 300 p.
- Mukanova, 2019** – *Mukanova G.K.* The Eurasian Mission of the Imperial Russian Geographical Society, the middle of the XIXth and early XXth centuries // *Bylye Gody*. 2019. 2(52): 757-765.
- Murray, 2013** – *Murray S.* The Adaptation Industry: The Cultural Economy of Contemporary Literary Adaptation. Routledge, 2013. 272 p.

References

- Aden, 2020** – *Aden, A.* (2020). Yarmarochnaya trgovlya v Kazakhstane [Fair trade in Kazakhstan]. [Electronic resource]. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/31845> [in Russian]
- AIIMK** – Arhiv Instituta istorii material'noi kul'tury RAN [Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences].
- ARAN** – Arhiv Rossiiskoi Akademii nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences].
- GMIU** – Gosudarstvennyi Muzei istorii Uzbekistana [The State Museum of the History of Uzbekistan].
- ZKIKM** – Zapadno-Kazakhstanskii istoriko-kraevedcheskii muzei [West Kazakhstan Museum of Local History].
- Zarozhdenie...** – Zarozhdenie fotografii [The origin of photography]. [Electronic resource]. URL: <https://world-photo.ru/zarozhdenie-fotografii/> [in Russian]
- Kazakhi..., 2019** – Kazakhi 100 let nazad. Istoriya v fotografiyakh. [Kazakhs 100 years ago. History in photos] 09.01.2019. [Electronic resource]. URL: <https://tengrinews.kz/fotoarchive/kazahi-100-let-nazad-istoriya-v-fotografiyah-1127/> [in Russian]
- Kairambaeva, 2020** – *Kairambaeva, M.* (2020). Bestsennoe dostoyanie chelovechestva [Priceless heritage of mankind]. *Ogni Alatau*. 17.02.2020. 15: 5. [in Russian]
- Kuziev, 2007** – *Kuziev, N.* (2007). 125 let uzbekskoi fotografii. [125 years of Uzbek photography]. Vol. I–III. Red. T.Kuziev. Tashkent, 2005–2007. [in Russian]
- Kuttymuratuly, 2022** – *Kuttymuratuly, K.* (2022). Shangerei tusirgen fotolar [Photos taken by Shangerei]. *Egemen Kazakhstan*. 24.05.2022. P. 7. [in Kazakh]
- Nosov, 2013** – *Nosov, E.* (2013). Vintazhnyi Iran vekovoi davnosti v ob"ektive Antona Sevryugina [Vintage Iran of a century ago in the lens of Anton Sevryugin]. [Electronic resource]. URL: <https://greenword.ru/2013/10/antoin-sevruugin.html> [in Russian]
- Prishchepova, 2011** – *Prishchepova, V.A.* (2011). K 150-letiyu S.M.Dudina – khudozhnika, etnografa [To the 150th anniversary of S.M.Dudin – artist, ethnographer]. *Antropologicheskii forum*. 15: 608-649. [in Russian]
- SKO IKM** – Severo-Kazakhstanskoi oblastnoi istoriko-kraevedcheskii muzei [North Kazakhstan Regional Museum of Local History]. Petropavlovsk.
- Tol'ts, 2013** – *Tol'ts, V.* (2013). Sobstvennyi Vostok Rossii. [Own East of Russia] M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 336 p. [in Russian]
- Fotoal'bom..., 2017** – Fotoal'bom «Alashorda». Sostavitel' B. Mursalim [Photo album of “Alashorda”. Compiled by B. Mursalim]. Almaty: «El-Shezhire», 2017, 300 p. [in Russian]
- Frankl, 2020** – *Frankl, V.* (2020). Logoterapiya i ekzistentsial'nyi analiz. Stat'i i lektsii. [Logotherapy and existential analysis. Articles and lectures]. Moskva: Al'pina non-fikshn, 344 p. [in Russian and in Kazakh]
- TsGA NTD RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arhiv nauchno-tekhnikeskoi dokumentatsii Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of Scientific and Technical Documentation of the Republic of Kazakhstan].
- Etapy...** – Etapy razvitiya otechestvennogo fotoapparatostroeniya [Stages of development of the domestic camera industry] [Electronic resource]. URL: <http://www.photohistory.ru/1207248170259168.html> [in Russian]
- Badri, 2016** – *Badri, M.* (2016). Cultural and Islamic Adaptation of Psychology. Human Behaviour Academy, 367 p.
- Cody, 2011** – *Cody, J.W.* (2011). Brush and Shutter: Early Photography in China. Getty Research Institute, 220 p.
- Gorshenina, 2021** – *Gorshenina, S.* (2021). Photography and the Tsarist Russian Colonial Administration of Turkestan: designing the History and the Place between Past and Future. *Bulletin of IICAS – International Institute for Central Asian Studies (IICAS)*. Samarkand. No. 31, pp. 42-83.

- Hight, Sampson, 2012 – Hight, E.M., Sampson, G.D. (2012). Colonialist Photography: Imag(in)ing Race and Place. Routledge. 346 p.
- Klautau, Kraner, 2021 – Klautau, O., Kramer, H.M. (2021). Buddhism and Modernity: Sources from Nineteenth-Century Japan. University of Hawaii Press, 300 p.
- Mukanova, 2019 – Mukanova, G.K. (2019). The Eurasian Mission of the Imperial Russian Geographical Society, the middle of the XIXth and early XXth centuries. Bylye Gody. 2(52): 757-765.
- Murray, 2013 – Murray, S. (2013). The Adaptation Industry: The Cultural Economy of Contemporary Literary Adaptation. Routledge, 272 p.

В фокусе эпох: к истории визуальной репрезентации жизни казахов Степного края и Русского Туркестана (рубеж XIX–XX столетий)

Гюльнар Кайроллиновна Муканова ^{a, *}, Дидар Бейсенгалиевна Касымова ^a

^a Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Республика Казахстан

Аннотация. Локация Степной край, зона проживания казахов в позднеимперский период, во второй половине XIX – начале XX веков представляется объектом внимания фотографов. Данный хронологический этап вобрал в себя исторические пласты социально-экономических реформ, проводимых царской администрацией в среде ареала кочевого хозяйства и сопровождавшихся культурными векторами. Фотография в триаде: ремесло, бизнес и искусство – постепенно вошла в размеренный быт степняков, чтобы отразить материальные и духовные ценности, мировоззренческие устои и модели поведения в ответ на вызовы. Визуализация в ретроспективе (фотография) ценна и как источник, и как факт сотворчества художника (мастера) и его природы (клиента) в потоке времени и пространства. Осколок большого региона Центральная Азия – Русский Туркестан, смежный со Степью, испытал аналогичное влияние межкультурной адаптации, хотя клерикальное давление здесь было довольно сильным. История «вживания» фотографии в канву казахского социума, безусловно, познавательна в плане реконструкции на основе архивов, личностей первых фотографов и их клиентуры, а также формирования интереса среди аристократии (чингизидов) и учащейся молодежи. Преодоление косности как социального явления в казахской среде в конце XIX – начале XX веков становится еще зримее через объектив фотокамеры. Отнюдь не схожие «параллелизмы» в развитии обществ Востока – от Урала до Тихого океана – тем не менее единообразно фокусировались в объективе камеры, отражая жизнедеятельность самых разных социальных и возрастных групп, их запросов и устремлений.

Ключевые слова: история, Россия, позднеимперский, Туркестан, казахи, культурная адаптация, визуализация, фото, паспарту.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Gulnar_mukanova@mail.ru (Г.К. Муканова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 330-343
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.330

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Impact of Handicraft Exhibitions on the Commercial Activity of Peasants at the End of the 19th – the beginning of the 20th century (based on the Materials of the Tambov Province)

Georgiy S. Makhrachev ^{a, *}, Yana V. Makhracheva ^a, Tatyana V. Makhracheva ^a

^aTambov state university named after G.R. Derzhavin, Russian Federation

Abstract

The paper analyzes the experience Tambov craftsmen received when participating in handicraft exhibitions at county, provincial, regional and all-Russian levels. The study is topical because it corresponds to the need to use the practices of earlier generations to solve modern demographic and economic problems. The results were obtained from the unpublished documents stored in funds of the State archive of Tambov region. The author also used published logbooks and resolutions of provincial and district zemstvo assemblies; reports of the Ministry of State Property, county zemstvos, and “Tambovskie eparkhial'nye vedomosti”; exhibitions signs; and “Tambov Diocesan Gazette” and “Sel'skokhozyaistvennaya zhizn” periodicals. The analysis of the documents reveals several factors that influenced handicrafts positively. While preparing expositions the author gathered a lot of statistics on the problem to be presented in diagrams and charts to the exhibition visitors. As a result, large-scale exhibitions draw public attention to the problem of handicrafts, provided craftsmen with information on potential consumers and a good opportunity to earn money from sales. Best works received special award, which stimulated other craftsmen to improve production. However, handicraft exhibitions organizers made some mistakes. Firstly, some exhibits did not represent handicrafts. Secondly, some handicrafts sections were misplaced or did not match the general idea of the exhibition. Thirdly, some choices of provincial and county exhibition venues were unsuccessful since most craftsmen worked in rural areas and had no sufficient motives to travel to the city.

Keywords: late imperial period, peasants, handicrafts, handicraft exhibitions, Tambov province.

1. Введение

Благополучие малого бизнеса является одним из ключевых факторов развития мировой экономики на современном ее этапе. Благодаря низкой капиталоемкости малый бизнес позволяет людям легко самореализоваться через предпринимательскую деятельность. Особенно актуальна такая самореализация становится в период крупных кризисов, когда большая часть населения остается без работы и ищет новые источники дохода. Удачное аккумулирование избытка рабочей силы малым бизнесом позволяет государству экономить значительную часть своего бюджета, рассчитанную на трудоустройство граждан и поддержание социального спокойствия. Более того, владельцы малого бизнеса заинтересованы в каждом своем клиенте, что способствует повышению качества обслуживания, а также позволяет чутко реагировать на малейшие изменения в спросе и вовремя менять предлагаемый ассортимент товаров и услуг.

Падение социалистической системы в начале 1990-х гг., с одной стороны, раскрыло перед обновленным российским государством новые возможности, а с другой – породило целый комплекс проблем. В частности, были разрешены рыночные отношения. Однако в отличие от западных стран, где рыночная система складывалась столетиями, российское общество привыкло жить в условиях

* Corresponding author

E-mail addresses: mahrachova@mail.ru (G.S. Makhrachev)

командно-административной экономики и не знало, как правильно организовать собственные предприятия. А правительство в свою очередь не понимало, какие условия необходимо создать для благоприятного развития бизнеса в стране. Даже по истечении 30 лет создание и развитие собственного дела, в том числе и в сфере малого предпринимательства, может быть затруднено целым рядом проблем. Главные из них связаны с несовершенной системой налогообложения и часто завышенной ключевой ставкой. К тому же население по-прежнему имеет низкую экономическую грамотность, а оттого занятие бизнесом воспринимается большинством как опасная деятельность, связанная с преодолением бесконечных трудностей.

В подобных условиях актуальным становится предпринимательский опыт прежних поколений. Реформы Александра II дали толчок для перестройки всего российского общества. Однако положение крестьян, составлявших большую часть населения, изменилось лишь формально. Оказавшись юридически свободными, они должны были в течение многих последующих десятилетий выплачивать помещикам и государству стоимость полученной земли. Сложившуюся в селе ситуацию усугубил стремительный демографический рост, создавший проблему аграрного перенаселения. В подобных условиях крестьяне были вынуждены искать дополнительные источники дохода. Часть спасалась отходничеством в города или более плодородные губернии. Другие пытались из местных ресурсов произвести изделия для продажи на рынке, т.е. промышляли кустарничеством. Государственные органы власти, оценив возросшее значение кустарных промыслов для экономики страны, стремились помочь мастерам в их деле. Одним из способов поддержки кустарей была организация выставок.

В конце XIX – начале XX вв. устройство выставок стало частым явлением в Российском государстве. Выставки имели разный масштаб (уездные, губернские, областные, всероссийские) и отличались по тематике (сельскохозяйственные, промышленные, художественные, пчеловодческие, кустарные и т.д.). На выставках не только экспонировались наиболее интересные предметы, но и были представлены графики, карты, схемы, проходили мастер-классы и лекции, устраивались аукционы. Именно поэтому выставки привлекали к себе широкое внимание общественности. И ни одна выставка всероссийского масштаба не была обделена вниманием со стороны Романовых, представлявших верхушку российского общества.

2. Материалы и методы

Исследование опирается на значительный пласт архивных источников, впервые введенных в научный оборот. В работе использовались материалы из фондов Государственного архива Тамбовской области (Тамбов, Российская Федерация), в которых отражена деятельность уездных земских управ (ГАТО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 721; ГАТО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 141; ГАТО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 517), приведена информация о работе инспектора сельского хозяйства губернии (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 198), а также имеются сведения, собранные губернским статистическим комитетом (ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 91). Документы позволяют выявить особенности подготовки местных органов самоуправления и общественных организаций к экспонированию кустарных изделий.

Архивные данные дополняются опубликованными источниками. В первую очередь следует обратить внимание на журналы губернских (Журналы..., 1888; Журналы..., 1889; Журналы..., 1890; Журналы..., 1891) и уездных (Журналы..., 1888; Журналы..., 1900) земских собраний, постановления губернских (Сборник..., 1902; Сборник..., 1909) и уездных (Постановления..., 1889) земских собраний, в которых приводятся обсуждения финансовой стороны грядущих выставок. К работе также привлечены отчеты Министерства государственных имуществ (Отчеты..., 1907; Отчеты..., 1915), уездных земств (Отчет...), «Тамбовского сельскохозяйственного общества» (Отчет..., 1913), где можно обнаружить данные о подготовке к выставкам, дискуссиях вокруг понятия «кустарь», количестве посетителей, наиболее интересных экспонатах. О разнообразии экспонатов можно узнать и из указателей к выставкам (Указатель..., 1902; Указатель..., 1906; Указатель..., 1913). Более того, указатели позволяют объективно оценить, насколько представленные экспонаты соответствовали понятию «кустарные изделия». Особый интерес представляет периодическая печать, в которой опубликованы впечатления современников о состоявшихся выставках. Это, например, газета «Тамбовские епархиальные ведомости» (Воспитанник Семинарии, 1912) и журнал «Сельскохозяйственная жизнь» (Горский, 1913; Степашкин, 1913).

Статья написана в соответствии с фундаментальными принципами исторического познания: историзма, объективности и системности. В работе использовались как общенаучные, так и специальные исторические методы исследования. К первой категории можно отнести исторический метод, а также анализ, абстрагирование и индукцию. На основе исторического метода удалось проследить изменение выставочного дела в динамике. Анализ был необходим при работе с источниками разного вида. Метод абстрагирования использовался при работе с описанием выставок для отвлечения от несущественных связей и при этом выделении той информации, которая была важна для изучения государственной политики в отношении кустарей. Метод индукции позволяет перенести опыт тамбовского земства и общественных организаций на общероссийский уровень.

К специальным методам следует отнести историко-генетический, проблемно-хронологический и историко-сравнительный. Первый позволил выявить проблемы, стоявшие перед правительством при первых попытках организовать систематическое экспонирование кустарных изделий. Проблемно-хронологический метод дал возможность обратить внимание на дискуссионность понятия «кустарь» в разные периоды, а также проследить изменения в качестве организации кустарных отделов. Историко-сравнительный метод помог сопоставить уровень подготовки государственной власти к выставкам разного уровня.

3. Обсуждение

Вопросы влияния выставок на развитие кустарных промыслов можно отнести к слабоизученной области отечественной историографии. В сферу интересов историков, как правило, попадали более обобщенные темы, как например: особенности организации сельскохозяйственных и промышленных выставок, которые могли включать кустарный отдел; государственная политика по поддержке кустарных промыслов; архитектурная и музейная сторона выставок.

Внимание на уникальность выставочной практики было обращено еще в дореволюционной России. Так, Н.П. Мельников, описывая XVI Всероссийскую промышленную и художественную выставку в Нижнем Новгороде, классифицировал выставки в соответствии с их территориальным охватом и тематикой. Кустарные выставки он выделил в отдельную категорию (Мельников, 1896). М.А. Пузанов обобщил опыт организации сельскохозяйственных выставок в 1850–1860-х гг. и выявил закономерность их положительного влияния на развитие сельского хозяйства (Пузанов, 1864). Н.И. Поликарпов изучил региональный опыт организации сельскохозяйственных выставок, в том числе причины возникновения этого явления, особенности организации экспозиций и специфику представленных экспонатов (Поликарпов, 1894). Однако подавляющее большинство трудов рассматриваемого периода преследовало цель восхвалять государственные начинания и популяризировать выставочное дело, а потому в них превалировал описательный характер. Основное внимание уделялось сельскохозяйственным и промышленным выставкам, в то время как о кустарных лишь упоминалось вскользь. В конце XIX – начале XX вв. были также опубликованы работы, отразившие основные методы стимулирования кустарного производства органами местного самоуправления (Петров, 1917) и выявившие экономическое положение мастеров (Воронцов, 1886).

Схожие тенденции можно проследить и в советской историографии. В первые десятилетия существования советской власти рассматриваемая тема практически не вызывала у историков никакого интереса. В 1950-е гг. появляются первые исследования, посвященные сельскохозяйственным выставкам. Так, М.И. Федотова в 1953 г. опубликовала работу, посвященную особенностям организации первой Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки (Федорова, 1953). С.С. Дмитриев попытался выявить время и причины возникновения сельскохозяйственных выставок (Дмитриев, 1961). Ю.Я. Рыбаков в своей монографии провел источниковедческий анализ статистических данных, собранных в ходе подготовки всероссийских промышленных выставок XIX в. (Рыбаков, 1986). Постепенно стали публиковаться труды, посвященные развитию кустарной промышленности. Ряд работ о географических особенностях распространения кустарных промыслов и государственной политики в отношении кустарей принадлежал перу К.Н. Тарновского (Тарновский, 1995). Однако эти работы имели скорее исключительный характер, но даже в них специфика влияния кустарных выставок на промышленную активность крестьян практически не рассматривалась.

Для постсоветской историографии характерной чертой стало освобождение от всех идеологических оков. В сферу интересов историков попадают новые стороны общественной жизни, в том числе большое внимание уделяется вопросам развития кустарных промыслов. М.В. Карташова (Карташова, 2008) и Н.В. Сорокин (Сорокин, 1999) отразили в своих кандидатских диссертациях проблемы поддержки кустарей на региональных уровнях. Отдельный параграф в их работах посвящен анализу выставочных каталогов и выявлению степени участия мастеров в выставках. Публикуются работы, посвященные музейной стороне выставок (Махрачев, 2005; Мазный, 1997). Монография Ю.А. Никитина была посвящена исследованию архитектурных особенностей устройства выставочных павильонов (Никитин, 2014). В.А. Григорова в своей статье рассмотрела особенности организации торговли кустарными изделиями на выставках (Григорова, 2016). А Е.С. Черепанова, О.В. Марасанова и Д.В. Колбина на примере XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки попытались выявить взаимосвязь географического распределения промыслов с активностью мастеров на выставке (Черепанова и др., 2017).

Таким образом, вопросы непосредственного влияния кустарных выставок на промышленную активность стали пристально рассматриваться только в постсоветский период. А потому многие аспекты данной темы еще не были изучены. Так, интересно выявить, по какому принципу отбирались экспонаты на выставки и как с течением времени менялось понимание значения слова «кустарь». Важно также проследить этапы изменения масштабов кустарных экспозиций от небольших секций при сельскохозяйственных и промышленных выставках до крупных самостоятельных кустарных выставок. Отдельно следует обратить внимание на организаторов выставок и источники

финансирования, что позволит определить, какие органы власти и общественные организации оказывали наибольшую поддержку мастерам.

4. Результаты

Первая попытка систематизированно представить публике достижения кустарной промышленности была предпринята в 1882 г., когда в Москве состоялась XV Всероссийская художественно-промышленная выставка (*Отчеты..., 1907: 290*). Основные организационные расходы легли на Министерство финансов и Министерство государственных имуществ (*Иллюстрированное..., 1882: 3*). Экспонаты, представленные на выставке, были разделены на 14 групп. Двенадцатая группа охватывала «произведения кустарной промышленности». В первую очередь здесь можно было встретить готовые кустарные изделия, как например: белье, одежду, обувь, игрушки, экипажные принадлежности и экземпляры конской амуниции. Во-вторых, отдел позволял посетителям сформировать представление о процессе кустарного производства, поскольку была возможность увидеть сырье, служившее основой для изделий, а также орудия труда мастеров. Однако к моменту проведения выставки еще не сложился понятийный аппарат и у правительства не было четкого понимания, кого следовало относить к кустарям, а потому среди представленных экспонатов были и те, которые не имели никакого отношения к кустарным промыслам. Это, например, предметы охоты (*Иллюстрированное..., 1882: 26*). От Тамбовской губернии П. Бланк экспонировал шелковые ленты, полотенца и женские костюмы (*Иллюстрированное..., 1882: 237*).

Представленные на выставке экспонаты привлекли к себе значительное внимание российского общества. Можно, в частности, упомянуть, что в разные дни выставку посетили император Александр III со своей супругой Марией Федоровной, князь Владимир Александрович, Алексей Александрович, Николай Николаевич (старший) и его сын Петр Николаевич, княгиня Екатерина Михайловна и ее дети, а также герцог Лейхтенбергский Георгий Максимилианович (*Иллюстрированное..., 1882: 23, 114, 138*). Результатом выставки стало знакомство российской элиты с самим явлением кустарного производства. Более того, некоторые меценаты под впечатлением от увиденного стали организовывать частные кустарные школы и мастерские (*Отчеты..., 1907: 291*).

Наиболее раннее упоминание о необходимости систематизированно представить тамбовскому обществу результаты кустарного производства можно отнести к 1881 г. Именно в этот год Козловский отдел «Московского общества сельского хозяйства» предложил губернскому земскому собранию организовать сельскохозяйственную выставку, на которой представить кустарный отдел. Однако земство отказало обществу в ходатайстве (*Сборник..., 1902: 1589*).

Впервые кустарный отдел был представлен на сельскохозяйственной выставке в г. Тамбове в 1883 г. Инициатива ее проведения принадлежала действительному статскому советнику, председателю «Общества Тамбовских сельских хозяев» И.И. Ознобишину. Соответственно, основные организационные расходы легли на «Общество Тамбовских сельских хозяев». Однако финансовую поддержку оказали также и другие учреждения. Тамбовское уездное земство выделило 1000 руб., Министерство государственных имуществ – 500 руб., Козловское отделение «Московского общества сельских хозяев» – 300 руб. А вторая группа русских железных дорог на 59-м съезде своих представителей постановила не взимать плату за перевозку в обратную сторону грузов для выставки (*Сельскохозяйственная..., 1883: 3-4*).

Современники отмечали удобное расположение выставки в центре города, благодаря чему ее смогло посетить большое количество людей (*Сельскохозяйственная..., 1883: 2*). Об этом, в том числе, свидетельствовало заметное число проданных за 16 дней работы выставки билетов – 6 174 шт. (*Тамбовская..., 1883: 1, 8-9, 19*). Были среди посетителей и представители высших слоев общества, как, например, обер-гофмаршал Э.Д. Нарышкин. К организационным недостаткам выставки можно было отнести отсутствие общего каталога, который мог бы послужить отличным путеводителем для гостей (*Сельскохозяйственная..., 1883: 2*). Более того, благоприятное для городских посетителей место проведения выставки было не столь комфортно для сельских кустарей.

Среди всех отделов, представленных на выставке, для исследования наибольший интерес вызывает шестой отдел, получивший название «Крестьянское хозяйство и кустарная промышленность» (*Сельскохозяйственная..., 1883: 24-30*). Подавляющее большинство участвовавших в выставке экспонентов были жителями Тамбова, что напрямую было связано с местом проведения. Несколько мастеров прибыли из сельской местности Тамбовского уезда: Рассказова, Беломестной Криуши, Лысых Гор, Новой Ляды. Встретить на выставке изделия, изготовленные за пределами Тамбовского уезда, было практически невозможно. Помимо отдельных мастеров, свои изделия на выставку предоставили учебные заведения («Тамбовское народное женское училище», «Дом Трудолюбия»), общественные организации («Русское общество пароходства и торговли»), частные организации («Эрт и ко»).

Среди представленных на выставке экспонатов в первую очередь были предметы кустарного производства: кожевенные, кузнечные, текстильные и другие изделия. Часть экспонатов – удобрения, проект несгораемой крестьянской кухни, добытый с местных болот торф – не была связана с кустарной деятельностью. Специально созданная экспертная комиссия оценила представленные

экспонаты. М.М. Желтов за свои кожевенные изделия был награжден серебряной медалью. Кустарь Великий, экспонировавший плуг, получил плуг. Дробушева, Колодины, Баженова, Толстопятовы за представленные шерстяные ткани, К. Баторин – за перочинные карманные ножички, Н. Бирютин – за плуг, И. Родионов – за бочку были удостоены похвальными отзывами (Тамбовская..., 1883: 12).

Заметный рост значимости кустарных промыслов для жизни деревни второй половины XIX в. подталкивал государственные органы власти к организации мероприятий в поддержку мастеров. Министерство финансов и Министерство внутренних дел пришли к выводу о полезности организации одновременно с более значимыми ярмарками кустарных выставок. Специальным циркуляром от 6 сентября 1886 г. Министерство внутренних дел призвало местные земства с целью поощрения промыслов организовать выставки изделий местного производства. Отдельно указывалось, что к экспонированию надлежало допускать «исключительно одних только кустарей, а никак не торговцев, чтобы путем непосредственного сближения производителей с потребителями облегчить сбыт кустарных изделий помимо обычных скупщиков» (Журналы..., 1888: 195). При согласии местных земств на проведение указанного мероприятия Министерство финансов готово было компенсировать часть организационных издержек.

Изучив циркуляр министерства, тамбовский губернатор 20 августа 1887 г. распространил полученную информацию среди уездных земств. После совещаний уездные земские собрания приняли следующие решения: Кирсановское, Борисоглебское, Усманское, Лебедянское, Липецкое, Моршанское, Спасское, Темниковское указали на нецелесообразность устройства кустарных выставок из-за низкой промысловой активности населения; Козловское, Шацкое, Елатомское воздержались от ответа; и только Тамбовское собрание заявило о полезности подобных мероприятий, уточнив, что масштаб выставок должен носить губернский, а не уездный характер. Однако губернское земское собрание не разделяло мнений уездов и постановило, во-первых, собрать сведения о распространенности промыслов; во-вторых, выработать правила организации выставок; в-третьих, определить места для проведения выставок (Журналы..., 1888: 128-129).

Одной из положительных сторон кустарных выставок было привлечение внимания общества и государственных органов к жизнедеятельности мастеров. Уже на подготовительном этапе проводилась значительная работа по сбору данных о состоянии кустарных промыслов. Рассматриваемый случай не стал исключением. Особенно важно обратить внимание на анализ состояния местных промыслов, проведенный по настоянию губернского земства в 1888 г. Борисоглебским уездным земским собранием. Выявив распространенность промыслов и определив их средний годовой капиталоборот, земство пришло к выводу, что кустарное дело в уезде развито слабо, а потому и проведение выставки было бы нецелесообразно (Постановления..., 1889: 334-336).

В ходе первоначальных обсуждений предполагалось устроить выставки в двух противоположных концах губернии: северном и южном. Губернское земское собрание в течение 1888 г. рассмотрело несколько возможных пунктов для размещения выставки. Однако все они не подходили. Так, предложение о размещении выставки в Елатье было отвергнуто из-за неудобного географического расположения города в самом углу губернии. С. Сасово не подходило из-за непродолжительности ярмарки, вместе с которой должна была проходить выставка. Г. Шацк редко посещали кустари соседних уездов. В конце 1888 г. собрание приняло решение устроить выставку в г. Тамбове совместно с двухнедельной ярмаркой, в которой в любом случае должно было принять участие множество мастеров со всей губернии (Журналы..., 1889: 205). Однако в течение 1889 г. городские власти никак не отреагировали на предложение губернского земства о проведении выставки, и ему пришлось в срочном порядке искать новую организационную площадку (Журналы..., 1890: 109).

В 1890 г. в г. Борисоглебске местное общество сельских хозяев планировало организовать сельскохозяйственную выставку. Не дождавшись ответа от тамбовских городских властей, губернское земство приняло решение экспонировать кустарные изделия на борисоглебской сельскохозяйственной выставке. К этому моменту 2000 руб. на организационные расходы уже были выделены Борисоглебским уездным земским собранием. К указанной сумме губернское земское собрание добавило еще 1000 руб.

В 1890 г. в Борисоглебске прошла сельскохозяйственная выставка, в одном из отделов которой были представлены предметы «разной мелкой обрабатывающей промышленности и собственно фабрично-заводской промышленности» (Журналы..., 1891: 95). Заметное число выставленных экспонатов было предоставлено местными крупными предприятиями: свечными, чугунолитейными, мыловаренными заводами. Шерстяной ковер и кружева учениц шацкой рукодельной школы представила руководитель школы А.Н. Нарышкина. Крестьяне Борисоглебского уезда экспонировали лапти, ткани, ковры, кушаки, скатерти, кожаную обувь и другие изделия. Экспонаты из других губерний носили скорее случайный характер. Это золотые и серебряные изделия из Харькова, шорный товар и шведские перчатки из Москвы, краски и лаки из Саратова и т.д. (Журналы..., 1891: 100-101).

После окончания выставки губернское земское собрание констатировало, что организованный наспех кустарный отдел не смог оправдать возложенных на него ожиданий. Планировалось, что в

выставке примут участие мастера со всей губернии. Однако подавляющее большинство изделий было из Борисоглебского и Тамбовского уездов. От северных уездов, где кустарные промыслы получили наибольшее развитие, были представлены только изделия крестьянок шацкой рукодельной школы (*Журналы...*, 1891: 102). Очевидно, что организационный провал был в первую очередь вызван игнорированием статистических данных. Кроме того, губернское земство не уделило должного внимания информации о нежелательности проведения кустарной выставки, поступившей ранее от Борисоглебского земства. В результате вместо ориентации на северные уезды, где кустарные промыслы были распространены в наибольшей степени, губернское земство потратило ресурсы на организацию выставки в Борисоглебске. Более того, не была проведена соответствующая агитационная работа среди мастеров, которые ориентировались исключительно на базары и ярмарки, не понимая возможных перспектив от участия в выставке.

В течение следующего десятилетия в Тамбовской губернии кустарные изделия не экспонировались. Губернское земство ограничивалось отправкой экспонатов на всероссийские выставки. Так, в 1896 г. изделия тамбовских мастеров были представлены на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде, а в 1899 г. – на Саратовской областной сельскохозяйственной и промышленной выставке. В первом случае выставка не имела серьезных последствий для тамбовских кустарей. Можно ограничиться упоминанием того факта, что экспонаты кустарного отдела были разделены на две группы: собственно кустарные изделия и орудия производства. Под кустарными изделиями организаторы понимали предметы, «изготавливаемые сельским населением без фабричных и заводских приспособлений, в свободное от основного сельскохозяйственного промысла время» (*Мельников, 1896: 36*). Это значит, что кустарная деятельность рассматривалась исключительно как подспорье для сельского хозяйства.

Саратовской выставке необходимо уделить большее внимание. В первую очередь следует отметить заметное финансовое участие Тамбовского губернского земства в выставке. Земское собрание выделило 500 руб. на экспонирование тамбовских изделий, 500 руб. – на устройство выставки и еще 500 руб. – на премии «за кустарные промыслы того же рода, какие встречаются в Тамбовской губернии» (*Сборник...*, 1909: 878).

Подготовка к Саратовской выставке обнажила перед земством проблему недостатка информации о реальном состоянии кустарной промышленности в губернии. На губернском земском собрании в октябре 1898 г. обсуждался ряд тем, касавшихся кустарных промыслов: участвовавшие запросы от министерств и общественных организаций на информацию о состоянии кустарных промыслов, приглашения на участие в выставках и базарах кустарных изделий, подготовка к Саратовской выставке. В рамках обсуждения члены собрания отметили устаревший характер статистических данных, собранных в рамках подворных переписей 1880–1884 гг., и отсутствие мотивации у кустарей для участия в выставках. Необходимость участия в Саратовской выставке подтолкнула земство к скорейшему решению обозначенных проблем. Планировалось, во-первых, провести анкетирование местного населения и таким образом обновить имеющуюся информацию о состоянии кустарных промыслов в губернии. Во-вторых, губернская земская управа выступила с инициативой создать по каждому уезду коллекцию изделий, которые можно было бы отправлять на экспонирование (*ГАТО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 517. Л. 1-3*).

Собранная с помощью анкетирования информация была систематизирована губернским агрономом П.П. Тихобразым и опубликована в труде «Кустарные промыслы Тамбовской губернии» (*Кустарные...*, 1900). Более того, сбор данных о кустарных промыслах позволил земству выявить целый ряд проблем, с которыми сталкивались мастера в процессе своей работы. В первую очередь земство обратило внимание на деструктивную деятельность скупщиков. В частности, подробно был описан способ, с помощью которого скупщики обманывали рассказовских вязальщиц при предоставлении сырья и приобретении готовой продукции. Кроме этого, была обозначена сырьевая проблема. Местные экипажники и табакерочники покупали материалы у лесопромышленников гораздо дороже их реальной стоимости. Третья проблема, которую выявило земство, была связана с технической отсталостью производств. Тулиновские столяры использовали сырую древесину, в то время как для производства требовалась сухая. Необходимых для работы сушилок у мастеров не было (*Журналы...*, 1900: 328-330).

Особенно интересно обратить внимание на отзывы современников о качестве тамбовских изделий, представленных на Саратовской выставке. Кузнечные, веревочно-канатные, сетевязальные, рогожные, бондарные и колесные изделия были признаны «весьма хорошего качества». Однако во многих других представленных экспонатах были заметны производственные недостатки. Посетители и эксперты выставки отмечали однообразие и простоту рисунков в ткацких, гончарных и даже столярных изделиях (*Кустарные...*, 1900: XXIII).

В 1902 г. в Санкт-Петербурге состоялась первая Всероссийская кустарная выставка. Главным инициатором этого мероприятия было Министерство земледелия и государственных имуществ. Именно оно ходатайствовало перед Государственным казначейством об ассигнации крупных денежных средств для организации выставки, а в некоторых случаях самостоятельно покрывало образовавшиеся расходы. Общие организационные расходы на выставку составили 202 603 руб.

70 коп. (Отчеты..., 1907: 354). Однако часть средств – 43 385 руб. 40 коп. – удалось компенсировать за счет проданных входных билетов и указателей выставки, а также реализации оставшихся после мероприятия материалов (Отчеты..., 1907: 356).

Непосредственно перед выставкой организаторы столкнулись с проблемой несовершенства понятийного аппарата. Согласно правилам к участию в выставке приглашались кустари, работавшие как на рынок, так и под заказ; земства, кустарные комитеты и прочие организации, имевшие коллекции кустарных предметов; образцовые ремесленные мастерские, ремесленные классы, низшие ремесленные училища и прочие соответствующие учебные заведения. Однако потенциальные участники проявили высокую заинтересованность в конкретизации понятия «кустарь». Наибольшее число вопросов вызвала сословная и территориальная принадлежность мастеров. После обсуждения назревших вопросов организационный комитет принял решение, что кустарными промыслами могли заниматься все сословия в независимости от их ареала проживания – сельского или городского (Отчеты..., 1907: 299-300).

Подобно любым предшествовавшим выставкам всероссийского характера рассматриваемое мероприятие привлекло к себе заметное внимание общественности. Открытие выставки посетил сам император Николай II вместе со своей семьей – Марией Федоровной и Александрой Федоровной (Отчеты..., 1907: 303). Более того, целый выставочный зал был выделен под личное покровительство Александры Федоровны. Особо следует отметить тот факт, что среди экспонированных в зале изделий посетители могли увидеть скатерть и дамский столик работы шацких мастериц, обучавшихся в рукодельной школе А.Н. Нарышкиной. Одних только платных билетов за время проведения выставки было продано более 150 000. А ведь необходимо также учитывать, что бесплатное посещение было разрешено учащимся средних и низших образовательных учреждений, а также членам съезда деятелей по кустарной промышленности (Отчеты..., 1907: 304). Таким образом, можно предположить, что за весь период число посетителей могло приблизиться к 200 000 человек.

Тамбовщина активно откликнулась на приглашение к участию в грядущей выставке. Так, еще в 1901 г. губернская земская управа выделила на приобретение и отправку кустарных изделий 200 руб. (Сборник..., 1909: 878). Более того, подготовка к выставке подтолкнула земство вновь обратиться к сведениям о распространенности кустарных промыслов в губернии (ГАТО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 91. Л. 1-8). Среди выставленных на выставке экспонатов можно было встретить большое количество изделий, представленных тамбовскими мастерами, меценатами и уездными земскими управами. Это деревянные изделия, созданные столярами, токарями, бондарями, лапотниками; металлические изделия, произведенные кузнецами и слесарями; кожаные изделия, подготовленные кожевниками и сапожниками; текстильные изделия, предоставленные ткачами, портными, вязальщиками и многое другое (Указатель..., 1902: 197-215). Несколько тамбовских экспонентов по результатам работы экспертной комиссии были награждены за свои труды медалями и дипломами. Дипломами за активную деятельность по развитию местных кустарных промыслов были удостоены меценаты А.Н. Нарышкина и М.Ф. Якунчекова. А большая серебряная медаль была вручена кустарю Стасенкову «за превосходное исполнение и художественный характер русских троек (игрушки)» (Отчеты..., 1907: 319).

В 1904 г. Курское земство организовало кустарную выставку, главная цель которой была сформулирована следующим образом: «Выяснение современного состояния кустарных промыслов в Курской губ.» (ГАТО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 721. Л. 16). Вместе с тем Курское земство стремилось привлечь экспонентов из других губерний, чтобы выставка стала также площадкой для обмена опытом. Более того, для экспонатов из других губерний был организован специальный отдел. Особенно поощрялись организация и проведение мастер-классов, лекций и объяснительных бесед.

Тамбовское губернское земское собрание живо откликнулось на предложение Курского земства. Очевидно, что высокий интерес Тамбовского земства к предстоящей выставке был напрямую связан с тем фактом, что Курская губерния располагалась близко к Тамбовской. Для экспонирования были направлены изделия, хранившиеся на организованном за пару лет до рассматриваемых событий земском кустарном складе. Подобное решение позволило земству сэкономить денежные средства на приобретение новых изделий. Но даже несмотря на эту экономию, земство выделило 300 руб. для отправки экспонатов и на командировку сопровождавшего их человека (ГАТО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 721, Л. 90б.-10).

Интересно обратить внимание на сложившуюся в начале XX в. тенденцию организовывать экспонирование кустарных изделий даже в тех случаях, когда тематически это было не вполне целесообразно. Например, в 1906 в Тамбове прошла седьмая аукционная выставка лошадей, рогатого скота, овец и свиней. Как уже видно из названия, аукционная выставка была посвящена животноводству, однако специальный отдел был выделен под кустарную продукцию. Более того, большими и малыми серебряными медалями были удостоены мастера, представившие орудия труда, головные уборы, санки и рогожные изделия (Указатель..., 1906: 33). В 1911 г. кустарный отдел был организован на Усманской животноводческой выставке. В отделе можно было увидеть сукно, холсты, ковры и другие изделия местных мастеров, часть из которых была даже удостоена медалями и похвальными листами (Отчет...: 17).

В начале 1910-х гг. кустарные изделия были экспонированы на нескольких уездных сельскохозяйственных выставках. В 1912 г. в г. Спасске прошла первая сельскохозяйственная и кустарная выставка, которая имела столь большой успех, что местное земство сразу после ее окончания приняло решение о повторной ее организации в грядущем году (ГАТО. Оп. 1. Ф. 152. Д. 141. Л. 12). В 1913 г. столь же успешно прошла и вторая сельскохозяйственная и кустарная выставка. В том же году была организована первая сельскохозяйственная и кустарная выставка в г. Лебедяне. Во всех случаях инициатива проведения выставки принадлежала уездным земствам, которые и выделяли первые организационные средства. Дополнительную финансовую поддержку оказывало губернское земство, департамент земледелия и государственное коннозаводство. Интересно заметить, что современники, посещавшие выставки и публиковавшие свои впечатления на страницах периодических изданий, обращали внимание на широкое разнообразие предметов женского рукоделия: полотна, ткани, платки, кружево, вышивку и т.д. (Горский, 1913: 749-750; Степашкин, 1913: 933).

В 1911 г. «Тамбовское общество сельского хозяйства» выступило с инициативой проведения губернской сельскохозяйственной и кустарной выставки (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 198. Л. 101). Предполагалось, что она сможет показать эволюцию сельскохозяйственной деятельности за 8 лет (с 1904 г., когда проходила предыдущая сельскохозяйственная выставка) (Бобынин, 1912: 66). Кустарный отдел в свою очередь должен был отразить экономическую сторону производства, предоставив общественности информацию о доходности промысловой деятельности (Бобынин, 1912: 48-49).

На организацию выставки Департамент земледелия выделил 1300 руб., Главное управление государственного коннозаводства – 1500 руб., Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики – 1000 руб., губернское земство – 1500 руб., Тамбовское, Козловское и Лебедянское уездные земства в сумме – 375 руб. (Отчет..., 1913: 65). Причем 1000 руб. Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики и 500 руб. губернского земства были ассигнованы непосредственно на организацию кустарного отдела (Отчет..., 1913: 45).

В правилах выставки было четко определено, кто имел право выставлять свои экспонаты в кустарном отделе: «По кустарному отделу принимаются изделия только тех производств, которые носят характер домашних, вспомогательных и которые обходятся в большинстве случаев без наемного труда или же имеют не более 2 наемных рабоч.» (Программа... 1912: 45). Отдельно оговаривалось право выставлять свои изделия ремесленным школам, учебно-показательным мастерским и монастырям. По итогу в кустарном отделе были выставлены ткацкие, кружевные, гончарные, кузнечные, сапожные и многие другие изделия, привезенные с разных уголков губернии. Отсутствовали только экспонаты из Елатомского и Моршанского уездов (Отчет..., 1913: 45-46). По результатам работы экспертной комиссии большим количеством медалей и похвальных листов были удостоены экспоненты кустарного отдела. В том числе золотые медали были вручены тамбовским меценаткам М.Ю. Авиновой и А.Н. Нарышкиной за работу по развитию кустарных промыслов, а также Тамбовскому ремесленному училищу. Несколько больших и малых серебряных медалей было вручено за представленные иконостасы, улы, шерсточесальные машины и др. (Отчет..., 1913: 83-84).

Выставка привлекла к себе заметное внимание со стороны местного населения. Отмечалось, что платных посетителей было 15 000 человек и еще 5 000 учащихся, солдат и представителей кооперативов смогли посетить выставку бесплатно (Отчет..., 1913: 47). О ее масштабности говорил и восторженный отзыв, оставленный одним из воспитанников семинарии в «Тамбовских епархиальных ведомостях». В отзыве отмечалась качественность представленного теоретического материала об экономическом развитии губернии: карт, схем, чертежей и количественное разнообразие представленных экспонатов, подтверждавших теоретические сведения. Среди кустарных изделий, привлечших внимание семинариста, интересно упомянуть о чертеже воздухоплавательного корабля и чертеже машины вечного двигателя (Воспитанник Семинарии, 1912: 1639-1641).

В 1912 г. по инициативе «Ермишинского сельскохозяйственного общества» в с. Ермиши Темниковского уезда была организована сельскохозяйственная и кустарная выставка. На организационные расходы департамент земледелия выделил 100 руб., губернское земство – 200 руб., уездное земство – 200 р. и еще 25 руб. ассигновал местный меценат И.П. Манус (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 198. Л. 268). Подготовка к выставке выявила проблему непонимания населением целей и задач подобного рода мероприятий. В отчете о деятельности общества сообщалось, что непосредственно перед выставкой среди населения распространились странные слухи: одни считали, что состоится большая ярмарка, где можно будет купить абсолютно любые товары; другие верили, что каждому посетителю будет бесплатно разливаться водка; третьи полагали, что местным крестьянам нечего показать публике (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 198. Л. 256). Тем не менее по итогу работы выставка была признана успешной и по числу посетителей, и по разнообразию представленных экспонатов. Так, в кустарном отделе посетители могли увидеть кружева, ткани, одежду, веялку, шерсточесальную машину и другие изделия местных мастеров. Были, однако, экспонаты, не имевшие прямого отношения к кустарному производству: пряники и печенье (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 198. Л. 266).

Вторая Всероссийская кустарная выставка прошла в Санкт-Петербурге в 1913 г. Инициатива проведения выставки принадлежала Главному управлению землеустройства и земледелия. В 1911 г. главноуправляющий статс-секретарь А.В. Кривошеин обратился к императору Николаю II с ходатайством о проведении выставки (Отчеты..., 1915: 483). Основной ее целью была обозначена необходимость оценить степень эффективности мероприятий государственных органов по стимулированию кустарей (Отчеты..., 1915: 484). Была составлена смета будущего мероприятия, предполагавшая ассигнование 282 000 руб. (Отчеты..., 1915: 487). Ориентация на столь большую сумму в смете уже говорила о росте интереса государства к вопросам кустарной промышленности. Для сравнения – на проведение первой Всероссийской кустарной выставки первоначально было выделено только 60 000 руб. (Отчеты..., 1907: 296).

К участию в выставке приглашались отдельные кустари, кустарные кооперативы, земства, общественные организации, фирмы изготовлявшие орудия для мастеров (Указатель..., 1913: 18). Однако активная работа по подготовке к выставке высших органов управления на первых этапах столкнулась с пассивностью земств. Объяснялось такое поведение земств нехваткой денежных средств и отсутствием особых организаций, работавших непосредственно с кустарями. Однако Главное управление землеустройства и земледелия командировало в губернии своих специалистов, которые смогли положительно повлиять на желание местных органов самоуправления принять участие в выставке. Так, в Тамбовскую и Воронежскую губернии отправилась специалист по ткацкому делу А.Г. Доливо-Добровольская, которая не раз уже была в этих местах (Отчеты..., 1915: 489-490). По итогу даже оказалось, что во второй Всероссийской кустарной выставке земские учреждения приняли большее участие, чем в первой. На это указывал способ экспонирования изделий. На первую выставку кустари, как правило, доставляли свою продукцию самостоятельно, а потому представленные экспонаты не были никак объединены. Во второй раз современники наблюдали совершенно иную картину. Кустари доставляли свою продукцию через земства, а потому на выставке земские отделы представляли как собственную коллекцию, так и экспонаты, предоставленные частными лицами (Отчеты..., 1915: 530).

Вторая Всероссийская кустарная выставка, как и первая, привлекла к себе заметное внимание общественности. За время работы выставки ее посетило 192 664 человека, из которых: 170 402 – платно и 22 262 – бесплатно. На бесплатное посещение имели право ученики средних образовательных учреждений и нижние чины из частей войск петербургского гарнизона (Отчеты..., 1915: 524-525). Посетил выставку и император Николай II со своими дочерьми – Ольгой, Марией и Анастасией. При осмотре выставки Николай II обратил особое внимание на деятельность тамбовских меценаток – А.Н. Нарышкиной и М.Ф. Якунчиковой. Первая смогла преподнести в дар императорской особе кустарный мешочек-конверт для платков. Вторая представила результаты работы своих учебно-показательных мастерских (Отчеты..., 1915: 507). Впоследствии М.Ф. Якунчикова и А.Н. Нарышкина были удостоены почетных дипломов за весомый вклад в развитие кустарных промыслов (Отчеты..., 1915: 515).

Несмотря на первоначальный пессимизм, Тамбовщина приняла активное участие в подготовке и проведении выставки. В процессе подготовки 30 ноября 1912 г. состоялось совещание, на котором присутствовали представители земства, члены «Тамбовского сельскохозяйственного общества» и А.Г. Доливо-Добровольская, специалист Главного управления земледелия и землеустройства. Совещание высказалось за необходимость поддержать обозначенную государственную инициативу. На организационные расходы, предполагавшие покупку и транспортировку кустарных изделий, агитацию среди мастеров, командировку представителей земства и «Сельскохозяйственного общества», а также 12 кустарей на выставку, было ассигновано 2 100 руб., что гораздо больше той суммы, которая выделялась для участия в первой Всероссийской кустарной выставке (Доклады..., 1912: 5-6). Результатом активной подготовки стал широкий спектр представленных на второй Всероссийской кустарной выставке экспонатов из Тамбовской губернии: кожевенных, деревянных, плетеных и ткацких изделий (Указатель..., 1913: 324-329).

5. Заключение

В ходе исследования удалось выяснить, что кустарные изделия тамбовских мастеров в конце XIX – начале XX вв. были представлены на выставках всех уровней: уездных, губернских, областных, всероссийских. Экспонирование кустарных изделий положительно влияло на развитие кустарных промыслов. Во-первых, непосредственно перед выставками проводилась широкомасштабная работа по сбору статических данных. Во-вторых, масштабные выставки способствовали привлечению внимания государства и общественности к проблемам мастеров. Более того, интерес к выставкам проявляли императоры, члены царской семьи и другие представители Дома Романовых. В-третьих, в рамках выставок организовывались лекции и мастер-классы, что способствовало обмену профессиональным опытом. В-четвертых, на выставках происходило сближение производителя и потребителя, благодаря чему первый лучше узнавал о потребностях второго. В-пятых, участие в выставках сулило материальную прибыль наиболее профессиональным мастерам, которые могли

успешно сбыть значительную часть своих изделий и даже получить поощрение в виде медалей, похвальных листов или даже денежных средств.

Столь огромный положительный эффект от экспонирования кустарных изделий был сопряжен с некачественной организацией многих выставок. В первую очередь в глаза бросалось несоответствие некоторых экспонатов кустарной тематике. В кустарном отделе, помимо собственно кустарных изделий, орудий кустарного производства и сырья выставлялись предметы, не имевшие отношения к обозначенной деятельности: орудия охоты, пищевые продукты, чертежи фантастических машин и т.д. Соответственно, эти последние предметы отвлекали внимание публики от проблем мастеров. Вполне вероятно, что данная организационная ошибка была связана с несовершенством понятийного аппарата. Во-вторых, следует отметить, что на губернском и уездных уровнях кустарные отделы организовывались даже в тех случаях, когда они были тематически не совсем целесообразны. Одно дело, когда современники посещали кустарные отделы на сельскохозяйственной выставке, призванной отразить общее состояние крестьянского хозяйства. Другое дело, когда несколько кустарных экспонатов было выставлено на животноводческой выставке, где посетителям, очевидно, было интереснее изучить разнообразие представленных животных или даже совершить сделку по их покупке. С течением времени государственным властям не удалось решить и проблему популяризации кустарных выставок. Даже в начале 1910-х гг. сельские жители, как правило, не понимали значения данного мероприятия. Третья организационная ошибка была связана с неудачным выбором места проведения выставок. Так, проведение губернской или уездной выставки в городе было неудобно для кустарей, которые в подавляющем большинстве работали в сельской местности.

И все-таки выставки заметно влияли на решение задачи преодоления аграрного перенаселения путем вовлечения тысяч крестьян в неземледельческую кустарную деятельность.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 18-18-00187 «Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в XX – начале XXI вв.».

Литература

Бобынин, 1912 – Бобынин Н.А. Сельскохозяйственные выставки // *Тамбовское сельскохозяйственное общество: Сборник статей*. Тамбов, 1912. С. 42-51.

Бобынин, 1912 – Бобынин Н.А. Сельскохозяйственные выставки в г. Тамбове // *Тамбовское сельскохозяйственное общество: Сборник статей*. Тамбов, 1912. С. 59-75.

Воронцов, 1886 – Воронцов В.П. Очерки кустарной промышленности в России. СПб., 1886. 233 с.

Воспитанник Семинарии, 1912 – *Воспитанник Семинарии*. 2-я губернская сельскохозяйственная и кустарная выставка в г. Тамбове // *Тамбовские епархиальные ведомости*. 1912. № 38. С. 1638-1643.

ГАТО – Государственный архив Тамбовской области.

Горский, 1913 – Горский А.В. Первая сельскохозяйственная выставка в Лебедяни (14–16 сентября 1913 г.) // *Сельскохозяйственная жизнь*. 1913. № 13. С. 748-751.

Григорова, 2016 – Григорова В.А. Ярмарки и выставки кустарных промыслов как средство развития предпринимательства черноземного юга России во второй половине XIX – начале XX в. // *Общество: философия, история, культура*. 2016. № 11. С. 68-70.

Дмитриев, 1961 – Дмитриев С.С. Возникновение сельскохозяйственных выставок в России // *Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России*. М., 1961. С. 172-181.

Доклады..., 1912 – Доклады Тамбовской губернской земской управы Тамбовскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1912 г.: По агрономическому отделу. Тамбов, 1912. 213 с.

Журналы..., 1888 – Журналы очередного Тамбовского губернского Земского Собрания, бывшего в декабре 1887 г. Тамбов, 1888. 644 с.

Журналы..., 1889 – Журналы очередного Тамбовского губернского земского собрания, бывшего в декабре 1888 г. Тамбов, 1889. 605 с.

Журналы..., 1890 – Журналы очередного Тамбовского губернского земского собрания, бывшего в декабре 1889 года. Тамбов, 1890. 622 с.

Журналы..., 1891 – Журналы очередного Тамбовского губернского земского собрания, бывшего в декабре 1890 г. Тамбов, 1891. 635 с.

Журналы..., 1888 – Журналы очередного Тамбовского уездного земского собрания, октябрьской сессии 1887 года. Тамбов, 1888. 564 с.

Журналы..., 1900 – Журналы очередного Тамбовского уездного земского собрания, октябрьской сессии 1899 года. Тамбов, 1900. 713 с.

Иллюстрированное..., 1882 – Иллюстрированное описание Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве 1882 г. СПб., 1882. 256 с.

- Карташова, 2008** – *Карташова М.В.* Кустарно-промышленная политика и ее реализация в последней трети XIX в.: на материалах Нижегородской губернии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2008. 30 с.
- Кустарные..., 1900** – Кустарные промыслы Тамбовской губернии. Тамбов, 1900. 613 с.
- Мазный, 1997** – *Мазный Н.В.* Музейная выставка: история, проблемы, перспективы. М., 1997. 211 с.
- Махрачев, 2005** – *Махрачев С.Ф.* История музейного дела в Тамбовской области. Тамбов, 2005. 156 с.
- Мельников, 1896** – *Мельников Н.П.* XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде 1896 года. Одесса, 1896. 80 с.
- Никитин, 2014** – *Никитин Ю.А.* Выставочная архитектура России XIX – начала XX в. СПб., 2014. 416 с.
- Отчет..., 1913** – Отчет о деятельности Тамбовского сельскохозяйственного общества за период со 2-го марта 1902 года по 1-е января 1913 года. Тамбов, 1913. 84 с.
- Отчет...** – Отчет Тамбовскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1911 г. об агрономической деятельности уездных земств Тамбовской губернии за 1911 г. Тамбов, б. г. 45 с.
- Отчеты..., 1907** – Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. СПб., 1907. Т. VIII. 411 с.
- Отчеты..., 1915** – Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. СПб., 1915. Т. XI. 549 с.
- Петров, 1917** – *Петров Г.П.* Промысловая кооперация и кустарь. М., 1917. Ч. 1. 420 с.
- Петров, 1917** – *Петров Г.П.* Промысловая кооперация и кустарь. М., 1917. Т. 2–3. 394 с.
- Поликарпов, 1894** – *Поликарпов Н.И.* Сельскохозяйственные выставки в Воронеже // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. Воронеж, 1894. С. 147-170.
- Постановления..., 1889** – Постановления экстренного и очередного Борисоглебского уездного Земского Собрания 30 января 1888 года 4-го, 5-го, 6-го и 7-го октября 1888 года. Борисоглебск, 1889. 455 с.
- Программа... 1912** – Программа и правила 2-й губернской сельскохозяйственной и кустарной выставки в г. Тамбове с 28 августа по 4 сентября 1912 года. Тамбов, 1912. 49 с.
- Пузанов, 1864** – *Пузанов М.А.* О сельскохозяйственных выставках в России, как о могущественном рычаге общественного преуспеяния // *Труды Императорского Вольного Экономического Общества.* СПб., 1864. С. 56-58.
- Рыбаков, 1986** – *Рыбаков Ю.Я.* Промышленное законодательство России первой половины XIX века (Источниковедческие очерки). М., 1986. 214 с.
- Сборник..., 1902** – Сборник постановлений Тамбовского губернского земского собрания за 1865–1894 гг. Тамбов, 1902. Т. 2. 1697 с.
- Сборник..., 1909** – Сборник постановлений Тамбовского губернского земского собрания за 1895–1906 гг., Тамбов, 1909. Т. 3. 930 с.
- Сельскохозяйственная..., 1883** – Сельскохозяйственная выставка в Тамбове. Тамбов, 1883. 44 с.
- Сорокин, 1999** – *Сорокин Н.В.* Деятельность государственных и земских учреждений по изучению и развитию кустарных промыслов в 1874–1917 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кострома, 1999. 27 с.
- Степашкин, 1913** – *Степашкин А.Г.* Спасск. Вторая сельскохозяйственная и кустарная выставка в Спасске 6–8 сентября 1913 // *Сельскохозяйственная жизнь.* 1913. № 13. С. 931-934.
- Тамбовская..., 1883** – Тамбовская сельскохозяйственная выставка: Сведения о выставке. Тамбов, 1883. 19 с.
- Тарновский, 1995** – *Тарновский К.Н.* Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М., 1995. 269 с.
- Указатель..., 1906** – Указатель седьмой аукционной выставки лошадей, рогатого скота, овец и свиней (с дополнительными отделами): 1906 г. Моршанск, 1906. 26 с.
- Указатель..., 1902** – Указатель состоящей под августейшим покровительством ея императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны Всероссийской кустарно-промышленной выставки. СПб., 1902. 431 с.
- Указатель..., 1913** – Указатель состоящей под августейшим покровительством ея императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны Второй Всероссийской Кустарной выставки в С.-Петербурге 1913 г., устроенной главным управлением землеустройства и земледелия. СПб., 1913. 788 с.
- Федорова, 1953** – *Федорова М.И.* Первая Всесоюзная выставка (1923 г.). М., 1953. 79 с.
- Черепанова и др., 2017** – *Черепанова Е.С., Марасанова О.В., Колбина Д.В.* Геоинформационные технологии анализа выставочного пространства XIX в. на примере XVI Всероссийской художественной и промышленной выставки (1896 г.) // *Ars Administrandi (Искусство управления).* 2017. Т. 9. № 2. С. 152-175.

References

- Bobyinin, 1912** – *Bobyinin, N.A.* (1912). Sel'skokhozyaistvennye vystavki [Agricultural Exhibitions]. *Tambovskoe sel'skokhozyaistvennoe obshchestvo: Sbornik statei*. Tambov, pp. 42-51. [in Russian]
- Bobyinin, 1912** – *Bobyinin, N.A.* (1912). Sel'skokhozyaistvennye vystavki v g. Tambove [Agricultural Exhibitions in Tambov]. *Tambovskoe sel'skokhozyaistvennoe obshchestvo: Sbornik statei*. Tambov, pp. 59-75. [in Russian]
- Cherepanova i dr., 2017** – *Cherepanova, E.S., Marasanova, O.V., Kolbina, D.V.* (2017). Geoinformatsionnye tekhnologii analiza vystavochnogo prostranstva XIX v. na primere XVI Vserossiiskoi khudozhestvennoi i promyshlennoi vystavki (1896) [Geoinformation technologies to analyze handicrafts in the Russian empire and the role of the state in its development, the example of the XVI all-Russian industrial and art exhibition (1896)]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*. 9(2): 152-175. [in Russian]
- Dmitriev, 1961** – *Dmitriev, S.S.* (1961). Vozniknovenie sel'skokhozyaistvennykh vystavok v Rossii [The Origin of Agricultural Exhibitions in Russia]. *Voprosy istorii sel'skogo khozyaistva, krest'yanstva i revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii*. Moscow, pp. 172-181. [in Russian].
- Doklady..., 1912** – Doklady Tambovskoi gubernskoi zemskoi upravy Tambovskomu gubernskomu zemskomu sobraniyu ocherednoi sessii 1912 g.: Po agronomicheskomu otdelu [Reports of the Tambov provincial zemstvo council to the Tambov provincial zemstvo assembly of the regular session of 1912: According to the agronomic department] (1912). Tambov, 213 p. [in Russian]
- Fedorova, 1953** – *Fedorova, M.I.* (1953). Pervaya Vsesoyuznaya vystavka (1923 g.) [First all-Union exhibition (1923)]. Moscow, 79 p. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti [State archive of the Tambov region].
- Gorskii, 1913** – *Gorskii, A.V.* (1913). Pervaya sel'skokhozyaistvennaya vystavka v Lebedyani (14-16 sentyabrya 1913 g.) [1st Agricultural Exhibition in Lebedyan (September 14-16, 1913)]. *Sel'skokhozyaistvennaya zhizn'*. 13: 748-751. [in Russian]
- Grigorova, 2016** – *Grigorova, V.A.* (2016). Yarmarki i vystavki kustarnykh promyslov kak sredstvo razvitiya predprinimatel'stva chernozemnogo yuga Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Handicraft fairs and exhibitions as a means of business development in the chernozem south of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 11: 68-70. [in Russian]
- Ilyustrirovannoe..., 1882** – Ilyustrirovannoe opisanie Vserossiiskoi khudozhestvenno-promyshlennoi vystavki v Moskve 1882 g. [Illustrated description of the all-Russian industrial and art exhibition in Moscow, 1882]. Saint Petersburg, 1882. 256 p. [in Russian]
- Kartashova, 2008** – *Kartashova, M.V.* (2008). Kustarno-promyshlennaya politika i ee realizatsiya v poslednei treti XIX v.: na materialakh Nizhegorodskoi gubernii. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. [Handicraft-industrial policy and its implementation in the last third of the 19th century: on the materials of the Nizhny Novgorod province: abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences]. Nizhnii Novgorod, 30 p. [in Russian]
- Kustarnye..., 1900** – Kustarnye promysly Tambovskoi gubernii [handicrafts of the Tambov province]. Tambov, 1900. 613 p. [in Russian]
- Makhrachev, 2005** – *Makhrachev, S.F.* (2005). Istoriya muzeinogo dela v Tambovskoi oblasti [History of Museum Studies in the Tambov Region]. Tambov, 156 p. [in Russian]
- Maznyi, 1997** – *Maznyi, N.V.* (1997). Muzeinaya vystavka: istoriya, problemy, perspektivy [Museum exhibition: history, problems, perspectives]. Moscow, 211 p. [in Russian]
- Mel'nikov, 1896** – *Mel'nikov, N.P.* (1896). XVI-ya Vserossiiskaya promyshlennaya i khudozhestvennaya vystavka v Nizhnem Novgorode 1896 goda. [16th all-Russia industrial and art exhibition in Nizhny Novgorod, 1896]. Odessa, 80 p. [in Russian]
- Nikitin, 2014** – *Nikitin, Yu.A.* (2014). Vystavochnaya arkhitektura Rossii XIX – nachala XX v. [Exhibition architecture of Russia in the 19th – early 20th centuries] (2014). Saint Petersburg, 416 p. [in Russian]
- Otchet..., 1913** – Otchet o deyatel'nosti Tambovskogo sel'skokhozyaistvennogo obshchestva za period so 2-go marta 1902 goda po 1-e yanvarya 1913 goda [Report on the activities of the Tambov agricultural society from March 2, 1902 to January 1, 1913]. Tambov, 1913. 84 p. [in Russian]
- Otchet...** – Otchet Tambovskomu gubernskomu zemskomu sobraniyu ocherednoi sessii 1911 g. ob agronomicheskoi deyatel'nosti uездnykh zemstv Tambovskoi gubernii za 1911 g. [Report to the Tambov provincial zemstvo assembly of the regular session of 1911 on the agronomic activities of the county zemstvos of the Tambov province for 1911] (without date) Tambov, 45 p. [in Russian].
- Otchety..., 1907** – Otchety i issledovaniya po kustarnoi promyshlennosti v Rossii [Reports and studies on handicrafts in Russia]. Saint Petersburg, 1907. v. VIII, 411 p. [in Russian]
- Otchety..., 1915** – Otchety i issledovaniya po kustarnoi promyshlennosti v Rossii [Reports and studies on handicrafts in Russia] (1915). Saint Petersburg, v. XI. 549 p. [in Russian].
- Petrov, 1917** – *Petrov G. P.* Promyslovaya kooperatsiya i kustar' [Industrial cooperation and craftsmen] (1917). Moscow, v. 1. 420 p. [in Russian].
- Petrov, 1917** – *Petrov, G.P.* (1917). Promyslovaya kooperatsiya i kustar' [Industrial cooperation and craftsmen]. Moscow, v. 2-3. 394 p. [in Russian]

Polikarpov, 1894 – *Polikarpov, N.I.* (1894). Sel'sko-khozyaistvennyye vystavki v Voronezhe [Agricultural exhibitions in Voronezh]. Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1894 g. Voronezh, pp. 147-170. [in Russian]

Postanovleniya..., 1889 – Postanovleniya ekstrennogo i ocherednogo Borisoglebskogo uездnogo Zemskogo Sobraniya 30 yanvarya 1888 goda 4-go, 5-go, 6-go i 7-go oktyabrya 1888 goda [Decrees of the emergency and regular Borisoglebsk county zemstvo assembly on January 30, 1888, on October 4, 5, 6 and 7, 1888]. Borisoglebsk, 1889. 455 p. [in Russian]

Programma... 1912 – Programma i pravila 2-i gubernskoi sel'skokhozyaistvennoi i kustarnoi vystavki v g. Tambove s 28 avgusta po 4 sentyabrya 1912 goda [Program and rules of the 2nd provincial agricultural and handicraft exhibition in Tambov from August 28 to September 4, 1912]. Tambov, 1912. 49 p. [in Russian]

Puzanov, 1864 – *Puzanov M.A.* (1864). O sel'skokhozyaistvennykh vystavkakh v Rossii, kak o mogushchestvennom rychnom obshchestvennom preuspevaniya [On agricultural exhibitions in Russia as a powerful tool of public prosperity]. *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva*. Saint Petersburg, pp. 56–58. [in Russian].

Rybakov, 1986 – *Rybakov, Yu.Ya.* (1986). Promyshlennoe zakonodatel'stvo Rossii pervoi poloviny XIX veka (Istochnikovedcheskie ocherki) [Industrial legislation in Russia in the first half of the 19th century (source studies)]. Moscow, 214 p. [in Russian]

Sbornik..., 1902 – Sbornik postanovlenii Tambovskogo gubernskogo zemskogo sobraniya za 1865–1894 gg. [Collected of resolutions of the Tambov provincial zemstvo assembly for 1865–1894]. Tambov, 1902. V. 2, 1697 p. [in Russian]

Sbornik..., 1909 – Sbornik postanovlenii Tambovskogo gubernskogo zemskogo sobraniya za 1895–1906 gg. [Collected of resolutions of the Tambov provincial zemstvo assembly for 1895–1906]. Tambov, 1909. v. 3, 930 p. [in Russian]

Sel'sko-khozyaistvennaya..., 1883 – Sel'sko-khozyaistvennaya vystavka v Tambove [Agricultural exhibition in Tambov]. Tambov, 1883. 44 p. [in Russian]

Sorokin, 1999 – *Sorokin, N.V.* (1999). Deyatel'nost' gosudarstvennykh i zemskikh uchrezhdenii po izucheniyu i razvitiyu kustarnykh promyslov v 1874-1917 gg. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. [The activities of state and zemstvo institutions for the study and development of handicrafts in 1874-1917: abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences]. Kostroma, 27 p. [in Russian]

Stepashkin, 1913 – *Stepashkin, A.G.* (1913). Spassk. Vtoraya sel'skokhozyaistvennaya i kustarnaya vystavka v Spasske 6-8 sentyabrya 1913 [Spassk. 2nd agricultural and handicrafts exhibition in Spassk, September 6-8, 1913]. *Sel'skokhozyaistvennaya zhizn'*. 1913. 13: 931-934. [in Russian]

Tambovskaya..., 1883 – Tambovskaya sel'skokhozyaistvennaya vystavka: Svedeniya o vystavke [Tambov agricultural exhibition: Information about the exhibition]. Tambov, 1883. 19 p. [in Russian]

Tarnovskii, 1995 – *Tarnovskii, K.N.* (1995). Melkaya promyshlennost' Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Small industry of Russia in the late 19th – early 20th centuries]. Moscow, 269 p. [in Russian]

Ukazatel'..., 1902 – Ukazatel' sostoyashchei pod avgusteishim pokrovitel'stvom eya imperatorskogo velichestva gosudaryni imperatritsy Aleksandry Fedorovny Vserossiiskoi kustarno-promyshlennoi vystavki [Index of the all-Russian handicraft exhibition held under the august patronage of her imperial majesty empress Alexandra Feodorovna]. Saint Petersburg, 1902. 431 p. [in Russian]

Ukazatel'..., 1906 – Ukazatel' sed'moi auktsionnoi vystavki loshadei, rogatogo skota, ovets i svinei (s dopolnitelnymi otdelami): 1906 g. [Index of the 7th auction exhibition of horses, cattle, sheep and pigs (with additional sections): 1906]. Morshansk, 1906. 26 p. [in Russian]

Ukazatel'..., 1913 – Ukazatel' sostoyashchei pod avgusteishim pokrovitel'stvom eya imperatorskogo velichestva gosudaryni imperatritsy Aleksandry Fedorovny Vtoroi Vserossiiskoi Kustarnoi vystavki v S.-Peterburge 1913 g., ustroennoi glavnym upravleniem zemleustroistva i zemledeliya [Index of the 2nd all-Russian handicraft exhibition in St. Petersburg, 1913, organized by the Main directorate of land management and agriculture, under the august patronage of her imperial majesty empress Alexandra Feodorovna]. Saint Petersburg, 1913. 788 p. [in Russian]

Vorontsov, 1886 – *Vorontsov V.P.* (1886) Ocherki kustarnoi promyshlennosti v Rossii [Essays on handicraft industry in Russia]. Saint Petersburg, 233 p. [in Russian].

Vospitannik Seminarii, 1912 – Vospitannik Seminarii. 2-ya gubernskaya sel'sko-khozyaistvennaya i kustarnaya vystavka v g. Tambove [2nd Provincial Agricultural and Handicraft Exhibition in Tambov]. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti*. 38: 1638-1643. [in Russian]

Zhurnaly..., 1888 – Zhurnaly ocherednogo Tambovskogo gubernskogo Zemskogo Sobraniya, byvshego v dekabrya 1887 g. [Journals of the regular Tambov provincial zemstvo assembly, which was in December 1887]. Tambov, 1888. 644 p. [in Russian]

Zhurnaly..., 1888 – Zhurnaly ocherednogo Tambovskogo uездnogo zemskogo sobraniya, oktyabr'skoi sessii 1887 goda [Journals of the regular Tambov county zemstvo assembly, which was in December 1887]. Tambov, 1888. 564 p. [in Russian]

Zhurnaly..., 1889 – Zhurnaly ocherednogo Tambovskogo gubernskogo zemskogo sobraniya, byvshego v dekabre 1888 g. [Journals of the regular Tambov provincial zemstvo assembly, which was in December 1888]. Tambov, 1889. 605 p. [in Russian]

Zhurnaly..., 1890 – Zhurnaly ocherednogo Tambovskogo gubernskogo zemskogo sobraniya, byvshego v dekabre 1889 goda [Journals of the regular Tambov provincial zemstvo assembly, which was in December 1889]. Tambov, 1890. 622 p. [in Russian]

Zhurnaly..., 1891 – Zhurnaly ocherednogo Tambovskogo gubernskogo zemskogo sobraniya, byvshego v dekabre 1890 g. [Journals of the regular Tambov provincial zemstvo assembly, which was in December 1890]. Tambov, 1891. 635 p. [in Russian]

Zhurnaly..., 1900 – Zhurnaly ocherednogo Tambovskogo uездного zemskogo sobraniya, oktyabr'skoi sessii 1899 goda [Journals of the regular Tambov county zemstvo assembly, which was in December 1899]. Tambov, 1900. 713 p. [in Russian]

Влияние кустарных выставок на промысловую активность крестьянства в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Тамбовской губернии)

Георгий Сергеевич Махрачев ^{а, *}, Яна Васильевна Махрачева ^а, Татьяна Владимировна Махрачева ^а

^а Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется опыт участия тамбовских мастеров в кустарных выставках разного уровня: уездных, губернских, областных и всероссийских. Актуальность исследования напрямую связана с необходимостью учитывать опыт прежних поколений для решения современных демографических и экономических проблем. Выводы, сделанные в статье, базируются на неопубликованных документах, хранящихся в фондах Государственного архива Тамбовской области. К работе были также привлечены и опубликованные журналы губернских и уездных земских собраний; постановления губернских и уездных земских собраний; отчеты Министерства государственных имуществ, уездных земств, «Тамбовского сельскохозяйственного общества»; указатели к выставкам; периодические издания «Тамбовские епархиальные ведомости» и «Сельскохозяйственная жизнь». В ходе анализа документов удалось выявить целый ряд факторов, положительно влиявших на развитие кустарных промыслов. В процессе подготовки к выставкам проводилась активная работа по сбору статистических данных, которые впоследствии представлялись посетителям в качестве диаграмм и графиков. Более того, масштабные выставки привлекали внимание общественности к проблемам кустарей. Сами кустари во время выставок могли больше узнать о потенциальном потребителе и даже заработать денег, реализовав свою продукцию. К тому же награда, предоставлявшаяся лучшим экспонентам, служила прекрасным стимулом для кустарей совершенствовать свое производство. Однако часто организаторы допускали ошибки при устройстве кустарных выставок. В первую очередь можно отметить несоответствие части экспонатов тематике кустарной деятельности. Вторая ошибка была связана с неграмотным устройством кустарного отдела, поскольку встречались случаи, когда указанный отдел не соответствовал общей тематике выставки. В-третьих, можно отметить неудачный выбор города как места проведения губернских и уездных выставок, поскольку кустари в подавляющем большинстве случаев работали в сельской местности и были недостаточно мотивированы для поездки в город.

Ключевые слова: позднеимперский период, крестьяне, кустарные промыслы, кустарные выставки, Тамбовская губерния.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mahrachova@mail.ru (Г.С. Махрачев)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 344-352
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.344

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Changes, Development and Features of Agriculture in the Syrdarya Region of Turkestan Krai (second half of the XIX – early XX centuries): After Joining the Russian Empire

Barshagul K. Isabek^a, Lazzat S. Dinashева^{b,*}, Gulnar B. Kozgambayeva^c, Akmaral D. Sandybayeva^b

^a South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^b Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkistan, Republic of Kazakhstan

^c Kazakh National University named after al-Farabi, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

After the Turkestan Region became part of the Russian Empire in 1865, significant changes took place in all spheres of life. Several peoples lived in the Turkestan region, and their economy differed from each other. There were nationalities and social groups in the region that led a sedentary and nomadic lifestyle. The Syrdarya region has become one of the most economically and culturally difficult regions of Turkestan. The territory of the region was inhabited by social categories who led a sedentary and purely nomadic, semi-nomadic economic lifestyle. While the vast majority of Kazakhs adhered to a pure and semi-nomadic economy, Uzbeks and Tajiks were engaged in sedentary.

The tsarist administration clearly understood that the main livelihood of the indigenous peoples was closely linked to agriculture. In this regard, the authorities have taken measures to regulate and develop agriculture in the region within a certain system. Market management mechanisms were implemented taking into account the peculiarities of the local economy. The authorities provided material and technical support to the ways of exporting agricultural products of the region. The above-mentioned steps led to the gradual involvement of local agriculture in capitalist relations.

At the beginning of the XX century, market facilities and means of agricultural development appeared on the territory of the region. Railways, stations, workshops were built. The directions of formation and development of agriculture in the Syrdarya region under the Russian Empire are among the least discussed topics in historiography. This article provides a scientific analysis of the development of agriculture in the Syrdarya region and its features after the establishment of the power of the Russian Empire.

Keywords: Syrdarya region, Turkestan region, agriculture, nomadic customs, settlement, cotton, agricultural products.

1. Введение

Туркестанский край отличался благоприятными условиями для сельского хозяйства. Климат и почва региона позволяли производить многие виды сельского хозяйства. Эти ресурсы были высоко оценены царской администрацией, в связи с чем были рассмотрены пути научного изучения сельского хозяйства региона, например, в 1885 году было организовано Туркестанское общество сельского хозяйства (Лунин, 1962: 28).

В эту организацию вошли известные русские ботаники, географы, энтомологи. Они представили научные проекты, направленные на повышение сельскохозяйственного потенциала региона, выстраивая эффективный диалог с властями. Эти шаги позволили системно и эффективно использовать сельское хозяйство региона. Одной из областей региона, отличавшейся разнообразием

* Corresponding author

E-mail addresses: lazzat.d69@mail.ru (L.S. Dinashева)

сельского хозяйства, была Сырдарья. Российские ученые и администрация постарались учесть это обстоятельство, в связи с чем были приняты меры, которые по-новому будут формировать и развивать сельское хозяйство области.

В результате деятельности Туркестанского общества сельского хозяйства в Средней Азии появились новые зерновые и бахчевые культуры. Дехкане Сырдарьинской области научились выращивать новые сорта помидоров, красную морковь и баклажаны. Для широкой пропаганды сельхозпродукции со стороны властей были организованы выставки по доступным ценам. Работа по научному исследованию сельскохозяйственной отрасли Сырдарьинской области активизировалась в постсоветский период: ученые выдвигали новые идеи и изучали вновь открытые архивные документы. Актуальность нашей работы заключается в том, что она призвана внести свой вклад в исследование данной проблемы.

2. Материалы и методы

Оценивая изученность темы и свойства материалов, источников можно разделить на две группы:

- Основную часть материалов, относящихся к данной теме, представляют документы Центрального государственного архива Казахстана (Алматы, Казахстан), а именно постановления и приказы канцелярии туркестанского генерал-губернатора и администрации Сырдарьинской области.

- Кроме того, в статье были использованы материалы «Туркестанского сборника», изданного в 1868, 1909 годах. В нем были отражены статистические данные, определяющие становление и развитие сельского хозяйства Сырдарьинской области.

При написании статьи мы опирались на историко-генетический метод определения происхождения основных сельскохозяйственных видов Туркестанского региона. Нами применен сравнительно-аналитический метод для определения особенностей производительности труда населения, придерживавшегося кочевого и оседлого образа жизни.

При оценке результатов общих действий царской администрации в Сырдарьинской области, направленных на поддержку и регулирование сельского хозяйства, учитывалась сущность структурного метода. При отборе фактов, характеризующих сельское хозяйство Сырдарьинской области, отраженных в архивах и сборниках материалов, был использован историко-типологический метод. Ретроспективный метод был принят во внимание при анализе причин изменения и развития общего состояния сельского хозяйства в Сырдарьинском регионе после присоединения к Российской империи.

3. Обсуждение

С точки зрения нашего исследования историография темы в рамках теоретической и методологической позиций делится на 3 этапа: дореволюционный, советский и современный.

Дореволюционная историография. Русские авторы этого периода собирали ценные сведения о сельском хозяйстве Туркестанского края и придавали большое значение научному анализу. Большая часть русских исследователей оказалась чиновниками и служащими царской администрации. В связи с этим правильнее будет воспринимать их не только как внешних описателей событий, но и как непосредственных участников хозяйственных процессов. В их исследовательских работах содержались анализ, систематизация и собственные рекомендации по развитию. В 1867 году, с образованием Туркестанского края, они начали публиковать свои работы. В первую очередь необходимо назвать З.П. Полторацкого ([Полторацкий, 1869](#)). Н.А. Маев ([Маев, 1869](#)) дал оценку деятельности дехкан, занимающихся орошаемым земледелием в Ташкентском регионе, и попытался экономически проанализировать их производительность труда.

Ю.Д. Южаков ([Южаков, 1894](#)) всесторонне охватил в своем труде проблемы и процесс развития аграрной отрасли в Туркестанском крае. Автор дал оценку уровням и особенностям развития сельскохозяйственных отраслей 4 областей, вошедших в состав края. По его мнению, сельскохозяйственная отрасль Сырдарьинской области, несмотря на территориальные ресурсы, недостаточно освоена ([Южаков, 1894: 51](#)).

М.И. Венюков ([Венюков, 1896](#)) представил научный анализ земельной реформы царской администрации в Туркестане. Работа Н.И. Гродекова ([Гродеков, 1889](#)) непосредственно связана с хозяйственной и социальной жизнью казахов в Сырдарьинской области. Автор стремился сравнить хозяйственные средства и бытовые уровни оседлых и кочевых казахов. Кроме того, он провел экономический анализ деятельности оседлых казахов по продвижению и продаже своей продукции. Его труд может служить большим научным подспорьем для ученых, исследующих хозяйственную и бытовую жизнь населения Сырдарьинской области начала XX века. Н. Калмаков ([Калмаков, 1910](#)) уделял большое внимание хозяйственным обычаям и ремеслам жителей северных уездов Сырдарьинской области. Автор собрал интересный материал о качестве и составе зерновых и садовых видов, выращиваемых в Казалинском и Перовском уездах.

Н.С. Лыкошин ([Лыкошин, 1916](#)) акцентировал внимание на специфике сельского хозяйства Сырдарьинской области в отличие от других областей. Ученый отметил сложность ее природно-

географического состояния, ведь на территории области имелись уезды с развитым орошаемым земледелием, частичным кочевничеством и пустынной засухой.

В целом дореволюционные русские исследователи собрали полевые материалы по сельскому хозяйству Сырдарьинской области. Они были среди жителей различных уездов, которые вели кочевой и оседлый образ жизни, и записали сведения об их хозяйственных элементах. Кроме того, исследователи участвовали в подготовке административных решений, определяющих и регулирующих ход развития сельского хозяйства Туркестанского края.

Советская историография. Объем исследований по этой теме в советский период недостаточно велик. Дело в том, что советская историческая наука не включила в категорию актуальных вопросов уровень развития и достижения сельского хозяйства царской эпохи. Научные работы были написаны с классовой точки зрения. Советские авторы в подавляющем большинстве определяли свои доводы на фоне фактов эксплуатации трудящихся в сельском хозяйстве и несправедливого отношения собственности к земле.

В 1920-е годы стали публиковаться отдельные труды, посвященные социально-хозяйственной истории Туркестанского края. В их первых рядах упоминаются имена А.И. Бессонова, Л.К. Давыдова, М.Т. Мошкина (Бессонов..., 1925). Данные авторы собрали интересный материал по этапам и проблемам развития сельского хозяйства в населенных пунктах Сайрам, Тюлькубас бывшей Сырдарьинской области.

В трудах Е. Федорова (Федоров, 1925), Н. Лукина (Лукин, 1931), П.Г. Галузо (Галузо, 1935) прослеживается стремление дать всестороннюю оценку процессам дореволюционного становления и развития сельского хозяйства Туркестанского края. Данные авторы провели сравнительный анализ животноводческих и сельскохозяйственных ресурсов Сырдарьинской области. П.Г. Галузо (Галузо, 1935) дал оценку результатам выращивания хлопка туркестанскими трудящимися конца XIX века и его роли в текстильной промышленности в Российской империи. Но, необходимо признать, что эти научные работы написаны с социалистической позиции мировоззрения: в них нашла отражение острая критика уровня дореволюционного земледелия.

В 1950–1980-е годы появились исследования роли сельского хозяйства в общественном развитии дореволюционного Туркестанского края. М.И. Залкинд (Залкинд, 1955), Б.В. Лунин (Лунин, 1962), К.Ш. Кереева-Канафиева (Кереева-Канафиева, 1963), С. Мадуанов (Мадуанов, 1980) попытались рассмотреть экономику и хозяйственную жизнь Туркестанского края на основе новых данных. Однако их объективному рассмотрению проблемы препятствовали идеолого-теоретические принципы.

Например, М.И. Залкинд (Залкинд, 1955) в своем труде дал оценку истории научных организаций, оказавших материальное содействие и научное исследование состояния сельского хозяйства Туркестанского края. Автор стремился дать соответствующую оценку роли дореволюционных российских научных организаций в изучении и повышении потенциала хозяйства Туркестанского края. Б.В. Лунин (Лунин, 1962) в своей работе признал прогрессивное развитие сельского хозяйства и социальных состояний Туркестанского края после присоединения к Российской империи (Лунин, 1962: 28).

В целом советская историография собрала научные и производственные материалы по сельскому хозяйству дореволюционного Туркестанского края. Но она стремилась рассматривать их в рамках принципов советской идеологии и определенных интересов. Несомненно, это не открыло пути к комплексному и объективному изучению проблемы. Большое значение советские ученые придавали сопоставлению экономических и хозяйственных достижений дореволюционного Туркестана с успехами советской эпохи. В этом направлении многие факты и данные были искажены или оставлены закрытыми. Учитывая это, мы видим, что изучение истории сельского хозяйства Туркестана в советское время не стало комплексной и глубокой научной темой.

Современная историография. Рассматривая теоретико-методологический характер и состав постсоветской историографии, наблюдаем тенденцию к комплексной направленности исследований. Причиной качественного изменения постсоветской историографии стало снятие идеологических рамок и раскрытие архивных данных. В частности, российские и казахстанские авторы проявили активность в научном обсуждении ситуации с сельским хозяйством Туркестанского края. Они не боялись свободно высказывать свои научные суждения.

В публикациях Н.У. Мусаева (Мусаев, 1999), В.В. Корнеева (Корнеев, 2001), Б.Т. Тулеуовой (Тулеуова, 2001), С.Н. Абашина (Абашин, 2002), Г. Благовещенского (Благовещенский, 2006) и др. опубликованы архивные данные по социально-хозяйственной сфере края.

Н.У. Мусаев провел исследовательскую работу по элементам развития капиталистических отношений в Туркестанском крае начала XX века, в которой представлены статистические данные, касающиеся доли сельского хозяйства в экономике края в целом.

Исследование Г. Благовещенского (Благовещенский, 2006) посвящено экономике Туркестанского края. Ученый включил в научный оборот новые архивные данные, касающиеся сельскохозяйственных возможностей и ресурсов Сырдарьинской области. Кроме того, он изложил свои выводы об особенностях теоретических позиций историографии разных эпох по теме.

Публикации А.В. Мамаева (Мамаев, 2014), Т.В. Котюкова (Котюкова, 2016) посвящены ходу и результатам аграрной политики царского правительства, которая была проведена в Туркестанском крае. Значительный интерес в данных исследованиях представляют механизмы организации царской администрацией выделения орошаемых земледельческих участков.

Формирование и развитие аграрного положения Туркестана при Российской империи исследуются и по сей день. В постсоветских работах публикуются новые архивные данные и научные подходы.

4. Результаты

Сырдарьинская область разделилась на два региона по различиям в культурной и хозяйственной жизни: Север и Юг. В Северный регион вошли территории Казалинского, Перовского уездов, в Южный – вошли Ташкентский, Чимкентский и Аулиеатинский уезды (Таблица 1).

Таблица 1. Уезды Сырдарьинской области и основной хозяйственный характер

№	Уезды	Характер хозяйства
1	Ташкентский	оседлость и сельское хозяйство
2	Чимкентский	оседлость и сельское хозяйство
3	Аулиеатинский	полу оседлость, частичное земледелие и животноводство
4	Казалинский	кочевничество, животноводство
5	Перовский	кочевничество, животноводство, частичное земледелие

Уровень развития и методы ведения сельского хозяйства в указанных уездах отличались друг от друга. Например, в южных уездах области развивались земледелие, огородничество и преобладал оседлый культурный образ жизни. В северных уездах преобладал кочевой образ жизни, а земледелие развивалось частично. В северных уездах вдоль реки Сырдарья жили казахи, занимавшиеся выращиванием ячменя и пшеницы (Калмаков, 1910: 51).

Территория южных уездов области была населена казахскими, узбекскими, сартскими, таджикскими этносами и отличалась густонаселенностью (Бессонов..., 1925: 14). Также на юге располагался ряд крупных городов Туркестанского края – Туркестан, Ташкент, Чимкент, Джизак. Основными жителями северных уездов были казахи, и эти уезды были заселены редко. Главными городами севера были Перовск и Казалинск (Сборник материалов..., 1891: 33).

Садоводство и выращивание зерновых культур считались основным занятием жителей Ташкентского уезда. Кроме того, они добились больших результатов в выращивании хлопка (Сафаров, 1921: 29).

До присоединения Туркестана к Российской империи земля была трех категорий: государственная, частная и духовенства (Венюков, 1896: 24), то есть понятия частной собственности по отношению к земле не существовало: она находилась под контролем властей, аристократии и духовенства (Котюкова, 2016: 102). Крестьяне работали по найму у крупных землевладельцев и занимались сельским хозяйством. Отсутствие частного права на землю препятствовало полноценному использованию ее ресурсов. Старая аграрная система позволяла крестьянству эксплуатироваться властью, аристократией и духовенством. Этот общественный процесс не позволял экономике региона стабильно развиваться и вступать в мировые социально-экономические отношения (Ризенкамф, 1921: 68). Первый генерал-губернатор Туркестанского края Н.П. Кауфман попытался законодательно изменить сложившиеся аграрные отношения. В «Положении» об управлении Туркестанским краем 1867 года были ограничены права власти, духовенства и аристократии в отношении земли (Абашин, 2002: 76). Таким образом, в Туркестане земля была утверждена как собственность преимущественно сельской общины. А главным производителем сельского хозяйства считался мелкий собственник земли.

В 1873, 1881 годах Н.П. Кауфман реализовал ряд проектов, регулирующих аграрные отношения в Туркестане (Мусаев, 1999: 18; Корнеев, 2001: 59). Следует признать, что эти изменения вызвали некоторые положительные сдвиги, несмотря на то, что сразу не получили очевидных результатов.

В 1876 г. проект Н.П. Кауфмана был введен в Ферганской области, по нему земля перешла в собственность местного населения в форме постоянного использования, и старые налоги были заменены единым государственным налогом (Чибров, 2016: 145). По старой форме землевладения крестьяне платили налоги государству, духовенству и аристократу, которые считались главными владельцами земли. А по новому земельному законодательству землепользователь должен был уплатить налог в государственную казну. Это изменение привело к пополнению казны государства и освобождению крестьян от различных налогов, то есть между государством и землепользователем сложился диалог, основанный на взаимопонимании (Лыкошин, 1916: 84).

Новое земельное законодательство вступило в силу в Ташкентском уезде Сырдарьинской области с 1879 года (Мадуанов, 1992: 46). В Туркестанском крае особо выделялись Ферганская долина и Ташкентский оазис, которые занимались интенсивным земельным хозяйством. Почвы и климат данных регионов позволили заниматься многими видами земледелия (Сборник материалов..., 1891: 126).

Крестьяне выращивали и продавали хлопок, пшеницу, а также дыни, арбузы, виноград, огурцы, грецкие орехи и другие садовые культуры. Представители царской администрации и русской буржуазии проявили значительный интерес к процветанию хлопководства (Аминов, Бабаходжаев, 1966: 95). Это связано с тем, что текстильное производство имело большое значение для российского рынка, где возрождались капиталистические отношения. По данным 1907 года, в Сырдарьинской области произведена 1/3 часть всего хлопка Туркестанского края (ЦГА РК. Ф. 17. Кн. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 14).

«Правило» 1886 года внесло ряд изменений в предыдущие правила и приняло элементы местных обычаев. В нем были закреплены права представителей религии, аристократии, имеющих право собственности на землю от предков (Корнеев, 2001: 60). С одной стороны, это считалось компромиссом между царской властью и местной знатью. Это связано с тем, что земельное законодательство Н.П. Кауфмана 1867, 1873 гг. сильно ущемляло права местной аристократии и духовенства на землю. Но земля оставалась объектом юрисдикции царского правительства (Тулеуова, 2001: 43).

Русский путешественник М. Шлиттер в 1886 году совершил поездку в Сырдарьинскую область Туркестанского края и оставил ценные сведения о хозяйственной жизни его жителей. С его точки зрения, процесс присоединения Туркестана к Российской империи оказал положительное влияние на хозяйственную систему края. Об этом он писал: «Пришлось наблюдать тот интересный факт, каким образом чисто кочевая жизнь постепенно меняется, уступая место оседлости. Множество разнообразных условий... заставляют кочевников бросать прежний, испокон веков ведшийся их предками образ жизни и радикально меняться, берясь за соху и столь сложное дело ирригации полей» (Шлиттер, 1902: 201).

В своих трудах М. Шлиттер отмечал особенности экономической жизни в Ташкентском регионе: согласно его мнению, каждый кишлак окружен несколькими хозяйственными угодьями и между ними закреплены четкие границы. Посевные площади начинаются сначала с садов, а затем устраиваются участки земли для садовых культур. Размер и численность населения кишлаков можно определить, посмотрев на размер посевных площадей. Дехкане придают большое значение системе арыков при выполнении ирригационных работ: их качество напрямую связано с продуктивностью земледелия (Шлиттер, 1902: 201).

В 1901 году в Сырдарьинской области проживало около 90 тыс. дехкан, занимавшихся производством сельскохозяйственных и садовых культур. Большинство из них занималось производством пшеницы и ячменя. Садовые культуры выращивали фермеры, жившие в окрестностях Джизака, Ташкента.

Крестьяне северных уездов Сырдарьинской области занимались выращиванием ячменя, дыни, пшеницы. Земледельцы Перовского, Казалинского уездов жили вдоль реки Сырдарья и занимались орошаемым земледелием. Они продавали свою продукцию на рынках Перовска, Аральска, Шалкара. Например, на рынке города Перовска в 1911 году было продано 8 тысяч пудов зерна, большая часть которого была выращена местными крестьянами.

Запуск железной дороги Оренбург–Ташкент в 1906 году оказал значительное влияние на экономическое развитие Сырдарьинской области. Железнодорожная линия проходила по городам Перовск, Казалинск, Туркестан, Чимкент и облегчала транспортно-товарное сообщение крестьянам, населяющим указанные уезды. В 1913 году с помощью железной дороги земледельцы Ташкента, Чимкента отправили 2 пуда овощной продукции и 3 600 пудов зерна в направлении Перовска, Актюбинска (ЦГА РК. Ф. 17. Кн. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 39).

1912–1913 гг. были благоприятными для сельского хозяйства Сырдарьинской области, и крестьяне добились значительных успехов в сборе зерна и продукции садоводства. Например, крестьяне Ташкентского уезда отправили в Оренбургском направлении 38 пудов сушеных орехов, 25 пудов сушеных абрикосов и около 50 пудов винограда (Сборник материалов..., 1891: 132).

Вышеуказанные экономическо-хозяйственные изменения привели к увеличению потенциала сельского хозяйства и повышению уровня жизни населения Сырдарьинской области.

5. Заключение

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что в сельском хозяйстве Сырдарьинской области Туркестанского края в начале XX века произошел ряд прогрессивных изменений. Крестьяне области имели благоприятные возможности для перевозки и продажи своей сельскохозяйственной продукции в другие регионы. Были построены железные дороги, которые облегчили транспортировку товаров. На смену уже сложившейся в регионе средневековой модели хозяйствования стали приходиться методы хозяйственного освоения капиталистических отношений. В аграрной сфере были введены новые виды садовых культур. Царская администрация стремилась придать большее значение равному распределению земель, пригодных для сельского хозяйства.

Данные изменения способствовали росту и устойчивому развитию потенциала сельскохозяйственных ресурсов области.

Литература

- Абашин, 2002** – *Абашин С.Н.* Община в Туркестане в оценках и спорах администраторов начала 80-х годов XIX века (по материалам Центрального государственного архива республики Узбекистан) // *Сборник русского исторического общества*. Т. 5(153). 2002. С. 71-88.
- Аминов, Бабажоджаев, 1966** – *Аминов А.А., Бабажоджаев А.* Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966.
- Аничков, 1899** – *Аничков И.* Очерки жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1899.
- Бессонов..., 1925** – *Бессонов А.И., Давыдов Л.К., Мошкин М.Т.* Джетысу. Естественно-историческое описание края. Ташкент, 1925.
- Благовещенский, 2006** – *Благовещенский Г.* Экономическое развитие Туркестана / История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Алматы: Санат, 2006.
- Венюков, 1896** – *Венюков М.И.* Россия и Восток. Сборник географических и политических статей. СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1896.
- Галузо, 1935** – *Галузо П.Г.* Туркестан – колония. Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии. Ташкент, 1935.
- Гродеков, 1913** – *Гродеков Н.И.* Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области. Т. 1. Ташкент, 1889.
- Залкинд, 1955** – *Залкинд М.И.* Из истории Туркестанского общества сельского хозяйства // Труды САГУ имени В.И. Ленина. Ташкент: Изд-во САГУ, 1955.
- Калмаков, 1910** – *Калмаков Н.* Некоторые семейные обычаи киргизов северных уездов Сырдарьинской области // Кауфманский сборник. М., 1910.
- Кереева-Канафиева, 1963** – *Кереева-Канафиева К.Ш.* Дореволюционная русская печать о Казахстане. Алма-Ата, 1963.
- Корнеев, 2001** – *Корнеев В.В.* Управление Туркестанским краем: реальность и «правовые мечтания» (60-е годы XIX – февраль 1917 года) // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 56-70.
- Котюкова, 2016** – *Котюкова Т.В.* Окраина на особом положении: Туркестан в преддверии драмы. М.: Научно-политическая книга, 2016. 391 с.
- Кустанаев, 1894** – *Кустанаев Х.* Этнографические очерки киргиз Казалинского и Перовского уездов. Ташкент, 1894.
- Лукин, 1931** – *Лукин Н.* Буржуазные историки Запада в СССР // *Историк-марксист*. 1931. Т. 21. М., 1931.
- Лунин, 1962** – *Лунин Б.В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX – начало XX века. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962.
- Лыкошин, 1916** – *Лыкошин Н.С.* Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Петроград, 1916.
- Мадуанов, 1980** – *Мадуанов С.* История казахско-узбекских отношений в XIX – начале XX вв. / Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1980.
- Мадуанов, 1992** – *Мадуанов С.* История казахско-узбекских отношений в XIX – начале XX вв. Туркестан, 1992.
- Маев, 1869** – *Маев Н.А.* Путеводитель от Санкт-Петербурга до Ташкента // *Туркестанский сборник*. Т. 24. СПб., 1869.
- Мамаев, 2014** – *Мамаев А.В.* Первый законопроект о колонизации Туркестана: вопрос о заселении орошенных земель в Голодной степи в начале XX в. // Вопросы истории. 2014. № 3. С. 29-37.
- Мусаев, 1999** – *Мусаев Н.У.* Формирование и развитие промышленного производства в Туркестане (конец XIX – начало XX в.). Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1999.
- Ризенкамф, 1921** – *Ризенкамф Г.К.* Проблемы орошения Туркестана. Оросительная хлопковая программа // Труды Управления Ирригационных Работ в Туркестане. М.: 1-я Образцовая типография М.С.Н.Х., 1921.
- Сафаров, 1921** – *Сафаров Г.* Колониальная революция (опыт Туркестана). М., 1921.
- Сборник материалов..., 1891** – Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Ташкент: Обл. стат. ком. 1891.
- Тулеуова, 2001** – *Тулеуова Б.Т.* Центральный Казахстан и его место в экономике и культуре Евразийского региона во второй половине XIX – начале XX вв. / *Проблемы истории и этнологии Казахстана. Материалы региональной научно-теоретической конференции «10 лет суверенного Казахстана: история и перспективы развития»*. Караганда, 2001.
- Федоров, 1925** – *Федоров Е.Г.* Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент: Госиздат Узбекской ССР, 1925.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Чибров, 2016 – Чибров И.В. Перспективы экономического развития Туркестанского края в трудах русских путешественников 60–80-х гг. XIX в. // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 143-146.

Шлиттер, 1902 – Шлиттер М.В. В Туркестане // Военный сборник. 1902. № 2. С. 201.

Южаков, 1894 – Южаков Ю.Д. О земских начальниках в Туркестане. Ташкент: Типолит. С.И. Петухова, 1894.

Batyrbekkyzy et al., 2017 – Batyrbekkyzy G., Mahanuly T.K., Tastanbekov M.M., Dinashева L.S. Latinisation of Kazakh alphabet history and prospects // *European Journal of Science and Theology*. 2017. Vol. 1. Is. 14. Pp. 125-134.

References

Abashin, 2002 – Abashin, S.N. (2002). Obshchina v Turkestane v ocenkah i sporah administratorov nachala 80-h godov XIX veka (po materialam Tsentral'nogo gosudarstvennogo arhiva respubliky Uzbekistan) [The community in Turkestan in the assessments and disputes of administrators of the early 80s of the XIX century (based on the materials of the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan)]. *Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva*. 5(153): 71-88. [in Russian]

Aminov, Babazhodzhaev, 1966 – Aminov, A.A., Babazhodzhaev, A. (1966). Ekonomicheskie i politicheskie posledstviya prisoedineniya Srednej Azii k Rossii [Economic and political consequences of the annexation of Central Asia to Russia]. Tashkent. [in Russian]

Anichkov, 1899 – Anichkov, I. (1899). Ocherki zhizni Severnogo Turkestana [An essay on the life of Northern Turkestan]. Tashkent. [in Russian]

Batyrbekkyzy et al., 2017 – Batyrbekkyzy, G., Mahanuly, T.K., Tastanbekov, M.M., Dinashева, L.S. (2017). Latinisation of Kazakh alphabet history and prospects. *European Journal of Science and Theology*. 1(14): 125-134.

Bessonov..., 1925 – Bessonov, A.I., Davydov, L.K. Moshkin, M.T. (1925). Dzhetyysu. Estestvenno-istoricheskoe opisanie kraja [Zhetysu. Natural-historical description of the region]. Tashkent. [in Russian]

Blagoveshchenskiy, 2006 – Blagoveshchenskiy G. (2006). Ekonomicheskie i politicheskie posledstviya prisoedineniya Srednej Azii k Rossii [Economic development of Turkestan]. *Istoriya Kazakhstana v zapadnykh istochnikakh XII–XX vv.* Almaty: Sanat. [in Russian]

CGA RK – Centralny gosudarstvenny arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Chibrov, 2016 – Chibrov, I.V. (2016). Perspektivy ekonomicheskogo razvitiya Turkestanskogo kraja v trudah russkikh puteshestvennikov 60-80-h gg. XIX v [Prospects of economic development of the Turkestan region in the works of Russian travelers of the 60-80s of the XIX century]. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 16(2): 143-146. [in Russian]

Fedorov, 1925 – Fedorov, E.G. (1925). Ocherki nacional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya v Srednej Azii [Essays on the National Liberation Movement in Central Asia]. Tashkent: Gosizdat Uzbekskoj SSR. [in Russian]

Galuzo, 1935 – Galuzo, P.G. (1935). Turkestan – koloniya Ocherk istorii kolonial'noj politiki russkogo carizma v Srednej Azii [Turkestan – Colony An essay on the history of the colonial policy of Russian Tsarism in Central Asia]. Tashkent. [in Russian]

Grodekov, 1913 – Grodekov, N.I. (1889). Kirgizy i kara-kirgizy Syrdar'inskoj oblasti [Kyrgyz and Karakirgiz of Syrdarya region]. T. 1. Tashkent. [in Russian]

Lukin, 1931 – Lukin, N. (1931). Burzhuznye istoriki Zapada v SSSR [Bourgeois Historians of the West in the USSR]. *Istoriik-marksist*. Vol. 21. Moskva. [in Russian]

Lunin, 1962 – Lunin, B.V. (1962). Nauchnye obshchestva Turkestana i ih progressivnaya deyatel'nost'. Konec XIX – nachalo XX veka [Scientific societies of Turkestan and their progressive activities. Late XIX – early XX centuries]. Tashkent: izd-vo AN Uzbekskoj SSR. [in Russian]

Lykoshin, 1916 – Lykoshin, N.S. (1916). Polzhizni v Turkestane. Ocherki byta tuzemnogo naseleniya [Half life in Turkestan. Essays on the life of the native population]. Petrograd. [in Russian]

Maduanov, 1980 – Maduanov, S. (1980). Istoriya kazahsko-uzbekskih otnoshenij v XIX – nachale XX vv. [The history of Kazakh-Uzbek relations in the XIX – early XX centuries]. Avtoreferat dissertacii kandidata istoricheskikh nauk. Alma-Ata. [in Russian]

Maduanov, 1992 – Maduanov, S. (1992). Istoriya kazahsko-uzbekskih otnoshenij v XIX – nachale XX vv. [The history of Kazakh-Uzbek relations in the XIX – early XX centuries]. Turkestan. [in Russian]

Maev, 1869 – Maev, N.A. (1869). Putevoditel' ot Sankt-Peterburga do Tashkenta [Travel guide from St. Petersburg to Tashkent]. Turkestanskij sbornik. T. 24. SPb. [in Russian]

Mamaev, 2014 – Mamaev, A.V. (2014). Pervyj zakonoproekt o kolonizacii Turkestana: vopros o zaselenii oroshyonnyh zemel' v Golodnoj stepi v nachale XX v [the first bill on the colonization of Turkestan: the question of the settlement of irrigated lands in the Hungry Steppe at the beginning of the XX century]. *Voprosy istorii*. 3: 29-37. [in Russian]

Musaev, 1999 – *Musaev, N.U.* (1999). Formirovanie i razvitie promyshlennoe proizvodstva v Turkestane (konec XIX-nachalo XX v.) [Formation and development of industrial production in Turkestan (late XIX-early XX century)]. Avtoref. dis. ... dok. ist. nauk. Tashkent. [in Russian]

Kalmakov, 1910 – *Kalmakov, N.* (1910). Nekotorye semejnye obychai kirgizov severnyh uezdov Syrdar'inskoj oblasti [Some family customs of the Kyrgyz of the northern counties of the Syrdarya region]. Kaufmanskij sbornik. Moskva. [in Russian]

Kereeva-Kanafieva, 1963 – *Kereeva-Kanafieva, K.Sh.* (1963). Dorevolucionnaya russkaya pechat' o Kazahstane [Pre-revolutionary Russian press about Kazakhstan]. Alma-Ata. [in Russian]

Korneev, 2001 – *Korneev, V.V.* (2001). Upravlenie Turkestanskim kraem real'nost' i «pravovye mechtaniya» (60-e gody XIX – fevral' 1917 goda) [Management of the Turkestan region reality and "legal dreams" (the 60s of the XIX – February 1917)]. *Voprosy istorii*. 7: 56-70. [in Russian]

Kotyukova, 2016 – *Kotyukova, T.V.* (2016). Okraina na osobom polozhenii: Turkestan v preddverii dramy [The outskirts in a special position: Turkestan on the eve of the drama]. M.: Nauchnopoliticheskaya kniga. [in Russian]

Kustanaev, 1894 – *Kustanaev, H.* (1894). Etnograficheskie ocherki kirgiz Kazalinskogo i Perovskogo uezdov [Ethnographic essays of the Kyrgyz of the Kazalinsky and Petrovsky counties]. Tashkent. [in Russian]

Rizenkampff, 1921 – *Rizenkampff, G.K.* (1921). Problemy orosheniya Turkestana. Orositel'naya hlopkovaya programma [Problems of irrigation of Turkestan. Irrigation cotton program]. Trudy Upravleniya Irrigacionnyh Rabot v Turkestane. Moskva: 1-ya Obrazcovaya tipografiya M.S.N.H. [in Russian]

Safarov, 1921 – *Safarov, G.* (1921). Kolonial'naya revolyuciya (opyt Turkestana) [The Colonial Revolution (the experience of Turkestan)]. Moscow. [in Russian]

Sbornik materialov..., 1891 – *Sbornik materialov dlya statistiki Syr-Dar'inskoj oblasti* [Collection of materials for statistics of the Syr-Darya region]. Tashkent, Obl. stat. kom., 1891. [in Russian]

Shlitter, 1902 – *Shlitter, M.V.* (1902). V Turkestane [In Turkestan]. *Voenny sbornik*. 2: 201. [in Russian]

Zalkind, 1955 – *Zalkind, M.I.* (1955). Iz istorii Turkestanskogo obshchestva sel'skogo hozyajstva [From the history of the Turkestan Society of Agriculture]. Trudy SAGU imeni V.I. Lenina. Tashkent: izd-vo SAGU. [in Russian]

Tuleuova, 2001 – *Tuleuova, B.T.* (2001). Central'nyj Kazahstan i ego mesto v ekonomike i kul'ture Evrazijskogo regiona vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Central Kazakhstan and its place in the economy and culture of the Eurasian region in the second half of the XIX – early XX centuries.]. *Problemy istorii i etnologii Kazahstana. Materialy regional'noj nauchno – teoreticheskoy konferencii «10 let suverennogo Kazahstana: istoriya i perspektivy razvitiya»*. Karaganda. [in Russian]

Venyukov, 1896 – *Venyukov, M.I.* (1896). Rossiya i Vostok. Sbornik geograficheskikh i politicheskikh statej [Russia and the East. Collection of geographical and political articles]. Spb.: Tip. V. Bezobrazrva i K. [in Russian]

Yuzhakov, 1894 – *Yuzhakov, Yu.D.* (1894). O zemskih nachal'nikah v Turkestane [About the zemstvo chiefs in Turkestan]. Tashkent: Tipo-lit. S.I. Petuhova. [in Russian]

Изменения, развитие и особенности сельского хозяйства в Сырдарьинской области Туркестанского края (вторая половина XIX – начало XX вв.): после присоединения к Российской империи

Баршагул Кашкынкызы Исабек ^a, Лаззат Сарсембековна Динашева ^{b, *},
Гульнар Бестибаевна Козгамбаева ^c, Акмарал Даировна Сандыбаева ^b

^a Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, Шымкент, Республика Казахстан

^b Международный Казахско-Турецкий Университет имени Ходжи Ахмеда Ясави, Туркестан, Республика Казахстан

^c Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. После того как Туркестанский край стал частью Российской империи в 1865 году, произошли значительные изменения во всех сферах жизни. В Туркестанской области проживало несколько народов, и их хозяйство отличалось друг от друга. В регионе существовали национальности и социальные группы, которые вели оседлый и кочевой образ жизни. Одним из наиболее сложных в хозяйственном и культурном плане регионов Туркестана стала Сырдарьинская область. Ее территория была заселена социальными категориями, которые вели оседлый, кочевой и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lazzat.d69@mail.ru (Л.С. Динашева)

полукочевой хозяйственный образ жизни. Причем подавляющее большинство казахов придерживались кочевого и полукочевого хозяйства, а узбеков и таджиков – оседлого.

Царская администрация ясно понимала, что основные средства к существованию коренных народов тесно связаны с сельским хозяйством, в связи с чем власти предприняли меры по регулированию и развитию сельского хозяйства региона в рамках определенной системы. Механизмы управления рынком были осуществлены с учетом особенностей местного хозяйства. Властью была оказана материальная и техническая поддержка путям сбыта сельхозпродукции региона. Вышеупомянутые шаги привели к постепенному вовлечению местного сельского хозяйства в капиталистические отношения.

В начале XX века на территории области появились рыночные объекты и средства развития сельского хозяйства. Были построены железные дороги, станции, цеха. Направления становления и развития сельского хозяйства Сырдарьинской области при Российской империи относятся к числу наименее обсуждаемых в историографии тем. В этой статье сделан научный анализ развития сельского хозяйства в Сырдарьинском регионе и его особенностей после установления власти Российской империи.

Ключевые слова: Сырдарьинская область, Туркестанский край, сельское хозяйство, кочевые обычаи, оседлость, хлопок, сельскохозяйственная продукция.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 353-366
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.353

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Was the Bukhara Epidemic the Onset of the 1889–1890 “Russian Flu” Pandemic? (Socio-Demographic Study)

Sergey V. Ryazantsev ^{a, b, *}, Alexey V. Smirnov ^b

^a MGIMO University, Moscow, Russian Federation

^b Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract

It is believed that the virus that caused the 1889–1890 “Russian flu” pandemic originated in the capital of the Bukhara emirate in May 1889. This article is about the Bukhara epidemic. The purpose of the article is to analyze the Bukhara epidemic and its causes and to answer the question: was the disease in Bukhara really caused by an influenza virus. The study is based on pre-revolutionary sources of the late 19th century, including periodicals containing information about the epidemic. The literature on the “Russian flu” pandemic provides evidence that the virus originated in May 1889 in Bukhara. It was first described by a witness of the Bukhara epidemic, doctor O.F. Heyfelder. From the second half of May until the beginning of August 1889, a great part of Bukhara’s population fell ill with a fever. About 7,000 people died. The lethality of the Bukhara epidemic was at least 5 %, and the lethality of the “Russian flu” was 35 times less: 0.2 %. The incubation period for the Bukhara fever was 1-2 weeks, while for influenza it was 1-3 days. The characteristic symptoms of the “Russian flu” – cough and complications in the form of pneumonia – were absent in Bukhara’s patients. Given the population migration along the Trans-Caspian railway and the virus contagiousness, influenza would have come to the cities located near Bukhara as early as in summer. But in Tashkent, Baku, Vladikavkaz, influenza emerges at the end of November 1889. The poor sanitary conditions in the city, snowy and cold winter contributed to the development of the epidemic. The heat that came in April provoked a rapid melting of snow, which resulted in very high water levels in reservoirs and the soil. The heat and plenty of water created favorable conditions for the reproduction of Anopheles mosquitoes, vectors of malaria. At the end of August 1889, a commission of 4 doctors came to the conclusion that the cause of the Bukhara epidemic was malaria. Malaria was endemic for Bukhara. Presumably, the Bukhara epidemic could be caused by *P. falciparum*, the causative agent of tropical malaria. Heyfelder came to the conclusion that the Bukhara epidemic and the influenza epidemic in the Russian Empire were identical diseases. Cough, sore throat, complications in the respiratory system, according to Heyfelder, were characteristic of influenza in northern latitudes only. The Bukhara epidemic was rather due to malaria presumably caused by *P. falciparum* than due to an influenza virus.

Keywords: Bukhara epidemic, malaria, “Russian flu”, 1889–1890 “Russian flu”, pandemic, epidemic, influenza, Bukhara, Heyfelder.

1. Введение

Интерес к пандемии «русского гриппа» 1889–1890 гг. стал актуальным в связи с современной ситуацией распространения коронавируса. В 1889 г. возникла эпидемия гриппа, прокатившаяся по

* Corresponding author

E-mail addresses: riazan@mail.ru (S.V. Ryazantsev), sofetel@mail.ru (A.V. Smirnov)

Европе, Азии, Америке, Австралии и Африке (Васильев, 2001: 16). Считается, что жертвами пандемии стали около 1 млн человек (Berche, 2022: 1).

Вызывает интерес и предположение, что пандемию «русского гриппа» мог вызвать не вирус гриппа, а коронавирус. На сегодняшний день не идентифицирован патоген, вызвавший пандемию «русского гриппа», как это было с возбудителем «испанки» (Taubenberger, Morens, 2006: 69).

Пандемия COVID-19 продемонстрировала чрезвычайный эпидемический потенциал коронавирусов (Berche, 2022: 1; Brussow, 2021: 2244; Ramassy et al., 2022: 1943). Недавние филогенетические исследования выявили генетическую близость между коронавирусом крупного рогатого скота BCoV и вирусом человека HCoV-OC43. Считается, что вирус HCoV-OC43 появился около 1890 года и мог быть причиной пандемии (Vijgen et al., 2005: 1595).

2. Материалы и методы

Базой исследования послужили материалы дореволюционных источников конца XIX в.: «Отчет о гриппозной эпидемии в русской армии в 1889 и 1890 г.», «Карты из атласа гриппозной эпидемии в Русской армии 1889–1890 гг.», «Influenza. Историко-клиническая монография», «Опыт изучения малярии в России в санитарном отношении» и др. (Верекундов, 1891; КАГЭРА, 1891; Кузнецов, Герман, 1890; Фавр, 1903).

В том числе периодические издания, содержащие сведения об эпидемии: «Врач», «Военно-санитарное дело», «Международная клиника», «Русская медицина», «Астраханский вестник», «Каспий», «Новое обозрение», «Новости и биржевая газета», «Правительственный вестник», «Туркестанские ведомости», «St. Petersburg Medicinische Wochenschrift».

Взаимодополняющие материалы позволили реконструировать развитие эпидемии в городе Бухаре в 1889 г., понять причины, спровоцировавшие возникновение заболевания у населения и определить инфекционного агента, вызвавшего болезнь и повышенную смертность.

Новизна исследования состоит в расширении сведений о пандемии «русского гриппа» 1889–1890 гг. и эпидемии в Бухаре благодаря введению в научный оборот новых исторических источников.

Методологической основой статьи стали общенаучный принцип и методы научного познания. В частности, были использованы принципы историзма, системности и объективности. Инструментарий исследования охватывает методы анализа и обобщения полученных данных.

3. Обсуждение

В современных источниках, посвященных пандемии, написано, что первые случаи заболевания вирусом «русского гриппа» зафиксированы в Бухаре в мае 1889 г. Бухара стала колыбелью вируса, поразившего большую долю населения мира (Berche, 2022: 1; Brussow, 2021: 2247; Ramassy et al., 2022: 1943; Kempinska-Miroslawska, Wozniak-Kosek, 2013: 1131-1141; AUC). Но детальное описание первой эпидемии гриппа в столице Бухарского эмирата отсутствует.

В литературе советского периода только упоминается, что вирус гриппа впервые возник в Бухаре (Гамалея, 1927: 4; Добрейцер, 1927: 8; Кричевский, Шоттер, 1927: 57; Садов, 1927: 5; Шпикин, 1937: 4).

В научной литературе 90-х гг. XIX в. авторами – свидетелями пандемии – приводятся разнообразные данные о том, где впервые могла произойти вспышка инфекции. «Нет точных указаний, когда и где началась ...эпидемия инфлюэнцы; некоторые врачи указывают, что она началась в северо-восточной и средней части России...» (Никольский, 1890: 147).

В материалах «Карты из атласа гриппозной эпидемии в Русской армии 1889–1890 гг.» представлена информация о ходе эпидемии по территории России. В октябре 1889 г. наиболее пораженной является Томская губерния (150–200 %) (КАГЭРА, 1891: октябрь).

Предполагалось, что вирус мог возникнуть в Китае, пустыне Гоби, Киргизской степи, Сибири, Персии, Туркестане и Бухаре (А.П.С., 1891: 692; Clemow, 1894: 139; Лион, 1894: 5; Видаль, 1894: 3; Кузнецов, Герман, 1890: 115).

В литературе конца XIX в. встречаются ссылки на научные труды доктора О.Ф. Гейфельдера с указанием места и времени возникновения вируса гриппа (Верекундов, 1891: 293; Кузнецов, Герман, 1890: 115; Обзор, 1890: 789). Эпидемия гриппа «...по Heyfelder’у, началась в мае (в Бухаре), быстро распространилась по всей России и к концу года уже достигла Западной Европы и Америки» (Обзор..., 1890: 789).

В научном труде, посвященном эпидемии гриппа в армии, отмечено: «...К сожалению, при решении вопроса о том, откуда же взялся грипп в Киргизских степях, остается строить только гипотезы. Из таковых, по-видимому, наиболее вероятной будет та, которая пытается связать последнюю гриппозную пандемию, с одной стороны, с эпидемическим гриппом, бывшим в Бухаре с мая по август 1889 года и описанным покойным д-ром Гейфельдером, а с другой – переносит центр тяжести в вопросе о происхождении гриппа в Китай» (Верекундов, 1891: 293).

Данные о том, что вирус гриппа вызвал эпидемию в городе Бухаре, появились впервые в статьях под авторством О.Ф. Гейфельдера (Heyfelder) (Гейфельдер, 1889: 2; Heyfelder, 1890: 87-88;

Верекундов, 1891: 293; Гейфельдер, 1914: 370-372; Рубинский, 1889: 729; ВИ, 1890а: 19; Некролог, 1890b: 102-103).

Оскар Фердинандович Гейфельдер, свидетель эпидемии в Бухаре, родился в городе Трире. Он был сыном немецкого врача, приглашенного на русскую службу Николаем I. О.Ф. Гейфельдер пошел по стопам отца. В 1880 г. он занимал должность главного врача Грозненского военного госпиталя и был вызван в ахалтекинскую экспедицию, где познакомился со строителем Закаспийской железной дороги генералом М.Н. Анненковым (Гейфельдер, 1914: 370-372).

Генерал пригласил О.Ф. Гейфельдера на должность старшего врача Закаспийской железной дороги. Будучи сотрудником периодического издания «Новости и биржевая газета», Оскар Фердинандович, предположительно, писал статьи в газету под псевдонимом «Г.» (Некролог, 1890а: 2).

Две статьи в издании «Новости и биржевая газета» детально освещают эпидемию в Бухаре. Вероятнее всего, редакция обратилась за информацией об эпидемии именно к Гейфельдеру в период его нахождения в Бухаре (Г., 1889а: 2; Г., 1889b: 2). В газете «Туркестанские ведомости» есть ссылка на свидетельство доктора Гейфельдера и приводятся цитаты из статьи «Новости и биржевая газета», которые подписаны псевдонимом «Г.» (К.К., 1890: 160; Г., 1889а: 2).

Целью статьи является анализ бухарской эпидемии, выявление ее причин и ответ на вопрос: действительно ли вирус гриппа вызвал заболевание населения в Бухаре?

4. Результаты

Эпидемия в Бухаре

26 июля 1889 г. из Чарджуй пришла телеграмма в петербургские газеты:

«Старший врач 2-го Закаспийского железнодорожного батальона Писаренко сообщает со станции Бухара, что между бухарцами свирепствует лихорадка, много больных различными формами тифа. В столице эмира больных еще больше» (Хроника..., 1889b: 363-364).

Затем в прессе появилась информация, что в Бухаре свирепствуют сильнейшая холера, чума или сыпной тиф. Но О.Ф. Гейфельдер сообщил в газеты, что «болезненность и смертность уменьшаются, а холеры нет и не было» (ХМИ, 1890: 722).

Лихорадка не была новым явлением для жителей Бухарского ханства (Варламов, 1889: 3). Болезнь возникала ежегодно, обычно поздним летом, и смертность от нее хоть и была, но держалась на невысоком уровне, не вызывая панику у населения (Г., 1889а: 2). Данные факты свидетельствуют об эндемичности¹ и сезонности заболевания.

Но периодически смертность от лихорадки сильно возрастала. Так было в 1885 г., когда для выяснения причин заболевания из Самарканда в Карши, резиденцию бухарского эмира, был командирован военный врач. Подобная ситуация наблюдалась в 1887 г.: в пограничном русском городе Каттакуртан и его окрестностях, среди сартов, и в 1888 г. в городе Вабкент, а также в кишлаках по дороге в Бухару (Г., 1889а: 2).

Со второй половины мая 1889 г. в Бухаре повысилась смертность населения (Г., 1889а: 2). «...Смертность в Бухаре была значительная, число больных очень велико и ежедневно возрастало вследствие новых заболеваний. Целые семьи беспомощно лежали на террасах внутри своих домов, тогда как еще не вполне обессиливающие больные, бледные и дрожащие от лихорадки, сидели на корточках целыми толпами на всех перекрестках» (Г., 1889а: 2). Только за 3 дня, с 14 по 16 июля, умерло 702 человека (ТСА, 1889а: 1).

На улицах постоянно встречались похоронные процессии (Г., 1889а: 2). «Несут обыкновенно по несколько покойников сразу. Унылые, изнуренные, малокровные лица сопровождают, как тени, эти печальные corteжи» (Варламов, 1889: 3). В бухарских стенах было 11 ворот. В среднем ежедневно, в каждые из них выносили по 20 покойников, не считая тех, кого хоронили в городе (Варламов, 1889: 3). Бухарские евреи постоянно молились в синагогах (Г., 1889а: 2).

Лучший рынок Средней Азии в Бухаре производил удручающее впечатление. Путешественник, описывающий Бухару, отмечал: «Почти все лавки закрыты, и только кое-где местами какой-нибудь алчный торгаш с бледно-изнуренным анемичным лицом, еле шевеля губами, сбывает свои товары втридорога. Базар этот, столь оживленный в прошлом году, теперь как бы вымер» (Варламов, 1889: 3).

Заболевшим бухарские знахари «прописывали ...разные талисманы, изречения из Корана, свежую куриную кровь», а также «лечили» кровопусканием и слабительными (Г., 1889а: 2). Кровопускание производилось как у взрослых, так и у грудных детей до полной потери сознания, тем самым истощая еще сильнее организм (ВИ, 1889b: 149).

К русским врачам бухарцы обращались обычно тогда, когда больной уже был в безнадежном состоянии. Из лекарств местное население доверяло только хинину (Бухара 14, 1889: 3).

Бухарский эмир, испугавшись эпидемии, уехал в Чарджуй (СС, 1889: 2), но 20 июля 1889 г. вернулся в Бухару. Жители встречали эмира с непокрытыми головами в знак скорби (ТСА, 1889b: 1).

¹ Примечание. Эндемическое заболевание (endemos от греч. местный) – заболевание, характерное для определенной местности.

Закаспийская дорога работала «в прежнем порядке», с той лишь разницей, что в поезд не сажали людей, имеющих симптомы заболевания (ЕДС, 1889: 2).

Симптомы бухарской эпидемии и «русского гриппа»

О.Ф. Гейфельдер пишет: «Ознакомившись с господствующей в Петербурге болезнью, я был сразу же поражен ее сходством с эпидемией, которая наблюдалась нынешним летом в Бухаре... Как здесь¹, так и в Бухаре наиболее характерною чертою стало сравнительно внезапное сильное заболевание... Столь же характерным представляется упадок сил во время болезни и выздоровления» (Гейфельдер, 1889: 2).

Для Гейфельдера общими признаками болезни были лихорадка, высокая температура и упадок сил.

Бухарская болезнь начиналась с того, что человек обычно утром чувствовал слабость, отсутствие сил. Заболевание «наступало с такой внезапной интенсивностью, которая пугала и самого больного, и его окружающих» (Г., 1889b: 2). «Бросалась ...в глаза энергия, с которой наступало заболевание...» (Гейфельдер, 1889: 2). Грипп наступал тоже внезапно, оправдывая свое другое название «Blitzkatarrh» – «молниеносный катарр» (Верикундов, 1891: 339).

Для бухарской болезни была характерна сильная головная боль, высокая температура, бред. Температура 40 °С могла держаться в течение нескольких дней (2–4). Если показатель термометра поднимался выше 41 °С, то ослабленный организм зачастую умирал, что обычно наблюдалось у стариков и детей (Г., 1889a: 2). При гриппе термометр показывал «...высокие цифры в 40, 40,5 °С и выше или же едва поднимался до 38°С» (Верикундов, 1891: 340).

У больных в Бухаре температура через несколько дней лихорадки при потоотделении «падала... до нормального уровня или даже ниже этого уровня». При высокой температуре потливости не было: «У М.М. жар продолжается уже третий день, а поту все нет» (Гейфельдер, 1889: 2). При гриппе кожа в некоторых случаях была сухой, а в других «...покрыта обильной липкой испариной, часто доходившей до степени проливного пота» (Верикундов, 1891: 342).

Одним из основных симптомов болезни в Бухаре было «чрезвычайное увеличение селезенки и печени». Многие умирали от кахексии, анемии и водянки (Г., 1889a: 2).

«...Самыми частыми, самыми обыденными симптомами гриппа... были, конечно, симптомы со стороны органов дыхания. С появлением насморка появлялось щекотание в гортани, частый, сухой, судорожный и мучительный, лающего характера, кашель» (Верикундов, 1891: 348). Такие симптомы, как кашель, боль в горле или насморк, характерные для «русского гриппа», отсутствовали в анамнезе больных в Бухаре (Верикундов, 1891: 344).

«Следовало бы... не причислять катарального поражения дыхательных органов к характерным чертам картины болезни. Катарры носовой полости и дыхательного горла надлежало бы рассматривать как осложнения, вызванные северными географическими условиями и зимним сезоном... В сырой атмосфере северной осени... присоединяются катаральные явления ...насморк, кашель ...светобоязнь и даже пневмония, не встречавшаяся в знойной и сухой атмосфере бухарского лета» (Гейфельдер, 1889: 2). Единственный пациент, у кого доктор Гейфельдер наблюдал кашель, была больная лихорадкой чахоточная женщина (Гейфельдер, 1889: 2).

Инкубационный период для бухарской болезни составлял 1–2 недели: «проезжающие, которые останавливались дня на два или на три в Бухаре, не заболели этой местной лихорадкой, но зато она беспощадно нападала на новоприезжих, проживших в Бухаре неделю или две» (Г., 1889a: 2). Тогда как инкубационный период для «русского гриппа» составлял 2–3 дня (Верекундов, 1891: 338).

Летальность от инфекции в Бухаре могла составлять более 5 %, в то время как летальность от вируса русского гриппа составляет в 35 раз меньше – 0,2 %² (Верекундов, 1891: таб. XXXVI). Данный показатель летальности соответствует летальности от сезонного гриппа (WHO). Высокая смертность при таком показателе летальности могла быть только при высокой контагиозности вируса гриппа.

Вирус «русского гриппа» был высококонтагиозным вирусом, предполагается, что 50 % населения земли переболело гриппом в 1889–1890 гг. (Васильев, 2001: 17). В частности, в Петербурге перенесли грипп ³/₄ населения города – 650 тыс. человек (Васильев, 2001: 17).

Вопрос о контагиозности гриппа не был решен в конце XIX в. В то время господствовали 2 парадигмы – контагиозная и миазматическая. «Причина происхождения гриппа до сих пор остается невыясненной. Большинство исследователей, хотя и признают инфлуэнцу за контагиозную болезнь, обуславливаемую присутствием какого-то особого микроба (contagium vivum), который в точности неизвестен, но есть и такие, которые считают грипп за миазматическую болезнь...» (Никольский, 1890: 147-148).

Гейфельдер был сторонником миазматической парадигмы, считая, что эпидемии возникают из-за отсутствия озона в воздухе, дефицита или избытка электричества, аномально теплой погоды и

¹ Примечание. Доктор О.Ф. Гейфельдер переболел гриппом в 1889 г. и, находясь в Петербурге, написал письмо в редакцию газеты «Новости и биржевая газета» (Гейфельдер, 1889: 2).

² Примечание. Авторами был произведен расчет летальности вируса «русского гриппа». По другим данным, уровень летальности от гриппа мог составлять от 0,1 % до 0,28 % (Berche, 2022: 1).

влажных почв. Этим фактом он объясняет, что в Баку и Владикавказе эпидемия гриппа наблюдалась только в конце ноября – начале декабря 1889 г. (Heyfelder, 1890: 88).

Учитывая контагиозные свойства гриппа и миграцию населения по Закаспийской железной дороге, первые вспышки вируса должны были быть на территориях, прилегающих к Бухаре.

В конце ноября грипп появился в войсках Туркестанского военного округа одновременно в двух крайних пунктах: на севере, в городе Казалинск Сырдарьинской области, и на юге, в городах Самаркандской области Чарджуе и Каттакургане (Верекундов, 1891: 228).

В Ташкенте эпидемия гриппа началась в последние дни ноября, достигнув максимума 13–15 декабря 1889 г., когда число заболевших достигло до 1 500 человек в день. Одновременно заболели низшие чины Ташкентского гарнизона, русское и «туземное» население. В первую очередь осложнениям после перенесенного гриппа были подвержены люди, имеющие хронические заболевания дыхательной системы. Смертельных случаев от гриппа среди русского населения зафиксировано не было (Хроника..., 1889а: 22; ВИ, 1889с: 193).

В городе Караколе (Пржевальск в 1890 г.) грипп оказался в начале февраля 1890 г. (ВИ, 1890b: 26-27).

В Ашхабаде больные гриппом, который осложнялся пневмонией, появились во второй половине ноября 1889 г. (Минкевич, 1890: 19).

В Астрахань грипп приходит в конце октября 1889 г. «Весь город охвачен теперь эпидемией гриппа, и нет почти ни одного семейного дома, где не было бы больных этой болезнью» (ЭС, 1889: 3).

В Сальянах грипп появляется в декабре 1889 г. (КК, 1890: 2).

В Семипалатинске гриппом заболели в середине января 1890 г. «Больных в Семипалатинске полгорода» (ВИ, 1889а: 11).

О.Ф. Гейфельдер посещал больных как в старом городе, так и в Новой Бухаре.¹ «Из вольной аптеки... было отпущено такое количество антипирина, антифибрина и хинина, что запасы их дважды истощались. Из железнодорожной аптеки также отпускался хинин железнодорожным служащим и туземцам в таком количестве, что запасы его среди лета истощились. Многие бедняки... были не в состоянии платить за хинин» (Г., 1890а: 2).

На железнодорожной станции в Новой Бухаре русское население болело без различий по полу, профессии и социальному положению (Г., 1889а: 2). Русские, имея лучшее питание и медицинскую помощь, выздоравливали быстрее, чем местное население (Г., 1889а: 2).

В городах Самарканд и Каттакурган люди тоже болели лихорадкой, но «далеко не в такой степени, как в Бухаре и его окрестностях» (Некролог, 1890b: 102).

Паника, вызванная усиленной смертностью, дошла до того, что в Самарканде и Ташкенте стали думать о введении карантинных мер. Но Гейфельдер прояснил ситуацию: «...Никакой заразной эпидемической болезни в Бухаре» нет, и высокая смертность вызвана антисанитарными условиями города (Г., 1889а: 2).

Санитарная обстановка в городе Бухаре

Одной из проблем Бухары было отсутствие чистой питьевой воды. Два раза в месяц из Самарканды в Бухару пускали воду реки Зеравшан. Вода наполняла бассейны, где хранилась до следующего спуска реки, и арыки – оросительную систему бухарского ханства (Г., 1889b: 2).

Через весь город тянулся канал Шахруд, который отведен был от реки Зеравшан. Из Шахруда вода каналами отводилась в пруды – водохранилища Бухары (Колокольникова, 1908: 17).

Жители Бухары «...сваливают в воду разные нечистоты, моются в арыках сами и купают животных. Вследствие этого арычная вода является крайне нездоровой и служит источником распространения всевозможных внутренних и наружных болезней, как-то: эпидемической малярийной лихорадки, болезней желудка... и даже проказы, ...распространение которой большинство врачей склонны приписывать заражению во время купанья и омовения» (Шубинский, 1892: 60).

Кладбища, расположенные как в городе, так и за городскими стенами, также представляли опасность для здоровья населения. «В Бухаре, ввиду близости надпочвенной воды, установился особый способ погребения мертвых: над землей устраивается кирпичный свод с боковым отверстием, через которое вкладывается труп; затем отверстие это закладывается кирпичом и обмазывается глиною. Глина... высыхает и отпадает, и смрад от гниющих трупов свободно проникает наружу...» (ВИ, 1889b: 149).

Отсутствие в Бухаре свежей и проточной воды приводило еще к одной проблеме – дракункулезу. Летом 1888 г. воды было мало, поэтому население города вынуждено было брать воду из бассейнов, почти до самого грунта, что стало благодатной почвой для распространения паразита.

¹ Примечание. Значительная доля русских проживала рядом со станцией Закаспийской железной дороги «Бухара», куда пришел первый паровоз 26 февраля 1886 г. (РБ, 1892: 42). Населенный пункт получил официальное название: «Русское поселение близ железнодорожной станции Бухара», но через четыре года его переименовали в поселение «Новая Бухара» (С.Н.Ч., 1892: 140). «Новая Бухара» располагалась в 15 верстах от азиатской столицы бухарского эмирата – Бухары (РБ, 1892: 42).

«...В лето 1889 года число больных рипшой, именно вследствие употребления жидкой грязи вместо воды, оказалось вдвое или втрое больше обыкновенного» (Г., 1889b: 2).

В 1889 г. на улицах города сотнями встречались больные дракункулезом (Г., 1889b: 2). У некоторых жителей число паразитов насчитывалось до 20–30 (Варламов, 1889: 3). «Одни из них бродили, прихрамывая, другие сидели на корточках, с перевязками на руках и ногах, ...другие тащились с трудом к цирюльникам, занимающимся также вырезанием и выматыванием рипшты» (Г., 1890b: 2).

В антисанитарных условиях города ежегодно бывали случаи брюшного и сыпного тифа. Заболевания носили единичный характер, но из-за отсутствия лечения нередко заканчивались смертью больного (Г., 1890b: 2).

Гейфельдер требовал от бухарского правительства принятия мер к изменению неблагоприятного санитарного состояния города. Но правительство ничего не делало, ссылаясь на непонимание требований. Ситуация изменилась, когда вернулся в конце августа генерал Анненков. Город «был подвергнут основательной очистке» (Г., 1889b: 2).

Для улучшения санитарной обстановки города Гейфельдер просил предпринять ряд мер. Прежде всего необходимо увеличить частоту пуска воды из реки Заравшан и перенести кладбища, которые были как в самом городе, так и возле городской стены. Сами городские стены следовало снести, т.к. они препятствовали обновлению воздуха в городе, а болото у ворот Намазга осушить (Г., 1890b: 2).

В декабре 1889 г. эмир бухарский в качестве профилактики возобновления весенней лихорадки по совету российского политического агентства выделил 6 000 руб. на выпуск хинина, который должен был безвозмездно раздаваться местным жителям (ПИ, 1889: 1).

26 августа 1889 г. на запрос заместителя городского главы о ситуации в Бухаре начальник мервского округа Алиханов-Аварский отправил депешу следующего содержания:

«Болезнь бухарская развилась от гнилой воды; имеет характер местный, незаразительна; смертность громадная. Алиханов.» (МЛ, 1889: 3).

К концу лета 1889 г. переболело большое количество населения Бухары и расположенных вокруг города населенных пунктов, особенно Каракуля (Г., 1889a: 2; ВИ, 1889b: 149). Канцелярия туркестанского генерал-губернатора отправила запрос русскому политическому агенту в Бухаре с просьбой предоставить отчет об эпидемии в городе (Г., 1889a: 2).

По распоряжению генерал-лейтенанта М. Анненкова была назначена врачебная комиссия. В нее вошли главный врач дороги, старший врач 2-го железнодорожного батальона и два вольнопрактикующих врача (Т, 1889: 1).

Согласно протоколу осмотра, произведенного 28 и 29 августа 1889 г., «...господствующая болезнь – злая болотная малярия самых разнообразных типов¹» (Копия..., 1889: 129; ВИ, 1889b).

Была отправлена телеграмма в канцелярию туркестанского генерал-губернатора:

*«Большая смертность туземцев есть последствие плохих санитарных и гигиенических условий и отсутствия правильного лечения. По точной поверке смертность в городе Бухаре за июнь, июль и август не превышает 7000 человек, что составляет около 5 % населения. Из европейцев умерло только двое детей. Смертность в городе Бухаре теперь приближается к нормальной. Производится усиленное воздействие на бухарское правительство для принятия санитарных мер и улучшения способа погребения мертвых. Открывается амбулатория; раздается в большом количестве хинин. Анненков.»*² (Копия..., 1889: 129).

Малярия

Малярия³ – является одним из самых древних заболеваний человека. Древнегреческий врач Гиппократ выделял малярию из лихорадочных болезней (Камардинов, Алиев, 2006: 5).

На территории Европы врач Хуан дель Вега в 1640 г. впервые применил настойку коры хинного дерева, которая применялась аборигенами Перу и Эквадора в качестве противолихорадочного средства (Камардинов, Алиев, 2006: 6).

В 1880 г. французский врач Альфонс Леверан открыл возбудителя малярии – малярийного плазмодия. В 1886–1890 гг. итальянские ученые установили, что возбудителем является не один вид простейших, а как минимум три вида из рода Plasmodium. А в 1897 г. английский врач Р. Росс открыл переносчика малярии – комара из рода Anopheles (Камардинов, Алиев, 2006: 6).

¹ Примечание. В эндемичном очаге малярии нередко наблюдаются одновременное инфицирование сразу несколькими видами плазмодиев – комбинированная малярия (Камардинов, Алиев, 2006: 62).

² Примечание. Копия телеграммы управляющего политическим агентством в Бухаре, от 30 августа 1889 г.

³ Примечание. Малярия (malaria, от итал. mala agia – дурной воздух..., устаревшие названия – болотная лихорадка, перемежающаяся лихорадка) – группа близких друг к другу протозойных болезней человека, возбудителями которых являются четыре вида плазмодиев (БМЭ, 1960: 729; Камардинов, Алиев, 2006: 19).

Несмотря на тот факт, что к 1889 г. уже был открыт возбудитель малярии, некоторые врачи продолжали придерживаться миазматической парадигмы, считая, что причина лихорадки в «болотном яде». «Болотный яд, т.е. начало, производящее лихорадку, до сих пор мало изучен» (Воинов, 1892: 5). Было обращено внимание на то, что лихорадка зависит от температуры воздуха: «...на самом старом гниющем болоте не может быть вовсе лихорадок, если средняя температура лета... меньше 13 С¹» (Воинов, 1892: 5).

Странами, эндемичными малярии, являются страны Центральной Азии: Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Туркменистан. Возможен был также занос малярии из стран, с которыми Бухара вела торговлю: из Афганистана, Индии, Персии (современный Иран) (Попов и др., 2004: 12; Шубинский, 1892: 50).

Малярия, вызвавшая эпидемию в Бухаре, предположительно, до 1902 года продолжала убивать людей в Ташкентском уезде Сырдарьинской области. После Бухары лихорадка появилась в Самаркандской области. В течение 1890–1891 гг. она «прошла через несколько уездов этой области, наводя панику на население. В 1892 г. она появилась в селении Чиназ Ташкентского уезда и нанесла сильный ущерб жителям в 1893 г. Болезнь быстро ослабляла организм своей жертвы, унося ее в могилу на пятый, четвертый и даже третий день. Эпидемия все усиливалась и распространялась, охватив к концу года 10 волостей уезда» (Фавр, 1903: 104-105).

С каждым последующим годом болезнь распространялась на новые волости Ташкентского уезда. «Заболели и гибли в одинаковой мере сарты, киргизы, русские» (Фавр, 1903: 105). Принимаемые меры – снабжение населения чистой питьевой водой и раздача хинина – не приводили к уменьшению эпидемии. В Ташкентском уезде, который занимал пространство в 38 000 кв. верст, работал 1 врач и 7 временных фельдшерских пунктов (Фавр, 1903: 105).

За 9 лет эпидемии (с 1893 по 1902 гг.) в Ташкентском уезде от малярии умерло 39 640 человек, около 10 % сельского населения. В 1894 г. в Той-Тюбинской волости умерло 35,6 % населения, в Хурданской – 27,5 % (Фавр, 1903: 106).

«Вымирали целыми семьями, население было угнетено болезнью физически, нравственно, материально. Во многих местах уезд представлял печальную картину: поля оставались необработанными, жилища опустели, на базарах не было заметно оживления, печать болезни лежала на всех... Малярия оказалась ужасным народным бедствием, не меньшим, чем чума и холера...» (Фавр, 1903: 106).

Предположительно, малярия в Бухарском ханстве была вызвана *Plasmodium praecox*², поскольку в крови больного из Той-Тюбинской волости был диагностирован данный вид возбудителя (Фавр, 1903: 106).

«Рассматривая ход эпидемии, нужно скорее принять, что здесь не было усиления злокачественности местных лихорадок, а происходило постепенное распространение весьма ядовитой расы паразита тропической малярии, возникшей, по-видимому, в пределах Бухары» (Фавр, 1903: 106-107).

98 % всех летальных исходов в мире от малярии приходится на тропическую малярию. Скорее всего, в Бухаре в 1889 г. повышенную смертность мог вызвать данный вид возбудителя малярии (Попов и др., 2004: 4).

Лишь после того как в 1922 г. Наркомздрав РСФСР и Московский тропический институт отправили в Бухару для борьбы с малярией Л.М. Исаева, ситуация с заболеваемостью малярией и дракункулезом в городе и регионе стала меняться (Быховская, Ибадов, 1964: 5-6).

В конце XIX в. среди всех инфекционных болезней в Российской империи малярия занимала первое место по количеству зарегистрированных больных (Васильев, 2001: 31).

Возникновение в Бухаре эпидемии и высокой смертности среди местного населения весной – летом 1889 г. во многом было предопределено погодными условиями.

Погодные условия в Бухаре

Эпидемии в Бухаре предшествовала аномальная погода: средняя температура летних месяцев в конце XIX в. составляла 32,5 °С, зимних – 9 °С, а весенних – 12 °С (Шубинский, 1892: 56).

17 декабря 1888 г. в Закаспийский край, Бухару и Самарканд пришли сильные холода, достигающие до -17 °С. Земля была покрыта толстым слоем снега. Такая погода держалась до конца февраля. Русское население, знакомое с такими погодными условиями, успешно перенесло погодное ненастье (Г., 1889а: 2).

Дома в «Новой Бухаре» были построены из жженого кирпича или из «известкового тесаного плитняка» (РБ, 1892: 43). Генерал М.Н. Анненков потребовал привезти достаточное количество чугунных печей, дров, полушубков и валенок для русского населения (Г., 1889а: 2; ВИ, 1889b: 149).

¹ Примечание. Малярия – это сезонное заболевание, потому что связано с сезонной активностью комаров в теплое время года (устойчивая среднесуточная температура должна быть выше 16 °С) (Попов и др., 2004: 28).

² Примечание. *Plasmodium praecox* синоним *P. falciparum* – возбудителя тропической малярии (Козько и др., 2007: 4).

Местное население, не приспособленное к такой погоде, страдало от холода. Бухарское правительство не оказывало ему помощи. Дома местных жителей были построены из глины с тростниковой глиномазаной крышей (РБ, 1892: 43). Печи отсутствовали. Оконные стекла считались предметом роскоши, поэтому дверь в жилище выполняла также функцию окна. Если закрывали дверь, то в помещении становилось темно, а холод проникал через многочисленные щели (Г., 1889а: 2).

В ханстве отсутствовали леса. «Ослиный вьюк самых плохих тополевых дров стоил так дорого, что целая семья могла бы прокормиться неделю за эти деньги» (Г., 1890а: 2). Местное население оказалось перед выбором между голодом или холодом, а впоследствии большинство вынуждено было голодать и мерзнуть (Г., 1890а: 2). К наступлению теплого времени года большая доля бухарцев осталась без денежных средств (Варламов, 1889: 3).

Зимней одежды не было, поэтому бухарцы отморозили себе ноги, руки и носы. Утром перед бухарскими воротами, которые закрывались в ночное время, находили по несколько человек, замерзших до смерти. В результате население Бухары оказалось сильно истощенным после зимы (Г., 1889а: 2).

В апреле 1889 г. наступило жаркое время года (Г., 1890а: 2). Военному министру была отправлена телеграмма «исполняющего должность туркестанского генерал-губернатора» о постигшем край из-за быстрого таяния снега «небывалом наводнении»: «Многие земли испорчены наводнением и на несколько лет стали негодны к эксплуатации, а некоторые испорчены навсегда; пострадали также мосты, постройки, ирригационные сооружения» (РИ, 1889: 926). Весенний разлив Амударьи повредил один из 4 мостов, который отремонтировали только к 10 октября 1889 г. (ТСТА, 1889: 2).

Несмотря на то, что в течение четырех месяцев (апрель, май, июнь и июль) не было осадков и жара доходила до 40–50 °С, в почве было высокое содержание воды. Из-за большого количества снега почвенные воды держались на столь высоком уровне, что «стоило немного углубиться в землю, чтобы встретить воду» (Г., 1889а: 2). Все каналы и бассейны отличались обилием воды. Погреба в недавно построенном гостином дворе в «Новой Бухаре» несколько недель стояли залитые водой (Г., 1889а: 2).

Жара и большое количество воды создали благоприятные условия для размножения комаров из рода *Anopheles* – переносчиков малярии.

О.Ф. Гейфельдер

В конце октября 1889 г., после возникновения эпидемии гриппа на территории Российской империи, тема эпидемии некоторое время была одной из самых обсуждаемых в информационном пространстве.

«Больше всего говорят об инфлюэнце, которая отодвинула на второй план все другие интересы. Кто еще не заболел инфлюэнцей, тот рассчитывает заболеть... У княжны Зизи простейший флюс; но хворать простейшим флюсом неприлично, и княжна ...уверяет, что у нее инфлюэнца... Страховое общество «Россия» открыло новую операцию: страхование от инфлюэнцы... Антрепренер... ставит... пьесу под названием «Инфлюэнца»... В приказчиьем клубе изобретена новая азартная игра «инфлюэнца»... В Гостином дворе появилась в продаже новая модная материя «инфлюэнца...» (ОЧГ, 1889: 3).

Возможно, влиянию «модной теме о гриппе» был подвергнут и О.Ф. Гейфельдер.

Иначе как можно объяснить факты:

1) доктор Гейфельдер был одним из самых активных участников борьбы с бухарской эпидемией: лечил местных жителей, просил правительство Бухарского эмирата улучшить санитарную обстановку в городе. Врач был знаком с малярией, знал, что это эндемичная болезнь для данной местности;

2) Гейфельдер являлся старшим врачом на Закаспийской железной дороге под руководством генерала Анненкова. Без его ведома данные протокола не были бы отправлены официальной телеграммой в канцелярию туркестанского генерал-губернатора с данными, что причина эпидемии – малярия;

3) в двух статьях периодического издания «Новости и биржевая торговля» под авторством, вероятнее всего, Гейфельдера было написано, что бухарская эпидемия была вызвана малярией.

5. Заключение

Считается, что вирус, вызвавший пандемию «русского гриппа» 1889–1890 гг., возник в столице Бухарского Эмирата в мае 1889 г. Впервые об этом написал свидетель бухарской эпидемии врач О.Ф. Гейфельдер.

Эпидемия началась со второй половины мая 1889 г. Отсутствие медицинской помощи и неправильное лечение (закливание, кровопускание, слабительное) влекло за собой и без того повышенную смертность населения, которая составила примерно 7000 человек, около 5 % населения города». Болезнь и повышенная смертность наблюдались не только в Бухаре, но и в окрестностях города, особенно в Каракуле.

По настоянию русских властей Бухарское правительство стало принимать необходимые санитарные меры. Улучшилось погребение мертвых. Открылась амбулаторная больница, и через российское политическое агентство стали раздавать населению хинин.

Сравнение симптомов, летальности и инкубационных периодов болезней показало, что это не тождественные заболевания (Таблица 1).

Таблица 1. Различия между бухарской эпидемией и «русским гриппом»/
Differences between the Bukhara epidemic and the “Russian flu”)

Бухарская эпидемия (Bukhara epidemic)	«Русский грипп» ("Russian flu")
Инкубационный период (Incubation period)	
1–2 недели (1-2 weeks)	1–3 дня (1-3 days)
Симптомы (Symptoms)	
<p>Высокая температура тела; упадок сил; снижение температуры тела заканчивалось обильным потоотделением, при высокой температуре пота не было; увеличение после болезни селезенки и печени, анемия. Отсутствие кашля и осложнений на дыхательную систему. (High body temperature; loss of strength; decrease in body temperature ended in profuse sweating, there was no sweat at high temperature; increase after spleen and liver disease, anemia Absence of cough and respiratory system complications)</p>	<p>Высокая температура тела, упадок сил, в течение болезни больной либо потел, либо пот отсутствовал; кашель; осложнения болезни заканчивались бронхитом и пневмонией. (High body temperature, loss of strength, during the illness the patient either sweated or was absent; cough; complications of the disease ended with bronchitis and pneumonia.)</p>
Летальность (Lethality)	
5 % и более (5 % or more)	0,2 %

Канцелярия туркестанского генерал-губернатора отправила запрос русскому политическому агенту в Бухаре с просьбой предоставить отчет об эпидемии в городе. Генерал-лейтенант М. Анненков назначил врачебную комиссию из 4 человек. Согласно протоколу осмотра, произведенному 28-го и 29-го августа 1889 г., «...господствующая болезнь – затяжная болотная малярия самых разнообразных типов».

Малярия была для Бухары сезонным заболеванием. Симптомы бухарской эпидемии соответствуют симптомам малярии. Малярия, вызвавшая эпидемию в Бухаре, предположительно, до 1902 года продолжала убивать людей в Ташкентском уезде Сырдарьинской области.

98 % всех летальных исходов от малярии в мире приходится на тропическую малярию. Скорее всего, в Бухаре в 1889 г. повышенную смертность мог вызвать данный вид возбудителя тропической малярии – *P. falciparum*

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-327 от 22.04.2022 г.).

Литература

- А.П.С., 1891 – А.П.С. Врач. 1891. № 29. С. 692.
 БМЭ, 1960 – Большая медицинская энциклопедия. Т. 16. Лимфоэпителиома-медиастинотомия. Издание второе. М.: Советская энциклопедия. 1960. 1183 с.
 Бухара 14, 1889 – Бухара, 14-го августа 1889 г. // *Правительственный вестник*. 1889. № 195. 6 сентября. С. 2-3.
 Быховская, Ибадов, 1964 – Быховская А.М., Ибадов А.У. Леонид Михайлович Исаев. Ташкент: Медицина, 1964. 12 с.
 Варламов, 1889 – Варламов Ю.А. Путевые заметки туриста // *Новое обозрение*. 1889. № 1945. С. 3-4.

- Васильев, 2001** – *Васильев К.Г.* История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии. М.: Медицина, 2001. 256 с.
- Верекундов, 1891** – *Верекундов С.П.* Отчет о гриппозной эпидемии в русской армии в 1889 и 1890 г. СПб.: "Владим." типолит. Л. Мордуховской, 1891. 450 с.
- ВИ, 1889a** – Внутренние известия // *Туркестанские ведомости*. 1889. № 11. С. 11.
- ВИ, 1889b** – Внутренние известия // *Туркестанские ведомости*. 1889. № 38. С. 149
- ВИ, 1889c** – Внутренние известия // *Туркестанские ведомости*. 1889. № 49. С. 193.
- ВИ, 1890a** – Внутренние известия // *Туркестанские ведомости*. 1890. № 5. С. 19.
- ВИ, 1890b** – Внутренние известия // *Туркестанские ведомости*. 1890. № 7. С. 26-27.
- Видаль, 1894** – *Видаль Ф.* Заразные болезни человека. Грипп. Денге. Холера. Желтая лихорадка. Чума. СПб.: Типография В.С. Эттингера, 1894. 184 с.
- Воинов, 1892** – *Воинов Л.И.* О значении очистей в этиологии болотных лихорадок. СПб.: С.-Петербургская Губернская Типография, 1892. 43 с.
- Г., 1889a** – Г. Эпидемии в Персии и Бухаре I // *Новости и биржевая газета*. 1889. № 317. 17 ноября. С. 2.
- Г., 1889b** – Г. Эпидемии в Персии и Бухаре II // *Новости и биржевая газета*. 1889. № 322. 22 ноября. С. 2.
- Гамалея, 1927** – *Гамалея М.* Испанка (эпидемический грипп). Л.: Ленинградская правда, 1927. 27 с.
- Гейфельдер, 1889** – *Гейфельдер О.* Бухарская эпидемия в Европе // *Новости и биржевая газета*. 1889. № 333. 3 декабря. С. 2.
- Гейфельдер, 1914** – *Гейфельдер.* Русский биографический словарь. Гааг-Гербель. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко. 1914. 494 с.
- Добрейцер, 1927** – *Добрейцер И.А.* Эпидемический грипп и борьба с ним. М.: Издательство НАРКОМЗДРАВА РСФСР, 1927. 37 с.
- ЕДС, 1889** – Еще два слова о бухарской эпидемии // *Каспий*. 1889. № 183. 24 августа. С. 2.
- К.К., 1890** – К.К. Ввиду слухов о холере // *Туркестанские ведомости*. 1890. № 41. 9 октября. С. 159-161.
- КАГЭРА, 1891** – Карты из атласа гриппозной эпидемии в Русской армии 1889–1890 гг. 15 л.: одноцв., карты, диагр; 40x56 см. 1891. – Сетки геогр. Координат – от Ферро и Пулкова.
- Камардинов, Алиев, 2006** – *Камардинов Х.К., Алиев С.П.* Тропическая малярия в Таджикистане. Душанбе: Главная научная редакция таджикской национальной энциклопедии. 2006. 104 с.
- КК, 1890** – Корреспонденция «Каспия» // *Каспий*. 1890. № 12. 17 января. С. 2.
- Козько и др., 2007** – *Козько В.Н., Меркулова Н.Ф., Белкина Э.А., Кацапов Д.В., Краснов М.И., Волос Н.В.* Тропические болезни: Учеб. пособие для студентов мед. вузов и врачей-интернов: 2-е изд., доп. и перераб. Харьков: ХНМУ, 2007. 120 с.
- Колокольникова, 1908** – *Колокольникова В.* Наши соседи. Бухара. Очерк II. М.: А.С. Панафидина, 1908. 39 с.
- Копия..., 1889** – Копия с телеграммы управляющего политическим агентством в Бухаре, от 30 августа 1889 года // *Международная клиника*. 1889. № 9. С. 129.
- Кричевский, Шоттер, 1927** – *Кричевский И.Л., Шоттер Г.Ф.* Эпидемический грипп. М.-Л.: Красный пролетарий, 1927. 144 с.
- Кузнецов, Герман, 1890** – *Кузнецов А.Х., Герман Ф.Л.* Influenza. Историко-клиническая монография. Харьков: Издание книжного магазина Д.Ц. Полуехтова, 1890. 176 с.
- Лион, 1894** – *Лион М.Е.* Справочная книга для врачей. Выпуск первый. СПб.: Типолитография т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1894. 27 с.
- Минкевич, 1890** – *Минкевич Г.К.* Грипп и его осложнения, главным образом крупозной пневмонией в Ашхабаде // *Русская медицина*. 1890. № 2. 14 января. С. 19-20.
- МЛ, 1889** – Местная летопись // *Каспий*. 1889. № 186. 27 августа. С. 3.
- Некролог, 1890a** – Некролог // *Новости и биржевая газета*. 1890. № 141. 25 мая. С. 2.
- Некролог, 1890b** – Некролог // *Туркестанские ведомости*. 1890. № 26. 26 июня. С. 102-103.
- Никольский, 1890** – *Никольский Д.П.* Об инфлюэнце в минувшую эпидемию, в связи с метеорологическими явлениями, и влиянии ее на смертность вообще (Окончание) // *Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, издаваемый медицинским департаментом*. 1890. Т. 8. Книга 2. Ноябрь. С. 131-151.
- Обзор..., 1890** – Обзор литературы по эпидемии гриппа в 1889–90 г. // *Больничная газета Боткина*. 1890. № 32. 15 августа. С. 786-790.
- ОЧГ, 1889** – О чем говорят // *Новости и биржевая газета*. 1889. № 319. 19 ноября. С. 3.
- ПИ, 1889** – Последние известия // *Новости и биржевая газета*. 1889. № 338. 8 декабря. С. 1.
- Попов и др., 2004** – *Попов А.Ф., Токмалаев А.К., Никифоров Н.Д.* Малярия: Монография. М.: Изд-во РУДН, 2004. 271 с.
- РБ, 1892** – Русская Бухара // *Туркестанские ведомости*. 1892. № 11. С. 42-43.

- РИ, 1889** – Разные известия. Наводнение в Туркестане // Неделя. 1889. № 29. 16 июля. С. 925-927.
- Рубинский, 1889** – Рубинский Н. К осложнениям гриппа // Русская медицина. 1889. № 47. С. 729.
- С.Н.Ч., 1892** – С.Н.Ч. Новая Бухара // Туркестанские ведомости. 1892. № 31. С. 140.
- Садов, 1927** – Садов А.А. Эпидемический грипп. 2-е изд. Л.: Издание ленинградского медицинского издания, 1927. 36 с.
- СС, 1889** – Страшная соседка // Каспий. 1889. № 178. 18 августа. С. 2.
- Т, 1889** – Телеграммы // Правительственный вестник. 1889. № 191. 1 сентября. С. 1.
- ТСА, 1889a** – Телеграммы северного агентства // Новости и биржевая газета. 1889. 20 июля. С. 1.
- ТСА, 1889b** – Телеграммы северного агентства // Новости и биржевая газета. 1889. 21 июля. С. 1.
- ТСТА, 1889** – Телеграммы северного телеграфного агентства // Правительственный вестник. 1889. № 223. 12 октября. С. 2.
- Фавр, 1903** – Фавр В.В. Опыт изучения малярии в России в санитарном отношении. Харьков: «Печатня С.П. Яковлева», 1903. 319 с.
- ХМИ, 1890** – Хроника и мелкие известия // Врач. 1890. № 32. С. 722-723.
- Хроника, 1889a** – Хроника // Военно-санитарное дело. 1889. № 2. С. 22.
- Хроника, 1889b** – Хроника // Военно-санитарное дело. 1889. № 29. С. 363-364.
- Шпикин, 1937** – Шпикин А.А. Грипп (инфлюэнца). Архангельск: Тип. им. Склепина, 1937. 18 с.
- Шубинский, 1892** – Шубинский П. Очерки Бухары. Спб.: Тип. А.С. Суворина, 1892. 107 с.
- ЭС, 1889** – Эпидемический сезон // Астраханский вестник. 1889. № 131. 3 ноября. С. 3.
- Berche, 2022** – Berche P. The enigma of the 1889 Russian flu pandemic: A coronavirus? // *Presse Med.* 2022. V. 51. № 3. Pp. 1-9. DOI: 10.1016/j.lpm.2022.104111
- Brussow, 2021** – Brussow H. What we can learn from the dynamics of the 1889 'Russian flu' pandemic for the future trajectory of COVID-19 // *Microbial Biotechnology.* 2021. V. 14. № 6. Pp. 2244-2253. DOI: 10.1111/1751-7915.13916
- Clemow, 1894** – Clemow F. The recent pandemic of influenza its place of origin and mode of spread // *The Lancet.* 1894. № 143. Pp. 139-143.
- Heyfelder, 1890** – Heyfelder. Zu den Epidemien von 1889 // *St. Petersburger Medicinische Wochenschrift.* 1890. № 10. Pp. 87-88.
- Kempinska-Miroslawska, Wozniak-Kosek, 2013** – Kempinska-Miroslawska B., Wozniak-Kosek A. The influenza epidemic of 1889-90 in selected European cities--a picture based on the reports of two Poznan daily newspapers from the second half of the nineteenth century // *Med Sci Monit.* 2013. № 19. Pp. 1131-1141. DOI: 10.12659/MSM.889469
- Ramassy et al., 2022** – Ramassy L., Oumarou Hama H., Costedoat C., Signoli M., Verna E., La Scola B., Aboudharam G., Barbieri R., Drancourt M. Paleoserology points to Coronavirus as possible causative pathogens of the «Russian flu» // *Microbial Biotechnology.* 2022. V. 15 № 7. Pp. 1943-1945. DOI: 10.1111/1751-7915.14058
- Taubenberger, Morens, 2006** – Taubenberger J.K., Morens D.M. 1918 influenza: the mother of all pandemics // *Rev Biomed.* 2006. № 17. Pp. 69-79.
- Vijgen et al., 2005** – Vijgen L., Keyaerts E., Moës E., Thoelen I., Wollants E., Lemey P., Vandamme, A.M., Van Ranst M. Complete genomic sequence of human coronavirus OC43: molecular clock analysis suggests a relatively recent zoonotic coronavirus transmission event // *J Virol.* 2005. V. 79. № 3. Pp. 1595-604. DOI: 10.1128/JVI.79.3.1595-1604.2005
- AUC** – An Undiscovered Coronavirus? The Mystery of the «Russian flu». The New York Times. October 29, 2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2022/02/14/health/russian-flu-coronavirus.html>
- WHO** – Director-General's opening remarks at the media briefing on COVID-19 3 March 2020 WHO. October 29, 2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---3-march-2020>

References

- A.P.S., 1891** – A.P.S. (1891). *Vrach.* 29: 692. [in Russian]
- Berche, 2022** – Berche, P. (2022). The enigma of the 1889 Russian flu pandemic: A coronavirus? *Presse Med.* 2022. V. 51. 3: 1-9. DOI: 10.1016/j.lpm.2022.104111
- BMJe, 1960** – Big Medical Encyclopedia. (1960). Vol. 16. Lymphoepithelioma-mediastinotomy. Second edition [A large medical encyclopedia. Volume 16. Lymphoepithelioma-mediastinotomy. Second edition]. Moscow. 1183 p. [in Russian]
- Brussow, 2021** – Brussow, H. (2021). What we can learn from the dynamics of the 1889 'Russian flu' pandemic for the future trajectory of COVID-19. *Microbial Biotechnology.* 14(6): 2244-2253. DOI: 10.1111/1751-7915.13916
- Buhara 14, 1889** – Bukhara, August 14. [Bukhara 14]. *Pravitel'stvennyj vestnik.* 1889. 6 September. 195: 2-3. [in Russian]
- Byhovskaja, Ibadov, 1964** – Byhovskaja, A.M., Ibadov, A.U. (1964). Leonid Mihajlovich Isaev [Leonid Mihajlovich Isaev]. Tashkent. 1964. 12 p. [in Russian]

- Clemow, 1894** – *Clemow, F.* (1894). The recent pandemic of influenza its place of origin and mode of spread. *The Lancet*. 143: 139-143.
- Dobrejcer, 1927** – *Dobrejcer, I.A.* (1927). Epidemicheskiy gripp i bor'ba s nim [Epidemic flu and the fight against it]. Moscow. 37 p. [in Russian]
- EDS, 1889** – Eshhe dva slova o buharskoj jepidemii [Two more words about the Bukhara epidemic]. *Kaspij*. 1889. 183: 2. [in Russian]
- Favr, 1903** – *Favr, V.V.* (1903). Opyt izuchenija maljarii v Rossii v sanitarnom otnoshenii [The experience of studying malaria in Russia in sanitary terms]. Kharkov. 319 p. [in Russian]
- G., 1889a** – *G.* (1889). Epidemics in Persia and Bukhara I [Epidemics in Persia and Bukhara I]. *Novosti i birzhevaja gazeta*. 317: 2. [in Russian]
- G., 1889b** – *G.* (1889). Epidemics in Persia and Bukhara II [Epidemics in Persia and Bukhara II]. *Novosti i birzhevaja gazeta*. 322: 2. [in Russian]
- Gamaleja, 1927** – *Gamaleja, M.* (1927). Ispanka (jepidemicheskiy gripp) [Spanish flu (epidemic flu)]. Leningrad. 27 p. [in Russian]
- Gejfel'der, 1889** – *Gejfel'der, O.* (1889). Buharskaja jepidemija v Evrope [Bukhara epidemic in Europe]. *Novosti i birzhevaja gazeta*. 333: 2. [in Russian]
- Gejfel'der, 1914** – *Heyfelder* Russian Biographical Dictionary. The Hague-Gerbel. (1914). [Heyfelder. Russian Biographical Dictionary. The Hague-Gerbel.] Moscow. 494 p. [in Russian]
- Heyfelder, 1890** – *Heyfelder* (1890). Zu den Epidemien von 1889 [On the epidemics of 1889]. *St. Petersburger Medicinische Wochenschrift*. 10: 87-88. [in German]
- HMI, 1890** – Hronika i melkie izvestija (1890) [Chronicle and minor news]. *Vrach*. 32: 722-723. [in Russian]
- Hronika, 1889a** – Hronika [Chronicle]. *Voенно-sanitarnoe delo*. 1889. 2: 22. [in Russian]
- Hronika, 1889b** – Hronika [Chronicle]. *Voенно-sanitarnoe delo*. 1889. 29: 363-364. [in Russian]
- JeS, 1889** – Epidemicheskiy sezon [Epidemic season]. *Astrahanskiy vestnik*. 1889. 131: 3. [in Russian]
- K.K., 1890** – *K.K.* (1890). Vvidu sluhov o holere [In view of the rumors about cholera]. *Turkestanskije vedomosti*. 41: 159-161. [in Russian]
- KAGJeRA, 1891** – Karty iz atlasa grippoznoj jepidemii v Russkoj armii 1889–1890 gg. 15 l.: odnocv., karty, diagr; 40x56 sm. Setki geogr. Koordinat – ot Ferro i Pulkova [Maps from the atlas of the influenza epidemic in the Russian Army 1889–1890. g– 15 sheets: single color, maps, diagrams; 40x56 cm. 1891. Grids of geographical Coordinates – from Ferro and Pulkovo]. [in Russian]
- Kamardinov, Aliev, 2006** – *Kamardinov, H.K., Aliev, S.P.* (2006). Tropicheskaja maljarija v Tadzhikestane [Tropical malaria in Tajikistan]. Dushanbe: Glavnaja nauchnaja redakcija tadzhikskoj nacional'noj jenciklopedii Dushanbe. 104 p. [in Russian]
- Kempinska-Miroslawska, Wozniak-Kosek, 2013** – *Kempinska-Miroslawska, B., Wozniak-Kosek, A.* (2013). The influenza epidemic of 1889–90 in selected European cities – a picture based on the reports of two Poznan daily newspapers from the second half of the nineteenth century. *Med Sci Monit*. 19: 1131-1141. DOI: 10.12659/MSM.889469
- KK, 1890** – Korrespondencija «Kaspija» [Correspondence of "Caspian"]. *Kaspij*. 1890. 12: 2. [in Russian]
- Kolokol'nikova, 1908** – *Kolokol'nikova, V.* (1908). Nashi sosedi. Buhara. Oчерk II [Our neighbors. Bukhara. Essay II]. Moscow. 39 p. [in Russian]
- Kopija, 1889** – Kopija s telegrammy upravljajushhego politicheskimi agentstvom v Buhare, ot 30 avgusta 1889 goda [A copy of the telegram from the manager of the political agency in Bukhara, dated August 30]. *Mezhdunarodnaja klinika*. 9: 129. [in Russian]
- Koz'ko i dr., 2007** – *Koz'ko, V.N., Merkulova, N.F., Belkina, Je.A., Kacapov, D.V., Krasnov, M.I., Volos, N.V.* (2007). Tropicheskie bolezni: Ucheb. posobie dlja studentov med. vuzov i vrachej – internov: 2-e izd., dop. i pererab [Tropical diseases: A textbook for medical students and interns: 2nd edition supplemented and revised]. Kharkiv. 120 p. [in Russian]
- Krichevskij, Shotter, 1927** – *Krichevskij, I.L., Shotter, G.F.* (1927). Epidemicheskiy gripp [Epidemic flu]. Moscow-Leningrad. 144 p. [in Russian]
- Kuznecov, German, 1890** – *Kuznecov, A.H., German, F.L.* (1890). Influenza. (1890). Influenza. Istoriko-klinicheskaja monografija [Historical and clinical monograph]. Kharkov. 176 p. [in Russian]
- Lion, 1894** – *Lion, M.E.* (1894). Spravochnaja kniga dlja vrachej. Vypusk pervyj [A reference book for doctors. Issue one]. Saint-Petersburg. 27 p. [in Russian]
- Minkevich, 1890** – *Minkevich, G.K.* (1890). Gripp i ego oslozhenija, glavnym obrazom krupoznoj pnevmoniej v Ashhabade [Influenza and its complications, mainly croup pneumonia in Ashgabat]. *Russkaja medicina*. 2: 19-20. [in Russian]
- ML, 1889** – Mestnaja letopis' [Local chronicle]. *Kaspij*. 1889. 186: 3. [in Russian]
- Nekrolog, 1890a** – Nekrolog [Obituary]. *Novosti i birzhevaja gazeta*. 1890. 141: 2. [in Russian]
- Nekrolog, 1890b** – Nekrolog [Obituary]. *Turkestanskije vedomosti*. 1890. 26: 102-103. [in Russian]
- Nicol'skij, 1890** – *Nicol'skij, D.P.* (1890). Ob infljuzence v minuvshuju jepidemiju, v svjazi s meteorologicheskimi javlenijami, i vlijanii ee na smertnost' voobshhe (Okonchanie) [About influenza in the

last epidemic, in connection with meteorological phenomena, and its impact on mortality in general (End)]. *Vestnik obshhestvennoj gigieny, sudebnoj i prakticheskoj mediciny, izdavaemyj medicinskim departamentom*. 8(2): 131-151. [in Russian]

Obzor..., 1890 – Obzor literatury po jepidemii grippa v 1889–90 g. [A review of the literature on the influenza epidemic in 1889–90]. *Bol'nichnaja gazeta Botkina*. 1890. 32: 786-790. [in Russian]

OChG, 1889 – O chem govoryat [What are they talking about]. *Novosti i birzhevaja gazeta*. 1889. 319: 3. [in Russian]

PI, 1889 – Poslednie izvestija [Latest news]. *Novosti i birzhevaja gazeta*. 1889. 338: 1. [in Russian]

Popov i dr., 2004 – Popov, A.F., Tokmalaev, A.K., Nikiforov, N.D. (2004). Maljarija: Monografija [Malaria: A monograph]. Moscow. 271 p. [in Russian]

Ramassy et al., 2022 – Ramassy, L., Oumarou Hama, H., Costedoat, C., Signoli, M., Verna, E., La Scola, B., Aboudharam, G., Barbieri, R., Drancourt, M. (2022). Paleoserology points to Coronavirus as possible causative pathogens of the «Russian flu». *Microbial Biotechnology*. 15(7): 1943-1945. DOI: 10.1111/1751-7915.14058

RB, 1892 – Russkaja Buhara [Russian Bukhara]. *Turkestanskije vedomosti*. 1892. 11: 42-43. [in Russian]

RI, 1889 – Raznye izvestija. Navodnenie v Turkestane [Various news. Flooding in Turkestan]. *Nedelja*. 1889. 29: 925-927. [in Russian]

Rubinskij, 1889 – Rubinskij, N. (1889). K oslozhenijam grippa [To the complications of the flu]. *Russkaja medicina*. 47: 729. [in Russian]

S.N.Ch., 1892 – S.N.Ch. (1892). Novaja Buhara [New Bukhara]. *Turkestanskije vedomosti*. 1892. 31: 140. [in Russian]

Sadov, 1927 – Sadov, A.A. (1927). Epidemicheskij gripp. 2-e izd. [Epidemic flu. 2nd edition]. Leningrad. 36 p. [in Russian]

Shpikin, 1937 – Shpikin, A.A. (1937). Gripp (influenca) [Influenza (influenza)]. Arkhangelsk. 18 p. [in Russian]

Shubinskij, 1892 – Shubinskij, P. (1892). Ocherki Buhary [Essays of Bukhara]. St. Petersburg. 107 p. [in Russian]

SS, 1889 – Strashnaja sosedka [Scary neighbor]. *Kaspij*. 1889. 178. P. 2. [in Russian]

T, 1889 – Telegrammy [Telegrams]. *Pravitel'stvennyj vestnik*. 1889. 191: 1. [in Russian]

Taubenberger, Morens, 2006 – Taubenberger, J.K., Morens, D.M. (2006). 1918 influenza: the mother of all pandemics. *Rev Biomed*. 2006. 17: 69-79.

TSA, 1889a – Telegrammy severnogo agentstva [Telegrams of the northern agency]. *Novosti i birzhevaja gazeta*. 1889. July 20: 1. [in Russian]

TSA, 1889b – Telegrammy severnogo agentstva [Telegrams of the northern agency]. *Novosti i birzhevaja gazeta*. 1889. July 21: 1. [in Russian]

TSTA, 1889 – Telegrammy severnogo telegrafnogo agentstva [Telegrams of the northern telegraph agency]. *Pravitel'stvennyj vestnik*. 1889. 223: 2. [in Russian]

Varlamov, 1889 – Varlamov, Ju.A. (1889). Travel notes of a tourist [Travel notes of a tourist]. *Novoe obozrenie*. 1945: 3-4. [in Russian]

Vasil'ev, 2001 – Vasil'ev, K.G. (2001). The history of epidemics and the fight against them in Russia in the XX century [The history of epidemics and the fight against them in Russia in the XX century]. Moscow. 256 p. [in Russian]

Verekundov, 1891 – Verekundov, S. P. (1891). Report on the influenza epidemic in the Russian army in 1889 and 1890 [Report on the influenza epidemic in the Russian army in 1889 and 1890]. Saint-Petersburg. 450 p. [in Russian]

VI, 1889a – Vnutrennie izvestija [Internal news]. *Turkestanskije vedomosti*. 1889. 11: 11. [in Russian]

VI, 1889b – Vnutrennie izvestija [Internal news]. *Turkestanskije vedomosti*. 1889. 38: 149. [in Russian]

VI, 1889c – Vnutrennie izvestija [Internal news]. *Turkestanskije vedomosti*. 1889. 49: 193. [in Russian]

VI, 1890a – Vnutrennie izvestija [Internal news]. *Turkestanskije vedomosti*. 1890. 5: 19. [in Russian]

VI, 1890b – Vnutrennie izvestija [Internal news]. *Turkestanskije vedomosti*. 1890. 7: 26-27. [in Russian]

Vidal', 1894 – Vidal', F. (1894). Infectious human diseases. Flu. Dengue. Cholera. Yellow fever. The plague [Infectious human diseases. Flu. Dengue. Cholera. Yellow fever. The plague]. Saint-Petersburg. 184 p. [in Russian]

Vijgen et al., 2005 – Vijgen, L., Keyaerts, E., Moës, E., Thoelen, I., Wollants, E., Lemey, P., Vandamme, A.M., Van Rans, M. (2005). Complete genomic sequence of human coronavirus OC43: molecular clock analysis suggests a relatively recent zoonotic coronavirus transmission event. *J Virol*. 79(3): 1595-604. DOI: 10.1128/JVI.79.3.1595-1604.2005

Voinov, 1892 – Voinov, L.I. (1892). On the significance of impurities in the etiology of swamp fevers [On the significance of impurities in the etiology of swamp fevers]. Saint-Petersburg: St. Petersburg. 43 p. [in Russian]

Эпидемия в Бухаре – начало пандемии «русского гриппа» 1889–1890 гг.? (социально-демографическое исследование)Сергей Васильевич Рязанцев ^{a, b, *}, Алексей Викторович Смирнов ^b^a Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД России, Москва, Российская Федерация^b Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Считается, что вирус, вызвавший пандемию «русского гриппа» 1889–1890 гг. возник в столице Бухарского эмирата в мае 1889 г. Данная статья посвящена бухарской эпидемии. Цель статьи – анализ бухарской эпидемии, причины и ответ на вопрос: действительно ли вирус гриппа вызвал заболевание населения в Бухаре? Базой исследования послужили материалы дореволюционных источников конца XIX в., в том числе периодические издания, содержащие сведения об эпидемии. В литературе, посвященной пандемии «русского гриппа», приводятся данные о том, что вирус возник в мае 1889 г. в Бухаре. Впервые об этом написал свидетель бухарской эпидемии врач О.Ф. Гейфельдер. Со второй половины мая и до начала августа 1889 г. большая доля населения Бухары переболела лихорадкой. Около 7 000 человек умерли. Летальность от бухарской эпидемии составляла не менее 5 %, а летальность «русского гриппа» – в 35 раз меньше: 0.2 %. Инкубационный период при бухарской лихорадке составлял 1-2 недели, а при гриппе 1-3 дня. Характерные симптомы «русского гриппа»: кашель и осложнения в виде воспаления легких – отсутствовали у больных в Бухаре. Учитывая миграцию населения по Закаспийской железной дороге и контагиозность вируса, грипп должен был оказаться еще летом в городах, расположенных рядом с Бухарой. Но в Ташкенте, Баку, Владикавказе грипп появляется в конце ноября 1889 г. Возникновению эпидемии способствовала неблагоприятная санитарная обстановка в городе, снежная и холодная зима. Жара, наступившая в апреле, спровоцировала быстрое таяние снега, в результате чего уровень содержания воды в водоемах и почве оказался очень высоким. Жара и большое количество воды создали благоприятные условия для размножения комаров из рода *Anopheles* – переносчиков малярии. В конце августа 1889 г. комиссия из 4 врачей пришла к выводу, что причина бухарской эпидемии – малярия. Малярия была эндемичной болезнью для Бухары. Предположительно, эпидемию в Бухаре мог вызвать *P. falciparum* – возбудитель тропической малярии. Гейфельдер пришел к выводу, что бухарская эпидемия и эпидемия гриппа в Российской империи – тождественные заболевания. Кашель, боль в горле, осложнения на дыхательную систему, как считал Гейфельдер, характерны для гриппа только в северных широтах. Эпидемия в Бухаре была вызвана не вирусом гриппа, а малярией, возбудителем которой, предположительно, был *P. falciparum*.

Ключевые слова: эпидемия в Бухаре, малярия, «русский грипп», «русский грипп» 1889–1890 гг., пандемия, эпидемия, грипп, Бухара, Гейфельдер.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: riazan@mail.ru (С.В. Рязанцев), sofetel@mail.ru (А.В. Смирнов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 367-377
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.367

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Trade Relations of Russia with the States of the Eastern Balkans in the late XIX – early XX centuries (1898–1912) and the Problem of Borrowing the Experience of Austria-Hungary in the Reports of Russian Diplomats

Igor V. Kryuchkov ^{a, *}, Ashot A. Melkonyan ^b

^aNorth Caucasus Federal University, Russian Federation

^bInstitute of History, National Academy of Sciences of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia

Abstract

Russia's foreign economic relations with Romania and Bulgaria in the late 19th-early 20th centuries have been under-researched in Russian and foreign historiography. The reports of Russian diplomats, who, besides analyzing trade relations, offered recommendations on the improvement and expansion of Russia's economic contacts with Rumania and Bulgaria, are presented as an object of research in the paper. The weak interest of Russian trade and industry circles in the development of foreign trade, poor transport logistics and ignorance of the specifics of markets in the Eastern Balkans have not contributed to an increase in its trade with Romania and Bulgaria. The article provides evidence of the overlapping structure of Russian, Romanian and Bulgarian exports. They all depended on agricultural exports being competitors on foreign markets. For a long time, Russia was unable to act as an exporter of manufactured goods to these states. In 1908–1909 Russia stepped up its economic infiltration into the Balkans, using the increased potential of its own industry and considering the experience of other states, above all Austria-Hungary. On the eve of the Balkan wars, Russia's trade relations with Bulgaria and especially with Romania reached their peak. The outbreak of the First Balkan War led to the destabilization of foreign economic relations in the region and a reduction in Russian trade with Romania and Bulgaria.

Keywords: foreign trade, Romania, Bulgaria, export, import, Austria-Hungary, diplomats, trade treaties.

1. Введение

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. отношения России с Румынией и Болгарией переживают серьезные испытания. В Бухаресте болезненно относились к уступке в пользу России Южной Бессарабии, в стране нарастают антирусские настроения. В результате Румыния в 1883 г. присоединилась к союзу Германии и Австро-Венгрии. После болгарского кризиса 1885–1887 гг. отношения России и Болгарии резко ухудшаются (Косик, 2003: 204). С 1886 по 1896 гг. Санкт-Петербург и София не имели дипломатических отношений. Однако экономические связи России с этими государствами, несмотря на все политические перипетии, не прерывались. На рубеже XIX–XX вв. торговые отношения России с Болгарией и Румынией оставались на минимальном уровне. Российский экспорт в Румынии занимал 5–6 место, а в Болгарии – 7–8 место, а импорт из этих государств в Россию не превышал 1–3 % от всего их импорта (Лисенко, 1913: 1-30).

Россия и Румыния имели общую протяженную границу, что открывало возможности для экономического сотрудничества между государствами. В 1877 г. они соединяются Бендеро-Галацкой железной дорогой (Альбом..., 1879). Переправа через Дунай первоначально осуществлялась с

* Corresponding author

E-mail addresses: igory5@yandex.ru (I.V. Kryuchkov), ashamelk@yahoo.com (A.A. Melkonyan)

помощью парома, а затем через реку строится уникальный железнодорожный мост. Наличие портов на Черном море создавало для обоих государств дополнительные преимущества. Более того, Румыния и Россия могли осуществлять взаимные экономические связи, используя потенциал речного судоходства по Дунаю. Правда, в Австро-Венгрии не были в восторге от возможного развития российского судоходства на реке и делали все возможное, чтобы превратить Дунай в «австро-венгерскую реку» (АВПРИ. Ф. 172. Посольство в Вене. Оп. 514. Д. 376. Л. 315). Тем не менее внешнеэкономическое сотрудничество России и Румынии долгое время оставалось на низком уровне и явно не соответствовало взаимному потенциалу.

Болгария не имела общей границы с Россией. Перевозку товаров можно было осуществлять через Румынию, порты Черного моря и Дунай, по которому проходило 70–80 % торговли России с балканскими государствами. Однако российские судоходные компании не могли на должном уровне организовать перевозку грузов из России в Румынию и Болгарию и в обратном направлении на выгодных условиях. Перевозка грузов на российских судах стоила на 1–2 франка дороже за тонну в сравнении с конкурентами (Писарев, 1985: 48). Компании России имели устаревшие и малотоннажные суда, уступая в этом плане не только компаниям из Австро-Венгрии, но даже Румынии. Причины стагнации экономических связей России с Румынией и Болгарией на рубеже XIX–XX вв. заключались не столько в напряженных политических отношениях между ними, сколько в особенностях экономического развития данных государств. Острые внешнеполитические противоречия не помешали Германии стать ведущим торговым партнером России. Кроме этого, в конце XIX в. главным экономическим партнером Румынии и Болгарии, как и Сербии, являлась Австро-Венгрия. России было трудно на равных конкурировать с империей Габсбургов.

С 1908–1909 гг. торгово-промышленные круги России меняют свое отношение к ведению торговли с Балканами, осознавая важность внешней экономической экспансии. Они начинают настаивать на расширении экономического присутствия России в регионе. Правительство, отчасти реагируя на критику предпринимателей, а отчасти понимая, что оно не сможет укрепить политические позиции России в регионе без расширения экономического проникновения в балканские государства, предпринимает усилия по активизации деятельности в этом направлении. В апреле–ноябре 1911 г. в Санкт-Петербурге работало Особое совещание для обсуждения вопроса о мерах расширения торговли России на Балканах. В феврале 1912 г. последовало создание юго-западного отделения «Российской экспортной палаты», курировавшей экономические связи с Балканами (Речи и доклады..., 1912).

2. Материалы и методы

В процессе работы над темой использовался широкий круг источников. Важное место в исследовании занимают материалы из фондов Архива внешней политики Российской империи. Российские дипломаты, работавшие в посольстве в Вене и Генеральном консульстве в Будапеште, постоянно отслеживали динамику экономических связей Австро-Венгрии с Румынией и Болгарией, а также отношение правящих кругов империи Габсбургов к перспективам развития торговли России с данными государствами. Особую ценность представляют «Сборники консульских донесений», издававшиеся с 1898 по 1910 гг. МИД России, где содержатся сведения об экономическом развитии зарубежных государств, их внешней торговле, в том числе с Россией. Необходимая информация, существенно дополняющая результаты исследования, имеется в материалах, опубликованных в газетах: «Вестник финансов, промышленности и торговли» – официальном издании Министерства финансов и Министерства промышленности и торговли, выходившем в 1885–1917 гг.; «Торгово-промышленный юг», отражавшей позицию предпринимательских кругов юга России и издававшейся в Одессе с 1911 по 1916 гг. Важное место в анализе темы занимает междисциплинарный подход, позволяющий использовать теоретические и практические наработки истории, экономики и статистики. В процессе работы над проблематикой применялись историко-сравнительный, историко-генетический и историко-типологический методы. Историко-сравнительный метод использовался в процессе проведения компаративного анализа торговых отношений России с Болгарией и Румынией и сопоставления позиций России во внешней торговле с этим государствами. Историко-генетический метод позволил рассмотреть динамику модернизационных процессов в Румынии и Болгарии и развития их внешнеэкономической деятельности, в том числе с Россией. Историко-типологический метод дал возможность выделить общие тенденции социально-экономического развития Румынии и Болгарии и их торговли с Россией.

3. Обсуждение

Политические процессы на Балканском полуострове и острые противоречия между ведущими государствами Европы за господство в регионе нашли широкое отражение в отечественной и зарубежной историографии. Внешнеэкономические связи России с Румынией и Болгарией оказались вне поля исследования исторического сообщества (за исключением политики предоставления внешних займов). В лучшем случае поднимаются отдельные сюжеты данной проблематики в контексте исследования политических процессов. В советской историографии одним из первых тему

экономического проникновения России на Балканы анализирует Ю.А. Писарев, видя в этом новое направление ее экспансионистской политики в регионе в начале XX в. (Писарев, 1985). Болгарская исследовательница Н.А. Дюлгерова исследовала тему экономического проникновения Австро-Венгрии и России в экономику Болгарии, в том числе поднимая многие сюжеты, связанные с торговыми взаимоотношениями двух империй с Болгарией (Дюлгерова, 1985). В современной историографии освещаются некоторые аспекты темы. Н.В. Горбунова рассматривает организацию передвижных выставок в качестве важного инструмента расширения экономического сотрудничества России с государствами Балкан и Восточного Средиземноморья (Горбунова, 2013). Основные направления экономической политики ведущих европейских государств на Балканах изучены в коллективной монографии «В пороховом погребе Европы» (Косик, 2003 и др.), но проблема торговых отношений России с Румынией и Болгарией практически не нашла отражения в исследовании. Особенности экономического проникновения России в Османскую империю анализирует Х. Чапраз, проецируя данный процесс на Балканы в целом (Чапраз, 2010).

4. Результаты

Экономический потенциал Румынии и Болгарии

Состояние дел в экономике Румынии и Болгарии напрямую влияло на перспективы развития их внешнеэкономических связей с Россией. Румыния имела емкий внутренний рынок, так как численность ее населения в начале XX в. составляла более 7 млн чел., в то время как у Болгарии более 4 млн чел. Поэтому Румыния имела определенное преимущество перед Болгарией. Российские дипломаты внимательно отслеживали развитие народного хозяйства Румынии, признавая существенные успехи страны в этом направлении в конце XIX – начале XX вв. Консул в Яссах Н. Бруннер отмечал доминирование земледелия в экономике страны. В 1866 г. посевные площади в Румынии составляли 2,23 млн га, а в 1906 г. – 5,43 млн га., но еще больше дипломата впечатлял рост валового сбора зерновых культур. Урожай пшеницы составил в 1866 г. 250 тыс. тонн, а в 1905 г. 1 млн 207 тыс. тонн, кукурузы 183 тыс. тонн и 682 тыс. тонн соответственно, ячменя 85,2 тыс. тонн и 518 тыс. тонн соответственно (Бруннер, 1907: 121). Успехи сельского хозяйства Румынии российский дипломат объяснял ростом производительности труда в отрасли и внедрением современных технологий, в том числе при участии правительства, стремившегося модернизировать аграрный сектор. В России традиционно уделяли много внимания положению дел в сельском хозяйстве Румынии и Болгарии. Эти государства являлись ее конкурентами в поставках зерновых культур в другие государства Европы и за ее пределы (Извлечения..., 1985: 119).

Интересы двух стран сталкивались не только на рынке зерновых культур. Экспорт сахара становится важной статьёй экспорта России. Румыния долгое время импортировала значительную часть сахара из других государств, в том числе из Австро-Венгрии и России. Но правительство в Бухаресте берет курс на активное развитие в стране собственной сахарной промышленности. В 1874 г. в Румынии строится французскими инвесторами первый сахарный завод. В 1905 г. их было уже 6, они произвели 19,8 тыс. тонн сахара. В результате импорт сахара в страну сокращается с 16 тыс. тонн в 1892 г. до 208 тонн в 1905 г. (Бруннер, 1907: 126). Российские и европейские экспортеры в итоге понесли значительные потери, одновременно обострялась их конкуренция на рынках других государств. Более того, в 1901 г. Румыния вывезла в Османскую империю и Болгарию 7,1 тыс. тонн сахара, что привело к росту цен на продукцию внутри страны. Поэтому правительство вводит высокие таможенные тарифы на ее экспорт. В итоге вывоз сахара в 1902 г. составил всего 184 тонны (Сипягин, 1904: 60). К 1912 г. данная тенденция изменилась и Румыния вновь начинает экспортировать сахар в значительных масштабах, полностью удовлетворив внутренний спрос.

Российские дипломаты признавали определенные достижения в развитии румынской промышленности. В России внимательно следили за состоянием дел в лесной отрасли Румынии, поскольку оба государства считались крупнейшими экспортёрами леса в Европе. Кстати, здесь их интересы сталкивались с Австро-Венгрией, также являвшейся крупным экспортёром леса. Однако в первую очередь дипломатов интересовали достижения нефтяной промышленности страны. Румыния, наряду с Россией и Австро-Венгрией, становится крупнейшим производителем нефти и нефтепродуктов в Европе. Интересы России и Румынии постоянно сталкивались на внешних рынках, и они нередко выступали в качестве конкурентов (Весов, 1913а: 30-35). В частности, Бухарест стремился взять под контроль нефтяной рынок на Балканах, в том числе и в Болгарии (Писарев, 1985: 47). В 1867 г. страна добыла 6,4 тыс. тонн нефти, а в 1905 г. – 597 тыс. тонн (Бруннер, 1907: 135). Консул в Яссах Н. Бруннер указывал на решающую роль иностранного капитала в становлении нефтяной промышленности Румынии. Без него страна не достигла бы таких результатов, так как местный капитал не был в состоянии удовлетворить растущие потребности отрасли в инвестициях. Крупнейшими инвесторами нефтяной промышленности Румынии становятся Германия, Голландия и Франция. О ее значимости говорит тот факт, что свое отделение в Бухаресте открывает «Стандарт Ойл».

Развитию народного хозяйства Болгарии российские дипломаты уделяли меньше внимания. В значительной степени они проявляли интерес к развитию районов Бургаса и Варны, игравших важную роль не только во внешней торговле страны, но и в ее народном хозяйстве. Описывая

Бургасский округ, вице-консул в Бургасе отмечает ведущие позиции сельского хозяйства в экономике страны и ее внешней торговле. При этом дипломат акцентирует внимание на низкой культуре земледелия и животноводства в стране и слабом использовании сельскохозяйственных машин (Бранд, 1903: 295).

Болгарская промышленность в начале XX в. находилась в сложной ситуации. В Бургасском округе развиваются текстильное производство, мукомольная и пищевая промышленность. Однако низкий уровень производительности труда и отсутствие рынков сбыта часто вели промышленные предприятия к разорению. Большой проблемой для развития торговли в Болгарии становится низкое качество транспортной инфраструктуры. Правда, правительство страны предпринимало усилия по ликвидации данной проблемы. Примером этого служило строительство современного порта в Бургасе и модернизация порта в Варне. Следовательно, структура народного хозяйства Болгарии не содействовала расширению внешнеэкономических связей России и Болгарии, одновременно способствуя конкуренции стран на мировом аграрном рынке.

Внешняя торговля Румынии и Болгарии

Успехи и провалы внешней торговли Румынии в начале XX в. российские дипломаты напрямую связывали с положением дел в ее сельском хозяйстве, что очень напоминала ситуацию с внешней торговлей самой России. Рост производства аграрной продукции способствовал увеличению объемов внешней торговли страны. В 1866 г. ее внешнеторговый оборот составлял всего 187, 8 млн франков, в том числе экспорт – 16 млн франков. В 1905 г. объем внешней торговли Румынии достиг 794,6 млн франков, в том числе 457,1 млн франков приходилось на ее экспорт. Таким образом, за 40 лет внешняя торговля Румынии не только увеличилась более чем в 4 раза, но радикально поменяла характер. Румыния имела положительное сальдо в торговле с другими государствами и по объемам внешнеэкономической деятельности вышла на лидирующие позиции на Балканах.

Н. Бруннер указывает на то, что в 1907 г. 71,4 % экспорта Румынии приходилось на зерновые культуры (пшеница – 251,3 млн франков, ячмень – 38,7 млн франков, рожь – 21,9 млн франков и овес – 14,4 млн франков) (Бруннер, 1907: 121). К 1911 г. эта тенденция не изменилась. Около 80 % румынского экспорта по-прежнему приходилось на зерновые культуры (Весов, 1913: 24). Как только Румыния сталкивалась с неурожаем, тем более в течение ряда лет, это сразу негативно сказывалось на ее внешней торговле. Такая ситуация складывается в 1908 г., когда оборот ее внешней торговли сокращается с 984,5 млн франков до 792 млн франков. При этом сокращение приходится в основном на румынский экспорт – 176,1 млн франков. Большую часть снижения составлял экспорт зерновых культур. В 1908 г. он упал до 272,4 млн франков по сравнению с 473,3 млн франков в 1907 г., за это время экспорт леса практически не изменился: 25,3 млн франков по сравнению с 24,7 млн франков в предыдущий период (Бруннер, 1910: 84).

Румыния постепенно превращается в одного из крупнейших в мире экспортеров нефти и нефтепродуктов. В 1905 г. она экспортировала 221 тыс. тонн продукции, включая 171,4 тыс. тонн керосина на 8,7 млн франков и 48,7 тыс. тонн бензина на 8,4 млн франков. Следовательно, Румыния в основном экспортировала не сырую нефть, а нефтепродукты, что говорит о развитии в стране нефтеперерабатывающей промышленности. В кризисный 1908 г. в условиях стагнации или резкого сокращения экспорта румынских товаров только экспортеры нефти и нефтепродуктов нарастили вывоз с 27,8 млн франков до 38,6 млн франков. Залогом успеха нефтяной промышленности Румынии становится высокое качество ее нефти, превосходящей по многим параметрам нефть из Галиции, США и Кавказа (Севастопуло, 1899: 6-7).

Впечатляющие достижения внешней торговли Румынии, по мнению Н. Бруннера, были невозможны без развития транспортной инфраструктуры страны. В 1866 г. она не имела железных дорог, а в 1905 г. их протяженность составила 3179 км (Бруннер, 1907: 121). Большую роль играло соединение железной дорогой Бухареста с Констанцей, где создается современный порт. В результате Румыния превращается в важный транзитный центр европейской внешней торговли. Товары из Германии, Австро-Венгрии и других стран поступали на рынки Ближнего Востока, в том числе через Констанцу, особенно после открытия в 1906 г. прямого судоходного сообщения с Александрией.

Лидирующие позиции во внешней торговле Румынии занимали Австро-Венгрия и Германия. Они выступали в качестве главного потребителя сельскохозяйственной продукции страны, ее нефти и нефтепродуктов, взамен поставляя так необходимую Румынии промышленную продукцию. Россия в этом отношении не могла на равных конкурировать с Веней и Берлином. На Германию (141 млн франков) и Австро-Венгрию (95 млн франков) в 1908 г. приходилось около 60 % румынского импорта (Бруннер, 1910: 84). Пример румынского рынка показывает жесткую конкуренцию Вены и Бухареста за доминирование на нем. Следовательно, политический союз двух государств не гарантировал партнерские отношения во внешнеэкономической деятельности. В империи Габсбургов, в отличие от Цислайтании, Венгрия осторожно относилась к нарастающему импорту сельскохозяйственной продукции из Румынии, видя в этом угрозу для своего аграрного сектора (АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 582/1. Л. 173).

Экономические достижения Болгарии и присоединение к ней Восточной Румелии самым позитивным образом сказались на ее внешней торговле. В то же время внешняя торговля страны, как

и в случае с Румынией, сильно зависела от урожая зерновых культур. Поэтому в случае неурожая объем внешней торговли Болгарии резко снижался, как это произошло в 1897 г. (Бранд, 1903: 295). С одной стороны, сокращался экспорт, а с другой – ввиду падения доходов крестьян падал импорт.

В 1895–1900 гг. в Болгарию ввозится товаров на 72,4 млн франков. Большая часть импорта приходится на Австро-Венгрию (21 млн франков) и Великобританию (17,2 млн франков). В 1900–1904 гг. ситуация не изменилась радикальным образом. Общий экспорт в Болгарию составил 79,8 млн франков, в том числе из Австро-Венгрии на 21,8 млн франков и Великобритании на 14 млн франков (Дьяченко, 1907: 386). Главными статьями экспорта в Болгарию являлись текстиль (28,5 млн франков), металлы (7,54 млн франков), промышленное оборудование и другие машины (5,6 млн франков). В 1900–1904 гг. 35,7 % импорта в Болгарию приходилось на хлопчатобумажные и шерстяные ткани, 9,5 % на металлы и металлические изделия и т.д. Здесь полностью господствовала продукция из Австро-Венгрии, Германии и Великобритании. При этом Австро-Венгрия и Германия с конца XIX в. вступили в жесткую борьбу за господство на рынке Болгарии (АВПРИ. Ф. 217. Генеральное консульство в Будапеште. Оп. 1015. Д. 24. Л. 70).

Страна одновременно наращивала экспорт. В 1895–1899 гг. он составил 73,2 млн франков, а в 1900–1904 гг. 101,23 млн франков (Дьяченко, 1907: 386). Следовательно, Болгарии также удалось выйти на положительное сальдо во внешней торговле. Основными потребителями болгарских товаров являлись Австро-Венгрия, Великобритания и Германия. Больше половины экспорта страны приходилось на вывоз пшеницы (35,1 млн франков), кукурузы (15,8 млн франков) и ячменя (5,6 млн франков) (Дьяченко, 1907: 388). Таким образом, экспорт из Болгарии зерновых культур составлял более 60 % ее экспорта, а продукции сельского хозяйства в целом 80–85 %.

Торговля России с Румынией

Итак, для развития внешней торговли двум государствам долгое время нечего было предложить друг другу. В 1899 г. объем взаимной торговли достигал скромных 12,9 млн франков при доминировании российского экспорта (8 млн франков). На Россию приходилось всего 3,77 % всей внешней торговли страны (Бруннер, 1910а: 135). В последующие годы объем взаимной торговли колебался в пределах 10–12 млн франков. С 1903 г., несмотря на временное снижение в 1905 г., торговый оборот начинает увеличиваться. Кризис 1905 г. связывается с началом первой русской революции, оказавшей негативное влияние на экономику России и ее внешнюю торговлю. В 1906 г. Россия и Румыния подписывают новый торговый договор, который создавал благоприятные условия для взаимной торговли (Русско-румынский..., 1973). В то же время это соглашение не раз подвергалось критике за недостаточный учет интересов российской промышленности (Весов, 1913: 25).

В 1907 г. объем взаимной торговли достиг 15,1 млн франков. Однако удельный вес России во внешней торговле Румынии не только не увеличился в сравнении с 1899 г., но даже уменьшился до 3,22 % (Бруннер, 1910а: 135). Лидерами в экспорте Румынии по праву являлись Германия (34,27 %) и Австро-Венгрия (24,45 %). Россия по этому показателю уступала даже Османской империи (4,32 %). Поэтому успех 1907 г. являлся относительным достижением.

Настоящий прорыв происходит в 1908 г., когда объем взаимной торговли достигает 20,6 млн франков. Примечательно, что на фоне общего снижения экспорта в Румынию его существенным образом смогла нарастить Россия. Российский экспорт увеличивается на 35 % до 12,6 млн франков (Бруннер, 1910а: 136). Наряду с традиционными товарами, экспортируемыми из России (сырье и полуфабрикаты), в страну начинает поступать продукция машиностроения и металлургии. Особенно впечатляющих результатов добилась продукция черной металлургии. Ее поставки составили 21,5 тыс. тонн на 4,8 млн франков. Продукция машиностроения в значительных масштабах появляется именно в 1908 г. Только транспортных средств (локомотивы, вагоны и пр.) ввозится в Румынию на 840 тыс. франков (Бруннер, 1910: 85). На прилавках магазинов страны появляется российский текстиль. С этого момента начинается новая веха в российско-румынской торговле: кроме ее уверенного роста происходят качественные изменения в структуре российского экспорта. Теперь продукция обрабатывающей промышленности составляет примерно половину ввезенной в Румынию продукции.

Важную роль в росте российского экспорта сыграло открытие в сентябре 1907 г. в Яссах оптового склада под эгидой Ясского отделения «Русского экспортного общества» в Москве. Здесь явно прослеживается влияние австро-венгерского опыта. Экспортеры из Австро-Венгрии широко прибегали к практике открытия на Балканах собственных оптовых складов. При создании склада в Яссах большое внимание уделялось не только ассортименту продукции, но и его внешнему убранству, внутреннему интерьеру для привлечения румынского потребителя. Руководство склада сразу проявило себя с самой лучшей стороны при организации деятельности в Румынии. С помощью коммивояжеров, набранных из числа местных жителей, хорошо знавших специфику потребительского рынка страны, ему удалось наладить тесные связи с румынской провинцией. Коммивояжеры разъезжали по городам и селам, рекламируя российскую продукцию. Среди торговцев Румынии к ней возникает большой интерес. Только за первые 3–4 месяца работы склад в Яссах заказал товаров на 200 тыс. франков, в основном текстиль, и сразу реализовал, в том числе в кредит продукции на 70 тыс. франков (Бруннер, 1910а: 136). Эта акция становится первым успехом на

фоне острой конкуренции с другими европейскими производителями текстиля и плохой осведомленности румынских потребителей о российской продукции.

Вторым важным фактором, способствующим росту российского экспорта в Румынию, становится отказ крупных производителей России от посреднических услуг торговых домов Европы, которые значительно удорожали их продукцию и удлиняли ее поставку конечному потребителю. По этому пути уже давно шли производители Австро-Венгрии и других государств. Одним из первых к такой практике прибегает рижская компания «Проводник» – крупный производитель резиновых калош и других изделий из резины. Акционерное общество отказалось от услуг торговых домов из Берлина и Гамбурга и открыло в Бухаресте и Яссах собственные представительства.

Третьим фактором роста российского экспорта, по мнению дипломата, становится отказ или существенное сокращение компаниями из Австро-Венгрии и Германии продажи товаров румынским фирмам в кредит, так как в начале XX в. они столкнулись с их массовым банкротством. В 1907–1909 гг. Румыния пережила неурожайные годы, что привело к падению покупательной способности населения и, как следствие этого, к снижению спроса на импортные товары. Российские предприниматели даже в условиях кризиса, наоборот, стали практиковать предоставление товаров в кредит торговым фирмам Румынии. Следует отметить, что российские компании традиционно не очень поддерживали такой тип ведения торговых операций. Это обстоятельство долгое время сильно тормозило расширение российского экспорта, особенно на Балканах и Ближнем Востоке.

Четвертый фактор Н. Бруннер видел в изменении отношения российских крупных предпринимателей к внешней торговле. В России традиционно винили в провалах экспорта консервативно мыслящих предпринимателей и непрофессиональных дипломатов. На примере Румынии российский консул показывает действие законов рыночных отношений. Когда сокращается спрос внутри России, то отечественные производители начинают самостоятельно продвигать товары за пределами страны. В ряде случаев поставки не будут носить долгосрочный характер. К ним он относил начавшийся экспорт железнодорожных рейсов, паровозов и вагонов из России. В случае нового бума в железнодорожном строительстве России данный вид экспорта, скорее всего, прекратится. Рост вывоза российского текстиля являлся проявлением тенденции устойчивого завоевания зарубежного рынка продукцией из России (Бруннер, 1910а: 138-139).

В 1908 г. Н. Бруннер делал позитивный прогноз на перспективы дальнейшего развития российско-румынской торговли, полагая, что со временем Россия сможет сбеснить позиции Германии и Австро-Венгрии на рынке Румынии. Данный прогноз во многом себя оправдал, хотя позиции конкурентов оставались стабильными. В 1911 г. торговля России с Румынией превышает 86,6 млн руб., достигнув максимальных показателей. Балканские войны привели к некоторому снижению взаимной торговли в 1912–1913 гг. (Статистический ежегодник, 1914: 30-31).

Торговля России с Болгарией

В экономическом отношении Россия не смогла использовать фактор русско-турецкой войны и временной оккупации Болгарии для укрепления в ней своих позиций. Россия в 1895–1899 гг. занимала скромное седьмое место с 3,4 млн франков в экспорте товаров в Болгарию. В 1900–1904 гг. она существенно не улучшила свои показатели (4,1 млн франков) (Дьяченко, 1907: 384). Россия в основном ввозила в страну керосин, клей и минеральные масла (2,4 млн франков). С большим сожалением в 1906 г. вице-консул России в Филиппополе (Пловдиве) А. Петров отмечал доминирование на рынке Южной Болгарии товаров из Великобритании и Австро-Венгрии. К ним постепенно подтягивались Германия и Италия, а товары из России оставались большой редкостью. В 1909 г. в городе и округе на Россию приходилось всего 2,2 % импортных товаров, в то время как Великобритания контролировала 24 % импорта, Австро-Венгрия – 22 %, Германия – 20 % и т.д. (Петров, 1910: 146).

Ситуация с экспортом болгарских товаров выглядела также не столь оптимистично для Санкт-Петербурга. В 1895–1899 гг. в Россию поступило товаров из Болгарии всего на 98,7 тыс. франков, в 1900–1904 гг. на 204,4 тыс. франков. Страна не могла предложить России товары, в большом объеме востребованные на ее рынке. Главной статьёй болгарского экспорта в Россию являлось розовое масло (116,1 тыс. франков) (Петров, 1910: 146).

В начале XX в. российские предприятия предпринимают усилия по расширению номенклатуры товаров, продаваемых в Болгарии. Пример Ново-Костромской льняной мануфактуры, учредившей в стране свое представительство, показывал успешность данного начинания: ей с 1901 по 1904 гг. удалось продать тканей на 600 тыс. франков. И численность потребителей у мануфактуры постоянно увеличивалась. Вторым успешным примером становится деятельность на Балканах завода «Посель и К». В Болгарии ценились косы для уборки урожая, произведенные на данном предприятии. Ежегодно в стране продавалось около 8 тыс. кос, выпущенных на заводе (Дьяченко, 1907: 391). Они у болгарских крестьян ценились больше, чем продукция штирийских предприятий Австро-Венгрии. В 1905 г. Россия ввозит в страну в небольших объемах сельскохозяйственную технику на 3,7 тыс. франков, а в 1910 г. – на 5,4 тыс. франков. Для сравнения, Австро-Венгрия поставила продукции на 817 тыс. франков (Иностранные известия, 1912: 259). Россия контролировала экспорт в Болгарию керосина. Правда, российские дипломаты отмечали необходимость создания в портах Болгарии хранилищ для

керосина и налаживания производства внутри страны емкостей для хранения и перевозки продукции. Вскоре фирма «Братьев Нобель» в Систово, Бургасе и Варне строит собственные нефтяные терминалы (Писарев, 1985: 53). На этом достижения российских экспортеров заканчивались.

В 1905 г. Россия и Болгария заключают договор о торговле и мореплавании, открывавший дорогу для дальнейшего развития экономических связей двух стран на условиях взаимного благоприятствования (Договор..., 1906). Однако он не учитывал растущие возможности российской промышленности в деле организации экспорта собственной продукции в Болгарию.

В чем заключались причины низкого уровня внешнеэкономических связей России и Болгарии? По мнению секретаря дипломатического представительства в Софии Н. Дьяченко, негативно на развитии российско-болгарской торговли сказывалось отсутствие удобных и дешевых транспортных коммуникаций. Особой критике дипломат подверг деятельность судоходных компаний России в Черном море и на Дунае, включая «Российского общества пароходства и торговли». Он приводел в качестве образца для подражания деятельность в Болгарии Австро-Венгрии (Дьяченко, 1907: 395-397). Империя Габсбургов с 40-х гг. XIX в. устанавливает регулярное морское и речное сообщение с Болгарией, затем она соединяет свою железнодорожную систему с болгарскими железными дорогами. Для экспортеров/импортеров устанавливаются льготные тарифы. Рядом с транспортными коммуникациями австро-венгерские компании строят элеваторы, склады и другие вспомогательные объекты (АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 492. Д. 576. Л. 141).

Следующей причиной являлась слабая мотивация у торгово-промышленных кругов России к сотрудничеству с Болгарией, как и с другими государствами Балканского полуострова. Они были ориентированы на емкий российский внутренний рынок. В России не знали специфику ведения торговых операций в Болгарии и потребительские вкусы ее населения, в то время как Болгарию заполняют коммивояжеры и представители фирм из Австро-Венгрии, предлагавшие болгарским торговцам необходимую им продукцию на основе тщательного изучения потребительской культуры болгар. Банки империи Габсбургов охотно кредитуют торговлю с Болгарией, открыв представительства в Софии. В Вене и Будапеште действуют аналитические центры, собирающие всестороннюю информацию о народном хозяйстве Болгарии, ее торговле и финансах. Торговые палаты Цислайтании и Венгрии собирали информацию обо всех предприятиях Болгарии, их кредитоспособности, объемах производства и т.д. (Дьяченко, 1907: 396).

С 1909 г. после Боснийского кризиса, высветившего слабость позиций Санкт-Петербурга на Балканах, в России начинают уделять большое внимание развитию торговых отношений со странами Причерноморского бассейна и Восточного Средиземноморья. В конце 1909 г. болгарские порты посещает передвижная выставка российских товаров, оборудованная на одном из лучших пароходов России «Николай II». В организации выставки важную роль сыграли «Российское общество пароходства и торговли» и «Российская экспортная палата». В декабре 1909 г. пароход вышел из Одессы, зашел в Варну, Бургас и далее проследовал в порты Османской империи, Греции, Египта. На обратном пути в январе 1910 г. выставка оказалась в Констанце (Горбунова, 2013: 23). Практический эффект от нее внешне казался незначительным, так как только одна болгарская фирма заказала 15 плугов харьковскому предприятию. Однако болгарские предприниматели впервые получили возможность системно ознакомиться с экономическим потенциалом России и товарами, предлагаемыми ее предприятиями.

Во время выставки состоялось совещание представителей предпринимательских кругов и дипломатов двух стран на предмет того, как развивать дальнейшее экономическое сотрудничество. Следует отметить, что высказанные предложения напрямую касались и Румынии, поскольку они были востребованы и на румынском рынке.

Первый способ расширения российского присутствия на болгарском рынке заключался в привлечении из местных жителей «странствующих приказчиков», то есть коммивояжеров, которые будут посещать различные районы страны и рекламировать товары из России. На этом варианте особо настаивали болгарские предприниматели. А. Петров не очень поддерживал данное предложение. По его мнению, местные коммивояжеры не всегда прилежно исполняли свои функции, а нередко действовали в интересах конкурентов (Петров, 1910: 144). Этот вариант мог эффективно работать, когда в конкуренцию вступали производители одной страны, но Россия, в отличие от Австро-Венгрии или Германии, не могла пока позволить такой поворот событий. На первоначальной стадии необходимо было «отвоевать» под российские товары часть болгарского рынка и только потом поощрять конкуренцию между российскими производителями.

Более предпочтительным вице-консулу казался другой вариант, хорошо себя зарекомендовавший в торговой практике европейских государств, а именно учреждение торгово-промышленных музеев (постоянных выставок) в городах, в данном случае Болгарии, где местные торговцы имели возможность ознакомиться с товарами из России. Данную практику на Балканах уже на протяжении многих лет использовали Австро-Венгрия, Германия и др. В том же Филиппополе, а также Софии, Ращуке и Варне успешно действовал Венгерский торгово-промышленный музей (Дьяченко, 1907: 398). Венгрия также стремилась получить свою долю на потребительском рынке

Болгарии, в то время как предприятия из австрийской половины империи Габсбургов уже давно успешно работали в стране. А. Петров считал неоправданной критику данного проекта. Многие эксперты его называли неэффективным, поскольку эти учреждения превратятся в обычные музеи, с «пыльными» экспонатами. На взгляд дипломата, торгово-промышленные музеи должны постоянно проводить ротацию «экспонатов» (товаров) в зависимости от сезона и потребностей покупателя, обзавестись сетью агентов для популяризации деятельности музея и сбора сведений о развитии болгарского рынка (Петров, 1910: 145-146). Большим преимуществом музея являлась меньшая затратность в сравнении с наймом на работу коммивояжеров. По его мнению, такого рода заведения следовало открыть, в том числе в Южной Болгарии, и самым удобным местом его расположения являлся Филиппополь, так как город в начале XX в. становится крупнейшим таможенным центром региона. В 1913 г. Российский торгово-промышленный музей все же учреждается, но в Софии (Наша хроника, 1913: 67).

Третий вариант, по мнению А. Петрова, заключался в открытии российскими фирмами собственных представительств в городах Болгарии. В таком формате работали крупные экспортеры из Австро-Венгрии, Германии, Великобритании и др. (Петров, 1910: 146). К сожалению, вплоть до начала первой балканской войны не удалось решить данную задачу в необходимом объеме.

Рассуждая о стратегии выстраивания торговых связей с Болгарией, А. Петров касался и других не менее важных проблем, затрагивавших организацию российского экспорта в стране: во-первых, российские предприниматели не должны были завышать цены на свои товары в поисках сиюминутной выгоды; во-вторых, в срок и исправно выполнять заказы болгарских клиентов; в-третьих, изучить специфику местного рынка и потребительские запросы болгар. В этом отношении дипломат призывал учиться у конкурентов из Австро-Венгрии, Германии и Великобритании. Так, например, ширина российских тканей не соответствовала стандартам, сложившимся в Болгарии, поэтому они пользовались малым спросом в стране. В Австро-Венгрии на это сразу обратили внимание. На Балканах сложилась практика, согласно которой экспортные торговые фирмы сами оплачивали провоз товара до порта назначения. Кроме этого, в Болгарии таможенные пошлины уплачивались по весу товара, поэтому российским производителям следовало позаботиться об облегченной упаковке. Как и в случае с Румынией, необходимо использовать практику предоставления товаров местным торговым домам в кредит сроком до полугода (Петров, 1910: 149).

Предпринимаемые меры по активизации российско-болгарской торговли дали ограниченный результат. В 1907 г. Болгария ввезла в Россию товаров на 119 тыс. руб., затем в очередной раз наблюдается некоторый спад до 30–50 тыс. руб. ежегодно. В 1910 г. болгарский экспорт в Россию достигает максимального значения – 326 тыс. руб., и вновь снизившись в 1911 г. до 65 тыс. руб. Впервые в 1910 г. экспорт товаров в Россию превысил импорт российских товаров в Болгарию. Правда, данная тенденция проявлялась всего один год. Экспорт из России в Болгарию достиг в 1907 г. 352 тыс. руб., а в 1909 г. – 792 тыс. руб., упав в 1910 г. до 211 тыс. руб. и увеличившись до 321 тыс. руб. в 1911 г. (Статистический сборник, 1914: 30-31).

5. Заключение

Таким образом, в конце XIX в. торговые отношения России с Румынией и Болгарией начинают постепенно развиваться. В 80–90-е гг. XIX в. в них наблюдается застой, вызванный политическими разногласиями между государствами и неблагоприятной конъюнктурой на мировом рынке. Доминирование сельскохозяйственной продукции во внешней торговле данных государств не способствовало расширению экономического взаимодействия России с Румынией и Болгарией. Они, как правило, экспортировали однотипную продукцию. Россия не могла удовлетворить растущий спрос на промышленные товары в Румынии и Болгарии, поэтому на рынках данных стран доминировали Австро-Венгрия, Германия и Великобритания.

В начале XX в. экономические связи России с Болгарией и Румынией начинают расширяться. С 1908–1909 гг. торгово-промышленные круги и правящая элита России осознают важность освоения внешних рынков на Балканах и Ближнем Востоке. С одной стороны, без этого невозможно было укрепить политические позиции России в регионе, а с другой – предпринимательские круги страны рассчитывали получить дополнительную прибыль, отказываясь от полной ориентации на внутренний рынок.

Больших успехов Россия добивается в торговле с Румынией, в значительной мере перейдя на экспорт промышленных товаров. С Болгарией достижения оказались не столь очевидными, хотя и здесь наметилась положительная динамика. Россия в значительной мере использовала опыт Австро-Венгрии и других европейских государств в выстраивании новой модели экономического взаимодействия с государствами Восточных Балкан. Начавшиеся балканские войны в 1912 г. нанесли сильный урон внешнеэкономическим связям Румынии и Болгарии, в том числе в торговле с Россией. Затем последовала Первая мировая война.

Литература

Альбом..., 1879 – Альбом картин Бендеро-Галацкой железной дороги, построенной во время войны России с Турцией в 1877–1878 гг. СПб.: Тип. А.М. Котомкина, 1879. 57 л.

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Бранд, 1903 – Бранд Г. Бургасский округ. Донесение вице-консула в Бургасе / *Сборник консульских донесений за 1903*. Вып. IV. СПб.: Т-во художественной печати, 1903. С. 281-297.

Бруннер, 1910 – Бруннер Н. Внешняя торговля Румынии в 1908 г. Донесение консула в Яссах / *Сборник консульских донесений за 1910 г.* СПб.: Т-во художественной печати, 1910. С. 83-85.

Бруннер, 1910а – Бруннер Н. Торговля России с Румынией. Донесение генерального консула в Яссах / *Сборник консульских донесений за 1910 г.* Вып. II. СПб.: Т-во художественной печати, 1910. С. 132-139.

Бруннер, 1907 – Бруннер Н. Торгово-промышленный очерк Румынии. Донесение консула в Яссах / *Сборник консульских донесений за 1907*. Вып. II. СПб.: Т-во художественной печати, 1907. С. 120-133.

Весов, 1913 – Весов А. К развитию торговых отношений с Румынией // *Торгово-промышленный юг*. 1913. № 12. С. 21-24.

Весов, 1913а – Весов Я. Россия на международном нефтяном рынке // *Торгово-промышленный юг*. 1913. № 15. С. 30-35.

Горбунова, 2013 – Горбунова Н.М. Российская плавучая выставка в Восточном Средиземноморье в начале XX века // *Восточный архив*. 2013. № 2. С. 22-27.

Договор..., 1906 – Договор о торговле и мореплавании между Россией и Болгарией, заключенный в Санкт-Петербурге 23 февраля 1905 г. / *Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774–1906)*. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1906. С. 574-583.

Дьяченко, 1907 – Дьяченко Н. Торговля России с Болгарией. Донесение секретаря дипломатического агентства в Софии / *Сборник консульских донесений за 1907 г.* Вып. V. СПб.: Т-во художественной печати, 1907. С. 381-398.

Дюлгерова, 1985 – Дюлгерова Н.А. Политика России и Австро-Венгрии в конце XIX – начале XX вв. (1896–1903 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985. 217 с.

Извлечения..., 1895 – Извлечения из донесений российских иностранных консулов // *Вестник финансов, промышленности и торговли*. 1895. № 2. С. 119.

Иностранные известия..., 1912 – Иностранные известия. Болгария // *Вестник финансов, промышленности и торговли*. 1912. № 6. С. 259.

Косик, 2003 – Косик В.И. Из «семейной хроники славянства» (Болгария и международные отношения 1879–1896 гг.) / В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М.: Индрик, 2003. С. 191-215.

Лисенко, 1913 – Лисенко В.К. Ближний Восток как рынок сбыта русских товаров. СПб.: Тип. Штаба гвардии и Петербургского военного округа, 1913. 343 с.

Наша хроника, 1913 – Наша хроника // *Торгово-промышленный юг*. 1913. № 19. С. 67.

Петров, 1910 – Петров А. К вопросу о развитии нашей торговли с Болгарией. Донесение вице-консула в Филиппополе / *Сборник консульских донесений за 1910 г.* Вып. II. СПб.: Т-во художественной печати, 1910. С. 141-151.

Писарев, 1985 – Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1985. 289 с.

Речи и доклады..., 1912 – Речи и доклады, произнесенные в учредительном собрании Юго-Западного отделения Российской экспортной палаты. Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1912. 49 с.

Русско-румынский..., 1973 – Русско-румынский торговый договор 1906 г. // *Известия Академии наук Молдавской ССР. Серия «Общественные науки»*. 1973. № 3. С. 68-76.

Севастопуло, 1899 – Севастопуло М. Нефтяные богатства Румынии. Донесение бывшего секретаря миссии в Бухаресте / *Сборник консульских донесений за 1899 г.* Вып. I. СПб.: Т-во художественной печати, 1899. С. 4-11.

Сипягин, 1904 – Сипягин Н. Свеклосахарная промышленность Румынии. Донесение консула в Яссах / *Сборник консульских донесений за 1904*. Вып. I. СПб.: Т-во художественной печати, 1904. С. 55-61.

Статистический ежегодник, 1914 – Статистический ежегодник России. 1913 г. СПб.: Издание Центрального статистического комитета, 1914. 333 с.

Чапраз, 2010 – Чапраз Х. Русско-турецкие торговые связи на рубеже XIX–XX вв. / *Проблемы современной экономики*. 2010. №1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3055> (дата обращения: 23 января 2023)

Reference

Al'bom..., 1879 – Al'bom kartin Bendero-Galatskoy zheleznoy dorogi postroennoy vo vremya voyny Rossii s Turtsiey v 1877-1878 gg. [Album of pictures of the Bendera-Galaki railway, built during the war between Russia and Turkey in 1877–1878]. St.Petersburg: Tipografiya A.M.Kotomkina. 1879. 57 l. [in Russian]

АВПРИ – Arkhiv vnechnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of foreign policy of the Russian Empire].

Brand, 1903 – *Brand, G.* (1903). Burgasskiy okrug. Donesenie vitse-konsula v Burgase [Burgas district. Report of the vice-consul in Burgas]. *Sbornik konsul'skikh doneseniya za 1903*. Vyp. IV. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy pechati. Pp. 281-297. [in Russian]

Brunner, 1907 – *Brunner, N.* (1907). Torgovo-promyshlenny ocherk Rumynii. Donesenie konsula v Yassakh. *Sbornik konsul'skikh doneseniya za 1907* [Commercial and industrial sketch of Romania. Report of the consul in Yassakh]. Vyp. II. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy pechati. Pp. 120-133. [in Russian]

Brunner, 1910 – *Brunner, N.* (1910). Vneshnyaya trgovlya Rumynii v 1908 g. Donesenie konsula v Yassakh [Foreign trade of Romania in 1908. Report of the consul in Yassakh]. *Sbornik konsul'skikh doneseniya za 1910 g.* St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy pechati. Pp. 83-85. [in Russian]

Brunner, 1910a – *Brunner, N.* (1910). Torgovlya Rossii s Rumyniyey. Donesenie general'nogo konsula v Yassakh [Russia's trade with Romania. Report of the Consul General in Yassakh]. *Sbornik konsul'skikh doneseniya za 1910 g.* Vyp. II. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy pechati. Pp. 132-139. [in Russian]

Chapraz, 2010 – *Chapraz, Kh.* (2010). Russko-turetskie torgovye svyazi na rubezhe XIX–XX vv. [Russian-Turkish trade relations at the turn of the XIX-XX centuries]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 1. [Electronic resource]. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3055> (date of access: 23.01.2023). [in Russian]

Dogovor..., 1906 – Dogovor o trgovle i moreplavanii mezhdru Rossiey i Bolgariye, zaklyuchenny v Sankt-Peterburge 23 fevralya 1905 g. [Agreement on trade and navigation between Russia and Bulgaria, concluded in St. Petersburg on February 23, 1905]. *Sobranie vazhneyshikh traktatov i konventsiy zaklyuchennykh Rossiey s inostrannymi derzhavami (1774-1906)*. Varshava: Tipografiya Varshavskogo Uchebnogo okruga. 1906. Pp. 574-583. [in Russian]

D'yachenko, 1907 – *D'yachenko N.* (1907). Torgovlya Rossii s Bolgariye. Donesenie sekretarya diplomacheskogo agentstva v Sofii. *Sbornik konsul'skikh doneseniya za 1907 g.* [Russia's trade with Bulgaria. Report of the secretary of the diplomatic agency in Sofia]. Vyp. V. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy pechati. Pp. 381-398. [in Russian]

Dyulgerova, 1985 – *Dyulgerova, N.A.* (1985). Politika Rossii i Avstro-Vengrii v kontse XIX – nachale XX vv. (1896–1903 gg.) [Politics of Russia and Austria-Hungary in the late XIX – early XX centuries (1896–1903)]. *Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk*. Moscow. 217 p. [in Russian]

Gorbunova, 2013 – *Gorbunova, N.M.* (2013). Rossiyskaya plavuchaya vystavka v Vostochnom Sredizemnomor'e v nachale XX veka [Russian floating exhibition in the Eastern Mediterranean at the beginning of the 20th century]. *Vostochnyy arkhiv*. 2: 22-27. [in Russian]

Inostrannye izvestiya, 1912 – Inostrannye izvestiya. Bolgariya [Foreign news. Bulgaria]. *Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli*. 6:259. [in Russian]

Iz vlecheniya..., 1895 – Iz vlecheniya iz doneseniya rossiyskikh inostrannykh konsulov [Extracts from the reports of Russian foreign consuls]. *Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli*. 1895. 2: 19. [in Russian]

Kosik, 2003 – *Kosik, V.I.* (2003). Iz «semeynoy khroniki slavyanstva» (Bolgariya i mezhdunarodnye otnosheniya 1879-18896 gg.) [From the “family chronicle of the Slavs” (Bulgaria and international relations 1879-1896)]. V «porokhovom pogrebe Evropy». 1878–1914 gg. Moscow: Indrik. Pp. 191-215. [in Russian]

Lisenko, 1913 – *Lisenko, V.K.* (1913). Blizhniy Vostok kak rynek sbyta russkikh tovarov [The Middle East as a market for Russian goods]. SPb.: Tipografiya Shtaba gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga. 343 p. [in Russian]

Nasha khronika, 1913 – *Nasha khronika* [Our Chronicle]. *Torgovo-promyshlenny yug*. 1913. 19: 67. [in Russian]

Petrov, 1910 – *Petrov, A.* (1910). K voprosu o razviti nashey trgovli s Bolgariye. Donesenie vitse-konsula v Filippole [On the development of our trade with Bulgaria. Report of the vice-consul in Philippopolis]. *Sbornik konsul'skikh doneseniya za 1910 g.* Vyp. II. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy pechati. Pp. 141-151. [in Russian]

Pisarev, 1985 – *Pisarev, Yu.A.* (1985). Velikie derzhavy i Balkany nakanune Pervoy mirovoy voyny [Great powers and the Balkans on the eve of the First World War]. Moscow: Nauka, 289 p. [in Russian]

Rechi i doklady..., 1912 – Rechi i doklady, proiznesennye v uchreditel'nom sobranii Yugo-Zapadnogo otdeleniya Rossiyskoy eksportnoy palaty [Speeches and reports delivered at the constituent assembly of the South-Western branch of the Russian Chamber of Exports]. Kiev: Tipografiya I.I. Chokolova. 49 p. [in Russian]

Russko-rumynskiy, 1973 – Russko-rumynskiy torgovyy dogovor 1906 g. [Russian-Romanian trade agreement of 1906]. *Izvestiya Akademii nauk Moldavskoy SSR. Seriya Obshchestvennye nauki*. 1973. 3. Pp. 68-76. [in Russian]

Sevastopulo, 1899 – *Sevastopulo, M.* (1899). Neftyanye bogatstva Rumynii. Donesenie byvshego sekretarya missii v Bukhareste [Oil wealth of Romania. Report of the former secretary of the mission in Bucharest]. *Sbornik konsul'skikh doneseniya za 1899 g.* Is. I. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy pechati. Pp. 4-11. [in Russian]

Sipyagin, 1904 – *Sipyagin, N.* (1904). Sveklosakharnaya promyshlennost' Rumynii. Donesenie konsula v Yassakh [Beet sugar industry in Romania. Report of the consul in Yassakh]. Sbornik konsul'skikh doneseniya za 1904. Issue. I. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy pechati. p. 55-61. [in Russian]

Statisticheskiy ezhegodnik, 1914 – Statisticheskiy ezhegodnik Rossii. 1913 g. [Statistical Yearbook of Russia. 1913]. St. Petersburg: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta. 1914. 333 p. [in Russian]

Vesov, 1913 – *Vesov, A.* (1913). K razvitiyu torgovykh otnosheniy s Rumyniei [Towards the development of trade relations with Romania]. *Torgovo-promyshlennyy yug*. 12: 21-24. [in Russian]

Vesov, 1913a – *Vesov, Y.* (1913). Rossiya na mezhdunarodnom neftyanom rynke [Russia in the international oil market]. *Torgovo-promyshlennyy yug*. 15: 30-35. [in Russian]

Торговые связи России с государствами Восточных Балкан в конце XIX – начале XX вв. (1898–1912 гг.) и проблема заимствования опыта Австро-Венгрии в донесениях российских дипломатов

Игорь Владимирович Крючков ^{a, *}, Ашот Агасиевич Мелконян ^b

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

^b Институт Истории, Национальная академия наук Армении, Ереван, Республика Армения

Аннотация. Внешнеэкономические связи России с Румынией и Болгарией в конце XIX – начале XX вв. изучены в недостаточной степени в российской и зарубежной историографии. В представленной статье в качестве объекта исследования выступают донесения российских дипломатов, которые, кроме анализа торговых связей, предлагали рекомендации по совершенствованию и расширению экономических контактов России с Румынией и Болгарией. Слабый интерес торгово-промышленных кругов России к развитию внешней торговли, плохая транспортная логистика, незнание специфики рынков стран Восточных Балкан не способствовали увеличению объемов ее торговли с Румынией и Болгарией. В статье приводятся сведения, показывающие совпадение структуры экспорта России, Румынии и Болгарии. Все они зависели от экспорта сельскохозяйственной продукции, являясь конкурентами на внешних рынках. Долгое время Россия не могла выступать в качестве экспортера промышленных товаров в эти государства. В 1908–1909 г. она активизировала экономическое проникновение на Балканы, используя возросшие возможности собственной промышленности и учитывая опыт других государств, прежде всего Австро-Венгрии. Накануне балканских войн торговые связи России с Болгарией и особенно с Румынией достигли максимального значения. Начавшаяся первая балканская война привела к дестабилизации внешнеэкономических связей в регионе и сокращению торговли России с Румынией и Болгарией.

Ключевые слова: внешняя торговля, Румыния, Болгария, экспорт, импорт, Австро-Венгрия, дипломаты, торговые договоры.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: igory5@yandex.ru (И.В. Крючков), ashamelk@yahoo.com (А.А. Мелконян)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 378-389
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.378

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Industry and Technology: Encyclopedia of Industrial Knowledge” (1901–1904) as a Source of the Russian History of Science and Technology

Natalia P. Koptseva ^{a, *}, Anna A. Shpak ^a, Yulia N. Menzhurenko ^a, Ksenia A. Degtyarenko ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article provides an encyclopedia source analysis of “Industry and Technology. Encyclopedia of Industrial Knowledge”, published in the Russian Empire period 1901–1904. The encyclopedia was a complete translation of the German edition with significant additions by Russian scientists in certain areas of technical knowledge. It was in the Russian version of the Encyclopedia that the logical order of books collection was determined, which corresponded to the most advanced technologies characteristic of the XX century beginning. The purpose of this article is to analyze the formation history and development of Russian science and technology, as well as to determine the information potential of the encyclopedia as a historical source. The content of each volume has a huge array of information about scientific and technical developments, major discoveries and current scientific knowledge in a specific historical period. Despite the great attention to the science and technology achievements the past, encyclopedic texts record the aspiration of technological progress to the future, where science and technology will be a solid foundation for the social and cultural progress of Russia. Because of the conducted source analysis of the Encyclopedia, including using the qualitative and quantitative content analysis method, the historical continuity of this technology type as an “automaton” in the Russian history of science and technology was established. Special attention to this type of technology was due to the modern development and achievements in the field of technical sciences, the modern significance automated technology. The significance of the publication under study as a historical source lies in the comprehensive and systematic nature of the materials presented on the history of Russian science and technology.

Keywords: science and technology, Russian Empire, Encyclopedia of Industrial Knowledge, technical development, progress, automated technology, content analysis.

1. Введение

Исследования истории русской науки и техники представляют особую важность, поскольку позволяют пролить свет на исторические истоки и проследить динамику этой истории на основании авторитетных источников. В настоящее время отсутствует целостный образ истории российской науки и техники, существуют своего рода «белые пятна» в этой истории, особенно связанные со статусом техники в структуре российской промышленности конца XIX – начала XX вв. Необходимы дополнительные исследования, связанные с воссозданием адекватной исторической картины состояния инженерной науки и техники в Российской империи данного периода.

Источники, подобные 11-томному изданию «Промышленность и техника. Энциклопедия промышленных знаний» (1901–1904 гг. издания), в которых на русском языке представлены детальные сведения о науке и технике с древности по XIX в., а также приводятся обширные факты по

* Corresponding author

E-mail addresses: decanka@mail.ru (N.P. Koptseva), annahey@gmail.com (A.A. Shpak), yulia-avdeeva2406@mail.ru (Yu.N. Menzhurenko), akseniya.krupkina@mail.ru (K.A. Degtyarenko)

состоянию техники в российской промышленности и архитектуре, имеют историческую значимость и нуждаются в актуальном анализе. В этом издании приводится большое количество примеров современных эпохе научных разработок и открытий, указываются ключевые имена и исследования. В энциклопедии русские технические и научно-технические достижения вписаны в общемировой контекст. История российской науки и техники представлена здесь как передовая для своего времени и соответствующая его духу – нарастающему культу науки и техники, во многом характерному для наступающего XX века.

Актуальность исследования энциклопедии как источника по истории русской науки и техники заключается в ее всестороннем охвате нескольких эпох, в ней изложен огромный массив информации, связанной с жизнеобеспечением общества и государства соответствующего исторического периода, что позволяет современным исследователям выявлять причинно-следственные связи тех или иных процессов, формировать более или менее целостную картину становления науки и техники в Российской империи начала XX в. и создавать модель научно-технического прогресса, идущую из прошлого в настоящее и будущее. Далее будет отмечено, что в анализируемой энциклопедии достаточно большое количество статей, написанных именно для русскоязычного варианта ее издания, связано с футурологическими прогнозами, оптимистичными и основанными на логике исторического развития науки и техники в современной авторам этих статей России.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковая база исследования – 11 томов энциклопедии «Промышленность и техника. Энциклопедия промышленных знаний», издававшаяся в 1901–1904 гг. в Российской империи в издательстве товарищества «Просвещение» на русском языке. Энциклопедия представляет собой перевод с оригинального немецкого издания с дополнительным разделом по русскому зодчеству, которое было выполнено под редакцией профессора Института гражданских инженеров В.В. Эвальда. Составителями энциклопедии являются немецкие профессора П. Ровальд, И. Фаульвассер, Т. Шварце, Г. Шурц и Г. Эбе. Основной комплект из 10 томов был издан в период с 1901 по 1904 гг., дополнительный 11-й том был выпущен ограниченным тиражом в 1911 г.

2.2. В качестве методологического основания в статье используются источниковедческий и контент-анализ указанного выше письменного научного источника. Такие подходы позволяют проанализировать становление и развитие русской науки и техники. Сравнительный метод исследования исторических источников при сопоставлении разных томов сделал возможным проследить динамику развития самых разных аспектов науки и техники Российской империи. Проведенный контент-анализ позволил проанализировать образ технического прогресса, классифицировать его составляющие в определенные группы, а также установить преемственность развития российской науки и техники в XX веке с их развитием в конце XIX – начале XX вв.

3. Обсуждение

Традиционные медиа, представленные в виде книгопечатных источников энциклопедического характера, репрезентируют в наиболее полной мере актуальные научные знания конкретного исторического периода. В Российской империи XIX – нач. XX вв. издания энциклопедического типа в области технических наук имели отраслевую специфику (Спасский, 1841–1843; Тиме, 1879; Чиколаев, 1885). В период 1911–1917 гг. была издана «Техническая энциклопедия» в 7 томах (Техническая энциклопедия, 1911–1917), представляющая собой переработанное издание «Общетехнического словаря Люгера» (Lueger's Lexikon..., 1894–1899).

В советский период издание отечественных технических энциклопедий приобрело массовый характер: начали выпускать многотомные энциклопедические издания, освещающие новые достижения науки и техники в новом государстве (Техническая энциклопедия, 1927–1934; Краткий технический словарь, 1934; Мартенс, 1939; Краткий политехнический словарь, 1956; Политехнический словарь, 1976; Приборостроение и средства автоматизации, 1963–1965; Энциклопедия кибернетики, 1974; Энциклопедия измерений..., 1962–1970). Масштабную работу, отраженную в биографическом справочнике, провел А.Г. Козлов (Козлов, 1981). Ученый зафиксировал подробные сведения об исследователях, инженерах, мастерах и специалистах разных отраслей, внесших большой вклад в развитие науки и техники Урала в период XVII–XX вв.

Ряд исследователей обращается к энциклопедическим изданиям как к историческому источнику, прослеживая особенности становления и возможных трансформаций сведений, касающихся предмета исследования (Поцелуев, 2007; Гольц, 2007; Асоян, 2012; Анисимов, Жаринов, 2016; Лескинен, 2016; Калимуллина, Хамидуллин, 2018; Мясников, 2020; Чернышев, 2020). В целом внимание к культурному наследию (Luzan et al., 2020; Пиков, 2022; Koptseva, Sitnikova, 2022), изучению книгопечатных изданий, в частности периодической печати, в качестве исторического источника не теряет своей актуальности (Sworakowski, 1954; Steinberg, 2017; Cristianini et al., 2018, Koptseva, Sitnikova, 2019; Koptseva et al., 2022; Сертакова, Ситникова, 2022).

Издание «Промышленность и техника. Энциклопедия промышленных знаний» выступает в качестве источника в современных научных исследованиях (Постоялкин, 1999; Балаба, 2011; Березин и др., 2011; Шекин, 2013; Масаев и др., 2015; Смирнова, 2016; Масаев, Масаев, 2016; Масаев и др., 2017).

4. Результаты

Энциклопедия представляет собой сбор научных данных о технических и промышленных достижениях человечества вообще. Она построена по определенным отраслям знания, а не в алфавитном порядке, что позволяет определить целостную картину научного явления. Каждый том освещает определенную узкую специфику, например технологии железа, строительство или технологии химического производства. Система обозрения строится с позиций охвата как можно большего объема известной на тот момент времени научно-технической информации.

Адаптация аналога девятого немецкого издания энциклопедии к русскому варианту истории науки и техники на базе мировой истории науки и техники с дополнением уникального отдела по русскому зодчеству была выполнена профессорами Института гражданских инженеров В.В. Эвальда. В целом издание содержит около 7 000 рисунков в тексте и 100 хромофотографий, карт, планов в красках и гравюр. Приведем названия томов и даты их изданий:

Т. 1 – История и современная техника строительного искусства (1901).

Т. 2 – Силы природы и их применения (физическая технология) (1903).

Т. 3 – Электричество, его добывание и применение в промышленности и технике (1903).

Т. 4 – Сельское хозяйство и обработка важнейших его продуктов (1904).

Т. 5 – Горное дело и металлургия (1904).

Т. 6 – Технология металлов (1903).

Т. 7 – Обработка камней и земель и технология химических производств (1903).

Т. 8 – Обработка волокнистых веществ (дерево, бумага, прядильное и ткацкое дело, кожа, волос, каучук) (1903).

Т. 9 – Пути сообщения (1903).

Т. 10 – Мировые сношения и их средства (1904).

Т. 11 – Воздухоплавание. Его прошлое и настоящее (1904).

В первом томе раскрыта история развития русского строительного дела, в том числе история церковного зодчества. Отмечается, что все русские церкви этого периода имеют византийскую основу. Описываются памятники зодчества: Золотые ворота в Киеве, Церковь Пресвятой богородицы в Киеве (989), Киево-Софийский собор, Михайловский Златоверхий храм, Церковь Киево-Печерской Лавры, Церковь Св. Троицы на Вратах, Черниговский Спасский собор и др.).

Внимание отведено технической стороне развития архитектуры – развитию строительных конструкций. Описываются ступени постепенного усовершенствования самих построек, соответственно происходит увеличение количества используемых материалов и разнообразие приспособлений.

Описывается древний и средневековый период развития зодчества. Отмечается, что только к XIX в. путем научных расчетов и непосредственного опыта удалось так выработать все отдельные конструкции, как этого требовал принцип выгодного использования свойств материала – соединить в себе возможную легкость конструкции с достаточной степенью безопасности. Прогресс этот был обусловлен тысячами успехов нашей науки в области физической химии, выпускающей на рынок постоянно новые материалы.

Отдельное внимание отводится теме возникновения, устройства городов и их общественных сооружений (общественные площади, улицы и мосты, сады, городские мостовые, освещение, отопление, вентиляция и водоснабжение городов, снабжение городов пищевыми продуктами, борьба с отходами, газовое и электрическое освещение, приборы центрального и печного отопления – печи, водогрейные и кухонные очаги).

Описываются силы природы и их применение в промышленности и технике. Представлены обширные исторические сведения, разнообразные технические применения, поясняемые многочисленными рисунками. Не оставлено без внимания и развитие натурфилософии.

Вместе с тем авторы подчеркивают, что естествознание изучило большую область явлений природы в их взаимодействиях и систематизировало их в точно определенных законах, а значит, люди получают возможность подчинить себе силы природы и заставить служить их им на пользу.

Следующий том посвящен развитию механики с древности до начала XX в.: основные понятия механики (материя и ее свойства, пространство, время, движение, непроницаемость, инерция и сила, тяжесть и масса, энергия, работа, работоспособность и т.д.); ключевые открытия (сила тяжести (Галилей, Ньютон), свободное падение и движение брошенного тела); вес и удельный вес, маятник и его применение, центробежная сила и др.

Описываются «простые» машины и подъемные сооружения, механика газообразных тел (опыты Торричелли, положения Паскаля, весомость воздуха, опыты Отто-фон-Герике, гидрометр, самопишущий манометр, новейшие устройства воздушного насоса, духовое ружье, артиллерийские

орудия, пульверизационный аппарат, вентиляция, пневматическая почта, пневматическая железная дорога, трамвай).

Отдельный раздел раскрывает тему воздухоплавания и летательных машин (первые подъемы воздушных шаров, военное воздухоплавание, воздушные корабли и путешествия известных ученых-воздухоплавателей).

Далее рассматриваются физические явления и силы – их значение и применение в практической жизни (основные понятия науки об измерении, единицы длины, массы и времени, измерительные приборы, звуковые волны, их распространение и скорость, тон и цвет, теорема Фурье, телефон Рейса, телефон Бойля, фонограф, граммофон, фотофон); свет (оптика), сущность и распространение света, поляризация, практические применения поляризации в технике, микрогеология, сахариметрия, фотометрия; зеркала и зеркальные приборы (зеркало как пособие культуры, античные зеркала, законы отражения, калейдоскоп, дебускоп, фокус и фокусное расстояние, действительные и мнимые изображения).

Еще один раздел связан с историей оптики, здесь представлены такие технические устройства, как камера обскура, глаз как оптический аппарат и его устройство, нативистическая и эмпирическая теории зрения, перспектива, вспомогательные средства для перспективного рисования, панорама и диорама, хроматроп и зоотроп, кинематограф, субъективные зрительные явления, стереоскоп, зеркальный и призматический стереоскоп Витстона и Брюстера; телескоп.

Отражаются сведения о магнетизме (естественный магнит, искусственные магниты, основные магнитные явления, теории разделения и вращения, магнитное поле и его напряженность, магнитная индукция, влияние температуры на магнетизм, земной магнетизм); об электричестве (сведения древних об электричестве, электроскоп, электрическая машина, паровая электрическая машина. Доска Франклина. Колебательный разряд. Электрофор. Индукционная электрическая машина. Электрические опыты. Электрическая иллюминация, электрическая мортира, молния и громоотвод); о двигателях и их разновидностях (конные приводы, человек в качестве двигателя, вододействующие колеса, ветряные и водяные двигатели, паровые машины и паровые котлы, локомобили, бензиновые и керосиновые двигатели).

3-й том полностью посвящен очень актуальной для того времени электрической промышленности, и в его текстах раскрываются такие темы, как получение электрического тока, провода, электрическое освещение и его установка, технические применения тепловых действий тока, электродвигатели и их применение, гальванотехника, дальнейшее применение химического действия тока; телеграфия, домашняя телеграфия; электрическая сигнализация для различных целей; телефония; электрические волны.

4-й том описывает историю общего и частного земледелия и растениеводства, сельскохозяйственного садоводства, лугов и пастбищ, животноводства, пчеловодства, лесоводства, утилизации продуктов скотоводства, мукомольного и хлебопекарного производства. Нашла свое отражение история производства сахара, крахмального производства, винокурения и пивоварения, виноделия и приготовления шипучих и плодовых вин, какао и шоколада, табачного производства.

В 5-м томе дана информация о горной промышленности и металлургии, начиная с доисторического периода и до момента написания энциклопедии в начале XX века. Отдельно обсуждаются географические характеристики области, в данном случае упор ставится на геологическую и географическую составляющие, т.е. расположение и добычу полезных ископаемых.

Далее описываются внешние характеристики материала, его физические свойства, особенности работы с ним, в данном случае это виды камней и железной руды, каждый из которых рассматривается в своей группе, с особыми характеристиками, вариантами использования и способами обработки. Присутствуют необходимые схемы для изучения материала.

Важное значение для русской промышленности имел 6-й том, связанный с обработкой металлов, – «Технология железа». Статьи энциклопедии дают описание этой технологии от истории кузнечного дела до изготовления ювелирных изделий, оружия, монет и др. Отдельно выделяется работа с медью, бронзой, алюминием, цинком и сплавами. Из-за описания большого количества маленьких деталей иллюстративного материала с техническими характеристиками на порядок больше, чем в других томах. При обсуждении изготовления разнообразных изделий история развития станков для обработки учитывается и присутствует с позиции прогресса и технической эволюции.

7-й том – «Обработка камней и земель» – впервые на русском языке был издан в 1903 г. и является органичным продолжением темы горной промышленности и обработки металлов. Краткий исторический экскурс тесно связан с периодом только 350 лет до н. э., остальные ранние периоды автором рассматриваются в более конкретных разделах, например гончарного искусства. Происходит синтез, с одной стороны, рассматривается техника создания керамики, а с другой – представлен широкий исторический очерк о времени и местах возникновения керамики от периода Древнего Египта до майолики в эпоху Возрождения и фарфора в XVIII веке. Иллюстрируется информация таблицами с изображениями фирменных марок производителей фарфора и керамики.

Описание искусственных составов камней последовательно переходит в обсуждение технологий химической промышленности, связанной с использованием извести, щелочи, кислоты, соды, дерева, жиров, масла, каменного угля и минеральных красящих веществ.

Обработка волокнистых веществ раскрывается в 8-м томе, статьи которого связаны с историей обработки дерева, прядильного производства, выделки кожи, швейного дела и даже получения каучука. Логика расположения и структура изложения сохраняется такой, как в предыдущих семи томах. Наиболее развернутые исторические очерки даны в разделах, раскрывающих технологии изготовления бумаги, вязального производства и историю швейной машины.

Чрезвычайно интересен для истории науки и техники Российской империи 9-й том – «Пути сообщения». Его содержание идет от истории появления древних путей сообщения до самых новаторских к данному времени способов транспортной коммуникации. В книге подробно описывается техническое устройство дорог, железных дорог, мостов, виадуков, водных путей, судостроения. Указывается, что развитие путей сообщения выступает в качестве одного из основных причин успеха развития цивилизации. Создание такого большого количества путей сообщения вкупе с увеличением скорости передвижения человека позволяет качественно улучшить экономическое, политическое, научное состояние общества и государства, что обуславливает лидерство государства на мировой арене. Помимо исторического очерка, параллельно здесь раскрывается техническая эволюция средств передвижения и выделяются наиболее инновационные на начало XX века способы транспортных коммуникаций.

10-й том – «Мировые сношения и их средства» – описывает историю и актуальный статус разных средств передачи информации: почты, телеграфа, книгопечатания, графического искусства, фотографии. Особо в данном контексте обсуждаются основы экономики. Исторические очерки сопровождают каждый раздел, характеризуя средства связи в Древнем мире, постепенно усложняя текст через сопоставление актуальной техники с исторической динамикой ее совершенствования. Выделяется высокая историческая значимость появления письма в качестве средства связи между людьми.

История развития железных дорог и судостроительства оценивается как высоко прогрессивное явление, открывающее миру новые перспективы. В этом контексте представлена соответствующая экономическая история от древнего мира до середины XIX в., поскольку развитие средств связи раскрывается как важнейший экономический фактор благосостояния общества и государства.

Заключительный 11-й том – «Воздухоплавание» – включает описание самой инновационной и передовой техники своего времени (1904 г.), его содержание, в отличие от немецкоязычного аналога, было существенно дополнено русскими учеными на основе новых достижений и технических изобретений. Часть дополнений идет после указателя иллюстраций и датируется 1910 г. История развития воздухоплавания описывается, начиная с древности. Воздухоплавание рассматривается через историю создания такой техники, как аэростаты, летательные аппараты, обсуждается практическая значимость воздухоплавания. Именно в оценке возможностей воздухоплавания создаются русские футуристические прогнозы, связанные с появлением аэрологических, астрономических, географических мониторингов, полетов через водные пространства и горы, полетов к Северному полюсу, воздушной фотографии, созданием военных воздушных флотов, авиационных состязаний.

Все грядущие новации наступающего XX века уже представлены здесь как система реально существующих технологий. Все предсказанные в этом издании технические возможности были затем воплощены. Иллюстративный материал издания имеет либо исторический контекст, либо художественный, раскрывая перед читателем образы будущего российской и мировой науки и техники.

Воздухоплавание описано не только технически, но и с точки зрения государственного права, например в контексте проблем пересечения воздушного пространства разных государств.

Таким образом, 11-томное русскоязычное издание «Промышленность и техника. Энциклопедия промышленных знаний» (1901–1904 гг.) является внушительным сводом знаний об истории российской науки и техники, включая данные о статусе техники в российской промышленности самого начала XX века, в период до Первой мировой войны. История российской техники и инженерно-технических наук вписана здесь во все значительные периоды мировой истории научно-технического прогресса. Данное издание в полной мере является значимым источником, анализ которого позволит выявить новые характеристики истории русской науки и техники анализируемого периода.

Из суммы методов источниковедческого анализа для изучения российской истории науки и техники был выбран и осуществлен качественно-количественный контент-анализ энциклопедических текстов. Единицей анализа взят концепт «автомат» и его производные. Выбор данного концепта обусловлен современным высоким статусом автоматизированной техники. Для выстраивания преемственности и целостности истории русской науки и техники важно показать, что самые современные научно-технические концепты не только уже существовали, но и были развернуто представлены в соответствующих исторических источниках в достаточно вариативном и многозначном виде.

Анализ показал, что концепт «автомат» имеет в энциклопедии следующие смысловые значения: 1) свойство механического устройства, 2) класс устройств, или же механическое устройство, которое появится в будущем, 3) механические устройства на иллюстрациях и образ механических устройств прошлого.

Рассмотрим каждое значение более подробно и выделим его контексты.

Свойства механического устройства: «работа производится вполне автоматически» (Грунмах, 1902: 438), «автоматическое движение ртутного столбика» (Вильке, 1902: 169), «теодолит автоматически центрируется над точкой» (Борхес и др., 1904: 96), «передвигание руды происходит автоматически» (Борхес и др., 1904: 457), «машина автоматически выключается» (Гари и др., 1903: 367), «удалось сделать мюль-машину автоматической» (Гари и др., 1903: 308), «машина, работающая вполне автоматически и изготавливающая бумажные мешки» (Гари и др., 1903: 246), «вал снабжен автоматическим приспособлением» (Гари и др., 1903: 191), «машина останавливается автоматически» (Гари и др., 1903: 160), «автоматически приводится в действие соответственными приспособлениями» (Гари и др., 1903: 158), «автоматически вынимают спички из открытой рамы» (Гари и др., 1903: 89), «представляют автоматический (пневматический) затвор дверей» (Гари и др., 1903: 60), «автоматически отрезает гвозди» (Плива и др., 1902: 748), «автоматически включается и контрольный автомат» (Троске и др., 1904: 79), «регулируется автоматически самим напряжением локомотива» (Троске и др., 1904: 201), «автоматические сцепные приборы» (Троске и др., 1904: 308), «машина двойного вращения, с автоматически действующим аппаратом» (Шмидт и др., 1904: 109), «автоматически сетевой блокировочной системы» (Троске и др., 1904: 417), «автоматическим сигнальным звонком» (Шмидт и др., 1904: 208), «автоматически работающего, подъемного приспособления» (Шмидт и др., 1904: 222), «автоматически подводят ее под шерфовальные ножи» (Шмидт и др., 1904: 276), «автоматическое приспособление рычагов» (Маркович, 1911: 537), «автоматически заносится на цилиндр» (Маркович, 1911: 554).

Механическое устройство будущего: «изобрести механизм, который мог бы автоматически исполнять работу» (Шмидт и др., 1904: 221), «задачи легкого двигателя и автоматической устойчивости» (Маркович, 1911: 368), «могло бы быть достигнуто автоматически» (Маркович, 1911: 391), «Стремление создать автоматическую устойчивость аэропланов» (Маркович, 1911: 457).

Описание механических устройств и их классов на иллюстрациях: «автоматический коммутатор» (Вильке, 1902: 570), «автоматический аппарат Витсона» (Вильке, 1902: 492), «автоматические весы» (Аренс и др., 1904: 135), «автоматический клапан» (Аренс и др., 1904: 521), «автоматические молоты» (Гедике и др., 1903: 19), «машина для обметки пуговичных петель «Автомат» (Гари и др., 1903: 6), «автоматическая круглая вязальная машина» (Гари и др., 1903: 8), «автоматический зажигатель» (Шмидт и др., 1904: 372), «инструменты для автоматического записывания» (Маркович, 1911: 547), «автоматических приборов» (Маркович, 1911: 584), «автоматическая переводная стрелка Абта» (Троске и др., 1904: 15), «автоматические эжекторы» (Троске и др., 1904: 779).

Представление о механических устройствах прошлого: «друг Платона, сообщает об одном аппарате, ...одни представляют его себе автоматом...» (Маркович, 1911: 12).

Количественные данные об использовании концепта и его производных в десяти томах: том 1 (всего 25), том 2 (всего 11), том 3 (всего 46), том 4 (всего 29), том 5 (всего 8), том 6 (9), том 7 (всего 6), Том 8 (всего 100), том 9 (всего 52), том 10 (всего 42), том 11 (всего 48). Таким образом, получается 376 использований.

Концепт «автомат», а также его производные в большей степени употребляются в отношении понятий «машина» и «аппарат». Далее наиболее встречаемое сочетание – «автоматически приводится в действие», подчеркивается свойство движения посредством специального механизма. По мере разворачивания истории технических наук использование концепта «автомат» и его производных увеличивается, так как появляются новые технические достижения в автоматизации.

Образ технического прогресса обсуждается в высшей степени позитивно, используется лексика, связанная с положительными смысловыми коннотациями: «благодаря прогрессу науки», «благодаря прогрессу техники» (Маркович, 1911: 48), «проникает прогресс и новые приспособления» (Гари и др., 1903: 734), «прогрессивным развитием инженерной техники, число таких (разводные мосты) систем значительно возросло» (Троске и др., 1904: 458). Указываются причины и основания технического прогресса: «технический прогресс обыкновенно развивается, на первых порах, за счет людей богатых и зажиточных» (Маркович, 1911: 838), «огромное значение воздухоплавания как для народного прогресса, так и для национальной обороны» (Маркович, 1911: 614), «непрерывный промышленный прогресс... изменили положение дел». (Гари и др., 1903: 736).

Таким образом, медийный образ (в данном случае книжный, энциклопедический образ) науки и техники, представленный в энциклопедическом формате «Промышленность и техника. Энциклопедия промышленных знаний» 1901–1904 гг. изданий, раскрывает подлинное отношение к научному и техническому прогрессу, характерное для социального слоя образованных людей Российской империи начала XX века. Российская империя была передовой страной, чье отношение к

прогрессу науки и техники было крайне позитивным. История науки и техники помещена в динамику, раскрываются не только моменты исторического прошлого, но и создается образ будущего, где наука и техника будут основой для социального и культурного прогресса страны.

5. Заключение

Создание энциклопедии связано с небывалым научно-техническим прогрессом в XIX–XX вв., который был свойственен всем передовым странам, среди которых Российская империя занимает свое достойное место.

Структура и логика томов и статей 11-томной энциклопедии «Промышленность и техника» строится на выделении истории развития определенной области, затем раскрываются внешние факторы использования технологий или материалов, а затем уже подчеркивается специфика работы в каждой из областей до самых маленьких деталей, изделий, механизмов. Энциклопедия поддерживается большим иллюстративным материалом, располагающимся по мере изучения определенной темы. Сложные системы и схемы даны в большом объеме. Для наглядности и дополнения используются не только схемы, но и произведения изобразительного искусства, в основном во введении к каждому тому, по теме соответствующего тома.

Именно в русской версии энциклопедии отдельные книги были собраны не в хронологическом, а в логическом порядке, в соответствии с наиболее передовыми технологиями, характерными для начала XX века.

Учитывая, что XXI век – это эпоха технологий, связанных с автоматизированными системами, было важно проследить историческую преемственность такого вида техники, как «автомат» в российской истории науки и техники. Удалось доказать, что в начале XX века концепт «автомат» как разновидность техники является общеупотребимым и многозначным. Русские инженеры, ученые, авторы научных статей повсеместно используют слово «автомат» в разных значениях.

Проведенный контент-анализ концепта «автомат» позволил выявить его производные, определенные в группы: класс устройств, свойства механических устройств, представление устройств прошлого и будущего.

Представляются особенно важными образ технического прогресса, устремленного в будущее, и установление преемственности развития российской науки и техники в XX веке с их развитием в конце XIX – начале XX веков. Достижения российской науки XX века опирались на сформированное научное мировоззрение конца XIX – начала XX вв., свидетельством чему является проанализированная 11-томная энциклопедия промышленных знаний «Промышленность и техника».

Образ современной техники, построенной на преобладании автоматических устройств, сложился более 120 лет назад, в Российской империи конца XIX – начала XX вв. И все современные значения понятия «автомат» были созданы и широко употреблялись в научно-технических изданиях этой эпохи.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00255, <https://rscf.ru/project/23-28-00255/>.

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23-28-00255, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00255/>.

Литература

Анисимов, Жаринов, 2016 – Анисимов В.Н., Жаринов Г.М. Средний возраст смерти и долгожительство мужчин-ученых различных специальностей // *Вестник Московского университета. Серия 16 «Биология»*. 2016. (4). С. 12-18.

Аренс и др., 1904 – Аренс Ф., Арндт К. и др. Промышленность и техника: энциклопедия промышленных знаний. Т. 4: Сельское хозяйство и обработка важнейших его продуктов; полный пер. (с некоторыми изм.) с 9-го нем. изд. под ред. пер. В.Я. Добровлянского, А.В. Ключарева и др. СПб.: Просвещение, 1904. 745 с.

Асоян, 2012 – Асоян Ю.А. «Цивилизация» и «Культура» в советском идеологическом дискурсе 1920-х – начала 1930-х годов // *Вестник культурологии*. 2012. (1). С. 21-28.

Балаба, 2011 – Балаба В.И. От диспергирования к механохимической активации // *Управление качеством в нефтегазовом комплексе*. 2011. 1. С. 58-61.

Березин и др., 2011 – Березин С.Я., Курбатова Л.С., Леонов В.Н. История изобретений вспомогательной оснастки для резьбонарезных и сборочных операций // *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия «Физика, математика, техника, технология»*. 2011. (3). С. 39-45.

Борхес, Вюст и др., 1904 – Борхес В., Вюст Ф. Промышленность и техника: энциклопедия промышленных знаний. Т. 5: Горное дело и металлургия; полный пер. с 9-го нем. изд. с знач. доп. под ред. проф. И.В. Мушкетова, В.И. Баумана. СПб.: Просвещение, 1904. 677 с.

- Вильке, 1902** – Вильке А. Промышленность и техника: энциклопедия промышленных знаний. Т. 3: Электричество, его добывание и применения в промышленности и технике; полный пер. (с некоторыми изм.) с 9-го нем. изд. под ред. В.В. Скобельцына. СПб.: Просвещение, 1902. 644 с.
- Гари, Гехт и др., 1903** – Гари М., Гехт Г. и др. Промышленность и техника: энциклопедия промышленных знаний. Т. 7: Обработка камней и земель. Технология химических производств; полный пер. с 9-го нем. изд. под ред. проф. В.В. Эвальда, А.А. Байкова, Н.К. Ремпена. СПб.: Просвещение, 1903. 576 с.
- Гедике, Гох, 1903** – Гедике Г., Гох Ю. и др. Промышленность и техника: энциклопедия промышленных знаний. Т. 6: Технология металлов; полный пер. с 9-го нем. изд. с знач. доп. под ред. А.Н. Митинского. СПб.: Просвещение, 1903. 624 с.
- Гольц, 2007** – Гольц Г.А. Гужевогой транспорт и гужевые пути сообщения в России. (Исторический очерк) // *Россия и современный мир*. 2007. (1). С. 119-139.
- Грунмах, Розенбоом, 1902** – Грунмах Л., Розенбоом Е. Промышленность и техника: энциклопедия промышленных знаний. Т. 2: Силы природы и их применения в промышленности и технике; полный пер. (с некоторыми изм.) с 9-го нем. изд. под ред. проф. Н.А. Гезехуса. СПб.: Просвещение, 1902. 843 с.
- Калимуллина, Хамидуллин, 2018** – Калимуллина Ф.Г., Хамидуллин Б.Л. История казанского ханства на страницах российских дореволюционных энциклопедических изданий // *Гасырлар авазы – Эхо веков*. 2018. (4). С. 25-33.
- Козлов, 1981** – Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале XVII – начало XX века: Биографический справочник. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1981. 224 с.
- Краткий политехнический словарь, 1956** – Краткий политехнический словарь. Под редакцией Степанова Ю.А. М., 1956. 1136 с.
- Краткий технический словарь, 1934** – Краткий технический словарь. Под редакцией Арманда А.А., Браило Г.П. М.-Л.: ГТТИ, 1934. 610 с.
- Лескинен, 2016** – Лескинен М.В. Туранская теория Фр. г. Духиньского и ее критика в контексте складывания концепции «Великорусскости» в российской науке // *Славянский альманах*. 2016. (1–2). С. 164-180.
- Маркович, 1911** – Маркович Л.З. Промышленность и техника: энциклопедия промышленных знаний. Т. 11: Воздухоплавание его прошлое и настоящее; полный пер. с 9-го нем. изд. под ред. проф. В.Ф. Найденва, пер. Л.Ф. Альтгаузен, А.А. Байкова и др. СПб.: Просвещение, 1911. 703 с.
- Мартенс, 1939** – Мартенс Л.К. Технический словарь для работников тяжелой промышленности. 1939. 1916 с.
- Масаев и др., 2015** – Масаев Ю.А., Масаев В.Ю., Балаганская Е.Н. Достижения ученых с древнейших времен в развитии учения об электричестве // *Вестник Кузбасского государственного технического университета*. 2015. 2 (108). С. 175-181.
- Масаев и др., 2017** – Масаев Ю.А., Политов А.П., Масаев В.Ю. Бетон в строительстве – с древнейших времен до наших дней concrete in construction – from ancient times to our days // *Вестник Кузбасского государственного технического университета*. 2017. 3 (121). С. 207-217.
- Масаев, Масаев, 2016** – Масаев Ю.А., Масаев В.Ю. История книгопечатания – величайшего изобретения человечества // *Вестник Кузбасского государственного технического университета*. 2016. 3. С. 150-154.
- Мясников, 2020** – Мясников Л.Н. Проблемы международного языка в российских и советских энциклопедиях // *Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии*. 2020. (1). С. 39-51.
- Пиков, 2022** – Пиков Н.О. Репрезентация культурного наследия: современные подходы // *Северные архивы и экспедиции*. 2022. 6(1). С. 174-186.
- Плива, Крафт и др., 1902** – Плива Э., Крафт М. и др. Промышленность и техника: энциклопедия промышленных знаний. Т. 8: Обработка волокнистых веществ; полный пер. с 9-го нем. изд. под ред. проф. Д.П. Коновалова. СПб.: Просвещение, 1902. 839 с.
- Политехнический словарь, 1976** – Политехнический словарь. Под редакцией Артоболевского И.И. М.: Советская энциклопедия, 1976. 608 с.
- Постоялкин, 1999** – Постоялкин Б.П. Универсальный беспружинный замок. Патент на изобретение. 1999. 8 с.
- Поцелуев, 2007** – Поцелуев Е.Л. Понятие вины в российской дореволюционной энциклопедии права // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2007. 5(274). С. 184-193.
- Приборостроение и средства автоматики, 1963–1965** – Приборостроение и средства автоматики. Под редакцией Гаврилова А.Н. М.: Машиностроение 1963–1965. 3600 с.
- Ровальд и др., 1901** – Ровальд П., Фаульвассер И. Промышленность и техника: энциклопедия промышленных знаний. Т. 1: История и современная техника строительного искусства; полный пер. с 9-го нем. изд., под ред. и с доп. отдела по рус. зодчеству проф. В.В. Эвальда. СПб.: Просвещение, 1903. 693 с.

Сертакова, Ситникова, 2022 – Сертакова Е.А., Ситникова А.А. Устав об «Управлении инородцев», составленный М.М. Сперанским, и особенности его реализации по отношению к коренным малочисленным народам Енисейской губернии в XIX – начале XX веках // *Северные архивы и экспедиции*. 2022. 6(2). С. 94-106.

Смирнова, 2016 – Смирнова Е.Ю. Красильное дело в домашнем хозяйстве тоболо-иртышских татар конца XIX – первой трети XX века // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2016. 2. С. 102-105.

Спаский, 1841–1843 – Спаский Г.И. Горный словарь. Т. 1–3. М., 1841–1843. 815 с.

Техническая энциклопедия, 1911–1917 – Техническая энциклопедия. Словарь по всем отраслям техники и примыкающие к ней наукам. СПб.: Книгоиздательское т-во «Просвещение». 1911–1917. Т. 1–7. 5508 с.

Техническая энциклопедия, 1927–1934 – Техническая энциклопедия. Под редакцией Л.К. Мартенса. Т. 1–26. М., 1927–1934. 16200 с.

Тиме, 1879 – Тиме И.А. Справочная книга для горных инженеров и техников по горной части. Т. 1. Горнозаводская механика. СПб., 1879. 471 с.

Троске, Меркель и др., 1904 – Троске Л. Меркель К. и др. Промышленность и техника: энциклопедия промышленных знаний. Т. 9: Пути сообщения; полный пер. с 9-го нем. изд. под ред. проф. Н.Н. Метинский, А.Н. Метинский. СПб.: Просвещение, 1904. 862 с.

Чернышев, 2020 – Чернышев А.А. Идея славянства в дореволюционных российских энциклопедиях конца XIX в. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2020. (64). С. 143-148.

Чиколаев, 1885 – Чиколаев В.Н. Справочная книжка по электротехнике. СПб., 1885. IV. 52 с.

Шмидт, Мите и др., 1904 – Шмидт М., Мите А., и др. Промышленность и техника: энциклопедия промышленных знаний. Т. 10: Мировые сношения и их средства; полный пер. с 9-го нем. изд. под ред. проф. М.Ф. Леви, Н.А. Газехус. СПб.: Просвещение, 1904. 746 с.

Щекин, 2013 – Щекин И.Р. Принципы формирования стратегического сценария будущего развития альтернативной энергетики // *Альтернативная энергетика и экология*. 2013. 17 (139). С. 113-124.

Энциклопедия измерений..., 1962–1970 – Энциклопедия измерений, контроля и автоматизации: ЭИКА. М.–Л.: Госэнергоиздат, 1962–1970. 877 с.

Энциклопедия кибернетики, 1974 – Энциклопедия кибернетики. Т. 1–2. 1974. 1232 с.

Cristianini et al., 2018 – Cristianini N., Lansdall-Welfare T., Dato G. Large-scale content analysis of historical newspapers in the town of Gorizia 1873–1914 // *Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History*. 2018. 51(3): 139-164.

Koptseva et al., 2022 – Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Pchelkina D.S., Menzhurenko Yu.N. The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 867-875.

Koptseva, Sitnikova, 2019 – Koptseva N.P., Sitnikova A.A. The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries // *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2019. 32: 47-74.

Koptseva, Sitnikova, 2022 – Koptseva N.P., Sitnikova A.A. Historical Memory of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Evenk Municipal District: Methodological Approaches to Research // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2022. 15(5): 666-678.

Lueger's Lexikon..., 1894–1899 – Lueger's Lexikon der gesamten Technik und ihrer Hilfswissenschaften. Bd 1–7. Stuttg., 1894–1899.

Luzan et al., 2020 – Luzan V.S., Sitnikova A.A., Kistova A.V. et al. History of World and Russian Mammoth Studies // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2020. 13(7): 1163-1181.

Steinberg, 2017 – Steinberg M.D. The Russian Revolution, 1905-1921. Oxford University Press. 2017. 388 p.

Sworakowski, 1954 – Sworakowski W.S. The Hoover Library Collection on Russia. Stanford University Press, 1954. 42 p.

References

Arens i dr., 1904 – Arens F., Arndt, K. i dr. (1904). Promyshlennost' i tekhnika: entsiklopediya promyshlennykh znaniy [Industry and Technology: Encyclopedia of Industrial Knowledge]. Т. 4: Sel'skoe khozyaistvo i obrabotka vazhneishikh ego produktov; polnyi per. (s nekotorymi izm.) s 9-go nem. izd. pod red. per. V.Ya. Dobrovlyanskogo, A.V. Klyuchareva i dr. SPb.: Prosveshchenie, 745 p. [in Russian]

Anisimov, Zharinov, 2016 – Anisimov, V.N., Zharinov, G.M. (2016). Srednii vozrast smerti i dolgozhitel'stvo muzhchin-uchenykh razlichnykh spetsial'nostei [The average age of death and longevity of male scientists of various specialties]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 16 «Biologiya»*. (4): 12-18. [in Russian]

Asoyan, 2012 – Asoyan, Yu.A. (2012). «Tsivilizatsiya» i «Kul'tura» v sovetskom ideologicheskom diskurse 1920-kh – nachala 1930-kh godov [“Civilization” and “Culture” in the Soviet ideological discourse of the 1920s – early 1930s]. *Vestnik kul'turologii*. 1: 21-28. [in Russian]

Balaba, 2011 – Balaba, V.I. (2011). Ot dispergirovaniya k mekhanokhimicheskoi aktivatsii [From dispersion to mechanochemical activation]. *Upravlenie kachestvom v neftegazovom komplekse*. 1: 58-61. [in Russian]

Berezin et al., 2011 – Berezin, S.Ya., Kurbatova, L.S., Leonov, V.N. (2011). Istoriya izobretenii vspomogatel'noi osnastki dlya rez'bonareznykh i sborochnykh operatsii [History of inventions of auxiliary equipment for thread-cutting and assembly operations]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Fizika, matematika, tekhnika, tekhnologiya*. 3: 39-45. [in Russian]

Borkhes, Vyust i dr., 1904 – Borkhes V., Vyust F. (1904). Promyshlennost' i tekhnika: entsiklopediya promyshlennykh znanii [Industry and Technology: Encyclopedia of Industrial Knowledge]. T. 5: Gornoe delo i metallurgiya; polnyi per. s 9-go nem. izd. s znach. dop. pod red. prof. I.V. Mushketova, V.I. Bauman. SPb.: Prosveshchenie, 677 p. [in Russian]

Chernyshev, 2020 – Chernyshev, A.A. (2020). Ideya slavyanstva v dorevolutsionnykh rossiiskikh entsiklopediyakh kontsa XIX v. [The idea of Slavdom in pre-revolutionary Russian encyclopedias of the late 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. (64): 143-148. [in Russian]

Chikolaev, 1885 – Chikolaev, V.N. (1885). Spravochnaya knizhka po elektrotekhnike [Reference book on electrical engineering]. SPb. IV, 52 p. [in Russian]

Cristianini et al., 2018 – Cristianini, N., Lansdall-Welfare, T., Dato, G. (2018). Large-scale content analysis of historical newspapers in the town of Gorizia 1873–1914. *Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History*. 51(3): 139–164.

Entsiklopediya izmerenii..., 1962–1970 – Entsiklopediya izmerenii, kontrolya i avtomatizatsii: EIKA [Encyclopedia of measurement, control and automation: EIKA]. M.–L.: Gosenergoizdat, 1962–1970. 877 p. [in Russian]

Entsiklopediya kibernetiki, 1974 – Entsiklopediya kibernetiki [Encyclopedia of Cybernetics]. T. 1–2. 1974. 1232 p. [in Russian]

Gari, Gekht i dr., 1903 – Gari, M., Gekht, G. i dr. (1903). Promyshlennost' i tekhnika: entsiklopediya promyshlennykh znanii [Industry and technology: Encyclopedia of Industrial Knowledge]. T. 7: Obrabotka kamnei i zemel'. Tekhnologiya khimicheskikh proizvodstv; polnyi per. s 9-go nem. izd. pod red. prof. V.V. Eval'da, A.A. Baikova, N.K. Rempena. SPb.: Prosveshchenie, 576 p. [in Russian]

Gedike, Gokh, 1903 – Gedike, G., Gokh, Yu. i dr. (1903). Promyshlennost' i tekhnika: entsiklopediya promyshlennykh znanii [Industry and technology: Encyclopedia of Industrial Knowledge]. T. 6: Tekhnologiya metallov; polnyi per. s 9-go nem. izd. s znach. dop. pod red. A.N. Mitinskogo. SPb.: Prosveshchenie, 624 p. [in Russian]

Gol'ts, 2007 – Gol'ts, G.A. (2007). Guzhevoi transport i guzhevye puti soobshcheniya v Rossii. (Istoricheskii ocherk) [Horse-drawn transport and horse-drawn means of communication in Russia. (Historical essay)]. *Rossiya i sovremennyyi mir*. (1): 119-139. [in Russian]

Grunmakh, Rozenboom, 1902 – Grunmakh, L., Rozenboom, E. (1902). Promyshlennost' i tekhnika: entsiklopediya promyshlennykh znanii [Industry and Technology: Encyclopedia of Industrial Knowledge]. T. 2: Sily prirody i ikh primeneniya v promyshlennosti i tekhnike; polnyi per. (s nekotorymi izm.) s 9-go nem. izd. pod red. prof. N.A. Gezekhusa. SPb.: Prosveshchenie, 843 p. [in Russian]

Kalimullina, Khamidullin, 2018 – Kalimullina, F.G., Khamidullin, B.L. (2018). Istoriya kazanskogo khanstva na stranitsakh rossiiskikh dorevolutsionnykh entsiklopedicheskikh izdaniy [The history of the Kazan Khanate on the pages of Russian pre-revolutionary encyclopedic publications]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. (4): 25-33. [in Russian]

Koptseva et al., 2022 – Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Pchelkina, D.S., Menzhurenko, Yu.N. (2022). The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century. *Bylye Gody*. 17(2): 867-875.

Koptseva, Sitnikova, 2019 – Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A. (2019). The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. 32: 47-74.

Koptseva, Sitnikova, 2022 – Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A. (2022). Historical Memory of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Evenk Municipal District: Methodological Approaches to Research. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 15(5): 666-678.

Kozlov, 1981 – Kozlov, A.G. (1981). Tvortsy nauki i tekhniki na Urale XVII – nachalo XX veka: Biograficheskii spravochnik [Creators of science and technology in the Urals in the 17th – early 20th centuries: A Biographical Guide]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo. 224 p. [in Russian]

Kratkii politekhnicheskii slovar', 1956 – Kratkii politekhnicheskii slovar' [Brief Polytechnical Dictionary]. Pod redaktsiei Stepanova Yu.A. M., 1956. 1136 p. [in Russian]

Kratkii tekhnicheskii slovar', 1934 – Kratkii tekhnicheskii [Brief technical dictionary]. Pod redaktsiei Armanda A.A., Brailo G.P. M.–L.: GTTI, 1934. 610 p. [in Russian]

Leskinen, 2016 – *Leskinen, M.V.* (2016). Turanskaya teoriya Fr. g. Dukhin'skogo i ee kritika v kontekste skladyvaniya kontseptsii «Velikorusskosti» v rossiiskoi nauke [Turanian theory Fr. Dukhinsky and its criticism in the context of the formation of the concept of “Great Russianness” in Russian science]. *Slavyanskii al'manakh*. (1-2): 164-180. [in Russian]

Lueger's..., 1894–1899 – *Lueger's Lexikon der gesamten Technik und ihrer Hilfswissenschaften* [Lueger's lexicon of the entire technology and its auxiliary sciences]. Bd 1–7. Stuttg., 1894–1899. [in German]

Luzan et al., 2020 – *Luzan, V.S., Sitnikova, A.A., Kistova, A.V. et al.* (2020). History of World and Russian Mammoth Studies. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 13(7): 1163-1181.

Markovich, 1911 – *Markovich, L.Z.* (1911). Promyshlennost' i tekhnika: entsiklopediya promyshlennykh znaniy [Industry and Technology: Encyclopedia of Industrial Knowledge]. T. 11: Vozdukhoplavanie ego proshloe i nastoyashchee; polnyi per. s 9-go nem. izd. pod red. prof. V.F. Naidenova, per. L.F. Al'tgauzen, A.A. Baikova i dr. SPb.: Prosveshchenie, 703 p. [in Russian]

Martens, 1939 – *Martens, L.K.* (1939). Tekhnicheskii slovar' dlya rabotnikov tyazheloi promyshlennosti [Technical dictionary for heavy industry workers]. 1916 p. [in Russian]

Masaev i dr., 2015 – *Masaev, Yu.A., Masaev, V.Yu., Balaganskaya, E.N.* (2015). Dostizheniya uchenykh s drevneishikh vremen v razvitii ucheniya ob elektrichestve [Achievements of scientists since ancient times in the development of the doctrine of electricity]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2(108): 175-181. [in Russian]

Masaev i dr., 2017 – *Masaev, Yu.A., Politov, A.P., Masaev, V.Yu.* (2017). Beton v stroitel'stve – s drevneishikh vremen do nashikh dnei concrete in construction - from ancient times to our days [Concrete in construction – from ancient times to the present day concrete in construction – from ancient times to our days]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 3(121): 207-217. [in Russian]

Masaev, Masaev, 2016 – *Masaev, Yu.A., Masaev, V.Yu.* (2016). Istoriya knigopechataniya – velichaishego izobreteniya chelovechestva [The history of printing – the greatest invention of mankind]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 3: 150-154. [in Russian]

Myasnikov, 2020 – *Myasnikov, L.N.* (2020). Problemy mezhdunarodnogo yazyka v rossiiskikh i sovetskikh entsiklopediyakh [Problems of the international language in Russian and Soviet encyclopedias]. *Izvestiya Velikolukskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii*. 1: 39-51. [in Russian]

Pikov, 2022 – *Pikov, N.O.* (2022). Reprezentatsiya kul'turnogo naslediya: sovremennye podkhody [Representation of cultural heritage: modern approaches]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 6(1): 174-186. [in Russian]

Pliva, Kraft i dr., 1902 – *Pliva, E., Kraft, M. i dr.* (1902). Promyshlennost' i tekhnika: entsiklopediya promyshlennykh znaniy [Industry and technology: encyclopedia of industrial knowledge]. T. 8: Obrabotka voloknistykh veshchestv; polnyi per. s 9-go nem. izd. pod red. prof. D.P. Konovalova. SPb.: Prosveshchenie, 839 sp. [in Russian]

Politekhnikeskii slovar', 1976 – *Politekhnikeskii slovar'* [Polytechnic dictionary]. Pod redaktsiei Artobolevskogo I.I. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1976. 608 p. [in Russian]

Postoyalkin, 1999 – *Postoyalkin, B.P.* (1999). Universal'nyi bespruzhinnyi zamok [Universal springless lock]. Patent na izobretenie. 8 p. [in Russian]

Potseluev, 2007 – *Potseluev, E.L.* (2007). Ponyatie viny v rossiiskoi dorevolutsionnoi entsiklopedii prava [The concept of guilt in the Russian pre-revolutionary encyclopedia of law]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. 5(274): 184-193. [in Russian]

Priborostroenie i sredstva avtomatiki, 1963–1965 – *Priborostroenie i sredstva avtomatiki* [Instrumentation and automation]. Pod redaktsiei Gavrilova A.N. M.: Mashinostroenie 1963–1965. 3600 p. [in Russian]

Roval'd, Faul'vasser i dr., 1901 – *Roval'd, P., Faul'vasser, I.* (1901). Promyshlennost' i tekhnika: entsiklopediya promyshlennykh znaniy [Industry and Technology: Encyclopedia of Industrial Knowledge]. T. 1: Istoriya i sovremennaya tekhnika stroitel'nogo iskusstva; polnyi per. s 9-go nem. izd., pod red. i s dop. ot dela po rus. zodchestvu prof. V.V. Eval'da. SPb.: Prosveshchenie, 693 p. [in Russian]

Schmidt, Mit i dr., 1904 – *Schmidt, M., Mit, A. i dr.* (1904). Promyshlennost' i tekhnika: entsiklopediya promyshlennykh znaniy [Industry and Technology: Encyclopedia of Industrial Knowledge]. T. 10: Mirovye snosheniya i ikh sredstva; polnyi per. s 9-go nem. izd. pod red. prof. M.F. Levi, N.A. Gazekhus. SPb.: Prosveshchenie, 746 p. [in Russian]

Sertakova, Sitnikova, 2022 – *Sertakova, E.A., Sitnikova, A.A.* (2022). Ustav ob «Upravlenii inorodtsev», sostavlennyy M.M. Speranskim, i osobennosti ego realizatsii po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam Eniseiskoi gubernii v XIX - nachale XX vekakh [The Charter on the "Office of Aliens", compiled by M.M. Speransky, and the features of its implementation in relation to the indigenous peoples of the Yenisei province in the XIX - early XX centuries]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 6(2): 94-106. [in Russian]

Shchekin, 2013 – *Shchekin, I.R.* (2013). Printsipy formirovaniya strategicheskogo stsensariya budushchego razvitiya al'ternativnoi energetiki [Principles of forming a strategic scenario for the future development of alternative energy]. *Al'ternativnaya energetika i ekologiya*. 17(139): 113-124. [in Russian]

Smirnova, 2016 – Smirnova, E.Yu. (2016). Krasil'noe delo v domashnem khozyaistve tobolo-irtyshskikh tatar kontsa XIX - pervoi treti XX veka [Dyeing in the household of the Tobol-Irtyshtatars in the late 19th – first third of the 20th century]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 2: 102-105. [in Russian]

Spasskii, 1841–1843 – Spasskii, G.I. (1841–1843). Gornyi slovar' [Mountain dictionary]. T. 1–3. M.: 815 p. [in Russian]

Steinberg, 2017 – Steinberg, M.D. (2017). The Russian Revolution, 1905-1921. Oxford University Press. 388 p.

Sworakowski, 1954 – Sworakowski, W.S. (1954). The Hoover Library Collection on Russia. Stanford University Press. 42 p.

Tekhnicheskaya entsiklopediya, 1911-1917 – Tekhnicheskaya entsiklopediya. Slovar' po vsem otraslyam tekhniki i primykyayushchie k nei naukam [Technical encyclopedia. Dictionary for all branches of technology and related sciences]. SPb, Knigoizdatel'skoe T-vo Prosveshchenie. 1911–1917. T. 1–7. 5508 p. [in Russian]

Tekhnicheskaya entsiklopediya, 1927–1934 – Tekhnicheskaya entsiklopediya [Technical encyclopedia]. Pod redaktsiei L. K. Martensa. t. 1–26. M., 1927–1934. 16200 p. [in Russian]

Time, 1879 – Time, I.A. (1879). Spravochnaya kniga dlya gornykh inzhenerov i tekhnikov po gornoi chasti, t. 1 Gornozavodskaya mekhanika [Reference book for mining engineers and technicians on the mining part, v. 1 Mining mechanics]. SPb. 471 p. [in Russian]

Troske i dr., 1904 – Troske, L. Merkel', K. i dr. (1904). Promyshlennost' i tekhnika: entsiklopediya promyshlennykh znaniy [Industry and Technology: Encyclopedia of Industrial Knowledge]. T. 9: Puti soobshcheniya; polnyi per. s 9-go nem. izd. pod red. prof. N.N. Metinskii, A.N. Metinskii. SPb.: Prosveshchenie, 862 p. [in Russian]

Vil'ke, 1902 – Vil'ke, A. (1902). Promyshlennost' i tekhnika: entsiklopediya promyshlennykh znaniy [Industry and Technology: Encyclopedia of Industrial Knowledge.]. T. 3: Elektrichestvo, ego dobyvanie i primeneniya v promyshlennosti i tekhnike; polnyi per. (s nekotorymi izm.) s 9-go nem. izd. pod red. V.V. Skobel'tsyna. SPb.: Prosveshchenie, 644 p. [in Russian]

«Промышленность и техника: Энциклопедия промышленных знаний» (1901–1904) как источник по истории русской науки и техники

Наталья Петровна Кошцева ^{a, *}, Анна Андреевна Шпак ^a, Юлия Николаевна Менжуренко ^a, Ксения Александровна Дегтяренко ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится источниковедческий анализ энциклопедии «Промышленность и техника. Энциклопедия промышленных знаний», издававшейся в период 1901–1904 гг. в Российской империи. Энциклопедия явилась полным переводом немецкого издания со значительными дополнениями отечественных ученых в отдельных областях технического знания. Именно в русской версии этого издания определился логический порядок собрания книг, который соответствовал наиболее передовым технологиям, характерным для начала XX столетия. Цель данной статьи связана с анализом истории становления и развития русской науки и техники, а также с определением информационного потенциала энциклопедии как исторического источника. Содержание каждого тома имеет огромный массив сведений о научно-технических разработках, главных открытиях и актуальных научных знаниях в конкретный исторический период. Несмотря на большое внимание к достижениям науки и техники прошлого, в энциклопедических текстах фиксируется устремленность технического прогресса в будущее, где наука и техника будут прочным фундаментом для социального и культурного прогресса России. В результате проведенного источниковедческого анализа энциклопедии, в том числе с использованием качественно-количественного метода контент-анализа, была установлена историческая преемственность такого вида техники, как «автомат», в российской истории науки и техники. Особое внимание к данному виду техники было обусловлено современным развитием и достижениями в области технических наук, значимостью современной автоматизированной техники. Значение изучаемого издания как исторического источника заключается во всеохватывающем и системном характере представленных материалов по истории русской науки и техники.

Ключевые слова: наука и техника, Российская империя, энциклопедия промышленных знаний, техническое развитие, прогресс, автоматизированная техника, контент-анализ.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: decanka@mail.ru (Н.П. Кошцева), annaheyy@gmail.com (А.А. Шпак), yulia-avdeeva2406@mail.ru (Ю.Н. Менжуренко), akseniya.krupkina@mail.ru (К.А. Дегтяренко)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 390-401
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.390

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Scientific and Technological Progress of the early XX century in the Periodicals of the Russian Empire (Journal “Zodchij”, 1902)

Julia S. Zamaraeva ^{a, *}, Natalya N. Seredkina ^a, Darya S. Pchelkina ^a, Natalya N. Pimenova ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the architectural and art-technical journal “Zodchij”, published by the Imperial St. Petersburg Society of Architects since 1872, as a historical source of scientific and technological progress in the Russian Empire. The materials for the article were the issues of the magazine in 1902, when the publication was published weekly. The authors have identified significant and characteristic topics of publications posted in the journal. Among them: science and education as the basis of technical development in the Russian Empire at the beginning of the 20th century, technical innovations in the field of urban planning, architectural projects: scientific and technological progress in public, residential and urban architecture. Analysis of publications in the journal “Zodchij” shows that in the technical development of the Russian Empire at the beginning of the 20th century, an important role was assigned to the formation of professional personnel. The publication also demonstrates the importance of the societies of architects and engineers in scientific and technological progress, and how rapidly the technical development in the early twentieth century in the field of urban planning was going on, which is associated with a number of topical technical innovations.

Keywords: scientific and technological progress, innovations, Russian Empire, periodicals, journal “Zodchij”.

1. Введение

Архитектурный и художественно-технический журнал «Зодчий» – один из немногих периодических изданий Российской империи, имевших широкую и при этом строго профессиональную тематическую рамку. Хотя, конечно, он связан и с просвещением не только профессиональных, но и более широких кругов читателей. «Зодчий» издавался с 1872 года усилиями органа Императорского Санкт-Петербургского общества архитекторов, после 1917 года переименованного в Петроградское. С начала выхода журнала он издавался ежемесячно, а с 1902 года – еженедельно. «Зодчий» перестал выходить в 1917 году. В 1924 году Петроградским обществом архитекторов была предпринята попытка возобновить выпуск издания, но в итоге вышел только один номер. В течение 1902 года в выпусках журнала «Зодчий» опубликованы материалы, свидетельствующие о техническом прогрессе в сфере инженерно-строительного и градостроительного дела в Российской империи. В статьях, обзорах и очерках представлены итоги значимых технологических процессов и проектов русских зодчих: архитекторов, инженеров, специалистов-изобретателей, способствующих научным экспериментам и опытным исследованиям с целью открытия новых техник и технологий. Информация о создании новейших научно-технических

* Corresponding author

E-mail addresses: rybka08@bk.ru (Ju.S. Zamaraeva), nnevolko@sfu-kras.ru (N.N. Seredkina), pchelkina.ml@mail.ru (D.S. Pchelkina), pimenovapluzhnik@mail.ru (N.N. Pimenova)

достижений содействовала скорейшему их применению в градостроительном деле, а для широкого круга читателей была источником повышения уровня комфорта и качества жизни.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами выступили публикации журнала «Зодчий». В ходе исследования проведен общий анализ его номеров за 1902 год, когда издание было еженедельным, для детального анализа выбраны отдельные публикации по избранным темам.

2.2. Основным методом исследования стал источниковедческий анализ, предполагающий два этапа. На первом этапе номера журнала «Зодчий» за 1902 год были изучены на предмет тематических направлений публикаций. Выделены значимые направления: наука и образование как основа технического развития в Российской империи в начале XX века, технические нововведения в области градостроения, архитектурные проекты: научно-технический прогресс в общественной, жилой и градостроительной архитектуре. Репрезентативные для трех тематических направлений публикации изучены с позиции того, как в них представлен научно-технический прогресс начала XX века в России и за рубежом. Теоретической платформой для исследования выступил подход, рассматривающий как опубликованную документацию и архивы (Koptseva, 2019; Zamaraeva, 2020; Авдеева и др., 2021; Koptseva, 2022b; Сертакова, Ситникова, 2022), так и периодические издания в качестве исторического источника (Никаев, 2013; Артамонова, 2017; Каменская, 2017; Koptseva, 2022a).

3. Обсуждение

Журнал «Зодчий» изучается в качестве исторического источника современными исследователями под различными углами зрения. Признается, что именно он на долгие годы определил специфику, вид, содержание профессионально специализированного журнала по вопросам архитектуры и инженерии. Исследователи привлекают материал журнала при изучении общих вопросов, связанных с профессией архитектора (Богданова, 2009), об истории и своеобразии архитектурных стилей конца XIX – начала XX веков (Строгалев, 2008; Leshchinskaia et al., 2022), а также о других видах искусства (Черная, 2017; Благодер, 2018). Также «Зодчий» исследуется с позиции источника о личностях архитекторов того времени (Вайтенс, 2008; Конышева, 2011). Наибольший интерес представляет это издание в применении к исследованию типов сооружений, проектов и истории зданий, в том числе опубликованных чертежей (Трушковский, 2012; Корчагина, 2016). Значительная часть материалов о журнале «Зодчий» входит в исследования профессиональной периодики в Российской империи (Комарова, Третьяков, 2016; Комарова, Третьяков, 2016a; Комарова, Третьяков, 2016b).

3. Результаты

4.1. Наука и образование как основа технического развития в Российской империи в начале XX в.

В начале XX в. в Российской империи науке и техническому образованию отводилось большое внимание. Особое значение придавалось формированию профессиональных кадров. Требования соответствия научной квалификации предъявлялись как к преподавательскому составу высших школ, так и к специалистам технических специальностей. В рубрике «Разные известия» (Разные известия, 1902) журнала «Зодчий» за 1902 г. приводятся требования к претендентам, желающим работать на кафедре строительного и инженерного искусства, открытой в Ново-Александровском институте сельского хозяйства и лесоводства. Наряду с «кратким жизнеописанием» от кандидатов требовались диплом на ученую степень (доктора, магистра) или диплом о высшем образовании, а также список «ученых работ, а по возможности и печатных трудов» (Разные известия, 1902). Требовалось также наличие практического опыта: согласно заметке «Разные известия», лица, желающие работать на кафедре «Гидравлика и гидравлические двигатели» Томского технологического института, должны были предоставить также и сведения о своей практической деятельности.

Ученая квалификация техников рассматривалась в качестве необходимой и для развития современной промышленности. В статье «Роль техника в развитии современной промышленности» приведена речь инженера Р.А. Цизе о значении ученого техника в современной жизни и о требованиях, которым он должен соответствовать (Роль техника, 1902). Автор выделяет два ключевых требования к современным техническим кадрам. Во-первых, это наличие как теоретического, так и практического образования. По мнению инженера, «ошибочно думать, что человек, окончивший высшее учебное заведение, является уже готовым инженером или техником» (Роль техника, 1902a), а «техник должен получить соответствующее теоретическое, и в особенности практическое образование» (Роль техника, 1902). Р.А. Цизе подчеркивает также важность именно «обязательного детального знания». Во-вторых, значение придается таким личным качествам техника, как «способность и любовь к труду в связи с железным характером и настойчивостью являются необходимыми качествами такого человека...» (Роль техника, 1902: 28).

Поднимается также вопрос о «более рациональном» техническом образовании, которое могло бы помочь, по мнению Р.А. Цизе, «людям менее даровитым» (Роль техника, 1902: 28). Кроме того,

он обращает внимание на существующую проблему разделения теоретических знаний и практического опыта, полагая, что «инженер ...должен быть прежде всего практиком» (Роль техника, 1902а: 38). Обоснование необходимости воспитания одновременно и теоретика, и практика автор видит в том, что «техника – это наука интернациональная, и человек, желающий следить за ее развитием и успехами (а техник обязан это делать), должен уметь и письменно, и лично говорить со своими заграничными товарищами, должен следить за технической литературой всех стран, чтобы всегда быть в курсе дела. Наука и жизнь идут вперед, не останавливаясь, и он не смеет отстать от них ни на один шаг» (Роль техника, 1902а: 38).

Аналогичная проблема соотношения теории и практического ее применения поднималась на страницах журнала в докладе В.Н. Пясецкого «О более целесообразной системе преподавания курса ордеров» (В Обществе..., 1902а: 205) и статье «Заметки о преподавании теории архитектуры, как искусства, в наших высших школах зодчества» (Пясецкий, 1902; 1902а). Данная проблема освещается на примере анализа В.Н. Пясецким современной системы преподавания одного из курсов в высшей школе зодчества – курсе ордеров. По мнению автора, существующая система преподавания данного курса направлена исключительно на механическое запоминание и математически точное вычерчивание пропорций ордеров, без объяснения содержательного значения форм зданий и их ордеров. Следуя данному подходу обучения, по мысли автора, «формы оказываются для студентов непонятными – канонически-мертвыми» (Пясецкий, 1902а: 464). Механическое запоминание всех форм, размеров и правил книги Виньола не представляет «ничего интересного для ума и чувства слушателей» (Пясецкий, 1902: 455). Эти знания воспринимаются машинально и потом быстро забываются. В противовес этой системе преподавания, В.Н. Пясецкий предлагает преподавать курс ордеров таким образом, чтобы на основе его изучения обучающиеся понимали «смысл и степень развития форм других стилей» (Пясецкий, 1902: 454), ведь «во много раз лучше знание и понимание форм ордеров, чем бессознательное поклонение им и точное копирование на основании математических выкладок» (Пясецкий, 1902а: 464). Данный подход должен закладываться с самого начала обучения будущих инженеров и архитекторов. Именно поэтому В.Н. Пясецкий обращает внимание на важность изучения курса ордеров как первой ступени образования поступающих в российские средние и высшие учебные заведения зодчества.

Предлагаемый В.Н. Пясецким подход свидетельствовал о стремлении отойти от схоластического метода преподавания. Однако высказанные автором предложения по изменению системы преподавания курса ордеров были восприняты участниками собрания Общества гражданских инженеров, согласно опубликованному в журнале отчету, достаточно холодно: «В Обществе Гражданских инженеров ... собрание выразило сочувствие положениям, высказанным докладчиком» (В Обществе..., 1902а). В целом нововведения В.Н. Пясецкого сводились к следующему: 1) отделить практическую часть преподавания курса ордеров от теоретической, они должны преподаваться, с одной стороны, независимо друг от друга, с другой – идти параллельно по изложению курса; 2) практическая часть должна быть направлена на обучение учащихся методам математического точного построения ордеров по книге Виньола в качестве справочной; эта часть занятия должна вестись преподавателями архитектурного черчения; 3) преподавание теоретической части должно быть направлено на сообщения студентам как истории и анализа этих форм, так и тех методов, с помощью которых можно легко запомнить схемы ордеров, колонн, портиков и аркад; эту часть курса должен читать преподаватель теории архитектуры как искусства.

Большое значение для развития технической науки и образования имела деятельность различных обществ. В журнале «Зодчий» опубликованы отчеты о работе Императорского Санкт-Петербургского общества архитекторов, Общества гражданских инженеров, Императорского русского технического общества, Общества охранения народного здоровья, которые упоминаются в журнале как «ученые общества» (В Обществе..., 1902: 164), что вполне оправданно ввиду тех видов деятельности, которые осуществляли члены обществ.

Согласно опубликованному отчету о деятельности Императорского Санкт-Петербургского общества архитекторов за 1901 г., в состав общества входили действительные члены, они составляли большинство, сотрудники и соревнователи. К концу 1901 г. общая численность членов общества составила более 300 человек (В Обществе..., 1902а). Помимо данных категорий, к участию в заседаниях обществ нередко приглашались студенты, представители печати, гости.

На собраниях обществ заслушивались доклады по различным актуальным техническим вопросам, а также вопросам, касающимся образования. Здесь же проводились дискуссии, принимались решения по тому или иному вопросу, например, пересматривались правила строительного устава, обсуждались проекты правил о мерах против пожаров (В Обществе..., 1902d), вопросы разработки и реализации мер по осушению местности вблизи жилищ с целью предотвращения размножения комаров и развития малярии (В Обществе..., 1902d: 164). Для составления заключений при Императорском Санкт-Петербургском обществе архитекторов состояли комиссии.

Обществом архитекторов учреждались также особые поощрительные знаки и аттестаты, которые выдавались десятникам по строительной части за примерное исполнение своих

обязанностей. Организовывались конкурсы проектов в области градостроения и скульптуры, по результатам которых победителям присуждались премии.

Помимо обсуждения вопросов образования в российских высших школах зодчества, общество архитекторов осуществляло финансовую поддержку для развития технического образования. В частности, это выразилось в виде выдаваемой субсидии в размере 200 рублей Санкт-Петербургской школе десятников И.Р.Т.О. (В *Обществе...*, 1902a). Члены Императорского Санкт-Петербургского общества архитекторов активно участвовали в издательской деятельности журнала «Зодчий». Согласно отчету за 1901 г., члены общества архитекторов издали около 85 листов печатного текста и 71 таблицу рисунков и чертежей. Был образован и особый отдел журнала по вопросам производства и применения цемента. В 1901 г. было подготовлено решение о соединении с 1 января 1902 г. журнала «Зодчий» и его приложения «Неделя строителя» в одно еженедельное издание.

4.2. Технические нововведения в области градостроения

Публикации о технических нововведениях в области градостроения можно распределить по категориям: итоги заседаний отдельных обществ; специализированные разделы («технические заметки», «обзор привилегий», «библиография»); тематические статьи технического содержания. Далее согласно обозначенным разделам и в хронологическом порядке сделан обзор наиболее значимых статей и заметок.

4.2.1. В Императорском Санкт-Петербургском обществе архитекторов на заседаниях обсуждались архитектурные проекты, программы и результаты конкурсов, заслушивались доклады инженеров-техников о технических нововведениях в области градостроения. В журнале опубликованы тезисы доклада инженера-техника М.М. Курбанова, информирующего членов Общества об основных типах и устройстве подъемных машин и их применении в производственных и жилых помещениях. В докладе отмечается, что в современное время предпочтение уже отдается наиболее экономическим электрическим машинам, нежели гидравлическим и гидроэлектрическим (комбинированным). Особое внимание уделено вопросу организации строительных работ, связанных с установкой подъемных машин в шахты в строящихся и существующих зданиях (В *Императорском...*, 1902).

Сообщение А.И. Носалевица «Об устройстве городских трамваев» предлагает к рассмотрению вопросы усовершенствования и расширения системы рельсовых путей, следования поездов по главным направлениям движения публики (помимо радиальной системы), подвижных составов, взимания единичной платы за весь проезд. Для обеспечения потребностей предлагалось исключить малопригодные для городов системы (конно-железные дороги, локомотивы, городские внеуличные железные дороги, зубчатые железные дороги). К преимущественным по техническим и коммерческому критериям были отнесены: канатные дороги, газовые моторы, моторы со сжатым воздухом, система Луи Мекарского (пневматические трамваи), система «Popp Conti», система «Serpellet», электрическая система дороги с подземным подводом тока, аккумуляторная система с вариантами зарядки на главной станции, с подзарядкой в пути или смешанного типа (В *Императорском...*, 1902a).

Сообщение горного инженера А.Э. Страуса об успехе применения бетонных свай, служащих для укрепления слабых грунтов под основания сооружений, по изобретенному им способу обращает внимание на то, что «замена деревянных свай более стойкими и менее поддающимися влиянию почвенных вод, крайне важно для Петербурга ввиду предстоящего переустройства канализации города» (В *Императорском...*, 1902b).

Выпуск № 44 посвящен собранию Общества по введению новых мер при строительстве зданий в местностях, подверженных частым землетрясениям. В процессе заседания инженерами проанализированы надежные в подобных случаях системы конструкции Лекасса, Барракатто, бетонные системы Монье и Котансена и рекомендованы конкретные параметры, противодействующие землетрясениям, при возведениях зданий в местностях (В *Императорском...*, 1902c). В следующем выпуске опубликована новость от В.В. Эвальда о новом способе формовки бетонных труб, «примененном впервые в Петербурге на только что открывшемся заводе А.Б. Эллера» (В *Императорском...*, 1902d). А также доклад Н.А. Житкевича о бетоне «как огнестойком строительном материале», актуальном в период грандиозных и разрушительных пожаров последних лет (В *Императорском...*, 1902e: 521-522). В следующем докладе инженера-технолога А.И. Ольденборгера предложен «новый способ устройства огнестойких пустотелых бетонных перекрытий, приспособленных также для целей вентиляции и отопления» (В *Императорском...*, 1902e: 523-525).

Обществом гражданских инженеров в 1902 году публиковались отчеты о проведении заседаний, в ходе которых рассматривались вопросы инженерно-технического обеспечения строительства зданий и сооружений, обсуждались результаты изучения новых строительных материалов или внедрения новых технологий. Так, в отчете первого заседания размещены тезисы доклада члена общества А.В. Зенгера, который на примере недавно построенного по системе инженера Циглера торфо-коксовального завода (1900 г.) озвучил идею скорейшего перехода к новому способу коксования торфа, громадные запасы которого имеются в России и могут стать заменой дорогостоящему природному древесному топливу. Зенгер официально сообщил, что торфо-

коксовальный завод на станции Редькино Николаевской железной дороги «уже настолько функционирует, что дает полную возможность выяснить практическую сторону этого дела, в зависимости от русских условий, определяющих стоимость производства торфяного кокса» (В Обществе..., 1902с). Таким образом, с 1902 года начинается строительство быстровозводимых заводов с печами Циглера вдоль полотна железной дороги для разработки торфяных залежей, что в дальнейшем послужило быстрому развитию промышленности в Российской империи.

В докладе архитектора Г.Г. Рабцевича освещена важная тема, проясняющая особенности новой технологии подведения новых фундаментов в уже построенных зданиях (под часть дома, имеющего смежную стену со строящимся домом компании Зингер на Невском проспекте). Решение заменить слабый фундамент было техническим новаторством (Монтаж, 1902: 588).

4.2.2. Специальные разделы выпусков содержали информацию новостного (технические заметки, новости о патентах) и обзорного (библиографического) характера. В разделе «Технические заметки» кратко публиковались сообщения о технических новинках. Так, в восьмом выпуске сообщается о новом сплаве (из меди, никеля и цинка), который рекомендуется к широкому применению для изготовления арматуры (Технические заметки..., 1902). В апрельских выпусках размещена новость о технике нанесения узоров на оконном стекле (В Обществе..., 1902с); о новом способе применения «углеаммиачной соли» в процессе обработки известково-песчаного кирпича, производимого по патенту инженера-изобретателя Д. Вахтеля (Технические заметки..., 1902а); о новых типах лекального кирпича для получения эффекта утонения фабричных труб и клинчатых кирпичей для плоских сводов (№ 21: 247-248). В выпуске № 27 размещена новость о новом способе подготовки органических веществ (опилок, соломы, стружек) и их смешении с цементом и гипсом для получения легких и дешевых строительных материалов (Технические заметки..., 1902с: 313). В технических заметках № 31 приведены промежуточные итоги серии опытов над «оксилином» для изготовления искусственного каучука ввиду возрастающей потребности на предметы из резины (экипажные шины, изоляции кабелей телеграфных линий и пр.) (Технические заметки..., 1902д).

В разделе «Обзор привилегий» размещена информация о патентах, выданных на изобретения и усовершенствования по строительной части. Российские инженеры в 1902 запатентовали: составной радиатор для парового и водяного отопления; вентилятор, приводимый в движение водой или воздухом; аппараты для увлажнения воздуха; приборы для усиления тяги в домовых трубах; приспособления для вентиляционных труб (Обзор привилегий..., 1902); огнеупорный состав для соломенных кровель; аппарат для производства искусственных камней; способ приготовления плиток из асфальтового и бетонного слоев (Обзор привилегий..., 1902а); печь для обжига цемента (Обзор привилегий..., 1902б) и др.

В разделе «Библиография» опубликованы обзоры русских технических журналов, изданных за последнее время и содержащих новости о технических новшествах: в выпуске № 27 содержится информация о ведущейся разработке контактной электромагнитной системы для городских трамваев, о бетонном заводе для нужд строительства Троицкого моста через реку Неву, об истории бетонных мостов в Европе в 1860-х гг. (Технические заметки..., 1902с: 316-317).

4.2.3. Отдельные статьи в журнальных выпусках посвящены техническим новинкам (приспособления, способы, материалы), которые условно можно разделить на четыре группы: информация о зарубежных новшествах; результатах апробации и/или внедрения зарубежных технических образцов; практиках эксплуатации технических новинок российского производства; статьи чисто теоретического содержания (технические расчеты, переводы научных теорий и пр.).

О зарубежных новшествах в статье «Новыя изобрѣтенія въ области производства и примѣненія гипса» сделан обзор тринадцати зарубежных патентов в области производства и применения гипса, способов его применения, аппаратов для обжигания (Б., 1902а). В статье «Консервированіе дерева. Новые способы, привилегированные в России въ 1901 г.» опубликовано описание новых способов и аппаратов для обработки дерева, предложенных зарубежными изобретателями: пропитывание дерева водным раствором формальдегида и агар-агара (патент Г.Фр. Лебиода, Франция); приготовление раствора из дегтя для пропитывания (патент Ю. Рютгерса, Германия); изменение способа пропитывания дерева посредством борноокислых солей железа и цинка (патент К. Петрашека, Вена) и др. (Консервирование дерева, 1902). Об итогах апробации одной из зарубежных новинок сообщается в статье «Новый способъ д-ра Маркля опредѣленія сырости стѣн». Автором поднят важный вопрос об общественной гигиене в новостроящихся зданиях, сдаваемых в найм в условиях быстрого увеличения городского населения. Существующие точные методы определения влажности стен жилых помещений оказались сложны по постановке и по применению на месте исследования (способы Glässgen, 1874 г.; проф. Lehmann и Nussbam, 1889; проф. Emmerich, 1892; проф. Rosenthal и Beer). Однако новый метод высушивания д-ра Маркля более точный и прост в применении, поскольку основан на способности этилового (абсолютного) спирта «извлекать из известки гигроскопическую воду» (Б., 1902). Далее приведены основные результаты серии лабораторных опытов с помощью ареометра (трубка), пути исправления ошибок и недочетов при высушивании известки, перепроверке метода в новых помещениях, возведенных в зимнее время (Новый способ, 1902).

Практики эксплуатации технических новинок российского производства изложены в статье «О подъемных машинах» по результатам доклада инженера-механика М.М. Курбанова в Императорском Сибирском обществе архитекторов (от 29 января 1902 года). Текст изложен как новое практическое руководство к применению подъемных машин в современных домах г. Санкт-Петербурга. Рекомендуются к применению стали двенадцать типов машин: кухонной, грузовой, гидравлической, ручной, большегрузной, для больниц, для экипажей, машин, а также люлька с художественной отделкой. Текст снабжен подробным описанием каждого из типов, деталей их устройства и особенностей установки в жилых домах; техническими рисунками и фотографиями машинных систем внутри и снаружи зданий (Курбанов, 1902).

Научно-технический характер имеют статьи, посвященные теоретическому анализу и обоснованию вопросов, значимых для широкого обсуждения экспертами в области градостроения и среди читателей журнала. Объемные тексты, как правило, публиковались частями в нескольких выпусках, поскольку содержали таблицы данных с расчетами, результаты исследований, обсуждения и выводы. Так, в статье «Къ вопросу о точном расчетѣ куполов Шведлера» представлен технический анализ решетчатой оболочки купола, разработанной инженером Иоганном-Вильгельмом Шведлером и уже получившей название «парящей стали» в среде архитекторов (Эвальд, 1902). В статье «Опытныя изслѣдованія свойствъ бетона и желѣзо-бетона» размещен очерк о книге «Le béton armé et ses applications», изданной в 1902 г. под авторством Paul Christophe («Железобетон и его применение» Пола Кристофера), а также перевод В. Эвальда первых двух параграфов четвертой главы о свойствах бетона и железобетона (Эвальд, 1902а).

Особого внимания заслуживает реклама технических новинок, информация о которых размещалась в приложении к журналу. Широкой публике предлагалось улучшить жилищные условия посредством приобретения новых устройств: люксовых призм для усиления света в темных комнатах; подъемных машин бытового обслуживания (механических, электрических, гидравлических, электрогидравлических) или услуг компаний, производящих бетонные и железобетонные работы (устройство канализаций, водонепроницаемых подвалов, проведение асфальтовых работ) и др. Научно-техническое обоснование каждой технической новинки читатель находил на страницах журнала «Зодчий».

4.3. Архитектурные проекты: научно-технический прогресс в общественной, жилой и градостроительной архитектуре

Как специализированное профессиональное издание, журнал «Зодчий» содержит обширное количество статей описательного характера (подробное изложение особенностей конструкций, применяемых материалов, технических новшеств и комментариев мастеров) и богатый иллюстративный ряд (планы сооружений, изображение экстерьеров и интерьеров сооружений). Анализ содержания выпусков за 1902 год позволил выделить специфику научно-технического прогресса архитектуры начала XX века в России на примере конкретных сооружений.

Большое внимание авторы журнала уделяют описанию и анализу сооружений жилой, общественной и градостроительной архитектуры. Безусловно, на страницах представлены проекты культовой архитектуры, однако чаще можно ознакомиться с сооружениями типа доходных домов, лечебниц, студенческих общежитий, учебных заведений и т. п. И, как следствие, научно-технические достижения во многом связаны с утилитарными системами – с вентиляционными, водопроводными, отопительными системами, огнеупорными конструкциями и т. п. В каждом номере журнала за 1902 год размещены рекламные объявления об установке элементов центрального отопления и вентиляции в домах и других типах зданий, а также о регулярном их усовершенствовании (Бекер, 1902: 3; Хроника, 1902а: 152).

В области градостроительства можно выделить проекты мостов. В частности, проект моста в Казани (Хроника, 1902: 49-50). В заметке описывается используемый материал, особенности конструкции и способы ее установки, закрепления с указанием технических характеристик (Хроника, 1902: 49).

Общественная архитектура в изучаемый период являлась интенсивно развивающимся направлением: активно строились на территории Российской империи общеобразовательные и рисовальные школы, училища, больницы, гидропатические лечебницы, библиотеки и т.п. Утилитарность общественной архитектуры, частота взаимодействия человека с пространством диктовали потребность повышения уровня комфорта. Так, в описаниях образовательных учреждений подчеркивается удобство благодаря нововведениям – просторные аудитории, наличие открытых дворов для отдыха учащихся, обширные столовые, логистически верно выстроенная схема движения внутри пространства, иными словами, научно-технический прогресс был обусловлен не только появлением новых типов зданий, но и усиливающейся необходимостью комфорта, удобства для человека и т. д. (Хроника, 1902b). В частности, научно-технический прогресс затрагивает и освещение зданий (Хроника, 1902b:180).

Тематическая специфика журнала связана с тем, что научно-технический прогресс зафиксирован не только в репрезентации конкретных технических инноваций, применяемых новых инструментов, материалов и т. п., а также с осмыслением эстетической составляющей архитектуры,

в частности – художественного стиля. Ключевым стилем этого периода авторы указывают так называемый стиль «декадентство». Однако его восприятие современниками неоднозначно: его и принимают, и отвергают, и пытаются отразить, анализируя современные постройки, выделяя свойственные стилю характеристики (*Новый стиль..., 1902: 66; Новый стиль..., 1902a: 101*).

В историческом контексте развитие научно-технического прогресса в архитектуре также представлено в оптике стилистического развития искусства: французская готика (*Бекер, 1902; Бекер, 1902a*), древне-византийский стиль (*Эйнер, 1902*), Ренессанс (*Земский дом в Полтаве, 1902*) и др. В очерках, посвященных архитектуре прошлых веков, также даются подробные описания сооружений с оценкой достоинств и недостатков композиции (*Бекер, 1902: 3; Бекер, 1902a: 18*).

5. Заключение

Важная роль в техническом развитии Российской империи в начале XX в. отводилась формированию научных профессиональных кадров. Совмещение теоретических научных знаний и практического опыта у «техника» становилось требованием времени, необходимым для развития, в том числе современной промышленности. Ввиду этого требования поднимался вопрос о пересмотре системы преподавания в высших школах зодчества. Обосновывалась необходимость отхода от схоластического метода преподавания в сторону осознания у обучающихся необходимости практического применения теоретических знаний. Большое значение для научно-технического развития Российской империи играли общества архитекторов и инженеров, спектр деятельности которых был достаточно широк: от заслушивания докладов и проведения дискуссий до практического решения возникающих перед обществом вызовов.

Технический прогресс в области градостроения развивался стремительно в связи с широким применением электричества и его возможностей в производственных целях, начиная от промышленного строительства вдоль Николаевской железной дороги и заканчивая обустройством техническими новинками городских домов от центра до периферии. В публикациях статей журнала 1902 года представлен значительный труд инженеров-техников и инженеров-технологов, коллективно решающих градостроительные задачи, направленные на совершенствование способов производства строительных материалов, введение своевременных и качественных технических систем и устройств, эксплуатацию и внедрение отечественных и зарубежных патентов на изобретение.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00255, <https://rscf.ru/project/23-28-00255/>.

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23-28-00255, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00255/>.

Литература

- Авдеева и др., 2021* – Авдеева Ю.Н., Дегтяренко К.А., Пчелкина Д.С., Румянцев И.А., Шпак А.А. Принципы советской национальной политики 1920–1970 гг. по отношению к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, компактно проживающим на территории Эвенкийского национального (автономного) округа // *Северные архивы и экспедиции*. 2021. Т. 5. № 3 /09. С. 8-25.
- Артамонова, 2017* – Артамонова Л.М. Самарские публикации В.Г. Варенцова в столичной и местной периодике 1860-х гг. как исторический источник // *Библиография. Археография. Источниковедение*. 2017. С. 61-70.
- Б., 1902* – Б. Новый способ д-ра Маркля определения сырости стен // *Зодчий*. 1902. № 4. С. 48.
- Б., 1902a* – Гр. Б. Обзор русских технических журналов за 1901 г. // *Зодчий*. 1902. № 19. С. 227-229.
- Бекер, 1902* – Бекер Р. Купольные храмы Южной Франции и происхождение Готики // *Зодчий*. 1902. № 1. С. 1-5.
- Бекер, 1902a* – Бекер Р. Купольные храмы Южной Франции и происхождение Готики // *Зодчий*. 1902. № 2. С. 17-25.
- Беляевский, 1902* – Беляевский С. // *Зодчий*. 1902. № 10. С. 117-121.
- Благодер, 2018* – Благодер Ю.Г. Китайское искусство в России (по страницам журналов «Вестник изящных искусств», «Зодчий», конец XIX – начало XX вв. // *Россия – Китай: история и культура*. 2018. С. 46-52.
- Богданова, 2009* – Богданова О.В. О проблеме трактовки понятия «Архитектор» // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 322. С. 86-91.
- Вайтенс, 2008* – Вайтенс А.Г. Г.В. Барановский о развитии правовых основ российского градостроительства и архитектуры // *Вестник гражданских инженеров*. 2008. № 1(14). С. 5-10.
- В Императорском..., 1902* – В Императорском С.-Петербургском обществе архитекторов // *Зодчий*. 1902. № 5. С. 58.

- [В Императорском..., 1902a](#) – В Императорском С.-Петербургском обществе архитекторов // *Зодчий*. 1902. № 8. С. 95-96.
- [В Императорском..., 1902b](#) – В Императорском С.-Петербургском обществе архитекторов // *Зодчий*. 1902. № 13. С. 161.
- [В Императорском..., 1902c](#) – В Императорском С.-Петербургском обществе архитекторов // *Зодчий*. 1902. № 44. С. 492-493.
- [В Императорском..., 1902d](#) – В Императорском С.-Петербургском обществе архитекторов // *Зодчий*. 1902. № 45. С. 511-512.
- [В Императорском..., 1902e](#) – В Императорском С.-Петербургском обществе архитекторов // *Зодчий*. 1902. № 46. С. 521-525.
- [В Обществе..., 1902](#) – В Обществе Гражданских инженеров // *Зодчий*. 1902. № 13. С. 163-164.
- [В Обществе..., 1902a](#) – В Обществе Гражданских инженеров // *Зодчий*. 1902. № 17. С. 205-209.
- [В Обществе..., 1902b](#) – В Обществе Гражданских Инженеров // *Зодчий*. 1902. № 4. С. 46.
- [В Обществе..., 1902c](#) – В Обществе Гражданских Инженеров // *Зодчий*. 1902. № 14. С. 176-177.
- [В Обществе..., 1902d](#) – В Обществе охранения народного здоровья // *Зодчий*. 1902. № 13. С. 164.
- [Земский дом в Полтаве, 1902](#) – Земский дом в Полтаве // *Зодчий*. 1902. № 17. С. 201-203.
- [Каменская, 2017](#) – *Каменская Е.В.* Советские газеты как исторический источник: специфика и возможности использования // *Человек, общество, власть*. 2017. № 100. С. 37-44.
- [Комарова, Третьяков, 2016](#) – *Комарова И.И., Третьяков А.Л.* Архитектурная газета второй половины XIX в. // *Библиография и книговедение*. 2016. № 6. С. 56-68.
- [Комарова, Третьяков, 2016a](#) – *Комарова И.И., Третьяков А.Л.* Архитектурная периодика в пореформенной России // *Библиография и книговедение*. 2016. № 4. С. 33-44.
- [Комарова, Третьяков, 2016b](#) – *Комарова И.И., Третьяков А.Л.* Некоторые аспекты становления архитектурной периодики в исторической ретроспективе // *Управленческое консультирование*. 2016. 10(94). С. 219-228.
- [Консервирование дерева, 1902](#) – Консервирование дерева // *Зодчий*. 1902. № 32. С. 362-368.
- [Коньшева, 2011](#) – *Коньшева О.Ю.* Общественная деятельность гражданского инженера И.Ф. Носовича в первой трети XX в. в Западной Сибири // *Известия Алтайского государственного университета*. 2011. № 2-1. С. 166-170.
- [Корчагина, 2016](#) – *Корчагина О.А.* Города-сады дальнего Востока в начале XX века: Дальний, Порт-артур, Харбин // *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. 2016. № 6. С. 668-675.
- [Курбанов, 1902](#) – *Курбанов М.* О подъемных машинах // *Зодчий*. 1902. № 25. С. 284-290.
- [Монтаг, 1902](#) – *Монтаг А.* В обществе гражданских инженеров // *Зодчий*. 1902. № 51. С. 588.
- [Никаев, 2013](#) – *Никаев Х.Р.* Материалы периодической печати как исторический источник // *Социально-гуманитарные знания*. 2013. 9. С. 73-80.
- [Новые изобретения, 1902](#) – Новые изобретения // *Зодчий*. 1902. № 43. С. 489-490.
- [Новый способ, 1902](#) – Новый способ // *Зодчий*. 1902. № 5. С. 59-61.
- [Новый стиль..., 1902](#) – Новый стиль и «декадентство» // *Зодчий*. 1902. № 9. С. 65-69.
- [Новый стиль..., 1902a](#) – Новый стиль и «декадентство» // *Зодчий*. 1902. № 9. С. 101-105.
- [Обзор привилегий, 1902](#) – Обзор привилегий // *Зодчий*. 1902. № 41. С. 469.
- [Обзор привилегий, 1902a](#) – Обзор привилегий // *Зодчий*. 1902. № 42. С. 479-482.
- [Обзор привилегий, 1902b](#) – Обзор привилегий // *Зодчий*. 1902. № 43. С. 489-490.
- [Отчет о деятельности..., 1902](#) – Отчет о деятельности Императорского С.-Петербургского общества архитекторов // *Зодчий*. 1902. № 17. С. 205-209.
- [П., 1902](#) – П. Э. В императорском Русском Техническом Обществе // *Зодчий*. 1902. № 46. С. 523-525.
- [Пясецкий, 1902](#) – *Пясецкий В.* Заметки о преподавании теории архитектуры, как искусства, в наших высших школах зодчества // *Зодчий*. 1902. № 40. С. 453-455.
- [Пясецкий, 1902a](#) – *Пясецкий В.* Заметки о преподавании теории архитектуры, как искусства, в наших высших школах зодчества // *Зодчий*. 1902. № 41. С. 463-467.
- [Разные известия, 1902](#) – *Разные известия* // *Зодчий*. 1902. № 12. С. 153.
- [Роль техника..., 1902](#) – Роль техника в развитии современной промышленности // *Зодчий*. 1902. № 2. С. 27-29.
- [Роль техника..., 1902a](#) – Роль техника в развитии современной промышленности (продолжение) // *Зодчий*. 1902. № 3. С. 37-38.
- [Сертакова, Ситникова, 2022](#) – *Сертакова Е.А., Ситникова А.А.* Устав об «Управлении инородцев», составленный М.М. Сперанским, и особенности его реализации по отношению к коренным малочисленным народам Енисейской губернии в XIX – начале XX веках // *Северные архивы и экспедиции*. 2022. № 2. С. 94-106.
- [Соединенное заседание, 1902](#) – Соединенное заседание // *Зодчий*. 1902. № 51. С. 591-594.
- [Строгалев, 2008](#) – *Строгалев М.С.* Условия формирования неовизантийского стиля в русской культуре второй половины XIX века // *Вестник славянских культур*. 2008. № 3-4. С. 10-20.
- [Технические заметки, 1902](#) – Технические заметки // *Зодчий*. 1902. № 11. С. 125-126.
- [Технические заметки, 1902a](#) – Технические заметки // *Зодчий*. 1902. № 15. С. 189.

- Технические заметки, 1902b – Технические заметки // *Зодчий*. 1902. № 21. С. 247-248.
- Технические заметки, 1902c – Технические заметки // *Зодчий*. 1902. № 27. С. 313–317.
- Технические заметки, 1902d – Технические заметки // *Зодчий*. 1902. № 31. С. 352.
- Трушковский, 2012 – Трушковский В.Э., Половцев И.Н. Шаги ко второй жизни. Физический институт Императорского Петербургского университета // *Вестник. Зодчий. 21 век*. 2012. № 2. С. 92-95.
- Хроника, 1902 – Хроника // *Зодчий*. 1902. № 4. С. 49-50.
- Хроника, 1902a – Хроника // *Зодчий*. 1902. № 12. С. 151-153.
- Хроника, 1902b – Хроника // *Зодчий*. 1902. № 14. С. 179-180.
- Черная, 2017 – Черная Е.А. Архитектурная графика модерна на страницах журнала «Зодчий» с 1890-х до 1917 г. // *Архитектура – строительство – транспорт*. 2017. С. 111-116.
- Эвальд, 1902 – Эвальд В. Опытные исследования свойств бетона и железобетона // *Зодчий*. 1902. № 10. С. 117-121.
- Эвальд, 1902a – Эвальд В. Опытные исследования свойств бетона и железобетона // *Зодчий*. 1902. № 18. С. 217-219.
- Koptseva, 2019 – Koptseva N.P., Sitnikova A.A. The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries // *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2019. Vol. 3. Pp. 47-74.
- Koptseva, 2022a – Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Pchelkina D.S., Menzhurenko Yu.N. The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 867-875.
- Koptseva, 2022b – Koptseva N.P., Sitnikova A.A. Historical Memory of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Evenk Municipal District: Methodological Approaches to Research // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2022. 15(5): 666-678.
- Leshchinskaia et al., 2022 – Leshchinskaia N.M., Sitnikova, A.A., Sertakova, E.A., Koptseva N.P. The Journal “Zodchiy” as a Source on the History of Russian Modern in the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1237-1249.
- Zamaraeva, 2020 – Zamaraeva Yu.S., Koptseva N.P. History of complex identity research // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2020. Vol. 13, Is. 7. Pp. 1216-1229.

References

- Artamonova, 2017 – Artamonova, L.M. (2017). Samarskiye publikatsii V.G. Varentsova v stolichnoy i mestnoy periodike 1860-kh gg. kak istoricheskiy istochnik [Samara publications by V.G. Varentsov in the capital and local periodicals of the 1860s. as a historical source]. *Bibliografiya. Arkheografiya. Istochnikovedenie*. Pp. 61-70. [in Russian]
- Avdeeva i dr., 2021 – Avdeeva, Yu.N., Degtyarenko, K.A., Pchelkina, D.S., Rumyantsev, I.A., Shpak, A.A. (2021). Printsipy sovetskoy natsional'noy politiki 1920-1970 gg. po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka, kompaktno prozhivayushchim na territorii Evenkiyskogo natsional'nogo (avtonomnogo) okruga [Principles of the Soviet national policy 1920-1970. in relation to the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East, compactly living on the territory of the Evenki National (Autonomous) District]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 5. 3/09: 8-25. [in Russian]
- B., 1902 – B. (1902). Obzor russkikh tekhnicheskikh zhurnalov za 1901 g. [Review of Russian technical journals for 1901]. *Zodchij*. 19: 227-229. [in Russian]
- B., 1902a – B. (1902). Novyy sposob d-ra Marklya opredeleniya syrosti sten [Dr. Markle's New Way to Determine Wall Dampness]. *Zodchij*. 4: 48. [in Russian]
- Beker, 1902 – Beker, R. (1902). Kupol'nyye khramy Yuzhnoy Frantsii i proiskhozhdeniye Gotiki [Domed churches of Southern France and the origin of Gothic]. *Zodchiy*. 1: 1-5. [in Russian]
- Beker, 1902a – Beker, R. (1902). Kupol'nyye khramy Yuzhnoy Frantsii i proiskhozhdeniye Gotiki [Domed churches of Southern France and the origin of Gothic]. *Zodchiy*. 2: 17-25. [in Russian]
- Belyayevskiy, 1902 – Belyayevskiy, S. (1902). *Zodchij*. 10: 117-121. [in Russian]
- Blagoder, 2018 – Blagoder, Yu.G. (2018). Kitayskoye iskusstvo v Rossii (po stranitsam zhurnalov «Vestnik izyashchnykh iskusstv», «Zodchiy», konets XIX – nachalo XX vv. [Chinese art in Russia (on the pages of the journals «Bulletin of Fine Arts», «Architect», the end of the 19th – beginning of the 20th centuries)]. *Rossiya – Kitai: istoriya i kul'tura*. Pp. 46-52. [in Russian]
- Bogdanova, 2009 – Bogdanova, O.V. (2009). O probleme traktovki ponyatiya «Arkhitektor» [On the problem of interpretation of the concept of «Architect»]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 322: 86-91. [in Russian]
- Chernaya, 2017 – Chernaya, E.A. (2017). Arkhitekturnaya grafika moderna na stranitsakh zhurnala «Zodchiy» s 1890-kh do 1917 g. [Art Nouveau architectural graphics on the pages of the journal “Architect” from the 1890s to 1917]. *Arkhitektura – stroitel'stvo – transport*. Pp. 111-116. [in Russian]
- Evald, 1902 – Evald, V. (1902). Opytnyye issledovaniya svoystv betona i zhelezobetona [Experimental studies of the properties of concrete and reinforced concrete]. *Zodchij*. 10: 117-121. [in Russian]

- [Evald, 1902a](#) – *Evald, V.* (1902). Opytnyye issledovaniya svoystv betona i zhelezobetona [Experimental studies of the properties of concrete and reinforced concrete]. *Zodchij.* 18: 217-219. [in Russian]
- [Kamenskaya, 2017](#) – *Kamenskaya, E.V.* (2017). [Soviet newspapers as a historical source: specifics and possibilities of use]. *Chelovek, obshchestvo, vlast'*. 100: 37-44. [in Russian]
- [Khronika, 1902](#) – *Khronika* [Chronicle]. *Zodchij.* 1902. 12: 151-153. [in Russian]
- [Khronika po Rossii, 1902](#) – *Khronika* [Chronicle]. *Zodchij.* 1902. № 14: 179-180. [in Russian]
- [Komarova, Tretyakov, 2016](#) – *Komarova, I.I., Tretyakov, A.L.* (2016). Arkhitekturnaya gazeta vtoroy poloviny XIX v. [Architectural newspaper of the second half of the 19th century]. *Bibliografiya i knigovedenie.* 6: 56-68. [in Russian]
- [Komarova, Tretyakov, 2016a](#) – *Komarova, I.I., Tretyakov, A.L.* (2016). Arkhitekturnaya periodika v poreformennoy Rossii [Architectural periodicals in post-reform Russia]. *Bibliografiya i knigovedenie.* 4: 33-44. [in Russian]
- [Komarova, Tretyakov, 2016b](#) – *Komarova, I.I., Tretyakov, A.L.* (2016). Nekotoryye aspekty stanovleniya arkhitekturnoy periodiki v istoricheskoy retrospektive [Some aspects of the formation of architectural periodicals in historical retrospective]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie.* 10(94): 219-228. [in Russian]
- [Konservirovaniye dereva, 1902](#) – *Konservirovaniye dereva* [Tree preservation]. *Zodchij.* 1902. 32: 362-368. [in Russian]
- [Konysheva, 2011](#) – *Konysheva, O.Yu.* (2011). Obshchestvennaya deyatel'nost' grazhdanskogo inzhenera I.F. Nosovicha v pervoy tretyi XX v. v Zapadnoy Sibiri [Social activity of the civil engineer I.F. Nosovicha in the first third of the 20th century. in Western Siberia]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2-1: 166-170. [in Russian]
- [Koptseva, 2019](#) – *Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A.* (2019). The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique.* 3: 47-74.
- [Koptseva, 2022a](#) – *Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Pchelkina, D.S., Menzhurenko, Yu.N.* (2022). The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century. *Bylye Gody.* 17(2): 867-875.
- [Koptseva, 2022b](#) – *Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A.* (2022). Historical Memory of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Evenk Municipal District: Methodological Approaches to Research. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences.* 15(5): 666-678.
- [Korchagina, 2016](#) – *Korchagina, O.A.* (2016). Goroda-sady dal'nego Vostoka v nachale XX veka: dal'niy, Port-artur, Kharbin [Garden cities of the Far East at the beginning of the 20th century: far, Port Arthur, Harbin]. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva.* 6: 668-675. [in Russian]
- [Kurbanov, 1902](#) – *Kurbanov, M.* (1902). O pod'yemnykh mashinakh [About lifting machines]. *Zodchij.* 25: 284-290. [in Russian]
- [Leshchinskaia et al., 2022](#) – *Leshchinskaia, N.M., Sitnikova, A.A., Sertakova, E.A., Koptseva N.P.* (2022). The Journal “Zodchiy” as a Source on the History of Russian Modern in the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody.* 17(3): 1237-1249.
- [Montag, 1902](#) – *Montag, A.* (1902). V Obshchestve Grazhdanskikh inzhenerov [At the Society of Civil Engineers]. *Zodchij.* 51: 588. [in Russian]
- [Nikaev, 2013](#) – *Nikaev, Kh.R.* (2013). Materialy periodicheskoy pechati kak istoricheskiy istochnik [Periodical press materials as a historical source]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya.* 9: 73-80. [in Russian]
- [Novyy stil'..., 1902](#) – *Novyy stil' i «dekadentstvo»* [New style and "decadence"]. *Zodchij.* 1902. 9: 65-69. [in Russian]
- [Novyy stil'..., 1902a](#) – *Novyy stil' i «dekadentstvo»* [New style and "decadence"]. *Zodchij.* 1902. 9. Pp. 101-105. [in Russian]
- [Novyye izobreteniya, 1902](#) – *Novyye izobreteniya* [New inventions]. *Zodchij.* 1902. 43: 489-490. [in Russian]
- [Novyy sposob, 1902](#) – *Novyy sposob* [New way]. *Zodchij.* 5: 59-61. [in Russian]
- [Obzor privilegiy, 1902](#) – *Obzor privilegiy* [Review of privileges]. *Zodchij.* 1902. 41. 469. [in Russian]
- [Obzor privilegiy, 1902a](#) – *Obzor privilegiy* [Review of privileges]. *Zodchij.* 1902. 42: 479-482. [in Russian]
- [Obzor privilegiy, 1902b](#) – *Obzor privilegiy* [Review of privileges]. *Zodchij.* 43: 489-490. [in Russian]
- [Otchet o deyatel'nosti..., 1902](#) – *Otchet o deyatel'nosti Imperatorskogo S.-Peterburgskogo obshchestva arhitektorov* [Report on the activities of the Imperial St. Petersburg Society of Architects]. *Zodchij.* 1902. 17. Pp. 205-209. [in Russian]
- [P., 1902](#) – *P.E.* (1902). V imperatorskom Russkom Tekhnicheskome Obshchestve [In the Imperial Russian Technical Society]. *Zodchij.* 1902. 46: 523-525 [in Russian]

[Pyaseckij, 1902](#) – *Pyaseckij, V.* (1902). Zametki o prepodavanii teorii arhitektury, kak iskusstva, v nashih vysshih shkolah zodchestva [Notes on teaching the theory of architecture as an art in our higher schools of architecture]. *Zodchij.* 40: 453-455. [in Russian]

[Pyaseckij, 1902a](#) – *Pyaseckij, V.* (1902). Zametki o prepodavanii teorii arhitektury, kak iskusstva, v nashih vysshih shkolah zodchestva [Notes on teaching the theory of architecture as an art in our higher schools of architecture]. *Zodchij.* 41: 463-467. [in Russian]

[Raznye izvestiya, 1902](#) – Raznye izvestiya [Miscellaneous news]. *Zodchij.* 1902. 12: 153. [in Russian]

[Rol' tekhnika..., 1902](#) – Rol' tekhnika v razvitii sovremennoj promyshlennosti [The role of technology in the development of modern industry]. *Zodchij.* 1902. 2: 27-29. [in Russian]

[Rol' tekhnika..., 1902a](#) – Rol' tekhnika v razvitii sovremennoj promyshlennosti (prodolzhenie) [The role of technology in the development of modern industry (continued)]. (1902). *Zodchij.* 3: 37-38. [in Russian]

[Rynkov, 2010](#) – *Rynkov, V.M.* (2010). Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodical press: a place in the system of historical sources]. *Otechestvennye archives.* 3: 44-50. [in Russian]

[Sertakova, Sitnikova, 2022](#) – *Sertakova, E.A., Sitnikova, A.A.* (2022). Ustav ob «Upravlenii inorodtsev», sostavlennyy M.M. Speranskim, i osobennosti yego realizatsii po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam yeniseyskoy gubernii v XIX – nachale XX vekakh [The Charter on the “Office of Aliens”, compiled by M.M. Speransky, and the features of its implementation in relation to the indigenous peoples of the Yenisei province in the XIX - early XX centuries]. *Severnnye arkhivy i ekspeditsii.* 2: 94-106. [in Russian]

[Soyedinennoye zasedaniye, 1902](#) – Soyedinennoye zasedaniye [United meeting]. *Zodchij.* 51: 591-594. [in Russian]

[Strogalev, 2008](#) – *Strogalev, M.S.* (2008). Usloviya formirovaniya neovizantiyskogo stilya v russkoy kul'ture vtoroy poloviny XIX veka [The conditions for the formation of the neo-Byzantine style in Russian culture of the second half of the 19th century]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur.* 3-4: 10-20. [in Russian]

[Tekhnicheskiye zametki, 1902](#) – Tekhnicheskiye zametki [Technical notes]. *Zodchij.* 1902. 11: 125-126. [in Russian]

[Tekhnicheskiye zametki, 1902a](#) – Tekhnicheskiye zametki [Technical notes]. *Zodchij.* 1902. 15: 189. [in Russian]

[Tekhnicheskiye zametki, 1902b](#) – Tekhnicheskiye zametki [Technical notes]. *Zodchij.* 1902. 21: 247-248. [in Russian]

[Tekhnicheskiye zametki, 1902c](#) – Tekhnicheskiye zametki [Technical notes]. *Zodchij.* 1902. 27: 313-317. [in Russian]

[Tekhnicheskiye zametki, 1902d](#) – Tekhnicheskiye zametki [Technical notes]. *Zodchij.* 1902. 31: 352. [in Russian]

[Trushkovsky, 2012](#) – *Trushkovsky, V.E., Poloutsev, I.N.* (2012). Shagi ko vtoroy zhizni. Fizicheskiy institut Imperatorskogo Peterburgskogo universitet [Steps to a second life. Physical Institute of the Imperial St. Petersburg University]. *Vestnik. Zodchii.* 2: 92-95. [in Russian]

[Vaytens, 2008](#) – *Vaytens, A.G.* (2008). G.V. Baranovskiy o razvitii pravovykh osnov rossiyskogo gradostroitel'stva i arhitektury [G.V. Baranovsky on the development of the legal foundations of Russian urban planning and architecture]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov.* 1(14): 5-10. [in Russian]

[V Imperatorskom..., 1902](#) – V Imperatorskom S.-Peterburgskom obshchestve arkhitektorov [In the Imperial St. Petersburg Society of architects]. *Zodchij.* 1902. 5: 58. [in Russian]

[V Imperatorskom..., 1902a](#) – V Imperatorskom S.-Peterburgskom obshchestve arkhitektorov [In the Imperial St. Petersburg Society of architects]. *Zodchij.* 1902. 8: 95-96. [in Russian]

[V Imperatorskom..., 1902b](#) – V Imperatorskom S.-Peterburgskom obshchestve arkhitektorov [In the Imperial St. Petersburg Society of architects]. *Zodchij.* 1902. 13: 161. [in Russian]

[V Imperatorskom..., 1902c](#) – V Imperatorskom S.-Peterburgskom obshchestve arkhitektorov [In the Imperial St. Petersburg Society of architects]. *Zodchij.* 1902. 44: 492-493. [in Russian]

[V Imperatorskom..., 1902d](#) – V Imperatorskom S.-Peterburgskom obshchestve arkhitektorov [In the Imperial St. Petersburg Society of architects]. *Zodchij.* 1902. 45: 511-512. [in Russian]

[V Imperatorskom..., 1902e](#) – V Imperatorskom S.-Peterburgskom obshchestve arkhitektorov [In the Imperial St. Petersburg Society of architects]. *Zodchij.* 1902. 46: 521-525. [in Russian]

[V Obshchestve..., 1902](#) – V Obshchestve Grazhdanskikh inzhenerov [At the Society of Civil Engineers]. *Zodchij.* 1902. 13: 163-164. [in Russian]

[V Obshchestve..., 1902a](#) – V Obshchestve Grazhdanskikh inzhenerov [At the Society of Civil Engineers]. *Zodchij.* 1902. 17: 205. [in Russian]

[V Obshchestve..., 1902b](#) – V Obshchestve Grazhdanskikh inzhenerov [At the Society of Civil Engineers]. *Zodchij.* 1902. 4: 46. [in Russian]

[V Obshchestve..., 1902c](#) – V Obshchestve Grazhdanskikh inzhenerov [At the Society of Civil Engineers]. *Zodchij.* 1902. 14: 179. [in Russian]

[V Obshchestve..., 1902d](#) – V Obshchestve ohraneniya narodnogo zdравиya [The Society for the protection of public health]. *Zodchij.* 1902. 13: 164. [in Russian]

Zamaraeva, 2020 – Zamaraeva, Yu.S., Koptseva, N.P. (2020). History of complex identity research. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 13(7): 1216-1229.

Zemskiy dom v Poltave, 1902 – Zemskiy dom v Poltave. *Zodchij* [Zemsky house in Poltava]. 1902. 17: 201-203. [in Russian]

Научно-технический прогресс начала XX века в периодической печати Российской империи (журнал «Зодчий», 1902 г.)

Юлия Сергеевна Замараева ^{a, *}, Наталья Николаевна Середкина ^a, Дарья Сергеевна Пчелкина ^a, Наталья Николаевна Пименова ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена архитектурному и художественно-техническому журналу «Зодчий», издаваемому Императорским Санкт-Петербургским обществом архитекторов с 1872 года, как историческому источнику по движению научно-технического прогресса в Российской империи. Материалами для статьи послужили номера журнала за 1902 год, когда издание выходило еженедельно. Авторами определены значимые и характерные темы публикаций, размещаемых в журнале. Среди них: наука и образование как основа технического развития в Российской империи в начале XX века, технические новинки в области градостроительства, архитектурные проекты: научно-технический прогресс в общественной, жилой и городской архитектуре. Анализ публикаций в журнале «Зодчий» показал, что в техническом развитии Российской империи в начале XX века важная роль отводилась формированию профессиональных кадров. Издание также демонстрирует значение обществ архитекторов и инженеров в научно-техническом прогрессе и то, насколько стремительно шло техническое развитие в начале XX века в области градостроительства, что связано с рядом актуальных технических новшеств.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, инновации, Российская империя, периодика, журнал «Зодчий».

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rybka08@bk.ru (Ю.С. Замараева), nnevolko@sfu-kras.ru (Н.Н. Середкина), pchelkina.ml@mail.ru (Д.С. Пчелкина), pimenovapluzhnik@mail.ru (Н.Н. Пименова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 402-419
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.402

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Effectiveness of Cruisers in the Russian-Japanese War in 1904–1905

Oleg E. Chuikov ^{a,*}, Nikolay A. Mashkin ^b, Varvara V. Bogdan ^c, Natal'ya V. Miku ^d

^a Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^d Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

Abstract

Russian and Japanese obsolete cruisers of the 2nd and 3rd ranks (sail-screw clippers, corvettes, frigates) in the Russo-Japanese War of 1904–1905, as well as Russian mine cruisers, are analyzed in the article. These ships are considered obsolete, however, many of them took the most active (and some – and effective) participation in combat operations. The paper provides a comparative analysis of these vessels, their potential in terms of modernization, as well as the introduction of innovations and the impact of these innovations on the effectiveness of their use.

Russian cruisers of the 2nd rank (sail-screw clippers) “Zabiyaka”, “Razboinik”, “Dzhigit”, Russian mine cruisers “Gaydamak”, “Vsadnik”, Japanese cruisers of the 3rd rank “Idzumi”, Japanese coastal defense ships “Sayen” are analyzed in the study, “Hei-Yen”, “Chin-Yen”, “Fuso”, etc. A comparative analysis of outdated “classmates” in the opposing fleets and the possibility of their modernization and combat use in the fighting of the Russian-Japanese war is also carried out.

In the course of the study, we came to the conclusion that the possibilities of modernization of Port Arthur sail-screw clippers had dried up by the beginning of the war and their conversion into minelayers seemed relatively expedient; in this regard, the decision of the military and naval leadership of Port Arthur to use the weapons and crews of these vessels on the land front seems to be the only correct one. As for the Russian mine cruisers, there were opportunities for their modernization and more efficient use, but they were missed.

Japanese cruisers of the 3rd rank (including Chinese captured ones) were built abroad and had a much wider potential for modernization, which was fully used by Japanese sailors. The outdated modernized ships were actively used in combat operations and made a significant contribution to the victory.

Keywords: Russian-Japanese war, 1st Pacific Squadron, Russian Fleet, Japanese Fleet, Taikoku Kaigun, minecruiser, 2nd rank cruiser, 3rd rank cruiser.

1. Введение

Как правило, исследователи военно-морских сил русско-японской войны самое пристальное внимание уделяют кораблям «первой линии» – линкорам и броненосным крейсерам. Вместе с тем львиную долю «работы» по обеспечению военной деятельности – охранение (как прибрежной акватории, так и конвоев), минирование/траление, разведка и пр. – делают именно второстепенные суда, так называемые «собачки», ибо «бегать» приходится часто и помногу. В данной работе мы хотели бы обратить внимание на минные крейсера и устаревшие крейсера 2-го ранга, которые весьма активно использовались в боевых действиях. Также рассмотрим возможности модернизации данного

* Corresponding author

E-mail addresses: chuikov-ru@mail.ru (O.E. Chuikov)

класса судов, использование инноваций при модернизации и практическую деятельность флотов России и Японии при ее осуществлении, а также влияние этой модернизации на боевую эффективность отдельно взятой единицы.

Научная новизна исследования заключается в анализе возможностей модернизации и ее практической реализации флотами воюющих сторон, а также в сравнительном анализе боевых судов исследуемого класса.

2. Материалы и методы

В качестве материалов в работе используются несколько групп источников:

- источники личного происхождения (дневники участников описываемых событий и мемуары);
- материалы периодической печати;
- справочная литература того времени.

Среди первой группы источников отметим «Воспоминания о деятельности 1-й Тихоокеанской эскадры и морских команд на берегу во время осады Порт-Артура в 1904 году» героя войны 1904–1905 годов М.В. Бубнова, изданные в Санкт-Петербурге в 1907 году и признанные многими историками как одни из лучших о русско-японской войне (Бубнов, 1907).

Огромный интерес представляют и мемуары вице-адмирала С.О. Макарова, одного из наиболее авторитетных защитников Порт-Артура, проливающие свет на эти или иные тактические и стратегические планы сторон, а также особенности боевого применения судов (Макаров, 1953).

Также интерес представляют «Очерки из жизни осажденного Артура», написанные жителем осажденного Порт-Артура Н.Н. Веревкиным и изданные в Санкт-Петербурге в 1904 году.

Среди источников второй группы внимания заслуживает статья, в которой упоминается применение артурских парусно-винтовых клиперов при подавлении восстания «боксеров» в Китае в 1900 году (Годовщина..., 1901). Этому также посвящена и статья А.К. Мякишева «Взятие фортов Таку, 4-го июня 1900 г.», которая была опубликована в журнале «Морской сборник» в 1901 году (Мякишев, 1901).

Свой взгляд на участие кораблей в подавлении восстания ихэтуаней изложил военкор Д.Г. Янчевецкий в статье «У стен недвижного Китая. Дневник корреспондента «Нового Края» на театре военных действий в Китае в 1900 году Дмитрия Янчевецкого» (Янчевецкий, 1903).

Наконец, нельзя не отметить работу Н.Л. Кладо «The Russian navy in the Russo-Japanese war», которая была издана в Лондоне в 1905 году и посвящена конструктивной критике русского флота.

В третью группу источников вошли:

- статьи, посвященные анализируемым в работе боевым судам, в 18-томной военной энциклопедии, изданной в Санкт-Петербурге в первой половине второго десятилетия XX века (Военная энциклопедия, 1911-1915);

- памятные книжки по истории и современному состоянию военных флотов мира, изданные в Санкт-Петербурге И.В. Будиловским (Будиловский, 1898; Будиловский, 1899; Будиловский, 1902; Будиловский, 1904).

В исследовании применяется комплекс традиционных и нетрадиционных исторических методов исследования, а также некоторые общенаучные методы. К традиционным методам научного исторического исследования, которые использовались в работе, относятся:

- ретроспективный – применялся для создания исторической модели боевого применения крейсеров 2-го и 3-го рангов, минных крейсеров, а также кораблей береговой обороны с учетом их боевой ценности, модернизации, внедрения технических инноваций и т.п.;

- историко-типологический – применялся для классификации (то есть разделение на классы и типы) судов на основе определенного набора критериев, используемых в русском и японском флотах, а также для классификации источников и историографии по группам;

- историко-генетический – использовался для выявления причин и последствий модернизации судов, а также ее влияние на эффективность боевого применения;

- историко-сравнительный – применялся для сравнения боевых единиц по эффективности между собой (в пределах одного флота и одного класса), между судном противника аналогичного класса, а также между классами;

- историко-системный метод: исследование анализируемых нами судов проводилось в неотрывной связи с экономической, военной, географической и политической ситуацией с учетом тактических и стратегических замыслов противоборствующих сторон.

Из нетрадиционных методов исторического исследования нами были применены следующие:

- метод военно-исторической семиотики – предусматривает использование военных, военно-морских, морских и исторических понятий, терминов, категорий. В отдельных случаях им дается соответствующее пояснение в сносках, так как статья рассчитана прежде всего на широкую аудиторию ученых-историков, а не только специалистов в области военно-морской истории;

- математические/количественные методы использовались для количественного определения качества исследуемых нами судов.

Из общенаучных методов исследования применялись синтез, историографический анализ и пр.

3. Обсуждение

Рассматриваемый нами вопрос в целом освещен достаточно подробно; вместе с тем сравнительный анализ исследуемых в этой статье судов в комплексе с сущностным анализом их эффективности, которая бы учитывала проведенную флотами модернизацию, до настоящего времени сделан не был. Данная работа восполняет указанный пробел в изучении истории Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Среди советских изданий нами использовалась Большая советская энциклопедия для определения общих понятий и тенденций в русско-японской войне, а также для понимания советской точки зрения о ней (БСЭ, 1969). Ценным источником информации стала 16-томная «Советская историческая энциклопедия», изданная в Москве в 1961–1976 гг. (Советская историческая энциклопедия, 1962–1976).

Значительный пласт информации об артурских парусно-винтовых клиперах изложен в статье С.В. Попова «Охранные крейсера и клипера-первопроходцы», опубликованной в сборнике «Автографы на картах», изданном в г. Архангельске в 1990 г. (Попов, 1990).

Также много фактологических, источниковых и справочных данных содержится в монографии А.И. Сорокина «Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904–1905» (Сорокин, 1952).

Из современных российских работ, помимо трудов А.М. Мамадалиева (Mamadaliyev et al., 2018; Mamadaliyev et al., 2019a; Mamadaliyev et al., 2019b; Mamadaliyev et al., 2019c; Mamadaliyev et al., 2019d; Mamadaliyev et al., 2020), можно выделить значительный пласт весьма ценных исследований, посвященных русско-японской войне. Их также можно условно разделить на четыре группы: первая – посвящена изучению истории отдельных судов; вторая – исследует отдельные классы кораблей; третья – анализирует морские сражения; четвертая – представляет собой комплексные исследования по русско-японской войне, в которых, в том числе, содержится информация и о рассматриваемых нами аспектах.

1. К первой группе отнесем работы: Д.В. Киселева «Чаоюн» и «Янвэй» – от канонерок к крейсерам» (Киселев, 2010) и «Бронепалубный крейсер «Цзиюань», опубликованные в журнале «Морская кампания» (Киселев, 2011); С.Д. Климовского «Крейсер «Забияка», вышедшую в журнале «Судостроение» (Климовский, 1994); В.В. Мигачева «Первые мили крейсера «Забияка», напечатанную в журнале «Гангут» (Мигачев, 2009); Н.А. Пахомова «Крейсер II ранга «Забияка». 1878–1904 гг.» (Пахомов, 2008). Информация о броненосцах Японии, в том числе о таких кораблях, как «Чин-Иен», «Фусо» и др. содержится в фундаментальном труде А.А. Белова «Броненосцы Японии» (Белов, 1988) и др.

2. Ко второй группе относятся исследования Ю.Ф. Каторина «Крейсеры. Часть 1» (Каторин, 2008); В.В. Крестовского «В дальних водах и странах» в двух томах, посвященные парусно-винтовым русским клиперам (Крестовский, 2014a; Крестовский, 2014b); В.Я. Крестьянинова «Крейсера Российского императорского флота. 1856–1917 годы» (Крестьянинов, 2009); Р.М. Мельникова «Минные крейсера России. 1886–1917 гг.» (Мельников, 2005); С. Сулиги «Корабли русско-японской войны 1904–1905 гг. Часть 2. Японский флот» (Сулига, 1993); Ю.Ю. Ненахова «Энциклопедия крейсеров 1860–1910» (Ненахов, 2006) и др.

3. Третью группу составляют труды: П.Д. Быкова «Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море», выдержавший два издания (Быков, 2003); Ю.В. Ведерникова «Гибель кораблей и судов в русско-японскую войну 1904–1905 г.» (Ведерников, 2019); В.И. Катаева «Крейсерские операции Российского флота» (Катаев, 2009); И.М. Кокцинского «Морские бои и сражения русско-японской войны, или причина поражения: кризис управления», выдержавший два издания (Кокцинский, 2002); С.И. Титушкина «Корабельная артиллерия в русско-японской войне», опубликованный в журнале «Гангут» (Титушкин, 1994) и др.

4. Четвертая группа представлена весьма широко; обо всех работах упоминать здесь мы считаем нецелесообразным. Укажем только, что в данной статье мы апеллировали к монографии А.Б. Широкограда «Падение Порт-Артура», изданной в Москве в 2003 г., в Приложении которой содержится краткая техническая характеристика всех судов, участвовавших в войне с обеих сторон (Широкоград, 2003).

Среди зарубежных работ мы использовали труды Дж.А. Ленсена «Русско-китайская война» (Lensen, 1967), Х. Янчур и Д. Юнга «Военные корабли Императорского флота Японии, 1869–1945 гг.» (Jentschura, Jung, 1986), Э. Лакруа и Л. Уэлса «Японские крейсера в тихоокеанской войне» (Lacroix, Wells, 1997).

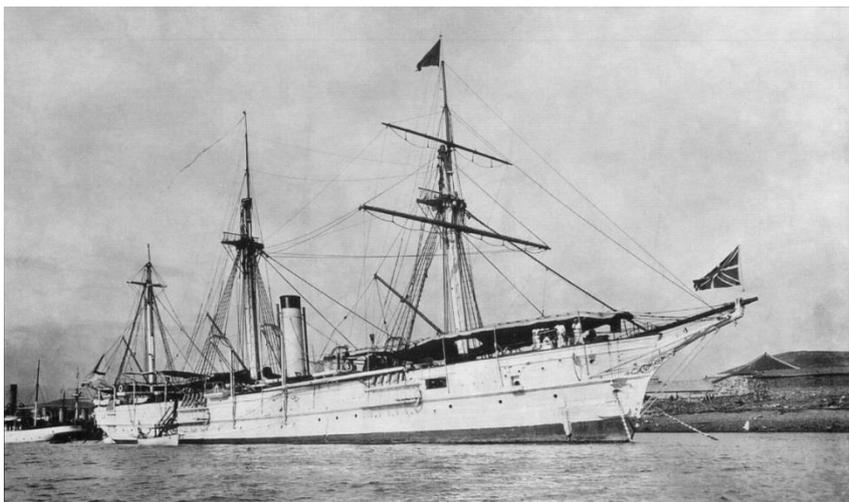
4. Результаты

Начнем анализ с русских устаревших крейсеров 2-го ранга (по принципу убывания величины водоизмещения анализируемых судов).

Таковых в Порт-Артуре насчитывалось три – «Забияка» (1878), «Разбойник» (1878) и «Джигит» (1876).

Вся троица относилась к типу парусно-винтовых клиперов. «Джигит» и «Разбойник» (см. [Рисунок 1](#)) являлись систершипами¹, принадлежали к клиперам типа «Крейсер» и были построены в России. Близкий по основным тактико-техническим характеристикам «Забияка» строился в США, на верфи братьев Крамп в г. Филадельфия.

Появление такого типа кораблей в русском флоте связывают с идеей рейдерской² войны. Массово строить парусно-винтовые клиперы как авизо³ и разведчики стали европейские государства во второй четверти XIX века; Россия несколько опоздала в этой гонке – первые корабли этого типа были построены уже после Крымской войны. В артиллерийском бою они не могли составлять конкуренцию «деревянному броненосцам» – парусным линейным кораблям, которые порой имели борта метровой толщины; Синопский бой показал это со всей очевидностью. Зато в решении задач по разведке, связи и оперативному транспортированию десанта они были на голову выше самых быстроходных чисто парусных судов. Российская империя после Крымской войны включилась в соревновательный процесс по строительству судов самых разных классов, и Русско-турецкая война 1877–1878 годов показала верность активного кораблестроения широкого спектра кораблей разных классов – наибольший урон турецкому флоту нанесли именно малые военные суда. Вместе с тем русское адмиралтейство понимало нецелесообразность нахождения мореходных судов клиперского класса в малых и, в сущности, закрытых акваториях, таких как Черное море; с началом внешнеполитической кампании на Дальнем Востоке оперативный простор тихоокеанского театра военных действий предоставлял парусно-винтовым клиперам куда больше возможностей. И появилась заманчивая идея использовать их в качестве рейдеров – «разрушителей торговли». К началу последней четверти XIX века будущий противник на Дальнем Востоке обрисовался более или менее четко – это была ищущая «жизненного пространства» Япония, руководимая энергичным и прогрессивным императором Муцухито, более известным как Мейдзи (в японской традиции умерших императоров всегда принято называть посмертным именем, каковым и было имя «Мейдзи»). Поэтому одной из задач строившихся клиперов в случае войны стало разрушение торговли Страны восходящего солнца рейдерскими операциями. И, конечно же, в уме русских адмиралов всегда была Великобритания («извечный» стратегический противник Российской империи), которая тоже имела островное географическое положение с присущими ему преимуществами и недостатками. В любом случае, по замыслу русского военного руководства, парусно-винтовые клиперы не стали бы бесполезно выброшенными деньгами, в результате чего в середине 70-х годов XIX века были построены четыре корабля типа «Крейсер» (головной, «Разбойник», «Джигит» и «Наездник»); все они были отправлены на Дальний Восток. В 1892 году были переклассифицированы в крейсера 2-го ранга. Корабли несколько различались осадкой, машинами и пр., поэтому называть их систершипами в полном смысле этого слова было бы не совсем корректно; вместе с тем размерения корпуса были идентичными, а попытка русского военно-морского командования апробировать на клиперах разную техническую «начинку» вполне позволяет (со сделанной оговоркой) говорить о судах типа «Крейсер» как об однотипных.

Рис. 1. Парусно-винтовой клипер (с 1892 г. – крейсер 2-го ранга) «Разбойник» предназначался прежде всего для рейдерских операций.

¹ Однотипными кораблями.

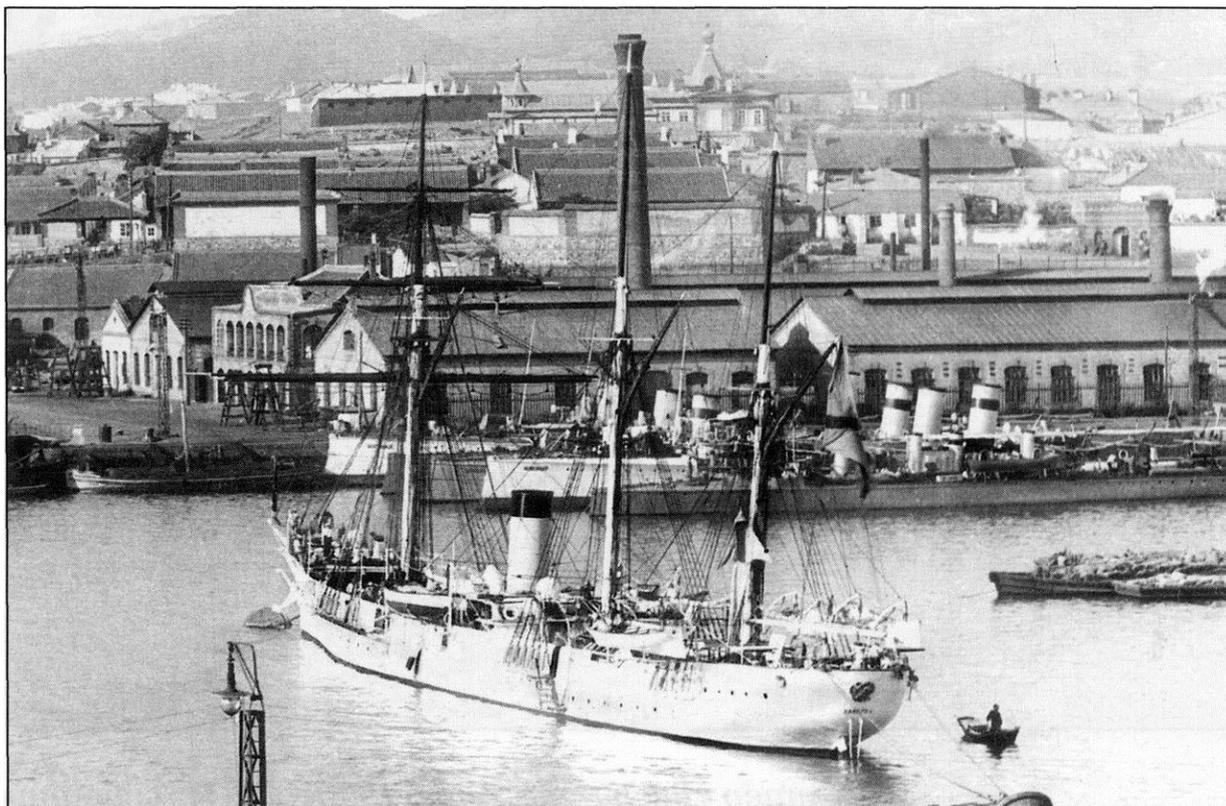
² Рейдерская операция – комплекс военно-морских мероприятий по обнаружению, уничтожению или захвату (так называемый «приз») неприятельских торговых/транспортных судов. Рейдер – судно, осуществляющее такие операции.

³ Ави́зо – посыльное судно.

Водоизмещение артурских клиперов составляло 1360/1334 тонны (соответственно «Разбойник»/«Джигит») при полной длине 70,5 м (по ватерлинии – 63,25 м), ширине 10 м, осадке (нормальной/в полном грузу) 4,4/5,1 м. «Джигит» имел мощность машины двойного расширения Ижорского завода в 1383 л.с. и развивал 12 узлов скорости. «Разбойник» оснащался горизонтальной машиной простого расширения системы Берда мощностью в 1786 л.с., которая позволяла развивать максимальный ход в 13 узлов. Питание осуществлялось от 4 котлов. Оба корабля имели запас хода (по угля) в 1600 миль при оптимальной скорости в 10 узлов (Будиловский, 1898: 90).

Вооружение также несколько отличалось после модернизации в 1892 году. «Джигит» имел три 6-дюймовых орудия с длиной ствола в 28,4 калибра, четыре 107-мм 20-калиберных орудия, четыре 47-мм и шесть 37-мм пушек. «Разбойник» имел два 6-дюймовых и четыре 107-мм орудия, две 47-мм и четыре 37-мм пушки. Каждый из указанных кораблей традиционно оснащался десантной 63,5-мм пушкой. В целом для своих размеров, мореходности и автономности вооружение следует признать вполне приличным (Будиловский, 1898: 90).

Не следует считать указанную автономность, сравнимую с добротным эсминцем начала XX века, недостатком (в частности, одни из лучших российских эсминцев русско-японской войны типа «Касатка»/«Бесшумный» (1898–1900; германской постройки) имели автономность в 1500 миль; японские миноносцы типа «Икадзути» (1898–1899) имели проектную дальность плавания и вовсе невероятные 3000 миль, которая на практике оказалась в два и более раза ниже, но тоже для судна его размеров была весьма внушительной). Необходимо иметь в виду, что главным двигателем «Крейсеров» были паруса; машине отводилась лишь вспомогательная роль в штиль или при слабом ветре. Таким образом, автономность фактически была привязана к запасам провианта и воды и могла составлять несколько недель. Мореходность также следует признать вполне удовлетворительной для корабля такого размера; отсутствие таранного форштевня, прочно «прописавшегося» на судах более поздней постройки, еще более улучшало ходовые качества. Вопросы вызывала лишь остойчивость (что стало главным мотивом в облегчении артиллерийского и парусного вооружения в 1892 году), которую ухудшали массивный такелаж¹ и огромная площадь парусов, однако за время эксплуатации каких-либо серьезных инцидентов, связанных с ней, у артурских клиперов типа «Крейсер» не было.

Рис. 2. Крейсер 2-го ранга «Забияка» на внутреннем рейде Порт-Артура; стал наиболее эффективным кораблем из парусно-винтовых клиперов в Русско-японской войне 1904–1905 годов.

¹ Такелаж – общее название всех технических приспособлений для хода под парусом.

В целом служба обоих кораблей не была драматичной. Они периодически курсировали между Кронштадтом и Владивостоком, несли стационарную службу¹ в иностранных портах (Чифу, Нагасаки и др.), крейсировали в Тихом океане, заодно выполняя роль учебных кораблей, а также производили различные гидрографические работы и охрану промыслов. Во время осады Порт-Артура после поражения 1-й Тихоокеанской эскадры в Желтом море корабли были разоружены, а их орудия отправлены на сухопутный фронт. При сдаче крепости затоплены, подняты японцами и сданы на слом. «Разбойник» также выполнял роль брандвахты² Порт-Артура и Дальнего.

Третьим устаревшим крейсером 2-го ранга являлся, как уже было указано выше, парусно-винтовой клипер «Забияка» (см. [Рисунок 2](#)).

Судно было построено на верфи небезызвестных братьев Крамп в г. Филадельфия (США) и стало апробированием американского военного кораблестроения русским адмиралтейством (разработкой проекта занимался лично Чарльз Крамп, впоследствии строивший «Ретвизан» и «Варяг»).

Как и его собратя по русско-японской войне, в 1892 году был переклассифицирован в крейсер 2-го ранга. Имел те же задачи, что ставились перед клиперами типа «Крейсер» – рейдерская служба и крейсерские операции у берегов вероятного противника и на его торговых путях. Другими задачами, прямо предусмотренными в техническом задании, являлись разведка при эскадре и служба в качестве авизо. По умолчанию предусматривалась и служба в качестве стационара. В силу вышесказанного, а также благодаря использованию ряда технических инноваций, корабль был более быстроходным, чем русские клиперы (максимальная скорость до 14,5 узлов; экономическая – 10 узлов), а дальность плавания (по углю) экономическим ходом составляла весьма внушительные для корабля его размеров 8100 миль; аналогичную дальность плавания имел первоклассный рейдер «Громобой» (1899), а его «братья по оружию» – «Россия» (1895), «Рюрик» (1892) и «Богатырь» (1901), осуществлявшие рейдерские операции во время русско-японской войны и составлявшие так называемый «владивостокский отряд крейсеров» – имели дальность плавания соответственно 7740, 6700 и 4900 миль. Автономность «Забияки» в источниках указывается в 25 суток «на половинном ходу» и 15 суток «на полном ходу». С учетом того, что корабль имел полное парусное вооружение (а именно – баркентины: сочетание обширных по площади прямых парусов на фок-мачте³, а также косых парусов на грот-⁴ и бизань-мачте⁵), его автономность была фактически привязана лишь к запасу провианта: на борту имелись два опреснителя, пополнявшие запасы пресной воды (которые, впрочем, производили воду лишь при наличии угля). Впоследствии при модернизациях вес такелажа облегчили и парусное вооружение стало характерным для шхуны. Силовая установка включала одну паровую машину типа «компаунд» в 1450 л.с. с приводом на 4-лопастной винт с регулируемым шагом, питавшуюся от двух двойных котлов. Максимальная скорость хода под машиной достигала 14,5 узлов, экономическая – 10 узлов. Водоизмещение судна составляло 1236 тонн, длина 67,4 м, ширина 9,1 м, осадка под форштевнем⁶ – 3,84 м, ахтерштевнем⁷ – 4,45 м. Экипаж корабля к началу русско-японской войны составлял 13 офицеров и 140 матросов ([Климовский, 1994: 19](#)).

Подробнейший анализ характеристик и судьбы данного корабля делает Н.А. Пахомов в 100-страничной монографии «Крейсер II ранга «Забияка». 1878–1904 гг.», изданной в 2008 году в Санкт-Петербурге ([Пахомов, 2008](#)).

Так как главными боевыми качествами судна становились автономность, мореходность и приемлемая скорость, то остальные качества, в частности мощность вооружения и количество экипажа, отходили на второй план. Бронирование для рейдера (в 70-е годы XIX века) и авизо не предусматривалось вовсе.

Артиллерийское вооружение предусматривало изначально (1879 г.) установку двух 6-дюймовых орудий длиной ствола в 23,3 калибра, четырех 9-фунтовых (107-мм батарейных) 20-калиберных орудий, одной горной 3-фунтовой (61-мм) горной пушки⁸, а также четырех 4-ствольных пушек системы Пальмкранца. Систему артиллерийского вооружения модернизировали три раза – в 1884-м,

¹ Стационар – военное судно, осуществляющее охрану интересов собственного государства в иностранных портах (защита своих торговых судов, охрана акватории порта и прибрежных районов, подавление беспорядков в портовом городе, защита дипломатических представительств и мн. др.).

² Брандвахтенная служба предусматривала охранение акватории военного (иногда – гражданского) порта, а также досмотр и экстренную/лоцманскую помощь торговым судам. Брандвахта – судно, несущее брандвахтенную службу.

³ Фок-мачта – первая по счету мачта от носа судна.

⁴ Грот-мачта – вторая по счету мачта от носа судна (или наиболее высокая).

⁵ Бизань-мачта – кормовая (или последняя по счету от носа) мачта судна.

⁶ Форштевень – носовая балка корабля, носовая оконечность корабля в подводной его части; нижняя часть судна в носу.

⁷ Ахтерштевень – задняя оконечность корабля в виде стояка, на которой вертикально замыкаются киль и борт; нижняя часть судна в корме.

⁸ Которую впоследствии сменило скорострельное 63,5-мм десантное орудие системы Барановского, принятое на вооружение в 1877 году и стрелявшее бездымным порохом.

1886-м и в 1891-м годах; последняя версия включала четыре 107-мм, шесть 47-мм одноствольных пушек Гочкиса, шесть 37-пятиствольных револьверных пушек Гочкиса системы Гатлинга, а также одну десантную 63,5-мм пушку. Как видим, для своего водоизмещения вооружение было более чем скромным и значительно уступало таковому на сходной по размерам мореходной канонерской лодке типа «Кореец» (1886). Помимо артиллерии, «Забияка» нес один палубный поворотный 380-мм торпедный аппарат, а также так называемый «минный плотик» (соединенные деревянным настилом два баркаса; предназначался для постановки и уборки мин) (Пахомов, 2008: 12-15).

В отличие от двух вышеназванных крейсеров, «Забияка» участвовал не только в гидрографических экспедициях, учениях и кругосветках. Корабль принял активное участие в подавлении восстания ихэтуаней в качестве авизо и судна снабжения. С началом русско-японской войны вместе с артурскими канонерками производил разведку бухты Тахэ 28 января 1904 г., паровой катер «Забияки» участвовал в дежурстве 10–11 января 1904 года на внешнем рейде Порт-Артура. Впоследствии на корабле держал флаг младший флагман эскадры контр-адмирал М.Ф. Лоцинский, ответственный за морскую и минную оборону. Однако с началом плотной осады крепости в конце апреля 1904 года вооружение и экипаж крейсера были переданы на сухопутный фронт. 12 октября 1904 года корабль затонул после попадания нескольких 11-дюймовых снарядов японских осадных мортир; в ночь на 20 декабря перед сдачей крепости остов судна был взорван.

К началу русско-японской войны вся троица клиперов безнадежно устарела, а возможности модернизации фактически были исчерпаны. Свои рейдерские качества «Джигит» и «Разбойник» осуществлять попросту не могли не только по причине ничтожной автономности под машиной: вооружение и скорость хода сделала бы их легкой добычей для японских крейсеров, даже устаревших. Поэтому единственная возможность их эффективного использования – это брандвахтенная служба; а с приближением японских сухопутных сил крепости – передача вооружения и экипажей для борьбы на суше. Модернизация кораблей в канонерские лодки (кардинально увеличить скорость было невозможно) с демонтажом парусного вооружения и усилением артиллерии (использование короткоствольных 152-мм орудий) могла оказаться эффективной для охранения внешнего рейда от японских брандеров и миноносцев. Вместе с тем с этими задачами вполне справлялись артурские канонерки и миноносцы. У более «продвинутого» в техническом отношении «Забияки» гипотетическая модернизация (усиление вооружения) также представляется нам неэффективной; смена же силовой установки на значительно более мощную также не дала бы возможности использовать его по своему прямому назначению: в скорости он так или иначе уступал бы японским легким крейсерам при утрате сколь-либо значительной дальности плавания.

Другое дело, что корабли могли бы стать отличными минными транспортами/заградителями; считаем, что эту возможность русское морское командование упустило, несмотря на то, что еще задолго до войны бесполезность троицы артурских парусно-винтовых клиперов в случае начала боевых действий была очевидной. Как покажет будущее развитие событий, три приличных минзага в Артуре оказались бы крайне полезны. Использовать же их в качестве тральщиков нам представляется делом малоэффективным из-за приличной осадки и плохого разделения корпуса на водонепроницаемые отсеки.

Подход Тейкоку Кайгун¹ в плане модернизации устаревших кораблей в конце XIX века весьма отличался от такового в русском флоте: устаревшие суда японцы старались «вытащить» путем внедрения инноваций и модернизации и всячески использовать в боевых действиях.

В качестве примеров можно привести несколько японских устаревших крейсеров 2-го и 3-го рангов, которые были модернизированы и не только активно, но и еще весьма эффективно использовались в ходе русско-японской войны.

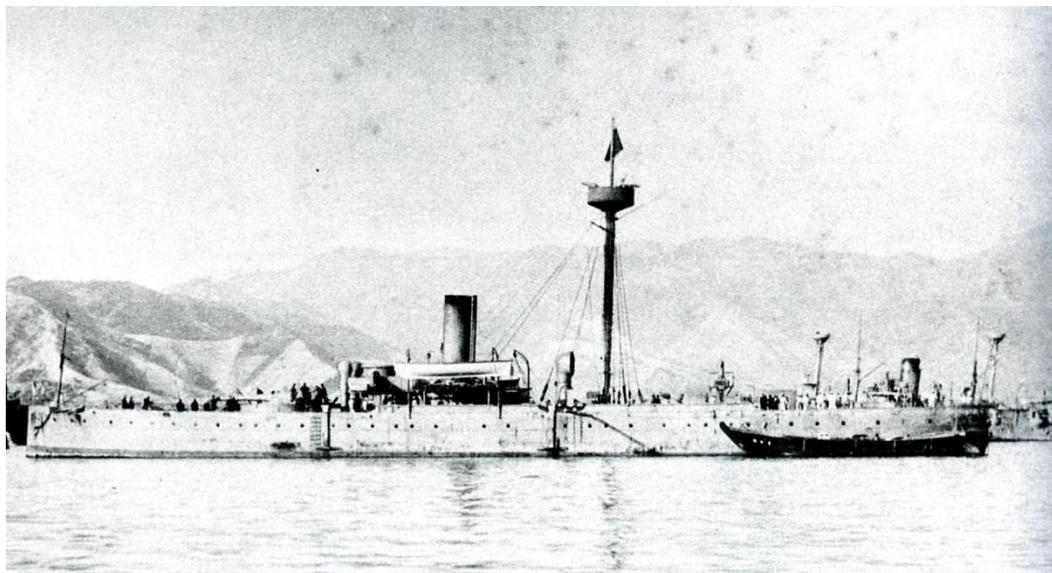
Одним из образцов такой модернизации по праву можно считать крейсер 3-го ранга «Сайен» (1883) (после модернизации – канонерская лодка или, как было принято в японской классификации, «судно береговой обороны 3-го ранга»; см. Рисунок 3).

Судно строилось на верфи в Штеттине (Германия) для китайского флота как крейсер 3-го ранга, вступило в строй через два с половиной года после начала постройки – в 1885 году и получило название «Цзиюань» (согласно китайскому написанию верной была бы русская транслитерация «Цзи-Юань»). Главная задача, которую корабль должен был выполнять – поддерживать в бою («дополнять») барбетные броненосцы «Чжен-Юань» (будущий японский трофейный «Чин-Иен») и «Дин-Юань» с «ромбическим» расположением орудий главного калибра²; однако отсутствие вертикального (бортового) бронирования вкупе с небольшим водоизмещением и вооружением не

¹ Тейкоку Кайгун – Императорский военный флот Японии в 1869–1945 гг.

² Модное в 80-х годах XIX столетия расположение артиллерии, особенно – на капитальных кораблях (броненосцах, броненосных крейсерах): две огневые точки (орудия, башни и пр.) главного калибра в носу и корме, две – по бортам. Теоретически это позволяло оптимизировать огневую мощь, так как в каждое направление могли стрелять три из четырех точек. На практике же стрельба из боковых орудий по направлению носа или кормы приводила к разрушениям вдоль бортов. В итоге в 90-х годах XIX века на смену пришла схема линкоров с двумя огневыми точками главного калибра – в носу и корме.

давала ему шансов участвовать в эскадренном бою с броненосцами. Можно сказать, что это была своеобразная попытка создать прообраз будущих линейных крейсеров (в сравнении с линкорами чуть выше скорость, но чуть легче вооружение и бронирование), однако в том виде, в каком она была реализована в «Цзиюане», ее следует признать неудачной, что со всей очевидностью покажут последующие боевые действия. Однако, имея небольшое водоизмещение и крупнокалиберную артиллерию, «Цзиюань» прекрасно реализовался как канонерская лодка в русско-японскую войну.

Рис. 3. Канонерская лодка «Сайен» (бывший китайский крейсер 3-го ранга «Цзиюань» (1883), захваченный в качестве трофея): один из ярких примеров рачительного подхода к устаревшей технике. На фото: после модернизации 1898–1900 гг.

Судно имело водоизмещение 2400 тонн при длине 72 м, ширине 10,5 м и осадке 4,7 м. Двухвинтовой движитель, две паровые машины при четырех котлах и мощности в 2800 л.с. обеспечивали максимальную скорость хода в 15 узлов. Крейсер относился к числу бронепалубных, т.е. основную защиту обеспечивала композитная (двухслойная) карапасная броневая палуба, подобно панцирю черепахи накрывавшая силовую установку; толщина ее на скосах равнялась трем дюймам (76 мм). Весьма мощно был бронирован барбет¹ орудий главного калибра (толщина брони в 250 мм); щиты других орудий бронировались листами в 2 дюйма (51 мм), рубка – 1 дюйм (25 мм) (Киселев, 2011: 6).

Основное вооружение составляли два спаренных 210-мм² орудия в носовой барбетной установке с длиной ствола в 30 калибров, которое дополняло ретирадное 35-калиберное 150-мм орудие. Противоминная артиллерия включала четыре 75-мм орудия (ствол в 30 калибров), а также четыре одноствольных 57-миллиметровых пушек и девять пятиствольных 37-миллиметровых пушек системы Гатлинга (Киселев, 2011: 4-5). Артиллерию дополняли четыре минных/торпедных аппарата.

Корабль достался японцам в ходе Японо-китайской войны 1894–1895 гг. и даже успел повоевать в ней против своих бывших хозяев. В китайском флоте корабль имел полное парусное вооружение шхуны (что вполне соответствовало годам его создания) и «прославился» не только тем, что умел вовремя (и неоднократно) удирать из боя, бросая своих товарищей по оружию (капитан корабля Фон

¹ Барбет (с франц. «шейный платок») – бронированное кольцо, обеспечивающее орудию круговую защиту; преимущество в сравнении с башенными орудийными установками заключалось в более легком весе и отсутствии сложных механизмов ее поворота; недостаток – отсутствие защиты в верхней части (которую зачастую накрывали сферическим противоосколочным колпаком), в результате чего орудия и прислуга поражались осколками снарядов, а также необходимость выставлять за пределы барбета казенную часть орудия при стрельбе прямой наводкой или близких к ней вертикальных углах. Из-за указанных недостатков барбетные артиллерийские установки были полностью вытеснены башенными.

² В литературе порой неточно упоминается калибр в 8 дюймов (203 мм), что несколько неверно. В германской промышленности была взята за основу метрическая система (в основе мер длины/расстояния лежит метр), в то время как в Российской империи пользовались английской системой мер (основой измерения являлись различные меры длины; в оружейном деле в основе лежал дюйм, т.е. 2,54 мм). Дореволюционные авторы же условно переводили калибр в дюймы, откуда и пошли данные расхождения.

Боцянь в итоге был казнен за свое малодушное поведение), но еще и невероятной везучестью; более того, китайские моряки удачным выстрелом смогли нанести повреждения куда более сильному японскому крейсеру английской постройки «Йосино», который преследовал удиравший «Цзюань», в результате чего японский корабль отказался от преследования.

Японские корабли, получив трофей, к модернизации судна подошли весьма ответственно. Прежде всего убрали изжившие себя паруса, оставив только среднюю (грот-) мачту; в результате чего улучшилась не только остойчивость, но и пожаробезопасность. Старые котлы заменили двумя новыми двойными – паропроизводительность не ухудшилась, а силовая установка стала и легче, и компактней. Разношерстную противоминную артиллерию заменили на единообразный калибр – восемь 47-мм пушек. 350-мм торпедные аппараты заменили на 457-миллиметровые, принятые на вооружение в японском флоте. К названиям судов японцы подходили весьма суеверно – корабль сохранил старое китайское название и в японском произношении именовался как «Сайен» («Сай-Иен»); подобная судьба ждала и трофейный китайский броненосец – «Чжен-Юань» стал «Чин-Иеном».

«Сайен» не только активно, но и эффективно использовался в русско-японской войне, став образцовым примером того, как устаревшее, но модернизированное судно может приносить пользу флоту. Едва не став участником сражения у Чемульпо, «Сайен» 28 января 1904 г. в качестве приза захватил пароход «Екатеринослав» у о. Цусима. В дальнейшем использовался как артиллерийский корабль для поддержки сухопутных войск, где своими крупнокалиберными орудиями доставлял немало хлопот русским войскам, причем так, что на него объявили охоту: паровые катера с броненосцев «Победа» и «Пересвет» ставили мины в местах его появления; японцы в свою очередь тщательным тралением боролись с минированием бухт. 17 ноября постановка, сделанная ранее с одного из миноносцев, оказалось успешной: одной мины оказалось достаточно для потопления. Вполне возможно, что, если бы водонепроницаемые двери в переборках были задраены, корабль бы продержался на плаву до прихода помощи, но соответствующая команда была дана лишь после подрыва, когда фактически сделать было уже ничего нельзя (напомним, что построенный в 80-х годах XIX века «Сайен», равно как и абсолютное большинство его современников, имел весьма посредственный уровень противоминной защиты).

Похожая судьба была и у другого бывшего китайского броненосца «Пин-Юань», который стал японской бронированной канонерской лодкой «Хей-Иен». Методика была идентичной: замена старой 6-дюймовой крупнокалиберной артиллерии на новую от Армстронга, дополнительное усиление в виде двух новых 120-мм орудий, замена 47-мм и 37-мм орудий Гочкиса на новые, сохранение 260-мм орудия главного калибра; силовую установку трогать не стали (Белов, 1998: 36-37). Судно вместе с «Сайеном» также активно поддерживало огнем сухопутные войска в Печелийском заливе, также наскочило на мину (ночью 16 сентября 1904 года) и затонуло в течение четырех минут, унеся с собой командира и практически весь экипаж в полном составе (Ведерников, 2019).

Другим примером инновационного подхода к модернизации устаревшей техники служит крейсер 3-го ранга «Идзуми»/«Эсмеральда» (1883) (рис. 4) (Mamadaliyev et al., 2020). Согласно целям данной работы, мы проведем сравнительный анализ боеспособности и эффективности корабля в результате модернизации. Как известно, крейсер был построен верфью Армстронга в г. Эльсвик (Великобритания), став родоначальником так называемых «эльсвикских крейсеров», характерной чертой которых было сочетание относительно малого водоизмещения, карапасной бронепалубы и мощной крупнокалиберной артиллерии. Целью была идея экономии при сохранении огневой мощи. Так как процент попаданий крупных снарядов в морском бою тех времен был крайне мал, появилась идея, что броня – это нецелесообразное расходование средств, поэтому многие европейские конструкторы решили отказаться от нее вовсе. Апогеем подобного дисбаланса стали итальянские «броненосцы» типа «Италия», заложенные в 1876 году. Однако появление скорострельной артиллерии с патронными зарядами сделали идею неактуальной (хотя будущий первый морской лорд Великобритании Д. Фишер последовательно отстаивал и, более того, успешно реализовывал эту идею вплоть до конца второго десятилетия XX века). В Российской империи проекты «безбронного судна» горячо отстаивал С.О. Макаров, обладавший безоговорочным авторитетом не только у коллег, но и у двух императоров. Для японцев же данную теорию всецело развенчала битва при Ялу в японо-китайской войне, когда главная сила флота – бронепалубный крейсер «Мацushima» с исключительно мощной, но медленной артиллерией главного калибра – попал в крайне затруднительное положение и чудом не был потоплен, оказавшись под огнем скорострельных китайских орудий. Крейсер «Эсмеральда» был построен как раз в соответствующей «философии» и, купив его у Чили в 1895 году для участия в японо-китайской войне (однако повоювать не успел), японцы вскоре принялись за модернизацию, осуществленную в 1899 и 1901 годах.

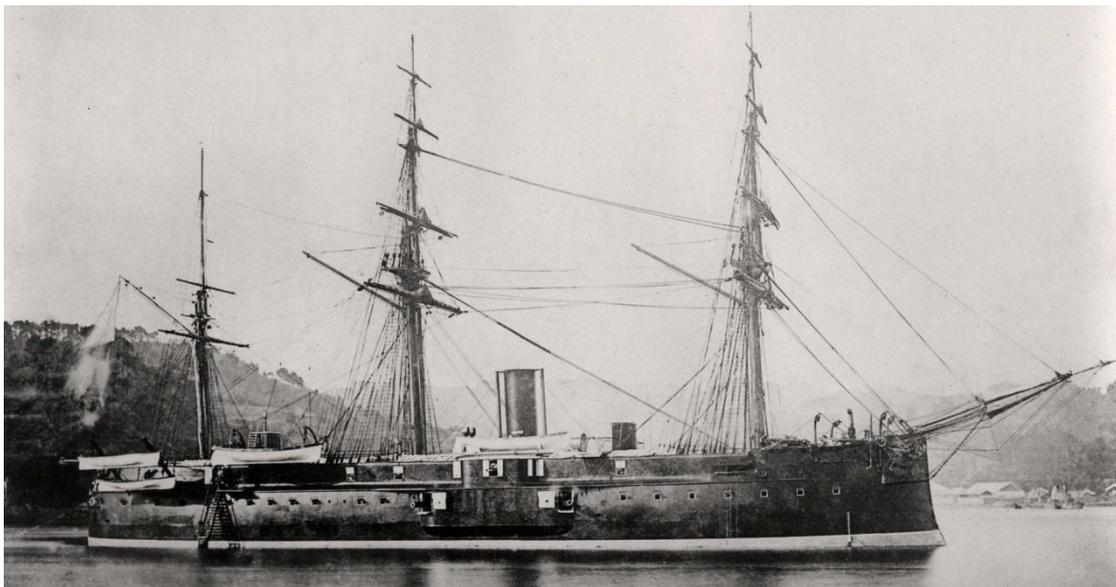
Рис. 4. Крейсер 3-го ранга «Идзуми» (1883) после модернизации 1899 и 1901 годов

Имевшиеся проблемы с остойчивостью были решены облегчением мачт (снятие «боевых» марсов, которые были хороши в эпоху парусов, но ставшие атавизмом в эпоху пара). К началу русско-японской войны вооружение крейсера составляли два 6-дюймовых и шесть 120-мм скорострельных орудия, а также два 57-мм и шесть 47-мм пушек; артиллерию дополняло торпедное вооружение из трех 457-мм аппаратов. Водоизмещение «Идзуми» составляло 2920 тонн при длине 82,3 м, ширине 12,8 м, осадке 5,64 м. Бронепалуба имела толщину на скосах 51 (в центральной части) – 25 (в оконечностях) мм, в «горизонтальной» части – 13 мм. Орудия защищались щитами толщиной 51 (фронтальная часть) – 37 (боковая часть) мм (по [Jentschura, Jung, 1986](#)). Рубка имела бронирование в 51 мм. Силовая установка мощностью в 6000 л.с. включала две паровые машины типа «компаунд» с приводом на два винта, питавшиеся от четырех цилиндрических котлов; максимальная скорость 18,25 узла (см. [Каторин, 2008](#); [Ненахов, 2006](#)). К началу XX века силовая установка корабля безнадежно устарела, и данных о ее модернизации нет. Вместе с тем в войну корабль действовал как разведчик в Корейском проливе против «владивостокского отряда крейсеров», и имеющейся скорости (с учетом расстояния до базы) ему вполне должно было хватить для того, чтобы уйти и спрятаться в порту Такесики на о. Цусима. В целом из устаревшего корабля удалось создать полноценную и эффективную боевую единицу; в этом заслуга не только японцев, но и прекрасного в то время английского судостроения, которое заложило в судно отличный потенциал.

В этой связи нельзя не сказать несколько слов о современнике русских парусно-винтовых клиперов – броненосце (или как его было принято называть на этапе проектирования – броненосный фрегат казематного типа) «Фузо» (1877) и чуть более позднем трофейном броненосце «Чин-Иен» (1882).

«Фузо» стал первым японским броненосцем (см. рис. 5). Он был построен в Англии на основе британского броненосца «Айрон Дьюк» (1870), служившего в основном на Дальнем Востоке и знакомого японцам не понаслышке. Даже к моменту спуска «Фузо» на воду концепция «броненосного фрегата казематного типа» с полным парусным вооружением уже прилично устарела, поэтому он, как и артурские клиперы, имел весьма скромные возможности для модернизации. Вместе с тем судно модернизировали в 1894 г., после чего оно принимало активное участие в японо-китайской войне, получив повреждения в битве при Ялу. Очередной ремонт (в том числе и в результате небоевых повреждений) и модернизацию «Фузо» прошел в 1899–1900 годах, а в 1903 году был перекалиброван в броненосец береговой обороны. Корабль имел водоизмещение 3717 тонн при длине в 67 м и ширине 5,5 м., защита включала 203-миллиметровое бронирование каземата, в котором первоначально располагались четыре 240-мм орудия главного калибра, а также 229-102 миллиметровый пояс, перекрывавшийся 178-миллиметровыми траверсами ([Широкопад, 2003: 284](#)). После модернизации корабль имел восемь паровых котлов и две паровые машины мощностью почти в 4 тыс. л.с., которые обеспечивали 13 узлов максимального хода и 10 узлов крейсерского, на котором

судно могло пройти приличные для корабля его класса и возраста 4500 миль при полном запасе угля в 360 тонн. Экипаж составлял 250 чел., к началу русско-японской войны число выросло до 322 чел. (Белов, 1998: 49; Ведерников, 2019: 121).

Рис. 5. Бронированный фрегат казематного типа (впоследствии корабль береговой обороны) «Фусо» (1877) неоднократно модернизировался и, несмотря на свой возраст, принес пользу не только в Японо-китайской 1894–1895 гг., но и Русско-японской войне 1904–1905 гг.

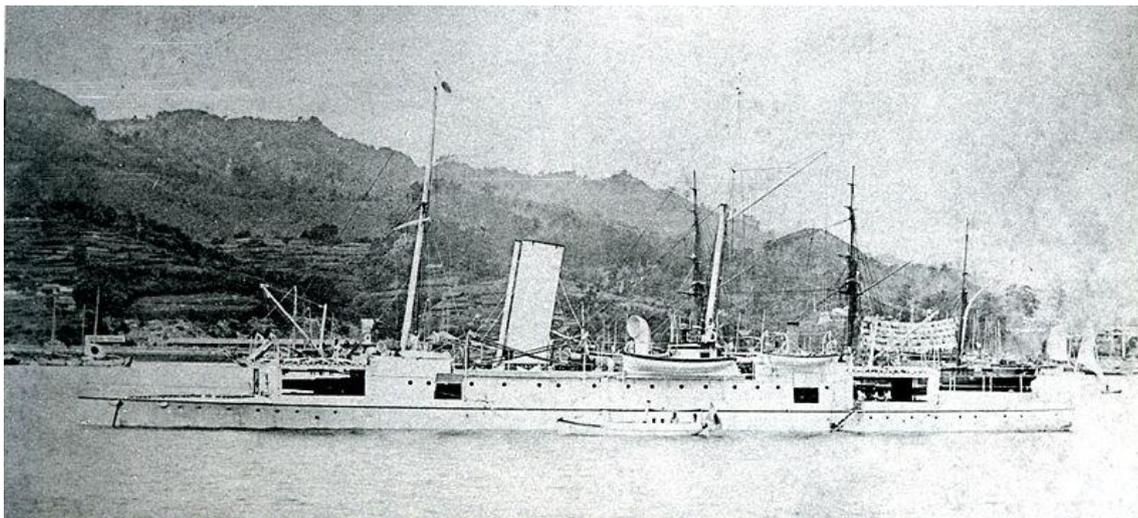
К началу русско-японской войны «Фусо» имел на вооружении два 6-дюймовых и четыре 120-мм современных скорострельных орудия, а также одиннадцать 47-мм пушек Гочкиса и два 457-мм торпедных аппарата. Судно было переклассифицировано в корабль береговой обороны. Корабль нечасто появлялся в водах Порт-Артура, однако благодаря полной защите ватерлинии и скорострельной артиллерии «Фусо» был бы грозой не только русских канонерок, но даже и крейсеров (всех без исключения 2-го ранга и, не без шанса на успех, таких крейсеров 1-го ранга, как «Диана» и «Паллада», имевших более сильную артиллерию, но гораздо более слабую защиту). Если же сравнить его с первоначальным вариантом («медленные» четыре 240-мм и два 170-мм орудия), то «Фусо» стал бы легкой добычей даже для русских крейсеров 2-го ранга (имеются в виду «полноценные» корабли данного класса, а не парусно-винтовые клиперы), таких как «Боярин» или «Новик», несших по шесть 120-мм скорострельных орудий. Таким образом, модернизацию следует признать не только эффективной, но и целесообразной.

Еще один «старичок», упомянутый ранее и доставшийся Японии в числе других кораблей после японо-китайской войны – броненосец «Чин-Иен» (1882) германской постройки водоизмещением в 7670 тонн, строившийся на верфи Вулкан в Штеттине. Здесь скажем только, что в 1901 году он прошел незначительную модернизацию и капитальный ремонт; судно оснастили новой скорострельной артиллерией среднего калибра (четыре 6-дюймовых 40-калиберных орудия) и противоминной артиллерией (две 57-мм, восемь 47-мм и две 37-мм пушки); старые короткоствольные 12-дюймовки (25 клб) в двух башнях, располагавшихся по центру корабля, демонтировать не стали, как и надежную немецкую силовую установку, которая, впрочем, к началу русско-японской войны обеспечивала скорость не более 10,5 узлов (Белов, 1988: 66), по другим данным – не более 11 узлов (Широкоград, 2003: 284). Несмотря на цитадельный¹ тип бронирования, наличие среднекалиберной скорострельной артиллерии позволяло кораблю защищаться от русских крейсеров 2-го ранга; 12-

¹ Цитадельная схема бронирования (другое, более позднее название этой схемы – «все или ничего»; будет применена на позднейших линкорах, в том числе на одних из самых сильных «Ямато» и Мусаси») – концепция броневой защиты корабля, когда наиболее важные части защищаются очень надежно, в то время как большая часть судна остается уязвимой. Подобная схема хороша против тяжелых и мощных снарядов, так как при попадании таковых позволяет сохранить боеспособность. С появлением скорострельной патронной артиллерии среднего калибра (наиболее распространенными были 120–152 мм орудия) быстро устарела. Вновь обрела актуальность после Первой мировой войны с появлением новых длинноствольных орудий с тяжелым снарядом (калибром 381–406 мм), способных пробивать 240–305 мм бронепояса линкоров на большинстве боевых дистанций.

дюймовки следует признать бесполезными, так как они стреляли один раз в четыре минуты.¹ «Чин-Иен» очень активно использовался в русско-японскую войну, осуществляя конвоирование транспортов с десантом, прикрывая атаку своих миноносцев, поддерживал огнем осаду Порт-Артура, а также участвовал в обоих генеральных сражениях (бой в Желтом море и Цусимское сражение). Таким образом, корабль стал очередным примером того, как модернизация способна поднять боевую эффективность судна.

Крейсер «Цукуси» (1880) английской постройки (верфь Армстронга, г. Эльсвик) первоначально был построен для чилийского флота, но позже выкуплен Китаем и как военный трофей достался Японии. Представлял собой переходный класс военных судов (от канонерской лодки к крейсеру 3-го ранга), имел водоизмещение 1380 тонн при длине 64 м, ширине 9,8 м и осадке 4,5 м. Две паровые машины типа «компаунд» системы Хаутхорна с четырьмя цилиндрическими огнетрубными котлами мощностью 2600 л.с. обеспечивали максимальную скорость 16,5 узла; автономность на 10-узловом ходу – 3000 миль, на 8-узловом – 5400 миль. Экипаж 137 чел. (Киселев, 2010: 4-5)

Рис. 6. Крейсер 3-го ранга «Цукуси» (бывший чилийский «Артуро Прат» и китайский «Чаоюн») (1880) был переходным типом между канонерской лодкой и крейсером

Первоначальное вооружение составляли два 10-дюймовых орудия и четыре 130-мм орудия, а также две 57-мм пушки и четыре многоствольные митральезы системы Гатлинга при двух 381-мм (15 дм) торпедных аппаратах. Орудия главного калибра на тот момент были лучшими в мире по бронепробиваемости. У. Армстронг без излишней скромности заявлял, что «...В настоящее время ни единый корабль британского флота не способен сразиться с ними один на один, не мог бы настигнуть их или уйти от них, если бы благоразумие продиктовало необходимость отхода» (Киселев, 2010: 7). Однако расплачиваться за столь мощную артиллерию пришлось мореходностью – судно имело очень низкий борт, и мало-мальски сильный шторм мог стать для корабля и его экипажа последним: во время перехода из Чили в Китай (где корабль переименовали в «Чаоюн») ему дополнительно нарастили высоту борта в носовой части.

Тейкоку Кайгун, захватив «Чаоюн» после битвы при Ялу, переименовал его в «Цукуси», и тот поучаствовал в боевых действиях против своих бывших хозяев, а после войны ушел в Японию. В 1898 году был перевооружен (заменена средняя артиллерия на такое же количество скорострельных 120-мм орудий), переклассифицирован в крейсер 3-го ранга и служил стационарным. К русско-японской войне его вновь переклассифицировали в «канонерскую лодку 1-го класса», и он участвовал в охране японского берега и конвоировал транспорты в Корею. В мае 1904 года вместе с другими японскими канонерками поддерживал наступление японской армии при Цзинчжоу. Таким образом, даже без кардинальной модернизации (лишь смена артиллерии) корабль оказался эффективной боевой единицей после четверти века с момента спуска на воду: таков был великолепный потенциал кораблей английской постройки в конце XIX века.

Парусно-винтовые корветы также имелись в японском флоте; их насчитывалось шесть штук: «Кацураги» (1885), «Мусаси» (1886), «Ямато» (1885), «Терню» (1883), «Каймон» (1882) и «Цукуба» (1853).

«Цукуба» был когда-то британским деревянным парусно-винтовым корветом «Малакка», участвовал в Крымской войне, а в 1869 году был продан Японии. «Революция Мейдзи»

¹ Приведенные данные – это теоретическая скорострельность, которая от практической могла отличаться весьма сильно.

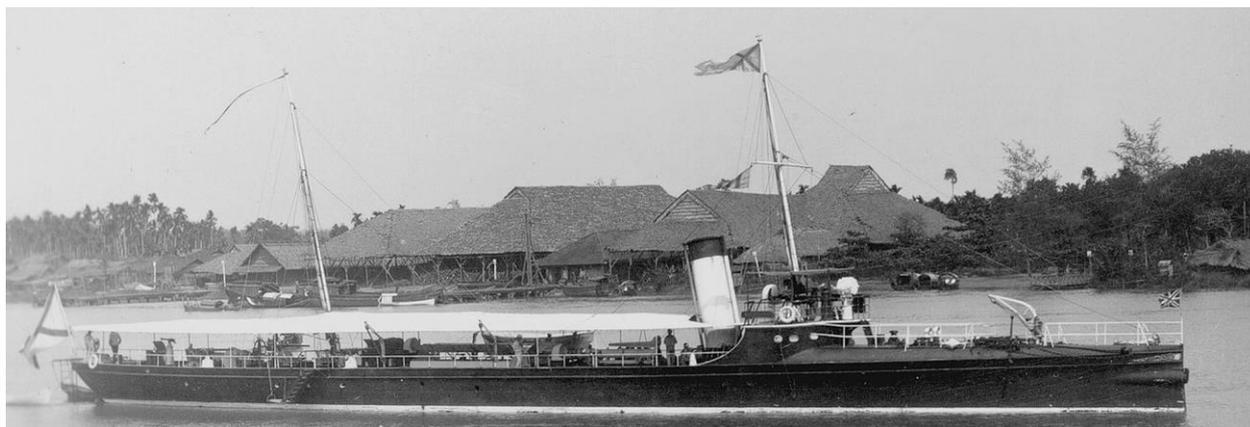
предусматривала создание мощного военно-морского флота, и Страна восходящего солнца охотно скупала (зачастую в кредит) современные корабли у «владычицы морей», которая в лице Японии видела не только прибыль, но еще и стратегического партнера в борьбе против европейских государств за раздел Восточной Азии. Последняя модернизация состоялась в 1892 году, когда на «Цукубу» установили четыре новейших скорострельных 6-дюймовых орудия Армстронга. Архаичная силовая установка не позволяла развивать больше 8 узлов (по Lacroix, Wells, 1997: 37), вместе с тем в годы русско-японской войны корвет использовался как плавучая база для миноносцев и судно прикрытия, так как имел отличную мореходность, автономность и грузоподъемность (сам будучи водоизмещением в 1947 тонн) (Lacroix, Wells, 1997: 36).

«Кацураги», «Ямато» и «Мусаси» были однотипными парусно-винтовыми корветами, которые устарели еще до начала своего строительства; почему Тейкоку Кайгун, делавший ставку на инновационные (пусть даже не проверенные) решения, решил заказать их, для нас остается загадкой. Суда имели 1476 тонн водоизмещения при длине 62,8 м, ширине 10,7 м и осадке 4,6 м. Силовая установка «Кацураги» состояла из двух паровых машин мощностью 1622 л.с. с приводом на два винта, «Ямато» и «Мусаси» имели одну машину и, соответственно, были одновинтовыми; полная скорость хода у всей троицы была 13 узлов (Jentschura, Jung, 1986: 72). В мирное время корабли выполняли гидрографические работы. Позднее их переклассифицировали в корабли береговой обороны. В 1900 году корабли модернизировали, убрав паруса, к двум 170-мм 35-калиберным, пяти 120-мм 35-калиберным орудиям и одному 75-мм 30-калиберному орудию добавили восемь 47-мм пушек Гочкиса и шесть пулеметов системы Максим; два 381-мм торпедных аппарата поменяли на 457-миллиметровые (Широкорад, 2003: 286). Ханс-Джордж Янцура и Дитер Юнг полагают, что всю старую артиллерию сняли, а установили лишь восемь новых 47-мм пушек и шесть пулеметов (Jentschura, Jung, 1986: 72). Троица участвовала в японо-китайской войне, патрулируя в Желтом море; будучи устаревшими, в русско-японской войне в боевых действиях корветы участия не принимали, а охраняли акватории портов Нагасаки, Такесики и др.

Наконец, оставшиеся два корвета – «Терню» и «Каймон» – также были однотипными, причем строились непомерно долго: оба были заложены в 1877 году на верфи в Йокосуке, а вступили в строй в 1884 и 1885 годах соответственно, уже будучи безнадежно устаревшими; тем не менее активно использовались в японо-китайской войне как транспорты и дозорные корабли. В 1898 году были переклассифицированы в корабли береговой обороны третьего класса. В русско-японской войне «Терню» нес дозорную службу в порту Кобе. А «Каймон» участвовал в боевых действиях, патрулируя воды Кореи и Цусимского пролива, а также действуя как транспорт. В июне 1904 года корабль налетел на мину, выставленную «Енисеем» в бухте Талиенван, и погиб (Jentschura, Jung, 1986: 74-75).

В целом отметим, что модернизация судов всецело зависела от их потенциала. Как и в русском военном флоте, старые японские парусно-винтовые корветы имели крайне ограниченный потенциал для усовершенствования, поэтому кроме косметической замены артиллерии, других модернизаций японцы не проводили, считая таковые нецелесообразными.

Рассмотрев и сравнив устаревшие русские и японские крейсера, перейдем к анализу русских минных крейсеров. Таковых насчитывалось два – «Всадник» (1893) и «Гайдамак» (1893), относившиеся к минным крейсерам типа «Казарский».

Рис. 7. Минный крейсер «Гайдамак» (1893) (как и его порт-артурский систершип «Всадник») к началу войны сильно устарел, хотя и имел потенциал для модернизации

Корабли имели нормальное водоизмещение в 400 тонн при длине 57,2 м, ширине 7,2 м с осадкой 3,4 м. Силовая установка включала одну паровую машину при двух огнетрубных котлах с приводом на один винт и мощностью в 3500 л.с. Она обеспечивала судну 22,5 узла (проектная скорость судов типа «Казарский»); «Всадник» и «Гайдамак», построенные в Финляндии, оказались

перетяжеленными и не развивали более 20 узлов (Мельников, 2005: 47) полного хода и 10 узлов экономического, дальность плавания которых составляла 1650 миль. Экипаж насчитывал 7 офицеров и 57 матросов. Артиллерийское вооружение состояло из шести 47-мм пушек Гочкиса и трех 37-мм пушек Гатлинга. Минно-торпедное вооружение включало два однотрубных 381-мм торпедных аппарата (Mamadaliyev et al., 2020: 295-333).

Главный недостаток судов типа «Казарский» – очень низкий борт и, как следствие, крайне низкая мореходность, которая в сильные штормы делала корабль опасным прежде всего для своего экипажа. Неслучайно при переходе обоих «казарских» на Дальний Восток их сопровождал мореходный океанский рейдер, броненосный крейсер «Память Азова». В силу узких обводов (для достижения максимальных скоростей при минимальной мощности) корабль плохо слушался руля и сильно вибрировал даже на среднем ходу (Мельников, 2005: 47).

Представляется, что потенциал для модернизации этих немолодых уже судов все же был (понятие «немолодых» справедливо к периоду конца XIX – начала XX веков, когда научно-технический прогресс во флоте был наивысшим за всю его историю и корабли успевали устареть еще до начала строительства). Прежде всего это касалось вооружения (что впоследствии и сделали на однотипных «Казарском», «Посаднике» и «Воеводе»): без особых проблем артиллерию можно было усилить до двух-трех 75-мм (3 дм) орудий, а 47-мм пушки и один торпедный аппарат снять. Практика показала, что скорость для торпедной атаки имеет решающее значение, в то время как в русско-японской войне флоту нужны были именно «контрэсминцы». Лучшие из японских эсминцев имели на вооружении по два 3-дюймовых орудия и в перестрелке с русскими эсминцами имели неоспоримое преимущество. Вполне по силам было поменять архаичную машину и огнетрубные котлы на современные – более легкие и производительные. Прибрежные воды Ляодунского полуострова можно считать относительно спокойными, поэтому прибавка мощности и хотя бы 3-4 узла к скорости позволяла бы «казарским» держать один ход с миноносцами. В таком виде (и с новыми, неизношенными машинами) суда этого типа стали бы отличными «истребителями истребителей миноносцев». В итоге же им пришлось тралить рейд перед каждым выходом эскадры и их неплохой в целом потенциал реализован не был.

У Тейкоку Кайгун минных крейсеров не было, по крайней мере, как отдельного класса. В качестве кораблей прикрытия миноносцев использовали канонерские лодки, крейсера 2-го и 3-го рангов, а также авизо. Поэтому сравнивать русские минные крейсера можно лишь с японскими авизо, имевшими адекватную скорость хода. Вместе с тем сравнение не будет корректным, так как даже самый легкий японский авизо «Тацута» (1894) был вдвое крупнее (водоизмещение 830 тонн) минных крейсеров типа «Казарский», поэтому был способен нести значительно более тяжелое вооружение (два 120-мм орудия и четыре 47-мм пушки). Другие же авизо были значительно более крупными: «Яйеяма» (1889) – 1584 тонны, «Мияко» (1894) – 1722 тонны и «Чихайя» (1900) – 1243 тонны (Jentschura, Jung, 1986: 239-240), поэтому сравнение и вовсе не будет корректным.

5. Заключение

Подытоживая дипломатическую ситуацию и стратегические планы сторон, можно сделать следующие выводы:

1. Перед началом русско-японской войны оба флота имели значительное количество устаревших судов разных классов. Япония, в отличие от России, старалась максимально модернизировать эти корабли, используя порой инновационные решения. Россия сделала ставку на постройку новых кораблей, а модернизацией старых активно не занималась.

2. Модернизировать до сколь-либо приемлемого уровня трицу порт-артурских «крейсеров-клиперов» возможностей не было: по скорости и автономности они в любом случае не смогли бы выполнять роль рейдеров, для которой предназначались. Для брандвахтенной службы даже при условии значительного усиления вооружения они бы сгодились, но такой необходимости (как и ресурсов после начала войны) уже не было; заранее об этом не подумали, так как не было необходимости. В тральщики из-за значительной осадки и крайне посредственной противоминной защиты они также не годились. Единственная ниша, которая могла бы быть использована ими – использование в качестве минзагов; однако в Порт-Артуре уже существовали два заградителя («Амур» и «Енисей»), которые в любом случае оказались бы на два порядка лучше даже после гипотетической модернизации клиперов в минные транспорты. Таким образом, единственно верным, на наш взгляд, решением стало то, какое и было принято артурским военным руководством: использовать вооружение и экипаж парусно-винтовых клиперов в обороне на суше.

3. Японские парусно-винтовые корветы были модернизированы лишь косметически – на них поменяли артиллерию. Некоторые из них использовались весьма активно (в частности, деревянный «Цукуба» 1853 года постройки), большинство же несло дозорную службу в японских портах.

4. При сравнении с русскими кораблями аналогичного класса отметим, что модернизированные японские парусники в открытом бою не могли соперничать со своими артурскими «одноклассниками», хотя большинство из них были более поздних годов постройки.

5. Где японцам удалось превзойти русский флот, так это в модернизации старых крейсеров 3-го ранга, канонерских лодок и броненосцев, в том числе и трофейных китайских. После модернизации и капитального ремонта такие суда, как «Идзуми», «Сайен», «Чин-Иен» и «Фусо», значительно повысили свою ценность как боевые единицы флота и внесли весомый вклад в победу, действуя как суда поддержки пехоты, прикрытия и снабжения эсминцев, вооруженных транспортов, дозорных судов.

6. В отличие от японского флота, русский флот имел класс так называемых минных крейсеров – увеличенных миноносцев с более сильным вооружением. В Порт-Артуре таких имелось 2 шт. («Всадник» и «Гайдамак»), которые к началу войны весьма устарели. Однако, на наш взгляд, они имели вполне приличные возможности для модернизации, которые были упущены. В случае их усовершенствования (по примеру их балтийских сестершипов) они могли бы составить достойную конкуренцию новейшим японским эсминцам, имея над ними превосходство в артиллерии; как показала практика, отсутствие «лидера» в миноносных вылазках стало слабой стороной морской обороны крепости. Оба минных крейсера в итоге использовались как тральщики, задачи которых могли бы выполнять и винтовые клиперы (за неимением возможности более эффективного использования последних).

Литература

- Белов, 1998 – Белов А.А. Броненосцы Японии. СПб., 1998.
 БСЭ, 1969 – Большая советская энциклопедия. В 30 томах. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.
 Бубнов, 1907 – Бубнов М.В. Порт-Артур. Воспоминания о деятельности 1-й Тихоокеанской эскадры и морских команд на берегу во время осады Порт-Артура в 1904 году. СПб., 1907.
 Будилковский, 1898 – Будилковский И.В. Военные флоты и морская справочная книжка за 1897 год. СПб., 1898.
 Будилковский, 1899 – Будилковский И.В. Военные флоты и морская справочная книжка за 1899 год. СПб., 1900.
 Будилковский, 1902 – Будилковский И.В. Военные флоты и морская справочная книжка за 1901 год. СПб., 1902.
 Будилковский, 1904 – Будилковский И.В. Военные флоты и морская справочная книжка за 1903 год. СПб., 1904.
 Быков, 2003 – Быков П.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море. 2-е изд. М.: Эксмо, 2003.
 Ведерников, 2019 – Ведерников Ю.В. Гибель кораблей и судов в русско-японскую войну 1904–1905 г. М., 2019.
 Веревкин, 1904 – Веревкин Н.Н. Очерки из жизни осажденного Артура, СПб., 1904.
 Военная энциклопедия, 1911–1915 – Военная энциклопедия. В 18 т. / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911–1915.
 Годовщина..., 1901 – Годовщина боя при Таку // Исторический вестник. 1901. № 6.
 Катаев, 2009 – Катаев В.И. Крейсерские операции Российского флота. М.: Моркнига, 2009.
 Каторин, 2008 – Каторин Ю.Ф. Крейсера. Часть 1. СПб.: Галерея-Принт, 2008.
 Киселев, 2010 – Киселев Д.В. «Чаоюн» и «Янвэй» – от канонерок к крейсерам // Морская кампания. 2010. № 6(35).
 Киселев, 2011 – Киселев Д.В. Бронепалубный крейсер «Цзиюань» // Морская кампания. 2011. № 6(43).
 Климовский, 1994 – Климовский С.Д. Крейсер «Забияка» // Судостроение. 1994. № 5–6.
 Кокцинский, 2002 – Кокцинский И.М. Морские бои и сражения русско-японской войны, или причина поражения: кризис управления. 2-е изд. Фонд Андрея Первозванного, 2002.
 Крестовский, 2014b – Крестовский В.В. В дальних водах и странах. М.: Директ-Медиа, 2014. Т. II.
 Крестовский, 2014a – Крестовский В.В. В дальних водах и странах. М.: Директ-Медиа, 2014. Т. I.
 Крестьянинов, 2009 – Крестьянинов В.Я. Крейсера Российского императорского флота. 1856–1917 годы. М.: Галерея-Принт, 2009.
 Макаров, 1953 – Макаров С.О. Документы. Т. 1–11. Военмориздат, 1953–1960.
 Мельников, 2005 – Мельников Р.М. Минные крейсера России. 1886–1917 гг. / Технический редактор Арбузов В.В. СПб.: Издатель М.А. Леонов, 2005.
 Мигачев, 2009 – Мигачев В.В. Первые мили крейсера «Забияка» // Гангут. 2009. № 52.
 Мякишев, 1901 – Мякишев А.К. Взятие фортов Таку, 4-го июня 1900 г // Морской сборник. 1901. № 2.
 Ненахов, 2006 – Ненахов Ю.Ю. Энциклопедия крейсеров 1860–1910. М.: АСТ, 2006.
 Пахомов, 2008 – Пахомов Н.А. Крейсер II ранга «Забияка». 1878–1904 гг. СПб.: Издатель М.А. Леонов, 2008.
 Попов, 1990 – Попов С.В. Охранные крейсера и клипера-первопроходцы // Автографы на картах. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1990.

- Советская историческая энциклопедия, 1962–1976 – Советская историческая энциклопедия. В 16 т. М.: «Советская энциклопедия», 1961–1976.
- Сорокин, 1952 – Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904–1905. М.: Воениздат, 1952.
- Сулига, 1993 – Сулига С. Корабли русско-японской войны 1904–1905 гг. Часть 2. Японский флот. М.: Аскольдъ, 1993.
- Титушкин, 1994 – Титушкин С.И. Корабельная артиллерия в русско-японской войне // *Гангут*. 1994. Выпуск 7.
- Ширококорд, 2003 – Ширококорд А.Б. Падение Порт-Артура. М., 2003.
- Янчевецкий, 1903 – Янчевецкий Д.Г. У стен недвижного Китая. Дневник корреспондента «Нового Края» на театре военных действий в Китае в 1900 году Дмитрия Янчевецкого. СПб.-Порт-Артур: Издание П.А. Артемьева, 1903.
- Jentschura, Jung, 1986 – Jentschura H., Jung D. Warships of the Imperial Japanese Navy, 1869–1945. Annapolis, Maryland, 1986.
- Klado, 1905 – Klado N. The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell, 1905.
- Lacroix, Wells, 1997 – Lacroix E., Wells L. Japanese Cruisers of the Pacific War. Annapolis, Maryland, 1997.
- Lensen, 1967 – Lensen G.A. The Russo-Chinese War. Diplomatic Press, 1967.
- Mamadaliyev et al., 2018 – Mamadaliyev A.M., Venkov A.V., Miku N.V., Médico A. On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905 // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4: 1734-1743.
- Mamadaliyev et al., 2019a – Mamadaliyev A.M., Venkov A.V., Miku N.V., Médico A. Tactical and Technical Characteristics of Armored Cruisers of Russian and Japanese Fleets during the War of 1904–1905 // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1: 380-394.
- Mamadaliyev et al., 2019b – Mamadaliyev A.M., Venkov A.V., Miku N.V., Médico A. On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Russian Battleships // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 2: 848-872.
- Mamadaliyev et al., 2019c – Mamadaliyev A.M., Venkov A.V., Miku N.V., Médico A. On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Japanese Squadron Battleships // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 1342-1364.
- Mamadaliyev et al., 2019d – Mamadaliyev A.M., Venkov A.V., Ermachkov I.A., Médico A. «Light Cavalry» of the Russian-Japanese War: on the Balance of Forces and Characteristics of Light Cruisers of the Russian and Japanese Fleets. Russian Light Cruisers // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4: 1842-1861.
- Mamadaliyev et al., 2020 – Mamadaliyev A.M., Allahyev R.M., Miku N.V., Médico A. The Japanese Light Cruisers and Mine-Torpedo Forces of the Opposing Sides During the Russian-Japanese War // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 55. Is. 1: 295-333.

References

- Belov, 1998 – Belov, A.A. (1998). Bronenostsy Yaponii [Battleships of Japan]. SPb. [in Russian]
- BSE, 1969 – Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia]. V 30 tomakh. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1969–1978. [in Russian]
- Bubnov, 1907 – Bubnov, M.V. (1907). Port-Artur. Vospominaniya o deyatel'nosti 1-i Tikhoookeanskoi eskadry i morskikh komand na beregu vo vremya osady Port-Artura v 1904 godu [Port Arthur. Memories of the activities of the 1st Pacific squadron and naval teams on the coast during the siege of Port Arthur in 1904]. SPb. [in Russian]
- Budilovskii, 1898 – Budilovskii, I.V. (1898). Voennye floty i morskaya spravochnaya knizhka za 1897 god [Naval fleets and nautical reference book for 1897]. SPb. [in Russian]
- Budilovskii, 1899 – Budilovskii, I.V. (1899). Voennye floty i morskaya spravochnaya knizhka za 1899 god [Naval fleets and nautical reference book for 1899]. SPb., 1900. [in Russian]
- Budilovskii, 1902 – Budilovskii, I.V. (1902). Voennye floty i morskaya spravochnaya knizhka za 1901 god [Naval fleets and nautical reference book for 1901]. SPb., 1902. [in Russian]
- Budilovskii, 1904 – Budilovskii, I.V. (1904). Voennye floty i morskaya spravochnaya knizhka za 1903 god [Naval fleets and nautical reference book for 1903]. SPb., 1904. [in Russian]
- Bykov, 2003 – Bykov, P.D. (2003). Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg. Deistviya na more [Russo-Japanese War 1904–1905. The actions at sea]. 2-e izd. M.: Eksmo. [in Russian]
- Godovshchina..., 1901 – Godovshchina boya pri Taku [The anniversary of the Battle of Taku]. *Istoricheskii vestnik*. 1901. № 6. [in Russian]
- Jentschura, Jung, 1986 – Jentschura, H., Jung, D. (1986). Warships of the Imperial Japanese Navy, 1869–1945. Annapolis, Maryland.
- Kataev, 2009 – Kataev, V.I. (2009). Kreiserskie operatsii Rossiiskogo flota [Cruise operations of the Russian fleet]. M.: Morkniga. [in Russian]
- Katorin, 2008 – Katorin, Yu.F. (2008). Kreisery. Chast' 1 [Cruisers. Part 1.]. SPb.: Galereya-Print. [in Russian]

- [Kiselev, 2010](#) – Kiselev, D.V. (2010). «Chaoyun» i «Yanwei» – ot kanonero k kreiseram [“Chaoyun” and “Yanwei” – from gunboats to cruisers]. *Morskaya kompaniya*. 6(35). [in Russian]
- [Kiselev, 2011](#) – Kiselev, D.V. (2011). Bronenalubnyi kreiser «Tsiyuan'» [Armored cruiser “Jiyuan”]. *Morskaya kompaniya*. 6(43). [in Russian]
- [Klado, 1905](#) – Klado, N. (1905). The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell.
- [Klimovskii, 1994](#) – Klimovskii, S.D. (1994). Kreiser «Zabiyaka» [Cruiser “Zabiyaka”]. *Sudostroenie*. 5–6. [in Russian]
- [Koktsinskii, 2002](#) – Koktsinskii, I.M. (2002). Morskie boi i srazheniya russko-yaponskoi voyny, ili prichina porazheniya: krizis upravleniya [Naval battles and battles of the Russo-Japanese War, or the reason for the defeat: the crisis of management]. 2-e izd. Fond Andreya Pervozvannogo. [in Russian]
- [Krestovskii, 2014a](#) – Krestovskii, V.V. (2014). V dal'nikh vodakh i stranakh [In distant waters and countries]. M.: Direkt-Media. T. I. [in Russian]
- [Krestovskii, 2014b](#) – Krestovskii, V.V. (2014). V dal'nikh vodakh i stranakh [In distant waters and countries]. M.: Direkt-Media. T. II. [in Russian]
- [Krest'yaninov, 2009](#) – Krest'yaninov, V.Ya. (2009). Kreisera Rossiiskogo imperatorskogo flota. 1856–1917 gody [Cruisers of the Russian Imperial Navy. 1856–1917]. M.: Galereya-Print. [in Russian]
- [Lacroix, Wells, 1997](#) – Lacroix, E., Wells, L. (1997). Japanese Cruisers of the Pacific War. Annapolis, Maryland.
- [Lensen, 1967](#) – Lensen, G.A. (1967). The Russo-Chinese War. Diplomatic Press.
- [Makarov, 1953](#) – Makarov, S.O. (1953). Dokumenty. T. 1–11 [Documentation. T. 1–11]. Voenmorizdat, 1953–1960. [in Russian]
- [Mamadaliyev et al., 2018](#) – Mamadaliyev, A.M., Venkov, A.V., Miku, N.V., Médico, A. (2018). On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. *Bylye Gody*. 50(4): 1734-1743.
- [Mamadaliyev et al., 2019a](#) – Mamadaliyev, A.M., Venkov, A.V., Miku, N.V., Médico, A. (2019). Tactical and Technical Characteristics of Armored Cruisers of Russian and Japanese Fleets during the War of 1904–1905. *Bylye Gody*. 51(1): 380-394.
- [Mamadaliyev et al., 2019b](#) – Mamadaliyev, A.M., Venkov, A.V., Miku, N.V., Médico, A. (2019). On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Russian Battleships. *Bylye Gody*. 52(2): 848-872.
- [Mamadaliyev et al., 2019c](#) – Mamadaliyev, A.M., Venkov, A.V., Miku, N.V., Médico, A. (2019). On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Japanese Squadron Battleships. *Bylye Gody*. 53(3): 1342-1364.
- [Mamadaliyev et al., 2019d](#) – Mamadaliyev, A.M., Venkov, A.V., Ermachkov, I.A., Médico, A. (2019). «Light Cavalry» of the Russian-Japanese War: on the Balance of Forces and Characteristics of Light Cruisers of the Russian and Japanese Fleets. Russian Light Cruisers. *Bylye Gody*. 54(4): 1842-1861.
- [Mamadaliyev et al., 2020](#) – Mamadaliyev, A.M., Allahyev, R.M., Miku, N.V., Médico, A. (2020). The Japanese Light Cruisers and Mine-Torpedo Forces of the Opposing Sides During the Russian-Japanese War. *Bylye Gody*. 55(1): 295-333.
- [Mel'nikov, 2005](#) – Mel'nikov, R.M. (2005). Minnye kreisera Rossii. 1886–1917 gg. [Mine cruisers of Russia. 1886–1917]. Tekhnicheskii redaktor Arbuzov V.V. SPb.: Izdatel' M.A. Leonov. [in Russian]
- [Migachev, 2009](#) – Migachev, V.V. (2009). Pervye mili kreisera «Zabiyaka» [The first miles of the cruiser “Zabiyaka”]. *Gangut*. 52. [in Russian]
- [Myakishev, 1901](#) – Myakishev, A.K. (1901). Vzyatie fortov Taku, 4-go iyunya 1900 g [The capture of the Taku forts, June 4, 1900]. *Morskoi sbornik*. 2. [in Russian]
- [Nenakhov, 2006](#) – Nenakhov, Yu.Yu. (2006). Entsiklopediya kreiserov 1860–1910 [Encyclopedia of Cruisers 1860–1910]. M.: AST. [in Russian]
- [Pakhomov, 2008](#) – Pakhomov, N.A. (2008). Kreiser II ranga «Zabiyaka». 1878–1904 gg. [Cruiser II rank “Zabiyaka”. 1878–1904]. SPb.: Izdatel' M.A. Leonov. [in Russian]
- [Popov, 1990](#) – Popov, S.V. (1990). Okhrannye kreisera i klipera-pervoprokhodtsy [Security cruisers and clippers-pioneers]. Avtografy na kartakh. Arkhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo. [in Russian]
- [Shirokorad, 2003](#) – Shirokorad, A.B. (2003). Padenie Port-Artura [Fall of Port Arthur]. M. [in Russian]
- [Sorokin, 1952](#) – Sorokin, A.I. (1952). Oborona Port-Artura. Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 [Defense of Port Arthur. Russo-Japanese War 1904–1905]. M.: Voenizdat. [in Russian]
- [Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya, 1962–1976](#) – Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [Soviet historical encyclopedia]. V 16 t. M.: «Sovetskaya entsiklopediya», 1961–1976. [in Russian]
- [Suliga, 1993](#) – Suliga, S. (1993). Korabli russko-yaponskoi voyny 1904–1905 gg. [Ships of the Russo-Japanese War 1904–1905]. Chast' 2. Yaponskii flot. M.: Askol'd". [in Russian]
- [Titushkin, 1994](#) – Titushkin, S.I. (1994). Korabel'naya artilleriya v russko-yaponskoi voine [Naval artillery in the Russo-Japanese war]. *Gangut*. 7. [in Russian]
- [Vedernikov, 2019](#) – Vedernikov, Yu.V. (2019). Gibel' korablei i sudov v russko-yaponskuyu voynu 1904–1905 g. [The death of ships and ships in the Russo-Japanese war of 1904–1905]. M. [in Russian]

Verevkin, 1904 – Verevkin, N.N. (1904). Ocherki iz zhizni osazhdennogo Artura [Essays from the life of the besieged Arthur]. SPb. [in Russian]

Voennaya entsiklopediya, 1911–1915 – Voennaya entsiklopediya. V 18 t. [Military encyclopedia. In 18 volumes]. Pod red. V.F. Novitskogo i dr. SPb.: Tip. t-va I.D. Sytina, 1911–1915. [in Russian]

Yanchevetskii, 1903 – Yanchevetskii, D.G. (1903). U sten nedvizhnogo Kitaya. Dnevnik korrespondenta «Novogo Kraya» na teatre voennykh deistvii v Kitae v 1900 godu Dmitriya Yanchevetskogo [At the walls of immovable China. Diary of the correspondent of "New Land" in the theater of military operations in China in 1900, Dmitry Yanchevetsky]. SPb., Port-Artur: Izdanie P.A. Artem'eva. [in Russian]

К вопросу об эффективности крейсеров в Русско-японской войне 1904–1905 годов

Олег Евгеньевич Чуйков ^{a, *}, Николай Афанасьевич Машкин ^b, Варвара Владимировна Богдан ^c, Наталья Валентиновна Мику ^d

^a Курский государственный медицинский университет Минздрава России, Курск, Российская Федерация

^b Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Российская Федерация

^c Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу боевой эффективности русских и японских устаревших крейсеров 2-го и 3-го рангов (парусно-винтовых клиперов, корветов, фрегатов) в Русско-японской войне 1904–1905 годов, а также русских минных крейсеров. Данные корабли принято считать устаревшими, вместе с тем многие из них принимали самое активное (а некоторые – и эффективное) участие в боевых действиях. В работе приводится сравнительный анализ указанных судов, их потенциала с точки зрения модернизации, а также внедрения инноваций и влияния данных инноваций на эффективность применения.

В исследовании проводится анализ тактико-технических характеристик русских крейсеров 2-го ранга (парусно-винтовых клиперов) «Забияка», «Разбойник», «Джигит», русских минных крейсеров «Гайдамак», «Всадник», японских крейсеров 3-го ранга «Идзуми», японских кораблей береговой обороны «Сайен», «Хей-Иен», «Чин-Иен», «Фусо» и др. Также проводится сравнительный анализ устаревших «одноклассников» в противоборствующих флотах и возможности их модернизации и боевого применения в боевых действиях русско-японской войны.

В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что возможности модернизации порт-артурских парусно-винтовых клиперов к началу войны иссякли и относительно целесообразным представлялась их переделка в минные заградители; в этой связи решение военного и военно-морского руководства Порт-Артура использовать вооружение и экипажи данных судов на сухопутном фронте представляется единственно верным. Что касается русских минных крейсеров, то возможности для их модернизации и более эффективного использования были, но они были упущены.

Японские корабли крейсера 3-го ранга (включая китайские трофейные) были заграничной постройки и имели значительно более широкий потенциал для модернизации, который японскими моряками был использован в полной мере. Устаревшие модернизированные корабли активно использовались в боевых действиях и внесли свой весомый вклад в победу.

Ключевые слова: русско-японская война, 1-я Тихоокеанская эскадра, русский флот, японский флот, Тейкоку Кайгун, минный крейсер, крейсер 2-го ранга, крейсер 3-го ранга.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: chuikov-ru@mail.ru (О.Е. Чуйков)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 420-430
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.420

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Scientific and Technological Progress in Cinematography and Photography on the Basis of Russian Periodicals in 1907–1917

Aleksandra A. Sitnikova ^{a,*}, Natalia M. Leshchinskaia ^a, Ekaterina A. Sertakova ^a, Maria A. Kolesnik ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

Scientific and technological progress launched the process of cardinal changes in people's lives at the beginning of the 20th century. Transformations of everyday life, work and leisure under the influence of technology, people's adaptation to life in a new technological reality are no less relevant in the 21st century. Significant technological changes in the world were set in motion with the invention of the motion picture camera and the rise of audiovisual culture. The study of the origins of scientific and technological transformations at the beginning of the 20th century in the field of cinema and photo technologies is relevant for the analysis of the ongoing changes. The study of scientific and technological progress of the beginning of the last century was carried out on the basis of an analysis of publications on the pages of the leading film journals of the Russian Empire – “Sine-phono”, “Vestnik kinematografii”, “Zhivoi ekran” and “Razumnyi kinematograf i naglyadnye posobiya”, where the issues of technological development of cinematography and photographs were the center of attention. Methods of quantitative and qualitative content analysis were used as a methodology. Based on the results of the study, an overview of the novelties of cinema and photo technologies is presented, which were explained, advertised and discussed on the pages of magazines; an analysis of the inventions of the future (stereo cinema, transmission of a cinematic image at a distance, sound cinema), which were enthusiastically covered in film magazines, is presented; as well as perceived prospects for the use of film and photo technologies for scientific research in the field of geology, topography, medicine, psychology, microbiology and other areas of scientific knowledge.

Keywords: science and technological progress, cinema of the Russian Empire, film journal “Sine-fono”, film journal “Zhivoi ekran”, film journal “Vestnik kinematografii”, film journal “Razumnyi kinematograf i naglyadnye posobiya”.

1. Введение

Спустя чуть более десятилетия после появления в Российской империи нового вида досуга, превратившегося в искусство, – кинематографа, для российских просветителей, прокатчиков и журналистов назрела необходимость в организации дискурса о кино – так появилось значительное количество как столичных, так и провинциальных журналов о кинематографе. Первое специализированное издание о кино представляло собой приложение к журналу «Светопись», посвященному вопросам фотографии, которое так и называлось «Кино». Приложение издавалось всего год – с 1907 по 1908. Первым самостоятельным журналом о кино был «Сине-фоно», начавший издаваться в 1907 году, который отличался от всех остальных журналов своей независимостью от кинопроизводителей и прокатчиков. Серьезную просветительскую позицию в деле распространения идеи кинематографа как настоящего вида искусства занимал один из первых российских

* Corresponding author

E-mail addresses: sem_dobrianka@mail.ru (A.A. Sitnikova), trognonulia@gmail.com (N.M. Leshchinskaia), sertachok@mail.ru (E.A. Sertakova), masha_kolesnik@mail.ru (M.A. Kolesnik)

кинопроизводителей – Александр Ханжонков, который в 1910 г. начал издавать журнал «Вестник кинематографии»; а с 1915 г. его компания стала издавать журнал о кино и культуре в целом – «Пегас». Примечательно, что журналы о кино появлялись не только в столицах, но и в провинциях: в 1913 году «Торговый дом А. Ханжонкова» инициировал издание журнала «Синема» в Ростове-на-Дону, который считался столицей южного региона Российской империи и куда заходили кинокомпании, желавшие монополизировать прокат фильмов на юге России; журнал «Живой экран, посвященный интересам кинематографии» издавался в Ростове-на-Дону с 1912 до 1916 гг. «Товариществом И. Ермольева»; Н.П. Тихонов в 1913–1914 гг. издает в Екатеринбурге журнал «Разумный кинематограф и наглядные пособия». Существовали и другие издания о кино в Российской империи, все они закрылись в 1917–1918 годах.

Основное содержание российских дореволюционных журналов было посвящено организации проката фильмов иностранных и отечественных кинопроизводителей – на страницах размещались афиши и новости о прокатных новинках, «синописы» выходящих в прокат фильмов. Помимо этого, в журналах зарождалась киножурналистика: размещались хвалебные и критические статьи о вышедших на экраны кинокартинах, статьи о необходимости введения цензурных ограничений, новости о происшествиях в мире кино. Не менее важным просветительским направлением в деятельности киножурналов было освещение вопросов развития кино- и фототехники: распространению нового вида искусства мешала нехватка знаний в области обращения с новым техническим оборудованием, поэтому журналы просвещали заинтересованных людей на тему использования киноаппаратов, обращения с пленками, появления технических новинок и прочих подобных вопросах.

Целью настоящего исследования является анализ контента российских дореволюционных журналов на предмет освещения вопросов научно-технического прогресса в области кино- и фототехники. В ходе исследования предполагается проанализировать, какие научно-технические изобретения в области кинематографии и фотографии были представлены на страницах журналов; какие сведения об этих технических изобретениях сообщались читателям; какие идеи о научно-техническом прогрессе в профессиональной сфере продвигали издатели в своих киножурналах.

2. Материалы и методы

2.1. Источником исследовательского материала для данной статьи выступили номера журналов, опубликованные в период: а) «Сине-фоно» – с 1907 по 1918 гг.; б) «Вестник кинематографии» – с 1911 по 1917 гг.; в) «Живой экран» – с 1912 по 1916 гг.; г) «Разумный кинематограф и наглядные пособия» – с 1913 по 1914 гг. Данные издания являются ценными источниками исторических сведений о научно-техническом прогрессе в области кинематографии и фотографии в начале XX века.

2.2. В качестве основного метода был применен количественный и качественный контент-анализ для поиска информации о новых технических изобретениях, о просветительской информации, разъясняющей методы обращения с новыми техническими изобретениями в области кинематографии и фотографии и особенности их использования, а также о перспективах использования кино как двигателя научного прогресса.

3. Обсуждение

Исследования развития научно-технического прогресса в области кинотехники чаще всего являются синтетической частью трудов по истории кинематографа. В частности, информацию о том, как зарождалось кино и появилась киносъемочная техника в Российской империи, об усовершенствованиях кинотехники, о людях, которые привозили новые изобретения в области киноаппаратуры в Российскую империю из Европы, кратко и несистемно излагается в книгах по истории кинематографа Российской империи – например, «Кино в России (1896–1926)» Б.С. Лихачева, «Кинематография дореволюционной России» С.С. Гинзбурга, «Кино Серебряного века» И.Н. Гращенковой. Профессиональную информацию о специфике развития киносъемочной техники в дореволюционной России можно найти в редких книгах по истории операторского мастерства и истории кинотехники – например, «История российской кинотехники: конструкторское бюро киноаппаратуры» (Гордеев, Раев, 2009), «Искусство советских кинооператоров: краткий очерк развития» (Желябужский, 2014), где первая глава посвящена операторскому искусству в Российской империи и называется «Зарождение кинооператорского мастерства в России».

Влияние научно-технического прогресса на преобразование повседневной жизни российского провинциального города с анализом аудитории первых фильмов в Перми, с обзором наиболее влиятельных технических изобретений (аппараты Эдисона, синематограф братьев Люмьер) рассмотрено в статье В.В. Устюговой «Конец века» в истории Перми. Первое кино». Негативная оценка технического развития Российской империи в области кино кратко сформулирована в статье М.И. Косиновой «Кинопрокат и кинофикация в дореволюционной России (1896–1907)»: «В технической области все обстояло сложнее. До революции нашим кинопредпринимателям так и не удалось наладить выпуск собственной киноаппаратуры и пленки, что, безусловно, служило

препятствием в развитии русского кинематографа. Это техническое отставание сказалось во время Первой мировой войны, когда ввоз в страну пленки был ограничен» (Косинова, 2013: 20).

Редкие исследования посвящены анализу российской дореволюционной киножурналистики, где рассматриваются особенности российских дореволюционных киножурналов – «Сине-фоно», «Вестник кинематографии», «Разумный кинематограф» – в частности, информация о журналах и тематике статей на их страницах есть в главе «Зарождение критики» монографии «Становление выразительности в российском дозвучковом кинематографе» Л. Зайцевой, а также в учебном пособии Т.Д. Цидиной «Отечественный кинематограф. Начало пути (1908–1918 гг.)». Наиболее исследованным киножурналом является «Сине-фоно»: анализу публикаций на его страницах посвящены такие статьи, как «Журнал «Сине-фоно» как исторический источник: отечественный провинциальный кинематограф в 1906–1917 гг.» (Koptseva et al., 2021), «Журнал «Сине-фоно» как источник по экранизации литературных произведений в России начала XX века» (Sitnikova et al., 2022).

Обзор научной литературы позволил установить, что в современной ситуации практически отсутствуют специальные исследования по истории развития кинотехники, по специфике используемых киноаппаратов в дореволюционной России, по инструкциям обращения с кинотехникой, которая только проникала в жизнь российского общества в начале XX века, а содержание специальных разделов российских киножурналов этого времени, наоборот, уделяло большое внимание научным (физическим, оптическим) и техническим аспектам работы в области кинематографии, что позволило провести представленное в данной статье исследование.

4. Результаты

Обилие журналов о киноискусстве в Российской империи в начале XX века объясняется разными причинами. В частности, тем, что прокатным фирмам было выгоднее и удобнее издавать свой журнал, чем продвигать свои кинопроизведения в других изданиях. Одна из ключевых задач, решение которой достигалось на страницах журналов, – это популяризация кинематографа, обоснование его как нового вида искусства. Для этого раскрывались особенности кино в разных аспектах: художественном, эстетическом, этическом, а также техническом. И, таким образом, каждое подобное издание становилось транслятором научно-технического прогресса, раскрытия его сути.

Образ научно-технического прогресса в журнале «Сине-фоно»

Журнал «Сине-фоно», издававшийся в Москве С.В. Лурье с 1907 по 1918 годы, является одним из ценнейших источников по истории развития кинотехники и частично фототехники в Российской империи, а также по вопросу влияния кинематографа на научно-технический прогресс в целом.

Во-первых, на страницах журнала, начиная с 1907 года, регулярно появляется реклама кинотехники и полезных изобретений для оснащения кинотеатров. Рекламируются кинематографические аппараты производства бр. Патэ и о. Гомон; в частности, реклама периодически обновляется, обозначая выпуск новинок – например, в 1914 году компания «Патэ» выпустила новые модели киноаппаратов. До 1914 года и чуть позже со страниц журнала не исчезают рекламные объявления о различных приспособлениях для сопровождения показа немых кинокартин музыкой – электрическое самоиграющее пианино – оркестрон И.Ф. Мюллера, поющий аппарат – синхрофон бр. Патэ, заменяющий оркестровое исполнение и солистов «синема-концерта» от бр. Патэ; противопожарные установки и предохранители различных фирм, на протяжении нескольких лет (с 1908 по 1914 годы) на страницах журнала продвигался противопожарный аппарат Малле. То есть журнал позволял читателям узнать о ведущих новинках в сфере кинотехники, получить информацию о возможности приобретения этой техники.

Публикации в журнале позволяют понять, с какими техническими трудностями сталкивались первые предприниматели в сфере кинодеятельности: возгорание киноплёнок, которые приводили к пожарам в кинотеатрах (по-настоящему серьезные пожары, приводящие к трагедиям, случались редко, но нагнетали панику, превращая посещения кинематографа в опасное приключение), поэтому многие статьи были посвящены механизмам предотвращения пожаров в кинотеатрах; мигание и шум кинопроекторных аппаратов, о чем также сообщали статьи, рекомендовавшие методы борьбы с этими недостатками; недостаточное освещение кинозалов – в журнале рекламировались и комментировались в статьях аппараты для улучшения освещения; плохая вентиляция кинозалов – в номерах за 1915–1916 годы на протяжении нескольких номеров печатается текст «О вентиляции помещений» (Вентиляция, охлаждение..., 1915; Вентиляция, охлаждение..., 1916).

Традиционно в номерах журнала до начала Первой мировой войны печатались длинные научные тексты, иногда выдержки из текстов научных исследований о физических и химических законах, знание которых помогает развитию кинематографического дела. Так, например, некоторые химические законы объясняли суть фотографического изображения на пленке; законы оптики поясняли природу восприятия кинематографического изображения человеческим глазом; на протяжении 1909 и 1910 годов в журнале публиковали сложный научный текст с формулами и расчетами «Преобразование переменного тока в постоянный, с весьма незначительной потерей, по системе американца Купер-Юита» (Геллерштейн, 1909; Геллерштейн, 1910); в 1911–1912 годах публиковали «Учение об электричестве» (Болотин, 1911; Болотин, 1912). Таким образом, журнал

«Сине-фоно» являлся важным средством популяризации современных научных знаний в России начала XX века.

Помимо того, что в журнале «Сине-фоно» рассказывали о свершившихся научных изобретениях в области кино- и фототехники, там также тщательно следили за экспериментальными работами в этой области, за новыми открытиями и научными гипотезами других возможных изобретений – в частности, на страницах журнала обсуждают перспективы появления звука и цвета в кинематографе, описывают экспериментальные опыты, продемонстрированные на мировых научно-технических выставках, где в опытах со звуковым кино и цветной фотографией уже были достигнуты определенные успехи. Другие прогнозы в области развития кино- и фототехники касались экспериментальных работ в сфере стереокино и телемостов, так, в № 14 за 1908 год сообщается об изобретении господина Арманго, позволяющего передавать кинематографическое изображение на расстоянии ([Синематограф на расстоянии, 1908](#)).

Одна из важнейших дискуссий, развернувшаяся на страницах журнала, касалась вопроса пользы кинематографа для развития науки в будущем, регулярно появляются статьи о том, как кинематограф применяется для научного развития тех или иных отраслей науки – топографии, где киноаппарат начали использовать для исследования местности с воздуха; в естественных науках, где велась съемка жизни микроорганизмов под микроскопом; военном деле для обследования лагерей неприятеля с воздуха; и особенно в медицине, где в первую очередь кинематограф пригодился в неврологии для изучения и лечения душевных недугов – например, в № 16 за 1908 год сообщается о лекции по неврологии, где кинодокументы помогали профессору Негро иллюстрировать разные типы заболеваний ([Научное применение синематографа, 1908](#)). В журналах за 1915 год обсуждается перспектива развития рентгенокинематографа. Подобные дискуссии приводили к выводам о безусловной пользе кинематографа как инструмента для проведения научных опытов, а также для популяризации научного знания среди широкого круга людей. Вопрос о необходимости использования кинематографа в школе для демонстрации научных изобретений, особенностей географии земли и решения других образовательных задач постоянно поднимается на страницах журнала.

Во время Первой мировой войны, с 1914 по 1918 гг., публикаций о новинках в области киноаппаратуры становится значительно меньше, исчезают длинные научные публикации о законах физики и химии, полезные для сферы кинодеятельности, из области технических статей остается скромная рубрика «Из практики для практики», где даются советы по починке киноаппаратов, особенностям проявки пленки и другие практически полезные советы для кинемехаников.

Образ научно-технического прогресса в журнале «Живой экран»

Журнал «Живой экран» среди других подобных отличается тем, что это региональное издание. Начало XX века было временем расцвета журнальной периодики на Дону. Журнал «Живой экран» занял свою нишу: активно пропагандировал новый вид искусства – кинематограф, раскрывая его особенности и преимущества перед другими видами искусства. Данное издание было организовано по инициативе прокатного объединения «Ермольев, Зархин и Сегель», имевшего связи с французской фирмой «Бр. Пате». Первый номер «Живого экрана» вышел 15 августа 1912 года в Ростове-на-Дону, где редакторы раскрывают свою мотивацию организовать кинематографическую фирму и издание журнала, посвященного «интересам синематографии» не в Москве, которая в тот момент была центром кинематографической промышленности, а в провинции – и таким образом не конкурировать с множеством столичных фирм, а переместиться в регион, где стать монополистом.

Также в первом номере редакторы обозначают цель издания: «Наш журнал призван к жизни объективно освещать все этапы этой новой созидательной работы и по мере сил служить интересам всей синематографической русской промышленности» ([Редакция, 1912](#)).

Действительно, на страницах журнала «Живой экран» представлены различные аспекты кинематографического дела, и, в частности, читателей знакомят с техническими новинками. Так, например, дано детальное описание кинематографического аппарата фирмы Бр. Пате: в статье представлены его технические характеристики, преимущества: *«обращение с аппаратом очень простое и лёгкое... привести его в действие может и всякий ребёнок»* ([Новый универсальный кинематографический аппарат, 1912](#)). Также в публикации подчеркивается возможность применения данного аппарата в школах для образовательных целей в качестве вспомогательного научного пособия.

На страницах «Живого экрана» с восторгом представляют изобретение американского ученого Томаса Эдисона – кинематофон – прибор, который позволяет соединять слово и действие ([Соколовский, 1913](#)). Также читателей знакомят с биофон-ауксетофоном, представляющим собой соединение граммофона и кинематографического аппарата. С помощью такого комбинирования решается задача соединения звука и сценического движения. Также авторы отмечают новаторство французского ученого Люсьена Булля, создавшего ультра-кинематограф – прибор, дающий возможность фиксировать плавное движение в кадре ([В.З., 1913](#)). В 1916 году «Живой экран» представляет читателям изобретение американского ученого Джона Трегера – прозрачный экран, который позволял демонстрировать фильмы зрителю при дневном освещении, а также более качественно и безопасно ([Р.У., 1916](#)).

Помимо знакомства читателей с техническими средствами, на страницах журнала также раскрываются «тайны кинематографа»: например, даются пояснения, каким образом осуществляется съемка диких животных, как происходит работа с пленкой; или на примере картины «Наяда» раскрывается технология комбинированных съемок, в результате чего появляются сюжеты, совмещающие красоту подводного мира и полноценную игру актеров.

Знакома читателей с чудесами кинематографа, авторы повсеместно подчеркивают ценность его изобретения, видят в нем важнейший инструмент развития научно-технического прогресса, обучения, воспитания. В качестве иллюстрации образовательных возможностей кинематографа опубликован анонс книги-каталога лент географического, этнографического, исторического характера ([Разумный кинематограф, 1912](#)). Фирма Бр. Пате, с которой в некотором смысле связан «Живой экран» (один из учредителей журнала, Иосиф Николаевич Ермолев, ранее служил в данной фирме), представлена на страницах журнала как сторонник научного кинематографа. При участии профессоров разрабатывались научные картины, которые могли бы быть представлены детям в школах ([Научный кинематограф, 1913](#)).

Всячески популяризируя и поддерживая идею о том, что «Великий немой» – «Великий учитель и воспитатель», редакторы журнала обращают внимание на то, что не всякая картина способствует решению образовательных и воспитательных задач. В связи с этим поднимают тему организации ученических сеансов в существующих частных кинотеатрах или же предлагают альтернативное решение – открытие новых школьных кинотеатров ([Ж-чь, 1916](#)).

Для формирования позитивного отношения к кинематографу, чтобы его по достоинству оценили и воспринимали как средство, способствующее культурному развитию человечества, а не только как развлечение, редакторы приводят мнения учителей, профессоров, пасторов о кинематографе, их видение возможностей применения кинематографа в образовании и воспитании ([Люди науки о кинематографии, 1913](#)), также выдающихся деятелей искусства, например, Сары Бернар.

Приводятся наглядные примеры заслуг кинематографа в деле научного прогресса: в ходе экспедиции к Южному полюсу, возглавляемой Робертом Скоттом, Гербергом Понтингом было сделано множество снимков, запечатлевших различные моменты экспедиции ([М.Г., 1913](#)).

Последний номер «Живого экрана» вышел в свет в 1917 году. В структуре журнала не выделены особо разделы о науке, изобретениях и открытиях в области кинематографа, но в течение всего периода издания на его страницах регулярно освещались технические новинки кинематографа, велась дискуссия с противниками распространения кино, опровергались опасения по поводу вреда, который просмотр картин мог бы нанести нравственности и моральному воспитанию, и, наоборот, всячески акцентировалась полезность кинематографа для научно-технического прогресса и повышения уровня культуры в обществе.

Образ научно-технического прогресса в журнале «Разумный кинематограф и наглядные пособия»

«Разумный кинематограф и наглядные пособия» – ежемесячный некоммерческий иллюстрированный журнал, выходивший в Екатеринбурге в период с 1913 по 1914 гг. в типографии А.Р. Вельца. Издательство музееведа, фотографа и писателя Н.П. Тихонова располагалось на Покровском проспекте и, помимо выпуска журнала, содержало мастерскую учебных и наглядных пособий «Энерго», где изготавливали все необходимое для низшей и средней школы: от пособий по математике до школьных кинематографов.

Журнал оперативно знакомил публику с новинками в развитии науки и техники, а также публиковал рекламные объявления и анонсы, близкие к своей тематике.

В первом же номере была обозначена цель издания – освещать знания о технических новинках и эволюции кинематографа в области научно-образовательной и просветительской деятельности и способствовать их распространению.

Вместо предисловия редакция привела статистические данные по оснащенности школ методическими пособиями, сравнила данные с показателями французских школ и пришла к неутешительному выводу – российское школьное образование плохо справляется со своими функциями, в нем нет наглядности, заинтересованность наукой и приобретением новых знаний на низком уровне. В качестве решения данной проблемы предлагается обратиться к кинематографу и приспособить его для просветительских и учебных целей. Именно кино, обладающее наглядностью и приспособленное к тиражированию, может дать наглядные пособия, которые будут развивать народные массы, демонстрируя новые знания и формируя вкус нового поколения.

Журнал «Разумный кинематограф и наглядные пособия» содержал ряд разделов. В рамках задач данной статьи особенно интересными являются следующие: организация научных кинематографов и научных пособий; новости и изобретения; проекционное дело; обзоры разумных и научных лент с подробным описанием. Данные разделы сопровождались весьма подробной информацией относительно новинок в научно-техническом развитии кино, а также содержали иллюстрации новых изобретений и схемы их работы.

Весьма интересен раздел «Новые научные ленты». Редакция размещала информацию о новинках, систематизируя их по отраслям знаний: естественная история, геология и минералогия, физика, география и этнография, спорт и гимнастика, духовно-нравственный отдел.

Стоит сказать, что редакция болезненно реагировала на развитие кинематографа в развлекательном направлении, осуждала фривольные сюжеты и сюжеты, в которых проявлялось насилие. Критике подвергались и работы научного направления.

В первой статье 2 номера «Нужна ли проекционная картинка школе?» редакция поднимает очень важную тему. Новый век принес не только широко доступный кинематограф, но и явление повсеместного «дилетантизма»: *«Уже за последнее время специальной педагогической прессой отмечено, что среди интеллигентного общества развивается «дилетантизм» – тот будущий жулел прогресса, дающий в руки каждого право заявить, что он знает то или другое, но знает как... «да я видел в кинематографе» – обычный ответ вопрошавшему»* (Нужна ли проекционная картинка школе? 1913: 33-34). Поэтому в ряде публикаций журнала красной нитью проходит идея о том, что нужно формировать в обществе последовательность суждений так, чтобы мысль имела под собой логические основания. Отсюда в первую очередь требуются проекционные картинки, и лишь после – научное кино.

В материалах журнала представлено несколько изобретений, которые могут наглядно демонстрировать действие законов физики, помогать в освоении знаний по химии, биологии и т.д.

Так, в номере 1 подробно представлено описание индукционной машины «Вомелла», во 2 – два практичных и доступных набора по оптике, выпущенные акционерным обществом «Бинг».

В номере 3 дана большая и подробная статья «Беспроволочный телеграф». Отмечая теоретические открытия Г. Герца в доказательстве электромагнитных волн и практические изобретения Г. Маркони, авторы статьи обнаруживают практическую пользу телеграфного аппарата и увеличивающуюся его популярность в разных сферах. Также они отмечают, что этот прибор может быть весьма интересен для школы и любознательного юношества. Наглядное изучение его работы познакомило бы их с волновым явлением и передачей сигнала на разные расстояния. Так как большие аппараты дороги и недоступны, предлагается рассмотрение простых аналогов, которые можно самостоятельно сделать для физического кабинета, имея в наличии чувствительный когерер и индуктивную спираль Румкорфа. Схема прибора приводится на странице 77 данного выпуска.

В статье не только подробно описываются составляющие части прибора, процедура сборки и принципы его работы, здесь есть также предупреждение о технике безопасности и в целом история открытия и появления данного аппарата в научном знании (Беспроволочный телеграф, 1913, 3: 77).

В целом, несмотря на незначительный период существования журнала, региональное издание «Разумный кинематограф и наглядные пособия» внесло заметный вклад в осмысление научных открытий и их распространение посредством технических средств кинематографа. У журнала не было аналогов, любые попытки проводить образовательные кинолектории в Москве или Санкт-Петербурге быстро сходили на нет. И поэтому высокая востребованность издания за время существования – значительный показатель успешности данного проекта Н.П. Тихонова.

В журнале поднимались важные вопросы, которые ни разу не встречались в коммерческих изданиях о кино: что кинематограф очень важен в просвещении широких масс населения России, однако его ориентированность на пошлость и наживу удручает; что необходимо снимать больше познавательных картин, картин-произведений искусства, которые будут формировать вкус и давать новые знания; что кино должно быть дешевым и доступным и стать частью образовательного процесса в гимназиях и школах; о том, что попытки создать научные кинематографы нередко терпят провалы не за отсутствием публики, а из-за организации кинематографа и картин к ним; что необходимо проводить разделение кинокартин на взрослые и детские программы, чтобы дети не допускались на неподходящие для них сеансы и т.д.

Выход журнала «Разумный кинематограф и наглядные пособия» зафиксировал кратковременную, но позитивную тенденцию открытия и роста в городах количества лент научно-образовательного кинематографа, лекций о кино. Издательство журнала не только освещало научные открытия, но и всячески способствовало распространению техники по образовательным учреждениям. Сотрудники журнала верили, что оснащенность школ техническими приборами и наглядными пособиями обеспечит рост грамотности населения и заинтересованности наукой и, следовательно, будет способствовать улучшению качества жизни населения. Но, к сожалению, в связи с началом Первой мировой войны журнал прекратил свое существование и многие его начинания не имели продолжения.

Образ научно-технического прогресса в журнале «Вестник кинематографии»

В журнале «Вестник кинематографии» заметное место занимают статьи, посвященные разного рода изобретениям, в первую очередь тем, что соприкасаются со сферой искусства кино. Появляются они регулярно с самого первого года существования журнала.

Например, можно отметить заметку об изобретении специальной машины для очистки фильмов, которую разработал англичанин Сиборн. Устройство этой машины емко и лаконично обрисовано в заметке: *«Способ работы можно объяснить в нескольких словах: фильм проходит*

между двух влажных подушек. Подушки эти постоянно сохраняют влажность благодаря сообщению с сосудом, в котором находится особого состава жидкость для чистки фильма. Таким образом, верхняя и нижняя стороны фильма – смачиваются. Затем лента проходит через четыре барабана. На первом в соприкосновение с лентой проходят две покрытые замшей катушки и очищают ее. На следующем барабане две новые катушки сушат и полируют целлулоид» (За границей, 1911). Подобное описание является показательным в том отношении, что демонстрирует высокий уровень присутствия научно-технического прогресса в сфере кинематографа.

Об одном удивительном изобретении идет речь в развернутой статье «Говорящий кинематограф Гомона», напечатанной в № 2 журнала за 1911 г. (Говорящий кинематограф Гомона, 1911) – хронографе – изобретении, способном записывать одновременно движущиеся и говорящие изображения, причем начинает автор статьи с описания того, как данное новшество было представлено публике во время лекции, давая возможность созерцать живого лектора, и видеть, и слышать его же уже в записи. В этом же номере есть короткая заметка о том, что большой популярностью начинают пользоваться аппараты, предназначенные для демонстрации кино в домашних условиях, вполне доступные по цене, а значит и быстро становящиеся предметом привычным и вполне обыденным. Появляется еще одно любопытное изобретение в 1913 г. – «карманный кинематограф» – по описанию это небольшой аппарат размером с карманные часы, с помощью которого можно фотографировать случайные сцены на улице, а также делать снимки в помещениях без специального освещения (Смесь, 1913).

Статья «Чудесный корабль» (Чудесный корабль, 1911) рассказывает об аппарате, которым возможно управлять на расстоянии, – изобретении учителя физики из Нюрнберга Хриситана Вирта. Выглядело это зрелище для зрителей, как корабль без экипажа и пассажиров на реке, получающий сигналы с телеграфа на берегу и выполняющий разные действия: зажигается свет в каютах, корабль совершает маневры на воде, с безлюдного корабля по команде с берега совершается выстрел. Автор заметки замечает, что в первую очередь изобретением активно интересуются военные, обрисовывает перспективы использования подобного изобретения в военных действиях, попутно сетуя о том, что в мирных целях оно фактически не рассматривается.

В рубрике о зарубежных новостях содержится сообщение об очередном изобретении Эдисона – электроральной машине, совмещающей фонограф и кинематограф (т.е. звук и соответствующее ему движущееся изображение) (За граница. Мелочи, 1911). Вообще же в журнале постоянно следят за изобретениями ученого, заметки о них появляются регулярно.

О технологии, которая стала столь привычной в XXI в., – передаче изображений на расстоянии – статья в журнале № 30 за 1912 г. (Телеграфная передача изображений, 1912). Речь идет о телеграфной передаче изображений, а именно о достижениях французского инженера Мортье в этой области. В связи с этим в статье излагается метод Карла Кро, усовершенствованный и осуществленный на практике Мортье, заключающийся в предположении возможности с помощью телеграфа передавать изображения, используя серию цифр. Изображение делится на маленькие квадратики, каждому из которых соответствует определенная цифра.

В статье «Говорящий кинематограф» (Говорящий кинематограф, 1912) рассказывается об аппарате Коллера, который сумел разрешить важнейшую проблему кинематографа – соединить фиксацию изображений и звуковую запись. Уникальность аппарата заключалась в том, что запись звука осуществлялась на ленту, на которую записывалась картинка. В статье лаконично сообщается об особенностях процесса работы аппарата.

Сообщение о кинопластике – новом способе проекции картин – содержится в № 16 за 1913 г. (Научные заметки, 1913). Изобретение это преследует своей целью создание впечатления рельефного изображения, в связи с чем изображение транслируется в лучах прожектора, а не на экран.

Начиная с 1914 г., информация об изобретениях практически исчезает со страниц «Вестника кинематографии».

5. Заключение

На основе изучения публикаций, представленных в журналах «Сине-фоно», «Живой экран», «Вестник кинематографии», «Разумный кинематограф и наглядные пособия» в период с 1907 по 1917 годы было установлено следующее: на страницах журналов представлены материалы, охватывающие широкий спектр тем и вопросов, направленных на решение различных задач, и среди них важное место уделяется просвещению. В статьях раскрываются тайны мира нового искусства. Редакторы, как амбассадоры, представляют читателям кинематограф в качестве искусства будущего, защищают от враждебного отношения, стремясь сделать его более популярным, но отмечают, что возможности синематографа не ограничены только лишь сферой развлечения. Таково же и содержание журналов: балансирование между развлечением и просвещением читателя и потенциального зрителя.

На страницах российской периодики 1907–1917 гг. целенаправленно велась просветительская деятельность, направленная на презентацию достижений научно-технического прогресса в области кинематографа и фотографии, а также возможностей кинематографа для широкой популяризации

современных научных знаний – например, при использовании кино в школе. Уделялось много внимания формированию позитивного отношения публики к новому виду искусства путем методичного знакомства читателей с техникой и технологиями, задействованными в процессе создания кинокартин, а также объяснения возможностей применения кинематографа в области образования и воспитания.

Журналы рекламировали новые технические изобретения – различные модели киноаппаратов, патефоны, оркестроны и др. – и способствовали повсеместному распространению их в Российской империи.

Помимо этого, на страницах кинематографических журналов не только описывали запатентованные изобретения, которые уже были в доступной продаже, но и современную изобретательскую работу, предвосхитившую технические открытия будущего: звуковое кино, стереокино, телемост и другие изобретения.

Большое внимание в кинематографических журналах уделялось развитию научного кино и описанию возможностей кинематографа для проведения научных исследований в области медицины, географии, микробиологии и иных сферах научного знания.

Регулярно на страницах киножурналов обсуждалась необходимость распространения кинематографической техники и научных фильмов по школам Российской империи для дальнейшего прорыва в области просвещения и научно-технического прогресса; самым серьезным изданием, радеющим об использовании кино в школьном образовании, был журнал «Разумный кинематограф и наглядные пособия».

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00255, <https://rscf.ru/project/23-28-00255/>.

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23-28-00255, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00255/>.

Литература

Беспроволочный телеграф, 1913 – Беспроволочный телеграф // *Разумный кинематограф и наглядные пособия*. 1913. № 3. С. 74-83.

Болотин, 1911 – Болотин. Учение об электричестве // *Сине-фоно*. 1911. № 1. С. 6-7.

Болотин, 1912 – Болотин. Учение об электричестве // *Сине-фоно*. 1912. № 22. С. 11-13.

Вентиляция, охлаждение..., 1915 – Вентиляция, охлаждение и нагревание помещений кинематографов. Из практики – для практики // *Сине-фоно*. 1915. № 2. С. 40-42.

Вентиляция, охлаждение..., 1916 – Вентиляция, охлаждение и нагревание помещений кинематографов. Из практики – для практики // *Сине-фоно*. 1916. № 17-18. С. 67.

Геллерштейн, 1909 – Геллерштейн Л. Преобразование переменного тока в постоянный, с весьма незначительной потерей, по системе американца Купер-Юита // *Сине-фоно*. 1909. № 4. С. 4-5.

Геллерштейн, 1909 – Геллерштейн Л. Преобразование переменного тока в постоянный, с весьма незначительной потерей, по системе американца Купер-Юита // *Сине-фоно*. 1910. № 10. С. 7.

Гинзбург, 1963 – Гинзбург С. Кинематография дореволюционной России. М., 1963. 456 с.

Говорящий кинематограф Гомона, 1911 – Говорящий кинематограф Гомона // *Вестник кинематографии*. 1911. № 2. С. 13-15.

Говорящий кинематограф, 1912 – Говорящий кинематограф // *Вестник кинематографии*. 1912. № 39. С. 20.

Гордеев, Раев, 2009 – Гордеев В.Ф., Раев О.Н. История российской кинотехники: Московское конструкторское бюро киноаппаратуры. М., 2009. 136 с.

Гращенкова, 2005 – Гращенкова И.Н. Кино Серебряного века. Русский кинематограф 10-х годов и кинематограф русского послеоктябрьского зарубежья 20-х годов. М., 2005. 432 с.

Дегтяренко, 2021 – Дегтяренко К.А. Концептуальные основания этнических исследований // *Северные архивы и экспедиции*. 2021. № 5(4). С. 8-16.

Желябужский, 2014 – Желябужский Ю.А. Искусство советских кинооператоров: краткий очерк развития. М., 2014. 255 с.

Ж-чъ, 1916 – Ж-чъ Л. Кино-воспитатель // *Живой экран*. 1916. № 19-20. С. 22-24.

За границей, 1911 – За границей. Машина для очистки фильма // *Вестник кинематографии*. 1911. № 1. С. 10.

Заграница. Мелочи, 1911 – Заграница. Мелочи. Томас Эдиссон // *Вестник кинематографии*. 1911. № 24. С. 16.

Зайцева, 2013 – Зайцева Л.А. Становление выразительности в российском дозвуковом кинематографе. М., 2013. 311 с.

Косинова, 2013 – Косинова М.И. Кинопрокат и кинофикация в дореволюционной России (1896-1907) // *Вестник ВГИК*. 2013. № 17. С. 6-21.

- Лихачев, 1927** – Лихачев Б.С. Кино в России (1896–1926). Материалы к истории русского кино. Ч. I. 1896–1913 гг. Л., 1927. 204 с.
- Люди науки о кинематографии, 1913** – Люди науки о кинематографии // *Живой экран*. 1913. № 11. С. 8-9.
- М.Г., 1913** – М.Г. Кинематограф на полюсе // *Живой экран*. 1913. № 24. С. 14.
- Научное применение синематографа, 1908** – Научное применение синематографа // *Синефоно*. 1908. № 16. С. 7.
- Научные заметки, 1913** – *Научные заметки*. Кинопластика // *Вестник кинематографии*. 1913. № 16. С. 25-26.
- Научный кинематограф, 1913** – Научный кинематограф // *Живой экран*. 1913. № 5. С. 20-21.
- Новый универсальный кинематографический аппарат, 1912** – Новый универсальный кинематографический аппарат // *Живой экран*. 1912. № 1. С. 2.
- Нужна ли проекционная картинка школе? 1913** – Нужна ли проекционная картинка школе? // *Разумный кинематограф и наглядные пособия*. 1913. № 2. С. 33-34.
- Р.У., 1916** – Р.У. Новое в области кинематографии // *Живой экран*. 1916. № 17. С. 16-18.
- Разумный кинематограф, 1912** – Разумный кинематограф // *Живой экран*. 1912. № 3. С. 4.
- Редакция, 1912** – Редакция. Ростов-на-Дону, 15 август 1912 // *Живой экран*. 1912. № 1. С. 1-2.
- Сертакова и др., 2022** – Сертакова Е.А., Колесник М.А., Лещинская Н.М. «Героическое» и «трагическое» в живописи неоклассицизма XVIII столетия (на примере анализа произведений Ж.-Л. Давида) // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2022. № 15(6). С. 867-878.
- Синематограф на расстоянии, 1908** – Синематограф на расстоянии // *Синефоно*. 1908. № 14. С. 4.
- Ситникова, 2022** – Ситникова А.А. Северные экспедиции и образ Арктики в зарубежной живописи XIX века // *Северные архивы и экспедиции*. 2022. № 6(1). С. 240-249.
- Смесь, 1913** – Смесь. Карманный кинематограф // *Вестник кинематографии*. 1913. № 23. С. 44.
- Соколовский, 1913** – Соколовский Л. Кинематофон // *Живой экран*. 1913. № 2. С. 22.
- Телеграфная передача изображений, 1912** – Телеграфная передача изображений // *Вестник кинематографии*. 1912. № 30. С. 23.
- Устюгова, 2011** – Устюгова В.В. «Конец века» в истории Перми. Первое кино // *Вестник Пермского университета*. 2011. № 3(17). С. 99-107.
- Чудесный корабль, 1911** – Чудесный корабль // *Вестник кинематографии*. 1911. № 23. С. 22-23.
- Koptseva et al., 2021** – Koptseva N.P., Reznikova K.V., Menzhurenko Yu.N. (2021). Journal "Sinefono" as a historical source: domestic provincial cinema in 1907-1916. *Bylye Gody*, 16(4), pp. 2043-2052.
- Koptseva, Sitnikova, 2019** – Koptseva N. P., Sitnikova A. A. The historical basis for the understanding of a state in modern Russia: A case study based on analysis of components in the concept of a state, established between the fifteenth and sixteenth centuries // *International Journal for the Semiotics of Law- Revue internationale de Sémiotique juridique*, 2019. V. 32, №1, pp. 47-74.
- Sitnikova et al., 2022** – Sitnikova A.A., Leshchinskaia N.M., Sertakova E.A., Kolesnik M.A. The "Cine-Phono" Journal as a Source on the History of Film Adaptation of Literary Works in Russia at the beginning of the 20th century // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1955-1967.

References

- Bezprovolochnyy telegraf, 1913** – Bezprovolochnyy telegraf [Wireless telegraph] *Razumnyy kinematograf i naglyadnyye posobiya*. 1913. 3: 74-83. [in Russian]
- Bolotin, 1911** – Bolotin (1911). Uchenie ob electrichestve [the doctrine of electricity]. *Sine-fono*. 1: 6-7.
- Bolotin, 1912** – Bolotin (1912). Uchenie ob electrichestve [the doctrine of electricity]. *Sine-fono*. 22: 11-13.
- Chudesnyy korabl', 1911** – Chudesnyy korabl' [Wonderful ship]. *Vestnik kinematografii*. 1911. 23: 22-23. [in Russian]
- Degtyarenko, 2021** – Degtyarenko, K.A. (2021). Kontseptual'nyye osnovaniya etnicheskikh issledovaniy [Conceptual Foundations of Ethnic Studies]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 5(4): 8-16. [in Russian]
- Gellershtein, 1909** – Gellershtein, L. (1909). Preobrazovanie peremennogo toka v postoyanniy s ves'ma neznachitel'noi poterei po sisteme amerikatsa Kuper-Yuita [Converting alternating current to direct current, with very little loss, according to the American Cooper-Yewit system]. *Sine-fono*. 4: 4-5. [in Russian]
- Gellershtein, 1910** – Gellershtein, L. (1910). Preobrazovanie peremennogo toka v postoyanniy s ves'ma neznachitel'noi poterei po sisteme amerikatsa Kuper-Yuita [Converting alternating current to direct current, with very little loss, according to the American Cooper-Yewit system]. *Sine-fono*. 10: 7. [in Russian]
- Ginzburg, 1963** – Ginzburg, S. (1963). Kinematografiya dorevolyutsionnoy Rossii [Cinematography of pre-revolutionary Russia]. Moscow, 456 p. [in Russian]
- Gordeev, Raev, 2009** – Gordeev, V.F., Raev, O.N. (2009). Istoriya rossiyskoy kinotekhniki: Moskovskoye konstruktorskoye byuro kinoapparatury [History of Russian cinematography: Moscow design bureau of film equipment]. Moscow, 136 p. [in Russian]

- Govoryashchiy kinematograf Gomona, 1911** – Govoryashchiy kinematograf Gomona [Talking cinematography of Gaumont]. *Vestnik kinematografii*. 1911. 2: 13-15. [in Russian]
- Govoryashchiy kinematograf, 1912** – Govoryashchiy kinematograf [Talking cinematography]. *Vestnik kinematografii*. 1912. 39: 20. [in Russian]
- Grashchenkova, 2005** – *Grashchenkova, I.N.* (2005). Kino Serebryanogo veka. Russkiy kinematograf 10-kh godov i kinematograf russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya 20-kh godov [Cinema of the Silver Age. Russian cinema of the 10s and the cinema of Russian post-October abroad in the 20s]. Moscow, 432 p. [in Russian]
- Koptseva et al., 2021** – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Menzhurenko, Yu.N.* (2021). Journal "Sinefono" as a historical source: domestic provincial cinema in 1907-1916. *Bylye Gody*. 16(4): 2043-2052.
- Koptseva, Sitnikova, 2019** – *Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A.* (2019). The historical basis for the understanding of a state in modern Russia: A case study based on analysis of components in the concept of a state, established between the fifteenth and sixteenth centuries // *International Journal for the Semiotics of Law-Revue internationale de Sémiotique juridique*. 32(1): 47-74.
- Kosinova, 2013** – *Kosinova, M.I.* (2013). Kinoprokat i kinofikatsiya v dorevolyutsionnoy Rossii (1896–1907) [Film distribution and cinematography in pre-revolutionary Russia (1896–1907)]. *Vestnik VGIK*. 17: 6-21. [in Russian]
- Likhachev, 1927** – *Likhachev, B.S.* (1927). Kino v Rossii (1896-1926). Materialy k istorii russkogo kino. Ch. I. 1896–1913 gg. [Cinema in Russia (1896–1926). Materials for the history of Russian cinema. Part I. 1896–1913]. Leningrad, 204 p. [in Russian]
- Lyudi nauki o kinematografii, 1913** – Lyudi nauki o kinematografii [People of the Science of Cinematography]. *Zhivoy ekran*. 1913. 11: 8-9. [in Russian]
- M.G., 1913** – *M.G.* (1913). Kinematograf na polyuse [Cinema at the Pole]. *Zhivoy ekran*. 1913. 24: 14. [in Russian]
- Nauchnoe primenenie sinematografa, 1908** – Nauchnoe primenenie sinematografa [Scientific application of the cinematograph]. *Sine-fono*. 1908. 16: 7. [in Russian]
- Nauchnyy kinematograf, 1913** – Nauchnyy kinematograf [Scientific cinematography]. *Zhivoy ekran*. 1913. 5: 20-21. [in Russian]
- Nauchnyye zametki, 1913** – Nauchnyye zametki [Scientific notes]. Kinoplastika [Cinematography]. *Vestnik kinematografii*. 1913. 16: 25-26. [in Russian]
- Novyy universal'nyy kinematograficheskiy apparat, 1912** – Novyy universal'nyy kinematograficheskiy apparat [New universal cinematographic apparatus]. *Zhivoy ekran*. 1912. 1: 2. [in Russian]
- Nuzhna li proyeksionnaya kartinka shkole, 1913** – Nuzhna li proyeksionnaya kartinka shkole? [Does the school need a projection image?]. *Razumnyy kinematograf i naglyadnyye posobiya*. 1913. 2:33-34. [in Russian]
- R.U., 1916** – *R.U.* (1916). Novoye v oblasti kinematografii [New in the field of cinematography]. *Zhivoy ekran*. 17: 16-18. [in Russian]
- Razumnyy kinematograf, 1912** – Razumnyy kinematograf [Reasonable Cinematography]. *Zhivoy ekran*. 1912. 3: 4. [in Russian]
- Redaktsiya, 1912** – Redaktsiya. Rostov-na-Donu, 15 avgust 1912 [Rostov-on-Don, August 15, 1912]. *Zhivoy ekran*. 1912. 1: 1-2. [in Russian]
- Sertakova i dr., 2022** – *Sertakova, E.A., Kolesnik, M.A., Leshchinskaya, N.M.* (2022). «Geroicheskoye» i «tragicheskoye» v zhivopisi neoklassitsizma XVIII stoletiya (na primere analiza proizvedeniy Zh.-L. Davida) [«Heroic» and «tragic» in the painting of neoclassicism of the 18th century (on the example of the analysis of the works of J.-L. David)]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 15 (6): 867-878. [in Russian]
- Sinematograf na rasstoyanii, 1908** – Sinematograf na rasstoyanii [Cinematography in the distance]. *Sine-fono*. 1908. 14: 4. [in Russian]
- Sitnikova et al., 2022** – *Sitnikova, A.A., Leshchinskaya, N.M., Sertakova, E.A., Kolesnik, M.A.* (2022). The “Cine-Phono” Journal as a Source on the History of Film Adaptation of Literary Works in Russia at the beginning of the 20th century. *Bylye Gody*. 17(4): 1955-1967.
- Sitnikova, 2022** – *Sitnikova, A.A.* (2022). Severnyye ekspeditsii i obraz Arktiki v zarubezhnoy zhivopisi XIX veka [Northern Expeditions and the Image of the Arctic in Foreign Painting of the 19th Century]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 6(1): 240-249. [in Russian]
- Smes', 1913** – Smes'. Karmannyi kinematograf [Mixture. Pocket Cinema]. *Vestnik kinematografii*. 1913. 23: 44. [in Russian]
- Sokolovskiy, 1913** – *Sokolovskiy, L.* (1913). Kinematofon [Cinematophone]. *Zhivoy ekran*. 2: 22. [in Russian]
- Telegrafnaya peredacha izobrazheniy, 1912** – Telegrafnaya peredacha izobrazheniy [Telegraphic transmission of images]. *Vestnik kinematografii*. 1912. 30: 23. [in Russian]
- Ustyugova, 2011** – *Ustyugova, V.V.* (2011). «Konets veka» v istorii Permi. Pervoye kino [«End of the century» in the history of Perm. The First Cinema]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 3(17): 99-107. [in Russian]

Ventilyatsiya, ohlazhdeniye..., 1915 – Ventilyatsiya, ohlazhdeniye i nagrevaniye pomescheniy kinematographov [Ventilation, cooling and heating of cinema rooms]. *Sine-fono*. 1915. 2: 40-42.

Ventilyatsiya, ohlazhdeniye..., 1916 – Ventilyatsiya, ohlazhdeniye i nagrevaniye pomescheniy kinematographov [Ventilation, cooling and heating of cinema rooms]. *Sine-fono*. 1916. 17-18: 67.

Za granitsey, 1911 – Za granitsey [Abroad]. Mashina dlya ochistki fil'ma [Film Cleaning Machine]. *Vestnik kinematografii*. 1911. 1: 10. [in Russian]

Zagranitsa. Melochi, 1911 – Zagranitsa. Melochi [Abroad. Little things]. Tomas Edison. *Vestnik kinematografii*. 1911. 24: 16. [in Russian]

Zaytseva, 2013 – Zaytseva, L.A. (2013). Stanovleniye vyrazitel'nosti v rossiyskom dozvukovom kinematographe [Formation of expressiveness in Russian subsonic cinematography]. Moscow, 311 p. [in Russian]

Zh-ch", 1916 – Zh-ch" L. (1916). Kino-vospitatel' [Cinema educator]. *Zhivoy ekran*. 19-20: 22-24. [in Russian]

Zhelyabuzhsky, 2014 – Zhelyabuzhsky, Yu.A. (2014). Iskusstvo sovetskikh kinooperatorov: kratkiy ocherk razvitiya [The art of Soviet cameramen: a brief outline of development]. Moscow, 255 p. [in Russian]

Научно-технический прогресс в кинематографе и фотографии на материале российской периодики 1907–1917 гг.

Александра Александровна Ситникова ^{а, *}, Наталья Михайловна Лещинская ^а,
Екатерина Анатольевна Сертакова ^а, Мария Александровна Колесник ^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Научно-технический прогресс запустил процесс кардинальных изменений в жизни людей в начале XX века. Трансформации повседневности, трудовой деятельности и досуга под влиянием технологий, адаптация людей к жизни в новой технологической реальности не менее актуальны и в XXI веке. Существенные технологические изменения мира были запущены вместе с изобретением киноаппарата и расцветом аудиовизуальной культуры. Исследование истоков научно-технических трансформаций в начале XX века в сфере кино- и фототехнологий является актуальным для анализа происходящих изменений. Исследование научно-технического прогресса начала прошлого века проведено на основании анализа публикаций на страницах ведущих киножурналов Российской империи – «Сине-фоно», «Вестник кинематографии», «Живой экран» и «Разумный кинематограф и наглядные пособия», где вопросы технологического развития кинематографии и фотографии находились в центре внимания. В качестве методологии были использованы методы количественного и качественного контент-анализа. По итогам исследования представлен обзор новинок кино- и фототехнологий, которые объяснялись, рекламировались и обсуждались на страницах журналов; представлен анализ изобретений будущего (стереокино, передача кинематографического изображения на расстоянии, звуковое кино), которые воодушевленно освещались в киножурналах; а также осознаваемых перспектив применения кино- и фототехнологий для проведения научных исследований в области геологии, топографии, медицины, психологии, микробиологии и других сферах научного знания.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, кино Российской империи, киножурнал «Сине-фоно», киножурнал «Живой экран», киножурнал «Вестник кинематографии», киножурнал «Разумный кинематограф и наглядные пособия».

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sem_dobrianka@mail.ru (А.А. Ситникова),
trognonulia@gmail.com (Н.М. Лещинская), sertachok@mail.ru (Е.А. Сертакова),
masha_kolesnik@mail.ru (М.А. Колесник)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 431-437
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.431

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Strengthening the States of Urban and County Police in the Provinces of Siberia (1908–1916)

Alexander B. Khramtsov ^{a, *}

^a Industrial university of Tyumen, Russian Federation

Abstract

In work involving archival sources, the process of reforming police departments in the provinces of Siberia in 1908-1916 was first investigated (based on materials from the Tobolsk province). The key goal of the reform was to strengthen the personal composition of the police, improve the financial situation of its ranks, since the states approved in 1867 and 1887 did not meet the needs of the time in either qualitative or quantitative aspects. It was established that after the suppression of the first Russian revolution, the criminal situation in the region sharply worsened. There was an increase in various types of crimes (thefts, robberies, murders). Under the new conditions, insufficient states of city and county police could not ensure security and law and order. Other factors indicated the need to strengthen police ranks: an increase in the volume of shipping, passenger and freight transportation by rail, the development of trade, industry and others. The reports of the county police officers, their views and arguments in the context of the reorganization of the police were considered. It was revealed that the central government partially satisfied the petitions of local chiefs: a new cut of police camps was carried out, 14 positions of bailiffs were added and a police guard was introduced (however, only in 6 out of 10 counties of the Tobolsk province). Obviously, the reform was late and did not qualitatively improve the work of police departments in the region.

Keywords: policeman, governor, police camp, police officer, police chief, police department reform.

1. Введение

После подавления революции 1905–1907 гг. центральная власть задумалась над переустройством всей системы административно-полицейского управления применительно к новым условиям жизни (Перегудова, 2000: 365).

Необходимость полицейской реформы в городах и уездах Сибири давно назрела. Штаты полицейских управлений, утвержденные в 1867 и 1887 гг., в новых условиях не могли обеспечить безопасность и правопорядок (Храмцов, 2011: 28-33). Установленная нормативная пропорция (1 городской на 450 жителей) во многих городах превышалась: на 1910 г. в Ишиме 1 городской приходился на 765 жителей, в Тюкалинске – 661, в Таре – 774, в Бийске – 1 118, в Мариинске – 1 212 (Города, 1914: 1026-1027).

С 1908 г. правительством был принят целый ряд временных «узаконений», направленных на усиление личных составов полиции в городах и уездах Сибири, действие которых продлевалось. Поиск оптимальных форм и методов обеспечения правопорядка в стране продолжался вплоть до февраля 1917 г.

2. Материалы и методы

В данной работе применен комплекс неопубликованных (архивных) документов, впервые извлеченных из государственного архива г. Тобольска Тюменской области: отчеты полицейских

* Corresponding author

E-mail addresses: khramtsov_ab@bk.ru (A.B. Khramtsov)

исправников, донесения, предписания губернатора, сводные ведомости, обзоры и переписка и др. Среди опубликованных источников – заметки местных газет («Курганские известия», «Сибирский голос», «Сибирский листок» и др.), а также работы исследователей по данной тематике.

Работа базируется на общенаучных и специальных методах познания. Принципы историзма и научной объективности означают, что каждое явление (или процесс) рассматривается в его многогранности, противоречивости, развитии и взаимосвязи с условиями действительности. Процесс реформирования городских и уездных полиций в губерниях Сибири позволяют раскрыть такие методы, как хронологический, типологический, историко-сравнительный и системный.

Благодаря хронологическому методу удалось установить последовательность событий, цепочку мер правительства по реформированию полиции на местном уровне; типологический метод выявил общие группы проблем, характерных для полицейских управлений в регионе; историко-сравнительный метод позволил провести сравнение общественных процессов в то или иное время, в разных городах Сибири, их влияние на полицейскую службу; системный метод дал возможность рассмотреть полицию как совокупность (систему) различных элементов (сотрудников, помещений, оборудования, вооружения, обмундирования и т.д.), объединенных общей целью обеспечения безопасности и правопорядка.

3. Обсуждение

Систему полицейского управления в Сибири в 1990–2000-е гг. изучал ряд ученых-историков: И.А. Коновалов, З. Перегудова, П.А. Сунгуров, М.В. Тушемилов, А.Б. Храмцов и др. Скажем, общие вопросы становления и эволюции полицейского управления в регионе рассмотрели И.А. Коновалов (Коновалов, 2007) и М.В. Тушемилов (Тушемилов, 2009). З. Перегудова сконцентрировала свое внимание на организации политической полиции, жандармерии (Перегудова, 2000). Отдельную разновидность полиции – стражу – исследовал П.А. Сунгуров (Сунгуров, 2014).

На современном этапе можно заметить очевидный научный интерес к изучению досоветской полиции, ее формирования, эволюции, практики реформирования в конкретных местностях. Так, изучением городской и уездных полиций в Тобольской губернии занимаются П.А. Сунгуров, А.Б. Храмцов и др. Однако многие вопросы организации, преобразования и деятельности полиции на уровне края, особенности полицейского обслуживания в отдельных городах и уездах остаются малоизученными.

4. Результаты

В 1905–1907 гг. криминальная ситуация в городах Сибири резко осложнилась. Убийства, грабежи и разбои стали обычным явлением. Полиция не справлялась с погромами, убийствами, беспорядками и хулиганствами (Хроника, 1906: 4). В частности, газета писала, что в г. Таре «давно идут погромы». Исправник указывал на осиповцев, с которыми полиция ничего поделать не может, а 19 ноября 1905 г. состоялась драка на заводе Щербакова (Внутренние известия, 1905: 3). В центре г. Томска в августе 1905 г. произошло убийство заведующего центральной лабораторией молочного хозяйства в Сибири, агронома С.М. Кочергина (Внутренние известия, 1905: 2). Сибирский листок опубликовал «письмо из г. Тюкалинска», согласно которому «13 и 14 ноября [1905 г.] будут бить всех евреев, поляков, учителей, громить магазины. Было заседание у исправника и в городской управе – решено расставить патрули по городу, паника страшная» (Городская хроника, 1905: 2). В г. Тюмени 6 декабря 1906 г. произошел конфликт чинов полиции с хулиганами на Царской улице, где подвыпившие молодые люди бранились и пели песни. Околоточный надзиратель Островский и стражник Тугулуков решили их задержать. Произошла драка, в ходе которой серьезные раны получили полицейские. Четверо из пятерых были задержаны (Хроника жизни, 1906: 3). В других поселениях края отмечались подобные же правонарушения (Происшествия, 1908: 3). В этой связи тобольский губернатор весной 1908 г. предложил уездным исправникам представить свои соображения по вопросу увеличения личных составов и улучшения материального положения чинов полиции (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 90).

Тобольский полицмейстер ходатайствовал об учреждении должности помощника полицмейстера и 3 должностей помощников пристава. Согласно его донесению, состав классных чинов наружной полиции г. Тобольска состоял из полицмейстера, 3 приставов и 7 околоточных надзирателей (с 1904 г. – взамен 5 помощников приставов). В качестве доводов к увеличению личного состава городской полиции он указал, что со времени введения штатов полиции (1887 г.) количество населения возросло более чем на 5 тыс. человек; появилось много «пришлых людей»; развилось пароходство; увеличилось число преступлений; увеличилась канцелярская работа. Он считал, что введение новых должностей усилит личный состав полицейских, которым приходилось нести службу без отдыха (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 91).

Тобольский уездный исправник просил восстановить в уезде четвертую должность станového пристава, упраздненную в 1903 г. Новая должность позволила бы разделить на два огромный третий стан, расположенный в северной части уезда и состоящий из десяти волостей (площадь 530 верст).

Такая мера, по его мнению, облегчит службу приставов, от них можно будет требовать более успешного и основательного исполнения обязанностей (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 92).

Березовский исправник в рапорте от 3 марта 1908 г. указал, что необходимо восстановить вторую должность полицейского надзирателя в г. Березове. По его данным, единственный надзиратель в летний период командировался в другие села для приемки ссыльных и их расселения по уезду, в результате город фактически оставался без полицейского надзора (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 92об.).

Ишимский исправник заявил о необходимости преобразования двух должностей полицейских надзирателей в г. Ишиме в городских приставов и об учреждении четырех должностей околоточных надзирателей, а в уезде – двух должностей станových приставов. В городе с населением до 12 тыс. человек было всего два полицейских надзирателя, чего крайне недостаточно. В последние годы Ишим превратился в «очень бойкий и оживленный пункт», проводились три больших ярмарки, из которых одна (Никольская) по своим многомиллионным оборотам была широко известна далеко за пределами Тобольской губернии. Естественно, что сюда стекались и люди легкой наживы. Для обеспечения правопорядка на время ярмарок в город стягивался практически весь состав станových приставов и урядников. Кроме этого, через город прошла Тюмень-Омская железная дорога. Население Ишимского уезда за время утверждения штата полиции (1867 г., то есть более 40 лет) увеличилось на 155 тыс. человек, в связи с чем уезд необходимо разделить на семь станов (добавить два) (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 93).

В г. Кургане, согласно рапорту, исправник предлагал ввести третью должность пристава и пять околоточных надзирателей, а в уезде – одну должность станového пристава. Население в городе выросло до 40 тыс. жителей, а состав полиции включал двух приставов, четырех околоточных надзирателей и одного полицейского надзирателя в слившихся с городом поселках при станции Курган Сибирской железной дороги. В городе проживало до 10 тыс. рабочих, которые трудились на железной дороге, фабриках, заводах и в конторах. В этой связи представлялось необходимым разделить город на три полицейских участка (вместо двух) и в каждом из них ввести пристава и трех околоточных надзирателей. Курганский уезд по числу населения занимал второе место в губернии. С устройством железной дороги здесь «осело» немало людей темных профессий и служба чинов наружной полиции увеличилась во много раз. В этой связи следует разделить уезд на шесть станов, т.е. ввести еще одну должность пристава (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 94об.).

Сургутский исправник докладывал, что уездная полиция состоит из исправника, его помощника, двух станových приставов и секретаря полиции, на которого возложены обязанности полицейского надзирателя. Город Сургут был небольшим по численности жителей (чуть более 1000), но в последнее время благодаря развитию паромства он стал развиваться в сфере торговли. В этой связи необходим чиновник наружной полиции, чтобы освободить секретаря от несения этой службы, и секретарь бы мог исполнять свои прямые обязанности. Также исправник предлагал ввести должность столоначальника (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 95).

Тарский полицейский начальник считал необходимым восстановить в городе вторую должность полицейского надзирателя и ввести пятую должность станového пристава в уезде. В связи с упразднением в 1904 г. одной должности полицейского надзирателя в городе с населением до 13 тыс. человек остался один чиновник, который физически не успевал вести службу. Тарский уезд в последние годы по населению заметно увеличился из-за переселения, на основании чего следует ввести еще одну должность станového пристава (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 95-95об.).

Туринский уезд, разделенный на два стана, в связи с обширностью и разбросанностью стана (до 50 тыс. кв. верст), при довольно затруднительных путях сообщения нуждался в третьей должности пристава путем разделения второго стана на два (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 96).

Тюкалинский исправник рапортовал о необходимости учреждения в городе второй должности полицейского надзирателя, а в уезде – двух станových приставов. Население в городе достигало 6 тыс. человек, а при наличии одного полицейского надзирателя нередко возникала задержка в исполнении дел и разных поручений. Кроме того, в числе жителей отмечалась большая часть ссыльных, которые продолжали вести порочную жизнь. В этой связи надзиратель должен вести бдительное наблюдение за их образом жизни и других подозрительных лиц, добывавших себе средства преступным путем. А в случае экстренной командировки надзирателя город оставался без чиновника наружной полиции. В городе проводились четыре ярмарки, на которые съезжалось немало торговцев, и один надзиратель оказывался совершенно бессильным в обеспечении правопорядка. В уезде, по мнению исправника, неотложно необходимы два новых стана. Ввиду больших расстояний пристав был лишен возможности своевременно прибыть на место преступления, что неблагоприятно отражалось на обнаружении виновных и расследовании самого преступления. Наряду с этим, за последнее время в уезде активно развилось маслоделие, а с 1903–1910 гг. население уезда увеличилось более чем на 50 тыс. человек (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 96-97об.).

Тюменский уездный исправник считал, что г. Тюмень с 40 тыс. населением «самый живой и бойкий город в губернии». Здесь много фабрик и заводов, имелся театр, клуб приказчиков, народный дом, рестораны и гостиницы. Город являлся конечным пунктом Обского бассейна, куда приходило

много пароходов, и большинство из них оставалось на зимовку. Через город простиралась Сибирская железная дорога. Ввиду изобилия рабочих и массы преступного элемента в городе фиксировалось большое количество преступлений и существовавший штат классных чинов наружной полиции едва справлялся со своей службой, совершенно не имея отдыха. В этой связи он предлагал учредить отдельную городскую полицию (как в губернском Тобольске), ввести должности второго помощника пристава, двух городских приставов и пяти околоточных надзирателей, а в уезде – двух станковых приставов. В уезде всего два пристава, а районы их службы громадны. При всем желании они не имели возможности справиться с делом (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 98).

Ялуторовский уездный исправник докладывал о необходимости восстановления второй должности полицейского надзирателя в городе, упраздненной в 1904 г., и об учреждении в уезде еще одной должности станкового пристава (5). Надзирателю, помимо наружной службы, приходилось исполнять обязанности судебного пристава по городу, а также во время выездных сессий Тобольского окружного суда. Через Ялуторовск прошла Тюмень-Омская железная дорога, благодаря чему город стал разрастаться, открывались новые торговые фирмы, а вместе с тем появилось немало рабочих и преступного элемента. Один надзиратель не справлялся со своевременным исполнением своих обязанностей. Население уезда резко возросло как благодаря переселению, так и естественному приросту. Следует провести новую нарезку станов (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 98об.).

Общее присутствие Тобольского губернского управления, «разделяя в полной мере» ходатайства полицейских начальников, для надлежащей постановки полицейского дела в регионе признало необходимым:

- 1) учредить 4 должности городских приставов: одну в г. Кургане, одну в г. Тюмени, две в г. Ишиме, упразднить в последнем 2 должности полицейских надзирателей;
- 2) учредить в г. Тюмени вторую должность помощника исправника для несения полицейской службы по городу;
- 3) учредить 11 должностей станковых приставов: в Ишимском, Тарском и Тюкалинском уездах – по две; в Тобольском, Туринском, Курганском, Тюменском и Ялуторовском – по одной;
- 4) учредить 3 должности полицейских надзирателей: по одной в г. Таре, в г. Ялуторовске и в пос. Называевском Тюкалинского уезда;
- 5) учредить в последнем поселке 5 должностей городских, в том числе одну старшего;
- 6) для доведения числа урядников до числа волостей учредить в губернии 146 должностей полицейских урядников, присвоив им, а равно и существующим ныне 135, оклад содержания, установленный законом 29 декабря 1905 г.;
- 7) учредить 13 должностей околоточных надзирателей: в г. Ишиме и Тюмени по 4 и в г. Кургане 5;
- 8) увеличить содержание околоточным надзирателям до 600 руб. в год, с отпуском им квартирных денег;
- 9) распространить на Тобольскую губернию закон 31 января 1906 г. об увеличении содержания классным чином уездной и городской полиций, кроме двух северных уездов;
- 10) сравнять оклады содержания сургутского исправника и его помощника с окладами содержания, установленными для этих должностей в прочих уездах губернии;
- 11) увеличить отпуск кредитов на канцелярские и хозяйственные расходы городского и уездных полицейских управлений на 7 800 рублей, с предоставлением губернатору распределять эти средства по уездам;
- 12) распространить на губернию закон 31 января 1906 г. о численном составе и окладах содержания чинов городских полицейских команд (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 114-114об.).

Следовательно, губернская администрация, рассмотрев ходатайства уездных исправников при составлении сводной заявки в МВД, частично удовлетворила их требования, посчитав некоторые нецелесообразными (из Березова, Сургута, Туринска). Департамент полиции 10 сентября 1910 г. ответил губернатору, что в отношении увеличения числа станов надлежало направить в МВД особое представление (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 90). На 1915 г. в Тобольской губернии действовало 34 полицейских стана, в которых несли службу 34 пристава и 135 урядников (Таблица 1).

Таблица 1. Распределение полицейских станов в Тобольской губернии. 1915–1916 гг. (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 179-179об., 180, 269)

№	Уезд	Полицейских урядников	Полицейских станов	Становая квартира	Вновь учрежденные станы
1	Березовский	9	1 2	с. Кондинское с. Обдорское	-
2	Ишимский	22	1 2	сл. Абатская с. Голышмановское	6 с. Юдино 7 с. Красноярское

			3 4 5	с. Частоозерское с. Ильинское г. Ишим	8 с. Ильинское
3	Курганский	21	1 2 3 4 5	с. Белозерское с. Лебяжье с. Макушинское с. Чернавское г. Курган	6 с. Половинское
4	Сургутский	4	1 2	г. Сургут с. Нижне- Лумпокольское	-
5	Тобольский	11	1 2 3	г. Тобольск сл. Черная с. Демьянское	4 с. Самаровское
6	Тюменский	10	1 2	г. Тюмень д. Артамонова	3 с. Велижанское
7	Туринский	10	1 2	г. Туринск с. Табаринское	3 с. Гаринское
8	Тарский	15	1 2 3 4	д. Завьялова с. Викуловское с. Кагащинское с. Муромцевское	5 с. Седельниковское 6 с. Евгашино 7 с. Муромцево
9	Тюкалинский	19	1 2 3 4 5	с. Крутинское с. Лузинское с. Посельско- Саргатское с. Локтинское д. Калачинская	6 с. Иконниковское 7 ст. Калачинская Омской жд 8 с. Оконешниково
10	Ялуторовский	14	1 2 3 4	с. Новозаимское г. Ялуторовск с. Емуртлинское с. Исетское	5 с. Суерское
Всего		135	34 должности станových приставов		+ 14 должностей станových приставов

В министерстве рассмотрение ходатайства тобольского губернатора по разным причинам затянулось на долгие годы. Новое прошение губернатор представил в МВД 24 ноября 1912 г. В сводной заявке предлагалось учредить: а) 16 новых должностей станových приставов; б) 152 должности полицейских урядников, чтобы довести это число до количества волостей в губернии.

Департамент полиции отношением от 19 января 1913 г. уведомил начальника губернии о том, что вопрос изменения штатов полиции в городах затрагивал интересы городских общественных управлений, которые обеспечивали квартирное довольствие чинов полиции. Департамент просил губернатора передать вопрос на обсуждение общественных управлений, постановления которых с заключением и сведениями о финансовом положении городов сообщить в министерство.

Городские думы Тобольской губернии по данному вопросу приняли разные решения: в Тобольске и Туринске полностью приняли предложение губернатора; в Кургане – при условии, если половину расходов по квартирному довольствию чинов полиции примет на себя казна; в Таре согласились отпустить квартирных двум надзирателям лишь 160 руб. (вместо 320 руб.), а в Ишиме, Тюмени и Ялуторовске предложение об увеличении состава уездной полиции и увеличении окладов содержания чинов признали неприемлемым (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 255-256).

Интересно, что 5 декабря 1912 г. Государственная Дума приняла закон «Об улучшении земских и городских финансов», согласно которому во всех губерниях и областях Империи содержание полиции в размере половины расходов, которые несли городские поселения, принималось на средства казны (Закон, 1913: 1). Следовательно, о новой мере поддержки городов со стороны правительства в Сибири стало известно с запозданием.

В результате в уездной полиции Тобольской губернии по закону 18 марта 1915 г. были учреждены 14 должностей станových приставов и одна должность полицейского надзирателя в пос. при ст. «Называевской» Сибирской железной дороги (Положение..., 1915).

В годы Первой мировой войны в регионе быстро развивалось корчемство и производство тайного винокурения («самосидки»), принимавшего угрожающие размеры, что создавало для чинов наручной полиции (городовых и урядников) массу работы по обнаружению виновных в данных преступлениях. Например, на станции Любинской (Тюкалинский уезд) Омской железной дороги крестьянин Василий Демидов оскорбил местного пристава во время обнаружения у него крепких

напитков, он сорвал погон с плеча пристава и намеревался его заколоть вилами, но был обезврежен (декабрь 1915 г.); крестьяне Виктор и Наталья Куроч (Тарский уезд) оказали вооруженное сопротивление местному приставу и помощнику акцизного управления при намерении их произвести розыск самосидки в крестьянском доме (февраль 1916 г.) (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 187). Более того, в отдельных южных районах губернии резко возросло конокрадство, борьба с которым была бессильна при недостатке чинов полиции.

На необходимость увеличения составов полицейских управлений в регионе указывали и другие обстоятельства, в частности, увеличение объемов пассажирского и грузового движения по судоходным рекам края. В Тобольской губернии основными водными путями являлись реки Обь, Иртыш, Тобол и Тура, по которым судоходство осуществлялось с апреля по октябрь. Также выделялись реки Тавда, Ишим, Тара и Ница, которые были судоходны лишь в половодье. О полицейском обслуживании пристаней точных сведений в губернской администрации не имелось. Тем не менее она посчитала «весьма желательным увеличение полицейского обслуживания водных путей» (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 8).

При этом Департамент полиции 21 апреля 1916 г. признал введение 16 новых должностей станowych приставов преувеличенным, в частности для уездов Тюкалинского и Тюменского. В первом из них уже имелось 5 приставов. Центральный орган полагал разделить Тюкалинский уезд на 7 станов (а не 8): в среднем каждый из них включал бы пространство в 7 864 кв. версты и 37 100 человек, что является наиболее подходящим к установленной для Европейской России норме в 40 тыс. жителей на стан. Тюменский уезд следовало разделить на 3 стана (а не 4), каждый из них имел бы в среднем 36 600 жителей (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 196-196об.).

Ходатайство губернатора об учреждении 152 новых должностей полицейских урядников «не получило желаемого разрешения» (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 432. Л. 193). Этот вопрос зависел от принятия внесенного в Государственную Думу законопроекта о введении полицейской стражи в губерниях Сибири. В результате новым законом от 1 октября 1916 г. в 6 уездах Тобольской губернии с января 1917 г. вводилась уездная полицейская стража. Причем реформа по разным основаниям не вводилась в Березовском, Сургутском, Тарском и Туринском уездах (Сунгуров, 2014: 196). Более того, «требование о наборе на должности рядовых (городовых) грамотных людей оставалось в Сибири лишь пожеланием» (Коновалов, 2007: 47). Стало быть, система полицейского управления как в городах, так и уездах региона «не была укомплектована профессиональными кадрами и во многом носила половинчатый и незавершенный характер» (Тушемилов, 2009: 123).

5. Заключение

Реформа по усилению штатов городской и уездных полицейских управлений Тобольской губернии затянулась на долгие годы (1908–1916). Центральная власть реализовала ее частично: учреждены 14 должностей станowych приставов и введена полицейская стража. Введенные меры не давали ощутимого эффекта. Февральская революция 1917 г. процесс реформирования полиции в регионе прекратила. В марте царские органы обеспечения правопорядка в стране были ликвидированы.

Литература

- Внутренние известия, 1905 – Внутренние известия // *Сибирский листок*. 1905. № 63. С. 2.
 ГА в г. Тобольске – Государственный архив в г. Тобольске.
 Города, 1914 – Города России в 1910 г. СПб.: Центральный статкомитет МВД, 1914. 1200 с.
 Городская хроника, 1905 – Городская хроника // *Сибирский листок*. 1905. № 91. С. 2.
 Закон..., 1913 – Закон «Об улучшении земских и городских финансов» // *Тобольские губернские ведомости*. 1913. № 5. С. 1.
 Коновалов, 2007 – Коновалов И.А. Городская полиция Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Омского университета*. 2007. № 3. С. 44-47.
 Перегудова, 2000 – Перегудова З. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. 432 с.
 Положение..., 1915 – Высочайше утвержденное Положение Совета министров «Об усилении полиции в губерниях и областях Сибири» // *Правительственный вестник*. 1915. № 73.
 Происшествия, 1908 – Происшествия // *Курганские известия*. 1908. № 25. С. 3.
 Сунгуров, 2014 – Сунгуров П.А. Введение полицейской стражи в Тобольской губернии (1916–1917 гг.) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 10-3(48). С. 194-196.
 Тушемилов, 2009 – Тушемилов М.В. Становление полицейской системы в Сибири (XIX – начало XX вв.) // *Сибирская ссылка*. Иркутск, 2009. Вып. 5(17). С. 123-135.
 Храмцов, 2011 – Храмцов А.Б. Реформы полицейского управления Западной Сибири в последней трети XIX века // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2011. № 4. С. 28-33.
 Хроника жизни, 1906 – Хроника жизни // *Сибирский голос*. 1906. № 15. С. 3.
 Хроника, 1906 – Хроника // *Томские губернские ведомости*. 1906. № 11. С. 4.

References

- GA v g. Tobol'ske** – Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [State Archives in Tobolsk].
- Goroda, 1914** – Goroda Rossii v 1910 g. [Cities of Russia in 1910] Sankt-Peterburg: Tsentral'nyi statkomitet MVD, 1914. 1200 p. [in Russian]
- Gorodskaya khronika, 1905** – Gorodskaya khronika [City Chronicle]. *Sibirskii listok*. 1905. 91: 2. [in Russian]
- Khramtsov, 2011** – *Khramtsov, A.B.* (2011). Reformy politseiskogo upravleniya Zapadnoi Sibiri v poslednei treti XIX veka [Reforms of the police department of Western Siberia in the last third of the 19th century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 4: 28-33. [in Russian]
- Khronika zhizni, 1906** – Khronika zhizni [Chronicle of life]. *Sibirskii golos*. 1906. 15: 3. [in Russian]
- Khronika, 1906** – Khronika [Chronicle]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 11: 4. [in Russian]
- Kononov, 2007** – *Kononov, I.A.* (2007). Gorodskaya politsiya Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [City police of Western Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 3: 44-47. [in Russian]
- Peregudova, 2000** – *Peregudova, Z.* (2000). Politicheskii sysk Rossii (1880–1917 gg.). [Political investigation of Russia (1880–1917)]. Moskva: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 432 p. [in Russian]
- Polozhenie..., 1915** – Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie Soveta ministrov «Ob usilenii politzii v guberniyakh i oblastiakh Sibiri» [The highest approved Regulation of the Council of Ministers "On strengthening the police in the provinces and regions of Siberia"]. *Pravitel'stvennyi vestnik*. 1915: 73. [in Russian]
- Proisshestiya, 1908** – Proisshestiya [Incidents]. *Kurganskie izvestiya*. 1908. 25: 3. [in Russian]
- Sungurov, 2014** – *Sungurov, P.A.* (2014). Vvedenie politseiskoi strazhi v Tobol'skoi gubernii (1916–1917 gg.) [Introduction of Police Guard in Tobolsk Governorate (1916–1917)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 10-3(48): 194-196. [in Russian]
- Tushemilov, 2009** – *Tushemilov, M.V.* (2009). Stanovlenie politseiskoi sistemy v Sibiri (XIX – nachalo XX vv.) [The formation of the police system in Siberia (XIX – early XX centuries)]. *Sibirskaya ssylka*. Irkutsk. 5(17): 123-135. [in Russian]
- Vnutrennie izvestiya, 1905** – Vnutrennie izvestiya [Internal news]. *Sibirskii listok*. 1905. 63: 2. [in Russian]
- Zakon, 1913** – Zakon «Ob uluchshenii zemskikh i gorodskikh finansov» [Law "On the improvement of zemstvo and city finances"]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. 1913. 5: 1. [in Russian]

Усиление штатов городских и уездных полиций в губерниях Сибири (1908–1916 годы)Александр Борисович Храпцов ^{a, *}^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В работе с привлечением архивных источников впервые исследован процесс реформирования полицейских управлений в губерниях Сибири в 1908–1916 гг. (на материалах Тобольской губернии). Ключевая цель реформы заключалась в усилении личных составов полиции, улучшении материального положения ее чинов, так как штаты, утвержденные в 1867 и 1887 гг., ни в качественном, ни в количественном аспектах не отвечали потребностям времени. Установлено, что после подавления Первой русской революции криминогенная обстановка в регионе резко обострилась. Отмечался рост разных видов преступлений (кражи, грабежи, убийства). В новых условиях недостаточные штаты городских и уездных полиций не могли обеспечить безопасность и правопорядок. На необходимость усиления составов чинов полиции указывали другие факторы: увеличение объемов судоходства, пассажирских и грузовых перевозок железнодорожным транспортом, развитие торговли, промышленности и др. Рассмотрены донесения уездных исправников, их взгляды и доводы в контексте реорганизации полиции. Выявлено, что центральное правительство удовлетворило ходатайства местных начальников частично: проведена новая нарезка полицейских станов, добавлены 14 должностей становых приставов и введена полицейская стража (однако лишь в 6 из 10 уездов Тобольской губернии). Очевидно, что реформа запоздала и качественно не улучшила работу полицейских управлений в регионе.

Ключевые слова: городской, губернатор, полицейский стан, полицейский урядник, полицмейстер, реформа полицейского управления.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: khramtsov_ab@bk.ru (А.Б. Храпцов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 438-451
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.438

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Barges and Praams of the Baltic Fleet in World War I and the Civil War

Nicholas W. Mitiukov ^{a, *}, Irina Yu. Cherkasova ^b

^a Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
 Russian Federation

^b Cherkas Global University, Washington DC, USA

Abstract

The paper reconstructed the biographies of barges and praams of the Kronstadt and Petrograd military ports during the First World War and the Civil War. Despite the fact that during the First World War and the Civil War there were practically no active hostilities on the territory of Petrograd and Kronstadt, the watercraft of these ports suffered significant losses. Ports have lost a total of 24 barges and praams, and another nine barges have probably been transferred to other ports.

In 1908, there were 21 barges and 2 praams in the port of St. Petersburg, in 1924 – 5 boats. In 1908, there were 51 barges and 48 praams in Kronstadt, in 1924 there were 34 barges and 9 pontoons. Basically, the reduction in the number of watercraft should be sought in the subjective factor. If before the revolution it was determined by the tasks ahead, then in 1922 a regulation was adopted, according to which it was supposed to have 20 barges and 20 praams for the ports of the First category (Kronstadt), and 10 barges and 5 praams for the ports of the Second category (Petrograd). Because of this, the command of the ports, having formed the states, was forced to sell the remaining watercraft to private traders and shipping companies.

During the reform period, the products of the Votkinsk plant played a decisive role in the technical re-equipment of the floating facilities of the Kronstadt and St. Petersburg ports. As the experience of the First World War and civil wars showed, these boats were not only in demand, but quite durable. Despite the rather serious replenishment of barges in the period 1908-1912 and as a result of the evacuation of the Baltic ports at the end of the First World War, in 1923, Votkinsk products still prevail among the own watercraft of these ports. But if the Kronstadt port had a choice of available barges and praams, then the Petrograd port was forced to attract non-self-propelled ships that happened to be there: former floating batteries, battery-barges, etc.

At the same time, the fact is characteristic that for the documentation of the Soviet period, the year of construction of barges and praams was not indicated, noting that they were “pre-revolutionary construction”. Probably, with this step, the command did not want to draw unnecessary attention to their watercraft. If they cope with their functions, then let them be built in the 1850s and 1860s.

Keywords: Russian Empire, navy, port craft, port of Kronstadt, port of Petrograd, barge, praams.

1. Введение

Плавающие средства портов военно-морского флота Российской империи и СССР пока не были объектом чьего-либо целенаправленного изучения. Баржи и плашкоуты изредка появляются в трудах исследователей, описывающих работу военных портов, но это все крайне эклектичные упоминания, не дающие целостной картины их функционирования, с одной стороны, с другой – в случае начала боевых действий баржи нередко вооружались, превращаясь в плавбатареи. И если военный период их биографий описан с разной степенью детализации, то период эксплуатации как барж дается либо в

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

тезисном виде, либо о нем вообще ничего не сообщается. Между тем плавучие средства портов военно-морского флота делали свою, может, не очень заметную, но чрезвычайно нужную работу и тоже несли потери. Целью данной работы является реконструкция биографий барж и плашкоутов Кронштадтского и Петроградского военных портов периода Первой мировой и Гражданской войн.

2. Материалы и методы

Работа в своей основе базируется на материалах Российского государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация), документы которого подвергнуты критическому анализу.

В основном в работе использован исторический метод. Если какое-то плавсредство пропадает из более позднего по хронологии документа, получается, что оно исключено из состава флота в период между составлением предыдущего документа, где оно упомянуто в последний раз, и этим. Полезным также оказался метод анализа, позволяющий выделить сведения, являющиеся предположительно ошибочными.

3. Обсуждение

Несмотря на то, что плавсредства Балтийского флота пока не являлись объектом целенаправленного исследования, имеется определенная литературная база, которую условно можно разделить на две части.

С одной стороны, это статистическая литература Морского ведомства, изданная в начале XX в. Продолжая традиции издания Судовых списков с подробным описанием не только боевого состава флота, но и его плавучих средств, Морское ведомство России в преддверии Русско-японской войны 1904–1905 гг. выпустило новое издание Судового списка (*Судовой список..., 1904*). В нем перечислены все плавсредства имевшихся на то время флотов и флотилий, а также суда Добровольного флота, отдельного корпуса пограничной стражи и т.п.

По итогам проигранной войны Морское ведомство подверглось жестокой критике, следствием чего явились реформы, затронувшие, в том числе, и издательские проекты. Поэтому следующий Судовой список оказался разделенным на две части. Вспомогательные и технические средства флота были сведены во второй том (*Судовой список..., 1908*). Вполне очевидно, что спрос на первую часть, где приведены боевые корабли основных классов, намного превысил таковой на вторую часть. Только этим можно объяснить кардинальную перестройку формата следующего списка, изданного в 1914 г. (*Судовой список..., 1914*). Во-первых, он впервые был иллюстрирован с подробной справкой по каждому кораблю, а во-вторых (также впервые), в нем почти полностью отсутствовали плавучие средства. Из портовых средств оставались лишь самоходные суда (портовые суда и катера). Скорее всего, новый формат пришелся по душе как издателю, так и читателю, поэтому последующие издания в большей или меньшей степени его повторяли, даже проекты частных издательств (*Российский императорский флот..., 1915*).

В 1922 г. Оперативное управление Штаба РККФ предприняло попытку издания «Судового справочника Морских сил Союза ССР» (*РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1191*). К сожалению, поскольку издание имело гриф секретности, известно лишь о Приложении к справочнику – «Альбоме фотографий, чертежей и силуэтов», изданном в Ленинграде в 1925 г. Информация о плавсредствах там также отсутствует, как и в репринте этого издания (*Верстюк, 2019*).

Вторая группа литературы представляет собой справочные издания советского и постсоветского периода. Хронологически первая работа из этого списка – справочник С.П. Моисеева (*Моисеев, 1948*). В «традициях», заложенных Судовым списком 1914 г., вспомогательные средства портов в нем ограничиваются портовыми судами, тендерами и транспортами.

Намного более информативным стал справочник С.С. Бережного (*Бережной, 1981*), изданный Минобороны СССР с грифом «Для служебного пользования». Несмотря на впервые опубликованные подробные списки кораблей и судов с их краткой биографией, баржи и прочие плавсредства упоминаются лишь в связи с их переделкой в плавбатареи или плавмастерские. Специальная глава, где бы, например, перечислялись только баржи или плашкоуты, отсутствует.

Кроме того, справочнику Бережного, как веянию эпохи, был присущ еще один существенный недостаток: в нем отсутствовала информация о гибели судна в период Великой Отечественной войны (биография просто обрывалась в середине войны), а также о переименованиях в связи с неудобными на то время вождями («Троцкий», «Молотов» и т.д.). Поэтому на территории бывшего СССР большой популярностью пользовался изданный в Германии справочник Бернхарда Гомма (*Gomm, 1992–1999*), ходивший в русском переводе в самиздате.

На русском языке первыми изданиями, в которые встроен мартиролог кораблей и судов и в которых дается более или менее полная картина переименований, стали справочники Ю.В. Апалькова (наиболее объемный из них – (*Апальков, 1996*)). Но и здесь излагаются лишь боевые корабли основных классов, вплоть до минных судов. Данная традиция распространяется практически и на все подобные более поздние работы.

Несколько особняком от этой «традиции» располагаются справочники, написанные в соавторстве с В.В. Яровым. Один из них, посвященный Балтийскому флоту периода русско-турецкой войны 1877–1878 гг. дает информацию о нескольких баржах, например барже № 1, бывшем пароходе «Граф Вронченко» (Яровой, 2018). Еще один справочник, хоть и посвящен Северному морю, вероятно, впервые в отечественной историографии содержит сведения о самоходных баржах, плавучих доках и кранах (Яровой и др., 2013). Но в целом баржи и плашкоуты в них тоже остались за рамками рассмотрения.

Таким образом, следует сделать вывод, что более или менее достоверно реконструкцию биографий плавучих средств портов Балтийского флота на основе литературы можно произвести лишь до 1908 г.

4. Результаты

В «Сведениях по списку флота и плавучих средств военных портов» (составлен в начале 1922 г.) имеется таблица (Таблица 1, колонки 1–4) с характеристиками имевшихся плавсредств Главного военного Кронштадтского порта (РГА ВМФ. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 205. Л. 11-15). По ним всем имеется приписка «необходимы Кронштадту». Кроме непосредственно кронштадтских барж, в списке имеются три крепостные баржи № 2, 3 и 4 (в таблице помечены буквой «К»). Возможно, речь идет о судах, эвакуированных из крепостей Финляндии и Эстонии.

Очевидно, после детального освидетельствования руководство Главвоенкронпорта приняло в августе 1922 г. решение о дальнейшей судьбе каждого судна: оставить в порту на хранении (1), передать другим учреждениям (2), сдать в аренду (3) или сдать на слом (4) (РГА ВМФ. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 205. Л. 11-15) (таблица 1, колонка 5). Относительно передачи другим учреждениям по барже № 15 значится: «в распоряжение Убекобалта» (позднее – Гидрографический отдел Балтийского флота); барже № 32 – «в Луге» (очевидно, используя там для каких-то целей); барже № 51 – «находится в расп[оряжении] Петроп[орта]».

Данные Таблицы 1 очень хорошо коррелируются с довоенными списками плавсредств Кронштадтского порта как по номерам, так и по характеристикам (Судовой список..., 1908). Для сравнения в Таблице 1 добавлено место постройки по Судовому списку и страница, указывающая на это (Таблица 1, колонка 6). Баржи № 11 и № 12, указанные как постройки Пульмана, на самом деле Воткинской постройки, как и пять плашкоутов из диапазона № 24-38 (Митюков, 2021: 18). И, разумеется, в Судовом списке отсутствуют суда постройки после 1908 г.

Таблица 1. Плавсредства Кронштадтского порта в 1922 г.

№	Год	Характеристики (грузо-подъемность – пуд., длина, ширина, углубление, футы)	Состояние	Решение	Завод, страницы по Судовому списку
Баржи железные					
№ 1	1861	1500, 70 × 14 × 1,5	СР	1	Ижорский (30-31)
№ 2	1875	2000, 70 × 14 × 3	КР	1	Бритнев (30-31)
№ 3	1875	2000, 70 × 14 × 3	КР	1	Бритнев (30-31)
№ 5	1899	2000, 75 × 18 × 2	КР	1	Невский (32-33)
№ 7	1900	2000, 75 × 18 × 2	СР	3	Пульман (32-33)
№ 9	1878	3000, 50 × 12 × 2	КР	1	Росеплев (32-33)
№ 10	1866	8000, 80 × 22,5 × 1,5	Годна	1	Воткинский (32-33)
№ 11	1901	4000, 79 × 16 × 3	СР	3	Пульман (32-33)
№ 12	1901	4000, 75 × 16 × 3	СР	1	Пульман (32-33)
№ 13	1901	4000, 75 × 16 × 3	СР	1	Воткинский (32-33)
№ 14	1901	4000, 75 × 16 × 3	КР	4	Воткинский (32-33)
№ 15	1902	4000, 74 × 16,33 × 3	КР	2	Неизв. (32-33)
№ 16	1902	4000, 74 × 16,33 × 3	КР	3	Неизв. (32-33)
№ 17	1902	4000, 74 × 16,33 × 3	КР	4	Неизв. (32-33)
№ 18	1908	10000, 88 × 23,66 × 2	КР	3	?
№ 19	1902	4000, 74 × 16,33 × 3	МР	1	Неизв. (32-33)
№ 20	1902	4000, 74 × 16,33 × 3	МР	3	Неизв. (32-33)
№ 21	1878	4500, 50 × 14 × 3	КР	3	Росеплев (32-33)
№ 22	1878	6000, 76 × 16 × 3	СР	1	Росеплев (32-33)
№ 23	1857	7000, 85 × 21 × 3	КР	4	Воткинский (32-33)
№ 24	1857	7000, 85 × 21 × 3	СР	1	Воткинский (32-33)
№ 27	1864	9000, 90 × 22 × 4	КР	4	Воткинский (34-35)
№ 29	1864	9000, 90 × 22 × 4	СР	1	Воткинский (34-35)
№ 30	1864	9000, 90 × 22 × 4	КР	3	Воткинский (34-35)

№ 31	1886	9000, 90 × 25 × 5	КР	1	Кронштадт (34-35)
№ 32	1908	10000, 88,5 × 23,66 × 2	СР	2	?
№ 33	1867	10000, 120 × 22 × 4,5	КР	4	Воткинский (34-35)
№ 34	1868	10000, 120 × 22 × 4,5	СР	1	Воткинский (34-35)
№ 35	1868	10000, 120 × 22 × 4,5	СР	1	Воткинский (34-35)
№ 36	1908	10000, 88,5 × 23,66 × 2	СР	1	?
№ 38	1908	10000, 88,5 × 23,66 × 2	СР	1	?
№ 39	1863	11000, 130 × 28,5 × 4,5	КР	3	Пульман (34-35)
№ 40	1850	12000, 140 × 20 × 3	СР	1	Воткинский (34-35)
№ 43	1908	12000, 120 × 34 × 4,5	МР	1	Строится (34-35)
№ 45	1912	15000, 112 × 26,5 × 5	КР	1	?
№ 46	1912	15400, 112 × 26,5 × 5	СР	1	?
№ 47	1912	15400, 112 × 26,5 × 5	СР	1	?
№ 48	1912	15400, 112 × 26,5 × 2,5	СР	1	?
№ 49	1912	15400, 112 × 26,5 × 2,5	КР	4	?
№ 51	1912	15400, 112 × 26,5 × 2,5	СР	2	?
№ 54	–	15000, ? × ? × 4	МР	1	?
№ 55	–	15000, ? × ? × 4	МР	1	?
УМО	–	6000, ? × ? × 5	КР	1	?
К № 2	–	5000, 91 × 20 × 5	КР	4	?
К № 3	–	5000, 91 × 20 × 5	КР	4	?
К № 4	–	15000, 140 × 30,5 × 5	КР	4	?
Плашкоуты железные					
№ 1	1872	1500, 42,5 × 16,33 × 4,5	КР	3	Воткинский (38-39)
№ 4	1872	6000, 70 × 23,42 × 4,5	КР	4	Бритнев (38-39)
№ 5	1872	6000, 70 × 23,42 × 4,5	КР	3	Бритнев (38-39)
№ 7	1873	6000, 70 × 23,42 × 4,5	СР	3	Бритнев (38-39)
№ 9	1874	6000, 70 × 23,42 × 4,5	СР	1	Бритнев (38-39)
№ 10*	1864	5000, 61 × 22,33 × 4,08	СР	1	Воткинский (38-39)
№ 11	1864	5000, 61 × 22,33 × 4,08	КР	3	Воткинский (38-39)
№ 12	1864	5000, 61 × 22,33 × 4,08	КР	3	Воткинский (38-39)
№ 14*	1864	5000, 61 × 22,33 × 4,08	СР	1	Воткинский (38-39)
№ 15	1864	5000, 61 × 22,33 × 4,08	Годна	1	Воткинский (38-39)
№ 16**	1864	5000, 61 × 22,33 × 4,08	СР	1	Воткинский (38-39)
№ 17	1864	5000, 61 × 22,33 × 4,08	КР	3	Воткинский (38-39)
№ 19	1864	5000, 61 × 22,33 × 4,08	СР	1	Воткинский (38-39)
№ 20	1864	5000, 61 × 22,33 × 4,08	КР	4	Воткинский (38-39)
№ 21**	1864	5000, 61 × 22,33 × 4,08	СР	1	Воткинский (38-39)
№ 23	1864	5000, 61 × 22,33 × 4,08	Годна	1	Воткинский (38-39)
№ 24	1903	5000, 61 × 22,33 × 4,08	КР	3	Кронштадт (38-39)
№ 25	1903	5000, 61 × 22,33 × 4,08	КР	3	Кронштадт (38-39)
№ 27	1903	5000, 61 × 22,33 × 4,08	КР	3	Кронштадт (38-39)
№ 28	1903	5000, 61 × 22,33 × 4,08	КР	4	Кронштадт (38-39)
№ 29	1903	5000, 61 × 22,33 × 4,08	КР	3	Кронштадт (38-39)
№ 30	1903	5000, 61 × 22,33 × 4,08	КР	4	Кронштадт (38-39)
№ 31	1903	5000, 61 × 22,33 × 4,08	КР	4	Кронштадт (38-39)
№ 32	1903	5000, 61 × 22,33 × 4,08	СР	1	Кронштадт (38-39)
№ 33	1903	5000, 61 × 22,33 × 4,08	КР	4	Кронштадт (38-39)
№ 34*	1903	5000, 61 × 22,33 × 4,08	СР	1	Кронштадт (38-39)
№ 35	1903	5000, 61 × 22,33 × 4,08	КР	3	Кронштадт (38-39)
№ 36	1903	5000, 61 × 22,33 × 4,08	КР	3	Кронштадт (38-39)
№ 39	1906	5000, 61 × 22,33 × 4,08	КР	4	Кронштадт (38-39)
№ 40	1906	5000, 61 × 22,33 × 4,08	КР	4	Кронштадт (38-39)
№ 41	1906	5000, 61 × 22,33 × 4,08	СР	1	Кронштадт (38-39)
№ 42	1906	5000, 61 × 22,33 × 4,08	СР	3	Кронштадт (38-39)
№ 43**	1906	5000, 61 × 22,33 × 4,08	СР	1	Кронштадт (38-39)
№ 44	1906	5000, 61 × 22,33 × 4,08	КР	4	Кронштадт (38-39)
№ 45**	1906	5000, 61 × 22,33 × 4,08	СР	1	Кронштадт (38-39)
№ 46	1906	5000, 61 × 22,33 × 4,08	КР	4	Кронштадт (38-39)
№ 47	1906	5000, 61 × 22,33 × 4,08	КР	4	Кронштадт (38-39)

№ 48	1906	5000, 61 × 22,33 × 4,08	СР	1	Кронштадт (38-39)
------	------	-------------------------	----	---	-------------------

Примечание: характеристики – грузоподъемность (пуд.), длина, ширина, углубление (футы); состояние: необходим КР – капитальный ремонт, СР – средний ремонт, МР – мелкий ремонт. К – бывшие крепостные баржи. * – находится в Капорской губе, ** – в Петрограде.

Из барж, имевшихся в Судовом списке 1908 г. в составе Кронштадтского порта и отсутствовавших в 1922 г.:

Баржа № 4, завод Бритнева, 1878 г., 2000 пуд. 75 × 16 × 2,5 фута.

Баржа № 6, Невский механический завод (однотипна № 5).

Баржа № 8, завод Пульмана (однотипна № 7).

Баржа № 18, неизвестной постройки, однотипна № 15-20, заменена одноименной баржей 1908 года постройки.

Баржа № 25 и № 26, Воткинский завод (однотипны № 23-24).

Баржа № 28, Воткинский завод (однотипна № 27-30).

Баржа № 32, Воткинский завод (однотипна № 33-35), заменена одноименной баржей 1908 года постройки.

Баржи № 36, 37, Петровский завод, 1900 г.п. и № 38 завода Пульмана 1901 г.п., все по 10 000 пуд., 96 × 28 × 4,5 фут. Вместо них на 1922 г. имеются баржи № 36 и № 38 той же грузоподъемности, но других размерений, построенные в 1908 г.

Баржа № 41, очевидно, списанное судно 1863 года постройки, отсутствующее в 1922 г.

Баржи № 42–47, Кронштадт, 1904 (№ 42), 1906 (№ 45-47) годов постройки или строящиеся (№ 43, 44). 12 960 пуд. 106 × 27 × 4,3 фут. Все они отсутствуют в 1922 г.

Баржа № 48, завод Бритнева, 1875 г., 13 000 пуд. 100 × 30 × 5,66 фут. заменена на баржу того же номера 1912 года постройки.

Баржа № 49, завод Бритнева, 1881 г., 15 000 пуд. 130 × 29 × 6 фут. заменена на баржу того же номера 1912 года постройки.

Баржи № 50-52 – бывшие мониторы, отсутствуют в 1922 г., № 51 заменена на баржу 1912 г.п. (*Судовой список..., 1908: 30-37*).

Что касается бывших мониторов, то их биографии реконструированы В.В. Яровым. Баржа № 50 (бывший «Колдун») в 1912 г. вошла в состав плавсредств Свеаборгского порта, где стала № 323. Она была оставлена в Гельсингфорсе при уходе оттуда красных (*Яровой, 2018: 26*). Баржа № 51 (бывший «Броненосец») в 1912 г. вошла в состав плавсредств Свеаборгского порта как № 324. Затонула во время шторма в 1917 г. (*Яровой, 2018: 28*). Баржа № 52 (бывший «Ураган») вошла в состав плавсредств Свеаборгского порта под № 325. Оставлена в Гельсингфорсе при отходе красных (*Яровой, 2018: 25*). Обе бывшие баржи № 50 и 52 захвачены финнами, и их дальнейшая судьба неизвестна.

Исходя из информации В.В. Ярового, можно предположить, что наиболее современные баржи, исчезнувшие из списка 1908 г., скорее всего, в 1912 г. переданы Свеаборгскому порту для обеспечения деятельности главных сил Балтийского флота. Частично их заменили новыми баржами 1908 и 1912 годов постройки. Возможно, именно баржи 1908 г. постройки (№ 18, № 32, № 36, № 38, судя по характеристикам, приведенным в *Таблице 1*, – однотипные) показаны в Судовом списке 1908 г. как строящиеся (№ 43 и № 44). Отличия в размерениях в данном случае вполне допустимы, поскольку суда еще не построены. И, например, их предполагали строить по проекту барж № 42, 45-47, который в итоге могли модернизировать.

Возможно, крепостные баржи № 2, 3 и 4 – это как раз вернувшиеся в Кронштадт бывшие переданные из его состава суда.

В этой связи показательна биография баржи литеры Б. Это бывшее плавсредство Ревельского порта, к 1922 г. вернувшееся в Петроград. На начало 1923 г. она использовалась как хлебопекарня. В этом же году ее с другими судами, оказавшимися в Петрограде, передали в распоряжение Волго-Каспийского канала, с которыми она ушла на Нижнюю Волгу (*ГААО. Ф. 1069. Оп. 1. Д. 115. Л. 43*).

Что касается барж № 4, 6, 8, 18, 25, 26, 28, 32, 41, скорее всего их списали во время мировой или гражданской войны.

Судя по Судовому списку 1908 г., на это время в Кронштадтском порту имелись следующие плашкоуты, отсутствующие в 1922 г.

№ 2 Воткинского завода, 1872 г., 3 000 пуд. 66 × 24,5 × 4,6 фут.

№ 3 завода Бритнева (однотипный № 4).

№ 6 завода Бритнева (однотипный № 5-7).

№ 8 завода Бритнева (однотипный № 9).

№ 13, № 18, № 22 Воткинского завода (однотипны № 10-23).

№ 26, № 37, № 38 Кронштадтской постройки (однотипны № 24-38).

№ 39 Кронштадтской постройки (однотипен № 39-58) (*Судовой список..., 1908: 38-41*).

Скорее всего, № 2-22 – это также списанные за ветхостью или в результате аварий суда. А учитывая, что № 26-39 – это относительно новые суда, возможно, их также перевели в другие порты.

Что касается Петроградского (Санкт-Петербургского) порта, то Судовой список отмечает там наличие в 1908 г. следующих барж и плашкоутов:

№ 4, 5, 6 Воткинской постройки 1861 г. 2 600 пуд. 75 × 17,5 × 4 фут.

№ 7, 8 Воткинской постройки 1873 г. 2 900 пуд. 60 × 14,5 × 4,5 фут.

№ 10 неизвестной постройки 1900 г. 8 000 пуд. 90,42 × 22 × 4,5 фут.

№ 11 Воткинской постройки 1857 г. 7 200 пуд. 85 × 21,5 × 5,92 фут.

№ 12 Ижорского завода 1863 г. 6 700 пуд. 80 × 22,5 × 4,6 фут.

№ 13 и 14 Петербургской постройки 1861 г. 7 400 пуд. 90 × 22,5 × 4,5 фут.

№ 15-20 Воткинской постройки 1865–1867 г. 6 700 пуд. 80 × 22,5 × 4,5 фут.

№ 22 Ижорской постройки 1861 г. 1 100 пуд. 52,25 × 12 × 3 фут.

№ 23 Ижорской постройки 1861 г. 3 300 пуд. 65 × 14 × 4,5 фут.

№ 24, 26 Ижорской постройки 1864 г. 3 300 пуд. 70 × 14 × 4,5 фут.

№ 27 Воткинской постройки 1867 г. 3 300 пуд. 70 × 14 × 4,5 фут.

А также плашкоуты № 28 и 29 Петербургской постройки 1884 г., 4 000 пуд. 60 × 15 × 3,42 фут. (Судовой список..., 1908: 4-9).

К сожалению, подобного подробного отчета по Петроградскому порту нет, зато по нему имеется приказ № 145 от 4 июля 1922 г. о переименовании плавсредств, как указано в заголовке «для большей продуктивности и точного учета» (РГА ВМФ. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 205. Л. 107) (Таблица 2).

Таблица 2. Переименование плавсредств Петроградского порта

Старый номер		Новый номер		Завод, страницы по Судовому списку
Баржа-батарея	№ 1	Баржа	№ 1	?
Баржа-батарея	№ 2	Баржа	№ 2	?
Баржа-батарея	№ 3	Баржа	№ 3	?
Орудийная баржа	№ 1-а	Баржа	№ 4	?
Баржа (орудийная ?)	№ 3-а	Баржа	№ 5	?
Баржа (орудийная ?)	№ 2-а	Баржа	№ 6	?
Баржа	№ 25	Баржа	№ 7	?
Баржа	Нефтянка	Баржа	№ 8	?
Баржа	№ 20	Баржа	№ 9	Воткинский (8-9)
Баржа	№ 2	Баржа	№ 10	?
Баржа	№ 7	Плашкоут	№ 1	Воткинский (6-7)
Баржа	№ 5	Плашкоут	№ 2	Воткинский (4-5)
Баржа	№ 23	Плашкоут	№ 3	Ижорский (8-9)
Баржа	№ 8	Плашкоут	№ 4	Воткинский (6-7)
Бот	№ 1	Плашкоут	№ 5	? Бот № I (36-37)

Учитывая, что в Кронштадтском порту номера остались, как в Судовом списке 1908 г., можно предположить, что и в Петроградском порту номера с этого времени не изменились. Однако это предположение не подтверждается.

Первая проблема возникает с баржами-батареями, ставшими баржами № 1-3. Подсказка об их дореволюционной судьбе имеется в приказе о переименовании балтийских барж 17 декабря 1940 г. Там относительно баржи № 3 имеется примечание «Первенец» (РГА ВМФ. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 493. Л. 175). Это бывшая броненосная батарея 1862 года постройки. Данная информация хорошо согласуется с работой В.В. Ярового. Он также указывает, что с 1932 г. бывшая броненосная батарея получила № 3 (Яровой, 2018: 21). Но, что интересно, он дополняет информацию о судьбе баржи, указывая, что до 01.01.1932 г. это была баржа № 1.

Но в Российском императорском флоте было три броненосные батареи: «Первенец», «Кремль» и «Не тронь меня». До появления работы В.В. Ярового считалось, что все они проданы на слом в 1908 г. Однако исследование, проведенное этим автором, показало, что 26.08.1908 г. все три судна были проданы с торгов в Кронштадте купцу 1 гильдии М. Персицу, но отнюдь не разобраны им на металл. Очевидно, не имея информации о биографии судов в период с 1908 по 1922 г., В.В. Яровой предполагает, что новый хозяин использовал их как плавсредства в Санкт-Петербурге, в 1918 г., после национализации, всех их передали НКПС. «Позднее (автор снова не знает дату и, по-видимому, лишь строит предположение) переданы МСБМ [Морским силам Балтийского моря]». При этом 04.07.1922 г. «Первенец» стал баржей № 1 (Яровой, 2018: 21), «Не тронь меня» – баржей № 2 (Яровой, 2018: 19) и

«Кремль» – баржей № 3 (Яровой, 2018: 18). Все это хорошо объясняет странности указанных выше документов.

Ранее мы уже неоднократно указывали, что купеческие флоты представляют одну из проблем отечественной историографии из-за практически полного отсутствия источниковой базы. В этой связи сравнение дореволюционной и послереволюционной документации дает уникальную возможность сделать научно обоснованные предположения о биографии судов в составе купеческих флотов.

Как явствует из документации Волго-Каспийского канала, в 1923 г. часть судов Свирского каравана была передана туда. Среди планировавшихся к передаче судов значилась и баржа «Не тронь меня» (ГААО. Ф. 1069. Оп. 1. Д. 115). «Корпус» «Не тронь меня», как он значится в документах, использовался в Петрограде кораблями землечерпательного каравана как склад-база (ГААО. Ф. 1069. Оп. 1. Д. 115. Л. 165). Из дальнейшей переписки руководства Свирского каравана и Волго-Каспийского канала можно понять, что вскоре баржа затонула и с нее пришлось поднимать много запасных частей и снастей (ГААО. Ф. 1069. Оп. 1. Д. 115. Л. 226). По этой причине судно в Астрахань так и не ушло. Но эта документация подтверждает правоту В.В. Яровой в том, что после национализации судов М. Персица их передали в Наркомат путей сообщения.

Кроме бывших броненосных батарей, в Санкт-Петербурге к этому времени находились и две плавучие батареи Онежской флотилии. 28.08.1919 г. были мобилизованы и вооружены плавучие батареи № 1 и № 2. Детали по № 1 неизвестны, а № 2 имела водоизмещение 188 т, размерения 46,3 × 7,0 × 1,5 м и была вооружена одним 203-мм и одним 76-м орудиями. 14.05.1920 г. ее разоружили и передали в состав Балтфлота в качестве плавсредства. Одновременно № 1 передали Главоду (Бережной, 1981: 393-394). Учитывая, что в документации Петроградского и Кронштадтского портов фигурируют некие баржи № 1 и № 2 грузоподъемностью 30 и 10 тыс. пудов (490 и 163 т), это вполне могут быть бывшие плавбатарей Онежской флотилии.

Орудийных барж (№ 1-а, № 2-а и № 3-а) в Судовом списке 1908 г. также нет, возможно, из-за того, что их построили уже в годы войны. Неизвестный бот № 1, возможно, деревянный бот Кронштадтского порта № I (нумерация римскими цифрами) (Судовой список..., 1908: 36-37).

Некоторую ясность этому вопросу придает список плавсредств портов по состоянию на 24.01.1918 г. (РГА ВМФ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 57). Хотя там не указаны характеристики судов, но он также неплохо «ложится» на Судовой список 1908 г., позволяя утверждать, что плавсредства Петербургского порта действительно не переименовывались или перенумеровывались.

На 1918 г. плавсредства находились в следующем состоянии:

- № 1 (30 тыс. пуд.) и № 2 (10 тыс. пуд.) – в Кронштадте;
- № 4-8, № 11, № 15, № 16, № 19, № 20, № 23, № 24, № 25, «Нефтянка»;
- № 10 – поднята, безнадежно неисправна;
- № 17, 18 – подняты, в ремонте;
- № 22 – поднята, может быть исправлена (РГА ВМФ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 57. Л. 3).

Таким образом, баржи № 1, № 2 – это бывшие батареи, а № 25 и «Нефтянка», скорее всего, из нового судостроения или из сторонних организаций, пополнивших списки флота во время войны.

Данные Таблиц 1 и 2 подтверждаются «Составом морских сил РСФСР на 1922 г.» (РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1393). Документ представляет собой тетрадь, на каждом развороте которой в самой левой колонке имеется список судов. Каждый разворот содержит также 12 колонок – по количеству месяцев в году. И если в какой-то месяц изменилось состояние судна, об этом имеется запись в соответствующей клеточке. Поскольку документ дает состояния за 1922–24 гг., каждому списку судов соответствует три разворота. Для упрощения составления лица, его подготовившее, на двух листах (соответствующих разворотам за 1923 и 1924 гг.) первую колонку отрезало. К сожалению, это сильно снизило информативность документа, поскольку страницы с обрезанным списком в итоге оказались перепутаны. Начиная примерно с половины тетради, необрезанные листы со списками судов идут подряд, соответственно, к ним имеется информация лишь по первой половине 1922 г. (на листе со списком) и второй половине 1924 г. (на обороте следующего листа со списком судов). Последние полтора десятка страниц в деле идут с обрезанными краями, так что для определения, кому принадлежат указанные на них состояния судов, необходимо соответствующее исследование. Но даже в таком виде документ дает хорошее представление о плавсредствах Балтийского флота. В нем нет разделения на Кронштадтский и Петроградский порты, но порядок списка дает возможность достаточно уверенно это восстановить.

Под порядковыми номерами № 64-83 однозначно перечислены баржи Кронштадтского порта: № 1, 2, 3, 5, 9, 10, 12, 13, 15, 19, 22, 24, 29, 31, 32, 34, 35, 36, 38, 40 (РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1393. Л. 24, 27). Сразу за ним с порядковыми номерами № 84-97 идут плашкоуты Кронштадтского порта: № 9, 10, 14, 15, 16, 19, 21, 23, 32, 34, 41, 43, 45, 48 (РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1393. Л. 27).

На листе 33 документа идет список барж вразнобой, что может свидетельствовать о том, что это, вероятно, бывшие частные баржи, вошедшие в состав флота: № 49, «Флуор», а также переданные из состава Кронштадтского порта в распоряжение Главного минера флота – № 46, № 54, № 55 (РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1393. Л. 33, 35). Наконец, с порядкового номера 137 идут плавсредства

Петроградского (Ленинградского) порта: баржи № 1, 2, 2-а, «Нефтянка», 5, 8, 7, 18, 20, 23, а также плашкоуты № 1, 2, 3, 4, 5 (РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1393. Л. 35, 38).

К счастью, все указанные списки идут в первой половине тетради, листы в которой еще не перепутаны, поэтому из-за отсутствия специальных отметок можно утверждать, что все они служили с 1922 по 1924 гг.

Списки в документе практически идеально коррелируются с данными [Таблицы 1](#). Все списанные и сданные в аренду суда (код 3 или 4 в колонке 5) в ней отсутствуют. Что касается [Таблицы 2](#), то имеются существенные отличия. Так, в списке отсутствуют все три баржи-батареи, № 1-а и 3-а. Зато появляются баржи № 1 в 30 тыс. пуд. и № 18 (Воткинской постройки) ([Судовой список..., 1908: 8-9](#)). Но если по [Таблице 2](#) плашкоуты № 1-5 – это бывшие переименованные баржи, то тут они идут отдельным списком. Это наводит на мысль, что приказ по Петроградскому порту № 145 о переименовании плавсредств при составлении данного списка не использовался, или же произошло дублирование.

Это предположение подтверждается «Списком плавучих средств Петроградского военного порта по состоянию на 10 июня 1923 г.» (РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 634. Л. 12-120б.). В нем приведены имеющиеся в порту плавсредства, напротив которых даются интересные примечания. Относительно железных барж и плашкоутов эта информация следующая:

3. [В эксплуатации]:

№ 1 – бывш. Форт-грузопод. 30 000 п.

№ 2 – тоже

№ 3 – тоже

№ 4 – орудийная в отстое в Кронпорте

№ 5 – тоже

№ 6 – бывш. 2-а тоже

№ 7 – бывш. Плавбатар[ея] № 1 гр[узоподъемность] 30 000 п. в Кронпорте

№ 8 – бывш. Плавбатар[ея] № 2 тоже – Кронпорт

№ 9 – бывш. № 20, гр[узоподъемность] 6 000 пуд.

№ 10 – гр[узоподъемность] 8 000 пуд.

№ 11 – гр[узоподъемность] 3 000 пуд.

Плашкоуты № 1, № 2, № 3.

2. Плавучие средства, требующие ремонта:

№ 23 – в Гребном порту на стоянке.

№ 24 – тоже

«Нефтянка» – горевшая

Плашкоут № 4 – бывш. баржа № 8 в Гребном порту.

3. Суда, затонувшие и на мели

№ 16 – на мели в Каботажной гавани Кронпорта.

№ 18 – на мели в Купеческой гавани Кронпорта.

№ 19 – затонула в 1920 г. в реке Неве у Воскресенской набережной, поднята судоподъемом Севзапвода.

№ 6 – затонула у Охтенского моста.

№ 1 (малая) – потерпела аварию в 1921 г. в Лужской губе. Выброшена на берег.

№ 17 – затонула у Арсенала Кронпорта.

Плашкоут № 5 – бывш. бот № 1 в Видлице на мели.

4. Железная баржа № 2 – грузопод. 30 000 пуд. в Лодейнопольских мастерских Севзапвода.

Видно, что список совпадает с приказом № 145 лишь частично. Скорее всего, причины этого видятся в том, что баржи № 7-10 попали в приказ формально, по факту своего удовлетворительного состояния. Нефтянка (№ 8) сгорела, № 2 (№ 10) эксплуатируется другим собственником (в аренде?). Поэтому все они в 1922–1923 гг., скорее всего, просто были исключены из списков флота и освободившиеся номера заняли другие используемые портом баржи. Непонятна судьба баржи № 23 (плашкоут № 3), которая в списке 1923 г., получается, упомянута два раза – под старым и новым номером.

Петроградскому порту посвящены также «Сведения о паровых и непаровых судах плавучих средств порта». Дата на документе отсутствует, но, судя по соседним документам, он составлен в августе 1923 г. (РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 634. Л. 15-16). По-видимому, его цель заключалась в описании расстановки судов на зимний отстой.

Таблица 3. Сведения о плавучих средствах Петроградского порта

№ п/п	Наименование	Место стоянки
Действующая		
13.	Железная баржа № 1	У плавучих средств
На зимней стоянке		
14.	Железная баржа № 2	Не известно, весной была отдана Мортеххозупру

15.	Железная баржа № 3	В распоряжении Кронштадта, стоит в Капорье
16.	Железная баржа № 4	В отстое в Палкино в Капорье в распоряжении Кронштадта.
Действующая		
17.	Железная баржа № 5	У плавучих средств
На зимней стоянке		
18.	Железная баржа № 6	У плавучих средств
19.	Железная баржа № 7	Возвращена Новому адмиралтейству
20.	Железная баржа № 9	В Кронштадте
21.	Железная баржа № 10	В Кронштадте
22.	Плашкоут № 1	В Гребном порту
23.	Плашкоут № 2	В Новой Голландии
24.	Плашкоут № 3	На спуске Главного адмиралтейства, требует ремонта
25.	Плашкоут № 4	На стенке в Гребном порту
26.	Плашкоут № 5	В Видлице на мели
30.	Железная баржа № 11	В Гребном порту
31.	тоже № 21	В Новой Голландии
32.	тоже № 16	В Каботажной гавани Кронпорта на мели
33.	тоже № 24	У плавучих средств
34.	тоже № 17	Затонула в Кронштадте в 1921 г.
[б/н]	Тоже № 1 (малая)	Потерпела аварию в Лужской губе в 1921 г., выбр[ошена] на берег
35.	Плавучая батарея № 1	В Кронштадте
39.	Плавучая батарея № 2	В Кронштадте
Суда, находящиеся на хранении		
54.	Баржа № 8	В Гребном порту, годна к исправлению, принадлежит порту
58.	Бот жел[езный] № 2	В Гребном порту, требует ремонта, принадлежит порту
79.	Железная водоотливная баржа № 74	В Гребном порту

Анализ [Таблицы 3](#) позволяет утверждать, что она все-таки базируется на приказе № 145. Баржи № 5, 7, 23 и 8 старой нумерации в нем отсутствуют – они приведены как плашкоуты № 1-4. Баржа № 8 (№ п/п 54) – это бывшая «Нефтянка», переименованная приказом № 145 (по июньскому списку 1923 г. получается, что она после пожара). Наконец, баржа № 25, получившая новый № 7 также присутствует в [Таблице 3](#) один раз – под новым номером. Из этого можно предположить, что июньский список 1923 г. представлял собой какой-то рабочий документ с окончательно не принятой системой перенумерований плавсредств порта.

Единственная «накладка» получается с баржами № 10 и 11 новой нумерации. В приказе № 145 говорится, что № 10 – это бывшая баржа № 2 (отсутствует в Судовом списке 1908 г.). Можно предположить, что это какая-то баржа петроградских предприятий, оказавшаяся в портовых плавсредствах. Недаром в июньском списке она значится в Лодейнопольских мастерских Севзапвода. Соответственно, № 11 – это баржа из старого списка.

Остается лишь догадываться, как получилось дублирование в июньском списке 1923 г. Впрочем, оно не критическое: плашкоуты № 1, 2, 3 упомянуты, что они просто эксплуатируются, что не противоречит с более подробной записью этих же судов под старыми номерами. Но в этой реконструкции в списке имеется еще одно дублирование – баржи № 2 грузоподъемностью 30 тыс. пудов в Лодейнопольских мастерских и эта же баржа, переименованная в № 10 приказом № 145, просто значится в эксплуатации грузоподъемностью 8 тыс. пудов. Возможно, баржа в 30 тыс. пудов – это имела в виду бывшая плавбатарея. В свою очередь, это явно не старая баржа № 10, которая уже в 1918 г. была «безнадёжно неисправна».

Предлагаемая реконструкция достаточно хорошо накладывается на список плавсредств Петроградского порта 1918 г. за одним исключением. В 1918 г. есть баржи № 4 и № 15, отсутствующие в 1923 г., но нет № 21, имеющейся в 1923 г. Уместно было бы предположить, что в одном из списков ошибка. Реконструированный список плавсредств Петроградского порта сведен в [Таблицу 4](#) (характеристики и год постройки даны по Судовому списку 1908 г.)

Таблица 4. Реконструкция плавсредств Петроградского порта в 1918–1924 гг.

№	Завод, год	Характеристики	Примечание
№ 1	?	«малая»	В 1921 г. выброшена на берег в Лужской губе
№ 2	?	8 000 п.	С 04.06.1922 Баржа № 10, находится в Кронштадте
№ 4	Вотк. 1861	2 616 п., 75 × 17,5	В 1918 г. исправна.
№ 5	Вотк. 1861	2 616 п., 75 × 17,5	С 04.06.1922 Плашкоут № 2. Эксплуатировался в

			1922–1924 гг.
№ 6	Вотк. 1861	2 616 п., 75 × 17,5	К 1923 г. в затопленном состоянии у Охтенского моста.
№ 7	Вотк. 1860	2 952 п., 60 × 14, 5	С 04.06.1922 Плашкоут № 1. Эксплуатировался в 1922–1924 гг.
№ 8	Вотк. 1860	2 952 п., 60 × 14, 5	С 04.06.1922 Плашкоут № 4. Эксплуатировался в 1922–1924 гг.
№ 10	? 1900	8 000 п., 90,41 × 22	К 1918 г. затонула, «безнадёжно неисправна». На 1923 г. в отстое в Петрограде.
№ 11	Вотк. 1857	7 170 п., 85 × 21,5	Эксплуатировалась в 1922–1924 гг.
№ 15	Вотк. 1865	6 714 п., 80 × 22,5	В 1918 г. исправна.
№ 16	Вотк. 1865	6 714 п., 80 × 22,5	К 1923 г. в отстое в Кронштадте.
№ 17	Вотк. 1865	6 714 п., 80 × 22,5	В 1921 г. затонула у Арсенала в Кронштадте.
№ 18	Вотк. 1866	6 714 п., 80 × 22,5	Эксплуатировалась в 1922–1924 гг. К 1923 г. в отстое в Кронштадте.
№ 19	Вотк. 1867	6 714 п., 80 × 22,5	В 1920 г. затонула у Воскресенской наб., к 1923 г. поднята.
№ 20	Вотк. 1867	6 714 п., 80 × 22,5	С 04.06.1922 Баржа № 9, находится в Кронштадте. Эксплуатировалась в 1922–1924 гг.
№ 22	Ижор. 1861	1 116 п., 52,25 × 12	К 1918 г. затонула, нуждается в ремонте.
№ 23	Ижор. 1861	3 318 п., 65 × 14	С 04.06.1922 Плашкоут № 3. Эксплуатировался в 1922–1924 гг. В 1923 г. в отстое у Гл. адмиралтейства.
№ 24	Ижор. 1864	3 318 п., 70 × 14	К 1923 г. в Гребном порту среди плавсредств Петроградского порта.
№ 25	?	?	С 04.06.1922 Баржа № 7, в 1923 г. возвращена Новому адмиралтейству.
Нефт.	?	?	С 04.06.1922 Баржа № 8, к 1923 г. сгорела, требует ремонта. Эксплуатировалась в 1922–1924 гг.
ПБ-1	?	30 000 п.	Эксплуатировалась в 1922–1924 гг. Находилась в Кронштадте (стала баржей № 7 ошибочно).
ПБ-2	?	10 000 п.	Эксплуатировалась в 1922–1924 гг. Находилась в Кронштадте (стала баржей № 8 ошибочно).
1-а	?	?	С 04.06.1922 Баржа № 4, находилась в Кронштадте.
2-а	?	?	Эксплуатировалась в 1922–1924 гг. С 04.06.1922 Баржа № 6.
3-а	?	?	С 04.06.1922 Баржа № 5.

Примечание: Вотк. – Воткинский завод, Ижор. – Ижорский завод. Характеристики – грузоподъемность, пуд., длина и ширина в футах.

Аналогичный документ, описывающий плавсредства Кронштадтского порта на август 1923 г., в целом коррелируется с данными [Таблицы 1](#), но имеет ряд интересных дополнений. Черновик документа дает информацию о судах, находящихся на хранении в порту ([РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 634. Л. 30-31](#)).

Баржи № 6 (действующая), № 7 (затонула), № 8 (вставлена в список и вычеркнута) № 11, № 16 (от руки вписано: «затонула в Петропорте»), № 18, № 20 (передана парох[одному] зав[оду] под № 1), № 21, № 26 (действующая), № 30 (продана Фондкомбалтом частному лицу), № 39 (в Петровском доке), № 43 (действующая), № 45 (действующая, от руки добавлено «в ремонте»), № 46 (плавсредства Главмина), № 47 (действующая), № 48 (действующая), № 51 (действующая), № 52 (действующая), № 54 (в плавучих средствах Главмина), № 55 (тоже), У.М.О. (действующая), № 6 (действующая, прибыла из Финляндии), № 9 (тоже), № 56 (тоже, по всем трем стоит фигурная скобка и от руки добавлено: «переданы в плавсредства Нач. Инж.»), № 14 (предназначена к ликвидации по усмотрению фондовой комиссии), № 17 (тоже), № 23 (тоже), № 27 (тоже), № 30 (вписана в список от руки), № 33 (тоже), № 49 (затонула).

Плашкоуты № 1 (2) [в документе двойная нумерация] (затонул в гавани), № 5 (затонул в гавани, зачеркнуто и от руки подписано «продан Ф[ондовой] К[омиссией]»), № 7 (действующий, от руки добавлено «в Петрограде»), № 11 (затонул в гавани), № 12 (на стенке Кронвоенпорта, предназначен к ликвидации по усмотрению Фондовой комиссии), № 17 (затонул в гавани), № 24 (на стенке Кронвоенпорта, предназначен к ликвидации по усмотрению Фондовой комиссии, от руки добавлено: «продан Ф[ондовой] К[омиссией]»), № 25 (находится под сходней Л.К. «Парижская Коммуна», предназначен к ликвидации по усмотрению Фондовой комиссии), № 27 (продан Фондкомбалтом Госбалтпароходству, зачеркнуто и от руки написано «на ходу»), № 29 (действующий, находится на отмели), № 35 (находится на отмели, предназначен к ликвидации по усмотрению

Фондовой комиссии), № 36 (действующий, находится на отмели), № 42 (находится под сходней у Л.К. «Марат», предназначен к ликвидации по усм[отрению] Фондов[ой] комиссии), № 4 (продан Фондкомбалтом частному лицу), № 20 (предназначен к ликвидации по усмотр[ению] Фондовой комиссии, от руки добавлено: «продан Ф[ондовой] К[омиссией]»), № 28 (продан Фондкомбалтом частному лицу), № 30 (на стенке Кронвоенпорта, предназначен к ликвидации по усмотрению Фондовой комиссии, от руки добавлено: «продан Ф[ондовой] К[омиссией]»), № 31 (предназначен к ликвидации по усмотрению Фондовой комиссии), № 33 (тоже, от руки добавлено: «продан Ф[ондовой] К[омиссией]»), № 39 (тоже, от руки добавлено: «продан Ф[ондовой] К[омиссией]»), № 40 (тоже, от руки добавлено: «на стенке»), № 44 (тоже, от руки добавлено: «продан Ф[ондовой] К[омиссией]»), № 46 (тоже, от руки добавлено: «на стенке»), № 47 (тоже).

В чистовике, озаглавленном «Список плавучих средств Кронштадтского военного порта по состоянию на 25 августа 1923 года», список дополняется (РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 634. Л. 32-33).

Баржи № 1, № 2, № 3, № 5, № 8 (вставлена составителем и им же зачеркнута), № 9, № 10, № 12, № 13, № 15, № 19, № 22, № 24, № 29, № 31, № 32, № 34, № 35, № 36, № 38, № 40.

Плашкоуты № 9 (отправлен в 1919 г. на реку Волгу), № 10 и 14 (по обоим напечатано: «затонул в 1921 г. в Лужск[ой] губе», зачеркнуто и от руки добавлено: «на ходу»), № 15, № 16 (в Петрограде), № 19 (неизвестно, т.к. где-то затонул в Петропорте), № 21, № 23, № 32, № 34 (напечатано: «затонул в 1921 г. в Лужск[ой] губе», зачеркнуто и от руки добавлено: «на ходу, действующий»), № 41 (в Шлиссельбурге), № 43, № 45, № 48 (на мели в Петрограде).

Интересен также «Список плавучих средств, подлежащих исключению как окончательно переданных или проданных по Кронштадтскому и Петроградскому портам» (РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 634. Л. 61).

Баржи № 8 (отправлена в 1919 г. на реку Волгу), № 20 (передана Парох[одному] заводу), № 30 (продана Фондкомбалтом частному лицу), № 46 (находится в плавучих средствах Главмина), № 54 (тоже), № 55 (тоже), № 6 и № 9 (переданы Начинжу), № 14, 17, 23, 27, 33 (объединены фигурной скобкой и подписано «проданы Фондкомбалтом» частному лицу), № 30 (добавлено от руки к фигурной скобке).

Плашкоуты № 27 (продан Фондкомбалтом частному лицу), № 4 (тоже), № 28 (тоже). К списку плашкоутов рукой вписаны № 5 (тоже), № 24 (тоже), № 20 (тоже), № 30 (тоже), № 33, № 39, № 44. По последним трем ремарки нет, но понятно, что и они проданы Фондкомбалтом.

Поскольку относительно перебранных баржи № 8 на Каспий сообщает лишь в этом документе, можно предположить, что его автор перепутал баржу № 8 и плашкоут № 9. Хотя баржа № 8 ранее вписывалась от руки и вычеркивалась в ряде документов, скорее всего, речь шла о том, что она находилась на хранении в Кронштадтском порту, но при этом ее состояние оценивалось как удовлетворительное. Поэтому составители и не могли решить, где ее числить. По остальным судам подобных вопросов не возникает.

В 1924 г. был составлен новый список плавсредств Главного военного порта, в котором были даны новые и старые номера (РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 692. Л. 28-29).

Баржи № 2 → № 1, № 3 → № 3, № 5 → № 2, № 6 → № 6, № 8 → № 4, № 9 → № 5, № 10 → № 14, № 12 → № 7, № 13 → № 8, № 15 → № 15, № 18 → № 18, № 19 → № 9, № 21 → № 10, № 22 → № 11, № 24 → № 12, № 26 → № 13, № 29 → № 16, № 31 → № 17, № 32 → № 19, № 34 → № 20, № 35 → № 21, № 36 → № 22, № 38 → № 23, № 40 → № 24, № 43 → № 25, № 45 → № 26, № 47 → № 27, № 48 → № 28, № 51 → № 29, № У.М.О. → № 36, № 1 → № 32, № 2 → № 33, № 3 → № 34, № 4 → № 35.

Плашкоуты № 10 → № 37, № 14 → № 38, № 15 → № 39, № 21 → № 40, № 23 → № 41, № 27 → № 42, № 32 → № 43, № 36 → № 46, № 45 → № 45.

В дополнение к списку указывалось, что баржа № 1 подлежит передаче Фондовой комиссии, плашкоут № 9 передан Каспийскому пароходству, плашкоуты № 16, 19, 48 затонули в Ленинграде, плашкоуты № 41 и 43 переданы на хранение. Эта информация не противоречит указанной выше.

Этот список можно рассматривать как окончательное решение о приеме указанных судов в эксплуатацию и отказе от тех, которые не указаны и состояние которых оценивалось как худшее.

Между тем новая нумерация явно не совпадает с той, которая действовала в 1940 г. (Митюков и др., 2019). Главное их отличие, что в одном случае номер от грузоподъемности возрастает, а во втором случае убывает. И в 1940 г. плашкоуты были снова выведены в отдельную нумерацию. А учитывая, что в 1934 г. нумерация плавсредств практически совпадает с таковой в 1940 г. (РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 228), можно сделать вывод, что в период с 1925 по 1933 гг. нумерация сменилась как минимум один раз.

В заключение необходимо упомянуть баржи и плашкоуты, исчезнувшие из списков флота. В Кронштадтском порту в период с 1908 по 1918 гг. исчезли три баржи – № 4 (завод Бритнева, 1878 г.), № 25 (Воткинский завод, 1857 г.), № 28 (Воткинский завод, 1864 г.). Еще три баржи списаны практически сразу после составления Судового списка: баржа № 23 (Воткинский завод, 1867 г.) заменена баржей того же номера 1908 года постройки, а № 48 и № 49 (завод Бритнева, 1875 и 1881 г.)

замены баржами того же номера 1912 года постройки. Баржа № 41, очевидно, представлявшая собой корпус старого судна, построенного в Англии в 1863 г., списана в период с 1908 по 1918 гг.

Самое непонятное произошло с девятью баржами № 36–38, № 42–47, выявить судьбу которых в рамках имеющихся источников невозможно. Все они постройки 1900–1906 гг. Вероятность, что их списали, очень низка. Скорее всего, их передали в другие порты, вероятнее, в период 1908–1912 гг.

Что касается плашкоутов, то в период с 1908 по 1918 гг. списанию в первую очередь подверглись четыре несерийных судна: № 2 (Воткинский завод, 1872 г.), № 3 (Бритнев, 1872), № 6 (Бритнев, 1873), № 8 (Бритнев, 1874). Из серийных за этот же период списаны три плашкоута Воткинского завода 1864 года постройки: № 13, № 18 и № 22, а также три Кронштадтской постройки 1900 г. (№ 26, № 38, № 38). Впрочем, относительно последних, скорее всего, они строились разными поставщиками. Так, точно известно, что пять из них сделаны в Воткинске, а в Кронштадте их лишь приводили к стандартам флота.

Санкт-Петербургский (Петроградский) порт за 1908–1918 гг. лишился пяти барж: № 12 (Ижорский завод, 1863 г.), № 13 (Санкт-Петербург, 1861 г.), № 14 (Санкт-Петербург, 1865 г.), № 26 (Ижорский завод, 1865 г.), № 27 (Воткинский завод, 1867 г.), а также обоих плашкоутов № 28 и № 29 (Санкт-Петербург, 1884 г.).

5. Заключение

Несмотря на то, что в Первую мировую и Гражданскую войнах активные боевые действия на территории Петрограда и Кронштадта практически не велись, плавсредства этих портов понесли существенные потери. Порты в общей сложности лишились 24 барж и плашкоута, еще девять барж, вероятно, переданы другим портам.

В 1908 году в Петербургском порту числились 21 баржа и 2 плашкоута, на 1924 г. – 25 плавсредств. В 1908 г. в Кронштадте имелись 51 баржа и 48 плашкоутов, на 1924 г. 34 баржи и 9 плашкоутов. В основном сокращение численности плавсредств следует искать в субъективном факторе. Если до революции она определялась стоящими задачами, то в 1922 г. был принят регламент, по которому для портов Первого разряда (Кронштадт) предполагалось иметь 20 барж и 20 плашкоутов, а портов Второго разряда (Петроград) – 10 барж и 5 плашкоутов. Из-за этого командование портов, сформировав штаты, вынуждено было продавать оставшиеся плавсредства частникам и пароходствам.

В реформенное время продукция Воткинского завода сыграла решающую роль в техническом перевооружении плавучих средств Кронштадтского и Санкт-Петербургского портов. Как показал опыт Первой мировой и Гражданской войн, эти плавсредства оказались не только востребованными, но и достаточно долговечными. Несмотря на довольно серьезное пополнение баржами в период 1908–1912 гг. и по итогу эвакуации балтийских портов по окончании Первой мировой войны, в 1923 г. воткинская продукция по-прежнему преобладает среди собственных плавсредств этих портов. Но если у Кронштадтского порта имелся выбор из имеющихся барж и плашкоутов, то Петроградский порт был вынужден привлекать случайно оказавшиеся там несамоходные суда: бывшие плавучие батареи, баржи-батареи и т.д.

При этом характерен факт, что для документации советского периода год постройки барж и плашкоутов не указывался, отмечалось, что они «дореволюционной постройки». Вероятно, этим шагом командование не хотело привлекать ненужное внимание к своим плавсредствам. Если справляются со своими функциями, то пусть они будут 1850-х и 1860-х годов постройки.

Литература

Апальков, 1996 – Апальков Ю.В. Боевые корабли русского флота (8.1914–10.1917). СПб.: Интек, 1996. 224 с.

Бережной, 1981 – Бережной С.С. и др. Корабли и вспомогательные суда советского Военно-морского флота (1917–1927). М.: Воениздат, 1981. 589 с.

Верстюк, 2019 – Верстюк А. Судовой справочник Морских сил Союза ССР на начало 1925 года. Часть 1. Балтийское и Северное моря. Харьков, 2019. 142 с.

ГААО – Государственный архив Астраханской области.

Моисеев, 1948 – Моисеев С.П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М.: Воен. изд-во, 1948. 576 с.

РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота.

Российский императорский флот..., 1915 – Российский императорский флот и флоты Германии и Турции / Под редакцией старш. лейт. К.Г. Житкова и Н.Н. Нордмана. Пг.: Издание Тов-ва И.Д. Сытина, 1915. 239 с.

Судовой список, 1914 – Судовой список Российского Императорского флота. 1914 г. СПб.: Издание Морского генерального штаба, 1914. 508 с.

Судовой список..., 1904 – Судовой список 1904 г. СПб.: Типография Морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1904. 412 с.

- Судовой список..., 1908** – Судовой список 1908 г. Ч. II. Портовые плавучие средства и IV – приложения. СПб.: Типография Морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1908. 200 с.
- Яровой и др., 2013** – Яровой В.В., Смолин А.А., Приданников М.И. Морские силы Северного моря (1920–1922). СПб.: Галера-Принт, 2013. 280 с.
- Яровой, 2018** – Яровой В.В. Балтийский флот 1877–1878 гг. Справочник по корабельному составу // Морская кампания. 2018. № 6(82). 72 с.
- Gomm, 1992–1999** – Gomm B. Die russischen Kriegsschiffe 1856–1917. T. I–IX. Wiesbaden: Privately Published, 1992–1999.
- Mitiukov et al., 2019** – Mityukov N.V., Lapshin R.V., Loshkarev A.N. Barges of the Baltic Fleet of Pre-Revolutionary Construction before the Great Patriotic War // *Voennyyi sbornik*. 2019. 7(1): 15–20.
- Mitiukov, 2021** – Mitiukov N.V. Votkinsk Barges of the Baltic Fleet according to the Ship List of 1908 // *Voennyyi sbornik*. 2021. 9(1): 15–20.

References

- GAAO** – Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti [State Archive of the Astrakhan Region].
- RGA VMF** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voenno-morskogo flota [Russian State Archive of the Navy].
- Apal'kov, 1996** – Apal'kov, Yu.V. (1996). Boevye korabli russkogo flota (8.1914 – 10.1917) [Warships of the Russian fleet (8.1914 – 10.1917)]. SPb, 224 pp. [in Russian]
- Berezhnoj, 1981** – Berezhnoj, S.S. i dr. (1981). Korabli i vspomogatel'nye suda sovetskogo Voenno-morskogo flota (1917–1927) [Ships and auxiliary vessels of the Soviet Navy (1917–1927)]. Moscow. 589 p. [in Russian]
- Gomm, 1992–1999** – Gomm, B. (1992–1999). Die russischen Kriegsschiffe 1856–1917 [The Russian Warships 1856–1917]. T. I–IX. Wiesbaden: Privately Published. [in German]
- Mitiukov et al., 2019** – Mityukov, N.V., Lapshin, R.V., Loshkarev, A.N. (2019). Barges of the Baltic Fleet of Pre-Revolutionary Construction before the Great Patriotic War. *Voennyyi sbornik*. 7(1): 15–20.
- Mitiukov, 2021** – Mitiukov, N.V. (2021). Votkinsk Barges of the Baltic Fleet according to the Ship List of 1908. *Voennyyi sbornik*. 9(1): 15–20.
- Moiseev, 1948** – Moiseev, S.P. (1948). Spisok korablei russkogo parovogo i bronenosnogo flota (s 1861 po 1917 g.) [List of ships of the Russian steam and armored fleet (from 1861 to 1917)]. M., 576 p. [in Russian]
- Rossiiskii imperatorskii flot..., 1915** – Rossiiskii imperatorskii flot i floty Germanii i Turtsii [The Russian Imperial Fleet and the fleets of Germany and Turkey]. Petrograd, 1915. 239 p. [in Russian]
- Sudovoi spisok..., 1904** – Sudovoi spisok 1904 g. [Ship list 1904]. SPb, 1904. 412 pp. [in Russian]
- Sudovoi spisok..., 1908** – Sudovoi spisok 1908 g. Ch. II. Portovye plavuchie sredstva i IV – prilozheniya [Ship's List 1908 Part II. Port floating facilities and IV applications]. SPb, 1908. 200 p. [in Russian]
- Sudovoi spisok..., 1914** – Sudovoi spisok Rossiiskogo Imperatorskogo flota. 1914 g. [Ship's List of the Russian Imperial Fleet. 1914]. St. Petersburg, 1914, 508 p. [in Russian]
- Verstyuk, 2019** – Verstyuk, A. (2019). Sudovoi spravochnik Morskikh sil Soyuza SSR na nachalo 1925 goda. Chast' 1. Baltiiskoe i Severnoe moray [The Ship Directory of the Naval Forces of the USSR at the beginning of 1925. Part 1. Baltic and North Seas], Kharkov, 142 p. [in Russian]
- Yarovoj, 2018** – Yarovoj, V.V. (2018). Baltijskij flot 1877–1878 gg. Spravochnik po korabel'nomu sostavu [Baltic Fleet 1877–1878 Handbook on the ship composition]. *Morskaja kampanija*. 6(82): 72. [in Russian]
- Yarovoy i dr., 2013** – Yarovoy, V.V., Smolin, A.A., Pridannikov, M.I. (2013). Morskie sily Severnogo morya (1920–1922) [Naval Forces of the North Sea (1920–1922)]. SPb, 280 p. [in Russian]

Баржи и плашкоуты Балтийского флота в Первой мировой и Гражданской войнах

Николай Витальевич Митюков ^{a, *}, Ирина Юрьевна Черкасова ^b

^a Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Российская Федерация

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В работе произведена реконструкция биографий барж и плашкоутов Кронштадтского и Петроградского военных портов периода Первой мировой и Гражданской войн. Несмотря на то, что в Первую мировую и Гражданскую войнах активные боевые действия на территории Петрограда и Кронштадта практически не велись, плавсредства этих портов понесли

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

существенные потери. Порты в общей сложности лишились 24 барж и плашкоута, еще девять барж, вероятно, переданы другим портам.

В 1908 году в Петербургском порту числились 21 баржа и 2 плашкоута, на 1924 г. – 25 плавсредств. В 1908 г. в Кронштадте имелись 51 баржа и 48 плашкоутов, на 1924 г. – 34 баржи и 9 плашкоутов. В основном сокращение численности плавсредств следует искать в субъективном факторе. Если до революции она определялась стоящими задачами, то в 1922 г. был принят регламент, по которому для портов Первого разряда (Кронштадт) предполагалось иметь 20 барж и 20 плашкоутов, а портов Второго разряда (Петроград) – 10 барж и 5 плашкоутов. Из-за этого командование портов, сформировав штаты, вынуждено было продавать оставшиеся плавсредства частникам и пароходствам.

В реформенное время продукция Воткинского завода сыграла решающую роль в техническом перевооружении плавучих средств Кронштадтского и Санкт-Петербургского портов. Как показал опыт Первой мировой и Гражданской войн, эти плавсредства оказались не только востребованными, но и достаточно долговечными. Несмотря на довольно серьезное пополнение баржами в период 1908–1912 гг. и по итогу эвакуации балтийских портов по окончании Первой мировой войны, в 1923 г. воткинская продукция по-прежнему преобладает среди собственных плавсредств этих портов. Но если у Кронштадтского порта имелся выбор из имеющихся барж и плашкоутов, то Петроградский порт был вынужден привлекать случайно оказавшиеся там несамоходные суда: бывшие плавучие батареи, баржи-батареи и т.д.

При этом характерен факт, что для документации советского периода год постройки барж и плашкоутов не указывался, отмечалось, что они «дореволюционной постройки». Вероятно, этим шагом командование не хотело привлекать ненужное внимание к своим плавсредствам. Если справляются со своими функциями, то пусть они будут 1850-х и 1860-х годов постройки.

Ключевые слова: Российская империя, военно-морской флот, плавучие средства портов, Кронштадтский порт, Петроградский порт, баржа, плашкоут.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 452-464
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.452

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Images of the Heroes of the First World War in the Minds of Contemporaries and Descendants

Sergey I. Belov ^{a, b, *}

^a Science Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the formation of heroic images by imperial propaganda during the First World War and their perception in the minds of contemporaries and descendants. Since propaganda in 1914–1917 years when broadcasting a patriotic view of the war to society, first of all, had to deal with a poorly educated part of the population, its main medium was not a newspaper, leaflet, postcard or poster. An important task in the education of patriotism was the formation of the image of “people's heroes” and the glorification of their exploits. However, the naive heroic narrative of “folk pictures” aroused hostility among the layman, due to military defeats, and dull irritation in the army environment, since it did not consciously distance itself from the real problems of the army. As a result, the heroes of the “foreground” (K.F. Kryuchkov and M.L. Bochkareva) did not cause much enthusiasm even among contemporaries. They were not forgotten in Soviet historiography, acting as examples of unsuccessful military propaganda of tsarism. Due to this, attempts to rehabilitate these heroes during the commemoration of the World War in 2014 were not entirely successful. Most of the heroes of the “second plan” war were forgotten, but in some cases, memorial practices laid down during the war years in their homeland gave good results after the collapse of the USSR. Among these heroes, it should be noted R.M. Ivanov (Simferopol) and P.N. Cherkasov (Nizhny Novgorod).

Keywords: World War I, historical memory, image of a hero, commemoration, propaganda, lubok.

1. Введение

Проблема формирования героических образов вплотную встала перед российской пропагандой уже в первые месяцы Первой мировой, которая получила в официальной печати громкое наименование «Второй Отечественной войны». Оно не было случайным: только что отгремели юбилеи в честь 100-летия Отечественной войны 1812 г. и 300-летия династии Романовых. «Юбилейный бум» этого времени затронул не только образованную публику, но и самые широкие слои российского общества. Исследователи справедливо выделяют три основных направления внутренней пропаганды в годы Первой мировой: разъяснение целей и задач войны, воспитание патриотизма, а также «борьба за армию» в условиях межреволюционного периода (март–октябрь 1917 г.) (Кунжаров, 2013: 93). Второе направление как раз и включало воспевание мужества и героизма солдат российской армии.

А наиболее действенным инструментом этой пропаганды являлось формирование образа «народных героев» и прославления их подвигов. Герои могли иметь как индивидуальный, так и «коллективный» характер. В первом случае они являли собой символический образ, отражающий лучшие качества той или иной части российского воинства (так, самый живучий из них, казак

* Corresponding author

E-mail addresses: belov2006s@yandex.ru (S.I. Belov)

К.Ф. Крючков являл собой все характерные черты «удалого казака», а погибший в августе 1914 г. П.Н. Нестеров воплощал образ бесстрашного русского авиатора). В случае «коллективного» героизма основой становилась не личность, а непосредственно подвиг подразделения. Хрестоматийным примером из истории Великой Отечественной войны является подвиг панфиловцев в бою у Дубосеково 16 ноября 1941 г., а забытой «параллелью» к нему из времен Первой мировой служит подвиг солдат и офицеров гренадерских Грузинского и Мингрельского полков во время газовой атаки под Сморгонью 20 июля 1916 г.

Но формирование образов героев с помощью средств официальной печати и массовой агитации могло иметь только ограниченный успех в российском обществе времен Первой мировой. Исследователь военной пропаганды тех лет А.Б. Асташов верно отмечает главные черты предвоенного российского общества, препятствовавшие этому: разобщенность культурных миров (этнического и национального, деревенского и городского) и невысокая грамотность, следствием чего было слабое развитие массовой печати. Военная же печать долгое время ориентировалась исключительно на офицерство. Количество фронтовых газет и их тираж были сравнительно невелики. В этой связи военным властям пришлось прибегать к брошюрам и листовкам (обычно такие средства применялось для агитации и пропаганды среди солдат неприятеля) (Асташов, 2014: 554-556, 561-563).

При этом, по верному замечанию Е.С. Сенявской, спущенный «сверху» (через печать, плакат, литературу или кино) героический образ становится феноменом массового сознания, только смыкаясь с «рожденным в народе» (на уровне бытового фольклора) (Сенявская, 1997: 189). И российская пропаганда имела весьма успешный опыт подобного взаимодействия в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. «Народным» символом этой весьма неудачной в военном отношении кампании стала не позорная сдача Порт-Артура в декабре 1904 г. и не ужасная Цусимская катастрофа в мае 1905 г., а подвиг моряков «Варяга» и «Корейца» в сражении у Чемульпо 27 января 1904 г. И здесь неважно, что моряки вовсе не ушли под воду вместе с судном, а затопили крейсер и эвакуировались на берег (в ходе боя погибли всего 33 из почти 700 чел.). Гибель «Варяга» стала фактом народного сознания, напрямую влиявшим на формирование ценностей и образцов поведения для следующих поколений.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования весьма внушительна. Прежде всего к ней относится периодическая печать времен «Великой войны». Как уже отмечалось, она была ориентирована в первую очередь на интеллигентные и полунинтеллигентные слои населения. Тем не менее тираж наиболее популярных газет и журналов было достаточно велик и мог оказать ощутимое влияние на формирование героических образов в народной среде. Уже в 1890-х гг. дешевые иллюстрированные издания расходились в среде небогатого населения, ранее довольствовавшегося лубочными книжками. Наиболее тиражным и востребованным широким читателем было издание «Нива» (в 1904 г. число подписчиков этого издания составило 275 тыс.). В военные годы среди иллюстрированных журналов выделялись также «Искры», «Летопись войны», «Огонек» и «Солнце России». Особенно важным в контексте формирования героических образов представляется наиболее популярная «Нива». Учитывая тот факт, что для малообразованного населения чтение подобных журналов ограничивалось лишь изучением картинок и подписей под ними, можно сказать, что иллюстрации в этом знаменитом издании стали значимым фактором формирования героических образов Первой мировой войны в сознании широких масс населения.

На другом полюсе находилась выпускавшаяся генералом Д.Н. Дубенским «Летопись войны», которая была призвана представить официальную точку зрения на военные события. Издаваясь не слишком большим тиражом (35 тыс. экз.), «Летопись войны» была наполнена не только официальными сводками с фронтов, но и богатым иллюстративным материалом: фотографиями, портретами, планами и схемами. Всего в 132 номерах журнала за 1914–1917 гг. было помещено свыше 3 500 портретов участников войны. Редакция пыталась активно привлечь к их сбору и население: она «покорнейше просила» читателей присылать для журнала фотокарточки «убитых и раненых наших воинов, а также различные снимки и фотографии, имеющие отношение к войне». Однако этот журнал в большей мере был ориентирован на воспевание образов военачальников, чем рядовых «Великой войны». Так, портреты наиболее известных «героев низшего звена» – Кузьмы Крюčkова и Петра Нестерова – попали на страницы «Летописи» лишь по одному разу. В то же время самые известные военачальники (А.А. Брусилов и Н.Н. Рузский) отметились на страницах журнала по 17 раз.

Более важным источником для исследования формирования образа народных героев являются плакаты лубочного типа. С.С. Чистяков отмечает, что художественные и жанровые «особенности народных картинок во многом определили специфику самых массовых видов графического искусства» на рубеже XIX–XX вв. Причем сам лубок, несмотря на развитие печатных технологий, не утрачивал своей актуальности, а в годы войны получил настоящее второе рождение как «наиболее доступная форма визуальной коммуникации» (Чистяков, 2014: 84). В годы Первой мировой лубочные плакаты издавали крупнейшие типолитографии во многих городах России, весьма впечатляющими

были и их тиражи. Тогда же по горячим следам началось и изучение «народных картинок» не только как предмета искусства, но и как средства массовой агитации (Денисов, 1916).

Еще одним важным источником по восприятию героических образов являются воспоминания непосредственных участников войны. При анализе этого источника мы имеем возможность проследить реакцию на официальную пропаганду самих участников войны. Из огромного корпуса мемуаров, насчитывающего несколько сотен воспоминаний лиц самых разных чинов (от солдат и младших офицеров до высшего генералитета), целесообразно сосредоточить внимание на наиболее заметных представителях обоих политических лагерей, кристаллизовавшихся в ходе Гражданской войны. Этот выбор обусловлен тем, что и те, и другие рассматривали Первую мировую как своего рода преддверие к Гражданской, в связи с чем оценки тех или иных героических образов, сформированных пропагандой в 1914–1917 гг., могли кардинально различаться. Из «белых» мемуаристов наиболее заметными можно назвать А.И. Деникина («Очерки русской Смуты»), П.Н. Врангеля («Записки»), А.П. Будберга («Дневник белогвардейца»), из «красных» – А.А. Брусилова («Мои воспоминания»), С.М. Буденного («Пройденный путь») и М.К. Лемке («250 дней в царской ставке»).

При огромном разнообразии архивного материала, который можно привлечь к анализу усилий органов власти и общественных организаций по формированию героических образов непосредственно в годы войны, нами избран фонд Иваново-Вознесенской городской управы. Причиной послужила, с одной стороны, высокая сохранность и полнота документов фонда, а с другой – необходимость сосредоточить фокус зрения не на столичных городах, в которых действовали десятки общественно-политических организаций, а на типичном рабочем центре провинциальной России. Иваново-Вознесенск являлся продуктом пореформенного промышленного переворота и одним из крупнейших промышленных центров Российской империи начала XX в. – только за 1897–1914 гг. население города с 57 тыс. чел. увеличилось до 169 тыс. чел. Его пример позволяет увидеть, как пропаганда работала на периферии, причем в одном из самых горячих революционных очагов империи.

В нашей работе мы постараемся рассмотреть формирование героических образов в эпоху Первой мировой с помощью официальной пропаганды и их отражение в «народном сознании». С помощью анализа публикаций периодической печати можно проследить усилия пропагандистской машины по формированию образа как индивидуального, так и «массового» героя. Кроме того, изучение эволюции лубочного плаката позволяет понять, насколько эти образы оказывались востребованы издателями и «потребителями» этой продукции. «Народные картинки» предназначались, в отличие от газетно-журнальной продукции, адресованной образованным или полубразованным слоям населения, непосредственно крестьянской и рабочей России. Соответственно, анализ наиболее популярных лубочных тем может свидетельствовать об ожидаемом образе героя именно в низших слоях населения, представители которых составляли основную армейскую массу. Архивные документы помогут понять, каким образом официальная пропаганда в 1914–1917 гг. пыталась создать «привлекательный образ» войны на местах путем проведения памятных праздников и создания мемориалов. Наконец, исследование мемуаров непосредственных участников войны позволит выявить преломление образа героя непосредственно в восприятии фронтовиков.

3. Обсуждение

Далеко не все герои, попадавшие на страницы массовых газет и даже на плакаты и лубочные картинки, оказались востребованы «массовым потребителем» этой продукции. В связи с этим мы попытаемся проследить эволюцию героических образов, ставших частью массового сознания россиян в годы Первой мировой, вплоть до современности. Эта работа представляется актуальной в связи с тем, что Правительство России в преддверии 100-летнего юбилея войны озаботилось ее «мемориализацией». Важнейшим инструментом воздействия на историческую память сограждан власти традиционно полагают введение специальных праздников и памятных дней – и парламент России в декабре 2012 г. утвердил 1 августа в качестве Дня памяти русских воинов, погибших в Первой мировой войне (Баринков, Баринова, 2014: 36-37).

В 2014 г. был проведен целый комплекс мероприятий, связанный со 100-летним юбилеем «забытой войны». В том числе была сделана попытка «реабилитации» и популяризации героев той войны – казака К.Ф. Крючкова, женщины-офицера М.Л. Бочкаревой, медсестры Р.М. Ивановой, летчика А.А. Казакова, моряка П.Н. Черкасова. А главное – вызвать интерес к героям Первой мировой старались не только у историков, музейщиков, архивистов и работников культуры (многие из которых должны были просто выполнять «социальный заказ» сверху по освещению военных событий и их «героизации»), но и «массового потребителя». Большую работу в этом направлении провело Российское историческое общество. В частности, им был открыт «народный» проект «Образы Великой войны», к участию в котором привлекались все обладатели артефактов времен Первой мировой в семейных архивах. Кроме того, был запущен проект оцифровки картотеки потерь на фронтах Первой мировой войны 1914–1918 гг. (более 7 млн карточек), содержащей сведения о погибших, раненых, пропавших без вести и плененных солдатах и офицерах. Последний проект

получил собственный сайт (<https://gwar.mil.ru/>), с помощью которого любой интересующийся может отыскать родственников, принимавших участие в «забытой войне».

Как отмечалось создателями, проект «Образы великой войны» получил «большой отклик»: в Российское историческое общество «поступили сотни фотографий с участниками Первой мировой войны, самодельные фильмы, копии писем и рассказы», сохранившие информацию об этой странице истории, ранее представлявшей собой «белое пятно» в народном сознании. Однако «сотни фотографий», оставшихся от войны, в которой приняли участие более 15 млн чел., представляется не самым большим достижением в пробуждении народной памяти. Подводя итог исследованию Первой мировой в пространстве культурной памяти современной России, К.А. Пахалюк констатирует, что придание представителями власти значимости событиям Первой мировой (уравнивание их с Отечественными войнами 1812 г. и 1941–1945 гг.) «не привело к формированию новых общезначимых символов или героев».

При этом историография «героической пропаганды» времен Первой мировой весьма обширна. Впервые эта тема возникла в работах А.Б. Асташова, посвященных исследованию всех аспектов отечественной пропаганды «Великой войны». Подробно анализируя социальные условия, в которых приходилось работать царским идеологам, и инструменты пропаганды, автор приходит к выводу о неизбежности ее неудач на фоне военных поражений 1915–1916 гг., итогом чего стала активная «демилитаризация» армии (Асташов, 2012; Асташов, 2014). Объемная работа В.Б. Аксенова посвящена анализу массовых настроений россиян в годы Первой мировой войны и революции (Аксенов, 2020). Автором привлечен внушительный корпус источников, на основе которого он также делает весьма неутешительные выводы о попытках формирования героических образов в годы войны. Главной причиной неудачи он видит, в отличие от предшественника, не социальные причины и слабость инструментария пропагандистской машины, а банальные неудачи на фронте и усталость обывателя от войны, цели которой так и остались для него неведомыми. Внушительный корпус работ по осмыслению формирования героических образов времен Первой Мировой принадлежит К.А. Пахалюку и Е.С. Сенявской (Сенявская, 1997; Сенявская, 2009; Пахалюк, 2014; Пахалюк, 2016). В них авторы рассуждают, прежде всего, о причинах почти тотального забвения героических образов и подвигов, весьма популярных в годы Первой мировой. Выводы их почти идентичны – приходится констатировать, что в силу характера восприятия войны современниками, с одной стороны, и особенностей исторического развития России – с другой, коллективная память об этом событии в сознании россиян начала XXI в. фактически отсутствует.

В связи с этим попытка возвращения этой памяти, приуроченная к 100-летию юбилею войны, предпринятая в 2014 г., фактически потерпела неудачу. В качестве коллективных героических подвигов выдвигались шестимесячная осада Осовца и «атака мертвецов» 24 июля 1915 г., а также наиболее внушительная победа российских императорских войск – Брусилловский прорыв летом 1916 г. А вот в поисках образов «народных героев» пришлось вновь обратиться к официальным изданиям и лубкам времен Первой мировой. Вместо якобы многочисленных «забытых героев» страницы научно-популярных изданий вновь заняли Кузьма Фролович Крючков, Римма Михайловна Иванова и Мария Леонтьевна Бочкарева (Пахалюк, 2016: 109-110). Обе последние получили от историков коллективное прозвище «русская Жанна д'Арк». Серьезные расхождения в траектории судьбы самих фигуранток и отсутствие сколь-нибудь значимых пересечений с образом «символической прародительницы» (кроме самого факта участия женщины в военных действиях) вряд ли могли способствовать серьезному восприятию этих фигур в качестве «народных героинь». Р.М. Иванова была медсестрой, погибшей в атаке на вражеские окопы, а М.Л. Бочкарева командовала женским ударным батальоном, который более всего известен по неудачной попытке обороны Зимнего дворца в ходе октябрьских событий 1917 г. Отождествление их с одним из символов Франции свидетельствует, скорее, о неразборчивости пропагандистов в средствах и слабом понимании контекста.

4. Результаты

Прежде всего нужно заметить, что российской официальной пропаганде в 1914–1917 гг. пришлось работать в весьма сложных условиях. Грамотность широких масс населения России сравнительно с показателями других европейских стран оставляла желать лучшего. Согласно официальным данным, она составляла 40 % (54 % у мужчин и 26 % у женщин), а по данным Генерального штаба – 21,1 % (у мужчин – 29,3 %) (Военно-статистический ежегодник..., 1915: 634-637). Высокий показатель грамотности демонстрировали крупные города, но он отнюдь не был характерен для жителей сельской местности, составлявших абсолютное большинство солдат на фронтах Первой мировой. Пресса в России предназначалась в основном для представителей «образованной публики»: к 1913 г. в стране выходило 1 757 журналов и 1 158 газет, подавляющее число – в столицах и губернских городах. Даже многие крупные уездные города не имели своей газеты, не говоря уж о промышленных пунктах, не получивших подобного статуса.

«Образованная» прослойка в империи была невелика и во многом замкнута, несмотря на постоянный рост числа и «пропускной способности» социальных лифтов. Еще более замкнутой была среда населения, составлявшего костяк российского общества – сельских жителей и городских

рабочих. Исследователи отмечают, что вливавшееся в городскую жизнь в ходе индустриализации на рубеже XIX–XX вв. крестьянство (в промышленных мегаполисах оно составляло едва ли не половину населения) очень слабо соприкасалось с городской культурной средой, а «сложившиеся городские коллективы в специфических условиях промышленного предприятия воспроизводили самоуправляющиеся сельские общины». Армия должна была становиться для солдат «институтом модернизации», однако вследствие отрыва офицерства от широкой солдатской массы во многом воспроизводила ценности крестьянского общества, к которому принадлежали ее носители (Асташов, 2012: 212-214).

Вследствие этого власти были вынуждены применять наглядные методы агитации. Военные газеты носили крайне официозный характер: в них обязательно сообщалось о перемещениях по службе старших офицеров и министров, печатались официальные указы, давались сведения о раненых и отличиях, материалы о деятельности Земгора. Гражданскую печать (за исключением нескольких «патриотических» газет, издававшихся в крупных городах) на фронт обычно старались не допускать. Главным штабом уже в декабре 1914 г. были составлены списки допущенных к чтению газет и журналов – остальные в руки солдат попадать были не должны (причем не только на фронте, но и в военных госпиталях). Качественные собственные газеты, подчиненные целям массовой военной пропаганды, создать так и не удалось. Результатом стало почти повсеместное недовольство скудостью информации «допущенных к чтению» газет, ее отдаленностью от нужд обычного участника войны или прямой ложью (Асташов, 2012: 218-220). Власти с трудом удавалось приобщить массового человека традиционного общества, оказавшегося на войне, к идеалам патриотизма и гражданственности, внушить ему необходимость защиты Отечества.

В связи с этим пришлось приравливать средства пропаганды к особенностям солдатского мышления. Акцент со средств печати смещался на распространение листовок, брошюр, а также личные беседы с солдатами. Причем большинство адресованных солдатам брошюр предназначалось вовсе не для них (подобное чтение на отвлеченные темы фронтовиков просто не интересовало), а для бесед священников с солдатами. Вот только в начале XX в. секуляризация затронула уже довольно широкие массы населения, включая наиболее «взрывоопасный элемент» – рабочих и оказавшихся в городах крестьян. Не способствовала доверию армейским церковнослужителям и экстремальная ситуация, в которой оказывались фронтовики. В этих условиях пропагандистский акцент уверенно смещался в сторону наглядных форм агитации – плакатов и листовок. В связи с этим возникает феномен военного лубка и открытки. «Лишь только раздались на границе первые боевые выстрелы, сейчас же звонким эхом отозвались они в лубке, и тысячи, сотни тысяч ярко расцвеченных листовок полетели с печатного станка в глубины России, обгоняя газеты и правительственные сообщения», – писал В.А. Денисов (Денисов, 1916: 1). Главными темами лубка были победы русского воинства, зверства немецких войск и, наконец, подвиги героев. Эти нехитрые картинки должны были превозносить достоинства русского солдата и высмеивать противника (Молчанова, 2016: 25).

При этом данное средство пропаганды, на первый взгляд полностью адаптированное к народному восприятию, не оказало большого влияния на формирование позитивного образа войны среди населения. Причина тому банальна: лубок мог иметь влияние только в случае военных побед, тогда как на фронтах Первой мировой российской армии значительную часть времени похвастать было нечем. Первый массовый всплеск популярности лубка и военной открытки пришелся на Русско-японскую войну 1904–1905 гг. и оставил у «массового потребителя» очень неприятное послевкусие. Как замечает С.С. Чистяков, «русская армия и флот терпели поражения, неумолимо росло число убитых и раненых, а на лубочных картинках русский мужик устраивал порку японскому императору, военные корабли Страны восходящего солнца шли ко дну, а казаки весело пускались в пляс» (Чистяков, 2014: 84-85). Все это создавало весьма негативное впечатление о достоверности подобных картинок у их потребителей, на что чутко реагировали и издатели. В.А. Денисов отмечал, что количество подобной продукции напрямую зависело от успехов русских войск на фронте: «чем более близким казалось сокрушение врага, тем смелее и занозистее становился лубок». Но сразу после начала «Великого отступления» в конце июня 1915 г. «остепенился и лубок, а потом и вовсе замолк» (Денисов, 1916: 4).

Эти соображения подтверждает и В.Б. Аксенов, связывая, однако, их не столько с фронтовыми неудачами, сколько со спадом патриотического подъема первых месяцев войны, отмечая подобные же тенденции и для произведений кинематографии и театральных постановок. В то же время в годы войны происходит вытеснение народных картинок изданиями профессиональных хромолитографий – военно-патриотический лубок из «народных картинок» превращается в «картинки для народа» (Аксенов, 2020: 522-527). Все это не способствовало повышению доверия к подобным изданиям, повторявшим утверждения официальной и патриотической печати, уже изрядно набившим оскомину солдатам и обывателям. Очень скоро патриотический лубок, зачастую не отличавшийся разнообразием тем и героев и искусством исполнения, начал вызывать глухое раздражение. Появился даже термин «кузьмокрючковство», обозначающий выпуск патриотической продукции сомнительного качества (Купцова, 2004: 108).

Е.С. Сениявская отмечает, что особое место в народном сознании принадлежало георгиевским кавалерам, воспринимавшимся «как истинно русские богатыри». Поскольку заслужить солдатский Георгиевский крест можно было лишь путем боевого подвига, им гордились больше, чем любыми другими наградами (Сениявская, 1997: 192). Вернувшиеся с фронта георгиевские кавалеры становились, с одной стороны, примером для молодежи и поводом для гордости сограждан, а с другой – должны были, по мысли правительства, являться проводниками в тылу официально-патриотической точки зрения на войну. Кавалерам полагались многочисленные льготы. Еще в августе 1913 г., после введения нового статута комплекта георгиевских наград, были введены пенсии для награжденных – от 36 до 120 руб. в год в зависимости от степени. Правительство оказывало кавалерам особое внимание, предоставляя и другие преференции. В самый разгар войны, в январе 1916 г., был учрежден Георгиевский комитет, председателем которого стал брат Николая II, великий князь Михаил Александрович. Занимался он устройством санаториев и больниц для георгиевских кавалеров и улучшением их быта. Особое внимание уделялось также сбору материалов для создания музея трофеев, записи стихов, рассказов и материалов о войне, организации выставок.

Так, в августе 1916 г. было принято решение об учреждении во всех учебных заведениях специальных вакансий для детей неимущих георгиевских кавалеров. В правительственных учебных заведениях для них вводилось по 5 бесплатных вакансий. А в сентябре 1916 г. было решено выделить 50 тыс. руб. для назначения стипендий и пособий на воспитание дочерей георгиевских кавалеров. Затем инициатива была переадресована на места. В октябре 1916 г. все городские головы получили циркуляры с просьбой о предоставлении в подведомственных им учебных заведениях и приютах бесплатных вакансий и стипендий для детей «георгиевцев» (ГАИО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2701. Л. 1-3). День св. Георгия 26 ноября 1916 г. было решено ознаменовать «особым торжеством повсеместного в империи чествования доблестных героев российских армии и флота». Средств для организации праздника у комитета не было, поэтому их планировалось отыскать на местах (прежде всего – путем добровольных пожертвований). Губернаторы получали циркуляры с просьбой об организации в городах и «наиболее населенных пунктах» кружечных сборов, а также пожертвований по подписным лицам «в пользу семейств павших героев». Средства можно было получить также с помощью народных гуляний, спектаклей, концертов, кинематографических представлений и прочих развлечений.

Однако сведения об организации подобных праздников на местах свидетельствуют, что идея оказалась не совсем ко времени. Голова одного из крупнейших промышленных центров империи, г. Иваново-Вознесенска, А.К. Семенов (кстати, сам бывший офицер, раненный под Сандепу в феврале 1905 г.), получил циркуляр об устройстве праздника от владимирского губернатора В.Н. Крейтона 8 ноября 1916 г. От председателя Шуйского уездного земского комитета были получены сведения, что в Шуйском уезде проживает 45 георгиевских кавалеров, из них 12 – в Иваново-Вознесенске. Свои сведения доставили участковые полицейские надзиратели, по их данным, в городе проживали 13 «георгиевцев». Один из них, М.Ф. Пелин, оказался обладателем награды 1-й степени, полученной еще в ходе русско-турецкой войны. Остальные имели кресты 4-й степени. Лишь личный почетный гражданин М.Н. Язвицкий имел также крест 3-й степени, а мещанин А.Д. Демьянов – также медаль 4-й степени. С целью сбора средств в городе был организован концерт местной музыкальной школы «с отчислением части сбора с публики» в качестве пожертвования георгиевским кавалерам. Пять кинотеатров дали обязательство уделить на эту цель 25 % от сбора в «георгиевский день». На заводе Ю.С. Нечаева-Мальцева в Гусь-Хрустальном были заказаны 200 кружек для георгиевских кавалеров (от городской управы для этого был направлен П.И. Волощик). А Товарищество Куваевской мануфактуры (крупнейшее предприятие Иваново-Вознесенска) пожертвовало 640 м бязи, из которых были пошиты 180 рубашек для георгиевских кавалеров (ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5607. Л. 1-35).

На первый взгляд, картина предстает вполне благостная. Вот толькостораживает столь скромная численность «георгиевцев» в 150-тысячном Иваново-Вознесенске – всего 13 чел. Также не совсем ясно, куда должны были пойти рубашки и кружки, в столь значительном количестве изготовленные для героев, ведь во всем Шуйском уезде находилось не более 45 их возможных обладателей. Большая часть их оказалась проживающей в сельской местности, а соответственно, не принимала участия в празднике. Те же «георгиевцы», которые жили в самом Иваново-Вознесенске, вряд ли могли положительно повлиять на настроение его жителей, уже в тот момент ощущавших серьезное ухудшение продовольственного снабжения. Так что идея сделать из них «столпов патриотизма» в российской провинции (составляющей частью которой была организация упомянутого праздника), как кажется, особых успехов не принесла. Отчасти причиной падения интереса к георгиевским кавалерам мог быть тот факт, что если ранее награда была знаком особого отличия и вручалась за настоящие подвиги, то в годы Первой мировой она стала по-настоящему массовой. Если в первый год войны в войска было отправлено 198,8 тыс. крестов разных степеней, то в 1915 г. «Горгия» получили уже 603 тыс. чел., а в 1916 – феврале 1917 гг. – еще 677,8 тыс. чел. (Дуров, 1993: 4). Многие получали награды уже не за конкретные подвиги, а за ранение или даже «за плен». Награды массово выдавались во время посещения высочайшими особами военных госпиталей или позиций на фронте. В свете всего этого представление о «героических кавалерах» как «русских чудо-богатырях» не могло не потускнеть.

Подобная ситуация сложилась и с мемориалами погибшим участникам сражений, о которых правительство проявило заботу еще в начале войны. Уже в октябре 1914 г. городские органы самоуправления получили через губернаторов циркуляры от Александровского комитета, занимавшегося попечением о раненых. Ими предлагалось всех воинов, умерших в местных лазаретах, «хоронить в городах лишь на определенном кладбище и в одном месте, с сооружением на них часовен, крестов и памятников». Эти братские кладбища, обсаженные деревьями и обнесенные решеткой, в дальнейшем должны были служить напоминанием «последующим поколениям о жертвах великой европейской войны». На заседании Иваново-Вознесенской городской думы 11 ноября 1914 г. предложение об устройстве в городе братского кладбища для умерших больных и раненых воинов было признано желательным и передано в управу, которая должна была связаться с другими общественными организациями. А 9 декабря 1914 г. было рекомендовано отвести под это кладбище место в ограде Ново-Успенской кладбищенской церкви, где уже были похоронены двое умерших раненых. Предполагалось перезахоронить трех умерших раненых, ранее уже похороненных на том же кладбище в других местах, а также произвести подписной сбор среди жителей города на сооружение чугунной решетки и памятника умершим. С этой же целью предполагалось раз в месяц производить и кружечные сборы. Для более торжественных похорон решили приглашать хор монахинь (ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7019. Л. 198об.-199, 211об.-212).

Подобные же решения были приняты во всех крупных городах империи: в них, как и в Иваново-Вознесенске, разворачивались многочисленные лазареты и госпитали, умершие в них воины должны были отправляться на памятные братские кладбища. Однако ни в Иваново-Вознесенске, ни в большинстве других городов сведений о создании этих кладбищ и уходе за ними не сохранилось. Столетие спустя, в ходе активной коммеморации событий «забытой войны», были предприняты поиски ее героев и памятных мест почти по всей территории нашей страны. В связи с этим К.А. Пахалок отмечает, что захоронения эпохи Первой мировой слабо сохранились, поэтому установка памятных знаков была проведена лишь в трех регионах – Калининградской области, Санкт-Петербурге и Вологде. Хотя, как оговаривается он, в реальности захоронений участников Первой мировой в России намного больше. Исследователь истории создания «братских кладбищ» Первой мировой в Западной Сибири И.А. Еремин отмечает, что эти воинские захоронения были «заброшены и преданы забвению» по причине негативного отношения советской идеологии к участию России в этой войне. Поэтому в настоящее время приходится создавать искусственные «места памяти», способствующие «формированию патриотизма у молодого поколения и восстановлению дореволюционных воинских традиций в современном российском обществе» (Еремин, 2014: 48).

Теперь обратимся к восприятию собственно личностей героев официальной пропаганды времен Первой мировой. Их можно делить на две категории: полководцы (изображение последних было популярным мотивом в «народных картинках» еще с середины XVIII в.) и герои-солдаты. Анализируя популярность тех и других, В.Б. Аксенов отводит из полководцев первое место А.А. Брусилову, который приобрел широкую известность еще до своего знаменитого прорыва – после взятия Галича в августе 1914 г. Его «партнером» зачастую выступал генерал Н.В. Рузский, прославившийся в результате взятия Львова и успешной Галицийской битвы (август–сентябрь 1914 г.). Но настоящий культ сформировался вокруг фигуры Верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, любимого в обществе и армии. Он не потерял ореола «великого полководца» даже после тяжелых поражений на фронте. Однако этот культ вызывал опасения при императорском дворе, где велись серьезные разговоры о непомерном усилении диктаторских амбиций дяди Николая II. В результате он был смещен с поста главнокомандующего в августе 1915 г., а его место занял сам император. Это, как полагают исследователи, стало мощнейшим ударом по имиджу российской армии, с одной стороны, и царствующего дома – с другой.

Что касается «народных героев», то наибольшую популярность демонстрировал К.Ф. Крючков, причем художники отнюдь не стремились точно воспроизвести детали схватки, в ходе которой он якобы лично уничтожил 11 немцев. Крючков изображался то пешим, то на коне, то с усами, то без них, врагов поражал то саблей, то пикой. Еще одним знаменитым героем стал штабс-капитан П.Н. Нестеров, впервые применивший в воздухе боевой таран. Сцены воздушных боев представлялись издателям самыми зрелищными, особенно для обывателя, никогда самолетов не видевшего. На одном из плакатов Нестеров совершал таран, управляя самолетом одной рукой, а второй – стрелял из пистолета в выпавшего из самолета австрийского летчика (Аксенов, 2020: 536-538). В связи с этим в «герои» попал и французский летчик Ролан Гаррос (1888–1918), прошедший несколько успешных воздушных боев, в том числе в апреле 1915 г., сбивший на высоте 1 000 м немецкий самолет-разведчик «Альбатрос». Подобные образы, с одной стороны, привлекали повышенное внимание, а другой – не могли не представляться откровенно сказочными, мифологическими. От реальных людей в них оставалось немного, и после потери актуальности личность из образа постепенно «вымывалась», оставляя лишь общее представление об удалом казаке и бесстрашном авиаторе.

Из других героев военных лубков популярен был великий князь Олег Константинович, корнет лейб-гвардии Гусарского полка, умерший от раны, полученной в бою 27 сентября 1914 г. близ д. Пильвишки в районе Владиславова. Олег Романов представлялся молодым рыцарем «без страха и упрека», жертвой, принесенной царской семьей на алтарь «народной войны». Однако после его гибели все Романовы постепенно были удалены с «первой линии» фронта, что сыграло несколько сдерживающую роль в возведении его в пантеон героев. На лубочных плакатах «засветился» и целый ряд других героев: еврей Дмитрий Кац, казак Филипп Приданников, гусар Давид Выжимок. Первый (рядовой 67-го Тарутинского полка) в августе 1914 г. возглавил штыковую атаку на превосходящие силы неприятеля. Вторым, оставшись без лошади, с раздробленной ногой отбивался от австрийцев, заколов троих пикой, а еще троих зарубив саблей. Третий в ходе битвы у Гагенсдорфа под градом пуль и картечи вынес на себе раненого офицера. Другими героями военных корреспонденций и «народных картинок» стали подхвативший знамя и убитый в бою 4 августа 1914 г. полковник П.А. Комаров и хорунжий лейб-гвардии казачьего полка Д.Е. Боткин, попавший в окружение и убитый после отказа сдать в декабре 1914 г. Как видим, никакими из ряда вон выходящими героическими свершениями лица, попавшие в объектив пропаганды, не отметились.

В качестве не вписывающихся в этот ряд личностей можно отметить старшего унтер-офицера П.Н. Панасюка, который был захвачен в плен в марте 1915 г. близ селения Домброве. Героя-разведчика принуждали дать сведения о расположении российских войск, для чего по частям отрезали ухо и изуродовали нос. Однако Панасюк самоотверженно перенес пытку, а после этого сумел бежать, усыпив бдительность конвоя. Впрочем, его подвиг попал на первые полосы газет не столько в связи с личностью самого Панасюка, сколько по причине обвинений немцев в «нарушении законов войны»: медики установили, что ухо резали ножницами по кусочкам в течение длительного времени, эти манипуляции сопровождалась «сильной болью и значительным кровотечением». Еще один «лубочный герой», священник П.М. Холодный, вряд ли может быть так поименован в общеупотребительном смысле этого слова. В августе 1915 г. обоз, в котором он находился, попал в засаду и был окружен австрийскими солдатами. Однако после пламенной речи батюшки, апеллировавшего к «славянскому братству», австрийцы сложили оружие и сдались в плен. Священник был награжден лично императором золотым наперстным крестом на Георгиевской ленте.

Этот краткий обзор попавших в орбиту пропаганды героев Первой мировой свидетельствует о том, что отбор их фигур не производился специально. Просто сведения о них попадали в газеты, значительная часть – в связи не с самими подвигами, а награждением героев «высокими лицами» императорской фамилии. О этом можно уверенно говорить как в отношении Холодного, которого наградил сам Николай II, так и Давида Выжимока, который получил «Георгия» из рук Верховного главнокомандующего Николая Николаевича. Панасюк получил известность больше не в связи со своим (безусловно, героическим) поведением в плену, а издевательствам над ним австрийских офицеров. Фабулы подвигов остальных напоминают обычные выписки из приказов о награждении. Например, иваново-вознесенец А.М. Шалаев, ефрейтор 184-го Варшавского полка, в бою 5 мая 1916 г. «под сильным и действительным огнем противника пронес и доставил важное извещение, долженствующее восстановить связь, утраченную совместно действующими ротами». Далее он, «несмотря на ранение в спину осколком снаряда, после перевязки возвратился в роту, принимая участие в дальнейшем бою», за что был награжден Георгиевским крестом 4-й степени (ГАИО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 148. Л. 74-77). Подобные подвиги не могли заинтересовать обывателя, такой массовый героизм претил его вкусу. Для броской картинкой, которая могла бы привлечь его внимание, была необходима фабула, причем либо совершенно фантастическая (как в случае с Кузьмой Крючковым), либо яркая и экстравагантная (таран Петра Нестерова). А вот с созданием подобного нарратива были проблемы как у газетчиков-«патриотов», так и у издателей массовой агитационной продукции.

В результате широкомасштабный поиск «забытых героев забытой войны», предпринятый историками, архивистами, музейщиками и краеведами к столетнему юбилею Первой мировой, фактически ни к чему не привел. Для создания новых образов не хватило скупых и официозных строчек газетных сводок и броских плакатов времен войны с краткими пересказами «подвигов», взятых из тех же газет. Герои должны были обрести «плоть и кровь» в ходе архивных изысканий об их происхождении и дальнейшей судьбе, но удалось это лишь немногим «счастливчикам». Большая часть попавших на лубки авторов подвигов оставалась безымянной, поскольку для возвращения героя в общественное пространство необходимы не только детали биографии (которых лица, подобные Кацу и Панасюку, оказались просто лишены), но и наличие заинтересованных лиц – прежде всего из числа земляков или родственников. Таковых отыскалось весьма немного, и большинство их пыталось не возродить память о безымянных участниках войны, а «присвоить» героев с уже готовой биографией, вроде «ставропольской девы» Риммы Ивановой, «первого русского аса» Александра Казакова или командира «балтийского „Варяга“» Петра Черкасова, не говоря уж о героях первого ряда – Кузьме Крючкове и Марии Бочкаревой.

Последние, в отличие от других поименованных выше лиц, были вполне известны даже в советское время, хотя вряд ли можно назвать их образ, сложившийся в послереволюционные годы, позитивным. Способствовал этому тот факт, что они не приняли советской власти: К.Ф. Крючков

погиб в бою с красными 18 августа 1919 г. близ д. Лопуховка, а М.Л. Бочкарева была расстреляна ВЧК в Красноярске 16 мая 1920 г. Справедливости ради надо сказать, что «героический ореол» обоих несколько померк еще задолго до торжества советской власти. Настойчивое навязывание образа «удалого рубаки» Крючкова российскому обществу в 1914–1917 гг. привело к обратным последствиям: для многих он стал главным символом топорной и неразборчивой в средствах пропаганды. Крючков появился на страницах всех ведущих газет и журналов, ему были посвящены десятки открыток и плакатов, его портрет появился на коробках папирос, спичек и даже конфет, в ноябре 1914 г. ему была посвящена песня, в январе 1915 г. на экраны вышел кинофильм «Донской казак Козьма Крючков» в двух действиях.

Эта навязчивость очень быстро привела к появлению альтернативной версии подвига, согласно которой Крючков долгое время убежал от немцев, отчего и получил большое число ран пикой в спину. Согласно канонической версии, Крючков во главе сторожевого дозора из 4 чел. сражался с отрядом в 27 немецких кавалеристов, из которых 11 убил сам, еще столько же уничтожили его товарищи, двое было захвачено в плен, а троим удалось бежать (Маслова, 2014: 8). Однако существовало несколько версий подвига, слабо стыкующихся друг с другом. Сейчас уже понятно, что в стычке погибли максимум два немца, а Крючков действительно долгое время убежал от них – иначе трудно объяснить наличие у него «шестнадцать колотых ран на спине, плече и предплечье» (Нелипович, 2014: 77-78). Неудивительно, что подобные пропагандистские образы вызывали глухое раздражение как у тыловых обывателей, так и у фронтовиков. Первые видели реальное ухудшение положения дел на фронтах, сопоставляя образы «удалого казака» Крючкова с аналогичными персонажами, лихо побеждавшими никчемных японцев на плакатах 1904–1905 гг. А вторые имели возможность сравнить описанные подвиги с реальным положением дел, что приводило их к «чувству неприязни, граничащей с обидой на отсутствие внимания к реальным проблемам сражающейся армии» (Пахалюк, 2014: 215). Как отмечает К.А. Пахалюк, преувеличенные героические примеры, тиражируемые в приказах по армии, вызывали откровенное недоверие солдат.

Еще более неоднозначной фигурой является М.Л. Бочкарева – сестра милосердия, чья храбрость в боях снискала уважение сослуживцев и принесла ей Георгиевский крест и три медали. В июне 1917 г. она возглавила Первую женскую военную команду, получившую впоследствии хлесткое наименование «батальона смерти». Всем было очевидно, что формирование подобных частей носит исключительно пропагандистский характер, это мнение не изменило их достойного поведения в бою под Сморгонью в июле 1917 г. Особенно ненавидели женские формирования солдаты, хорошо понимавшие, что никакого реального значения подобные части не имеют, и выступавшие с требованием расформировать все «женские батальоны» как «непригодные для несения армейской службы». С аналогичным отношением женщины столкнулись и со стороны армейского начальства, видевшего в подобных соединениях не иначе, как «суррогаты армии» (А.И. Деникин). В результате уже в середине августа 1917 г. главнокомандующий Л.Г. Корнилов запретил создание новых женских соединений, а прежние разрешил использовать исключительно на вспомогательных участках. Патриархальное российское общество оказалось не готово принять женщин в такой исключительно мужской институт, как армия. «Есть много путей общественного и государственного служения, гораздо более соответствующих призванию женщины», – замечал А.И. Деникин, выражая мнение, пожалуй, подавляющей части россиян того времени.

Биография Бочкаревой после бесславного краха «женского батальона» оказалась тоже не самой «героической». Она серьезно запятнала себя агитационной поездкой в Америку и Европу, в ходе которой просила помощи против большевиков, в том числе на аудиенциях у американского президента Вудро Вильсона 10 июля 1918 г. и английского короля Георга V. Начальство Белой армии смотрело на «самозванку» несколько свысока, так что сформировать новый женский батальон Бочкаревой не удалось ни в Архангельске, ни в Омске. А после разгрома колчаковских войск она в январе 1920 г. была арестована ВЧК. Каноническому образу женщины-героини препятствуют многие факты биографии Марии Леонтьевны, начиная с «мужиковатой» внешности и агрессивного обращения с подчиненными, заканчивая целым букетом биографических подробностей, изложенных в рассказах американскому журналисту И.Д. Левину, издавшему на основе ее воспоминаний книгу «Яшка», переведенную на несколько языков. На страницах этого произведения, больше похожего на бульварный роман в жанре исповеди, жизнь Бочкаревой представляет собой гремучий коктейль литературных тропов, почерпнутых из разных произведений русской классики, очень мало похожих на реальную судьбу женщины начала XX в. Некоторые сюжеты этой книги, рассчитанной на коммерческий успех у доверчивого западного читателя, мало знакомого с российской действительностью и ищущего в ней экзотики, представляются весьма неблагоприятными как для современника Бочкаревой, так и для современного консерватора-патриота: нищее детство в «процветающей империи», неоднократные избиения пьяницей-мужем, уход от него к еврейско-разбойнику и возвращение обратно к мужу после ареста последнего.

Как видим, и Бочкарева, и Крючков очень мало подходили для создания образов «идеальных героев» Первой мировой. Кузьма Фролович на многие годы стал примером неумелого выстраивания «героического образа», попав в этом качестве во многие тексты советских времен: от романа

«Двенадцать стульев» до бессмертного «Тихого Дона» М.А. Шолохова и даже хрущевской речи на XX съезде КПСС. Тем не менее в последние годы предприняты многочисленные попытки его реабилитации – прежде всего в работах историков Белого дела, ярким примером которых является апологетический очерк В.В. Бондаренко (Бондаренко, 2013: 259-285). Имя Крючкова получил переулочек в г. Ростов-на-Дону, в Новочеркасске ему открыт памятник, а кроме того, именно Крючков стал прототипом казака в ансамбле памятника героям Первой мировой войны, открытого в Москве 1 августа 2014 г. Но если Крючков являлся довольно однозначной и одномерной фигурой, негатив к которой могли проявлять лишь ярые сторонники красных, то для реабилитации столь противоречивой личности, как Мария Бочкарева, пришлось немало потрудиться историкам и кинематографистам.

Впервые в массовую культуру Мария Леонтьевна попала еще в романе В.С. Пикуля «Из тутика» (1968), а вот в произведении Бориса Акунина «Батальон ангелов» (2011) она выведена уже одной из главных героинь. В феврале 2015 г. на экраны кинотеатров вышел российский художественный фильм «Батальонъ», целиком посвященный женскому «батальону смерти» и его командиру – М.Л. Бочкаревой. Вскоре после этого появился целый ряд памятных мест, связанных с именем Марии Леонтьевны. В октябре 2016 г. в ее честь был открыт памятный знак в с. Ново-Кусково Томской области, в июле 2017 г. установлена закладная доска на месте будущего памятника женскому батальону на месте его единственного боя (д. Новоспасск Гродненской области Республики Беларусь), возникла также идея установки памятника Бочкаревой в Красноярске. Образ женщин-«ударниц» оказался настолько эффективным, что в компьютерной игре Battlefield 1 (основанной на событиях Первой мировой), вышедшей в октябре 2016 г., все разведчики Российской империи и Белой армии представлены участницами батальона. Тем не менее даже многим сторонникам «героизации» событий Первой мировой фигура Бочкаревой представляется как минимум спорной. Судя по всему, именно в связи с этим она не попала в серию очерков о героях Первой мировой, вышедших под одной обложкой в серии «ЖЗЛ» в 2013 г. из-под пера консервативного писателя и историка Белого дела В.В. Бондаренко.

Крючков и Бочкарева оказались героями первого плана, пришедшими на него разными путями, но уверенно закрепившимися в современной массовой культуре. Меньше повезло целому ряду фигур второго плана, которые мало уступали своим «коллегам» в известности среди современников, но ушли на второй план в советское время. Они превратились в типичных «местных героев». Здесь назовем две знаковых фигуры – медсестру Р.М. Иванову (1894–1915) и капитана П.Н. Черкасова (1882–1915). Римма Иванова ушла на фронт в январе 1915 г. под мужским именем. Впрочем, долго скрываться она не смогла и прославилась именно как медицинская сестра, появлявшаяся в самых опасных местах и спасающая немало жизней. За мужество при спасении раненых она была удостоена Георгиевского креста 4-й степени. Погибла она 9 сентября 1915 г. в бою у д. Мокрая Дубрава, подняв роту в атаку на вражеские окопы. Указом императора Николая II Иванова посмертно была награждена офицерским орденом св. Георгия 4-й степени, а похоронена на родине, в Ставрополе, месяц спустя.

Иванова ввиду благородного происхождения, привлекательной внешности и незапятнанной биографии была гораздо более подходящей фигурой для героизации, чем неуклюжая Бочкарева. Если Крючков олицетворял собой «удалое казачество», то Иванова – героическую медсестру, образ, невероятно популярный в первый год войны. Ей посвящались плакаты, о подвиге был снят художественный фильм (весьма невысокого качества), было учреждено несколько именных стипендий, подумывали о памятнике на родине. Возникло даже предложение о причислении ее к лику святых. Образ Ивановой был запечатлен на памятнике «Героям Великой войны», открытом в Вязьме в июне 1916 г. – она являлась в этой композиции единственным представителем «воинских низов». Нельзя сказать, чтобы память об Ивановой совсем стерлась в советское время: уже в 1987 г. появляется роман-хроника писателя-краеведа Ю.Н. Христинина «Сестра милосердия», посвященный ее подвигу. А в связи с празднованием столетия «забытой войны» в Ставрополе появляется улица ее имени, мемориальная доска на здании Ольгинской гимназии, а также мемориальный знак на месте гибели девушки. Затем в 2016–2019 гг. появляются два памятника и бюст в Ставрополе, а еще один памятник – в Михайловке Ставропольского края. Словом, Р.М. Иванова являет собой прекрасный пример «местной героини», неизвестной широкой публике, но зато высоко чтимой на малой родине.

Еще один подобный пример представляет собой Петр Черкасов – капитан 1-го ранга, потомственный моряк. Вечером 19 августа 1915 г. его канонерская лодка «Сивуч» приняла у Моонзунда бой с превосходящими силами противника, сорвав задачу германской эскадры прорваться к Риге. «Сивуч» получил наименование «балтийского „Варяга“», но, в отличие от символического прародителя, он действительно был полностью изрешечен ураганным огнем немцев и ушел под воду вместе с капитаном. В сентябре 1915 г. Балахнинское земское собрание приняло решение установить памятник герою, но его отец решил, что лучшим памятником Черкасову будет Народный дом его имени в Ольгине (ныне – Володарск). Потомственный дворянин П.Н. Черкасов, подобно Ивановой, был не слишком близок советской власти, но на местном уровне память о нем существовала. Уже в 1998 г. вышел документальный роман Б.А. Шалагина «Взять море в свои руки», одним из героев

которого являлся П.Н. Черкасов. В 2006 г. в Володарске был заложен в его честь памятный камень, а памятник установлен в мае 2017 г. В Нижнем Новгороде в честь героя в октябре 2008 г. была открыта памятная доска.

5. Заключение

Подводя итоги обзора формирования образов героев Первой мировой в ходе самой войны и их отражения в сознании современников и потомков, можно отметить несколько характерных тенденций. Некоторые из них ранее уже были зафиксированы исследователями. Е.С. Сенявская выделяет несколько причин, приведших к забвению имен героев Первой мировой. Прежде всего память о ней была вытеснена событиями революции и Гражданской войны. Многие участники последней были самыми настоящими героями Первой мировой, но личности их воспринимаются ныне исключительно через призму участия в «красном» или «белом» деле. Со стороны красных среди таковых можно назвать в основном представителей армейских низов – полными Георгиевскими кавалерами, в частности, были В.И. Чапаев и С.М. Буденный, а со стороны их противников – целый ряд выдающихся полководцев, от М.В. Алексеева до Л.Г. Корнилова. Е.С. Сенявская замечает, что советская власть прикладывала «максимум усилий, чтобы вытравить все позитивные патриотические оценки войны, образцы проявленного на фронтах героизма, да и саму эту войну из народной памяти» (Сенявская, 2009: 9).

С этим трудно не согласиться, но с некоторыми оговорками. Советская пропаганда достаточно часто использовала героические подвиги участников Первой мировой, но лишь перешедших на сторону красных. Удостоился особого внимания даже погибший П.Н. Нестеров (его старший брат Николай Николаевич уже в январе 1919 г. поступил на службу в Красную Армию, с 1937 г. стал преподавателем в Военной академии М.В. Фрунзе). А вот другой мастеровитый летчик А.А. Казаков, главный русский ас Первой мировой, попал в «зону умолчания», поскольку сражался с красными на Севере и погиб в августе 1919 г. То же касается принявшего советскую власть А.А. Бурсилова, который воспевался советскими историками как гениальный полководец, и целой плеяды не менее талантливых генералов, вставших у истоков Белого дела. Другие погибшие герои (вроде Р.М. Ивановой и П.Н. Черкасова) не могли рассчитывать на признание советской власти по причине явно «контрреволюционного» происхождения, но в местной истории память о них сохранялась и актуализировалась задолго до коммеморации «забытой войны» к юбилею 2014 г.

Но все же необходимо признать, что большинство героев, рожденных пропагандой в 1914–1917 гг., оказались незаслуженно забыты не столько по причине сознательного вымарывания их имен из народной памяти, сколько потому, что оказались лишены ярких, узнаваемых образов, которые могли запечатлеться в народном сознании. Они оказались героями проигранной войны, а поскольку многие получали известность лишь посмертно, оказывалось неясно, ради чего они были положены на алтарь победы. А главное – уже с осени 1916 г. как на фронте, так и в тылу нарастало глухое недовольство войной, проецировавшееся и на пропагандистские образы ее героев. Почти все упомянутые в нашей статье лица совершали подвиги и получали всероссийскую известность в первые два года войны. Результатом усталости от войны была негативная реакция на ее героев. Самый яркий персонаж царской пропаганды – Кузьма Крючков – на долгие годы стал символом «дутого героя», и его реабилитация историками Белого дела оказалась не в силах изменить устоявшиеся стереотипы. А Мария Бочкарева, которую Временное правительство и лично А.А. Керенский видели символом «Второй Отечественной войны», оказалась в силу целого ряда причин не востребована российским обществом того времени и ныне является, скорее, персонажем массовой культуры.

6. Благодарности

Проект № 1022062000240-7 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Литература

- Аксенов, 2020 – Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.
- Асташов, 2012 – Асташов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М.: Спецкнига, 2012. 400 с.
- Асташов, 2014 – Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 740 с.
- Баринов, Баринава, 2014 – Баринов В.А., Баринава К.В. Первая мировая война: уроки истории для Российской нации // *Национальные приоритеты России*. 2014. № 2. С. 36–47.
- Бондаренко, 2013 – Бондаренко В.В. Герои Первой мировой. М.: Молодая гвардия, 2013. 509 с.
- Военно-статистический ежегодник..., 1915 – Военно-статистический ежегодник армии за 1913 год. Пг.: Военная типография Екатерины Великой, 1915. 722 с.
- ГАИО – Государственный архив Ивановской области.

Денисов, 1916 – Денисов В.А. Война и лубок. Пг.: Типография «Наш век», 1916. 40 с.

Дуров, 1993 – Дуров В.А. Солдатские Георгиевские кресты Первой мировой войны // *Военная быль*. 1993. № 4. С. 2-5.

Еремин, 2014 – Еремин И.А. Увековечение памяти участников Первой мировой войны в западной Сибири как фактор восстановления дореволюционных воинских традиций // *Вестник Алтайского государственного педагогического университета*. 2014. № 18. С. 47-49.

Кунжаров, 2013 – Кунжаров Е.М. Российская государственная пропаганда Первой мировой войны в отечественной историографии // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2013. № 3. С. 90-93.

Купцова, 2004 – Купцова И.В. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.). СПб.: Нестор, 2004. 211 с.

Маслова, 2014 – Маслова Ю.В. Лицо войны – герой Козьма Крючков // *Культурное наследие России*. 2014. № 3. С. 7-14.

Молчанова, 2016 – Молчанова Д.С. Отечественный военный лубок и открытка (на примере периода русско-японской войны 1904–1905 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2016. 287 с.

Нелипович, 2014 – Нелипович С.Г. «Вырвались от противника и прибыли порезанные и израненные...». Документы РГВИА о подвиге первого георгиевского кавалера Великой войны К.Ф. Крючкова // *Отечественные архивы*. 2014. № 5. С. 74-84.

Пахалюк, 2014 – Пахалюк К.А. Отражение героизма русских солдат и офицеров Первой мировой войны в мемуарной литературе советского периода / Великая война: сто лет. Под ред. М.Ю. Мягкова, К.А. Пахалюка. М.-СПб., 2014. С. 206-236.

Пахалюк, 2016 – Пахалюк К.А. Дискурсивные основания юбилейной коммеморации Первой мировой войны в современной России // *Politbook*. 2016. № 4. С. 109-131.

Сенявская, 1997 – Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1997. 383 с.

Сенявская, 2009 – Сенявская Е.С. Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе // *Вестник МГИМО*. 2009. № 2. С. 31-37.

Чистяков, 2014 – Чистяков С.С. Миф и реальность в печатной графике Первой мировой. Русский батальный лубок, плакат и художественная открытка 1914–1917 годов // *Первая мировая: война и миф*. М., 2014. С. 83-108.

References

Aksenov, 2020 – Aksenov, V.B. (2020). Sluhi, obrazy, emocii. Massovyе nastroyeniya rossiyan v gody vojny i revolyucii (1914–1918). [Rumors, images, emotions. Mass moods of Russians during the years of war and revolution (1914–1918)]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 992 p. [in Russian]

Astashov, 2012 – Astashov, A.B. (2012). Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoj mirovoj vojny. [Propaganda on the Russian front during the First World War]. М.: Novyi khronograf, 400 p. [in Russian]

Astashov, 2014 – Astashov, A.B. (2014). Russkij front v 1914 – nachale 1917 goda: voennyj opyt i sovremennost'. [Russian front in 1914 – early 1917: military experience and modernity]. М.: Novyi khronograf, 740 p. [in Russian]

Barinov, Barinova, 2014 – Barinov, V.A., Barinova, K.V. (2014). Pervaya mirovaya vojna: uroki istorii dlya Rossijskoj nacii. [World War I: History Lessons for the Russian Nation]. *Nacional'nye priority Rossii*. 2: 36-47. [in Russian]

Bondarenko, 2013 – Bondarenko, V.V. (2013). Geroi Pervoj mirovoj [Heroes of World War I]. М.: Molodaya gvardiya, 509 p. [in Russian]

Chistyakov, 2014 – Chistyakov, S.S. (2014). Mif i real'nost' v pechatnoj grafike Pervoj mirovoj. Russkij batal'nyj lubok, plakat i hudozhestvennaya otkrytka 1914–1917 godov. [Myth and reality in printed graphics of the First World War. Russian battle lubok, cry and art postcard 1914–1917]. *Pervaya mirovaya: voina i mif*. М. Pp. 83-108. [in Russian]

Denisov, 1916 – Denisov, V.A. (1916). Vojna i lubok [Vojna and Lubok]. Pг.: Tipografiya «Nash vek». 40 p. [in Russian]

Durov, 1993 – Durov, V.A. (1993). Soldatskie Georgievskie kresty Pervoj mirovoj vojny. [Soldier's St. George's Crosses of the First World War]. *Voennaya byl'*. 4: 2-5.

Eremin, 2014 – Eremin, I.A. (2014). Uvekovechenie pamyati uchastnikov Pervoj mirovoj vojny v zapadnoj Sibiri kak faktor vosstanovleniya dorevolucionnyh voinskih traditsij [Perpetuation of the memory of participants in the First World War in Western Siberia as a factor in the restoration of pre-revolutionary military traditions]. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 18: 47-49. [in Russian]

GAIO – Gosudarstvennyj arhiv Ivanovskoj oblasti [State Archive of the Ivanovo Region].

Kunzharov, 2013 – Kunzharov, E.M. (2013). Rossijskaya gosudarstvennaya propaganda Pervoj mirovoj vojny v otechestvennoj istoriografii. [Russian State Propaganda of the First World War in Russian Historiography]. *Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 3: 90-93. [in Russian]

Kuptsova, 2004 – *Kuptsova, I.V.* (2004). *Hudozhestvennaya zhizn' Moskvy i Petrograda v gody Pervoj mirovoj vojny (iyul' 1914 – fevral' 1917 g.)*. [Artistic life of Moscow and Petrograd during the First World War (July 1914 – February 1917)]. SPb.: Nestor, 211 p. [in Russian]

Maslova, 2014 – *Maslova, Yu.V.* (2014). *Lico vojny – geroj Koz'ma Kryuchkov* [The face of war is the hero Kozma Kryuchkov]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 3: 7-14. [in Russian]

Molchanova, 2016 – *Molchanova, D.S.* (2016). *Otechestvennyj voennyj lubok i otkrytka (na primere perioda russko-yaponskoj vojny 1904–1905 gg.)*. [National military lubok and postcard (on the example of the period of the Russo-Japanese war of 1904–1905)]. Diss. ... kand. ist. nauk, M., 287 p. [in Russian]

Nelipovich, 2014 – *Nelipovich, S.G.* (2014). «Vyrvalis' ot protivnika i pribyli porezannye i izranennye...». *Dokumenty RGVIA o podvige pervogo georgievskogo kavалера Velikoj vojny K.F. Kryuchkova* [«They escaped from the enemy and arrived cut and wounded...». Documents of the RGVIA on the feat of the first Knight of St. George of the Great War K.F. Kryuchkova]. *Otechestvennye arhivy*. 5: 74-84.

Pahalyuk, 2014 – *Pahalyuk, K.A.* (2014). *Otazhenie geroizma russkih soldat i oficerov Pervoj mirovoj vojny v memuarnoj literature sovetskogo perioda*. [Reflection of the heroism of Russian soldiers and officers of the First World War in the memoirs of the Soviet period]. *Velikaya voina: sto let. Pod red. M.Yu. Myagkova, K.A. Pakhalyuka. M.-SPb. Pp. 206-236*. [in Russian]

Pahalyuk, 2016 – *Pahalyuk, K.A.* (2016). *Diskursivnye osnovaniya yubilejnoj kommemoracii Pervoj mirovoj vojny v sovremennoj Rossii*. [Discursive Foundations of the Anniversary Commemoration of the First World War in Modern Russia]. *Politbook*. 4: 109-131. [in Russian]

Senyavskaya, 1997 – *Senyavskaya, E.S.* (1997). *Psihologiya vojny v XX veke. Istoricheskij opyt Rossii*. [The psychology of war in the twentieth century. Historical experience of Russia]. M.: ROSSPEN, 383 p. [in Russian]

Senyavskaya, 2009 – *Senyavskaya, E.S.* (2009). *Istoricheskaya pamyat' o Pervoj mirovoj vojne: osobennosti formirovaniya v Rossii i na Zapade*. [Historical memory of the First World War: features of formation in Russia and in the West]. *Vestnik MGIMO*. 2: 31-37. [in Russian]

Voенно статистический ezhegodnik..., 1915 – *Voенно-статистический ezhegodnik armii za 1913 god*. [Military Statistical Yearbook of the Army for 1913]. Pg.: *Voennaya tipografiya Ekateriny Velikoi. 1915. 722 p.* [in Russian]

Образы героев Первой мировой войны в сознании современников и потомков

Сергей Игоревич Белов ^{a, b, *}

^a Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Российская Федерация

^b Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется формирование героических образов имперской пропагандой в годы Первой мировой войны и их восприятие в сознании современников и потомков. Поскольку пропаганда в 1914–1917 годах при трансляции в общество патриотического взгляда на войну в первую очередь должна была иметь дело с малообразованной частью населения, ее основным средством были не газета, а листовка, открытка или плакат. Важной задачей в воспитании патриотизма было формирование образа «народных героев» и прославление их подвигов. Однако наивно-героическое повествование «народных картинок» вызывало неприязнь у обывателя из-за военных поражений и глухое раздражение в армейской среде, поскольку эти образы сознательно дистанцировались от реальных проблем армии. В результате герои «первого плана» (К.Ф. Крючков и М.Л. Бочкарева) не вызывали особого восторга даже у современников. Они не были забыты в советской историографии, выступая примерами неудачной военной пропаганды царизма. В связи с этим попытки реабилитировать этих героев во время празднования годовщины Первой мировой войны в 2014 г. не увенчались успехом. Большинство героев войны «второго плана» были забыты, но в ряде случаев мемориальные практики, заложенные в годы войны на их родине, дали хорошие результаты после распада СССР. Среди этих героев следует отметить имена Р.М. Ивановой (Симферополь) и П.Н. Черкасова (Нижний Новгород).

Ключевые слова: Первая мировая война, историческая память, образ героя, коммеморация, пропаганда, лубок.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: belov2006s@yandex.ru (С.И. Белов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 465-474
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.465

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Caucasian Educational District in the last years of the Imperial Period (1914–1917): Some Results of the Pre-Revolutionary Education System

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

Abstract

The paper summarizes the results of the activity of the public education system on the territory of the Caucasian Educational District in the pre-revolutionary period. The attention is paid to the results achieved in secondary, lower and primary education.

As sources, the author used the documents from the Russian State Historical Archive (St. Petersburg, Russian Federation), as well as the annual reports of the Chief Prosecutor of the Holy Synod and the reports of the trustee of the Caucasian Educational District.

The author came to the following conclusions:

1. The Russian government created a system of public education on the territory of the Caucasian Educational District, which is called “from a blank slate”. As a result, by 1915, the educational activities in the Caucasus were carried out by more than 6 thousand educational institutions, among which were teachers' institutes and seminaries, gymnasiums, pro-gymnasiums, real schools, as well as an extensive network of primary educational institutions.

2. The significant progress has been made in secondary education: it has become available for both boys and girls in all regions and provinces of the Caucasian Educational District. Thanks to this, the significant contingents of people with secondary education have been accumulated and highly professional teaching staff have been trained. This laid the conditions for the opening of the first university in the Caucasus – in February 1918, Tbilisi State University was established in the administrative center of the Caucasian Educational District.

3. Lower and primary education achieved the greatest success. On the eve of the First World War, 4-class city schools were reorganized into 6-class higher primary schools. The number of 1st and 2nd grade primary schools has increased dramatically thanks to the program to prepare for the “Introduction of universal primary education”. At that time, the school set was set at 50 students, and a massive consolidation of schools began to take place.

4. By 1915, despite the fact that the Caucasian Educational District was located in close proximity to the Caucasian Front, 44 % of all Caucasian school-age children were covered by educational activities. Most of the children were covered in the territory of the Kutaisi province – 78 %, least of all in the Dagestan region – 6.8 %.

Keywords: Caucasian educational district, Russian Empire, 1848–1917, educational institutions, students.

1. Введение

В 2016 г. сотрудниками Международного сетевого центра фундаментальных и прикладных исследований начал реализовываться масштабный проект анализа системы народного образования на территории Кавказского учебного округа в дореволюционный период. Отдельно рассматривались

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A.A. Cherkasov)

как губернские и областные дирекции Министерства народного просвещения, так и общие вопросы образования (например, частное образование, педагогическая печать на территории учебного округа и т.д.). Для анализа губернских и областных дирекций использовались отчеты попечителя Кавказского учебного округа и Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Святейшего синода, материалы систематизировались по трем ступеням образования (среднее, низшее и начальное). В каждой из ступеней рассматривались количество учебных заведений и число учащихся, при этом значительное внимание уделялось контингенту учащихся (сословный, национальный и др. составы). В 2022 г. изучение региональных дирекций завершилось и наступило время подвести некоторые итоги исследования.

2. Материалы и методы

Источниками по теме исследования являются документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), а также ежегодные Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Святейшего синода и отчеты попечителя Кавказского учебного округа.

В методологическом плане в работе был применен метод контент-анализа, благодаря которому в обширном статистическом материале были обнаружены, выбраны и систематизированы сведения о количестве учебных заведений и составе учащихся в разных регионах Кавказского учебного округа. Работа построена по проблемному принципу, что позволило нам рассмотреть достигнутые успехи в деле народного образования на Кавказе и сделать соответствующие выводы.

3. Обсуждение

В последние годы система народного образования на территории Кавказского учебного округа активно развивалась. В это время пристальному вниманию историков подверглись как общекавказская система образования, так и ее отдельных территорий.

Так, например, горским школам на Кавказе была посвящена статья О.В. Натолочной и других (Natolochnaya et al., 2018), эти же авторы в 2016 г. рассматривали развитие системы образования на Кавказе периода 1905–1917 гг. (Natolochnaya et al., 2016), а в 2021–2022 гг. предпринимали попытку изучения системы народного образования, находящейся в ведомстве Министерства народного просвещения (Natolochnaya et al., 2021; Natolochnaya et al., 2022). Т.А. Магсумов и другие обращались к изучению кавказской школьной системы периода 1850-х гг. (Magsumov et al., 2018). Одну из первых попыток рассмотреть всю систему народного образования на Кавказе предприняли Н.А. Шевченко и другие (Shevchenko et al., 2016). Коммерческому образованию на Кавказе уделили внимание К.В. Таран и другие (Taran et al., 2021), а периодическую печать на территории Кавказского учебного округа рассматривали А.М. Мамадалиев и другие (Mamadaliyev et al., 2022c).

Что касается отдельных территорий Кавказа, то, например, систему народного образования на территориях Карской, Бакинской областей и Елисаветпольской губернии рассматривали Т.А. Магсумов и другие (Magsumov et al., 2020; Magsumov et al., 2020a; Magsumov et al., 2021; Magsumov et al., 2021a; Magsumov et al., 2021b; Magsumov et al., 2022; Magsumov et al., 2022a). К изучению аналогичных вопросов на территориях Тифлисской, Кутаисской и Эриванской губерний, а также Сухумской области обращались А.М. Мамадалиев и другие (Mamadaliyev et al., 2020; Mamadaliyev et al., 2020a; Mamadaliyev et al., 2020b; Mamadaliyev et al., 2020c; Mamadaliyev et al., 2021; Mamadaliyev et al., 2021a; Mamadaliyev et al., 2021b; Mamadaliyev et al., 2021c; Mamadaliyev et al., 2022; Mamadaliyev et al., 2022a; Mamadaliyev et al., 2022b). Систему народного образования на территории Кубанской области изучали В.С. Молчанова и другие (Molchanova et al., 2019; Molchanova et al., 2019a; Molchanova et al., 2020). В свою очередь О.В. Натолочная и другие рассматривали территорию Ставропольской губернии (Natolochnaya et al., 2020; Natolochnaya et al., 2020a; Natolochnaya et al., 2020b). В то же время А.А. Черкасов и другие исследовали территории Черноморской губернии и Терской области (Cherkasov et al., 2020; Cherkasov et al., 2020a; Cherkasov et al., 2020b; Cherkasov et al., 2021). Дагестанскую область рассматривали Г. Райевич и другие (Rajović et al., 2022; Rajović et al., 2022a; Rajović et al., 2022b).

4. Результаты

Итак, как известно, первое учебное заведение на Кавказе было открыто в 1802 г. Это произошло в Тифлисе спустя всего один год после прихода русских в Закавказье. Этим учебным заведением стало 2-классное училище, вскоре переименованное в Тифлисское благородное училище (Shevchenko et al., 2016: 364). В последующие годы русское правительство приложило значительные усилия для того, чтобы сделать доступным не только начальное, но и низшее профессиональное и среднее образование. Рассмотрим успехи дореволюционной системы образования по ступеням.

Среднее образование

К концу 1914 г. на территории Кавказского учебного округа было открыто более 140 средних учебных заведений – это и учительские институты, учительские семинарии, мужские и женские

гимназии и прогимназии, а также реальные училища. Сведения о количестве средних учебных заведений сведены нами в [Таблицу 1](#).

Таблица 1. Количество средних учебных заведений на территории Кавказского учебного округа по состоянию на 1915 г. (Отчет попечителя, 1914: 2, 122, 212, 256, 260; Magsumov et al., 2021a: 825; Magsumov et al., 2020a: 461; Cherkasov et al., 2020a: 1067–1084; Molchanova et al., 2020: 91; Natolochnaya et al., 2020b: 987; Mamadaliev et al., 2022b: 1376; Rajović et al., 2022b: 1387; Cherkasov et al., 2021: 214; Mamadaliev et al., 2021b: 1193; Magsumov et al., 2022a: 664; Mamadaliev et al., 2022a: 720)

Губернии и области	Тип учебных заведений							Общее количество
	Гимназии		Прогимназии		Реальные училища	Среднее техническое училище	Учительский институт, учительские семинарии	
	Мужские	Женские	Мужские	Женские				
Тифлисская губерния	6	6	1	1	1	-	2	17
Кубанская область	6	15	5	-	8	-	4	38
Бакинская губерния	4	4	-	1	2	1	-	12
Черноморская губерния	2	2	-	-	-	-	-	2
Карсская область	-	1	-	-	1	-	-	2
Ставропольская губерния	4	8	2	1	2	-	2	15
Терская область	3	8	1	3	6	-	2	22
Сухумский округ	-	1	-	-	1	-	-	2
Дагестанская область	1	3	-	-	2	-	-	6
Кутаисская губерния	2	4	1	-	1	-	1	9
Елисаветпольская губерния	2	1	-	-	1	-	1	5
Эриванская губерния	1	3	-	-	-	-	1	5
Всего	32	56	10	6	25	1	13	146

Анализируя [Таблицу 1](#), мы можем видеть, что среднее образование как для мальчиков, так и для девочек было доступно во всех регионах Кавказского учебного округа. Однако больше всего средних учебных заведений было на казачьих территориях Кубанской и Терской областей, на третьем месте была Тифлисская, а на четвертом – Ставропольская губернии. Важно отметить, что все эти регионы были территориями компактного проживания православного населения. Чем более полинациональное население было в регионе, тем меньше был спрос на среднее образование. В конечном счете дореволюционное среднее образование на Кавказе заложило все предпосылки для создания здесь полноценного высшего образования (в феврале 1918 г. создан Тбилисский государственный университет), так как была накоплена критическая масса лиц со средним образованием и профессорско-преподавательские кадры.

Низшее и начальное образование

К 1914 г. на территории Кавказского учебного округа была создана обширная сеть учебных заведений: 4,8 тыс. учебных заведений Министерства народного просвещения и более 1,5 тыс. учебных заведений православного ведомства. При этом накануне Первой мировой войны в регионе происходило укрупнение министерских школ и увеличение периода обучения в них. Так, например, высшие начальные училища достигли срока обучения в 6 лет. Данные о количестве министерских учебных заведений на территории Кавказского учебного округа сведены в [Таблицу 2](#).

Таблица 2. Количество Министерских начальных учебных заведений на территории Кавказского учебного округа по состоянию на 1915 год (Отчет попечителя, 1914: 97, 103, 105, 109, 114, 131, 132; Magsumov et al., 2021a: 828, 831; Magsumov et al., 2020a: 464, 468; Cherkasov et al., 2020a: 1067–1084; Molchanova et al., 2020: 95, 99; Natolochnaya et al., 2020b: 988; Mamadaliev et al., 2022b: 1379, 1381; Rajović et al., 2022b: 1389–1390; Cherkasov et al., 2021: 215–216; Mamadaliev et al., 2021b: 1195–1196; Magsumov et al., 2022a: 665–666; Mamadaliev et al., 2022a: 720, 722)

Губернии и области	Тип учебных заведений				Общее количество
	Городские училища, высшие начальные училища	Горские школы	Начальные училища	Промышленные училища, ремесленные школы, женские проф. и Мариинские училища	
Тифлисская губерния	8	-	354	4	366
Кубанская область	48	-	1 269	10	1 327
Бакинская губерния	9	-	377	2	388
Черноморская губерния	5	-	116	3	124
Карсская область	4	-	202	2	208
Ставропольская губерния	7	-	636	-	643
Терская область	16	2	561	8	587
Сухумский округ	3	1	64	-	68
Дагестанская область	4	-	71	1	76
Кутаисская губерния	20	-	469	1	490
Елисаветпольская губерния	5	-	325	2	332
Эриванская губерния	8	-	187	-	195
Всего	137	3	4 631	33	4 804

Анализируя [Таблицу 2](#), можно увидеть, что среди всех регионов особыми успехами на ниве народного просвещения выделялась Кубанская область, на территории которой находилось 27 % всех учебных заведений. Высокие показатели были на территориях Ставропольской и Кутаисской губерний, а также Терской области. Наиболее низкий показатель был опять в Дагестанской области, где количество русского населения колебалось в пределах 5 %. После Первой русской революции российское правительство приступило к 10-летней программе по подготовке к «Введению всеобщего начального образования». Ввиду этого правительством были выделены обширные средства на строительство новых школ и финансирование их. Одновременно с этим происходили процессы по укрупнению школ учащимися, так как школьный комплект был определен в 50 учеников.

Важную роль в деле народного просвещения играла Православная церковь, которая имела значительное количество собственных учебных заведений (церковно-приходские школы и школы грамоты). Специфика этих учебных заведений заключалась в том, что они создавались в регионах, где создание министерских школ признавалось неэффективным ввиду незначительности количества детей школьного возраста. К началу 1900-х гг. роль в деле народного просвещения церковно-приходских учебных заведений начала снижаться ввиду ведения Министерством народного просвещения курса на всеобщее начальное образование. Школы грамоты массово реорганизовывались в церковно-приходские 1-классные училища, 1-классные училища – в 2-классные того же ведомства или в министерские училища. В результате к концу 1914 г. на Кавказе оставалось только 1 589 учебных заведений Православного ведомства, данные о которых мы свели в [Таблицу 3](#).

Ввиду своей специфики церковно-приходские учебные заведения значительное распространение получили только на территориях, где компактно проживало православное население. Здесь в первую очередь необходимо назвать Кубанскую область, а также Ставропольскую и Кутаисскую губернии. Меньше всего таких школ было на территории Дагестанской области.

Таблица 3. Количество учебных заведений Православного ведомства на территории Кавказского учебного округа по состоянию на 1915 год (Всепопданнейший отчет, 1916: 124)

Губернии и области	Типы школ			Всего
	2-классные	1-классные	Школы грамоты	
Тифлисская губерния	16	151	-	167
Кубанская область	5	415	1	421
Бакинская губерния	7	21	1	29
Черноморская губерния	1	28	1	30
Карсская область	17	44	-	61
Ставропольская губерния	1	251	1	253
Терская область	16	145	-	161
Сухумский округ	10	64	-	74
Дагестанская область	-	4	-	4
Кутаисская губерния ¹	56 (-)	245 (6)	51 (1)	352 (7)
Елисаветпольская губерния	1	17	-	18
Эриванская губерния	2	10	-	12
Всего	132	1 401	56	1 589

Итак, чего же достигла Российская империя в деле народного образования на Кавказе в дореволюционный период? Для этого мы обратимся к статистике. К школьному возрасту в Российской империи относились дети в возрасте от 8 до 11 лет, их количество исчислялось в 9 % от общего количества населения. В 1915 г. чиновники Министерства народного просвещения свели данные о предположительном составе детей школьного возраста и общем количестве обучающихся по регионам Российской империи в сводную таблицу (РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 39. Л. 1). В свою очередь мы добавили в эту таблицу данные об учащихся в учебных заведениях Святейшего синода (Православное ведомство) и высчитали процент детей, охваченных школами (Таблица 4).

Таблица 4. Дети школьного возраста и учащиеся на территории Кавказского учебного округа по состоянию на 1915 г. (РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 39. Л. 1; Всепопданнейший отчет, 1916: 125)

Губернии и области	Всего детей школьного возраста	Количество учащихся			% учеников в школе
		В министерских уч. зав.	В уч. зав. Святейшего синода	Всего	
Тифлисская губерния	116 082	35 566	8 838	44 404	38,2
Кубанская область	267 500	144 049	24 227	168 276	62,9
Бакинская губерния	94 917	25 642	1 366	27 008	28,4
Черноморская губерния	13 835	7 877	1 127	9 004	65,2
Карсская область	35 216	11 090	Данных нет	11 090	31,5
Ставропольская губерния	119 673	49 245	13 368	62 613	52,3
Терская область	110 384	48 289	11 312	59 601	54,0
Сухумский округ	12 852	5 787	857	6 644	51,9
Дагестанская область	64 273	4 240	145	4 385	6,8
Кутаисская губерния ²	95 799 (15 618)	51 634 (3 559)	23 141 (354)	74 775 (3 913)	78,1 (25,0)
Елисаветпольская губерния	97 955	17 900	632	18 532	18,9
Эриванская губерния	92 869	11 417	379	11 796	12,7
Всего	1 137 129	416 295	88 481	504 776	44,3

Анализируя данные таблицы 4, мы можем видеть, что лидером в деле народного образования на Кавказе была Кутаисская губерния (78 % детей школьного возраста находились в 1915 г. за партой), которая, впрочем, свой отрыв обеспечила за счет обширной сети начальных училищ. На втором месте была Черноморская губерния (65,2 %), а на третьем – Кубанская область (62,9 %). Черноморская губерния была с преобладающим христианским населением (православные, григорианцы, католики

¹ Вместе с Батумской областью. Данные по Батумской области даны в скобках.

² Вместе с Батумской областью. Данные по Батумской области даны в скобках.

и протестанты), именно этим обуславливался значительный успех губернии в деле народного просвещения. Что касается Кубанской области, то здесь проблемой было наличие большого количества отдельных хуторов, для которых создавать школы было весьма затратно. Тем не менее школьное образование достаточно твердо входило в повседневную жизнь жителей Кавказа и к 1915 г., несмотря на то, что регион был прифронтовой территорией, за партией находилось 44,3 % детей школьного возраста.

5. Заключение

Подводя итоги, мы хотели бы сделать следующие выводы:

1. Российское правительство на территории Кавказского учебного округа создавало систему народного образования, что называется «с чистого листа». В результате к 1915 г. на Кавказе образовательную деятельность осуществляли более 6 тыс. учебных заведений, среди которых были учительские институты, учительские семинарии, гимназии, прогимназии, реальные училища, а также обширная сеть начальных учебных заведений.

2. В деле среднего образования были достигнуты значительные успехи: оно как для мальчиков, так и для девочек стало доступно во всех областях и губерниях Кавказского учебного округа. Благодаря этому были накоплены значительные контингенты лиц со средним образованием и подготовлены высокопрофессиональные профессорско-преподавательские кадры. Все это сформировало условия для создания на Кавказе первого университета – в феврале 1918 г. в административном центре Кавказского учебного округа был создан Тбилисский государственный университет.

3. Наибольших успехов достигло низшее и начальное образование. Накануне Первой мировой войны 4-классные городские училища были реорганизованы в 6-классные высшие начальные заведения. Резко возросло количество 1- и 2-классных начальных училищ благодаря программе по подготовке к «Введению всеобщего начального образования». В это время школьный комплект был определен в 50 учащихся, начало происходить массовое укрупнение школ.

4. К 1915 г. несмотря на то, что Кавказский учебный округ находился в непосредственной близости от Кавказского фронта, учебной деятельностью было охвачено 44 % всех кавказских детей школьного возраста. Более всего детей было охвачено на территории Кутаисской губернии – 78 %, менее всего на территории Дагестанской области – 6,8 %.

Литература

[Всепопданнейший отчет, 1916](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. Петроград, 1916.

[РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.

[Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. 65 (3): 750-770.

[Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. 65 (4): 1067-1084.

[Cherkasov et al., 2020b](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 963-970.

[Cherkasov et al., 2021](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(1): 211-218.

[Magsumov et al., 2018](#) – Magsumov T.A., Artemova S.F., Ustinova O.V., Vidishcheva E.V. Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(3): 598-607.

[Magsumov et al., 2020](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 221-234.

[Magsumov et al., 2020a](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 459-472.

[Magsumov et al., 2021](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the second half of the 19th century and the early 20th century. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(2): 529-545.

[Magsumov et al., 2021a](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the Second Half of the 19th Century and the Early 20th Century. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(3): 822-836.

- [Magsumov et al., 2021b](#) – *Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B.* The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(4): 1042–1047.
- [Magsumov et al., 2022](#) – *Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B.* The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(1): 299–306.
- [Magsumov et al., 2022a](#) – *Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B.* The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(2): 662–669.
- [Mamadaliev et al., 2020](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 235–247.
- [Mamadaliev et al., 2020a](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 530–540.
- [Mamadaliev et al., 2020b](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1065–1084.
- [Mamadaliev et al., 2020c](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4 // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2409–2426.
- [Mamadaliev et al., 2021](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 169–181.
- [Mamadaliev et al., 2021a](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Koroleva L.A.* The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 699–716.
- [Mamadaliev et al., 2021b](#) – *Mamadaliev A.M., Novitskaya L.Yu., Svechnikova N.V., Koroleva L.A.* The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1191–1202.
- [Mamadaliev et al., 2021c](#) – *Mamadaliev A.M., Bogdan V.V., Svechnikova N.V., Volkov A.N.* The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 1. // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1800–1813.
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – *Mamadaliev A.M., Bogdan V.V., Svechnikova N.V., Miku N.V.* The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 386–402.
- [Mamadaliev et al., 2022a](#) – *Mamadaliev A.M., Bogdan V.V., Svechnikova N.V., Miku N.V.* The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 714–728.
- [Mamadaliev et al., 2022b](#) – *Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu.* The System of Public Education in Sukhumi District in the Period 1900–1914. // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(4): 1374–1384.
- [Mamadaliev et al., 2022c](#) – *Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu.* To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916. // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1207–1213.
- [Molchanova et al., 2019](#) – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1049–1058.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1524–1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 88–104.
- [Natolochnaya et al., 2016](#) – *Natolochnaya O.V., Kryukova N.I., Buslaev S.I.* The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years) // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 222–228.
- [Natolochnaya et al., 2018](#) – *Natolochnaya O.V., Miku N.V., Zulfugarzade T.E., Médico A.* Highland schools in the Caucasus: Historical background // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(3): 608–614.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – *Natolochnaya O.V., Zimovets L.G., Allalyev R.M., Svechnikov V.A.* The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 473–480.
- [Natolochnaya et al., 2020a](#) – *Natolochnaya O.V., Makarov Y.N., Allalyev R.M., Svechnikov V.A.* The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(3): 679–688.

[Natolochnaya et al., 2020b](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Ivantsov V.G. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 984–992.

[Natolochnaya et al., 2021](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Dyuzhov A.V., Petrova S.V. To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1789–1799.

[Natolochnaya et al., 2022](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Dyuzhov A.V., Petrova S.V. To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 189–198.

[Rajović et al., 2022](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.E., Galitskaya N.V. The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917) // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(2): 656–661.

[Rajović et al., 2022a](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N., Mineeva E.K., Chuikov O.E. The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(3): 1013–1020.

[Rajović et al., 2022b](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.E., Buryanov S.A. The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917). Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(4): 1385–1393.

[Shevchenko et al., 2016](#) – Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V. The establishment of the system of public education in the Caucasus (1802–1917 years): The characteristic features // *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 363–372.

[Taran et al., 2021](#) – Taran K.V., Korolev A.A., Ludwig S.D., Pestereva N.M. Private Educational Institutions in the Caucasus in the Period 1846–1914: A Historical-Statistical Study // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(3): 812–821.

References

[Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65 (3): 750–770.

[Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65 (4): 1067–1084.

[Cherkasov et al., 2020b](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963–970.

[Cherkasov et al., 2021](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2021). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 10(1): 211–218.

[Magsumov et al., 2018](#) – Magsumov, T.A., Artemova, S.F., Ustinova, O.V., Vidishcheva, E.V. (2018). Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 598–607.

[Magsumov et al., 2020](#) – Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E. (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221–234.

[Magsumov et al., 2020a](#) – Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E. (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459–472.

[Magsumov et al., 2021](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2021). The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the second half of the 19th century and the early 20th century. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 10(2): 529–545.

[Magsumov et al., 2021a](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2021). The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the Second Half of the 19th Century and the Early 20th Century. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 10(3): 822–836.

[Magsumov et al., 2021b](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2021). The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 10(4): 1042–1047.

[Magsumov et al., 2022](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2022). The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 11(1): 299–306.

[Magsumov et al., 2022a](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2022). The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 11(2): 662–669.

- [Mamadaliev et al., 2020](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.
- [Mamadaliev et al., 2020a](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 530-540.
- [Mamadaliev et al., 2020b](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 1065-1084.
- [Mamadaliev et al., 2020c](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4. *Bylye Gody*. 58(4): 2409-2426.
- [Mamadaliev et al., 2021](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 169-181.
- [Mamadaliev et al., 2021a](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 16(2): 699-716.
- [Mamadaliev et al., 2021b](#) – Mamadaliev, A.M., Novitskaya, L.Yu., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 16(3): 1191-1202.
- [Mamadaliev et al., 2021c](#) – Mamadaliev, A.M., Bogdan, V.V., Svechnikova, N.V., Volkov, A.N. (2021). The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 16(4): 1800-1813.
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – Mamadaliev, A.M., Bogdan, V.V., Svechnikova, N.V., Miku, N.V. (2022). The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 17(1): 386-402.
- [Mamadaliev et al., 2022a](#) – Mamadaliev, A.M., Bogdan, V.V., Svechnikova, N.V., Miku, N.V. (2022). The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 17(2): 714-728.
- [Mamadaliev et al., 2022b](#) – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). The System of Public Education in Sukhumi District in the Period 1900–1914. *European Journal of Contemporary Education*. 11(4): 1374-1384.
- [Mamadaliev et al., 2022c](#) – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916. *Bylye Gody*. 17(3): 1207-1213.
- [Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(4): 1524-1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody*. 55(1): 88-104.
- [Natolochnaya et al., 2016](#) – Natolochnaya, O.V., Kryukova, N.I., Buslaev, S.I. (2016). The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years). *Bylye Gody*. 39(1): 222-228.
- [Natolochnaya et al., 2018](#) – Natolochnaya, O.V., Miku, N.V., Zulfugarzade, T.E., Médico, A. (2018). Highland schools in the Caucasus: Historical background. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 608-614.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – Natolochnaya, O.V., Zimovets, L.G., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 473-480.
- [Natolochnaya et al., 2020a](#) – Natolochnaya, O.V., Makarov, Y.N., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 679-688.
- [Natolochnaya et al., 2020b](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Ivantsov V.G. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 984-992.
- [Natolochnaya et al., 2021](#) – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Dyuzhov, A.V., Petrova, S.V. (2021). To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1789-1799.
- [Natolochnaya et al., 2022](#) – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Dyuzhov, A.V., Petrova, S.V. (2022). To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 17(1): 189-198.

Rajović et al., 2022 – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.E., Galitskaya, N.V. (2022). The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917). *European Journal of Contemporary Education*. 11(2): 656-661.

Rajović et al., 2022a – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Mineeva, E.K., Chuikov, O.E. (2022). The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 11(3): 1013-1020.

Rajović et al., 2022b – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.E., Buryanov, S.A. (2022). The System of Public Education in Dagestan Oblast (1860–1917). Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 11(4): 1385-1393.

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]

Shevchenko et al., 2016 – Shevchenko, N.A., Vidishcheva, E.V., Emelyanova, O.V. (2016). The establishment of the system of public education in the Caucasus (1802-1917 years): The characteristic features. *Bylye Gody*. 40(2): 363-372.

Taran et al., 2021 – Taran, K.V., Korolev, A.A., Ludwig, S.D., Pestereva, N.M. (2021). Private Educational Institutions in the Caucasus in the Period 1846–1914: A Historical-Statistical Study. *European Journal of Contemporary Education*. 10(3): 812-821.

Vsepoddanneishii otchet, 1916 – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1914 g. [The most subordinate report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodox confession for 1914]. Petrograd, 1916. [in Russian]

Кавказский учебный округ в последние годы имперского периода (1914–1917 гг.): некоторые результаты дореволюционной системы образования

Александр Арвелодович Черкасов^{a, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В работе подводятся итоги деятельности системы народного образования на территории Кавказского учебного округа в дореволюционный период. Уделено внимание достигнутым результатам в деле среднего, низшего и начального образования.

В качестве источников автором были привлечены документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), а также ежегодные отчеты обер-прокурора Святейшего синода и отчеты попечителя Кавказского учебного округа.

В заключении автор пришел к следующим выводам:

1. Российское правительство на территории Кавказского учебного округа создавало систему народного образования, что называется «с чистого листа». В результате к 1915 г. на Кавказе образовательную деятельность осуществляли более 6 тыс. учебных заведений, среди которых были учительские институты и семинарии, гимназии, прогимназии, реальные училища, а также обширная сеть начальных учебных заведений.

2. В деле среднего образования были достигнуты значительные успехи: оно как для мальчиков, так и для девочек стало доступно во всех областях и губерниях Кавказского учебного округа. Благодаря этому были накоплены значительные контингенты лиц со средним образованием и подготовлены высокопрофессиональные профессорско-преподавательские кадры. Все это создало условия для открытия на Кавказе первого университета – в феврале 1918 г. в административном центре Кавказского учебного округа был создан Тбилисский государственный университет.

3. Наибольших успехов достигло низшее и начальное образование. Накануне Первой мировой войны 4-классные городские училища были реорганизованы в 6-классные высшие начальные заведения. Резко возросло количество 1- и 2-классных начальных училищ благодаря программе по подготовке к «Введению всеобщего начального образования». В это время школьный комплект был определен в 50 учащихся, начало происходить массовое укрупнение школ.

4. К 1915 г., несмотря на то, что Кавказский учебный округ находился в непосредственной близости от Кавказского фронта, учебной деятельностью было охвачено 44 % всех кавказских детей школьного возраста. Больше всего детей было охвачено на территории Кутаисской губернии – 78 %, менее всего на территории Дагестанской области – 6,8 %.

Ключевые слова: Кавказский учебный округ, Российская империя, 1848–1917 гг., учебные заведения, учащиеся.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.cherkasov@cherkasgu.net (А.А. Черкасов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 475-484
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.475

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Weekdays of the War” in the Sources on the Social History of the First World War (on the Example of the Primorsky Region)

Timur A. Magsumov ^{a, b, c, *}, Teymur E. Zulfugarzade ^d, Mikhail B. Kolotkov ^e, Sergei B. Zinkovskii ^f

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

^d Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^e Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

^f Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the description of everyday life or the so-called “weekdays of the war” in the deep rear – in the Primorsky region on the example of documents of the Russian State Historical Archive of the Far East (Vladivostok, Russian Federation), newspapers “Priamurskie Vedomosti” and “Kommercheskii Vestnik Blagoveshchenskoï birzhi” for 1914–1916, the journal “Dal'nevostochnyi mir”.

There were used such methods as historical-system, historical-typological, historiographical (content analysis method), as well as the method of synthesis and system analysis and the hypothetical method.

During the work, it was concluded that since the beginning of the war, the population of Primorsky Krai actively provided material assistance to military personnel. The state, in turn, also very actively appealed to its subjects with a request to collect funds from the pages of periodicals. The assistance to the wounded was widely provided, charitable assistance was also provided to the population of the territories affected by the war. Sometimes the wounded soldiers or front-line soldiers who had dependents themselves turned to the administration for help.

As for the mobilization campaign, the region tried to provide the front with not only new fighters, but also horses. The military sports committees were also being created.

Funeral events were not only held at the state expense, but also notes about the fallen soldiers were published in periodicals. The fallen in the vast majority of cases are heroized, which indicates the quality work of the state ideology. The various ironic notes about the enemy that come across in the sources were also designed to raise the morale of the population.

In Primorsky Krai, the labor of prisoners of war was widely used. The authorities tried to provide prisoners of war engaged in public works with everything necessary, in particular food and water, as evidenced by the documents.

Keywords: World War I, Primorye Region, Amur region, “Amur Vedomosti”, “Kommercheskii Vestnik Blagoveshchenskoï birzhi”, rear, “weekdays of war”, everyday life in wartime.

1. Введение

Военные действия, которые ведет государство, отражаются на всех сферах жизни. Безусловно, основные тяготы несут на себе фронтовики, то есть военнослужащие/солдаты, однако население, находящееся в тылу, также испытывает определенные сложности, и чем сложнее война, тем больше

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

тягот приходится на мирное население воюющей стороны. Какой была жизнь некомбатантов в глубоком тылу Российской империи в Первую мировую войну, а именно – в Приморской области Дальнего Востока, призвана раскрыть эта статья на примере архивных материалов и периодических изданий того времени.

Для удобства восприятия и типологизации мы разбили военную повседневность в тылу на несколько разделов, а именно:

- система взаимопомощи и пожертвований на военные нужды (то есть как была организована данная деятельность, оценка приблизительных ее масштабов, отклик среди мирного населения и пр.);
- мобилизационная кампания (исследование процесса организации набора новых бойцов);
- погребение павших воинов (анализ, как проходила организация похорон павших бойцов, идеологическая составляющая некрологов и пр.);
- использование труда военнопленных (исследование процесса организации труда пленных бойцов противника).

2. Материалы и методы

Основным источником нашей работы послужили документы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (Владивосток, Российская Федерация), а также материалы, опубликованные в газетах «Приамурские ведомости» и «Коммерческий Вестник Благовещенской биржи» за 1914–1916 годы (то есть до начала революционных событий), а также в журнале «Дальневосточный мир».

Из мемуарных источников значительный интерес представляют воспоминания участников большевицкого движения на Дальнем Востоке из числа военнопленных чехов, венгров и немцев. В частности, в период СССР была опубликована монография Г. Манхарта «Записки интернационалиста», а также статья А.Ф. Гольдфингера «Венгерские партизаны» (Манхарт, 1969) в сборнике «Этих дней не смолкнет слава» (Гольдфингер, 1957).

В статье использовался комплекс исторических и общенаучных методов исследования:

- историко-системный (применялся для освещения «фронтовых будней» в Приморском крае в неотрывной связи с фронтовой, внутри- и внешнеполитической ситуацией);
- историко-типологический (классификация источников по деятельности тыловых служб Дальнего Востока по типам, а также распределение по сферам предмета исследования, а именно – труд военнопленных, мобилизационные мероприятия, организация погребений и пр.);
- метод контент-анализа, или историографической метод (применялся для анализа источников и литературы по проблеме деятельности тыла в Приамурье в годы Первой мировой войны).

Из общенаучных – применялись метод синтеза и системного анализа, гипотетический метод.

3. Обсуждение

Историография рассматриваемого нами вопроса достаточно широка. До революции эти вопросы по известным причинам почти не рассматривались. В советский период делался акцент на большевистском движении и история военной повседневности Дальнего Востока освещалась через призму революционного движения и социалистических настроений в обществе, что было необъективно с исторической точки зрения. Современная историография более объективна и затрагивает практически все аспекты повседневной жизни тыла в период Первой мировой войны.

В советский период в контексте нашей работы представляют особый интерес следующие работы. А.Х. Клеванский в монографии «Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг.» подробно исследует белочешское движение на территории России с момента начала Первой мировой войны (Клеванский, 1965). Н.А. Попов освещает революционные выступления военнопленных в годы Первой мировой войны (Попов, 1963), а Б.М. Шерешевский – проблемы изучения участия венгерских интернационалистов в борьбе за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке (Шерешевский, 1980).

Из современных трудов в первую очередь отметим монографию Т.Я. Иконниковой «Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны», в которой весьма подробно освещается указанная в названии проблема (Иконникова, 1999b). Также автор уделяет внимание вопросам пребывания военнопленных Первой мировой на российском Дальнем Востоке (1914–1918 гг.) (Иконникова, 1999a), деятельности администрации и военно-промышленных комитетов Приамурского края по снабжению армии (Иконникова, 1998). В целом отметим, что исследователь внес огромный вклад в изучение проблемы повседневной жизни Приморского края в годы Первой мировой войны, опираясь на широкий пласт архивных материалов.

Проблему военнопленных на Дальнем Востоке весьма подробно раскрывает Е.Ю. Бондаренко. Нельзя не согласиться с автором в том, что «...одной из таких недостаточно исследованных тем в российской историографии является пребывание иностранных военнопленных на Дальнем Востоке России. ... Не получила своего освещения проблема военнопленных немцев, австрийцев и турок в

годы первой мировой войны, не изучены особенности пребывания чехов и венгров в регионе в годы гражданской войны и военной интервенции, слабо исследованы вопросы, касающиеся особенностей нахождения японцев на Дальнем Востоке России в период второй мировой войны» (Бондаренко, 2003: 99). Несмотря на огромный вклад указанного автора в разработку проблемы, за 20 прошедших с момента данной публикации лет, до сих пор проблема подневольного труда военнопленных в Первую мировую не исследована исчерпывающим образом.

Общие вопросы деятельности военнопленных освещает Э.В. Ермакова (Ермакова, 2005). Историографический анализ современных дальневосточных исследований по региональным аспектам Первой мировой войны делает Л.И. Галлямова (Галлямова, 2014).

Благотворительный аспект деятельности дальневосточного тыла в годы Первой мировой исследует С.И. Лазарева (Лазарева, 2011; Лазарева, 2008).

Отметим, что это лишь малая часть исследований по изучению деятельности Приморского края в годы Первой мировой войны, но даже эта часть дает общее представление о глубине изученности проблемы.

4. Результаты

4. 1. Система взаимопомощи и пожертвования на военные нужды

Война между государствами – это не только политический конфликт, но и мобилизация населения, результатом которой могут быть не только добровольцы, но и средства, собранные для ведения войны. С началом войны территории Приамурья старались оказать материальную помощь военнослужащим, а также и государству в виде просьб к подданным с целью сбора средств.

Так, 3 октября 1915 г. губернатор Сахалинской области Д.Д. Григорьев обращается к населению с просьбой о сдаче ценностей на государственные нужды:

«Граждане и поселяне! Тяжелая година, переживаемая нашим Отечеством, требует колоссального напряжения всех сил для полного и окончательного одоления сильного, жестокого врага. ... Россия выставила и продолжает выставлять против врага миллионные армии, мобилизует частную промышленность для снабжения армии снарядами и всем необходимым и затрачивает огромные денежные средства на содержание этих армий. Усиленное поступление в Государственные кассы золота увеличивает золотой запас Государства и этим способствует устойчивости нашего денежного обращения. ... В Николаевском отделении Государственного банка принимается золотая монета и золото в изделиях как дар на нужды войны, так и в обмен на кредитные билеты; приносимая в дар русская и иностранная золотая монета переводится на текущий счет Государя Императора на нужды войны. За золото, поступающее в обмен на кредитные билеты, уплачивается: за иностранную монету, без явных признаков порчи, по расчету за фунт стерлингов – 9 руб. 45 коп., за 10 франков – 3 руб. 75 коп., за 10 германских марок – 4 руб. 63 коп. При приеме золотых изделий с сохранившейся пробой уплачивается по расчету за золотник чистого золота – 5 руб. 50 коп. О поступающем золоте выдаются банком соответствующие удостоверения. ... Граждане и поселяне! У многих из вас имеются отечественные и иностранные золотые монеты, золотой лом и пр. Во имя скорейшего сокрушения врага и светлого будущего нашего Отечества несите золото в монете или в виде золотых изделий в Государственные кассы, памятуя, что каждый лишний золотник золота усиливает денежные ресурсы Государства и тем облегчает великую для всех нас задачу окончательного одоления озверевшего врага» (Воззвание..., 1915: 154-155).

Факт передачи подарков также зафиксирован в документе «Акт передачи подарков для действующей армии из селений Амурской области. 20 сентября 1915 г. ст. Иннокентьевская»: «Препровождая одновременно с сим по почте заказной бандеролью 15 экземпляров составленной и изданной мной брошюры, имею честь обратиться с покорнейшей просьбой: не будет ли Вами признано возможным в виду доброй цели, которую имеет издание этой брошюры, предложить служащим вверенного Вам учреждения, не пожелает ли каждый из них приобрести означенную брошюру, цена которой с пересылкой 18 коп., и чистая прибыль от издания коей поступит в пользу раненых, увечных и больных воинов и их семей. ... Стоимость брошюр в случае, если таковые разойдутся, в сумме 2 руб. 70 коп. благоволите выслать по ниже указанному адресу. ... Позволю себе просить Вас не отказать в Вашем распоряжении и содействии по содержанию изложенного» (РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 1341. Л. 12).

Солдаты русской армии написали коллективную благодарность за полученные средства, факт которой сохранился в документе от 1916 года «Благодарность от солдат из действующей армии Хабаровскому городскому голове за подарки. 21 февраля 1916 г.» (РГИА ДВ. Ф. 1258. Оп. 1. Д. 801. Л. 31).

Также оказывалась и помощь раненым, о чем говорится в «Бюллетене Справочного отдела Сибирского общества для помощи раненым воинам № 24 со сведениями о раненых, без вести пропавших и попавших в плен нижних чинов Приамурского края. Август 1915 г.» с перечнем военнослужащих, получивших данную помощь (Бюллетень..., 1915).

В документе «Выписка № 328 из журнала заседания Благовещенского городского попечительства по призрению семейств воинских нижних чинов о выдаче помощи семье Я. Мирошниченко» от 20 января 1917 г. указано: «Дополнительным обследованием выяснено, что

родители призванного нижнего чина Мирошниченко содержались его трудом, а поэтому Попечительство постановило: постановление свое от 22 ноября 1916 г. о выдаче пособия Мирошниченко с 1 ноября 1916 г. отменить. Выдавать ему с женой пособие с момента призыва сына его Якова» (РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 1268. Л. 108).

Примеры благотворительности в газете «Приамурские ведомости» встречаются достаточно часто (например, «Информация Приамурского комитета по сбору пожертвований об итогах проведения Дня флага 27 августа 1914 г.», Приамурские ведомости. 1914. 28 августа) (Информация Приамурского комитета, 1914), а население весьма охотно откликалось на призывы оказать помощь армии («Нужды войны. Из всеподданнейшего отчета военного губернатора Приморской области А.Д. Сташевского за 1914 г.»): «Население ... несет щедрые жертвы... во все благотворительные учреждения». ... Война и вызываемые ей нужды встретили живой отклик в населении, которое несет щедрые жертвы во все благотворительные учреждения, принявшие на себя дело помощи раненым и больным войнам, семьям запасных и т.п. ... В сельских местностях призрением семей запасных ведают особые попечительства при волостных правлениях и церковно-приходские советы. ... Средства первых составляются из казенных ассигнований, а средства вторых – из частных добровольных пожертвований, щедро поступающих от всех сословий и состояний населения области. ... В городах призрением семейств запасных ведают особые городские попечительства, не ограничивающиеся выдачей одного лишь казенного пайка, а ввиду особой дороговизны жизни в городах области, увеличивающие пособия за счет добровольных пожертвований. ... Призрение семейств запасных в области, в общем, обходится казне около 70 000 руб. ежемесячно. ... Особой нужды семьи запасных не испытывают, так как в тех случаях, где обнаруживается недостаточность казенного пайка, семьи запасных получают помощь за счет добровольных пожертвований. ... И я приемлю смелость всеподданнейше доложить Вашему Императорскому Величеству, что при посредстве казенных ассигнований и той щедрой и охотной материальной помощи, которая оказывается семьям запасных общественными благотворительными организациями, удастся сохранить семьи запасных от нужды и забот о хлебе насущном. ... К весне, когда для семей запасных открылась нужда в зерне на обсеменение полей, Приморский областной комитет по сбору добровольных пожертвований на нужды войны, состоящий под моим председательством, ассигновал на удовлетворение этой нужды 45 000 руб., на которые и произведены закупки хлеба» (РГИА ДВ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 43. Л. 10-100б.).

Нельзя не отметить и имевшую место помощь женам нижних чинов (находившихся в запасе), в том числе и продуктами питания (на примере «Объявления о выдаче казенного продовольственного пособия женам запасных нижних чинов Владивостока», апрель 1915 г.): «Городская управа сим доводит до сведения жен запасных нижних чинов, что выдача казенного продовольственного пособия будет производиться с 9,5 часов утра до 1 часу дня в понедельник 6 апреля в здании Народного Дома и во вторник 7 апреля в здании Городской Управы. ... При получении следует предъявлять документы» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 713. Л. 9).

Прошения об оказании помощи зачастую поступали и от самих военнослужащих: «Его Превосходительству военному губернатору Приморской области добровольца из крестьян Приморской обл., Иманского уезда Ракитинской волости дер. Ореховой Никифора Самойловича Козореза, находящегося в Перевязочном отряде 44-й пехотной дивизии. ... Прошение. ... После меня, как я поступил добровольцем в действующую армию в г. Владивостоке, остались мои две дочери Татьяна и Пелагея без всякой помощи и проживают в чужом доме на квартире по Корейской слободке № 7, а потому имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о назначении моим дочерям пособия, чем облегчить их настоящее положение, а меня не оставить без уведомления. ... К чему подписуюсь Никифор Козорез» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 713. Л. 19-190б.).

Благотворительная помощь оказывалась также и населению пострадавших от войны территорий (см., напр., [Объявление о помощи, 1914](#)).

4.2. Мобилизация

Сведения о мобилизации в Приморской области достаточно отрывочные. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении документы могут дать некоторое представление. Так, «Донесение крестьянского начальника 5-го участка Приморской области в областное присутствие об итогах призыва запасных и поставки лошадей. 24 сентября 1914 г. с. Шкотово» указывает: «На отношение от 16 сего сентября за № 2564 сообщаю Областному присутствию, что призыв запасных и поставка лошадей в дни мобилизации в волостях Цемухинской, Петровской, Ново-Нежинской и Кневичанской прошли совершенно спокойно при полном порядке и сознании населением и должностными лицами сельских правлений их обязанностей. ... К призыву явились все запасные, кроме заведомо больных и находящихся в безвестной отлучке. Лошадей сдано потребное количество. ... В настоящее время мной разработан вопрос и приняты соответствующие меры по участию, помимо правительственной помощи, в призрении семейств призванных, в оберегании и поддержании их хозяйства и имущества каждого сельского общества в отношении своих призванных односельчан» (РГИА ДВ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 35. Л. 102-1020б.).

Также были созданы военно-спортивные комитеты, бравшие на учет запасников, отставников, спортсменов и добровольцев, а также препровождавшие изъявивших желание участвовать в боевых действиях в мобилизационные части (из «Донесения председателя комитета Приамурскому генерал-губернатору о создании военно-спортивного комитета в г. Владивостоке. 29 апреля 1916 г.»): «Сегодня приставом портовой части был командирован во вверенное мне Управление околоточный надзиратель с призывными листами Б.Ф. Гюнтеру, В.Ф. Киселю, П.Г. Миловзорову и Ф.Я. Тенне, и с отношениями Полицейскому управлению – объявить о явке служащим в Добровольном Флоте Л.Н. Алексееву, С.С. Селезневу, И.М. Фрей, М.А. Иванову, С.В. Кондараки, Л.Л. Гляссеру, А.А. Зимницкому, Я.Н. Вышиванову и В.И. Бернеру. ... Имею честь уведомить присутствие, что распоряжения о явке на призыв чинов флота должны быть получены вверенным мне Управлением через мобилизационную часть Владивостокского порта, в которой имеются соответственные проверенные списки и распоряжения о том, кто именно из чинов флота призывается с оставлением в Добровольном Флоте; вследствие чего призывные листы и распоряжения, доставленные надзирателем, Управлением не могли быть приняты; прошу покорнейше направить их через Мобилизационную часть. ... Одновременно имею честь уведомить о следующих ошибках: призываются обер-офицеры, состоящие в морском ополчении, таковых имеется на службе в Добровольном Флоте: В.Ф. Кисель, Б.Ф. Гюнтер, П.Г. Миловзоров, В.Ф. Шмельц, А.А. Зимницкий и М.А. Иванов, из коих В.Ф. Кисель не состоит по вверенному мне Управлению, а по Управлению в Одессе, и плавает в Европейских водах на пароходе «Екатеринослав», а Б. Гюнтер, П. Миловзоров, В. Шмельц, А. Зимницкий и М. Иванов отсутствуют временно из Владивостока, находясь в плавании, причем возраст г[оспод] Шмельца и Миловзорова спорен, а о г[осподах] Зимницком и Иванове имелось специальное постановление суда. ... Из остальных Бернер – лейтенант запаса, Вышиванов и Фрей – прапорщики запаса, Алексеев – закончивший все сроки ратник, Селезнев, Кондараки, Гляссер – бывшие волонтеры, возвращенные в первобытное состояние, а Тенне – ратник 1-го разряда из запасных рулевых кондукторов 10-го Флотского экипажа, ср. службы 1906 г. и состоит на особом учете у коменданта железнодорожного и водного участка станции Владивосток по учетному свидетельству № 493 1914 г. ... Дубликат настоящего отношения препровождается мной одновременно в Мобилизационную часть Владивостокского порта» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 463. Л. 37-38).

Как видим, в условиях военного времени было много путаницы и местные власти пытались внести ясность в меру своих возможностей.

4.3. Погребения павших бойцов

Значительное внимание в местной прессе уделялось и павшим воинам. Газета «Приамурские ведомости» регулярно публиковала соответствующие заметки («Заметка о похоронах героев войны в г. Хабаровске»): «7 января в Хабаровске с воинскими почестями преданы земле тела героев войны сотника П.К. Климовского и подьесаула Уссурийского казачьего полка К.А. Черемисинова, бывшего воспитанника Хабаровского кадетского корпуса, павших геройской смертью на поле брани. ... На отпевании в Успенском соборе присутствовали главный начальник края шталмейстер Н.Л. Гондатти, командующий войсками округа генерал от артиллерии А.Н. Нищенков, генералитет, воспитанники кадетского корпуса с их воспитателями, депутация от учеников реального училища, родные и знакомые. ... Св[ященник] о. Куклин после отпевания сказал прочувствованное слово. На оба гроба были возложены венки. Печальный кортеж от собора до кладбища провожали два оркестра военной музыки. ... К.А. Черемисинов – уссурийский казак Донской станицы. В 1906 г. он окончил Хабаровский кадетский корпус. По окончании в 1908 г. Павловского военного училища он получил назначение в наш край, в котором и относил тяжелую военную службу. Некоторое время он занимал должность воспитателя в родном ему Хабаровском корпусе. 16 сентября 1915 г. он пал смертью героя около деревни Даниловичи во время преследования неприятельского разъезда, поддержанного авангардом пехоты» (Заметка о похоронах..., 1916: 4). Заметка дает краткую биографию павшего солдата, а также информацию о месте гибели.

Публиковались также и некрологи: «Сегодня хоронят подполковника 31-го Сибирского стрелкового полка Петра Александровича Павлова. Тело покойного прибыло сюда из действующей армии еще 23 октября прошлого года ... (далее идет краткая биографическая справка и обстоятельства гибели – Авт.)» (Некролог, 1916: 5).

4.4. Использование труда военнопленных

Труд военнопленных весьма широко использовался даже в весьма отдаленном от фронта уголке Российской империи, таком как Приморский край. Донесений о задействовании военнопленных на общественных работах достаточно много.

Так, в донесении начальника штаба 8-го Ополченского корпуса хабаровскому городскому голове о выделении пленных для работ в городском парке от 23 мая 1915 г. указано: «Уведомляю, что для производства городских работ, ежедневно, начиная с 8 сего мая, будет назначаться по 40 человек

военнопленных, которые и будут высылаться при соответствующем конвое в распоряжение городского архитектора г[осподина] Левтеева. ... Расчет платы военнопленным, по соглашению с г[осподином] Левтеевым, будет производиться два раза в месяц по сведениям о числе военнопленных, бывших на работе. ... Плату военнопленным за труд, в виду недостатка средств в Городской управе возможно будет установить не 25 коп., но по 15 коп. в день за 8 часовую труд, но с тем, чтобы помимо военнопленным, кои будут работать, производилась бы уплата по 15 коп. и нижним чинам, охраняющим эту партию рабочих; число нижних чинов охраны не должно быть более 6 человек ежедневно, и при этом условии оплата труда военнопленных выразится в сумме 6 руб. 90 коп., т.е. на 3 руб. 10 коп. менее назначенной Управой суммы оплаты труда 40 рабочих. ... Заработанные военнопленными деньги, а также и деньги конвойным прошу высылать в Штаб корпуса по требованию штаба» (РГИА ДВ. Ф. 1258. Оп. 1. Д. 585. Л. 41).

Количество военнопленных рабочих по мере продолжения войны увеличивалось: «Сообщаю, что согласно приказанию временно командующего войсками Приамурского военного округа 50 человек военнопленных рабочих для производства работ в городском парке и 25 человек для работ» (РГИА ДВ. Ф. 1258. Оп. 1. Д. 585. Л. 41).

Власти старались обеспечить занятых на общественных работах военнопленных всем необходимым, в частности едой и водой, о чем свидетельствуют документы, например, «Заявление попечителя Хабаровского городского сада В. Овчинникова в Хабаровскую городскую управу о снабжении водой пленных, занятых на работах» от 28 мая 1915 г. и «Приказ № 400 войскам Приамурского военного округа о пищевом довольствии пленных, занятых на казенных работах» от 22 июля 1915 года: «Прошу городскую управу сделать распоряжение давать военнопленным питьевой воды кипяченой, для этого имеется в городском саду плита, на которой можно готовить чай для военнопленных» (РГИА ДВ. Ф. 1258. Оп. 1. Д. 585. Л. 26); «В изменение приказа войскам Приамурского военного округа от 13 сего июля за № 383 отпуск мяса военнопленным производить от казны везде одинаковый, именно по 1/4 фунта в день на человека. Тех же военнопленных, которые исполняют казенные работы, дозволяется, в целях их поощрения, довольствоваться улучшенной пищей, отпуская. Командир 730-й пешей дружины обратился с аналогичным предложением в управу, по его сведениям имели место быть смертные случаи от «гастрических заболеваний» (РГИА ДВ. Ф. 1258. Оп. 1. Д. 585. Л. 27).

Часто случались весьма комичные эпизоды, о чем свидетельствует записка «Письма из деревни» из газеты «Коммерческий Вестник Благовещенской биржи»¹ 18 января 1915 г.: «Деревня Пряктыч. ... Наши пряктычане обладают неисчерпаемым источником творчества и дипломатическим тактом. Чтобы лучше закрепить дружественные отношения с «гапонцем», они не прочь выдать за молодого микадо «старшую дочь цара». ... «Нечестивому герману» тоже отдают должное, и убеждены, что, «хотя он и захавався в зализо и зализный хрест мае, но русский хрест сильнейший, и не вздужать германскому хресту против русского», почему и старик-доброволец Е. Ненюк рвется на войну, пылая ненавистью к «нечестивому», и уверенный в победе. На горе его, он показался начальству слишком сомнительного телосложения даже для санитаря, и, утешенный подачей телеграммы к «самому царю» о принятии его в добровольцы, вернулся из Благовещенска домой с надеждой, что «цар» все-таки его примет, а пока что занялся разбором пророчества Даниила о двурогом овне. ... При вести, что через Киев проследовала 10-тысячная партия пленных австрийцев в «бабских» нарядах, босых и без шапок, готовы были пожалеть их, но утешили себя тем, что и сами, живя на родине (в Киевской, Волынской, Минской губ.), нередко ходили к Рождественской заутрене, сняв постолы и сапоги и шлепая босиком по грязи, а потому решили: «не замерзнут!» ... Наши соседи сохатинцы тоже не хотят уступить в осведомленности о ходе военных событий. Недавно, сказывают, ночевал у них в крайней хате немец, бежавший с войны, – что он сам засвидетельствовал, – и не арестовали его только лишь потому, что он очень много ест, так как сильно истощал; а у сохатинцев у самих хлеба нехватка. Они признали за лучшее направить немца на участок Титовский – там все равно «пропадет» (Письма из деревни, 1915).

Анализируя сказанное, предполагаем, что идеологическая «машина» Российской империи работала весьма исправно и на периферии.

5. Заключение

В ходе проделанной работы мы можем сделать следующие выводы:

1. Система взаимопомощи и пожертвования на военные нужды.

С началом войны население Приморского края активно оказывает материальную помощь военным; государство также старается мотивировать граждан просьбами к подданным с целью сбора средств. С одной стороны, настойчивая «просьба» администрации со страниц периодических изданий, с другой – объемы, которые были выделены с пожертвований фронту (а также письма благодарности солдат с фронта), позволяют сделать вывод, что такая помощь имела

¹ На документе имеется резолюция Н.Л. Гондатти, требующая от военного губернатора выяснить, что это за деревня и кто может оттуда корреспондировать.

массовый характер. Широко оказывалась помощь раненым землякам (и не только), благотворительная помощь оказывалась также и населению пострадавших от войны территорий.

Вместе с тем сами раненые солдаты или фронтовики, у которых остались иждивенцы без содержания, также часто обращались за помощью к администрации, что может говорить либо о настойчивости последних, либо о халатности администрации (которая должна была оказывать помощь самостоятельно без дополнительных прошений).

2. Мобилизационная кампания.

Сведения о мобилизации в Приморской области хотя и многочисленны, но довольно отрывочны. Регион старался предоставить фронту новых бойцов. Причем речь идет не только о людях, но и лошадях. Создаются и военно-спортивные комитеты, бравшие на учет запасников, отставников, спортсменов и добровольцев, а также препровождавшие изъявивших желание участвовать в боевых действиях в мобилизационные части.

3. Похоронные мероприятия.

Значительное внимание в местной прессе уделялось и павшим воинам. Заметка дает краткую биографию павшего солдата, а также информацию о месте гибели. В некрологах публикуют краткую биографию и обстоятельства гибели. Павшие в подавляющем большинстве случаев героизируются, что говорит о качественной работе государственной идеологии.

4. Использование труда военнопленных.

Труд военнопленных достаточно широко использовался в Приморском крае, так как донесений о задействовании военнопленных на общественных работах достаточно много. Власти старались обеспечить занятых на общественных работах военнопленных всем необходимым, в частности едой и водой, о чем свидетельствуют документы.

5. Часто случались весьма комичные эпизоды, в которых иронично высмеиваются солдаты противника, патриотически поддерживаются добровольцы престарелого возраста (и негодные к несению строевой службы), что также может говорить о качественной работе идеологической «машины» Российской империи.

Литература

Бондаренко, 2003 – Бондаренко Е.Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России 1914–1956 гг. Историография проблемы // *Россия и АТР*. 2003. № 1. С. 99-113.

Бюллетень..., 1915 – Бюллетень Справочного отдела Сибирского общества для помощи раненым воинам № 24 со сведениями о раненых, без вести пропавших и попавших в плен нижних чинов Приамурского края. Август 1915 г. // *Приамурские ведомости*. 1915. 15 августа.

Воззвание..., 1915 – Воззвание губернатора Сахалинской области Д.Д. Григорьева к населению о сдаче золота на нужды государства. 3 октября 1915 г. // *Приамурские ведомости*. 1915. 3 октября. С. 154-155.

Галлямова, 2014 – Галлямова Л.И. Россия в Первой мировой войне: региональный аспект (современная дальневосточная историография) // *Россия и АТР*. 2014. № 3. С. 91-105.

Гольдфингер, 1957 – Гольдфингер А.Ф. Венгерские партизаны // *Этих дней не смолкнет слава*. Хабаровск, 1957.

Ермакова, 2005 – Ермакова Э.В. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке // *Россия и АТР*. 2005. № 1. С. 157-158.

Заметка о похоронах..., 1916 – Заметка о похоронах героев войны в г. Хабаровске // *Приамурские ведомости*. 1916. 7 января 1916 г. № 59.

Иконникова, 1998 – Иконникова Т.Я. Деятельность администрации и военно-промышленных комитетов Приамурского края по снабжению армии в годы Первой мировой войны // *Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Сб. науч. трудов*. Т. III. Владивосток, 1998. С. 134-151.

Иконникова, 1999a – Иконникова Т.Я. Военнопленные первой мировой на российском Дальнем Востоке (1914–1918 гг.) // *Россия и АТР*. 1999. № 1. С. 90-94.

Иконникова, 1999b – Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск: Хабаровский государственный педагогический университет, 1999.

Информация Приамурского комитета, 1914 – Информация Приамурского комитета по сбору пожертвований об итогах проведения Дня флага 27 августа 1914 г. // *Приамурские ведомости*. 1914. 28 августа.

Клеванский, 1965 – Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М., 1965.

Лазарева, 2008 – Лазарева С.И. Городские органы местного самоуправления и развитие движения благотворительности на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатской цивилизаций (Пятые Крушановские чтения, 2006 г.): В 2 т. Т. 1. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 219-226.

Лазарева, 2011 – Лазарева С.И. Из истории благотворительности в период заселения и освоения Дальнего Востока России (конец XIX в. – 1917 г.) / *Четвертые архивные научные чтения*

имени В.И. Чернышёвой: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Дальний Восток России: историческое наследие». Хабаровск, 2 ноября 2011 г. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2012. С. 141-146.

Манхарт, 1969 – Манхарт Г. Записки интернационалиста. Благовещенск, 1969.

Некролог, 1916 – Петр Александрович Павлов: некролог // *Приамурские ведомости*. 1916. 9 января 1916 г. № 60.

Объявление о помощи..., 1914 – Объявление о помощи населению пострадавших от войны территорий. Ноябрь–декабрь 1914 г. // *Дальневосточный мир*. 1914. 30 ноября.

Письма из деревни, 1915 – Письма из деревни // *Коммерческий Вестник Благовещенской биржи*. 18 января 1915.

Попов, 1963 – Попов Н.А. Революционные выступления военнопленных в России в годы первой мировой войны // *Вопросы истории*. 1963. № 2. С. 76-87.

РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.

Шерешевский, 1980 – Шерешевский Б.М. О некоторых вопросах изучения участия венгерских интернационалистов в борьбе за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке / Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. М., 1980. С. 228-237.

References

Bondarenko, 2003 – Bondarenko, E.Yu. (2003). Inostrannye voennoplennyye na Dal'nem Vostoke Rossii 1914–1956 gg. Istoriografiya problemy [Foreign prisoners of war in the Russian Far East 1914–1956. Historiography of the problem]. *Rossiia i ATR*. 1: 99-113. [in Russian]

Byulleten'..., 1915 – Byulleten' Spravochnogo otdela Sibirskogo obshchestva dlya pomoshchi ranenym voenam № 24 so svedeniyami o ranenyykh, bez vesti propavshikh i popavshikh v plen nizhnikh chinov Priamurskogo kraya. Avgust 1915 g. [Bulletin of the Reference Department of the Siberian Society for Assistance to Wounded Soldiers No. 24 with information about the wounded, missing and captured lower ranks of the Amur Territory. August 1915]. *Priamurskie vedomosti*. 1915. 15 avgusta. [in Russian]

Ermakova, 2005 – Ermakova, E.V. (2005). Voennoplennyye Pervoi mirovoi voyny na Dal'nem Vostoke [Prisoners of war of the First World War in the Far East]. *Rossiia i ATR*. 1: 157-158. [in Russian]

Gallyamova, 2014 – Gallyamova, L.I. (2014). Rossiya v Pervoi mirovoi voine: regional'nyi aspekt (sovremennaya dal'nevostochnaya istoriografiya) [Russia in the First World War: Regional Aspect (Modern Far Eastern Historiography)]. *Rossiia i ATR*. 3: 91-105. [in Russian]

Gol'dfinger, 1957 – Gol'dfinger, A.F. (1957). Vengerskie partizany [Hungarian partisans]. Etikh dnei ne smolknet slava. Khabarovsk. [in Russian]

Ikonnikova, 1998 – Ikonnikova, T.Ya. (1998). Deyatel'nost' administratsii i voenno-promyshlennykh komitetov Priamurskogo kraya po snabzheniyu armii v gody Pervoi mirovoi voyny [The activities of the administration and military-industrial committees of the Amur region for the supply of the army during the First World War]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka*. Sb. nauch. trudov. T. III. Vladivostok. Pp. 134-151. [in Russian]

Ikonnikova, 1999a – Ikonnikova, T.Ya. (1999). Voennoplennyye pervoi mirovoi na rossiiskom Dal'nem Vostoke (1914–1918 gg.) [Prisoners of war of the First World War in the Russian Far East (1914–1918)]. *Rossiia i ATR*. 1: 90-94. [in Russian]

Ikonnikova, 1999b – Ikonnikova, T.Ya. (1999). Dal'nevostochnyi tyl Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [Far Eastern rear of Russia during the First World War]. Khabarovsk: Khabarovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. [in Russian]

Informatsiya Priamurskogo komiteta, 1914 – Informatsiya Priamurskogo komiteta po sboru pozhertvovaniy ob itogakh provedeniya Dnya flaga 27 avgusta 1914 g. [Information of the Amur Committee for the collection of donations on the results of the Flag Day on August 27, 1914]. *Priamurskie vedomosti*. 1914. 28 avgusta. [in Russian]

Klevanskii, 1965 – Klevanskii, A.Kh. (1965). Chekhoslovatskie internatsionalisty i prodannyy korpus: Chekhoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniya v Rossii. 1914–1921 gg. [Czechoslovak Internationalists and the Sold Corps: Czechoslovak Political Organizations and Military Formations in Russia. 1914–1921]. М. [in Russian]

Lazareva, 2008 – Lazareva, S.I. (2008). Gorodskie organy mestnogo samoupravleniya i razvitie dvizheniya blagotvoritel'nosti na Dal'nem Vostoke Rossii (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.) [City local authorities and the development of the charity movement in the Russian Far East (second half of the 19th century – 1917)]. *Tikhookeanskaya Rossiya v istorii rossiiskoi i vostochnoaziatskoi tsivilizatsii (Pyatye Krushanovskie chteniya, 2006 g.): V 2 t. T. 1. Vladivostok: Dal'nauka*. Pp. 219-226. [in Russian]

Lazareva, 2011 – Lazareva, S.I. (2011). Iz istorii blagotvoritel'nosti v period zaseleniya i osvoeniya Dal'nego Vostoka Rossii (konets XIX v. – 1917 g.) [From the history of charity during the period of settlement and development of the Russian Far East (end of the 19th century – 1917)]. *Chetvertye arkhivnye nauchnye chteniya imeni V.I. Chernyshevoi: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. «Dal'nii Vostok Rossii: istoricheskoe nasledie»*. Khabarovsk, 2 noyabrya 2011 g. Khabarovsk: KGUP «Khabarovskaya kraevaya tipografiya». Pp. 141-146. [in Russian]

- [Mankhart, 1969](#) – *Mankhart, G.* (1969). Zapiski internatsionalista [Notes of an internationalist]. Blagoveshchensk. [in Russian]
- [Nekrolog, 1916](#) – Petr Aleksandrovich Pavlov: nekrolog [Petr Aleksandrovich Pavlov: obituary]. Priamurskie vedomosti. 1916. 9 yanvarya 1916 g. № 60. [in Russian]
- [Ob'yavlenie o pomoshchi, 1914](#) – Ob'yavlenie o pomoshchi naseleniyu postradavshikh ot voyny territorii. Noyabr'–dekabr' 1914 g. [Announcement of aid to the population of the war-affected territories. November–December 1914]. *Dal'nevostochnyi mir*. 1914. 30 noyabrya. [in Russian]
- [Pis'ma iz derevni, 1915](#) – Pis'ma iz derevni [Letters from the village]. *Kommercheskii Vestnik Blagoveshchenskoi birzhi*. 18 yanvarya 1915. [in Russian]
- [Popov, 1963](#) – *Popov, N.A.* (1963). Revolyutsionnye vystupleniya voennoplennykh v Rossii v gody pervoi mirovoi voyny [Revolutionary performances of prisoners of war in Russia during the First World War]. *Voprosy istorii*. 2: 76-87. [in Russian]
- [RGIA DV](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka [Russian State Historical Archive of the Far East].
- [Shereshevskii, 1980](#) – *Shereshevskii, B.M.* (1980). O nekotorykh voprosakh izucheniya uchastiya vengerskikh internatsionalistov v bor'be za vlast' Sovetov v Sibiri i na Dal'nem Vostoke [On some issues of studying the participation of Hungarian internationalists in the struggle for Soviet power in Siberia and the Far East]. *Vengerskie internatsionalisty v Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. M. Pp. 228-237. [in Russian]
- [Vozzvanie..., 1915](#) – Vozzvanie gubernatora Sakhalinskoj oblasti D.D. Grigor'eva k naseleniyu o sdache zolota na nuzhdy gosudarstva. 3 oktyabrya 1915 g. [Appeal of the Governor of the Sakhalin Region D.D. Grigoriev to the population about the delivery of gold for the needs of the state. October 3, 1915]. *Priamurskie vedomosti*. 1915. 3 oktyabrya. Pp. 154-155. [in Russian]
- [Zametka o pokhoronakh..., 1916](#) – Zametka o pokhoronakh geroev voyny v g. Khabarovske [A note on the funeral of war heroes in the city of Khabarovsk]. *Priamurskie vedomosti*. 1916. 7 yanvarya 1916 g. № 59. [in Russian]

«Будни войны» в источниках по социальной истории Первой мировой войны (на примере Приморской области)

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Теймур Эльдарович Зульфугарзаде ^d
 Михаил Борисович Колотков ^e, Сергей Борисович Зинковский ^f

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

^d Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^f Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена описанию повседневной жизни или так называемых «будней войны» в глубоком тылу – в Приморской области на примере документов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (Владивосток, Российская Федерация), газет «Приамурские ведомости» и «Коммерческий Вестник Благовещенской биржи» за 1914–1916 годы, журнала «Дальневосточный мир».

В работе использовались такие методы, как историко-системный, историко-типологический, историографический (метод контент-анализа), а также метод синтеза и системного анализа и гипотетический метод.

В ходе проделанной работы были сделаны выводы о том, что с началом войны население Приморского края активно оказывало материальную помощь военнослужащим. Государство в свою очередь тоже весьма активно обращалось к подданным с просьбой сбора средств со страниц периодических изданий. Широко оказывалась помощь раненым, благотворительная помощь оказывалась также и населению пострадавших от войны территорий. Иногда раненые солдаты или фронтовики, имевшие иждивенцев, сами обращались за помощью к администрации.

Что касается мобилизационной кампании, то регион старался предоставить фронту не только новых бойцов, но и лошадей. Также создаются и военно-спортивные комитеты.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

Похоронные мероприятия не только проходили за государственный счет, но и заметки о павших бойцах публиковались в периодических изданиях. Павшие в подавляющем большинстве случаев героизируются, что говорит о качественной работе государственной идеологии. Попадающиеся в источниках разного рода ироничные заметки о противнике также были призваны поднять боевой дух населения.

В Приморском крае широко использовался труд военнопленных. Власти старались обеспечить занятых на общественных работах военнопленных всем необходимым, в частности едой и водой, о чем свидетельствуют документы.

Ключевые слова: Первая мировая война, Приморская область, Приамурье, «Приамурские ведомости», «Коммерческий Вестник Благовещенской биржи», тыл, «будни войны», повседневность в военное время.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 485-493
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.485

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Demographic Structure of the Households of the Stolypin Reforms Settlers in the Altai Okrug: Gender and Age Composition (on the Materials of the 1917 All-Russian Agricultural Census)

Viktor N. Razgon ^{a,*}, Dmitry N. Belyanin ^b, Anton V. Razgon ^c

^a Altai State University, Barnaul, Russian Federation

^b T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

Based on the materials of the of 1917 All-Russian agricultural census, the article examines the gender and age composition of migrant households that settled in the Altai okrug in the process of mass agrarian migrations during the Stolypin reforms.

The gender and age composition of the households of the Stolypin reforms settlers reflected their increased need for male labor, necessary for the development of virgin lands and solving other problems of economic and social adaptation in the places of settlement. The higher proportion of adolescent children in the households of Stolypin reforms settlers, compared with other settlement groups of peasants of the Altai okrug, showed the desire of new settlers to have, not only at the time of settlement, but also in the near future, the number of workers necessary for the development of household economy.

The desire to put their land plots into economic circulation as soon as possible explains the wider use of female labor in the processing of arable land in the households of the Stolypin reforms settlers, than in the households of migrants of the previous period and old-timers.

There was an interdependence between the gender composition of migrant households and their economic specialization and prosperity.

Keywords: demographics, gender and age structure of the population, household, migrants, Stolypin reforms, agricultural census, Altai okrug, Siberia.

1. Введение

Массовое миграционное движение из центра в восточные регионы Российской империи, происходившее в период реализации Столыпинской аграрной реформы, оказывало значительное воздействие на демографическую структуру населения Сибири, в первую очередь его половозрастной состав.

В данной статье будет рассмотрен половозрастной состав населения переселенческих домохозяйств, направлявшихся за Урал в период Столыпинских реформ, на примере крестьян-мигрантов, водворившихся на территории Алтайского округа, являвшегося из-за наличия здесь благоприятных условий для ведения сельского хозяйства одним из основных центров притяжения переселенцев: с 1906 по 1914 гг. здесь поселились 735 тыс. чел., что составило около трети всего переселенческого потока.

* Corresponding author

E-mail addresses: vrazgon@rambler.ru (V.N. Razgon)

2. Материалы и методы

В ходе проведения Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. собирались сведения не только об экономическом, но и, с целью выявления трудового потенциала деревни, демографическом состоянии крестьянских хозяйств. В анкетах фиксировались поименно все члены крестьянских домохозяйств (в том числе мобилизованные в армию и ушедшие на промыслы и заработки) с указанием их половой принадлежности и возраста.

Источниковой основой для написания настоящей статьи послужила база данных, сформированная на основе информации о демографической структуре и экономике свыше 11,5 тыс. крестьянских домохозяйств Алтайского округа, извлеченной из анкет переписи. База данных включает сведения о 2 714 крестьянских домохозяйствах, переселившихся в Алтайский округ в период Столыпинских реформ (1907–1917 гг.), 4850 семей переселенцев периода 1860–1906 гг. и 4072 старожильческих домохозяйствах. Для определения специфики половозрастной структуры домохозяйств переселенцев периода Столыпинских реформ, в сравнении с другими поселенческими группами крестьян Алтайского округа, авторами использовался сравнительно-исторический метод исследования. Для оценки взаимосвязи между демографическим составом населения переселенческих крестьянских дворов и их экономическим развитием применялись методы компьютерного математического анализа.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии демографические аспекты переселенческого движения в Сибирь рассматривались в работах И.Л. Ямзина (Ямзин, 1912), А.А. Кауфмана (Кауфман, 1906). В советский период историко-демографическими исследованиями дореволюционной сибирской деревни, в том числе переселенческой, занимались А.Р. Шнейдер (Шнейдер, 1928), Е.И. Соловьева (Соловьева, 1979), В.А. Зверев (Зверев, 1980), В.И. Пронин (Пронин, 1987), Л.М. Горюшкин (Горюшкин, 1989).

В постсоветской историографии историко-демографическое развитие дореволюционной сибирской деревни становится предметом специального изучения в ряде монографических исследований (Зверев, 1993; Население..., 1997; Сагайдачный, 2000). Для оценки взаимосвязи процессов демографического и социально-экономического развития дореволюционной российской деревни важное значение имеют работы, в которых рассматривается роль гендерного фактора в сельскохозяйственном производстве и функционировании крестьянских домохозяйств (Липинская, 1987; Сафьянова, 1989; Wogobec, 1991; Зверев, 1991; Крюкова, 1994; Коляскина, 2015; Безгин, 2015; Мухина, 2018).

Однако в исторической литературе отсутствуют специальные исследования демографической структуры переселенческой деревни Сибири, основанные на изучении первичных материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. Целью настоящей статьи является определение на основе анализа результатов сельскохозяйственной переписи 1917 г. специфики половозрастной структуры домохозяйств крестьян, переселившихся из европейского центра страны на Алтай в период проведения Столыпинской аграрной реформы, в сравнении с переселенцами более раннего времени и старожилками. Предпринимается также попытка определить характер взаимосвязи между половозрастной структурой переселенческих крестьянских семей и их экономической деятельностью.

4. Результаты

В исторической литературе уже отмечалось, что для направлявшегося в основные земледельческие районы Сибири миграционного потока было характерно преобладание мужского населения над женским (Зверев, 1993: 122), так как в домохозяйствах крестьян-переселенцев мужская сила была востребована для работ, связанных с хозяйственным и бытовым устройством на местах нового поселения: освоения целинных земель, строительства жилых и хозяйственных помещений и пр. Из-за массовой аграрной миграции, масштабы которой значительно расширились в период проведения Столыпинских реформ, доля мужского населения в Сибири была выше, чем в европейской части страны. Чтобы «оптимизировать» структуру семьи в соответствии с потребностями предстоящей адаптации в Сибири, переселенцы старались по возможности оставить на родине нетрудоспособных членов семьи обоюбого пола, выдать замуж девушек брачного возраста или близкого к нему и т.п. (Зверев, 1993: 120, 122).

Зафиксированное при проведении сельскохозяйственной переписи 1917 г. соотношение мужчин и женщин в домохозяйствах крестьян-переселенцев, поселившихся в Алтайском округе в период реализации Столыпинской аграрной реформы, составляло 51,72 % к 48,28 %. А если в подсчетах не учитывать членов мигрантских семей, родившихся уже после переселения, то это преобладание будет еще более выраженным: 52,7 % против 47,3 %. Для сравнения: для состава населения старожильческой алтайской деревни было характерно фактически равное соотношение полов и даже некоторое преобладание доли женщин – 49,98 % мужчин и 50,02 % женщин (подсчитано по: Крестьянские хозяйства..., 2009).

Характерная для переселенческих домохозяйств диспропорция между числом мужчин и женщин резко изменилась в обратную сторону в результате призыва в армию значительной части мужского населения после начала Первой мировой войны. Мобилизацией оказались охвачены 61,7 % имевшихся в семьях «стольпинских» переселенцев мужчин в возрасте от 18 до 45 лет, поэтому зафиксированное при проведении переписи соотношение наличного (находившегося в момент проведения переписи на месте приписки) мужского и женского населения составило 44,34 % к 55,66 % (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

Анализ содержащихся в [Таблице 1](#) сведений о половозрастном составе населения крестьянских домохозяйств показывает, что для недавних переселенцев было характерно стремление сосредоточить в своих семейных домохозяйствах наибольшее количество мужчин работоспособного возраста и, по сравнению с домохозяйствами крестьян других поселенческих групп, сократить количество лиц старшего возраста обоего пола. Результаты переписи 1917 г. отразили и такую присущую домохозяйствам переселенцев периода Столыпинских реформ особенность, как повышенный удельный вес в них детей подросткового возраста (12–15 лет) ([Таблица 1](#)), характеризующую их стремление обладать не только в момент водворения, но и в неотдаленной перспективе количеством семейных работников, необходимым для успешной адаптации в новых местах поселения.

Таблица 1. Половозрастной состав крестьянского населения Алтайского округа в 1917 г., в % ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Поселенческие группы крестьян	Мужчин в возрасте, лет				Женщин в возрасте, лет			
	До 12	12–15	16–60	Старше 60	До 12	12–15	16–55	Старше 60
Переселенцы периода Столыпинских реформ	32,1	11,5	52,6	3,8	35,0	11,8	46,8	6,4
Переселенцы второй пол. XIX в. – 1906 г.	32,2	10,7	51,3	5,8	33,0	11,0	47,5	8,5
Старожилы	33,5	10,2	51,2	5,1	32,4	9,8	49,1	8,7

Повышенная потребность домохозяйств переселенцев-новоселов в мужской рабочей силе проявилась и в том, что 2/3 глав крестьянских семей (66,8 %), поселившихся в Алтайском округе в период стольпинских переселений, в 1917 г. принадлежали к возрастной группе, отличавшейся наиболее высокой трудовой активностью – от 25 до 50 лет ([Таблица 2](#)). Среди домохозяев-переселенцев, проживавших в регионе более длительное время, доля этой возрастной группы была меньше – 58,2 %. И, наоборот, доля домохозяйств, возглавляемых лицами нетрудоспособного возраста (старше 60 лет) у стольпинских переселенцев была ниже, чем у крестьян сравниваемых поселенческих групп: 9,8 % против 12,1 % у старожилов и 16,9 % у мигрантов более раннего времени.

Таблица 2. Распределение крестьян-домохозяев Алтайского округа по возрастным группам (по результатам сельскохозяйственной переписи 1917 г.) ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Возрастные группы	Переселенцы периода Столыпинских реформ (1907–1917 гг.)	Переселенцы второй пол. XIX в. – 1906 г.	Старожилы
До 25 лет	3,4	2,2	5,5
25–40 лет	36,6	29,5	40,6
41–50 лет	30,2	28,7	25,4
51–60 лет	20,0	22,7	16,4
Более 60 лет	9,8	16,9	12,1
Всего:	100,0	100,0	100,0

Важность выполняемых семьей демографических, экономических и социальных функций определяла формирование в крестьянской среде представлений о высокой ценности семьи и священности брака. Согласно крестьянской этике, базировавшейся на православных догматах, брак являлся важнейшим условием общественной значимости и материального благополучия человека, его нравственной состоятельности. Неженатый мужчина не считался полноценным членом крестьянского общества. «Холостой – полчеловека», – гласила крестьянская пословица. Холостыми

среди стoльпинских переселенцев, судя по результатам переписи 1917 г., являлись только 2,6 % домохозяев. Таким же низким этот показатель был и в сравниваемых группах крестьян: у более ранних переселенцев – 1,6 %, старожилы – 3,3 % (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

Согласно традиционным представлениям, распространенным среди крестьян, муж должен был быть старше жены на 2–3 года. Средний возраст мужчин-домохозяев, являвшихся главами учтенных в базе данных семей «стольпинских» переселенцев, в 1917 г. равнялся 44,7 года, а их жен – 41,1 года (у переселенцев более раннего времени этот показатель составлял соответственно 47,7 года для домохозяев и 43,4 года для их жен, у старожилы – 43,6 года и 40,1 года). Более подробное рассмотрение данных о разнице в возрасте между главами домохозяйств переселенцев стoльпинского периода и их женами дает следующую картину: ровесники образовывали 23,1 % семейных пар, у 29,6 % семейных пар муж был старше жены на 1–3 года, у 13,3 % семейных пар зафиксирована разница в 4–5 лет, у 14,8 % – 6–10 лет, а у 9,2 % пар эта разница превышала 10 лет. Не являлись редкостью и семьи, демонстрировавшие (из-за необходимости продолжения рода в условиях высокой смертности и низкой продолжительности жизни) отход от традиционных представлений о возрастных различиях супругов: в них жена была старше мужа – такие семейные пары среди переселенцев составляли 9,8 % (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

Более высокий уровень смертности среди мужчин, связанный с частым участием страны в войнах, ранним старением от тяжелого изнурительного труда, интенсивность которого в переселенческих семьях возрастала из-за необходимости преодоления тягот устройства на новых местах поселения, увеличивали риск женщины остаться вдовой с детьми. В семьях, в которых супруг был старше жены более чем на 10 лет (9,2 % семей), вероятность овдоветь к 40–50 годам для женщин увеличивалась. Во главе 4,9 % домохозяйств, учтенных во время переписи, стояли женщины, при этом 2/3 (68,9 %) из них были вдовами, а остальные в период проведения переписи зарегистрировались как домохозяйка, зафиксировав тем самым ту фактическую роль, которую они играли в семье в связи с призывом их мужей в действующую армию с началом Первой мировой войны (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

Крестьянское домохозяйство совмещало в себе функции семейной и производственной ячейки. Организация сельскохозяйственного производства в форме семейной кооперации оптимально соответствовала экстенсивной системе земледелия, исторически сложившейся в процессе хозяйственного освоения евразийского континента. Соотношение числа мужчин и женщин в переселенческих семьях оказывало влияние на уровень их земельной обеспеченности, так как земля в наделное пользование отводилась в соответствии с числом имевшихся в семье душ мужского пола. Коэффициент корреляции между показателями, определяющими количество членов домохозяйства мужского пола и размер земельного надела у переселенцев стoльпинского периода, составлял 0,52, тогда как коэффициент корреляции 0,23, отражающий взаимосвязь между размером надела и числом членов домохозяйства женского пола, показывает практически полное отсутствие взаимосвязи между этими показателями.

При этом крестьянское домохозяйство могло эффективно функционировать только при наличии в нем мужских и женских рабочих рук, рационально организованном половозрастном разделении труда. Мужчины выполняли работы, требовавшие применения большей физической силы и сопряженные с некоторым риском. В сферу их обязанностей входили обработка полей, заготовка сена и дров, забота о лошадях и других упряжных животных. Женщины осуществляли уход за скотиной и птицей, а также целый ряд работ по дому – приготовление пищи, стирка белья и пр. Они также принимали участие в посевных, сенокосных и жатвенных работах, прополке полей, сажали, а затем убирали овощи.

В анкетах переписи фиксировалось участие (или неучастие) каждого из членов крестьянской семьи в трех видах сельскохозяйственных работ – вспашке полей, сенокосении, уборке урожая. Результаты переписи показывают широкую вовлеченность во все перечисленные виды работ женщин и даже девочек подросткового возраста, что отчасти было связано с массовой мобилизацией в действующую армию мужчин призывного возраста (из семей «стольпинских» переселенцев были призваны на фронт 67,1 % всех мужчин в возрасте от 18 до 45 лет). В домохозяйствах переселенцев, водворившихся на Алтае в период Стольпинских реформ, в пахотных работах принимали участие 40,1 % от общего числа женщин трудоспособного возраста (от 16 до 55 лет), в сенокосе – 72,5 %, в сборе урожая – 75,8 %, а доля участвовавших в посевных работах девочек-подростков (в возрасте от 12 до 15 лет) составляла 16,7 %, в сенокосных работах – 34,6 %, в уборке урожая – 39,1 % (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

При этом анализ данных о применении женского труда в различных видах сельскохозяйственных работ в домохозяйствах крестьян сравниваемых поселенческих групп ([Таблица 3](#)) показывает, что если показатели использования труда женщин в уборке урожая в домохозяйствах крестьян разных групп были примерно одинаковыми, то применение труда женщин на той стадии земледельческих работ, которая традиционно являлась сферой применения почти исключительно мужского труда – вспашке земли, в домохозяйствах мигрантов стoльпинского периода имело более значительный масштаб, чем в хозяйствах крестьян других поселенческих групп:

в ней задействовались 40,1 % женщин трудоспособного возраста (от 16 до 55 лет) против 30,6 % у более ранних переселенцев и 24,3 % у старожилов.

Таблица 3. Участие женщин трудоспособного возраста (от 16 до 55 лет) в сельскохозяйственных работах, в сравнении по различным поселенческим группам крестьян Алтайского округа, в % от общего числа ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Виды сельскохозяйственных работ	Переселенцы периода Столыпинских реформ (1907–1917 гг.)	Переселенцы второй пол. XIX в. – 1906 г.	Старожилы
Пахотные работы	40,1	30,6	24,3
Сенокос	72,5	75,0	77,1
Уборка урожая	75,8	76,8	77,5

Столь широкое участие женщин в пахотных работах в хозяйствах переселенцев-новоселов не могло быть только лишь способом компенсации нехватки мужской рабочей силы, вызванной мобилизацией в армию, поскольку доля отправленных на фронт мужчин призывного возраста была примерно одинаковой во всех рассматриваемых поселенческих группах (у «стольпинских» переселенцев – 67,1 %, у мигрантов более раннего времени – 68,1 %, у старожилов – 64,7 %). Некоторое значение в этой связи могли иметь ограниченные возможности недавних переселенцев по покупке рабочей силы на стороне: согласно материалам переписи, на 100 хозяйств «стольпинских» переселенцев приходилось 4 срочных наемных работника, а у мигрантов предшествующего периода и старожилов – соответственно 9 и 7. Однако, учитывая, что в крестьянском хозяйстве в этот период господствующей являлась система хозяйствования, основанная на семейной кооперации труда, можно предположить, что широкое вовлечение женщин в посевные работы в домохозяйствах «стольпинских» переселенцев в первую очередь обуславливалось стремлением за счет предельной мобилизации семейных трудовых ресурсов в максимально короткие сроки распахать и ввести в хозяйственный оборот как можно большее количество полученной в наделное пользование пахотной земли. Показательно, что возрастание трудовой нагрузки на семейных работников сопровождалось увеличением доли женщин, принимавших участие в пахоте: от 35,3 % всех женщин трудоспособного возраста (от 16 до 55 лет) в дворах «стольпинских» переселенцев с посевной площадью менее 4 дес. до 42,9 % – в домохозяйствах с размером посева от 4 до 12 дес. и 50,1 % – в дворах с посевом более 12 дес. (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

Такое экономическое поведение отражает общую адаптационную стратегию переселенцев-новоселов, заключающуюся в стремлении посредством интенсификации труда семейных работников ускорить процесс хозяйственного и бытового устройства на новых местах поселения (подробнее об адаптационной стратегии переселенцев см.: [Разгон и др., 2013: 208-291; Razgon, 2018](#)).

Анализ данных [Таблицы 4](#) позволяет установить характер зависимости полового состава переселенческих домохозяйств от уровня их благосостояния.

Таблица 4. Соотношение мужского и женского населения в домохозяйствах переселенцев стольпинского периода с разным уровнем зажиточности ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Экономические показатели	Мужчин, %	Женщин, %
Группа хозяйств по посеву, дес.		
До 4	51,01	48,99
От 4 до 12	51,78	48,22
От 12 до 25	52,89	47,1
Более 25	53,39	46,61
Группа хозяйств по количеству коров		
1–2	51,70	48,30
3–4	51,55	48,45
5–6	51,66	48,34
Более 6	50,97	49,03

Многопосевные крестьянские дворы нуждались в большем сосредоточении мужской рабочей силы, поэтому количество мужчин в переселенческих домохозяйствах, как следует из [Таблицы 4](#), возрастало с увеличением площади возделываемой земли. При группировке домохозяйств по такому экономическому показателю, как количество имевшихся у них коров, во всех выделенных группах

домохозяйств фиксируется характерное в целом для состава переселенческих семей преобладание мужчин, однако с ростом зажиточности дворов доля мужского населения в них не увеличивается, а в самой экономически мощной из выделенных групп (с числом коров более 6) даже сокращается: такие домохозяйства нуждались в большем количестве женских рабочих рук, так как уход за скотом традиционно являлся преимущественно женским занятием.

5. Заключение

Характерный для Сибири как колонизируемой окраины Российской империи более высокий, по сравнению с Центром, удельный вес мужчин в составе сельского населения был в значительной степени обусловлен массовым притоком крестьян-мигрантов, масштабы которого существенно расширились в период реализации Столыпинской аграрной реформы. Доля мужчин в составе домохозяйств «столыпинских» переселенцев была выше, чем в домохозяйствах других поселенческих групп крестьян Алтайского округа, так как мужская рабочая сила была востребована для освоения целинных земель и решения других задач хозяйственного и бытового устройства на местах нового поселения. Характерная для домохозяйств переселенцев-новоселов повышенная потребность в мужской рабочей силе нашла отражение в большей доле, по сравнению с крестьянами других поселенческих групп Алтайского округа, глав домохозяйств, относившихся к возрастной группе, отличавшейся наиболее высокой трудовой активностью (от 25 до 50 лет) и меньшей доле домохозяев нетрудоспособного возраста (старше 60 лет).

Еще одной отличительной особенностью демографического состава домохозяйств «столыпинских» переселенцев являлась характерная для них более высокая, по сравнению с домохозяйствами крестьян других поселенческих групп, доля детей подросткового («полурабочего») возраста, что определялось стремлением переселенцев-новоселов иметь необходимое для успешного «вживания» в новую среду обитания количество рабочих рук не только в момент переселения, но и в неотдаленной перспективе.

Перед переездом в Сибирь переселенцы стремились «оптимизировать» структуру своих домохозяйств, оставляя на родине на попечение родственников престарелых и лишившихся трудоспособности из-за увечья или болезни членов семьи обоего пола, выдавая замуж девушек, достигших брачного возраста и приблизившихся к нему и т.п.

Семейное крестьянское домохозяйство могло эффективно функционировать только при рациональном половозрастном разделении труда. Однако из-за высокого уровня мужской смертности и частых мобилизаций происходило активное освоение крестьянками типично мужских работ. Вместе с тем широкое включение женщин в семьях столыпинских мигрантов в такой типично мужской вид сельскохозяйственных работ, как вспашка земли, во многом было обусловлено также потребностями адаптационного периода – стремлением недавних переселенцев как можно быстрее ввести в хозяйственный оборот выделенные им в наделное пользование земельные участки.

Возделывание земли было преимущественно мужским занятием, поэтому с увеличением размера посевной площади возрастала и доля мужчин в составе переселенческого крестьянского домохозяйства. Сравнение полового состава домохозяйств, сгруппированных по количеству имевшихся у них коров, показывает свойственное в целом переселенческим домохозяйствам преобладание в них мужчин над женщинами, однако с ростом зажиточности в таких домохозяйствах доля мужской рабочей силы не увеличивается, а в самой экономически мощной группе домохозяйств даже понижается и, соответственно, увеличивается доля женщин, поскольку такие хозяйства нуждались в дополнительной женской рабочей силе, так как уход за скотом был преимущественно женским занятием.

Литература

Безгин, 2015 – *Безгин В.Б.* «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX века. Тамбов: ТГТУ, 2015. 192 с.

Горюшкин, 1989 – *Горюшкин Л.М.* Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Новосибирск, 1989. 51 с.

Зверев, 1980 – *Зверев В.А.* Численность и структура русской крестьянской семьи в Сибири периода империализма // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Е.И. Соловьева. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1980. С. 28-56.

Зверев, 1991 – *Зверев В.А.* Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма: историко-демографический анализ. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1991. 148 с.

Зверев, 1993 – *Зверев В.А.* Дети – отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. 244 с.

Кауфман, 1905 – *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. IX, 349, 81 с.

Коляскина, 2015 – *Коляскина Е.А.* Женщина и мужчина в русской деревне Алтая. Бийск: АГАО им. В.М. Шукшина, 2015. 296 с.

Крестьянские хозяйства..., 2009 – Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г. [Электронный ресурс]: база данных / Сост. В.Н. Разгон, Д.В. Колдаков, К.А. Пожарская. Электрон. дан. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). № госрегистрации 2009620044.

Крюкова, 1994 – Крюкова С.С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1994. 213 с.

Липинская, 1987 – Липинская В.А. Русское население Алтайского края: Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). М.: Наука, 1987. 224 с.

Мухина, 1997 – Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 736 с.

Население..., 1997 – Население Западной Сибири в XX веке: [научно-справочное издание] / Т.М. Бадалян, Л.М. Горюшкин, Н.Я. Гуцин, В.А. Зверев [и др.]; Отв. ред.: Н.Я. Гуцин, В.А. Исупов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 172 с.

Пронин, 1987 – Пронин В.И. Демографические и профессиональные изменения в сельском населении Сибири пореформенного периода // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. Новосибирск, 1987. С. 90-107.

Разгон и др., 2013 – Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: Азбука, 2013. 347 с.

Сагайдачный, 2000 – Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2000. 142 с.

Сафьянова, 1989 – Сафьянова А.В. Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX – начале XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 91-109.

Соловьева, 1979 – Соловьева Е.И. Численность и структура русской крестьянской семьи Сибири во второй половине XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.). Новосибирск: Изд-во НГУ, 1979. С. 126-140.

Шнейдер, 1928 – Шнейдер А.Р. Население Приенисейского края. Красноярск, 1928. 23 с.

Ямзин, 1912 – Ямзин И.Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев: Тип. Ун-та святого Владимира, 1912. IV, 198 с.

Razgon, 2018 – Razgon V.N. Strategy of Economic Adaptation of Unauthorized Migrants in the Altai Region during the Period of Stolypin Reforms // *Bylye Gody*. 2018. 50(4): 1774-1783.

Worobec, 1991 – Worobec C.D., Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period. Princeton: Princeton University Press, 1991. XIV, 257 p.

References

Bezgin, 2015 – Bezgin, V.B. (2015). «Na miru» i v sem'e: russkaya krest'yanka kontsa XIX – nachala XX veka ["On the world" and in the family: a Russian peasant woman of the late XIX – early XX centuries]. Tambov: TGTU. 192 p. [in Russian]

Goryushkin, 1989 – Goryushkin, L.M. (1959). Pereselencheskoe dvizhenie i narodonaselenie Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Migration movement and population of Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries]. Novosibirsk. 51 p. [in Russian]

Kaufman, 1905 – Kaufman, A.A. (1905). Pereselenie i kolonizatsiya [Resettlement and colonization]. SPb.: Tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za". IX, 349, 81 p. [in Russian]

Kolyaskina, 2015 – Kolyaskina, E.A. (2015). Zhenshchina i muzhchina v russkoi derevne Altaya [A woman and a man in the Russian village of Altai]. Biisk: AGAO, 296 p. [in Russian]

Krest'yanskije khozyaistva..., 2009 – Krest'yanskije khozyaistva Altaiskoi gubernii v 1917 g. [Peasant farms in the Altai province in 1917]. [Elektronnyi resurs]: baza dannykh. Sost. V.N. Razgon, D.V. Koldakov, K.A. Pozharskaya. Elektron. dan. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2009. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). № gosregistratsii 2009620044. [in Russian]

Kryukova, 1994 – Kryukova, S.S. (1994). Russkaya krest'yanskaya sem'ya vo vtoroi polovine XIX v. [Russian peasant family in the second half of the XIX century]. M.: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN, 213 p. [in Russian]

Lipinskaya, 1987 – Lipinskaya, V.A. (1987). Russkoe naselenie Altaiskogo kraja: Narodnye traditsii v material'noi kul'ture (XVIII–XX vv.) [The Russian population of the Altai Territory: Folk traditions in material culture (XVIII–XX centuries)]. M.: Nauka. 224 p. [in Russian]

Mukhina, 1997 – Mukhina, Z.Z. (2018). Russkaya krest'yanka v poreformennyi period (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Russian peasant woman in the post-reform period (second half of the 19th – early 20th centuries)]. SPb.: Dmitrii Bulanin. 736 p. [in Russian]

Naselenie..., 1997 – Naselenie Zapadnoi Sibiri v XX veke: nauchno-spravochnoe izdanie [The population of Western Siberia in the twentieth century: scientific reference edition]. T.M. Badalyan,

L.M. Goryushkin, N.Ya. Gushchin, V.A. Zverev [i dr.]; otv. red.: N.Ya. Gushchin, V.A. Isupov. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 1997. 172 p. [in Russian]

[Pronin, 1987](#) – *Pronin, V.I.* (1987). Demograficheskie i professional'nye izmeneniya v sel'skom naselenii Sibiri poreformennogo perioda [Demographic and professional changes in the rural population of Siberia during the post-reform period]. *Sotsial'no-demograficheskoe razvitie sibirskoi derevni v dosovetskii period.* Novosibirsk. Pp. 90-107. [in Russian]

[Razgon, 2018](#) – *Razgon, V.N.* (2018). Strategy of Economic Adaptation of Unauthorized Migrants in the Altai Region during the Period of Stolypin Reforms. *Bylye Gody.* 50(4): 1774-1783.

[Razgon i dr., 2013](#) – *Razgon, V.N., Khramkov, A.A., Pozharskaya, K.A.* (2013). Stolypinskie migranty v Altaiskom okruge: pereselenie, zemleobespechenie, khozyaistvennaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya [Stolypin migrants in the Altai region: resettlement, land provision, economic and socio-cultural adaptation]. Barnaul: Azbuka, 348 p. [in Russian]

[Safyanova, 1989](#) – *Safyanova, A.V.* (1989). Vnutrennii stroi russkoi sel'skoi sem'i Altaiskogo kraya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The internal structure of the Russian rural family of the Altai Territory in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Russkie: semeinyi i obshchestvennyi byt.* M.: Nauka. Pp. 91-109. [in Russian]

[Sagaidachnyi, 2000](#) – *Sagaidachnyi, A.N.* (2000). Demograficheskie protsessy v derevne Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Demographic processes in the village of Western Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii. 142 p. [in Russian]

[Shneider, 1928](#) – *Shneider, A.R.* (1928). Naselenie Prieniseiskogo kraya [The population of the Yenisei region]. Krasnoyarsk, 23 p. [in Russian]

[Solov'eva, 1979](#) – *Solov'eva, E.I.* (1979). Chislennost' i struktura russkoi krest'yanskoi sem'i Sibiri vo vtoroi polovine XIX v. [The number and structure of the Russian peasant family of Siberia in the second half of the XIX century]. *Khozyaistvennoe osvoenie Sibiri i rost ee narodonaseleniya (XVIII–XX vv.).* Novosibirsk: Izd-vo NGU. Pp. 126-140. [in Russian]

[Yamzin, 1912](#) – *Yamzin, I.L.* (1912). Pereselencheskoe dvizhenie v Rossii s momenta osvobozhdeniya krest'yan [The resettlement movement in Russia since the liberation of the peasants]. Kiev: Tip. Un-ta sv. Vladimira. IV, 198 p. [in Russian]

[Zverev, 1980](#) – *Zverev, V.A.* (1980). Chislennost' i struktura russkoi krest'yanskoi sem'i v Sibiri perioda imperializma [The number and structure of the Russian peasant family in Siberia during the period of Imperialism]. *Krest'yanstvo Sibiri perioda razlozheniya feodalizma i razvitiya kapitalizma: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Otv. red. E.I. Solov'eva.* Novosibirsk: Izd-vo NGPI. Pp. 28-56. [in Russian]

[Zverev, 1991](#) – *Zverev, V.A.* (1991). Semeinoe krest'yanskoe domokhozyaistvo v Sibiri epokhi kapitalizma: istoriko-demograficheskii analiz [Family Peasant Household in Siberia during the Capitalist Era: historical and demographic analysis]. Novosibirsk: Izd-vo NGPI. 148 p. [in Russian]

[Zverev, 1993](#) – *Zverev, V.A.* (1993). Deti – ottsam zamena: Vosproizvodstvo sel'skogo naseleniya Sibiri (1861–1917 gg.) [Replacement for children – fathers: Reproduction of the rural population of Siberia (1861–1917)]. Novosibirsk: Izd-vo NGPI, 1993. 244 p. [in Russian]

Демографическая структура домохозяйств переселенцев периода Столыпинских реформ в Алтайском округе: половозрастной состав (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.)

Виктор Николаевич Разгон ^{a, *}, Дмитрий Николаевич Белянин ^b, Антон Викторович Разгон ^c

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Российская Федерация

^c Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе анализа данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. исследуется половозрастной состав переселенческих домохозяйств, поселившихся в Алтайском округе в процессе массовых миграций периода Столыпинских реформ.

Демографическая структура домохозяйств «столыпинских» переселенцев отличалась от домохозяйств крестьян других поселенческих групп более высокой долей мужчин в составе населения. Среди переселенцев столыпинского периода глав домохозяйств наиболее активного рабочего возраста (от 25 до 50 лет) было больше, а домохозяев неработоспособного возраста – меньше, чем среди старожилов и мигрантов предшествующего периода. Такой половозрастной состав

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vrazgon@rambler.ru (В.Н. Разгон)

переселенческих домохозяйств отражал их повышенную потребность в мужской рабочей силе, необходимой для освоения целинных земель и решения других задач хозяйственного и бытового устройства в местах поселения.

В более высокой доле детей подросткового возраста в домохозяйствах «стольпинских» переселенцев, по сравнению с другими поселенческими группами крестьян Алтайского округа, проявлялось стремление переселенцев-новоселов иметь необходимое для адаптации в местах нового поселения количество рабочих рук не только в момент переселения, но и в неотдаленной перспективе.

Стремлением переселенцев периода Столыпинских реформ как можно быстрее ввести в хозяйственный оборот выделенные им наделные земли объясняется более широкое, чем в домохозяйствах старожилов и мигрантов предшествующего времени, применение в их домохозяйствах женской рабочей силы в пахотных работах.

Анализ характера зависимости полового состава переселенческих домохозяйств от их экономического благосостояния показывает, что с ростом размеров посевов увеличивалась доля мужчин в составе населения домохозяйств, так как обработка земли была преимущественно мужским занятием. В многокоронных хозяйствах проявлялась тенденция к увеличению удельного веса женщин, так как уход за скотом в крестьянских хозяйствах традиционно являлся сферой применения женского труда.

Ключевые слова: демография, гендерная и возрастная структура населения, домохозяйство, переселенцы, реформы П.А. Столыпина, сельскохозяйственная перепись, Алтайский округ, Сибирь.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 494-502
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.494

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Images of the Future of Russia in the Narrative of the Largest Liberal Parties of the early 20th century

Pavel S. Seleznev ^{a, *}, Nikolay A. Ponomarev ^b, Viktor V. Titov ^a, Stanislav P. Mitrahovich ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^b Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract

This study is devoted to the issue of the practice of constructing images of the future by Russian liberal parties of the early XX century. The purpose of the work is to evaluate the effectiveness of the corresponding value-semantic constructs. The methodology of the work is built on the basis of a combination of elements of structural and comparative analysis. The source base of the study was formed through the use of unpublished office documents of the Cadets and Octobrists deposited in the funds of the State Archives of the Russian Federation. The authors come to the conclusion that both the Cadets and the Octobrists were able to construct complex and three-dimensional images of the future, which were the result of attempts to offer a rational solution to the most pressing issues of contemporary Russian society. As a result, these images of the future turned out to be suitable for perception by the elites and the intelligentsia, but were of little relevance to the task of popularization among the masses. The messages developed by the liberals were distinguished by relatively low affectivity, the complexity of discourse, and the presence of significant barriers to perception. At the same time, we are not talking about conceptual, but rather methodological, instrumental shortcomings. As part of the political promotion of their messages, the parties focused on the educated part of society, the elite and, in general, the “managing class” of the empire. Unlike the leftists, anarchists, nationalists, and right-wing conservatives, both the Cadets and the Octobrists failed to compactly set out the elements of their images of the future in a system of laconic slogans, the use of which would enable the mechanism of emotional contagion among the broad masses to be set in motion. It should also be noted that a number of fundamental theses that formed the foundation of these images of the future contradicted (in the medium term) the basic trends in the development of the socio-political process. These images were formed during the period of a large-scale rise of extremist movements, due to which the level of trust between society and the authorities was relatively low, as a whole indicator of the consolidation of society and the degree of readiness of its various strata for a constructive dialogue. The images of the future proposed by the Cadets and Octobrists could have been much more popular in the previous period, but the specific historical context of the era objectively minimized the potential for their dissemination.

Keywords: liberals, Cadets, Octobrists, image of the future, agrarian question, labor question, national question.

1. Введение

Исследуя конкуренцию между политическими партиями в России в начале XX в., эксперты традиционно большое внимание уделяют их программным установкам и сопутствующим внутренним

* Corresponding author

E-mail addresses: seleznevpavel@gmail.com (P.S. Seleznev), sharukin87@yandex.ru (N.A. Ponomarev), titov-msu@mail.ru (V.V. Titov), SPMitrahovich@fa.ru (S.P. Mitrahovich)

дискуссиям. Однако в большинстве случаев воздействие соответствующих меседжей на общественное сознание исследовалось в не вполне релевантном ключе с точки зрения методологии. Условная «правильность» и привлекательность партийных программ оценивались на основе постзнания, без учета специфики политического восприятия и идентичности разных социальных групп, преимущественно на рациональной основе и вне контекста корректирующего воздействия эмоционального фактора. Коммуникация между партиями и их аудиторией фактически выстраивалась на поле символической политики, в рамках которой партии презентовали в заведомо упрощенной (и потому общедоступной) форме варианты решения актуальных проблем сквозь призму конкретных символов и связанных с ними ценностей и смыслов.

Одним из главных элементов борьбы партий в рамках реализации символической политики являлся позитивный образ будущего: система представлений о том, к каким последствиям должна привести полноценная реализация программы конкретной политической силы. В конечном счете именно привлекательность образа будущего выступала в качестве главного фактора, определявшего партийные предпочтения социальных групп. Победа большевиков осенью 1917 г. во многом была обусловлена именно тем, что большевистская партия смогла предложить основным стратам общества привлекательные для них меседжи, компактно и доступно изложенные в комплексе лаконичных лозунгов с глубоким эмоциональным наполнением, в то время как ее оппоненты пытались выстроить сложную и сугубо рациональную систему аргументов в поддержку своей позиции.

Исследование образов будущего, сформированных российскими партиями на протяжении рассматриваемого периода, служит ключом к комплексному пониманию сущностных причин успехов и неудач основных политических акторов в рамках борьбы за симпатии масс.

При этом наибольший интерес для исследователей представляют образы будущего, сконструированные либеральными партиями. С одной стороны, важно учитывать, что именно либеральные партии выступали именно с реформистских позиций, в то же время избегая политического экстремизма и стремясь достичь общественного консенсуса, т.е. использовали сугубо конструктивный подход к решению накопившихся в обществе противоречий. С другой стороны, следует учитывать, что социальную основу указанных партий составляли в основном выходцы из различных страт элиты, благодаря чему их позиция отображала взгляды и устремления значительной части истеблишмента.

В качестве конкретного эмпирического кейса исследования нами были выбраны две наиболее многочисленные и влиятельные либеральные партии – кадеты и октябристы.

2. Материалы и методы

Источниковая база представленного исследования была сформирована за счет привлечения ранее не введенных в научный оборот документов – материалов из фондов «Союза 17 октября» (Ф. 115) и кадетской партии (Ф. 523), хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация).

В первом случае авторами были использованы стенограммы партийных съездов и переписка относительно подготовки к ним, тезисы докладов делегатов, протоколы совещаний и отчеты о деятельности ЦК, материалы бюро пропаганды, отчеты о работе комиссий парламентской фракции октябристов. Во втором случае для написания работы привлекались протоколы заседаний парламентской фракции и ее совещаний с представителями местных отделений партии, проекты резолюций, доклады о программе и тактике партии, а также отчеты и доклады Центрального комитета кадатов, тезисы и резолюции докладов партийных конференций.

Методологической основой исследования стал комплекс методов, включающий в себя элементы структурного, системного и сравнительного анализа. Структурный анализ позволил выделить ключевые элементы в образах будущего двух партий. Системный анализ дал возможность выстроить взаимосвязи между отдельными элементами партийных образов будущего, реконструировав каждый из них в виде динамического механизма. Применение сравнительного анализа позволило сопоставить сконструированные партиями образы будущего, выделив внутри них специфические и общие черты.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии заявленная тема исследовалась преимущественно в ключе политической полемики между партиями. При этом она закономерно изучалась вне контекста теории символической политики (которая на тот момент пребывала в стадии становления). Также следует отметить, что ключевые элементы образов будущего изучались по большей части бессистемно: они рассматривались в отрыве друг от друга, вне контекста возможной синергии либо же при их освещении наблюдалась выраженная диспропорция, заданная спецификой интересов автора. Также исследователи зачастую предпочитали ограничиваться достаточно узкими хронологическими рамками, привязывая исследование, например, к периоду работы конкретного созыва Госдумы (Балашев, 1915; Белокопский, 1907; Вараксин, 1912; Васильев, 1907; Винавер, 1907; Езерский, 1907; Локоть, 1907; Львович, 1906; Мартынов, 1914; Милуков, 1916; Мышцин, 1906; Пасхалов, 1911).

В советской историографии соответствующая проблематика была раскрыта на освещении широкого пласта архивных материалов. Однако исследователи были вынуждены следовать историографической традиции, заданной официальной идеологией. Помимо того, советские авторы, как правило, игнорировали концептуальные разработки коллег в области символической политики (Аврех, 1985; Аврех, 1989; Волобуев и др., 1989; Галай, 1991; Гиндин, 1963; Граве, 1926; Дякин, 1988; Комин, 1965; Лаверычев, 1967; Спириин, 1977; Стальной, 1929; Черменский, 1970; Шаццлло, 1985; Шепелев, 1987).

В современный период тема исследовалась на основании более объективного подхода, а также с использованием более разнообразного теоретико-методологического инструментария. Однако зачастую авторы интерпретировали источниковый материал с учетом постзнания. Также следует отметить наличие в некоторых исследованиях влияния социально-политической конъюнктуры в рамках дискуссии о наследии и роли революций начала XX в. (Иванов, 2003; Кирьянов, 2006; Кувшинов, 1997; Леонов, 1999; Сиземская, 1993; Шелохаев, 1996).

4. Результаты

Архитектуру образа будущего, созданного и продвигаемого октябристами, во многом обуславливала специфика социальной структуры «Союза 17 октября». Ядро данной партии формировали представители дворянства, настаивавшие на необходимости ускорения темпов политической и социально-экономической модернизации России, и крупные коммерсанты. Последнее автоматически ставило партию в уязвимое положение. С одной стороны, она не имела достаточно широкой социальной базы, с другой – многие представители «базовых» сословий партии (в особенности консервативно настроенные дворяне) демонстрировали отрицательное отношение к «Союзу 17 октября», воспринимая его членов едва ли не как политических экстремистов. При этом левые и леволиберальные оппоненты активно занимались стигматизацией партии в публичном пространстве. В частности, В.И. Ленин, используя тактику «наклеивания ярлыков», обозначал октябристов как «партию дельцов», лидеры которой с безразличием относятся к интеллигенции, заинтересованы в усилении эксплуатации рабочих масс и чужды всякому демократизму (Сиземская, 1993: 135; Спириин, 1977: 54).

Наличие столь значимых проблем в плане политического позиционирования вынудило партию выстраивать свой позитивный образ будущего в рамках концепции демократического солидаризма. Октябристы настаивали на том, что один лишь переход к конституционной монархии не может обеспечить России социальный мир и в целом возникновение благоприятных условий для развития страны и государства. Парадигмальным условием успеха модернизации в России, по мнению лидеров октябристов, являлась гармонизация взаимоотношений между властью и обществом: народ и государство должны были перестать воспринимать друг друга как враждебные, чуждые структуры. Достичь этого, как считали идеологи партии, можно было лишь посредством компромиссных реформ (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 13. Л. 71; Шепелев, 1987: 93). Их суть заключалась в следующем.

Во-первых, государственный строй России предполагалось трансформировать, придав ему форму дуалистической монархии, в рамках которой император, сохраняя обширные полномочия, выступал бы в роли медиатора, согласовывающего интересы разных социальных и политических групп и пресекающего проявления корпоративного эгоизма. Последнее предполагало, что без согласия императора принятые парламентом законы не могут вступить в силу. Также октябристы настаивали на том, что монарх должен обладать правом по собственной воле назначать и смещать министров. Парламент в рамках данной системы мог бы отстранить от власти главу какого-либо из государственных ведомств лишь при условии придания его предварительно суду за совершение уголовного преступления (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 13. Л. 234об.; Леонов, 1999: 34).

Данная система организации власти, безусловно, могла обеспечить высокую эффективность работы государственного аппарата, но требовала обязательного выполнения одного условия: монарх должен был по собственной воле отказаться от ценностей самодержавия, идеи сакральности царской власти и идентифицировать себя в равной степени со всеми социальными группами. Однако такая модель поведения полностью противоречила сложившимся ранее политическим традициям и воспитанию, полученному Николаем II (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 11. Л. 27, 33; Лаверычев, 1967: 71). Таким образом, по крайней мере образованная и политически активная часть общественности должна была осознавать, что предложенная октябристами модель дуалистической монархии объективно возможна, но субъективные обстоятельства минимизируют шансы на ее построение при нынешнем монархе. Помимо того, следует учитывать, что для периода начала XX в. в целом был характерен процесс десакрализации фигуры монарха как среди элит, так и на уровне широких масс. При этом данный процесс усиливал негативный информационный фон, порожденный как поражением в войне с Японией, так и эксцессами в ходе подавления революционного движения. В результате сохранение реальных полномочий в руках монарха не придавало образу будущего октябристов дополнительную привлекательность в глазах большинства населения (что наглядно продемонстрировали итоги выборов в Государственную Думу I и II созыва) (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 11. Л. 146-147; Кирьянов, 2006: 59).

Во-вторых, октябристы настаивали на необходимости придания государственному аппарату национально-ориентированного и прогрессистского характера. Данный элемент их программных установок нашел отражение в лозунге «За единую и неделимую Россию». Последнее предполагало необходимость придания понятию «русский» не этнического, а гражданского характера. Все подданные императора, согласно данной концепции, должны были официально считаться русскими и обладать одинаковым набором политических и гражданских прав. Единственной территорией, за которой октябристы признавали право на автономию, являлось Великое княжество Финляндское. Данный подход, безусловно, заключал в себе существенный конструктивный потенциал. Однако партия не смогла логически развить его, предложив привлекательные для широких масс решения в плане решения языкового вопроса, борьбы с экстремистскими националистическими организациями, дискриминации представителей конкретных этносов по конфессиональному признаку (в силу существования официальной религии), создания единого культурного поля в виде всеобщей образовательной среды, унификации применения воинской повинности и т.д. (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 27об.; Дякин, 1988: 81).

В-третьих, октябристы признавали стратегическое значение для страны аграрного вопроса, признавая требования относительно увеличения крестьянских наделов справедливыми и экономически обоснованными. Решать соответствующие проблемы партия предлагала за счет раздачи заброшенных государственных земель при помощи создания особых комитетов, создания программы приобретения частных земель при помощи Крестьянского банка, переселения в другие регионы России и, в качестве крайней меры, возмездного отчуждения части помещичьих земель (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 27; Локоть, 1907: 14). Одновременно подчеркивалась острая необходимость увеличить производительность крестьянского труда, в том числе – за счет разрушения общины. Отдельно следует отметить, что, по признанию лидеров октябристов, соответствующая агитация не нашла должного отклика среди крестьян, которые были более склонны поддерживать аграрные проекты социалистов. Последнее, вероятнее всего, было обусловлено экономическим фактором. Следует помнить о том, что даже в 1913 г., т.е. уже после реформ П.А. Столыпина, доля бедняцких хозяйств в деревне составляла 65 %, у 30 % отсутствовали даже лошади. Таким образом, большинство крестьян не могли позволить себе покупку земли даже на льготных условиях. Равным образом они не могли позволить себе инвестиций в развитие производства. Также уровень их платежеспособности детерминировал существенные риски даже в случае получения кредита на развитие хозяйства. Ситуацию усугублял низкий уровень грамотности и правовых познаний крестьянства. Наконец, следует помнить о том, что взывать выкупные платежи с бывших крепостных прекратили лишь в период революции 1905–1907 гг., на фоне чего необходимость снова платить за землю (значительная часть которой до реформы 1861 г. принадлежала тем же крестьянам) вызывала неприятие среди жителей деревни (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 11. Л. 36об.; Езерский, 1907: 11; Кирьянов, 2006: 74).

Образ будущего октябристов предполагал также решение рабочего вопроса на основе принципа солидаризма. Партия предлагала законодательно ограничить максимальную продолжительность рабочего дня (но не до 8 часов), но лишь после проведения всестороннего парламентского исследования. Октябристы также отмечали необходимость запрета ночной работы для женщин и детей. Аналогичным образом партия соглашалась с предложениями ввести запрет на использование на производстве беременных женщин в период последних 6 недель перед родами (без лишения их зарплаты) (Винавер, 1907; ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 11. Л. 1-10б.). Помимо того, октябристы признавали необходимость государственного страхования рабочих по потере трудоспособности и старости, а также введения в России прогрессивной шкалы подоходного налога. В то же время внутри партии так и не был выработан единый подход к решению таких вопросов, как создание и функционирование профсоюзов, регулирование права на забастовки, существенный разрыв в оплате труда между сотрудниками фабрик и заводов, система штрафов на предприятиях и т.д. Таким образом, решение рабочего вопроса в рамках образа будущего октябристов носило половинчатый характер, что автоматически нивелировало его привлекательность для рабочей массы (Мышцин, 1906: 21; Пасхалов, 1911: 16).

Соответственно, выстроенный октябристами на основе принципа компромисса образ будущего не устраивал в полной мере широкие массы населения, и в первую очередь – самую многочисленную страту общества. И в то же время реализация октябристской модели солидаризма предполагала необходимость отказа управляющей части элиты от принципов сословного корпоративизма и приверженности классической форме самодержавия, в силу чего чисто субъективные факторы могли нивелировать эффективность функционирования обновленного государственного механизма. Как следствие, привлекательность образа будущего октябристов сокращалась в глазах интеллигенции и демократически настроенной части истеблишмента.

Образ будущего, созданный партией кадетов, представлял собой результат системы идей либералов и социалистов и во многом был основан на синтезе передового опыта зарубежных политических и экономических систем. Однако на представления лидеров партии об оптимальной модели развития России влияли представления о необходимости построения надклассового

государства и смены статуса россиян с подданных государства на его граждан. Достичь этого, по мнению кадетов, можно было лишь посредством ликвидации гражданского неравенства и системы гласных и неформальных привилегий чиновничества. Реализовать эти задачи партия намеревалась, подобно октябристам, в сугубо реформистском ключе, при этом предоставив элитам (в первую очередь выходцам из верхних слоев дворянства) гарантии соблюдения их стратегических интересов.

Кадеты настаивали на создании в России институциональных основ для классической парламентской монархии, близкой к британской модели, в рамках которой подавляющее большинство властных полномочий сосредотачивалось бы в руках правительства, подотчетного законодательному собранию. Данная позиция импонировала значительной части интеллигенции и предпринимательских кругов, а также в целом революционно настроенной общественности, но противоречила интересам и ценностным установкам высшей бюрократии, дворянской аристократии и в целом консервативно настроенных кругов (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 253. Л. 1; Галай, 1991: 7). В то же время следует учитывать, что для значительной части широких масс населения дилемма форм конституционной монархии не имела особого значения: их представители придерживались, как правило, прагматического подхода в политике и готовы были поддержать любую власть, которая обеспечила бы раздел помещичьих земель между крестьянами и либерализовала рабочее законодательство. В силу этого аграрный и рабочий вопросы по своей значимости заметно перевешивали в глазах большинства жителей империи вопрос о политической модели устройства империи (Аврех, 1989: 101; Васильев, 1907: 12; ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 251. Л. 12).

В рамках решения национального вопроса кадеты настаивали на необходимости сохранения унитарного принципа государственного устройства, но в то же время поддерживали идею права народов на культурно-национальное самоопределение (проявлявшееся, помимо прочего, в использовании национальных языков в системе образования и судопроизводстве) и были принципиально готовы пойти на предоставление полноценной автономии (включавшей создание региональных парламентов) Финляндии и Польше. Также кадеты настаивали на необходимости обеспечить равноправие граждан независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности. Последнее провоцировало агрессию в адрес партии со стороны правых партий и организаций, а также высшей бюрократии, однако не вызывало особого негатива со стороны широких масс населения. Рабочие, крестьяне и мещане испытывали интерес в первую очередь к вопросам, связанным с решением их корпоративных проблем, что усугублялось высоким уровнем развития локальных и региональных идентичностей (последнее проявилось особенно ярко в ходе революционных событий начала 1917 г. и массового дезертирства из армии в последующем) (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 249. Л. 25; Мартынов, 1914: 17).

Как и октябристы, кадеты придавали первостепенное значение решению аграрного вопроса. Они выступали в том числе за использование при необходимости принудительного отчуждения земель у помещиков, но только при условии компенсации (которая, впрочем, должна была быть ниже рыночной стоимости). Однако в данном случае необходимо сделать ремарку: речь шла об изъятии земли в «необходимом количестве» для расширения крестьянских наделов. Методика расчета необходимого количества земли и соответствующие нормативы общественности так и не были представлены. Равным образом без детальной проработки остался вопрос о том, каким образом власти рассчитают и за счет каких средств и в каком объеме в итоге выплатят компенсацию за изъятые владения. Также следует отметить, что решать земельный вопрос предполагалось в первую очередь за счет изъятия государственных, удельных, кабинетских и монастырских земель, обращение к ресурсам помещичьих владений предполагалось лишь после исчерпания обозначенных фондов. Это автоматически настраивало против предложений кадетов представителей правящей фамилии, духовенства и высшей бюрократии. Важно указать и на то, что наделить новой собственностью планировали лишь безземельных и малоземельных крестьян. При том, что на участие в разделе помещичьих земель претендовали и середняки, и крупные собственники из числа крестьян. Внимания заслуживает и вопрос о позиции кадетов относительно механизма выработки конкретных форм решения аграрного вопроса. Согласно мнению лидеров и идеологов партии, методике решения аграрного вопроса следовало выработать в рамках двухуровневого обсуждения. На первом этапе соответствующие предложения поручалось выработать на уровне местных комитетов, в которых на паритетных началах были бы представлены крестьяне, помещики и сотрудники локальной администрации. Выработанные ими предложения предполагалось направить в главный земельный комитет, в состав которого предполагалось ввести ведущих специалистов по аграрному вопросу. Данный проект игнорировал целый ряд обстоятельств, на которые указывали в том числе его критики внутри партии. Во-первых, в большинстве случаев крестьяне испытывали недоверие как к помещикам, так и местной администрации, которое имело под собой вполне рациональную основу: как минимум еще с периода реформ Александра III центральные власти предпринимали значительные усилия по сближению дворянских сообществ и локального управленческого аппарата, рассматривая этот альянс как гарант социально-политической стабильности территории. Во-вторых, так и не были сформулированы четкие критерии отбора ведущих специалистов по аграрному вопросу. В-третьих, механизм формирования главного земельного комитета по большому счету

предполагал отсутствие прямого доступа в ряды его членов представителей самого крестьянства (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 253. Л. 38-42; Львович, 1906: 15; Кувшинов, 1997: 42).

В рамках проектов решения рабочего вопроса кадеты настаивали на необходимости распространения норм фабричного законодательства на все виды наемного труда за пределами аграрного сектора (что обеспечивало им рост симпатии со стороны работников торговли, служащих ремесленных мастерских и приказчиков), постепенного перехода к 8-часовому рабочему дню и внедрения обязательного государственного страхования здоровья сотрудников (в рамках которого издержки гасились бы за счет собственника предприятия). Помимо того, кадеты акцентировали внимание на необходимости усиления надзора за выполнением норм трудового законодательства, в том числе в плане оперативности принятия городскими думами необходимых подзаконных актов. Одновременно представители партии заостряли внимание на том, что лакуны в законодательстве фактически лишали легальные профсоюзы возможности эффективно отстаивать права своих членов, что подталкивало промышленных рабочих к выбору в пользу экстремистских методов борьбы (Дякин, 1988: 97; Кувшинов, 1997: 78).

Соответственно, образ будущего кадетов был выстроен не столько на принципе солидаризма, сколько на основе признания возможности эффективной медиации противоречащих друг другу интересов разных социальных групп. При этом, в отличие от октябристов, кадеты были готовы пойти на достаточно ощутимое ограничение интересов элит, в первую очередь «старой» части истеблишмента в лице крупных землевладельцев, императорской фамилии и церкви. Однако, в отличие от октябристов, они хуже проработали такую составляющую образа будущего, как механизмы достижения желаемого состояния. Образ будущего октябристов был менее привлекателен для широких масс, однако его реалистичность вызывала вопросы: кадеты фактически декларировали намерение вынудить истеблишмент отказаться от части своих интересов парламентскими методами, в то время как формирование системы «третьеиюньской монархии» поставило под вопрос перспективы такой стратегии.

5. Заключение

В целом можно отметить, что как кадеты, так и октябристы сумели сконструировать комплексные и объемные образы будущего, представлявшие собой результат попыток предложить рациональное решение наиболее острых вопросов современного им российского общества. В итоге данные образы будущего оказались пригодны для восприятия элитами и интеллигенцией, но мало релевантны задаче популяризации среди масс. Выработанные либералами меседжи отличала сравнительно низкая аффективность, сложность дискурса, наличие значимых барьеров восприятия. При этом речь идет не о концептуальных, а скорее методических, инструментальных недостатках. В рамках политического продвижения своих меседжей партии ориентировались на образованную часть общества, элиты и в целом «управляющий класс» империи. В отличие от левых, анархистов, националистов и правых консерваторов, и кадеты, и октябристы не сумели компактно изложить элементы своих образов будущего в системе лаконичных лозунгов, использование которых позволило бы запустить действие механизма эмоционального заражения среди широких масс. Также следует отметить, что целый ряд основополагающих тезисов, формировавших фундамент данных образов будущего, противоречил (в среднесрочной перспективе) базовым трендам развития социально-политического процесса. Данные образы формировались в период широкомасштабного подъема экстремистских движений, в силу чего уровень доверия между обществом и властью был относительно низким, как в целом показатель консолидации социума и степень готовности разных его страт к конструктивному диалогу. Предложенные кадетами и октябристами образы будущего могли иметь куда большую популярность в предшествующий период, однако конкретноисторический контекст эпохи объективно минимизировал потенциал их распространения.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки РФ. Проект № 2022-0028 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Литература

- Аврех, 1985 – Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.
 Аврех, 1989 – Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.
 Балашев, 1915 – Балашев И.П. Берегите Думу. Пг., 1915.
 Белоконский, 1907 – Белоконский И.П. Земское движение до образования партии народной свободы // *Былое*. 1907. № 10. С. 246-270.
 Вараксин, 1912 – Вараксин А. Царское самодержавие и Государственная Дума // *Голос долга*. 1912. № 5. С. 19-21.
 Васильев, 1907 – Васильев Н.П. Правда о кадетах. СПб., 1907.

- Винавер, 1907** – Винавер М.М. Конфликты в первой Думе. СПб., 1907.
- Волобуев и др., 1989** – Волобуев О.В., Миллер В.И., Шелохаев В.В. Непролетарские партии России: итоги изучения и нерешенные проблемы / Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 10-11.
- Галай, 1991** – Галай Ш. Конституционалисты-демократы и их критики // *Вопросы истории*. 1991. № 12. С. 3-14.
- Гиндин, 1963** – Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // *История СССР*. 1963. № 2. С. 57-80.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Граве, 1926** – Граве Б.Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г. – февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.-Л., 1926.
- Дякин, 1988** – Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьенионской системы. Л., 1988.
- Езерский, 1907** – Езерский Н.Ф. Государственная дума первого созыва. Пенза, 1907.
- Иванов, 2003** – Иванов А.Е. В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы / Власть и наука, ученые и власть. 1880–е – начало 1920–х годов. Материалы международного научного colloquiuma. СПб., 2003. С. 202-210.
- Кириянов, 2006** – Кириянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006.
- Комин, 1965** – Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965.
- Кувшинов, 1997** – Кувшинов В.А. Кадеты в России и за рубежом (1905–1943 гг.). М., 1997.
- Лаверычев, 1967** – Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967.
- Леонов, 1999** – Леонов С.В. Партийная система России (конец XIX в. – 1917 год) // *Вопросы истории*. 1999. № 11–12. С. 29-48.
- Локоть, 1907** – Локоть Т.В. Политические партии и группы в Государственной думе: Характер и причины политического бессилия Первой думы. Возможный характер и задачи Второй думы. М., 1907.
- Львович, 1906** – Львович А. Партии и крестьянство в Государственной думе. Ростов-на-Дону, 1906.
- Мартынов, 1914** – Мартынов А. Конституционно-демократическая партия / Общественное движение в России в начале XX века. Т. III. Кн. 5. Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в думе. СПб., 1914. С. 1-72.
- Милюков, 1916** – Милюков П.Н. Тактика фракции Народной свободы во время войны. Пг., 1916.
- Мышцин, 1906** – Мышцин В.Н. Политические партии и их идеалы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1906.
- Пасхалов, 1911** – Пасхалов К. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года государственного строя и попытка их устранения. М., 1911.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сиземская, 1993** – Сиземская И.Н. Новый либерализм в России // *Общественные науки и современность*. 1993. № 5. С. 132-140.
- Спирин, 1977** – Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий. Начало XX в. – 1920 гг. М., 1977.
- Стальной, 1929** – Стальной В. Кадеты (конституционно-демократическая партия народной свободы). Харьков, 1929.
- Черменский, 1970** – Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. 2-е изд. М., 1970.
- Шаццлло, 1985** – Шаццлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985.
- Шелохаев, 1996** – Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы Первой мировой войны // *Вопросы истории*. 1996. № 7. С. 130-137.
- Шепелев, 1987** – Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987.

References

- Avrekh, 1985** – Avrekh, A.Ya. (1985). Raspad tret'eiyun'skoi sistemy [The collapse of the June 3rd system]. M. [in Russian]
- Avrekh, 1989** – Avrekh, A.Ya. (1989). Tsarizm nakanune sverzheniya [sarism on the eve of the overthrow]. M. [in Russian]
- Balashev, 1915** – Balashev, I.P. (1915). Beregite Dumu [Take care of Duma]. Pg. [in Russian]
- Belokonsky, 1907** – Belokonskii, I.P. (1907). Zemskoe dvizhenie do obrazovaniya partii narodnoi svobody [Zemskoe movement before the formation of the People's Freedom Party]. *Byloe*. 10: 246-270. [in Russian]

- Chermenskiy, 1970** – *Chermenskii, E.D.* (1970). Burzhuaziya i tsarizm v pervoi russkoi revolyutsii [The bourgeoisie and tsarism in the first Russian revolution]. 2-e izd. M. [in Russian]
- Dyakin, 1988** – *Dyakin, V.S.* (1988). Burzhuaziya, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg. Razlozhenie tret'eiyun'skoi sistemy [Bourgeoisie, nobility and tsarism in 1911–1914 Decomposition of the June 3 system]. L. [in Russian]
- Ezerskii, 1907** – *Ezerskii, N.F.* (1907). Gosudarstvennaya дума pervogo sozyva [State Duma of the first convocation]. Penza, 203 p. [in Russian]
- Galai, 1991** – *Galai, Sh.* (1991). Konstitutsionalisty–demokraty i ikh kritiki [Constitutional Democrats and Their Critics]. *Voprosy istorii*. 12: 3-14. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Gindin, 1963** – *Gindin, I.F.* (1963). Russkaya burzhuaziya v period kapitalizma, ee razvitiye i osobennosti [Russian bourgeoisie in the period of capitalism, its development and features]. *Istoriya SSSR*. 2: 57-80. [in Russian]
- Grave, 1926** – *Grave, B.B.* (1926). K istorii klassovoi bor'by v Rossii v gody imperialisticheskoi voiny. Iyul' 1914 g. – fevral' 1917 g. Proletariat i burzhuaziya [On the history of the class struggle in Russia during the years of the imperialist war. July 1914 - February 1917 Proletariat and bourgeoisie]. M.–L. [in Russian]
- Ivanov, 2003** – *Ivanov, A.E.* (2003). V preddverii kadetskoi partii: Vserossiiskii soyuz deyatelei nauki i vysshei shkoly [On the Eve of the Cadet Party: All-Russian Union of Scientists and Higher Education]. *Vlast' i nauka, uchenye i vlast'*. 1880–e – nachalo 1920–kh godov. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma. SPb. Pp. 202-210. [in Russian]
- Kir'yanov, 2006** – *Kir'yanov, I.K.* (2006). Rossiiskie parlamentarii nachala XX veka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve [Russian parliamentarians at the beginning of the 20th century: new politicians in a new political space]. Perm'. [in Russian]
- Komin, 1965** – *Komin, V.V.* (1965). Bankrotstvo burzhuaznykh i melkoburzhuaznykh partii Rossii v period podgotovki i pobedy Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [Bankruptcy of the bourgeois and petty-bourgeois parties in Russia during the preparation and victory of the Great October Socialist Revolution]. M., 644 p. [in Russian]
- Kuvshinov, 1997** – *Kuvshinov, V.A.* (1997). Kadety v Rossii i za rubezhom (1905–1943 gg.) [Cadets in Russia and Abroad (1905–1943)]. M. [in Russian]
- Laverychev, 1967** – *Laverychev, V.Ya.* (1967). Po tu storonu barrikad. Iz istorii bor'by moskovskoi burzhuazii s revolyutsiei [On the other side of the barricades. From the history of the struggle of the Moscow bourgeoisie against the revolution]. M. [in Russian]
- Leonov, 1999** – *Leonov, S.V.* (1999). Partiinaya sistema Rossii (konets KhIKh v. – 1917 god) [The party system of Russia (the end of the 19th century – 1917)]. *Voprosy istorii*. 11–12: 29-48. [in Russian]
- Lokot, 1907** – *Lokot', T.V.* (1907). Politicheskie partii i gruppy v Gosudarstvennoi dume: Kharakter i prichiny politicheskogo bessiliya Pervoi dumy. Vozmozhnyi kharakter i zadachi Vtoroi dumy [Political parties and groups in the State Duma: The nature and causes of the political impotence of the First Duma. Possible character and tasks of the Second Duma]. M. [in Russian]
- L'vovich, 1906** – *L'vovich, A.* (1906). Partii i krest'yanstvo v Gosudarstvennoi dume [Parties and the peasantry in the State Duma]. Rostov-na-Donu. [in Russian]
- Martynov, 1914** – *Martynov, A.* (1914). Konstitutsionno–demokraticeskaya partiya [Constitutional Democratic Party]. Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX veka. T. III. Kn. 5. Partii – ikh sostav, razvitiye i proyavlenie v massovom dvizhenii, na vyborah i v dume. SPb. Pp. 1-72. [in Russian]
- Milyukov, 1916** – *Milyukov, P.N.* (1916). Taktika fraktsii Narodnoi svobody vo vremya voiny [Tactics of the People's Freedom faction during the war]. Pg. [in Russian]
- Myshtsin, 1906** – *Myshtsin, V.N.* (1906). Politicheskie partii i ikh idealy. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 111 p. [in Russian]
- Paskhalov, 1911** – *Paskhalov, K.* (1911). Pogreshnosti obnovlennogo 17 oktyabrya 1905 goda Gosudarstvennogo stroya i popytka ikh ustraneniya [Errors of the State system updated on October 17, 1905 and an attempt to eliminate them]. M. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Shatsillo, 1985** – *Shatsillo, K.F.* (1985) Russkii liberalizm nakanune revolyutsii 1905–1907 gg. [Russian liberalism on the eve of the revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- Shelokhaev, 1996** – *Shelokhaev, V.V.* (1996). Liberaly i massy v gody Pervoi mirovoi voiny [Liberals and masses during the First World War]. *Voprosy istorii*. 7: 130-137. [in Russian]
- Shepelev, 1987** – *Shepelev, L.E.* (1987). Tsarizm i burzhuaziya v 1904–1914 gg. [Tsarism and the bourgeoisie in 1904–1914] L. [in Russian]
- Sizemskaya, 1993** – *Sizemskaya, I.N.* (1993) Novyi liberalizm v Rossii [New liberalism in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 5: 132-140. [in Russian]
- Spirin, 1977** – *Spirin, L.M.* (1977). Krusheniye pomeshchich'ikh i burzhuaznykh partii. Nachalo XX v. – 1920 gg. [The collapse of the landlord and bourgeois parties. Early 20th century – 1920s] M. 364 p. [in Russian]

- [Stal'nyj, 1929](#) – *Stal'nyi, V.* (1929) Kadety (konstitutsionno–demokraticeskaya partiya narodnoi svobody) [Cadets (constitutional–democratic party of people's freedom)]. Khar'kov. [in Russian]
- [Varaksin, 1912](#) – *Varaksin, A.* (1912). Tsarskoe samoderzhavie i Gosudarstvennaya Duma [Tsarist autocracy and the State Duma]. *Golos dolga*. 5: 19-21. [in Russian]
- [Vasiliev, 1907](#) – *Vasil'ev, N.P.* (1907). Pravda o kadetakh [The truth about the cadets]. SPb. [in Russian]
- [Vinaver, 1907](#) – *Vinaver, M.M.* (1907). Konflikty v pervoi Dume [Conflicts in the First Duma]. SPb., 184 p. [in Russian]
- [Volobuev i dr., 1989](#) – *Volobuev, O.V., Miller, V.I., Shelokhaev, V.V.* (1989). Neproletarskie partii Rossii: itogi izucheniya i nereshennye problem [Non-proletarian parties in Russia: results of the study and unresolved problems]. *Neproletarskie partii Rossii v trekh revolyutsiyakh*. M., pp. 10-11. [in Russian]

Образы будущего России в нарративе крупнейших либеральных партий начала XX в.

Павел Сергеевич Селезнев ^{a, *}, Николай Андреевич Пономарев ^b, Виктор Валериевич Титов ^a, Станислав Павлович Митрахович ^a

^a Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

^b Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование посвящено вопросу о практике конструирования российскими либеральными партиями начала XX в. образов будущего. Цель работы заключается в оценке эффективности соответствующих ценностно-смысловых конструкторов. Методология работы выстроена на основе комбинации элементов структурного и сравнительного анализа. Источниковая база исследования сформирована за счет использования неопубликованных делопроизводственных документов кадетов и октябристов, отложившихся в фондах Государственного архива Российской Федерации. Авторы приходят к заключению, что как кадеты, так и октябристы сумели сконструировать комплексные и объемные образы будущего, представлявшие собой результат попыток предложить рациональное решение наиболее острых вопросов современного им российского общества. В итоге данные образы будущего оказались пригодны для восприятия элитами и интеллигенцией, но мало релевантны задаче популяризации среди масс. Выработанные либералами меседжи отличала сравнительно низкая аффективность, сложность дискурса, наличие значимых барьеров восприятия. При этом речь идет не о концептуальных, а скорее методических, инструментальных недостатках. В рамках политического продвижения своих меседжей партии ориентировались на образованную часть общества, элиты и в целом «управляющий класс» империи. В отличие от левых, анархистов, националистов и правых консерваторов, и кадеты, и октябристы не сумели компактно изложить элементы своих образов будущего в системе лаконичных лозунгов, использование которых позволило бы запустить действие механизма эмоционального заражения среди широких масс. Также следует отметить, что целый ряд основополагающих тезисов, формировавших фундамент данных образов будущего, противоречил (в среднесрочной перспективе) базовым трендам развития социально-политического процесса. Данные образы формировались в период широкомасштабного подъема экстремистских движений, в силу чего уровень доверия между обществом и властью был относительно низким, как в целом показатель консолидации социума и степень готовности разных его страт к конструктивному диалогу. Предложенные кадетами и октябристами образы будущего могли иметь куда большую популярность в предшествующий период, однако конкретно исторический контекст эпохи объективно минимизировал потенциал их распространения.

Ключевые слова: либералы, кадеты, октябристы, образ будущего, аграрный вопрос, рабочий вопрос, национальный вопрос.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: seleznevpavel@gmail.com (П.С. Селезнев), sharukin87@yandex.ru (Н.А. Пономарев), titov-msu@mail.ru (В.В. Титов), SPMitrahovich@fa.ru (С.П. Митрахович)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 503-510
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.503

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Nature of the Development of the Cities of Semirechensk and Syrdarya Regions of Turkestan: Comparative Analysis (early XX century)

Zhanabek A. Tashtanov ^{a,*}, Gulzhan D. Sugirbaeva ^b, Aina M. Nurzhanova ^c, Urikkul D. Sandykbaeva ^d

^a Abai Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^c Kazakh National Research Technical University named after K.I. Satbayev, Almaty, Republic of Kazakhstan

^d Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the second half of the XIX century, after the Syrdarya and Semirechensk regions joined the Russian Empire, the process of formation and development of new cities took place. Originally built for military purposes, military fortifications later turned into cities. A number of old cities that had been in the status of small towns for hundreds of years were transformed into administrative and economic centers. The tsarist administration sought to maximize the geographical location and natural features of the cities of the Turkestan region. Roads and administrative buildings were built in this direction, taking into account the potential of cities, and the activities of postal, hospital, educational, etc. organizations were organized.

Russian architects and engineers paid great attention to the correct location of social and cultural objects when developing the master plan of cities. Places of religious worship and centers of market relations were located along the main streets of the cities. This article makes a comparative analysis of the trends in the development of the cities of Syrdarya and Semirechensk regions at the beginning of the XX century. During this period, the socio-economic importance of the former small towns on the territory of these regions increased, and new cities appeared. Traces of this historical and economic process can be seen to this day. The cities of the two regions differed from each other in natural landscape and climatic features.

The cities of the Syrdarya region were located in a flat and semi-desert area, and the cities of the Semirechensk region were located in a mountainous area. In the 1900s, the cities of these regions actively reflected elements of market relations, and cities began to move from the old economic and handicraft industries to production. Now cities have become centers of commodity and money exchange.

Keywords: Turkestan Region, Semirechenskaya and Syrdarya regions, military fortifications, commodity-money relations, tsarist administration, railway communication.

1. Введение

Процесс формирования и развития новых городов на территории Жетысуской и Сырдарьинской областей, созданных в 1867 году в составе Туркестанского генерал-губернаторства, завершился в начале XX века. В Жетысуской области были сформированы новые города Токмак, Верный, Капал, Лепсинск. Город Верный стал административным центром области и служил одним из важнейших торгово-экономических объектов Туркестанского края.

В Сырдарьинской области были построены новые города: Перовск, Аральск, Казалинск, Чимкент. Они объединили различные социально-экономические сферы, например, в Аральске развились промыслы по добыче рыбы и соли, в Казалинске – по производству кирпича, в Чимкенте –

* Corresponding author

E-mail addresses: tashtanov.j83@mail.ru (Zh.A. Tashtanov)

по производству сантонина. Ташкент – центр Сырдарьинской области – стал городом крупных товарно-денежных отношений в Средней Азии.

Отличие городов Сырдарьинской области от городов Семиречья в плане транспортных связей с внешним миром заключалось в расположении их вдоль железной дороги Оренбург–Ташкент. В связи с этим были открыты станции, вокзалы, на которых местные жители выполняли различные работы.

2. Материалы и методы

Базу источников исследования составляют 2 различные группы данных: архивные документы и сборник материалов.

Архивные документы получены из фондов Центрального государственного архива Казахстана (Алматы, Казахстан). В них сохранены административные решения и распоряжения губернаторов Семиреченской и Сырдарьинской областей.

В сборники материалов входят «Туркестанский сборник» и «Очерки Семиреченского края: (путевые письма)», в которых описаны ценные сведения о форме управления, бытовом состоянии населения и хозяйственно-экономических особенностях городов двух областей.

В процессе написания статьи нашли применение междисциплинарные методы и принципы исторической науки. В первую очередь мы обратили внимание на значение сравнительно-аналитического метода в определении уровней социально-экономического развития городов обеих областей, так как существовал ряд различий в состоянии хозяйственно-экономического развития городов двух административных территорий. Позитивные изменения в развитии ряда малых городов, существовавших на территории указанных областей произошли после установления власти Российской империи. Чтобы понять причины этих процессов историко-экономического и общественного развития, мы использовали историко-диахронический метод.

При оценке результатов принятых царской администрацией решений, постановлений, направленных на изменение формы управления городами и тенденций социально-экономического развития, был принят во внимание структурный метод. Он способствовал определению того, какое влияние на общество оказали механизмы управления местной властью.

Также нами был применен ретроспективный метод во взаимосвязи и подведении определенных выводов о характере современного и прошлого развития городов, основанных в период Российской империи.

3. Обсуждение

Историографию данной темы можно разделить на 3 периода – дореволюционный, советский и постсоветский, которые сильно отличаются друг от друга по теоретико-методологическим структурам. Историография в дореволюционный и постсоветский периоды, с нашей точки зрения, имеет большое значение в объективном рассмотрении вопроса. В дореволюционной историографии нашли отражение статистические данные, факты, собственные аргументы и суждения авторов. В историографии постсоветского периода наблюдается всесторонний анализ явлений прошлого, активное введение в научный оборот нераскрытых исторических документов, стремление к критическому подходу к старым предвзятым теоретическим позициям.

И.И. Гейер обобщил данные о характере развития и хозяйственном состоянии жителей городов Ташкента, Чимкента Сырдарьинской области (Гейер, 1901). О.А. Шкапский является одним из первых, кто исследовал повседневную жизнь и хозяйственный характер жителей Семиречья в начале XX века. В его работе дана оценка общей структуры и экономической жизни городов Верный, Токмак, Жаркент (Шкапский, 1905).

С.Р. Конопка в своем труде обобщил и проанализировал данные по истории и современному состоянию городов Сырдарьинской, Семиреченской областей. В работе высказаны интересные мнения, связанные с явлением и причинами роста населения туркестанских городов (Конопка, 1912). Бывший сотрудник царской администрации П.П. Румянцев внес большой научный вклад в изучение хозяйства городов и населенных пунктов Семиреченской области. Его исследования в основном имеют сравнительное значение: например, он сравнивал образ жизни русских крестьян и коренных народов, проживавших в городах и селах (Румянцев, 1913).

М. Достоевский (Достоевский, 1917) описал социально-экономическую ситуацию в городах Туркестана до Февральской революции. В своей работе автор представил весьма ценный материал, касающийся жизни военнопленных в городах Верный, Ташкент и их социального статуса. В.А. Трисвятский (Трисвятский, 1917) обратил внимание на роль товарно-денежных отношений и уровень жизни населения в городах Туркестана.

В целом труды дореволюционных русских исследователей имеют особое значение благодаря содержащимся в них оригинальным данным по истории городов двух областей, социально-экономическому характеру, проблемам населения в обычной жизни.

Научно известно, что советская историография сделала этот вопрос одним из инструментов политико-идеологической борьбы. Тема рассматривалась в рамках социалистического принципа, в соответствии с которым в центре внимания советских историков были аспекты классовой

антагонистической борьбы, классовой эксплуатации, общественного неравенства, несправедливой власти, отсталости от мировой цивилизации. В частности, в литературе, изданной в 1920–1930-х годах, главным научным принципом стало решение проблем классовой борьбы, классовой эксплуатации.

В рамках данной научной миссии был опубликован ряд работ, в котором широко обсуждались социально-бытовые особенности жизни народов Туркестана. И.Л. Ямзин, В.И. Воцинин ([Ямзин, Воцинин, 1926](#)) акцентировали внимание на состоянии развития городов Туркестана при Российской империи и вопросах классовой эксплуатации в них.

В работах Г. Зайделя, М. Цвибака ([Зайдель, Цвибак, 1931](#)), М.Н. Покровского ([Покровский, 1933](#)) были отражены задачи выявления недостатков политико-социальных и экономических реформ, проводимых царским правительством в Туркестанском крае. Кроме того, авторы утверждали, что среднеазиатские города отстали от современных экономических процессов и остались на уровне сельского хозяйства и ремесел.

В работах А.Л. Попова ([Попов, 1940](#)), И.С. Брагинского, С. Раджабова, В.А. Ромодина ([Брагинский..., 1953](#)), А.В. Пяковского ([Пяковский, 1959](#)) сделаны важные выводы, касающиеся становления и роста развития городов Сырдарьинской и Семиреченской областей.

В работе А.В. Пяковского ([Пяковский, 1959](#)) дана оценка того, что присоединение Туркестана к Российской империи исторически является прогрессивным шагом. В целом в 1950-х годах мы наблюдаем несколько теплый взгляд на исторические и социальные процессы из советской историографии до революции.

В этот период в советской историографии появилась позиция, что для народов, живших в составе Российской империи, присоединение к России имело прогрессивное значение. Но эта позиция не была твердой с точки зрения научного тезиса. Не все советские историки поддерживали его. Для них процесс дореволюционного исторического развития считался несопоставимым с развитием советского периода и не имел особого значения.

В работах Н.А. Халфина ([Халфин, 1965](#)), Л.Г. Левтеевой ([Левтеева, 1986](#)), Г.А. Ахмеджанова ([Ахмеджанов, 1989](#)) были рассмотрены положительные и отрицательные стороны социально-экономических преобразований в городах Туркестана начала XX века.

Советская историография в целом не проявляла стремления к комплексному и глубокому рассмотрению проблем этой темы, так как этому препятствовали политико-идеологические и научно-теоретические положения.

Характер развития городов Туркестанского края в начале XX века подробно рассмотрен в исследованиях современных российских авторов. Они несколько продвинулись в анализе социально-экономических аспектов темы на основе новых архивных данных и открытых научных подходов.

В исследовательских работах А. Каппелера ([Каппелер, 2000](#)), А.Ю. Бахтуриной ([Бахтурина, 2004](#)), Е.А. Правилевой ([Правилова, 2006](#)) основное внимание уделяется вопросам финансового и материального освоения окраин Российской империи. Авторы провели последовательный анализ финансово-материальных ресурсов крупных городов Туркестанского края.

Например, в работах Б.А. Алимджанова ([Алимджанов, 2016](#)), А.В. Мамаева ([Мамаев, 2018](#)) проведен анализ экономического потенциала и особенностей городов Сырдарьинской и Семиреченской областей. Кроме того, в данных научных работах описаны элементы процесса вхождения городов Туркестана в капиталистические отношения 1900–1917 годов.

В диссертации М.Е. Шушковой ([Шушкова, 2015](#)) дана высокая оценка эффективным механизмам управления городами Туркестанского края. В работе казахстанского автора Н.К. Исингарина ([Исингарин, 2004](#)) представлен интересный материал о влиянии железных дорог, построенных при Российской империи, на социально-экономическое развитие городов.

В целом историография постсоветского периода отличается масштабностью своей материальной базы и глубиной методов теоретико-методологического анализа.

4. Результаты

Хотя на территории Семиреченской и Сырдарьинской областей было несколько городов, по социально-экономическому потенциалу выделялись два из них: Ташкент – Сырдарьинская область и Верный – Семиреченская область.

В начале XX века Ташкент был крупным торговым городом, соединявшим Оренбург и Туркестанский край. На рынках Ташкента консолидировалась оптовая торговля товарами, ввозимыми из других стран. Отсюда торговцы и спекулянты скупали импортные товары по низким ценам, а продавали их по завышенным ценам в другие города Туркестанского края. Например, из Ташкента в Бухару перевозили чай, фарфоровые чашки, чугунные и стальные изделия. А в Ташкент в основном из России завозили изделия из железа, стали ([Шушков, 2014: 28](#)).

После того как Ташкент стал центром Туркестанского края в 1867 году, город был разделен на две части: новую и старую. В новой части располагались здания царской администрации, швейные цеха, новые магазины, в старой части – крупные и мелкие рынки, мастерские, торговые улицы и старые мавзолеи. В 1903 году в новом Ташкенте был построен железнодорожный вокзал Оренбург–Ташкент. Роль новой части Ташкента в социально-экономической жизни города в начале XX века

увеличилась почти в 3 раза: в ней были расположены крупные магазины, швейная фабрика, типографии, кирпичный завод, хлопкоочистительные цеха и другие производственные объекты ([Восточный сборник..., 1913: 109](#)).

Учитывая социальный климат старого Ташкента, можно утверждать, что жизнь его жителей в основном была связана с торговлей и ремеслами. Общественные отношения старого Ташкента были основаны на системе махалли, у каждой из них был свой порядок и границы. Махаллю возглавляли старшие и опытные старейшины, она строго придерживалась традиций и обычаев. Старый Ташкент состоял из 4 частей: Шайхантаур, Бешагач, Кукча, Сибзар, которые были разделены на несколько больших и малых махаллей ([ЦГА РК. Ф. 17. Кн. 2. Оп. 1. Д. 18. Л. 57](#)). Царская администрация осознавала особенности системы махаллей и стремилась установить с ними тесные отношения.

Население Ташкента и его социально-экономическое состояние были связаны с базаром. По данным коммерческого агента 1870-х годов С.Н. Трубачанинова, в Ташкенте работало около 20 караван-сараев и крытых рынков ([Пространство и население..., 1906: 38](#)). По данным путешественника 1905 г. М. Достоевского, главный базар Чорсу состоял из 4 500 лавок ([Сно, 1917: 66](#)). Существуют противоречивые данные и мнения относительно количества лавок на рынках Ташкента в целом, это связано с тем, что владельцы лавок на рынке стремились скрыть количество своих лавок и сумму доходов с целью уклонения от налога. Это А.К. Гейнс отметил в своих трудах.

Ташкент был центром крупного ремесла не только Сырдарьинской области, но и Туркестанского края. Производительность в мастерских зависела от сезонных запросов и способностей мастера. Глина издавна считалась уникальным материалом в развитии местного производства. С ее помощью можно было строить дом, ограждать его и изготавливать различные хозяйственно-бытовые изделия. Но в условиях несовершенства местных производственных подходов к использованию глины ее продуктивность не позволила обеспечить потребности местного населения и провести большую работу. Учитывая это, русский предприниматель М.С. Иванин в 1907 году запустил в Ташкенте первый кирпичный завод. Его годовая производительность составила 120–200 тысяч кирпичей ([Савицкая, 2013: 117](#)).

Открытие завода сантонин в Чимкенте в 1905 году, несомненно, увеличило производственный потенциал Сырдарьинской области. Кроме того, в Сайрамском поселке был запущен кожевенный цех, что позволило обеспечить работой 16 человек ([Турсунбаев, 1950: 35](#)).

Также в Сырдарьинскую область входили города Джизак, Чимкент, Туркестан. В начале 1900-х годов в Чимкенте был запущен завод сантонин, а в Джизаке – хлопкоочистительный цех ([Конопка, 2008](#)).

Из городов Семиреченской области Верный занимал особое место. Построенный в 1854 году как крепость город впоследствии получил статус областного центра. В 1911 году в нем проживало более 16 тысяч жителей. В городе функционировали 2 сменные гимназии, 1 большая церковь, 2 мечети, 1 рынок, 4 больших магазина, 6 небольших цехов ([Румянцев, 1913: 89](#)).

Город Верный располагался в стратегически важном регионе – на границе Циньской и Российской империй. В связи с этим в нем занимались торговлей и земледелием представители разных национальностей. В городе преимущественно проживали русские, казахи, кыргызы, уйгуры, узбеки и другие национальности. У каждой из них был свой род занятий ([Очерки Семиреченского края, 1873: 71](#)). Например, уйгуры занимались садоводством и производством продуктов питания, а казахи зарабатывали на жизнь продажей скота ([Достоевский..., 1917: 34-35](#)).

По данным Н.В. Сорокина, в 1884 году в Верном работала единственная гостиница Алихин. Согласно данным П. Калитина за 1904 год, в городе функционировали 2 большие гостиницы и 1 малая. Самая большая улица города получила название Колпаковский проспект в честь первого губернатора Семиреченской области Г.Н. Колпаковского. Один из известных юристов Российской империи Г.К. Гинз, подготовив материалы к проекту водного закона, в 1909 году посетил значительную часть Семиреченской области ([Левтеева, 1986: 45](#)). В ходе визита он посетил города Пишпек, Токмак, Верный и оставил ценные данные об образе жизни их жителей. Автор писал о том, что в летний период интеллигенция города имела привычку уезжать для отдыха в свои дачи у подножия горы и город в это время опустошался ([Газианц, Мар, 1988: 87](#)). В 1879 году русский путешественник Н. Зарубин отмечал эту же традицию богатых людей города проводить летнее время на дачах ([Тресвятский, 1917: 43](#)).

Г.К. Гинз, описывая обычаи и образ жизни местного населения, приводил интересные факты о различиях между слободами города. Например, по его мнению, среди местных этнических групп дунганы выделяются своим трудолюбием и аккуратностью, из-за этого слобода, в которой они живут, считается богаче других, и садоводство дунганов вытеснило русских ([Шушкова, 2015: 32](#)).

К 1914 году население Верного составляло около 20 тысяч человек. В 1914 году в городе было запущено 3 новые водяные мельницы ([Турин, 2021: 63](#)). На овощном рынке торговлей занимались около двух тысяч человек ([Центральная Азия в составе..., 2008: 159](#)). Город стал крупным центром рыночных отношений в регионе Семиречье.

Есть основание полагать, что экономическая жизнь городов Семиреченской области развивалась в другом направлении по сравнению с Сырдарьинской. Жители семиреченских городов

Пишпек, Токмак, Копал, Жаркент занимались торговлей и садоводством. В городах Аральске, Казалинске Сырдарьинской области были развиты рыбоперерабатывающие промыслы. Кроме того, промысел по добыче соли в Аральске достиг успехов в начале XX века (Алимджанов, 2016: 74).

Города Сырдарьинской и Семиреченской областей, занимающие северную часть Туркестанского края, в начале XX века показали ряд экономико-социальных сдвигов. В них наблюдалась концентрация производственных сил и происходили социальные разделения. Города стали основой капиталистических отношений.

5. Заключение

Таким образом, мы подробно проанализировали становление и особенности развития городов Сырдарьинской и Жетысуской областей в начале XX века. Оценивая содержание данных о конкретных этапах развития той эпохи, можно утверждать, что города перешли от одного этапа развития к другому. Если города Туркестана до своего вступления в состав Российской империи служили центром мелких ремесел и базаров, то в начале XX века этот характер претерпел серьезные изменения. В городах начали строить крупные производственные предприятия (заводы и фабрики), были открыты светские учебные заведения. Кроме того, предприниматели города получили возможность продавать свою продукцию в других регионах. Этому способствовали современные транспортные средства, такие как железная дорога. В начале XX века в городах Ташкенте, Верном, Казалинске ярко ощущались процессы разделения труда. Появились новые виды профессий и рабочие места. К 1910 году численность населения городов обеих областей начала увеличиваться. Вышеупомянутые социально-экономические процессы способствовали тому, что туркестанские города вступили в капиталистические отношения и приняли новые стандарты развития.

Литература

- Алексеев, 1981 – Алексеев Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). Алма-Ата, 1981.
- Алексеев, Алексеев, 1999 – Алексеев А.Н., Алексеев Н.В. Население Казахстана за сто лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999.
- Алимджанов, 2016 – Алимджанов Б.А. Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX века): Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 177 с.
- Ахмеджанов, 1989 – Ахмеджанов Г.А. Советская историография присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1989.
- Бахтурина, 2004 – Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.
- Брагинский..., 1953 – Брагинский И.С., Раджабов С., Ромодин В.А. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России // Вопросы истории. № 8. 1953. С. 52-61.
- Восточный сборник..., 1913 – Восточный сборник в честь А.Н. Веселовского. М., 1913. С. 228-229.
- Газиянц, Мар, 1988 – Газиянц С., Мар А. Хлопок через века и страны. Ташкент: Ёш гвардия, 1988.
- Гейер, 1901 – Гейер И.И. Путеводитель по Туркестану. Ташкент, 1901.
- Глуценко, 2010 – Глуценко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: Терра, 2010.
- Достоевский..., 1917 – Достоевский М. Старина и быт Средней Азии. М., 1917.
- Зайдель, Цвибак, 1931 – Зайдель М., Цвибак Г. Классовый враг на историческом фронте. М.: ИРЕАН, 1931.
- Исингарин, 2004 – Исингарин Н.К. Железные дороги Казахстана: становление и развитие. Алматы: Рауан, 2004.
- Каппелер, 2000 – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: АСТ, 2000.
- Конопка, 1912 – Конопка С.Р. Туркестанский край. Ташкент, 1912. С. 7.
- Левтеева, 1986 – Левтеева Л.Г. Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках. Ташкент, 1986.
- Мамаев, 2018 – Мамаев А.В. Проблемы экономического развития Туркестана в работе IV Государственной Думы. Клио. 2018. № 11. С. 73-82.
- Очерки Семиреченского края, 1873 – Очерки Семиреченского края: (путевые письма) / Военный сборник. СПб., 1873. С. 375-412.
- Покровский, 1933 – Покровский М.Н. О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период. М., 1933.
- Попов, 1940 – Попов А.Л. Из истории завоевания Средней Азии / Исторические записки. Т. 9. 1940. Пространство и население..., 1906 – Пространство и население России в 1905 году. СПб., 1906.

- Правилова, 2006** – *Правилова Е.А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М.: Новое издательство, 2006. 453 с.
- Пясковский..., 1959** – *Пясковский А.В.* К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России // Вопросы истории. № 8. 1959. С. 43-52.
- Румянцев, 1913** – *Румянцев П.П.* Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области / Верненский уезд. Киргизское хозяйство. Том IV. СПб., 1913. С. 148-149.
- Сно, 1917** – *Сно Ю.О.* Среди знойных пустынь и широких степей. Народы Туркестана / Туркестанский сборник. Том 583. Ташкент, 1917.
- Тен, 1968** – *Тен К.П.* Русское население Средней Азии // *История СССР*. 1968. № 4. С. 21-40.
- Тресвятский, 1917** – *Тресвятский В.А.* Материалы по земельному вопросу в Азиатской России / Степной край. Петроград, 1917.
- Турсунбаев, 1950** – *Турсунбаев А.Б.* Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950.
- Тюрин, 2021** – *Тюрин С.С.* Образ города Верного (Алматы) в дореволюционных журналах исторической тематики в России (1854–1917 гг.). Чебоксары: ИД «Среда», 2021. 124 с.
- Халфин, 1965** – *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90 гг. XIX в.). М.: Восток, 1965.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Центральная Азия в составе..., 2008** – *Центральная Азия в составе Российской империи* / Под ред. Абашина С.Н., Арапова Д.Ю., Бекмахановой Н.Е., Боронина О.В., Брусиной О.И., Быкова А.Ю., Васильева Д.В., Кадырбаева А.Ш., Котюковой Т.В., Литвинова П.П., Нарбаева Н.Б., Сыздыковой Ж.С. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
- Шкапский, 1905** – *Шкапский О.А.* Киргизы – крестьяне (Из жизни Семиречья) // *Известия ИРГО*. Т. 11. Вып. 1. 1905. С. 765.
- Шушкова, 2015** – *Шушкова М.Е.* Организация управления Туркестаном в начале XX века: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. 313 с.
- Ямзин, Воцинин, 1926** – *Ямзин В.И., Воцинин И.Л.* Учение о колонизации и переселениях. Л., 1926.

References

- Ahmedzhanov, 1989** – *Ahmedzhanov, G.A.* (1989). Sovetskaya istoriografiya prisoedineniya Srednej Azii k Rossii [Soviet Historiography of the Annexation of Central Asia to Russia]. Tashkent. [in Russian]
- Alekseenko, 1981** – *Alekseenko, N.V.* (1981). Naselenie dorevolucionnogo Kazahstana (chislennost', razmeshchenie, sostav, 1870–1914 gg.) [Population of pre-revolutionary Kazakhstan (number, location, composition, 1870–1914)]. Alma-Ata. [in Russian]
- Alekseenko, Alekseenko, 1999** – *Alekseenko, A.N., Alekseenko, N.V.* (1999). Naselenie Kazahstana za sto let (1897–1997 gg.) [The population of Kazakhstan for a hundred years (1897–1997)]. Ust'-Kamenogorsk. [in Russian]
- Alimdzhанov, 2016** – *Alimdzhанov, B.A.* (2016). Ekonomicheskaya politika Rossijskoj imperii v Turkestanskom general-gubernatorstve (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Economic policy of the Russian Empire in the Turkestan Governor-General (the second half of the XIX – beginning of the XX century)]. Diss. ... kand. nauk. Sankt-Peterburg. 177 p. [in Russian]
- Bahturina, 2004** – *Bahturina, A.Yu.* (2004). Okrainy Rossijskoj imperii: gosudarstvennoe upravlenie i nacional'naya politika v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1917 gg.) [The Outskirts of the Russian Empire: Public Administration and National Policy during the First World War (1914–1917)]. Moskva: ROSSPEN. [in Russian]
- Braginskii..., 1953** – *Braginskij, I.S., Radzhabov, S., Romodin, V.A.* (1953). K voprosu o znachenii prisoedineniya Srednej Azii k Rossii [On the question of the significance of the Annexation of Central Asia to Russia]. *Voprosy istorii*. 8: 52-61. [in Russian]
- Central'naya Aziya v sostave..., 2008** – *Central'naya Aziya v sostave Rossijskoj imperii* [Central Asia as part of the Russian Empire]. Pod red. Abashin S.N., Arapov D.Yu., Bekmahanova N.E., Boronin O.V., Brusina O.I., Bykov A.Yu., Vasil'ev D.V., Kadyrbaev A.Sh., Kotyukova T.V., Litvinov P.P., Narbaev N.B., Syzdykova Zh.S.. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 464 p. [in Russian]
- CGA RK** – Centralny gosudarstvenny arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Dostoevskii..., 1917** – *Dostoevskij, M.* (1917). Starina i byt Srednej Azii [Antiquity and life of Central Asia]. Moskva. [in Russian]
- Gaziyanc, Map, 1988** – *Gaziyanc, S., Map, A.* (1988). Hlopok cherez veka i strany [Cotton through centuries and countries]. Tashkent: Yosh gvardiya. [in Russian]
- Geier, 1901** – *Gejer, I.I.* (1901). Putevoditel' po Turkestanu [Turkestan Travel Guide]. Tashkent. [in Russian]

- Glushchenko, 2010** – *Glushchenko, E.A.* (2010). Rossiya v Srednej Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniya [Russia in Central Asia. Conquests and transformations]. Moskva: Terra. [in Russian]
- Halfin, 1965** – *Halfin, N.A.* (1965). Prisoedinenie Srednej Azii k Rossii (60-90 gg. XIX v.) [Annexation of Central Asia to Russia (60-90 years of the XIX century)]. Moskva: Vostok. [in Russian]
- Isingarín, 2004** – *Isingarín, N.K.* (2004). Zheleznyye dorogi Kazahstana: stanovlenie i razvitie [Railways of Kazakhstan: formation and development]. Almaty: Rauan. [in Russian]
- Kappeler, 2000** – *Kappeler, A.* (2000). Rossiya – mnogonacional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia is a multinational empire. Occurrence. History. Decay]. Moskva: AST. [in Russian]
- Konopka, 1912** – *Konopka, S.R.* (1912). Turkestanskij kraj [Turkestan region]. Tashkent. [in Russian]
- Levtееva, 1986** – *Levtееva, L.G.* (1986). Prisoedinenie Srednej Azii k Rossii v memuarnyh istochnikah [The Annexation of Central Asia to Russia in memoir sources]. Tashkent. [in Russian]
- Mamaev, 2018** – *Mamaev, A.V.* (2018). Problemy ekonomicheskogo razvitiya Turkestana v rabote IV Gosudarstvennoj dумы [Problems of economic development of Turkestan in the work of the IV State Duma]. Klio. No 11. Pp. 73-82. [in Russian]
- Ocherki Semirechenskogo kraja, 1873** – Ocherki Semirechenskogo kraja: (putevyje pis'ma) [Essays of the Semirechensk region: (travel letters)]. (1873). Voennyj sbornik. SPb. S. 375-4127
- Pokrovskij, 1933** – *Pokrovskij, M.N.* (1933). O zadachah marksistskoj istoricheskoi nauki v rekonstruktivnyj period [On the tasks of Marxist historical science in the reconstructive period]. Moskva. [in Russian]
- Popov, 1940** – *Popov, A.L.* (1940). Iz istorii zavoevaniya Srednej Azii [From the history of the conquest of Central Asia]. Istoricheskie zapiski. T.9. [in Russian]
- Pravilova, 2006** – *Pravilova, E.A.* (2006). Finansy imperii : Den'gi i vlast' v politike Rossii na nacional'nyh okrainah. 1801–1917 [Finances of the Empire: Money and Power in Russian Politics on the National Outskirts. 1801–1917]. Moskva: Novoe izdatel'stvo. 453 p. [in Russian]
- Prostranstvo i naselenie..., 1906** – Prostranstvo i naselenie Rossii v 1905 godu [The space and population of Russia in 1905]. 1906. SPb. [in Russian]
- Pyaskovskij..., 1959** – *Pyaskovskij, A.V.* (1959). K voprosu o progressivnom znachenii prisoedineniya Srednej Azii k Rossii [On the question of the progressive significance of the Annexation of Central Asia to Russia]. *Voprosy istorii*. 8: 43-52. [in Russian]
- Rumyancev, 1913** – *Rumyancev, P.P.* (1913). Materialy po obsledovaniju tuzemnogo i ruskogo starozhil'cheskogo hozyajstva i zemlepol'zovaniya v Semirechenskoj oblasti [Materials on the survey of native and Russian old-timers and land use in the Semirechensk region]. Vernenskij uezd. Kirgizskoe hozyajstvo. T. IV. SPb. Pp. 148-149. [in Russian]
- Shkapskij, 1905** – *Shkapskij, O.A.* (1905). Kirgizy – krest'yane (Iz zhizni Semirech'ya) [Kyrgyz peasants (From the life of Semirechye)]. *Izvestiya IRGO*. 11(1): 765. [in Russian]
- Shushkova, 2015** – *Shushkova, M.E.* (2015). Organizaciya upravleniya Turkestanom v nachale XX veka [Organization of management of Turkestan at the beginning of the XX century]. Diss. ... kand. istorich. nauk. M.E. Shushkova. Moskva. 313 p. [in Russian]
- Sno, 1917** – *Sno, Yu.O.* (1917). Sredi znojnyh pustyn' i shirokih stepej. Narody Turkestana [Among the sultry deserts and wide steppes. Peoples of Turkestan]. Turkestanskij sbornik. T. 583. Tashkent. [in Russian]
- Ten, 1968** – *Ten, K.P.* (1968). Russkoe naselenie Srednej Azii [The Russian population of Central Asia]. *Istoriya SSSR*. 4: 21-40. [in Russian]
- Tresvyatskij, 1917** – *Tresvyatskij, V.A.* (1917). Materialy po zemel'nomu voprosu v Aziatskoj Rossii [Materials on the land issue in Asian Russia]. Stepnoj kraj. Petrograd. [in Russian]
- Tyurin, 2021** – *Tyurin, S.S.* (2021). Obraz goroda vernogo (Almaty) v dorevolucionnyh zhurnalakh istoricheskoi tematiki V Rossii (1854-1917 gg.) [The image of the city of Verny (Almaty) in pre-revolutionary historical magazines in Russia (1854-1917)]. Cheboksary: ID «Sreda». 124 p. [in Russian]
- Tursunbaev, 1950** – *Tursunbaev, A.B.* (1950). Iz istorii krest'yanskogo pereseleniya v Kazahstan [From the history of peasant resettlement in Kazakhstan]. Alma-Ata. [in Russian]
- Vostochny sbornik..., 1913** – Vostochnyj sbornik v chest' A.N. Veselovskogo [Oriental collection in honor of A.N. Veselovsky]. Moskva, 1913. Pp. 228-229. [in Russian]
- Yamzin, Voshchinin, 1926** – *Yamzin, V.I., Voshchinin, I.L.* (1926). Uchenie o kolonizacii i pereseleniyah [The doctrine of colonization and resettlement]. Leningrad. [in Russian]
- Zajdel', Tsvibak, 1931** – *Zajdel', M., Tsvibak, G.* (1931). Klassovyj vrug na istoricheskom fronte [The class enemy on the historical front]. Moskva: IREAN. [in Russian]

Характер развития городов Семиреченской и Сырдарьинской областей Туркестанского края: сравнительный анализ (начало XX века)

Жанабек А. Таштанов ^{a, *}, Гульжан Д. Сугирбаева ^b, Айна М. Нуржанова ^c, Ориккул Д. Сандыкбаева ^d

^a Казахский национальный университет имени Абая, Алматы, Республика Казахстан

^b Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, Шымкент, Республика Казахстан

^c Казахский национальный исследовательский технический университет имени К.И. Сатпаева, Алматы, Республика Казахстан

^d Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Во второй половине XIX века после присоединения Сырдарьинского и Семиреченского регионов к Российской империи произошел процесс формирования и развития новых городов. Первоначально построенные для военных целей военные укрепления впоследствии превратились в города. Ряд старых городов, которые на протяжении сотен лет находились в статусе небольших городов, были преобразованы в административно-экономические центры.

Царская администрация стремилась максимально использовать географическое положение и природные особенности городов Туркестанского края. В этом направлении были построены дороги и административные здания с учетом потенциала городов и была организована деятельность почтовых, больничных, образовательных и других организаций.

Российские архитекторы и инженеры при разработке генерального плана городов уделяли большое внимание правильному расположению социальных и культурных объектов. Места религиозного поклонения и центры рыночных отношений располагались вдоль главных улиц городов.

В данной статье сделан сравнительный анализ тенденций развития городов Сырдарьинской и Семиреченской областей в начале XX века. В этот период возросла социально-экономическая значимость бывших малых городов на территории указанных областей и появились новые города. Следы этого историко-экономического процесса можно увидеть и по сей день. Города обеих областей отличались друг от друга природно-ландшафтными и климатическими особенностями. Города Сырдарьинской области располагались в равнинной и полупустынной местности, а города Семиреченской области – в горной местности.

В 1900-е годы в городах этих областей активно отражались элементы капиталистических отношений и города начали переходить от старых хозяйственно-ремесленных отраслей к производству. Теперь города стали центрами товарно-денежного обмена.

Ключевые слова: Туркестанский край, Семиреченская и Сырдарьинская области, военные укрепления, товарно-денежные отношения, царская администрация, железнодорожное сообщение.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tashtanov.j83@mail.ru (Ж.А. Таштанов)